

MINISTERUL EDUCAȚIEI, CULTURII ȘI CERCETĂRII
UNIVERSITATEA DE STAT DIN COMRAT
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ИССЛЕДОВАНИЙ
КОМРАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Conferința științifico-practică internațională
«Știință, educație, cultură»

Международная научно-практическая конференция
«Наука, образование, культура»,
Посвященная 29-ой годовщине
Комратского государственного университета

СБОРНИК СТАТЕЙ

ТОМ II

Право и политические науки
Филология

Составители

Т.И. Раковчена, Г.Г. Султ, Р.Н. Коврикова

КОМРАТ, 2020

Адрес проведения конференции: Молдова, ул. Галацана 17, Комрат, Актальный зал,
Комратский государственный университет www.kdu.md

Научный комитет:

Председатель научного комитета: *Захария С.К.*, ректор, доктор ист. наук, конф. унив. КГУ

Сопредседатель научного комитета:

Раковчена Т.И., проректор по науч. работе и международным связям КГУ, доктор пед. наук, конф. унив;

Султ Г.Г. проректор по учебной работе, доктор права, конф. унив КГУ.

Члены научного комитета:

1. *Silvo Devetak*, prof.dr., head department of International Law and International relations Faculty of Law University of Maribor, Slovenia
2. *Dorin Festeu*, dr., department of Design Media and Management, Buckinghamshire University, High Wycombe, UK
3. *Carmen Dimitriu*, lector, doctor în filologie, Alba Iulia, România
4. *Пармакли Д.М.*, профессор, доктор хабилитат экономики КГУ, Молдова
5. *Левитская А.П.*, профессор, доктор хабилитат экономики КГУ, Молдова
6. *Сахаряну Е.Д.*, доктор хабилитат филос. наук, профессор, зав.каф. филос. и антроп., МГУ, Молдова
7. *Винокуров Н. И.*, доктор исторических наук, профессор, зав.каф. истории древнего мира и средних веков им. В.Ф., Семенова Московского педагогического государственного университета, Россия
8. *Квилинкова Е.Н.*, доктор хабилитат истории, ст.научн. сотрудник АН, Молдова
9. *Теоса В.В.*, доктор хабилитат полит. наук, профессор, зав.кафедрой международных отношений, МГУ, Молдова
10. *Еремия Н.Г.*, доктор хабилитат, профессор, UASM, Молдова
11. *Адэскэлицей Адриан.*, доктор инж., профессор, Ясский технический университет имени Георге Асаки, г.Яссы, Румыния
12. *Бахмат Н.В.*, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методик начального образования Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенка, Украина
13. *Назария С.М.*, кандидатских исторических наук, доктор политических наук, профессор Государственного института международных отношений
14. *Субботина И.А.*, канд. исторических наук, ст.науч. сотр. Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
15. *Пригарин А.А.*, д.и.н., профессор, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, г.Одесса, Украина
16. *Спиридонов Тошо*, канд. исторических наук, доцент, Дружество ДИОС, НЦД – ННЕК-ЮНЕСКО, София, Болгария
17. *Григор Григоров*, гл. ас. д-р, ЮЗУ „Неофит Рилски”, Благоевград, Болгария
18. *Морозов А.В.*, д.п.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ "Институт управления образованием Российской академии образования"
19. *Варбан С.А.*, профессор, доктор хабилитат КГУ, Молдова
20. *Дерендовская А.И.*, профессор, доктор хабилитат КГУ, Молдова
21. *Karadeniz Turan Prof., Dr.* (Abant Izzet Baysal Universiteti), Турция
22. *Soçkan Ali ., Prof., Dr.* (Isparta Uygulamalı Bilimler Üniversitesi), Турция
23. *Чимпоеш Л.С.*, доктор филологии, конференциар (доцент) Хитит Университет, Естественно-научный и гуманитарный факультет, Кафедра турецкого языка и литературы, Чорум/Турция
24. *Кауненко И.И.*, доктор психологических наук, Институт культурного наследия, РМ

Члены организационного комитета:

1. Куртева О.В., доктор пед. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
2. Тодорич Л.П., доктор экон. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
3. Кара С.В., доктор с/х наук, конф. унив., КГУ, Молдова
4. Великова Т.Г., доктор пед. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
5. Папцова А. К., доктор филос. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
6. Банкова И.Д., доктор филолог. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
7. Кураксина С.С., доктор экон. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
8. Нейковчена Ю.С., доктор с/х наук, КГУ, Молдова
9. Кёр Л.С., доктор психологии, конф. унив., КГУ, Молдова
10. Бойкова Л.В., доктор фил. наук, конф. унив. КГУ, Молдова
11. Сулак С.К., доктор филол. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
12. Пойдолова Ирина, преп. кафедры Культуры и Искусств, КГУ, Молдова
13. Щеголева Т.И., преп.кафедры Культуры и Искусств, КГУ, Молдова
14. Мутаф Г.Н., преп.кафедры гагаузской филологии, КГУ. Молдова
15. Куртова Е.Р., преп.каф иностранных языков, КГУ Молдова
16. Коврикова Р.Н., доктор пед. наук, конф. унив., КГУ, Молдова
17. Пашалы П.М., доктор истории, КГУ, Комрат
18. Гизер С.Н., канд. ист. наук, приват-доцент Южно-украинского национального педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г.Одесса, Украина

"Știință, educație, cultură", conferință științifico-practică internațională (2020 ; Chișinău). Conferința științifico-practică internațională "Știință, educație, cultură" = Международная научно-практическая конференция "Наука, образование, культура" : Сборник статей / науч. ком.: Захария С. К. (председатель) [и др.]. – Комрат : КГУ, 2020 (Tipogr. "A&V Poligraf") – . – ISBN 978-9975-83-090-4.

Т. 2 : Право и политические науки. Филология / сост.: Т. И. Раковчена [и др.]. – 2020. – 584 p. : fig., fot., tab. – Antetit.: Univ. de Stat din Comrat. – Tit. paral.: lb. rom., rusă. – Texte : lb. rom., engl., găgăuză [et al.]. – Rez.: lb. rom., engl. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 50 ex. – ISBN 978-9975-83-092-8.

082:378(478-21)=00

S 85

© Комратский Государственный Университет 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Захария С.К. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА.....	13

СЕКЦИЯ: ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Захария С., Гайдаржи В. ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	15
Султ Г., Поалелунжъ О. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ НОРМАТИВНО- ПРАВОВЫХ АКТОВ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА.....	18
Florea E., Parutenco N. МЕХАНИЗМ БАНКОВСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ	24
Морозов В. А. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК ВИД ГАРАНТИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ	33
Florea E., Parutenco N. ПОНЯТИЕ МОШЕННИЧЕСТВА И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ	36
Бобылева М. Н. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТОВАРНОГО ЗНАКА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	39
Киселева Е. И. МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ В БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	42
Сакович В. ИННОВАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ НОВОГО КОНЦЕПТА БЕЗОПАСНОСТИ	46
Захария С., Маслинкова Ю. СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» И «РАЗУМНОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	52
Сосна Б., Тукан В. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В МОЛДОВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	57
Султ Г., Сандуца Г., ОТГРАНИЧЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ХАЛАТНОСТИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ	63
Лукьянов Д., , Андреев Т. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБМЕНА ПЛЕННЫМИ 29 ДЕКАБРЯ 2019 ГОДА В УКРАИНЕ	67
Султ Г., Арсени И., ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СЕРВИТУТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	73
Арсени И. КВАЛИФИКАЦИЯ УСЛОВИЙ О ТЕРРИТОРИИ, ОБ ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ И ЛОГИСТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В ДИСТРИБЬЮТОРСКОМ ДОГОВОРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	77

Арсени И. СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	83
Арсени И. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ДОЧЕРНЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА	88
Чирков Е., , Георгиева С. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ ГАГАУЗИИ КАК ЦЕННОСТНЫЙ СПЕКТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛДОВЫ	95
Чирков Е., , Сары Т. ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К ПОЛИТИКЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	100
Шульга Р. Ю. ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ СРЕДИ КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА В МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ	103
Бова А. МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ ПРЕСТУПНОСТИ, ПРАКТИКУЕМЫЕ ГРАЖДАНАМИ УКРАИНЫ	109
Богустов А. А. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА» И «РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ» ...	115
Валеев Р. Г. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ	119
Ильина Л. Е., , Морозова В. Е. РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ	122
Исхаков Э. Р. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	126
Лысенко В., Шукина Н. ЦЕЛЬ ООН №3 В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И СОДЕЙСТВИЕ БЛАГОПОЛУЧИЮ ДЛЯ ВСЕХ В ЛЮБОМ ВОЗРАСТЕ»	128
Хорозов С. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕКТОРА НПО В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	132
Москаленко М. Р. ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ	136
Кристева Н. Н. ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	139
Кристева Н.Н. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ	144
Кристева Н. Н. УПРАВЛЕНЧЕСКО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ	149

Арсени И. , Гуран С. ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ИНОСТРАННЫХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	154
Наумов Д. И., Короткина В. В, Кутняя Д. В. СОСТОЯНИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СМИ В СОВРЕМЕННЫХ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	160
Киселева Е. И. МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ В БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	165
Миронова С. ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЦ, НУЖДАЮЩИХСЯ В УСТАНОВЛЕНИИ МЕР СУДЕБНОЙ ОХРАНЫ	169
Шаматонова Г. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ	172
Медовкина Л. Ю., Казаренко Д. С. ПАРАДИГМА ЭТИЧНОСТИГ УМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ	176
Егорова Т. И. ДРЕВНЕЙШЕЕ ИЗГНАНИЕ КАК ПЕРВООБРАЗ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	180
Габец Н. С. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОПЕРАЦИЙ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА	182
Said E. MICROFINANCE AND POVERTY ALLEVIATION A CONCEPTUAL MYTHOLOGY	187
Botezatu I. ETAPELE ŞI PROCESUL DE DERULARE A CERCETĂRII OMURULUI	190
Calistru R. DISCERNĂMÂNT VALORIC. EDUCAȚIA PRIN VALORILE ARTEI DECORATIVE POPULARE	194
Gribincea A CONCEPTUL ŞI STRUCTURA DREPTURILOR INTELECTUALE ŞI RELAȚIA LOR CU DREPTURILE DIGITALE	197
Татар О. СИНТЕЗ НАУЧНЫХ РАБОТ В ОБЛАСТИ НЕПОИМЕННОВАННЫХ ДОГОВОРОВ	203
Татар О. СПЕЦИФИЧНОСТЬ, СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ НЕПОИМЕННОВАННОГО ДОГОВОРА КОНТРАКТАЦИИ С ПОИМЕННОВАННЫМИ ДОГОВОРАМИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	209
Кукеев А. К. ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	213
Лемешова Т. В. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	220
Корзун О. В., Андрукович С. Н. К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	223

Корнева Е. С. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ, БЛАГОПРИЯТНУЮ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА	227
Маташнюк П. И., Ивинская Д.С. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА	231
Миргородская Д. А., Ивинская Д. С. ТЕОРИЯ УТИЛИТАРИЗМА И ПРАВО	234
Сухов В. ВОЗМЕЩЕНИЕ ЗАТРАТ НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ, ГАРАНТИРУЕМОЙ ГОСУДАРСТВОМ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ДРУГИХ СТРАН	237
Календарь Д. А. ПРЕНИЯ СТОРОН В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	242
Хомулло А. А. БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	246
Саутина Д. А. ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРАДИЦИЯ»	249
Булахова И. А. БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	252
Сасновский В. В. КОРРУПЦИЯ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ	257
Логимахова Е. С. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	260
Тицкая Н. Я. ПОРЯДОК ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ТОВАРОВ ДЛЯ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ, ПОДПАДАЮЩИХ ПОД ДЕЙСТВИЕ КОНВЕНЦИИ СИТЕС	264
Сильванский Ю.Ю. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА М. ТЭТЧЕР	267
Шатоха Е. В. МЕЖДУНАРОДНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО, КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОТРАСЛИ МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА В РОССИИ	269
Амирян С. С. ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС	272
Ванжа П. А. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗЪЯТИЕМ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД.....	276
Григоренко А. М. ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА И ПОДБОРА СПЕЦИАЛИСТОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ	280

Жеков Н. ОБЩИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	283
Медведева Е. С. МУЗЕЙ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИВЕНТ-МЕРОПРИЯТИЯ	289
Михайловская Т. С. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	292
Эсенбаев У. Н. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПОНЯТЫХ И НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ДАННОГО ИНСТИТУТА	295
Никонова А. Э. МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЕЙ СРЕДИ ДЕТЕЙ	298
Тимофейчик Т. Н. ПРАВО НА ЗАНЯТИЕ СПОРТОМ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ	301
Хлопкова А. В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В США И РОССИИ.....	306
Слончевская А. Ю. ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В ОТНОШЕНИИ ОПАСНЫХ ГРУЗОВ.....	311
Ширкевич Е. А. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	314
Сороко О. В. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	316
Хахимов Ё. К. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВОСТОКА.....	320
Blaşcu O. ASPECTELE GENERALE ALE RELAȚIILOR REPUBLICII MOLDOVA CU ROMÂNIA.....	324
Ciudin O. OPORTUNITATEA DISPUNERII MĂSURILOR PREVENTIVE ALTERNATIVE ARESTULUI PREVENTIV.....	331
Talmaci A. IMPACTUL INTEGRĂRII EUROPENE ASUPRA CAPACITĂȚII ADMINISTRATIVE ÎN CADRUL PARTENERIATUL ESTIC.....	335
Dandeu V. N. ACTUALITATEA REGLEMENTĂRILOR DE LA ART. 313 ALIN. (6) CPP PRIVIND CONDIȚIILE CE ACORDĂ DREPTUL DE ÎNAINȚARE A RECURSULUI FAȚĂ DE ÎN CHEIEREA JUDECĂTORULUI DE INSTRUCȚIE	340
Dandeu V. N. ANALIZA JURIDICĂ A SINTAGMEI ”COMISE LA JUDECAREA CAUZEI” ÎN CALITATE DE CONDIȚIE OBLIGATORIE A EMEIURILOR RECURSULUI ÎN ANULARE ÎN PROCESUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA.....	346
Calendari D. EFECTELE APELULUI PROCURORULUI PE CAUZELE PENALE.....	349

Smochină A., Vlăescu G.

EVOLUȚIA ȘI VOCAȚIA UNIVERSALĂ APLICATIVĂ A PRINCIPIULUI PROPORȚIONALITĂȚII ÎN VIAȚA SOCIALĂ.....	353

СЕКЦИЯ: ФИЛОЛОГИЯ

1. ГАГАУЗСКИЙ ЯЗЫК И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Canyurt Gulay, Karanfil Güllü

TÜRKÇENİN YABANCI DİL OLARAK ÖĞRETİMİNDE TEKNOLOJİ KULLANIMI VE MATERYAL GELİŞTİRME	360

Kapsomun M.A.,

GAGAUZ DİLİ HEM LİTERATURA UROKLARINDA BAŞLANKI KLASLARDA KRİTERİAL KANTARLAMAK-NOTALAMAK SİSTEMANIN KULLANILMASI HEM v-Cİ KLASTA OKUL SONUÇLARIN NOTALAMASININ İLERLETMÄK ASPEKTLERİ	364

Karanfil G.

GAGAUZLAR'IN KİMLİĞİNE DAİR BİR İNCELEME.....	369

Kasar A.

YABANCILARA TÜRKÇE ÖĞRETİMİ ve MOLDOVA'DA TÜRKÇE EĞİTİM VEREN RESMİ KURUMLAR	374

Kiosă E.N.

ANA DİLİNDÄ HEM LİTERATURADA ÜÜRENİCİLERİN ÇALIŞMASINI AKTİVLEŞTİRMÄK	378

Mutaf G.N.

KDU-da GAGAUZ FİLOLOGİYA KAFEDRASINDA 'PROMOVAREA ȘI DEZVOLTAREA EDUCAȚIEI INTERCULTURALE ÎN FORMAREA ÎNȚIALĂ A CADRELOR DİDACTICE' PROEKTİN GERÇEKLENMESİ	384

Oduperk T.

YABANCILARA TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE KELİME ÖĞRETİMİ VE KELİME ÖĞRETİMİNDE KULLNANILAN ETKİNLİKLER YÖNTEMLERLE UYGULAMALAR	387

Uzun D.F.

GAGAUZ DİLİN LEKSİKASINDA DEVLET DİLİNDÄN ALINMA LAFLAR.....	390

Беленов Н.В.

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧУВАШСКОГО СЕЛА ЕНДУРАЙКИНО СЕРГИЕВСКОГО РАЙОНА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ	393

Мамедов Н.Т.

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА КАРАБАХА И МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭТИБАРА ВЕЛИЕВА.....	396

Муггасимова Г.Р.

ПАРЕМИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	401

Муллаходжаева Р.Т.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДУХА ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ О РОДИНЕ	404

Никогло Д.Е.

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ БАЛКАНСКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ В РОМАНЕ Д. ТАНАСОГЛО «УЗУН КЕРВАН».	407

Никогло Д.Е.

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕМАТИКА В ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ КИРИОГЛО.	411
Сеферова Э.Э.	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ ЗАГАДОК, ОСНОВАННЫХ НА ОППОЗИЦИЯХ	414
Сеферова Ф.А.	
МЕТОДЫ РАБОТЫ С ОКСЮМОРОННЫМИ СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ В ВУЗ- ОВСКОЙ АУДИТОРИИ	417
Сорочану Е.С.	
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАЗВАНИЙ ХЛЕБНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ГАГАУЗСКОЙ ОБРЯДНОСТИ	420
Сырф В.И.	
ИСТОРИЯ ГАГАУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: КРАТКИЙ ОБЗОР	425
Таджибаева О.Т.	
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЗБЕКСКИХ И ГАГАУЗСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ	432
Тулаганова С.П., Исламова С. Д.	
БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	435
Хамдамова М.Б.	
ВЫРАЖЕНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	440
Чевик А.И.	
ИССЛЕДОВАНИЯ ГАСЫМА ТЫНЫСТАНОВА ПО ЭПОСУ «МАНАС»	442

2. РУМЫНСКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИИ

Cuțitaru N.	
MINORITATEA GĂGĂUZĂ: MULTICULTURALISM ȘI DIVERSITATE LINGVISTICĂ	445
Fonari V.	
MITUL ANTIC ÎN FRONTIERELE DE CERCETARE ALE ACAD. SOLOMON MARCUS	452
Охана М.	
O VIZIUNE COMICO-BURLESCĂ A „ULTIMULUI” COMUNISM	459
Бойкова Л., Славова М.	
ИЗПОЛЗВАНЕТО НА ДИГИТАЛНИТЕ РЕСУРСИ И ТЕХНОЛОГИИ В ЧАСОВЕТЕ ПО БЪЛГАРСКИ ЕЗИК И ЛИТЕРАТУРА	465
Делибалтова М., Дарманчева С.	
НАЦИОНАЛНОТО В ОБРАЗА НА БАЙ ГАНЬО	467
Делибалтова М., Стоева А.	
ЖИВИЯТ ЕЗИК В ГРАД ТАРАКЛИЯ	471
Делибалтова М., Чебанова Т.,	
БЪЛГАРО-РУМЪНСКО МЕЖДУЕЗИКОВО ВЛИЯНИЕ В ОБЛАСТТА НА ЛЕКСИКАТА	476
Кажигалиева Г. А., Шаханова Р. А., Жумагулова Б. С., Маймакова А. Д.	
О РАЗВИТИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ «ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА», ПРЕДНАЗНАЧЕННОМ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	481

Кажигалиева Г. А., Умарова А. Б.

О ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОМ ИНТЕГРИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПРЕДМЕТНИКОВ В КАЗАХСТАНСКОМ
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ 487

Колесник Л.А.

РОЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Л. Н. ТОЛСТОГО В
АСПЕКТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР») 493

Крылова Н. Ф., Синяева П. А.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА В.О. ПЕЛЕВИНА «GENERATION«П») 495

Петраш А.И., Ганаба В.В.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ РОДА В
РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ 499

3. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Babâră N., , Sandu T.

CLASIFICAREA ȘI GRUPAREA DIFTONGILOR LIMBII ENGLEZE 502

Banu F.

CĂILE ȘI SURSELE DE PROVENIENȚĂ A UNITĂȚILOR FRAZELOGICE CU
COMPONENTE ZONIME ÎN LIMBA ENGLEZĂ 505

Chirdeachin A., Babâră N., Sulac S.

PROBLEME ACTUALE DE FORMARE A COMPETENȚELOR COMUNICATIVE
ORALE ÎN CONTEXTUL DIDACTICII TRADUCERII 509

Nicolaeva P.

ENGLISH EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT
“HEART” AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN AND GAGAUZIAN 514

Milcan E., Sulac S.

PHÄNOMEN VON DENGLISH ALS WISSENSCHAFTSTREND 516

Sciuchina O.

ENGLISH VOCABULARY AS A COMPLEX, EVOLVING SYSTEM, AND A
RESULT OF LINGUISTIC CHANGE 519

7. Sciuchina O.

CARACTERISTICILE PRINCIPALE ALE LEXICOGRAFIEI AMERICANE ÎN
PRIMELE ETAPE DE DEZVOLTARE 522

Ангели А. Д.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СЛЕНГОВЫХ
ВЫРАЖЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ 525

Ахметова К. К.

РАБОТА С МЕДИАТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ 528

Баклицкая А. О., Декань К. Ю., Чемезова Е. Р.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАВ РОМАНА 531

Братаева А. А., , Жакупова А. И., Эйсмонт Е. А.,

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 534

Герчу Е. Д.

О ТЕОРИИ МЕТАФОРИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ 539

Гойнаш А. В. К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОГО УРОКА СТУДЕНТОМ-ПРАКТИКАНТОМ ИЛИ МОЛОДЫМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	542
Жаркова Т. И. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА	546
Ильина Л. Е., Городецкая Т. Г. ФРАНЦУЗСКОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО КИНО ОБ АЛЖИРСКОЙ ВОЙНЕ	550
Кигель Т. ВЫБОР УЧЕБНИКА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВТОРОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ КАК ВИД МЕТАКОГНИЦИИ	552
Киреева З. Р. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ В СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	557
Киселев М. Ю. К ИСТОРИИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА: ОТЧЕТ АЛАВЕРДОВА К.А.....	563
Куртова Е. Р. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЦВЕТ» В ИДИОМАТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ КОЛОРАТИВА «БЕЛЫЙ»)	567
Назина О. Д., Ильина Л. Е. МЕДИАЛЬНЫЙ ЗАЛОГ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ	572
Романов А. А., Новоселова О. В. МЕНАСИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГА	575
22. Степанова А. С. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭМФАЗЫ В РОМАНАХ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА	578

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА

**Уважаемые участники
конференции, гости,
коллеги, дорогие студенты!**

Приветствую вас на сегодняшнем научном форуме, посвященном 29-летию Комратского государственного университета!

29 лет – это возраст молодости, энергии и потенциала, это тот возраст, когда следует наметать новые цели и стремиться к масштабным свершениям.

Процесс интеграции различных уровней и организационных форм образования, науки и культуры – это тенденция, которая постепенно охватывает все страны мира, в том числе и Молдову. Важно осознать, что подготовка высококвалифицированных специалистов – задача не отдельно взятого учебного заведения, а всей образовательной системы. Именно поэтому Комратский университет призван объединять людей вокруг общего дела, тем самым, формируя поле для обмена мнениями, опытом и взаимного сотрудничества.

В нашем обществе в целом уже сложилось понимание того, что дальнейшее развитие страны невозможно без инновационной экономики, базирующейся на высоком уровне науки и образования. В русле решения этих важных задач и следует рассматривать значимость Комратского государственного университета, призванного решать целый комплекс вопросов, где среди прочих особое значение имеют создание единого информационного пространства и повышение качества обучения во всех учебных заведениях, участвующих в интегральном процессе. Таким образом, в нашем понимании университет – это организация, объединяющая людей вокруг общего дела, а также инновационная форма интеграции науки, образования и культуры. Неиссякаемый поток новой информации, современный ориентир на непрерывное образование в течение всей жизни диктуют свои правила, правила сотрудничества.

В процессе осуществления реформ на основе изменившихся реальностей развития современного общества мы продолжаем возрождать исторические традиции гагаузского народа, находить адекватные, отвечающие потребностям социально-экономического развития страны решения вновь возникающих проблем. Особое внимание должно быть уделено активизации инновационной деятельности, усилению ее воздействия на развитие экономики и социальной сферы.

В соответствии с основной целью формат организуемого форума предполагает открытый диалог представителей системы образования, науки, международных и общественных организаций страны. Мы предлагаем к обсуждению актуальные, общественно значимые вопросы в сфере интеграции науки, образования и культуры.

Комратский государственный университет динамично развивается и может по праву считаться кузницей кадров прежде всего для региона. В своей научной, образовательной и исследовательской деятельности университет стремится работать на уровне лучших мировых стандартов, сохраняя и приумножая значимость регионального компонента в подготовке специалистов.

В ходе совместной работы мы не раз убеждались в том, как бережно коллектив преподавателей и студентов сохраняет университетские традиции, одновременно используя в учебном процессе самые прогрессивные методики и практики. В то же время крепнут образовательные связи с ведущими высшими учебными заведениями Молдовы и зарубежья.

Университет предоставляет своим студентам широкие возможности для раскрытия интеллектуального и творческого потенциала, широкого выбора научной, профессиональной и общественной деятельности, побуждая к участию в научных и образовательных национальных и международных проектах, получению грантов и стипендий.

В итоге хотел бы пожелать всем участникам форума успешной и плодотворной работы. Уверен, что теоретическое осмысление проблематики интеграции науки, образования и культуры будет дополнено прикладными результатами данного мероприятия - поиском современного эффективного инструментария и практико-ориентированных механизмов обеспечения и укрепления сотрудничества. Полагаю, что насыщенная программа форума, мощный научный потенциал, творческая атмосфера, обмен опытом, разнообразные дискуссии позволят найти решения задач, заявленных в тематике выступлений программы конференции.

Уверен, что наша конференция будет способствовать достижению этих целей, увеличению вклада высшей школы, всей системы образования в решение как общесоциальных, так и общеэкономических задач. Выражаю благодарность всем участникам конференции и гостям, которые нашли время, чтобы посетить столицу Гагаузии и Комратский государственный университет. Желаю плодотворных дискуссий и новых достижений!

**Ректор Комратского государственного университета,
доктор, доцент,
Захария С.К.**

СЕКЦИЯ ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 339.137.27

Захария Сергей

доктор, конференциар университетар кафедры
«Частное право» Комратского госуниверситета;
ст. научный исследователь Научно-исследовательского
Центра Гагаузии им.М.В. Маруневич.

Республика Молдова, г. Комрат

Гайдаржи Валентин

Студент юридического факультета

Комратского госуниверситета, гр. ЗМЮКП-17

Республика Молдова, г. Комрат

**ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ
КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА**

Abstract. The phenomenon of competition is often subject to negative deformations and related side effects, which are expressed as various forms of abuse by enterprises with exclusive rights arising in a competitive environment, as well as in the form of specific actions of unfair competition. In this regard, there is a need to protect relations of fair competition and bring the perpetrators of acts of unfair competition to legal liability. In this regard, the state justifies the necessary measures to protect competition, including through coercive means.

Keywords: competition, acts of unfair competition, antimonopoly authority, forms of liability.

Содержащие в Гражданском кодексе Республики Молдова (далее РМ) [4], Уголовном кодексе РМ [8], Закон РМ «О конкуренции» №183 от 12.07.2012г.[6] нормы, касающийся защиты конкуренции, законодатель подчеркивает особую важность соблюдения правил конкуренции в хозяйственной деятельности. Здесь важно упомянуть, что Закон РМ «О конкуренции» №183 от 2012 года в полной мере воспроизводит положения ст. ст.101-106 Договора о функционировании Европейского Союза[5], данный факт был подтвержден Общим документом Европейской комиссии о прогрессе в реализации Европейской политики соседства 2013 года.[7]

Одним из основных нормативных актов, регулирующих конкурентные отношения, является Закон РМ о конкуренции №. 183 от 11.07.2012. Согласно ст. 2 этого законодательного акта, «Положения настоящего закона применяются к действиям или бездействию, которые имеют или имеют, или могут иметь эффект ограничения, предотвращения или искажения конкуренции, а также актам недобросовестной конкуренции», совершенным как на территории РМ, а также за пределами территории страны, когда они производят или могут оказывать воздействие на территории РМ.

Система права РМ предусматривает различные виды юридической ответственности за нарушение законодательства о конкуренции, которые можно сгруппировать в следующие формы: гражданская ответственность; административная ответственность; уголовная ответственность.

1) *Гражданская ответственность* в сфере конкурентных отношений является отражением принципа доступности защиты физических и юридических лиц. Это не происходит автоматически, «по умолчанию», для этого лицу предположительно ущемленного в его правах, необходимо подать в суд гражданский иск, и подтвержденные убедительными доказательствами, которые позволят ему выиграть дело. Гражданская ответственность предназначена для защиты личных интересов отдельных лиц, особенно предпринимателей, от ущерба и убытков, причиненных им в результате незаконных

действий конкурентов или других игроков на рынке, и носит восстановительный характер. В отличие от частных интересов, общественные интересы, касающиеся применения мер ответственности, обеспечиваются, в частности, через механизмы и институты административной и уголовной ответственности.

Гражданская ответственность носит родовой характер и реализуется в форме возмещения убытков или уплаты неустойки. Согласно ст. 80 Закона о конкуренции №. 183 от 11.07.2012 г. суд обязывает лицо, совершившее недобросовестное конкурентное действие, прекратить действие или устранить последствия, вернуть незаконно приобретенные конфиденциальные документы у их законного владельца и, в зависимости от обстоятельств, возместить ущерб в соответствии с действующим законодательством. По требованию законного владельца коммерческой тайны суд может распорядиться о мерах по запрещению промышленной и/или коммерческой эксплуатации продуктов в результате незаконного владения коммерческой тайной или уничтожения этих продуктов. Запрет прекращается, когда защищенная информация становится общедоступной. Если один из актов недобросовестной конкуренции причиняет имущественный или моральный ущерб, потерпевший имеет право обратиться в компетентный суд с соответствующим иском о гражданской ответственности.

Конкретные действия, причиняющие вред пострадавшему, совершенно разные. Это может включать заключение антиконкурентных соглашений, распространение ложной, неточной или ошибочной информации о конкурентах или их товарах, некорректное сравнение экономическим агентом товаров, произведенных им товаров с товарами, произведенными или изготовленными другими экономическими агентами, выдачу документов органами публичной, которые нарушают законодательство. Следует отметить, что в случае гражданско-правовой ответственности необходимо доказать наличие убытков. В то же время для привлечения к другим видам ответственности, особенно административной, причина ущерба не всегда является необходимым условием.

2) *Административная ответственность* объясняется некоторыми теоретиками публичного права, начиная с концепции принуждения. Таким образом, административное ограничение представляет комплекс мер (правовые акты, административные операции, существенные факты), которые в соответствии с законом передаются органам публичного управления с использованием государственной власти и, при необходимости, против воли некоторых лиц в целях предотвращения возникновения антиобщественных актов, защиты прав граждан, а также применения наказания за нарушение норм административного права. Если через административное ограничение добиваются саморегуляции социальной системы, ответственность стремится к восстановлению нарушенного нормативного порядка, а также к осуждению негативного факта и его автора.[3, p.24-25]

Административная ответственность за различные акты недобросовестной конкуренции предусмотрена различными законодательными актами. Можно сказать, что закон о конкуренции является основным законодательным актом после Конституции. В соответствующем нормативном акте предусмотрена административная ответственность за дискредитацию конкурентов, подстрекательство к расторжению контракта с конкурентом, получение и/или незаконное использование коммерческой тайны конкурента, привлечение клиентов конкурента и замешательство. Этот механизм применения административной ответственности входит в компетенцию Совета по конкуренции, который может применять финансовые санкции и распоряжаться о прекращении актов недобросовестной конкуренций. Однако антимонопольный орган не может действовать «по умолчанию», поскольку рассмотрение дела проводится только при наличии жалобы участника, ущемленного в его правах.

3) *Уголовная ответственность* за недобросовестную конкуренцию предусмотрена Уголовным кодексом. Статья 246/1 Уголовного кодекса предусматривает применение

санкции в виде штрафа и лишения права заниматься определенной деятельностью на срок от 1 до 5 лет. Хотя уголовное законодательство предусматривает санкции как юридическим, так и физическим лицам, мы по-прежнему считаем, что недобросовестная конкуренция может существовать только между конкурентами. Таким образом, действия физических лиц, которые не занимаются хозяйственной деятельностью (такие как: работники, представители юридического лица и т. д.), не могут быть квалифицированы как акты недобросовестной конкуренции. Учитывая множество правовых механизмов противодействия недобросовестной конкуренции, специфика пробации отличается. Особенности доказательств, процедур пробации и испытательного срока определяются властями, которые имеют в своих полномочиях рассмотрение дел о недобросовестной конкуренции. Таким образом, административный способ противодействия недобросовестной конкуренции предполагает привлечение органа центральной публичной администрации, наделенного полномочиями по расследованию случаев недобросовестной конкуренции. В Республике Молдова этим органом является Совет по конкуренции, который, согласно ст. 39 лит. д) и е) Закона о конкуренции №. 183 от 11.07.2012, является специализированным органом по расследованию дел, касающихся антиконкурентной практики, недобросовестной конкуренции и т. д., выявляет нарушения законодательства, налагает корректирующие меры и применяет санкции за совершение нарушений. В отличие от суда, который играет ведущую роль в организации и проведении гражданского процесса, Совет по конкуренции играет активную роль в рассмотрении дел.

Таким образом, согласно ст. 52 ч. (3) Закона о конкуренции, при рассмотрении предполагаемых случаев нарушения закона о конкуренции бремя доказывания нарушения лежит на Совете по конкуренции. Все участвующие стороны обязаны предоставлять Совету по конкуренции по запросу в течение указанного периода точную, полную и правдивую информацию, даже если она является конфиденциальной или является коммерческой тайной.

Антимонопольный орган имеет возможность принять решение о проведении проверок для выявления и сбора документов, информации о местонахождении и деятельности компаний, и они обязаны не создавать препятствий для проверки. В то же время для рассмотрения дела могут проводиться собеседования и слушания. Несмотря на активную позицию в рассмотрении дел, антимонопольный орган уважает равенство прав предприятий, презумпцию невиновности и их право на защиту.[2, p.15]

В случае гражданской ответственности, основанной на деликтной ответственности, спор о недобросовестной конкуренции подлежит рассмотрению и разрешению судебной властью, которая представлена судами. В этом случае суд играет лишь ведущую роль в организации и ведении гражданского процесса, а вся процедура характеризуется принципом диспозитивности. Согласно этому принципу наличие прав подразумевает возможность для сторон процесса, в первую очередь сторон, свободно распоряжаться материальным субъективным правом или законным интересом в процессе, а также иметь процессуальные права, самостоятельно выбирать процессуальные способы и средства защиты.[1, p.118]

Противодействие актам недобросовестной конкуренции на пути к уголовной ответственности подразумевает гораздо более сложный механизм. Сложность характеризуется, прежде всего, тем, что с одной стороны участвует орган уголовного преследования, прокуратура, а с другой стороны, суд. Кроме того, процедуры доказывания, пробации и испытательного срока строго регулируются Уголовно-процессуальным кодексом РМ. Таким образом, правовые аспекты различных санкций, налагаемых нормами законодательства о конкуренции, противоречивы в науке и практике, решение которых во многом зависит от правильности формулировки норм права и компетенции законодателя.

В заключение можно отметить, что спектр национальных механизмов противодействия недобросовестной конкуренции довольно разнообразен и сложен. Общий научный анализ противодействующих механизмов позволяет нам упомянуть, что их надлежащее применение

также позволило бы эффективно противодействовать проводимым действиям недобросовестной конкуренции и предотвращать новые проявления недобросовестной конкуренции.

Библиография:

1. Drept procesual civil. Partea generală./ Alexandru Prisac.- Chişinău: Cartier, 2013.
2. Gorincioi C., Creciu I., Combaterea acţiunilor de concurenţă neloială în domeniul proprietăţii intelectuale // Revista de proprietate intelectuală Intellectus, nr. 2, 2016.
3. Mocanu V., Pascalu I. Răspunderea administrativă. Note de curs. Chişinău: Universitatea de Studii Europene din Moldova, 2013//Доступ: http://www.usem.md/uploads/files/Note_de_curs_drept_ciclu_1/037_Raspunderea_administrativa.pdf (по состоянию на 05.01.2020).
4. Гражданский кодекс Республики Молдова № 1107-XV от 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 82-86/661 от 26.06.2002.
5. Договор о функционировании Европейского Союза// Официальный журнал Европейского Союза C 326/47 от 26.10.2012. Доступно: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-DOC_2&format=PDF (по состоянию на 05.01.2020)
6. Закон РМ «О конкуренции» №183 от 12.07.2012// Monitorul Oficial al Republicii Moldova №193-194 от 14.09.2012.
7. Реализация Европейской политики соседства в Республике Молдова. Прогресс за 2013 год и рекомендации. Брюссель, 27.03.2014 SWD (2014) Доступно: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/moldova/documents/press_corner/enp_report_en.pdf (по состоянию на 05.01.2020)
8. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002// Официальный Монитор Республики Молдова № 128-129/1012 от 13.09.2002.

УДК: 34.096

Султ Георгий

Доктор права, доцент кафедры Публичного права,
проректор по учебной работе Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат

Поалелунжь Олег

Доктор права, преп. кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Abstract. The article is devoted to some features of the legal force of normative legal acts of the Customs Service of the Republic of Moldova.

Keywords: legal force, legal value, category of normative act.

Ведение. В Республике Молдова за последние годы произошли существенные изменения в законодательстве, которые затронули приоритеты и расстановку сил государственных органов.

Это, несомненно, отразилось и на юридическую силу нормативно-правовых актов этих органов. Поэтому исследование юридической силы нормативно-правовых актов Таможенной службы является как никогда актуальным, тем более что такие исследования проводятся впервые. На основе собственных выводов о юридической силе, о её обуславливающих и характеризующих факторах, в статье будут описаны способы использования этих факторов при установлении юридической силы нормативных актов Таможенной службы.

Мотивируется такое исследование и тем, что одним из основных принципов правотворческой деятельности современной Молдовы является соблюдение иерархического соподчинённости нормативно-правовых актов достижение которой не возможно без удаления необходимого внимания такому социальному феномену как юридическая сила.

В правовой науке Республики Молдова юридическая сила определяется, как социальный феномен используемый государством для придания своим правовым актам юридического значения, чтобы они могли действовать, соотносится и порождать юридические последствия [1, с12].

В Российской Федерации юридическая сила воспринимается как характеристика нормативного правового акта, определяющей обязательность его применения к соответствующим общественным отношениям, а также его соподчиненность по отношению к иным нормативно правовым актам [2].

Республика Беларусь на уровне закона установила понятие юридической силы как характеристику нормативно-правового акта, определяющий обязательность его применения к соответствующим общественным отношениям, а также его место в иерархии нормативных правовых актов [3].

В 2017 году, Парламент Республики Молдова на уровне Закона №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» установил, что юридическая сила действующих нормативных актов должна устанавливается в зависимости от компетенции и статуса органа публичной власти издавшего акт, а также от категории акта [4].

Однако в указанном Законе отсутствует конкретизация понятия «о юридической силе», но названы её обуславливающие факторы. Поэтому при решении задач связанных с установлением юридической силы нормативно-правовых актов Таможенной службы, необходимо отталкиваться от этих законных установлений.

Следует сказать, что юридическая сила нормативно-правового акта не всегда константна. Она может появляться, изменяться и утрачиваться [5, с.51-55]. А Объём юридической силы устанавливается с помощью обуславливающих и характеризующих факторов, большинство из которых, как правило, находятся в действующих нормативных актах [6, с.61].

Примечателен в указанном контексте ст. 6 Закона №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» где устанавливается перечень нормативных актов составляющие[4]:

- a) Конституция Республики Молдова;
- b) законы и постановления Парламента;
- c) указы Президента Республики Молдова;
- d) постановления и ордонансы Правительства;
- e) нормативные акты центральных отраслевых органов публичного управления;
- f) нормативные акты автономных органов публичной власти;
- g) нормативные акты органов власти автономных территориальных образований с особым правовым статусом;
- h) нормативные акты органов местного публичного управления.

При синтезном исследовании этой статьи видно, что такое ранжирование нормативно-правовых актов соответствует: юридической силе нормативно-правовых актов обусловленной статусом и компетенции органа публичной власти; принципу иерархической соподчинённости нормативных актов, согласно которому в государстве должно обеспечиваться соответствие актов нижестоящих государственных органов актам вышестоящих государственных органов.

Правовой статус Таможенной службы как центрального отраслевого органа публичного управления Республики Молдова определяется Таможенным кодексом, [7], Законом «О таможенной службе» №302 от 21.12.2017 [8], Законом «О центральном отраслевом публичном управлении» №98 от 04.05.2012 [10], приложением №3 к

Постановлению Правительства «Об утверждении предельной штатной численности» и Положением «Об организации и функционирования Таможенной службы» №4 от 02.01.2007 [9].

Согласно перечисленным нормативно-правовым актам, Таможенная служба является подведомственным Министерству финансов административным органом, исполняющим свои функции и полномочия и реализующим таможенную политику государства путем единообразного и беспристрастного применения таможенного законодательства в целях обеспечения экономической безопасности государства в пределах своей компетенции. Она пользуется административной автономией и автономией при принятии решений с соблюдением положений действующего законодательства.

Именно «административная автономия» и «автономия в принятии решений», придаёт Таможенной службе статус центрального отраслевого органа публичного управления и оставляет отпечаток на значении её актов в реализации таможенной политики государства.

Но иерархическая позиция государственного органа не всегда помогает установлению юридической силы нормативно-правового акта, так как один и тот же государственный орган может принять правовые акты различной категории [11].

Не исключаем возможности что государственный орган может и не иметь полномочий издавать нормативные акты. Поэтому компетенция как правовая категория является вторым главным фактором, который необходимо учитывать при установлении юридической силы нормативных актов. Не имея компетенцию издавать нормативно правовые акты, речь о юридической силе теряет смысл.

В части компетенции Таможенной службы издавать нормативно-правовые акты предусмотрена ст. 12 Таможенного кодекса [7], п. (б) ст.9 Закона №302 от 21.12.2017 «О таможенной службе» [8] и п.7 Постановления Правительства Республики Молдова №4 от 02.01.2007 «Об утверждении предельной штатной численности и Положение об организации и функционирования Таможенной службы» [9]. Формы, в которой должны материализоваться правовые нормы Таможенной службы, указаны только в Законе №302 от 21.12.2017 «О Таможенной службе».

Установление формы нормативно правового акта для Таможенной службы на первый взгляд может осуществляется и Законом №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» [4] который в ч.4 ст.16 предусматривает что положения, инструкции, правила и другие нормативные акты центральных отраслевых органов публичного управления утверждаются постановлением или приказом за подписью руководителя издающего органа [4].

При соотношении Закона №302 от 21.12.2017 «О таможенной службе» [8] и Закона №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» устанавливается, что оба этих закона являются идентичными по их юридической силы, так как являются органическими и приняты одним и тем же органом.

Поэтому, при определении какой из них имеет приоритет на регулирование отношений связанные с установлением формы нормативно правового акта Таможенной службы, необходимо соотнести их правовые нормы. Так при соотношении ч.4 ст.16 Законом №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» [4] с нормой ст.6 ч.9 п. (г) Закона №302 от 21.12.2017 «О таможенной службе» [8] видно что последняя носит специальный характер и считается приоритетной по отношению к ч.4 ст.16 Закона №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» [4]. Поэтому при установлении категории нормативного акта Таможенной службы, необходимо руководствоваться Законом №302 от 21.12.2017 «О таможенной службе» [8].

Согласно положениям ст.6 ч.9 п. (г) Закона №302 от 21.12.2017 «О таможенной службе», директор Таможенной службы уполномочен издавать несколько видов правовых актов среди которых: приказы, распоряжения, инструктивные письма, поручения [8]. Все эти документы направлены для обеспечения реализации нормативных актов высших органов государства, а также во исполнение директором своих полномочий. Нормативными актами

Таможенной службы считаются приказы. Распоряжения, инструктивные письма, поручения относятся к служебным документам имеющим определённое юридическое значение не содержащее нормы права. Как утверждал Р.Ф. Васильев, такие документы удостоверяют тот или иной факт который в соответствующих случаях может послужить основанием для издания правового акта [12 p.23-24].

Особенность юридической силы приказа Таможенной службы состоит в том, что её объем ограничен Законом №302 от 21.12.2017 «О таможенной службе», который наделяет Таможенную службу компетенцией издавать строго установленную категорию нормативно правовых актов. Приказ как нормативно правовой акт центральных отраслевых органов публичного управления, в иерархической системы нормативно-правовых актов государства согласно ст.6 Закона №100 о Нормативных актах [4] ранжируется после актов Правительства.

Другой особенностью юридической силы нормативно-правовых актов Таможенной службы связано со сферой их действия. Согласно ст.12 Таможенного кодекса, законодатель установил что Таможенная служба издает в пределах своей компетенции нормативные акты по таможенному делу, обязательные для исполнения всеми таможенными и иными государственными органами, а также лицами [7] . В таможенном законодательстве под лицами имеется в виду - физические и юридические лица граждане Республики Молдова, *иностранцы перемещающие товары через таможенную границу* [7].

Из указанной диспозиции ст.12 Таможенного кодекса выделяются несколько отличительных признаков.

1. Нормативно правовые акты таможенной службы действуют на всю таможенную территорию.
2. Через ст.12 Таможенного кодекса законодатель расширил пределы действия нормативных актов Таможенной службы в отношении субъектов таможенных правоотношений.
3. Нормативные акты Таможенной службы распространяются только на отношения связанные с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу.
4. Такие нормативно правовые акты будут иметь надведомственный характер.

Анализ указанных признаков, приводит на первый взгляд к выводу что в сфере таможенного дела нормативно правовые акты Таможенной службы обладают силой действия наравне с правовыми актами представительных органов государства.

В публикациях мы писали о необходимости разграничения юридической силы от действия нормативно правового акта так как они не являются тождественными. К примеру, нормативно правовой акт может обладать юридической силой но не действовать [5, с.54]. Такое может произойти после принятия нового закона не отменивший старого. Необходимость различия этих понятий указывает и российский учёный Белкин А.А., который пишет: обладание акта силой органически сочетается с выражением места акта в соответствующей иерархии, определённым уровнем волеизъявления. Действие акта к этой иерархии прямого отношения не имеет – иерархия актов затрагивает действия актов только в случаях коллизий. Акты различной юридической силы могут обладать совпадающим действием и хронологически, и хронологически [13].

Следует иметь в виду, что на сегодняшний день в Республики Молдова, статус, компетенция и категория акта считаются основными обуславливающие юридическую силу нормативно-правовых актов факторами, так как они закреплены на уровне закона. Однако сведения о пределах действия нормативно-правовых актов следует считать характеризующим юридическую силу фактором. С этим соглашается и Белкин А.А. указывая, что иерархия актов затрагивает действия актов только в случаях коллизий [13].

И всё же, в нашем случае, установленные пределы действия нормативно правового акта Таможенной службы не меняют их иерархическое ранжирование при соотношении с другими нормативно правовыми актами системы законодательства.

Этому препятствует статус и компетенция Таможенной службы, форма в которой обличены таможенно правовые нормы, а также юридические формулы о юридической силе этих актов используемые законодателем. К примеру, одной из таких формул является ст.6 Закона №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» где законодатель установил позицию нормативно правового акта центрально отраслевого органа публичного управления, к которым относится и Таможенная служба после нормативно правового акта Правительства.

Если рассматривать в целом типологию ведомственных нормативно-правовых актов необходимо начинать с наличия, по крайней мере, двух существенно различающиеся групп этих актов. Первые из них составляют ведомственные нормативно правовые акты в собственном смысле слова, т.е., такие акты, которые распространяют своё действие на регулирование отношений лишь в рамках того или иного министерства или ведомства. Ко второй группе актов этого вида можно отнести нормативно правовые акты хотя и принятые в порядке реализации своих полномочий, каким либо одним министерством или ведомством, но охватывающие своим действием ряд министерств и ведомств. Это так называемые надведомственные акты [14, с.66].

На практике акты надведомственного характера, издаваемые министерствами нередко содержат нормы определяющие права и обязанности граждан в отношениях с подчинёнными этим министерством, предприятиями и организациями. Такая ведомственная регламентация приобретает в той или иной мере одностороннюю ориентацию на защиту собственных интересов и в силу этого не в полном объёме соответствует принципу законности в процессе правотворчества [14, с.93].

Как мы уже говорили, юридическая сила не константа – не долговечное явление. Она может быть утрачена разными законными способами. Для нормативно-правовых актов Таможенной службы, утрата юридической силы имеет свои особенности. Согласно ст.287 Таможенного кодекса, нормативные акты Таможенной службы, обжалуются в административном и судебном порядке. В административном порядке законодатель указал как инстанцию Таможенную службу и суд. Это говорит о том что нормативные акты Таможенной службы не могут быть лишены юридической силы актами ни одного органа публичной власти кроме самой Таможенной службы и суда.

Здесь отметим, что норма ст.287 Таможенного кодекса [7], противоречит ст.7 п. (г) Закону «О Правительстве» от 07.07.2018, предусматривающая, право Правительства приостанавливать, признавать утратившие силу или аннулировать акты министров, руководителей других подчиненных Правительству центральных административных органов и руководителей входящих в сферу их компетенции, если они противоречат Конституции, нормативным актам Парламента, указам Президента Республики Молдова, постановлениям, ординамсам и распоряжениям Правительства [15].

Также ст.287 Таможенного кодекса [7] противоречит ст.15 Закона №98 от 04.05.2012 «О центральном отраслевом публичном управлении», которая предусматривает: Министр аннулирует административные акты подведомственных министерству административных органов по причине издания их с нарушением законодательства или по причине их нецелесообразности [9]. Решения по возникшей ситуации осуществляется согласно правилам предусмотренных коллизионными нормами ст.7 Закона №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» [4].

Также при соотношении ст.7 п. (г) Закона «О Правительстве» от 07.07.2018 [15] и ст.15 Закона № 98 от 04.05.2012 «О центральном отраслевом публичном управлении» [10] со ст.287 Таможенного кодекса, приоритет останется за ст.287 Таможенного кодекса [7] так как она уточняют субъект и обстоятельства её применения - являются специальной правовой

нормой по отношению к нормам общего характера ст.7 п. (г) Закона «О Правительстве» от 07.07.2018 [15] и ст.15 Закона №98 от 04.05.2012 «О центральном отраслевом публичном управлении» [10].

Поэтому Министерство финансов в условиях предусмотренных ст.15 Закона №98 от 04.05.2012 «О центральном отраслевом публичном управлении» [10] не сможет лишить юридической силы нормативно-правовых актов Таможенной службы. Помимо того, в ч.2, ст.. Закона №100 от 22.12.2017 «О нормативных актах» прямо указывается что нормативный акт большей юридической силы может изменять или признать утратившим силу нормативный акт меньшей юридической силы изданный тем же субъектом. Из чего следует, что каждый орган публичной власти вправе лишать юридической силы только собственные нормативно правовые акты.

Особенностью юридической силы нормативно-правовых актов Таможенной службы можно считать и её зависимость от публикации акта в официальных изданиях. В целях обеспечения соответствия ведомственных нормативных актов положениям действующего законодательства и защиты, конституционных прав, свобод и интересов человека, Правительство Республики Молдова в 1997 году приняло Постановление Правительства №1104 от 28.11.1997 **«О порядке проведения юридической экспертизы и государственной регистрации ведомственных нормативных актов»** [16] в соответствии с которым с 1 января 1998г., ввело обязательность юридической экспертизы и государственную регистрацию ведомственных нормативных актов (министерств, других центральных административных органов и других государственных учреждений), затрагивающих права и законные интересы граждан или носящих межведомственный характер, за исключением актов, содержащих сведения, относящиеся к государственной тайне.

Юридическая экспертиза и государственная, регистрация ведомственных нормативных актов согласно Постановлению №1104 от 28.11.1997 осуществляются Министерством юстиции, которое ведет Регистр (реестр) государственной регистрации ведомственных нормативных актов.

Ведомственные нормативные акты, прошедшие юридическую экспертизу и государственную регистрацию, подлежат опубликованию в Официальном мониторе Республики Молдова.

Акты, не прошедшие юридическую экспертизу и государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном законом порядке, за исключением актов, имеющих ограничения в отношении публикации, не имеют юридической силы и не могут служить законным основанием для регулирования соответствующих правоотношений или применения каких бы то ни было санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров [17, с.35]

В итоге при исследовании действующего законодательства Республики Молдова, нами выявлены особенности юридической силы таможенных нормативно правовых актов. Установили факторы, которые необходимо учитывать для поддержания слаженного механизма соподчинённости нормативно правовых актов. Этот трудоёмкий процесс основан на синтезе и анализе действующего законодательства и положений правовой науки.

Список используемой литературы:

1. Poalelungi Oleg. Puterea juridică a actului normativ juridic. În: Autoreferat al tezei de doctor în drept. Chişinău, 2014, p.12. 30 p.
2. Здунова Д.Е. Юридическая сила правовых актов. Автореферат диссертации. Казань – 2005 <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskaya-sila-pravovykh-aktov>.
3. Закон Республики Беларусь. №130-3 от 17 июля 2018 года. О нормативных правовых актах. <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>.

4. Закон Республики Молдова №100 от 22.12.2017 года «О нормативных актах». В Официальном Мониторе № 7-17 от 12.01.2018 года
5. Poalelungi Oleg. Apariția, funcționarea și încetarea Puterii juridice a actului normativ juridic. În: Revista Națională de Drept, 2012, nr.6, p.51-55, 80 p.
6. Poalelungi Oleg. Unele forme de condiționare a puterii juridice a actelor normative. În: Revista Națională de Drept, 2010, nr.7-8, p.61-63, 120 p.
7. Таможенный кодекс Республики Молдова №1149. В Официальном Мониторе, № ed.special от 01.01.2017 года.
8. Закон Республики Молдова №302 от 21.12.2017 года « О Таможенной службе». В Официальном Мониторе № 68-76 от 02.03.2018 года.
9. Постановление Правительства Республики Молдова №4 от 02.01.2007 года. Об утверждении предельной штатной численности и Положение об организации и функционирования Таможенной службы. В Официальном Мониторе № 3-5 от 12.01.2007 года.
10. Закон Республики Молдова №98 от 04.05.2012 года. О Центральном отраслевом публичном управлении. В Официальном Мониторе № 160-164 от 03.08.2012 года.
11. С.С. Алексеев. Общая теория права. Том, 2. Юридическая литература, Москва 1982, с.231.
12. Васильев Р.Ф. Правовые акты органов управления. Издательство Московского университета, 1970.
13. Белкин А.А. Юридические акты: Обладание силой и действие. Правоведение – 1993, №5. с.3-14
14. С.В.Поленина, Н.В.Сильченко. Научные основы типологии нормативно правовых актов. Москва, Наука, 1987. 152 с
15. Закон Республики Молдова о Правительстве, от 07.07.2018 года. В официальном мониторе № 252 от 19.07.2017 года
16. Постановление Правительства Республики Молдова №1104 от 28.11.1997 г. **О порядке проведения юридической экспертизы и государственной регистрации ведомственных нормативных актов.** В Monitorul Oficial № 6-7 от 29-01-1998
17. Таможенное право. Учебное пособие/Под. Ред. В.Г. Драганова, М.М. Рассолова. «Закон и право». Москва, -2001. с.639.

УДК: 34.038.2

Evgheni FLOREA
Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Comrat,
Natali PARUTENCO
magistru în drept

**МЕХАНИЗМ БАНКОВСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА:
ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ**

Abstract. The author analyzes mechanism of such criminal behavior as bank fraud. The study contains analysis of objective and subjective parts of this mechanism. Among subjective elements that shape criminal motivation special attention is given to necessities, motives and goals, choosing ways to achieve the goal, forecast of probabilities and decision making as well as to behavior control and behavior correction. The main objective part of bank fraud mechanism, situation and its role in criminal decision-making, is also studied. The most important author's conclusion is that all

bank fraud prevention activity must be based on analysis of both, objective and subjective parts of this mechanism in their combination.

Одним из фундаментальных понятий отечественной микро криминологии является механизм преступного поведения, под которым понимается связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение [1]. Приведённое определение носит обобщающий характер в том смысле, что механизм преступлений того или иного вида, как и конкретного преступления, имеет свои специфические особенности. В настоящей статье мы рассмотрим механизм банковского мошенничества с позиций микро криминологического анализа, разделив его для удобства изложения на объективные и субъективные составляющие. Данное разделение, конечно, носит условный, умозрительный характер. Как человек, изучающий анатомию, прекрасно понимает, что сердце или мозг лишь теоретически можно рассматривать отдельно от всего организма, так и криминолог, имеющий предметом своего изучения преступное поведение, должен сознавать, что его элементы и составляющие без включения в общий контекст акта нарушения уголовного запрета не имеют самостоятельного значения. В действительности механизм преступного поведения представляет собой единый организм, диалектическое единство внешнего и внутреннего, субъективного и объективного.

Важным аспектом в изучении преступного поведения является так называемый личностный фактор, т.е. та роль, функция, которую сыграли личностные черты и особенности преступника в переходе на путь нарушения уголовного закона. В силу своей чрезвычайной важности и специфичности указанный вопрос, по нашему убеждению, требует отдельного рассмотрения в рамках самостоятельной публикации.

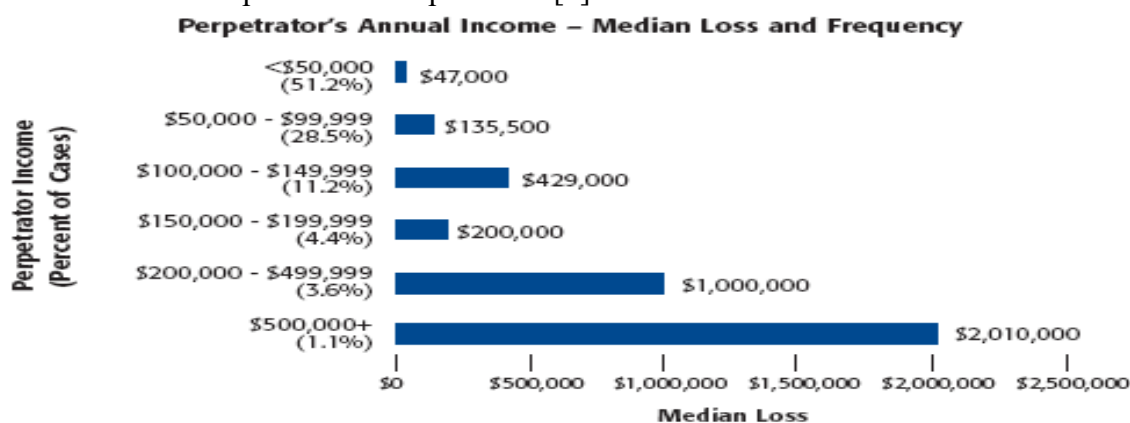
Мотивация банковского мошенничества. Мотивационные процессы, предвещающие и сопутствующие преступному поведению, представляют собой сложную многоуровневую систему психологических факторов, оказывающих перманентное влияние на формирование мотива и цели деяния, принятие индивидом решения о совершении преступления, а также на контроль за ходом осуществления преступного акта. Знание «внутреннего механизма» преступления имеет чёткие и осязаемые практические задачи. Оно даёт нам возможность оптимизировать пути и средства предупреждения преступной деятельности, т.е. бороться с криминалом не только *post factum*, но и действовать на опережение посредством ликвидации тех или иных элементов мотивации преступного поведения, изменения её «параметров» и разрыва криминогенного взаимодействия между ними.

Психологический «стержень» банковского мошенничества в абсолютном большинстве случаев являет собой классический пример предумышленного преступления, мотивация которого обстоятельно описана проф. В.В. Лунеевым в фундаментальном труде «Мотивация преступного поведения».

По мнению Лунеева, следует выделять следующие звенья мотивационного процесса: потребность; мотив; цель; выбор путей и способов её достижения; вероятностное прогнозирование; принятие решения; контроль и коррекция поведения; анализ совершённого; раскаяние или выбор защитного мотива [2].

Следует заметить, что в качестве отправной точки для мотивационных процессов могут выступать не только потребности, но влечения, эмоции, ценностные ориентации. Кроме того, в данной конструкции, строго говоря, к преступному поведению имеют отношение только первые семь блоков. Что же касается анализа совершённого поступка, раскаяния или выбора защитного мотива, то речь здесь идет о мотивации не преступного, а пост преступного поведения, поскольку в данном случае имеет место начало нового мотивационного цикла, связанного с актуализацией иной потребности, чем та, которая лежала в основе преступного поведения. В остальном приведённая схема достаточно точно отражает мотивационный процесс банковского мошенничества.

Потребности лежат в основе большинства человеческих поступков и преступное поведение, в данном случае, не является исключением. Для банковского мошенничества наиболее типичными являются потребности материального характера. При этом банковских мошенников никак нельзя отнести к нуждающимся. Как правило, данная категория преступников относится к социальным слоям, которые в состоянии обеспечить стандартный уровень потребностей нашего общества. Вместе с тем, в отношении инсайдерского мошенничества следует признать наличие существенной разницы между нормальным стандартом потребностей, характерным для такой престижной профессии, как работник банковской сферы, и нормальным стандартом потребностей, который характерен для основной массы граждан. Те потребности, которые для большинства людей представляются явно завышенными, будут считаться нормальными, естественными, само собой разумеющимися для данной социальной группы. И наоборот, потребностная норма среднестатистического жителя Молдовы, скорее всего не удовлетворит работника банковской сферы. Причём прослеживается чёткая зависимость между уровнем законных доходов мошенников-инсайдеров и степенью их материальных притязаний, удовлетворяемых посредством преступления. Из приведённой ниже схемы можно сделать однозначный вывод – чем больше законный доход мошенника, тем выше становятся его материальные потребности[3].

Нередко в основе мотивации банковского мошенничества лежат извращённые потребности, удовлетворение которых «объективно противоречит развитию личности и интересам общества» [4]. Стивен Альбрехт в том же контексте говорит о «порках» (vices), которым лицо не в силах противостоять[5]. К ним, по мнению Альбрехта и коллег, относятся пристрастия к алкоголю, наркотикам, азартным играм, а также «дорогостоящие» внебрачные связи. В этом случае интенсивность перечисленных потребностей достигает настолько высокого уровня, что психологические механизмы внутреннего контроля, которые в других ситуациях сдерживают такие порывы, оказываются малодейственными. Мошенничества, совершаемые в силу таких эмоционально окрашенных потребностей-влечений, наименее продуманны и, соответственно, чаще других случаев обнаруживаются службой безопасности банка либо правоохранительными органами.

Потребности само актуализации, т.е. реализации своих возможностей и способностей также являются характерными для мотивации мошеннических действий. В первую очередь они свойственны лицам, которые полагают, что их недооценивают на работе или по службе. Причём можно сказать, что такие потребности могут лежать в основе как инсайдерского, так и аутсайдерского мошенничества. Также довольно часто в мошеннических преступлениях на основе этих потребностей бывают задействованы бывшие работники банка. В среде программистов по этому поводу существует поговорка: «увольняя системного администратора, глава фирмы должен подать ему пальто». Её смысл состоит в том, что для любого учреждения, предприятия или организации существует серьёзная опасность со стороны бывших сотрудников, которые, с одной стороны, считают себя несправедливо

обиженными, а с другой – вполне могут использовать накопленные за время работы знания во вред своему бывшему учреждению.

Потребность самоуважения, заключающаяся в признании, одобрении характерна для многих компьютерных мошенников. Человек, которому удастся «обмануть» систему компьютерной безопасности какой-нибудь крупной организации или корпорации, приобретает значительный авторитет и уважение в среде хакеров. Несмотря на свою противоправность, такие действия поднимают его вверх по хакерской иерархии.

Наиболее сложным представляется вопрос о потребностно-мотивационной сфере преступников, относящихся к финансовой элите общества. Действительно, люди, которые и так могут себе позволить в материальном плане практически всё, тем не менее, идут на преступление. Герой одного известного западного фильма восклицал по этому поводу: «много ли есть на свете вещей, которых нельзя купить за один миллиард, но можно за восемь?» Представляется, что потребность «делать деньги» любым путём, независимо от того, законен он или нет, является ключевым фактором в понимании тех психологических механизмов, которые движут этими людьми. Вопросы законности (или незаконности) предпринимаемых ими действий отходят на второй план, когда появляется возможность увеличить своё состояние.

Мотивы и цели конкретизируют и опредмечивают существующие у индивида потребности, заметно приближая его к преступлению. Часто банковское мошенничество представляет собой поли мотивированное преступление, в котором совместно с материальными интересами заметную роль играют и иные побудители. Причём важно отметить, что материальные мотивы совсем не обязательно являются главными, ведущими в таких побудительных тандемах. Вполне возможно, что, к примеру, желание отомстить своему бывшему начальнику или стремление подняться в хакерской иерархии руководят мошенником в значительно большей степени, чем корысть. Цель как результат, к которому стремится мошенник, заключается в получении материальной выгоды. Но это в уголовно-правовом смысле. Криминологически же цель преступника вполне может выходить за рамки состава преступления, имея стратегическое значение. В таком случае цель конкретного преступления выступает лишь как средство её достижения. К примеру, стратегической целью преступника может являться приобретение дачи в престижном районе Подмосковья. Соответственно, им будет предприниматься целый ряд действий, возможно и преступного характера, для приобретения необходимых средств. При этом каждое действие может иметь свою мотивационную окраску. С другой стороны, существуют промежуточные цели, способствующие достижению той, которая лежит в основе преступления. Для совершения банковского мошенничества преступнику, скорее всего, нужно будет подобрать соучастников, распределить между ними роли, изучить систему безопасности банка, разработать план своих действий (в том числе и альтернативные варианты), подделать необходимые документы и т.д. Иными словами, не следует воспринимать механизм этого и иных преступлений по схеме «один мотив – одна цель». В действительности, поведение, особенно предумышленное мошенничество, представляет собой чрезвычайно сложный многоцелевой процесс.

Выбор путей и способов достижения поставленной цели. Если предыдущие стадии механизма мошенничества не имели существенного социального значения, имея в основном психологическое содержание, то на момент выбора возможных путей и способов достижения поставленной цели лицу вместе с тем приходится сделать выбор между социально приемлемым и социально опасным поведением. Иными словами, человек вплотную подходит к черте, отделяющей простые помыслы от вполне осязаемых преступных действий, несущих конкретный вред обществу.

Если теоретически поведение представляет собой «результат бесконечного множества случаев выбора человеком между постоянно выдвигаемыми перед ним окружающей средой возможными вариантами поведения» [6], то в реальной жизни количество рассматриваемых

человеком возможных вариантов дальнейшего поведения не так уж и велико. Взяв в качестве примера ту же цель приобретения дачи в Подмосковье, лицо может взять ипотечный кредит или одолжить денег у родных и близких. С появлением на постсоветском пространстве высокооплачиваемых даже по западным стандартам вакансий (топ-менеджмент банков, нефтяных компаний, страховых фирм и т.д.) нельзя также исключать для данной социальной прослойки возможность накопить необходимые средства. Существуют и «фантастические» способы (выиграть в лотерею, получить наследство), но мало кто серьезно рассматривает такие варианты. При этом помимо правомерных способов, часть лиц включает в сферу возможных путей и способов достижения поставленной цели и противоправные способы, которых тоже может быть несколько. К примеру, хищение чужого имущества предполагает такие способы как тайность (кража), насилие (грабёж, разбой) или обман (мошенничество). Таким образом, с позиции выбора путей и способов достижения поставленной цели можно выделить три категории граждан.

Первая категория, составляющая подавляющее большинство нашего общества, рассматривает лишь социально допустимые способы удовлетворения своих потребностей. Для законопослушного человека существуют только такие пути. Других он либо в принципе «не видит», либо полностью отвергает как неприемлемые.

Лица второй группы в первую очередь изучают противоправные методы. Даже среди закоренелых преступников данная группа лиц – большая редкость. Нарушают уголовный закон «из принципа» так называемые «идейные» преступники, которые ненавидят государство как таковое во всех его проявлениях. Кроме того, из этой категории не следует исключать и преступников, которые демонстративно бросают вызов системе, желая продемонстрировать своё интеллектуальное превосходство.

И, наконец, промежуточная категория в равной степени рассматривает как правомерные, так и противоправные способы. В этой группе лиц находятся и будущие преступники и законопослушные граждане, которые хотя и включают в круг возможных способов достижения своих целей противоправные способы, но всё же в конечном итоге отказываются от них.

Вероятностное прогнозирование и принятие решения. На данном этапе как правило уже произошёл выбор объекта, на который будут направлены действия индивида, а также обозначены основные варианты последующих действий. Как следствие, прекращается или заметно уменьшается контакт с внешним миром в смысле получения новой информации. Практически вся деятельность индивида сведена к «обработке» уже имеющихся «данных», состоящая в оценке и сопоставлении возможных последствий в случае выбора того или иного варианта поведения. Как правило, в результате мы имеем выбор одного акта и исключение всех остальных возможностей. В то же время не исключены и условные решения, т.е. основанные на наличии либо отсутствии определённого обстоятельства объективного или субъективного свойства (например, усиление контроля, возможная аудиторская проверка, усовершенствование программного обеспечения и т.д.). В таком случае возможны многовариантные решения, причём это может выражаться как в нескольких вариантах совершения преступления, так и в сочетании «криминального» решения с вариантом временного отступления или полного отказа от совершения противоправного поступка. Особенностью многих мошеннических операций также является заблаговременное планирование своих действий в случае обнаружения факта хищения.

Тонкая, едва уловимая грань, отделяющая коварную аферу от случайной ошибки, позволяет злоумышленнику объяснить всего лишь простой невнимательностью, к примеру, незаконное списание денег со счёта, разрешение на выдачу заведомо невозвратного кредита, выписку чека на сумму, явно превышающую имеющихся на счету средств и т.д.

Нередко в качестве альтернативного варианта, в случае обнаружения жертвой факта мошенничества используется шантаж, угрозы или прямое насилие. Например: Летом 1995 г. г-

жа Л. обратилась в местное отделение Энбанка РФ с просьбой предоставить ей кредит под залог. Просьба потребительницы была удовлетворена, и с ней был подписан кредитный договор на сумму 30 млн. рублей под стандартную ставку - 80% годовых. Деньги были немедленно переданы в руки Л. Однако при пересчете денег оказалось не 30 миллионов, а 28 с половиной. Работник банка разъяснил Л., что при оформлении со всех получателей ссуд взывается 5% за обналичивание денег. Никаких документов, подтверждающих удержание полутора миллионов, выдано не было. Через месяц Л. снова обратилась в то же отделение банка за новым кредитом. Просьба вновь была удовлетворена, однако на этот раз 5% не удержали. Обратившись в другие отделения Энбанка получатель кредита выяснил, что нигде больше 5% за обналичивание кредита не взимается. В то же время, местное отделение Энбанка, где Л. брала первый кредит, настаивало на правомерности своих действий. На переговорах ей был предъявлен список услуг, за которые якобы и были получены 1,5 миллиона. Когда и эти «документы» не убедили ссудополучателя, представители банка пригрозили, что если Л. будет упорствовать в своих претензиях, то будет найден способ заставить ее вернуть кредит досрочно. [7]

Контроль и коррекция поведения. По сути дела, здесь преступное поведение совпадает с преступлением как внешним актом общественно опасного и противоправного поведения. Если оно было основательно продумано, то его совершение будет проходить в соответствии с заранее намеченным планом. Хотя конечно никогда не следует исключать роль Его Величества Случая, который всегда может внести свои коррективы даже в самый тщательно продуманный план. Изменения преступного поведения могут иметь двоякий характер. С одной стороны, нарастание преступного замысла по ходу совершения преступления. Мошенник, видя ту лёгкость, с которой ему далась первая афёра, а также отсутствие какого-либо особого внимания к своим действиям со стороны лиц или структур, призванных пресекать подобные злоупотребления, практически тут же совершает новое преступление, руководствуясь принципом «куй железо, пока горячо». При этом злоумышленник нередко теряет бдительность, пренебрегая многими мерами предосторожности, которые использовались им в первый раз. В результате, как правило, наступает скорое разоблачение.

С другой стороны, не следует исключать и отказ от дальнейшей реализации мошеннического замысла, что может иметь как объективные, так субъективные основания, а с уголовно-правовой точки зрения может иметь форму покушения на преступление или добровольного отказа от доведения начатого преступного деяния до конца. Последний случай наглядно отражен в следующем примере:

У работницы банка заболел ребенок, и ей срочно требовалась крупная сумма денег. Служба безопасности, отслеживая ситуацию, пришла к однозначному выводу, что в своем угнетенном состоянии женщина начала подготовку к хищению. Вместо того чтобы уволить потенциальную мошенницу руководство банка поступило по-другому. После беседы с начальством сотрудница получила льготную ссуду, что и привело к благополучному разрешению возникшей ситуации. [8]

Одновременное разрешение сложной жизненной ситуации, в которую попала сотрудница, предотвращение мошенничества, а также сохранение ценного сотрудника представляются удачным примером оптимального управленческого решения, как с экономической, так и с психологической точки зрения. Однако, к сожалению, данный случай является скорее исключением, чем правилом в современной постсоветской банковской практике. Как правило, работники, подозреваемые в возможном совершении мошеннических действий, увольняются с работы без особых разбирательств и выяснений причин происшедшего.

Роль ситуации в механизме банковского мошенничества. В криминологическом смысле ситуация представляет собой «событие или состояние, вызвавшее решимость совершить общественно опасное действие, которое приводит к преступному результату вследствие

умысла или по неосторожности» [9]. В литературе высказывалось мнение, что понятия «конкретная ситуация» и «обстоятельства (обстановка) совершения преступления» по существу являются тождественными [10]. Полагаем, что это верно лишь отчасти. Действительно, в определённых случаях возможно совпадение конкретной жизненной ситуации в период формирования умысла с ситуацией (обстановкой), сохраняющейся во время совершения преступления. Наиболее ярким примером в этом смысле могут послужить длящиеся и продолжаемые преступления, при совершении которых лицо вновь и вновь взаимодействует с ситуацией, создавая условия для продолжения начатого деяния. Тем не менее, в большинстве преступлений имеется реальная возможность разграничить данные понятия. В связи с этим представляется, что в интересах более глубокого и всестороннего научного анализа механизма банковского мошенничества, необходимо отдельное рассмотрение объективных факторов, которые влияют на: поведение субъекта непосредственно перед совершением им преступления (пред криминальная ситуация); ход развития преступления вплоть до наступления преступного результата (криминальная ситуация).

Рассматривая объективные обстоятельства, влияющие на принятие решения о совершении банковского мошенничества, следует в первую очередь обратить внимание на тот факт, что банковское дело по своей сути представляет собой работу с таким специфическим продуктом как деньги. Это само по себе накладывает серьёзный отпечаток на данный вид деятельности. Деньги – основной инструмент, с которым приходится иметь дело в банковском бизнесе – несут в себе серьёзнейший криминогенный потенциал. Наличие денег часто является ключевым фактором, определяющим место индивида в обществе. «Мы часто оцениваем успех количеством денег и материальных ценностей, которыми обладает человек, - признает Стивен Альбрехт. – Если Вы скажете, что Ваш родственник очень успешен, то, скорее всего Вы будете иметь в виду, что он живет в большом доме, имеет яхту, кооперативную квартиру, ездит на дорогом автомобиле и имеет столько денег, что может позволить себе всё, чего он пожелает» [11]. Для современной России эта сугубо материальная формула жизненного успеха для многих граждан превратилась в кредо, но со своей, характерной для переходного общества спецификой. По мнению доктора филологических наук Л.П. Громовой, «понятие «труд» уже в наши дни заменилось иным – «капитал», что в условиях России означает, как правило, грабёж, обман, преступление» [12]. Поэтому совсем неудивительно, что банки как магнит притягивают к себе воров, грабителей и мошенников различных калибров и «специальностей». Понятие «огрбить банк» стало нарицательным в преступном мире, означая крупный финансовый успех с криминальным оттенком. Сказанное позволяет сделать вывод о повышенной криминогенности банковского бизнеса, что применительно к нашему вопросу означает, что банковское дело *de facto* осуществляется в условиях постоянной криминогенной ситуации. Единственное отличие состоит в степени криминогенной обстановки в данной сфере, которая может быть большей или меньшей. Это так называемое универсальное макро криминологическое свойство ситуации ведения банковского бизнеса.

На микроуровне так же можно выделить ряд ситуационных факторов, способствующих принятию решения о совершении мошенничества. Среди наиболее распространенных следует отметить упущения и недостатки в учёте и хранении денег, ценных бумаг и иных ценностей. В этом случае объект, являющийся частью ситуации, как бы «провоцирует» служащего на преступление. Злоумышленнику остается только подобрать надлежащий способ его совершения.

Немалую роль в детерминации инсайдерских мошеннических действий играет поведение руководства и топ-менеджмента банковского учреждения. Во-первых, небрежное отношение высшего руководства к внутренним правилам и инструкциям, а то и прямое их нарушение, способствуют созданию общей обстановки безалаберности на уровне рядовых служащих, которые скорее всего будут следовать дурному примеру своего начальства. Воспользоваться

подобной ситуацией для совершения мошеннических действий может в равной степени, как инсайдер, так и аутсайдер. Во-вторых, крайне негативное воздействие на внутреннюю обстановку в банке оказывает «бравата» руководства и высшего руководящего звена своим более успешным по сравнению с рядовыми служащими материальным положением. Постоянное хвастовство перед окружающими приобретением сверхдорогих вещей, использование и нарочитая демонстрация в повседневном обиходе предметов роскоши, вождение и частая смена эксклюзивных автомобилей – всё это явно не по карману большинству остальных работников банка. Как следствие, у некоторых служащих может появиться желание восполнить существующий между ними и начальством пробел в достатке за счёт средств банка.

Другим внешним детерминантом мошенничества могут быть проблемные ситуации, которые могут иметь различный характер, интенсивность и протяжённость во времени. В этой связи представляется чрезвычайно важной корпоративная атмосфера и общее отношение банка к своим сотрудникам. Речь, конечно, не идёт о тотальной слежке за персоналом, что, к сожалению, порой практикуется в некоторых фирмах. Такой подход к делу способен скорее ухудшить внутренний микроклимат в учреждении, что в свою очередь самым негативным образом повлияет на эффективность работы персонала. Вместе с тем, наличие в штате банка профессионального психолога представляется совершенно оправданной мерой, способной решить многие вопросы безопасности банковской деятельности. Кроме того, индивидуальный подход и желание помочь своему сотруднику, попавшему в сложную жизненную ситуацию, послужит не только тактической цели предупреждения конкретных мошеннических действий, но и стратегической задаче повышения уважения работников банка к своему учреждению. Вместе с тем, другая крайность т.е. излишнее потакание любому капризу сотрудника, также способна сыграть злую шутку с кредитной организацией. Одно дело – сотрудник, нуждающийся в средствах для удовлетворения своей потребности к алкоголю, наркотикам или азартным, совсем другое – мать, пытающаяся найти деньги на лечение ребёнка. Иными словами, сутью индивидуального подхода должна быть психологически грамотная и экономически взвешенная оценка сложившейся ситуации, на основе которой принимается соответствующее управленческое решение.

Мошенники, которых относят к элите общества, как правило, совершают свои преступления вследствие благоприятно складывающейся макро- или микроэкономической ситуации. Если появляется возможность «заработать», независимо от социальной или юридической оценки данного способа, то лицо, относящееся к высшим слоям общества, пользуется создавшейся обстановкой в преступных целях, не особо задумываясь о противоправности своих действий. Уверенность в своей неприкасаемости, избранности, «над законности», характерная для VIP-преступников, служит им достаточным аргументом для того, чтобы не рассматривать всерьёз возможную угрозу уголовного преследования.

Для многих мошеннических преступлений существенную роль играет повод, который служит своего рода «катализатором», активизирующим мотивационные процессы и формирование решимости совершить преступление [13]. Особенно велика роль так называемого обязывающего повода в преступлениях, совершаемых «тёмными» хакерами. В механизме преступлений, обусловленных обязывающим поводом, поведение субъекта жёстко детерминировано групповыми нормами, моралью, т.е. индивид обращается к своей референтной группе как источнику ориентации в окружающей действительности. При этом существенное значение играет ориентация субъекта на оценку своих поступков (в том числе и преступного поведения), своих личностных качеств, важных обстоятельств, предмета личных интересов и т. д. со стороны его референтной группы. Индивид как бы воспринимает окружающий мир сквозь призму ценностных ориентаций (убеждения, взгляды, мнения) его товарищей. Сказанное во многом отражает детерминацию банковского мошенничества хакерской субкультурой. Бросить вызов системе компьютерной безопасности банка в этой

среде означает завоевать немалый авторитет и уважение со стороны лиц этого круга. А похищенные таким образом деньги нередко воспринимаются в среде хакеров как своеобразный приз, полученный за «успешную» работу.

Воздействие ситуации на ход развития уже начавшегося преступления также может быть весьма значительным. Этот вопрос мало разработан в криминологии, но вместе с тем обстоятельно рассматривается в уголовном праве в рамках институтов приготовления, покушения, добровольного отказа, а также эксцесса исполнителя. Отдельный случай – продолжаемые мошенничества, при которых внешние условия оказывают незначительное влияние на преступное поведение. Это объясняется тем, что преступная деятельность становится привычной для злоумышленника, как бы «сливаясь» с его образом жизни [14]. Она по своему психологическому содержанию мало отличается от рабочей рутины, с которой сталкивается любой законопослушный гражданин, вовлеченный в ту или иную сферу социальной деятельности. Сказанное относится к «профессиональным» растратчикам, кардерам и темным хакерам, для которых преступная деятельность представляет собой существенный компонент жизненного уклада, а доход от неё является постоянным источником средств к существованию.

В завершение ещё раз подчеркнём, что вся работа по предупреждению и пресечению банковского мошенничества должна строиться с учётом механизмов, реализующих антиобщественные ориентации личности. Органы охраны правопорядка, финансовые органы, обладающие надзорными функциями, а также службы безопасности банков должны активно выявлять и устранять ситуации, способствующие совершению мошенничества. Кроме того, чрезвычайно важным в предупредительной деятельности является личностный подход, позволяющий определять как среди работников банка, так и среди его действительных и потенциальных клиентов так называемую «группу риска», т.е. тех лиц, в отношении которых есть реальные основания полагать о существовании возможности совершения ими мошенничества.

Литература:

1. Механизм преступного поведения. /Отв. ред. В.Н. Кудрявцев М.: Наука, 1981. – С. 30.
2. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. - М.: Наука, 1991. – С. 28.
3. 2004 Report to the Nation on Occupational Fraud and Abuse. Ed. by Association of Certified Fraud Examiners. Austin, 2004. P. 31.
4. См. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: Издательская группа «ФОРУМ – ИНФРА-М», 1998. – С. 48.
5. W. Steve Albrecht, Conan C. Albrecht, Chad O. Albrecht Fraud Examination. 2nd edition. Thompson South-Western. Mason. 2006. P. 34-36; W. Steve Albrecht, Chad Albrecht Fraud Examination & Prevention. Thompson South-Western. Mason. 2004. P. 23-25.
6. Яковлев А.М. Взаимодействие личности со средой как предмет криминологического исследования// Советское государство и право. 1996. № 2. С. 56.
7. <http://www.museum.ru/museum/swindler/finance/4.html>
8. <http://www.sec4all.net/statea19.html>
9. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. (О структуре индивидуального преступного поведения). – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 38.
10. См. Кваши В.Е. Криминологические аспекты проблемы преступной неосторожности// Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1978, № 28. – С. 28.
11. W. Steve Albrecht, Conan C. Albrecht, Chad O. Albrecht Fraud Examination. 2nd edition. Thompson South-Western. Mason. 2006. P. 36.
12. Цит. по Кудрявцев В.Н. «Преступность и нравы переходного общества». М.: Гардарики, 2002. - С. 123-124.
13. Подробнее о поводе к преступлению см. Глonti Г.Ш. Криминологическая характеристика поводов к совершению преступлений// Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1986. № 44.

Его же О механизме преступного поведения// Криминологические проблемы преступного поведения. Сборник научных трудов. – М., 1991.

14. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. С. 141.

УДК 342.951

Морозов Владимир Александрович

адъюнкт кафедры административного права
факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
г. Москва, РФ

E-mail: Morozov2112@mail.ru

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК ВИД ГАРАНТИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И
ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
МВД РОССИИ**

Annotation. The article reveals the role of prosecutorial supervision as a type of activity aimed at guaranteeing the implementation of the administrative and legal status of foreign citizens and stateless persons held in special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: foreign citizen, stateless person, administrative status, special institutions, rights, freedoms, duties, guarantees, administrative expulsion, prosecutorial supervision.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (далее – Конституция РФ) «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [3]. Действительно, защита прав и свобод человека и гражданина является важнейшей обязанностью любого государства. На этой основе и в связи с этим осуществляется деятельность органов государственной власти. Во имя достижения данной цели издается множество нормативных правовых актов, являющихся регулятором общественных отношений.

Стоит отметить, что на территории Российской Федерации, как и на территории любого государства, пребывают иностранные граждане и лица без гражданства. Согласно ст. 62 Конституции РФ «иностранцы и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации» [3].

Данное положение, также, закреплено в ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ). Данный Федеральный закон является основным нормативным правовым актом, закрепляющим и регулирующим правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в России. Итак, можно сделать вывод о том, что главной задачей в Российской Федерации является обеспечение и защита прав и свобод всех граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих и временно пребывающих на территории Российской Федерации.

В процессе пребывания на территории Российской Федерации, мигранты становятся субъектами различного рода правонарушений. Зачастую это происходит из-за сложностей языкового барьера, из-за непонимания, а также незнания законодательства Российской Федерации, в том числе в сфере миграции. За нарушение миграционного законодательства Российской Федерации, в соответствии со ст. 34 ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ, иностранные граждане и лица без гражданства «подлежащие административному выдворению за пределы

Российской Федерации, по решению суда содержатся в специально отведенных помещениях органов безопасности либо в специальных учреждениях до исполнения решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации» [7].

Содержание иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных учреждениях Министерства внутренних дел (далее – МВД) России урегулировано Постановлением Правительства РФ от 30.12.2013 № 1306 «Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях МВД Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии».

Несмотря на то, что режим содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных учреждениях МВД России предусматривает ограничение некоторых конституционных прав и свобод, в общем смысле защита и охрана прав и свобод остаётся приоритетной задачей и обязанностью государства, в лице руководства и сотрудников данных специальных учреждений.

Необходимо отметить, что «важную роль в охране и защите конституционных прав и свобод, включая права мигрантов, играет прокуратура РФ» [2, с.182].

Вспомним, что права и свободы конкретного лица являются элементами его административно-правового статуса. Кроме прав и свобод, административно-правовой статус включает обязанности, ответственность и гарантии реализации данного статуса.

Под гарантиями административно-правового статуса следует понимать «комплекс организационных, экономических, политических, идеологических и юридических мер, обеспечивающих реализацию прав, обязанностей и ответственности граждан в сфере государственного управления» [8].

Юридическими мерами, обеспечивающими реализацию административно-правового статуса, являются «закрепленные в законодательстве средства, а также система государственных органов, обеспечивающих реализацию прав, обязанностей и ответственность граждан в сфере государственного управления» [8].

Таким образом, одним из видов гарантирования реализации административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России является прокурорский надзор.

Согласно ст. 26 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: «предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций» [6]. Однако проведение проверки соблюдения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России может осуществляться не иначе как на основании получения прокурором информации о фактах таких нарушений.

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России, осуществляется с целью обеспечения законности при повседневной деятельности и функционирования данных учреждений и их должностных лиц. При этом главные задачи при осуществлении прокурорского надзора – выявление и пресечение правонарушений и нарушений законов, а

также создание условий конкретными мерами реагирования, при которых дальнейшие нарушения станут невозможными.

Так, в соответствии с п. 7.5. Приказа Генеральной Прокуратуры РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» прокурору, при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства следует «систематически, не реже одного раза в месяц, проводить проверки исполнения законов при содержании в специальных учреждениях МВД России иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации и реадмиссии» [5].

В заключение следует отметить, что именно прокуратура, как орган, надзирающий за соблюдением Конституции РФ, исполнением законодательства, действующего на территории Российской Федерации, в том числе Федеральными органами исполнительной власти, коим является МВД России, имеет особый авторитет. Во-первых, данный авторитет позволяет требовать неукоснительного выполнения служебных обязанностей со стороны должностных лиц специальных учреждений МВД России, в том числе, в части соблюдения действующего законодательства. Во-вторых, при наличии нарушений, позволяет самостоятельно предпринимать меры административного реагирования, направленные на дальнейшее их недопущение. В-третьих, способствует обеспечению прав, свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в данных учреждениях. Таким образом, целенаправленный и последовательно определенный прокурорский надзор, также, как и деятельность прокуроров по укреплению законности в системе МВД России, является эффективным инструментом гарантирования реализации административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России.

Библиография:

1. Административное право / *под общей ред. А.В. Зубача*. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 530 с.
2. Воронина Н.А. Механизмы защиты прав мигрантов в Российской Федерации // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3 (55). – С. 182.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.) // [Электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/14366:0> (дата обращения: 02.01.2020).
4. Мицкевич А.В. О гарантиях прав и свобод граждан РФ // Российская юстиция. – 1997. – № 8. – С. 14.
5. Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/1356732/> (дата обращения: 10.01.2020).
6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 27.12.2019) «О прокуратуре Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/59010433d79f974b3ff25b01cfeceb570b0fb22f/ (дата обращения: 08.01.2020).
7. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=341957&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7161141326452931#06311222195244941> (дата обращения: 04.01.2020).
8. Юридические гарантии административно-правового статуса граждан // [Электронный ресурс] URL: <https://jurisprudence.club/administrativnoe-uchebnik/yuridicheskie-garantii-administrativno.html> (дата обращения: 05.01.2020).

УДК: 343.721

Evgheni FLOREA
Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Comrat,
Natali PARUTENCO
magistru în drept

ПОНЯТИЕ МОШЕННИЧЕСТВА И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ

Abstract. The article is dedicated to multiaspectual analysis of terminology used to describe fraud. The author utilizes legal, criminological, psychological and philological approaches in his study. Different terms in the field of fraudulent activity are analysed, namely: fraud, artifice, scheme, cheating, manipulation, social technics. Common points and differences of these terms are identified as well. The central idea of the article is necessity for lawyers to stick to legal terms that are indicated in the Criminal Code of the Republic of Moldova.

Мошенничество (англ. – fraud, нем. – Betrug, фр. – fraude), выражаясь терминами Rafaele Garofalo, является так называемым «естественным» преступлением, известным и наказуемым уголовными законами любой страны мира. На Руси слово «мошенничество» продолжительное время ассоциировалось с карманной кражей. (Мошна (кошелёк) → мошенник, как и карман → карманник [1]. Такая особенность понимания мошенничества сохранялась достаточно долго. Даже в словаре Даля издания 1881 года мошенник в первую очередь определялся как карманник, тяглец, карманный вор, воришка и лишь в последнюю очередь как обманщик [2]. В словаре Ожегова речи о карманной краже уже нет (обман, неблагоприятные жульнические действия с корыстными целями) [3].

В современном уголовном праве кража и мошенничество имеют немало общих черт, что позволяет объединить эти и некоторые другие преступления под родовым понятием хищения. Однако не вызывает никаких сомнений, что данные понятия являются самостоятельными уголовно-правовыми (по квалификации, наказанию) и криминологическими (по причинному комплексу, механизму, личности преступника и предупреждению) категориями.

Легальное определение мошенничества содержится в ст. 190 Уголовного кодекса Республики Молдова, согласно которой это преступление представляет собой незаконное получение имущества другого лица путём обмана или злоупотребления доверием.

Очевидно, что понятие обмана не тождественно понятию мошенничества. Во-первых, обман не всегда преступен. В некоторых случаях, ложь, преследующая благородные цели может считаться социально оправданной. Например, едва ли кто-то решится осуждать обман злоумышленника с целью ввести его в заблуждение и тем самым помешать совершить ему преступление. Во-вторых, мошенничество включает в себя и еще одну форму совершения данного преступления, а именно злоупотребление доверием, которая в определённых случаях может выступать самостоятельно, без непосредственного обмана.

В правоприменительной деятельности и в повседневном обиходе используется ряд понятий сходных с мошенничеством по смыслу – афера, жульничество, махинация, обман, плутовство, хитрость, шулерство, вероломство и др. Поясним значение некоторых понятий. Слово афера (от фр. affaire – дело), являясь одним из синонимов мошенничества, имеет свою «специализацию», так как увязывается в основном с предпринимательством (недобросовестное мошенническое предприятие, дело, действие) [4].

Жульничество (разг. жулик, означающее «ученик преступника», «маленький острый нож») от болг. жуля – царапаю, тру, обдираю – означает мелкое мошенничество [5]. Плутчество (то же, что и укр. «плутяга») – несколько устаревшее литературное слово, также используемое в качестве синонима мошенничества. Шулерство от польского szuler – карточное мошенничество [6] и т.д. Обман и хитрость – как уже говорилось, более широкие

понятия, которые, в отличие от вышеупомянутых слов, совсем необязательно имеют негативный смысл.

Определения мошенничества даются не только в уголовном праве, но и в психологии. Американский исследователь Курт Бартол (Curt R. Bartol) определяет мошенничество как использование обмана с целью получения незаконной материальной выгоды [7]. Как видим, акцент здесь ставится на основном психологическом элементе, характеризующем способ действия, т.е. на лжи. В литературе по психологии также используется ряд категорий, имеющих прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме. Речь, в частности, идёт о таких понятиях как (психологическая) манипуляция, социотехника, стратагема.

Манипуляция в психологическом смысле – это скрытое управление адресатом против его воли, при котором инициатор (манипулятор) получает одностороннее преимущество или выгоду за счёт адресата (жертвы) [8]. Понятие психологической манипуляции имеет важное значение при изучении мошеннических действий. Современные мошенники – это, как правило, весьма неплохие психологи, использующие в своих неблагоприятных целях все передовые научные достижения в области скрытого управления человеком. В этом смысле с позиций социальной психологии мошенничество может быть определено как манипулирование жертвой уголовно-наказуемыми способами с целью получения материальной выгоды.

Под социотехникой или социальной инженерией (от англ. – social engineering) понимается использование злоумышленником естественной человеческой черты – доверия. Целью этих действий является получение информации, которая позволит получить несанкционированный доступ к ценной системе данных. Социотехнические атаки могут быть двух видов – физические и психологические. К физическим относят действия по добыче информации на рабочем месте субъекта воздействия, использование телефона, компьютерной сети или даже изучение содержимого мусорной корзины. Психологическая атака всегда строится на убеждении, которое может осуществляться в форме выдачи себя за другого, покорения, соответствия, разделения ответственности и простого дружелюбия [9]. Конечно, эти действия не всегда однозначно свидетельствуют о приготовлении к мошенничеству. Они могут осуществляться и в других целях (например, для разведчиков, журналистов или частных детективов эти приёмы тоже представляют несомненный интерес). Однако для нас важно то, что сегодня социотехника всё чаще используется преступниками как подготовительный этап совершения тщательно продуманных преступлений, в первую очередь – мошенничеств, а также других противоправных действий (сетевое вторжение, промышленный шпионаж, а также разрушение компьютерной системы или сети).

Благодаря высокому интересу к культуре и цивилизации Востока многие учёные-психологи на Западе и у нас в стране открыли для себя такое явление как стратагемика, т.е. своего рода набор способов и рекомендаций как лучше обвести вокруг пальца противника или оппонента.

Стратагемы были разработаны и систематизированы несколько тысяч лет назад в Древнем Китае. Их возникновение связано с тем, что в классическом китайском обществе, не очень заботившемся о защите отдельной личности, использование хитростей подчас было единственным способом выжить. Таким образом, стратагемика представляла собой выработанное веками практическое знание уловок необходимых человеку для выживания в жизненной борьбе [10]. Сущность этого явления очень чётко определил А.И. Воеводин: «Китайские стратагемы признают единственный критерий истинности – эффективность твоих действий... Для них не существует понятий нравственности, духовности, морали как необходимых элементов твоей личности или деятельности. Существует единственный критерий – эффективность... Нравственность и прочие духовные атрибуты рассматриваются как инструменты, которыми ты должен пользоваться в своих целях, но отнюдь не как нормы, которым ты обязан следовать» [11].

Осознанно или нет, но современные мошенники взяли на вооружение многие постулаты выработанной в Древнем Китае науки обмана и весьма успешно применяют её положения «на практике». Общий принцип китайских стратагем – "Цель оправдывает средства" – вполне может служить девизом сегодняшних аферистов всех рангов и мастей. Вместе с тем, между хитростями-стратагемами и мошенническим обманом не следует ставить знака равенства. Во-первых, стратагемика затрагивает проблемы частной жизни, выходящие за рамки уголовно-правового регулирования. Во-вторых, современное понимание стратагем расширилось, включив в себя уловки «работающие» не только на личностном, но и на групповом и даже на государственном уровне. В частности, подверглись систематизации стратегии, применяемые в политике, экономике и военном искусстве. Говорить же о политическом, экономическом или военном мошенничестве если и можно, то только с изрядной долей условности. Так сложилось, что мошенником по уголовному кодексу может быть назван либо отдельный индивид, либо их группа. Понятий «государство- или «правительство - мошенник» в уголовном праве не существует, хотя история знает немало примеров, когда те или иные политические решения или действия сложно назвать по-другому. Например, в германских государствах начала XVII века владетельные князья без зазрения совести фальсифицировали свои же монеты и пускали их в обращение. Затем, когда для подданных приходило время платить налоги, казначейство отказывалось принимать эти деньги, требуя взамен монеты прежних выпусков [12]. В новейшей истории рядовые граждане также не раз становились жертвами правительственных решений, целью которых фактически являлось введение в заблуждение с целью изъятия их собственности. Достаточно вспомнить акцию с обменом пятидесяти- и сторублёвых купюр, разработанную Павловым или «народную» приватизацию Чубайса.

В заключение подчеркнём, что прогресс психологической науки в изучении и управлении психической деятельностью помимо позитивных аспектов содержит в себе и потенциальные угрозы, связанные с неправомерным использованием этих знаний, в том числе и для совершения мошеннических действий. В связи с этим представляется необходимой разработка системных профилактических мер, которые могли бы в значительной мере снизить возможные негативные стороны новых достижений психологии. Наиболее эффективной в этом смысле с точки зрения соотношения вложенных средств и полученного результата представляется виктимологическая профилактика в форме информирования граждан о механизмах психологического воздействия и способах предотвращения его эффектов.

Литература:

1. Следует заметить, что указанная особенность характерна не только для русского языка. Так, немецкое слово *Beutelschneider* (жулик) происходит от *Beutel* (кошелёк), чешское *taskar* (негодяй) от *taska* (сумка). См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 М.: Прогресс, 1964. – С. 667. Это обстоятельство свидетельствует о том, что мошенничество сходным образом «выросло» из кражи и во многих других странах Европы. Видимо и то, и другое преступление в представлении большинства людей ассоциировалось с ловкостью злоумышленника. Только в одном случае речь шла о «ловкости рук», а в другом имелась ввиду «ловкость ума».
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – С. 355.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. – С. 321.
4. Там же. С. 32.
5. Фасмер М.. Указ. Соч. – С. 65.
6. Ожегов С.И. Указ. Соч. – С. 801.
7. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. – С. 349.

8. Шейнов В.П. Психология обмана им мошенничества. Минск: Харвест, 2004. – С. 5; *Его же* Психология влияния: Скрытое управление, манипулирование и защита от них. М.: Ось-89, 2002. – С. 3.
9. См. подробнее Михаил Разумов Основы социотехники (искусства обмана). Статья размещена на сайте <http://www.securitylab.ru>.
10. Зенгер Х. Стратегемы. М – 1995. – С. 31.
11. Воеводин А.И. Стратегемы – стратегии войны, манипуляции, обмана. Красноярск: Кларетианум, 2000. – С. 3. Электронная версия книги на сайте <http://lib.ru/POLITOLOG/voevodin.txt>.
12. См. Дроздов Ю. Записки начальника нелегальной разведки. М., 2000. – С. 357.

УДК: 342.951

Бобылева Марина Николаевна
адъюнкт кафедры административного права,
факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, РФ
E-mail: marinchatyi.ru@bk.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТОВАРНОГО ЗНАКА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Abstract. In this article, the author considers the problematic issues of countering the illegal use of a trademark in the activities of the Eurasian Economic Union. The methods of legal protection of a trademark, as well as the features of customs regulation in the framework of the Union.

Keywords: trademark, customs regulation, intellectual property, economy, brand.

В условиях развития рыночной экономической системы в Российской Федерации ключевой проблемой является незаконное использование средств индивидуализации продукции. Рост контрафактной продукции является глобальной проблемой всего мирового сообщества, и представляет угрозу не только для конкретного правообладателя, но и для всего государства в целом, подрывая его экономический авторитет на международной арене, что препятствует росту экономического потенциала страны. Контрафактные товары также представляют собой угрозу здоровья для потребителя-покупателя товара, так как при его создании и реализации игнорируются установленные стандарты, нормы и техника безопасности. Интеграция и уверенный выход России на мировой рынок, обусловлено участием в интеграционных объединениях Евразийского экономического союза.

Повышенное внимание к защите исключительного права на использование товарного знака обусловлено популяризацией брендовой политики правообладателей. «Бренд» является одним из ключевых показателей качества и безопасности товара. Поэтому при приобретении продукции потребитель ожидает от правообладателя качественного товара, который будет являться безопасным для его жизни и здоровья. Производство и реализация контрафактной продукции является глобальной проблемой всего мирового сообщества, поэтому решение такой проблемы возможно лишь посредством эффективного взаимодействия между членами мирового экономического сообщества.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) – это международная организация экономической интеграции, созданная на основании Договора [1]. Данная организация была создана в 2014 году в целях повышения уровня конкурентоспособности стран-участниц, а также создание благоприятных условий для роста экономического состояния и повышения жизненного уровня государств-участников ЕАЭС.

Одним из ключевых направлений деятельности ЕАЭС является защита объектов интеллектуальной собственности, в число которых входит товарный знак. В настоящее время в рамках ЕАЭС отсутствует единый подход к законодательному толкованию понятия «товарный знак», так как проект Договора «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименования мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» [2] находится в разработке с 2016 года, и до настоящего времени не был утвержден государствами- участниками ЕАЭС, что создает сложности в реализации механизма противодействия незаконному использованию товарного знака, так как отсутствует единый подход к правовому толкованию в качестве объекта интеллектуальной собственности.

В рамках деятельности ЕАЭС по противодействию незаконному использованию товарного знака, в качестве правовых средств используется проведение различных форумов, семинаров и научно-практических конференций, в рамках, деятельности которых происходит обсуждение проблемных вопросов, связанных с защитой права на использование товарного знака. Ежегодно на территории одного из государства-участника ЕАЭС проводится форум «Антиконтрафакт». В рамках данного форму происходит дискуссионное обсуждение способов совершенствования правовых механизмов защиты исключительного права правообладателей на использование товарного знака, как объекта интеллектуальной собственности. Также в процессе проведения форума выносятся предложения, направленные на совершенствование деятельности административных и контрольно- надзорных органов государств-участников ЕАЭС. Подобное дискуссионное обсуждение проблемных вопросов и внесение предложений способствует выработке цивилизационных подходов к защите правообладателей от недобросовестной конкуренции и нарушения исключительного права на использование товарного знака правообладателем, а также к защите прав потребителей от контрафактной продукции, которая может причинить вред жизни и здоровью.

Таможенное регулирование является действенным инструментом противодействия незаконного использования товарного знака в рамках деятельности ЕАЭС. Таможенное регулирование регламентировано Таможенным кодексом Евразийского экономического союза [4] и включает в себя деятельность таможенных органов государств-участников ЕАЭС по установлению порядка оборота товаров через таможенную границу, их нахождение и использование как на таможенной территории ЕАЭС, так и за ее пределами, а также мониторинг проводимых операций таможенными органами.

В качестве меры, применяемой в целях защиты товарного знака является использование единого таможенного реестра. Административным органом, осуществляющим координацию деятельности таможенных органов государств-участников ЕАЭС является Евразийская экономическая комиссия. Таможенный реестр формируется на основании заявления правообладателя, о включении в качестве объекта интеллектуальной собственности товарного знака, он подлежит правовой охране на территории государств-членов ЕАЭС. В целях гарантии исполнения обязательств, правообладатель в течение месяца после получения уведомления о возможности включения товарного знака, как объекта интеллектуальной собственности, обязан представить договор страхования ответственности за причинение имущественного вреда лицам в связи с приостановлением выпуска товаров, имеющий (имеющие) юридическую силу во всех государствах-членах таможенного союза, сумма страхования должна быть не менее «десяти тысяч евро» [4]. Срок правовой охраны объектов интеллектуальной собственности составляет два года, с последующим продлением неограниченное количество раз. В случае незаконного использования товарного знака правообладатель или его представитель вправе обратиться с заявлением в Комиссию. В качестве подтверждения исключительного права на товарный знак правообладатель представляет документы, подтверждающие факт права на использование товарного знака, также могут быть приложены образцы продукции, в целях подтверждения нарушения исключительного права правообладателя.

Защита товарного знака в рамках деятельности ЕАЭС может происходить не только по инициативному заявлению правообладателя, но и по инициативе таможенного органа государства-участника. В качестве примера необходимо рассмотреть проведение процедуры «ex-officio». Суть данного мероприятия состоит в самостоятельности принятия решения таможенными органами о контрафактности перемещаемой продукции. Особенностью применения данной процедуры является то, что факт контрафактности продукции должен быть очевидным. В качестве меры обеспечения мероприятия является приостановление дальнейшего движения товара через таможенную границу, до установления обстоятельств, подтверждающих или отрицающих признаки контрафактности товара. Срок приостановления товара не может превышать более 10 дней с момента регистрации товара с признаками контрафактности. Существенным недостатком является субъективный характер принятия решения должностными лицами таможенных органов, осуществляющих таможенный контроль при перемещении товара через таможенную границу.

Государства-участники ЕАЭС, за исключением республики Беларусь, признают процедуру «ex-officio» в качестве эффективного способа противодействия незаконному использованию товарного знака, в том числе и при осуществлении торговли и перемещении товара через таможенную границу с государствами, которые на основании договора являются «третьими лицами» в качестве примера таким государством является Вьетнам.

Перспективным направлением в области противодействия незаконному использованию товарного знака является маркирование продукции. Необходимость использования данной процедуры активно обсуждалась на конференции «Евразийский экономический союз: 5 лет – полет нормальный?», которая проходила в 2018 году, в ходе оживленной дискуссии было принято решение о разработке проекта документа, регламентирующего порядок маркирования товаров, в целях противодействия незаконному использованию товарного знака. Уже спустя год с 29 марта 2019 года в силу вступило Соглашение о «Маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе» [3]. Информация о маркировании товаров вносится в единый реестр средств идентификации, под которым понимается информационный ресурс, в котором отображается информация об описании товара, его характеристики, состав и способ идентификации. Соглашение о маркировании продукции носит рекомендательный характер и предоставляет свободу внесения предложений о целесообразности использования маркировки товара, за исключением товаров, которые подлежат обязательному маркированию (например, лекарственные средства, алкогольная и табачная продукция). Прежде чем ввести маркирование продукции на своей территории необходимо внести предложение по маркированию продукции и получить одобрение государств-участников ЕАЭС. Применение нового нормативного акта вскрыло ряд недостатков, обусловленных отсутствием конкретности определенных процедур, связанных с защитой регионального бизнеса, при нарушении правил маркирования продукции. Разработка положения о цифровом маркировании товаров обусловлено инновационным путем развития мировой экономики, где введение новым мер отождествления товаров и правовая охрана товарного знака является приоритетным направлением развития экономики любого государства.

Таким образом, хотелось бы отметить, что противодействие незаконному использованию товарного знака в рамках мирового экономического сообщества возможно лишь путем тесного взаимодействия и совместного определения, приоритетных направлений по правовой охране товарного знака. С развитием информационной сети, растет количество контрафактной продукции, которая поступает на потребительский рынок. Сложность противодействия незаконному использованию товарного знака обусловлена развитием «серого импорта» и теневой экономики, которая трудно поддается регулированию. Именно поэтому важны как превентивные меры, направленные на предупреждение незаконного

использования товарного знака, так и меры, связанные с привлечением к ответственности за нарушение исключительного права на использование товарного знака.

Библиография:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 13.01.2020).
2. Проект Договора «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименования мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/> (дата обращения: 11.01.2020).
3. Соглашение о «Маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе» от 29.03.2019 г. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289918/ (дата обращения: 14.01.2020).
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 12.01.2020).

УДК 347.73

Киселева Елена Ивановна

канд. истор. наук, доцент Сибирского университета потребительской кооперации,
г. Новосибирск Российская Федерация
(Kiselewa.el@yandex.ru)

**МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ В БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Abstract. The article deals with the problems of development of the budget system of the Russian Federation in the modern period. The main changes in the structure of local budgets are shown. The problems related to the budget provision of municipalities are revealed.

Бюджетное устройство страны - организация бюджетной системы – определяется ее государственным устройством. Для бюджетной системы федеративного государства характерны три уровня – федеральный бюджет, бюджеты субъектов федерации и местные бюджеты. Этот принцип бюджетного устройства остается неизменным.

Вместе с тем бюджетная система Российской Федерации претерпела некоторые изменения. Эти изменения связаны с уточнением понятия «местный бюджет». До 1995 года в Российской Федерации местное самоуправление было организовано на уровне районов и городов областного (краевого, республиканского, окружного) значения; городов районного значения, поселков, сельских администраций, районов в городах. Соответственно формировались и разные виды местных бюджетов. На практике в большинстве субъектов Российской Федерации местные бюджеты формировались на уровне районов и городов областного (краевого, республиканского, окружного) значения.

Принятый в 1995 г. закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] не снял проблему неопределенности норм о территориальных основах местного самоуправления и не установил четкого разграничения полномочий между муниципальными образованиями разных типов и территориальных уровней. В результате в большинстве субъектов Российской Федерации продолжали формироваться на уровне бывших городов областного (краевого, республиканского, окружного) значения и административных районов. Территориальные единицы более низкого уровня (города районного значения, поселения), ранее имевшие свои бюджеты, были переведены на сметное финансирование.

В ряде субъектов Российской Федерации формирование местных бюджетов осуществлялось на уровне городов, поселков. При этом реально бюджетный процесс осуществлялся только на уровне районов. Так, в Новосибирской области с 1996 года действовала двухуровневая система территориального управления. Система территориального управления состояла из территориальных государственных органов представительной и исполнительной власти на уровне районов области и органов местного самоуправления в городах и поселениях. Для финансового обеспечения деятельности территориальных органов власти на уровне районов формировались территориальные бюджеты.

Таким образом, фактически на местном уровне существовало два административных уровня для управления муниципальными финансами.

Новой редакцией Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 19.06.2004 N 53-ФЗ) [2] было установлено, что местное самоуправление на территории Российской Федерации осуществляется в городских и сельских поселениях, муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения.

Изменение системы местного самоуправления потребовало внесения системных изменений и в бюджетное законодательство и, прежде всего, в части определения структуры бюджетного устройства.

Соответствующие изменения были внесены и в Бюджетный кодекс в части уточнения бюджетного устройства и общих принципов организации бюджетной системы Российской Федерации. [3]

Бюджетная система Российской Федерации была определена как основанная на экономических отношениях и государственном устройстве Российской Федерации, регулируемая законодательством Российской Федерации совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов.

Структуру бюджетной системы Российской Федерации составили бюджеты следующих уровней: федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов; бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов; местные бюджеты, в том числе: бюджеты муниципальных районов, бюджеты городских округов, бюджеты внутригородских муниципальных образований, городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга.

Новый этап в развитии бюджетной системы Российской Федерации был связан с образованием новых типов муниципальных образований – городского округа с внутригородским делением и внутригородского района. [4]

Критерии для деления городских округов с внутригородским делением на внутригородские районы должны устанавливаться законами субъекта Российской Федерации и уставом такого городского округа. Таким образом, была законодательно установлена возможность создания двухуровневой модели организации местного самоуправления на уровне городского округа с внутригородским делением.

Включение Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации завершило формирование ныне существующей бюджетной системы. В состав бюджетов городов федерального значения был включен бюджет города Севастополь.

К принципам бюджетной системы Российской Федерации Бюджетным кодексом отнесены принцип самостоятельности бюджетов и принцип разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы РФ. Создание новых видов муниципальных образований потребовало усовершенствовать систему обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований. Эта система включает две основных составляющих: закрепление за каждым

видом местного бюджета соответствующих доходов и урегулирование межбюджетных отношений.

Бюджетным кодексом за каждый видом местного бюджета формально закреплены налоговые и неналоговые доходы. Но структура этих доходов и, прежде всего налоговых доходов такова, что заведомо предполагает финансовую зависимость от поступлений от других бюджетов. Так, в бюджеты муниципальных районов должны перечисляться доходы от местных налогов и сборов. А, кроме того, доходы от федеральных, региональных налогов и сборов. Нормативы отчисления от этих налогов устанавливаются соответственно федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Зависимость бюджетов сельских и городских поселений от дополнительно перечисляемых налогов и сборов от других бюджетов еще более значительна. То есть формирование доходной части местных бюджетов в значительной мере зависимо от установления соответствующих нормативов отчислений от налогов и сборов, устанавливаемых федеральными и региональными органами власти. Развитие системы местных бюджетов потребовало расширения бюджетных полномочий субъектов Российской Федерации по установлению единых нормативов отчислений от федеральных, региональных и местных налогов, а также штрафов и иных сумм принудительного изъятия, подлежащих зачислению в бюджеты соответствующих муниципальных образований.

В еще большей степени местные бюджеты зависимы от поступлений средств от других бюджетов в форме межбюджетных трансфертов. Подробно эта проблема была рассмотрена в ранее опубликованной статье.[5]

Применяемая с 2007 года схема выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований предусматривала предоставление средств местным бюджетам из разных источников и в разных формах межбюджетных трансфертов. В бюджете субъекта РФ предусмотрено образование регионального фонда финансовой поддержки поселений, через который поселениям предоставляются дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Даже общее перечисление источников финансирования бюджетной обеспеченности выявляет усложненность общей схемы, закрепленной в Бюджетном кодексе РФ. Задача выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований достигается путем использования всех форм межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ. При этом в большинстве случаев имеет место трансформации форм межбюджетных трансфертов: так, средства, направляемые субъектами РФ в муниципальные районы в форме субсидий, субвенций и иных трансфертов преобразуются в бюджетах поселений в дотации. Формальное изменение наименования трансфертов влечет за собой изменение правового режима их использования при передаче из одного бюджета бюджетной системы РФ другому бюджету бюджетной системы РФ.

Отдельным законом субъекта РФ может быть предусмотрена замена дотаций на выравнивание полностью или в части установлением дополнительных нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц.

Субъекту РФ предоставлена возможность наделить полномочиями по расчету и предоставлению дотаций на выравнивание бюджетам поселений органы местного самоуправления муниципальных районов. Передача соответствующих полномочий утверждается законом субъекта РФ. Этим же законом должен быть утвержден порядок (методика) расчета субвенций бюджетам муниципальных районов из регионального фонда компенсаций, так при передаче полномочий изменяется и форма межбюджетного трансферта: вместо дотаций на выравнивание в бюджете субъекта РФ предусматриваются субвенции. Соответственно, и распределение дотаций между поселениями должно утверждаться решением представительного органа власти муниципального района.

Помимо дотаций и субвенций субъекта РФ вправе направлять в местные бюджеты и так называемые «иные межбюджетные трансферты» - средства в пределах 10% общего объема трансфертов не имеющие четко установленной цели их использования.

Отдельным источником для решения проблемы бюджетной обеспеченности поселений являются дотации на выравнивание, предоставляемые из бюджетов муниципальных районов, предусмотренные ст. 142.1 Бюджетного кодекса РФ. Дотации на выравнивание образуют районный фонд финансовой поддержки поселений. Порядок определения объемов районных фондов и распределения дотаций должен утверждаться законом субъекта РФ. Решением представительного органа муниципального района о бюджете утверждается объем и распределение дотаций. При этом дотации на выравнивание должны предоставляться поселениям за счет собственных средств бюджетов муниципальных районов, так как выравнивание уровня бюджетной обеспеченности поселений отнесено к вопросам местного значения, закрепленным за муниципальными районами.

В случае невозможности самостоятельного осуществления данного полномочия муниципальный район вправе получить финансовую помощь от субъекта РФ в форме субсидий. Бюджетный кодекс РФ (п. 2 ст. 139) закрепляет за субъектами РФ право предоставлять субсидии местным бюджетам на выравнивание обеспеченности муниципальных образований по реализации ими их отдельных расходных обязательств.

Реализация схемы выравнивания бюджетной обеспеченности поселений предполагает принятие субъектами РФ и муниципальными образованиями большого количества нормативных правовых актов. Так, субъекты РФ обязаны принять отдельные законы: 1) о порядке распределения дотаций поселениям; 2) о замене дотаций дополнительными нормативами отчисления от налога на доходы физических лиц, о наделении органов власти муниципальных районов полномочиями субъектов РФ по расчету и предоставлению дотаций и методике расчета и распределения субвенций; 3) об установлении целей и условий предоставления субсидий для формирования районных фондов финансовой поддержки поселений; 4) о порядке расчета и распределении дотаций из районного фонда финансовой поддержки поселений. Эти законы субъектов Российской Федерации должны быть приняты помимо ежегодно принимаемого закона о бюджете субъекта Российской Федерации на соответствующий год и плановый период. В составе законов субъектов Российской Федерации должны быть утверждены методики распределения каждой формы межбюджетных трансфертов.

Помимо проблемы «избыточного количества нормативных правовых актов, регулирующих решение одной задачи – выравнивание бюджетной обеспеченности поселений – следует отметить существование и проблемы качества нормативных правовых актов регионального и особенно муниципального уровня.

На наш взгляд, детализация видов муниципальных образований находится в противоречии с заведомой недостаточностью собственных средств местных бюджетов.

Столь сложная система обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований приводит к ограниченности полномочий местных органов власти по регулированию закрепленных за ними видов доходов. Централизация поступлений налогов и сборов в вышестоящие бюджеты, с одной стороны, и нестабильность закрепления основных доходных источников за местными бюджетами в значительной степени уменьшает эффективность решения задач, стоящих перед муниципальными образованиями.

Передача муниципальным образованиям части доходов, зачисляемых в региональные бюджеты, не сможет, на наш взгляд, решить проблему бюджетной обеспеченности всех муниципальных образований с учетом различий в их экономическом развитии и, как следствие, с учетом их разного налогового потенциала.

Решение этой проблемы связано как с совершенствованием механизма межбюджетного регулирования в качестве основы для эффективного решения вопросов

общегосударственного и местного значения, так и оптимизацией системы местного самоуправления.

Библиография:

1. Федеральный закон от 28 августа 1995г. N 154-ФЗ
"Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.8. 1995. N 35.Ст. 3506
2. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. N 53-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.6. 2004. N 25.Ст. 2484.
3. ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» ФЗ от 20.08.2004 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 23.08.2004. Ст. 3535.
4. ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и приведении в соответствие с бюджетным законодательством РФ отдельных законодательных актов Российской Федерации». ФЗ от 26.04.2007 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.04.2007. № 18.Ст. 2117.
5. Подробнее см.: Киселева Е.И. Правовые проблемы выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 7 С.16-19.

УДК: 001.895

Сакович Василий

Доктор хабилитат политических наук, профессор, IRIM

E-mail: 113vs@mail.ru

**ИННОВАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К
ОБОСНОВАНИЮ НОВОГО КОНЦЕПТА БЕЗОПАСНОСТИ**

Abstract. This article substantiates the need to introduce a new concept into the theory of national security - innovative security. The main need for this is caused by the processes caused by the fourth industrial revolution. They are reflected both in the institutional structures of the state and society, and in the development of the individual. The author concludes that only innovative security will ensure effective innovative development and maintain a stable state of social and socio-economic systems.

Keywords: digital innovation, economic breakthroughs, creativity, sustainability, security, innovative safety

Под воздействием четвертой промышленной революции и инновационно-цифрового развития мировые реалии современности меняются кардинально, нарушая устоявшиеся, общепринятые каноны обеспечения международной и национальной безопасности. Это обуславливает необходимость не только научного анализа современных процессов, но и формирования новых подходов к системе национальной безопасности по обеспечению гарантированного безопасно-устойчивого развития на всех этап инновационных преобразований. Это тем более актуально, так как ни одна из современных теорий обеспечения международной и национальной безопасности, международных отношений не учитывает в полной мере современные реалии инновационного развития, не дают ответа, как поддерживать устойчивый экономический рост и безопасное развитие в процессе формирования инновационно-цифровой экономики.

В настоящее время, по-прежнему, на уровне национальной безопасности выделяют только военную, экономическую, продовольственную, экологическую, научно-техническую, технологическую, социальную, демографическую, производственную и другие виды

безопасности. Причем, концепции и доктрины национальной безопасности большинства стран мира в настоящее время базируются на понимании безопасности, как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Такое понимание безопасности есть только продолжение теории и практики обеспечения безопасности социальных систем, сложившихся еще в середине прошлого века, которые базируются на следующих постулатах: авторитарность подхода к безопасности, доминанта самодостаточности государства для решения любых проблем безопасности; установка на дистанцирование личности, общества и государства, игнорирование механизмов сборки (субъектообразования); установка на статичность интересов личности, общества и государства; «окопная логика» – фокусировка внимания на состоянии защищенности от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях. [9]

Как видно, при таком понимании безопасности из поля зрения системы национальной безопасности выпадает главный фактор развития стран в современных условиях – способность к *инновационному развитию*.

Более того, ученые, исходя из логики, что инновационная экономики является той же экономикой, но всего лишь, по их мнению, более конкурентоспособной, вопросы безопасности в сфере управления инновационными процессами предлагают решать «с учетом приоритетных задач и реальных угроз <...>, обуславливающих реализацию инвестиционной и инновационной политики» методами экономической, научно-технической, научно-технологической безопасности [20, с. 398-399]. Другие же ученые, вводя понятие инновационной безопасности, отождествляют ее с научно-технической или технологической безопасностью [10;11]. Она исследуется ими в предметном поле не только и не столько применительно к инновационным системам, сколько к экономическим, научно-техническим, научно-технологическим, региональным системам самого разного уровня и типа, в самых различных сочетаниях.

Очевидно, что методологические подходы к обеспечению национальной безопасности, построенные на базе этих установок (в первую очередь на «окопном принципе»), не позволяют адекватно реагировать на принципиальные изменения современного мира, которые бросили вызов сложившимся в XX в. концепциям безопасности национальным социально-экономическим системам. В связи с этим остро встает проблема формирования нового методологического подхода к обеспечению национальной безопасности в условиях инновационной модернизации.

Данный вывод подтверждается нашими научными исследованиями [5;6;7;8;9;21;22], которые показывают, что при переходе на инновационный путь развития происходят изменения не только в экономике и ее составляющих частях, но, и в мировоззренческой, психологической, политической, социально-экономической, научно-технологической, образовательной и культурной сферах, институциональных структурах государства и общества, в развитии личности. То есть, затрагиваются сферы, проблемы безопасного развития которых невозможно решить в рамках экономической безопасности. Поэтому появляется объективная потребность, для решения этих многогранных и много аспектных проблем, возникающих в процессе становления и развития инновационной экономики, формирование нового научного направления – *инновационной безопасности*.

Это необходимо и потому, что существующие подходы к системе национальной безопасности, теоретическое современное понимание *безопасности*, в которой основной задачей обеспечения национальной безопасности является необходимость *отражения угроз* и обеспечения *устойчивости* объекта защиты не обеспечивают безопасное формирование инновационного пути развития.

Здесь следует иметь в виду, что сутью перехода на инновационный путь развития является *прорыв* на качественно новый, инновационный уровень, что, априори ведет к нарушению *устойчивости* системы. В связи с этим, инновационная безопасность, в отличие от экономической безопасности должна опираться не на *статические* подходы экономического роста, а на *динамические инновационно-экономические прорывы*. Ученые Н.Д. Кондратьев, Д. Леонтьев, Й. Шумпетер, Р. Харрод и др. статическому подходу и статической теории противопоставляют динамическую теорию, которая, преимущественно, является теорией развития, а не функционирования [7;8;18;19].

Поэтому подход к обеспечению безопасности инновационного развития («инновационной безопасности»), в отличие от экономической безопасности, должен учитывать эти принципиальные изменения. Необходимо от требования защищенности от угроз (как основной задачи безопасности в традиционных условиях развития национальных государств) перейти к решению задачи обеспечения *инновационного развития* экономических объектов и социально-инновационного воспроизводства общества в условиях динамично изменяющейся среды, а также к обеспечению защищенности жизнедеятельности и развития национальных инновационных систем.

Поэтому, мы, исходя из современных позиций субъектно-ориентированного подхода, предлагаем рассматривать проблемы безопасности в неразрывной связи с проблемами *развития*.

Соответственно, обосновываемое и вводимое нами в научный оборот новое смысловое и предметное понятие – «*инновационная безопасность*», понимается как способность граждан, общества и государства к совместному социальному и экономическому *инновационному развитию* в условиях динамично изменяющейся внутренней и внешней среды, а также как стратегическая защищенность национальных инновационных систем, обеспечивающих инновационное развитие в саморазвивающейся среде.

Следует обратить внимание и на ряд других принципиальных отличий инновационной безопасности от экономической безопасности. Так, при обеспечении экономической безопасности в условиях функционирования традиционной экономики усилия направляются на отражение возникающих внутренних и внешних угроз, на поддержание *социально-политической стабильности, устойчивого и равновесного состояния* национальной экономической системы. А при формировании инновационной экономики, как установлено в ходе нашего исследования, в обязательном порядке возникают процессы: «технологических революций» (К. Перес), «созидательного разрушения» (Й. Шумпетер) и динамичного хаоса в своей диалектической взаимосвязи. Но, если допустить, что эти *основные угрозы* априори являются неизбежными процессами инновационного развития, то их отражать или минимизировать в рамках системы национальной безопасности становится *невозможно* и даже бессмысленно. Бесспорно, что их надо учитывать и использовать для ускорения процессов инновационного развития, но в рамках системы инновационной безопасности их надо рассматривать не как угрозы, а как факторы, способствующие при правильном их использовании, ускорению инновационного безопасного развития. Поэтому, *основная задача* инновационной безопасности в условиях формирования инновационной экономики – это создание благоприятных условий для *устойчивого развития* инновационной экономической системы.

В этих научных выводах, комплексно характеризующих процессы формирования безопасного инновационного развития, и заключается принципиальное отличие сущности предлагаемого нами нового подхода к системе обеспечения инновационной безопасности в отличие от имеющихся научных подходов к проблеме обеспечения национальной и экономической безопасности в условиях процессов экономического развития.

Инновационная безопасность как таковая, на наш взгляд, должна являться функционально-структурным элементом национальной безопасности, выполняющем в ее

структуре ведущую роль. В этом контексте инновационная безопасность обеспечивает безопасное состояние инновационной экономики, *отвечающей национальным, а не только собственно инновационно-экономическим задачам*. Иными словами, ее необходимо коррелировать с устойчивостью и защищенностью не только самой инновационной экономической системы, а с безопасностью национально-государственного образования в различных его проявлениях в ходе инновационной модернизации.

Кроме того, традиционная наука о национальной безопасности уделяет основное внимание обеспечению устойчивости, равновесию и порядку. Инновационная же безопасность акцентирует внимание на аспектах реальности, наиболее характерных для современных процессов инновационной модернизации: неустойчивости, неравновесности, хаотизации процессов и нелинейных отношениях.

На основании нового понимания природы *инновационной безопасности* мы в своей монографии «Инновационная безопасность как основа национальной безопасности: формирование, эволюция, трансформация» акцентировали внимание на следующих важных аспектах инновационной безопасности; инновационная безопасность, в отличие от экономической, должна опираться, в первую очередь не на статические подходы экономического роста, а на динамическое инновационно-экономическое *развитие*, основанное на инновационных прорывах. Поэтому обеспечение инновационной безопасности необходимо рассматривать исходя из положений динамической теории развития, где фактор времени влияет на ее изменяющиеся параметры; инновационная безопасность должна являться компонентом управления формированием и развитием инновационной экономики. Поэтому в рамках инновационной безопасности необходимо, в первую очередь, обеспечивать ликвидацию возникающих элементов нестабильности (отмирание старых производств, отсутствие спроса на морально и физически устаревшую продукцию, наличие растущего разрыва между спросом и предложением на традиционную продукцию, рост безработицы) и способствовать инновационному развитию. Основными категориями инновационной безопасности, в отличие от экономической («состояние экономики», «состояние экономической системы», «защищенность», «защита экономических интересов», «стабильность», «состояние экономики и институтов власти», интересы и угрозы, рассматриваемые учеными в той или иной комбинации [4,;1;17;5;20;2;12;3;6;16]), являются такие категории как *инновационность, креативность, способность к генерации инновационных идей, инновационное развитие и саморазвитие, и др.*; классическая теория национальной безопасности преимущественно рассматривает проблемы устойчивости, равновесия и соблюдения определенного порядка. Основной характеристикой инновационной безопасности является не только преодоление факторов нестабильности, объективно возникающих в ходе формирования инновационной экономики, а в первую очередь – обеспечение *инновационного развития*. [14]:

Таким образом, *инновационная безопасность* – это совокупность условий и факторов, направленных на генерацию инновационных идей, инновационное развитие и саморазвитие, конкурентоспособность результатов науки, технологий, инновационной продукции, независимость национальной экономики, управление ее инновационным развитием, достижение международной конкурентоспособности, при наиболее неблагоприятных внутренних и внешних условиях развития.

Помимо этого, понятие «инновационная безопасность», по нашему мнению, может толковаться многоаспектно, то есть как: структурный элемент системы национальной безопасности; составляющая безопасности субъекта инновационной деятельности; состояние инновационной системы.

В связи с этим, инновационная безопасность может быть представлена четырьмя главными элементами: 1) устойчивым стабильным *экономическим развитием*, которое достигается на основе постоянно продуцируемых и внедряемых нововведений и

инновационных технологий. Причем максимально эффективное инновационное развитие должно достигаться не только в текущих условиях, но и создавать условия высокого потенциала экономического развития в будущем; 2) способностью к инновационному развитию, саморазвитию и самосовершенствованию; 3) способностью к экономической устойчивости в ходе инновационной модернизации; 4) обеспечением экономической независимости. Несмотря на то, что в современных условиях все виды независимости для большинства государств носят относительный характер, экономическая независимость означает достижение такого уровня инновационно-экономического состояния, которое обеспечивает конкурентные преимущества национальным экономикам на мировых рынках.

Таким образом, инновационная безопасность, с одной стороны, отражает способность экономической системы к *инновационному развитию* в условиях действия непредсказуемых и трудно прогнозируемых факторов, вызванных «технологической революцией», «созидательным разрушением» и «динамическим хаосом», а также опасности инновационному развитию, исходящие от внутренних и внешних угроз, угроз от самой инновационной системы.

Система обеспечения *инновационной безопасности* должна быть направлена на достижение целей инновационного развития и инновационной модернизации, находясь в ситуации неопределенности, непредсказуемости, увеличения существующих и прогнозируемых опасностей и угроз, изменения условий хозяйствования, как во внутренней, так и во внешней среде, принимаемых рискованных решений в условиях ужесточения конкурентности рынков, непредсказуемости инновационной модернизации и глобальной неравномерности инновационного развития.

Инновационная безопасность может быть структурирована в виде восьми тесно связанных структурных элементов: производственной, научно-технологической, финансовой, институциональной, информационной, интеллектуальной (образовательной, научной), социально-демографической, внешнеэкономической.

Рассмотрение и проведенный анализ феномена *инновационной безопасности* в условиях формирования инновационной экономики позволяет сделать ряд выводов: инновационная безопасность определяется динамичностью инновационно-экономического *развития*, сохранением целостности и устойчивости национальной инновационной системы на всем этапе инновационного развития, поступательностью экономического развития страны в ходе инновационных преобразований.

В условиях перехода к *инновационной экономике* нестабильность и неустойчивость имманентно присуща социально-экономическим системам. Й. Шумпетер отмечал, что инновационная деятельность, заключающаяся во внедрении новой продукции, технологий, открытии новых рынков, новой организации производственной деятельности, *смещает систему из состояния равновесия*[19]. Такое состояние в период формирования инновационной экономики приводит к нарушению *устойчивого развития*, одного из основных требований безопасности, и потому должно рассматриваться с точки зрения инновационной безопасности в диалектической взаимосвязи: устойчивость и стабильность *развития* с *безопасностью* развития. Это дает возможность экономической системе под воздействием инновационных преобразований трансформироваться в систему с качественно новыми свойствами, новым эффектом функционирования, новыми экономическими возможностями устойчивого развития государства; в контексте обеспечения устойчивого *развития* в ходе формирования инновационной экономики инновационная безопасность обеспечивает формирование *высокотехнологичной и высококонкурентоспособной национальной экономики*, в которой принципиально (в отличие от традиционной экономики) меняются стратегия развития, приоритеты рынков, пропорции между накоплением и потреблением, между научной и производственной деятельностью, внутренним и внешним потреблением; инновационная безопасность создает условия для *конкурентоспособности*

национальной инновационной экономики на внутреннем и внешних рынках, что означает способность производить высокотехнологичную продукцию – сложную технику, информационные технологии, био- и нано технологии, а также создавать на их основе товары, продукцию и пользующиеся спросом изделия; инновационная безопасность обеспечивает интеграцию инновационной экономики страны в систему мирохозяйственных инновационных связей, совместное участие в воспроизводственном инновационном цикле, в формировании мирового дохода. При этом в рамках системы инновационной безопасности необходимо учитывать, что инновационное развитие ориентирует национальные экономики на усиление регионального и глобального соперничества, которое может привести к конфронтации и по этой причине оказать дестабилизирующее влияние на процесс развития государства и обеспечение его безопасности; формирование безопасных условий функционирования национальной инновационной системы необходимо проводить с учетом саморазвития и самосохранения, которые являются необходимыми элементами безопасного становления, существования и функционирования инновационной системы. Особенно важным качеством в ходе инновационных преобразований является способность инновационной экономики к *саморазвитию*, что предполагает создание благоприятного политического и социально-экономического климата для инноваций, финансовое обеспечение, постоянную инновационную модернизацию производств, повышение профессионального, образовательного и общекультурного уровня работников; для сохранения основных общесистемных свойств национальной экономической и инновационной систем и их элементов необходимо в рамках системы инновационной безопасности устранять факторы, препятствующие *инновационному развитию*, своевременно выявлять и нейтрализовывать режимы функционирования, угрожающие разрушению инновационной системы.

Следует отметить, что в условиях формирования инновационной экономики появляются объективные и субъективные причины, особенно на первом этапе, для возникновения параметрических изменений, выводящих систему (экономическую и социальную) из равновесного состояния. Для определения степени безопасности необходимо использование системы количественных показателей и качественных критериев [14].

Таким образом, в самом общем виде *инновационная безопасность* – это способность обеспечения эффективного инновационного развития, сохранения устойчивого состояния общественной и социально-экономической систем, их целостности при реализации инновационных целей и интересов, устранения опасности инновационному пути развития в условиях внешнего и внутреннего негативного воздействия, угроз, исходящих от самой инновационной системы (особенно на первоначальном этапе формирования инновационной экономики), нестабильности и неопределенности инновационного процесса, усиления и ужесточения международной конкуренции.

Библиография:

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики, 1994. № 12.
2. Видяпин В. И., Олейников Е. А. Основы экономической безопасности (государство, регион, личность). М.: ЗАО «Бизнес-школа “Интел-Синтез”», 1997.
3. Глазьев С. Ю. Безопасность экономическая. М.: Мысль, 1999.
4. Глазьев С. Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский журнал, 1997. № 1.
5. Григорьева Е. А. Институциональное обеспечение модернизации экономики как условие экономической безопасности. М.: НИЦ ИНФРА. М., 2015.
6. Загашвили В. С. Экономическая безопасность России. М.: Юрист, 1997.
7. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.
8. Леонтьев Д. Экономическое эссе. Теории, исследования, факты и политика. М, 1960.

9. Лепский В. Е. Развитие и национальная безопасность России //Эконом. стратегии. 2008. № 2.
10. Научно-технологическая безопасность регионов России: методические подходы и результаты диагностирования / А. И. Татаркин, Д. С. Львов, А. А. Куклин и др. Екатеринбург: 2000.
11. Основы теории обеспечения национальной безопасности. Курс лекций /Под ред. докт. эконом. наук, проф. В. В. Пузикова. Минск: ГИУСТ БГУ, 2013.
12. Прохожев А. А. Национальная безопасность: основы теории, сущность, проблемы. М.: Наука, 1990.
13. Сакович В. А. Вызовы и угрозы, опасности и сложности формирования инновационной экономики и обеспечения инновационной безопасности // Materiale Conferinței științifico-practice internațională, 15 mai 2015. Chișinău. 2015.
14. Сакович В. А. Инновационная безопасность как основа национальной безопасности: формирование, эволюция, трансформация. Монография. Кишинев - Минск: IRIM, 2017. 506 с.
15. Сакович В. А. Основы теории инноваций и инновационной экономики // Труд. Профсоюзов. Общество. Минск: МИТСО, 2016. № 2 (52).
16. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: ЗАО Финстатинформ, 2002.
17. Татаркин А. И., Куклин А. А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона, 2012. № 2.
18. Харрод Р. К теории экономической динамики / Пер. с англ. М., 1959.
19. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
20. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под науч. ред. Никитенко П. Г., Булавко В. Минск: Право и экономика, 2009.
21. Sakovici V. Categoriile instituționale ale securității inovatoare: aspect teoretice // Relații internaționale Plus. Revista științifico-practică. № 1 (7). Chișinău, 2015.
22. Sakovici V. Unele aspecte ale teoriei inovatoare și economiei inovatoare// Relații internaționale Plus. Revista științifico-practică, № 1 (9). Chișinău, 2016.

УДК: 347.1

Захария Сергей

доктор, конференциар университетар кафедры
«Частное право» Комратского госуниверситета;
ст. научный исследователь Научно-исследовательского
Центра Гагаузии им.М.В. Маруневич.
Республика Молдова, г. Комрат

Маслинкова Юлия

студентка юридического факультета
Комратского госуниверситета, гр. МЮГ-18,
Республика Молдова, г. Комрат

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» И «РАЗУМНОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Abstract. Today, Moldovan civil law studies are characterized by a significant interest for the basic concepts that make up the fundamental, theoretical and methodological postulates of the general legal and industrial disciplines. Such concepts related to private law are the concepts of good faith and reasonableness. Conscientiousness and reasonableness are contained in all the fundamental branches of existing Moldavian and international law, in view of this it is reasonable to

talk about the fact that this is a general legal category with a powerful epistemological and organizational and managerial potential.

Keywords: good faith, reasonableness, categories, civil law.

«Республика Молдова (далее РМ) в настоящее время переживает довольно длительный и трудный этап перехода от плановой централизованной экономики к рыночной экономике, который включает в себя постоянные исследования и предложения относительно реальных, ярких новых решений, необходимых для достижения жизненно важных целей общества».[1, р.5]

Сегодня, исследования молдавского гражданского права характеризуются значительным интересом к базовым понятиям, которые составляют фундаментальные, теоретические и методологические постулаты как общеправовых, так и отраслевых дисциплин. Таковыми понятиями, связанных с частным правом являются понятия добросовестность и разумность.

Ныне изучение категорий «разумность» и «добросовестность» в цивилистике реализуется в контексте их взаимосвязанности с нравственными началами правового регулирования. Но при всем своем соотношении, а точнее взаимосвязи и взаимозависимости, каждый из указанных регуляторов наделен относительно независимым характером, который осуществляется посредством присущих ему юридических средств, обретая в каком-то смысле самодостаточный характер.

Новицкий И.Б. полагает, что добрая совесть - это «осведомленность о другом, об его интересах; знание, которое связано с доброжелательством; элемент доверия, что нравственные основы оборота рассматриваются, что от них исходит каждый в своем поведении».[9, с.65]

Рассматриваемые категории, являясь включенными в ряде статей Гражданского кодекса Республики Молдова (далее ГК РМ), нуждаются в детальном анализе, в целях установления их природы и особенности, определения методики их применения. На основании этого возникла необходимость более детального анализа категорий «разумность» и «добросовестность» в гражданском праве РМ.

«Вне всякого сомнения, применение норм нового гражданского кодекса РМ позволит приспособить гражданские отношения к новым реалиям в условиях рыночной экономики, являющиеся, несомненно, необходимыми элементами».[1, р.5]

Разумность и добросовестность как явления, которые имеют естественно-правовые корни, не утратят своей актуальности. В нынешнем обществе понятие «добросовестность» широко применяется. Оно применяется, как в жизни человека для определения его поведения в обществе, так и в юриспруденции для определения поведения субъекта гражданского оборота.

Добросовестность, «являясь продуктом правового принципа формального равенства и соразмерности в отношениях мены, показывает нужное соучастие субъекта правового общения в создании и поддержании правовых установок и принципов»[5, с.45], в связи с этим он и закреплён в ГК РМ.

Добросовестность субъектов гражданского оборота определяется на основании сложившихся в обществе нравственных устоев, а последние в свою очередь, определяются на основании установившихся в обществе представлений о добре и зле. Таким образом, добросовестность может быть уяснена и объяснена только через другую оценочную категорию нравственности, а эта категория через оценочные понятия добра и зла.

Емельянов В.И. полагает, что «добросовестным является лицо в том случае, когда оно действует без умысла причинить вред, наряду с этим не допускает легкомыслия и небрежности».[7, с.91]

«Разумность» - это своего рода своеобразное и в то же время малоизученное явление нынешней правовой действительности. Это не только весомое звено категориальной

структуры молдавской правовой системы, но и сверх ценный элемент правотворческого и правоприменительного процессов. Только с первого взгляда полагается простым и не нуждающимся в специальном исследовании вопрос о содержании разумности в праве. Однако за пределами поверхностного осмысления и субъективного осмотрительного подхода к реализации разумности остаются еще глубокие аспекты функционирования одной из крупнейших категориальных единиц современного права.

Добросовестность и разумность содержатся во всех фундаментальных отраслях действующего молдавского и международного права, в виду этого обоснованно вести речь о том, что это общеправовая категория, имеющая мощный гносеологический и организационно-управленческий потенциал. Разумность, наряду с добросовестностью, относится к именуемым в правовой науке «оценочным понятиям», позволяющим свободу правоприменителя в их использовании с учетом конкретных обстоятельств разрешаемого случая.

Относительно установления содержания разумности, определения четких критериев применения, то эта задача является наиболее дискуссионной в современном молдавском гражданском праве. В связи с отсутствием легального понятия разумности, изучение сего правового явления реализуется в рамках правовой доктрины и правоприменительной деятельности.

В.С. Ем разумность рассматривает как «осмысленность, логичность и целесообразность поведения субъекта. Разумным считается поведение субъекта, в случае, когда оно является продуктом осмысления социально-экономической обстановки, в которой он находится, логически вытекает из нее и целесообразно для него».[6, с.531]

В Конституции РМ «добросовестность» и «разумность», текстуально не закреплены, в связи с этим они рассматриваются как общеправовая идея, социальное благо. Между тем, и «добросовестность» и «разумность» нормативно отражены в отраслевых законодательных актах.

В ст. 9¹ ГК РМ «Добросовестность - это стандарт поведения стороны, характеризующийся правильностью, честностью, открытостью и уважением интересов иной стороны соответствующего правоотношения. Поведением, противоречащим добросовестности, выступает, в частности, поведение стороны, не соответствующее ее предшествующим заявлениям или поведению, в случае, когда другая сторона, действуя себе в ущерб, разумно положила на них».[4]

Сегодня гражданское законодательство, вместе с требованием добросовестности, обращает внимание на соответствие поведения субъекта разумности.

Ст. 92 ГК РМ гласит, что «Разумность, предусмотренная правовым положением или сделкой, должна быть установлена объективно, с учетом природы и цели рассматриваемого элемента, обстоятельств дела, а также соответствующих обычаев и сложившейся практики».

«Если бы разумность и добросовестность нарушались в редких случаях, в процессе заключения и исполнения индивидуального договора или внедоговорного правоотношения, это по мнению автора не вызывало бы, как правило, масштабного общественного резонанса. Но тогда, когда вступают в договорные правоотношения значимое число субъектов, неограниченного круга лиц на стороне потребителей товаров, работ или услуг, то отступление, а тем более их явное нарушение порождает отрицательные последствия для правопорядка в целом так, как указывает на нарушение принципа разумности и добросовестности. К общим чертам, характеризующие разумность и добросовестность субъектов гражданского права относятся: нравственный характер, а также то, что каждый из них представляет собой «плавающую» границу дозволенного или должного поведения субъектов гражданских правоотношений.

Мы считаем, что на сегодняшний день мало изучена правовая природа добросовестности и разумности, как оценочных понятий гражданского права. В итоге можно

прийти к выводу, что наукой гражданского права не разработано и общее понятие разумности, однако такая потребность назрела. Рассмотрение и разработка целой совокупности вопросов о методах и формах подобающего толкования разумности и добросовестности должны считаться одной из главных и значимых задач современного научного поиска.

На основании вышеизложенного назрела необходимость оценки результатов цивилистической науки в исследовании толкования, классификации и иных проблем применения, оценочных гражданско-правовых норм, что даст возможность иначе оценить роль рассматриваемых категорий в современном гражданском праве. Категория «разумность» и «добросовестность» остаются малоизученными явлениями нынешней правовой действительности, но занимают важное место в категориальной структуре правовой системы и относятся к числу фундаментальных основ цивилистической науки. Следовательно, это требует глубокого комплексного подхода к их изучению, позволяющему выявить правовую природу, содержание, а также соотношение и взаимообусловленность исследуемых категорий применительно к отдельным подотраслям и институтам гражданского права.

Актуальность и недостаточная разработанность проблемы соотношения категорий «разумность» и «добросовестность» в гражданском праве обусловили выбор темы исследования. Указанные обстоятельства предопределяют научную и практическую важность вопросов, обозначивших проблематику сего исследования, его объект и предмет, цели, задачи, логику осмысления и интерпретации теоретического и эмпирического материала.

Добросовестность, относительно недавно включена в гражданское законодательство РМ, но значительно повлияла на становление гражданского законодательства и практику его применения. Однако существует наряду с данной категорией еще одна не менее актуальная категория – это разумность, которая раньше не упоминалась, но была предусмотрена нормами гражданского права и использовалась на практике. В ГК РМ статья 9² «Разумность» была введена 15.11.18 и вступила в силу с 01.03.19.[4]

Полагаем, что отсутствие разумности среди начал гражданского законодательства может, отрицательно отразится как на его развитии, так и на практику применения. В связи с этим, можно прийти к выводу, что добросовестность и разумность - это два основополагающих элемента, на которых должно базироваться гражданское законодательство Молдовы и молдавское правосудие.

Мы считаем, будет вредоносным то законодательство и правосудие, где добросовестность субъектов гражданского оборота будет являться важнее, нежели их справедливое отношение друг к другу, где добросовестность будет занимать первое место, а справедливость следовать за ней. Это же можно отнести и к разумности.

Часть 1 статьи 1 гражданского кодекса РМ указывает основные начала цивилистики. Принципы - это идеи, основные начала, которые заложены в нормах гражданского права и регулирующие гражданско-правовые отношения. «Принципами гражданского законодательства РМ являются: равенство участников правоотношений; неприкосновенность собственности; свобода договора; недопустимость вмешательства в частные дела; необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; обеспечение восстановления нарушенных прав личности и их судебная защита».[8, с.27]

С нашей точки зрения, добросовестность, справедливость и разумность - это три важнейших принципа гражданского права, которые в комплексе, при их указании в ч. (1) ст.1 ГК РМ, могут «перекрыть» все остальные начала гражданского законодательства.

Как было ранее отмечено, категория разумности не получила закрепление в ст. 1 ГК РМ. Однако в ГК РМ есть упоминания о ней. Разумность может быть использована как самостоятельно, так и в комплексе с добросовестностью.

Так, в частности, в ч. (3) ст. 48⁵⁸ ГК РМ говорится о добросовестности; в ч.(2) ст. 225 говорится о добросовестности; в ч. 2 ст. 228 - говорится о добросовестности; в ст. 304⁴ - говорится о добросовестности; в ст. 320 говорится о добросовестности в ст. 9²-говорится о разумности. В ряде норм, они не указаны, но предполагаются.

Цвайгерт К. и Кетц Х. указывают, что «сегодня судебные инстанции многих государств вправе признать недействительными условия договора, являющиеся «несправедливыми», «недобросовестными» или приводят к дисбалансу между правами и обязанностями сторон в противоречии принципу добросовестности».[11, р.332]

Необходимо обратить внимание, что европейская практика акцентирует свое внимание на 2 аспекта процедурную и материальную справедливость, где материальная несправедливость это неэквивалентность встречных предоставлений, в связи с этим анализу и оценке подвергаются условия соглашения, а процедурная – использование неодинаковых возможностей по согласованию условий договора, в данном случае подвергается анализу и оценке как отношения сторон, предшествующие заключению договора, так и особые признаки, характеризующие стороны договора.

Для данных категорий общим является то, что они раскрывают поведение субъекта и, в совокупности, образуют требования общества к подобающему поведению лица. Есть своеобразный интерес в том, чтобы соединить эту триаду в один над принцип, который будет раскрывать надлежащее поведение участников. Но, мы считаем, что большей эффективности будут иметь принципы при применении их в отдельности, а в конкретных случаях - в совокупности.

Хотим отметить, что в отношении справедливости необходимо обратить такое же внимание, в качестве общего принципа гражданского права.

Добросовестность наряду с разумностью, выступает оценочным понятием.

Добросовестность и разумность не считаются нововведением для множества государств и с давних пор закреплены в их законодательстве. В европейском праве проблема злоупотребления решается с опорой на нравственно-правовые нормы добросовестности, справедливости и разумности.

Единообразный торговый кодекс Соединенных Штатов Америки нормативно определяет добросовестность, как фактическую честность в поведении или по сделке. Так, в ст. 2-103 ЕТК говорится о том, что «добросовестность применительно к коммерсанту означает фактическую честность и соблюдение разумных коммерческих критериев честного ведения торговых дел».[10]

Принцип честной деловой практики и добросовестности закреплён в ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров. При этом стороны не могут исключить или ограничить эту обязанность. Одним из основополагающих принципов Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. выступает принцип соблюдения добросовестности в международной торговле (п. 1 ст. 7).

Новицкий И.Б. считает, что «добрая совесть по этимологическому смыслу скрывает в себе знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством»[9, с.65]. Агарков М.М. полагает, что «начало доброй совести, введенное в надлежащие рамки, это не что иное, как честность в отношениях между людьми. Это значит, что каждый должен оправдать оказанное ему доверие, без которого невозможно совершение гражданских сделок. Начало доброй совести означает борьбу с прямым или косвенным обманом, с использованием чужого заблуждения или непонимания».[2, с.375] Немецкие исследователи, под началом добросовестности предполагают необходимость: а) каждой из сторон выполнять все так, чтобы друг другу облегчить исполнение обязательства, обходить все, что может их отяготить или сделать неисполнимыми; б) не нарушать права другой стороны, основываясь на решения судебной практики, на то, что любая сторона должна проявлять необходимую заботу о здоровье и собственности другой стороны; в)

давать нужную информацию об исполнении первичных реализационных действий. Власенко Н.А. утверждает, что: «суть принципа разумности является равновесие интересов и целесообразность действий субъектов».[3, с.89]

Нами были изложены различные взгляды исследователей на понятия добросовестность и разумность. Однако если присмотреться внимательно, то можно будет увидеть, что в основном эти определения: во-первых, касаются добросовестности и разумности как принципы, которые опираются на честном и заботливом отношении к своим контрагентам, на нравственно-этических началах; и во-вторых, применимы в основном к обязательственным правоотношениям. Добросовестность при виндикации вещи или в приобретательной давности устанавливается на основе понятий «знал» или «должен был знать». Это не имеет никакого отношения к нравственно-этическим началам.

Библиография:

1. Chibac Gh., Băieșu A., Rotari A. EfrimO. Drept civil. Contracte și succesiuni. Ediția a III-a, revăzută și completată. Chișinău: Cartier. 2010.
2. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М.М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2 / М.М. Агарков. – М.: 2002.
3. Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования//Журнал российского права. № 11//СПС КонсультантПлюс. 2011
4. Гражданский кодекс РМ № 1107-XV от 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 82-86/661 от 26.06.2002
5. Дождев Д.В. Добросовестность как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М. 2000.
6. Ем В.С. Осуществление и защита гражданских прав/ Гражданское право: Учебник. Т. 1/Под ред. Е.А. Суханова. М: Волтерс Клувер. 2004.
7. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. 2002.
8. Каленик А.В. Коммерческое (предпринимательское) право.- Chisinau.:2016.
9. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Петроград. 1916.
10. Единообразный торговый кодекс США: Пер. с англ. / Рук-ль ред. Дозорцев В.Л.; Серия: Современное зарубежное и международное частное право. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996.
11. Zweigert K. Kotz H. An introduction to Comparative law. Oxford. ClarendonPress. 1998.

УДК: 349.2(478)

Сосна Борис

Доктор права, и.о. профессора кафедры Частного права
Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат

Тукан Валентина

Студентка юридического факультета
Комратского госуниверситета, гр. МЮГ-18,
Республика Молдова, г. Комрат

**ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В МОЛДОВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Abstract. The article discusses issues of discrimination in the world of work, as well as the realization of the employee's right to protection against discrimination through the implementation

of a system of actions in which, in addition to the actions of the workers themselves, public and state support for anti-discrimination measures is also important.

Keywords: Labor discrimination, social phenomenon, serious problems, system of actions, public and state support, anti-discrimination measures.

С появлением государства в противовес нормам права, возникло новое социальное явление – дискриминация, которое существует и в настоящее время, меняя свои виды и формы.

Несмотря на создание нормативно-правовой базы, дискриминация в сфере труда, являясь социальным феноменом, создает серьезные проблемы для всего современного мира, практически носит глобальный характер. Дискриминация существует во всех странах мира, затрагивает самые широкие слои населения, является одной из главных причин международной нестабильности общества. [1]

Дискриминация (от лат. - discrimination) – это различие. Разделение, умаление (фактически или юридически) какой-либо группы в силу их национальности, расы, пола, вероисповедания и др. [2, с.400]

Реализация права работника на защиту от дискриминации предполагает целую систему действий, в которых важны помимо действий самих работников, также общественная и государственная поддержка антидискриминационных мер. [3]

Ссылаясь в историю, следует указать, что именно в Великобритании зародилась и окрепла не только идея о необходимости правового регулирования отношений между работниками и работодателями, но и об уравнивании женщин в трудовых правах с мужчинами.

Труд женщин рассматривался преимущественно в двух аспектах: гарантии права женщин на труд, и охрана труда женщин. При этом гарантии делились на экономические, политические и юридические, которые, в свою очередь, делились на общие (для всех работников) и специальные (только для женщин). В качестве специальных гарантий права женщин на труд выделялись *экономические* (создание сетей учреждений охраны материнства и детства, дошкольных учреждений, бытового обслуживания, равенство в оплате труда и др.) и *политические* (последовательное проведение принципа равноправия мужчин и женщин, равное право на образование, выдвижение женщин на руководящую работу и др.).

Специальные юридические гарантии прав женщин на труд сводятся ряду запретов на: труд женщин на вредных и особо тяжелых работах; отказ принимать на работу, увольнять с нее или снижать зарплату по мотивам беременности или наличия малолетних детей; увольнять по инициативе администрации беременных женщин, кормящих матерей и матерей с малолетними детьми; установлению специальных правил охраны здоровья женщины в период беременности и материнства; ограничениям для женщин в переноске и перемещении тяжестей; предоставлению отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком; установлению единых квалификационных требований для мужчин женщин и др. [4]

Особая охрана труда женщин определялась, как установленная специальными нормами (сверх общих норм по охране труда) система мероприятий, обеспечивающих безопасные для организма женщины и ее материнской функции условия выполнения работы.

К ним традиционно относили: запрет труда женщин на вредных, особо тяжелых работах и подземных физических работах; ограничение для женщин переноски и перемещения тяжестей на работе; предоставление беременным женщинам и кормящим матерям дополнительных трудовых льгот, облегчающих их труд; предоставление женщинам - матерям, работающим на производстве, отдельных льгот по рабочему времени (недопущение их к дежурству во внеурочное время, по направлению в командировку и др.); предоставление предусмотренной законом помощи по воспитанию детей (детские сады и ясли, группы продленного дня и др.). [5]

Интерес к правовому опосредованию женского труда, запрету дискриминации и гендерным аспектам трудовых отношений вырос на рубеже нового тысячелетия. Большинство авторов склоняются к мнению, что в повышенной правовой защите нуждаются преимущественно беременные женщины и женщины с малолетними детьми. Во всех остальных случаях речь следует вести о лицах с семейными обязанностями независимо от половой принадлежности. Общепризнанной является точка зрения о необходимости субъектной правовой дифференциации во имя достижения подлинного равенства, гендерной симметрии в правах и обязанностях лиц с семейными обязанностями, отказ от сверхзащиты труда женщин, которая может вылиться в дискриминацию и подорвать их трудовую конкурентно способность. При этом выдвигаются вполне конструктивные предложения об установлении для работающих женщин-матерей режима неполного рабочего времени на основании договора, заключенного в соответствии со схемой «одно рабочее место - две-три работницы», о возложении обязанности в случае ликвидации организации трудоустроить увольняемых беременных женщин и женщин с малолетними детьми. Это должен осуществлять правопреемник ликвидируемой организации, а при отсутствии такового - органы службы занятости.

В результате в начале XXI века в теории произошло возвращение к известной всему миру дилемме: либо формальное равенство возможностей мужчин и женщин без всяких преимуществ (эгалитарный феминизм), либо сохранение за женщинами льгот, связанных с особенностями их организма и материнством (неолиберальный феминизм).

Одно время в постсоветский период популярной стала патриархальная теория с разделением на «мужчину-кормильца» и «женщину-хранительницу очага». Очевидно, что отечественная доктрина и трудовое законодательство до сих пор находятся на распутье между классическим либерализмом американского типа и европейской континентальной моделью гендерного равенства. Определенной популярностью пользуется и бывшая советская государственно-патерналистская модель.[6]

Дискриминация как правовое явление проявляется в различных аспектах трудовых отношений. Помимо общей дискриминации в трудовых правоотношениях, которой может быть подвергнуто любое лицо, есть также и специальная дискриминация отдельных категорий субъектов, чьи права ущемляются наиболее часто. К таким субъектам относятся: 1) по возрасту – лица, не достигшие 18-летнего возраста и лица пенсионного и предпенсионного возраста; 2) по профессиональным мотивам – молодые специалисты и лица со средним образованием; 3) по социальному статусу – безработные, беженцы, иностранные граждане, лица без гражданства; 4) по признаку принадлежности к общественным объединениям – граждане, состоящие в определенной общественной организации (например, в профсоюзе) или в политической партии; 5) по признаку пола – женщины.

Касательно Республики Молдова (РМ), с целью законодательного закрепления равных прав в также приняты некоторые нормативные документы по регулированию равных прав и возможностей для женщин и мужчин.

Так, в 2006г. был принят Закон №5 от 09.02.2006г. «Об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин» [7], который определяет, что в Молдове женщины и мужчины имеют гарантированные им равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Проведение политики или совершение действия, не обеспечивающих равных возможностей женщинам и мужчинам является дискриминацией и подлежит устранению в соответствии с законодательством компетентными органами публичной власти. Действия каким-либо образом ограничивающие или исключаящие равный подход к женщинам и мужчинам являются дискриминационными и запрещаются. Правовой акт, содержащий дискриминационные положения по признаку пола, объявляется компетентными органами недействительным.

Кроме этого, согласно части (1) ст. 8 Трудового Кодекса РМ (ТК РМ) в рамках трудовых отношений действует принцип равноправия всех работников. Запрещается любая прямая или косвенная дискриминация работника по признаку пола, возраста, расы, национальности, вероисповедания, политических убеждений, социального происхождения, места жительства, наличия физических, умственных или психических отклонений, членства в профсоюзе или участия в профсоюзной деятельности, а также по иным критериям, не связанным с профессиональными качествами работника.

Пол работника указан на первом месте среди остальных факторов, могущих повлечь дискриминацию. Это говорит о важности недопущения дискриминации именно по этому основанию, но не исключает возможности дискриминации женщины по всем остальным основаниям (раса, национальность, возраст, язык, происхождение, религиозные убеждения).

Согласно части (2) ст. 8 ТК РМ не является дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений или отдельных прав для работников, обусловленных требованиями, специфическими для данного вида труда или предусмотренными действующим законодательством, либо особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите.

Таким образом, часть (2) ст. 8 ТК РМ предусматривает в качестве основания для введения различий в правовое регулирование труда женщин особую заботу о них со стороны государства как о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите. При этом различия должны быть установлены исключительно законом РМ.

В соответствии с частью (2) ст. 54 Конституции РМ, осуществление прав и свобод не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом, соответствуют общепризнанным нормам международного права и необходимы в интересах национальной безопасности, территориальной целостности, экономического благосостояния страны, общественного порядка, в целях предотвращения массовых беспорядков и преступлений, защиты прав, свобод и достоинства других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Таким образом, возможности реализации способностей женщины к труду фактически могут быть ограничены в РМ лишь по определенным мотивам и на основании специального законодательства. Совершенно очевидно, что в результате такого ограничения женщина лишается права осуществлять определенные виды трудовой деятельности, а это означает не что иное, как установление для молдавских женщин ограниченной специальной трудовой правосубъектности.

В принципе основаниями для подобных законодательных ограничений трудовой правосубъектности могут выступать социальные, физические, возрастные, половые, образовательные, квалификационные и иные факторы, характеризующие физическое лицо как субъекта, нуждающегося в повышенной социальной и правовой защите (особой заботе) со стороны молдавского государства.

Особенностью ограниченной специальной трудовой правосубъектности женщины является то, что она попадает под двойное ограничение: с одной стороны, по признаку пола, с другой стороны, по признаку возраста, образования и т.д.

С этой точки зрения, оценку допустимости и целесообразности введения законодательных ограничений по признаку пола невозможно дать, минуя рассмотрение вопроса о классификации подобного рода ограничений.

Совершенно очевидно, что основной целью, преследуемой государством при введении специальной трудовой правосубъектности женщин, является защита правовыми средствами физиологической способности женского организма (потенциальной и реализованной) осуществлять репродуктивную функцию в отношении биологического вида *homo sapiens*. Исходя из данной цели защиты труда женщин, и можно проводить упомянутую

классификацию по различным основаниям. К примеру, если в качестве критерия взять классификации физиологического состояния организма, то в данном случае можно говорить о специальной трудовой правосубъектности женщин в целом, а также беременных женщин, родивших женщин, женщин, имеющих детей, не достигших определенного возраста, женщин имеющих детей признанные ограниченными в возможностях (инвалидов), многодетных женщин.

Фактически для каждой из перечисленных категорий женщин имеются свои особенности в плане ограничения трудовой правосубъектности, но всех их объединяет совпадение интересов во введении правовых мер их защиты. Кроме того, здесь совпадают интересы государства, общества и самого объекта защиты, т.е. женщины.

Если же взять в качестве критерия ограничения трудовой правосубъектности женщин виды правоотношений, в которых они участвуют, то можно говорить о специальной трудовой правосубъектности женщин в отношениях по обучению, повышению квалификации, трудоустройству и заключению трудового договора, его изменению и прекращению, рассмотрению трудовых споров. Во всех этих отношениях прямо или косвенно прослеживаются особенности, присущие регулированию труда женщин.

В настоящее время фактическое положение женщины в трудовых отношениях в немалой степени обуславливается ситуацией на рынке труда и совпадением требований рынка с предписаниями нормам права, действующими в конкретный период времени. Любой диссонанс между ними нередко влечет за собой игнорирование субъектами рынка труда требований норм права и, как следствие этого, порождает фактическое неравенство работников по полу и, соответственно, дискриминацию женщин, которая может быть открытой и завуалированной.[8]

Формально-юридическое провозглашение равноправия полов вовсе не означает достижение реального равенства мужчин и женщин, в том числе в сфере трудовых отношений, о чем наглядно свидетельствует и рост международного женского движения, нацеленного на достижение равенства женщин и мужчин.

Следовательно, еще рано говорить об отсутствии проблем в практическом осуществлении этих норм. Для того чтобы доказать наличие в нашей стране дискриминации по половому признаку достаточно просмотреть объявления о найме на определенные рабочие места, где зачастую указан требуемый пол работника. При возникновении вопроса, были ли в той или иной ситуации допущены нарушения равенства или дискриминация, следует, прежде всего, руководствоваться ст. 14 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04.11.1950г.

С точки зрения содержания данной статьи соответствующее нарушение возникает в том случае, если налицо (а) различное отношение (б) к одинаковым случаям (в) без объективного и разумного оправдания или (г) отсутствия пропорциональности между преследуемой целью и используемыми средствами её достижения.

Согласно прецедентному праву Страсбургского международного суда, дискриминация, запрещаемая ст. 14 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», имеет место, если налицо три признака: «а) обнаруженные факты свидетельствуют о различном отношении к каким-либо лицам; б) данное различие объективно и разумно не оправдано с учетом его цели и используемых средств; в) отсутствует разумная пропорциональность между используемыми средствами и преследуемой целью». Оценка конкретного действия или бездействия со стороны государств-участников на предмет их дискриминационности всегда строится в Страсбурге на основе вышеперечисленных критериев.

Формирование рыночных отношений в РМ усилило дискриминацию женщин в сфере занятости. Это не в последнюю очередь обусловлено прежним механизмом предоставления женщинам льгот, в том числе связанных с рождением и воспитанием ребенка.

Процесс позитивного изменения фактического положения женщин в сфере трудовых отношений, развивающихся в условиях рыночного хозяйствования, является длительным и сейчас вряд ли возможно точно определить, когда ситуация изменится в сторону улучшения.

Можно лишь сказать, что наша страна находится в самом начале пути борьбы с дискриминацией женщин в трудовых отношениях, тогда как в наиболее развитых странах запада антидискриминационная политика в отношении женщин проводится давно и затрагивает политическую, экономическую и социальную сферы общественной жизни.

При этом главный акцент в этой политике делается на устранении различий в социальном статусе мужчин и женщин и достижении равенства между полами в тех сферах, где чаще всего имеет место дискриминация женщин. В свою очередь основным инструментом проведения антидискриминационной политики является система квот, обеспечивающих участие женщин в определенных сферах жизни общества.[9]

Эффективная борьба с дискриминацией женщины в сфере трудовых отношений в современных условиях рыночной экономики в РМ должна основываться на новых подходах, не всегда совпадающих с теми, которые применялись в рамках советской правовой системы. Представляется, что в качестве первоочередных мер на этом пути необходимо: сохранить соответствующие льготы для женщин лишь на тех производствах, где имеется прямая угроза для выполнения ими репродуктивной функции, а также на всех производствах для беременных женщин; перейти от охранительного законодательства к принципиально иному антидискриминационному.

Такой переход должен привести к тому, что в числе обязанностей государства останется предоставление мужчине и женщине максимально полной информации об отрицательных последствиях выполнения того или иного вида трудовой деятельности, а уже на ее основе каждая женщина сама в состоянии решать, способна ли она выполнять данный вид труда, определять необходимость дополнительных выходных дней, ночных работ, командировок, если дома остается годовалый ребенок, и т.д. [10]

Многочисленные исследования показывают, что наиболее актуальна на молдавском рынке труда дискриминация при найме на работу и увольнении.

Подобное ограничение по признаку пола, несомненно, представляет собой грубое нарушение ст. 8 ТК РМ, запрещающей дискриминацию по полу в сфере труда.

Такого рода ограничение также нарушало требования Конвенции ООН от 18 декабря 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» о том, что мужчины и женщины имеют право «на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме». [11]

В связи с этим, по-видимому, государству следует закрепить законодательно, например, ввести в Кодекс о правонарушениях РМ статью, устанавливающую штрафную ответственность для работодателей, публично распространяющих заведомо дискриминационную информацию об имеющихся у них вакансиях. Аналогичная ответственность могла бы быть установлена и для руководителей средств массовой информации, которые публикуют соответствующие объявления.[12]

Практическая ценность законодательного закрепления равноправия женщин и недопущения их дискриминации означает возможность реально пользоваться своими правами.

Однако такая возможность может стать действительностью только при наличии определенных условий, т.е. эффективных механизмов законодательной защиты прав женщин.

Библиография:

1. Деменева Н.А. Системно-методологический подход выявления сущности дискриминации в сфере труда. В Материалы конференции, посвященной 100-летию профессора Н.Г. Александрова «ДОКЛАДЫ и ВЫСТУПЛЕНИЯ», 19-20 июня, 2008. с. 128
2. Советский энциклопедический словарь. Москва, 1980. с. 400

3. Зыкина Т.А. Вопросы реализации права работника на защиту от дискриминации. Материалы конференции, посвященной 100-летию профессора Н.Г. Александрова «ДОКЛАДЫ и ВЫСТУПЛЕНИЯ», 19-20 июня, 2008. с. 147
4. Толкунова В.Н. Право женщин на труд и его гарантии. Москва, 2010. с. 36-39
5. Киселев И.Я. Охрана труда по советскому трудовому праву. Москва, 2008, с. 111-118
6. Лушников А.М., Лушникова М.В., Тарусина Н.Н. Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. Москва: ТК Велби, «Проспект», 2006, с. 112-113
7. Закон Республики Молдова №5-XVI от 9 февраля 2006 года «Об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин». Официальный монитор № 47-50, 2006 г.
8. Dorneanu V., Bădică G. Dreptul muncii. București, 2002, p. 200
9. Оробец В.М., Скачкова Г.С. Новое в Трудовом кодексе: Практический комментарий с примерами. Настольная книга кадровика, Т. I. Санкт-Петербург, 2006 г., с. 125
10. Власов В.И. Право женщин на труд//Законность. 2007, № 8. с.40-41
11. Negru T., Scorțescu C. Dreptul muncii. Partea generală. Chișinău, 2004, p. 157
12. Оробец В.М., Скачкова Г.С. Новое в Трудовом кодексе: Практический комментарий с примерами. Настольная книга кадровика, Т. I. Санкт-Петербург, 2006 г., с. 130

УДК:343.35:343(478)

Султ Георгий

Доктор права, доцент кафедры Публичного права,
проректор по учебной работе Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат

Сандуца Галина

Доктор права, доцент кафедры Публичного права Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат

ОТГРАНИЧЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ХАЛАТНОСТИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Abstract. The article discusses some issues of limiting official negligence from related offenses and the problems of qualifications of such crimes in accordance with the Criminal Code of the Republic of Moldova.

Keywords: Exclusion, official negligence, related offenses, the Criminal Code of the Republic of Moldova, qualification problems.

Одной из гарантий успешного функционирования государства и гражданского общества является надлежащее исполнение своих служебных полномочий должностными лицами всех уровней управления.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение соответствующих обязанностей, непоследовательные либо незавершенные управленческие решения различных уровней рассматриваются ныне как одна из основных причин экономических, политических и социальных проблем, возникших в Молдове в последние годы. Есть все основания полагать, что именно негативные стороны управления, в том числе проявляющиеся в различных видах уголовно-противоправного поведения, - главная проблема для Молдовы на современном этапе. В этой связи вопросы противодействия таким общественно опасным деяниям приобретают особую актуальность и значимость. То есть, преступление, предусмотренное ст. 329 УК РМ [1], характеризуется достаточно высокой степенью латентности, является сложным в сборе доказательств, выявлении причин и условий, способствующих его совершению.

Поэтому, от служебной халатности как должностного преступления, состоящего в

невыполнении или в ненадлежащем выполнении должностными лицами своих обязанностей, следует ограничивать случаи неисполнения либо ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, никак не связанных с должностными полномочиями субъекта.

Для примера остановимся на должностном преступлении, состоящего в невыполнении или в ненадлежащем выполнении должностными лицами, работающие в области медицины.

Так врач за ненадлежащее выполнение своих профессиональных обязанностей несет ответственность согласно ст. 213 УК РМ, а в случае неисполнения своих прямых обязанностей по оказанию помощи больному отвечает по ст. 162 УК РМ - неоказание помощи больному. А ответственность за неосторожное причинение смерти либо средней тяжести или тяжкого вреда здоровью человека вследствие ненадлежащего выполнения лицом своих профессиональных обязанностей (врача, медицинской сестры и т. д.) предусмотрена соответственно по ч. (2) ст. 162 и ч. (2) ст. 163 УК РМ как преступление против личности.

Вместе с тем, уголовно-правовая норма о служебной халатности, предусмотренная ст. 329 УК РМ, является общей по отношению к ряду специальных норм. К примеру, нарушение правил пожарной безопасности (ст. 296 УК РМ), невыполнение распоряжений государственного надзора в области гражданской защиты (ст. 297 УК РМ), нарушение правил эксплуатации объектов энергетики (ст. 298 УК РМ), и т.д. При конкуренции общей и специальной норм применению подлежит специальная норма.

Под профессиональными преступлениями медицинских работников понимаются такие, которые совершаются при осуществлении профессиональных функций с нарушением предписаний законодательства, современных требований медицинской науки и практики, положений медицинской этики и врачебной деонтологии. [2]

Если лицо нарушает профессиональные обязанности, но не служебные, квалификация по ст. 329 УК РМ исключается. Профессиональные обязанности вытекают из осуществления определенной профессии: медицинский работник, пожарный и т.д.

Уголовное законодательство РМ предусматривает различную квалификацию за невыполнение или ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей для различных областей. Например, нарушение правил или способов оказания медицинской помощи является невыполнением профессиональной обязанности (это касается медицинских работников, обязанности которых должны быть выполнены с особым старанием) со стороны лиц, оказывающих медицинскую помощь, которые привлекаются к уголовной ответственности за нарушение ст. 213 УК РМ.

Если лицо, обладая статусом публичного лица и работающее в области медицины, образования, чрезвычайных ситуаций и т.д., нарушает служебные обязанности, (например, директор публичного санитарно-медицинского учреждения, начальник отдела публичного санитарно-медицинского учреждения (в области медицины), директор учебного заведения, ректор, заведующий кафедрой государственного высшего учебного заведения (в области образования); начальник команды по чрезвычайным ситуациям (область гражданской защиты и по чрезвычайным ситуациям) и т.д.), совершенные действия будут считаться служебной халатностью в соответствии с положениями ст. 329 УК РМ.

Разграничение ст. 329 УК РМ со ст.ст. 162 и 163 УК РМ, где также предусмотрена смерть потерпевшего или причинение тяжкого или средней тяжести вреда его здоровью по неосторожности, следует проводить по объективной стороне и по субъекту. В комментируемой статье эти последствия связаны с выполнением должностным лицом своих служебных, а не профессиональных обязанностей. Поэтому врачи, другой медицинский персонал, а также фармацевты и подобные им лица, не являющиеся должностными, за указанные последствия подлежат ответственности по ст.ст. 162 или 163 УК, а должностные лица - по ч. (2) ст. 329 УК РМ.

В практике, в ряде случаев имела место необоснованная квалификация нарушений правил охраны труда по совокупности с должностными преступлениями, в частности с должностной халатностью. При этом указывалось, что лицо, виновное в нарушении правил охраны труда, преступно халатно отнеслось к выполнению своих обязанностей. В итоге получается, что за одно преступление виновный привлекается к ответственности одновременно по двум конкурирующим статьям.

Смерть человека может произойти в результате аварии, возникновения пожара, обвала перекрытий, взрыва газа и других происшествий, предотвратить которые обязано было должностное лицо. В этих случаях халатность следует отличать от нарушения правил охраны труда, причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, причинения по неосторожности тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Первое отличие заключается в субъекте преступления. Субъектом халатности является только должностное лицо, субъектами же указанных преступлений - любые работники учреждений, предприятий, а также частные лица, выполняющие профессиональные обязанности.

Второе отличие состоит в том, что халатность - норма общего характера. То есть, когда деяние подпадает под признаки как общей, так и специальной нормы, при этом применяется специальная норма.

Основное различие преступного нарушения правил охраны труда и должностной халатности проходит по субъекту. При нарушении правил охраны труда субъектом является лицо, наделенное специальными обязанностями - обеспечивать соблюдение или соблюдать специальные правила охраны труда (правила по технике безопасности и др.). При этом субъект может быть как должностным лицом, так и рядовым работником определенного объекта. При должностной халатности такие обязанности специальным актом (инструкцией, требованием) на лицо не возложены. Это лицо, может быть, и осуществляет общее руководство, однако конкретно обеспечение соблюдения или соблюдение указанных правил возлагается на других лиц. Поэтому должностное лицо не может быть одновременно привлечено по статьям о нарушении правил охраны труда.

В ст. 306 УК РМ предусмотрена ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, в ч. (2) данной статьи - то же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого, особо тяжкого или чрезвычайно тяжкого преступления. Статья 307 УК РМ предусматривает ответственность судьи за вынесение заведомо неправосудного приговора, определения или постановления. С объективной стороны, в отличие от халатности, эти преступления характеризуются действием; с субъективной стороны - только прямым умыслом. Нормы об этих преступлениях являются специальными по отношению к норме о превышении должностных полномочий (совершение должностным лицом действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать).

Судья может быть привлечен к уголовной ответственности за халатность в случае невыполнения своих должностных обязанностей, вытекающих, например, из порядка ведения судопроизводства, если отношение к вынесению незаконного приговора, решения или иного судебного акта, что повлекло впоследствии существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государством, было неосторожным. [2]

В случае рассмотрения уголовных дел, связанных со служебной халатностью (ст. 329 УК РМ), необходимо обязательное установление, не предусмотрено ли специальными уголовными нормами невыполнение или ненадлежащее выполнение публичным лицом своих обязанностей (например, ст. 183, ст. 296-301, ст. 345, ст. 378 УК РМ). Так как ст. 329

УК является общей нормой в соотношении со специальными указанными нормами, при квалификации учитывается лишь специальная норма.

В контексте отграничения отдельно следует остановиться на ответственности за служебный подлог, (ст.332 УК РМ). Норма о служебном подлоге, по сути, является специальной по отношению к норме о превышении должностных полномочий так как, закон определяет служебный подлог как внесение публичным лицом заведомо ложных сведений в официальные документы, а равно фальсификация таких документов, если эти действия были совершены из корыстных или иных личных интересов. То есть это преступление может быть совершено только путем действия. С субъективной стороны оно характеризуется умышленной формой вины и наличием корыстной или иной личной заинтересованности. При этом, невыполнение должностным лицом возложенных на него обязанностей по надлежащему заполнению официальных документов, контроля их содержания, которое повлекло по неосторожности существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства, необходимо квалифицировать по ст.329 УК РМ.

Ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей как действие в составе должностной халатности существенно отличается от действия в составе злоупотребления властью и служебным положением (ст. 327 УК РМ) не только по субъективным, но и по объективным признакам. Существенное различие между действиями, образующими злоупотребление должностными полномочиями, и действиями, характерными для халатности, состоит в том, что первые представляют собой противозаконное использование должностным лицом его служебного положения; они совершаются вопреки интересам службы, а вторые не выходят за пределы служебных полномочий, но их надлежало совершить более интенсивно. Отличие здесь заключается не в «интенсивности» действий должностного лица, а в том, что халатность - это бездействие, злоупотребление должностными полномочиями - действие должностного лица вопреки интересам службы.

Отграничение злоупотребления должностными полномочиями, превышения должностных полномочий от халатности необходимо проводить, прежде всего, по субъективной стороне. Халатность - неосторожное преступление, злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий - преступления умышленные. Проблема состоит в том, что субъективная сторона халатности имеет сложное наполнение. Субъективная сторона халатности как преступления с материальным составом включает отношение виновного к бездействию и его общественно опасным последствиям. Отношение должностного лица к неисполнению обязанностей может быть различным. В одном случае должностное лицо может намеренно, осознанно не исполнять свои обязанности, в другом - забыть о необходимости совершить те или иные действия по службе, т. е. не осознавать, что нарушает возложенные на него обязанности.

Изучение судебной практики показывает, что чаще всего имеет место как раз осознанное неисполнение должностным лицом своих обязанностей. При этом не исключается, что должностное лицо не исполняет их с целью получения имущественной выгоды или выгоды нематериального характера (корыстная или иная личная заинтересованность). Например, принимает на работу лицо, которое не обладает необходимыми профессиональными знаниями, с целью экономии заработной платы, использует для строительства некачественные материалы с целью экономии денежных средств и последующего их хищения, скрывает преступление от учета с целью улучшения показателей.

Вывод, отграничение халатности от злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий можно провести только в зависимости от отношения виновного к общественно опасным последствиям деяния. Должностное лицо либо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло

предвидеть эти последствия, либо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего бездействия, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий. Поэтому, должностная преступность, являясь составной частью преступности в целом, во многом детерминируется факторами общими для всех видов преступности и **противодействие** должностной преступности должно осуществляться в рамках единой государственной системы профилактики **правонарушений**.

Библиография:

1. Уголовный кодекс Республики Молдова № 985 – XV от 18.04.2002 г. Вступил в силу 12.06.2003 г. Официальный монитор РМ № 128-129 от 13.09.2002 г.
2. Гуцуляк В.И., Бужор В.Г. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Молдова. Общая часть. Кишинев, 2005 г.

УДК 340.5

Лукьянов Дмитрий

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного частного права
и сравнительного правоведения

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого,
член-корреспондент НАПрН Украины,
г. Харьков, Украина

Андреев Тит,

магистрант магистерской программы по
международному публичному праву

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого,
г. Харьков, Украина

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБМЕНА ПЛЕННЫМИ 29 ДЕКАБРЯ
2019 ГОДА В УКРАИНЕ**

Annotation. This article studies some international legal practices of prisoner exchange, focuses on the legal analysis of prisoner exchange between Ukraine and the unrecognized republics in December 2019, shows significant violations of the requirements of the law and the Constitution, and assesses the exchange from the position of the rule of law.

Keywords. Prisoner exchange, international law, Ukrainian law, The War in Donbass

В конце 2019 года в рамках так называемого «нормандского формата» было достигнуто соглашение между его участниками об обмене лиц, которые попали в плен или были другим образом захвачены и удерживаемые в местах несвободы сторонами военного конфликта на Востоке Украины. В ходе этого обмена, который по договоренности сторон носил характер «всех на всех» со стороны Украины было передано 124 человека, несколько осталось в Украине, а со стороны непризнанных республик 81, причём 5 решили остаться на оккупированной территории. [7] Обмен вызвал широкую и иногда неоднозначную реакцию, как и среди украинского общества, что выразилось в массовых собраниях и попыткам пресечь передачу отдельных лиц [9], но в общем был принят позитивно и приветствовался населением, так и среди мирового сообщества, что проявилось в соответствующих заявлениях высших государственных чинов мировых держав. Этот обмен можно рассматривать с различных позиций, прежде всего, этот акт представляет интерес для исследователей политических процессов, но также можно найти, как и правовые, так и философско-правовые грани акта сотрудничества между Украиной и другими участниками договоренностей. В настоящем исследовании мы совершим попытку провести юридический анализ проведенного обмена лиц в свете верховенства права и прав человека, очертить

международные, зарубежные и национально-правовые нормы и практики, касающиеся этого вопроса, постараемся обозначить дальнейшее развитие не только мысли юридической науки, но и законодательной практики.

В самом начале стоит обратиться к истории и правовому обеспечению подобных обменов в оправе международных и национальных (право)(политических) порядков. До определенных пор подобной проблемы не существовало и не могло существовать, потому как человек мог рассматриваться не только в качестве субъекта права, но и как объект материально-правовых отношений, а потому пленные в Античности в подавляющем большинстве своем теряли правосубъектность, приобретали юридические признаки вещей и продавались в рабство, в дальнейшем же практиковались различные практики выкупа пленных лиц. С развитием правовой, политической и нравственной культуры человечества рабство было запрещено и с этого момента в различных государствах начинаются разнообразные проблемы, что связаны с содержанием военнопленных, в том числе и их юридического статуса, но длительное время вопрос содержания военнопленных был подчинен военной необходимости и политической целесообразности, сильной мерой зависел от статуса захваченного лица и институционального развития содержащей страны. В XX веке мы уже можем наблюдать создание не только национальных правовых порядков, регулирующих содержание и обмен захваченных лиц, в том числе военнопленных, но и международные документы, которые создают новый, наднациональный уровень регулирования. К последним можно отнести Женевскую Конвенцию 1929 года и Третью Женевскую конвенцию 1949 года, которые регулируют исключительно вопросы репатриации военнопленных и связанных с военным конфликтом лиц после окончания военных действий.

В истории развития международных отношений мы можем найти и классифицировать согласно ключевому параметру нахождения или нет в состоянии войны государств-участников передачи задержанных лиц следующие ситуации:

1) Государства или другие непризнанные территориальные объединения находятся в состоянии открытой или скрытой, непризнанной войны между собой:

А) Репатриации военнопленных, которые указаны в ст. 110 Третьей Женевской Конвенции, а также других лиц, которые подлежат репатриации на родину или в нейтральное государство независимо от статуса боевых действий;

Б) Репатриации военнопленных после окончания военного конфликта, достижения соглашения между воюющими сторонами и передачи с обеих сторон захваченных в ходе конфликта лиц, имеющих непосредственное отношение к боевым действиям или сопутствующим им (например, гражданские лица, что уполномочены на оказание военной помощи).

2) Государства или другие непризнанные объединения не находятся в состоянии военного конфликта между собой, а захваченные лица, как и обладают военно-правовым статусом, так могут и не обладать. В этом случае определенных международно-правовых норм или обычаев, что частным образом касаются подобных договоренностей нет, но применяются общие правила международного публичного права, к примеру, *pacta sunt servanda*, что обязывает государства в случае достижения консенсуса в вопросе обмена лиц придерживаться подобной договоренности.

В некоторых странах национальное законодательство позволяет участвовать в подобных обменах, хоть и прямого указания о подобной возможности в законодательстве нет. К примеру, в Российской Федерации ст. 85 Уголовного кодекса дает право Президенту РФ помиловать любое лицо, в отношении которого решение суда вступило в силу освободить от наказания, заменить наказания более мягким, избавить лицо от судимости. Критериев применения подобного права Президента в УК РФ и на уровне законов не закреплено, что позволяет ему совершать подобные действия в случае любой политической необходимости (деятельность частных лиц, в том числе и сбор специальными комиссиями

списков лиц, которые могут быть помилованы или реализацию заключенными своего права на помилование предусмотренного Конституцией РФ мы не принимаем во внимание). В 2010 году так и случилось, во время «обмена шпионов», когда Россия и США взаимно обменялись лицами, что были осуждены за шпионаж в пользу этих государств.[6] В России можно некоторые правозащитники обратили внимание на то, что помилование и дальнейшая высылка осуществлялась в том числе, по отношению, к гражданам РФ, что содержательно могло нарушать их право на свободу передвижения и право на гражданство. Со стороны США было проведено слушания Государственным департаментом США и затем совместно с Президентом было принято окончательное решение.

Во время другого знаменитого обмена «1027 заключенных на 1 израильтянина» юридическая процедура была осложнена и тяжела по причине тяжелых и напряженных отношений Израиля и организации «ХАМАС», что контролирует сектор Газа. Процесс обмена включал много этапов и сложные переговоры, несколько предварительных освобождений заключенных со стороны Израиля для получения доказательств о состоянии жизни и здоровья Гилады Шалита. Биньямин Нетаньяху, премьер-министр Израиля, неоднократно созывал Правительство для решения этой проблемы и именно Правительство приняло решение о совершении этой сделки 26 голосами «за» и тремя «против» несмотря на возражения и опасения о будущей антиизраильской деятельности лиц, освобождаемых по соглашению и реализации планов по захвату других военнослужащих Израиля для совершения дальнейших обменов. В дальнейшем решение Правительства было формально утверждено за ходатайством министра юстиции Президентом Израиля, который в условиях парламентской республики, исполняет большей мерой представительские и церемониальные функции, в том числе и помилование. Интересным есть этот случай и, с другой стороны, так как организация «ХАМАС», несмотря на признание некоторыми государствами, такими как РФ, в Израиле и некоторых других странах определена, как террористическая, а значит подвергается существенным ограничениям по поводу характера и области возможных договоренностей с ней.

В уголовно-правовом измерении вопрос привлечения лиц, которые впоследствии обмениваются есть достаточно занятным благодаря наличию двух уровней субъективной стороны. Лица, совершающие нарушение законодательства одного государства, действуют не только в своих личных интересах и побуждениях, но и есть исполнителями воли и намерений другого государства, осуществляют функции его органов, но за пределами национального правопорядка. Подобные действия представителей государства становятся основанием для международно-правовых конфликтов, а привлечение задействованных в подобной деятельности лиц зависит от их международно-правового статуса и если международное право не обеспечивает их персональную защиту от национального преследования и не устанавливает дипломатический путь решения вопросов связанных с его преследованием, такое лицо подвергается уголовному преследованию, но имеет возможность в рамках дальнейших политических договоренностей, что закрепляется правовыми средствами, быть освобожденным.

Как мы увидели выше, во время подобных обменов существуют много вызовов для правовой системы, и мы можем иногда наблюдать нарушения национального законодательства правительствами с целью исполнения взятых на себя политических обязательств по международным договоренностям. Помимо этого в законодательстве многих стран, равно как и на международно-правовом уровне существуют институты отбывания наказания в стране, гражданином которой является осужденный, что позволяют если не избавляться от наказания, то по крайней мере отбывать его в другой стране, но после подобной передачи интересным кажется вопрос субъекте и основаниях помилования такого лица, отмены в будущем криминализирующей некоторое деяние в этой стране нормы уголовного законодательства, за которое он был осужден в другой стране, но был передан и

другие. Вторая проблема заключается в возможном конфликте политической договоренности и субъективных прав заключенного, который может отказаться от обмена и реализации своего права на помилование или же переезда в нейтральную или участвующее, с другой стороны, государство.

Обмен затребованными лицами в рамках обмена, заявленного украинской стороной как «всех установленных на всех установленных», что произошёл в декабре 2019 года, является достаточно оригинальным с правовой точки зрения по причине некоторых вытекающих из национального способа правопонимания и применения норм законодательства нарушений требований обязательных к исполнению норм и имеет несколько уровней измерения, многие грани, которые составляют особый и интересный для изучения случай. В политическом же измерении этот обмен напоминает указанный нами выше пример Израиля.

В первую очередь, стоит заметить неоднозначный статус субъектов, которые стали участниками подобной договоренности, так как их статус регулируется, как и международным правом, так и национальным, так и нормами, что установлены самопровозглашёнными республиками. На международном уровне признанной правосубъектностью обладает лишь государство Украина, организации «ДНР» и «ЛНР» признаны лишь другими непризнанными республиками, но участвуют в политических договоренностях с некоторыми странами. В Украине эти организации признаны в качестве террористических, но в то же время правительство Украины иногда вступает в переговоры с ними, например, в рамках общения трёхсторонней группы Украина-ОБСЕ-Россия, где находятся представители «ДНР» и «ЛНР» или же с РФ, что декларирует в рамках иных переговоров свою репрезентацию их воли.

Стоит отметить несогласованность украинского законодательства в отношении организаций, которые фактически контролируют часть оккупированной территории Украины. В постановлении Верховной Рады «О заявлении Верховной Рады «О трагической гибели людей вследствие террористического акта над территорией Украины» самопровозглашённые ДНР и ЛНР признаются террористическими организациями. В Законе «Об особенностях государственной политики из обеспечения государственного суверенитета Украины на временно оккупированных территориях Донецкой и Луганской областей» говорится о том, что указанные территории установлены и контролируются Вооружёнными силами РФ и российской оккупационной администрации, любой же нормативный акт, который выдается этой администрацией есть недействительным и не имеет никакой правовой силы за исключением свидетельства о рождении и смерти, которые прикладываются к заявлению о государственной регистрации этих событий. В теории права подобные субъекты иногда определяются как псевдогосударственные и псевдоправовые системы, которые имитируют государственность и правовую систему.[10]

В силу вышеуказанных сведений сложно совершить правовую квалификацию субъектов участвующих в обмене – кроме Украины в нём принимали участие самопровозглашённые республики или оккупационные власти РФ. Событие, как ни странно, не получило достаточного официального освещения на сайтах Президента Украины, Генерального прокурора, ни других официальных лиц государства. В отношении совершенного обмена не было опубликовано ни одного правового документа, который бы предусматривал какие-либо права или обязательства Украины, обязывал совершить должностных лиц некоторые действия. Список передаваемых лиц до самого дня передачи держался в тайне и не был предоставлен общественности для обсуждения.

Различается статус и обмениваемых лиц со стороны Украины – виновность некоторых, таких как организаторы террористического акта в Харькове 2015 года Виктор Тетюцкий, Сергея Башлыкова и Владимира Дворникова, была установлена украинскими судами, а некоторые с них уже начали отбывать наказание в местах лишения свободы. В отношении же других, таких как подозреваемых в расстреле митингующих во время Революции

Достоинства 2014 года служащих подразделения милиции «Беркут», совершалось только расследование или судебные рассмотрения их дел. Процедура амнистии, то есть освобождения лиц, которые уже отбывают наказание в местах лишения свободы или по отношению, к которым было вынесено судебное решение, ещё не вступившее в законную силу предусмотрена Уголовным кодексом Украины «Об применении амнистии в Украине». Помилование же, учитывая его нормативно-правовое определение в УК Украины не может быть применено в рамках различных договоренностей. Амнистия может объявлена только законом, что принимается Верховной Радой в отношении определенной категории лиц, а затем в каждом отдельном случае суд принимает решение об освобождении от исполнения наказания, тщательно проверяя при этом поведение заключенного. Закон также устанавливает императивное ограничение круга лиц, что могут быть амнистированы – это лица совершившие преступления против национальной безопасности Украины, террористические акты, бандитизм, умышленное убийство, пытки, имеющих две и больше судимостей и т.д. Согласно опубликованному средствами массовой информации списку лиц, что были переданы Украиной абсолютное большинство составляли лица, что совершили преступления исключаяющие возможность амнистии, а по поводу нескольких лиц СМИ не смогли получить достоверную информацию. Основываясь на этом и не имея в открытом доступе документов, которые касаются обмена, мы можем указать, что совершенный обмен был проведен в полностью неправовом поле, с нарушением, как и Конституции Украины, национального законодательства, так и предписаний международно-правовых договоров. Подобную мысль только укрепляет информация с официального сайта Президента Украины, где в отношении переданных подозреваемых лиц в расстреле митингующих на Майдане в 2014 указано: «Что в отношении беркутовцев – да, это условия этого освобождения «всех на всех». Мы забирали наших героев. Я считаю это было сложное решение. Решение политическое – это правда». [5]

Рассматривать прошедший обмен возможно не только с позиции политической необходимости и нормативной правильности, но и на предмет соответствия другим элементам верховенства права, опираясь при этом на исследующий этот концепт доклад Венецианской комиссии «О верховенстве права» 2011 года. Основываясь на этом докладе, мы можем предположить, что совершенный обмен противоречит нескольким составляющим верховенства права, а именно:

1) Законности (подчиненность) предписаний права, что проявилось в активном вмешательстве Президента Украины в действия органов правопорядка, прокуратуры и суда в неправовой способ; выполнение неправовых указаний на всех ступенях системы правосудия и правоохранительных органов;

2) Юридической определенности, что проявилось в отсутствии каких-либо нормативно-правовых или судебных документов, что касаются передачи лиц в общественном пространстве; скрытости списка передаваемых и получаемых лиц до самого последнего момента, что исключало их общественное обсуждение;

3) Запрету произвола в фактических действиях всех органов государственной власти, которые хоть и ограничены законодательством и не могут совершать определенные действия, но совершили без надлежащего юридического обоснования произведенных действий;

4) Доступа к правосудию в независимых и беспристрастных судах, что заключается не только в нарушении базовых принципов правосудия, таких как принятия решений на основании законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, но и а) создает опасения для граждан Украины и лиц, имеющих интересы в нашем государстве, что суды могут выносить решения на основании политических решений вышестоящих органов государственной власти без правовых на то оснований б) нарушает права граждан и их родственников, что пострадали в результате незаконных действий виновных лиц, так

як причинивши шкоду були звільнені без належних правових підстав не понесли при цьому кримінально-правової відповідальності, яка може розглядатися як частина виправальних заходів і якщо не повного, то хоча б часткового відновлення справедливості в) порушує права і інтереси всіх суб'єктів права в межах національної системи, так як спостерігається дискримінація цих суб'єктів по відношенню до звільняваних осіб у вигляді непристосування до них обміну відкритою, гласною, правовою процедурою, але в той же час всі інші повинні дотримуватися норм права, навіть якщо вони оцінюють їх негативно, не дозволяючи їм розумно прогнозувати поведінку інших суб'єктів права, в тому числі і представників держави, які можуть легко порушувати предписання закону.

Важко зауважити, що і міжнародні організації, що і країни Заходу, в загальному, позитивно оцінили обмін досягнутий політичний компроміс важче правових процедур, які не тільки не були використані. Одночасно видача деяких осіб, наприклад, підозрюваних по справі вбивств на Майдані в лютому 2014, була оцінена неоднозначно.

Підводячи підсумок, варто вказати, що ставший обмін не відповідає праву України. Виконання політично-мотивованих указів без належної правової процедури порушує Конституцію і законодавство України і свідчить про інституційну слабкість державного механізму і правової системи. С практичної точки зору в Україні впродовж 5 років воєнного конфлікту варто було розробити спеціальний закон, вносячи при цьому поправки в Кримінальний кодекс і Кримінально-процесуальний кодекс про звільненні від кримінального покарання і переслідування осіб підлягаючих обміну в межах угоди і який б створював процедуру, що могла б застосовуватися главою держави, але на даний момент цей питання не стоїть на порядку дня. Актуальним вважаємо внесення змін в ЗУ «Про Президента України» в частині надання йому дискреційних повноважень в питаннях, що стосуються обміну осіб. Науковому ж суспільству необхідно звернути увагу на цей питання, створити обґрунтований і з відкритими процедурами проект Закону України, представити його парламенту і не допустити внесення в нього бездумних і руйнуючих його структуру поправок, як це нерідко буває в час національної законодавчої процедури.

Бібліографія:

1. Кримінальний кодекс України [Електронний ресурс]. – 2001. – Режим доступу до ресурсу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.
2. ЗУ "Про застосування амністії в Україні" [Електронний ресурс]. – 1996. – Режим доступу до ресурсу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/392/96-вр>.
3. Закон України "Про особливості державної політики із забезпечення державного суверенітету України на тимчасово окупованих територіях у Донецькій та Луганській областях" [Електронний ресурс]. – 2018. – Режим доступу до ресурсу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2268-19>.
4. Про Заяву Верховної Ради України "Про трагічну загибель людей внаслідок терористичного акту над територією України" [Електронний ресурс]. – 2014. – Режим доступу до ресурсу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1596-18>.
5. Президент про передачу «беркутівців»: Ми не можемо повернути мертвих, але могли повернути живих [Електронний ресурс]. – 2019. – Режим доступу до ресурсу: <https://president.gov.ua/news/prezident-pro-peredachu-berkutivciv-mi-ne-mozhemo-povernuti-59141>.
6. Spies swapped by US and Russia at Vienna airport [Електронний ресурс] // BBC News. – 2010. – Режим доступу до ресурсу: <https://www.bbc.com/news/10564994>.

7. Звільнено 81 людину, повернулися 76 - Зеленський [Електронний ресурс] // Українська правда. – 2019. – Режим доступу до ресурсу: <https://www.pravda.com.ua/news/2019/12/29/7236192/>.
8. Великий обмін: Кого віддала Україна? [Електронний ресурс] // 112.ua. – 2019. – Режим доступу до ресурсу: <https://ua.112.ua/golovni-novyni/velykyi-obmin-koho-viddala-ukraina-520516.html>.
9. День обміну: Лук'янівське СІЗО досі блокують [Електронний ресурс] // Українська правда. – 2019. – Режим доступу до ресурсу: <https://www.pravda.com.ua/news/2019/12/29/7236141/>.
10. Лук'янов Д. Правова система: поняття та різноманітність у сучасному світі / Дмитро Лук'янов. // Право України. – 2019. – №3. – С. 158–176.

УДК: 347.261

Султ Георгій

Доктор права, доцент кафедри Публичного права,
Проректор по учебной работе
Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат

Арсени Игорь

Доктор права, преподаватель кафедры Частного права
Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СЕРВИТУТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Abstract. Among limited property rights, servitude occupies a special role. Due to insufficient legislative regulation and the high importance of this legal institution, easement is actively discussed both in the scientific community and among legal practitioners. To date, there are controversial issues related to the legal nature of easements; the role of easements in modern law; the content and procedure for the implementation of easement rights; the specifics of the grounds for the emergence and termination of easements; protection of the rights of subjects of relations arising from easement. Scientific and practical discussions on the above issues served as a methodological message for understanding the need for a meaningful transformation of relations arising from easement.

Keywords: easement, property law, real estate.

Сервитут - самое старое и первоначально единственное *ius in re aliena*. Появившийся в римском праве, он прошел долгий путь развития и на данный момент закреплён в большинстве законодательств мира.

Развитие частной собственности, плотная застройка, строительство, развитие энергетики, средств связи и коммуникации, туристической сферы услуг и т.п. делают актуальным данный институт и для современной Республики Молдова.

Несмотря на столь длительную историю, до сих пор не сложилось единого понимания природы сервитута. Так Ю.Н. Слепенко считает, что «сервитут стоит понимать как право на конкретную функцию чужой вещи, но не право на саму эту вещь» [18, с.82]. Скорее всего, это можно объяснить тем, что сервитут исключает правомочия владения и распоряжения служащей вещью [3, с.52]. Классическая триада полномочий не до конца позволяет объяснить суть сервитута. При сервитуте как вещном праве все же присутствует некоторое право владения (не титульное) - невозможно пользование вещью без фактического обладания ею. В то же время пользоваться одной вещью можно по-разному, в том числе в зависимости от того, какие определенные свойства чужой вещи используются. При этом

сервитут позволяет пользоваться чужой вещью без отстранения собственника (иного титульного владения) от пользования вещью. В этом смысле пользование собственником и сервитуарием одной вещью также будет происходить по-разному.

В этой связи точка зрения, касающаяся необходимости законодательного закрепления правила, наделяющего вещные права свойством исключительности, в соответствии с которым «при установлении определенного вещного права в отношении данного предмета никакое иное право, аналогичное по содержанию первому, не может быть установлено», выглядит весьма спорной. Действительно, такое правило, вряд ли может быть применено к установлению двух сервитутов на одну и ту же вещь - в данном случае возникает множественность сервитутов. Несколько сервитутов вполне могут сосуществовать на одной вещи.

С нашей точки зрения сервитут - это право на вещь, обладателю которого предоставляется господство над вещью лишь в определенном отношении, выраженное в ограниченном пользовании этой вещью.

По мнению Д.А. Монахова, «природа сервитутов не требует, чтобы служащая вещь кому-либо принадлежала».[16, с.10] Вероятно, такая позиция исходит из того, что сервитут, по мнению автора, «это самостоятельное право точно установленного объема». В такой интерпретации нарушается такой важнейший признак ограниченных вещных прав, как их производность от права собственности. На производность таких прав указывал Б.Б. Черепяхин: «имеется в некотором роде «переход» правомочий от одного лица к другому, но без потери их и соответствующего права в целом право предшественником; на основе права праводателя создается право с иным содержанием (более ограниченным). ...образуемое право возникает лишь при условии существования у праводателя более широкого права и лишь в пределах охватываемых им правомочий, в частности владения, пользования распоряжения собственника».[20, с.320]

В работах О.А. Поротиковой, А.Г. Ананьева отмечается, что сервитуты «имеют все основания считаться обязательствами».[17, с.193; 1, с.14-17] На обязательственный характер сервитута, по их мнению, указывает то, что он возникает из договора и существует в течение срока действия, определенного договором.

Наша точка зрения состоит в том, что даже при наличии некоторых признаков обязательств сервитут не может быть отнесен к таковым, поскольку необходимо учитывать все известные признаки вещных прав, отличающие их от обязательств: содержание вещных прав определяется законом; господство лица над вещью, а не над поведением обязанного лица и др.

Неоднозначное понимание сервитутов является следствием непрекращающихся в науке споров относительно возможности четкого разграничения вещных и обязательственных прав, а также целесообразности подобного деления, в силу переплетения в одних и тех же конструкциях вещно-правовых и обязательственно-правовых элементов. [4; 5, с.146-151; 2]

По меткому замечанию Л.Г. Ефимовой, «порой трудно однозначно определить, какое перед нами право: вещное с элементами обязательственного или, наоборот, обязательственное с элементами вещного». [12, с.10]

В данной работе мы придерживаемся классических позиций в том смысле, что понимаем под сервитутом ограниченное вещное право, которое представляет собой право на чужую вещь, уже присвоенную другим лицом (собственником).

И. Горонович отмечал, что когда «мы приступаем к рассмотрению юридической стороны сервитута, многие вопросы представляются спорными и противоречивыми». Разобраться в этом многообразии попытаемся на примере современного молдавского и зарубежного законодательства.[9, с.119]

Отсутствие на протяжении семидесяти лет в отечественном (советском) законодательстве механизмов регулирования системы ограниченных вещных прав не могло

не отразиться на сервитутных отношениях в современной Республике Молдова. В современном законодательстве не нашлось места таким известным понятиям, как «право угодий» и «право участия частного».

В действующем ГК РМ содержатся только частные, вещные сервитуты, закрепленные в Главе III Раздела IV Книги второй.[10]

Следует отметить, что модернизированный ГК РМ от 01.03.2019г. в части регулирования института сервитута расширил объекты сервитутных отношений и перешел от сервитута «земельного участка» к сервитуту «недвижимости, т.е. сервитутом могут обременяться любые объекты недвижимости, а не только земельные участки как это было ранее. Другими словами законодатель пошел по пути расширения действия сервитута, поскольку ранее возникали трудности в установлении сервитута на другие объекты недвижимости, поскольку ГК РМ предусматривал исключительно обременение сервитутом земельных участков.

Так, согласно ч.(1) ст. 639 ГК РМ, *сервитут* является обязательством, по которому обременяется недвижимость (недвижимость, обремененная сервитутом) для обеспечения пользования недвижимостью или нужд недвижимости другого собственника (доминирующая недвижимость). Нужда может заключаться в повышении комфортности доминирующей недвижимости либо вытекать из его хозяйственного назначения.

Таким образом, сервитут есть вещное право пользования обремененной недвижимостью, установленное в интересах собственника доминирующей недвижимости (сервитуария) в пределах, определенных законом или соглашением сторон. Интересы (нужды) собственника доминирующей недвижимости может заключаться в повышении комфортности доминирующей недвижимости либо вытекать из его хозяйственного назначения.

Тем самым законодатель отождествляет понятие сервитута с правом ограниченного пользования чужой недвижимостью. В этом смысле следует согласиться с точкой зрения Ю.Н. Слепенюк, которая указывает на необходимость «уйти от привязывания сервитутных прав только к вещным правам на землю».[18, с.11] Продуктивнее использовать общую формулировку понятия «сервитут» без привязки к какому-либо объекту - право ограниченного пользования управомоченного лица (сервитут).

Как известно, основополагающим принципом вещных прав, позволяющим отграничить их от прав обязательственных, является замкнутость их перечня и содержания (*numerus clausus - typenzwang* и *typenfixierung*).[19, с.257] Для вещных сервитутов данный признак имеет первоочередное значение, во многом благодаря тому, как отмечает М.Н. Малеина, что «сервитут - собирательное понятие, которое объединяет разные виды сервитутов, обременяющих чужую недвижимость», и только посредством реализации в определённой форме (виде) он имеет действие.[15, с.80-95]

Анализ законодательств зарубежных стран показывает, что в большинстве из них лежит идея дуализма относительно природы сервитута: а) один участок обременяется в пользу другого (К Франции, К Испании[7], Закон о вещных правах КНР[13]); б) лицо допускает что-либо или не делает чего-либо (ГГУ, ГК Австрии[6], ГК Грузии[8]).

Иными словами дуализм заключается в том, что, с одной стороны, сервитут - это право (благо), дающее возможность ограниченного пользования чужой вещью, а с другой - это обременение права собственности, определенным образом сужая имеющиеся у собственника возможности.[14, с.37-39]

Далее попытаемся выявить правовую природу сервитутов.

1. Сервитуты могут устанавливаться только на определённой территории – там, где проходят мероприятия, то есть данный вид сервитутов вне зоны действия, указанной в законе, установить нельзя. Большинство из них имеют временный характер – до момента проведения мероприятий. То есть установление сервитутов и их действие возможно только в

период, установленный законодательством, по истечении которого такая возможность больше не представится.[11, с.89]

2. Хотя сервитут – вещное право, однако в рамках юридической конструкции сервитута устанавливаются как вещные, так и обязательственные по своей природе права, возникающие между собственником обремененного земельного участка и собственником доминирующего земельного участка. Обязательственные права в конструкции сервитута – производные от вещных прав и существуют постольку, поскольку существует сервитут. В этой связи ч. (2) ст. 639 ГК предусматривает, что обязанность совершения действия может присоединяться к сервитуту и налагаться на собственника недвижимости, обремененной сервитутом. Эта обязанность является принадлежностью сервитута и не может толковаться иначе как в пользу недвижимости либо для эксплуатации недвижимости. Следовательно, обязанность действовать определенным образом, возложенная на собственника обремененной недвижимости, производна от вещного права и не может рассматриваться как право требования, находящееся в гражданском обороте.[19, с.258]

Во всяком случае, когда согласно договору расходы на производство работ, необходимых для осуществления и сохранения сервитута, несет собственник недвижимости, обремененной сервитутом, он может освободиться от этой обязанности, отказавшись в пользу собственника доминирующей недвижимости от необходимой для осуществления сервитута части недвижимости, обремененной сервитутом.

3. Содержание сервитута состоит в праве ограниченного пользования сервитуарием недвижимостью, обремененным сервитутом. При осуществлении своего права, сервитуарий, если договором между сторонами не предусмотрено иное, может производить на недвижимости, обремененной сервитутом, любые работы, необходимые для осуществления права сервитута, сохраняя данное право.

Если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон, сервитуарий может принять все меры и произвести за свой счет все работы по осуществлению и сохранению сервитута. Расходы, связанные с проведением таких работ, несет оба собственника (доминирующей и обремененной недвижимости) соразмерно получаемой ими выгоде в той мере, в которой работы, произведенные для осуществления сервитута, необходимы и полезны, в том числе для недвижимости, обремененной сервитутом.

4. Сервитут может предусматривать как безвозмездный, так и возмездный характер отношений, устанавливаемых между сервитуарием и собственником обремененной недвижимости. Собственник доминирующей недвижимости, в соответствии ч. (2) ст. 640 ГК РФ, может быть обязан к выплате в определенные сроки вознаграждения собственнику недвижимости, обремененной сервитутом. Во всяком случае, сервитуарий должен возместить убытки, причиняемые собственнику обремененной недвижимости осуществлением своего права (ч. (2) ст. 648 ГК РФ).

5. Особый порядок осуществления ограниченного права пользования устанавливается между правообладателями, когда недвижимость, ранее обремененная сервитутом, обременяется другим сервитутом либо иным вещным правом пользования недвижимым имуществом. Если эти права не могут осуществляться одновременно (в совокупности либо по отдельности) и если эти права имеют одинаковую степень очередности, то каждое из правомочных лиц может требовать установления такого порядка осуществления права, который удовлетворял бы в равной мере всех заинтересованных лиц (ст. 650 ГК РФ). В этом случае вопрос решается посредством соглашения сторон, определяющего порядок осуществления конкурирующих прав, а при не достижении соглашения – в судебном порядке.

Библиография:

1. Ананьев А.Г. Недействительность и незаключенность соглашения о сервитуте// Юрист. 2014. №11.
2. Ахметьянова З.А. Вещно-правовые признаки в некоторых гражданско-правовых обязательствах// Юрист. 2007. №2.
3. Бондаренко В.В. Перспективы развития сервитута как института вещного права // Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс. 2012. № 9.
4. Брагинский М.И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений// Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика/ Отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998.
5. Власов А.В. К дискуссии о вещных и обязательственных правах// Правоведение. 2000. №2.
6. Всеобщий гражданский кодекс Австрии. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
7. ГК Испании. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=221320 (дата обращения 10.01.2020).
8. ГК Грузии. М. Юридический центр Пресс, 2002.
9. Горонович И. Исследование о сервитутах. Доклад, читанный в Киевском юридическом обществе 13-го Ноября 1882 года. Александрия: Тип. Ф.Х. Райхельсона, 1904.
10. Гражданский кодекс РМ № 1107-XV от 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 82-86/661 от 26.06.2002.
11. Гражданское право: Общая часть: Учеб./ Игнатъев В.П., Проценко В.В.; под общ. ред. В.П. Игнатъева; Акад. наук Молдовы, нн-т истории, гос-ва и права.- К.: Б и., 2010.
12. Ефимова Л.Г. О соотношении вещных и обязательственных прав// Государство и право. 1998. №10.
13. Закон КНР «О вещных правах». URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right/law_real_right_p3ch14. (дата обращения 10.01.2020).
14. Лузина А.Н. Ограничения и обременения прав на недвижимое имущество// Российский судья. 2006. №8.
15. Малеина М.Н. Договор о частном сервитуте//Вестник гражданского права. 2008. № 4.
16. Монахов Д.А. Сервитуты и их судебная защита: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Монахов Даниил Анатольевич. СПб., 2009.
17. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007.
18. Слепенко Ю.Н. Сервитутное право: основания возникновения и проблемы защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Слепенко Юлия Николаевна. М., 2015.
19. Халабуденко О.А. Имущественные права. Книга 1. Вещное право/О.А. Халабуденко; Междунар. независимый ун-т Молдовы. – К.: Междунар. независимый ун-т Молдовы, 2011
20. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву// Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 2001.

УДК: 347.45/47

Арсени Игорь

Доктор права, преподаватель кафедры Частного права
Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат
e-mail: igorarseni1987@gmail.com

**КВАЛИФИКАЦИЯ УСЛОВИЙ О ТЕРРИТОРИИ, ОБ ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ И
ЛОГИСТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В ДИСТРИБЬЮТОРСКОМ ДОГОВОРЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Abstract. The article highlights the features of such conditions of a distribution agreement as territory, exclusivity and logistic conditions. The relevance of the research topic is due to the fact that modern theoretical, scientific and practical research devoted to the analysis of such conditions of a distribution agreement as territory, exclusivity and logistic conditions are carried out in insufficient volume. At the same time, one cannot fail to notice that comprehensive studies of this problem were not undertaken, which led to the existence of understandable gaps in the theory, and as a result, the unresolved significant group of questions of practical enforcement. Therefore, the development of theoretical aspects of the topic is highly relevant.

Keywords: distribution agreement, territory, exclusivity, logistics.

Условие о территории является одним из условий дистрибьюторского договора. Заключается оно в том, что дистрибьютор назначается ответственным за продажи товаров производителя на определенной территории. В соответствии с условием о территории дистрибьютор обязуется перепродавать товары, осуществлять их распространение и продвижение на определенной территории.

Необходимость условия о территории обусловлена стремлением производителя спланировать сбыт и организовать дистрибуцию (распределение) своих товаров. Иногда важнее даже не увеличение сбыта, а неизменное, бесперебойное распределение производимых товаров. Выполнение этой задачи производителя осуществимо путем разделения территорий ответственности между дистрибьюторами. Последние же в свою очередь способны предложить производителю навыки сбыта на заданной территории, опыт и сложившиеся коммерческие связи. При этом не обязательно, чтобы дистрибьютор был эксклюзивным, т.е. продавал на определенной территории товары только одного производителя. Вполне ординарна для рынка ситуация, при которой дистрибьютор занимается дистрибуцией товаров одной категории разных производителей (например, кондитерскую продукцию - печенье, карамель, шоколад и др; бытовую химию и т.д.). Ведь для товаров одной категории рынок сбыта единый - магазины примерно одного торгового формата. Иными словами, территориальная привязка дистрибьютора неразрывно связана с его профессионализмом.

В доктрине гражданского и коммерческого права среди ученых существуют спорные мнения относительно того, является ли условие о территории, где будет осуществлять реализацию товаров дистрибьютор существенным.

Партин А.М. указывает, что «условия о территории осуществления дистрибьютором реализации товара является существенным, так закрепляются конкретные границы действия, вытекающие из предмета дистрибьюторского договора». [7, с.12]

Маслова В.А. также отмечает условие о территории существенным условием дистрибьюторского договора. [5, с.11]

Табан И. в своем исследовании также отмечает, что «территория является одним из существенных условий, которое должно быть указано в договоре». [8, р. 41]

В результате анализа заключаемых дистрибьюторских договоров было выявлено, что условие о территории является существенным условием. Условие о территории означает вид административно - территориальной единицы, в которой дистрибьютор будет осуществлять реализацию товаров, к которой относят регион, район, муниципий, город или даже государство. Условие о территории, позволяет выявить, какие административные единицы обеспечены постоянным присутствием дистрибьютора, и какие еще нет.

Условие о территории в дистрибьюторском договоре предусмотрено лишь для *исключительного дистрибьюторского договора*, в силу которого поставщик обязуется осуществлять поставку продукта *на определенной территории* или для определенной группы клиентов только одному дистрибьютору (ч.(2) ст. 1736 ГК РМ)[3].

Условие о территории в дистрибьюторском договоре имеет соотношение со ст. 1700 ГК РМ, в которой предусмотрена оговорка о неконкуренции, согласно которой договор может запретить или ограничить сторону, размещающую на рынке продукт другой стороны, в осуществлении деятельности, конкурирующей с деятельностью другой стороны, после прекращения договорных отношений (обязательство о неконкуренции). Обязательство о неконкуренции действует, если: а) согласовано в текстовой форме на долговременном носителе информации; б) относится к территории или категории клиентов и территории и к продуктам такого рода, которые являются предметом договора; с) не нарушает положений законодательства о конкуренции. Обязательство о неконкуренции не может длиться более двух лет после прекращения договорных отношений.

При установлении в дистрибьюторском договоре условий о территории, стороны должны учитывать требования ст. 11 Закона РМ «О конкуренции» №183 от 11.07.2012г. [4], согласно которой запрещается заключать соглашения между предприятиями, если оно приводит к разделу товарного рынка по территориальному принципу, ограничению доступа других продавцов или покупателей на рынок, объему продажи товаров, ассортименту и категории товаров и т.д.

Зачастую на практике возникают вопросы, являются ли дистрибьютор и поставщик картелями или являются конкурирующими сторонами, а также заключаемый ими дистрибьюторский договор выступает ли в качестве соглашения направленного на раздел рынка и его контроль?

На данные вопросы попытаемся ответить через призму Закона РМ «О конкуренции».

С точки зрения Закона РМ «О конкуренции» дистрибьюторский договор рассматривается как «вертикальное соглашение» - соглашение, в силу которого два и более независимых предприятия осуществляют деятельность по производству или сбыту на разных уровнях, которые относятся к условиям, при которых стороны вправе осуществлять покупку, продажу или перепродажу определенных товаров.

В рамках дистрибьюторского договора действуют две основные стороны – поставщик и дистрибьютор. Данные стороны являются независимыми предприятиями, каждый из которых действуют отдельно на товарном рынке. Так дистрибьютор может распространять товары поставщика на определенной территории, но в свою очередь, поставщик будет лишен возможности распространять товары, напрямую, и наоборот, поставщик будет иметь возможность продавать товары через другого дистрибьютора на иной территории, что будет лишать другого дистрибьютора права продавать на этой территории товары. Таким образом, из сказанного можно сделать вывод, что поставщик и дистрибьютор являются конкурирующими сторонами на одном и том же уровне товарного рынка, на котором дистрибьютор покупает товары у производителя для их дальнейшей перепродажи. Такого рода продажи расцениваются как «конкурирующие продажи». Можем выделить два вида конкурирующих продаж при дистрибьюторстве: 1) в случаях, когда поставщик сам выступает в качестве продавца товаров и осуществляет прямые продажи; 2) в случаях, когда поставщик присутствует на товарном рынке опосредовано, то есть осуществляет продажу

товаров через своих контролируемых дистрибьюторов. В данных случаях поставщик выступает в качестве конкурента по отношению к независимым дистрибьюторам, а их правоотношения соответствуют признакам «вертикальности».

Вышеизложенное дает основание сделать вывод, что дистрибьютор и поставщик являются конкурентами, и тем самым не создают картеля в силу ст. 7 Закона РМ «О конкуренции» согласно которой *злостным картелем* является антиконкурентное горизонтальное соглашение, за исключением соглашения малой важности, которое прямо или косвенно, отдельно или вместе с другими факторами, находящимися под контролем сторон, имеет своим предметом: а) установление цен продажи продуктов третьим лицам; б) ограничение производства или продаж; в) распределение рынков или клиентов; г) участие в торгах или других формах конкурса ofert с фальшивыми офертами. Учитывая, что злостные картели являются самыми серьезными антиконкурентными соглашениями, считается, что они сами по себе способны препятствовать, ограничивать или искажать конкуренцию.

Учитывая «вертикальность» дистрибьюторского договора, то следует отметить, что данный договор не направлен на раздел товарного рынка и контроль его со стороны поставщика и дистрибьютора по следующим обоснованным причинам. Одной из важных особенностей дистрибьюторского договора является, то, что продажи согласно его условиям осуществляются на конкурентной основе на уровне канала распределения товаров более низкому звену, по отношению к тому с кем заключается данный договор. Другими словами конкуренция продаж между поставщиком и дистрибьютором осуществляется либо оптовым, либо розничным продавцам, а не исключительно оптовым, что не предполагает прямую продажу конечным потребителям, так как дистрибьютор как специфический участник торгового оборота выступает в качестве посредника фактического посредника между производителем и розничными продавцами.

Таким образом, между дистрибьютором и поставщиком не заключается дистрибьюторское соглашение о прямой продаже розничным продавцам, так как контрагентами поставщика выступают только оптовые покупатели или дистрибьюторы, а контрагентами дистрибьютора выступают розничные покупатели, а контрагентами розничных продавцов являются конечные покупатели (потребители). Из этого можем сделать следующие важные выводы. Во-первых, союз дистрибьютора и поставщика будет считаться картелем, когда между ними заключено «горизонтальное» дистрибьюторское соглашение, т.е. соглашение, заключенное между двумя или несколькими предприятиями, которые работают на одном и том же уровне рынка. Во – вторых, к заключенному между поставщиком и дистрибьютором дистрибьюторскому соглашению не могут применяться нормы о картеле, поскольку и поставщик и дистрибьютор действуют на разных уровнях рынка, т.е. осуществляют продажи разным участникам торгового оборота – поставщик продает дистрибьютору, дистрибьютор – розничным продавцам. Такая схема свидетельствует о разных целях и областях деятельности дистрибьютора и поставщика, не ограничивающая их возможностей на товарном рынке.

Все вышеизложенное свидетельствует, что деятельность поставщика и дистрибьютора в рамках дистрибьюторского договора не создает картеля, не направлено на раздел и контроль сегмента или всего рынка, поскольку поставщик действует на товарном рынке по согласованию с дистрибьютором.

Условие о территории выработано практикой торгового оборота и облегчает планирование производителем сбыта товаров. В договоре может быть установлена ответственность за нарушение дистрибьютором условия о территории, (если он осуществляет продажу товаров за ее пределы) в виде уменьшения размера скидки. Само по себе включение условия о территории в договоры не означает, что их выполнение дистрибьютором повлечет раздел рынка и нарушит конкуренцию. Именно поэтому дистрибьюторский бизнес широко распространен в Республике Молдова и во всем мире.

Дистрибьюторская деятельность направлена не на ограничение конкуренции, а на разграничение сфер деятельности и организацию торгового оборота по сегментам.

Условие о территории относится к числу условий организационного характера, а также будет являться существенным условием для дистрибьюторского договора, если стороны, это прямо предусмотрели в тексте дистрибьюторского договора. В этом случае, без условия о территории дистрибуция невозможна. Так как договариваться о показателях по объему сбыта и покрытию точек розничной продажи, в зависимости от которых будут, выплачиваться скидки и премии, производитель и дистрибьютор могут только применительно к конкретной территории, обозначенной географическими границами.

В этом контексте без этого условия дистрибьюторский договор существовать не может, а превращается в обычный договор поставки, осложненный условиями о скидках за осуществление действий дистрибьютором, не связанных с организацией сбыта на территории. Очевидно, что скидки за объем приобретаемых товаров, ассортимент, рекомендованные цены могут начисляться и при обычной поставке. А для дистрибьюторского договора существенное значение имеют организационные условия сбыта применительно к определенной территории, за выполнение которых выплачивается вознаграждение.

Следует отметить, что с существующими научными точками зрения относительного того, что договорное условие о территории является существенным мы не согласны.

В соответствие с ч.(1) ст. 1027 ГК РМ, договор считается заключенным, если сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными считаются условия, которые предусмотрены законом как таковые или в отношении которых по заявлению одной из сторон необходимо достигнуть соглашение.

В этом контексте следует отметить, что если стороны в дистрибьюторском договоре не предусмотрели территорию, на которой дистрибьютор будет осуществлять свою деятельность, то его действия не будут ограничены территориальными границами. В таком случае дистрибьютор не будет обязан соблюдать условия о территории, а должен будет исполнять обязательство по выполнению предусмотренного договором объема продаж. В этом случае, если дистрибьютор находится на территории РМ, то он вправе осуществлять деятельность на всей территории РМ, в том, числе продавать товары за рубеж.

По нашему мнению, с учетом требований ч.(1) ст. 1027 ГК РМ, условие дистрибьюторского договора о территории, не может считаться существенным, поскольку дистрибьюторский договор будет считаться заключенным и без закрепления данного условия, но если стороны включают данное условие, то оно становится существенным не в силу значимости, а в силу прямого указания закона.

Данная позиция непосредственно связана с условием дистрибьюторского договора об эксклюзивности, что означает право поставщика заключить договор с единственным дистрибьютором, который будет осуществлять реализацию товаров единолично, что лишает поставщика права заключать договоры с другими дистрибьюторами на договорной территории.

В частности, выделяют три основных вида дистрибьюторских договоров в зависимости от того, сколько дистрибьюторов привлекается для продажи товаров: 1) договор исключительной дистрибуции, который даёт право поставщику поставлять товары одному единственному дистрибьютору в пределах одной территории; 2) договор выборочной дистрибуции, что предполагает выбор право поставщика выбирать дистрибьютора по определенным критериям. Например, поставлять лекарства мелким или крупным аптечным сетям; 3) договор исключительной продажи означает обязанность дистрибьютора приобрести товар у поставщика или производителя указанного поставщиком.

Договорное условие об эксклюзивности предполагает право поставщика привлекать других дистрибьюторов для продажи товаров на оговоренной территории, либо поставщик заключает дистрибьюторский договор с единственным дистрибьютором. [1, с.141]

Условие об эксклюзивности, также как и условие о территории, не является существенным, пока стороны прямо это не предусмотрят в договоре как существенное условие. В таком случае дистрибьюторский договор будет считаться неэксклюзивным. Дистрибьюторский договор считается эксклюзивным только в том случае, когда поставщик предоставил право реализовывать товары единому дистрибьютору в пределах одной территории без права привлечения других дистрибьюторов.

Часто условия дистрибьюторского договора, регулирующие транспортировку, доставку, хранение товаров, называют *логистическими*

Логистика представляет собой инструмент менеджмента, способствующий достижению стратегических, тактических или операционных целей организации бизнеса за счет эффективного с точки зрения снижения общих затрат и удовлетворения конечных потребителей по качеству продуктов и услуг управления материальными или сервисными потоками, а также сопутствующими им потоками финансовых средств.[2,с.124]

Также логистику определяют как процесс планирования и обеспечения (включая контроль) эффективного и непрерывного поступления товаров и сопутствующей информации оттуда, где они создаются, к потребителю, направленный на всемерное удовлетворение потребительских запросов.

Необходимость включения логистических условий в договор объясняется стремлением обеспечить качество товаров, построить такие каналы сбыта, которые бы позволяли обеспечивать своевременность, полноту и ритмичность поступления товаров в точки реализации. Иными словами, логистические условия направлены на более экономическое и рациональное осуществлением операций по доведению товаров до потребителей.

Можно выделить логистические условия двух групп: направленные на организацию перевозки; направленные на организацию складского хранения.

Однако это деление имеет доктринальный характер, так как обычно формулируется в виде отдельных разделов договоров, устанавливающих порядок приемки товаров и требования к хранению и транспортировке товаров. Как правило, стороны договариваются о включении аналогичных условий в договоры, которые заключает дистрибьюторы со своими контрагентами (магазинами и посредниками). Организационный характер этого условия заключается в том, что ответственность дистрибьютора за организацию сбыта, строится таким образом; чтобы товар до момента его приобретения конечным потребителем не потерял своих потребительских свойств и качества. Учитывая это, дистрибьютор уже не может не включить соответствующие условия в договоры со своими контрагентами, так как будет считаться не выполнившим условия дистрибьюторского договора и может лишиться статуса дистрибьютора.

Производитель вправе проводить инспектирование складов и транспортных средств, в целях проверки- соблюдения этих условий. Инспектирование предусмотрено также 4:305 Принципов АФД.[6]

Нарушение этих условий, которые являются необходимыми, может повлечь расторжение договора с дистрибьютором, так как репутация товаров — предмет особой заботы производителя.

В этом условии дистрибьюторского договора проявляется связь производителя с конечными потребителями товаров, в результате чего достигается цель осуществления дистрибьютором его деятельности - довести товары с неизменными свойствами по каналам сбыта от производителя к потребителю.

Таким образом, логистические условия являются существенными для дистрибьюторского договора и регулируют условия приемки, транспортировки и хранения

товаров, реализованных производителем дистрибьютору в любой момент и в любом месте нахождения товаров до приобретения товара конечным потребителем. Учитывая отсутствие обязательных требований ГК РМ к качеству товаров, именно логистические условия обеспечивают возможность приобретения потребителями товаров с неизменными (по сравнению с отгруженными производителем) качественными и иными потребительскими характеристиками.

Библиография:

1. Арсени И. Отличие дистрибьюторского договора от дилерского договора. В: Верховенство права. Киев - Кишинэу, 2016, №2.
2. Горчелс, Л., Марией, Э, Уэст, Ч. Управление каналами дистрибуции. - М.: Издательский дом Гребенникова, 2005.
3. Гражданский кодекс Республики Молдова № 1107-XV от 06.06.2002. В: Официальный Монитор Республики Молдова № 82-86/661 от 26.06.2002.
4. Закон РМ «О конкуренции» №183 от 11.07.2012. В: Официальный Монитор Республики Молдова №193-194 от 14.09.2012.
5. Маслова В. А. Дистрибьюторский договор как правовой инструмент организаций сбыта товаров. . дисс. канд. юрид. наук. Москва, 2011.
6. Регламент Европейской комиссии от 22 декабря № 2790/1999, который действовал до 31 мая 2010 г. и новый Регламент Европейской комиссии от 20 апреля № 330/2010, который будет действовать до 31 мая 2022 г.// Official Journal of the European Communities. 23.4.2010 № L 102.
7. Партин А. Дистрибьюторское соглашение в системе договоров по гражданскому праву России. В: Хозяйство и право. 2009, №1.
8. Табан И. Проблемы правового регулирования договора дистрибуции в гражданском законодательстве Республике Молдова. In: Buletinul științific al Universității de Stat „Bogdan Petriceicu Hașdeu” din Cahul. Cahul, 2015, №. 2.

УДК: 347.919.

Арсени Игорь

Доктор права, преподаватель кафедры Частного права
Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат
e-mail: igorarseni1987@gmail.com

**СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В
ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

Abstract. The relevance and importance of this study is that in the conditions of market transformations that are taking place in the economy of the Republic of Moldova, one of the main elements of the mechanism of legal regulation of these relations is the quick response of the judiciary to violation of the rights and legitimate interests of civil law entities. A change in the country's political course towards the democratization of the activities of public administration bodies has led to corresponding changes in the country's judicial system. The Civil Procedural Code of the Republic of Moldova, simultaneously with the lawsuit, administrative proceedings, and special proceedings, established proceedings for the additional consideration of applications for monetary amounts or for the return of property from the debtor - order proceedings ending with a judicial order being issued by a judge alone.

Keywords: civil proceedings, writ proceedings, court order.

Конституция Республики Молдова гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод. В статье 20 Конституции РМ закреплено, что любое лицо имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными судами в случае нарушения его прав, свобод и его законных интересов.[9]

Гарантия эффективной судебной защиты – это предусмотренное Конституцией право гражданина обратиться в соответствующий суд с иском и обязанность суда рассмотреть иск и принять по нему законное, справедливое и обоснованное решение. Это означает, что государство обязано обеспечить полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной.

Данная обязанность также вытекает из общепризнанных принципов и норм международного права. Так согласно ст.8 Всеобщей Декларации прав человека, каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.[4]

Согласно ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.[11]

Изменение политического курса страны на демократизацию деятельности органов публичного управления, повлекла соответствующие изменения и в судебной системе страны.

Гражданский процессуальный кодекс РМ одновременно с исковым производством, производством по административным делам, особым производством установил производство по дополнительному рассмотрению заявлений денежных сумм или о возвращении имущества от должника – *приказное производство*, оканчивающиеся вынесением судебного приказа судьей единолично.[13, с.48]

Появление в гражданском процессуальном законодательстве известного ранее института судебного приказа обусловлено переходом в Республики Молдова к новым экономическим отношениям, построенных на рыночных началах, и соответственно повышением объемов заключаемых договоров, соглашений и сделок. Прежде всего, в экономической и социальной сфере по спорам, вытекающим из алиментных обязательствах, по выплате заработной платы, так как субъекты гражданского оборота не всегда добровольно исполняют договорные условия, что ведет к возникновению конфликтных, спорных ситуаций.

Появление приказного производства обусловлено и тем, что уровень жизни граждан в нашей стране не достаточно высок, что приводит к тому, что социально не защищенные слои населения просто не обращаются за судебной защитой своих прав из-за высокой стоимости юридических услуг и бюрократической волокиты. Одним из процессуальных институтов позволяющий обеспечить более быстрое и эффективное осуществление правосудия, особенно по таким критериям дел, как взыскание алиментов, где затягивание процесса, ненужная волокита ведут к негативным последствиям, является судебный приказ. Его действие заключается в оперативном и реальном восстановлении нарушенных субъективных прав. Использование в гражданском судопроизводстве упрощенных правовых процедур, в частности приказного производства, способного придать динамизм процессу, повысить эффективность и действенность судебной защиты.

Существовали и существуют ситуации, когда применение всех формальностей искового производства не только излишне, но и не целесообразно, ибо затягивает защиту права в случаях, не терпящих отлагательства, а, кроме того, и перегружает суды. Это ситуации в которых требования заявителей не вызывают сомнений в своей обоснованности, подтверждены документально, а ответная сторона не возражает по существу. Упрощение процесса в таких случаях повышает эффективность защиты права, облегчает работу суда.

Судебная статистика последних лет свидетельствовала о значительном росте количества гражданских дел, рассматриваемых и разрешаемых в судах первой инстанции, о перегруженности судов.

Первые результаты обобщения правоприменительной практики свидетельствуют о том, что судьи все чаще разрешают дела в порядке приказного производства.

В настоящее время, когда приказное производство возрождено в гражданском судопроизводстве Республики Молдова, очень важным видится проведение исследований, объясняющих сущность нового института и обобщающих опыт, накопленный наукой гражданского процессуального права и судебной практикой, а также опыт, наработанный в законодательстве и правоприменительной деятельности Республики Молдова и зарубежных государств.

Важнейшими направлениями развития современного гражданского процессуального законодательства являются повышение доступности правосудия, оптимизация, ускорение и упрощение судопроизводства. Данная тенденция отчетливо прослеживается не только в Республике Молдова, но и в зарубежных странах.

Одна из важнейших гарантий конституционного права на судебную защиту заключается в оперативном и реальном восстановлении нарушенных субъективных прав. Развернутая процедура рассмотрения гражданских дел подчас далеко отодвигает момент исполнения, вызывая нежелательные последствия: невозможность исполнения решения суда ввиду отсутствия у должника имущества и денежных средств, необходимость розыска должника и других объективных причин. Поэтому для приведения в действие механизма принудительного взыскания применяется упрощенное судебное производство, где допускается взыскание задолженности на основании документально установленных юридических фактах.[8, с.293]

Анализ действовавшего ранее института судебного приказа с позиции задач и функций суда, прерогатив судебной власти показывает, что этот особый вид судебных постановлений является эффективным средством защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов. Данное обстоятельство подтолкнуло современного законодателя к тому, чтобы возродить в современном гражданском судопроизводстве институт приказного производства.

Теоретики такую разновидность процесса обозначают довольно сходно: "судебное производство по выдаче судебного приказа"[12, с.194], "упрощенная правовая процедура производства по выдаче судебного приказа"[3, с.31].

По целому ряду материально-правовых требований бывает совершенно очевидна их формальная бесспорность, то есть требования заявителя обоснованы и документально подтверждены, а обязанное лицо не может выставить никаких возражений по существу. Вместе с тем требуется придать исполнительную силу отношениям между сторонами, привести в действие механизм принудительного взыскания, поскольку должник свое очевидное обязательство не выполняет. В таких случаях в целях упрощения судебного производства допускается взыскание задолженности на основании приказа – судебного акта защиты права, основанного на документально установленных юридических фактах. Конструкция приказного производства в Гражданском процессуальном кодексе базируется на идее резюмируемой достоверности предъявляемых требований.[10, с.53]

Упрощенная правовая процедура производства по выдаче судебного приказа (приказное производство) целиком обусловлено природой материально-правовых требований, подлежащих защите. Можно определить ее как специфическую форму защиты прав и интересов кредитора как лица, опирающегося на бесспорные документы против стороны, не выполняющей обязательств. Иными словами, это документальное производство.[14, с.263]

Процедура выдачи приказа представляет собой упрощенную процедуру в суде первой инстанции для защиты прав и интересов кредитора в качестве альтернативы исковому

процессу, основанному на достоверных и неопровержимых письменных доказательствах, обусловленных характером материально-правовых требований, указанных в законе, на основании которого выдается судебный приказ.[1, р.91] Сторонами приказного производства выступают кредитор и должник. Дела, рассмотренные в порядке приказного производства, основаны на споре о праве, и проявляются в нарушении права, но без обжалования. Существенным аспектом приказной процедуры является разрешение дела с помощью письменных и достоверных доказательств. Также рассмотрение дела происходит без вызова сторон для составления протокола судебного заседания.[2, р.69-70]

Приказное производство можно определить как упрощенное и сокращенное по сравнению с исковым, альтернативное исковому, основанное на достоверных письменных доказательствах, производство в суде первой инстанции, ставящее целью защиту прав и законных интересов путем обеспечения возможности принудительного исполнения ряда обязательств и обусловленное правовой природой материально-правовых требований, указанных в законе, по которым может быть выдан судебный приказ.[15, с.3]

В юридической литературе приказное производство определяется, например, как «упрощенная правовая процедура производства по выдаче судебного приказа».[3, с.7] Данное определение, не слишком полное и не дает представление о специфических характерных чертах приказного производства, отличающих его от других видов гражданского судопроизводства.

С одной стороны, судебный приказ близок по своей сути судебному решению, ибо и в том и в другом случае ликвидируется существующий спор. После вынесения судебного решения и судебного приказа, возможно, их принудительное исполнение. Однако, с другой стороны, между названными актами существуют серьезные различия. Вынесению судебного приказа не предшествует рассмотрение дела по существу, судья выносит приказ на основе изучения письменных документов. По этой причине приказное производство получило название «бесспорного». Содержание судебного приказа также отличается от содержания решения.[16, с.182]

Приказное производство – это упрощенное судопроизводство, так как судебного разбирательства в данном случае нет. Однако некоторые ученые считают, что приказное производство не следует рассматривать как вид гражданского судопроизводства, а следует рассматривать в качестве до процессуальной, но в тоже время альтернативной процедуры, осуществляемой судьей в целях ускоренной защиты права кредитора и установления спорности или бесспорности требования.[6, с.105]

Приказное производство — урегулированная нормами гражданского процессуального права деятельность суда вне рамок судебного разбирательства по упрощенному разрешению дел, не обусловленных спором о праве, круг которых четко определен законом.[7, с.126]

Приказное производство - это судопроизводство, в котором совершаются не все процессуальные действия. В то же время в нем активно участвует суд, осуществляя властные полномочия по возбуждению, развитию производства и разрешению заявленных требований.[5, с.166]

Таким образом, к характерным чертам приказного производства можно отнести следующее.

1. Приказное производство - упрощенное по сравнению с исковым гражданское судопроизводство в суде первой инстанции, включающее в себя подачу кредитором (взыскателем) заявления о вынесении судебного приказа; вынесение судебного приказа судьей (отказ в его вынесении); отмену судебного приказа.

2. Приказное производство - специфическая форма защиты прав и интересов кредитора, как лица опирающегося на документы, обладающие высокой степенью достоверности, против стороны, не выполняющей обязательства.

3. Приказное производство служит для разрешения в упрощенном порядке споров о праве, возникающих из ряда правоотношений типа "кредитор-должник", которые складываются по поводу денежных средств или движимого имущества. С помощью судебного приказа не может быть взыскано недвижимое имущество.

4. Приказное производство имеет целью обеспечить механизм принудительного исполнения обязательств, достоверно подтверждаемых документами. Доказательственная сила документа определяется его объективной формой, доступной непосредственному восприятию, а также сведениями, которые документ содержит, и юридическая экспертиза которых не представляет для судьи сложности.

5. Приказное производство обусловлено правовой природой материально-правовых требований, подлежащих защите. Перечень требований, по которым может быть выдан судебный приказ, закреплен в ГПК РМ.

6. Предпосылки возникновения института приказного производства следует разделить на объективные и субъективные. Объективными предпосылками являются содержание судебной деятельности и специфика предмета процессуальной деятельности. Субъективная предпосылка - это состояние судебной практики в сфере защиты гражданских прав.

7. Предпосылками, определяющими возможность разрешения спорного правоотношения в порядке приказного производства, являются особый характер требований, возникающих из правоотношений типа "кредитор-должник" и устанавливаемых ГПК РМ, наличие у кредитора письменных доказательств, обладающих высокой доказательственной силой, согласие сторон на разрешение спора в порядке приказного производства.

8. Сторонами в приказном производстве по действующему законодательству являются кредитор и должник.

9. Приказное производство характеризуется отсутствием: вызова должника и кредитора и заслушивания их объяснений, судебного разбирательства, протоколирования процессуальных действий.

10. Разрешению дела предшествует исследование судьей представленных документов и извещение должника о наступлении срока платежа.

11. Приказное производство является альтернативным исковому. Выбор производства, в котором будет разрешено дело (исковое или приказное), является исключительным правом лица, которое обращается в суд за защитой своих прав.

Опираясь на нормы действующего процессуального законодательства, приказное производство в гражданском процессе Республики Молдова можно определить как упрощенное и сокращенное по сравнению с исковым, альтернативное исковому, основанное на достоверных письменных доказательствах производство в суде первой инстанции, ставящее целью обеспечение возможности принудительного исполнения обязательства типа "кредитор-должник" и обусловленное правовой природой материально-правовых требований, указанных в законе, по которым, может быть выдан судебный приказ.

Библиография:

1. Belei E., Chfa F., Cojuhari A. [et.al.]; red. şt. Alexandru Cojuhari. Drept procesual civil: Partea specială. Curs univ. Chişinău. 2009.
2. Drept procesual civil. Partea generală./ Alexandru Prisac.- Chişinău: Cartier, 2013.
3. Аргунов В.Н. Судебный приказ и исполнительная надпись // Российская юстиция. 1996. №7.
4. Всеобщая Декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948.
5. Гражданский процесс: Учебник//Под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова-М.: Юридическая фирма-«КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М». 2008.
6. Гражданский процесс. Учебное пособие./ Смушкин А.Б., Суркова Т.В., Черникова О.С. Омега-Л, 2008.

7. Гражданский процесс России. Учебник./под ред .д.ю.н., профессора М.Л. Вукот.-М. Юрист. 2008.
8. Гражданский процесс. Учебник., 2-е изд., доп. и перераб. /Под ред. Коваленко А.Г. и др.2010.
9. Конституция Республики Молдова от 29.07. 94.//Monitorul Oficial al Republicii Moldova №1 от 12.08.94.
10. Кочаненко Е.П. Проблема выделения в отдельную категорию дел, разрешаемых в порядке упрощенного производства//Законодательство и экономика. 2008. №4.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. Вступил в силу 23 марта 1976 года.
12. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2001.
13. Постановление Пленума Высшей судебной палаты РМ №18 от 31.05.2004г. Бюллетень Высшей судебной палаты РМ №6, 2004.
14. Треушников М.К. Гражданский процесс.– М.: ОАО «Издательский Дом “Городец”». 2007
15. Черемин М.А. Приказное производство в российском гражданском процессе.– М.: ООО «Городец-издат». 2001.
16. Ярков В.В. Гражданский процесс. – М.: «Волтерс Клувер», 2006.

УДК: 347.721.4

Арсени Игорь

Доктор права, преподаватель кафедры Частного права
Комратского госуниверситета,
Республика Молдова, г. Комрат
e-mail: igorarseni1987@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ДОЧЕРНЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

Abstract. An analysis of studies on the problems of holdings, financial-industrial groups and other integrated structures, which include subsidiaries and dependent business entities, indicates that the issues related to the legal status of subsidiaries and dependent business entities are not well understood. The existing legal regulation is clearly unsatisfactory: the rules on subsidiaries and dependent business companies contained in the current legislation give the most general prescriptions that require further development and clarity of wording. On the whole, relations of economic dependence and control of legal entities require complex legal regulation and coordination of regulatory and legal acts of various industry affiliations.

Keywords: holding companies, affiliates, subsidiaries, business entities.

Общие правовые понятия дочернего и основного, зависимого и преобладающего хозяйственных обществ, основы их взаимоотношений и ответственности содержатся в Гражданском кодексе Республики Молдова (далее – ГК РМ).[5]

В отношениях между основным и дочерним, преобладающим и зависимым обществами применяется термин *аффилированные лица*, так как аффилированное лицо связано с хозяйственным обществом отношениями зависимости и контроля.

Согласно ст. 203 ГК РМ, *аффилированными лицами*, юридического лица являются:

а) члены совета, члены исполнительного органа, члены ревизионной комиссии, должностные лица управляющей организации (доверительный управляющий), руководитель аудитора, исполняющего функции ревизионной комиссии, другие должностные лица, при необходимости (руководители отделений, главный бухгалтер и др.);

б) супруг/супруга, родственники и свойственники до второй степени включительно физических лиц, указанных в пункте а);

с) физическое или юридическое лицо, которое самостоятельно или совместно с лицами, указанными в пунктах а) и б), обладает контролем в соответствующем юридическом лице;

д) хозяйственное товарищество и общество, в котором соответствующее юридическое лицо самостоятельно или совместно с лицами, указанными в пунктах а) и б), обладает контролем;

е) юридическое лицо совместно с лицами, указанными в пункте а), или физическое лицо, действующее от имени или за счет соответствующего юридического лица;

ф) юридическое лицо совместно с лицами, указанными в пункте а), или физическое лицо, от имени или за счет которого действует соответствующее юридическое лицо;

г) юридическое лицо совместно с лицами, указанными в пункте а), или физическое лицо, действующее совместно с соответствующим юридическим лицом;

h) юридическое лицо, находящееся совместно с соответствующим юридическим лицом под контролем третьего лица.

Аффилированными лицами физического лица являются:

а) супруг/супруга, родственники и свойственники до второй степени включительно соответствующего физического лица;

б) хозяйственное товарищество и общество, в капитале которого соответствующее физическое лицо самостоятельно или совместно с лицами, указанными в пункте а), обладает контролем;

с) юридическое лицо совместно с лицами, указанными в п. а) ч. (1), ст. 203 ГК РМ или физическое лицо, действующее от имени или за счет соответствующего физического лица;

д) юридическое или физическое лицо, от имени или за счет которого действует соответствующее физическое лицо.

Контроль существует, когда физическое или юридическое лицо отвечает, по меньшей мере, одному из следующих условий:

а) владеет самостоятельно или совместно с лицами, действующими согласованно, большинством голосующих долей юридического лица;

б) владеет самостоятельно или совместно с лицами, действующими согласованно, количеством голосующих долей, которое позволяет ему назначать, или отзывать большинство членов надзорного органа (совета) юридического лица, исполнительный орган или большинство членов исполнительного органа и/или ревизора или большинство членов ревизионной комиссии;

с) оказывает доминирующее влияние на юридическое лицо, участником которого является, на основании договора с данным юридическим лицом либо положения учредительного документа или устава юридического лица;

д) является участником юридического лица и контролирует самостоятельно, на основании соглашения, заключенного с другими участниками данного юридического лица, большинство прав голоса.

Контроль предполагается в случае, когда большинство членов надзорного органа (совета) назначается голосом участника юридического лица в течение двух финансовых лет подряд. Участник считается проголосовавшим за эти назначения, если на протяжении соответствующего финансового года он прямо или косвенно владел более чем 40 процентами прав голоса и если не было никак ого другого участника, прямо или косвенно владеющего большей долей в общем количестве прав голоса.

Исходя из вышеприведенного определения, аффилированные лица могут быть только у юридических и физических лиц, которые осуществляют предпринимательскую деятельность. В соответствии со статьей 34 ГК РМ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации

в качестве индивидуального предпринимателя. Получается, что у физического лица, которое не имеет статуса индивидуального предпринимателя, аффилированных лиц быть не может. Именно такой подход являлся доминирующим в судебной практике и научной литературе. Данный подход к определению аффилированных лиц физического лица фактически полностью нивелировал действие норм о сделках с заинтересованностью, позволяя недобросовестным участникам оборота (членам органов управления общества и лицам, косвенно контролирующим общество), обходить нормы об одобрении (нужно было просто не быть индивидуальным предпринимателем).

Таким образом, законодатель пытается консолидировать нормы об аффилированности в одном акте, устранив при этом несовершенство действующего правового регулирования (привязка к факту осуществления предпринимательской деятельности, применение очень широкого понятия группы лиц, а также формальный подход к определению аффилированности применительно к юридическим лицам).

В ч.(2) ст.290 ГК РМ, раскрывается понятие «контролируемое юридическое лицо», согласно которой, *Контролируемым юридическим* лицом (филиалом) является юридическое лицо, контролируемое другим юридическим лицом (контролирующим юридическим лицом) либо напрямую, либо через другое контролируемое лицо.

Понятие дочернего общества, в частности, содержится в Законе РМ «Об акционерных обществах» №1134 от 02.04.1997г.[6] Аналогичное положение содержится и в Законе РМ «Об обществах с ограниченной ответственностью» №135 от 14.06.2007г.[7]

Согласно данным законам, общество признается дочерним, если другое хозяйственное общество в силу преобладающего участия в уставном капитале, либо иным образом имеет возможность определять принимаемые им решения.

Так согласно ст. 10 Закона РМ «Об акционерных обществах» №1134 от 02.04.1997., общество вправе осуществлять контроль над другими предприятиями и иметь зависимые общества в Республике Молдова, созданные в соответствии с настоящим законом и иными законодательными актами, а за пределами республики - и согласно законодательству иностранного государства, если международным договором Республики Молдова не предусмотрено иное.

Акционерное или иное коммерческое общество признается зависимым, если другое (преобладающее) общество в силу приобретения количества акций, дающего контроль над первым обществом, или по иным основаниям имеет возможность определять прямо или косвенно решения, принимаемые первым обществом.

Предполагается, что предприятие, находящееся в преимущественном владении, является зависимым от предприятия с преимущественным участием в нем. Преобладающее общество вправе давать зависимому обществу обязательные указания только на основании соответствующих положений уставов каждого из обществ. Преобладающее общество, имеющее право давать зависимому обществу обязательные указания, отвечает субсидиарно с зависимым обществом по его обязательствам, возникшим вследствие исполнения указаний преобладающего общества. В случае несостоятельности зависимого общества вследствие исполнения обязательных указаний преобладающего общества последнее отвечает субсидиарно по его обязательствам и долгам.

Акционеры зависимого общества вправе требовать от преобладающего общества возмещения убытков, причиненных зависимому обществу исполнением обязательных указаний преобладающего общества. Зависимое общество не вправе владеть акциями и иными ценными бумагами общества.

Согласно антимонопольному законодательству к аффилированным лицам относятся физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Ст. 4 Закона РМ «О конкуренции» №183 от 11.07.2012г.[8] содержит исчерпывающий перечень аффилированных лиц юридического и физического лица и охватывает отношения с их участием имущественного, договорного, организационно - управленческого, родственного или смешанного характера. Применительно к хозяйственному обществу аффилированными являются: предприятие, имеющее возможность оказывать решающее влияние на предприятие, вытекающая из прав, договоров или других инструментов, отдельных либо комбинированных, с учетом соответствующих юридических и фактических обстоятельств, в особенности из:

а) права собственности или права на полное или частичное использование активов предприятия;

б) прав или договоров, которые позволяют оказывать решающее влияние на структуру, голосование или решения органов управления предприятия: лицо, осуществляющее контроль, и все предприятия, прямо или косвенно контролируемые им; лица или предприятия, которые являются обладателями или пользователями прав, полученных в результате заключения соответствующих договоров, или которые, хотя и не являются обладателями или пользователями указанных прав, вправе осуществлять вытекающие из этого права; предприятия, которые принадлежат к одной и той же группе предприятий или контролируются одним и тем же лицом или одними и теми же лицами;

Необходимо отметить имеющееся противоречие между определением и признаками аффилированного лица, закрепленными в законе. По определению аффилированное лицо является «контролирующим лицом», так как «способно оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность». В то же время к аффилированным лицам могут быть отнесены дочерние или зависимые общества либо участники одной группы лиц, среди которых всегда будут экономически зависимые лица. В связи с этим определение аффилированного лица требует уточнения в смысле отнесения к аффилированным лицам экономически и организационно зависимых лиц.

По мнению некоторых авторов, используя понятие «аффилированные лица» в правовых актах, государство признает: между формально самостоятельными юридическими лицами могут существовать (наряду с экономическим неравенством) отношения субординации, зависимости, подчинения, юридического неравенства; указанные отношения нуждаются в специальном правовом регулировании, основанном на принципе учета и контроля аффилированных лиц, а также публичной отчетности о них.[12, с.54]

Итак, к аффилированным лицам с точки зрения существования экономического контроля и зависимости применимы как признаки дочерних и зависимых обществ, сформулированные в ГК РМ и законах о хозяйственных обществах, так и иные признаки зависимости, сформулированные антимонопольным законодательством в отношении группы лиц. При этом понятие аффилированного лица шире понятия члена группы лиц, то есть группа лиц является разновидностью аффилированных лиц.

Критерии зависимости и контроля, данные в ГК РМ и законах о хозяйственных обществах, и критерии экономической зависимости, положенные в основу определения группы лиц в антимонопольном законодательстве, не совпадают. Например, в сфере гражданско-правового регулирования установление контроля через участие в капитале определяется как «преобладающее участие в уставном капитале», тогда как в соответствии с антимонопольным законодательством определяется как «право прямо или косвенно распоряжаться более чем 50 процентами от общего количества голосов, приходящихся на акции (вклады, доли)».

В антимонопольном законодательстве в отличие от гражданского законодательства определил установление не только прямого, но и косвенного контроля, указав максимально широко на все проявления отношений экономической зависимости и контроля, что на

сегодняшний день соответствует реалиям деловой практики, которая характеризуется большим разнообразием имущественных связей и иных способов переплетения хозяйствующих субъектов при реализации выбранной ими стратегии интегрирования.

Вместе с тем, критерии экономического контроля и зависимости в общегражданском и антимонопольном законодательстве должны быть едиными и требуют дальнейшего совершенствования.

Отнесение обществ к основным, дочерним, преобладающим и зависимым, а также к аффилированным лицам и группам лиц имеет огромное практическое значение и ведет к определенным последствиям, связанным с конкретными требованиями, установленными российским законодательством, которые сводятся к следующим: ответственность основного общества по долгам дочернего; составление, а также публикация сведений о зависимых обществах, аффилированных лицах; соблюдение требований антимонопольного законодательства; требования при возникновении заинтересованности лиц, определенных законодательством о хозяйственных обществах, в заключении хозяйственным обществом сделки; приобретение крупных пакетов размещенных обыкновенных акций акционерного общества.

Законодатель в своей попытке правового регулирования отношений экономической зависимости и контроля юридических лиц пошел по пути закрепления положений о дочернем и зависимом хозяйственных обществах, при этом отсутствует прямое определение активного участника этих правоотношений, с учетом принятой терминологии, основного общества (товарищества) или преобладающего хозяйственного общества.

Любое хозяйственное общество оформляет собой включение в оборот определенного капитала.

Таким образом, достаточно обладания капиталом и финансового участия в уставном капитале хозяйственного общества, чтобы возникли экономическая предпосылка и правовая основа для установления отношений экономического контроля над деятельностью этого хозяйственного общества со стороны какого-либо участника и экономической зависимости со стороны хозяйственного общества.

В экономической литературе встречается точка зрения, что в качестве дочерних компаний могут выступать большинство из предусмотренных законом форм предпринимательской деятельности.[3, с.202]

В корпоративной практике гипотетически возможно существование экономически зависимых структур, к примеру, в форме полных товариществ или коммандитных товариществ.

Известно, что любое хозяйственное товарищество представляет собой в первую очередь объединение лиц, а не объединение капиталов, что предполагает непосредственное участие в предпринимательской деятельности товарищества его участников. Следовательно, индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации можно быть участником только одного товарищества, а главное то, что основным недостатком хозяйственного товарищества как формы предпринимательской деятельности является неограниченная имущественная ответственность полных товарищей. Поэтому думается, что участие в хозяйственном товариществе с целью установления экономического контроля возможно и целесообразно лишь с использованием материнской организацией каких-либо корпоративных схем, например, в качестве полного товарища может выступать посредник - дочернее общество материнской организации.

О нахождении какого-либо юридического лица в состоянии экономической зависимости от другого лица можно говорить при «проявлении преобладания»[11, с.462] одного лица над другим, то есть лишь при наличии такого элемента как контроль.

Под экономическим контролем в мировой практике чаще всего понимается юридически закрепленная или фактически сложившаяся возможность оказывать

определяющее влияние на руководство того или иного юридического лица, то есть на решения, принимаемые, к примеру, хозяйственным обществом (прежде всего это касается решений, принимаемых общим собранием участников общества или советом директоров в пределах предоставленной им компетенции). [1, с.20]

По мнению О. В. Белоусова, с которым нельзя не согласиться, если в качестве лица (юридического или физического), контролирующего хозяйственное общество, выступает не хозяйственное общество или товарищество, то это вовсе не означает, что такое лицо уже не имеет возможности определять решения хозяйственного общества, а означает только, что предпринимательское объединение с иным составом субъектов не регулируется законодательством. В таких условиях невозможно в должной мере защитить права дочернего общества, его участников и кредиторов. [2, с.28]

Необходимо еще раз уточнить, что не всякое влияние на руководство обществом можно считать контролем, контроль (как справедливо отмечалось в литературе) - это не просто влияние, а определяющее влияние на руководство обществом и соответственно на решения, принимаемые обществом. [10, с.137]

Исходя из этого, главной чертой правового статуса дочернего хозяйственного общества является то, что его решения находятся под контролем основного общества (товарищества). Тогда как преобладающее (участвующее) общество, если рассуждать логически, должно оказывать существенное (но не определяющее, в конечном счете) влияние на решения зависимого общества.

Вторым общим и основным, определяющим для дочернего и зависимого обществ признаком, позволяющим квалифицировать хозяйственное общество как находящееся в состоянии экономической зависимости, является участие другого хозяйственного общества (товарищества) в его уставном капитале в определенном законодателем размере.

«Преобладающая доля участия в уставном капитале» хозяйственного общества является признаком дочернего хозяйственного общества. Но не является признаком понятийно определенным в законодательстве, поэтому появилось немало теоретических юридических трактовок этого положения.

Следует согласиться, что преобладающая доля участия в уставном капитале дочернего общества - это такая доля участия основного общества (товарищества), при которой решение органов управления дочернего общества заведомо не может быть принято, если голоса принадлежащие основному обществу (товариществу), поданы против соответствующего решения. [4, с.20-21] Однако заслуживает внимания и мнение о том, что в дополнение к указанному определению, говорящему только о «блокировке» решений дочернего общества, необходимо указать, что возможность определять принимаемые дочерним обществом решения должна позволять принимать дочернему обществу такие решения, которые необходимы основному обществу (товариществу). [9, с.444]

Таким образом, преобладающая доля участия в уставном капитале хозяйственного общества дает возможность основному обществу (товариществу) фактически осуществлять принятие или отклонение определенных решений, принимаемых дочерним хозяйственным обществом.

Помимо общих для дочернего и зависимого обществ черт, существуют признаки, которые законодателем отнесены к возникновению исключительно дочерней зависимости хозяйственного общества. А именно:

Вторым основанием возникновения дочернего общества (после преобладающей доли участия в уставном капитале) является заключение договора между основным хозяйственным обществом (товариществом) и дочерним. Законодатель не конкретизирует, какие договоры могут определять решения, принимаемые дочерним обществом, теоретически это могут быть любые не противоречащие действующему законодательству договоры, в том числе смешанные.

В юридической литературе в качестве примера вышеуказанного договора приводят передачу права на использование новой технологии с условием, что в течение согласованного сторонами периода общество, получившее такое право, будет реализовывать выпускаемую с применением этой технологии продукцию только по согласованию с первым обществом. По мнению автора, подобный договор устанавливает между обществами отношения по схеме «основное общество - дочернее».[13, с.7] С этим можно было бы согласиться, однако, к такому типу зависимости, условно назовем его «договорной зависимостью», можно будет отнести практически все те договоры, заключаемые обществом, которые содержат обязательства его контрагентов.

Что касается различий между контролем, возникшим из участия в уставном капитале, и контролем «договорного» типа, то существует определенная разница между содержанием правового статуса юридического лица как такового и содержанием договора, заключенного им в соответствии с действующим законодательством. Если при первом типе контроля основное общество имеет, можно сказать, «универсальный» комплекс прав, полномочий и ответственности в отношении дочернего общества, проявляющийся в комплексе имущественных и неимущественных прав акционера (участника), то основное общество, чьи права вытекают из договора, имеет тот объем прав и обязанностей, который определен упомянутым договором, его сроком действия и условиями ответственности.

Действующее корпоративное законодательство не дает необходимого уточнения «иной возможности юридического лица определять решения иного хозяйственного общества», что не позволяет отграничить связь дочерней зависимости юридических лиц от многочисленных правоотношений, складывающихся в процессе хозяйственной деятельности юридических лиц и возникающих в ее ходе отношений типа «кредитор-должник».

Таким образом, рассмотрев, положения действующего законодательства, касающиеся дочерних и зависимых хозяйственных обществ, можно сделать вывод о том, что законодатель, закрепляя нормы о дочерних и зависимых обществах, ставит перед собой задачу: в первую очередь, защитить интересы государства в целях сохранения экономического баланса, конкуренции, эффективного функционирования и развития рынков, нежели права и интересы самих подконтрольных обществ, их участников, находящихся при принятии решений в меньшинстве, либо кредиторов. Приоритет публичных интересов над частными проявляется, к примеру, в том, что отношения зависимости и контроля наиболее детально регламентированы в антимонопольном законодательстве, там же дано определение группы лиц, а реального механизма защиты прав дочернего общества, его акционеров (участников) и кредиторов нет до сих пор, имеющиеся нормы о солидарной и субсидиарной ответственности основного общества (товарищества) по долгам дочернего общества носят в большей степени декларативный характер.

Библиография:

1. Белоусов О. В. Правовые формы предпринимательских объединений по законодательству ФРГ и России. Автореф.... канд. юрид. наук. М, 1998. С. 20. 3
2. Белоусов О.В. Финансово-промышленные группы, холдинги и концерны//Закон-во. 1998. № 2.
3. Горбунов А. Р. Дочерние компании, филиалы, холдинги. Организационные структуры. Консолидированный баланс. Налоговое планирование. М., 1997
4. Горлов В.А. Правовое положение общества с ограниченной ответственностью//Юридический вестник. 1998. № 5
5. Гражданский кодекс Республики Молдова № 1107-XV от 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 82-86/661 от 26.06.2002.
6. Закон РМ «Об акционерных обществах» №1134 от 02.04.1997// Monitorul Oficial № 1-4 от 01.01.2008.

7. Закон РМ «Об обществах с ограниченной ответственностью» №135 от 14.06.2007//Monitorul Oficial al Republicii Moldova №127-130 от 17.08.2007.
8. Закон РМ «О конкуренции» №183 от 11.07.2012// Monitorul Oficial al Republicii Moldova №193-194 от 14.09.2012.
9. Комментарий к гражданскому законодательству Российской Федерации о хозяйственных обществах/ Под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1999.
10. Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1987.
11. Толковый экономический и финансовый словарь, т. 1, 2. М: Международные отношения, 1997.
12. Тотьев К. Аффилированные лица// Хозяйство и право. 1999. № 1.
13. Шапкина Г. АО расширяет сферу влияния// Бизнес-адвокат. 1997. № 5.

УДК:316.334.3(478-29)

Чирков Евгений

Доктор полит. наук, преп. кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета,
г.Комрат, РМ
E-mail: chirkove@mail.ru

Георгиева Светлана

Магистр права, преп. кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета,
докторантка Государственного университета им. Д. Кантемир,
Республика Молдова, г. Комрат

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ ГАГАУЗИИ КАК ЦЕННОСТНЫЙ СПЕКТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛДОВЫ

Abstract. The formation of the political culture of youth is a purposeful process of training and education, which includes the development of social experience developed by mankind, the development of a consciousness that is in accordance with the norms of a modern democratic society, and preparation for an adequate reality of conventional behavior. In other words, this is the process of becoming an individual as a subject and object of political relations.

The pedagogical process of forming a political culture is understood as an integral developing system. This approach allows focusing on the following components: political knowledge, social and intellectual skills, value system and institutional experience.

Keywords: educational process, youth policy, political culture, political education, values, morality, education.

Формирование политической культуры молодежи - это целенаправленный процесс обучения и воспитания, что включает в себя освоение социального опыта, выработанного человечеством, развитие соответствующего нормам современного демократичного общества сознания и подготовку к адекватной реальности конвенционального поведения. Другими словами, это процесс становления личности как субъекта и объекта политических отношений.

Педагогический процесс формирования политической культуры понимается как целостная развивающаяся система. Такой подход позволяет акцентировать внимание на следующих компонентах: политические знания, социальные и интеллектуальные умения и навыки, система ценностей и институциональный опыт. Полученные учениками политологические знания является усвоенным политическим опытом, накопленным

человечеством, непосредственно влияют на их сознание и готовят их к активному участию в жизни демократического общества. Интеллектуальные и социальные умения и навыки формируются при обсуждении политических проблем и в работе над документами.

Для педагогически организованного процесса развития политического сознания учащихся ключевое значение имеет соотношение индивидуально и коллективно ориентированных ценностей. Такой подход определяется самой природой политической деятельности, направленной на достижение баланса личных и общественных интересов в государстве, создание условий для полноценного развития личности, свободного проявления гражданских инициатив, широкой деятельности общественных организаций, политических партий, эффективной работы органов государственной власти [1, с. 47-49].

Индивидуально ориентированные ценности в первую очередь определяют поведение личности и становятся своего рода точкой опоры при реализации теоретической модели формирования политической культуры индивида. Начинать педагогический процесс можно с анализа сложившихся стереотипов у воспитанников относительно путей успеха, дифференциации истинных и ложных взглядов, целей и методов получения благосостояния. Это необходимо, потому что нередко под влиянием различных телевизионных и компьютерных игр у подрастающего поколения формируется искаженное представление о возможности достижения успеха без усилий и труда. Действительно, двигателем социального прогресса являются успешные люди, но "общественное благо" создается именно на уровне индивидуальной трудовой активности в широком смысле этого слова. Социальный прогресс невозможен без успеха индивида, успешно действующие люди, являются двигателями общественного роста. Итак, преуспевающий человек, его личные достижения являются необходимым первоочередным условием социального развития [2, с.24 - 28].

Очень важно при этом сформировать у молодежи понимание, что личный успех возможен не любой ценой: преступление закона, грубое нарушение прав другого человека, хищническое отношение к природе и другие противоправные и антигуманные действия разрушают само понятие общественного и личного блага.

Приняв во внимание эти послышки, можно перейти к представлению о том, за счет чего обеспечивается успех индивида и как при этом избежать пагубных последствий индивидуальной социальной активности. Процесс воспитания политической культуры невозможен без определения индивидуально ориентированной системы ценностей, которая лежит в основе успешной социальной деятельности.

К их числу относятся образование, труд, развитие личных способностей, нацеленность в будущее. *Образование* - ключ к личному успеху. Его качество и уровень - основа качества и уровня будущей жизни. *Труд* и его результаты фактор достижения успеха. Он упорядочивает повседневную жизнь, трудолюбие, творчество и стремление к успеху приносят удовольствие и самоуважение, а в будущем - материальное вознаграждение. *Индивидуальные способности* выступают важнейшим фактором личного карьерного роста. *Нацеленность в будущее* означает способность человека влиять на свою судьбу.

Справедливость и честность приносят долговременные плоды, тогда как хитрость и обман дают легкий и быстрый результат, который на поверку оказывается достаточно иллюзорным [4, с. 97 - 102].

Разумеется, в реальности ценностный спектр политической культуры намного сложнее, и педагог в ряде случаев может предполагать только корректировки тех, которые уже сложились в семье и ближайшем окружении ценностных установок. Однако без сформированной системы нравственных ориентиров не может быть и речи о высоком уровне развития политического сознания. При этом следует избегать навязывания тех или иных политических взглядов и оценок. Полезным педагогическим приемом является включение в

содержание образования высказываний известных в мировой культуре людей и организация дискуссий...

Ценности, мораль, нравственность должны быть неразрывно связаны с образованием. Общечеловеческие ценности, а также способы их воспроизводства и достижения, которые исторически сложились, составляют ядро культуры. Ценностные ориентации определяют жизненное кредо человека и его позиции, позволяют ситуативно воспринимать действительность, видеть истинный смысл событий, поступков, явлений. Они способствуют формированию у учащихся чувства внутреннего достоинства и уважения к другим.

В организационном плане образование, ориентированное на воспитание политической культуры учащихся, включает систему наглядных учебных курсов и внеурочную деятельность. Основным недостатком традиционного обучения является то, что содержание учебных курсов нередко оказывается оторванным от жизни детей, даже если они дискуссионные и интерактивные. Внеурочная деятельность способствует формированию политической культуры высокого индивидуального уровня, поскольку предполагает не только передачу знаний, но и формирование начальных умений и навыков, закрепление базовых ценностей социально-политического поведения. Такого рода учебная деятельность направлена на формирование основ институционального опыта взаимодействия с различными социальными субъектами.

Внеурочная деятельность, направленная на формирование первичного институционального опыта, обеспечивает переход ко второму уровню воспитания политической культуры, предполагает органическое сочетание индивидуальных и общественных ценностей цивилизованного социально-политического поведения.

Политическая культура демократического типа предполагает участие граждан не только в процедуре выборов и системе управления обществом в целом, но и в устройстве совместной жизни людей. Прямые и косвенные выборы руководящих органов и лиц и делегирование им полномочий управлять гражданами не является единственным путем воздействия на окружающую повседневную действительность.

Логика комплексного подхода к педагогическому процессу подготовки учащихся к участию в политической жизни заставляет уделить серьезное внимание приобретению ими институционального опыта. Он приобретается в детских общественных объединениях, группах, движениях, внутри школы и вне её, т.е. в педагогически организованной среде. Это, прежде всего, опыт демократической жизни как средство формирования политической культуры гражданского типа. Как социальный индивид человек является творением культуры и становится лицом только благодаря усвоению переданного общественного опыта.

Содержание демократического институционального опыта включает право "избирать и быть избранным" и умение его реализовать. Для выработки привычки участвовать в управлении и самоуправлении нужно предоставить учащимся возможность попробовать себя в организации и деятельности ассоциаций, клубов, средств массовой информации. Это необходимый инструмент не только формирования социальных умений и навыков, но и воспитания и выращивания индивидуально и общественно ориентированных ценностей [6, с.55].

Важной формой привлечения молодежи к политической культуре демократического типа является игра. Она присутствует и в самой системе демократического устройства государства. При создании игровых ситуаций, необходимых для приобретения учащимися институционального опыта, учителю и педагогическому коллективу нельзя забывать, что игры ребята воспринимают очень серьезно. Подготовка к политическому участию должна учитывать, что сам процесс обучения является временем подготовки к жизни - это компонент самой жизни, начало позитивной самореализации личности.

Структура педагогического процесса призвана решать три задачи: дать юным гражданам знания о мире, государстве и политике; оснастить, вооружить их интеллектуальными и социальными умениями и навыками; подготовить к политическому участию в жизни общества на основе сложившейся системы ценностей, приобретенного институционального опыта.

Имеющийся уровень политической культуры во всех возрастных группах общества не дает оснований для утешительных прогнозов темпов развития демократии в Молдове, не обеспечивает формирование у граждан компетенций, необходимых для становления демократической политической культуры и системы политического образования в Молдове. Среди множества нерешенных вопросов (в частности: кто и как может и должен влиять на политическую социализацию, и можно ли и следует ли ее ускорять), связанных с последней проблемой до сих пор не определено содержание политического образования как фактора формирования политической культуры. В первую очередь это из-за концептуальной неопределенности модели желаемого будущего и определенной противоречивости задач, поставленных перед образовательным сообществом. Содержание политического образования не ориентировано на развитие системы политических отношений и политической активности молодежи. В современной социальной психологии, как утверждает Г.М. Андреева, доминирует представление о личности как таковой, способной активно конструировать свой внутренний мир и мир социального взаимодействия.

Приняв этот тезис, можно предположить, что продуктивным в определении психологических основ содержания политического образования может быть подход к личности как субъекта жизни, способного решать противоречия, ответственного за свою деятельность и ее последствия. При таком подходе психологический эффект политической социализации определится мерой социальной ответственности личности, ее толерантности, готовности к взаимодействию, политической идентификации и т.д.

Определение особенностей формирования этих структур на разных этапах политической социализации позволит построить психологическую модель содержания политического образования молодежи, которая отвечала бы задачам гражданского воспитания и обеспечивала условия для самоактуализации личности. Определяя психологические основы содержания политического образования, мы исходим из положений о тесной связи когнитивного и социального развития индивида, об обязательности соответствия содержания образования особенностям психического развития личности на всех этапах социализации, а также из принципов непрерывности, междисциплинарности, интеркультурности, связи с действительностью содержания и форм политического образования. Среди различных моделей политического образования нас интересует дилемма-конверсионная, ориентированная на развитие критичности, использования полученных знаний для построения прогностических моделей, будущего, вовлеченность в принятие решений. Такой подход связан с переходом на инновационный тип обучения, с поиском и разработкой новых образовательных технологий.

Все разнообразие апробированных и распространенных образовательных технологий можно условно разделить на три группы: 1) технологии участия, ориентированные на конструирование моделей политического поведения на основе жизненного опыта; 2) когнитивно-развивающие технологии, сосредоточенные на формировании когнитивной составляющей политической культуры; 3) репрезентативные, ориентированные на предварительное изучение индивидуального опыта и реализацию индивидуального подхода в формировании политических представлений, мотивации участия и т.д.

Выбор технологии предопределяется задачами политического образования. Основные из них: трансляция известных в мировой культуре способов политических взаимодействий, в том числе и с ударением на традиционные для политической культуры гагаузов юга Молдовы и доминирующих в конкретно-исторических условиях; обучение ролевых моделей

политического поведения; обеспечение условий для формирования ценностных политических представлений и моделей идентификации.

Политическое образование должно быть связано с реальной жизнью и реальными задачами, которые выполняют или будут выполнять ученики, должно быть проблемно-ориентированным; обеспечивать учащимся условия для получения положительного опыта социальных взаимодействий и плюрализм образовательного процесса.

Выделяют два принципиально важных направления политической социализации в школе: прямой - происходит в процессе усвоения информации о принципах политического строя, правах и обязанностях гражданина и т.д. и косвенный, латентный, - основными его факторами являются характер взаимоотношений в школе, степень свободы ученика, возможности защиты им своих прав и апеллирования к установленным законам и правилам [3, с.17 - 26].

Качественно-количественный анализ текстов программ и стандартов как основных документов в преподавании общественно-политических дисциплин в гимназиях и лицеях дает основания для вывода о том, что весь объем политологических понятий, необходимых для формирования политической культуры молодежи, содержится в учебных программах. Задача же формирования демократических ценностей, ответственности, готовности к компетентному гражданскому участию практически не отражены ни в программах, ни в образовательных стандартах. Так существующая модель политического образования сохраняет все признаки предметно ориентированного типа, когда основной акцент ставится на усвоении определенных знаний и результат политического образования оценивается по их количеству. Психологические же эффекты такого образования, определяющие направленность личности, остаются без внимания. Учитывая изложенное, возникает необходимость создания и реализации принципиально иной модели воспитания и образования, которая бы обеспечила условия для становления компетентной, социально мобильной личности, способной строить субъект-субъектные отношения с другими людьми и обществом, жить в нем, транслировать его ценности и нормы.

Ввиду того, что задачу формирования демократической политической культуры молодежи приходится выполнять из неразвитых демократических традиций и норм, ограниченных возможностей влияния на этот процесс со стороны родителей, считаем, целесообразным определить следующие общие требования к организации образовательного процесса, направленного на формирование демократической политической культуры молодежи: политическое образование должен распространяться одновременно на все поколения граждан, поскольку свобода политического выбора как фундаментальное условие демократии охватывает индивидуальные и коллективные стороны самоуправления или автономии, ожидать, что можно сформировать потребность и способность к свободному политическому выбору без соответствующей социальной ситуации развития, не следует; вся образовательная система должна соответствовать духу, потребностям и целям демократического общества и быть ориентированной на формирование активной, автономной, независимой, уполномоченной личности, которая чувствует себя самостоятельной ценностью и именно такой ее воспринимает общество и признает ее интересы приоритетными; на каждом уровне политическое образование должно быть направлено на повышение гражданской компетентности и гражданской ответственности лица, способствовать аргументированному принятию фундаментальных ценностей и принципов демократии [5, с.265 - 276].

Политическое образование, по нашему мнению, должна быть сориентировано на идеальную модель, центральной фигурой которой является личность как субъект отношений, поскольку все составляющие психической организации личности связаны с системой ее отношений, что определяет характер переживаний, особенности восприятия и поведенческих реакций на внешние воздействия.

Библиография:

1. Roșca A. S. Teoria și practica statului social: istorie și contemporaneitate. Tezadr. In științe politice. Chișinău, 2007. – с. 47-49
2. Андропова И. Тенденции развития зарубежной историографии политической культуры // Вестник книжной палаты: Научно-практический журнал. - Киев, 2004. - № 3. - с. 24 - 28.
3. Атанасов, Ат. Задаването на въпроси и получаването на отговори при емпиричното изследване // сп. Социология. Год. 1, бр. 1 (2009), с. 17 - 26.
4. Голосов Г. В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис 1998 № 1. – с. 97 - 102
5. Динамика на национална та идентичност и транснационалните идентичности в процеса на европейска интеграция. // Състав. М. Дечева Сборник с доклади от международна конференция 7-9 юни 2007, София: Парадигма, 2008.- с. 265 - 276
6. Поснова Г. Особенности политической культуры молодежи // Социальная психология: Украинский научный журнал. - Киев, 2004. - № 6. - с. 55

УДК:32.019,5(478)

Чирков Евгений

Доктор полит. наук, преп. кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета,
г.Комрат, РМ
E-mail: chirkove@mail.ru

Сары Татьяна

Магистр права, преп. кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета,
докторантка Государственного университета им. Д. Кантемир,
Республика Молдова, г. Комрат

ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К ПОЛИТИКЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Abstract. Relationships themselves are of a social nature, sources of development, content and forms of objectification, reflecting the relationship of the individual and society and determine the way they enter social relations. In the process of developing a system of relations, a person reproduces social relations in the internal plane, assigns them and changes himself, acquiring a new quality - subjectivity.

The potential functional capabilities of the individual in any activity, and political, may also be at the level of an actively positive attitude to its tasks. Therefore, the central category, cross-cutting in the proposed model, is interest as an individual's attitude to living conditions, which manifests itself in the desire to influence (create, or change) and recognize them. Interest as a social phenomenon is “an active position inherent in every subject, expressing his selective attitude to the objective possibilities of social development”

Keywords: mental relationship of personality, political interest, youth political culture, public relations.

Сами по себе отношения имеют общественную природу, источники развития, содержание и формы объективации, отражающие взаимосвязи личности и общества и определяют способ вхождения их в общественные отношения. В процессе развития системы отношений личность воспроизводит общественные отношения во внутреннем плане, присваивает их и меняется сама, приобретая новое качество - субъектности. Отношение, как отмечает А.А. Бодалев, - это психическое образование, которое аккумулирует в себе результаты познания объекта действительности, интеграции всех эмоциональных и поведенческих отзвучиваний на этот объект, а также особый уровень и форму самоопределения и

самопознания. Существует определенное пространство проявления и формирования отношений: они проявляются в полной мере тогда, когда индивид действует в субъективно значимой ситуации.

Психические отношения личности, реализуясь в действиях, отражающих систему связей личности с объективным миром (в данном случае - миром политики), приобретают устойчивость, выраженности, значимости, становятся характерными для личности, определяют его поступки и переживания (С.Л. Рубинштейн, В.С. Мерлин, А.Б. Старовойтенко). Система отношений личности отражает основные эффекты социализации, поэтому попытка взять ее за основу психологической модели содержания политического образования может оказаться продуктивной. Таким образом, ее (модель) можно представить в виде системы политических отношений, которые определяют отношения индивида и сообщества[2,с.226].

А именно отношения индивида: к самому себе (идентификация себя как субъекта политического взаимодействия, способного сделать самостоятельный политический выбор, готового отвечать за него и его последствия, законопослушного гражданина, способного отстаивать свои права); к другим людям (терпимость, уважение к политическим правам и свободам других, готовность совместно решать политические проблемы, доверие и настроенность на сотрудничество, аргументированный скептицизм, поддержка других и политическая ответственность, стремление понять мотивы поступков и ожидания других); к политической системе (патриотизм или положительное отношение к своей стране, лояльное отношение к фундаментальным конституционным ценностям и принципам, действия, направленные на повышение эффективности демократических учреждений, внимание к общественным делам, социальное доверие и распространение правдивой информации); к институтам власти (направленность на различные формы политического участия, контроль над соблюдением полномочий власти, оценка работы правительства, оценка отдельных предложений по реформированию общественной жизни, сопротивление неконституционным действиям власти); к политическому миру (понимание глобального значения соблюдения прав человека, политическая толерантность, ответственность за сохранение мира и активная позиция к политическим событиям в мире, готовность к участию в работе международных организаций и т.п.).

Выделенные нами группы отношений формируются с раннего детства. В соответствии с потребностями и ведущей деятельностью в каждый возрастной период содержательное наполнение и формы предъявления информации варьируются. Одновременно развиваются и социально-психические механизмы политических отношений - ответственность, толерантность, социальная активность, идентификация. В предлагаемой ниже модели представлены три блока психологических эффектов политической социализации, на формирование которых следует ориентировать содержание политического образования, - когнитивный (политические представления), конативный (опыт политической активности) и аффективный (система политических отношений и социально-психологические механизмы политической активности) [1,р.312].

Потенциальные функциональные возможности индивида в любой деятельности, и политической также, могут оказаться на уровне активно положительного отношения к ее задачам. Поэтому центральной категорией, сквозной в предложенной модели, является интерес как отношение индивида к условиям жизни, что проявляется в стремлении влиять (создавать, или изменять) и узнавать их. Интерес как социальный феномен - это «присущая всякому субъекту деятельная позиция, выражающая его избирательное отношение к объективным возможностям общественного развития» [4, с.67].

Интерес в этом контексте рассматривается в широком смысле - не только как познавательное отношение, а как фундаментально-побудительная сила поведения. Вслед за С.Л. Вальгардом, С.Л. Рубинштейном, Г.К. Гумницким мы рассматриваем интерес как

целостное образование, одной стороной которого является познавательный интерес, а другой - интерес к деятельности. Интерес - это не только познавательное, но и практическое отношение, которое существенно влияет на социальную деятельность и поведение индивида, а следовательно, его можно рассматривать как механизм формирования системы отношений личности. Интерес - интегральная структурная единица потребно-мотивационной сферы личности, показатель стремлений личности, ее активного отношения к жизни. По мнению А. К. Дусавицкого, интерес - не просто избирательное отношение, и даже не сумма, а определенная иерархия, что отражает общее отношение индивида к миру, определяет ближайшую и долгосрочную цель личности[2, с.223].

Одним из первых и самых сложных задач, на выполнение которых следует направить содержание политического образования, является осознание индивидом взаимосвязи собственных потребностей и интересов с потребностями и интересами общества и принятия последних как своих. Речь идет о принятии субъектом социальной цели в возможно более широком ее спектре и актуализацию соответствующей мотивации для побуждения к деятельности, направленной на их достижение.

Предметом политического интереса являются связи личности с политическим миром, а его отражением - личностные смыслы. Политические интересы представляются в отношении к себе как к субъекту (объекту) политической активности, к другим, к политической системе, институтам власти, к политическому миру. При этом оценивают степень широты или узости интересов, их устойчивость, силу мотивационного воздействия, преобладающую направленность т.п. Интерес может быть направлен на выявление особенностей политической жизни или на внешние его проявления - отдельные факты, события, явления. Соответственно и политическая активность индивида направляется на поиск проблем и постановку новых задач или сводится к реагированию на внешние воздействия (ситуативные, реактивные интересы).

Особенности интереса как показателя активного отношения личности к жизни определяются через анализ участия индивида в общественных отношениях. Индикаторами интереса к политической жизни в этом случае могут быть уровень осведомленности об особенностях функционирования политической системы, наличие опыта успешной политической активности и определенный уровень сформированности ее механизмов, политические отношения личности.

Среди характеристик интереса - способ самореализации индивида в системе отношений. Оппозиция собственных политических интересов интересам других реализуется в отношении, политической ответственности, коммуникативной направленности индивида, способности воспринимать другого как субъекта, относиться к нему как к цели, а не средства.

Интерес возникает при условии вхождения в определенные отношения, которые могут обеспечить индивиду реализацию его Я. Деятельность индивида в рамках таких отношений создает условия для возникновения отношения и таким образом развивается интерес.

В предложенной модели среди основных социально-психических механизмов формирования системы политических отношений определена идентификация, толерантность, ответственность и социальная активность. Можно было бы расширить этот перечень, но, как свидетельствуют результаты проведенных исследований, именно этих составляющих не хватает современной политической культуре гагаузов и болгар юга Молдовы. Предложенная модель циклическая: есть степень обобщенности политических представлений, а опыт политической активности на каждом из этапов политического образования актуализирует соответствующие социально-психические механизмы, благодаря чему обеспечиваются условия для возникновения качественно нового уровня политических отношений, соответствующих личностных смыслов, мотивов, способов действий, моделей поведения. Уровень развития субъекта политической активности на каждом этапе является

свидетельством степени и глубины политической социализации, а следовательно, и соответствия содержания политического образования ее задач[3,с.74].

Особого внимания требует разработки критериев оценки успешности политического образования. В рамках предложенной модели очевидной является необходимость применения двух подходов - традиционного текущего оценивания и оценки в долгосрочной перспективе и реальной жизни. Текущее оценивание нельзя сводить к среднему арифметическому по результатам промежуточного контроля: его следует направлять на демонстрацию результатов обучения (достижений и недостатков) и на оценку всех политических компетенций, а не только репродуктивных умений. Одним из инструментов оценки эффективности политического образования, в частности уровня сформированности социально-психических механизмов политической активности и системы политических отношений личности, могут быть социально-психологические методики для изучения отношений и ценностных ориентаций личности. Формирование содержания политического образования на основе предложенной модели будет способствовать обеспечению общественно значимой функции образования.

Определение составляющих содержания и их направленности с учетом составляющих модели поможет четко определиться с задачами не только отдельных обществоведческих предметов, но и всех базовых дисциплин и даже отдельных тем. Модель также может быть основой для дополнения существующих и разработки новых стандартов образования.

Таким образом, формирование политической культуры молодежи - это целенаправленный процесс обучения и воспитания, что включает освоение социального опыта, выработанного человечеством, развитие соответствующего нормам современного демократического общества сознания и подготовку к адекватной реальности конвенционального поведения.

Другими словами, это процесс становления личности учащихся как субъекта и объекта политических отношений.

Библиография:

1. Lupu A. Politici sociale in uniunea europeană. In: Republica Moldova și integrarea europeană. Elemente de strategie. Chișinău: Inst. de politic publice, 2003. p. 312
2. Андреева Г. М Социальная психология. М., 1996. – с. 223-226
3. Дулов, Вл. Социология на културата. Благоевград: УИ “Неофит Рилски”, 2004. – с.74
4. Мелешкина Е. Политический процесс. М.: РГИУ, 2005.- с.67

УДК 341.234

Шульга Руслан Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Института международного права
и экономики имени А.С. Грибоедова Москва, Россия
E-mail: ruslan.shulga@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ СРЕДИ КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА В МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Abstract. The article deals with the analysis of the problems in protection of rights of national minorities both in international and domestic dimension. Individual and collective rights are being examined from the standpoint of the human rights' theory. In addition, practical aspects of application of norms of international and domestic law to the regulation of rights of national minorities are the subject of study in the article. The conclusion is drawn that for the purposes of

keeping the ethnic and cultural diversity and the development of state national minorities' policy it is not appropriate to carve the concept of minority out from the complex nature of the human rights' dimension. What is required is a the synthesis of individual and collective approaches to effective protection of the rights of minorities.

Keywords: collective rights, national minorities, human rights, non-discrimination.

Исследователями отмечается, что на сегодняшний день защита коллективных прав становится приоритетней по отношению к индивидуальным правам [3, с. 134], что ведёт к укреплению дополнительных социальных границ в обществе и воспроизводству дискриминационных практик [6, с. 20 – 27]. При этом обострившиеся межнациональные отношения, агрессивный национализм, экстремизм, военные конфликты только усиливают дискриминацию представителей национальных меньшинств, и наличие международных стандартов по правам человека не решает проблемы.

Основная цель настоящей работы – на основе анализа норм международного права в области защиты прав национальных меньшинств акцентировать внимание на проблемы, тенденции развития в этой области, предложить конкретные меры по коренному улучшению положения с правами национальных меньшинств.

Изначально понятие принципа прав национальных меньшинств было выработано в общем комплексе прав человека и не предназначалось для решения конфликтов. Сам принцип защиты прав меньшинств - одно из бесспорных достижений международного права, но выработан он был исходя из иных требований и применительно к иным ситуациям [15, pp. 12-51].

Сурен Золян попытался расшифровать сочетание «международно-признанные права меньшинств». По его мнению, таковыми является весьма ограниченный круг прав, и «культурная автономия» - это даже чуть больше, чем предусматривают международные нормы. Как отмечается в документе, подготовленном юристами Центра по изучению прав человека и народов Падуанского университета (Италия), «международное право не признаёт прав меньшинств как коллективного субъекта, но только некоторые особые права принадлежащих к меньшинству лиц. Формально признанными правами членов меньшинств являются культурные права, относящиеся к религиозной практике и использованию языка; они не содержат указания на территориальную автономию. При этом часто забывают, что в случае меньшинств нарушается ряд других признанных прав человека» [8, с. 151].

В рамках ООН приняты важные документы международного права, имевшие непосредственное отношение к защите прав национальных меньшинств – это, прежде всего, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года [10, с. 68–71], согласно которой под геноцидом понимаются действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую» (ст. II). Конвенция относит к наказуемым следующие деяния: геноцид; заговор с целью его совершения; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; покушение на его совершение или соучастие в геноциде (ст. III) [10, с. 68–71]. Вторым из таких актов стала Всеобщая декларация прав человека [2, с. 1 - 3]; в статье I которой записано: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Однако ООН не удалось пока принять «твёрдого», то есть юридически обязывающего, акта о защите национальных меньшинств. Существует лишь несколько общих рамочных статей в некоторых многосторонних конвенциях.

Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года говорится, что «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой,

исповедовать свою религию и исполнять её обряды, а также пользоваться родным языком» [11, с. 470 - 482] (ст. 27). Аналогичная норма, но применительно к ребёнку включена в Конвенцию о правах ребёнка 1989 года [9, с. 193 - 221] (ст. 30).

Международный нормотворческий процесс в области защиты национальных меньшинств наиболее продвинулся в Европе. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года зафиксировано, что закреплённые в ней права и свободы обеспечиваются «без дискриминации по какому бы то ни было признаку», в том числе по «принадлежности к национальным меньшинствам» [13] (ст. 14).

Термин «национальное меньшинство» включён в текст Хельсинкского Заключительного Акта СБСЕ 1975 года, один из принципов которого гласит: «государства-участники, на территории которых существуют национальные меньшинства будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, создавать для них возможности пользоваться правами человека и основными свободами и защищать их законные интересы в этой сфере» [7, с. 544 – 589].

Однако до сих пор в международно-правовых документах определение национального меньшинства отсутствует. Среди других источников международного права, затрагивающего права национальных меньшинств выделим принятую государствами-участниками СБСЕ в 1990 году Парижскую хартию для новой Европы. Данный документ также как и вышеупомянутые затрагивает проблему прав национальных меньшинств, заявляет об их праве на свободное выражение, сохранение и развитие культурной, языковой и религиозной самобытности [12, с. 42 - 54].

По итогам, состоявшегося в конце сентября - начале октября 1991 года Совещания по человеческому измерению СБСЕ в Москве, принят документ, в котором упоминается о проблемах защиты прав национальных меньшинств. Например, в разделе посвящённом судебным органам говорится, помимо прочего, и о праве в период следствия, и в период суда, и в другие периоды представителям национальных меньшинств использовать родной язык, обращаться в судебные органы на родном языке.

В этом же документе рекомендуется, чтобы в тех регионах, где проживают национальные меньшинства, государственные чиновники знали язык меньшинств. Таким образом, предлагается новая модель общения представителей государственных органов с национальными меньшинствами [5, с. 115 - 133].

В 1992 году приняты одни из самых важных международных документов в области защиты прав национальных меньшинств - Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам.

К Хартии региональных языков или языков меньшинств по состоянию на 14 января 2020 года присоединились 25 государств (Российская Федерация и Республика Молдова подписали документ в 2001 и 2002 году соответственно, но не ратифицировали).

Среди гарантий, закреплённых в Хартии для лиц, принадлежащих к языковым меньшинствам, выделяю следующие: обучение национальному языку; развитие национального языка; продвижение языка через средства массовой информации (например, путём издания газет на языках меньшинств, создание собственных радио -, телеканалов); право пользования родным языком при контактах с органами государственной власти; право на произношение и фонетическую транскрипцию на национальном языке; использование родного языка в судебных и полицейских органах [14].

Что касается Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам, то она более расплывчато говорит об этих самых правах, к тому же без какого-либо «намёка» на их реализацию.

Стоит лишь назвать следующие права: право национальных меньшинств «диктовать» самобытность; сохранять контакты с гражданами и лицами других стран идентичной национальности [4, с. 90 - 94].

1 февраля 1995 года в рамках Совета Европы принята Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. По состоянию на 14 января 2020 года участниками конвенции являются 39 государств, в том числе Российская Федерация с 1 декабря 1998 года и Республика Молдова с 1 февраля 1998 года.

Рамочной конвенция называется, потому что Совет Европы пошёл по пути предоставить возможность различным государствам ратифицировать не всю конвенцию в целом, а лишь отдельные её положения, которые государство в состоянии выполнить.

В этой конвенции также отсутствует определение меньшинства, а что касается основных прав, предоставляемых меньшинствам, то следует выделить следующие: право на свободу собраний; право получать, передавать информацию на родном языке; право изучать родной язык и обучаться на родном языке; право на написание улиц и географических названий на национальном языке; право на защиту внешнего вида церквей различных религиозных конфессий[16].

В Венской декларации Совета Европы от 9 октября 1993 года изложены основные принципы демократического устройства жизни в Европе - как на континенте в целом, так и в государствах, входящих в данную организацию. В качестве приложений к Декларации приняты два документа, касающихся проблем защиты прав национальных меньшинств - «Национальные меньшинства» и «Декларация и план действий по борьбе против расизма, ксенофобии, антисемитизма и нетерпимости». В них изложены мировоззренческие и философско-методологические принципы к проблемам организации общественной жизни в полиэтнических государствах[1].

Таким образом, все проанализированные документы показывают, что в начале девяностых годов XX века происходит то, что можно назвать прорывом в международно-правовой сфере - различными международными организациями независимо друг от друга принимается целая серия документов, которые развёрнуто, конкретизировано формулируют основные принципы и основные права национальных меньшинств. И главное, если обобщить, то эти документы выработали определённую философию и методологию прав национальных меньшинств.

Исходя из духа проанализированных документов, можно выделить следующие принципы, присущие защите прав национальных меньшинств: Первый - это признание многоэтничности, поликультурности, многоязычия, поликонфессиональности общества как его богатства - это характерная черта как раз всех тех документов, о которых речь шла выше. Второй важный методологический постулат - это толерантность. Смысл его состоит в том, что толерантность должна пронизывать все поры нашего общества. Отличия в культуре, различия в мировосприятии и мировоззрении не являются негативным признаком. Если кто-то чем-то отличается от другого, то это не означает чего-то отрицательного. Наоборот, отличия должны восприниматься человеком как призыв к тому, чтобы попытаться понять, чем же другой отличается от меня, и почему у меня нет того, что есть у него. И следует задуматься, хорошо или плохо то, что другой отличается от меня. Толерантность предполагает такую психологическую установку и характер поведения личности, что даже в том случае, если она не понимает, чем и почему другая личность отличается от неё, то это не станет сигналом или толчком к изолированности, к настороженности, тем более к враждебности, к не восприятию.

Следующий постулат - содействие взаимопониманию, поиск взаимодействия и партнёрства. То, что мы разные, не означает, что мы должны быть постоянно отделёнными - наоборот, мы должны найти возможность не просто сосуществовать, а сосуществовать с

пользой один для другого. Эта польза не должна быть только утилитарной. Польза может быть духовной, моральной, культурной, психологической.

Ещё один принцип - это решение проблем через диалог. Только через диалог можно понять друг друга. Конечно, диалог может начинаться на очень большом расстоянии между позициями сторон: позиций психологических, правовых, языковых, мировоззренческих и т.д. Расстояния эти лежат в социальном пространстве. Именно диалог даёт возможность если не преодолеть эти расстояния, не уменьшить их, то, во всяком случае, сделать шаг, проторить некоторый путь, определить, как ходить одному к другому, как сделать мостик или какое-либо другое средство для общения в данной ситуации.

И наконец, можно выделить ещё один принцип, уже более конкретный - при таком культурном, духовном разнообразии недопустимы расизм, ксенофобия, антисемитизм, враждебность, ненависть. Эти явления должны быть исключены из жизни общества, потому что это то, что может разрушить всё то, о чём говорилось выше.

Таким образом, международные документы в области прав национальных меньшинств содержат перечисленные выше постулаты и принципы, выработанные на протяжении последних десятилетий. Важным для сохранения этнокультурного многообразия и развития государственной национальной политики является следование постулату - не надо обособлять понятие меньшинств от всего комплекса прав человека. Превалирование прав национальных меньшинств над общими правами человека не гармонирует с идеей гражданского общества и даже противоречит ему. Защита представителей меньшинств должна рассматриваться как насущный интерес государства и большинства. Наилучшей гарантией стабильности и безопасности, как правило, является то, что представителям национальных меньшинств обеспечена возможность эффективно осуществлять свои права. Если государство демонстрирует лояльность по отношению к представителям меньшинств, оно может ожидать ответной лояльности от тех лиц, которым выгодны стабильность и благополучие государства.

Следующий вывод состоит в том, что решения следует искать, насколько это возможно, в пределах самого государства. Наиболее весомым вкладом в устранение проблем меньшинств является содействие развитию лучших и более гармоничных отношений между большинством и меньшинством в самом государстве. Нуждается в поощрении конструктивный и прочный диалог между большинством и меньшинством, а также эффективное участие меньшинства в общественных делах.

Более того, в государстве вполне достижима самореализация меньшинства. Она не обязательно должна находить территориальное выражение, но зачастую может быть достигнута посредством законодательства, развивающего идентичность меньшинства в различных областях, например, в культуре, образовании, местном самоуправлении и так далее. Иногда приходится слышать, что отделение могло бы послужить ответом на проблемы и чаяния меньшинств. Но исходя из опыта мировой истории отделение не является, ни полезным, ни необходимым. Ввиду многочисленности меньшинств, а также того, что они рассеяны по обширным территориям, проживая совместно с представителями других групп, представляется очевидным, что изменение границ не является осуществимым или желательным решением. Отделение может легко привести к росту числа нестабильных государств с новыми меньшинствами. Вместо того чтобы достичь большей безопасности, Европа и Центральная Азия стали бы менее стабильны и безопасны. Более того, вряд ли любое из правительств, сталкивающееся с проблемами меньшинств, готово рассматривать уступку даже малой части своей территории в качестве решения проблемы. Само упоминание такого варианта приводит к ужесточению отношения такого правительства к меньшинству, о котором идёт речь. Вместо улучшения ситуации данного меньшинства это ухудшило бы положение дел.

Могут ли права меньшинств быть защищены через общий принцип обеспечения прав человека (индивидуальный подход) или наряду с этим требуется защита прав меньшинств как особой группы (коллективный подход)?

Однозначного ответа здесь дать нельзя. Всё зависит от страны, где имеется национальное меньшинство. Так, в странах иммиграции, например, в США, подход к защите прав меньшинств основан на концепции *melting pot* (плавильного котла), в котором перемешаны все национальности, поэтому естественен индивидуальный подход и стремление обеспечить права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам через защиту прав индивида.

В странах эмиграции (в большинстве случаев - европейских) существует стремление к защите прав меньшинств как особых прав коллектива, определённой социальной группы. Но наиболее плодотворным является сочетание, своеобразный синтез индивидуального и коллективного подходов. Только так возможно более эффективно защищать и охранять права национальных меньшинств.

Библиография:

1. Венская декларация (Вместе с «Декларацией и планом действий по борьбе с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью») (Принята в г. Вене 9 октября 1993 года) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> . – Дата доступа: 14 января 2020 год.
2. Всеобщая декларация прав человека (Принята 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН) // Права человека. Сборник международных договоров. - Нью-Йорк: ООН, 1978. - С. 1 - 3.
3. Глушкова С.И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма / С.И. Глушкова // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. - С. 131 – 140.
4. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (Принята 18 декабря 1992 года Резолюцией 47/135 на 92-ом пленарном заседании 47-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 2. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997. - С. 90 - 94.
5. Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Подписан в г. Москве 3 октября 1991 года) // Советский журнал международного права. 1991. - № 3 - 4. - С. 115 - 133.
6. Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики / Д.Дубровский // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005 – С. 20 – 27.
7. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 1 августа 1975 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. - М., 1977. – С. 544 – 589.
8. Золян С. Права национальных меньшинств и СБСЕ / С. Золян // Российский бюллетень по правам человека. - 1994. - № 4. - С. 149 - 155.
9. Конвенция о правах ребёнка (Заключена 20 ноября 1989 года) // Права человека. Сборник международных договоров. Т. I (часть первая). Универсальные договоры. - Нью-Йорк и Женева: Организация Объединённых Наций, 1994. - С. 193 - 221.
10. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года // Действующее международное право. Т. 2. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997. - С. 68–71.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи

- ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. - М.: БЕК, 1996. - С. 470 - 482.
12. Парижская хартия для новой Европы (Принята в г. Париже 21 ноября 1990 года) // Действующее международное право. Т. 1. - М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С. 42 - 54.
13. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [Электронный ресурс] // Council of Europe. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680063765> . - Дата доступа: 14 января 2020 год.
14. European Charter for Regional or Minority Languages [Электронный ресурс] // Council of Europe. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007c098> . - Дата доступа: 14 января 2020 год.
15. Fenet A. The Question of Minorities in the Order of Law / A. Fenet // Chaliand G. (ed.). Minority Peoples in the Age of Nation-States. - London: Pluto Press, 1989. – Pp. 12-51.
16. Framework Convention for the Protection of National Minorities [Электронный ресурс] // Council of Europe. - Дата доступа: 14 января 2020 год.

УДК 343.9.018:303.4(477)

Бова Андрей

Кандидат социол. наук, начальник
научно-исследовательского отдела ГНИИ МВД Украины,
г. Киев, Украина
e-mail: anagram@ukr.net

МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ ПРЕСТУПНОСТИ, ПРАКТИКУЕМЫЕ ГРАЖДАНАМИ УКРАИНЫ

Abstract. This report presents the results of an all-Ukrainian public opinion poll ($n = 2043$), which was conducted by the Kiev International Institute of Sociology between 9 and 21 February 2018. This study analyzes the relationship between personal safety practices and their differences in the main socio-demographic groups of the population of Ukraine.

Keywords: personal safety, preventive safety measures, home security, safe demeanor.

Обеспечение безопасности личности и её собственности от преступных посягательств возлагается, с одной стороны, на правоохранительные органы, прежде всего, полицию, а с другой стороны, является делом самих граждан и потому зависит от стилей поведения индивидов. В этом контексте изучение особенностей распространения способов и повседневных практик, которые использует население Украины для ограждения себя от криминальных рисков и угроз, является актуальной научной задачей. Методический инструментарий «Всемирного исследования ценностей» (2011г.), а также социологических опросов Харьковского института социальных исследований (2012г.) и Центра Разумкова (2018 г.) содержал отдельные вопросы о мерах обеспечения населением своей безопасности.

Во всеукраинское исследование «*Мнения и взгляды населения Украины (Омнибус)*» ($n = 2043$), проводившееся Киевским международным институтом социологии с 9 по 21 февраля 2018 г. в 110 населенных пунктах всех областей Украины, кроме Автономной Республики Крым (в Донецкой и Луганской областях опрос реализован только на территориях, контролируемых Украиной), был включен сформулированный автором вопрос, касающийся обеспечения гражданами своей безопасности.

По данным выборочного изучения общественного мнения, значительная часть опрошенных (64,3%) прибегает к такой элементарной мере безопасности, как проверка закрытия на замок помещения (таблица 1). Около четверти респондентов стараются держаться подальше от опасных мест (27,4%) или избегать контактов с подозрительными

людьми (25,5%), содержат собаку, которая может как защитить хозяина и его семью, так и подать соответствующий сигнал об опасности в нужный момент (25,6%). Каждый пятый респондент (21,1%) старается не выходить на улицу в тёмное время суток.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что Вы делали или делаете, чтобы обеспечить свою безопасность?», %

Альтернативы	%
Находясь дома, проверяю, заперты ли двери жилища на замок	64,3
Имею при себе предмет или оружие, которыми можно защититься	4,0
Стремлюсь держаться подальше от опасных мест	27,4
Изучаю приемы самозащиты или поддерживаю физическую форму	5,2
Стремлюсь избежать встреч или контактов с подозрительными лицами	25,5
Укрепляю или устанавливаю дополнительные двери, решётки на окна	7,8
Устанавливаю в квартире, доме, на даче сигнализацию, видеокамеры	2,9
Стремлюсь посещать общественные места с другом/подругой, чтобы не подвергаться возможным неприятностям	4,8
Держу собаку для охраны или в качестве «звоночка»	25,6
Оплачиваю услуги консьержа, вахтера, охранника	2,0
Стремлюсь не выходить на улицу в тёмное время суток	21,1
Другое	0,4
Не делаю ничего из указанного выше	13,6
Трудно сказать/отказ отвечать	1,8
<i>n</i>	2043

Примечание. Можно было предоставить несколько вариантов ответа.

Другие меры (каждая в отдельности) не превышают доли респондентов, которые совсем не принимают никаких мер собственной безопасности (13,6%).

В частности, 7,8% респондентов сообщило интервьюеру о наличии дополнительных дверей или решёток, 2,9% – о наличии сигнализации. 4,8% граждан Украины надеется на поддержку близких друзей при посещении общественных мест. 5,2% опрошенных изучает приёмы самозащиты или поддерживает надлежащую физическую форму для отпора правонарушителю или, в крайнем случае, бегства от него, а 4% полагается на предметы или оружие (это может быть, например, газовый баллончик, травматический пистолет и др.), с помощью которых можно дать отпор в случае нападения (таблица 1). Как показывает сопоставление наших данных с результатами Международного опроса жертв преступлений, граждане Украины существенно меньше прибегают к защите своего имущества с помощью различных охранных систем [1, с. 35].

Для характеристики предпринимаемых населением превентивных действий, направленных на предупреждение возможных преступлений, был построен аддитивный индекс как сумма выбранных респондентом одного или нескольких способов обеспечения индивидуальной безопасности из двенадцати предложенных в анкете (выбор альтернативы кодировался цифрой «1», а его отсутствие – цифрой «0»). Установлено, что один способ обеспечения безопасности отметило 27,5% респондентов, одновременно каких-либо два – 25,1%, три – 19,6%, четыре – 8,2%, пять и больше – 4,2%. Только 15,4% опрошенных не указали определенные меры обеспечения личной безопасности или безопасности жилья (альтернативы вопроса «не делаю ничего из указанного выше, «трудно сказать» и отказ от ответа). Обычный гражданин Украины использует в среднем 1,91 способа предотвращения преступлений ($n = 2043$).

В процессе корреляционного анализа между десятью дихотомическими переменными выявлено наличие тринадцати статистически значимых взаимосвязей ($\alpha = 0,01$), характеризующихся слабой ($r = 0,1$) или средней ($r = 0,3$) величиной эффекта, которые

объединяются в две корреляционные плеяды, отражающие определённые паттерны поведения населения страны (рисунок 1).

Рисунок 1. Корреляционные взаимосвязи между мерами обеспечения индивидуальной безопасности, практикуемыми гражданами Украины

Стиль поведения избегания опасности включает ориентацию на самосохранение и соблюдение правил безопасности в повседневной жизнедеятельности (проверка закрытия замков, установка дополнительных дверей или решёток на окна, посещение общественных мест с знакомыми, нахождение по месту жительства в тёмное время суток). Респонденты, остерегающиеся встреч или контактов с подозрительными лицами, как правило, пытаются обходить стороной и потенциально опасные места в населённом пункте ($r = 0,34$). Количество респондентов, отметивших одновременно варианты таких ответов, как «стремлюсь держаться подальше от опасных мест», «стремлюсь избежать встреч или контактов с подозрительными лицами», «стремлюсь не выходить на улицу в тёмное время суток», составляет 5,1% выборочной совокупности. В свою очередь, стиль поведения готовности к опасности включает опору на собственную физическую подготовку и оружие: респонденты, изучающие приёмы самозащиты или поддерживающие физическую форму, обычно имеют при себе какой-либо предмет (в т. ч. оружие), которым в случае опасности можно воспользоваться ($r = 0,33$). С этими двумя выборами ответов связана мера по установке в помещении сигнализации или видеокамеры. Последняя коррелирует с практикой оплаты услуг консьержа, вахтера или охранника.

Выявлено, что представители социально-демографических групп используют различные меры обеспечения своей безопасности.

В частности, как видно из таблицы 2 (при проведении корреляционного анализа принадлежность опрошенного к мужскому полу кодировались цифрой «1», а к женскому – цифрой «2»), женщины в большей степени склонны к избеганию опасностей, задействовать дружеские взаимоотношения, когда этого требуют обстоятельства, зато мужчины чаще надеются на свою физическую подготовку или оружие. Мужчины также чаще заботятся об установке сигнализации и видеонаблюдения в местах своего проживания.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что Вы делали или делаете, чтобы обеспечить свою безопасность?» в зависимости от пола, %

Альтернативы	Мужчины (А)	Женщины (В)	r
Находясь дома, проверяю, заперты ли двери жилища на замок	58,9	68,7 А	0,10**
Имею при себе предмет или оружие, которыми можно защититься	7,0 В	1,6	-0,14**
Стремлюсь держаться подальше от опасных мест	23,2	30,8 А	0,09**

Альтернативы	Мужчины (A)	Женщины (B)	<i>r</i>
Изучаю приемы самозащиты или поддерживаю физическую форму	10,1 В	1,3	-0,20**
Стремлюсь избежать встреч или контактов с подозрительными лицами	22,2	28,2 А	0,07**
Укрепляю или устанавливаю дополнительные двери, решётки на окна	8,6	7,1	-0,03
Устанавливаю в квартире, доме, на даче сигнализацию, видеокамеры	4,3 В	1,8	-0,07**
Стремлюсь посещать общественные места с другом/подругой, чтобы не подвергаться возможным неприятностям	2,9	6,3 А	0,08**
Держу собаку для охраны или в качестве «звоночка»	27,4	24,2	-0,04
Оплачиваю услуги консьержа, вахтера, охранника	1,7	2,1	0,01
Стремлюсь не выходить на улицу в тёмное время суток	11,4	29,0 А	0,22**
Другое	0,5	0,2	-0,03
Не делаю ничего из указанного выше	17,6 В	10,3	-0,11**
Трудно сказать/отказ отвечать	1,8	1,8	0
<i>n</i>	922	1121	2043

Примечания.

1. В таблицах 2–4 уровень значимости коэффициента корреляции Пирсона *r*: ** – $\alpha = 0,01$.

2. Результаты сравнения долей основаны на двусторонних *z*-критериях. Для каждой значимой пары ключ категории с меньшим процентом по столбцу появляется в категории с большим процентом по столбцу.

3. Уровень значимости для букв верхнего регистра (A, B, C): $\alpha = 0,01$.

Женщины в среднем прибегают к 2,01 превентивным способам обеспечения своей безопасности, а мужчины – к 1,78.

Анализируя некоторые возрастные особенности, представленные в таблице 3 (с целью выполнения корреляционного анализа принадлежность респондента к соответствующей возрастной группе кодировалась цифрами от «1» (18-29 лет) до «6» (70+ лет)), следует отметить, что молодёжь в меньшей степени предпринимает какие-либо меры по обеспечению индивидуальной безопасности, зато активнее увлекается спортом и единоборствами. В свою очередь, пожилые люди чаще предпочитают оставаться дома после наступления темноты. Они также чаще надеются на собак, которые могут отпугнуть потенциального правонарушителя.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что Вы делали или делаете, чтобы обеспечить свою безопасность?» в зависимости от возрастных категорий, %

Альтернативы	18-29 лет (A)	30-39 лет (B)	40-49 лет (C)	50-59 лет (D)	60-69 лет (E)	70+лет (F)	<i>r</i>
Находясь дома, проверяю, заперты ли двери жилища на замок	58,7	67,6	66,4	64,9	64,2	65,3	0,03
Имею при себе предмет или оружие, которыми можно защититься	5,3	4,1	6,6	3,2	2,4	1,4	-0,06**

Альтернативы	18-29 лет (A)	30-39 лет (B)	40-49 лет (C)	50-59 лет (D)	60-69 лет (E)	70+лет (F)	<i>r</i>
Стремлюсь держаться подальше от опасных мест	27,5	30,5	26,2	30,4	23,3	24,1	-0,03
Изучаю приемы самозащиты или поддерживаю физическую форму	9,0 E, F	8,0 E, F	6,6 F	3,5	1,0	0,2	-0,15**
Стремлюсь избежать встреч или контактов с подозрительно лицами	26,4	28,3	24,9	26,8	23,7	20,8	-0,04
Укрепляю или устанавливаю дополнительные двери, решётки на окна	4,9	8,2	12,1 A	8,4	6,8	6,3	0,01
Устанавливаю в квартире, доме, на даче сигнализацию, видеокамеры	4,0	3,4	4,7	2,2	1,7	0,7	-0,07**
Стремлюсь посещать общественные места с другом/подругой, чтобы не подвергаться возможным неприятностям	6,9	7,0	4,2	3,7	3,5	1,9	-0,08**
Держу собаку для охраны или в качестве «звоночка»	21,0	26,4	21,2	29,3	25,8	32,1	0,07**
Оплачиваю услуги консьержа, вахтера, охранника	0,9	1,7	4,4	1,1	1,7	2,4	0,02
Стремлюсь не выходить на улицу в тёмное время суток	16,8	20,9	19,9	20,1	23,8	28,1 A	0,08**
Другое	0,0	0,3	1,0	0,2	0,6	0,2	0,01
Не делаю ничего из указанного выше	15,4	12,6	12,7	13,4	14,4	12,9	-0,01
Трудно сказать/отказ отвечать	1,8	1,2	1,7	1,8	3,3	1,7	0,02
<i>n</i>	432	377	338	362	253	281	2043

Примечание. Критерии скорректированы для всех парных сравнений в строке каждой внутренней подтаблицы при помощи поправки Бонферрони. Среди категории 30–39-летних фиксируются наивысшие средние значения индекса обеспечения своей безопасностью (2,07) по сравнению с другими возрастными группами. Как следует из данных таблицы 4, городское население чаще, чем сельские жители, прибегает к различным превентивным мерам обеспечения безопасности (для выявления статистических связей принадлежность опрошенного к городскому населению кодировалась цифрой «1», а к сельскому – цифрой «2»). В то же время каждый второй сельский житель содержит собаку, которая осуществляет охранные и/или сигнальные функции.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что Вы делали или делаете, чтобы обеспечить свою безопасность?» в зависимости типа населенного пункта, %

Альтернативы	Городское население (А)	Сельское население (В)	<i>r</i>
Находясь дома, проверяю, заперты ли двери жилища на замок	67,1 В	58,7	-0,08**
Имею при себе предмет или оружие, которыми можно защититься	4,2 В	3,7	-0,01
Стремлюсь держаться подальше от опасных мест	30,8 В	20,6	-0,11**
Изучаю приемы самозащиты или поддерживаю физическую форму	6,3 В	3,1	-0,07**
Стремлюсь избежать встреч или контактов с подозрительными лицами	28,8 В	18,8	-0,11**
Укрепляю или устанавливаю дополнительные двери, решётки на окна	10,0 В	3,4	-0,12**
Устанавливаю в квартире, доме, на даче сигнализацию, видеокамеры	3,8 В	1,3	-0,07**
Стремлюсь посещать общественные места с другом/подругой, чтобы не подвергаться возможным неприятностям	5,6	3,3	-0,05
Держу собаку для охраны или в качестве «звоночка»	13,2	50,0 А	0,40**
Оплачиваю услуги консьержа, вахтера, охранника	3,0	0,0	-0,10**
Стремлюсь не выходить на улицу в тёмное время суток	24,6 В	14,1	-0,12**
Другое	0,5	0,1	-0,03
Не делаю ничего из указанного выше	14,6	11,7	-0,04
Трудно сказать/отказ отвечать	1,6	2,3	0,02
<i>n</i>	1353	690	2043

Доли лиц, прибегающих к различным способам защиты, максимальны в очень больших городах (с количеством жителей более 500 тыс.), где вариант ответа «находясь дома, проверяю, заперты ли двери жилища на замок» выбрало 73,4% респондентов, «имею при себе предмет или оружие, которыми можно защититься» – 7,0%, «стремлюсь держаться подальше от опасных мест» – 35,9%, «изучаю приемы самозащиты или поддерживаю физическую форму» – 7,5%, «стремлюсь избежать встреч или контактов с подозрительными лицами» – 37,2%, «укрепляю или устанавливаю дополнительные двери, решётки на окна» – 9,3%, «устанавливаю в квартире, доме, на даче сигнализацию, видеокамеры» – 5,7%, «стремлюсь посещать общественные места с другом/подругой, чтобы не подвергаться возможным неприятностям» – 7,2%, «оплачиваю услуги консьержа, вахтера, охранника» – 8,7%, «стремлюсь не выходить на улицу в тёмное время суток» – 29,0% опрошенных (*n* = 432). Горожане прибегают в среднем к 1,98 способам защиты от возможных преступных посягательств, в частности, в малом городе (с количеством жителей до 20 тыс.) – к 2,23 (*n* = 162), в большом городе – к 2,28 (*n* = 432), в том числе г. Киеве – к 2,82 (*n* = 137). Жители сельской местности используют в среднем 1,77 способ ограждения себя от криминальных рисков и угроз.

Исходя из проведенного анализа можно сделать такие выводы. В ходе своей повседневной жизнедеятельности граждане Украины склонны избегать опасностей. Между принадлежностью к основным социально-демографическим группам и предпочитаемыми мерами безопасности обнаружены слабые корреляционные связи. Для женщин более характерно всячески держаться подальше от подозрительных лиц и потенциально опасных мест, не рисковать попусту, задействовать социальные связи, а мужчины полагаются (по

крайней мере, на словах) на свою физическую силу или оружие. Для более молодых возрастов также характерно изучение техник самозащиты и занятие различными видами спорта. Представители старших возрастных категорий склонны чаще оставаться дома после наступления темноты и содержать домашнего питомца. В городской среде выше плотность населения и частота анонимных контактов между людьми, разительнее выражены социальные контрасты и, как следствие, выше уровень преступности и страха перед ней, что обуславливает использование населением различных мер по обеспечению безопасности. Комплексная виктимологическая профилактика, установка сигнализации, видеонаблюдения и других технических средств охраны могут способствовать снижению преступных посягательств и их последствий.

Библиография:

1. Исследование «Оценка уровня безопасности населения и доверия к правоохранительным органам» (международный опрос виктимизации в Казахстане). Отчет Ян ван Дейка, Джона ван Кестерена, Алексея Трошева и Гэвина Слейда. Астана, 2018. 66 с.

УДК 347.77

Богустов Андрей Алексеевич

канд. юридических наук, доцент, ГрГУ им. Я.Купалы,
г. Гродно, Беларусь
E-mail: bogustow@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ
«КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА» И «РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»**

Abstract. The article is devoted to the question of correlation of trade secrets and innovatory proposal as special objects of intellectual property. On the basis of comparative analysis of the legislation of Belarus and Ukraine conclusion of significant similarity of specified objects is made.

Keywords: intellectual property, innovatory proposal, trade secret.

Перечень объектов интеллектуальной собственности не остается неизменным. Его трансформация вызвана объективными социально-экономическими причинами, получившими начало еще в середине XX века. Они выражаются в том, что «духовная деятельность резко интенсифицировалась, возникло много новых ее сфер и соответственно – новых видов творческих результатов. Ввиду потребности их участия в экономическом обороте и существенной специфики каждого из них зародились и специальные правовые режимы для охраны таких результатов» [1, с. 10].

Все это порождает проблему четкого разграничения сходных объектов права интеллектуальной собственности, без решения которой в конечном итоге невозможно определить характера субъективных прав их обладателей и порядка их защиты. Эта задача осложняется тем, что такие сходные объекты могут включаться в национальное законодательство в разные исторические периоды, быть вызваны влиянием несхожих политико-правовых идей, выступать продуктом развития различных правовых семей.

На наш взгляд, примером таких объектов права интеллектуальной собственности в законодательстве Беларуси и Украины выступают рационализаторские предложения и коммерческая тайна.

Коммерческая тайна и рационализаторское предложение, признаваемые в настоящее время законодательством Беларуси и Украины, выступают примером того, как в национальных правовых системах могут сосуществовать институты, вызванные к жизни абсолютно несхожими социально-экономическими условиями.

Регулирование отношений, возникающих по поводу коммерческой тайны, имеет относительно короткую историю. Справедливым представляется замечание, что «в СССР отношение к коммерческой тайне на государственном уровне длительное время было негативным и основывалось на представлении о ней как об инструменте капиталистических фирм, используемом для утаивания части прибыли от налогообложения и иных правонарушений» [2]. Развитие законодательства в данной сфере приобрело актуальность и значимость «в условиях перехода страны к рыночной экономике» [3, с.76] и в настоящее время коммерческая тайна известна большинству национальных правовых систем постсоветских стран. В Беларуси отношения в этой области урегулированы на двух уровнях. Нормы, посвященные охране данного объекта, содержатся как в ГК (п. 2 ст. 140, ст. 1010 – 1012) [4], так и в Законе «О коммерческой тайне» [5]. Помимо Беларуси специальные законы, посвященные охране коммерческой тайны, были приняты «в Молдове (1994 год), Кыргызстане (1998 год), Туркменистане (2000 год), Азербайджане (2001 год), Российской Федерации (2004 год), Таджикистане (2008 год)» [2].

В свою очередь рационализаторское предложение – это объект, изначально призванный решать специфические задачи, стоявшие перед советским обществом. Высказывается мнение, что «государственная охрана рационализаторских предложений непосредственно связана с политикой индустриализации, проводимой в СССР с конца 1920-х годов» [6, с.134]. В советской литературе по гражданскому праву отмечалось, что изобретательство и рационализация выступают одним из главных путей ускорения научно-технического прогресса тесно связанного с «созданием материально-технической базы коммунизма» [7, с. 437], а регулирование отношений в данной области осуществляется «в целях развития научно-технического прогресса, охраны прав авторов предложений и интересов государства» [7, с. 437].

Изменение социально-экономических условий жизни общества привели к тому, что значение охраны рационализаторских предложений как самостоятельных объектов гражданско-правовых отношений значительно снизилось. Это проявляется в том, что в настоящее время предоставление охраны подобным объектам является на постсоветском пространстве скорее исключением, чем правилом. В литературе приводятся сведения, что помимо Беларуси и Украины рационализаторское предложение признается объектом права интеллектуальной собственности лишь в Кыргызстане и Молдове [8. с.70-73]. При этом объем нормативного материала по данной проблематике относительно невелик и выражается, как правило, актами подзаконного характера. Например, в Беларуси существует «Положение о рационализаторстве в Республике Беларусь» [9], а в Украине в части не противоречащей ГК [10] продолжает действовать «Временное положение о правовой охране объектов промышленной собственности и рационализаторских предложений в Украине» [11].

Для проведения сравнительно-правового анализа указанных объектов необходимо обратиться к их определению в национальном законодательстве Беларуси и Украины. Из ст. 505 ГК Украины следует, что «коммерческой тайной является информация, которая является секретной в том смысле, что она в целом или в определенной форме и совокупности ее составляющих является неизвестной и не является легкодоступной для лиц, которые обычно имеют дело с видом информации, к которому она принадлежит, в связи с этим имеет коммерческую ценность и была предметом адекватных существующим обстоятельствам мер по сохранению ее секретности, принятых лицом, законно контролирующим эту информацию». Кроме того, из данной статьи следует, что такая информация может носить организационный, коммерческий, производственный и иной характер.

В свою очередь из ст. 1 Закона Беларуси «О коммерческой тайне» следует, что она представляет собой «сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства

(ноу-хау), соответствующие требованиям настоящего Закона, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны». Требования к сведениям, в отношении которых может устанавливаться режим коммерческой тайны, закреплены в ст. 5 и состоят в том, что они: не являются общеизвестными или легкодоступными третьим лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобными рода сведениями; имеют коммерческую ценность для их обладателя в силу неизвестности третьим лицам; не являются объектами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности; не отнесены в установленном порядке к государственным секретам. Так же рассматриваемый нами закон в ст. 8 устанавливает перечень мер, необходимый для обеспечения конфиденциальности сведений.

Приведенные выше определения, содержащиеся в национальном законодательстве Беларуси и Украины, позволяют прийти к выводу, что существенные черты коммерческой тайны, закрепленные в праве указанных стран совпадают. Так, и белорусское и украинское право исходят из того, что эта информация не должна быть общеизвестной или общедоступной, должна иметь коммерческую ценность для ее обладателя, который предпринимает предусмотренные законом меры для ее охраны. На наш взгляд, требование белорусского законодательства о том, что сведения, составляющие коммерческую тайну не должны являться объектами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности лишь подчеркивает то, что такая информация не должна быть на момент предоставления охраны общеизвестной или общедоступной (например, в результате патентования).

Далее, из анализа ст. 481 ГК Украины можно сделать вывод, что рационализаторское предложение – это признанное юридическим лицом предложение (материальный объект либо процесс), содержащее технологическое (техническое) или организационное решение в любой сфере ее деятельности. В соответствии с п. 9 упоминавшегося ранее «Временного положения...» рационализаторское предложение должно являться новым для предприятия, которому оно подано, то есть, согласно источникам информации, имеющимся у юридического лица, предложение не было известно ему в объеме, достаточном для его практического использования. Кроме того, в юридической литературе отмечается, что рационализаторское предложение должно «быть полезным для предприятия, которому оно подано» [12, с.450].

В белорусском праве рационализаторское предложение определяется как «техническое решение, предусматривающее создание или изменение конструкции изделия, технологии производства и применяемой техники, состава материала, являющееся новым и полезным для юридического лица, в адрес которого оно поступило, а также новое для него организационное решение, предусматривающее экономию и рациональное использование трудовых, топливно-энергетических и материальных ресурсов или иной положительный эффект» (п.1 «Положения о рационализаторстве...»).

Таким образом, в праве Беларуси и Украины совпадают требования, предъявляемые не только к коммерческой тайне, но и рационализаторским предложениям (технический или организационный характер решения, локальная новизна и полезность использования).

Но одновременно можно сделать вывод о том, что законодательство о коммерческой тайне и рационализаторских предложениях регулируют, по сути, однотипные отношения. Во-первых, в обоих случаях эти отношения возникают в технической, производственной, организационной сферах деятельности предприятия. Во-вторых, объект должен быть новым и неизвестным. На наш взгляд, требование неизвестности третьим лицам в отношении коммерческой тайны и новизны в отношении рационализаторского предложения говорят лишь о различных сторонах одного и того же явления, в первом случае это касается третьих лиц, во втором – самого субъекта хозяйствования. В-третьих, применение данных объектов должно дать определенную материальную выгоду правообладателю.

Дослідження вимог пред'являються в національному законодавстві до комерційної таємниці та раціоналізаторської пропозиції дозволяє говорити про те, що аналогічні за своєю природою відносини можуть опосередковуватися різними правовими інститутами, виходячи з переслідуваних соціально-економічних цілей.

Так надання захисту комерційній таємниці призначено забезпечити можливість закритого використання об'єкта, т.е. основним пріоритетом законодавця в даній ситуації виступає захист особливих інтересів конкретного суб'єкта господарювання. В разі ж з раціоналізаторською пропозицією використання захищеного об'єкта носить відкритий характер, т.е. крім захисту інтересів особливих осіб переслідуються цілі забезпечення потреб суспільства в цілому, зацікавленого в максимально широкому впровадженні нових технологій в виробництво.

Бібліографія:

1. Дозорцев В.А. Новая эра в охране исключительных прав / В.А. Дозорцев // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
2. Коментарії до модельного закону «Про комерційну таємницю»: прил. до пост. Міжпарламентської Асамблеї держав – учасників СНГ, 29 листопада. 2013 р., № 39-15 // Інформ. бюл. Міжпарламент. Асамблеї держав – учасників СНГ. – 2014. – № 60. — Ч. 2. – С.42.
3. Северин В.А. Комерційна таємниця в Росії: монографія / В.А. Северин. – М.: Зерцало-М, 2009. – 472с.
4. Гражданский кодекс Респ. Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-3 с изм. и доп. по сост. на 17.07.2018. URL: http://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218&q_id=784780 (дата звернення 12.01.2020).
5. Про комерційну таємницю: Закон Респ. Беларусь от 05.01. 2013 г. № 16-3 // Нац. реєстр правових актів Респ. Беларусь. – № 3. – 2013 – 2/2014.
6. Верёвкина Т.А. Правовое регулирование рационализаторских предложений / Т.А. Верёвкина // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – Т. 4. – № 8. – 2014. – СПб., 2014. – С. 133-138.
7. Советское гражданское право: в 2-х т. Т. 2. / под ред. О.А. Красавчикова. – М.:– 1968. –520 с.
8. Цивілістическа концепція інтелектуальної власності в системі російського права: монографія / М.А. Рожкова, А.А. Богустов, В. Н. Глоїна, А. А. Семенова; за заг. ред. М.А. Рожкової. – М.: Статут, 2018. – 271 с.
9. Положення про раціоналізаторство в Респ. Беларусь: утв. Пост. Ради Міністрів Респ. Беларусь от 17.02.2010 г. № 209 // Нац. реєстр правових актів Респ. Беларусь. – № 45. – 2010. – 5/31289.
10. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 р. № 435-IV, поточна редакція від 31.03.2019. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата звернення 12.01.2020).
11. Тимчасові положення про правову охорону об'єктів промислової власності та раціоналізаторських пропозицій в Україні: затв. Указом Президента України від 18.09.1992 р. № 479/92, поточна редакція від 22.06.1994. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/479/92> (дата звернення 12.01.2020).
12. Цивільне право України: Академічний курс: Підруч.: У двох томах / За заг. ред. Я. М. Шевченко. – Т. 1. Загальна частина. – К.: Концерн «Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. – 520 с.

УДК 34.07 + 342.76

Валеев Руслан Гельманович,
кандидат педагогических наук,
доцент ДГУВД, г. Днепро, Украина

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ

Abstract. The article considers certain issues of terminology and classification of police enforcement measures. Some weaknesses in the juridical formulations of the use of physical force aims in the law of Ukraine are highlighted. A typology of special police tools is also proposed.

Keywords: law enforcement measures, police coercion, police use-of-force, use of physical force, police special tools

Полиция во всех странах мирах обладает полномочиями на применение мер, ограничивающих права и свободы человека в исключительных обстоятельствах, с соблюдением определённых процедур и в социально значимых целях. Злоупотребление подобными полномочиями, несоблюдение юридических процедур приводит к нарушениям прав человека, причинению ущерба здоровью, собственности и гибели людей. Данной проблематикой в последние годы посвятили свои исследования такие авторы, как J.M. MacDonald, W. Terrill, С. Альбиоль, В. Биличенко, Е. Гиденко, Ю. Гнусов, В. Домницак, А. Комиссаров, А. Новицкий, В. Осадчий, Б. Орловский, А. Пашаев, В. Сокуренок, В. Трояновский, В. Флоря, В. Шиян и др. Мы хотим акцентировать отдельные терминологические и классификационные проблемы, связанные с применением полицейских мер принуждения.

По своей юридической природе принудительные полицейские меры являются «исключительными мерами административного принуждения, непосредственно прекращающими правонарушения или объективно противоправные деяния» [1, с. 172]. Их исключительный характер предусматривает, что они применяются полицейскими при условии, что другие полицейские меры не эффективны или применимы в данных обстоятельствах.

К мерам полицейского принуждения украинское законодательство относит 1) физическое воздействие (силу), 2) применение специальных средств и 3) применение огнестрельного оружия [2, ч. 1 ст. 42]. Законодательство Украины даёт определение принудительных полицейских мер: «полицейское мероприятие/мера (по укр. – *захід*) – это действие или комплекс действий превентивного или принудительного характера, ограничивающие определенные права и свободы человека и применяемые полицейскими в соответствии с законом для обеспечения выполнения возложенных на полицию полномочий» [2, ч. 1 ст. 29].

Согласно профильного Закона, «физическим воздействием является применение любой физической силы, а также специальных приемов борьбы с целью прекращения противоправных действий правонарушителей» [2, ч. 2 ст. 42]. То есть эта норма определяет два вида физического воздействия (во-первых, применение физической силы и, во-вторых, применение специальных приемов борьбы) и их цель (прекращение противоправных действий).

Однако можно выявить определенное противоречие во время сопоставления указанной цели с целями, определенными в статье 44 этого же Закона: «Полицейский может применять физическую силу, в том числе специальные приемы борьбы (рукопашного боя), для обеспечения личной безопасности и/или безопасности других лиц, прекращения правонарушения, задержания лица, совершившего правонарушение, если применение других

полицейских мер не обеспечивает выполнения полицейским полномочий, возложенных на него законом». В частности, использование конструкции прошедшего времени в формулировке «задержание лица, совершившего правонарушение» свидетельствует, что применение физического воздействия может происходить в условиях, когда правонарушитель в момент задержания уже не совершает правонарушения. А это якобы противоречит формулировке части второй ст. 42 профильного закона.

Поэтому в совокупности требования ст. 42 и ст. 44 украинского профильного Закона можно толковать так: «Физическим воздействием является применение полицейским любой физической силы. Также физическим воздействием является применение специальных приемов борьбы с целью прекращения противоправных действий правонарушителей».

То есть цель второй разновидности физического воздействия – применение специальных приемов борьбы (рукопашного боя) состоит исключительно в прекращении правонарушения. А вот цель первой разновидности физического воздействия – физической силы устанавливается также частью первой статьи 44 профильного закона и включает обеспечение личной безопасности, обеспечения безопасности других лиц (на практике это могут быть опасные действия явно невменяемого лица либо создание живого барьера из полицейских между противоборствующими группами) и задержания лица, ранее совершившего правонарушение или объективно противоправное деяние.

Закон Молдовы закрепляет, что «физическая сила – меры принуждения, осуществленные исключительно напряжением мышц, физической силой человека, в том числе специальными приемами борьбы» [3, ч. 2 ст. 2]. Стоит заметить, что юридическая техника дефиниции на русском языке не совершенна, в частности, допущена ошибка «определение через определяемое»: физическая *сила* – меры, осуществленные физической *силой*. Однако в оригинальном варианте на румынском (молдавском) языке используются различные термины «*forțăfizică*» и «*puteriifizice*».

Украинскому законодателю также удалось избежать подобной ошибки, назвав первый элемент триады «физическим воздействием» (по укр. – «вплив»): «Физическим воздействием является применение любой физической силы, а также специальных приёмов борьбы с целью прекращения противоправных действий правонарушителей» [2, ч. 2 ст. 42].

Что касается специальных средств, то стоит отметить, что определенное недоразумение вызывает употребление терминов «*применение специальных средств*» [2, ч. 1 и ч. 3 ст. 42] и «*использование специальных средств*» [2, ч. 4 ст. 42]. Системное толкование соответствующих правовых норм позволяют нам избежать противоречия и сделать вывод, что использование специальных средств полицейским является применением им соответствующей полицейской меры принуждения, то есть *используются* физические *объекты*, а полицейские *меры*, как «действие или комплекс действий» [2, ч. 1 ст. 29] – *применяются*.

Также отметим, что Закон Молдовы предлагает *описательную* дефиницию, перечисляющую разновидности средств: «специальные средства – предметы, боеприпасы, приспособления, химические вещества, слезоточивые и окрашивающие вещества, светозвуковые устройства психологического воздействия, средства принудительной остановки транспорта, транспортные средства, боевое оборудование и боевая техника, дрессированные животные, используемые для пассивной или активной обороны без летального эффекта, предназначенные для преодоления противодействия, обездвиживания и дезориентации человека или разрушения преград» [3, ч. 1 ст. 2]. В тоже время украинский законодатель использовал аналитический подход к определению специальных средств, характеризуя их предназначение. Так, спецсредства определены как «совокупность устройств, приборов и предметов, специально изготовленных, конструктивно предназначенных и технически пригодных для защиты людей от поражения различными предметами (в том числе от оружия), временного (возвратного) поражения человека

(правонарушителя, противника), подавления или ограничения свободы человека (психологической или физической) путём оказания влияния на неё или окружающие предметы, с чётким регулированием оснований и правил применения таких средств и служебных животных» [2, ч. 3 ст. 42].

Важным аспектом остается классификация и каталогизация спецсредств. Долгое время типология полицейских специальных средств предусматривала выделение: 1) средств активной обороны, 2) средств индивидуальной защиты, 3) средств обеспечения специальных операций, 4) устройств для проникновения в транспортные средства и помещения, 5) транспортных средств и специальных технических средств обеспечения правопорядка.

Но с принятием Закона Украины «О Национальной полиции», с учетом части третьей ст. 42 этого Закона, можно структурировать специальные средства на три группы/типа: 1) средства защиты людей от поражения различными предметами (в том числе от оружия); 2) средства временного (возвратного) поражения человека (правонарушителя, противника); 3) средства подавления или ограничения свободы человека (психологической или физической) путем оказания влияния на него или окружающие его предметы.

Анализируя перечень видов специальных средств, приведенный в части четвертой ст. 42 профильного закона, и общие правила применения специальных средств, закрепленные в части третьей ст. 45 этого Закона, можем следующим образом распределить перечисленные в них средства.

Группа средств временного (возвратного) поражения человека (правонарушителя, противника): резиновые и пластиковые дубинки; электрошоковые устройства контактного и контактно-дистанционного действия; средства, оснащенные веществами слезоточивого и раздражающего действия; устройства, гранаты и боеприпасы светозвукового действия; средства акустического и микроволнового воздействия; устройства для отстрела патронов, снаряженных резиновыми или аналогичными по своим свойствам метательными снарядами нелетального действия; средства, оснащенные безопасными дымообразующими препаратами.

Группа средств подавления или ограничения свободы человека (психологической или физической) путем оказания влияния на него или предметы, его окружающие: средства ограничения подвижности (наручники, сетки для связывания и т.п.); средства принудительной остановки транспорта; специальные маркировочные и красящие средства.

В свою очередь, за устройствами, гранатами, боеприпасами и малогабаритными взрывными устройствами для разрушения препятствий и принудительного открывания помещений, служебными собаками и лошадьми, водометами, бронемашинами и другими специальными транспортными средствами можно признать мульти-групповой, полифункциональный характер.

Вместе с тем, ни один вид специальных средств, перечисленный в части четвертой ст. 42 указанного Закона, не отнесен нами к первой группе – средствам защиты людей от поражения различными предметами (в том числе от оружия). Это объясняется тем, что согласно этого же Закона, «не является мерой принуждения использования полицейским средств индивидуальной защиты (шлемов, бронежилетов и другой специальной экипировки)» [2, ч. 6 ст. 42].

Полемическим вопросом остается: является ли исчерпывающим перечень видов специальных средств, приведенный в части четвертой ст. 42 Закона Украины «О Национальной полиции». По нашему мнению, законодательство не определяет этот перечень как исчерпывающий. Вместе с тем, имеется требование части пятой ст. 42 указанного Закона: «Полицейский ни при каких обстоятельствах не может применять меры принуждения, не определенные настоящим Законом». Данное требование, на наш взгляд, подчеркивает исчерпывающий перечень именно *мер* принуждения (то есть триады

физическое воздействие - применение специальных средств - применение огнестрельного оружия), а не ограничивает перечень специальных *средств*.

Необходимо отметить, что регламентирование проблемы применения триады указанных принудительных мер на уровне отдельного закона демонстрирует несомненные преимущества. Так, в Молдове чётко перечислены субъекты применения силы, спецсредств и оружия (в том числе «иностранные граждане, являющиеся сотрудниками спецслужб, прибывшими в Республику Молдова для обеспечения охраны государственных деятелей...» [3, п. с ч.1 ст. 3], в то время как в Украине нормы формально адресованы полицейским, а иные нормативные акты распространяют их действие на другие категории правоохранителей.

Таким образом, Закон Украины «О Национальной полиции» предлагает новый подход к типологии полицейских специальных средств, выделяя средства защиты людей от поражения различными предметами, средства временного поражения правонарушителя, средства подавления или ограничения свободы человека.

Также украинское законодательство выделяет два вида применения физического воздействия: физическую силу и приемы рукопашного боя, ограничивая цели последних необходимостью пресечения правонарушений.

Список использованной литературы

1. Закон України «Про Національну поліцію» : наук.-практ. комент. / МВС України, Харків. нац. ун-т внутр. справ ; за заг. ред. д-ра юрид. наук, доц. В.В. Сокурєнка; – Харків, 2016. – 408 с.
2. Закон України «Про Національну поліцію» від 02.07.2015 № 580-VIII // Відомості Верховної Ради. – 2015. – № 40-41, ст. 379. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/580-19/>
2. Закон республики Молдова Nr. 218 от 19.10.2012 «О порядке применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=345846>

УДК: 81-11

Ильина Лариса Евгеньевна,

Кандидат пед. н., доцент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка, Оренбургский Государственный Университет, Оренбург, Россия
E-mail: nerol2620@mail.ru

Морозова Валерия Евгеньевна

Оренбургский Государственный Университет, Оренбург, Россия

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Abstract. The article analyzes the features of speech influence in religious discourse as an instrument of psychological influence on people with the aim of introducing extremist ideas into the masses.

Keywords: speech impact, religious discourse, psychological influence, extremism

Речевое воздействие применяется в процессе речевой деятельности в религиозном дискурсе и предполагает использование системы понятий в совокупности с определенной специфичностью атрибутикой, сопровождающей религиозные ритуалы. В процессе формирования в лингвистике понятия *речевого воздействия* возникает необходимость его научного обоснования. И.А. Стернин определяет речевое воздействие как воздействие

человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [6].

В данной статье речь пойдет о речевом воздействии в религиозном дискурсе как инструменте психологического влияния на людей с целью внедрения в массы экстремистских идей.

Экстремизм (лат. *extremus* – крайний, чрезмерный) приверженность крайним взглядам и методам действий. В.Д. Трофимов считает, что экстремизм распространяется на все виды человеческой деятельности и является идеологией допустимости использования крайних мер, экстремумов социального поведения, для получения желаемого эффекта [7].

Религиозный дискурс мы рассматриваем как Совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере, в более широком смысле, набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия людей, связанных общими религиозными убеждениями.

Внедрение экстремистских идей становится потенциально успешным и встречает наименьшее сопротивление в случае наличия конфликтных и проблемных ситуаций в обществе, то есть в момент уязвимости человеческого разума, нестабильности мышления. Нравственные проблемы современного российского общества становятся предметом изучения, исследователи констатируют моральную деградацию, подлог суррогатных ценностных ориентиров, криминализацию общества, непринятие классических рамок морали, нравственную «коррозию» наших современников [1].

Одним из средств возрождения нравственности авторы считают религию, безусловно, способствующую преодолению кризисных ситуаций, развитию культуры, обновлению традиций, являя собой пример подражания. Духовно грамотный человек менее подвержен инверсии системы ценностей, он не примет престижность брутализации и подчеркнуто агрессивного поведения.

Однако, в период стремительного технического развития, социального неравенства общества, особенно наглядно демонстрируемого средствами массовой информации, раздражающего ритма жизни, концентрации власти у экономически, и только, сильного меньшинства, общество превращается во временную совокупность равных, анонимных и схожих между собой людей, в недрах которой идеи и эмоции каждого имеют тенденцию выражаться спонтанно.

Рассмотрим, как происходит внедрения экстремистских идей в массы посредством речевого воздействия. В моменты эмоциональной нестабильности, что свойственно такой форме организации общества как толпа, за счет высокой скорости передачи информации, усложняется процесс ее фильтрации, что способствует беспрепятственному проникновению в массовое сознание провокационных идей. Чувство «Я» теряется, человек, как индивид подавлен, тревожен, неуверен в себе и начинает вести хаотичный поиск ценностных ориентиров, и превращается в человека-массу.

По мнению З. Фрейда, есть две вещи, удерживающие сообщество в единстве – силовое принуждение и эмоциональные привязанности его членов [8]. Масса способствует появлению коллективного чувства привязанности, деперсонализируя личность.

Одно из самых глубоких переживаний, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности, именно это сокровенное чувство лежит в основе религии. Религиозный дискурс, в совокупности речеактовых мероприятий, признает человеческое стремление к счастью и учитывает страхи каждого по поводу несправедливости, эксплуатации, объектом которой человек становится в земной жизни, болезней, смерти, потребности в защите. С помощью речевого воздействия в религиозном дискурсе, в самых мрачных тонах обрисовывается то, что угрожает людям, и предлагается выход.

Заключается он в соблюдении правил, законов, предписаний. В разных религиях общим являются ключевые слова: откровение, пророк, Священное Знание, проповедь, завет, заповедь, слово Бога, пророчество и т.д., что и является сводом предлагаемых правил, полученных человеком как откровение Божие, и, говорит о повышенном внимании к слову как к инструменту управления людьми, манипуляции ими, беспрепятственного достижения целей говорящего. Существуют различные лексико-фразеологические свидетельства слова как инструмента магии, это и неконвенциональное использование семиотики языка, отождествляемое значимое и означиваемое, и иррациональная трактовка законов природы [4].

Речевое воздействие осуществляется с целью надлома личности, лишения ее воли. Грамотно и логично построенные проповеди, красноречивые высказывания, оформленные в виде речевого выступления или же преподнесенные в текстовом варианте, не меняют сути идеи – завладеть сознанием индивидуумов, превратить людей в толпу, которая уже не способна логически размышлять, анализировать подаваемую информацию и поэтому воспринимает ее как верную априори. Легкость проникновения данной модели в сознание людей предопределяется психологизмом природы религиозного дискурса. Вера как психологическая установка обязывает безоговорочно верить и бездоказательно исповедовать ту или иную религию. С целью самосохранения религиозного порядка, как искусственной семиотической системы, утверждается запрет мыслить, исключаящий любой вопрос, возбраняются поиск и размышление. Навязываемый от имени религии свод правил и законов значительно сужает возможность самостоятельного выбора. На провозглашенные истины накладывается занавес тайны и любая попытка проникнуть в нее – запретна [5].

Наглядно-образное содержание религиозных обрядов сближает фидеистическое и эстетическое восприятия слов, обрядов, жестов, интерпретаций. Религиозная сакрализация письма с точки зрения психологии приводит к иррациональному восприятию религиозной речи, вызывая эстетические переживания.

Посредством речеактовых мероприятий сакрализованная речь провоцирует соответствующие абстрактно-логические ментальные репрезентации обществом ее мистического содержания. Система верований, основанная на таинственности, идее спасения души и искупления грехов, проникая в общество посредством психологических ассоциаций, становится сутью человеческой жизни, объединяет, держит вместе, позволяет мобилизовать толпу вплоть до требований самопожертвования.

Индивидууму навязывается ощущение ничтожности человеческих желаний и целей, вера в возвышенное и чудесный порядок. Между ними «заключен договор»: люди живут по сообщенным, полученным свыше, законам, надеясь на помощь и поддержку своего божества. В религиозном дискурсе определенные действия, ориентированные на приобщение человека к вере, убеждают человека в незначительности его существования, отсутствии самостоятельности, вводя его в состояние крайности. Крайним состоянием является когнитивная революция, которая в интерпретации Н. Хомского ...«относится к состояниям разума и тому, как они обуславливают поведение человека, особенно к когнитивным состояниям: знания, понимания, интерпретаций, верований и т.п.» [3].

Итак, проследив путь следования от эстетических переживаний до когнитивной революции, от мистификации до фасцинации, логично сделать вывод о том, религия – огромная власть. Власть над человеком, личностью, толпой. Инструментом получения власти является речевое воздействие, достигающее глубин сознания человека посредством самых сильных человеческих эмоций [9].

Среди основных причин успешного внедрения экстремизма следует назвать следующее. Нечеткий ценностный аппарат, пошатнувшаяся система поведенческих норм общества, нестабильность эмоционального фона современного человека создают благодатную почву для деятельности псевдо религиозных организаций. Человек, не получив

ответа на сложные вопросы бытия в «легальной» религии, начинает искать истину «на стороне». Сложившуюся ситуацию используют в своих интересах экстремистские организации, позиционирующие себя как религиозные. Теоретики экстремистских организаций охотно отвечают на накопившиеся вопросы.

Представители экстремистских религиозных организаций посредством речевого воздействия, построенного на манипулировании духовными ценностями и чувствами верующих, подстрекают людей к уходу в секты и способствуют приобретению ими ложных ориентиров, настраивают на агрессивное поведение. Е.Д. Короткина, обращаясь к проблеме экстремизма в молодежной среде, утверждает, что значительная часть аморальных поступков, совершаемых молодыми людьми, связана с их ориентацией на групповые нормы, которые вступают в противоречие с общественными [2].

На пути решения поставленной проблемы необходимо возрождать нравственный ценности общества, возможно, путем придания им формы закона.

Следовало бы также рассмотреть необходимость участия в законотворческой деятельности специалистов не только в области политики и юриспруденции, но психологии, социологии и других гуманитарных наук, с целью ориентации законодательных актов на правила социального взаимодействия общества. Учет психологических, социологических нюансов, может обеспечить: возрождение институтов контроля следования нормам морали и нравственности; ужесточение норм контроля в отношении интернет-ресурсов; рассмотрение вопроса введения цензуры в средствах массовой информации; декриминализация общественных поведенческих и речевых норм.

Безусловно, это лишь некоторые меры, необходимые для ограничения влияния экстремистских элементов на общество.

Список использованных источников:

1. Журавлев, А.Л. Нравственность в современной России / А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 413 с.
2. Короткина, Е.Д. К проблеме экстремизма в молодежной среде // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты / Е.Д. Короткина. Тверь, 2008. - С. 33-35
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: учебное пособие / Н.Б. Мечковская - М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
5. Московичи, С. Век толп / С. Московичи. - М.: Библиотека социальной психологии, 1998. – С. 159-166
6. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия: учебное издание. / И.А. Стернин – Воронеж: Истоки, 2012. - 178 с.
7. Трофимов, В.Д. Молодежь и религиозный экстремизм / В.Д. Трофимов. – Gorzow Wlkr: Roznan, 2011. – С 35- 43.
8. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд.- М., 1995. - 161 с.
9. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов / А. Эйнштейн. Т. IV. - М.: Наука, 1967. – С. 564-565

УДК: 343

Исхаков Эдуард Робертович

Доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики
Уфимского юридического института МВД России

E-mail: iskhakov1964@mail.ru

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ
ИСПОЛНЕНИЕ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В
РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Abstract. Estimated some aspects in Russian legislation which regulates criminal liability of medical workers for improper performance their professional obligations and specific features of medical activity for the use.

Keywords. Medical law, criminal liability, medical workers.

Различные аспекты законодательства в отношении ненадлежащего исполнения медицинскими работниками профессиональных обязанностей, в частности оказания медицинской помощи, рассматривались рядом авторов [1, с. 172; 2, с. 84].

Исследования Сазина С.Т. (2015) установили, что в настоящий момент подавляющее большинство дел против врачей органами СК РФ квалифицируется по ч. 2 ст. 109 УК РФ (Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей) [3, с. 279]. Разъясним, что «профессиональными обязанностями считается то, что врач призван соблюдать официальные (государственные) требования и стандарты, предъявляемые к врачебной деятельности».

Кроме того ответственность регламентируется п. «в» ч.2 ст. 238 УК РФ (Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни потребителей, повлекших по неосторожности смерть человека).

Вместе с тем Замалеева С.В. считает, что такие преступления как смерть или вред здоровью пациентов, совершенные медицинскими работниками при выполнении своих профессиональных обязанностей не могут квалифицироваться по статье 238 УК РФ [4, с. 46].

Может этим можно объяснить отсутствие логического завершения громкого скандала в Республиканской детской клинической больнице Республики Башкортостан (Россия), когда в эндокринологическом отделении в 2018 году был выдан родителям для лечения детей с диабетом просроченный инъекционный инсулин. Вовремя спохватившиеся родители, случайно заметившие подчистки на упаковках в местах указания сроков годности препаратов, забились тревогой и не стали проводить ими лечение своих детей для снижения уровня повышенного сахара крови.

Щепельков В.Ф. считает, что для того, чтобы вменить медицинскому сотруднику преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ, необходимо выявить нарушения требований по безопасности, а также обнаружить медицинских работников, кто решил и (или) дал указание проводить лечебно-диагностические (профилактические) мероприятия и при этом проигнорировал или нарушил требования безопасности. К таким работникам могут относиться главврачи или заведующие отделением, либо врачи или иные медицинские работники, те кто в административном порядке поручил (или дал команду) провести медицинскую манипуляцию с нарушением безопасности, например, медицинские работники, решившие применить для вакцинации или лечебно-диагностических мероприятий некачественные (фальсифицированные) лекарственные средства. В то же время медицинский персонал, не принимающий решение и не участвующий в его выработке, а лишь технически исполняющий свои функциональные обязанности, не может отвечать по ст. 238 УК РФ [5].

Здесь опять возникает парадокс. Например, врачу заведующий отделением поручил применить лекарство с прошедшим сроком годности, врач об этом знал, но стал его применять по указанию заведующего отделением, в случае ухудшения состояния больного данная статья к врачу не применяется.

Ответственность медицинских работников регламентируется также ч. 2 ст. 293 УК РФ (Халатность) – «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека». Через эту статью можно рассматривать проявление халатности со стороны медицинских работников. Ухтюмова Д.А. с соавторами (2017) считает халатность как деятельность, во время которой происходит пренебрежение к выполнению должностных обязанностей медицинскими персоналом, задействованным в проведении лечебно-диагностических мероприятий, при этом происходит причинение ущерба здоровью пациентов или преждевременное наступление летального исхода. К «обязанности любого должностного лица» она относит действия и алгоритмы поведения, которые предписываются ему различными нормами, указанными в законах, правилах, положениях, инструкциях или иных документах и регламентирующими его профессиональную деятельность [6, с. 551].

В нашей стране ответственность медицинских работников за ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей происходит, в том числе и в рамках уголовного права. Только при точном установлении фактов ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей следует утверждать о наличии оснований уголовной ответственности. При этом важное значение играет судебно-медицинская экспертиза. С учетом ее (но не абсолютизируя ее по мнению Галиева Б. Б.) можно установить прямую причинно-следственную связь между действиями (бездействиями) врачей (медицинских работников) и смертью (ухудшением состояния, неэффективностью лечения и т.д.) пациентов [7, с. 38].

В то же время отсутствуют инструкции, полностью охватывающие порядок действий врача при значительном ряде ситуаций и проявлений заболеваний. В ряде случаев отсутствуют законодательно утвержденные методики и стандарты диагностики и лечения отдельных патологий и их проявлений. Поэтому в случаях неблагоприятных исходов оказания медицинской помощи при определенных патологических состояниях затруднительно однозначно установить ответственность медицинских работников за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей. Тем не менее, уголовные дела возбуждаются и доходят до суда.

Таким примером может служить уголовное дело, по которому обвинялся анестезиолог одной из больниц Белгородской области в смерти пациентки вследствие летальных осложнений после пластической операции, которая проводилась под наркозом. Анестезиолог обвинялся по п «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ и ч. 1 ст. 238 УК РФ. Суд вынес анестезиологу оправдательный приговор, так как решил, что нет причинно-следственной связи между проведением наркоза анестезиологом и смертью больной. Судом был сделан вывод, что имеющееся редкое генетическое заболевание, которое невозможно выявить в условиях здравоохранения России, послужило причиной смертельного осложнения. Причем препаратов для успешного лечения проявившегося осложнения на территории России не имелось по причине отсутствия регистрационных разрешений на их применение. Процесс развития осложнений у пациентки при данном виде наркоза является малоизученным, так как имеет фармакогенетическую основу. По этой причине в России не существует утвержденных стандартов (клинических рекомендаций и протоколов лечения) такого смертельного осложнения как злокачественного гипертермического криза.

Таким образом, установлено наличие ряда нормативно-правовых актов, регламентирующих ответственность медицинских работников за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, и наличие специфики медицинской деятельности для их применения.

Список использованной литературы:

1. Горбунов С. В. Правовые вопросы ненадлежащего оказания высокотехнологичной медицинской помощи // Вестник ТИСБИ. 2014. № 2. С. 172–175;
2. Ковалевский С. М. Правовые проблемы защиты прав пациентов, пострадавших в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи // Здравоохранение. 2014. № 12. С. 84–95.
3. Сазин С.Т. Защита конституционных прав граждан при ненадлежащем оказании медицинской помощи (проблемы выявления и расследования ятрогенных преступлений) // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Всероссийской конференции. 2015. С. 279-284.
4. Замалева С. В. К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений по статье 238 Уголовного кодекса РФ // Медицинское право, 2019. №. С. 46–49.
5. Щепельков В.Ф., Оленников С.М., Скоробогатько Я.П. Анализ судебно-следственной практики применения статьи 238 УК РФ (Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) // Санкт-Петербургский государственный университет. Мониторинг правоприменения. 30.05.2018 (<http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-pravgrazhdan/item/427-analiz-sudebno-sledstvennoj-praktiki-primeneniya-stati-238-uk-rf-proizvodstvo-khranenie-perevozka-libo-sbyt-tovarov-i-produktsii-vypolnenie-rabot-ili-okazanie-uslug-ne-otvechayushchikh-trebovaniyam-bezopasnosti>) (дата обращения: 15.12.2019)
6. Утюмова Д. А., Бобровская О. Н. Правовые основы ответственности за халатность в системах здравоохранения Великобритании, Новой Зеландии и Российской Федерации // Медицинское право: теория и практика. 2017. Т. 3. № 2 (6). С 551–559.
7. Галиев Б. Б. Актуальные вопросы юридической оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018, № 2. С. 38–41.

УДК: 342.4

Лысенко Владлена

Доктор, доцент кафедры Публичного права Комратского госуниверситета
Республика Молдова, г. Комрат
E-mail: vlada.lisenco@gmail.com

Щукина Наталья

Доктор хабилитат, доцент кафедры Частного права Комратского госуниверситета
Республика Молдова, г. Комрат
E-mail: nataliashchukina@gmail.com

**ЦЕЛЬ ООН №3 В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: «ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И СОДЕЙСТВИЕ БЛАГОПОЛУЧИЮ ДЛЯ ВСЕХ В
ЛЮБОМ ВОЗРАСТЕ»**

Abstract. The article is devoted to one of the UN sustainable development goals related to ensuring a healthy lifestyle and promoting well-being for all. Special attention in the article is paid to the legal mechanisms for regulating the health sector. The article demonstrates the states'

mechanisms in achieving goal number 3, and also reveals the meaning and importance of sustainable development of state.

Keywords: sustainable development goals, millennium development goals, United Nations, healthy lifestyle, human well-being, international organizations.

Организация Объединенных Наций (далее по тексту – ООН) – это международная организация, основными задачами которой являются поддержание и сохранение международного мира и безопасности, а также сотрудничество различных государств мира по различным актуальным направлениям. В 2015 году ООН принял перечень приоритетный целей устойчивого развития, которые имеют первостепенное значение для всего мирового сообщества [12]. Данная практика была начата ещё в 2000 году, когда ООН разработала «Цели развития тысячелетия» [2].

Роль и значение комплексной программы целей устойчивого развития очень важна, поскольку объектом её направленности является решение не просто проблем, а глобальных проблем, существующих на планете на современном этапе.

Цель устойчивого развития № 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» актуальна в мировом сообществе постольку, поскольку вопросы поддержания и сохранения человеческого здоровья являлись насущными во все времена. Здоровый образ жизни тесно связан именно со здоровьем человека.

На данный момент времени многие страны мира испытывают демографический кризис, предполагающий естественную убыль населения, высокие показатели смертности и низкие показатели длительности жизни. Именно это и обуславливает необходимость обращения внимания на данную проблему и придания ей особенного значения. Основными подцелями цели устойчивого развития №3, которые планируются быть достигнутыми к 2030 году, являются: снижение глобального коэффициента материнской смертности; предотвращение смертности новорожденных и детей в возрасте до 5 лет; борьба с эпидемиями СПИДа, туберкулеза, малярии и тропических болезней, обеспечение борьбы с гепатитом, заболеваниями, передаваемыми через воду и другими инфекционными заболеваниями; улучшение профилактики и лечение зависимости от психоактивных веществ, в том числе злоупотребления наркотическими средствами и алкоголем; сокращение во всем мире число смертей и травм в результате дорожно-транспортных происшествий; сокращение количества случаев смерти и заболевания в результате воздействия опасных химических веществ и загрязнения и отравления воздуха, воды и почв; увеличение финансирования здравоохранения и профессиональная подготовка и удержание медицинских кадров в развивающихся и наименее развитых странах и малых островных развивающихся государствах. Перечень подцелей является достаточно широким, поскольку используется комплексный, организованный подход к проблеме, затрагиваемой в цели устойчивого развития № 3 [12].

Осознание важности поддержания и сохранения здорового образа жизни, а также благополучия для всех – характерно для многих неправительственных организаций. Так, например, к числу неправительственных организаций, занимающихся вопросами здравоохранения, медицинской помощи, репродуктивного здоровья являются: PATH (США), Medecins Sans Frontieres (Швейцария), Aravind Eye Care System (Индия), MERLIN (Великобритания), PLAN International (Великобритания), Marie Stopes International (Великобритания), Saude Crianca (Бразилия), Population and Community Development Association (Таиланд), International Medical Corps (США), Movember Foundation (Австралия), Free the Children (Канада), AMREF (Кения), Medic Mobile (США) и многие другие.

Также необходимо отметить, что существует и специализированное учреждение ООН - Всемирная организации здравоохранения. Она напрямую связана с разрешением глобальных

вопросов здравоохранения людей. История Всемирной организации здравоохранения берет свое начало ещё 7 апреля 1948 года, когда вступил в силу Устав Всемирной организации здравоохранения. Ежегодно эта дата празднуется как Всемирный день здоровья [6].

Согласно п. 1 и п. 4 Устава Всемирной организации здравоохранения, «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов», а также «достижения любого государства в области улучшения и охраны здоровья представляют ценность для всех» [9].

Среди широкого спектра международных актов, регулирующих вопросы обеспечения здоровья человека и его благополучия, можно выделить самые основные:

– *Всеобщая декларация прав человека* (ст. 25: «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, медицинский уход и социальное обслуживание, который необходим для поддержания благосостояния его самого и его семьи») [1].

– *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах* (п. 1 ст.12: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья») [5].

– *Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств* (п. 1 ст. 33: «Государства гарантируют право граждан на бесплатную медицинскую помощь в необходимых объемах, включая амбулаторно-поликлиническое обслуживание, в том числе визиты врача на дом, специализированное обслуживание в больницах, клиниках и вне стен этих учреждений») [10].

– *Соглашение о сотрудничестве в области охраны здоровья населения* (ст. 2: «Договаривающиеся Стороны не будут допускать действий, связанных с организацией медицинской помощи, введением и контролем исполнения санитарно-гигиенических нормативов, которые могут оказать неблагоприятное влияние на здоровье граждан других государств») [8].

– *Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации* («Миссия врача – охрана здоровья людей», «Здоровье пациента – мой главный долг») [11] и др.

Если говорить о мировых показателях по поводу их достижений в выполнении задач по третьей цели устойчивого развития, то по официальным данным, по состоянию на 2019 год, многими государствами уже были предприняты важнейшие меры в сферах:

1) увеличения продолжительности жизни и борьбы с распространенными причинами материнской и детской смертности – однако, для достижения цели снизить глобальный коэффициент материнской смертности до менее 70 случаев на 100 000 живорождений потребуется улучшить предоставление медицинских услуг в этой области;

2) уменьшения на треть преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения и поддержания психического здоровья и благополучия – однако, требует внедрения технологий по сокращению использования вредных веществ при приготовлении пищи и укрепления мер по борьбе с табакокурением;

3) полного искоренения широкого спектра заболеваний и решения многочисленных и разнообразных новых и застарелых проблем в области здравоохранения – однако, требуется гораздо больше усилий. Необходимо укрепить финансирование таких областей, как санитария и гигиена, доступ к медуслугам, что поможет спасти миллионы жизней [7].

В докладе ООН по Целям тысячелетия за 2015 год наглядно можно наблюдать показатели прогресса в области достижения вопросов, которые так или иначе связаны с третьей целью устойчивого развития ООН. Поэтому необходимо отметить, что на проблематике данных вопросов международное сообщество заострило свое внимание достаточно давно.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, международные организации, а, в частности, ООН, уделяет колоссальное значение сохранению здорового образа жизни и поддержанию благополучия человека в

любом возрасте не просто так. Двадцать первый век – это век высоких технологий, далеко не все из которых оказывают на человека исключительно положительное влияние. Напротив, вместе с высоким скачком развития технологических процессов, человек испытывает на себе многочисленные негативные последствия такого развития, в связи с чем особенно необходимо обращать внимание на вопросы здоровья и благополучия человека, жизнь которого ценна и хрупка.

Во-вторых, не смотря на то, что программа Целей устойчивого развития началась сравнительно недавно, многие государства-члены ООН уже успели достигнуть немало успехов по данному вопросу, что, несомненно, говорит о высоком интеллектуальном развитии государств и обширном понимании того, насколько важными являются проблемы преждевременной смертности, высокого коэффициента эпидемий СПИДа, туберкулеза, малярии и тропических болезней, а также увеличению финансирования области здравоохранения и не только.

Цели в области устойчивого развития являются своеобразным призывом к действию, исходящим от всех стран-участниц ООН, который нацелен на улучшение благосостояния и защиту всей планеты. Государства признают, что меры по ликвидации бедности должны приниматься параллельно усилиям по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбе с изменением климата и защите окружающей среды.

Список использованной литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, от 10 декабря 1948 года. https://www.un.org › documents › decl_conv › declarations
2. Декларация Тысячелетия ООН, принятая резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
3. Доклад ООН о Целях в области устойчивого развития за 2018 год. https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/The_Sustainable_Development_GoalsReport2018-RU.pdf
4. Доклад ООН по Целям развития Тысячелетия за 2015 год. <https://www.un.org › millenniumgoals › mdgreport> 2015
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1966 года. <https://www.un.org>
6. Официальный сайт Всемирной Организации Здравоохранения: <http://www.who.int/topics/sustainable-development-goals/targets/ru/> официальный сайт Организации Объединенных Наций: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/>
7. Соглашение о сотрудничестве в области охраны здоровья населения от 26 июня 1992 года. <http://docs.cntd.ru/document/8305803>
8. Устав Всемирной организации здравоохранения, принятый в Нью-Йорке, от 22 июля 1946 года. <http://docs.cntd.ru/document/901977493>
9. Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств, утв. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 г. <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1155307/>
10. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации, принятая 18-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г. www.sgmu.ru › sci › ethical › files
11. Цели устойчивого развития ООН. Электронный ресурс. Сайт ООН. <https://www.un.org/development/desa/ru/millennium-development-goals.html>

УДК 316.35:34(478)

Хорозов Сергей

Доктор социологии, преподаватель кафедры Частного права Комратского
госуниверситета

Республика Молдова, г. Комрат

horozovserghei@ya.ru

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕКТОРА НПО В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Abstract. The article analyzes the formation of the sector of non-governmental organizations, as well as the legislative framework existing in the Republic of Moldova in the field of their functioning. The possibility of introducing new law enforcement practices into the activities of non-governmental organizations is being studied. The conclusion is drawn on the need to improve the law enforcement practice of non-governmental organizations.

Keywords. Non-governmental organizations, legal framework, law enforcement practice, the third sector, actors of social policy, self-organization of the population, public associations.

Развитие гражданского общества имеет ключевое значение для основных ценностей демократии и плюрализма в государстве, а также для активного вовлечения граждан в процессы социального развития. Активность третьего сектора в различных социальных практиках даёт возможность в полной мере реализовать конституционные права граждан, в том числе право на свободу объединений и собраний, свободу слова и т.д. Таким образом, своей деятельностью гражданам предоставляется возможность способствовать успешному развитию и улучшению стандартов качества жизни.

Во введении к работе «К глобальному гражданскому обществу» известный учёный D. Dettke подчеркивал, что «..в условиях происходящих изменений после 1989 года в Центральной и Восточной Европе наиболее важной концепцией, которую Запад мог предложить странам с зародившейся демократией, была концепция гражданского общества. Рыночная экономика может быть без демократии - отмечал автор, - но немыслимо, чтобы демократия существовала без институтов гражданского общества: общественных объединений, религиозных организаций, политических партий и общественных движений, групп давления, свободной прессы и независимых судебных институтов» [9, с. 8].

Возрождение интереса к гражданскому обществу, как социальному феномену, связано, прежде всего, с теми социально-политическими потрясениями, которые совершенно изменили как географический ландшафт, так и общественный строй во многих странах Европы.

В содержание понятия гражданского общества входят общественные объединения, которые выступают как определяющие компоненты характеристики этого общества. Если граждане могут свободно выражать свое мнение и создавать различные объединения, то такое качественное состояние общества может именоваться гражданским обществом. Мы согласны с мнением А. Сунгурова, который, говоря о неправительственных организациях, отмечал, что они могут рассматриваться как ядро, основная часть гражданского общества потому, что в этом сообществе в наибольшей степени сохранился сегодня приоритет моральных ценностей.[10, с. 173-209].

ООН определяет НПО следующим образом: «Неправительственной организацией (НПО) является любой добровольный некоммерческий союз граждан, организованный на местном, государственном или международном уровне» [212]. Основные характеристики общественных объединений, закреплённые в молдавском законодательстве, совпадают с их характеристиками в международных актах. Поскольку в международных правовых актах

используется термин „неправительственные организации” (ст. 71 Устава ООН) [1], а молдавское законодательство о неправительственных организациях основывается на этих основополагающих принципах, в данном исследовании нами используется термин „неправительственные организации” (НПО). Согласно закону РМ «Об общественных объединениях» №324 от 23.12. 2013 г. «Общественным объединением является некоммерческая, независимая от органов публичной власти организация, добровольно созданная не менее чем двумя физическими и/или юридическими лицами (общественными объединениями), объединёнными общностью интересов в целях реализации законных прав в соответствии с законом” [3]. Это определение неправительственных организаций взято нами за основу в данной исследовательской работе.

Становление и развитие неправительственных организаций в Молдове предопределено всем комплексом политических, социально-экономических условий и перемен в стране. На каждом этапе развития молдавского общества появляются всё новые проблемы, решение которых невозможно без широкого участия общественности. Для того, чтобы лучше понять сущность и роль современных неправительственных организаций в реализации социальной политики Молдовы, необходимо изучить процесс их становления и развития.

Формирование и развитие третьего сектора в современном смысле этого слова стало возможным только после провозглашения в 1991г. независимости Республики Молдова, когда по инициативе граждан, на основе свободного волеизлияния людей, стали создаваться первые общественные объединения. Именно эти движения и их организации (получившие официальное название «неправительственные») представляют собой первые ячейки формирующегося гражданского общества Молдовы. Они стали теми социальными акторами, которые стремились участвовать в процессе принятия и реализации общественно значимых решений, содействуя этим развитию социальной политики в нашей стране.

Причины интенсификации самоорганизации населения Республики Молдова в форме неправительственных организаций следующие: Во-первых, государство перестало выступать гарантом минимального обеспечения жизни своих граждан, объявив, что в рамках формирующихся рыночных отношений каждый сам должен найти себе место работы с соответствующим своим запросам вознаграждением. Кроме того, складывалась иная политическая система, которая предоставляла более широкие возможности для социальных акторов в сфере политики. Тем более, что и самим политическим институтам для реализации намеченных преобразований была необходима поддержка общества в социальной сфере. Во-вторых, уже имелся предыдущий опыт участия в общественных организациях, хотя в большинстве случаев они были созданы государством и его структурами. К таким организациям относятся профсоюзы, в которых состояло практически все население, объединения по профессиональному признаку – союзы журналистов, писателей, художников, архитекторов и другие сообщества специалистов; несколько добровольных обществ, например, ВООП, ДОСААФ, Общество Красного Креста и Красного Полумесяца и т.п. Но были и такие общественные объединения, создание которых инициировалось снизу (студенческие дружины, различные комитеты), действовавшие открыто и легитимно.

В Молдове в ранние годы независимости и на протяжении 1990-х гг. появилось множество неправительственных организаций. Молдавский сектор неправительственных организаций особенно активно развивался во второй половине 1990-х гг., в значительной мере благодаря знакомству с международным опытом и взаимодействию с партнёрами из других стран. С начала 90-х годов неправительственные организации Молдовы стали получать информационную и финансовую помощь со стороны западных фондов, которая оказывалась в виде грантовой помощи и обучающих семинаров для сотрудников неправительственных организаций. Принятие нового закона Республики Молдова «Об общественных объединениях» в 1996 г. весьма способствовало этому процессу [3]. Все это

создало условия для вовлечения в процесс самоорганизации широких слоёв населения молодого государства.

Появлению нового игрока социальной политики во многом способствовало развитие законодательства, регулирующего деятельность неправительственных организаций.

В Молдове с 1990 года был принят ряд нормативно-правовых актов в этой области, среди которых необходимо отметить отмеченный нами выше Закон РМ «Об общественных объединениях» 1996г. [3], который пришёл на смену Закону от 1990 г. Он регулирует наиболее важные стороны функционирования общественных объединений - права, обязанности, порядок регистрации и деятельности, статус общественной полезности и др.

Принятие Гражданского Кодекса Молдовы в 2002 году также положительно сказалось на качестве правового регулирования деятельности отечественных неправительственных организаций [2]. Согласно Гражданскому Кодексу Молдовы, НПО наделяются правом заниматься коммерческой деятельностью непосредственно или через дочерние предприятия, но без права извлечения прибыли.

Закон РМ «О волонтерстве», принятый 18 июня 2010 года[5], регулирует формальные отношения между принимающими организациями (государственными и частными) и волонтерами. В нём предусмотрены права и обязанности каждой из сторон и стимулы для волонтеров, такие, например, как студенческие кредиты и другие социальные преимущества.

В законе «О социальных услугах» признаётся за неправительственными организациями право выполнять государственные заказы на оказание социальной помощи на национальном и местном уровнях. Методические Инструкции об особенностях бухгалтерского учёта для некоммерческих организаций включают в себя рекомендации для некоммерческих организаций по осуществлению финансовой отчётности для отечественных неправительственных организаций [7].

Упрочению сотрудничества НПО и государства в лице центральных и местных органов власти способствует принятый правительством осенью 2011 года новый закон «О центральном отраслевом публичном управлении»[6]. Согласно этому закону, все министерства обязаны сотрудничать с неправительственными организациями и обеспечивать доступ к информации, тем самым способствуя прозрачности в процессе принятия решений государственными учреждениями.

В июле 2012 года был изменён Налоговый кодекс РМ. В него включены изменения в налог на прибыль, которые распространяются на все некоммерческие организации (ранее эти преимущества были доступны только для организаций с общественным статусом полезности). Но, в соответствии с требованиями Налогового кодекса, процедура получения освобождения неправительственных организаций от налога на прибыль несколько сложна: необходимо отправить запрос, утверждённый Министерством финансов, в местные подразделения налоговых органов и только потом получить освобождение.

В сентябре 2012 года парламент принял «Стратегию развития гражданского общества на 2012-2015 гг.», а также План по её реализации. Далее 23.03.2018 был принят **Закон РМ** № 51, который Стратегии развития гражданского общества на 2018–2020 годы и Плана действий по реализации Стратегии развития гражданского общества на 2018–2020 годы (далее – Стратегия) отражает обязательство Республики Молдова систематически укреплять условия для динамичного развития гражданского общества. Основанная на принципах взаимного доверия, партнерства, прозрачности, участия, отсутствия политической приверженности, Стратегия продолжает усилия, начатые в рамках предыдущих стратегий развития гражданского общества (на 2009–2011 годы и на 2012–2015 годы), и ориентируется на те же приоритеты.[8]

Стратегия разработана на основе участия межотраслевой рабочей группой (разделенной на три рабочие подгруппы, согласно трем общим задачам Стратегии),

созданной на основе Распоряжения Председателя Парламента DDP/C-1 № 9 от 25 ноября 2016 года и состоящей из представителей гражданского общества, Правительства и Парламента при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID), предоставленная в рамках Программы «Партнерство для устойчивого гражданского общества в Молдове (MPSCS)», внедренной FHI 360 и Европейским центром некоммерческого права (ECNL).

Стратегия - важный шаг в создании благоприятных условий для развития третьего сектора: она призвана внести вклад в развитие неправительственных организаций как актора социальной политики. Стратегия была разработана с привлечением широкого круга заинтересованных лиц, в том числе парламента, ключевых представителей министерств, Государственной канцелярии и неправительственных организаций. Она предполагает конкретные шаги для завершения правовых реформ, которые уже начаты в Молдове. Важно, что Стратегия сопровождается подробным Планом действий, в котором определены сроки, ответственные лица, источники финансирования и т.д. План реализации Стратегии включает в себя четыреста основных компонентов, сгруппированных в несколько этапов. Среди них назовём те, которые относятся к работе неправительственных организаций. Первый из них посвящён активизации сотрудничества с гражданами и частным сектором. В ходе второго этапа должен появиться механизм непосредственного участия неправительственных организаций в социальной политике. Третий этап позволит проводить финансирование неправительственных организаций из государственных средств по примеру европейских стран. Четвёртый этап направлен на продвижение и популяризацию партнёрства государства и неправительственных организаций.

Стоит ещё отметить, что в Молдове в 2008 году был создан Национальный Совет НПО, представляющий интересы более 100 неправительственных организаций в различных государственных инстанциях. В 2013 году при Министерстве труда, социальной защиты и семьи был создан Национальный совет по аккредитации поставщиков социальных услуг для разработки механизма реализации закона Молдовы «Об аккредитации поставщиков социальных услуг» [8].

В помощь функционирующим НПО и другим акторам социальной политики с 2009 года начал функционировать электронный Регистр неправительственных организаций, размещённый на сайте Министерства юстиции РМ в рамках программы ПРООН. За финансовой деятельностью НПО в Молдове следит Управление некоммерческих организаций Министерства юстиции.

Таким образом, молдавское государство делает позитивные шаги по совершенствованию законодательной базы неправительственных организаций, что подтверждают и зарубежные эксперты. Они отмечают, что Молдова добилась наибольшего прогресса из всех стран Восточного партнёрства на пути принятия европейских стандартов, несмотря на некоторую критику медленного осуществления реформ, в частности тех, которые касаются судебной системы и борьбы с коррупцией. Молдавские неправительственные организации, по их мнению, демонстрируют прогресс в области осуществления правовых реформ, улучшения ситуации в проблеме внутреннего финансирования.

Список использованной литературы:

1. Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. (Молдова 1992г.).
2. Гражданский Кодекс Республика Молдова от 6.06.2002 г. N1107. В: Monitorul Oficial P. Молдова N 82-86 от 22.06.2002.
3. Закон Республики Молдова от 17 мая 1996 года «Об общественных объединениях» в редакции от 23.12.2013 г. №324». В: Monitorul Oficial Nr. 153-156BIS.
4. Закон Республики Молдова от 4 мая 2012 года №98 «О центральном отраслевом

- публичном управлении». В: Monitorul Oficial Nr. 160-164.
5. Закон Республики Молдова от 18 июня 2010 года №123 «О социальных услугах». В: Monitorul Oficial Nr. 155-158.
 6. Закон Республики Молдова от 8 июня 2012 года № 129 «Об аккредитации поставщиков социальных услуг». В: Monitorul Oficial Nr. 181-184.
 7. Закон РМ №121 «О волонтерстве» от 18 июня 2010 г. В: Monitorul Oficial Nr. 179-181 от 24.09.2010.
 8. Закон Nr. 51 от 23.03.2018 «Об утверждении Стратегии развития гражданского общества на 2012–2015 годы и Плана действий по внедрению Стратегии». В: Monitorul Oficial. Nr. 157-166 от 18.05.2018.
 9. Dettke D. F. Global Civil Society, New York: Berghahn Books 1999, 240 p.
 10. Сунгуров А. Структуры гражданского общества и становление института Уполномоченного по правам человека в Российских регионах. Гражданское общество и его структура. Режим доступа URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sung.htm> [посещение 05.10. 2014]

УДК: 3

Москаленко Максим Русланович
кандидат истор. наук, доцент,
Филиал УдГУ в г. Нижняя Тура, Россия
E-mail: max.rus.76@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ

Abstract. The paper considers the issues of studying socio-political forecasting in the teaching of a number of humanitarian disciplines (history, political science, sociology, etc.) in the preparation of students in managerial specialties. The theoretical aspects of socio-political forecasting are studied, the knowledge of which is necessary for state and municipal employees and managers at various levels to improve work efficiency.

Keywords: socio-political forecasting, managerial training, quality of education

Для улучшения подготовки учащихся управленческих специальностей (таких направлений, как «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление») важным является их знакомство с основами социально-политического прогнозирования. Навыки анализа тенденций социально-политических изменений, умение отличить научно обоснованный прогноз от околонуточных и публицистических высказываний и рассуждений (часто политически ангажированных и используемых в пропаганде для манипуляции массовым сознанием) очень важны для подготовки будущих управленцев. Отметим, что грамотный прогноз, основанный на анализе тенденций развития той или иной сферы общественной жизни, способствует адекватной постановке задач и целей ее развития, эффективному распределению ресурсов. Поэтому в курсах истории, социологии, политологии, а также ряда других гуманитарных дисциплин важно объяснять студентам основные тенденции общественно-политических изменений, обучать их грамотному анализу, и так или иначе затрагивать вопросы социально-политического прогнозирования.

На занятиях в лекционном материале для учащихся следует подчеркнуть, что государство – это сложная система, развитие которой зависит от совокупности самых разнородных факторов и тенденций: сложившиеся в данном конкретном обществе формы социально-политических институтов и их взаимодействие (что само по себе требует

достаточно сложного анализа), исторические традиции отношения власти и общества, менталитет населения, расстановка политических сил, уровень социально-экономического развития, место в системе международного разделения труда, внешнеполитическое положение и множество других. Эти обстоятельства создают достаточно сложную систему детерминированности развития страны, и ограничивают возможность политических альтернатив, поскольку для перехода к определенным вариантам будущего у системы просто нет ресурсов. Другими словами, диапазон социально-политических изменений ограничен: например, во 2-й пол. XX в. сложно было ожидать, что в значительной части незападных сообществ, для которых характерна модель «догоняющей» модернизации с сильными традициями этатизма, достаточно безболезненно и быстро возникнет классическое правовое государство и гражданское общество «атлантической» модели: слишком различные исторические пути и условия существования у данных групп стран.

Ряд исследователей отмечает, что будущее вполне допустимо рассматривать как реальный объект для исследования; так, Г.Г. Почепцов полагает, что будущее «как объект не достаточно четко определено, однако такая нечеткость связана не только со свойствами самого этого объекта, сколько с недостаточно разработанным инструментарием по работе с ним» [1, с.132].

Следует отметить, что в отечественной науке во времена СССР, с 1970-х гг., сложилась своеобразная ситуация с прогнозированием. С одной стороны, велись разработки философских, теоретических основ социально-политического прогнозирования (хотя преобладали, естественно, социально-экономические прогнозы, которые ложились в основу пятилетних планов развития народного хозяйства страны). С другой – конкретных прогнозов как таковых не было, практически не разрабатывались концептуальные проекты альтернативных сценариев будущего развития социально-политической системы Советского Союза. Теория была идеологизирована, основным методологическим положением было признание прогрессивности социалистической системы и ее преимущества перед капиталистической. По умолчанию предполагалось сохранение однопартийной системы и коммунистической идеологии как всего стержня государственности. Это затрудняло выработку адекватной методологии анализа процессов, происходящих в советском обществе. Наблюдение за тенденциями развития общества показывало как позитивные моменты, так и нарастание ряда кризисных явлений, предвидеть усиление которых считалось антисоветской пропагандой, и которые замалчивались под идеологической ширмой теории общества «развитого социализма» и строительства коммунизма. Тем не менее, издавался достаточно широкий ассортимент литературы о прогнозировании, в который входили и критика западной футурологии, и разработка методологических проблем прогнозирования, и обоснования грядущего кризиса капитализма в рамках философии научного коммунизма. Можно сказать, что Советский Союз жил будущим, образ которого рисовался как триумф научно-технического прогресса и социалистической системы.

Можно также подчеркнуть, что своеобразное и очень сильное влияние на прогностику оказал такой литературный жанр, как научная фантастика. Произведения таких мировых и советских классиков, как Ж. Верн, Г. Уэллс, А. Азимов, А. Беляев, А. и Б. Стругацкие, И. Ефремов, К. Булычев и многих других предсказывали с поразительной точностью многие изобретения и стимулировали интерес к исследованию будущего.

В период позднего СССР (1985-1991 гг.), когда советская система сначала из стабильного состояния перешла в кризисное, произошли изменения и в прогностике. Теория прогнозирования отказалась от методологического положения научного коммунизма, возник интерес к произведениям западных футурологов, советских диссидентов и мыслителей русского зарубежья (из которых следует отметить, прежде всего, И.А. Ильина [2] и Г.П. Федотова [3], которым в какой-то степени удалось предсказать возможный распад СССР еще в работах 1940-50-х гг.). В 1990-е гг. в связи с распадом советской системы и становлением

новой российской государственности исследование ее динамики, изучение различных проектов устройства страны, факторов их реализации или нереализации приобрело большую актуальность.

В настоящее время в научной литературе изучаются методологические основы прогнозирования социально-политических процессов, возможные альтернативные пути развития, как России, так и современной цивилизации в целом. Большую популярность приобрел синергетический подход к построению прогнозов, в основе которого лежат три главных принципа: открытый характер моделируемых систем, учет нелинейности и когерентности. Это позволяет рассматривать развитие социальных систем как свободное пространство альтернативных сценариев, между которыми возможен осознанный выбор. С другой стороны, данное пространство альтернативных сценариев ограничено закономерностями социокультурной преемственности, которые резко «сужают» круг альтернатив и делают принципиально возможным предсказание основных тенденций и трендов. Отсюда вытекает и одна из основных задач прогноза – определить границу области реальных, достижимых целей в различных условиях будущего развития системы. Цели общественной системы многозначны, противоречивы и изменчивы. Кроме того, основной особенностью познания общества является неполная наблюдаемость процессов его функционирования. Многие процессы вообще не поддаются прямому наблюдению, и о них можно судить только косвенно. Существуют политические события, причинно-следственная связь, которых лежит в сочетании целого ряда тенденций, некоторые из которых имеют многовековую основу, а также действия такого фактора, как историческая случайность. Из этого следует, что единичные события не могут быть предметом прогноза, а предсказуемы только общие свойства и закономерности. Точный прогноз невозможен, прогнозировать можно только область возможных состояний.

Подобная непредсказуемость во многом обусловлена синергическими эффектами в развитии культуры и общества. Очень хорошо это показал Ю.М. Лотман в работе «Культура и взрыв», отмечая непредсказуемость развития культуры: «Культура как сложное целое состоит из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других... Будущее предстает как пространство возможных состояний» [4, с.21]. Кроме того, следует различать реальную и формальную возможности. Реальная возможность – это та, для реализации которой имеются исторические, социальные, экономические условия; формальная – для которой таких условий нет. Даже при ретроспективном анализе, не говоря уже о построении прогнозов, бывает непросто отличить реальную возможность от формальной. Так, до сих пор в обществе ведутся дискуссии по поводу ряда исторических альтернатив: была ли у России возможность избежать революционных потрясений 1917 г.? Могла ли «перестройка» проходить по менее разрушительному сценарию? Анализ этих и других исторических альтернатив очень важен для анализа тенденций развития общества и построения социально-политических прогнозов.

Изучение на занятиях по истории, политологии, социологии данных аспектов и всего комплекса вопросов, связанных с социально-политическим прогнозированием, очень важно для формирования как профессиональных, так и общекультурных компетенций будущих государственных и муниципальных служащих и менеджеров. Умение анализировать тенденции и сценарии социально-политического развития будет способствовать росту качества их профессиональной подготовки и эффективности работы.

Библиография:

1. Почепцов Г.Г. Стратегия: инструментарий по управлению будущим. М.: Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2005. 384 с.

2. Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. Совместное издание Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс. Джорданвил, Н. Й. США, 1991. 367 с.
3. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х т. СПб.: София, 1991.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

УДК: 352.07

Кристева Наталия,

Доктор, доцент кафедры Публичного права Комратского госуниверситета
Республика Молдова, г. Комрат

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Abstract. This article is devoted to the problem of differentiation of powers and competences between local public authorities of the first and second levels, as well as between the National Assembly of Gagauziya and the Executive Committee of Gagauziya in the field of education. Local public authorities do not have sufficient powers in the educational field, although both children and their parents live in the administrative-territorial units managed by local authorities. Therefore, they should be given their own exclusive powers in resolving the issues of local importance in the field of education.

Keywords: local public administration authorities, education, authority, competences, special regulation, Code, law.

Современное общество все яснее осознает возрастающую роль образования в дальнейшем развитии государства, а система образования начинает восприниматься в качестве важнейшего фактора технологического и социально-экономического развития. В этой связи вопросы организации предоставления образовательных услуг населению имеют крайне важное значение.

Можно поддержать мнение М. С. Братановской о том, что в процессе реализации эффективной образовательной политики должны принимать участие все граждане, семьи, родительская общественность, институты государственной власти, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты, а также органы местного самоуправления[6, С. 70–73]. Поскольку наиболее близкой к населению является местная власть, на нее возложен комплекс полномочий в образовательной сфере. Реализация полномочий в сфере образования органами местного публичного управления должна составлять приоритетное направление деятельности местных органов публичной власти нашей страны.

На сегодняшний день в Республике Молдова (далее РМ) сформирована нормативно-правовая база реализации компетенций органов местного публичного управления в образовательной сфере. К нормативно-правовым актам относятся следующие: ст. 35 Конституции РМ [1], Кодекс об образовании РМ [2] и другие. Положения данных законов находят детализацию в Постановлениях Правительства РМ, приказах Министерства образования, культуры и исследований РМ (далее МОКиИ).

Прежде чем перейти к анализу полномочий органов местного публичного управления (далее ОМПУ в сфере образования, остановимся на полномочиях Центральных органов публичного управления в указанной сфере. В соответствии со ст. 139 [2], Правительство РМ утверждает государственную политику в области образования, организует разработку проектов законодательных актов в области образования, утверждает их и представляет Парламенту для рассмотрения и принятия, принимает нормативные акты по выполнению

положений законодательства в области образования и обеспечению приоритетности образования, на основе предложений МОКиИ РМ, других центральных административных органов и публичных учреждений принимает решения о создании, реорганизации или ликвидации публичных учреждений специального, профессионально-технического, высшего и непрерывного образования, утверждает план (государственный заказ) подготовки кадров специалистов с финансированием из государственного бюджета по профессиям, специальностям и общим направлениям в учреждениях профессионально-технического и высшего образования, утверждает нормативы времени и затрат по организации и проведению выпускных экзаменов за курс гимназического и лицейского образования, а также итогового оценивания в начальном образовании, утверждает условия оплаты труда персонала образовательных учреждений, функционирующих на принципах финансово-экономического самоуправления.

МОКиИ РМ, на основании ст. 140 Кодекса об образовании[2], разрабатывает и проводит государственную политику в области образования и исследований в сфере высшего образования, разрабатывает проекты законодательных и иных нормативных актов в области образования и исследований в сфере высшего образования и осуществляет государственный контроль за их исполнением, осуществляет руководство, мониторинг и оценку национальной системы образования, включая исследования в сфере высшего образования, выполняет оценку и анализ показателей экономической эффективности и производительности национальной системы образования и размещает соответствующие данные на официальной веб-странице министерства, разрабатывает и утверждает государственные образовательные стандарты, Национальный куррикулум и осуществляет посредством уполномоченных структур контроль за их реализацией, утверждает процедуры оценки педагогических и руководящих кадров образования в целях присвоения им или подтверждения ими педагогических и управленческих степеней и обеспечивает контроль за соблюдением этих процедур, управляет национальными программами и проектами и организует государственные закупки имущества, работ и услуг для образовательного сектора в рамках национальных программ, утверждает учебные пособия и учебные материалы, используемые в системе образования, разрабатывает и утверждает стандартный пакет образовательных услуг для обязательного образования.

Сотрудничая с органами центрального и местного публичного управления МОКиИ РМ разрабатывает и публикует отраслевую стратегию расходов на среднесрочный период на национальную систему образования и участвует в разработке отраслевых стратегий расходов для области исследований в сфере высшего образования, обеспечивает распределение предельных секторальных расходов в области образования по бюджетам—компонентам национального публичного бюджета и по центральным органам публичного управления, в том числе оценивает размер трансфертов специального назначения из государственного бюджета местным бюджетам, разрабатывает предложения к проекту государственного бюджета, основанные на программах, для подведомственных образовательных и исследовательских учреждений и представляет отчеты об исполнении бюджета, в том числе о результативности программ расходов в области своей компетенции, а также участвует в их аргументировании и продвижении, разрабатывает, по согласованию с заинтересованными органами власти, и утверждает нормы персонала, нормы труда и финансирования национальной системы образования.

МОКИ координирует и осуществляет мониторинг финансовой деятельности подведомственных публичных образовательных учреждений, формулирует и представляет Правительству предложения по совершенствованию оплаты труда педагогического персонала и других категорий кадров системы образования, координирует деятельность по начальному и непрерывному образованию педагогических и руководящих кадров в сфере образования, принимает на работу на конкурсной основе и увольняет директоров публичных

учреждений специального и профессионально-технического образования, а также директоров других подведомственных публичных образовательных учреждений, направляет органам местного публичного управления аргументированные предложения о приостановлении трудовых отношений с отдельными руководителями отраслевых местных органов в области образования или отдельными директорами образовательных учреждений и другие полномочия.

В соответствии со ст. 142 Кодекса об образовании РМ [2], органы местного публичного управления первого уровня содействуют соблюдению законодательства в области образования на подведомственной территории. В пределах установленных законодательством компетенций осуществляют руководство, мониторинг и содействуют оценке образовательных учреждений, обеспечивают сотрудничество между образовательными учреждениями, учредителями которых являются. ОМПУ первого уровня предоставлено право участвовать в финансировании и развитии материальной базы образовательных учреждений на подведомственной территории.

Местные власти сел, коммун, городов и муниципиев обеспечивают надлежащие условия работы для персонала образовательных учреждений, учредителями которых являются, и условия содержания – для детей, поддерживают и поощряют деятельность по непрерывной профессиональной подготовке педагогических кадров, определяют при необходимости округа дошкольных образовательных учреждений, учредителями которых являются, и обеспечивают совместно с родителями охват детей дошкольного возраста преддошкольными и дошкольными образовательными учреждениями.

ОМПУ первого уровня принимают решения по оптимизации и развитию сети образовательных учреждений, учредителями которых являются, принимают на работу и увольняют руководящий персонал образовательных учреждений, учредителями которых являются.

Статья 141 Кодекса об образовании РМ [2] определяет полномочия органов местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия в области образования, которые в пределах установленных законодательством компетенций обеспечивают соблюдение законодательства в области образования на подведомственной территории, осуществляют руководство, мониторинг и оценку образовательных учреждений, учредителями которых являются, обеспечивают сотрудничество образовательных учреждений, учредителями которых являются, с Министерством образования, культуры и исследований.

На основе показателей эффективности, экономичности и производительности обеспечивают эффективное функционирование сети общеобразовательных учреждений, учредителями которых являются, могут участвовать в финансировании и развитии материальной базы образовательных учреждений на подведомственной территории.

Органы местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия обеспечивают надлежащие условия работы для педагогического персонала и учебы – для учащихся, поддерживают и поощряют деятельность по непрерывной профессиональной подготовке педагогических кадров, поддерживают и поощряют участие учащихся в школьных конкурсах и олимпиадах, обеспечивают совместно с родителями охват образованием детей в возрасте от 6(7) до 18 лет.

На основе показателей эффективности, экономичности и производительности принимают решения по оптимизации и развитию сети образовательных учреждений на подведомственной территории, определяют школьные округа созданных ими общеобразовательных учреждений, осуществляют мониторинг деятельности частных образовательных учреждений на подведомственной территории.

Также ОМПУ второго уровня и АТО Гагаузия обеспечивают бесплатный проезд учащихся и педагогических работников в образовательные учреждения/из образовательных

учреждений сельской местности на расстояния, превышающие 2 километра, содействуют трудоустройству выпускников-сирот.

Органы местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия обеспечивают функционирование образовательных учреждений, принимают на работу и увольняют руководящий персонал образовательных учреждений, которых являются учредителями которых являются.

Органы местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия разрабатывают и представляют МОКиИ РМ годовой отчет о состоянии дел в образовании на подведомственной территории и публикуют его на своей официальной веб-странице. Методология разработки и публикации отчета устанавливается МОКиИ.

Анализ указанных в Кодексе об образовании полномочий органов местного публичного управления первого и второго уровня АТО Гагаузия позволяет сделать вывод о нечетком разграничении полномочий и компетенций в сфере образования между ними.

Качество государственного и публичного управления в масштабе государства в целом и составляющих его системах является прямым отражением избранного подхода к разграничению предметов ведения и полномочий. Как известно, прошедший в несколько этапов в РМ процесс разграничения предметов ведения и полномочий оказался достаточно трудным, не всегда последовательным, а в ряде случаев - достаточно противоречивым. Конечно, нельзя не учитывать, что разграничение полномочий представляет собой перманентный, к тому же постоянно эволюционирующий процесс, идущий в унисон с динамикой развития внутригосударственных отношений, а не единовременную акцию (появляются новые полномочия или перестают быть актуальными действующие, идет реструктуризация и затем перераспределение существующих полномочий и т.д.).

При определении полномочий органов центральной и местной публичной власти, а также ОМПУ первого и второго уровня, АТО Гагаузия, в законодательстве в настоящее время не всегда выдерживается единый способ их закрепления. В результате подчас бывает достаточно сложно определить, какое это полномочие - собственное, переданное им в порядке наделения, или полномочие, в осуществлении которого могут участвовать региональные или местные органы публичной власти. Как следствие, в законодательстве также не всегда имеется четкость в закреплении полномочий: полномочия нередко определяются суммарно, без их группировки на виды. В частности, за ОМПУ первого и второго уровня и АТО Гагаузия закреплены полномочия по обеспечению соблюдения законодательства в области образования на подведомственной территории, возможности участия в финансировании и развитии материальной базы образовательных учреждений на подведомственной территории, поддержке и поощрении деятельности по непрерывной профессиональной подготовке педагогических кадров и другие. Указанные законодательные формулировки приводят к институциональным проблемам уже на уровне правоприменения, когда важно, чтобы все полномочия органов центральной и местной публичной власти, АТО Гагаузия были четко идентифицированы, прежде всего, в зависимости от порядка их финансирования, контроля за реализацией, а также ответственности за их выполнение.

Особый акцент необходимо сделать на разграничении полномочий между органами публичного управления в АТО Гагаузии. Необходимо отметить, что в соответствии со ст.7 Закона РМ «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» № 344-ХІІІ от 23.12.1994 г.[3] «Представительным органом Гагаузии является Народное Собрание, обладающее правом принятия нормативных актов в пределах своей компетенции». п. а, ч.2 ст.12 Закона об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери) Народное Собрание принимает местные законы в области науки, культуры, образования.

Наряду с этим важно подчеркнуть, что согласно ч. (1) ст.16 Закона РМ «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» № 344-ХІІІ от 23.12. 1994 г. постоянно действующим исполнительным органом Гагаузии является Исполнительный

комитет. Исполнительный комитет Гагаузии, в соответствии с ч.1, ст.17 Закона[3] обеспечивает исполнение и соблюдение Конституции и законов РМ, а также нормативных актов Народного Собрания, участие деятельности органов центрального отраслевого публичного управления РМ по вопросам, касающимся интересов Гагаузии, разработку и реализацию программ в области образования, культуры, здравоохранения, физической культуры и спорта, социального обеспечения, а также охраны и использования памятников истории и культуры, функционирования и развития национальных языков и культур на территории Гагаузии.

Однако, Кодекс об образовании РМ не проводит разграничений между органами публичной власти АТО Гагаузия, что значительно осложняет организацию и функционирование системы образования в Автономии, разграничение правовых отношений, связанных с планированием, организацией, функционированием и развитием системы образования.

Попытка урегулировать отношения в сфере образования в части, не регулируемой нормами национального законодательства, была предпринята в 2016 году, когда Народное Собрание Гагаузии приняло Закон АТО Гагаузии об образовании, представленный Исполнительным Комитетом Гагаузии в качестве законодательной инициативы.

Закон АТО Гагаузии Об образовании №68 от 28.04.2016г. устанавливал основы системы образования Гагаузии, полномочия органов публичной власти в сфере образования, разграничивая полномочия Народного Собрания Гагаузии, Исполнительного Комитета Гагаузии, Главного управления образования Гагаузии, Главного управления культуры Гагаузии, Главного управления молодежи и спорта Гагаузии, органов местного публичного управления первого уровня и другие вопросы.

Тем не менее, МОКиИ РМ обратилось с иском в судебные инстанции с требованием аннулировать принятый закон как незаконный по существу, вынесенным с нарушением компетенции и процедуры. В итоге рассмотрений судебными инстанциями было аннулировано Постановление Народного Собрания Гагаузии №474 от 28.04.2016г., которым был утвержден Закон об образовании АТО Гагаузии №68 от 28.04.2016г.

В соответствии с требованиями Конституции РМ, отраженными в ст.111[1] – Гагаузия это автономно-территориальное образование с особым статусом как форма самоопределения гагаузов, являющееся составной и неотъемлемой частью РМ, которое самостоятельно, в пределах своей компетенции, в соответствии с положениями Конституции РМ, решает вопросы политического, экономического и культурного характера, в интересах всего населения.

Согласно ч.2, ст.1 Закона РМ №344 от 23.12.94г.[3] Гагаузия самостоятельно решает свои вопросы, в том числе в сфере образования.

Говоря о местной автономии, Конституционный суд РМ в определении N 24 от 05.06.1999 [4] указал, на право сообществ решать свои законные интересы без вмешательства органов центральной власти. Предоставляемые органам местного самоуправления полномочия должны быть полными и исключительными.

Кроме того, Венецианская комиссия №191/2001 от 21 августа 2002 года [5] высказала свое мнение по праву о том, что Закон Об особом правовом статусе Гагаузии занимает главенствующее место в иерархии законов на территории Гагаузии. Законы Гагаузии, принятые в правовых рамках действия указанного специального органического закона РМ имеют на территории Гагаузии приоритет над органическими и ординарными законами РМ в юридическом применении их на территории АТО Гагаузия.

Таким образом, следует сделать вывод о необходимости специальной регламентации полномочий органов местного публичного управления первого и второго уровня, а также разграничения компетенций в сфере образования между Народным Собранием Гагаузии и Исполнительным Комитетом Гагаузии.

Органы местного публичного управления не обладают достаточными полномочиями в образовательной сфере, хотя и дети, и их родители живут именно в административно-территориальных единицах, управляемых местными властями. Поэтому ОМПУ должны предоставляться собственные исключительные полномочия в решении вопросов местного значения в области образования. Органам местного публичного управления должно принадлежать исключительное право на формирование местных бюджетов в части расходов на образование и соответствующих фондов развития образования, разработку и принятие местных нормативов финансирования системы образования, которые должны учитывать специфику образовательного учреждения и быть достаточными для покрытия средних для данной территории текущих расходов, связанных образовательным процессом и эксплуатацией зданий, сооружений и штатного оборудования образовательного учреждения. Органы местного публичного управления должны располагать также исключительным правом на обеспечение гражданам, проживающим на соответствующих территориях, возможности выбора образовательного учреждения; регулирование в пределах своей компетенции отношений собственности в системе образования.

В целом сфера образования в Республике Молдова имеет достаточно подробное правовое регулирование. Однако практика деятельности образовательных учреждений показывает, что имеется еще ряд проблем, требующих своего решения.

Библиография:

1. Конституция Республики Молдова// Monitorul Oficial №78/140 от 29.03.2016
2. Кодекс об образовании Nr. 152 от 17.07.2014// Monitorul Oficial № 319-324 /634 от 04.10.2014
3. Закон РМ «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» Nr. 344-XIII от 23.12.1994 // Monitorul Oficial № 003 от 14.01.1995
4. Решение Конституционного суда N 24 от 05.06.1999 «Об конституционности Раздела 20.2 Закона по Особому статусу Gagauzia/Gagauz-Yeri, N 344-XIII от 23 декабря 1994».
5. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) МНЕНИЕ ПО ПРАВУ Об изменениях и дополнениях к Конституции Республики Молдова, в частности касающиеся статуса Гагаузии. Принято Венецианской комиссией на 50-ом Пленуме (Венеция, 8-9 марта 2002).
6. Братановская М. С. Реализация полномочий органов местного самоуправления в области образования // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юрисп.. 2015. № 2.

УДК: 352.07

Кристева Наталия,
Доктор, доцент кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета
Республика Молдова, г. Комрат

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ
ОРГАНАМИ МЕСТНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Abstract. The article reveals some problems that arise in the decision-making process by local authorities. An effectively established decision-making process by public authorities allows citizens to get an adequate idea and form judgments about the state of society and public authorities, and strengthens the effectiveness and efficiency of public control over the activities of public authorities. Consistency, predictability, and transparency of the activity of government bodies at all levels is called upon to ensure real accessibility for the population to the information about their decisions and current activities.

Keywords: local public administration authorities, decision making, transparency, openness, population, decision effectiveness, legality.

Проблемы совершенствования процесса принятия решений, осуществляемого в органах местного публичного управления, можно разделить на несколько блоков: общие проблемы, вытекающие из сложности самого явления правотворчества, проблемы, связанные в целом с процессом принятия решений органами местного публичного управления, и, наконец, проблемы совершенствования правотворческой техники, как сущностной характеристики процесса принятия решений этих органов.

Так, к одной из общих проблем, связанных с совершенствованием правотворчества, относится многоуровневость правотворческой системы. Отношения, возникающие в процессе организации и деятельности местного публичного управления, регулируются на республиканском, региональном и местном уровне. При этом существуют определенные трудности в вычленении тех вопросов и полномочий, которые должны находиться в руках автономно-территориальных единиц для осуществления правового регулирования отношений, возникающих на территории АТЕ.

Существует необходимость не только отделения сферы местного правотворчества, но и определения объема компетенции в сфере местного публичного управления на республиканском уровне и на уровне АТЕ. С проблемой разграничения предметов ведения между органами разного уровня связана и другая проблема - соответствие местных правовых актов вышестоящим актам. Невозможно обеспечить соответствие правовых актов, имеющих меньшую юридическую силу актам, имеющим большую силу, в условиях, когда нет четкого разграничения компетенции между различными уровнями власти. Нет такого разграничения правотворческой компетенции и на уровне самого автономно-территориального образования между представительными и исполнительными органами.

Нельзя не согласиться с тем, что при условии существования многоуровневой правотворческой системы одним из вариантов решения проблемы упорядоченности правотворческого процесса в целом является создание комплексного нормативного материально-процессуального блока, направленного на регулирование правотворческой деятельности, который должен охватывать все уровни правотворческой системы. Такой нормативный блок должен определять общие принципы взаимоотношений органов, вовлеченных в правотворческий процесс, позволяющие минимизировать случаи принятия коллизионных актов и способствующие усилению эффективности правовой системы.

Существенной проблемой является отсутствие единой системы нормативного регулирования техники создания нормативного правового акта органами или должностными лицами местного публичного управления.

Проблемы совершенствования процесса принятия решений, несомненно, нуждаются в решении. Путь решения названных проблем - обобщение имеющегося положительного опыта и его внедрение в организацию управленческого процесса в автономно-территориальных единицах. Важным аспектом совершенствования правотворческого процесса является разработка модельных актов, содержащих процессуальные нормы (модельные регламенты, положения о порядке проведения публичных слушаний, опросов граждан, реализации правотворческой инициативы граждан и пр.).

Наконец, необходимым является повышение юридической грамотности депутатов, советников представительных органов местного публичного управления, примаров путем проведения систематической учебы, направленной на разъяснение законодательства, изучение научных работ в области теории управления. Организацией и проведением такой учебы должны заниматься органы центральных органов власти. Поиск новых форм повышения профессионализма государственных служащих должно стать постоянной

деятельностью, осуществляемой в государстве и направленной на развитие местного публичного управления как института гражданского общества.

Совершенствование процесса принятия решений должно преследовать цель принятия более качественных местных правовых актов. Качество правовых актов, как известно, определяется их соответствием предъявляемым требованиям. С этим непосредственно связана реализация управленческих решений. Это требования законности и организационно-технические требования.

Требования законности решений органов местного самоуправления можно сгруппировать в четыре группы: 1) соблюдение прав и свобод человека и гражданина; 2) соблюдение компетенции органа, принимающего решение; 3) соответствие решения цели и содержанию закона, иного нормативного акта, обладающего большей юридической силой согласно иерархии правовых актов; 4) соблюдение установленных законом или иным нормативным правовым актом формы и порядка принятия решения.

Определяющим моментом в процессе взаимодействия власти и общества является уровень транспарентности власти. Обеспечение информационной открытости власти не является однородным процессом. Население имеет право, а главное желает получать доступную и полную информацию о деятельности власти. Контроль со стороны граждан и активная позиция их общественных институтов по отношению к государственной власти соотносится с желанием органов власти проинформировать граждан о своей деятельности. Прозрачности власти представляет собой систематическое информирование о результатах деятельности власти, разъяснение целей, содержания и механизма реализации публичной политики, а открытость как создание публичными органами власти условий для доступа граждан к информации о его деятельности и к процессу принятия управленческих решений на всех этапах их разработки и внедрения.

Информационная прозрачность деятельности органов власти для граждан предоставляет доступ к информации об их деятельности, а также о принимаемых решениях. Прозрачность представляет собой функциональный характер, который ведет к регулированию общественных процессов, а открытость – социально-коммуникативный[4, с.4]. Информационная открытость власти предоставляет возможность гражданам размышлять над полученными сведениями, критиковать складывающуюся обстановку в обществе и органах публичной власти, наблюдать за результатами, а также контролировать органы власти[5, с. 44-50]. Важно уточнить, что информационная открытость не должна быть односторонним процессом. Общество отстаивает свои позиции, контролирует, стремится получить полную и достоверную информацию о функционировании государства и его органов – это все должно соотноситься с желанием исполнительной власти предоставлять информацию о своей деятельности. Прозрачность трактуется как регулярное освещение деятельности власти, растолкование содержания, целей и механизма исполнения публичной политики, а открытость – как создание для граждан условий органами власти доступа к процессу принятия решений и информации не затруднительно о деятельности исполнительной власти.

Принцип открытости пока не стал основным и строго обязательным в работе властей. Одним из препятствий на пути решения этой проблемы является отсутствие эффективных механизмов обеспечения доступности и открытости власти, что ведёт за собой несовершенство способов взаимодействия органов государственного управления с обществом. Следовательно, поиск способов совершенствования и разработки новых механизмов взаимодействия власти и граждан является актуальной задачей. Работники органов власти должны осознавать и учитывать, что главный ресурс стабильного развития в стране – это её граждане, и главная функция государственных служащих – обеспечить соблюдения прав и свобод каждого гражданина.

Право граждан на информацию является одним из важнейших политических и личных прав человека. Согласно ст. 34 Конституции Республики Молдова каждый человек имеет право на доступ к любой информации, касающейся общественных дел[1]. Реализация права граждан на информацию, обеспечение информационной открытости органов местного самоуправления являются одними из важнейших условий развития правового государства. Однако данное право реализуется в настоящее время не в полном объеме, что приводит к ряду негативных последствий. Без доступа к актуальной информации граждане не могут участвовать в обсуждении важных государственных вопросов, принимать участие в разработке программ развития муниципальных территорий и решении вопросов местного значения. Без достоверной информации о своих правах граждане не имеют возможности определить, нарушаются ли их права, а в случае нарушения не смогут юридически грамотно обосновать свои претензии и потребовать защиты нарушенных прав.

Прозрачность деятельности местной власти - это очень острая проблема, поскольку только на местном уровне граждане имеют возможность непосредственно участвовать в вопросах управления местными делами. Но, к сожалению, на практике население даже не всегда знает, чем заняты местные администрации, не говоря уже о каком-то их деятельном участии.

Согласно закону № 239 от 13 ноября 2008 г. «О прозрачности процесса принятия решений»[2], все органы местного публичного управления должны обеспечить доступ к информации о своей деятельности, за исключением информации, доступ к которой ограничен. Информация должна быть открытой, доступной, достоверной, свободной в распространении, соблюдать права граждан.

В настоящее время существуют различные способы получения информации о деятельности органов местного публичного управления: обнародование (опубликование) органами местного публичного управления своей деятельности в СМИ, размещение информации на официальных web-сайтах, присутствие граждан на заседаниях органов местного самоуправления, предоставление информации гражданам по их запросам.

Однако, несмотря на наличие соответствующих нормативных актов, многие сайты органов местного публичного управления не соответствуют требованиям, предусмотренным ст.15 Постановления Правительства №188 от 03.04.2012 г. «Об официальных страницах органов публичного управления в сети Интернет»[3]. А в некоторых случаях сайты вообще отсутствуют. Исследования показывают, что, даже создав собственные сайты, большинство органов местного публичного управления подходят к этому вопросу формально: заводят доменное имя, размещают собственную эмблему службы и фотографию здания органов местного самоуправления, пускают несколько ссылок с не требующей обновления информацией.

Таким образом, на практике получается, что открытость и актуальность информации о деятельности органов местного публичного управления, прозрачность процесса принятия решений только декларируется, но не обеспечивается фактически.

На наш взгляд, причины нарушений в данной сфере деятельности заключаются, не только в недостаточности финансирования информационной политики АТЕ, но и нежелании местных властей проводить прозрачную публичную политику.

Основная цель органов местного публичного управления - принятие эффективных управленческих решений. Обобщая основные характеристики эффективности управленческих решений органов местного публичного управления, можно сделать вывод о том, что эффективность акта заключается в способности достижения цели управления в соответствии с требованиями объективной действительности в масштабах АТЕ на основе действующего законодательства при наименьших затратах (издержках).

Однако при характеристике понятия эффективности решений органов местного публичного управления необходим учет не только «чистого» результата действия их норм,

но и всех элементов юридического механизма, а также средств, затрат на достижение предполагаемого эффекта.

Опыт показывает, что действие основных характеристик понятия эффективности решений органов местного публичного управления требует определенных условий. Условия эти различны и могут относиться как к внутреннему содержанию решения, так и к внешнему воздействию его на регулируемые отношения. К таким условиям эффективности решения относятся социальная ценность акта, определяемая его своевременностью и обоснованностью, правильность выбора общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, правильность выбора метода регулирования, соблюдение правил нормотворческой техники. Принципиальную значимость при анализе эффективности правовых актов органов местного публичного управления имеет выявление критериев, позволяющих обосновать и раскрыть реальную степень эффективности и ее качественные показатели при разработке и принятии решений органами местного публичного управления.

Представляется возможным предложить следующую систему критериев эффективности местных управленческих решений: качество целеполагания (определение в решении цели правового регулирования) и качество механизма реализации местного решения, полнота регламентации - достаточность соблюдения норм, содержащихся в решении, для получения результата, издержки (финансовые, организационные, психологические), соотношение полученного результата, после введения в действие решения и теоретической модели, созданной разработчиками акта.

Для того чтобы оценить эффективность местных правовых актов недостаточно лишь названных критериев. Необходимы еще и показатели эффективности. Эти категории близки, но неоднородны. Критерии в данном случае - общая категория, основанная на нескольких показателях эффективности (неэффективности) акта. При этом если критерии оценки могут быть общими, то показатели эффективности (неэффективности) могут быть особенными в зависимости от вида местного правового акта, его цели, объекта регулирования.

Немаловажным является и определение принципов проведения оценки эффективности решений органов местного публичного управления. Оценка эффективности решений органов местного публичного управления должна быть основана на определенной правовой базе, вследствие чего на местном уровне полезным было бы принятие нормативного правового акта, определяющего порядок и условия оценки эффективности решений ОМПУ, с указанием критериев и показателей оценки их эффективности. Внедрение такой системы должно способствовать оптимизации правотворчества органов местного самоуправления, выработке законных, реальных, обоснованных правовых актов, и, в конечном счете, улучшению организации местного самоуправления в автономно-территориальной единице.

Эффективно налаженный процесс принятия решений публичными властями позволяет гражданам получать адекватное представление и формировать критические суждения о состоянии общества и органах публичной власти, укрепляет действенность и эффективность общественного контроля за деятельностью органов публичной власти. Последовательность, прогнозируемость, прозрачность деятельности органов власти всех уровней призвана обеспечить реальную доступность для населения информации о принимаемых ими решениях, об их текущей деятельности.

Мировая практика государственного управления свидетельствует о том, что вопросы местного значения эффективнее решаются на уровне местного самоуправления, так как, во-первых, местные органы власти лучше осведомлены о реальном положении дел «внизу» и могут оперативно принимать решения, не согласовывая их бесчисленное множество раз с высшими «эшелонами» власти, а, во-вторых, при этом появляется возможность для поддержки «обратной связи» с населением. Местное публичное управление представляется в качестве политического института, занимающего в системе взаимодействия власти и общества опосредующее положение между государством и гражданским обществом и таким

образом обеспечивающего реализацию прямых и обратных связей в системе государственного управления. На местном уровне происходит наиболее тесное взаимодействие между властью и обществом, и от того, насколько результативным оно является, зависит эффективность не только местного, но и государственного управления в целом. Создание партнерских отношений между органами местной власти и жителями есть один из основных вопросов переустройства нашего общества. Именно поэтому так важно обеспечить эффективность, последовательность, прогнозируемость и прозрачность органов местного публичного управления, понятность действий местной власти для населения.

Библиография:

1. Конституция Республики Молдова // Monitorul Oficial №78/140 от 29.03.2016.
2. Закон № 239 от 13. О прозрачности процесса принятия решений // Monitorul Oficial № 215-217 от 05.12.2008.
3. Постановления Правительства №188 от 03.04.2012 г. «Об официальных страницах органов публичного управления в сети Интернет» // Monitorul Oficial № 70-71 от 06.04.2012.
4. Иванченко А.В. Обеспечение открытости органов власти для граждан и юридических лиц. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2017.
5. Чуклинов А.Е. «Прозрачная» государственная политика: некоторые проблемы теории и практики / Вестник РУДН. Серия политология. – 2016. - №8.

УДК: 351.71

Кристева Наталия,
Доктор, доцент кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета
Республика Молдова, г. Комрат

**УПРАВЛЕНЧЕСКО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ**

Abstract. Local public authorities use various legal forms of activity, performing their functions. It is practically impossible to resolve issues of local importance without the adoption of managerial decisions by the local public administration body and their officials, since the tasks and functions of local public administration cannot be ultimately solved without using such a form of activity as managerial and legislative activity of local public administration bodies.

Keywords: local public administration authorities, managerial decision, decision-making, issues of local importance, functions and signs of management and legal activity

Местное публичное управление, как форма непосредственного осуществления народовластия, давно и прочно получило признание и осуществляется практически во всем мире. Народ может и должен самостоятельно решать насущные проблемы своего села, города. Это его естественное право. Реализация народом права на самоуправление формирует народовластие, из которого вырастает демократия. Не случайно Европейская хартия о местном самоуправлении [1] в своей преамбуле определила, что право граждан участвовать в управлении государственными делами может быть осуществлено именно на местном уровне, а органы местного самоуправления составляют одну из основ любого демократического строя. Это же положение нашло отражение и в Конституции РМ [2], которая относит местное публичное управление к основам конституционного строя и рассматривает его как один из основополагающих принципов организации власти, который наряду с принципом разделения властей определяет систему власти и управления в стране в целом.

На сегодняшний день органы местного публичного управления, будучи наделенными властными полномочиями, получили возможность самостоятельно, без государственного вмешательства, принимать решения по вопросам, именуемым вопросами местного значения. Осуществление этой деятельности многоэтапно, и в первую очередь начинается с правового регулирования.

Исходя из положений Конституции РМ [2], Законов РМ – «об административной децентрализации № 435»[3], «о местном публичном управлении № 436-XVI» [4], «об административно-территориальном устройстве № 764 – XIV» [5], «о государственной должности и статусе государственного служащего №158»[6], «о статус лиц, занимающих ответственные государственные должности»[7], постановлений Правительства РМ и иных нормативно-правовых актов органы местного публичного управления и их должностные лица получили право принимать решения, обязательные к исполнению, по вопросам, отнесенным к их ведению. Наименование же и виды решений органов местного публичного управления, выборных и других должностных лиц местного публичного управления, полномочия по их изданию, порядок принятия и вступления в силу должны определяться уставами автономно-территориальных единиц в соответствии с действующим законодательством.

Принятие управленческих решений как основная форма управленческо-правовой деятельности органов местного публичного управления имеет ряд признаков[8, с.68].

Во-первых, оно является, в основном, *государственной деятельностью*. Следует отметить, что в современных условиях постепенно расширяется число управленческих решений, принимаемых не государством, его органами, а иными субъектами, в том числе: населением, органами местного публичного управления, организациями, предприятиями, учреждениями.

Во - вторых, характерным для принятия управленческих решений органами местной власти является то, что *они нацелены на образование единой внутренне согласованной системы решений, необходимых для конкретного сообщества*. От уровня разработанности решений на местном уровне, эффективности их функционирования во многом зависит степень демократичности, цивилизованности самого государства.

В-третьих, процесс принятия решений местными властями является *созидательно-интеллектуальной деятельностью*, когда в нем, как в котле с высокой общественной температурой, переплавляются элементы бытия - общественные интересы, потребности, волевые установки, варианты решений, формирующиеся и формализуемые нормы.

В - четвертых, этот процесс является *процессуальной деятельностью*. Она имеет определенные стадии, осуществляется в установленном порядке. Нарушение процесса правотворчества может привести к признанию принятого решения недействительным.

В - пятых, процесс принятия решений, как и любой вид социальной деятельности, *включает в себя цель, средство, результат и сам процесс*.

Таким образом, процесс принятия управленческих решений органами местного публичного управления - это деятельность, направленная на создание общеправовых норм, их изменение, а при необходимости и отмену, которая носит интеллектуально - волевой, управленческий характер, осуществляется уполномоченными субъектами с применением определенных методов и способов в рамках соответствующих процедур, с целью удовлетворения потребности в регулировании общественных отношений.

Начальная ступень процесса принятия управленческих решений местными властями - возникновение объективно обусловленной экономической, социально-политической или иной общественной потребности в регулировании (или изменении регулирования) соответствующих отношений. А затем - преломление этой потребности в системе общественных отношений, в политическом, нравственном и правовом сознании общества, в господствующем общественном мнении, выражение данной потребности в классовых,

политико-юридических интересах, которые выступают в качестве прямого носителя объективных общественных потребностей и интересов [8, с.79].

В процессе принятия решений органами местной публичной власти велика роль активно-творческих элементов - деятельности субъектов политической системы (партий, государства, общественных организаций), влияния науки, правовой активности граждан, общественности. Уже с весьма ранних своих ступеней развития этот процесс приобретает целеустремленный, целенаправленный характер потому, что объективно обусловленные потребности в нововведениях, основанные на них политико-юридические интересы, как правило, концентрированно выражаются в политических решениях господствующих партий, государства, иных политических образований о необходимости тех или иных преобразований в действующем праве.

Таким образом, именно в процессе принятия решений органами местной публичной власти находят концентрированное, «конечное» выражение два главных составных процесса управления - объективно обусловленные требования социальной жизни, с одной стороны, активная, творческая деятельность компетентных органов по выработке и включению тех или иных норм в действующую правовую систему - с другой.

Местное публичное управление составляет одну из основ конституционного строя РМ, форму осуществления народовластия. Субъектом местного публичного управления является объединение жителей определенной территории, имеющих общие интересы в решении вопросов местного значения. Важная роль принадлежит нормативному способу самоуправления, когда решения автономно-территориальной единицы принимаются в форме общего обязательного правила поведения, т.е. нормы, или нескольких взаимосвязанных норм.

Внешней формой выражения и закрепления норм автономно-территориальной единицы является документ – нормативный акт, издаваемый органом местного публичного управления или принимаемый непосредственно населением; он фиксирует волю местного сообщества, конституирует ее. Именно в актах и через них проявляется и существует совокупная воля населения. При помощи этих документов воля, по своей основе представляющая собой внутреннее, психическое явление, выступает вовне, в качестве волеизъявления, способного дать определенный эффект, направленного на достижение строго определенных последствий.

Также можно говорить о юридической и социальной роли решений органов местного публичного управления. Так, их юридическая роль проявляется в учреждении ими статуса АТЕ, системы местных органов власти, наделении этих органов собственными полномочиями. В первую очередь эту роль осуществляет Статут автономно-территориального образования. К юридической относится и регулятивная роль местных правовых актов, которая проявляется в том, что они осуществляют регулирование значительного круга отношений, возникающих на территории АТЕ в пределах вопросов местного значения. Юридическая роль местных правовых актов проявляется и в том, что именно эти акты принимаются с учетом интересов населения, исторических и иных местных традиций. Значительна роль этих актов также и в правовом обеспечении участия населения в осуществлении местного самоуправления на территории АТЕ, ибо именно на этом уровне, уровне АТЕ закрепляется механизм реализации права населения на участие в решении вопросов местного значения. Наконец, нормативные правовые акты органов местного публичного управления играют особую роль, являясь не только результатом правотворчества, но и основой нормотворчества АТЕ.

Однако местным правовым актам присуща и особая социальная роль. Именно на местном уровне при разработке и принятии нормативных актов органов местного публичного управления существует возможность прямого участия населения в правотворческом процессе.

Органы местного публичного управления должны способствовать устойчивому социально-экономическому развитию территории, созданию действенной социальной защиты населения. Это осуществляется в рамках такой функции как управление местной публичной собственностью, финансовыми средствами местного публичного управления.

Законодательная норма о том, что полномочия собственника местного публичного имущества в АТЕ реализуются его органами местного публичного управления, требует установления для данных органов местными правовыми актами специальных правил осуществления таких полномочий.

Так как Законом о местном публичном управлении РМ № 436 от 28.12.2006г. [4] к компетенции органов местного публичного управления отнесены формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов, владение, пользование и распоряжение публичной собственностью, принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития автономно-территориальной единицы, организация предоставления и оказание населению большого объема услуг, связанного с жизнеобеспечением, и др., это определяет возможность и необходимость регулирования ряда вопросов, связанных с публичной собственностью, финансово-экономическими отношениями, статутами АТЕ и правовыми актами органов местного публичного управления. Такое регулирование осуществляется в пределах, установленных законодательством и обеспечивающих самостоятельность решения населением и органами местного публичного управления вопросов местного значения.

Осуществляя свои функции, органы местного публичного управления используют различные *правовые формы деятельности*. Формы самоуправленческой деятельности АТЕ должны соответствовать содержанию этой деятельности, т.е. для реализации той или иной функции местного публичного управления необходимо выбирать наиболее целесообразные формы, обеспечивающие качественное выполнение задач с наименьшей затратой сил, средств и времени.

Практически невозможно решать вопросы местного значения без института местных правовых актов, т.е. без принятия органом местного публичного управления и их должностными лицами управленческих решений, поскольку задачи и функции местного публичного управления не могут быть, в конечном счете, решены без использования такой формы деятельности, как управленческо-правотворческая деятельность органов местного публичного управления.

Основным компонентом в определении управленческо-правотворческой деятельности органов местного публичного управления являются вопросы, по которым органы местного публичного управления могут принимать нормативные правовые акты и которые включают в себя: вопросы местного значения; вопросы реализации отдельных государственных полномочий; иные вопросы, не отнесенные к вопросам местного значения, которые органы местного публичного управления могут брать к своему ведению.

В современных условиях именно на местах принимается наибольшее количество как нормативно-правовых решений, так и индивидуально-правовых, заключается множество нормативных договоров, оказывающих существенное влияние на развитие или деградацию системы местного публичного управления и экономики конкретной автономно-территориальной единицы.

Согласно Закону о местном публичном управлении [4], органы местного публичного управления обладают автономией в принятии решений, организационной, управленческой и финансовой автономией, а также правом на инициативу во всем, что касается управления местными публичными делами, осуществляя свою власть в пределах подведомственной территории в соответствии с законом. Органы местного публичного управления и должностные лица местного публичного управления по вопросам своего ведения принимают (издают) правовые акты. При этом закреплена возможность «народной правотворческой

инициативы», согласно которой по вопросам, имеющим особое значение для административно-территориальной единицы, могут проводиться консультации с населением путем проведения местного референдума. По вопросам местного значения, представляющим интерес для части населения административно-территориальной единицы, могут проводиться с этой частью населения консультации, публичные слушания и собеседования. Устанавливается обязательность открытости заседаний с участием представителей населения, официального опубликования местных нормативных актов.

Процесс принятия решений местными властями в условиях правового дефицита государственного регулирования может способствовать ликвидации пробелов в праве, укреплению законности и правопорядка на территории автономно-территориальной единицы и повышению уровня юридической защиты граждан. Именно в органы местного публичного управления обращаются жители со своими проблемами и нуждами. Именно органы местного публичного управления первыми узнают о реальных потребностях граждан и должны своевременно отреагировать на них, в том числе путем правового регулирования.

Можно сделать следующие *выводы* о содержании процесса принятия решений органами местного публичного управления: это процесс по созданию правовых актов, направленных на решение определенных в соответствии с действующим законодательством вопросов; решение указанных вопросов может осуществляться населением непосредственно или через органы местного публичного управления; решение указанных вопросов возможно путем принятия (издания) местных правовых актов, решений и путем заключения соответствующих соглашений (договоров). При этом акты, принимаемые населением непосредственно, входят в систему местных правовых актов; процесс создания местных правовых актов и заключения соглашений (договоров) должен осуществляться в строгом соответствии с установленным порядком. Данный порядок может быть установлен местными правовыми актами (в первую очередь, Статутом соответствующего муниципального образования), а в отношении заключения соглашений также законодательством РМ.

Исходя из сказанного, управленческо-правотворческая деятельность органов местного публичного управления это правовая деятельность органов местного публичного управления по созданию, изменению и упразднению обязательных правил поведения по вопросам, находящимся в ведении АТЕ на постоянной или временной основе, в соответствии с Конституцией РМ, законами РМ и иными нормативными правовыми актами РМ, Статутом АТЕ и иными нормативными правовыми актами АТЕ.

Таким образом, процесс принятия решений органами местного публичного управления можно рассматривать как осуществляемый в установленном порядке процесс принятия решений по вопросам местного значения непосредственно населением, органами местного публичного управления соответствующей автономно-территориальной единицы или их должностными лицами путем издания (принятия) правовых актов местного значения, а также по иным вопросам, реализуемым органами местного публичного управления в соответствии с законодательством, путем издания (принятия) правовых актов местного значения или заключения договоров (соглашений), содержащих правовые предписания.

Успешное социально – экономическое развитие РМ в настоящее время невозможно без эффективной и результативной деятельности публичной власти, ключевым элементом которой выступает эффективной деятельности органов местного публичного управления. Принятие решений публичной властью – это основа управления государством, местными сообществами. Принятие и выработка управленческих решений является особым процессом в деятельности органов любого уровня публичной власти. Сегодня эффективные управленческие решения чрезвычайно важны, как для какого-либо отдельного человека, так и для всего общества.

Библиография:

1. Европейская Хартия местного самоуправления // Мониторул Официал №48/423 от 24.07.1997 года
2. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 года // Мониторул Официал. - 1994.
3. Закон об административной децентрализации N 435-XVI от 28.12.2006 // Мониторул Официал N 29-31/91 от 02.03.2007
4. Закон о местном публичном управлении N 436-XVI от 28.12.2006// Мониторул Официал N 32-35/116 от 09.03.2007
5. Закон об административно-территориальном устройстве Республики Молдова № 764-XV от 27.12.2001// Мониторул Официал N 16/53 от 29.01.2002
6. Закон о государственной должности и статусе государственного служащего N 158-XVI от 04.07.2008 // Мониторул Официал а N 230-232/840 от 23.12.2008
7. Закон о статус лиц, занимающих ответственные государственные должности Nr. 199 от 16.07.2010// М Мониторул Официал N 194-196 от 05.10.2010
8. Практика принятия управленческих решений. Учебный курс/Щукина Н.В., Лысенко В.В., Кристева Н.Н., Раковчена Т.И. Комратский государственный университет, 2017.

УДК: 347.191

Арсени Игорь

Доктор права, преподаватель кафедры «Частное право»
Комратского госуниверситета
Республика Молдова, г.Комрат
e-mail: igorarseni1987@gmail.com

Гуран Семен

Студент гр. МЮГ-18 Комратского госуниверситета
Республика Молдова, г.Комрат
e-mail: guransemon@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ИНОСТРАННЫХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Abstract. Civil law science today does not have a special study on the establishment and state registration of foreign enterprises in the Republic of Moldova. Interest in the topic is due to the need to determine the significance, essence of the process of establishment and state registration of foreign enterprises, the role and place of the system of government bodies, which are assigned functions, rights and responsibilities in this field by current legislation. Thus, the need for a scientific understanding of the theoretical foundations of the legislative regulation of the process of establishment and state registration of foreign enterprises, and a number of its problematic issues that have arisen with not many years of practical application, have made the research topic relevant.

Keywords: institution, state registration, foreign enterprises.

Реализация конституционной декларации о свободе экономической инициативы (ч. (3) ст. 9 Конституций РМ) [13] с целью организаций ведения предпринимательской деятельности может быть непосредственно осуществлена путем учреждения и государственной регистраций предприятия.

Изменения социально-экономической ситуации и проводимая в РМ экономическая реформа привели к формированию правового института учреждение и государственная регистрация предприятия.

Согласно ч.(1) ст. 175 Гражданского кодекса РМ (далее - ГК РМ), юридические лица частного права могут создаваться беспрепятственно, но лишь в одной из форм, предусмотренных законом.[2]. Таким образом, законодателем в ст. 175 ГК РМ заложен

принцип беспрепятственного создания предприятий как лиц частного права. Это значит, что предприятия могут создаваться по частной инициативе частных лиц для реализации их экономической инициативы с целью организации ведения предпринимательской деятельности в соответствии с требованием законодательства.[8, с.30]

Общим требованием, предъявляемым к законности осуществления предпринимательской деятельности, является **обязательное прохождение специальной государственной регистрации**. Практически «во всех странах действует порядок государственной регистрации коммерсантов, именуемый торговой регистрацией»[3, с.116], при этом такая «регистрация осуществляется путем занесения важнейших сведений о коммерсантах в специальный торговый реестр, который ведется судебными или административными органами».

В РМ государственной регистрации подлежат **все виды коммерсантов (предпринимателей)**: индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, как резиденты, так и нерезиденты. По общему правилу, такая регистрация в РМ ведется административными органами. В некоторых европейских странах регистрация коммерсантов осуществляется судебными органами.

Общее требование о необходимости государственной регистрации и общие принципы государственной регистрации юридических лиц закрепляются в ст. 179 ГК РМ.

Для предприятий момент государственной регистрации определяет момент их возникновения как субъектов права со статусом юридического лица. Только после государственной регистрации предприятию допустимо осуществлять предпринимательскую деятельность.

В ГК РМ содержатся лишь наиболее общие требования в отношении государственной регистрации юридических лиц. Конкретный порядок осуществления государственной регистрации коммерческих организаций, в том числе иностранных установлен Законом РМ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» № 220 от 19 октября 2007 г. (далее – Закон РМ №220/2007).[6]

Согласно ст. 17 Закона РМ «**Об инвестициях в предпринимательскую деятельность**» №81 от 18.03.2004г. (далее – Закон РМ №81/2004)[5] в РМ могут быть созданы предприятия с иностранными инвестициями в виде совместных предприятий и предприятий с иностранным капиталом. Совместным предприятием является созданное в соответствии с законодательством РМ предприятие, уставный капитал которого частично состоит из иностранных инвестиций. Предприятием с иностранным капиталом является созданное в соответствии с законодательством РМ предприятие, уставный капитал которого состоит полностью из иностранных инвестиций. Предприятия с иностранными инвестициями имеют право создавать международные ассоциации и организации, а также быть членом международных ассоциаций и организаций.

Согласно ст. 241 ГК РМ, прежде чем юридическое лицо, учрежденное в другом государстве (иностранное юридическое лицо), развернет от своего имени деятельность в РМ через отделение в смысле части (1) статьи 240, оно должно зарегистрировать отделение в публичном реестре юридических лиц РМ, если законом не предусмотрен иной публичный реестр Республики Молдова. Наименование отделения иностранного юридического лица состоит из наименования иностранного юридического лица, решившего создать отделение, за которым следует название зарубежного населенного пункта, в котором находится юридическое лицо, слово «отделение» и название населенного пункта в РМ, в котором находится отделение. В случае создания тем же иностранным юридическим лицом нескольких отделений в одном и том же населенном пункте наименование отделения может быть дополнено указанием, позволяющим различать их. Отделение иностранного юридического лица не является юридическим лицом. Отделение иностранного юридического лица функционирует согласно положению о нем, утвержденному органом, по

решению которого оно создано. Иностранное юридическое лицо отвечает по обязательствам, возникающим из деятельности его отделения в РМ. Процедура регистрации отделений иностранных юридических лиц аналогична процедуре регистрации отечественных юридических лиц, с особенностями, предусмотренными ГК РМ и Законом РМ №81/2004.

Согласно ст. 18 Закона РМ №81/2004, процедура регистрации, порядок осуществления деятельности и процедура роспуска предприятия с иностранными инвестициями идентичны таковым для отечественных предприятий и осуществляются в соответствии с действующим законодательством РМ. Для регистрации предприятия с иностранными инвестициями представляются документы, предусмотренные законодательством для государственной регистрации предприятий и организаций.

Для регистрации отделений иностранных юридических лиц, представляются следующие документы: заявление о регистрации по утвержденному органом государственной регистрации образцу; положение об отделении, которое должно содержать следующие данные: местонахождение (почтовый адрес, телефон/факс, электронный адрес) отделения; виды деятельности, осуществляемые отделением; отметка о законодательстве государства, под действие которого подпадает иностранное юридическое лицо; выписка из регистра, в котором зарегистрировано иностранное юридическое лицо, переведенная и нотариально заверенная, а также регистрационный номер иностранного юридического лица; организационно-правовая форма иностранного юридического лица, его местонахождение, виды деятельности, а также размер уставного капитала иностранного юридического лица, если данная информация не указана в учредительном документе иностранного юридического лица; наименование иностранного юридического лица и наименование отделения, если оно отличается от наименования иностранного юридического лица; фамилия и имя лица, осуществляющего функции по управлению отделением, а также фамилия и имя администратора иностранного юридического лица; полномочия лица, осуществляющего функции по управлению отделением; копия учредительного документа иностранного юридического лица, переведенного на государственный язык, заверенная нотариально; финансовый отчет иностранного юридического лица за последний период отчетности.

Государственная регистрация отделений иностранных юридических лиц и иностранных индивидуальных предпринимателей производится органами государственной регистраций по месту предполагаемого нахождения учреждаемого отделения или предпринимателя. **Органом государственной регистраций отделений иностранных юридических лиц и иностранных предпринимателей является Агентство публичных услуг РМ, которое выполняет функции государственной регистрации. Следует отметить, что Агентство публичных услуг стало правопреемником прав и обязанностей реорганизованного Государственного предприятия «Государственная регистрационная палата» в результате реорганизации путем слияния.[14]**

В органе государственной регистрации представленные учредителями документы вновь создаваемому иностранному отделению юридического лица проходят проверку на предмет их соответствия требованиям законодательства. На основании проведенной проверки орган государственной регистрации в рабочий день в течение 24 часов принимает решение о государственной регистрации либо об отказе в государственной регистрации отделения иностранного юридического лица, а также иностранных индивидуальных предпринимателей. Заявители вправе обжаловать действия и решения органа государственной регистрации в судебном порядке, если считают, что их права были нарушены.[1, р.215]

По итогам орган государственной регистрации вносит определенные законом данные о созданном отделении иностранного юридического лица в соответствующий Государственный регистр. В результате регистрации иностранного предприятия ему присваивается государственный идентификационный номер IDNO. Филиалам и

представительствам иностранных юридических лиц присваиваются государственные идентификационные номера вне зависимости от идентификационного номера иностранного юридического лица, создавшего их.

Согласно ст. 2 Закона РМ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» №220 от 19.10.2007г., государственный идентификационный номер (IDNO присваиваемый органом государственной регистрации юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям в момент государственной регистрации и служащий для их идентификации во всех информационных системах РМ.

Решение о регистрации отделения иностранного предприятия, подписанное регистратором, составляется в двух экземплярах, один из которых хранится в органе государственной регистрации, а другой выдается заявителю.

В ряде стран «регистрация имеет декларативное значение, если лица признаются коммерсантами не в результате ее проведения, а в силу совершения в виде промысла торговых сделок, то есть независимо от регистрации. Во всех странах регистрации индивидуальных коммерсантов обычно придается декларативный характер».[4, с.315]

В РМ государственная регистрация имеет не декларативный, а конститутивный характер, так как только такая регистрация имеет правоустанавливающее значение. Именно с момента государственной регистрации лицо приобретает статус коммерсанта (предпринимателя), после чего может быть начато осуществление предпринимательской деятельности. При этом осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации признается незаконным. Таким образом, государственная регистрация является одним из важнейших признаков легальной предпринимательской деятельности.[12, с.153]

После регистрации орган государственной регистрации публикует в Электронном бюллетене информацию о зарегистрированном иностранном юридическом лице, которая должна содержать: наименование юридического лица, его организационно-правовую форму, дату регистрации, государственный идентификационный номер, местонахождение, фамилию и имя администратора.

В соответствии с ч. (1) ст. 34 ГК РМ Физическое лицо вправе заниматься предпринимательской деятельностью от своего имени и за свой счет с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или иным образом, предусмотренным законом. Это положение ГК РМ означает, что любое дееспособное физическое лицо (как гражданин РМ, так и иностранный гражданин или лицо без гражданства, которые в гражданских правоотношениях равны) вправе по своей инициативе приступить к индивидуальному осуществлению предпринимательской деятельности без образования для этого коммерческой организации, при обязательном условии регистрации в специальном качестве – качестве предпринимателя, коммерсанта. Именно регистрация физического лица в специальном качестве предпринимателя или коммерсанта приводит к приобретению им правового статуса индивидуального предпринимателя.[9, с.23]

В настоящее время порядок и особенности государственной регистрации индивидуальных предпринимателей установлен Главой VI Закона РМ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» №220 от 19.10.2007г.[6]. До введения в действие указанного закона индивидуальные предприниматели в РМ не регистрировались. Согласно ст. 28 Закона РМ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» №220 от 19.10.2007г. государственной регистрации индивидуального предпринимателя в территориальный орган Государственной регистрационной палаты представляются следующие документы: 1)

заявление о регистрации по утвержденному образцу; 2) документ, подтверждающий внесение платы за регистрацию.

Решение о государственной регистрации (или об отказе в регистрации) индивидуального предпринимателя принимается в рабочий день течение 24 часов.

Физическому лицу может быть отказано в государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, если оно уже зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя, либо решением судебной инстанции соответствующее лицо лишено права осуществлять предпринимательскую деятельность. Отказ в государственной регистрации по причине нецелесообразности не допускается. Решение об отказе в регистрации может быть обжаловано в судебную инстанцию и подлежит отмене лишь судебной инстанцией. По результатам государственной регистрации физическому лицу-заявителю должно выдаваться решение о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Решение о регистрации, подписанное регистратором в области государственной регистрации, составляется в двух экземплярах, один из которых хранится в органе государственной регистрации, а другой выдается заявителю. После регистрации индивидуального предпринимателя орган государственной регистрации публикует в Электронном бюллетене следующую информацию: наименование предпринимателя, дату регистрации, государственный идентификационный номер и местонахождение. [10, с.69-72]

Из содержания ст. 34 ГК РМ следует, что, зарегистрировавшись в качестве индивидуального предпринимателя, физическое лицо может самостоятельно осуществлять свою предпринимательскую деятельность. Гражданин может сам от своего имени совершать любые сделки, приобретать и отчуждать любое имущество, если это прямо не запрещено действующим законодательством. При этом никакого особого «предприятия» с каким-либо статусом у индивидуального предпринимателя не возникает. Статус индивидуального предпринимателя не предполагает фигуры руководителя (директора) предприятия. Руководителем своего дела непосредственно выступает сам индивидуальный предприниматель, обладающий собственной дееспособностью.

Исходя из смысла ст. 34 ГК РМ, никакого фирменного наименования у индивидуального предпринимателя нет, не должно и не может быть. Индивидуализировать индивидуального предпринимателя в гражданском и коммерческом обороте должно его собственное имя, состоящее согласно ст. 36 ГК РМ из фамилии и собственно имени.

Не нужно индивидуальному предпринимателю и особого местонахождения для его «предприятия», так как он, как физическое лицо, обладает своим местом жительства или местом нахождения в соответствии со ст. 38 ГК РМ.

Не нужны индивидуальному предпринимателю никакие учредительные документы (ибо он ничего не учреждает), обладая универсальной правоспособностью, он руководствуется действующим законодательством.[11, с.39]

Итак, фигура индивидуального предпринимателя как физического лица, зарегистрированного в специальном качестве для ведения предпринимательской деятельности, вполне вписывается в систему гражданско-правового регулирования предпринимательства, чего совершенно нельзя сказать о «конструкции» индивидуального предприятия (которое, будучи приравненным по закону к физическому лицу, таковым на самом деле не является, а очень похоже по набору признаков на юридическое лицо, которым, однако, в силу закона не признается).

Как видно, никакого «раздвоения личности» у индивидуального предпринимателя, не происходит: именно физическое лицо, как таковое, а не его «предприятие» подлежит регистрации в специальном качестве; индивидуальный предприниматель сам лично может совершать сделки, а не посредством директора предприятия; он не обладает фирменным наименованием и совершает сделки от своего собственного имени; он обладает одним единственным местом жительства или нахождения, единым идентификационным номером и

т.д. Таким образом, использование статуса индивидуального предпринимателя для совершения коммерческих (предпринимательских) сделок является реализацией универсальной гражданской правоспособности физического лица.

Следует заметить, что порядок государственной регистрации иностранных индивидуальных предпринимателей аналогичен как для индивидуальных предпринимателей РМ, поскольку законодательство РМ, не делает каких либо исключений. Закон не предусматривает отдельных исключений для регистрации индивидуальных предпринимателей иностранцев, но можно логически догадаться, что для полноценной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, иностранный гражданин должен представить документы подтверждающий факт законного пребывания на территории РМ и документ подтверждающий право осуществления предпринимательской деятельности. В этом смысле Закон РМ №220/2007 в ч.(3) ст. 28 закрепляет, что *«при государственной регистрации проверяются личность и дееспособность физического лица»*. Более конкретизированы требования к индивидуальным предпринимателям иностранцам – патента обладателям в ст. 2 Закона РМ «О предпринимательском патенте» №93 от 15.07.1998г.[7], согласно которой, *патента обладателем может быть любой дееспособный гражданин РМ, любой иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающие в РМ и имеющие право заниматься предпринимательской деятельностью, которые заявили о своем намерении приобрести патент и соответствуют квалификационным требованиям, необходимым для данного вида деятельности*. В связи с этим и в целях устранения пробела следует дополнить ст. 28 Закона РМ №220/2007 ч.(1¹) следующего содержания: «Для государственной регистрации индивидуальных предпринимателей – иностранных граждан или лиц без гражданства представляются следующие документы: а) заявление о регистрации по утвержденному органом государственной регистрации образцу; б) документ, подтверждающий право постоянного проживания на территории РМ; в) документ, подтверждающий право заниматься предпринимательской деятельностью; д) документ, подтверждающий внесение платы за регистрацию. Также дополнить ст. 30 Закона РМ №220/2007 ч.(1¹) следующего содержания: «Государственная регистрация индивидуальных предпринимателей – иностранных граждан или лиц без гражданства не допускается в случаях, если иностранный гражданин или лицо без гражданства не соответствует требованиям п. а) и б) ч.(1¹) ст. 28 настоящего закона».

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что процесс государственной регистрации иностранных предприятия и индивидуальных предпринимателей – иностранцев в РМ довольно прост. Однако имеет место отсутствие конкретизации относительно государственной регистрации предпринимателей – иностранцев. В целях устранения некоторых пробелов и конкретизации правового регулирования государственной регистрации предпринимателей – иностранцев нами предложены соответствующие законодательные дополнения.

Библиография:

1. Baieș Sergiu, Roșca Nicolae. Drept civil. Partea generală. Persoana fizică. Persoana juridică, ediția a 4-a, Chișinău, 2011.
2. Гражданский кодекс РМ № 1107-XV от 06.06.2002 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 82-86/661 от 26.06.2002.
3. Гражданское и торговое право капиталистических стран / Отв. ред. Е.А. Васильев. – М. 1993.
4. Гражданское право: в 2 Т. Том I: учебник / Под ред. Суханова Е.А.– М.: Волтерс Клувер. 2007.
5. Закон РМ «Об инвестициях в предпринимательскую деятельность» №81 от 18.03.2004//Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 64-68 от 23.04.2008.

6. Закон РМ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» №220 от 19 октября 2007//Monitorul Oficial al Republicii Moldova № 184-187 от 30.11.2007.
7. Закона РМ «О предпринимательском патенте» №93 от 15.07.1998// Monitorul Oficial al Republicii Moldova №72-73 от 06.08.1998.
8. Каленик А.В. Основы правового регулирования предпринимательства и предприятий в Республике Молдова: состояние, тенденции развития и проблемы // Предпринимательское право. 2009, № 2.
9. **Каленик А.В. Проблемы правового положения индивидуального предпринимателя.** // Журнал Бизнес-Право. 2007. № 12.
10. Каленик А.В. Коммерческое право/Славянский университет Молдовы.- Ch. Business-Elita, 2004.
11. Каленик А. Торговое право / Под общ. ред. В.К. Волчинского. – Кишинев, 1999.
12. Кибак Г.И., Кириак А.И. Гражданское право. Общая часть. Краткий курс лекций. Законодательство.- Кишинев. Молдавский Госуниверситет. 1997.
13. Конституция Республики Молдова от 29.07. 94.//Monitorul Oficial al Republicii Moldova №1 от 12.08.94.
14. Постановлением Правительства РМ «О создании Агентства публичных услуг» №314 от 22.25.2017// Monitorul Oficial al Republicii Moldova №162-170 от 26.05.2017.

УДК 32.019.52

Наумов Дмитрий Иванович

канд. экон. наук, доцент БГЭУ

г. Минск, РБ

E-mail: cedrus2014@mail.ru

Короткина Валентина Васильевна

студентка института социально-гуманитарного образования

г. Минск, РБ

E-mail: korotkina2019@inbox.ru

Кутняя Дарья Васильевна

студентка института социально-гуманитарного образования

г. Минск, РБ

E-mail: Dariakutnyaya.400@gmail.com

СОСТОЯНИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СМИ В СОВРЕМЕННЫХ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Abstract. This article reveals the state of non-state media in modern Belarus and Russia. A comparative analysis of non-state media in the Republic of Belarus and the Russian Federation is made, and the main problems faced by independent journalism in these countries are considered.

Keywords: Media, freedom of speech, level of distrust of the media, persecution of journalists, and strict system of regulation.

Свобода слова является основополагающей ценностью и базовым критерием демократического общества. Она предоставляет возможность для гражданского самовыражения, однако обязывает нести личную ответственность за её использование. Поддержание свободы слова посредством выражения различных точек зрения на события и вовлечения людей в открытые дискуссии составляет основу повседневной работы журналистов и средств массовой информации. В современном обществе журналисты

выступают не просто в качестве хранителей свободы слова, а в роли четвертой ветви власти. Собирая, перерабатывая и распространяя информацию, имеющие социальную значимость, они обеспечивают плюрализм мнений в обществе и поддерживают на практике принцип моральной и юридической ответственности должностных лиц за деятельность органов власти в стране.

СМИ – это неотъемлемая часть современного общества, которая имеет экономическое, политическое, техническое и культурное измерения.

В Беларуси сегодня действуют печатные и электронные СМИ разных форм собственности и различной тематики. На данный момент в Беларуси насчитывается 743 газеты и 866 журналов, из них 2/3 – частные издания. В стране работает 9 информационных агентств, 7 из которых частные, выходят в эфир 174 радиопрограммы и 102 телепрограммы (из них 26 радиопрограмм и 57 телепередач – негосударственные) [1].

В Российской Федерации на сегодняшний день насчитывается около 48180 печатных СМИ, в том числе 18125 газет, 26721 журналов, 1444 альманаха. В стране по неполным данным работает 12 информационных агентств, 3408 радиопрограмм и 259 телеканалов [2].

Свобода слова, выражения мнений и свобода прессы гарантированы белорусской и российской Конституциями [3; 5]. Данный момент позволяет утверждать белорусским официальным должностным лицам то, что в стране сформировано и динамично развивается национальное информационное пространство [4]. Российское законодательство также предусматривает свободу слова, однако посредством расширенного применения норм закона об экстремизме официальные власти имеют возможность активно вмешиваться в деятельность российских СМИ, которые не имеют официальной поддержки [5]. Правительство контролирует, напрямую или через государственные компании и дружественных бизнес-магнатов, все национальные телевизионные сети и многие радио- и печатные издания, а также большую часть рынка медийной рекламы. Горстка независимых отделений все еще работает, большинство из них онлайн, а некоторые со штаб-квартирой за рубежом.

В целом, можно выделить как следующие общие моменты в законодательном регулировании деятельности СМИ, так и определенные различия в правовом статусе белорусских и российских изданий и деятельности журналистов (см. таблицу).

Таблица – Основные моменты законодательного регулирования деятельности средств массовой информации

Республика Беларусь	Российская Федерация
Не могут выступать в качестве учредителя средства массовой информации: иностранное юридическое лицо, а также иностранный гражданин и лицо без гражданства (ст. 10 Закон о СМИ)	Не может выступать учредителем: гражданин другого государства или лицо без гражданства, не проживающее постоянно в Российской Федерации.
В Республике Беларусь каждому гарантируются свобода мнений, убеждений и их свободное выражение ст. 5	В Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них ст. 29
Монополизация средств массовой информации государственными органами, политическими партиями, другими общественными объединениями, иными юридическими или физическими лицами не допускается.	Цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно

ст. 6	согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, – не допускается. ст. 3

Источник: собственная разработка на основе [11], [12]

Свобода слова и адекватная оценка деятельности средств массовой информации представляет собой сложную задачу. Однако в современной науке существуют свои методы оценки соблюдения прав и свобод человека в обществе, которыми активно пользуются исследователи и специалисты различных общественных организаций. Так, влиятельная международная неправительственная организация Reporters Without Borders (RSF), которая борется против цензуры и за освобождение журналистов, находящихся в заключении из-за своей профессиональной деятельности. RSF ежегодно публикует индекс свободы прессы на основе данных, собираемых более чем в 180 странах мира. Данный индекс отражает степень свободы, которой обладают журналисты, новостные организации и пользователи сети в каждой стране, и усилия, предпринимаемые властями для уважения этой свободы.

Сообразно с данными RSF за 2019 г., Беларусь в мировом индексе свободной прессы заняла 153 место из 180 стран, поднявшись на две позиции по сравнению с предыдущим годом. Россия занимает 149 место из 180 стран. Стоит отметить, что в данном рейтинге с 2013-2018 гг. положение Беларуси и России остается практически неизменным.

Первое место в рейтинге традиционно осталось за Норвегией, далее следуют Финляндия и Швеция. В первой десятке свободных стран также оказались Нидерланды, Дания, Швейцария, Новая Зеландия, Ямайка, Бельгия и Коста-Рика. Последнее – 180-е место – занял Туркменистан, уступив Северной Корее, которая, в свою очередь, занимает 179-е место[6].

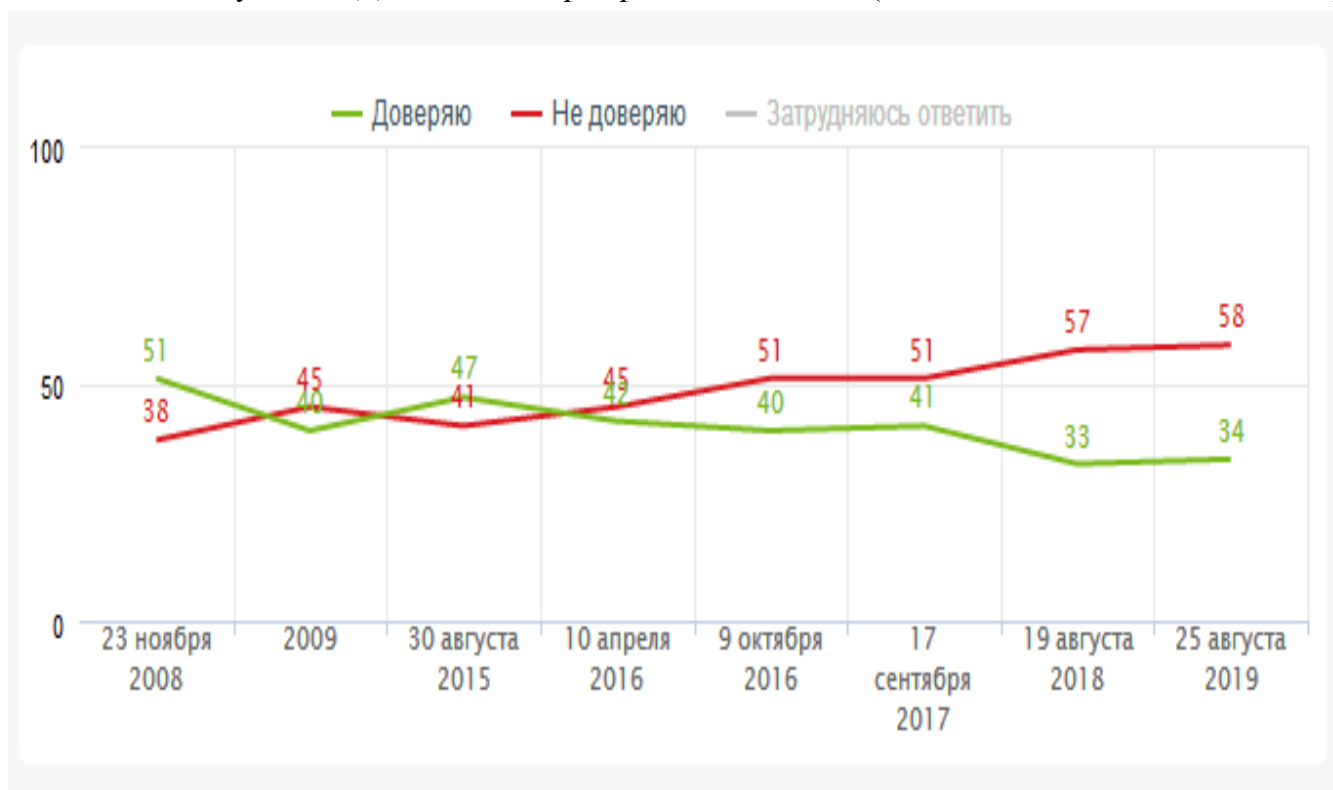
Аналогичный проект реализует известная неправительственная организация Freedom House, которая описывает его как «четкий голос за демократию и свободу в мире». С 1972 года Freedom House публикует ежегодный доклад «Свобода в мире», в котором оценивается степень политических и гражданских прав в каждой стране (по шкале от 1 до 7). Государства, в которых средний уровень политических и гражданских свобод отличался от 1,0 до 2,5, считаются «свободными». Состояния со значениями от 3,0 до 5,5 считаются «частично свободными», а состояния со значениями от 5,5 до 7,0 – «несвободными».

Согласно рейтингу Freedom House за 2019 год, Республика Беларусь и Российская Федерация набрали по 6,5 баллов, в результате чего их следует отнести к списку несвободных государств, в которых существуют серьезные проблемы с выражением свободного мнения, с соблюдением соответствующих прав и свобод человека[7].

В Российской Федерации данной проблематикой активно занимается некоммерческая организация Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), основным заказчиком и потребителем результатов исследований которого является Администрация Президента РФ, Правительство РФ, ЦБ РФ, МОСТ-Банк, Газпром, ВАЗ, ОПТ, ВГТРК, НТВ, НТВ+, ЮКОС, Интеррос, Видео Интернешнл, Интерфакс, РИА «Вести», Российская Ассоциация Маркетинга, а также десятки других российских государственных, коммерческих, финансовых, рекламных и информационных структур. Фонд получил известность и за рубежом, выполняя работы для USA, ROPER STARCH, BBC, Стэнфордского университета, Фонда «Евразия», посольств различных стран в России и др. [8].

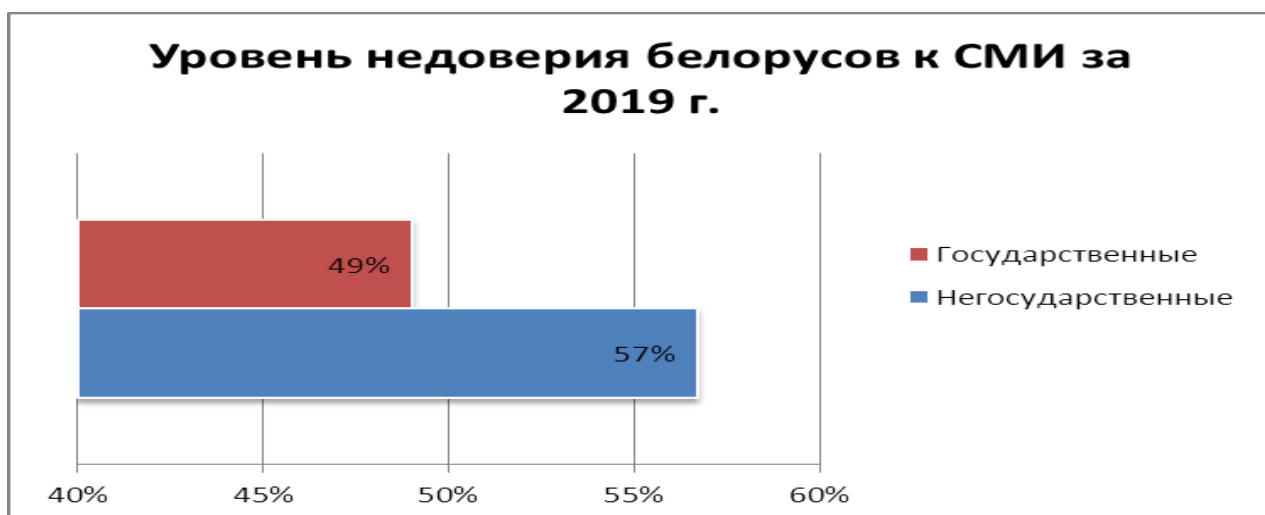
Так, еженедельный опрос «ФОМнибус» 2019 г., оценивая доверия российских граждан, утверждает, что 58% населения страны не доверяют российским СМИ, 34% участников опроса убеждены в обратном (рис.1).

Рисунок 1 – Динамика доверия российским СМИ (по данным ФОМ, 2008 – 2019 гг.)

В марте 2019 года Белорусская аналитическая мастерская (BAW), действующая в Варшаве под руководством А. Вардомацкого, заявила о проведении в Беларуси общенационального репрезентативного опроса. По данным опроса BAW, уровень недоверия белорусов в отношении негосударственных СМИ составляет 56,7%. Государственным СМИ не доверяет также значительное большинство белорусских граждан – 49%, однако это гораздо меньше, чем негосударственным [9] (рис. 2).

Рисунок 2 – Уровень доверия/недоверия белорусским СМИ (по данным BAW, 2019 г.)

В большинстве постсоветских стран наблюдаются схожие сложности и проблемы в медийной сфере. Так, в качестве основных проблем в деле функционирования СМИ можно назвать жесткую систему административного регулирования информационной сферы, угрозы физической и психологической безопасности журналистов, фактическая безнаказанность тех, кто совершает преступлений против журналистов, дискриминация

независимых СМИ. Следует отметить, что в большинстве стран ЕАЭС официальные власти расширяют ограничительные принципы и на регулирование деятельности интернет-изданий. Так, доступ к некоторым информационным ресурсам уже ограничен посредством применения процедур внесудебного разбирательства (например, оппозиционные порталы «Хартия 97» и «МБХ медиа»). В Беларуси для журналистов, работающих в негосударственных СМИ, проблемным стал 2018 год, когда на них было наложено около ста штрафов, а крупные новостные агентства стали испытывать серьезное административное давление (такие, как TUT.BY и БелаПАН). В России многие независимые новостные издания были взяты под контроль после антиправительственных протестов в 2011 и 2012 годах. Кроме того, была совершена попытка заблокировать Telegram, которая показала решимость официальных властей установить контроль над деятельностью интернет-ресурсов [10].

Таким образом, за последние годы в Беларуси и России не наблюдается тенденция улучшения ситуации с традиционными СМИ. Общественно-политические издания сталкиваются с фактами экономической дискриминации, которые ограничивают возможности для их деятельности, тем самым негативно влияя на развитие свободной и плюралистической прессы в стране. Интернет привнес значительные изменения в рынок новостных СМИ, предоставляя новые возможности для распространения информации и обмена идеями, но полноценное развитие новостных онлайн-изданий сдерживается структурой рынка и практикой жесткого государственного регулирования. Все это создает серьезные проблемы со свободой слова в Беларуси и России, решение которых является легкой задачей и требует совместных усилий гражданского общества и журналистского корпуса.

Список использованной литературы

1. Официальный сайт Республики Беларусь / СМИ в Беларуси [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/mass-media-in-belarus>. – Дата доступа: 17.12.2019.
2. Экономика – агентство экономической информации [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <https://lprime.ru/News/20190112/829607046.html>. – Дата доступа: 17.12.2019.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
4. В Беларуси сформировано национальное информационное пространство - Пролесковский / БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-sformirovano-natsionalnoe-informatsionnoe-prostranstvo-proleskovskij-138057-2010>. – Дата доступа: 18.12.2019.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.
6. Reporters Without Borders [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <https://rsf.org/en/ranking>. – Date of access: 25.12.2019.
7. Freedom House [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019>. – Date of access: 25.12.2019.
8. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14254>. – Дата доступа: 25.12.2019.
9. Сайт белорусских исследователей [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2019/11/16/5-institutov-kotorym-doverayut-i-ne-doverayut-belorusy.html>. – Дата доступа: 25.12.2019.
10. Википедия [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Блокирование_Telegram_в_России. – Дата доступа: 26.12.2019.

11. О средствах массовой информации: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г., № 427-3 : с изм. доп. от 17 июля 2018 г. № 128-3. // Право – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2003.
12. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации, 27 дек. 1991 г., № 2124-1: в ред. Закона Российской Федер. от 02. 12. 2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

УДК 347.73

Киселева Елена Ивановна

Канд. истор. наук, доцент

Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск, Российская Федерация

(Kiselewa.el@yandex.ru)

МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ В БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Abstract. The article deals with the problems of development of the budget system of the Russian Federation in the modern period. The main changes in the structure of local budgets are shown. The problems related to the budget provision of municipalities are revealed.

Бюджетное устройство страны - организация бюджетной системы – определяется ее государственным устройством. Для бюджетной системы федеративного государства характерны три уровня – федеральный бюджет, бюджеты субъектов федерации и местные бюджеты. Этот принцип бюджетного устройства остается неизменным.

Вместе с тем бюджетная система Российской Федерации претерпела некоторые изменения. Эти изменения связаны с уточнением понятия «местный бюджет». До 1995 года в Российской Федерации местное самоуправление было организовано на уровне районов и городов областного (краевого, республиканского, окружного) значения; городов районного значения, поселков, сельских администраций, районов в городах. Соответственно формировались и разные виды местных бюджетов. На практике в большинстве субъектов Российской Федерации местные бюджеты формировались на уровне районов и городов областного (краевого, республиканского, окружного) значения.

Принятый в 1995 г. закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] не снял проблему неопределенности норм о территориальных основах местного самоуправления и не установил четкого разграничения полномочий между муниципальными образованиями разных типов и территориальных уровней. В результате в большинстве субъектов Российской Федерации продолжали формироваться уровне бывших городов областного (краевого, республиканского, окружного) значения и административных районов. Территориальные единицы более низкого уровня (города районного значения, поселения), ранее имевшие свои бюджеты, были переведены на сметное финансирование.

В ряде субъектов Российской Федерации формирование местных бюджетов осуществлялось на уровне городов, поселков. При этом реально бюджетный процесс осуществлялся только на уровне районов. Так, в Новосибирской области с 1996 года действовала двухуровневая система территориального управления. Система территориального управления состояла из территориальных государственных органов представительной и исполнительной власти на уровне районов области и органов местного самоуправления в городах и поселениях. Для финансового обеспечения деятельности

территориальных органов власти на уровне районов формировались территориальные бюджеты.

Таким образом, фактически на местном уровне существовало два административных уровня для управления муниципальными финансами.

Новой редакцией Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 19.06.2004 N 53-ФЗ) [2] было установлено, что местное самоуправление на территории Российской Федерации осуществляется в городских и сельских поселениях, муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения.

Изменение системы местного самоуправления потребовало внесения системных изменений и в бюджетное законодательство и, прежде всего, в части определения структуры бюджетного устройства.

Соответствующие изменения были внесены и в Бюджетный кодекс в части уточнения бюджетного устройства и общих принципов организации бюджетной системы Российской Федерации. [3]

Бюджетная система Российской Федерации была определена как основанная на экономических отношениях и государственном устройстве Российской Федерации, регулируемая законодательством Российской Федерации совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов.

Структуру бюджетной системы Российской Федерации составили бюджеты следующих уровней: федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов; бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов; местные бюджеты, в том числе: бюджеты муниципальных районов, бюджеты городских округов, бюджеты внутригородских муниципальных образований, городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга.

Новый этап в развитии бюджетной системы Российской Федерации был связан с образованием новых типов муниципальных образований – городского округа с внутригородским делением и внутригородского района. [4]

Критерии для деления городских округов с внутригородским делением на внутригородские районы должны устанавливаться законами субъекта Российской Федерации и уставом такого городского округа. Таким образом, была законодательно установлена возможность создания двухуровневой модели организации местного самоуправления на уровне городского округа с внутригородским делением.

Включение Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации завершило формирование ныне существующей бюджетной системы. В состав бюджетов городов федерального значения был включен бюджет города Севастополь.

К принципам бюджетной системы Российской Федерации Бюджетным кодексом отнесены принцип самостоятельности бюджетов и принцип разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы РФ. Создание новых видов муниципальных образований потребовало усовершенствовать систему обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований. Эта система включает две основных составляющих: закрепление за каждым видом местного бюджета соответствующих доходов и урегулирование межбюджетных отношений.

Бюджетным кодексом за каждый вид местного бюджета формально закреплены налоговые и неналоговые доходы. Но структура этих доходов и, прежде всего налоговых доходов такова, что заведомо предполагает финансовую зависимость от поступлений от других бюджетов. Так, в бюджеты муниципальных районов должны перечисляться доходы от местных налогов и сборов. А, кроме того, доходы от федеральных, региональных налогов

и сборов. Нормативы отчисления от этих налогов устанавливаются соответственно федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Зависимость бюджетов сельских и городских поселений от дополнительно перечисляемых налогов и сборов от других бюджетов еще более значительна. То есть формирование доходной части местных бюджетов в значительной мере зависит от установления соответствующих нормативов отчислений от налогов и сборов, устанавливаемых федеральными и региональными органами власти. Развитие системы местных бюджетов потребовало расширения бюджетных полномочий субъектов Российской Федерации по установлению единых нормативов отчислений от федеральных, региональных и местных налогов, а также штрафов и иных сумм принудительного изъятия, подлежащих зачислению в бюджеты соответствующих муниципальных образований.

В еще большей степени местные бюджеты зависят от поступлений средств от других бюджетов в форме межбюджетных трансфертов. Подробно эта проблема была рассмотрена в ранее опубликованной статье.[5]

Применяемая с 2007 года схема выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований предусматривала предоставление средств местным бюджетам из разных источников и в разных формах межбюджетных трансфертов. В бюджете субъекта РФ предусмотрено образование регионального фонда финансовой поддержки поселений, через который поселениям предоставляются дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Даже общее перечисление источников финансирования бюджетной обеспеченности выявляет усложненность общей схемы, закрепленной в Бюджетном кодексе РФ. Задача выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований достигается путем использования всех форм межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ. При этом в большинстве случаев имеет место трансформации форм межбюджетных трансфертов: так, средства, направляемые субъектами РФ в муниципальные районы в форме субсидий, субвенций и иных трансфертов преобразуются в бюджетах поселений в дотации. Формальное изменение наименования трансфертов влечет за собой изменение правового режима их использования при передаче из одного бюджета бюджетной системы РФ другому бюджету бюджетной системы РФ.

Отдельным законом субъекта РФ может быть предусмотрена замена дотаций на выравнивание полностью или в части установлением дополнительных нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц.

Субъекту РФ предоставлена возможность наделить полномочиями по расчету и предоставлению дотаций на выравнивание бюджетам поселений органы местного самоуправления муниципальных районов. Передача соответствующих полномочий утверждается законом субъекта РФ. Этим же законом должен быть утвержден порядок (методика) расчета субвенций бюджетам муниципальных районов из регионального фонда компенсаций, так при передаче полномочий изменяется и форма межбюджетного трансферта: вместо дотаций на выравнивание в бюджете субъекта РФ предусматриваются субвенции. Соответственно, и распределение дотаций между поселениями должно утверждаться решением представительного органа власти муниципального района.

Помимо дотаций и субвенций субъекта РФ вправе направлять в местные бюджеты и так называемые «иные межбюджетные трансферты» - средства в пределах 10% общего объема трансфертов не имеющие четко установленной цели их использования.

Отдельным источником для решения проблемы бюджетной обеспеченности поселений являются дотации на выравнивание, предоставляемые из бюджетов муниципальных районов, предусмотренные ст. 142.1 Бюджетного кодекса РФ. Дотации на выравнивание образуют районный фонд финансовой поддержки поселений. Порядок определения объемов районных фондов и распределения дотаций должен утверждаться законом субъекта РФ. Решением

представительного органа муниципального района о бюджете утверждается объем и распределение дотаций. При этом дотации на выравнивание должны предоставляться поселениям за счет собственных средств бюджетов муниципальных районов, так как выравнивание уровня бюджетной обеспеченности поселений отнесено к вопросам местного значения, закрепленным за муниципальными районами.

В случае невозможности самостоятельного осуществления данного полномочия муниципальный район вправе получить финансовую помощь от субъекта РФ в форме субсидий. Бюджетный кодекс РФ (п. 2 ст. 139) закрепляет за субъектами РФ право предоставлять субсидии местным бюджетам на выравнивание обеспеченности муниципальных образований по реализации ими их отдельных расходных обязательств.

Реализация схемы выравнивания бюджетной обеспеченности поселений предполагает принятие субъектами РФ и муниципальными образованиями большого количества нормативных правовых актов. Так, субъекты РФ обязаны принять отдельные законы: 1) о порядке распределения дотаций поселениям; 2) о замене дотаций дополнительными нормативами отчисления от налога на доходы физических лиц, о наделении органов власти муниципальных районов полномочиями субъектов РФ по расчету и предоставлению дотаций и методике расчета и распределения субвенций; 3) об установлении целей и условий предоставления субсидий для формирования районных фондов финансовой поддержки поселений; 4) о порядке расчета и распределении дотаций из районного фонда финансовой поддержки поселений. Эти законы субъектов Российской Федерации должны быть приняты помимо ежегодно принимаемого закона о бюджете субъекта Российской Федерации на соответствующий год и плановый период. В составе законов субъектов Российской Федерации должны быть утверждены методики распределения каждой формы межбюджетных трансфертов.

Помимо проблемы «избыточного количества нормативных правовых актов, регулирующих решение одной задачи – выравнивание бюджетной обеспеченности поселений – следует отметить существование и проблемы качества нормативных правовых актов регионального и особенно муниципального уровня.

На наш взгляд, детализация видов муниципальных образований находится в противоречии с заведомой недостаточностью собственных средств местных бюджетов.

Столь сложная система обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований приводит к ограниченности полномочий местных органов власти по регулированию закрепленных за ними видов доходов. Централизация поступлений налогов и сборов в вышестоящие бюджеты, с одной стороны, и нестабильность закрепления основных доходных источников за местными бюджетами в значительной степени уменьшает эффективность решения задач, стоящих перед муниципальными образованиями.

Передача муниципальным образованиям части доходов, зачисляемых в региональные бюджеты, не сможет, на наш взгляд, решить проблему бюджетной обеспеченности всех муниципальных образований с учетом различий в их экономическом развитии и, как следствие, с учетом их разного налогового потенциала.

Решение этой проблемы связано как с совершенствованием механизма межбюджетного регулирования в качестве основы для эффективного решения вопросов общегосударственного и местного значения, так и оптимизацией системы местного самоуправления.

Библиография

1. Федеральный закон от 28 августа 1995г. N 154-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.8. 1995. N 35.Ст. 3506

2. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. N 53-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.6. 2004. N 25.Ст. 2484.
3. ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» ФЗ от 20.08.2004 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.23.08.2004. Ст. 3535.
4. ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и приведении в соответствие с бюджетным законодательством РФ отдельных законодательных актов Российской Федерации». ФЗ от 26.04.2007 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.30.04.2007.№ 18.Ст. 2117.
5. Подробнее см.: Киселева Е.И. Правовые проблемы выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 7 С.16-19.

УДК:343.131.5

Миронова Светлана

Доктор полит. наук, доцент кафедры Публичного права
Комратского госуниверситета,
начальник Представительства Офиса
Народного Адвоката Республики Молдова

ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЦ, НУЖДАЮЩИХСЯ В УСТАНОВЛЕНИИ МЕР СУДЕБНОЙ ОХРАНЫ

Abstract. The article discusses the main problems in the social and legal protection of persons suffering from mental illness. The innovations in the legislation that should be applied in the activities of local authorities are noted.

Keywords: security measures, rights protection issues.

1 марта 2019 года вступил в силу модифицированный Гражданский Кодекс Республики Молдова, который внес достаточно существенные изменения в статус лиц с психическими заболеваниями. На данный момент в законодательстве отсутствует понятие «недееспособность», введено понятие «лицо под охраной».

Согласно ч. (1), (3) ст. 65 ГК РМ физическое лицо, которое достигло совершеннолетия или иным законным путем обрело полную дееспособность и которое вследствие психического заболевания либо физического, умственного или психологического нарушения не может в полной мере понимать значение своих действий либо изъявлять свою волю, может воспользоваться мерой охраны, которая устанавливается в зависимости от его состояния или положения.

Меры охраны могут быть договорными (договор о предоставлении помощи, поручение об охране лица в будущем) и судебными (временная охрана, попечительство, опека).

Как ясно из смысла указанной статьи, меры охраны устанавливаются судебной инстанцией и органом опеки. Однако, законодательство не содержит четкого указания того, кто именно является органом опеки лиц с психическими заболеваниями. Представительство Офиса народного Адвоката периодически получает запросы от местных органов власти с просьбой объяснить положения законодательства по защите лиц с ментальными нарушениями. Ранее, местные советы назначали опекунов на основании решения суда о признании лица недееспособным. На данный момент в нарушение закона некоторые примары продолжают издавать распоряжения о назначении опекунов, так как не знают особенностей применения нового законодательства.

Согласно п. q) ч. (1) ст.29 Закона РМ о местном публичном управлении N 436-XVI от 28.12.2006 примар осуществляет функции местного органа опеки в соответствии с законом. Более точного указания на то, что делает примар как орган опеки над лицами с ментальными проблемами, не существует. В отношении детей, например, имеется Закон об особой защите детей, находящихся в ситуации риска, и детей, разлученных с родителями № 140 от 14.06.2013, в котором более четко прописаны полномочия органов опеки.

Органы местного публичного управления вправе самостоятельно обращаться в суд для вынесения решения об установлении меры защиты. При этом, надо признать, что в большинстве примэрий, в отделах социальной защиты при районных администрациях отсутствует должность юриста, который мог бы оказать юридическую помощь при установлении мер защиты.

Примары, не имея необходимых познаний в области гражданского законодательства, часто совершают ошибки и нарушают при этом права человека. Так, не менее половина примаров, в ответ на запрос об особенностях защиты прав лиц, над которыми установлены меры охраны, не имеют никакой информации и перенаправляют в центры здоровья. Другие примары жалуются на отсутствие возможностей для обеспечения прав лиц, страдающих психическими заболеваниями, особенно в случае отсутствия родственников. Так, некоторые примары знают о чрезвычайно сложной обстановке, в которой живет больной, но помочь ни чем не могут, так как сейчас отсутствуют социальные учреждения, где можно разместить таких людей. Во-первых, дома престарелых есть только в городах, муниципиях, а во-вторых, в дома престарелых принимают пациентов, которые могут самостоятельно себя обслуживать.

Считаю, что создана ситуация, когда изменившееся законодательство не повлекло за собой проведение обучающих мероприятий как для местных органов власти, так и для центров психического здоровья. Кроме этого, у местных органов власти отсутствуют финансовые возможности для обеспечения защиты прав лиц, над которыми установлены меры охраны.

Так, согласно Постановлению Правительства № 337 от 26.05.2017 об утверждении Национальной программы психического здоровья на 2017-2021 годы и Плана действий по ее внедрению Правительство приняло решение рекомендовать органам местного публичного управления разработать территориальные программы психического здоровья на 2017-2021 годы и содействовать их выполнению. Так как это положение носит рекомендательный характер, оно в большей степени не выполнено.

Только 50 процентов примэрий АТО Гагаузии предоставляют социальную помощь лицам с психическими заболеваниями, остальные не знают, что примар является опекуном. У 90 процентов примэрий отсутствует возможность оказывать социальную помощь для прохождения психиатрической экспертизы для обращения в суд для установления меры охраны. Чаще всего проблема выявляется, когда родственник, ухаживающий за лицом с психическим заболеванием, должен оформить доверенность для получения пенсии и не может этого сделать, т.к. нотариусы требуют документы об установлении опеки.

Согласно ч. (7) ст.65 ГК РМ доверенным является любое лицо, свободно избранное охраняемым лицом с целью оказания ему помощи в общении. При отсутствии выбора доверенное лицо назначается по просьбе охраняемого лица коммунитарным центром психического здоровья. При опросе врачей коммунитарных центров было выяснено, что они не знают об этой возможности и не знают механизма осуществления. Также они не имеют информации о взаимоотношениях бенефициара с окружающими людьми, чтобы назначить действительно настоящее доверенное лицо.

Кроме этого, коммунитарные центры психического здоровья не имеют необходимых ресурсов для эффективной помощи лицам с ментальными проблемами (отсутствуют помещения, штаты, лекарства, финансирование). Не все лекарства выделяются по полису, а

они являются очень дорогими. В штатах коммунитарных центров не хватает медсестер, которые будут контролировать лечение пациентов и приём ими лекарств.

Другая проблема, это сокращение мест в психиатрических больницах. Так, если ранее в Костюженах лечилось до 2000 пациентов, то сейчас 700. В психоневрологические интернаты очередь на 10-15 лет вперед.

Проблемы часто возникают, когда у психически больного взрослого человека умирают родители, присматривающие за ним. При отсутствии других родных, некому осуществлять уход за ним. Также сложные ситуации возникают и при живых родителях, когда такой больной часто подвержен приступам и становится опасным. Врач привел пример ситуацию, когда дочь нападает на свою старую мать, которая вынуждена спасаться у соседей. Дочь лечат. Лечение застрахованных лиц проводится максимум до 21 дня, а дальше престарелая мать не способна заставить дочь принимать периодически лекарства и наступает приступ. В СМИ периодически появляется информация об опасных последствиях поведения психически больных людей. Также обращаются родственники лиц, страдающих психическими заболеваниями с жалобами на усталость. Они вынуждены 24 часа присматривать за больными, при этом без выходных и отпуска. Государство при этом не оказывает никакой социальной и страховой помощи, т.к. количество ставок персональных ассистентов недостаточное.

Закон содержит положения о деятельности авторизованного защитника. В соответствии с ч.(3) ст.67 орган, уполномоченный выдавать разрешения, условия и порядок выдачи разрешений и осуществления деятельности авторизованного защитника устанавливаются положением, утвержденным Правительством. Правительство не разработало и не приняло положение об авторизованном защитнике.

Считаем, что современное законодательство заложило основы защиты прав лиц, страдающих от психических заболеваний, но не создало социально-экономических условий для обеспечения мер защиты.

На данный момент необходимо направить рекомендации местным органам власти о необходимости представления и защиты интересов лиц с ментальными проблемами. Кроме этого, Министерство здравоохранения, социальной защиты и труда Республики Молдова должно продолжить работу по имплементации законодательства в указанном контексте и обучить социальных ассистентов, коммунитарные центры здоровья особенностям защиты лиц, находящихся под охраной.

Библиография:

1. Гражданский Кодекс РМ № 1107-XV от 06.06.2002// Переопубликован: Мониторул Официалал Р.Молдова N 66-75/132 от 01.03.2019, Мониторул Официал ал Р.Молдова N 82-86/661 от 22.06.2002
2. Закон об административной децентрализации N 435-XVI от 28.12.2006 // Мониторул ОфициалN 29-31/91 от 02.03.2007
3. Закон о местном публичном управлении N 436-XVI от 28.12.2006// Мониторул ОфициалN 32-35/116 от 09.03.2007

УДК 323.2

Шаматонова Галина Леонидовна

канд. полит. наук, доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова

г. Ярославль, Россия

gshamatonova@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Abstract. The article presents a theoretical and practical analysis of civic activism. The current forms of civic activity in the field of environmental protection in modern Russia are considered. It was concluded that the concept of «environmental protest» is at the intersection of such terms as «protest» and «environmental movement». Focusing on the opinion of researchers on these issues, the authors formulated their own concept of "environmental protest." The state and dynamics of environmental protests in modern Russia are presented. Four major Russian environmental protests were analyzed: «Stop GOK» in the Chelyabinsk Region; Greenpeace Russia, the Baltic Fund for Nature and Eco-Examination against the construction of the Russian section of the Nord Stream-2 gas pipeline across the Kurgalsky sanctuary (Kaliningrad region); The «Eco-defense!» And «Team-29» movements are against the opening of new coal mines and open-pit coal mining in the Kuzbass (Kemerovo region); Polygon «Yadrovo» in the Moscow region. The regional experience of conducting environmental protests is explored using the example of the Yaroslavl Region. Four major protests were studied and analyzed: the Solid Waste Solid landfill in Pereslavl Zalesky; development of the territory of the national park «Plescheevo Lake»; construction of the park area «Pavlovskaya Grove» and the importation of Moscow garbage into the territory of the Skokovo landfill.

Keywords: protest, environmental protest, civil activity, environmental movement, protest actions, Yaroslavl region

Экологические протесты проходят во всех странах мира и Россия в этом плане не исключение. В настоящее время количество экологических протестов в России постоянно увеличивается, они влияют на политический процесс и политическую систему в целом. Результативность протестов зависит от того, какие инструменты используют протестующие и какой поддержки им удастся добиться, поэтому возникает необходимость изучения процессов и особенностей организации экологических протестов.

До 2013 года эпицентрами протестной активности в основном были крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург, но на сегодняшний день ситуация заметно изменилась. В настоящее время протестуют все регионы России, независимо от количества населения, географического месторасположения. В начале XXI века возникают локальные акции экологического протеста. Их появление связано с возникновением определенных проблем в различных регионах России. Требования протестующих отличаются конкретикой. Как только экологическая проблема находит свое решение, протест завершается. В связи с этим возникает необходимость многостороннего анализа тех технологий и механизмов, которые использовались протестующими при организации протестов.

Поднимая вопрос формулировки понятия «экологический протест» мы считаем необходимым отталкиваться от определения самого протеста. По мнению Е. В. Ефановой, «протест – это политическое поведение, форма участия личности и/или общности в осуществлении политической власти, защите своих политических интересов через действие или бездействие» [1]. На принципиальную «нетрадиционность» протестного действия указывает российская исследовательница И. А. Савченко, с её точки зрения, протестное действие предполагает выход за границы рутинной политической деятельности. «В этом

смысле любое, даже осуществляемое в рамках закона, протестное действие несет в себе угрозу сложившемуся порядку и требует от представителей политической власти экстраординарных мер и внимания» [2]. Проводя аналогию с политическим протестом, отметим, что его катализатором могут выступать не только неэффективные действия политической власти либо активное включение антиэлиты в политические процессы, но и существование в обществе определенных расколов.

Любой протест неразрывно связан с политикой и «экологический протест» не исключение. Основой любого протеста являются люди, объединяющиеся для решения определенных проблем. Понятие «экологический протест» не имеет единой формулировки в современной научной литературе. Экологический протест – это форма участия личности и/или общности в осуществлении политической власти, защите своих интересов через действие или бездействие, целью которого является достижение гармоничного сосуществования человека и природы в условиях окружающей среды [3, с. 203].

В Российской Федерации экологические протесты имеют свою специфику. В связи с массой других проблем, связанных с личным благополучием, социальными вопросами, люди вывели проблемы экологии с первых мест. Сейчас, по нашему мнению, ситуация меняется и идет рост общественного экологического движения, но, в основном на местном уровне. Сказывается общее недовольство ситуацией стране, экологические требования переходят в политические. В настоящее время все экологические протесты разрозненны, но их активисты имеют склонность к попыткам объединения, установления горизонтальных связей, обмена опытом для получения новых знаний, начинают складываться первые предпосылки появления единого общественного экологического движения.

В России все движения носят локальный характер, если не сказать муниципальный. Они привязаны к решению в первую очередь местных вопросов: отходы производств или жизнедеятельности человека, свалки, водоотведение, и т.д. Поэтому, как правило, рождаются местные экологические сообщества, которые в последствии не объединяются в федеральные. Федеральная повестка возникает только когда проводятся выборы и образуются партии.

Экологические протесты, для жителей Российской Федерации начиная с 2014 года, перестают быть чем-то выходящим за рамки разумного. Люди начинают более пристально обращать внимание на процессы происходящие в среде их обитания, а именно городах и прилегающих к ним зонам. Особую роль в этом процессе играет развитие интернет технологий, которые позволяют в считанные минуты распространять актуальную информацию о любом событии. Умение использовать и грамотно распространить информацию, которая есть в руках людей, по нашему мнению, является одним из важнейших факторов успеха любого протеста. Под информацией в данном случае мы понимаем определенные знания активистов, в итоге формирующие их инструментарий в рамках протестной компании. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос экологических протестов на территории Российской Федерации и анализ инструментов, используемых протестующими.

С целью выявления актуальных форм гражданской активности в сфере защиты окружающей среды в современной России было проведено авторское социологическое исследование, в котором были использованы специализированные методы политического анализа: кейс-стади, ивент-анализ. Эмпирической базой исследования стали «Яндекс Новости» и комплекс региональных и федеральных новостных агентств.

Для анализа авторами были выбраны четыре экологических протеста прошедших или еще не получивших итогового решения за период с 2014 по 2019 год на территории Российской Федерации. В ходе исследования мы постарались выявить технологии и механизмы, которые использовались протестующими при организации протестов за этот временной период. Было выявлено четыре крупных протеста: «Стоп ГОК» в Челябинской области; Гринпис России, Балтийский фонд природы и «Экоэкспертиза» против

строительства российского участка газопровода «Северный поток-2» по территории Кургальского заказника (Калининградская область); Движения «Экозащита!» и «Команда-29» против открытия новых угольных разрезов и добычи угля открытым способом в Кузбассе (Кемеровская область); Полигон «Ядрово» в Московской области.

По результатам исследования можно сделать вывод, что во всех рассмотренных случаях протест начинался после решения органов исполнительной власти, а первым действием были стихийные митинги. Субъектами рассматриваемых экологических протестов были люди, представляющие общественные организации, муниципалитеты городов, региональные органы исполнительной власти. Профильные экологические организации присутствовали во всех протестах.

В каждом из протестов можно проследить, как интересы сторон помогали развитию протеста. Все стороны старались придерживаться заданного курса и использовали различные механизмы для достижения своих целей.

Анализ используемых инструментов показал, что обе стороны протеста в каждом из случаев старались использовать различные инструменты, в некоторых случаях можно выделить ограниченность в действиях, что приводило к снижению уровня поддержки и потере потенциальных сподвижников.

Достаточно стабильный интерес в сети интернет можно было наблюдать к трём из четырёх протестов, однако необходимо учитывать разную численность муниципальных районов, в которых проходили протесты. Во всех из них прослеживалась структура повышения и понижения интереса к протесту, что позволяет сделать вывод о том, что люди начинали интересоваться этими протестами лишь в период каких-либо событий.

Два из четырёх рассмотренных протестов до сих пор не получили финального решения, а просто были заморожены и такое состояние вероятно продлится до первого серьезного действия со стороны оппонентов протестующих. Подобная ситуация складывается, по причине того, что активисты не готовы идти ни на какие уступки и твердо стоят на своем. Таким образом, для экологических протестов характерны большая длительность и принципиальность позиции протестующих.

Помимо качественных характеристик экологических протестов были выявлены инструменты, которые использовали гражданские активисты при организации экологических протестов. Среди них: митинги; создание петиций; пикеты; запросы в органы государственной власти; информационная работа в сети интернет; судебные иски.

Во второй части исследования экологических протестов на территории Российской Федерации авторами был проведен анализ активности в социальных сетях гражданских активистов, участвующих или организующих экологические протесты на территории Российской Федерации. Для каждого кейса через сервис Яндекс WordStat были подобраны ключевые слова, используя программы «Popsters» и «Brand 24» исследовали: наличие групп в социальных сетях у данных протестов и их содержание; страницы активистов в социальных сетях. По результатам исследования можно сделать вывод, что гражданские активисты не создавали тематических сообществ в социальных сетях для продвижения протестов. Информация размещалась лишь в группах, не имеющих прямого отношения к акции. Самая популярная социальная сеть для продвижения протестов - Facebook. Основным инструментом активистов для воздействия на власть в социальных сетях является отметка в постах для привлечения внимания к своему вопросу. Самыми популярными записями стали приглашения на определенные события в рамках протеста.

Исследование региональной ситуации показало, что на территории Ярославской области за период с 2014 по 2019 год были зафиксированы крупные для региона экологические протесты, некоторые из них имели положительный исход, но в большинстве случаев на решение проблемы уходило больше времени, чем могло потребоваться при максимальной мобилизации всех субъектов. Было проведено авторское исследование

экологических протестов на территории Ярославской области за период с 2014 года по 2019 год. Нами было выявлено четыре самых крупных протеста: полигон Твердо Бытовых Отходов в Переславле Залесском; застройка территории национально парка «Плещеево Озеро»; застройка парковой зоны «Павловской рощи» и ввоз Московского мусора на территорию полигона «Скоково».

Три из рассмотренных нами протеста были связаны с застройкой территорий. В связи с этим можно сделать вывод, что в Ярославской области преобладают экологические протесты, имеющие отношения к незаконной застройке или вырубке охраняемых зон. Однако самый большой резонанс вызвал протест, связанный с размещением московского мусора. В трех случаях из четырёх протест начинался после решения органов исполнительной власти о назначении даты общественных слушаний, а первым действием активистов было создание петиции на портале Change.org. Но протест, связанный с размещением московского мусора стартовал с запросов и протестов регионального политика.

Три из четырёх протестов длятся уже более 20 месяцев, а один из них завершился через месяц после начала, это позволяет сделать вывод, что для экологических протестов характерно длительное течение процесса. Субъектами протестов были люди, представляющие общественные организации, муниципалитеты городов, Ярославскую областную думу, общественную палату Ярославской области, политические партии, но профильные организации, занимающиеся экологией, присутствовали лишь в половине исследуемых протестов. В каждом из протестов можно проследить как интересы сторон помогали развитию протеста. Все субъекты старались придерживаться заданного курса и использовали различные механизмы для достижения своих целей, однако зафиксированы случаи, когда люди меняли свое мнение и переходили на противоположную гражданским активистам сторону. Анализ используемых инструментов показал, что обе стороны протеста в каждом из случаев старались использовать различные инструменты, но очень часто они были достаточно ограниченными и не оказывали должного эффекта на итоговый результат протеста. Возможно, как раз из-за ограниченности форм работы и не наблюдалось стабильного интереса в сети интернет к двум из четырёх протестов. Однако мы считаем, что необходимо учитывать разную численность муниципальных районов, в которых проходили протесты. Во всех из них прослеживалась структура повышения и понижения интереса к протесту, что позволяет сделать вывод о том, что люди начинали интересоваться этими протестами лишь в период каких-либо активных событий. Самым ярким протестом является выступление гражданских активистов против ввоза мусора из Московской области, им удалось достаточно долгое время поддерживать вовлеченность населения. Исходя из этого, мы можем утверждать, что постоянного интереса к протесту удалось добиться только в одном из четырёх протестов. Только один из рассмотренных протестов получил положительное решение, другие три до сих пор не получили четкого решения, а просто были заморожены и неизвестно сколько еще они пробудут в таком подвешенном состоянии. Подобная ситуация складывается, по причине того, что активисты не готовы идти ни на какие-либо уступки и твердо стоят на своем, отвергая любые предложение оппонентов. Это позволяет отметить, что для экологических протестов на территории Ярославской области характерны большая длительность и принципиальность позиции протестующих.

Таким образом, любой протест неразрывно связан с политикой и «экологический протест» не исключение. Основой любого протеста являются люди, объединяющиеся для решения определенных проблем. Экологические протесты в Российской Федерации носят локальный, местный характер. Основные инструменты, которые используют гражданские активисты при организации экологических протестов: митинги; создание петиций; пикеты; запросы в органы государственной власти; информационная работа в сети интернет; судебные иски.

Библиография:

1. Ефанова Е. В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8. С. 30-33.
2. Савченко И. А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. №2. С. 252-255.
3. Шаматонova Г.Л., Майоров В.О. Экологические протесты как форма проявления гражданской активности // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т.5. №3. С. 200-207.

УДК:327.8 (73)

Медовкина Лина Юрьевна

кандидат истор. наук, доцент

г. Донецк

E-mail: medovkinal@gmail.com

Казаренко Дарья Сергеевна

студентка 1 курса магистратуры

г. Донецк

E-mail: danira.13@mail.ru

ПАРАДИГМА ЭТИЧНОСТИ ГИ УМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Abstract. This article discusses the problem of humanitarian intervention in the United States, violation of the Monroe Doctrine and the consequences of these violations, draws conclusions, and suggests solutions to the problem of humanitarian intervention.

Keywords: humanitarian intervention; quasi-commitment, highly likely.

Нас ненавидят все и повсюду. Мы ради них из кожи вон лезем, а они - куда бы ни ступила нога человека, на какую бы планету мы не прилетели - всякий раз встречают нас ненавистью. Мы стараемся сделать их похожими на нас, мы делаем для них всё, что в наших силах — а они отвергают нашу помощь и уклоняются от нашей дружбы. В конце концов, терпение у нас лопается, и мы обхаживаем их лопатой.

Клиффорд Саймак. Учивость.

Классическая гуманитарная помощь представляет собой безвозмездную помощь народонаселению при чрезвычайных ситуациях любого характера. Однако такое определение характерно для внутригосударственной парадигмы. На полях большой политики гуманитарная помощь нередко преобразуется в гуманитарную интервенцию. В настоящее время в международном праве нет точного определения того, что из себя представляет гуманитарная интервенция, но можно сказать, что это применение военной силы со стороны одного государства или некой коалиции в отношении другого независимого государства для предотвращения гуманитарной катастрофы - геноцида местного населения. В истории есть немало примеров гуманитарного вторжения, например, в 1853 году – вооружённое вмешательство Российской Империи в Придунайское княжество для защиты православного населения от геноцида со стороны турецких властей; в 1860 году Франция оправдала свою интервенцию в Ливан – спасением маронитов от жестокого уничтожения и т.д.

Безусловно, оказание помощи во имя спасения жизни людей, подвергшихся геноциду по этническому, религиозному или любому другому поводу - святая обязанность мирового сообщества. Однако, миротворчество, в частности при соприкосновении с государственным суверенитетом, нередко входит в противоречие с международным правом и верховенством человеческой жизни для глобального мира.

Итак, перед человечеством стоит дилемма между моралью и международным правом. Поэтому поиск «Соломонова решения» важен не только в контексте российско-европейской

безопасности, но и в более интернационализационном диапазоне, поскольку жёсткое принуждение к миру оказывает сильное влияние на систему международной безопасности в целом. Вполне возможно, что этот вопрос не стоял столь остро, если бы в мировой политике не укоренилась тенденция подмены понятий для получения преференций.

Первоначально «гуманитарная интервенция» на полях ООН рассматривалась как самая крайняя мера после политико-экономического воздействия на определённого фактора. Однако, проводя параллели между словами и действием дипломатов на площадках СБ ООН, легко заметить, что смысл «гуманитарной интервенции» разительно изменился. В настоящем политическом мироустройстве нет необходимости отягощать себя заботой в отношении своих новых сателлитов, ведь гораздо проще осуществить политический переворот, путём поддержания агрессивного меньшинства, и использовать все их политико-экономические ресурсы для своего блага - то есть для установления нового мирового порядка.

Анализируя российские и зарубежные источники, касающиеся данной проблемы, можно прийти к следующему выводу: США, и управляемое им НАТО, при нарушении доктрины Монро 1823 года, руководствуются исключительно личными геополитическими интересами. Прикрываясь квази обязательствами по защите глобального мира на всей планете, не имея санкции СБ ООН, Вашингтон и НАТО осуществили бомбардировку суверенного государства Югославия, что привело к распаду независимого государства и гуманитарной катастрофе [1]. Вашингтонские поджигатели войны не успокоились на достигнутом, и стремясь не допустить перехода мира к многополярности, понесли «благо и человеколюбие» в другие государства. Далее прямая цитата: «Соединенные Штаты в течение нескольких недель призывают к «гуманитарной интервенции» в Боливарианской Республике Венесуэла, чтобы свергнуть президента Николаса Мадуро и назначить правого оппозиционного законодателя Хуана Гуайдо президентом страны. (...) в марте 2011 года поли государственная коалиция НАТО начала военную интервенцию в Ливии, которая привела к жестокому убийству президента Муаммара Каддафи на руках насильственных группировок, поддерживаемых западным альянсом. (...) В 2003 году, 16 лет назад, Ирак подвергся нападению со стороны интервенционистского правительства США, когда тогдашний президент Джордж Буш-младший представил вторжение как спасающее мир от тайного хранения Саддамом Хусейном оружия массового уничтожения (ОМУ). (...) Сирия нуждалась в демократии, и Соединенные Штаты были одним из первых правительств, которые признали и поддерживали сирийские антиправительственные силы всего через несколько месяцев после массовых протестов против президента Башара Асада в 2011 году. Правительство США Барака Обамы предоставило оружие, обучение и поддержку разведки. силы против Асада в попытке «восстановить демократию». Такие действия породили экстремистские группировки в Сирии, в том числе группы, связанные с «Аль-Каидой», в то время как вакуум власти в стране породил группировку Исламского государства, как в Ираке, так и в Сирии» [2], [6].

Все вышеперечисленные примеры «човеколюбия и защиты демократии» говорят о том, что «гуманитарная интервенция» в данной интерпретации не только не способствует глобальной безопасности, но и обостряет военно-политическую напряжённость между державами. Все не за ангажированные аналитики и специалисты-политологи считают, что «гуманитарная интервенция» глубоко безнравственна по сути своей и противоречит международному праву. Однако мировое сообщество молчаливо соглашается с такой тактикой США и беспрекословно воспринимает "highly likely" как неоспоримый аргумент.

Такое положение вещей стало возможным благодаря современным средствам массовой информации (ТВ, СМИ, Интернет) способным, при «игре в долгую», к манипуляции общественным мнением на политической шахматной доске.

Так перед вторжением в Ирак «Нью-Йорк Таймс» печатал статьи о том, что данное государство близко к разработке ядерного оружия и оружия массового уничтожения, что, в

свою очередь, грозит мировой безопасности. Источником такой взрывоопасной информации стал очевидец, то есть некий *иракский перебежчик*. На такой бездоказательной базе, подкреплённой печально известной пробиркой Колина Пауэлла, при полном попустительстве ООН, была развязана кровавая война под эгидой: «Да здравствует демократия! Долой диктатора!»

По данному факту Доктор Роберт П. Абеле, в своей статье писал так: «Если бы СМИ выполняли свою работу и выступали в качестве критически важного агента в освещении таких претензий, они бы сказали следующее. Во-первых, из-за незнания потенциальных систем оружия другой нации одна нация не имеет права вторгаться в другую, ни этически, ни по международному праву (например, см. Статью 51 Организации Объединённых Наций). Во-вторых, использование перебежчиков в качестве доказательств похоже на использование замученных заключённых: они будут говорить все, что, по их мнению, хочет услышать другая сторона, чтобы получить то, что они хотят» [3].

Итак, мы видим, что «град на холме» при помощи информационных манипуляций проводит континентальные войны и умело сталкивает друг с другом государства, имеющие разные религиозно-национальные идеалы, для удовлетворения своих «жизненно важных политико-экономических интересов». Коллективный Запад используя «гуманитарное право/интервенцию» всё чаще становится на защиту «демократических ценностей» тех факторов, которые имеют большие запасы полезных ископаемых или выгодное стратегическое расположение на континенте, особенно в том случае, когда легитимное правительство, не принявшее идеологии новых благодетелей, не желает добровольно уходить в отставку. Демократический лозунг – «Асад/Мадуро – должен уйти!» семимильными шагами шествует по планете.

Виртуозное использование мировым политическим истеблишментом китайских стратагем, то есть применение непрямых стратегических ходов для достижения скрытых замыслов [4], подрывает основы доверия, как к самой ООН, так и к гуманитарному праву, как к беспристрастному и надёжному инструменту урегулирования вооружённых конфликтов любой сложности. Ведь как известно, Устав СБ ООН запрещает применение силы, если оно не вызвано самообороной, но искусные дипломаты сумели «обойти» запрещающие флажки и выдвинули следующий аргумент: термин «самооборона» - может быть применён для защиты общечеловеческих интересов и ценностей. Тяжкий труд по установлению стандарта, касательно того какие интересы и ценности являются общечеловеческими и какое «необходимое зло» целесообразно применить к строптивцам, взял на себя, при безоговорочной поддержке со стороны НАТО, «сияющий град на холме» [7].

США, находясь с другой стороны земного шара, безразличны к концепции Европейской безопасности, однако коллективная безопасность на евразийском континенте интересует, не только Россию, страны СНГ, Китай, старушку Европу, страны ближнего востока, но и Африку, Латинскую Америку и т.д. Исходя из стремительного развития и переустройства мировой геополитики коллективная безопасность должна стоять во главе угла на любых международных площадках.

Такое положение вещей возможно только в том случае если поднимется авторитет ООН, а СБ ООН будет обладать реальной силой и возможностью, в плоскости парадигмы национальной и мировой безопасности, в разрезе сохранения жизни на земле. Это очень важно потому, что в мире появляются новые тема для манипулирования общественным мнением, приводящим к политико-экономической нестабильности.

В последнее время таким политическим инструментарием, способным спровоцировать новую «гуманитарную интервенцию» стала политическая экология. Её проводник - Грета Тинтин Элеонора Эрнман Тунберг широким шагом марширует по планете с жёстким обвинением и драконовским требованием к представителям мировой нефтяной отрасли

«обложить налогом социальных факторов за «преступления против человечности» [5]. Такой экологический ажиотаж был поднят для того, чтобы при благоприятном стечении обстоятельств иметь возможность оказывать политико-экономическое давление и шантаж в отношении индустриальных государств (Китай, Индия, Россия и т.д.)

Всё это не способствует укреплению коллективной безопасности и провоцирует молодой политический истеблишмент, который не знает и не желает помнить ужасы мировых войн, манипулировать международным и гуманитарным правом, и всё чаще прибегать к «гуманитарным интервенциям» - потаённым смыслом которых является смена политического режима. Подводя итог всему вышеизложенному можно прийти к такому логическому заключению: в парадигме этичности «гуманитарных интервенций» должна стоять планетарная безопасность, тесно связанная с обеспечением защищённости национальных интересов. Следовательно, вся политическая элита, и другие сторонники мировой безопасности, должны как на полях мировых саммитов, так и на площадке ООН и СБ ООН решительно отстаивать мир. Для этого необходимо: повысить престиж ООН; установить более жесткое главенство R2P (Ответственность за защиту) над малоэффективной и неэтичной «гуманитарной интервенцией» которая допускает применение силы в качестве гуманитарного императива без мандата Совбеза ООН. При вынужденном применении сил НАТО необходимо чётко установить цели и приоритеты данной организации при проведении конкретной военно-политической операции. Также буден нелишним ужесточить ответственность перед мировым сообществом в отношении не только факторов, применивших интервенцию, без соответствующего мандата СБ (репарации), но и в отношении конкретных должностных лиц (Колин Пауэлл, Тереза Мей, «белые каски» и т.д.) которые намерено предоставляли неправдивую информацию, способствовавшую возникновению мировой напряжённости. В-пятых - неустанно осуществлять борьбу с фейковой информацией, способной привести к мировой дестабилизации, и совершенствовать политико-информационную грамотность граждан России. Скорее всего, если будут реализованы подобные гуманистические проекты, сам термин «гуманитарная интервенция» канет в Лету.

Список использованной литературы:

1. Тридцать шесть стратегем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В.В. Малявина. - М. Белые альвы, 2000 -192 с., ил. ISBN 5-76-19-0049-1 (Дата обращения:18.10.2019).
2. 5 Disastrous US-Led 'Humanitarian Interventions', [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/5-Disatrous-US-Led-Humanitarian-Interventions-20190219-0024.html> (Дата обращения:20.12.2019).
3. “Humanitarian Intervention” And The „New World Order“: Violation Of The International Law (I) [Электронный ресурс]. URL: https://oriental-review.org/2019/02/11/humanitarian-intervention-and-the-new-world-order-violation-of-the-international-law-i/#_edn1 (Дата обращения: 25.12.019).
4. Quand l'écologie politique embrigade les enfants, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.contrepoints.org/2019/01/30/335907-quand-lecologie-politique-embrigade-les-enfants> (Дата обращения: 23.12.2019).
5. Responsibility to protect, [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Responsibility_to_protect (Дата обращения: 20.10.2019).
6. The Corporate Media Complex: Drawing Back the Veil on the U.S. Propaganda Machine, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.global-research.ca/the-corporate-media-complex-drawing-back-the-veil-on-the-u-s-propaganda-machine/25135>(Дата обращения: 30.12.2019).
7. To What Extent Was the NATO Intervention in Libya a Humanitarian Intervention?, [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-ir.info/2019/02/06/to-what-extent-was-the-nato-intervention-in-libya-a-humanitarian-intervention/#_ftnref2 (Дата обращения:20.12.2019).

УДК 343.26

Егорова Татьяна Игоревна

канд. юрид. наук, докторант Академии ФСИН России

E-mail: madamti62@yandex.ru

ДРЕВНЕЙШЕЕ ИЗГНАНИЕ КАК ПЕРВООБРАЗ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Abstract. The article reveals the features of exile as the oldest type of punishment and its relationship with the modern institution of deprivation of liberty. The author notes the punitive nature of the considered impact related to the restriction of the convicted person's communication with society.

Keywords: exile, ancient punishment, imprisonment, revenge

Большинству правовых систем стран мира традиционно присуще наказание в виде лишения свободы. Оно является одной из наиболее строгих мер уголовно-правового воздействия, имеющей глубокие исторические корни, основанные на определенном предубеждении в устойчивости аддиктивного поведения лиц, совершивших преступление. В длительной изоляции возникают негативные состояния, препятствующие реабилитации и ресоциализации осужденных по отбытии определенного судом срока наказания. Именно разобщенность осужденных и общества, продолжение их конфронтации, возникшей в связи с совершением лицом преступления, создает предпосылки для еще большего отчуждения их друг от друга.

Очевидно, что принудительное объединение совершенно различных социально-демографическим и уголовно-правовым признакам людей в одном изолированном пространстве создает достаточно сильное психологическое напряжение и конфликтную атмосферу, препятствуя, таким образом, осуществлению позитивного пенитенциарного процесса. В связи с этим Б.С. Утевский отмечал: «Колония, тюрьма самое неблагоприятное место для воспитательной работы», поскольку принципы педагогики «трудно применять, одновременно и непрерывно карая» [1, с. 30].

Возможно, высказать предположение, что подобное отчуждение обществом лиц, совершивших преступление имеет некоторые объективные причины, при наличии которых возникает необходимость изолировать от социального общения лиц, утративших доверие в связи с грубым нарушением норм поведения.

Древнее уголовное наказание по единодушной оценке ученых являлось одной из длящихся мер воздействия. Обращение, например, к изучению телесных наказаний дает основание полагать, что за совершение наиболее тяжких преступлений, связанных с нарушением родовой субординации, наказания были увечные или позорящие.

Для древнейших законодательных сводов была характерна жестокость в выборе меры наказания, предписывающей «отрезать нос, уши, язык, нижнюю губу (за целование чужой жены)» [2, с. 159-160] и так далее.

Осужденные к подобным наказаниям перманентно находились в состоянии изгоев в связи с ограниченными физическими возможностями или правами участия в жизни социального образования.

Исходя из темы исследования мы не будем останавливаться на значимости вопросов кровной мести для разработки учения о наказании. Очевидно, что данные явления основываются на уровне развития архаичного индивидуального логического мышления и общественного сознания, в условиях оторванности от познания истинности объективного бытия в условиях мифологического мировоззрения [3, с. 138]. Указанные предпосылки

позволяют рассматривать месть как «жестокую и беспощадную расправу, как правило, со смертельным исходом» [4, с. 37].

Непосредственно близким к лишению свобод видом древнейшего наказания являлось изгнание. Указанные виды принуждения обладают схожими пространственно-временными характеристиками, способными воздействовать на наиболее чувствительные интересы осужденного.

В условиях изгнания создавались сильнейшие нравственные страдания в связи с разрывом с семьей и страхом неопределенности физического выживания вне родового образования. Здесь отражена определенная изошренность мести древнего общества преступнику. Вместе с тем, применение указанной меры предполагало наличие некоторой возможности сохранения личности в условиях изгнания, ее изменения (или исправления).

Следует заметить, что для древних цивилизаций изгнание приравнивалось к смертной казни. Примечательно, что, например, в уголовном законодательстве открытого в прошлом веке города Угарит, существовавшего около 2000 лет до н.э., «смертный приговор значит в городском архиве всего один раз, причем за государственную измену; в остальном максимальное наказание – изгнание» [5, с. 132].

Первым из известных человечеству видом наказания стало изгнание из рая. Совершив первый грех, человек был проклят и изгнан из рая: «И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости делати землю, от неяже взять бысть. И изрину Адама, и всели его прямо рая сладости...» (Быт. 3:22-24).

Однако первообразом современного преступления является деяние, совершенное Каином. «После вторжения в мир человека зла речь идет и об опыте зла, об опыте преступления, чей негативный пример должен быть раз и навсегда впечатан в память последующих поколений» [6, 135]. Каин был изгнан Богом с лица земли: «стения и трясыйся будещи на земли» (Быт. 4:12) и на него была наложена печать (Быт. 4:15).

Очевидно, что данное скитальческое состояние, хотя бы и не было связано с нахождением в конкретном месте, лишало человека свободы, изолировало его на бессрочный период от общения с Богом или другими людьми.

Этот обычай, закрепленный в нормах права, существовал довольно долго, а впоследствии был вытеснен публичным правом и перерос в возмездие, кару от имени государства (общества).

Осуществляя историческую ретроспективу, возможно заметить, что в системе восточнославянского судопроизводства также широко использовалось вневременное и вне пространственное лишение свободы преступника. Виновного изгоняли из общины, создавая реальную опасность гибели при обитании вне племенного образования. Так называемый «поток» мог быть связан не только с перемещением на границу территории, но также с клеймением, заключением в оковы (цепи) или помещением в подземелье (погреб). Лишение свободы как мера принуждения, предусматривающая наказание в форме «потока», приобрела на Руси массовое распространение еще со времен «Русской Правды», где она представляла собой особый способ принуждения не только к виновному в преступлении, но и к его близким.

Карательная составляющая наказания в данный период была основана на отвлеченных от личности моральных ценностях, связанных с интересами семьи, рода, племени. В этом смысле частное лицо, индивидуум не имел никакого самостоятельного значения.

Таким образом, можно заметить, что также как древнейшее изгнание, современное лишение свободы возникло в связи с желанием общества ограничить осужденного в общении с другими людьми. По сравнению с карательной эксклюзией осужденных, характерной для увечащих и позорящих наказаний, в пространственно-временном воздействии отчуждения обществом создавались условия для исправления осужденного. Современный гуманитарный взгляд на лишение свободы концентрирует внимание именно на

успешной реабилитации осужденных в связи с отбытием назначенного судом наказания и дальнейшей эффективной ресоциализацией.

Библиография:

1. Утевский Б.С. Воспоминания юриста. Москва, 1989. 306 с.
2. Кахилл Т. Дары евреев: Как племя, кочующее по пустыне, изменило образ мышления всего мира / Пер. с англ. Т. Гутман. Санкт-Петербург, 2005. 268 с.
3. Корсаков К.В. Причины и условия возникновения институтов кровной мести и изгнания в социальной практике // Российский юридический журнал. 2005. № 4 (48). С. 137-142.
4. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999. 490 с.
5. Москати С. Цивилизации Древнего Востока / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. Москва, 2010. 316 с.
6. Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета): Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов. Минск, 1998. 471 с.

УДК 341.1

Габец Наталья Сергеевна,
старший преподаватель ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: 1sol@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОПЕРАЦИЙ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept and signs of peacekeeping operations. The author analyzes the conceptual apparatus on this topic, and also identifies the main features that are characteristic of modern UN peacekeeping operations.

Keywords: peace-keeping, peace-keeping operations, peace-building, UN, international security, dispute resolution, peace-enforcement

Роль ООН, и в частности Совета Безопасности, в поддержании мира и обеспечении международной безопасности сводится к осуществлению следующих четырех мероприятий:

1. Превентивная дипломатия – это действия, направленные на предупреждение возникновения споров между сторонами, недопущение перерастания существующих споров между сторонами в конфликты и ограничение масштабов конфликтов после их возникновения.

2. Миротворчество – это действия, направленные на то, чтобы склонить враждующие стороны к соглашению, главным образом с использованием таких мирных средств, которые предусмотрены в главе VII Устава ООН.

3. Поддержание мира – это обеспечение присутствия ООН в данном конкретном районе, которое связано с развертыванием военного и (или) полицейского персонала ООН, а нередко и гражданского персонала.

4. Миростроительство в пост конфликтный период – это действия, направленные на предотвращение вспышки насилия между странами и народами после ликвидации конфликта или конфликтной ситуации [1, с. 346].

Необходимо отметить, что в международном праве на сегодняшний день отсутствует устойчивое и общепризнанное определение понятия «операция по поддержанию мира». Так, российский юрист Б.Р. Тузмухамедов отмечает: «...правовая неурегулированность операций по поддержанию мира обуславливает подвижность терминологии, употребляемой в связи с этим явлением» [2, с. 338]. В свою очередь, С.Е.

Егоров указывает на то, что «отсутствие упорядоченного понятийного аппарата, связанного с операциями по поддержанию мира, порождает споры относительно их правовой природы» [3, с. 50].

18 февраля 1965 года Генеральная Ассамблея ООН своим непререкаемым авторитетом «осветила» операции по поддержанию мира, впервые введя в политический (и опосредованно – в научный) оборот само понятие *peace-keeping*. Указанное родовое понятие обычно разделяют на ряд видовых операций по поддержанию мира: Международные полицейские силы ООН, Чрезвычайные вооруженные силы, Стража ООН, Легион ООН, Операции ООН в Конго, Вооруженные силы по поддержанию мира на Кипре и др. Со временем появились такие понятия как «побуждение к миру» или «миротворчество» (*peace-making*); «принуждение к миру» (*peace-enforcement*); «миростроительство» (*peace-building*). В официальных документах, дипломатической переписке, политических заявлениях употребляются также термины: «эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира»; «мирные средства»; «мирное урегулирование споров», «временные меры», «срочные военные мероприятия», «принудительные меры», «принудительные действия» [4, с. 106–107].

Кроме того, в настоящее время в литературе можно встретить и иные термины для градации операций ООН: миротворческие операции, гуманитарные интервенции, операции второго поколения и т.д. Границы между данными явлениями крайне размыты, а некоторые из современных операций носят столь многоаспектный характер, что могут включать в себя элементы нескольких типов операций. Все это позволило многим отечественным и зарубежным исследователям отождествлять понятия «миротворческие операции» и «операции по поддержанию мира». Автор также будет придерживаться данной точки зрения в ходе исследования.

Тем не менее, попытки дать термину «операции по поддержанию мира» все же предпринимались, и надо отметить, что безуспешно.

Так, российский ученый Ю.А. Ясносокирский отмечает: «Операции по поддержанию мира – это совокупность предпринимаемых с согласия конфликтующих сторон взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени действий с участием беспристрастного международного военного и гражданского персонала в поддержку усилий по стабилизации обстановки в районах потенциальных или существующих конфликтов, проводимых в соответствии с мандатом Совета Безопасности или международных региональных организаций, и направленных на прекращение конфликта и создание условий, способствующих его политическому урегулированию» [5, с. 48].

В ст. 3 Модельного закона «Об участии государства - участника СНГ в миротворческих операциях» дано следующее определение: «операции по поддержанию мира – это миротворческие операции, проводимые на основе положений главы VI Устава ООН с согласия конфликтующих сторон, а в случае вооруженного конфликта немеждународного характера – с согласия легитимного политического руководства государства, на территории которого происходит конфликт, осуществляются по мандату ООН либо региональных организаций, либо в рамках региональных организаций или соглашений государства–участника СНГ, либо на основании двусторонних и многосторонних международных договоров государства–участника СНГ с государством, на территории которого происходит конфликт; как правило, операции по поддержанию мира проводятся при наличии соглашения о прекращении огня или насильственных действий между конфликтующими сторонами и предполагают поддержание и укрепление уже достигнутого мира или предотвращение будущих конфликтов» [6]. Надо, однако, отметить, что в Законе, наряду с данным понятием, приводится следующая терминология: миротворческие операции, операции по установлению мира, операции по постконфликтному восстановлению мира

(миростроительство) и др. В тоже время данный нормативный акт также отождествляет миротворческие операции и операции по поддержанию мира, что в целом подтверждает высказанную нами выше мысль.

Предложенные выше определения позволяют выделить ряд условий, необходимых для проведения операций ООН по поддержанию мира.

Так, Н.А. Чичулин, рассматривая в целом систему международной безопасности и основы миротворчества, выделяет следующие положения, относящиеся к операциям по поддержанию мира: во-первых, необходима выдача четкого и реального, т.е. ясно сформулированного мандата, в котором подробно и по возможности детально описываются полномочия миротворцев. Их действия очень разнообразны и могут заключаться в следующем: контроль за прекращением огня, разведение противоборствующих сторон, вывод вооруженных формирований, проведение мер всестороннего урегулирования конфликта, сохранение режима безопасности в зоне конфликта, создание условий для репатриации беженцев, надзор за соблюдением прав человека, оказание гуманитарной помощи, координация усилий по восстановлению экономики; во-вторых, миротворческие действия должны проводиться по запросу и согласию обеих сторон в конфликте, а также при их непосредственном сотрудничестве; в-третьих, обеспечение миротворцев всеми необходимыми ресурсами, включающими в себя техническое оснащение, финансирование и т.д.; в-четвертых, необходимо соблюдение принципа нейтральности и беспристрастности миротворцев, которые объективно подойдут к процессу урегулирования конфликтов и не будут оказывать никакой помощи противоборствующим сторонам, кроме миротворческой [7, с. 196].

Следует отметить, что в ходе осуществления своей деятельности ООН вынуждена была отказаться от осуществления операций в узком значении, т.е. сугубо лишь для проведения мероприятий по разведению враждующих сторон и наблюдению за прекращением огня или перемирия. Теперь сюда можно добавить следующие мероприятия: организация и наблюдение за проведением выборов и участие в гражданской администрации государства места нахождения сил операций по поддержанию мира (Камбоджа), обеспечение доставки гуманитарной помощи (Сомали, Босния), участие в процессе постконфликтного построения мира.

Попытку систематизировать задачи, стоящие перед миротворцами на современном этапе, предпринимали многие исследователи. Так, российский ученый В.А. Мищенко выделяет следующие т.н. «новые задачи»: помощь при проведении выборов и наблюдение; разоружение, демобилизация и контроль за вооружениями, ликвидация незаконных вооруженных формирований; разминирование; превентивное развертывание войск (в целях недопущения повторения конфликтных ситуаций); участие в управлении страной; гуманитарная помощь; защита законных гражданских властей и населения внутри государства; защита от разрушения или повреждения стратегических объектов, памятников литературы, архитектуры и искусства; применение силы для поддержания общественного порядка и государственной безопасности; осуществление специальных акций [7, с. 198].

«Участие в управлении страной» – наиболее красноречивый пункт в этом перечне. Рассуждая идеально, ООН, другая международная организация, осуществляющие операции по поддержанию мира, могут попутно, после окончания военных действий, начать оказывать помощь, скажем, в подъеме национальной экономики соответствующего государства, в изменении его политического и общественного устройства таким образом, чтобы больше не возникало конфликтов на той или иной территории. Но это, как полагает ряд исследователей, уже вмешательство во внутренние дела соответствующего государства, которое почти обязательно имеет место, когда силы ОПМ остаются на постконфликтной территории на относительно продолжительный срок [8, с. 43]. Примеры такой «продолжительности» не единичны. Достаточно вспомнить, что первая операция по поддержанию мира (ОНВУП –

Орган Организации Объединенных Наций по наблюдению за выполнением условий перемирия), учрежденная в июне 1948 г., продолжается по настоящее время.

К. Аннан лаконично формулирует эти т.н. «постконфликтные задачи» операций по поддержанию мира: «Наряду с развертыванием сил по разъединению и проведением многоплановых операций по оказанию сторонам содействия в осуществлении соглашений миротворческие силы нередко берут на себя ответственность за функционирование временных администраций, сочетая при этом решение в равной степени важных и в некоторых случаях противоречивых задач по управлению этими территориями, оказанию поддержки становлению местных учреждений и укреплению правопорядка» [9].

По мнению российского юриста-международника Б.Г. Бигуаа, «теоретически операции по поддержанию мира не предусматривают ведение боевых действий, они предназначены быть лишь «буфером» между противниками, не допустить прямого столкновения между ними» [4, с. 108]. Как он отмечает, в целом миссия операций по поддержанию мира до сих пор сводилась к следующему: обеспечение отвода войск противников и контроль за прекращением боевых действий; наблюдение за неприкосновенностью границы или демаркационной линии; сбор фактов и наблюдение за предполагаемым вмешательством извне; контроль за прекращением огня; недопущение возобновления боевых действий между враждующими; помощь какой-либо стране в поддержании закона и порядка; содействие в осуществлении права на самоопределение.

Справедливости ради следует отметить, что силы по поддержанию мира не создаются для осуществления мер принуждения против того или иного государства. Как это неоднократно подчеркивал Международный суд в деле о расходах, эти силы в принципе не подпадают под действие главы VII Устава [10]. Речь идет в действительности о так называемых вспомогательных органах, создаваемых Советом Безопасности (реже – Генеральной Ассамблеей), а их развертывание на территории того или иного государства – члена ООН подчинено согласию этого государства. А priori их мандат, по мнению Э. Давида, вообще не должен включать в себя применение силы, за исключением случаев необходимой обороны, и состоит или состоял, например, в:

- «обеспечении прекращения военных действий и ... надзоре над ним» между Египтом и Израилем (конфликт в октябре 1956 г.);
- «обеспечении безопасности ... на временной основе на территории Республики Конго с согласия ее правительства» до восстановления последним своей власти (мятежи и сепаратистские движения в Конго в 1960–1963 гг.);
- «предотвращении любого возобновления боевых действий и ... содействии поддержанию и восстановлению общественного порядка, а также возврату к нормальной обстановке» на Кипре (беспорядки между киприотами греками и киприотами турками в 1964 г.);
- наблюдении за прекращением огня и «предотвращении возобновления боев» между Египтом и Израилем (конфликт в октябре 1978 г.);
- «создании мирных и безопасных условий, необходимых для переговоров о всеобъемлющем урегулировании югославского кризиса» (югославские конфликты 1992 г.) [11, с. 126].

Иными словами, при всех различиях формулировок мандата, возлагавшегося на силы ООН по поддержанию мира, Э. Давид констатирует наличие одного общего пункта во всех этих миссиях: силы ООН посылаются в ту или иную страну не для того, чтобы включиться в конфликт, в котором участвует данное государство, или во внутренний конфликт, разворачивающийся на его территории [11, с. 126].

Тем не менее, практика показывает, что операции по поддержанию мира могут проводиться с использованием вооруженных сил и без их использования. Однако применительно к т.н. «конфликтам нового поколения» и те и другие операции по

поддержанию мира могут проводиться при обязательном учете их особенностей. Важнейшей из этих особенностей следует признать то, что меры, составляющие содержание ОПМ, например, направление военных наблюдателей за выполнением соглашения о прекращении огня или ввод на территорию государства, в котором происходит конфликт, вооруженных сил ООН для разъединения враждующих сторон, осуществляются с согласия этого государства. Противоборствующие стороны во внутреннем конфликте, составляющем угрозу международному миру и безопасности, на наш взгляд, нельзя рассматривать в качестве умышленных носителей такой угрозы, поскольку у них нет намерения нарушить международный мир, и ни одна из конфликтующих сторон даже не ставит перед собой такой цели. Поэтому, как справедливо отмечает проф. С.В. Черниченко, использование вооруженных сил ООН в таких ситуациях и «прежде всего, их размещение на территории заинтересованных государств, не может происходить вопреки их желанию» [12, с. 219].

Вместе с тем, столь же справедливым следует признать и утверждение о том, что во внутреннем вооруженном конфликте не обязательно получение согласия всех противоборствующих сторон, и «Совет Безопасности вправе решить, что достаточно согласия правительства, номинально представляющего государство, либо основных враждующих группировок» [12, с. 219].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что, по крайней мере, операции по поддержанию мира с использованием вооруженных сил представляют собой один из видов применения силы и, следовательно, могут осуществляться только по решению Совета Безопасности ООН в порядке, предусмотренном в ее Уставе. Во всяком случае следует исключить возможность повторения такого применения силы, какое имело место в Югославии, где НАТО и входящие в этот блок государства, действуя в обход ООН, совершили по существу прямую вооруженную агрессию. Именно поэтому ряд государств последовательно отвергают западные концепции «гуманитарной интервенции» и «ограниченного суверенитета», допускающие под внешними гуманитарными предлогами применение военной силы без санкции Совета Безопасности ООН и, следовательно, в нарушение Устава ООН и норм международного права.

Библиография:

1. Международное публичное право: учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2007. – 784 с.
2. Тузмухамедов, Б.Р. Международно-правовые проблемы проведения операций по поддержанию мира / Б.Р. Тузмухамедов // Российский ежегодник международного права. – 1998–1999. – СПб.: Россия-Нева, 1999. – С. 337–342.
3. Кузнецова, И.С. Правовые аспекты взаимоотношений между региональными организациями коллективной безопасности и ООН / И.С. Кузнецова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 48–53.
4. Бигуаа, Б.Г. Превентивное миротворчество в условиях новых угроз и вызовов / Б.Г. Бигуаа // Международное право. – 2006. – № 1. – С. 104–121.
5. Ясносокирский, Ю.А. Миротворчество: некоторые концептуальные аспекты политического урегулирования конфликтов и кризисных ситуаций / Ю.А. Ясносокирский // Московский журнал международного права. – 1998. – № 3. – С. 35–50.
6. О модельном законе «Об участии государства-участника СНГ в миротворческих операциях»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 17 апр. 2004 г., № 23–6 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
7. Мищенко, В.А. Постконфликтное миростроительство в контексте упреждающих индивидуальных внешних вооруженных акций государств / В.А. Мищенко // Международное право. – 2006. – № 4. – С. 195–199.

8. Малеев, Ю.Н. Совет Безопасности ООН и вопросы международного управления / Ю.Н. Малеев // Международное право. – 2006. – № 1. – С. 24–47.
9. Аннан, К. Общая судьба – новая решимость: Годовой доклад о работе организации за 2000 год / К. Аннан // Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2000. – 136 с.
10. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian>. – Дата доступа: 15.08.2009.
11. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – М.: МККК, 2000. – 720 с.
12. Ганюшкин, Б.В. Вооруженные конфликты нового поколения / Б.В. Ганюшкин // Международное право. – 2001. – № 3. – С.215–222.

УДК: 346

Said Edaich

PhD, Opole Polytechnic University, Faculty of Economy and Management

MICROFINANCE AND POVERTY ALLEVIATION A CONCEPTUAL MYTHOLOGY

Abstract. Man in his war against poverty tried different instruments and tools, among these means the microfinance. However, the results show a very limited advance. From this fact comes the interest of this paper which deals with the conceptual dilemma of microfinance to defuse the pincers of poverty.

Keywords: poverty, alleviation, instruments, effectiveness, microfinance.

Man in his evolution has waged several wars for insane reasons, sometimes even for misleading dogmas, or under deceptive and false slogans. The unique exception to this rule comes from the war declared to poverty. A war where the objective and the reason do not oppose neither the rules of morality nor the provisions of law. The same determination, individual and collective attitudes that formerly fought poverty persists to the present day. Oddly, despite this eternal war, poverty is devastating societies humiliating people over the world. Consequently the perpetual defeat which man undergoes through centuries in this war constrains us to doubt seriously on the real objective and none declared goals of this fight and on the way it has been conducted.

Awareness and action to alleviate poverty have diversified its strategies in each era gathering ideology (slogans) to action, but have never succeeded to eliminate this scourge and the impact remains ineffective and hopeless. What researchers and politicians recognize is considerable change that affects the perception of poverty, its harms and its causes.

Analyzing the evolution of human reasoning, (civilized), and his behavior, we can firmly deduce that people were prepared to accept their fate of being poor and began to manage the phenomenon instead of fighting it.

Conceptual evolution of poverty

For very long centuries and until the industrial revolution, poverty was considered a fatality that affected the vast majority of the population. The Church, feeling its responsibility, tries to help but never dared to attack directly the roots of poverty. On the end of the 15th century, because of the frequent use of money in everyday life, appeared the pawnshops (loans to people with collateral items), a kind of bank for the poor. The first was launched by a Franciscan in Italy (1462), others followed in Spain, then Brussels (1618), and in Paris (1777). In 1611, Marie de Médicis, Queen of France, 26 April 1575 – 3 July 1642, as the second wife of King Henry IV, ordered the confinement

of beggars in hospitals in Paris, reactions which extended to all Europe and the poor was assimilated to the delinquent.

The industrial revolution begun, first enriching societies and the agricultural revolution somewhat reduces hunger in the countryside. But very quickly industrial poverty manifests itself, a rough and cruel helplessness situation that affects people who work in factories and mines. The war 39-45 built the foundations of current social security only that the dream of poverty eradicating lasted long.

As early as the 1980s, we started talking about the "*new poor*", a new dimension of an old suffering and pain, well known to man since long ago [Uytendenbroek 2010].

New management "*Governing misery*"

Most interesting change in recent times is that public management and experts begun to define the poor economically, and to count them, for a political matter (subsidies to be distributed and jobs in public works to be created), then for taxation exigency (tax register) [Laslett 1969]. This new concept of poverty generated a social facts and rationality which are neither economic nor legal, but gave guarantees to the legitimacy of the new art of governance, "*Governing misery*", and are not limited in just setting up assistance and repression mechanisms. This change supports the evidence that classical liberalism cannot offer sustainable solution for increasing poverty. To govern misery is not to eliminate it but, above all, aims to constitute a field, "the social", in which the poor can exist and act freely, within their relationship to power and under its control. The social or social policies appears as a strategy to depoliticize poverty and inequalities, a technic which makes it possible to speak of these anomalies according to organizational dimension and never in terms of political perception and rights [Foucault 1984].

Political management of poverty as democratic acquis

The institutionalization of political rights in Europe has generalized the depersonalization of social rights. A category of rights that can be extended and conditioned according to political necessity. A democracy that excludes the poor in debates on poverty giving voice to intellectuals, religious, philanthropists, and others [Lautier 1995].

A demagogy guided by the corrupt side of man to satisfy the concerns of the political order instead of the needy. This category of speakers is joined by a series of different organizations and actors (spokesperson), that play the role of intermediaries between the political and the social to manage the process of integration and reinsertion of the poor.

Measuring poverty is measuring deprivation

•deprivation is the most reliable instrument for determining the poverty rate of the population. In Europe, the concept of material deprivation designates the following nine situations:

- not being able to pay rent or current bills,
- heating your home properly,
- dealing with unforeseen expenses (around 1100 euros),
- eat meat, fish or a protein equivalent every other day,
- have a week's vacation per year outside the home (not necessarily abroad),
- own a personal car,
- a washing machine ,
- a color television,
- a telephone [Daloze 2019].

Obviously it is not useful to recall those indicators when we speak about Asia or Africa where deprivation is much more cruel than the lack of essential needs in Europe (the indicator of 1.95USD per day, determined by the World Bank, remains meaningless).

The Walloon Poverty Reduction Network and supporters sustain that the fight against poverty does not consist in managing it but in attacking it at the root. As poverty is largely the result of political choices and budgetary austerity, necessarily the solution must be political also and inevitably involves denouncing the structural mechanisms that produces it. To fight poverty and

social inequalities imposes to move away from the financialization of the economy, from the commodification of society and from generalized competition [Vivien 2019].

Microfinance Reliability Alleviating Poverty

Microfinance since its inception has been based on a logic of penetration exploiting convincing arguments such as the emancipation of populations from a selective and usurious financial system and, the assistance of populations excluded from conventional finance services. Following the same logic, recently microfinance provides services within the framework of sustainable development and has then acquired the exclusivity of being an effective tool for the fight against poverty. According to the Consultative Group to Assist the Poor (CGAP), microfinance is defined as financial intervention and activities (products and services), broad and dynamic for the inclusion of those excluded by the requirements of the conventional financial system. However its pragmatic and commercial aspect irrevocably distinguish it from all charitable activities [Forestier 2005].

Despite the presumptions, officially it is confirmed that the effects of microfinance are limited for the following reasons:

- The approach to the problems of the poor and of inequality comes from a market with commercial logic.
- The psychological and social attachment to wage-earning or agriculture of workers,
- The services remain not compatible with the real needs of customers, and motivations are sometimes doubtful,
- Inequalities of offer at the territorial levels (rural and urban area) [Guérin 2007].
- The institutions that offer financial services are completely guided by profitability requirements and not by the principle of poverty alleviation [Servet 2006].
- Interest rates higher than the profitability of the activities (usurious loans) [Fouillet 2007].

Limited impact on job creation

Microfinance remains characterized by the rigidity of the offers because the amounts, the terms of reimbursement and the deadlines for granting interest and penalties are unsustainable for the large majority of the poor. These factors cause that candidates for the credit fold in on themselves or else they are classified as not eligible for the credit.

On the one hand the free market in which the pretenders to microenterprise evolve is strongly controlled by monopolistic financial groups which eliminate competitiveness, on the other hand these pretenders (socially and financially excluded), are deprived of experience, relational network and access to information.

In other situations, macroeconomic factors, such as price volatility and labor costs, severely limit the impact of microfinance in terms of job creation and the prosperity of the activity itself, consequently the hope to escape exclusion remain a big illusion [Guérin 2007].

The other side of microfinance shows that it is a very profitable business for lenders and credit institutions, in fact, in 2018, 139.9 million borrowers benefited from the services of MFIs, compared to only 98 million in 2009. Among these, there are 80% women and 65% rural borrowers, proportions remaining stable over the past ten years, despite the increase in the number of borrowers. With a credit portfolio estimated at \$ 124.1 billion, MFIs recorded a new year of growth in 2018 (+ 8.5% compared to 2017) [Baromètre 2019].

Conclusion

For the purposes of justifying, controlling and guiding public management, the evaluation of the economic and social repercussions of microfinance constitutes a determining factor in public and private investors policies. Such evaluation is subjected to a neo-liberal obsession with metrics determination of efficiency indicators. For this reason, impact studies are held as a mission to legitimate the choices and regulation of the microfinance business not to alleviate poverty. Considering this specificity, the causal link between the actions of microfinance and the evolution of the living conditions of clients is modeled according to the MFIs needs. The conclusions drawn

from the microfinance literature show that is difficult to report, irrevocably, whether changes in income, health conditions, education and standard of living have generally improved thanks to the efforts of MFIs. That despite their media coverage and political validity, MFIs impact alleviating poverty constitutes a subject that has never enjoyed the consensus of researchers nor that of clients.

Bibliography:

1. Uytendbroek L., Vivre Ensemble Education, La pauvreté au fil des siècles : toujours la même histoire ?, 2010- 03, pp 1-6.
2. Laslett P., Runciman W. G., Philosophy, politics, and society,: Third series;.,1969, p. 36.
3. M. Foucault., Un parcours philosophique, Paris, Gallimard 1984, pp. 312-313.
4. Lautier B., Salama P., De l'histoire de la pauvreté en Europe à la pauvreté dans le Tiers Monde . Tiers-Monde, tome 36, n°142, 1995. Pauvretés. pp. 245-255.
5. Daloze C , Vivre Ensemble, Analyse, Société, Chiffrer la pauvreté. Plus qu'une histoire monétaire, 2019- 10, pp 1-7.
6. Vivien R., Vivre Ensemble, Analyse, Société, Lutter contre la pauvreté Comment agir aujourd'hui?, 2019- 09, pp 1-76.
7. Forestier P., Microfinance: effets mitigés sur la lutte contre la pauvreté, Horizons Bancaire, 10-2005- pp 10-11.
8. Servet J.-M., Banquiers aux pieds nus. La microfinance, Paris, Odile Jacob, 2006.
9. Guérin I., Fouillet C., Hillenkamp I., Martinez O., Microfinance : effets mitigés sur la lutte contre la pauvreté, Annuaire suisse de politique de développement 01-11- 2007- pp 103-119.
10. Fouillet C., I. Guérin, S. Morvant-Roux, M. Roesch et J.-M. Servet, Le microcrédit au péril du néolibéralisme et de marchands d'illusions, Revue du MAUSS, January 2007- pp330-348.
11. Baromètre de la microfinance, 10e Edition 2019, pp 2-3

CZU: 343.13

Igor Botezatu

Doctor in drept. Catedra drept public, Facultatea de Drept
Universitatea de Stat din Comrat

ETAPELE ȘI PROCESUL DE DERULARE A CERCETĂRII OMURULUI

(Planificarea activității de cercetare a omorului)

În cazul cercetării omorului, planificarea investigării criminalistice este destinată desfășurării unei munci minuțioase și calificate, corelate tuturor acțiunilor și măsurilor care se întreprind pentru soluționarea în totalitate a împrejurărilor cauzei.

Desfășurarea planificată a investigării criminalistice a omorului constituie o cauză sigură a creșterii permanente a fermității orientate contra elementelor infractoare și direcționării activităților care urmează să fie întreprinse pentru asigurarea unei finalități judiciare de calitate, oferă perspectiva investigării, reprezintă finalitatea unui proces multiplu de analiză ce cuprinde întreaga urmărire penală.

Activitatea de planificare este un proces amplificat de gândire, ce scoate în relevanță atât nivelul de pregătire al celor care efectuează investigarea, cât și capacitatea și abilitatea lor de a analiza și sintetiza toate datele, circumstanțele și aspectele pe care le dovedește cazul instrumentat.

Planificarea cercetării penale și organizarea acesteia au drept scop desfășurarea unei activități de calitate și corelarea tuturor măsurilor și acțiunilor întreprinse pentru verificarea împrejurărilor care au precedat, însoțit și succedat infracțiunea aflată în instrumentare [1, p.235].

Pentru ca planificarea cercetării penale sa posede utilitate, ea trebuie să îndeplinească condițiile următoare:

- să fie corect orientată, atât în privința naturii faptei săvârșite, cât și a împrejurărilor comiterii ei;

- să se bazeze pe cunoașterea metodologiei folosite de autor pentru comiterea infracțiunilor și ascunderea urmelor acestora în raport cu acestea urmând a fi aplicate metodele, mijloacele și procedeele tehnice, tactice și metodologice necesare descoperirii, evidențierii, concretizării și ridicării urmelor, probării existenței infracțiunii și argumentarea vinovăției;

- să se bazeze pe date minime și materiale factice care să facă posibilă elaborarea versiunilor și stabilirea problemelor ce urmează să fie lămurite pe parcursul cercetărilor;

- să asigure elaborarea judicioasă a versiunilor, precum și efectuarea controlului acestora.

Planificare este latura cea mai importantă a organizării cercetării faptelor penale, ea asigurând efectuarea acestora în corespundere cu cerințele legale, într-un mod temeinic, obiectiv și complet.

Așa cum se menționează în literatura de specialitate și după cum afirmă practica judiciară cercetarea actelor penale, îndeosebi a celor săvârșite în mod intenționat, este de neconceput altfel decât în baza unui plan de lucru, unei programe bine chibzuite și întemeiate pe o analiză profundă a datelor pe care le oferă fapta la o anumită etapă de anchetă.

Atunci când datele existente sunt prea puține pentru elucidarea împrejurărilor în care s-a comis fapta penală, situație proprie fazei inițiale de cercetare (uneori și celor de mai târziu), organul de urmărire penală trebuie să analizeze minuțios datele de care dispune și, bazându-se pe unele raționamente, să determine direcțiile în care să se activeze în scopul stabilirii adevărului, demascării și tragerii la răspundere a vinovaților. O dată cu orientarea cercetărilor, se vor specifica activitățile procedurale și ordinea efectuării acestora în funcție de condițiile în care se activează, de forțele și timpul disponibil, menționând într-un cuvânt, de situația procesual-tactică în care se desfășoară investigarea cauzei [1, p.237].

Realizarea activităților de cercetare prevăzute incipient, materialul probant obținut pe calea dată, orientează în continuare activitatea de cercetare, impunând organului judiciar inițierea a noilor activități, procesul respectiv succedându-se până la stabilirea faptelor și împrejurărilor de fapt indispensabile întru soluționarea cauzei [2].

Planificarea, prin urmare, este un proces continuu care atribuie cercetării penale un suport științific de organizarea muncii, eliminând din activitatea organelor de urmărire penală orientarea unilaterală a investigațiilor, desfășurarea unor activități care sunt inutile precum formalismul și rutina. Practica oferă suficiente exemple, din care reiese că în cazul în care metoda planificării se ignorează, urmărirea penală are loc superficial, uneori haotic, cu toate consecințele care decurg din aceasta: clarificarea incompletă a împrejurărilor faptei, administrarea necalificată a probelor, trecerea cu ușurință peste fapte și împrejurări semnificative pentru găsirea unei soluții a cauzei, utilizarea insuficientă a metodelor și mijloacelor științifice criminalistice, alte deficiențe de natură să conducă la cheltuieli inutile de energie și timp, iar în cazuri cu o dificultate mai mare, să facă imposibilă descoperirea infracțiunii. La cele menționate se cuvine să remarcăm că planificarea activității de cercetare penală nu trebuie înțeleasă într-un mod simplist, ca întocmirea a unei liste de acțiuni, așa cum, cu părere de rău, mai procedează unii ofițeri de urmărire penală. Planificarea are un conținut mai complex, ea reprezentând "latura organizatorică și creatoare a unui complicat proces de gândire a anchetatorului", proces care finalizează cu întocmirea unei programe de lucru» a unui model de activitate de cercetare în perspectivă.

Sub aspectul dat, planificarea poate fi tratată ca un proces creativ de programare (modelare) a activității de cercetare penală, proces ce cuprinde, dintr-un punct de vedere, determinarea în baza analizei datelor existente în cauză a situației de fapt, iar, din alt punct, direcționarea activității de cercetare, stabilirea mijloacelor și modului de administrare a probelor, a altor măsuri de organizare a activității de cercetare în ordine să asigure succesul. Acestea fiind spuse, putem sublinia că planificarea activității de cercetare penală reprezintă o importanță practică deosebită, ea asigurând:

- orientarea cercetărilor și efectuarea acestora într-un mod organizat în care organul judiciar deține inițiativa în administrarea probelor;

- efectuarea activităților de urmărire penală în deplină corespundere cu cerințele legislației procesual-penale și la un grad înalt calitativ, respectarea strictă a drepturilor celor implicați în proces;

- conjugarea posibilităților organelor de anchetă și a celor operative, aplicarea largă a cunoștințelor speciale prin antrenarea în proces a specialiștilor și experților.

Principiile planificării activității de urmărire penală. Planificarea activității de urmărire penală se desfășoară conform anumitor reguli, fixate în baza unei vaste practici de anchetă penală, ce au un atribut de principii, deoarece se aplică în permanență indiferent de natura cauzei, situația sau faza la care s-a ajuns în cercetarea acesteia [3].

Principiile planificării activității de urmărire penală sunt reguli specifice doar acestei activități și nu e de dorit de a le confunda cu principiile fundamentale ale criminalisticii, cu atât mai mult, cu cele generale ale procesului penal, deși este vorba de sisteme funcțional corelate. În literatura de specialitate s-au menționat puncte de vedere diverse asupra numărului, chiar și a conținutului acestor principii. O mare parte a autorilor sunt de părerea și consideră că principalele reguli, cărora trebuie să corespundă un plan de urmărire penală sunt: legalitatea, individualitatea, realitatea, și mobilitatea sau dinamismul.

Deci, planificarea investigării criminalistice a omorului este condusă de următoarele principii:

a) Principiul legalității – nicio activitate din cele prevăzute a fi întreprinse în cauză nu trebuie să vină în contradicție cu prevederile legale;

b) Principiul individualității planificării activității de urmărire penală presupune ca la realizarea unui plan de anchetă să se țină cont de natura și specificul infracțiunii avute în cercetare, de particularitățile acesteia. Atât timp cât infracțiunea reprezintă un eveniment individual prin mijloacele și metodele de comitere, individualitatea persoanelor implicate, împrejurările de timp și de loc în care s-a activat, scopul urmărit, planificarea trebuie să se efectueze individual pentru fiecare cauză în parte. Chiar dacă pornim de la aceea că unele infracțiuni, după caracterul săvârșirii, sunt specifice anumitor autori, fenomen exploatat pe larg în criminalistică la identificarea făptuitorilor, cercetarea unei fapte concrete nu poate să se desfășoare după un plan-șablon, deoarece în fiecare caz aparte împrejurările ce constituie obiectul probațiunii, vor fi diferite și, respectiv, activitățile necesare pentru stabilirea lor. Modul de operare, după cum este bine cunoscut, reprezintă doar unul din elementele, fie și dintre cele mai principale, ale obiectului probațiunii. Principiul individualității vine să impună organului de urmărire penală o atitudine creatoare față de problemele pe care le ridică cercetarea cauzei și, în consecință, depășirea primitivismului și a rutinei care, cu tot regretul, sunt încă frecvente în practica unor funcționari ai organelor de urmărire penală.

c) Principiul realității planificării activității de urmărire penală are în vedere, în primul rând, intuirea sarcinilor care derivă obiectiv din versiunile elaborate și, în rândul doi, prevederea în plan a activităților realizabile din punctul de vedere al posibilităților de care dispun la moment teoria și practica criminalistică și organul respectiv. Elaborarea versiunilor implică, afară de formularea presupunerilor, un proces de analiză logică în vederea determinării problemelor necesare a fi clarificate pentru confirmarea sau infirmarea acestora, respectiv, a sarcinilor activității de cercetare. Pentru fiecare sarcină în plan se vor prevedea activități de urmărire penală, care să fie realizabile, în caz invers, planul va avea un caracter abstract, ireal și deci va fi inaplicabil.

d) Principiul mobilității, cunoscut și sub denumirea de principiul dinamismului, reprezintă a treia regulă, potrivit căreia planul de cercetare penală trebuie să fie adaptabil la situațiile modificabile ale cercetării cauzei.

De obicei, planul activității de cercetare a unei infracțiuni se întocmește în baza datelor limitate de care dispune organul de anchetă la etapa incipientă de cercetare. La această etapă nu pot fi prevăzute toate versiunile posibile și acțiunile care trebuie întreprinse. Un atare plan poate direcționa activitatea de urmărire penală doar temporar, pentru o anumită etapă a cercetărilor. În raport cu diversele aspecte apărute, el va fi renovat prin formularea unor versiuni noi, a altor

probleme de rezolvat și, în consecință, a unor activități suplimentare de cercetare. Sunt frecvente cazurile în care rezultatele unei activități procedurale impun efectuarea altor operațiuni, care nu sunt prevăzute în planul inițial.

Nu sunt excluse situațiile în care materialul probatoriu obținut să reclame o altă direcționare a anchetei penale și deci modificarea planului până la înlocuirea celui inițial cu un altul "care să îndrepte urmărirea pe această nouă cale"[4]. De aici derivă obligația organului de urmărire penală de a completa și desăvârși planul de cercetare, astfel ca toate împrejurările faptei să fie stabilite la timp și în mod complet.

Planificarea cercetării unei fapte penale în ansamblu cuprinde: determinarea sarcinilor activității în funcție de natura faptei și prevederile legale. Într-o cauză penală, potrivit CPP al Republicii Moldova, se cer dovedite fapta și împrejurările de fapt, inclusiv locul, timpul, modul și împrejurările în care s-a activat; făptuitorul, vinovăția și responsabilitatea acestuia; circumstanțele agravante și atenuate ale faptei; prejudiciile, caracterul și gravitatea acestora, alte fapte și împrejurări în măsură să influențeze răspunderea și stabilirea pedepsei, cum ar fi, spre exemplu, caracteristică făptuitorului, comportarea victimei, antecedentele penale ș .a. Elementele enunțate ale obiectului probațiunii se vor concretiza în planul de cercetare în funcție de conținutul versiunilor elaborate prin formularea întrebărilor la care ancheta trebuie să dea răspuns [5].

Este evident că întrebările și deci sarcinile ce configurează planul de cercetare diferă nu numai de la o categorie de infracțiuni la alta, dar și de la un caz la altul, chiar dacă se atribuie la aceeași categorie. Întotdeauna însă planul trebuie să prevadă clarificarea următoarelor aspecte prevăzute de așa-numita "formula celor 7 întrebări"[6], și anume, ce faptă penală s-a comis, unde a avut loc, când a fost săvârșită, modul înfăptuiri, cine este autorul, scopul urmărit de făptuitor, cine a avut de suportat urmările infracțiunii; stabilirea măsurilor procesuale și extraprocesuale ce urmează a fi efectuate în vederea reținerii făptuitorului, curmării activității sale infracționale și administrării probelor necesare justei soluționări a cauzei.

În plan se vor prevedea activitățile de urmărire penală și posibilitatea efectuării lor la nivelul tactic adecvat. În acest scop se va preciza ordinea, locul și procedeele tactice, prin a căror aplicare activitățile planificate să se desfășoare cu succes. În cazul cercetării în echipă aceste probleme trebuie să fie consultate cu membrii brigăzii sau grupului operativ;

- specificarea termenilor de realizare a activităților de urmărire penală, precizarea persoanelor concrete investite cu efectuarea acestora. Anchetatorul va aprecia forțele și mijloacele de care dispune la moment, dar și iposibilitățile folosirii lor în mod eficient. Termenii efectuării activităților prevăzute în plan pot fi stabiliți cu aproximației (de exemplu, în aprilie, în prima jumătate a lunii iunie etc.) sau în mod precis (bunăoară la ora 7, pe data de 10 iunie).

Planificarea operațiilor tactice și a activităților de urmărire penală au, de obicei, aceeași structură: determinarea scopului, specificarea ordinii și a timpului efectuării, a forțelor și mijloacelor necesare. Firește, conținutul planului acestor activități este în funcție de natura cauzei, dar și de specificul activității de urmărire penală. Unul va fi conținutul planului ascultării învinuitului și altul cel al reconstituirii.

Activitatea de planificare se materializează într-un plan scris, care poate avea cele mai diverse forme de la o schițare a activităților ce urmează a fi efectuate în cazurile simple, de exemplu, în cazul unui act de huliganie, până la combinații de scheme, sisteme de fișe, tabele grafice ș.a., în cazuri complicate, cu un număr mare de învinuiți, de acte infracționale sau episoade. Unica cerință care trebuie respectată, indiferent de forma planului, rezidă în faptul ca el să cuprindă toate elementele planificării menționate mai sus: versiunea, problemele ce urmează a fi elucidate în legătură cu fiecare versiune, operațiile tactice și activitățile de urmărire, prin a căror efectuare se prevede verificarea versiunilor și determinarea împrejurărilor faptei, termenele și persoanele executante.

Dacă se aplică cercetarea în echipă, planificarea ia altă amploare, în paralel cu planul de bază elaborat de ofițerul de urmărire penală autorizat să dirijeze întreaga activitate de cercetare, se vor

întocmi planuri individuale pentru fiecare membru al echipei. Conținutul acestora sunt în funcție de sarcinile atribuite membrilor echipei: verificarea unei sau a mai multor versiuni, cercetarea unui sau a unor episoade, a tuturor împrejurărilor referitoare la activitatea infracțională a unuia din învinuiți. În cazul în care activitatea criminală a cuprins diverse localități sau teritorii, acțiunile membrilor echipei de cercetare se vor desfășura după criterii teritoriale. În cauzele complexe, cu un grad sporit de dificultate, un număr mare de participanți și cu multiple infracțiuni săvârșite, la planul de cercetare penală, elaborat pentru întreaga cauză, se pot anexa fișe pentru fiecare învinuit, care conțin date despre faptele săvârșite, probleme ce urmează a fi elucidate, ordinea și modalitățile de rezolvare, scheme privind structura grupei infracționale și ai relațiilor dintre membrii acesteia, grafice referitoare la efectuarea unor activități de cercetare, cum ar fi, reținerea și prezentarea spre recunoaștere, percheziția, ascultarea învinuiților ș.a

Bibliografie:

1. Golubenco Gh., Colodrovschi V. Asistența tehnico-criminalistică a descoperirii infracțiunilor. Chișinău: F.E.P. Tipografia Centrală, 2010.
2. Golubenco Gh. Urmele infracțiunii (Teoria și practica examinării la fața locului). Chișinău: Garuda Art, 1999. 159 p
3. Goșa D. Criminalistică, curs universitar, vol. I, Sibiu: AlmaMater, 2009, p. 65-69
4. Golubenco Gh. Criminalistica. Note de curs. Vol. I. Chișinău: ULIM, 2008. 117 p
5. Ionescu F. Criminalistica, Editura Universitară, București, 2008, p. 68-69
6. Ruiu M. Metodologie criminalistică, Editura Universului Juridic, București, 2013, p. 25-27

CZU: 159-92

Calistru Rodica,

Doc. ped., conf. univ. Institutul de Științe ale Educației, or. Chișinău
E-mail: calistru.rodica@gmail.com

**DISCERNĂMÂNT VALORIC. EDUCAȚIA PRIN VALORILE ARTEI DECORATIVE
POPULARE**

The article approaches the subject of valorizing popular culture, ethno cultural identity.

Tackle the preschool education, in order to promote the popular culture in the ethno-value spirit and to form the axiological orientations to the preschoolers regarding the popular art, symbols, traditions, the semantic description of some aspects of the national cult.

The paper highlights the ways and means of integrating cultural values into the educational process of preschoolers. It also reviews the prospects for addressing national values for patriotic education as an educational priority. The article also contains original meanings, wisdom of the ancestors, inlaid in ritual pieces, as well as elements of national ornaments.

Rezumat

Articolul este adresat cercetătorilor în domeniul educației timpurii și educatorilor practicieni. În conținutul acestuia se expun rezultatele cercetărilor teoretico-practice ce țin de formarea reprezentărilor despre valorile culturale cuprinse în arta decorativă populară strămoșească.

Scopul cercetării a fost orientat spre căutarea și selectarea noțiunilor de bază ce contribuie la discernământul valoric și stabilirea unor căi, mijloace care ar facilita familiarizarea preșcolarilor cu valorile culturale ale neamului.

Din dispozițiile generale ale Codului Educației a Republicii Moldova, Art.4 desprindem idei privind importanța realizării idealului și a obiectivelor educaționale, formarea conștiinței și identității naționale, promovarea valorilor general-umane și a aspirațiilor de integrare europeană ale societății [1, p. 4-5].

Unul dintre factorii supraviețuirii noastre ca neam este cultura. Ea cuprinde totalitatea valorilor materiale și spirituale create de omenire și instituțiile necesare pentru comunicarea acestor valori. Educației îi revine rolul primordial în crearea premiselor pentru dezvoltarea umană durabilă și edificarea unei societăți bazate pe cunoaștere.

Cultura fiecărui popor, națiune se caracterizează printr-un specific tradițional de dezvoltare istorică, culturală, socială, economică, religioasă, care determină în mare măsură comportamentul emoțional [3, p. 98].

Cunoașterea specificului artei populare ține atât de formarea la copii a interesului pentru armonie și frumos, cât și de o temeinică educație patriotică. Totuși pe de o parte cuprinși de valul globalizării în procesul educațional care tinde să unifice totul, înlăturând identitatea noastră culturală mediul benefic natural și pe de altă parte, lipsa unui discernământ valoric în selectarea conținuturilor educative a adus mult haos în educația tinerii generații. Astfel, acești factori au contribuit la înstrăinarea copiilor de valorile autentice strămoșești cizelate în timp. Ne vom opri la aceste probleme, ele fiind esențiale în conturarea situației din procesul educativ al copiilor în zilele noastre. Amintim și de avertizarea marelui pedagog și patriot Onisifor Ghibu care menționa: „*Numai acela care știe a păstra zestrea sufletească primită de la părinții săi merită să fie respectat*” [4, p. 15].

Deoarece, apropierea copiilor de lumea artei populare nu mai poate fi lăsată la voia întâmplării, apare *problema*: Cum am putea aborda și restabili cultivarea interesului preșcolarilor (dar și al școlarilor) pentru valorile naționale ce pot duce spre o educație estetică și patriotică.

De fapt, demersul inițiat contribuie la soluționarea mai multor probleme, considerate majore în procesul educațional actual. Din observările conturate în ultimii ani în acest domeniu se poate deduce ideea că atragerea copiilor spre valorile artei decorative populare este și o soluție pentru demararea unui proces de salvare a multor capodopere gata să dispară din mediul nostru cum ar fi porți frumos ornamentate, frontoane de case, fântâni împodobite cu decorațiuni, covoare, prosoape ș. m. a., pe cale de dispariție. Trezind interesul pentru valorificarea acestor capodopere lesne se pot crea, organiza albume digitale prin care s-ar memoriza multiplica și păstra zestrea strămoșească.

Totuși aceste valori urmează a fi abordate din perspectivă pedagogică.

Toate procedeele și acțiunile întreprinse de către educatori în acest scop trebuie sistematizate din punct de vedere pedagogic și metodologic. Utilizarea noțiunilor științifico-culturale stabilite la nivel internațional pot ajuta pedagogul să formeze reprezentări realiste despre caracteristicile și specificul artei decorative populare, pentru a le facilita percepția și forma interesul cognitiv față de lumea frumosului creată de strămoși. Astfel, savanții etnografi utilizează clasificări universale a obiectelor cum ar fi, clasificarea obiectelor de artă decorativă aplicată după:

A. Materialul din care au fost confecționate.

B. După tehnicile de confecționare, și iarăși, aceleași obiecte clasificate altelefel:

C. După destinație. (modul și locul întrebuințării (costume populare, veselă, mobilier etc.

Aceste clasificări ușor percepute și de copiii din grădiniță, îi ajută să se orienteze în mulțimea acestor piese.

Pentru a convinge de eficacitatea acestor clasificări, experimentez și cu educatorii, propunându-le să numească obiecte de artă populară. Ei prind a numi rar câteva obiecte. Întrerup procesul și le propun să numească doar obiecte din ceramică sau țesute și ei accelerează considerabil numărul denumirilor rostite numind aproape toate obiectele din clasa respectivă. Cu atât mai mult și copiii, cu toate că au văzut, examinat mai multe obiecte de artă populară se încurcă în mulțimea acestora, dar când li se propune să se concentreze la un anumit grup ei le numesc, le recunosc și pot descrie ce este comun între ele, cum sunt ornamentate etc. Astfel, la baza conceptuală a lucrării pentru copii: „Abecedarul artei plastice” [2] au fost selectate introduse pe bază de explicații și imagini astfel de noțiuni ca „Arta decorativă aplicată, meșteri populari, diverse meșteșuguri, obiecte de artă populară aranjate după cele trei clasificări sus numite, noțiuni de element decorativ, ozor, ornament, locuri și modalități de amplasare a decorului, elemente

decorative specifice după fiecare grup aparte, noțiuni de ritm aranjări simetrice, compoziție ornamentală, tehnici de confecționare simboluri etc. Toate acestea prin demonstrare de modele în care copiii să le descopere, să le prea și să le utilizeze și ei, la rândul lor, în decorarea unor schițe de obiecte similare, să creeze cu specific autentic alte motive ornamentale.

Pentru a crește interesul față de însușirea acestor noțiuni de bază, copiilor (prin educatori) li se propun omulțime de jocuri didactice cum ar fi: "Povestește despre mine" copilul care cu ochii închiși a pus degetul pe imaginea unui obiect trebuie să descrie toate etapele de confecționare al acestuia, începând de la materia primă naturală și urmând cu modul de prelucrare până la finisarea obiectului.

Dacă copiii vor putea evidenția prin jocul "Se aseamănă, se deosebesc", forma, elementele decorative modul de amplasare a ornamentului, asemănarea acestuia cu lumea reală, cum s-a stilizat etc, aceștia în viitor întâlnind obiecte similare din cultura altor popoare mult mai lesne vor putea să descopere ce este comun și prin ce se deosebesc. Pentru activitățile integrate materia primă, ornamentele pot fi descoperite în natura înconjurătoare.

Dacă micuților li se propune să deseneze careva elemente de scris acestea adesea refuză să îndeplinească mai multe la rând. Dar comparându-le cu frumusețea ornamentelor acestea se străduie să le deseneze cât mai precis, cât mai identice.

În albumul sus numit sunt propuse elemente decorative ce pot fi lesne desenate cu ajutorul foilor cu pătrățele începând cu linii, puncte și figuri geometrice, stele și rozete, zeluțe, zimțate, flori, cârcei, vița de vie, ciorchini, insecte, păsări, animale patrupede și figura omului (clasificarea motivelor ornamentale Noțiunile de fitomorfe, zoomorfe, antropomorfe ș. a. la vor însuși în clasele primare în paralel cu clasificarea ființelor, obiectelor din lumea înconjurătoare).

Verbalizarea impresiilor emotiv-estetice, legate de perceperea obiectelor de artă populară, căutarea și colecționarea pentru expoziția grădiniței (a grupei) fie și în Cufărul Bunicuței va menține interesul pentru valorile culturale strămoșești.

Totuși, *în prezent mediul social este tot mai afectat, iar lipsa valorilor adevărate, kitchiurile, erorile și pseudovalorile ne-au adus unde suntem.*

Procesul formativ al tinerei generații se poate realiza cu succes doar în cadrul firesc, ascendent al tradițiilor strămoșești autentice, în legătură indisolubilă cu împrejurările concrete.

A familiariza copiii cu modul autentic de trăire spirituală al strămoșilor noștri, motiv pentru care au preferat acestea și nu alte valori sociale, este o datorie de conștiință, demnitate de neam incontestabilă, de rând cu cunoașterea istoriei, limbii și altor izvoare culturale. Tot aici se vor include obiceiuri și tradiții legate de viața moral-spirituală autentică, depistarea abaterilor practicilor negative, dăunătoare și distrugătoare de trup și suflet. *Formarea conștiinței și a gândirii presupune mobilizarea atenției și a capacităților copiilor în vederea familiarizării lor în primul rând cu comoara autentică strămoșească.*

Discernământul valoric joacă un rol de catalizator în procesul de formare, devenire, discernământ și desăvârșire a conștiinței omului, care aspiră spre trăire decentă în dragoste dezinteresată, dăruitoare față de aproapele.

La formarea sensibilității, convingerilor și atitudinilor în acest context e nevoie de o educație întru valori care ar putea corecta degradarea ființei umane. Demnitatea de apartenență la o cultură cu înalte valori estetice și simbolistice va pătrunde sufletele receptive ale micuților motivându-i să urmeze calea etnogenezei și ale afirmării în timp a poporului nostru

Trezirea acestui interes nu este atât de dificil ca metodologie, însă, dacă procesul de cointerесare nu este dirijat cu atenție, copiii pot fi descurajați foarte ușor.

Apropierea copiilor de lumea artei populare este recomandată din mai multe considerente. Multe mostre din materia primă utilizată de meșteri este recunoscută și-i atractivă pentru copii, ei o folosesc cu mult entuziasm pentru a depăna firele de ață, a confecționa obiecte simple (mărțișoare, covorașe, coșulețe din lozie și obiecte din lut etc.).

Familiarizarea cu arta populară decorativă aplicată, inițiindu-i în problema dată; deosebirea obiectelor și a grupelor de obiecte conform clasificării acestora, organizare jocurilor didactice, activități artistico-plastice, expozițiilor, comentarii în rol de ghizi ș.a. activități pot servi de garant în educația tinerii generații.

Formarea reprezentărilor despre aspecte din ornamentica națională, specificul ornamentării diferitelor grupe de obiecte (covoare, prosoape, costume naționale, vase din ceramică), modul lor de stilizare ne va ajuta să revenim cu tot sufletul spre aceste valori, creând acel fior al apartenenței și demnității naționale. Să ne integrăm cu multă demnitate în cultura universală. Avem strămoși care ne-au creat o zestre culturală de înaltă calitate prin care ne putem mândri. Rămâne să fim demni de aceste valori.

Iar faptul că împreună cu noi conlocuiesc și alte etnii este deja un prilej de cunoaștere, identificare și conlucrare spre o conviețuire prin valori apreciate reciproc.

"Căci nu există bucurii mai de preț ca averea de cuget și simțire inclusă și păstrată cu sfântă grijă de-a lungul vremurilor în adâncul sufletului al moșilor și strămoșilor noștri".

Bibliografie:

1. Codul Educației al Republicii Moldova. Monitorul Oficial. nr. 152 din 17.07.2014.
2. Curriculum educației copiilor de vârstă timpurie. Chișinău, 2019.
3. Calistru Rodica. Abecedarul artei plastice. Chișinău, Editura "Știința", 1991, 88 p.
4. Chelcea Silvia. Stereotipuri, reprezentări și identitate socială. Pitești: Universitarii, 2000, 249 p.

CZU: 347.77/78(478)

Alexandru Gribincea, lector, ULIM
alex.gribincea.docs@gmail.com

**CONCEPTUL ȘI STRUCTURA DREPTURILOR INTELECTUALE
ȘI RELAȚIA LOR CU DREPTURILE DIGITALE**

Abstract. Throughout the existence of humanity, society has developed. It is well known that in its development it went through three stages: agriculture with predominance of agriculture and manual labor, industrial with a dominance of industry and post-industrial. All developed countries have already moved to the third state, being specified by dominance in the service sector economy and the emergence of information and computer technology, which has meant a significant simplification of the lives of the people living in these countries. In other words, we started living in a consumer society. The use of a computer, internet and mobile phones can already be considered "consumption", in which case the digital economy can be represented as that part of the economic relations that is mediated by the internet, mobile communications and ICT. It is necessary to expand the perception and include in it a chain of goods and services that are provided using digital technologies, including concepts such as: Internet of Things, IoT, Industry 4.0, a smart factory, fifth generation communications networks, IT services. engineering for prototyping, etc. In forming the legislative framework for digitizing the most varied areas of society, all decisions should be taken for the informational security of the state, business and citizens.

Keywords: intellectual law, legislation, digitization, information technologies, information society.

JEL Classification: F21, K31, O41,

Dacă există o persoană și o contribuție creativă, acest rezultat va fi protejabil.

Introducere. Economia digitală penetrează nu doar o ramură sau industrie separată, ci în esență, este un mod de viață, un suport nou pentru dezvoltarea societății, administrației publice, businessului, infrastructurii sociale, a întregii comunități. Dezvoltarea tehnologiilor digitale în ultimii ani denotă că societatea modernă frecvent este dependentă de noile tendințe intangibile și

există o regândire a rolului legii în noile condiții. Tradiționalul, aparent de neclintit de pe timpul dreptului roman, concepte despre lucruri și proprietate, a început brusc să se transforme în obiecte intangibile, având un impact major asupra dezvoltării sociale și economice a societății. *Omnia mutantur est*. Încă din secolul al V-lea î.Hr., filozoful și matematicianul Pitagora [17] susținea că, totul este un număr și a prezis că în două milenii această situație se va dovedi o realitate, obligând legislativul să se gândească la relația dintre categoriile de materiale și cele intangibile în drept

Tot mai des în societate sunt discutate activ problemele de digitalizare. Pentru comoditatea stocării și procesării, informațiile sunt transferate într-un format digital. Pe baza analizei unei cantități mari de informații, nu numai că putem face prognoze mai exacte, evalua riscurile, dar obține avantaje competitive și, ca urmare, crește eficiența activității economice. Suplimentar la societatea informațională, unde informația guvernează lumea, economia, în care previziunile elaborarea strategiilor de creștere și dezvoltare, sunt bazate pe procesarea unei cantități mari de date.

Formarea economiei digitale este stabilită ca prioritate de interes național în **Strategia Moldova Digitală 2020**, aprobată prin Hotărârea Guvernului nr.857 din 31.10.2013 [22]. Obiective naționale de dezvoltare a Republicii Moldova presupune introducerea tehnologiei digitale în economie și sfera socială. Starea sferei digitale contemporane înglobează utilaje și echipamente inteligente, aparate de comunicare îndepărtată, cloud computing-ul. Au loc modificări în comportamentul utilizatorilor și consumatorilor. Ei așteaptă ca serviciile să fie prestate non-stop, fără deosebire de timp și spațiu prin suportul variat de echipamente. Strategiile stipulate obligă structurile publice să presteze servicii informaționale fiabile, de calitate în mod eficient. Implementând proiectul „societatea digitală” [22], se pune în discuție legislația care vizează reglementarea circulației criptomonedelor, determinarea stării tehnologiilor digitale utilizate în sectorul financiar și starea tranzacțiilor realizate în suport scris (sau electronic), precum și a acordurilor automatizate („auto-executare”). Dar digitalizarea, fiind introdusă în activitatea economică, este în contact cu consumatorii, având impact asupra instituțiilor legislative existente.

Gradul de investigare. În Europa, a fost deja elaborată [16; 24] o decizie care prevede o abordare neutră asupra dreptului de proprietate intelectuală. Documentul propus de Parlamentul European propune a oferi rezultatelor create de inteligență artificială, protecție, vizând personalitatea neutră, deoarece, aproape la toate produsele activității intelectuale (astăzi) în spate sunt persoane. Britanicii au prevăzut posibilitatea de a oferi protecție legală lucrărilor create de mașină (lucrări generate de computer), în 1998, în legea vizând drepturile de autor [5], proiectele industriale și brevetele. În acest variantă, titularul dreptului de autor este „persoana care a luat măsurile necesare pentru crearea operei”. Guvernul Japoniei consideră că este imposibil să se stabilească titularul dreptului la nivel legislativ asupra produselor unui intelect artificial, deoarece „în fiecare caz, contribuția și inițiativa necesare ar trebui analizate ținând cont de toate circumstanțele cazului” [1]. În *Codul societății informaționale din Finlanda* stabilește în art. 3 peste 43 de definiții prind termeni și definiții, interes sporit prezentând interpretarea rețelelor și serviciilor [25]. Republica Moldova nu rămâne în urmă cu pasul, organizând studii (IDIS Viitorul), conferințe internaționale ”Educația contabilă și contabilitatea în societatea digitală”, 02.04.2019 [8]. Globalizarea informației au fost abordată într-un șir de lucrări [10], dar nuanțele legislative nu au fost abordate profund.

Scopul acestei cercetări constă în investigarea relației dintre un nou concept de drept civil, „drepturi digitale” și „drepturi intelectuale” în vederea perfecționării situației din domeniul legislativ.

Rezultate și analiză. Schimbările cuprinzătoare, care au fascinat în secolul XX a fost transformarea caracterului și dezvoltării cunoașterii umane, în urma căreia s-au derulat în principal comprimarea spațiului și a timpului, antrenând tot mai mulți oameni. UNESCO salută crearea unei „societăți a cunoașterii” [23]. Acest concept depășește conceptul mai restrâns al „societății informaționale” [11], deoarece recunoaște natura în diverse palete a cunoștințelor care alcătuiesc

ideile noastre despre lume. Conceptul de „societate ancorată în cunoaștere” implică consolidarea suplimentară a capacității pentru identificarea, producerea, procesarea, transformarea, diseminarea și utilizarea informațiilor pentru dezvoltarea omului și a societății [20].

Dezvoltarea IT și TIC se realizează în ritm exponențial. Despre aceasta vorbesc cifrele statistice, care reflectă implicarea tehnologiilor digitale în toate domeniile (fig. 1).

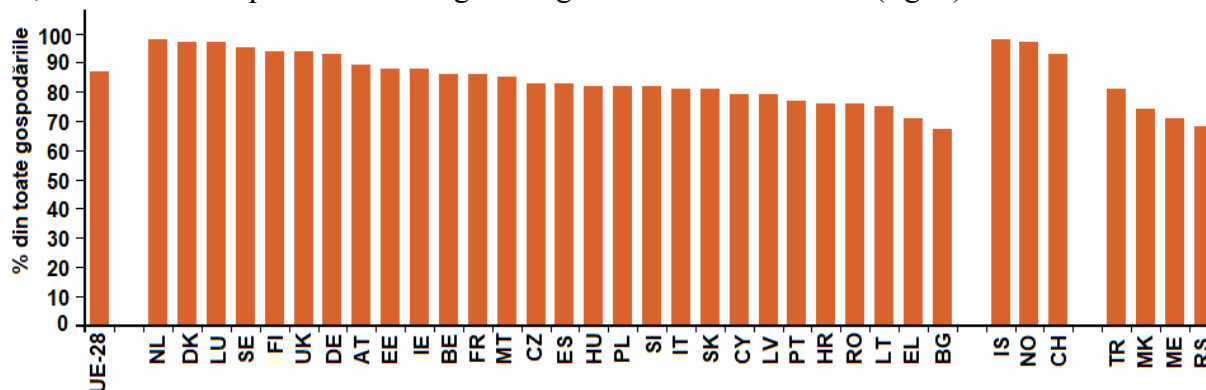

Fig. 1. Accesul Internetului la gospodării, 2017 [cercetările autorului în baza [21]

În 2017, circa 86 % din consumatorii din UE-28 beneficiază de Internet în bandă largă, constituind oportunități duble decât un deceniu în urmă - 43 %. Republica **Moldova și-a ocupat nișa 59 din 176 țări în 2017 [18]**. Adoptarea și implementarea Codului Civil al Republicii Moldova, conține conceptul de „drepturi intelectuale”, fiind introdus în legislația civilă. Aceste drepturi, care denotă o nouă construcție legală pentru legislația din R.Moldova, se aplică numai rezultatelor activității intelectuale și mijloacelor de individualizare.

Actualmente, aspectele „inteligenței artificiale (IA) și dreptul” acoperă o gamă largă de aspecte, inclusiv:

Modele formale de raționament juridic.

Modele inteligente de argumentare și luare a deciziilor.

Modele digitale computerizate ale deciziilor.

Justificarea legală în sistemele cu multi-dimensionale.

Modele de legislație executabile.

Clasificarea automată a textelor legale și abstractizare.

Extragerea automată a informațiilor din baze de date și texte legale.

Învățarea automată și extragerea datelor pentru descoperirea electronică și alte aplicații legale

Recuperarea de informații legale conceptuale sau simulate.

Lawbot legale pentru automatizarea sarcinilor juridice mici și repetitive

In art. 477 Conținutul digital și bunul digital Codul Civil al Republicii Moldova [3] se determina noțiunea de conținut digital prin care se subînțelege datele fabricate și expediate în formă digitală, inclusive softuri pentru calculator, aplicațiile, jocurile, opera muzicale, înregistrările video sau textele, fără deosebire în ce mod sunt accesate sau descărcare din orice sursă. În cazul în care informația este furnizată pe suport material (CD, DVD) se consider ca bun corporal. Bunul digital al unui cetățean poate fi determinat ca: baza digital la care are dreptul; conținutul la o poștă electronică / online. Persoană însărcinată cu paza și cu păstrarea bunului digital este specialistul care prestează accesul, menține, procesează, primește sau păstrează bunul digital al unei persoane terțe, conform contractului dintre custode și utilizator. Aceste drepturi, denotă o nouă construcție legală pentru legislația moldovenească, se aplică numai rezultatelor activității intelectuale și mijloacelor de individualizare. Aceasta se manifestă în apariția drepturilor și obligațiilor civili în acest domeniu în procesul de creare a lucrărilor de știință, literatură, artă, invenții și alte rezultate ale activității

intelectuale. Drepturile intelectuale sunt, în esență, mai apropiate de drepturile și libertățile omului inalienabile și de alte beneficii intangibile care sunt protejate doar de CodCivil [3].

Nu este o coincidență faptul că dreptul de autor este inclus în bunuri acorporale prevăzut în art. 476 pct. 7 din Codul civil [3], care, împreună cu regula generală, discută caracteristicile protejării non-proprietății personale și a drepturilor exclusive. O caracteristică a drepturilor intelectuale rezumă în faptul că activitatea creativă a unui cetățean nu este reglementată decât după obținerea rezultatului activității intelectuale. *Quod praecipuum ius* al dreptului civil spune că cetățenii (persoane fizice) și persoanele juridice își dobândesc și își exercită drepturile civile cu propria lor voință și interes, iar în raport cu drepturile în cauză, este specificat astfel încât voința cetățeanului-autor să fie completată de intelectul său, care se reflectă în acest tip de drepturi civile. Aceasta înseamnă că înțelegerea general acceptată a dreptului civil subiectiv ca măsură și tip de comportament posibil al unei persoane autorizate, investită conform legii, necesită o corecție în domeniul activității intelectuale. Procesul creativității, creării rezultatelor activității intelectuale nu este reglementat de lege, ele apar într-o formă obiectivă datorită inteligenței unui cetățean sau mai mulți cetățeni. Pe lângă alte drepturi civile, proprietatea intelectuală este necaracteristică vis-à-vis dobândirea și realizarea lor doar în interesul propriu.

Utilizarea rezultatului activității intelectuale constituie o acțiune a cetățenilor care vizează în mod direct stabilirea drepturilor și obligațiilor civile, prin urmare, pentru a fixa rezultatele dreptului de autor cu drepturi intelectuale, este necesară recunoașterea acestora. În unele cazuri prevăzute de Codul civil (art 27 și 476)[3], drepturile exclusive asupra rezultatelor activității intelectuale și ale mijloacelor de individualizare sunt recunoscute și protejate sub rezerva înregistrării de către stat a unui astfel de rezultat sau mijloc. Trebuie menționat că drepturile intelectuale sunt recunoscute în mod special pentru rezultatele activității intelectuale prevăzut în art. 476 din Codul civil [3] și nu aparțin autorului sau altui titular al dreptului de autor. Vis-à-vis de rezultatele activității intelectuale, juriștii fac numeroase presupuneri, fiind de acord cu anumite fapte. De exemplu, conform art. 476 din Codul civil [3], recunoscând că autorul unei opere este cetățean a cărui lucrare creativă a creat opera, statul este de acord că doar o persoană poate fi autor, prin propria sa voință, determinând cine poate fi considerat autor. Mai mult, un jurist străin sau internațional poate recunoaște, de asemenea, o persoană juridică ca autor al unei opere. În această privință, nu poate fi exclus că într-o anumită țară va dori pe viitor să recunoască ca autor un animal sau o inteligență artificială. Recunoașterea dreptului poate indica într-o oarecare măsură natura sa „artificială”. Astfel, autorul unei lucrări deține dreptul exclusiv, drepturile de autor și alte drepturi personale care nu sunt proprietate, precum și alte drepturi prevăzute în art. 12, 13 al Legii Nr. 139 din 02.07.2010 [14] vizând dreptul de autor și drepturile conexe, care sunt de natură naturală: crearea de către un cetățean a unei opere presupune crearea de drepturi de autor asupra rezultatului creat, iar după acesta afilierea lor. Drepturile conexe sunt recunoscute și valabile indiferent de drepturile de autor art. 11 aceeași legi, inclusiv drepturile unui executant, producător al unei fonograme art. 32 aceeași legi și organizarea difuzării sau prin cablu sau RadioTV[4]. Statul este de acord că aceste entități merită să aibă drepturi exclusive asupra rezultatelor activității lor intelectuale și stabilește prin legislație sfera acestor drepturi și limitele permisiunii lor. O astfel de recunoaștere poate exprima condițional „artificialitatea” acestor drepturi și dependența lor de voința statului. Putem observa același lucru cu drepturile digitale. Drepturile digitale, precum și dreptul exclusiv la anumite rezultate ale activității intelectuale, în conformitate cu art. 477 din Codul civil [3] sunt recunoscute de stat într-o astfel de calitate, care nu exclude posibilitatea recunoașterii aproape niciunui drept de către aceste drepturi. Definind proprietatea intelectuală ca rezultatele protejate ale activității intelectuale și a mijloacelor echivalente de individualizare a persoanelor juridice, bunurilor, lucrărilor, serviciilor și întreprinderilor, legislația recunoaște drepturile intelectuale în acestea, subliniind în mod specific drepturile exclusive ca proprietate[7]. Nu numai în literatura științifică, ci și în dreptul obiectiv, importanța drepturilor exclusive ca drepturi civile subiective de un tip

special alături de drepturile corporative, de proprietate și răspundere a fost recunoscută și fixată. Printre drepturile intelectuale, un loc special îl deține dreptul exclusiv. Scopul investigației date nu include definiția dreptului exclusiv, care este formulat în art. 11 al Legii Nr. 139 din 02.07.2010[14] privind dreptul de autor și drepturile conexe și a fost specificat în drepturile de autor, dreptul de brevet etc., dar este clar că face parte dintr-un drept intelectual complex la nivel de proprietate intelectuală. Investigațiile autorului denotă că Codul Civil [3] a fost construit nu în funcție de instituționalitate, ci în funcție de sistemul pandex. Pe lângă dispozițiile generale referitoare la mai multe aspecte ale unei instituții (de exemplu, dispozițiile generale privind vânzarea de bunuri în art. 1108 Codul Civil [3], dispoziții generale privind contractele art. 992 Codul Civil și dispoziții generale privind obligațiile în general art. 774 Codul Civil[3]. Includerea Codului Civil de la 1 ianuarie 2019[3] a întărit necesitatea armonizării dispozițiilor generale cu regulile privind dispozițiile generale privind drepturile la rezultatele activității intelectuale art. 476 Codul Civil și specificul acestora în drepturile de autor, dreptul de brevet etc. În Codul Civil al Republicii Moldova[3] se explică că relațiile legate de apariția, tranziția și prevederea, încetarea, exercitarea și protecția drepturilor asupra rezultatelor activității intelectuale și mijloacele de individualizare echivalente cu acestea sunt supuse aplicării prevederilor din Codul Civil, cu excepția cazului în care este prevăzut altfel de Codul Civil. Patru grupuri de obiecte pentru drepturile civile descrise, nu trebuie să trageți o concluzie logică în ceea ce privește delimitarea strictă una de cealaltă[12]. Esența drepturilor intelectuale ca subiect al reglementării de drept civil a proprietății și a relațiilor personale nepatrimoniale sugerează că acestea pot fi atât proprietate, cât și proprietate personală și alte drepturi. Astfel, drepturile intelectuale ca tip de drept de proprietate apar în prima grupare a obiectelor drepturilor civile - lucruri și alte proprietăți, iar prin ordin al drepturilor exclusive asupra rezultatelor activității intelectuale, se încheie acorduri privind înstrăinarea drepturilor exclusive sau a acordurilor de licență și li se aplică dispoziții privind obligațiile art. 30 Legii Nr. 139 din 02.07.2010[14] privind dreptul de autor și drepturile conexe și cu privire la contract art. 31 aceeași lege. O excepție poate fi cazul încheierii unui acord privind înstrăinarea dreptului exclusiv la o invenție pentru care s-au aplicat dispozițiile privind brevetarea fără taxe vamale [19].

În ceea ce privește drepturile intelectuale, art. 5 al Legii Nr. 139 din 02.07.2010[14] privind dreptul de autor și drepturile conexe stabilește condițiile care trebuie îndeplinite pentru ca un subiect să apară sau să recunoască un anumit drept intelectual, de exemplu, contribuția creativă (pentru drepturile de autor); iar dispozițiile specificate în art. 11 al Legii Nr. 139 din 02.07.2010[14] privind dreptul de autor și drepturile conexe se face posibilă stabilirea proprietarului dreptului corespunzător (de exemplu, drepturile de autor sunt atribuite autorului lucrării, dreptul la remunerare pentru invenția serviciului către autorul invenției). Cu toate acestea, pentru drepturile digitale, în art. 477 Codul Civil [3] nu se stabilește linii directoare clare pentru a determina titularul dreptului de autor (și un alt subiect al relațiilor juridice privind utilizarea și eliminarea drepturilor digitale) și momentul în care drepturile apar și se încheie [2]. Unele activități țin de libertăți care ocrotesc interesele sau valorile intelectuale și morale ale persoanei și libertăți care disimulează interesele ei materiale [6]. Având în vedere transformarea economiei într-o economie digitală care au apărut în Republica Moldova, la fel ca într-o serie de țări avansate, la prima vedere poate părea că acest concept este aplicat obiectelor în formă digitală. De exemplu, dacă difuzarea analogică a avut loc anterior, astăzi Republica Moldova trece la Societatea (transmiterea) digitală, care folosește o formă diferită de reprezentare a semnalului pentru a îmbunătăți calitatea transmisiei semnalului: acestea sunt codate în cod binar. În acest sens, se poate presupune că, ca urmare a unei astfel de transformări în obiecte individuale, apar unele drepturi noi pe care legiuitorul le-a considerat necesare să prevadă în art. 478 Codul Civil[3]. Cu toate acestea, cu o astfel de abordare, legiuitorul ar trebui să enumere acele obiecte pentru care se aplică „drepturile digitale” sau să completeze regulile relevante referitoare la astfel de obiecte cu referiri la aplicarea dispozițiilor privind drepturile digitale la acestea. Dar Legea [14] nu a afectat, în special, nici Codul Civil[3] (de exemplu, transmisia digitală), nici alte norme privind obiectele care pot fi exprimate în formă

digitală. Eșecul acestei abordări este confirmat de faptul că legiuitorul definește drepturile digitale ca obiect al drepturilor civile (art. 477 Codul Civil) [3]. Concomitent, drepturile digitale sunt imposibile fără un mediu digital, ceea ce înseamnă că este nevoie de computer și de alte dispozitive tehnice care pot prelucra anumite informații digitale. Funcționarea dispozitivelor informatice este asigurată, printre altele, de rezultatele activității intelectuale, cum ar fi programele de calculator și bazele de date, pentru care se acordă drepturi intelectuale. Conform unor abordări [9] "O inovație este aplicarea și utilizarea unui produs nou (bun/serviciu / proces) sau perfecționat considerabil, tehnici moderne de studiu și promovare, ori viyând o modalitate inedită de organizare a muncii, activității de afaceri, în amenajarea locurilor de activitate sau de comunicare" [15]. Inovația nu este delimitarea științei și creativității. Ca noțiune extinsă, inovația capătă diverse aspecte sociale, creație artistică, managerială, în business, prestarea servicii medicale etc. [13].

Concluzii. În prezent, experții nu au o opinie unanimă cu privire la faptul dacă rezultatele generate de un computer (sau alt dispozitiv) pot fi calificate drept obiecte ale proprietății intelectuale și care vor deține drepturile asupra acestor rezultate. Conceptul de drepturi digitale acoperă direct obiectele dreptului civil, care vor fi definite în legi separate. Atât drepturile intelectuale cât și cele digitale sunt complexe, dar diferă în conținutul lor. Deci, drepturile digitale nu pot fi proprietate personală, iar drepturile intelectuale nu includ obligații. Drepturile digitale sunt mai aproape ca structură de titlurile necertificate. Deși programele și bazele de date computerizate pot fi considerate elemente necesare pentru existența și exercitarea drepturilor digitale, drepturile autorilor și ale altor deținători de drepturi de autor asupra bazelor de date nu sunt drepturi digitale

Bibliografie:

1. Al policy – Japan. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://futureoflife.org/ai-policy-japan/?cn-reloaded=1>
2. Baltag D. Unele considerații referitoare la acțiunea principiilor speciale ale răspunderii juridice. Materiale ale mesei rotunde cu participare intern. consacrată aniversării a 65-a de la adoptarea Declarației Universale a Drepturilor Omului, 11 dec. 2013 / com. org.: Oleg Balan. Chișinău: AAP, 2014. - 482 p. (P.69-95).
3. **Codul Civil al Republicii Moldova.** Publicat: 22-06-2002 în Monitorul Oficial al Republicii Moldova, Nr. 82-86, art. 661, *Republicat în Monitorul Oficial nr.66-75 din 01.03.2019 art.132*)
4. Convenția internațională pentru protecția drepturilor interpreților, ale producătorilor de fonograme și ale organizațiilor de difuziune, semnată la Roma la 26.10.1961 (Republica Moldova a aderat prin Hotărârea Parlamentului nr. 510-XIII din 22.06.1995); Cum se protejează dreptul de autor și drepturile conexe în Republica Moldova. Chișinău: AGEPI, 2016. 36 p.
5. Copyright Acts and related laws. The principal legislation on copyright can be found in the Copyright, Designs and Patents Act 1988. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://www.gov.uk/government/publications/copyright-acts-and-related-laws>
6. Crivorucica E. Titularii dreptului la un mediu de viață sănătos. Mecanisme naționale și internaționale de protecție a drepturilor omului: Materiale ale mesei rotunde cu participare intern. consacrată aniversării a 65-a de la adoptarea Declarației Universale a Drepturilor Omului, 11 dec. 2013 / com. org.: Oleg Balan. Chișinău: AAP, 2014. - 482 p. (p.201-206).
7. Drucker, Peter (1985), The Discipline of Innovation, in Harvard Business Review (HBR), May-June, 1985 și Reprint în HBR, august, 2002, p.3-10.
8. Educația contabilă și contabilitatea în societatea digitală, 02.04.2019. <https://monitorul.fisc.md/events/conferinta--educatia-contabila-si-contabilitatea-in-societatea-digitala>. Html # cut]
9. Gribincea A. World economy in the anticipation of „revolutionary” innovations. În: revista *Administrarea Publică*, nr. 4, 2017. P.135-143.
10. Gribincea A., Golovataia L., Brovca B. Economie mondială și migrația economică. Chișinău: IRIM, 2014, 250 p.
11. Guidelines for the preservation of digital heritage. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000130071>.

12. Importanța inovatiei și creativității în biblioteci. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: http://abrm.md/?Page_id=3212.
13. Inovațiile în comerțul modern. În: revistă științifică *Studia Universitatis Moldaviae*, USM, 2013, nr.2(62), p.189-192.
14. Legea Nr. 139 din 02.07.2010 privind dreptul de autor și drepturile conexe (modificată la LP212 din 29.07.16). [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://wipo.lex.wipo.int/fr/text/427371>
15. OSLO Manual. Guidelines for collecting and interpreting innovation data. 3rd ed. OECD/ European Communities, 2005
16. Piața unică digitală pentru Europa. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://www.consilium.europa.eu/ro/policies/digital-single-market/>.
17. Pythagoras. Metafizica. București: Expert, 2018, 261 p.
18. Raportul mondial privind evoluția societății informaționale, „*Measuring the Information Society 2017*”. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://monitorul.fisc.md/editorial/moldova-in-raportul-mondial-privind-evolutia-societatii-informaionale.html#cut>
19. Reguli noi de declarare a valorii în vamă a mărfurilor. În revista Vama, 2016, 7-9, p.3-10.
20. Schmidt M., Kudre S. Provocările viitoare ale construirii unei societăți bazate pe cunoaștere. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://www.osce.org/fom/13853?download=true>
21. Statistică privind societatea informațională. . [Citat 7.01.2020]. Disponibil: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Digital_economy_and_society_statistics_-_households_and_individuals/ro&oldid=451086
22. **Strategia Moldova Digitală 2020**, aprobată prin Hotărârea Guvernului Republicii Moldova, nr.857 din 31.10.2013, [Citat 7.01.2020]. Disponibil: https://mei.gov.md/sites/default/files/strategia_moldova_digitala_2020_857.pdf.
23. Towards knowledge societies: UNESCO world report. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000141843>.
24. Une stratégie numérique pour l'Europe. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/fr/sheet/64/une-strategie-numerique-pour-l-europe>.
25. Финский Кодекс Информационного Общества. [Citat 7.01.2020]. Disponibil: http://www.telecomlaw.ru/articles/v_65-2.pdf.

УДК 347.440.64:001.8

СИНТЕЗ НАУЧНЫХ РАБОТ В ОБЛАСТИ НЕПОИМЕННОВАННЫХ ДОГОВОРОВ

Татар Ольга

магистр права, преподаватель кафедры „Частное право” Комратского
государственного университета

Abstract. The jurists of various schools studied this issue. In the Republic of Moldova there are few works devoted to unnamed contracts. In Romania, more scientific papers are devoted to unnamed treaties.

Keywords: issues, synthesis, unnamed contract, improvement, principle of freedom of contract.

Любая наука на определенном этапе своего развития приходит к необходимости систематизации накопленных знаний. Так и позитивное право ставит перед собой задачу, объединить во едино все явления правовой жизни. Строгая последовательность, простота и изящность, составляющие отличительные черты научных теорий позитивного права, глубина, проникновенность мысли и поразительная наблюдательность, замечаемая у

отдельных представителей позитивного права, представляют собой качества, которые не могут ускользнуть от внимательного изучения данной системы права [14, с.65].

Этими преимуществами изобилуют все части гражданского права еще с времен Древнего Рима. Относительно особенностей, положений этого права в обязательственных отношениях, они поражают самобытностью, обработанностью, что без них, почти немыслимо какое бы то ни было системное изложение современной теории обязательственного права, хотя и нельзя отрицать того положительного факта, что нынешние обязательственные отношения гораздо сложнее и запутаннее римских.

С усовершенствованием нового ГК РМ № 1107-XV от 06.06.2002 были внесены более усовершенствованные способы и механизмы, позволяющие более эффективно регулировать гражданские правоотношения. От того, как правильно будет представлена и раскрыта их сущность и зависит значимость и результативность использования ГК РМ. С точки зрения тематики нашего научного исследования прорывом стало появление таких статей как: ст.994 ГК РМ „Названный и не названный в законе договор” и ст.995 ГК РМ „Смешанный договор”, в то время, как в предыдущей редакции ГК РМ об этих договорах говорилось лишь в ч.(3) ст.667 ГК РМ, предусматривающей: „Стороны могут заключать договоры, не предусмотренные законом (не названные в законе договоры), а также договоры, в которых содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом (смешанные договоры)”.

Более верная трактовка правовой сущности и правовой природы, а также установление значимости, места, роли не названных (непоименованных договоров) необходима путем проведения глубокого анализа непоименованных договоров, изучения доктринальных суждений, проведение исследований всех имеющихся в наличии научных работ, где в качестве предмета изучения выявляются отдельные новые конструкции непоименованных договоров, выявление факторов, способствующих становлению непоименованных договоров, и лишь после формулировки выявленных научных проблем мы сможем с помощью отдельных правовых методов и приемов найти пути разрешения поставленных проблем. Не стоит забывать, что безграничное количество договоров, лишенных правового закрепления, не есть показатель продуктивного регулирования разного рода совместных отношений, а лишь четко выстроенная система по цепочной связи отдельных видов договоров, где их правовое регулирование даст эффективный результат в регулировании разного рода отношений. Для этого и был предусмотрен такой принцип как свобода договора, представляющий свободу заключения различного вида договорных конструкций, регулирующих общественные отношения, отвечающие потребностям общества [26, с.51].

С этой целью в статье более подробно изучен и проведен синтез научных работ в области непоименованных договоров.

В числе отечественных учёных, подробно исследовавших данного рода проблему выступили: V. Volcinski, D. Cimil.

В числе отечественных учёных, менее исследовавших данного рода проблему выступили: A. Băieşu, S. Baieş, N. Roşca, Iu. Mihalache, Ю. Фрунзэ, С. Захария, Б. Сосна, И. Арсени, Н. Кристева, В. Игнатъев, О. Халабуденко, Gh. Chibac, T. Mişina, I. Ţonova, D. Ţurcan, V. Mihalaş, S. Cebotari, A. Rotari, O. Eftim.

Среди зарубежных авторов, подробно занимающихся изучением данной тематики выступили: L. Bercea, M. Nicolae, I-FL. Popa, A. Almasan, V.Palamarciuc, E. Olteanu, A. Barbu, D.Chirică, R. Rizoîu, M. Гредингер, А.Я. Ахмедов, Е.А. Батлер, Д.В. Огородов, М.Ю. Чельшев, Е.В. Татарская, К. Осаке, А.И. Танага, М.И. Брагинский, А.И. Бычков, В.А. Писчиков, Д.В. Мечетин, О.Ю. Шиловост, М.В. Гордон.

Среди зарубежных авторов, менее изучивших данные вопросы, выступили: L. Vasiu, I. Vasiu, O. Ungureanu, C. Munteanu, M. Guţan, A. Wise, S. Philipp, E. Paraschiv, C. Pop, V. Hanga, I. Trifan, B.B. Проценко, О.А. Кузнецова, Е.А. Лисюкова, К.И. Забоев, А.В. Волков, А.А.

Диденко, А.Р. Давлетова, Ю.Т. Лескова, А.А. Батурина, Л.А. Кудринская, Н.В. Румянцева, М.И. Капустин, Н.И. Крылов, А.Г. Карапетов, Е.В. Грушевская, О.С. Чулкова, Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло, В.И. Федулов, М.А. Лапина, Н.Н. Ковалева, Г.А. Корнийчук, А.А. Астраханкин, И.Б. Ласков, В.А. Белов, А.О. Коссова, А.Н. Климова, О.С. Иоффе, Е.А. Останина, Ю.А. Заец, Л.В. Мигалюк, А.Н. Левушкин, Ф.И. Федечко.

Среди зарубежных авторов, коснувшихся данной тематики выступили: В.В. Витрянский, В.В. Ефимов, Т.Г. Алиев, Н.Л. Дювернуа, Е.А. Суханов, Е.В. Измайлова, В.А. Максимов, Ф.К. Савиньи, О.А. Кудинов, П.Н. Астапенко, Д.Д. Гримм, А.А. Иванов, И.А. Покровский, Р. Иеринг, В. О. Пфаф, Ю.Е. Булатецкий, И.М. Рассолов, М.И. Придворова, Б. Спиноза, Ж.Ж. Руссо, И.В. Цветков, А.А. Николаев, Н.Т. Исрафилов, А.И. Гарявин, С.М. Кецянь, А.Г. Ревин, В.И. Лапин, В.А. Егiazаров, Б.И. Пугинский, М.И. Кулагина, С.Ю. Морозов, О.А. Омельченко, Д. Франчози, М.Н. Илюшина, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский, М.Н. Марченко, С.С. Желонкин, О.Ю. Шилохвост, Н.А. Боровиков, Д.Д. Гримм, И.И. Дахно, К.Е. Амелина, Д. Балакин, А.П. Сергеев, С. Гаврина, Е.В. Шишмарева, В. Бабкин, М.Я. Эпштейн, О.В. Добрынин, Н.С. Гуляева, Г. Штумпф.

Исследованию непоименованных договоров весьма полно и объемно посвящен научный труд правоведа L. Bercea: „Contractele nenumite în afaceri”, где автор высказывается, что: „Свобода – это обратная сторона правовых ограничений, то есть насколько больше запретов и ограничений, настолько меньше свободы в заключении непоименованных договоров” [3, р.9]. Касается вопросов непоименованности договоров V. Nanga в работе: „Drept privat roman”, где указывает, что: „Римляне представили деление безымянных договоров на 4 разряда, которые до сих пор считаются господствующими и необходимыми науке” [6, р.97].

Свои идеи в отношении принципа, распространяющегося на непоименованные договора высказывают в своем труде: „Drepturile reale principale” S. Baieş N. Roşca, констатируя, что: „Условия договора определяются общими правилами и общими требованиями, установленными действующим гражданским законодательством Республики Молдова” [2, р.135].

Свой вклад в изучение непоименованных договоров внес D. Cîmil в своей работе „Valenţa juridică a clasificării contractelor civile”, где он утверждает: „Установление существенных характеристик договора, а также их практическая значимость дают возможность классифицировать договоры таким образом: поименованные, непоименованные, смешанные, комплексные” [5, pp.52-60].

Отдельное внимание непоименованным договорам уделяет V. Palamarciuc в труде „Contractul nenumit – modalitate a libertatii de exprimare profesionala a juristului în contract”, что: „Возникновение не названного договора из-за его вмешательства в оригинальность намерения сторон вызывает особый юридический интерес для обсуждения и разрешения практических ситуаций” [9, pp.34-39].

А. Almăşan в работе „Arhitectura contractelor nenumite: construcţie şi amenajare” высказывается: „Преимущество непоименованных договоров состоит в адаптированности их, ввиду того, что они построены положительно (путем добавления и применения), а не отрицательно (путем исключения их)” [1, pp.12-16].

Следующим автором, внесшим свой вклад в изучение непоименованных договоров является M. Nicolae, который в работе „Dreptul comun al contractelor nenumite” излагает: „Контракт, который не имеет конкретного обоснования называется непоименованным” [7, pp.15-31].

Не оставили без внимания изучение непоименованных договоров E. Olteanu, A. Barbu в своей работе: „Deleme privind caracterul nenumit al contractului de comandă al unei opere viitoare”, где утверждают, что: „Роль безымянных договоров предполагает возможность выбора сторонами необходимых условий договора” [8, pp.42-48].

Изучению безымянных контрактов представлена работа D.Chirică „Contractul-cadru – contract numit sau nenumit? Calificare juridică și efecte. Răspundere pentru neexecutare. studiu de caz”, где автор приходит к выводу, что: „Безымянный контракт – это контракт, к которому применяются общие положения права” [4, pp.54-59].

Ценные высказывания, в отношении непоименованных договоров, представил R. Rizoiu в работе: „Ipoteca asupra părților sociale – un contract (doar) numit sau (chiar) nenumit?”, а именно: „Интерпретация классификации контрактов на поименованные и не поименованные не основывается на названии, связанного с определенным видом контракта. Тот факт, что законодатель дает конкретное название (типу) контракта, не означает явное признание специфики этого вида контракта. В качестве примера закон перечисляет ряд готовых формул контрактов, которым он дает название, и стороны могут выбрать из этого списка нужный контракт. Если нет в списке, то стороны вправе построить свою собственную модель контракта из различных частей, предусмотренных общей теорией контрактов” [10, pp.47-53].

С.К. Захария и И.В. Арсени в своей статье: „Дистрибьюторский договор как непоименованный договор: идентификация и квалификация” высказываются следующим образом: „В том случае, если договор не соответствует определенному признаку целенаправленности закону, он может считаться непоименованным договором” [18, с.161-169].

На этот счет высказались В.П. Игнатъев и В.В. Проценко в своем учебнике: „Гражданское право” таким образом: „ Такого рода договоры не должны противоречить иным правовым актам” [19, с.201].

Нами были изучены научные работы таких авторов как: А.Я. Ахмедов и Е.А. Батлер, которые подробно раскрыли основания и способы становления непоименованных договоров, историческую сущность непоименованных договоров, установили особенности непоименованных договоров и представили специфику непоименованных договоров.

В своей научной работе „Непоименованные договоры в Гражданском праве России” А.Я. Ахмедов отмечает, что: „Действительность непоименованного договора в целом зависит от характера нормы обязательственного права, а также от того, насколько точно определена конструкция договора” [12, с.5].

В научной работе „Непоименованные договоры: некоторые вопросы теории и практики” Е.А. Батлер утверждал, что: „ Не предусмотренным законом и иным правовым актом в доктрине гражданского права трактуется договор необычного содержания: нетипичный, аномальный, безымянный, неквалифицированный” [13, с.19]. В гражданском праве выделяются четыре критерия возникновения обязательств: деликты, договоры, обязательства из односторонних действий, а также обязательства из неосновательного обогащения.

Немаловажную роль в исследовании непоименованных договоров представили труды таких учёных как: В.В. Ефимов в работе „Догма римского права” утверждал, что: „Тематика безымянных договоров не редко становилась темой многих споров” [17, с.126], а также Н.Л. Дювернуа в своем труде: „Значение римского права для русских юристов” отмечал: „Проанализировав историю возникновения различного рода договоров, наряду с типичными поименованными договорами имеют место и нетипичные непоименованные (безымянные) договоры” [16, с.115]. Задача правоведов заключается в нахождении и объединении нужных нитей всей организованной системы права в угоду всего общества и публичного порядка в целом.

В.А. Писчиков в своей работе: „Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России” утверждал: „Роль нетипичных договоров заключается в способности предоставления участникам договорных отношений определенной свободы в выборе структурирования взаимоотношений между ними” [25].

А.О. Коссова в своем труде: „Классификация непоименованных договоров в праве Российской Федерации” отмечает: „Непоименованный договор необходим в гражданском обороте, также, как и необходима его классификация” [21].

А.Н. Климова высказывается в отношении непоименованности договоров в работе: „Непоименованные договоры в предпринимательской деятельности: вопросы реализации принципа свободы договора” таким образом: „Непоименованный договор всегда характеризуется определенной степенью новизны договорной конструкции. При этом непоименованным будет договор и в том случае, когда гражданско-правовое регулирование отсутствует полностью и стороны данного договора создают самостоятельно нужную им модель, а так же и тогда, когда в законодательстве лишь упоминается о договоре, но не раскрывается его содержание [20, с.57-61].

Т.Т. Алиев в своей работе: „Правовые проблемы ограничения свободы заключения непоименованного договора” высказывается таким образом: „Рассматривая проблему действительности непоименованного договора следует обратить внимание на характер и структуру нормы обязательственного права, а также на то, насколько точно определены конструкция договора и модель формирования рамок квалифицирующих признаков договора” [11, с.30-37].

Е.А. Останина в работе: „Вопросы квалификации непоименованных договоров” утверждает, что: „Непоименованные договоры встречаются не часто с учетом того, что гражданское законодательство содержит весьма разветвленную и проработанную систему гражданско-правовых договоров. Тем не менее, непоименованные договоры имеют большое практическое значение” [24, с.42-49].

А.Р. Давлетова и Ю.Г. Лескова в работе: „К вопросу о пределах свободы заключения непоименованного договора” анализируют и утверждают: „О непоименованном договоре можно говорить в тех случаях, когда субъекты создают новую договорную модель с „чистого листа”, то есть отсутствует как прямое, так и косвенное правовое регулирование” [15, с.34-43].

Л.В. Мигалюк коснулась ответственности непоименованных договоров в своем труде: „Гражданско-правовая ответственность по непоименованным договорам”, где убеждает, что: „Непоименованный договор является документально оформленной договоренностью сторон, где установлены основные права и обязанности для каждой из сторон, при условии соблюдения норм гражданского законодательства, а гражданско-правовая ответственность выступает регулятором непредусмотренных законодательством договорных отношений, предоставляя при этом сторонам допустимые пределы осуществления своих прав” [23, с.300-306].

А.Н. Левушкин и Ф.И. Федечко отмечают в своей работе: „Правовая сущность непоименованного договора и реализация его в рамках принципа свободы договора” следующее: „Широкое распространение в деловом обороте непоименованных конструкций связано с удобством и эффективностью их использования: экономией затрат, а так же усилий сторон при оформлении своих договорных обязательств. Верное понимание и разъяснение данных договорных моделей, а так же уяснение их сущности способствует правильному их внедрению в практику” [22, с.16-22].

Исследуемый нами материал позволяет нам в заключении сделать следующие *выводы*:

1. Проблематика, связанная с такого рода договорами как непоименованные возникла с древних времен, а именно в Древнем Риме.

2. Изучением данной проблематики занимались правоведы различных школ. В Республике Молдова очень мало работ, посвященных непоименованным договорам. В Румынии непоименованным договорам посвящено больше научных трудов. Наибольшее количество научного материала, в котором исследованы непоименованные договоры отводится ученым из Российской Федерации.

3. Непоименованные договоры характеризуются четкой, независимой договорной конструкцией, своим особым объектом, направленностью, индивидуальностью, что позволяет отличать непоименованные договоры от других видов договоров.

4. Принцип свободы договора выступает неотъемлемым фактором, который способствует возникновению непоименованных договорных конструкций, так как позволяет самостоятельно и на свое усмотрение заключать те или иные виды непоименованных договоров.

5. Непоименованные (безымянные) договоры посредством принципа свободы договора могут быть закреплены на законодательном уровне, при этом не противоречить норме права и не нарушать ее.

6. Отсутствие правового регулирования отдельных видов не названных договоров не способствует развитию разного рода отношений, а наоборот, сдерживает и тормозит их развитие в целом.

7. Возникающие ситуации, рождаемые самой жизнью, подталкивают действующий Гражданский кодекс Республики Молдова расширить объем свободы субъектов экономических отношений, подкрепив правовую базу непоименованными договорными конструкциями таким образом, чтобы они отвечали возникшим желаниям и потребностям общества.

Библиография:

1. Almășan, A. Arhitectura contractelor nenumite: construcție și amenajare. În: *Universul juridic* (Republica Moldova), 2018, nr. 3, pp.12-16.
2. Baieș, S., Roșca, N. Drept civil. Drepturile reale principale: [pentru uzul studenților]. Chișinău: Cartier, 2016. 272 p.
3. Bercea, L. Contractele nenumite în afaceri. București: Universul juridic, 2017. 304 p.
4. Chirică, D. Contractul-cadru – contract numit sau nenumit? Calificare juridică și efecte. Răspundere pentru neexecutare. studiu de caz. În: *Universul juridic* (Republica Moldova), 2017, nr. 8, pp.54-59.
5. Cimil, D. Valența juridică a clasificării contractelor civile. În: *Revista Institutului Național al Justiției (Republica Moldova)*, 2017, nr. 1 (40) pp.52-60.
6. Hanga, V., Trifan, I. Manual de drept privat roman. București: Cordial Lex, 2009. 393 p.
7. Nicolae, M. Dreptul comun al contractelor nenumite. București: Universul Juridic, 2017. 304p.
8. Olteanu, E., Barbu, A. Deleme privind caracterul nenumit al contractului de comandă al unei opere viitoare. În: *Universul juridic* (Republica Moldova), 2017, nr. 3, pp.42-48.
9. Palamarcu, V. Contractul nenumit – modalitate a libertatii de exprimare profesionala a juristului în contract. În: *Materialele conferinței JURIDICE Moldova*. 12 mai 2017. Chișinău: Cartier, 2017. pp.34-39.
10. Rizoiu, R. Ipoteca asupra părților sociale – un contract (doar) numit sau (chiar) nenumit? În: *Universul juridic* (Republica Moldova), 2017, nr. 11, pp.47-53.
11. Алиев, Т.Т. Правовые проблемы ограничения свободы заключения непоименованного договора. В: *Гражданское право* (Российская Федерация), 2016, № 2, с.30-37.
12. Ахмедов, А.Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России. Диссертация на соискание ученой степени. Саратов, 2014. 199 с.
13. Батлер, Е.А. Непоименованные договоры. Москва: Экзамен, 2008. 222 с.
14. Гредингер, М. Опыт изслѣдованія безымянныхъ договоровъ. Рига. 1893, переиздана. Москва: Книга по требованию, 2013. 132 с.
15. Давлетова, А.Р., Лескова, Ю.Г. К вопросу о пределах свободы заключения непоименованного договора. В: *Власть закона* (Российская Федерация), 2014, № 2 (18), с.34-43.
16. Дювернуа, Н.Л. Значение римского права для русских юристов. М.: Книга по Требованию, 2018. 295 с.

17. Ефимов, В.В. Догма римского права. Москва: Книга по Требованию, 2019. 308 с.
18. Захария, С.К., Арсени, И.В. Дистрибьюторский договор как непоименованный договор: идентификация и квалификация. В: *Международная научно-практическая конференция. Наука, образование, культура*. 10 февраля. 2018. Комрат: А.В. Poligraf, 2018. с.161-169.
19. Игнатъев, В.П., Проценко, В.В. Гражданское право: общая часть. Кишинев: Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, 2010. с.201.
20. Климова, А.Н. Непоименованные договоры в предпринимательской деятельности: вопросы реализации принципа свободы договора. В: *Юридическая наука* (Российская Федерация), 2016, № 4, с.57-61.
21. Коссова, А.О. Классификация непоименованных договоров в праве Российской Федерации. [дата посещения 24.11.2018]. Доступна: <http://conf.omua.ru/content/klassifikaciya-nepoimenovannyhdogovorov-v-prave-rossiyskoy-federacii>.
22. Левушкин, А.Н., Федечко, Ф.И. Правовая сущность непоименованного договора и реализация его в рамках принципа свободы договора. В: *Власть закона* (Российская Федерация), 2014, № 3, с.16-22.
23. Мигалюк, Л.В. Гражданско-правовая ответственность по непоименованным договорам. В: *Теория и практика общественного развития* (Российская Федерация), 2013, № 4, с.300-306.
24. Останина, Е.А. Вопросы квалификации непоименованных договоров. В: *Вестник Челябинского государственного университета* (Российская Федерация), 2010, № 25 (206), с.42-49.
25. Писчиков, В.А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России. Диссертация кандидата юридических наук. [дата посещения 24.11.2018]. Доступна: <https://www.dissercat.com/content>.
26. Татар, О. Юридическая природа и специфика названных, не названных и смешанных договоров. В: *Legea și viața* (Республика Молдова), 2019, № 8, с.51.

УДК 347.440.6(478)

Татар Ольга
магистр права, преподаватель кафедры „Частное право”
Комратского госуниверситета

СПЕЦИФИЧНОСТЬ, СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ НЕПОИМЕНОВАННОГО ДОГОВОРА КОНТРАКТАЦИИ С ПОИМЕНОВАННЫМИ ДОГОВОРАМИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Abstract. The principle of freedom of contract is a factor contributing to the conclusion of unnamed contracts, including a contract of contracting, which regulates relations between the manufacturer and the customer.

Keywords: specificity, contracting, unnamed contract, named contract, similarity, difference.

Заключению такого рода договоров способствует желание и в то же время, предшествует вынужденная необходимость производителя поставить выращенную им лично сельскохозяйственную продукцию заготовителю, который закупая ее, уже заранее просчитывает о дальнейшей возможности переработки и продажи ее. Как таковой, такой договор имеет место встречаться и заключаться в практике, так как наша Республика является аграрной и развитие и поддержание сельского хозяйства и сельскохозяйственных культур занимает первостепенное значение. Но проходя определенные стадии развития Республики Молдова, контрактация в виде гражданско-правового договора несла в себе значимые изменения. Надо сказать, что заключение такого рода договоров способствует

развитию и процветанию экономики Республики Молдова. Как мы можем наблюдать, увеличение результатов продуктивности в сельском хозяйстве напрямую зависит от желания субъектов сельскохозяйственной деятельности того, чтобы сельское хозяйство совершенствовалось при помощи реализации выращенной сельскохозяйственной продукции на рынке [7, с.375-381].

Наша задача состоит в том, чтобы привести аргументированные доводы в отношении того, что применение таких конструкций существенно необходимо, с тем, чтобы законодатель отвел такого рода непоименованные договоры в число поименованных договоров, тем самым, признав их значимость и важность, ведь развитие рыночных и правовых отношений не является столь идеальным, и не исключает возможности более близкого и детального подхода к регулированию отношений, возникающих в сельском хозяйстве. Вся сложность возникшей ситуации заключается в том, что к непоименованным (безымянным) договорам применяются нормы договоров, сходных с такого рода договорами, и к ним применяются положения обязательственного договорного права, то есть аналогия закона или аналогия права [3, p.13].

D.Chiriță в своем труде отмечает следующее: „Contractul-cadru – contract numit sau nenumit? Calificare juridică și efecte. Răspundere pentru neexecutare. studiu de caz”, где автор приходит к выводу, что: „Безымянный контракт – это контракт, к которому применяются общие положения права” [1, pp.54-59].

В практике сельхозпроизводители заключают правовые отношения с партнерами, преследуя единые цели, связанные с производством и сбытом сельскохозяйственной продукции. В редакции Гражданского кодекса от 26.12.64 в ст.268 говорилось о договоре контрактации, как о государственной закупке сельхозпродукции у колхозов, посредством заключения договора контрактации. До того, как прекратил свое существование СССР, еще вносились преобразования в совершенствование закупок, связанных с сельскохозяйственной продукцией, а потом необходимость в них отпала. На сегодняшний день вновь открыт вопрос в отношении закупки сельскохозяйственной продукции у частника-производителя, заготовителем. Не стоит смешивать этот договор с договором о государственных закупках, так как, согласно Закона РМ № 131 от 03.07.2015 „О государственных закупках” в ч.(1) ст.72 предусматривается, что: „Закупающий орган не вправе дробить закупку путем заключения отдельных договоров о государственных закупках с целью применения процедуры государственной закупки, иной, нежели та, которая использовалась бы в соответствии с настоящим законом, если бы закупка не дробилась.

Исключение составляет закупка сезонных товаров и услуг, требующая заключения отдельных договоров на разные периоды времени”. Договор заключается между экономическими операторами икупающими органами, где в качестве предмета договора выступает закупка товаров, выполнение работ и услуг. В нашем случае речь идет об особом объекте договора, а именно о сельскохозяйственной продукции, в отношении которой производитель берет на себя обязательство по передаче продукции, выращенной в своем хозяйстве в будущем, заготовителю. Лишь с ним осуществляется исполнение данного договора по закупке данной продукции, с последующей переработкой или продажей ее. Исполнение обязательств по договору контрактации требует как практического, так и теоретического подхода. Несмотря на особенности непоименованного договора, он исполняется, посредством соответствия общим правилам об исполнении обязательств и договоров, не противореча правопорядку и нравственности. Исполнить данный договор возможно посредством предоставления именно особого объекта обязательства, а именно, произведенной продукции. Реализация данного договора возможна посредством общих принципов, заложенных в гражданском праве: принципа свободы договора, принципа разумности, принципа добросовестности.

Принцип свободы договора выступает в виде основного принципа в гражданском праве, который разрешает и предоставляет свободу выбора контрагентам заключить договор, независимо от кого-либо, а также установить его вид и условия [8, с.64-65]. Как мы видим, свобода договора — возможность преобразования договора” [5, с.182]. Раскрывая принцип свободы договора, нельзя не коснуться пределов, лимитирующих свободу договора. Ведь тогда можно будет представить реальную картину, раскрывающую данный принцип. В принципе „Разумные, справедливые, соразмерные и взвешенные пределы и ограничения свободы договора мешают применению недобросовестных приемов субъектами рынка [6, с.94-99].

Специфичность и особенность договора контрактации заключается в том, что определенная сельскохозяйственная продукция (пчелы, животные, определенные растения) характеризуется тем, что имеет свою биологическую цикличность, а значит может и потерять свой товарный вид, подвергнувшись порче или гибели вовсе. Все эти особенности, конечно же отразятся неким образом на договоре, посредством установления особых условий, касающихся особенностей хранения или упаковки товара, или же транспортировки или поставки товара. Что касается поставки сельскохозяйственной продукции, тут возможно исполнение договора по частям, отдельными промежутками между поставками, согласно согласованному между сторонами графику, где учтено время сбора сельскохозяйственной продукции. Как мы знаем в синаллагматических договорах, исполнению обязательств одной стороны, соответствует встречное исполнение обязательств, с другой стороны. По договору контрактации обязанность передачи произведенной лично сельскохозяйственной продукции соответствует встречной обязанности уплаты заготовителем оговоренной цены за эту продукцию, причем, если речь идет о поставке будущей сельскохозяйственной продукции, где заготовитель посредством выдачи аванса, определяет покупку семян, удобрений или другого материала, которые выполняют свое предназначение в договоре.

Договор контрактации выступает в виде непоименованной договорной конструкции, в силу принадлежащих ему специфичных особенностей: особый объект, субъективный состав, целенаправленность, индивидуальность, видоизменяемость, самостоятельность, которые составляют сущность данного договора и предопределяют достижение желаемого результата между предпринимателями: производителем и заготовителем в отношении самостоятельно выращенной и проданной сельскохозяйственной продукции, с целью последующей ее переработки и реализации. Договор контрактации выступает разновидностью поименованного договора купли-продажи закрепленного в ст.1108 ГК РМ, которая гласит: „По договору купли-продажи одна сторона (продавец), обязуется передать вещь в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять ее и уплатить за нее обусловленную цену”. Хотелось бы отметить, что предметом договора выступает вещь, где понятие „вещь” выражено законодателем абстрактно, не перечисляя о какого рода вещах идет речь и лишь в ч.(4) ст.1108 ГК РМ причисляет к вещам: электрическую энергию, тепловую энергию, газ, воду. Например, Н.А. Боровиков утверждает, что отличие договора контрактации от договора купли-продажи в предмете, субъекте, в основаниях заключения договора [4, с.24].

Хочется заметить, наличие в практике других видов договоров не запрещается законодателем, с чем мы согласны, так как основываться на имеющихся договорах в общей системе договоров еще не означает, что их количество и содержание не будут меняться, иначе можно было бы остановить регулирование всей экономики в целом. Посредством наличия и признания принципа свободы договора, реально двигать все экономические процессы в обществе и разрешать трудности, возникающие в тех или иных ситуациях. М. Nicolae в своей работе „Dreptul comun al contractelor nenumite” излагает: „Контракт, который не имеет конкретного обоснования называется непоименованным” [2, pp.15-31].

Важная особенность, свойственная договору контрактации содержится в индивидуальности сельскохозяйственной продукции и присущим ей отличиям, так как эта продукция очень подвержена влиянию окружающей среды, которая воздействует посредством многих факторов на окончательный результат всего процесса. В этом и прослеживается уязвимость производителя по отношению к заказчику, который находится в более выгодном положении. На наш взгляд тут прослеживается схожесть договора купли-продажи с договором контрактации, а именно: как договор купли-продажи нацелен на защиту прав и интересов продавца и покупателя, так и договор контрактации защищает производителя сельскохозяйственной продукции, дабы уравнивать с правами и интересами заказчика. На наш взгляд договор контрактации более увеличивает статус правовой защиты производителя, чем договор купли-продажи по отношению к продавцу, так как в нашем случае речь идет о продукции, которая будет выращена через какое-то время, т.е договор контрактации будет заключен раньше производства сельскохозяйственной продукции. В то же время хочется защитить заготовителя, который тоже делает определенные взносы, связанные с покупкой семян, удобрений, изношенных запчастей. Интересен может быть и тот факт, когда производитель мог и не заключать договор контрактации, ввиду того, что был осведомлен о наступающей засухе или ливневых дождях и не рисковать. Немаловажная особенность данного договора заключается также в сроках по сдачи продукции, указывая которые можно учесть, когда созрел урожай, как был произведен, как хранился и т.д. Как мы можем видеть, договор контрактации содержит в себе индивидуальные особенности, позволяющие нам причислить его к непоименованным договорам, заключаемым в практике.

Все выше расписанное, дает основания причислить договор контрактации к непоименованному, так как наличие особых специфичных условий: объекта, целенаправленности, индивидуальности, самостоятельности, основываясь на принципах: свободы договора, разумности и добровольности, а также не противоречие закону, публичному порядку и нравственности приводит к достижению желаемых целей и результатов, predetermined договором контрактации.

Специфичность и уникальность договора контрактации заключается в следующем: субъекты договора контрактации: производитель и заготовитель, лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, в отношении особого объекта договора по поставке лично выращенной сельскохозяйственной продукции производителем, заготовителю, который закупает с целью дальнейшей переработки и продажи ее. Если договором контрактации предписана поставка продукции в будущем, заготовитель принимает активное участие, посредством выделения денежных средств на покупку семян, материалов, удобрений, а также оказание помощи в обеспечении тарой или необходимой упаковкой. Договор основан на общих принципах: свобода договора, разумность, добросовестность, справедливость. Описанные и изложенные нами проблемы и сформированные по ним выводы в статье, на наш взгляд, могут быть реализованы посредством представления следующих предложений, путем внесения дополнений и изменений в Гражданский кодекс Республики Молдова.

Отсутствие правового регулирования данной непоименованной договорной конструкции создает необходимость ее регулирования, посредством дополнения ГК РМ, а именно Книги III, Раздела III, Главы I ГК РМ под названием „Купля-продажа” Частью 12 „Договор контрактации” и соответствующими статьями: 1194¹- 1194³, где будут расписаны общие положения и содержание договора контрактации.

Предлагаем: Дополнить Книгу III, Раздел III, Главу I Гражданского кодекса Республики Молдова под названием „Купля-продажа”, *Частью 12 „Договор контрактации”* и соответствующими статьями:

статьей 1194¹ под названием „Общие положения”

Договор контрактации, где одно лицо – производитель поставляет выращенную им сельскохозяйственную продукцию другому лицу – заготовителю, который закупает ее с дальнейшей переработкой и продажей.

статьей 1194² под названием „Обязанности заготовителя”

(1) В обязанности заготовителя входят:

- а) принять сельскохозяйственную продукцию по ее месту нахождения;
- б) осуществить прием сельскохозяйственной продукции в срок, указанный договором;
- с) по настоянию производителя вернуть отходы, полученные при переработке сельскохозяйственной продукции и выполнить данное требование за предусмотренную оплату.

статьей 1194³ под названием „Обязанности производителя”

(1) В обязанности производителя входят:

- а) доставить заготовителю выращенную продукцию соответствующего количества и качества;
- б) быть ответственным в случае наличия доказательств виновности за уклонение от исполнения обязательств, предписанных в договоре.

Библиография:

1. Chiriță, D. Contractul-cadru – contract numit sau nenumit? Calificare juridică și efecte. Răspundere pentru neexecutare. studiu de caz. În: *Universul juridic* (Republica Moldova), 2017, nr. 8, pp.54-59.
2. Nicolae, M. Dreptul comun al contractelor nenumite. București: Universul Juridic, 2017. 304 p.
3. Pop, L. Tratat de drept civil. Obligațiile. Volumul II. București: Universul Juridic, 2009. 832p.
4. Боровиков, Н.А. Договор контрактации сельскохозяйственной продукции. Москва: Юридическая литература, 1993. 176 с.
5. Лисюкова, Е.А. Пределы свободы договора в Гражданском кодексе Российской Федерации и принципах международных коммерческих договоров. Москва: Норма, 2002. 232 с.
6. Осаке, К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения. В: *Российское право* (Российская Федерация), 2006, № 8, с.94-99.
7. Татар, О. Договор контрактации как один из видов непоименованных договоров Республики Молдова. В: *Международная научно-практическая конференция*. Комрат, 2019. с.375-381.
8. Татар, О. Принцип свободы договора – первый шаг к заключению непоименованных договоров в Республике Молдова и в других странах. В: *Jurnal Juridic Național: teoria și practica* (Республика Молдова), 2018, № 3 (31), с.64-69.

УДК: 342.6(574)

Кукеев Аскар Кульчимбаевич

Ст. преподаватель, ЮКГУ им. М. Ауэзова

г. Шымкент, РК

E-mail: askar_kukeyev@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Abstract. The article studies the general principles of the organization of executive authorities are investigated and constitutional framework of organization of public authorities in the Republic of Kazakhstan. The work shows the significance of the principles that define the formation and activities of public authorities in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: constitution, public authorities, principles of organization, executive body

Система органов исполнительной власти строится и функционирует на основе целого ряда исходных начал, принципов, которые формируются в виде определенных руководящих правил. Эти принципы обуславливаются объективными факторами развития общества, а также накопленным организационным опытом.

Принципы организации исполнительной власти неравнозначны с точки зрения применения их в процессе организации и деятельности аппарата управления. Одни из них являются основополагающими факторами построения и работы системы в целом, другие – организации и работы групп органов, отдельных органов и их структурных подразделений. При этом наиболее общие факторы выступают базой для частных, последние же действуют в рамках основополагающих принципов.

В литературе выделяют три взаимосвязанных группы принципов управления. Например, Е.А. Парасюк выделяет две группы принципов. Первая охватывает конституционно-закрепленные принципы организации и деятельности механизма государства: народовластие, гуманизм, разделение властей, законность. Вторая конкретизируется в законах и подзаконных актах: верховенство Конституции над иными нормативными правовыми актами; приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие; обязанность государственных служащих признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина; единство системы государственной власти; равный доступ граждан к государственной службе; обязательность для государственных служащих решений, принятых вышестоящими государственными органами и руководителями в пределах их компетенции и в соответствии с действующим законодательством; единство основных требований, предъявляемых к государственной службе; профессионализм и компетентность государственных служащих; гласность в осуществлении государственной службы; ответственность государственных служащих; внепартийность государственной службы; стабильность кадров государственных служащих в государственных органах [1, с.10].

Исходя из общих принципов государственного механизма, как нам представляется, логично сформировать принципы организации исполнительной власти в определенную систему: организационно-политические принципы; организационно-технические принципы построения исполнительных органов; организационно-технические принципы деятельности исполнительных органов.

Организационно-политические принципы являются определяющими для построения системы органов, для установления их рациональной структуры и обеспечения эффективности деятельности аппарата управления. Они характеризуются как существенные признаки, внутренне присущие системе органов исполнительной власти. Эти принципы вытекают из объективных по отношению к системе органов условий, которые проявляются в особенностях структуры и элементов системы, в особенностях взаимодействия между системой и средой и выражаются в виде некоторых правил.

К числу организационно-политических принципов относятся: а) законность; б) ответственность органов исполнительной власти перед гражданами; в) участие населения в осуществлении функций исполнительной власти.

Законность в широком понимании этого термина означает определенную законом меру должного и возможного поведения индивидов, обеспечивающую им формальное равенство, необходимую свободу и справедливость. Законность предполагает высокую степень знания права и уважения к нему всех субъектов осуществления исполнительной власти. Она возможна лишь при наличии такой системы права, которая была бы, как справедливо подчеркнул В.С. Нерсисянц, всеобщей и необходимой формой свободы людей [2, с.34].

Важнейшим средством обеспечения законности в исполнительной ветви власти в настоящее время выступает президентский контроль, осуществляемый непосредственно самим Президентом Республики либо через его Администрацию [3]. С одной стороны, аким

должен целиком и полностью отвечать за свою деятельность перед Правительством, так как он – руководитель местной исполнительной власти, которая является звеном единой системы исполнительных органов. Но аким также должен выполнять поручения Президента и отвечать перед ним. В результате возникает не иерархическая, а конкурирующая подчиненность, при этом доминирующее значение приобретает ответственность перед Президентом Республики.

Президент не может контролировать работу акимов всех уровней, без чего нельзя освобождать от работы. Есть государственные инспекторы, закрепленные за областями, однако контролировать деятельность акимов всех уровней, от областных до сельских, и они не могут. В таких условиях есть предпосылки для нарушения законности и ухода от ответственности, как перед Президентом РК, так и перед Правительством. Акимы областей и городов республиканского значения и столицы должны отвечать перед Правительством, и уже Правительство должно отвечать перед Президентом за деятельность акимов, поскольку Премьер-министр представляет акимов областей на должность Президенту.

Парламентский контроль над деятельностью органов местного управления законодательством не предусматривается. Президент Республики располагает правом досрочного прекращения полномочий маслихата по представлению Генерального прокурора (ранее это полномочие было возложено на Сенат Парламента РК).

Правительство в пределах конституционных полномочий осуществляет контроль за исполнением законов. Министерство юстиции, его территориальные органы регистрируют акты местных органов, центральными отраслевыми и иными органами в отношении подведомственных им подразделений местных исполнительных органов осуществляется ведомственный контроль.

Ответственность органов исполнительной власти перед гражданами провозглашена в Конституции РК. И хотя она касается только права граждан на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, этот принцип следует толковать широко: органы исполнительной власти должны создавать необходимые правовые, организационные и материальные условия для осуществления гражданами их конституционных прав и свобод [4, с.278].

Реализация данного принципа невозможна без формирования системы открытости и доступности исполнительных органов.

Указом Президента РК от 5 февраля 2016 г. *«О проведении отчетных встреч с населением руководителей центральных исполнительных органов, акимов, ректоров национальных высших учебных заведений»* [5] введены и проводятся на протяжении последних лет отчеты абсолютно всех акимов перед населением соответствующих административно-территориальных единиц.

Что такое открытость и доступность государственного органа?

Открытость органа исполнительной власти – это возможность беспрепятственно получить интересующую информацию о деятельности учреждения, принятых решениях, результатах работы, о бюджете и т.д., наличие ясной правдивой информации об учреждении, обоснованность любых решений. При этом открытость и транспарентность (прозрачность) – синонимы. Открытые государственные органы обязаны объяснять, например, почему, на каком основании были приняты те или иные решения, что обусловило создание или расформирование того или иного госоргана.

Доступность органа исполнительной власти – это возможность получения услуги или информации от госоргана при наименьших затратах времени, усилий и денег клиента, простота и ясность процедуры обслуживания или выдачи информации. Доступными государственные органы могут считаться, если любой человек или организация могут беспрепятственно получить несекретную информацию или услугу.

Действует Закон РК от 21 января 2007 г. «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц», где четко прописаны сроки ответов: «Обращения граждан рассматриваются, и по ним принимаются решения в срок до одного месяца со дня поступления в органы, а не требующие дополнительного изучения и проверки – не позднее 15 дней» [6]. Процедуры рассмотрения обращений граждан установлены также в Законе РК от 27 ноября 2000 г №107 «Об административных процедурах» [7]. Однако не все граждане, обращающиеся в госорганы, знают действующее законодательство, не все госслужащие четко придерживаются его. Одной из задач исследования было узнать, насколько это незнание или невыполнение норм законов симптоматично для Казахстана.

Принимая во внимание прямо предусмотренное Конституцией РК право граждан на участие в государственном управлении, в том числе посредством обращения, Глава государства в Концепции правовой политики на 2010-2020 г.г. декларировал следующее: «Следует совершенствовать механизмы обращения граждан в государственные органы и к должностным лицам государства как формы их участия в государственном управлении и способа защиты своих прав и свобод, в том числе расширить спектр услуг, предоставляемых государством посредством «электронного правительства». В то же время необходимо урегулировать отношения, связанные с обращениями граждан в негосударственные организации по вопросу защиты своих прав и законных интересов, включая соблюдение сроков рассмотрения, установление ответственности организаций и их должностных лиц за рассмотрение обращений потребителей их услуг» [8].

Организационно-политические принципы, в силу их универсальности, определяют и особенности построения системы органов исполнительной власти, и характер их функционирования, благодаря чему разные по структуре, правовому положению, компетенции и задачам органы формируются в стройную систему.

На основе организационно-политических принципов разворачиваются организационно-технические принципы построения исполнительного аппарата.

В научной литературе последнего времени вопрос об организационно-технических принципах почти не рассматривался. Лишь в последние годы появились отдельные статьи и разделы монографий, посвященные этой проблеме. Между тем исследование организационно-технических принципов имеет самое непосредственное отношение к созданию рациональной системы органов управления. В 20-х и первой половине 30-х годов XX века этим вопросам уделялось большое внимание.

Тогда же было сформулировано определение организационно-технического принципа, которое перешло и в современную литературу. Под организационно-техническим принципом понимается организационно-техническое правило, которое используется в целях улучшения управления, и которое настолько оправдало себя на практике, что стало аксиоматичным [9].

Формально можно выделить три организационно-технических принципа построения исполнительных органов: отраслевой, функциональный и территориальный.

Суть отраслевого принципа состоит в том, что отдельные подсистемы исполнительных органов располагаются друг к другу иерархически последовательно с целью функционирования по отношению к группе однородных объектов (предприятий, организаций и учреждений, занимающихся определенным видом хозяйственного, административно-политического и социально-культурного строительства).

Это функционирование может осуществляться либо в форме руководства (управления) по всему кругу вопросов, связанных с деятельностью подведомственных объектов, либо в форме какой-то специализированной (отраслевой) деятельности внутри органов межотраслевого или территориального (общей компетенции) управления.

С учетом отраслевого принципа построены системы исполнительных органов отраслевого управления и структурные отраслевые подразделения органов межотраслевого управления и органов общей компетенции.

Функциональный принцип характеризуется тем, что исполнительные органы располагаются иерархически последовательно с целью реализации одной или нескольких однопорядковых функций по отношению к разнородным объектам. Функциональный принцип создает условия для координации деятельности многих органов, для единообразного решения каких-то определенных вопросов.

Использование территориального принципа предполагает создание системы органов, которые путем осуществления общих функций решают задачи руководства всеми подведомственными объектами, расположенными в пределах территории, на которую распространяется компетенция органа.

Отраслевой, функциональный и территориальный принципы построения аппарата управления проявляют себя как в пределах всей системы органов, так и любой ее подсистемы. В каждом конкретном случае их использование предполагает образование органов, которые на основе вышеназванных принципов осуществляют строго определенные функции отраслевого, функционального и территориального управления.

Такова формальная характеристика организационно-технических принципов. И если бы система органов представляла собой нечто застывшее и неизменное или, наконец, менее сложный, чем в действительности, социальный организм, этим в исследовании данного вопроса можно было бы ограничиться. Но система органов чрезвычайно сложна, она постоянно развивается и изменяется. В результате этого возникает процесс взаимодействия организационно-технических принципов. Этот процесс создает разнообразные комбинации отраслевого, функционального и территориального принципов.

Отраслевые исполнительные органы выступают одновременно как органы интегрирующие, осуществляющие общее территориальное управление по отношению к органам управления подотраслями.

В известной мере и функциональные органы строятся на основе различных видов сочетания трех названных принципов. Причем специфика этого сочетания диктуется целями и задачами органа.

В органах территориального управления формируются отделы с учетом и отраслевого, и функционального принципов.

Таким образом, органы исполнительной власти формируются на основе использования различного рода комбинаций организационно-технических принципов построения аппарата управления. Это разнообразие комбинаций определяется с учетом задач и форм их деятельности.

С проблемой сочетания организационно-технических принципов построения аппарата управления связаны вопросы о характере взаимоотношений между структурными подразделениями внутри отдельных органов или, точнее сказать, вопросы о построении механизма взаимодействия структурных подразделений.

Эта проблема подробно освещена в литературе. Начало в ее исследовании положили еще Ф. Тейлор и А. Файоль, которые разделили отношения внутри аппарата управления на два типа: линейный и функциональный. Большой вклад в разработку данного вопроса внес крупнейший русский теоретик организации и управления П.М. Керженцев [10, с.54-91].

Функциональная организация характеризуется тем, что управленческие функции делятся между несколькими начальниками. Каждый из них специализируется на выполнении определенного вида работы. При этом исполнитель подчинен не одному универсальному руководителю, а одновременно нескольким функциональным руководителям.

Е. Старосыцк придают большое значение штабной системе в современной организации управления. Он называет ряд основных задач, которые решает орган, выполняющий

штабные функции. Это следующие задачи: а) собирание информации, необходимой для подготовки соответствующих решений; б) разработка реально возможных вариантов ведения дел; в) обращение внимания лица или группы лиц, в компетенцию которых входит принятие решений и реализация намеченного плана, на проблемы, которые могут возникать в процессе выполнения этого плана; г) анализ фактического положения дел в процессе выполнения намеченного плана; д) контроль за реализацией этого плана [11, с.190; 12, с.32-35].

С проблемой сочетания организационно-технических принципов построения аппарата управления связаны также и вопросы о характере взаимосвязей между органами, входящими в одну и ту же систему.

В литературе выделяются четыре вида взаимоотношений между органами: система простого руководства, система функционального руководства, система концентрированного руководства, система ограниченного функционализма [11, с.106-112; 13, с.107-119].

Простое руководство заключается в том, что руководитель вышестоящего органа дает распоряжения руководителю нижестоящего органа по всем вопросам компетенции.

Функциональное руководство предполагает создание такой системы отношений, при которой ячейки его нижестоящего органа принимают указания по различным вопросам одновременно от нескольких соответствующих ячеек вышестоящего органа. При этом ячейки вышестоящего органа должны быть обязательно специализированными.

При этом, как замечает Е. Старосьцяк, органы общего руководства имеют определенные права, в рамках которых они могут либо полностью согласиться, либо внести изменения в директивы, предлагаемые функциональными ячейками [11, с.109]. В данном случае обеспечивается единство функционирования органов управления и одновременно признается функциональное разделение труда внутри органа.

Недостатком такой системы взаимоотношений является то, что между источником директивы и ее адресатом появляются два передающих звена. Такая система передачи организационной информации перегружает органы общего руководства узкоспециальными вопросами.

Ограниченный функционализм состоит в том, что некоторые отраслевые и функциональные ячейки органа управления готовят соответствующий материал для руководителя. Сами они не могут давать указания нижестоящим органам управления, но имеют, по словам Е. Старосьцяка, «гарантированную правом возможность оказывать влияние на деятельность ячеек отраслевого управления своего органа» [11, с.110]. Вместе с тем в аппарате органа управления имеются подразделения, которые вправе давать указания по отдельным вопросам нижестоящим органам.

Организационно-технические принципы деятельности аппарата управления являются исходными началами (правилами) функционирования органов государственного управления.

С тех пор, как А. Файоль сформулировал свои 14 принципов администрирования, и классическая теория организации управления, и последующие за ней течения внесли мало нового в эту систему. Зарубежные авторы преимущественно комбинировали его принципы в различных вариантах. А. Файоль всегда подчеркивал, что выработанная им система принципов не может быть жесткой или завершенной для дополнений и изменений, она всегда может быть преобразована.

Последователи А. Файоля и возникшие на основе его учения школы главным образом расшифровывали и углубляли содержание изложенных принципов. Это замечание можно отнести и к учению крупнейших систематизаторов и пропагандистов классической теории организации и управления Я. Гьюлика и Л. Урвика, хотя последние в ряде случаев расширили толкование принципов, выдвинутых Файолем, и дополнили их перечень. В частности, был выработан принцип «диапазона контроля». Л. Урвик его формулирует так: «Ни один руководитель не может непосредственно контролировать более чем пять или самое большее шесть подчиненных, работа которых взаимосвязана» [14, с.116].

Применительно к современной организации деятельности аппарата исполнительной власти систему организационно-технических принципов можно представить в следующем виде: 1) разделение труда и его нормирование; 2) авторитет и власть; 3) дисциплина; 4) единство руководства; 5) единство распорядительства; 6) согласование действий руководителя с интересами граждан; 7) формирование оптимального диапазона контроля; 8) подчинение частного интереса общему; 9) стимулирование труда и инициативы; 10) обеспечение эффективной для процесса управления системы связи (информации); 11) научно-обоснованный подбор, расстановка и воспитание кадров аппарата; 12) сочетание стабильности персонала с выдвижением наиболее достойных на высшие ступени; 13) единение персонала; 14) своевременная реакция на потребности в изменении содержания, форм и методов управления.

Взаимообогащение, взаимопроникновение и мобильность принципов организации управленческих принципов, форм и методов позволяет в конкретных условиях проведения масштабных реформ, преодоления кризисов обеспечивать мобильную, эффективную и сильную государственную власть, сориентированную на реализацию ценностей, положений и норм Конституции РК.

Библиография:

1. Парасюк Е.А. Теоретико-правовое исследование понятия «механизм государства» // Российская юстиция. - 2009. - №11. - С.7-11.
2. Нерсисянц В.С. Философия права. - М., 1997. - 652 с.
3. Тарасов А.М. Президентский контроль: понятие и система: Учебное пособие. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 644 с.
4. **Общая теория прав человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. - М., 1996. - 520 с.**
5. Казахстанская правда от 09.02.2016 г., № 25.
6. Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2007 г., N 2, ст. 17.
7. Закон Республики Казахстан «Об административных процедурах» от 27 ноября 2000 г. №107 // Ведомости Парламента РК. - 2000. - №20. - Ст.379.
8. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 гг. Утверждена Указом Президента РК от 24 августа 2009 г. №858 // Казахстанская правда. – 2009. - 27 августа.
9. **Добровольский А., Соколов Н. Проблема обобщения опыта структурной работы // Техника управления. - 1930. - №1. - С.34-39.**
10. Керженцев П.М. Принципы организации. Избранные произведения. - М.: Экономика, 1968. – 464 с.
11. **Старосьцяк Е. Элементы науки управления / Пер. с польского А.Х. Махненко; под ред. Ц.А. Ямпольской. - М.: Прогресс, 1965. - 423 с.**
12. **Гурнея Б. Введение в науку управления. - М: Прогресс, 1969. – 430 с.**
13. **Азовкин И.А., Вишняков В.Г., Гайдуков Д.А., Долгополов Ю.Б. и др. Научные основы государственного управления в СССР. - М.: Наука, 1968. - 439 с.**
14. Гвишиани Д.М. Организация и управление. - М., 1998. - 332 с.

УДК 323.212

Лемешова Татьяна Владимировна
старший преподаватель РИВШ
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: apriori3030@yandex.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Abstract. The article discusses the conditions necessary for the formation of civil society. The author presents various approaches to the definition of the concept of «civil society». A separate analysis is made of the interaction and mutual influence of civil society and the rule of law. The structural analysis of civil society and its functions are given.

Keywords: civil society, civil culture, citizen, state, legal state, civil society institutions

Политическая и гражданская ответственность, опыт участия в процедурах государственного управления, местного самоуправления, использование возможностей права в решении разнообразных вопросов и т.п. – все эти возможности предоставляет гражданское общество. Данные практики способствуют развитию гражданственности и переходу от статуса подданных в статус граждан государства. Главное отличие гражданина – это осознание личных прав и обязанностей перед государством.

Для становления гражданского общества необходимо наличие определенных условий в обществе и развитости определенных качеств у граждан. В обществе должны быть реализованы следующие условия: свобода граждан (юридическая защищённость правового статуса); экономическая независимость граждан; плюрализм мнений; стремление к консенсусу при принятии решений, затрагивающих интересы населения; ориентация власти на интересы граждан. В свою очередь, граждане должны иметь развитые интеллектуальные и культурные качества и проявлять высокую гражданскую активность, которая требует обладания таких гражданских качеств, как солидарность, доверие, ответственность, честность, гуманность и т.п. Высокая гражданская активность и грамотность отражает уровень политической культуры граждан. В развитом гражданском обществе формируется определенная политическая культура, которую ряд авторов называют гражданской культурой: «Гражданская культура – это политическая культура, которая обладает следующими признаками:

1) принятие подавляющим большинством граждан идеи главенства права в отношениях между всеми элементами социума;

2) общей убеждённости в необходимости исполнять гражданские обязанности» [1, с. 10].

В определении понятия «гражданское общество» условно можно выделить три подхода: либерально-демократический, социал-демократический, интегративно-демократический. В рамках либерально-демократического подхода свобода рассматривается как высшая ценность гражданского общества. Исходя из этого, гражданское общество может быть определено как «система независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей» [2, с. 21].

Самоорганизация и самоуправляемость являются отличительными признаками гражданского общества в рамках социал-демократического подхода. С точки зрения данного подхода, «гражданское общество – это система отношений между людьми, обеспечивающая удовлетворение их неотъемлемых прав на основе самоуправления и свободы, выбора форм и направлений деятельности» [2, с. 21].

Третий подход исходит из рассмотрения государства и гражданского общества как равноправных акторов. В рамках этого подхода «гражданское общество – это новое состояние общества, основанное на развитых формах общественной самоорганизации и саморегуляции, на оптимальном сочетании публичных и частных интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод» [2, с. 21].

Представляется, что наиболее соответствующим современным условиям на сегодняшний день является третий подход, поскольку он наиболее точно отражает соответствующий уровень развития гражданского общества в постсоветских республиках. Таковым является классическое определение гражданского общества, данное Ф. Шмиттером: это «система самоорганизованных посреднических групп, которые (1) относительно независимы как от публичных властей, так и частных субъектов производства и воспроизводства, т.е. фирм и семей, (2) способны осмыслять и совершать коллективные действия в защиту или ради продвижения своих интересов и чувств, (3) не стремятся занять место ни агентов власти, ни частных производителей, т.е. принять ответственность за управление государством в целом, (4) готовы действовать в рамках установленных правил «цивильного», «гражданского», т.е. взаимоуважительного порядка» [3, с. 110].

Атрибутивным условием формирования активного и эффективного гражданского общества является правовое государство, которое порождает взаимную ответственность между гражданином и государством при главенстве прав и свобод личности и гражданина.

«Правовое государство – это организация публичной власти, формируемая обществом на основе принципов свободных выборов, разделения власти, независимости судебной власти в целях реализации и защиты прав и свобод каждого гражданина, подконтрольная институтам гражданского общества» [4, с. 19].

Правовое государство направлено на ограничение возможностей правящей элиты и государственных институтов в сфере принятия решений, определяющих жизнь общества, и контроля частной и публичной жизни граждан.

Обязательным условием функционирования гражданского общества является самоорганизация граждан: «самоорганизация – процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Процессы самоорганизации могут иметь место только в системах, обладающих высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, связи между которыми имеют не жесткий, а вероятностный характер. Процессы самоорганизации выражаются в перестройке существующих и образовании новых связей между элементами системы. Отличительная особенность процессов самоорганизации – их целенаправленный, но вместе с тем естественный, спонтанный характер: эти процессы, протекающие при взаимодействии системы с окружающей средой, в той или иной мере автономны, относительно независимы от среды» [5].

Российский исследователь Э. Р. Аракелян основными принципами гражданского общества рассматривает следующие: «1) обеспечение прав и свобод человека и гражданина как государственными, так и негосударственными способами; самозащита политическими средствами, моральными установками, религиозными нормами, социальными условиями и так далее; 2) экономическая свобода, многообразие форм собственности как средство обеспечения экономической свободы и независимости человека вообще; 3) демократический характер власти; 4) реально существующее правовое государство; 5) политическая демократия; 6) свобода слова и независимость средств массовой информации; 7) взаимная ответственность государства и граждан при приоритете в их взаимоотношениях прав и свобод человека и гражданина; 8) эффективная социальная политика; 9) определенный тип культуры, называемый демократической культурой, основанной на уважении частных прав и интересов, причем не только собственных, но и интересов других людей; 10) обеспечение

безопасности граждан, государства и общества в целом как основа реализации всех остальных условий; 11) независимое правосудие» [6, с. 103].

Для реализации рассмотренных принципов гражданское общество должно иметь определенные структурные элементы и эффективную связь между ними, что и обеспечивает его эффективное функционирование. Российский политолог В. Ю. Голубовский следующим образом определяет институты гражданского общества – «это добровольные, саморегулируемые объединения граждан в определенные группы, общества, союзы, организации, не зависящие от государства, но тесно взаимодействующие с ним, основной задачей которых является реализация гражданских инициатив, направленных на удовлетворение различных социально – экономических, политических, нравственных, этических и иных потребностей и интересов» [7, с. 45].

Необходимо отметить, что в современной социально-политологической литературе отсутствует единое мнение относительно структуры гражданского общества. Большинство исследователей предлагает к структурообразующим элементам гражданского общества относить: 1) местное самоуправление; 2) объединения на основе членства; 3) ситуационные институты; 4) институты непосредственного принятия решений; 5) ассоциации; 6) средства массовой информации; 7) публичные мероприятия; 8) фонды, центры, советы по вопросам гражданского общества; 9) смешанные институты (общественные палаты); 10) семью [8, с. 9].

Анализируя сферы общества, в каждой из них можно обнаружить институты гражданского общества. В экономической сфере это кооперативы, акционерные общества, компании и т.п., созданные по инициативе граждан, представляют структурные компоненты гражданского общества. В социальной сфере институтами гражданского общества являются органы местного самоуправления, профсоюзы, благотворительные организации, общества взаимопомощи, семья. Политическая сфера гражданского общества состоит из политических партий, общественных объединений и движений, разнообразных форм активности граждан (митинги, собрания, демонстрации и т.п.). В духовной сфере общества институты гражданского общества направлены на реализацию нравственности и творческого потенциала. Это объединения деятелей культуры, образовательные объединения, религиозные организации, объединения по интересам и т.п. Важное значение для функционирования гражданского общества имеет информационная сфера, в которой институтом гражданского общества являются негосударственные СМИ.

Как отмечает российский исследователь С. Г. Зырянов, «в идеале институты гражданского общества – это совокупность горизонтальных сетевых структур, и они в ходе своей деятельности не претендуют на политическую власть, которая иерархизирована, и в большей степени проявляют себя в своей гражданско-горизонтальной нише в социальной, духовной и экономической сферах, обеспечивая оптимальное сочетание государственно-общественных, экономических и социальных, а также индивидуально-личностных интересов» [9, с. 8].

Анализ основных принципов и структурных компонентов гражданского общества позволяет сформулировать следующие функции.

Во-первых, гражданское общество конструирует горизонтальные коммуникации. Институты гражданского общества объединяют людей по признаку общих интересов и позволяют агрегировать и выражать свою позицию по вопросам функционирования и развития общества.

Во-вторых, гражданское общество формирует устойчивые и эффективные каналы коммуникации граждан с властью через правовые механизмы и традиции. Это позволяет гражданам максимально широко тиражировать свои взгляды и убеждения.

В-третьих, гражданское общество, будучи определенным образом формализовано, представляет собой надежного социального партнера, который несет ответственность за

взятые обязательства. Открытость и предсказуемость институтов гражданского общества позволяют легко взаимодействовать с гражданами и институтами власти.

Таким образом, необходимо отметить, что для возникновения гражданского общества необходим определенный уровень демократизации общества, самоуправления и независимости от государственных институтов. Развитость политической культуры граждан определяется возможностью самоорганизации граждан. Самоорганизация как основной принцип гражданского общества позволяет выстраивать диалог с властью, с целью совмещения государственных, общественных и частных интересов. Эффективное функционирование гражданского общества возможно только в правовом государстве, поскольку только так возможно формирование взаимной ответственности между гражданином и государством при главенстве прав и свобод личности.

Список использованной литературы:

1. Зырянов, С. Г. Гражданское общество: проблема обретения эмерджентного свойства / С. Г. Зырянов // Социум и власть. – 2016. – № 4 (60). – С. 7–13.
2. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. Монография / С. А. Авакьян и [др.] ; под ред. С.А. Авакьяна. – М. : Юстицинформ, 2015. – 652 с.
3. Бардин, А. Л. Гражданское общество в России: опыт сравнительного анализа / А. Л. Бардин, А. Н. Кокарева, Е. В. Михайлова // Власть. – 2016. – № 1. – С. 109–117.
4. Кондрашев А.А. Идея правового государства в России : определение и сущность // Российское право : Образование. Практика. Наука. – 2017. - № 1. – С. 17–20.
5. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>. – Дата доступа: 19.06.2019.
6. Аракелян, Э. Р. Понятие и принципы гражданского общества / Э.Р. Аракелян // Философия права. – 2014. – № 3. – С. 102–104.
7. Голубовский, В. Ю. Институты гражданского общества в современной России / В. Ю. Голубовский, И. Ю. Никодимов, Т. Н. Синюкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2015. – № 20 (217). – С. 43–50.
8. Каинов, А. С. Структура гражданского общества / А. С. Каинов // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 9–13.
9. Зырянов, С. Г. Гражданское общество современной России: основные сценарии становления и развития / С. Г. Зырянов, А. Н. Лукин // Социум и власть. – 2016. – № 3 (59). – С. 7–16.

УДК 355.1

Корзун Олег Владимирович
магистр военных наук, начальник кафедры БНТУ
г. Минск, Республика Беларусь
Андрукович Сергей Николаевич
начальник кафедры БНТУ
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: KORZUN.O.V@tut.by

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Abstract. The article deals with general approaches to the problems of national security of the Republic of Belarus. The notion of security is considered comprehensively from the point of view of identification of the interests of society and the state, as the basic motivational mechanism from a

political point of view, and the security of the nation and the personal security in the field of civil and state pole – from the point of view of ethnic memory.

В последние десятилетия отмечается возрастание интереса к проблемам безопасности. Сущность безопасности человека, как живого существа генетически связана с сохранением существования. Стремление к безопасности явилось одной из побудительных причин объединения древних людей в общество. Если исходить из угроз человеческому существованию, то самые губительные из них касаются военной сферы, военного насилия. Можно с уверенностью утверждать, что в XXI веке борьба за природные ресурсы и глобальное доминирование, не прибавит миру стабильности и безопасности [1, с. 26]. Опыт последних лет указывает на возрастание уровня конфликтности в мире, что выражается в усилении отчуждения между богатыми и бедными странами, политическом и религиозном экстремизме, воинствующем национализме, сепаратизме и геополитических конфликтах, высокой террористической активности.

Процесс глобализации стимулирует появление новых вызовов и угроз, противодействие которым становится первостепенной задачей государства, которое на сегодняшний день не всегда способно полностью самостоятельно обеспечивать свою безопасность. Международное сотрудничество может стать основным инструментом обеспечения как собственной, так и общей безопасности. Более того национальная безопасность может рассматриваться не только в формате национального государства, но и в региональном и глобальном масштабе, через призму интересов отдельного народа, семьи и индивидуума, а также интересов отдельных социальных групп общества и политических элит. Национальная безопасность – это вопрос физического выживания нации и государства, защиты и сохранения его суверенитета и территорий, интересов его граждан и общества.

Усиливается практическая значимость альтернативных воззрений на проблемы безопасности, научно-эвристических подходов, стимулирующих поиск универсальной модели устойчивого развития национального государства, как главного условия безопасности человека и общества. Процессы глобализации охватывают на сегодняшний день все сферы жизнедеятельности как государств, в частности, так и мирового сообщества в целом. Диверсификация, комплексность и многообразие явлений глобализации порождает, в свою очередь, бесчисленное количество новых вызовов и угроз безопасности. Вследствие этого, система обеспечения безопасности стала более разветвлённой и многоотраслевой. Государства принимают законы, регулирующие национальную безопасность в целом и отдельные ее составляющие. В рамках деятельности ООН и международных организаций уже давно существуют специальные программы по отражению или уменьшению тех или иных видов угроз.

На современном этапе в контексте глобальных военно-политических отношений, наиболее актуальными стали вопросы противодействия вызовам и угрозам, ставших следствием процесса глобализации. Самыми опасными среди них являются – трансграничный международный терроризм, деятельность радикальных религиозных сообществ и группировок, незаконный оборот наркотиков, демографические проблемы и этническая нестабильность. Характер вызовов таков, что, все они не ограничиваются географическими рамками, отдельное государство, самостоятельно, без поддержки других государств не в состоянии побороть их. В связи с этим повышается необходимость, актуальность и важность международного сотрудничества силовых структур различных стран.

Процесс глобализации существенно меняет роль национального государства, но данный факт не приводит к нивелированию его роли. В такой ситуации государство вынужденно адаптировать все системы (экономические, политические, социальные и т.п.) к

новым вызовам и угрозам путем частичной модернизации некоторых аспектов управления, изменения функционирования государственных институтов в интересах граждан, общества.

Идеология политики национальной интеграции определяет выбор стратегии и модели национальной безопасности. Так, условно называемая «западная модель национальной безопасности» базируется на демократических принципах гражданского общества, где безопасность личности ставится на первое место. При условно именуемой «восточной модели национальной безопасности» действует преимущественно религиозно-этнический фактор задач обеспечения безопасности государства и отождествления с ним лидера. Необходимо обратить внимание на отсутствие жестких границ между западной и восточной системами. Большую часть составляют промежуточные или смешанные варианты.

В свете мировых тенденций в Республике Беларусь ДАТА принята Концепция национальной безопасности (далее Концепция) [3], которая отражает совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства, которая призвана концентрировать государственную политику на всех уровнях и важнейших направлениях развития страны с точки зрения предупреждения и нейтрализации угроз. Особенностью понимания национальной безопасности в рамках Концепции является ее связь с национальным сознанием, исторической памятью народа. Также в Концепции определяются субъекты и объекты национальной безопасности. «Субъектами обеспечения национальной безопасности являются: государство, общественные и иные организации; граждане». «Объектами национальной безопасности являются: личность – ее конституционные права, свободы и законные интересы; общество – его материальные и духовные ценности, система общественных отношений, охраняемых нормами права; государство – его независимость, территориальная целостность, суверенитет, конституционный строй».

Общие подходы к проблемам безопасности также отражены в Законе Республики Беларусь «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (далее Закон). В Законе под понятием «национальная безопасность» понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Республики Беларусь, оборону и безопасность государства. В общественных науках принято выделять четыре родовых сферы жизни общества: политическую, экономическую, социальную и духовную. Каждую из них подразделяют на видовые сферы жизнедеятельности.

Разновидностями политической безопасности выступают: военная, пограничная и правоохранительная. К экономической безопасности относятся такие виды, как продовольственная, технологическая, экологическая, энергетическая. Видом социальной безопасности можно назвать безопасность в сфере здравоохранения. Духовная безопасность составляет безопасность в сфере культуры, науки и образования. К этой же сфере относится и информационная безопасность. Находящиеся в научном и хозяйственном обороте различные подвиды безопасности можно отнести к уже названным видам. Например, химическая и биологическая относятся к экологической; безопасность дорожного движения – к социальной, религиозная – к духовной. Существуют и другие подвиды безопасности, которые можно соотнести с названными видами и родами.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь защита интересов личности, общества и государства предполагалась в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Представленный перечень сфер жизни общества строгой классификацией назвать нельзя. Названные сферы выделены по специфической активности, обеспечивающей безопасность определенных интересов социальных субъектов. Анализ интересов, который

приводился в самой Концепции национальной безопасности, показывает, что в одном ряду перечислены родовые сферы жизнедеятельности и некоторые видовые сферы. Это не соответствует логическому критерию научности.

В Законе РБ « Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики РБ» также не выделяются родовые и видовые сферы жизни общества, в которых осуществляется защита интересов социальных субъектов.

Системный подход к решению проблем безопасности подразумевает проведение мероприятий в каждой сфере общественной жизни. Безопасность в духовной сфере предполагает возможность свободного выбора идей, веры, вкусов и других духовных ценностей. Мировой масштаб приобретает проблема прав и свобод в создании, распространении, получении и использовании информации. К ним прибавляются еще проблемы глобального обмена информацией из-за появления (существования) Интернета. В реальном пространстве по причине глобальной миграции людей возникает масса проблем в области производства и потребления духовных ресурсов. Одна из них – «Какую схему отношений между носителями различных духовных ценностей строить: мультикультуру в принимающей стороне или ассимиляцию прибывающих мигрантов?» В любом случае возникает необходимость ограничения чьих-то прав и свобод на соблюдение своих обычаев и традиций. На сегодняшний день, положение в ряде стран показывает, что ущемленными себя чувствуют и мигранты, и коренное население.

Проблемы безопасности в отдельных сферах общественной жизни показывают, что они тесно связаны между собой и уже приобрели глобальный характер. Евразийскому сообществу придется решать эти проблемы, хотя на сегодняшний день очевиден недостаток ресурсов для их решения. Прежде всего, ресурсов политических и правовых.

Одним из способов решения может стать ограничение определенных прав и свобод личностей, институтов гражданского общества и государственных органов.

Потребление во всех сферах жизни общества должно быть разумным. Известно, что в общественной жизни человека вредно как «переедание», так и «недоедание». Точно также в сфере общественных отношений недопустимо как лишение людей естественных прав и свобод, так и излишняя либерализация. Ничего сверх меры. В общественных отношениях соблюдение меры – средство обеспечения национальной и глобальной безопасности.

Национальная безопасность в практике государства представляет собой сложную и многоуровневую систему, состоящую из отдельных подсистем, каждая из которых имеет свою собственную структуру. В современных условиях глобализации в сфере обеспечения национальной безопасности происходят перемены, имеющие принципиальный характер, отличный от других, которые касаются самой сути понятия путей и средств обеспечения безопасности в современном мире. Все большее влияние приобретают экономические, политические, идеологические, информационные, культурные и международные рычаги создания и поддержки национальной безопасности. В зависимости от национальных и общественных потребностей, а так же с учетом политических интересов государства на международной арене в конкретный исторический период происходит реализация политики национальной безопасности. В реалиях сегодняшнего дня, такие вопросы, как появление глобальных проблем и увеличивающейся зависимости государств друг от друга, возможно, решать только в рамках формата международного сотрудничества.

Таким образом, концепция безопасности, основанная на конструктивном и взаимно уважительном сотрудничестве государственных и негосударственных участников международных отношений, может составить определенную альтернативу «силовым» геополитическим моделям. Она предполагает усиление роли различных посреднических и неправительственных организаций, совместную работу государства и институтов гражданского общества по созданию инновационных подходов к национальной и международной безопасности, к демилитаризации политического сознания и сокращению

национальных вооруженных сил, формирование новых консультативных структур между государствами в области безопасности.

Список использованной литературы:

1. Корзун, О.В. Военная безопасность Республики Беларусь / Тезисы докладов Международной военно-научной конференции учреждения образования Военная академия Республики Беларусь «Обеспечение военной безопасности государства проблемы и перспективы» / ВА РБ. – Минск, 2017.
2. Корзун, О.В. Концепция военной безопасности Республики Беларусь. / Материалы 14-й Международной конференции (69-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, научных работников, докторантов и аспирантов БНТУ) «НАУКА – образованию, производству, экономике» / Том 2. БНТУ. – Минск – 2016.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждённая Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 (ред. От 24.01.2014) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь».

УДК 341.1/8

Корнева Елена Станиславовна

старший преподаватель ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: korneva_es@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА ОКРУЖАЮЩУЮ
СРЕДУ, БЛАГОПРИЯТНУЮ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА**

Abstract. The article shows the role of existing international agreements, declarations and other legal instruments in the field of environmental protection and human rights in determining the status of the right to a healthy and favorable environment.

Keywords: international law, international agreements, environmental protection, right to a favorable environment

Право на благоприятную окружающую среду признано в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (1989): «...каждый человек имеет право жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния» [1] – одном из региональных соглашений, закрепляющих это право, и первом, предусматривающем действенный механизм по защите этого права.

Ни одно из глобальных соглашений, действующих в области международного права прав человека и международного права охраны окружающей среды, не сравнится в этом с Орхусской конвенцией.

Тем не менее, нельзя отрицать решающей роли ряда международных соглашений и инструментов по вопросам охраны окружающей среды и прав человека в определении статуса права на здоровую и благоприятную окружающую среду. Далее подробнее.

На Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972 г.) государства-участники отметили связь между качеством окружающей человека среды и его благосостоянием: «Наступил такой момент в истории, когда мы должны регулировать свою деятельность во всём мире, проявляя более тщательную заботу в отношении последствий этой деятельности для окружающей среды. Из-за неведения или безразличного отношения мы можем нанести огромный и непоправимый ущерб земной среде, от которой зависят наши жизнь и благополучие. И, наоборот, благодаря наиболее полному применению наших знаний и более разумному подходу мы можем обеспечить для себя и для нашего потомства лучшую

жизнь в условиях среды, которая в большей степени будет соответствовать потребностям и чаяниям людей». В Декларации Стокгольмской конференции принцип 1 увязал экологические вопросы и права человека и отразил общую убежденность в том, что человек имеет основное право на благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь [2].

В Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (1992) Конференция ООН по окружающей среде и развитию провозгласила: «Забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Они имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой» [3].

Существующая связь между сохранением окружающей среды и развитием прав человека подчёркнута в документах, принятых Комиссией по правам человека ООН, в частности в резолюции 1990/41 и докладе «Права человека и окружающая среда» [4]. Проследив путь от природоохранного законодательства к праву на здоровую окружающую среду, Специальный докладчик г-жа Ксентини отметила: «Установленная Стокгольмской декларацией взаимосвязь между окружающей средой, развитием, благоприятными условиями жизни, достоинством, благосостоянием и правам личности, включая право на жизнь, приводит к признанию права на здоровую и благоприятную окружающую среду, которое в своем индивидуальном и коллективном проявлении неразрывно связано с основными нормами и принципами общепризнанных прав человека и которое может как таковое быть истребовано его пользователями – отдельными лицами или группами, сообществами, ассоциациями и другими компонентами общества, а также целыми народами» [4, с. 14].

Исследования по вопросам связи между окружающей средой и правами человека и признания права на здоровую и благоприятную окружающую среду были продолжены Советом ООН по правам человека, а результаты отражены в докладах Верховного комиссара ООН по правам человека [5] и эксперта Джона Х. Нокса [6; 7]. В первом из них справедливо отмечено, что взаимосвязь между правами человека и окружающей средой стала предметом активной интеллектуальной дискуссии по поводу ряда важнейших вопросов, центральными из которых являются: 1) какова природа взаимосвязи между правами человека и окружающей средой; 2) следует ли международному сообществу признать новое право человека на здоровую окружающую среду [5, с. 4]. Если первый из указанных вопросов активно обсуждался не только на доктринальном уровне, но и в ходе конференций по вопросам охраны окружающей среды (некоторые из которых упомянуты выше), то второй носит в большей степени дискуссионный характер, на что указывает и сам факт отсутствия данного права в текстах ключевых международных договоров по правам человека. В этом вопросе страны пошли иным путем и включили «эксплицитные экологические права» в свои конституции и в тексты региональных соглашений [6, с. 6].

Так, Африканская хартия прав человека и народов (1986) [8] закрепляет право всех народов на общую удовлетворительную окружающую среду, благоприятную для их развития (ст. 24).

Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав (2003) [9] признал в числе других экономических, социальных и культурных прав право на здоровую окружающую среду (ст. 11).

Понятие права на здоровую и благоприятную окружающую среду подкреплено рядом европейских соглашений, среди которых следует выделить Европейскую хартию по окружающей среде и охране здоровья (1989) [10]. Признавая зависимость здоровья человека от целого ряда важнейших экологических факторов, министры окружающей среды и министры здравоохранения государств-членов Европейского региона Всемирной организации здравоохранения приняли принципы и стратегии, в числе которых положение о

том, что каждый человек имеет право на окружающую среду, во всех отношениях способствующую максимально достижимому уровню здоровья и благополучия (пункт 1 раздела «Права и обязанности» Европейской хартии по окружающей среде и охране здоровья).

Препровождая Генеральной Ассамблее ООН доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой [7], Генеральный секретарь ООН в тексте Записки [11] указал: «Для Организации Объединенных Наций настало время официально признать право человека на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду или, проще говоря, право человека на здоровую окружающую среду» (пункт 37). Предвидя «нежелание» государств пойти на такой шаг (по вполне понятным причинам государства могут неохотно признавать «новое» право человека, если его содержание представляется им неопределенным или его последствия – непонятными – пункт 38), Генеральный секретарь привёл ряд аргументированных доводов в пользу признания данного права (раздел IV). Все они заслуживают внимания, но особо выделим следующие положения:

–признание Организацией Объединенных Наций универсального права на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду было бы весьма своевременным, учитывая многочисленные экологические вызовы, с которыми сталкивается мир (пункт 52);

–право на здоровую окружающую среду должно быть универсально защищенным (а не подпадающим под действие существующих разрозненных мер защиты) (пункт 49);

–признание права на здоровую окружающую среду также способствует существенному расширению роли общественности в регулировании природопользования (пункт 42).

Что касается опасений в «нежелании» государств пойти на такой шаг (признать на глобальном уровне право каждого человека на здоровую и благоприятную окружающую среду) в виду «неопределенности» обязательств, вытекающих из такого признания, нам видится решение этого вопроса в принятии за основу рамочных принципов [7], предложенных Джоном Х. Ноксом – Специальным докладчиком ООН по правам человека и окружающей среде. Принципов, содержащих четкое описание соответствующих норм, явившихся результатом публичных консультаций и семинара для экспертов, включая представителей правительств, международных организаций, организаций гражданского общества и научных кругов, учитывающих поступившие письменные замечания при их подготовке. Принципов, чётких и лёгких для понимания и применения:

–государствам следует обеспечить доступ к безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей среде в целях уважения, защиты и осуществления прав человека;

–государствам следует уважать, защищать и осуществлять права человека в целях обеспечения доступа к безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей среде;

–государствам следует запрещать дискриминацию и обеспечивать равную и эффективную защиту от дискриминации в контексте пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой;

–государствам следует разработать содержательные экологические стандарты, имеющие недискриминационный и нерегрессивный характер или иным образом способствующие уважению, защите и осуществлению прав человека, и поддерживать их осуществление;

–государствам следует обеспечить эффективное применение разработанных ими экологических стандартов государственными и частными субъектами;

–государствам следует сотрудничать друг с другом в целях разработки, применения и обеспечения соблюдения эффективных международных правовых рамок по предотвращению, уменьшению и устранению последствий трансграничного и глобального экологического ущерба, который препятствует полноценному осуществлению прав человека;

–государствам следует принимать дополнительные меры для защиты лиц, наиболее уязвимых к экологическому ущербу или подвергающихся в связи с ним особому риску, с учётом их потребностей, рисков и возможностей;

–государствам следует обеспечить уважение, защиту и соблюдение прав человека в своих усилиях по устранению экологических проблем и достижению устойчивого развития, и др.

Однако, решение Совета по правам человека ООН о продлении мандата (резолюция 37/8) и назначении г-на Дэвида Р. Боида Специальным докладчиком по правам человека и окружающей среде (с 1 августа 2018 г.) заставляет нас усомниться в готовности ООН к решительным действиям в вопросе признания рассматриваемого нами права на глобальном уровне.

Библиография:

1. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml. – Дата доступа: 14.01.2020.
2. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml. – Дата доступа: 14.01.2020.
3. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml. – Дата доступа: 14.01.2020.
4. Права человека и окружающая среда: Окончательный доклад, подготовленный Специальным докладчиком г-жой Фатьмой Зохойр Ксентини [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/1994/9>. – Дата доступа: 14.01.2020.
5. Аналитическое исследование взаимосвязи между правами человека и окружающей средой: Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session19/A-HRC-19-34_ru.pdf. – Дата доступа: 14.01.2020.
6. Доклад Независимого эксперта по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с использованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой Джона Х. Нокса [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session22/A.HRC.22.43_ru.pdf. – Дата доступа: 14.01.2020.
7. Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/37/59>. – Дата доступа: 14.01.2020.
8. Африканская хартия прав человека и народов: Неофициальный перевод с английского [Электронный ресурс] // Библиотека по правам человека. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html>. – Дата доступа: 14.01.2020.
9. Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав [Электронный ресурс] // УВКПЧ ООН. –

Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/ESCR/Pages/RegionalHRTreaties.aspx>. – Дата доступа: 14.01.2020.

10. Европейская хартия по окружающей среде и охране здоровья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0004/114088/ICP_RUD_113_rus.pdf?ua=1. – Дата доступа: 14.01.2020.
11. Обязательства в области прав человека, связанные с использованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой: Записка Генерального секретаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/73/188>. – Дата доступа: 14.01.2020.

УДК 341.229

Маташнюк Павел Игоревич

студент 2-ого курса ГрГУ им. Я. Купалы

г. Гродно, Республика Беларусь

Научный руководитель Ивинская Д.С.

ст. преп. кафедры международного права ГрГУ им. Я. Купалы

г. Гродно, Республика Беларусь

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

Abstract. development of such branch of law as international space law is pretty relevant. Social relations that arise between the subjects of international space law are the one that requires to be strictly regulated because they affect the interest of the all countries and people all over the world. The main article's idea is to describe characteristics and special features of the international space law and describe what it is.

Keywords: international space law, space activity, Earth, the moon.

Международное космическое право как новая отрасль международного права сформировалась в 60-ых годах двадцатого века. Причиной появления международного космического права называют освоение космоса, а именно, запуск первого в мире спутника Земли 4 октября 1957 года Союзом Советских Социалистических Республик, а также вступление в силу в 1967 году такого важного документа как Договор о космосе. В данный период времени только Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты Америки обладали техническими возможностями запуска спутников. Поэтому не случайно позиции этих двух стран сыграли решающую роль при разработке и принятии основных соглашений по космосу в рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Международное космическое право и на сегодняшний день представляет большой интерес для ученых-юристов и юристов-практиков в связи со своим особым предметом регулирования, спецификой субъектов, вовлеченных в данные правоотношения, а также важностью и опасностью всей деятельности, связанной с космосом для мирового сообщества.

Необходимость возникновения международного космического права обуславливается началом космической деятельностью государств. Любой вид космической деятельности затрагивает те или иные интересы государств и даже всего международного сообщества. Так, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1958 года касающейся вопроса использования космического пространства в мирных целях, закреплялись положения об общей заинтересованности человечества в космическом пространстве в целом, а также обсуждался характер правовых проблем, которые могут возникнуть при исследовании космического пространства.

В резолюции поднимался вопрос об использовании космического пространства и его целей. Данным документом также учреждался Специальный комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Деятельность данного Специального комитета была направлена на исследование космического пространства, организацию взаимного обмена и распространения сведений об исследованиях научного пространства, координацию научно исследовательских программ в области изучения космоса, организацию мероприятий для облегчения сотрудничества в данной сфере, а также на решение правовых проблем, возникшие при проведении программ исследования космоса. В Резолюции акцентировалось внимание на использование этого космического пространства исключительно в мирных целях, а также сотрудничество государств в области международного космического права. Всё вышесказанное является показателем того, что уже в середине двадцатого века назрела потребность регулирования правоотношений в сфере космической деятельности.

27 января 1967 года был подписан Договор о космосе, который вступил в силу 10 октября 1967 года. Полное официальное название данного документа “Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела”. Договор о космосе является одной из основ международного космического права, в нем определяется и устанавливается режим космического пространства, а также определяются права и обязанности государств не только непосредственно в космосе, но и в других средах, в случае если деятельность в этих средах органически связана с запуском космического объекта и его эксплуатацией, либо с возвращением на Землю этого объекта (т.е. непосредственно связана с исследованием космоса и его использованием).

На сегодняшний день, международное космическое право определяют как совокупность специальных норм современного общего международного права, регулирующих отношения государств между собой, с международными межправительственными организациями, взаимоотношения таких организаций в связи с осуществлением ими космической деятельности, а также устанавливающих международно-правовой режим такой деятельности в пределах космического пространства, Луны и других небесных тел [1, с. 15].

Космическая деятельность – это осуществляемое с помощью специальной космической техники, исследование космического пространства и различного рода небесных тел, а также использование их в различных практических целях [1, с. 15].

Так понимается космическая деятельность в разного рода официальных документах и специальной литературе. При этом, такая деятельность не обязательно ограничивается космическим пространством, как уже говорилось ранее.

Нормы международного космического права обширны и направлены на регулирование взаимоотношений субъектов международного права, возникающих в связи с их деятельностью в новой для человека среде, резко отличающейся от деятельности на Земле.

В качестве примера подобного рода международно-правовой регламентации можно сослаться на нормы международного космического права относительно международной ответственности государств за ущерб, причиненный космическими объектами, спасения космонавтов, возвращения космонавтов и возвращения объектов, запущенных в космическое пространство, регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство.

К примерам можно отнести и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об использовании спутников для международного непосредственного телевизионного вещания, дистанционного зондирования Земли из космоса, использовании ядерных источников энергии в космосе, а также о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех стран с особым учетом потребностей развивающихся стран.

В качестве формы пространственной регламентации, можно назвать нормы международного космического права, запрещающие испытания ядерного оружия в космическом пространстве, размещение в нем объектов с ядерным оружием и другими видами оружия массового уничтожения, запрет национального присвоения космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [1, с.15-16]. К этой категории относятся и нормы, определяющие порядок деятельности на Луне и других небесных телах.

К особенностям международного космического права относятся также масштабы космической деятельности, её высокая стоимость, а также известный риск при использовании ракет-носителей в качестве средств запуска космических объектов, так, повышается роль и значение государства в организации осуществления деятельности по запуску космических объектов и их прикладному использованию. Отсюда отличительной чертой международного космического права является то, что контроль и ответственность государства за деятельность физических и юридических лиц в регулируемой им сфере поднята на уровень межгосударственных отношений.

Государство выдает лицензии частным компаниям на космическую деятельность, осуществляет постоянный контроль за их деятельностью и несет международную ответственность за всю национальную деятельность в космическом пространстве. Помимо этого, государство несет также международную ответственность за ущерб, причиненный космическими объектами, принадлежащими частным компаниям. Однако следует учесть, что, по общему международному праву, государства несут ответственность только за деятельность своих органов, но не несут международной ответственности за деятельность своих юридических и физических лиц. При этом, в данном случае, нормы международного космического права не противоречат нормам общего международного права.

Таким образом, международное космическое право, как отрасль современного международного права, отличается от других отраслей права в целом и отраслей международного права рядом специфических черт. Прежде всего, оно отличается по предмету регулирования, под которым имеются в виду международные отношения субъектов международного права, возникающие в ходе осуществления космической деятельности, включая деятельность на Луне и других небесных телах.

Нормы международного космического права регулируют взаимоотношения субъектов международного права, возникающие в связи с их деятельностью в новой для человека естественной среде, резко отличающейся от деятельности на Земле. А также международное космическое право отличается целями и интересами. Возникновение новой отрасли международного права связано с применением новейших космических технологий, обеспечивающих осуществление исследовательских целей в космическом пространстве и ее использование в сугубо земных прикладных целях (спутниковая связь, метеорология, дистанционное зондирование Земли, навигационное обслуживание).

Библиография:

1. Жукова Г.П. Международное космическое право: Учебник для бакалавриата и магистратуры, 2-ое изд. - Москва: Юрайт, 2018. –524с.
2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 год. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата доступа: 10.01.2020)
3. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата доступа: 10.01.2020)

УДК 338.43

Миргородская Дарья Александровна

студентка ГрГУ им. Я. Купалы,

г. Гродно, Республика Беларусь.

E-mail: darya.mirgorodskaya.99@mail.ru

Научный руководитель Ивинская Дарья Сергеевна

старший преподаватель ГрГУ им. Я. Купалы

Гродно, Республика Беларусь.

ТЕОРИЯ УТИЛИТАРИЗМА И ПРАВО

Abstract. The article presents the difference between Mill's and Bentham's utilitarian theory. Some issues related to the choice between the "Greatest Happiness" for the biggest amount of people and protection of interests of one single person are described. The article goes about connection of utilitarianism and law on the example of copyright and an intellectual property protection.

Keywords: utilitarianism, law, principle of utility, principles of morals and legislation, principle of equity, intellectual property protection.

Основоположниками теории утилитаризма являются Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль. Несмотря на то, что мыслители не выработали идентичных концепций, обе их теории с стали основой "классического утилитаризма".

Согласно И.Т. Фролову, главный принцип утилитаризма – наибольшее количество счастья для как можно большего числа людей [6, с. 474]. Или, как назвал его И. Бентам – принцип полезности.

В своем труде «Введение в основания нравственности и законодательства» И. Бентам раскрывает сущность данного принципа: «Под принципом полезности понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью» [1, с. 4]. Другими словами: когда у нас есть выбор между различными действиями, мы должны выбрать то, которое будет иметь наилучшие последствия для всех, кого оно касается. То есть действие будет оцениваться исключительно по его результату (полезности).

Полезность (или результат) могут определяться по-разному: как удовольствие, удовлетворение желаний или предпочтений, благополучие. Но чаще всего речь идет о счастье. Именно такой вывод следует из определения полезности, данного Бентамом: «Под полезностью понимается то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье (все это в настоящем случае сводится к одному), предупреждать вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь: если эта сторона есть целое общество, то счастье общества; если это отдельное лицо, то счастье этого отдельного лица» [1, с. 4].

Милль в своем труде «Утилитаризм» излагает следующую позицию: «В соответствии с Принципом Наибольшего Счастья, высшая цель, достижение которой обуславливает желательность всех остальных вещей (с точки зрения блага своего собственного или других людей) - это жизнь, по возможности свободная от страданий и полная удовольствий, как в смысле количества, так и качества» [2, с. 61].

Главное различие подходов Дж. Милля и И. Бентама к утилитаризму заключается в том, что Бентам пропагандирует идею выбора и совершения лишь тех действий, которые непременно приведут к получению удовольствия и повышению уровня счастья. Милль же, в

свою очередь, настаивает на том, что нужно совершать те действия, которые смогут свести к абсолютному минимуму даже самые великие несчастья, а также, придает большое значение работе над духовной и культурной сферами жизни.

Таким образом, они оба продвигали одну идею, но предлагали реализовывать ее путем воздействия на противоположные аспекты. И. Бентам делал акцент только на том, что может удовлетворить какие-либо потребности и доставить определенное количество счастья, а Дж. Милль ставил на первое место именно те действия, которые оказывают влияние на уровень несчастья.

Несмотря на благую цель, которую преследует идея утилитаризма, не все были с ней согласны. Противники идеи аргументировали свою позицию тем, что, по их мнению, счастье, в любой его форме, не может быть рациональной целью человеческой жизни и деятельности, прежде всего потому, что оно недостижимо.

Для того чтобы понять как связано право и утилитаризм, следует рассмотреть утилитаристскую теорию политических обязательств. И. Бентам утверждал, что мы должны повиноваться нашим правителям до тех пор, пока выгоды подчинения перевешивают его тяготы. Это выглядит как теория о том, что следует повиноваться закону только в том случае, если повиновение приносит больше счастья обществу, чем неповиновение. Если это действительно так, то теория утилитаризма – это программа неподчинения законам [3, с. 132].

Вполне логично, что счастье одного индивида является частью всеобщего счастья и если какое-либо нарушение закона увеличивает счастье одного лица, и при этом никто не испытывает ощутимого ущерба, то получается, что утилитаризм не только позволяет, но даже требует воровать [3, с. 132].

Следует отметить, что разные люди по-разному получают удовольствие и приходят к счастью.

Тотальное нарушение законов каждым отдельным индивидом ради реализации личных интересов и достижения собственного счастья, скорее всего, приведет к обратным последствиям.

Следовательно, мы нуждаемся в том, чтобы законы соблюдались, даже если нарушение одного из них в каком-то конкретном случае ведет к увеличению общественного счастья. В целом же обществу нужна система законов, обязательная для каждого, так как именно это приведет к «максимальному» общественному счастью в долгосрочной перспективе.

В законодательстве многих современных стран сегодня можно найти нормы, которые сдерживают идеи утилитаризма, и направлены на защиту интересов и благосостояния одного конкретного индивида в противовес интересам большинства. Зачастую они базируются именно на принципе справедливости.

Примером можно назвать право интеллектуальной собственности. В ч. 3 ст. 51 Конституции Республики Беларусь сказано: «Интеллектуальная собственность охраняется законом» [4].

В законодательстве Республики Беларусь на сегодняшний день имеется ряд нормативных актов, защищающих права автора, установлена ответственность за нарушение прав лица, создавшего объект интеллектуальной собственности.

Объяснение такой позиции государства очень простое. Право интеллектуальной собственности обладает широким кругом функций, однако, основными являются поддержание стимула создавать изобретения и произведения, а также сокращение широкого, неправомерного использования обществом результатов творческой деятельности.

Также, результатам творческой деятельности присущ ряд особенностей. Во-первых, они легко могут быть скопированы, и, во-вторых, использование их одним лицом не препятствует использованию другими лицами. Что, в свою очередь, приводит к тому, что создатели результатов творческой деятельности, например, авторы книг, несут ущерб, а также испытывают трудности с возмещением расходов по воплощению своих идей в жизнь.

Таковыми являются время и усилия, потраченные на написание или сочинение, и расходы по переговорам с издателями. Фактические обладатели права интеллектуальной собственности будут обойдены копировальщиками, которые несут лишь небольшие и быстро окупаемые расходы на печать и распространение тиража книги и могут предложить потребителю качественный продукт за низкую цену [5, с. 184].

Казалось бы, согласно идеям утилитаризма необходимо сделать выбор в пользу «счастья» для большего количества людей, ведь оно несоизмеримо с «несчастьем» одного автора книги. Однако, такие действия будут представлять собой сдерживающий механизм для авторов при создании ценных для общества интеллектуальных продуктов.

Именно поэтому, во избежание негативных последствий, государства сочли необходимым принять позицию одного субъекта, а не большинства, как этого требует принцип утилитаризма.

Приведенные примеры демонстрируют неоднозначность и гибкость утилитаризма. Несмотря на то, что утилитаризм продвигает идею общего счастья, путь его достижения лежит через удовлетворение личных интересов каждого индивида в отдельности.

Однако мы понимаем, что удовлетворить всех одновременно невозможно. Утилитаризм заставляет людей смотреть в будущее и определять, что же принесет им наибольший уровень счастья. Принимая решение о том, что же может принести нам счастье сегодня, завтра или послезавтра, мы имеем дело лишь с предположениями.

Однако даже исходя из полезности и результативности каждого действия для индивида и общества, всегда стоит помнить слова русского мыслителя Михаила Бакунина: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека».

Библиография:

1. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства [Электронный ресурс] / И. Бентам // История политической мысли. – М., 1998. – 189 с. – Режим доступа : http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%B1%D0%B5%D1%82_1.pdf.
2. Милль Джон Стюарт Утилитаризм: Пер. с англ. \предисл. А.С. Земерова - Ростов-на-Дону. Донской издательский дом. 2013 г., 240с.
3. Моисеев, С. В. Философия права. Курс лекций [Электронный ресурс] / С. В. Моисеев. - 2-е изд., испр. и доп. - Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2004. - 262 с. – Режим доступа : https://www.studmed.ru/view/moiseev-sv-filosofiya-prava-2004-god_cc3d29d9f08.html.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24нояб. 1996 г. и 17 окт.2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовойинформ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
5. Иванова, Д. В. Теории интеллектуальной собственности: догматическое исследование / Д. В. Иванова // Право и демократия : сб. науч. трудов. - Вып. 24 (2013) : Раздел II. - Минск, 2013. - С.183-197.
6. Философский словарь / А.И. Абрамов и др. ; под ред. И.Т. Фролова. – М. : Республика, 2001. – 719 с. – Словарь иноязыч. терминов и выражений, встречающихся в филос. лит.: с.714-719.

УДК 343.152.9

Сухов Вадим

координатор территориального офиса Комрат
Национального совета по юридической помощи, гарантируемой государством,
докторант Государственного университета «Д. Кантемир»

**ВОЗМЕЩЕНИЕ ЗАТРАТ НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПОМОЩИ, ГАРАНТИРУЕМОЙ ГОСУДАРСТВОМ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
И ДРУГИХ СТРАН**

Abstract. The article analyzes the legislation of the Republic of Moldova and other countries, regulating the collection from persons convicted of crimes, the costs of providing them with legal assistance guaranteed by the state.

Keywords: criminal procedure, legal costs, legal assistance guaranteed by the state.

Одним из основных и бесспорных принципов правового государства является обеспечение свободного доступа к правосудию, гарантируемого нормами международных актов, к которым присоединилась Республика Молдова. При этом базовым элементом доступа к правосудию является эффективная юридическая помощь. Государство обязано гарантировать эту помощь лицам, не располагающим достаточными средствами для оплаты юридических услуг. Такая обязанность государства следует из многих международных актов: Всеобщей декларации прав человека (ст. 2, 7, 8, 10, 11), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 2 и статья 14 (3d)), Международной конвенции о правах ребенка (статьи 12, 37 (d) статья 50 (2b)), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6.3 (с)), рекомендаций и резолюций Комитета министров Совета Европы [1].

Обязанность государства по обеспечению права на гарантируемую государством квалифицированную и эффективную юридическую помощь нашла свое закрепление также в статьях 20 и 26 Конституции Республики Молдова [2], в уголовно-процессуальном [3] и в гражданском процессуальном [4] кодексах, в Законе № 198-XVI от 26.07.2007 г. о юридической помощи, гарантируемой государством [5].

Как следует из ежегодных отчетов Национального Совета по юридической помощи, гарантируемой государством, за 10 лет существования в Республике Молдова системы гарантируемой государством юридической помощи с 2008 по 2018 год, квалифицированная юридическая помощь была предоставлена 388 110 получателям. За оказанные этим лицам юридические услуги из государственного бюджета адвокатам было выплачено 148 946 400 леев, что представляет внушительную сумму [7]. Как показывает статистика, львиная доля расходов государства на предоставление гарантируемой юридической помощи приходится на уголовные дела [8].

В связи с этим, *целью статьи* является сравнительный анализ законодательства Республики Молдова и других стран в части существующих возможностей для возмещения расходов на оказание юридической помощи, гарантируемой государством, по уголовным делам за счет лиц, которым эта помощь оказывалась, в случае установления их вины. На взгляд автора, является вполне справедливым суждение о том, что «в уголовном процессе виновный в совершении преступления обязан нести все расходы, поскольку именно из-за совершения им преступления состоялось судебное разбирательство. Обязанность заключается в полной оплате всех расходов, необходимых для провозглашения обвинительного приговора» [9 с.16]

Согласно Закона РМ № 198 от 26 июля 2007 г, юридическая помощь, гарантируемая государством - это “предоставление юридических услуг, предусмотренных настоящим законом, за счет средств, предназначенных для оказания таких услуг лицам, не имеющим достаточных финансовых средств для оплаты этих услуг и отвечающим условиям, определенным настоящим законом”. Этим же законом на государство возложена обязанность по выделению бюджетных средства для оплаты юридических услуг, предоставляемых в соответствии с настоящим законом. Услуги в виде квалифицированной юридической помощи, согласно данного закона, оказываются адвокатами, на основании контрактов, заключенных с ними территориальными бюро Национального совета по юридической помощи, гарантируемой государством, по назначению этих бюро, и оплачиваются в соответствии с Положением о размере и порядке оплаты услуг адвокатов, предоставляющих квалифицированную юридическую помощь, гарантируемую государством [6].

Статья 227 УПК РМ включает суммы, подлежащие выплате за предоставление юридической помощи, гарантируемой государством, в состав судебных издержек. Согласно части (1) статьи 229 УПК РМ, судебные издержки возлагаются на осужденного или принимаются за счет государства.

Что касается сумм, подлежащих выплате за предоставление юридической помощи, гарантируемой государством, то, в соответствии с частью (2) статья 229 УПК, судебная инстанция вправе обязать осужденного возместить этот вид судебных издержек за исключением сумм, выплаченных защитникам в случае обеспечения подсудимого адвокатом, который предоставляет юридическую помощь, гарантируемую государством, когда этого требуют интересы правосудия и осужденный не располагает необходимыми средствами.

Данная оговорка законодателя не случайна. Ведь Закон о юридической помощи, гарантируемой государством, наделяет правом на получение квалифицированной юридической помощи, гарантируемой государством, по уголовным делам не только лиц, не располагающих достаточными финансовыми средствами для оплаты услуг адвоката, но и лиц, имеющих право на обязательную юридическую помощь на основании пунктов 2) - 13) части (1) статьи 69 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова, в случаях, если подозреваемому, обвиняемому, подсудимому трудно самостоятельно реализовывать свое право на защиту вследствие немоты, глухоты, слепоты, иного существенного нарушения функций речи, слуха, зрения, а также других физических или психических недостатков; если подозреваемый, обвиняемый, подсудимый не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство; если подозреваемый, обвиняемый, подсудимый является несовершеннолетним; если подозреваемый, обвиняемый, подсудимый является военнослужащим срочной службы; если подозреваемому, обвиняемому, подсудимому вменяется в вину совершение тяжкого, особо тяжкого или исключительно тяжкого преступления; если к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, задержанному применен арест в качестве меры пресечения или они направлены на судебно-психиатрическую экспертизу в условиях стационара; если между интересами подозреваемых, обвиняемых, подсудимых имеются противоречия, причем один из них имеет защитника; если в производстве по делу участвует защитник потерпевшего или гражданского истца; если участия защитника в судебном заседании суда первой инстанции, апелляционной и кассационной инстанций, а также при рассмотрении дела в исключительном порядке обжалования требуют интересы правосудия; если уголовный процесс ведется в отношении лица, неспособного отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, которому вменяется в вину совершение наносящего вред деяния, или в отношении лица, заболевшего душевным расстройством после совершения такого деяния; если уголовный процесс ведется в целях реабилитации лица, умершего на момент рассмотрения дела; если необходимо

обеспечить защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в процессе допроса несовершеннолетнего в соответствии со статьей 110¹.

Причем, адвокат, оказывающий квалифицированную юридическую помощь, гарантируемую государством, назначается этой категории лиц, согласно закону, независимо от уровня их дохода, по одному лишь запросу органа уголовного преследования или судебной инстанции. Другие же лица, нуждавшиеся в квалифицированной юридической помощи по уголовным делам, и не относящиеся к данной категории, могут получить эту помощь за счет средств государственного бюджета только в том случае, если не имеют достаточных финансовых средств для оплаты услуг адвоката, и подтвердят это в установленном порядке.

Таким образом, квалифицированная юридическая помощь за счет средств, выделяемых государством, и предназначенных для оказания этих услуг лицам, не имеющим достаточных финансовых средств для оплаты этих услуг, может оказываться не только тогда, когда лицо не способно самостоятельно оплатить услуги адвоката, но и тогда, когда финансовое положение лица не проверяется, и это лицо, возможно, может обладать достаточными средствами для оплаты услуг адвоката. В этих случаях государство в лице территориальных офисов Национального совета по юридической помощи, гарантируемой государством, берет на себя и авансирует оплату услуг адвоката, поскольку это является необходимым для обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства, своевременного осуществления необходимых процессуальных действий и сбора доказательств, с целью последующего правильного рассмотрения дела и достижения в итоге задач уголовного судопроизводства [10].

Что касается сумм, подлежащих выплате за предоставление юридической помощи, гарантируемой государством, в случае отсутствия у лица достаточных финансовых средств для оплаты юридических услуг, то в данном случае эти суммы носят характер публичных расходов, аналогичных расходам на организацию деятельности системы правосудия и расходам по осуществлению деятельности при расследовании и рассмотрении конкретных дел, и должны приниматься за счет государства.

В случаях же оказания квалифицированной юридической помощи, гарантируемой государством, лицам, располагающим достаточными средствами для оплаты этих услуг, расходы, авансированные государством на оказание этой помощи должны взыскиваться с осужденного согласно требованиям части (2) статьи 229 УПК. В соответствии с частью (3) этой статьи, судебная инстанция вправе освободить осужденного полностью или частично от взыскания судебных издержек, если это лицо несостоятельно либо выплата сумм в возмещение судебных издержек может существенно отразиться на материальном положении лиц, находящихся на его иждивении.

Надо отметить, что законодательные системы разных стран относятся к вопросу взыскания с виновных расходов по оказанию им юридической помощи по назначению неоднозначно.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Австрии, адвокат по назначению может участвовать в деле в случаях обязательной защиты, предусмотренных законом, а также при отсутствии достаточных средств на оплаты юридических услуг у обвиняемого. Вынесенный обвинительный приговор обязывает осужденного оплатить судебные издержки, в том числе и связанные с оказанием ему юридической помощи. Однако, осужденный может быть освобожден от этой обязанности, если у него нет средств, или если взыскание издержек может негативно сказаться на уровне его жизни [9].

Такой же подход к взысканию с осужденного затрат на оказание ему юридической помощи за счет государства содержится в законодательстве Российской Федерации. Здесь следует отметить, что участие защитника в уголовном судопроизводстве в этой стране является обязательным во всех случаях, когда обвиняемый не отказался от защиты. Суммы,

выплачиваемые адвокату за оказание юридической помощи по назначению, относятся к судебным издержкам. Суд вправе взыскать их с осужденного за исключением случаев, когда адвокат был назначен ему, несмотря на его отказ от защиты, но может освободить его от обязанности оплаты судебных издержек полностью или частично, если их взыскание может существенного отразиться на материальном положении лиц, которые находятся на иждивении осужденного [11].

По законодательству Румынии, расходы, необходимые для осуществления процессуальных актов, в том числе и гонорары адвокатов, авансируются государством или оплачиваются сторонами. В случае осуждения или других нереабилитирующих оснований, виновный обязан оплатить авансированные государством судебные расходы за исключением услуг назначенного судебным органом адвоката и переводчика, которые возлагаются на государство [12].

Законодательство Литвы также предусматривает случаи, когда участие адвоката в деле является обязательным. Кроме этого, защитник может быть назначен лицу по его просьбе в случае отсутствия у этого лица достаточных средств на оплату юридических услуг. Уголовно-процессуальный кодекс [13] не относит расходы по оплате услуг адвоката к судебным издержкам, а выделяет их, посвящая им отдельную норму, согласно которой, в случае предоставления гарантируемой государством юридической помощи осужденному лицу, оплата услуг адвоката осуществляется согласно закону, регламентирующему предоставление юридической помощи, гарантируемой государством [14]. О возмещении этих сумм осужденным речи не идет ни в УПК Литвы, ни в вышеназванном законе. Согласно данного закона расходы на оказание юридической помощи, гарантированной государством могут быть взысканы Службой по предоставлению этой помощи лишь в случаях прекращения ее оказания, связанных со злоупотреблениями лица своими правами при ее получении, а также при изменении имущественного положения лица, получившего гарантируемую государством юридическую помощь по причине недостаточности средств для ее оплаты.

В Украине уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что лицо, производящее дознание, следователь или суд могут поручить соответствующему учреждению, уполномоченному на предоставление бесплатной правовой помощи, назначить защитника обвиняемому в случаях обязательного участия защитника, предусмотренных законом. А также, когда обвиняемый желает пригласить защитника, но из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам не может этого сделать, или, когда следователь, прокурор или суд решит, что обстоятельства уголовного производства требуют участия защитника, а подозреваемый, обвиняемый не привлек его. Кроме этого, при необходимости проведения неотложных следственных действий, когда обвиняемый не успел пригласить защитника либо явка избранного защитника невозможна, лицо, производящее дознание и следователь своим постановлением вправе временно назначить защитника до явки избранного. УПК Украины [15] относит расходы на правовую помощь к судебным издержкам. Расходы, связанные с оплатой помощи защитника, несет подозреваемый, обвиняемый, кроме случаев, когда защитник привлекался для предоставления защиты по назначению в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом и законом, регулирующим предоставление бесплатной правовой помощи, предоставляемой за счет средств государственного бюджета Украины [16]. В этих случаях юридическая помощь является бесплатной для обвиняемого, и расходы на ее предоставление не взыскиваются.

Европейский суд по правам человека высказал свою правовую позицию в части взыскания с осужденных затрат, понесенных государством на оказание им квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе в решениях по делам “Круассан против Германии” [17], “Орлов против России” [18], «Чукаев против Российской Федерации» [19], “Потапов против России” [20]. Европейский суд отметил в этих решениях,

что право на бесплатную юридическую помощь, предоставляемое подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, не является абсолютным. Такая помощь оказывается только в тех случаях, если обвиняемый не имеет достаточных средств для ее оплаты. Если решение о назначении адвоката для защиты обвиняемого, принимается исключительно с учетом требований интересов правосудия, вопрос о том, располагает ли он достаточными средствами для оплаты юридической помощи, является несущественным на данном этапе (см. “Круассан против Германии” (Croissant v. Germany) от 25 сентября 1992 г., §§ 33 и 34, Series A, N 237-B).

Европейский суд считает, что если национальным законодательством предусмотрена возможность взыскания в качестве судебных издержек сумм, выплаченных адвокату, назначенному в условиях, когда обвиняемый не проходил “проверки платежеспособности”, то при принятии такого решения не будет нарушено право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное статьей 6 Конвенции.

“Таким образом, по видимости, даже если обвиняемому оказывалась “бесплатная” юридическая помощь, он все равно должен заплатить за нее после суда. Тем не менее, полное или частичное исключение остается возможным, например, по причине бедности. (см. “Орлов против России” (Orlov v. Russia), жалоба № 29652/04, от 21 июня 2011 г., § 113)

Только в процессе исполнения, отмечает Европейский суд, которое следует за окончательным решением, финансовое положение осужденного, которому адвокат был назначен “без проверки платежеспособности”, начинает играть роль, и осужденный вправе просить о полном либо частичном сложении с него обязанности возместить затраты на предоставление ему юридической помощи. Однако, “бремя доказывания несостоятельности должно нести лицо, которое ходатайствует о несостоятельности” (см. “Чукаев против Российской Федерации” (Chukayev v. Russia), жалоба № 36814, от 5 ноября 2015 г., § 116).

Таким образом, законодательства разных стран по-разному подходят к вопросу о взыскании с осужденных затрат на предоставление им юридической помощи, гарантируемой государством. В некоторых странах (Германия, Австрия, Россия) уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено взыскание этих сумм судами при постановлении обвинительного приговора. Однако, осужденный может быть полностью или частично освобожден от этой обязанности, если докажет свою несостоятельность. Законодательства других стран (Литва, Румыния, Украина) безусловно возлагают на государство обязанность оплачивать услуги назначенного адвоката.

Согласно законодательству Республики Молдова, суммы, подлежащие выплате адвокату за предоставление юридической помощи, гарантируемой государством, могут быть взысканы с осужденного, если адвокат был назначен ему без проверки его финансового положения. Однако судебная инстанция вправе освободить осужденного полностью или частично от взыскания судебных издержек, если это лицо несостоятельно, либо выплата сумм в возмещение судебных издержек может существенно отразиться на материальном положении лиц, находящихся на его иждивении.

Надо отметить, что Европейский суд по правам человека не находит нарушений Конвенции во взыскании национальными судебными инстанциями с осужденных лиц затрат на предоставление им юридических услуг за счет государства, если это предусмотрено национальным законодательством.

Библиография:

1. Raport de activitate în sistemul de acordare a asistenței juridice garantate de stat. 1 ianuarie 2018 – 31 decembrie 2018. [online] https://cnaigs.md/uploads/asset/file/ro/1378/Raportul_de_activitatea_al_CNAIGS_2018.pdf, accesat la data de 28.12.2019.
2. Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994. Publicată: 29.03.2016 în Monitorul Oficial Nr. Nr: 140.

3. Codul de procedură penală al Republicii Moldova nr. 122 din 14.03.2003. Publiat: 05.11.2013 în Monitorul Oficial nr. 248-251 art nr: 699.
4. Codul de procedură civilă al Republicii Moldova nr. 225 din 30.05.2003. Publicat: 21.06.2013 în Monitorul Oficial nr. 130-134 art nr: 415
5. Lege cu privire la asistența juridică garantată de stat nr. 198 din 26.07.2007. Publicat: 05.10.2007 în Monitorul Oficial nr. 157-160 art nr: 614.
6. Hotărârea Consiliului Național pentru Asistența Juridică Garantată de Stat Nr. 22 din 19.12.2008 privind aprobarea Regulamentului cu privire la mărimea și modul de remunerare a avocaților pentru acordarea asistenței juridice calificate garantate de stat. Publicată: 23.01.2009 în Monitorul Oficial Nr. 10-11 art Nr: 29.
7. <https://cnaigs.md/ro/rapoarte-de-activitate>, accesat la data de 28.12.2019.
8. <https://statistica.cnaigs.md/>, accesat la data de 28.12.2019.
9. Studiu privind legislația națională care reglementează cuantumul și modul de calculare a cheltuielilor de judecată, precum și a practicilor de aplicare a acestora. Agenția de administrare a instanțelor judecătorești. Ministerul Justiției. Republica Moldova. 2017. A fost realizat de către Verdeș V., consultant contract de către AAIJ. [online] http://www.justice.gov.md/public/files/2018/sistemul_judiciar_/23052018/studiu_final_R.pdf, accesat la data de 28.12.2019.
10. Airapetean A., Corgoja M. “Compensarea cheltuielilor judiciare suportate de stat pentru instrumentarea cauzelor penale – corelarea normelor de drept procesual și practica judiciară”. În: Legea și Viața, 2018, nr. 9/1
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., N 52, ст. 4921.
12. Codul de procedură penală nr. 135 din 1 iulie 2010. Publicat în Monitorul Oficial nr. 486 din 15 iulie 2010.
13. Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Procesų nr.: IX-785 priėmimo data: 2002-03-14. Paskelbta: Valstybės žinios, 2002-04-09, Nr. 37-1341.
14. Lietuvos Respublikos valstybės garantuojamos teisinės pagalbos įstatymas nr.: X-78 priėmimo data: 2005-01-20 Paskelbta: Valstybės žinios, 2005-02-08, Nr. 18-572.
15. Кримінальний процесуальний кодекс України № 4651-VI від 13.04.2012. Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2013, № 9-10, № 11-12, № 13, ст. 88.
16. Закон Украины про безоплатну правову допомогу № 3460-VI от 02.06.2011. Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2011, № 51, ст. 577.
17. Croissant v. Germany, от 25 сентября 1992 г., Series A № 237-B.
18. Orlov v. Russia, жалоба № 29652/04, от 21 июня 2011.
19. Chukayev v. Russia, жалоба № 36814/06, от 5 ноября 2015 г.
20. Potapov v. Russia, жалоба № 14934/03, от 16 июля 2002 г.

УДК: 343.114(139)

Календарь Дмитрий Александрович

Главный прокурор Окружной Прокуратуры Кахул,
мун. Кахул, РМ

E-mail: c.dumitru@mail.ru

**ПРЕНИЯ СТОРОН В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ**

Abstract. The scientific relevant problem solved is in conceptualization of pleadings in the court of appeal; the activity of the participants in criminal proceedings in pleadings in the court of second instance in criminal procedure. Expose conclusion on the active participation of the

prosecutor in the pleadings in criminal cases in trial in court of appeal and proposed some re stipulations of the Criminal Procedure Code (Art. 413).

Keywords: the criminal process, **appeal proceeding, pleadings.**

Правила, предусмотренные для судебного разбирательства по первой инстанции, распространяются на все составляющие этапы апелляционного судебного разбирательства части. Закон гласит, что при рассмотрении апелляционной жалобы применяются общие правила рассмотрения дел в судах первой инстанции с исключениями, предусмотренными в части 1 главы IV раздела II Особенной части Уголовно-процессуального кодекса (ч.(1) ст.413 УПК РМ)[1]. Судебное разбирательство в апелляционном порядке включает в себя следующие этапы: а) подготовительная часть судебного заседания в апелляционной инстанции; б) судебное расследование; с) судебные прения; d) реплики; е) совещание суда и провозглашение решения апелляционным судом[2, п.14].

Остановимся на особенностях, установленных законодателем для судебных прений, которые касаются не только их содержания, но и способа закрепления в законе.

Применительно к первой инстанции прения сторон и последнее слово подсудимого являются самостоятельными этапами стадии судебного разбирательства. Законодатель определил для них разные статьи закона.

Что касается апелляционного судебного разбирательства, во-первых, прений сторон, как таковых, в апелляционном судебном разбирательстве закон не предусматривает, а предполагает предоставление слова (ст. 413 ч.(5) УПК РМ). Во-вторых, подсудимому предоставляется слово в последнюю очередь (ст.413 ч.(7) УПК РМ). И речь в законе не идет о последнем слове подсудимого.

На практике, предоставление слова сторонам процесса происходит в форме прений (т.к. из содержания ч. (6) ст.413 УПК РМ - Стороны имеют право на реплику по новым вопросам, возникшим в ходе прений – следует, что имеют место прения), а также, подсудимому предоставляется право на последнее слово.

Содержание выступлений сторон в прениях ограничены пределами, в которых уголовное дело рассматривалось в самом суде апелляционной инстанции (а не в полном объеме, как в суде первой инстанции). При этом первым выступает уже не обвинитель, а лицо, подавшее апелляционную жалобу [3, с.1100].

Предметом судебных прений в апелляционном производстве является критика порядка проведения судебного разбирательства в первой инстанции и решений, принятых ею относительно уголовного иска, гражданского иска и других положений обжалованного решения. Прения имеют место всесторонне, как с фактической, так и с правовой стороны в пределах положения лица, подавшего апелляционную жалобу или в отношении которого подана жалоба и в соотношении с процессуальным статусом апеллянта. В судебном заседании в апелляционном производстве обсуждаются по принципу состязательности как мотивы апелляционной жалобы и их опровержение, так и те фактические и правовые ошибки, которые допустил суд первой инстанции[2, п.14.1.2].

Предоставление слова сторонам, или прения сторон, и предоставление подсудимому слово в последнюю очередь, или последнее слово подсудимого, помещены в одну статью кодекса, правда, в разные ее части (ст. 413 УПК РМ).

Итак, не отрицается самостоятельность данных этапов применительно к судебному разбирательству в апелляционной инстанции. Как видится, место прений и последнего слова в структуре судебного разбирательства зависит от их законодательного закрепления в структуре УПК.

Обращаясь к первой инстанции, мы видим, что прения сторон и последнее слово подсудимого охватываются одной частью главы уголовно-процессуального закона. Другим, предшествующим им, частям судебного разбирательства также отведены отдельные части

(Часть 1 «Подготовительная часть судебного заседания» и Часть 2 «Судебное следствие»). Это наводит на мысль о единстве прений и последнего слова как одноименной части судебного заседания.

Опираясь на ч.(1) ст. 413 УПК РФ, следует рассуждать о месте прений и последнего слова в апелляционном судебном заседании и говорить об их самостоятельности.

Судебные прения – завершающий этап судебного разбирательства в первой инстанции, в которой выступают его участники, высказывая свое мнение по поводу исследованных доказательств [4, с.824]. Обвинительная речь прокурора в судебной инстанции является одним из ответственных этапов поддержания государственного обвинения, которая содержит окончательные выводы, сделанные в ходе рассмотрения дела, и состоит из анализа исследованных доказательств [5, с.42].

Ч.(5) ст. 413 УПК РФ указывает: «Председательствующий в судебном заседании предоставляет слово апеллянту, лицу, на которое подана апелляционная жалоба, их защитникам и представителям, затем прокурору. Если среди поданных апелляционных жалоб имеется апелляционная жалоба прокурора, ему предоставляется слово в первую очередь».

Шмелева Е. предлагает мнение А.Разинкиной, которая указывает: «Если решение ... судьи было обжаловано обвинителем, и участником судопроизводства со стороны защиты, то первым должен выступать государственный или частный обвинитель», а так же Н.Сидоровой отмечающей следующее: «Если апелляции были поданы обеими сторонами, то здесь необходимо руководствоваться обычным порядком, в соответствии с которым первой выступает сторона обвинения» [6 с.126].

Если приговор суда был обжалован иными участниками, то следует требованию ч. (5) ст. 413 УПК РФ о первоочередном выступлении апеллянта, в случае обжалования судебного решения обеими сторонами первым в прениях может выступать и потерпевший, если им была подана жалоба, а государственный обвинитель не выразил несогласия приговором. В рассматриваемом нами аспекте, проявляется и схожесть, и различие в последовательности выступлений участников в прениях в суде первой и апелляционной инстанций.

Общее у апелляции первой инстанции в том, что при несогласии с судебным решением обеих сторон первой выступает сторона обвинения. Отличие же проявляется в том, что если в первоначальном судебном заседании первым выступает прокурор (ч. (1) ст. 366 УПК РФ), то в суде второй инстанции им может быть любое лицо подавшее апелляционную жалобу. Если судебное решение было оспорено несколькими участниками со стороны обвинения, то необходимо определиться с очередностью их выступлений «внутри» стороны. Например, если с приговором выразили «несогласие» и прокурор и потерпевший (его представитель, законный представитель), то в этом случае полагаем логичным применить порядок, оговоренный ч. 5 ст. 413 УПК. Первым должен выступать прокурор, последовательность выступлений остальных лиц со стороны обвинения определит председательствующий. Это должно быть сделано, учитывая содержание жалоб, чтобы аргументы одного участника подкреплялись доводами другого.

Далее перейдем к стороне защиты и рассмотрим последовательность выступлений представляющих ее участников в случае сомнений в правосудности решения мирового судьи, возникших у обеих сторон. Понятно, что стороне защиты будет предоставлено слово во вторую очередь. Следуя ч.(5) ст. 413 УПК РФ, первым опять-таки выступит апеллянт. Им может быть и подсудимый, и его защитник, и его законный представитель. Если же с этой стороны поступило несколько жалоб, то, думается, поступать следует, как в первоначальном судебном разбирательстве. В первой инстанции по общему правилу речь защитника является обязательной составляющей прений сторон. Лишь в исключительном случае, когда защитник отсутствует (ст. 71 УПК РФ), его речь заменяет в прениях выступление подсудимого (ч.(2) ст.377 УПК РФ - Судебные прения состоят из речей: ...

защитника и подсудимого, если защитник не участвует в данном деле или подсудимый просит слова). Первым также должен выступать адвокат (иное лицо, согласно п.2) ч.(2) ст. 67 УПК РМ). Дальнейшую очередность выступлений вновь определит апелляционная инстанция, учитывая положения ст.377 ч.(2) и ст.413 ч.(5) УПК РМ).

Что касается участия в прениях лиц, которые не обжаловали приговор, но явились в апелляционную инстанцию, Шмелева Е., цитируя А.Динера и Н.Сидорова, констатирует, что после выступления апелланта следующими должны выступать участники, выступающие на одной с ним стороне. При определении последовательности выступления участников должна учитываться целостность их позиций, к примеру, подсудимому и его защитнику необходимо выступать друг за другом с учетом того, кем была подана жалоба [6, с.125].

При определении очередности выступлений в прениях участников апелляционного судебного заседания необходимо руководствоваться критерием целостности стороны в рамках их выступлений. Значит, после выступления «апелланта» выступать в прениях должно лицо «не подававшее апелляций» после оглашения приговора, образующие одну сторону. Если приговор обжалован обеими сторонами, то затем слово предоставляется другой стороне, «внутри» которой опять первым выступит «апеллант», а затем присутствующие в суде, но не подававшие апелляций ее представители.

Так как защитник и представитель может быть у лица, подавшего жалобу, и лицо, на которое подана апелляционная жалоба, а у таких субъектов может быть еще и законный представитель (ст. 77 УПК РМ), то позволим себе скорректировать формулировку следующим образом: «Лицо, подавшее жалобу, участвующий в деле его защитник, представитель, законный представитель».

Что касается гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, то все вышеприведенные рассуждения, полагаем, применимы и к ним. При этом действующее в первой инстанции правило, при котором гражданский ответчик и его представитель выступают в прениях сторон после гражданского истца и его представителя (ч.(2) ст. 377 УПК РМ), всегда будет действовать и в апелляционном процессе при обжаловании приговора обеими сторонами.

Решение, которым уголовное дело разрешается по существу в суде первой инстанции, называется приговором (ст.341 ч.(2) УПК РМ).

«Приговор является процессуальным актом, в котором в наиболее полной форме реализуется процессуальная функция суда – разрешения уголовного дела или, иначе говоря, разрешение уголовно-правового спора по существу. Приговор – акт государственной (судебной) власти...» [7, 722].

Шмелева Е. предложила к рассмотрению одну ситуацию: решение, вынесенное судом, обжалуется лишь представителем (представителями) одной стороны. Каков порядок выступлений участников в данном случае? В такой ситуации, утверждает Шмелева Е., порядок прений должен быть характерный для первой инстанции. Если судебное решение не обжаловал никто со стороны обвинения, то первое ответное слово, думается, принадлежит обвинителю. Если же «претензии» к судебному решению не высказал ни один участник, отнесенный законодателем к стороне защиты, то, как видится, первым будет держать ответ защитник [6, с.126].

Однако, согласно молдавского уголовно-процессуальному закону в прениях первому предоставляется слово апелланту, то есть в данной ситуации, представителю одной стороны, затем другим участникам (ч.(5) ст. 413 УПК РМ).

Надо так же заметить, что касается правопреемника потерпевшего или гражданского истца, как участник процесса, то о данном участнике не идет речь ни в прениях в суде первой инстанции (ст.377 УПК РМ), ни в апелляционной инстанции (ст.413 УПК РМ).

Шмелева Е. предлагает вниманию мнение Н.Ковтуна и А. Александрова, согласно которым «порядок прений сторон в... апелляционном суде... зиждется на активности не

сторон, а самого суда», и что«...во всех случаях первым должен выступать обвинитель. Дальнейший порядок выступлений участников устанавливается судом по предложению сторон» [6, с.126].

По окончании прений сторон подсудимому предоставляется слово в последнюю очередь (ч.(7) ст.413 УПК РМ).

В последнем слове подсудимому в последний раз перед постановлением приговора дается возможность выразить свое отношение к рассмотренному судом обвинению, вынесенному приговору и поданной апелляционной жалобе, а так же, дать оценку, как собственным действиям, так и результатам разбирательства [7, с.720].

Полагаем, проведенный нами анализ свидетельствует о необходимости законодательного изменения ч.(5) ст.413 УПК РМ, и, в свою очередь, предлагаем следующую ее редакцию: «(5) Прения сторон проводится в порядке, установленном статьями 377-378 настоящего Кодекса. При этом, председательствующий в судебном заседании предоставляет слово апеллянту, лицу, на которое подана апелляционная жалоба, их защитникам, представителям, законным представителям и правопреемнику потерпевшего или гражданского истца, затем прокурору. Если среди поданных апелляционных жалоб имеется апелляционная жалоба прокурора, ему предоставляется слово в первую очередь».

Библиография:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова №122 от 14.03.2003 // МониторулОфициал № 248-251/699 от 05.11.2013.
2. Постановление Пленума Высшей Судебной Палаты Республики Молдова О судебной практике по рассмотрению уголовных дел в апелляционном производстве, №22 от 12.12.2005//Бюллетень Высшей судебной палаты Республики Молдова, №2-3/2011, стр.58.
3. Курс уголовного процесса. Под редакцией Л.В. Головки. 2-е издание, исправленное. Москва, Издательство „Статут”, 2017, 1280 с.
4. Dolea I., Codul de procedură penală al Republicii Moldova (Comentariu aplicativ), Chișinău, Editura „Cartea Juridică”, 1172p.
5. Serbinov I., Catana E., Chirtoaca E. ș.a. Ghidul acuzatorului de stat. Chișinău, Editura „Cartier”, 2005, 136p.
6. Шмелева Е. Прения сторон в суде апелляционной инстанции. // Вестник Оренбургского Государственного Университета, №83/март, 2008, с.124-127.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. Отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва, Издательство «Норма», 2009. 1072с.

УДК 343.35

Хомулло Алексей Анатольевич,
студент 3 курса ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: Xomullo_AA_17@student.grsu.by

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Abstract. This article discusses the problem of corruption in the customs authorities of the Republic of Belarus, provides a legal framework aimed at combating corruption in the customs authorities of the Republic of Belarus. In addition, a set of measures to combat corruption is revealed and some results that the Republic of Belarus was able to achieve in this direction are presented.

Keywords: Corruption, anti-corruption, official position, customs authorities, anti-corruption legislation.

Среди одной из важнейших, актуальных задач является проблема коррупции в таможенных органах. Возникшая в условиях интеграции, коррупция в таможенных органах является весомым противоречием глобализации. Коррупционность должностных лиц таможенных органов препятствует развитию рыночной экономики, созданию демократических институтов в стране и, как следствие, снижает доверие граждан к государственной власти.

Для Республики Беларусь, как и для других государств, острым остаётся вопрос о формировании и воплощении в жизнь результативной антикоррупционной стратегии, в том числе и в таможенной сфере, включающей в себя, помимо средств уголовной репрессии, также и комплекс мер по предупреждению коррупции. Целью настоящего исследования является комплексный анализ проблем противодействия коррупции и изучение наиболее эффективных механизмов борьбы с коррупцией в таможенных органах Республики Беларусь.

Проблема борьбы с коррупцией в таможенных органах в настоящее время усугубляется ещё и тем, что сейчас коррупция выходит за рамки национальных границ в связи с созданием единого таможенного пространства Евразийского экономического союза [1, с. 13].

Базовым нормативным правовым актом, в соответствии с которым осуществляется антикоррупционная деятельность в таможенных органах Республики Беларусь, является Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 г. № 305-З. Также важным документом, предусматривающим комплекс организационно-правовых, социально-экономических и организационно-практических мероприятий, является Решение республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией «Об утверждении Программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы» от 26 мая 2017 г. № 16.

Деятельность по противодействию коррупции в таможенных органах Республики Беларусь сосредоточена на следующих основных направлениях: совершенствование нормативной и законодательной базы таможенного дела; организация целенаправленной кадровой работы по подбору кандидатов, формированию профессионального коллектива таможенных органов; усиление и активизация работы по выявлению и пресечению проявлений коррупции, нарушений таможенного законодательства Республики Беларусь, укреплению взаимодействия с правоохранительными органами; оптимизация структуры таможенных органов, дальнейшее совершенствование технологических схем таможенного контроля, решения социальных, жилищных, бытовых вопросов, создание благоприятных условий труда [2, с. 10].

В таможенных органах Республики Беларусь реализуется комплекс антикоррупционных мер по предупреждению, своевременному вскрытию криминальных схем и пресечению противоправной деятельности в таможенной сфере. Определяющим моментом в данном вопросе является создание Управления собственной безопасности Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (далее – УСБ ГТК Республики Беларусь), обеспечивающее безопасное функционирование таможенных органов и оказывающее эффективное влияние на предупреждение, и пресечение фактов противоправной деятельности личного состава [3, с. 35].

Проводятся контрольные мероприятия, осуществляемые с выездом на границу, в том числе в выходные, праздничные дни, ночное время суток. В пунктах таможенного оформления на информационных стендах и возле рабочих мест сотрудников таможни размещены плакаты с информацией, предупреждающей об уголовной ответственности за дачу (получение) взятки. Указом Президента Республики Беларусь «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенных органов Республики Беларусь» от 9 марта 2011 г. № 98

был утверждён Дисциплинарный устав таможенных органов, а 25 июля 2013 г., согласно решения Коллегии ГТК Республики Беларусь, был утверждён Кодекс чести должностного лица таможенного органа.

Управлением собственной безопасности ГТК Республики Беларусь ежеквартально анализируется обстановка, складывающаяся в подразделениях таможни. Статистика показывает, что с каждым годом количество выявляемых и пресекаемых должностными лицами таможенных органов фактов попыток дачи им взятки при исполнении служебных обязанностей возрастает [4, с. 26].

Все это свидетельствует о необходимости комплексного подхода к противодействию коррупции в таможенной сфере. В этом плане важную роль для таможенных органов выполняют утверждаемые Президентом Республики Беларусь государственные программы по противодействию коррупции в таможенной сфере, предусматривающие комплекс конкретных организационно-правовых, социально-экономических и организационно-практических мероприятий. В документах ГТК Республики Беларусь уделяется серьёзное внимание формированию антикоррупционного сознания в системе таможенных органов Республики Беларусь.

Это дало свои практические результаты. Так, согласно статистике, в опубликованном международной организацией Transparency International ежегодном индексе восприятия коррупции по итогам 2017 года Беларусь поднялась с 79-го (в 2016 году) на 68-е место (для сравнения: Болгария и ЮАР находятся на 71-м месте, Китай и Сербия – на 77-м, Индия и Турция – на 81-м, Армения и Македония – на 107-м, Азербайджан, Казахстан, Молдова – на 122-м, Украина – на 130-м, Кыргызстан и Россия – на 135-м, Узбекистан – на 157-м, Таджикистан – на 161-м, Туркменистан – на 167-м месте). При этом наша страна за последнее десятилетие улучшила свою позицию более чем в два раза (так, Республики Беларусь, в 2007 году занимала 150-е место) [5].

Республика Беларусь за последнее десятилетие значительно улучшила своё положение в отношении коррупции в таможенных органах. Так, была сформирована нормативно-правовая база в целях борьбы с коррупцией в таможенных органах Республики Беларусь, создан механизм противодействия коррупции, и система профилактических мер с целью предупреждения коррупционных правонарушений. Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия, полностью избавиться от указанной проблемы на данный момент не удалось. Предложения по совершенствованию деятельности таможенных органов по противодействию коррупции: повысить заработную плату должностным лицам таможенных органов, обеспечить социальные гарантии по медицинскому и санаторно-курортному лечению для ветеранов таможенной службы; разработать и принять специальных международный договор противодействию коррупции в таможенной сфере; разработать и принять антикоррупционную стратегию в форме международного договора или решения ЕАЭС; наделить необходимой компетенцией ЕАЭС по принятию правовых актов, а также рекомендаций в антикоррупционной сфере.

Библиография:

1. Василевич, Г.А. Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе / Г. А. Василевич. - Минск : Беларуская навука, 2018. – 200 с.
2. Бакаева, О. Ю. Борьба с коррупцией как инструмент повышения уровня правовой культуры должностных лиц таможенных органов / О. Ю. Бакаева // Правовая культура. – 2007. – № 3. – С. 10–14.
3. Бусыгина, И.М. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? / И.М. Бусыгина, М.Г. Филиппов // Полис. Политические исследования. – 2013. – №1. – С. 50–71.

4. Бородина, А. В. О проблеме коррупции в таможенных органах / А. В. Бородина // КиберЛеника. – 2009. – № 2. – С. 26–30.
5. Индекс восприятия коррупции 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/cpi2018>. – Дата доступа: 23.04.2019.

УДК 341.44

Саутина Диана Александровна,
студентка 3 курса ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: sautina.diana2015@yandex.ru

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРАДИЦИЯ»

Abstract. The article analyzes the concept of "extradition". The author analyzes the distinctive features of extradition. According to the author, extradition guarantees the provision of procedural and legal guarantees in accordance with the laws and regulations of the state in which the requested person is located.

Keywords: extradition, international criminal law, international cooperation.

В современных условиях институт экстрадиции играет важную роль в укреплении и развитии международного сотрудничества между государствами. Не меньшее влияние возможности экстрадиции оказывают и на охрану законных интересов, прав и свобод личности, общества и государства, на укрепление международного правопорядка и борьбу с преступностью. Все это не может не приводить к тому, что вопросы экстрадиции привлекают к себе внимание юристов, ученых и практиков.

Нормативно-правовое регулирование экстрадиции, ее теоретические и практические проблемы не обойдены вниманием в монографических и диссертационных исследованиях. Не меньше внимания вопросам экстрадиции уделяется в периодической печати. Несмотря на это, нельзя не отметить, что в целом институт экстрадиции остается пока еще малоизученным, нередко ему отказывается в праве на самостоятельное существование. Вследствие этого экстрадицию часто принимают за выдачу, а вопросы экстрадиции сводятся к вопросам выдачи. Это приводит к тому, что анализу подвергаются лишь те нормы института экстрадиции, которые в той или иной мере оказываются связанными с выдачей. Вместе с тем, как показывает практика, вопросами выдачи экстрадиционная деятельность не исчерпывается [1, с.51]. Это приводит к искаженным представлениям о формах, содержании и результатах экстрадиционной деятельности.

На практике экстрадиция уже давно не сводится лишь к выдаче преступников. Тем не менее вопросы экстрадиции продолжают обсуждаться преимущественно в терминах выдачи, существование института экстрадиции не получает признания и экстрадиция определяется как выдача. Вследствие этого дальнейшее совершенствование нормативной регламентации института экстрадиции, как и решение многих других практических вопросов экстрадиционной деятельности, во многом осложняется из-за приверженности к старым взглядам, понятиям и концепциям [2, с. 73].

Доктринальная позиция по вопросу об институте выдачи достаточно четко представлена в ряде монографических и других исследований.

Согласно, например, точке зрения проф. Р.М. Валеева, институт выдачи представляет собой основанный на международных договорах и общепризнанных нормах и принципах международного права акт правовой помощи, состоящий в передаче обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, требующему его передачи государству, на территории которого требуется лицо совершило преступление или

гражданином которого оно является, или государству, потерпевшему от преступления, для привлечения его к уголовной ответственности или для приведения к исполнению приговора [3, с. 67]. В то же время, другая точка зрения состоит в том, чтобы усматривать в экстрадиции не только аспекты выдачи преступников и наказания виновных, но и более широкий круг вопросов. В частности, речь идет о правовой помощи и сотрудничестве между государствами, понимаемых в более широком плане. В этом случае понятие экстрадиции уже более широкое. Оно охватывает не только выдачу преступников, но и целый ряд иных действий и мер (меры по обеспечению необходимых правовых и процессуальных гарантий, имплементация соответствующих юридических процедур и принципов, эффективное правовое сотрудничество между государствами, укрепление международного правопорядка и др.). На наш взгляд, следует признать, что институт экстрадиции в современных условиях утвердился как самостоятельный, востребованный и общепризнанный институт международного права. Его нормы, процедуры, концепции и принципы играют важную роль в развитии правовой помощи и сотрудничества между государствами, в обеспечении правовых гарантий соблюдения прав и свобод, в решении задач борьбы с преступностью, терроризмом и другими негативными проявлениями в любом уголке земного шара.

Следует, однако, отметить, что лишь международно-правовыми аспектами задачи и цели института экстрадиции не исчерпываются. Многие вопросы, возникающие в рамках института экстрадиции, решаются на уровне национального законодательства, в том числе на уровне ведомственного нормативного регулирования. Они опираются на принципы международного сотрудничества - добровольности и взаимности [4, с. 15].

Под экстрадицией в литературе принято понимать выдачу лиц, виновных в совершении преступных деяний, запрашивающему государству для суда над ними или исполнения наказания. В научной, учебной и методической литературе концепция экстрадиции, лежащая в основе анализа ее понятия, целей, содержания, нормативной регламентации и процедур, нередко ограничивается аспектами выдачи лиц, объявленных в международный розыск в связи с совершенными преступлениями, или передачи одним государством другому осужденных для отбывания наказания.

Такое понимание экстрадиции, сводящее ее к выдаче, оказывается во многом спорным. Во-первых, экстрадиция и выдача – не тождественные понятия. Экстрадицию нельзя сводить к выдаче и объяснять ее выдачей, прежде всего потому, что в современных условиях выдачей преступников экстрадиция не ограничивается. Как известно, процедура экстрадиции может завершаться и отказом в выдаче. Кроме того, нормы уголовно-процессуального законодательства выделяют, с одной стороны, выдачу для уголовного преследования, а с другой – передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания. Передача осужденных из одного государства в другое для отбывания назначенного наказания согласуется с положениями Европейской конвенции о выдаче 1957 г., которыми, в частности, предусматривается не только передача, но также такие ее разновидности, как отсроченная передача и передача с условиями.

С учетом выделения передачи как самостоятельной формы экстрадиции трудно согласиться также и с тем, что в литературе термин «экстрадиция» все еще используется в качестве синонима к термину «выдача». Дело тут, однако, не в словах, а в том, что понятие экстрадиции оказывается много шире понятия выдачи. Достаточно сказать, что экстрадиция, как мы видели выше, предусматривает теперь не только выдачу, но и передачу, а передача не охватывается понятием выдачи. Кроме того, выдача и передача предполагают не только разные юридические процедуры и основания, но и разные компетентные органы государства, на которые возлагается их исполнение (достаточно вспомнить действующий в рамках Европейского Союза европейский ордер на арест). Эти обстоятельства также не позволяют связывать экстрадицию лишь с выдачей преступников, а институт экстрадиции – с институтом выдачи: это разные институты. Следовательно, экстрадиция шире выдачи

преступников, она выходит за рамки выдачи, охватывает собой также и такую форму реализации, как передача осужденных.

Далее, хорошо известно, что не всякая процедура экстрадиции обязательно заканчивается выдачей запрашиваемых лиц. В этих случаях процедура экстрадиции налицо, но реальная выдача отсутствует. Следовательно, экстрадиция не равнозначна выдаче еще и по той причине, что она может завершаться как выдачей, так и отказом в выдаче. Это еще один аргумент, не позволяющий рассматривать выдачу как самостоятельный институт права. Выдача представляет собой лишь форму реализации процедуры экстрадиции [5, с. 16].

Экстрадиция отличается от выдачи и передачи прежде всего по своему содержанию, поскольку включает в себя стадию возбуждения инициативы о передаче (выдаче) лица; процесс принятия решения данного вопроса компетентными органами двух государств; стадию обжалования принятого решения; собственно процесс передачи (выдачи) лица; легализацию приговора судом того государства, которое приняло лицо, и др.

В этой связи, на наш взгляд, следует выделять формы реализации экстрадиции. К их числу относятся: выдача; отказ в выдаче; отсрочка выдачи; временная выдача; экстрадиционный транзит; передача. Все они связаны с экстрадицией, охватываются ее нормами, но к выдаче преступников не сводятся. Вследствие этого представляется достаточно спорной высказанная в диссертационных исследованиях и в юридической литературе точка зрения, согласно которой именно выдача представляет собой отдельный институт права. На наш взгляд, более обоснованным было бы говорить об экстрадиции как об отдельном комплексном и самостоятельном институте права [6, с. 40].

Во-вторых, сложившееся в отечественной правовой науке понятие экстрадиции во многом неадекватно той общей концепции экстрадиции, которая лежит в основе экстрадиционной практики государств в сфере международного сотрудничества и взаимопомощи по уголовным и гражданским делам. Сегодня практика экстрадиции утратила свой служебный, ограниченно-репрессивный характер. Экстрадиция перестала быть полем, «игроками» на котором выступают лишь заинтересованные государства, а в качестве результата засчитывается лишь наказание. В новых условиях понятие экстрадиции и ее концепция должны с большей полнотой отражать происходящие процессы демократизации и гуманизации правовых стандартов, принятых международным сообществом государств и воспринятых практикой, в том числе нашего государства [6, с. 40].

В-третьих, как показывает изучение, реальные цели, стоящие перед практикой экстрадиции, много шире не только целей выдачи, но и правовой помощи и международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства и исполнения наказаний. Цели экстрадиции состоят не только в выдаче тех, кто должен быть выдан, но и в обеспечении невыдачи тех, кто выдаче не подлежит, чья выдача нарушала бы права и свободы, а также интересы государства. Однако только этим цели экстрадиции не исчерпываются. Пожалуй, не меньшее значение имеет такая цель экстрадиции, как создание международно признанного режима правовых гарантий и обеспечения соблюдения международно-правовых актов в области прав и свобод человека со стороны государств. В этой связи, на наш взгляд, можно говорить о том, что цели экстрадиции направлены в первую очередь на создание и укрепление единого юридического механизма, охватывающего собой разные государства и позволяющего обеспечивать процедурные и иные юридические гарантии соблюдения международно - признанных прав и свобод граждан и лиц без гражданства в сфере межгосударственного сотрудничества и правовой помощи по уголовным и гражданским делам. Следовательно, именно экстрадиция, а не выдача гарантирует предоставление процессуально-правовых гарантий в соответствии с законами и правилами государства, на территории которого находится запрашиваемое лицо.

Библиография:

1. Адельханян Р., Наумов, А. Принципы экстрадиции и квалифицирующие обстоятельства совершения преступления // Российская юстиция. 2004. №3. С. 51-52.
2. Минков Ю.В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве. М.: Проспект, 2002. 86 с.
3. Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 126 с.
4. Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. 2007. №3 С. 12–17.
5. Минкова Ю.В. Институт выдачи преступников в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М.: МГИМО МИД РФ, 2002. 20 с.
6. Харламова Ю.Н. Выдача преступников и ее соотношение с реальными и универсальными принципами действия закона в пространстве. М.: МЮИ МВД России, 1997. 56 с.

УДК 347.2/.3

Булахова Ирина Александровна

Студентка 3 курса, Крымского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Симферополь
E-mail: irishka.bulahova@list.ru

**БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Abstract. The article analyzes human biological objects, identifies them legal status as objects of civil legal relations. Separate selected problems of implementing the disposal of biological objects, abuse law, and also analyzed the consent of the person to donate biological making up a person. Based on the study formulated suggestions for improving legislation.

Keywords: biological objects, donation, objects of civil rights, man, death, health, consent to donation.

Россия на сегодняшний день стоит на пути кардинальных изменений в социальной, экономической, административно-политической сферах жизни. В жизнь воплощается политическая реформа, решаются вопросы интеграции в различные международные организации, предпринимаются меры по повышению уровня социально-экономического благополучия населения. Все это свидетельствует об активном развитии российского общества, демократизации путей решения проблемных вопросов, приоритете законности при осуществлении государственного управления.

Вместе с тем, необходимо отметить развитие новых медицинских технологий, стремление человека улучшить качество и продолжительность жизни. Учитывая универсальный характер права, остро стоит вопрос о необходимости гражданско-правового регулирования использования биологических объектов человека. Необходимо охарактеризовать и исследовать объекты гражданских правоотношений в сфере донорства органов и других биологических материалов, в том числе – репродуктивных клеток. Правовое определение объектов и закрепление их на законодательном уровне будет способствовать урегулированию ряда важных вопросов, остро стоящих в ходе реализации правоотношений в сфере донорства органов и других анатомических материалов и репродуктивных клеток.

Необходимо отметить, что донорство биологических объектов человека – органов, анатомических материалов и других репродуктивных клеток, прежде всего, касается

проблем жизни и здоровья, а также прав и обязанностей участников гражданско-правовых отношений в сфере здравоохранения, а именно – донора и реципиента.

Указанное определяет: 1) особый характер правовой регламентации отношений в этом сегменте здравоохранения; 2) позволяет осуществить разграничение донорства органов, анатомических материалов и других репродуктивных клеток от других видов медицинских услуг.

Кроме того, особое значение имеет определение правового режима биологических объектов человека – трансплантатов как объектов имущественных прав, а исходя из этого, и правового режима осуществления соответствующего вида медицинской деятельности и специальный правовой статус учреждений здравоохранения, которым предоставлено право осуществления такой деятельности.

Вопрос характеристики объектов гражданских правоотношений в сфере донорства органов и других анатомических материалов и репродуктивных клеток и, в частности, его гражданско-правового регулирования, на сегодняшний день является весьма актуальным. Это обусловило интерес к этим проблемам со стороны медицинских работников, юристов и ученых, в частности данный вопрос исследовали Н.В. Аполинская, Д.С. Донцов, М.И. Ковалев, Г.Н. Красновский, Т.Н. Кудашова, М.Н. Малеина и многие другие. Однако в современном мире общественные отношения в столь бурно развивающейся сфере видоизменяются крайне динамично, а потому исследование вопросов определения правовой природы биологических объектов человека в гражданском праве России не теряет своей актуальности.

На сегодняшний день достижения современной медицины позволяют во многих случаях, ранее считавшихся безнадежными, сохранить жизнь или улучшить ее качество. При этом одним из наиболее эффективных и реальных способов достижения положительных результатов является донорство биологических объектов человека.

Донорство органов, анатомических материалов и других репродуктивных клеток как метод лечения ряда тяжелых заболеваний человека применяется именно тогда, когда устранение опасности для жизни или восстановление здоровья больного другими методами лечения невозможно. Поэтому проблема донорства биологических объектов человека на сегодня должна рассматриваться не только с медицинской (биологической), философской, морально-этической, но и с правовой точки зрения.

Законодательную базу, в которой определяются объекты гражданских правоотношений донорства биологических объектов человека, составляет: Конституция Российской Федерации [1], Гражданский кодекс Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ [3], Федеральный закон «О донорстве крови и ее компонентов» от 20.07.2012 N 125-ФЗ [4], Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» от 23.06.2016 N 180-ФЗ [5], Закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [6], Приказ Минздрава России от 08.06.2016 N 355н «Об утверждении порядка учета донорских органов и тканей человека, доноров органов и тканей, пациентов (реципиентов), форм медицинской документации и формы статистической отчетности в целях осуществления учета донорских органов и тканей человека, доноров органов и тканей, пациентов (реципиентов) и порядка их заполнения» [7] и другие.

Следует заметить, что в вопросах определения правового статуса анализируемых объектов, ключевое место занимает ГК РФ. В соответствии со ст. 128 ГК РФ объектами гражданских прав являются материальные и нематериальные блага. Нематериальные блага тесно связаны с личностью субъекта и не подлежат отчуждению в любой форме. Однако эта теоретическая концепция является несколько уязвимой, если рассматривать ее в контексте осуществления лицом права на донорство органов и других анатомических материалов и репродуктивных клеток.

Основную проблему современных исследований в данной сфере можно сформулировать так: являются ли биологические объекты (отдельные органы, их части, ткани, клетки человеческого организма) и тело умершего человека в целом объектом гражданских прав, и если да, то каким именно?

Ученые-цивилисты, такие как Г.Н. Красновский [8] и М.И. Ковалев [9] считают, что органы и ткани человека (живого или умершего) не могут продаваться, или покупаться, поскольку они, несмотря на свою очевидную полезность, не являются товаром (имуществом). В другом случае можно было бы сделать абсурдный вывод о том, что человек одновременно выступает и как субъект, и как объект гражданско-правовых отношений.

В отличие от этого, Н.В. Аполинская [10], Д.С. Донцов [11], Т.К. Кудашова [12] считают, что биологические объекты (отдельные органы, их группы, их части, ткани всех видов, клетки органов), безусловно, являются предметами – частью человеческого организма. Однако указанное не должно приводить к выводу о том, что когда отдельные элементы организма человека являются предметами, то и такой организм в целом можно рассматривать как предмет (живой «материал»). Такой вывод является ложным и отрицает социально-биологическую природу человека. Человек – это не просто механический набор функционирующих определенным образом внутренних биологических систем. Поэтому, по нашему мнению, мы не имеем права рассматривать человека как возможный набор «заменяемых запасных частей» для других людей.

В свою очередь, М.Н. Маллеина говорит о возможности закрепления на законодательном уровне положения, согласно которого правовой статус объектов правоотношений донорства, то есть, кровь, органы и ткани, определяются как вещи, ограниченные в обороте. [13] Из этого следует, что эти блага имеют характерные всем вещам гражданско-правовые признаки, а именно: полезность (способность удовлетворять потребности); осознанность (овладение) человеком данных (полезных) свойств; доступность к обладанию.

Благо и здоровье неразрывно связано с человеком. Организм человека выступает материальной (физической) основой блага здоровья. Благо связано с организмом в целом, а не с отдельными его физическими элементами. На основе блага, основанного на здоровье, право формирует категорию неимущественного права на здоровье, которое имеет субъективный характер.

В этой связи мы считаем, что распоряжение частью собственного организма в пределах правоотношений донорства не может быть равно распоряжению благом. Донорству и трансплантации подлежит не здоровье, а только материальный объект, который в силу своей природы может улучшить, восстановить здоровье или спасти жизнь реципиента.

Реализация права на здоровье может происходить в различных формах и осуществление этого права в форме донорства ведет к отчуждению и передаче со специальной целью не благ здоровья, а элемента физической базы этого блага – биологического объекта человека, без ограничения первого. В отличие от блага, которое имеет смысл только в сочетании с конкретным субъектом, анатомические материалы и органы человека наделены самостоятельным материальным смыслом, то есть, ценностью. Их материальная ценность заключается в возможности сохранения полезных свойств, возможности их передачи от одного лица к другому.

Соответственно, органы и другие анатомические материалы человека, выступая элементами материальной базы неимущественного блага здоровья и, а также, блага жизни, в свою очередь сами являются материальным явлением. Вследствие чего, мы считаем, их можно назвать на законных основаниях объектами гражданских правоотношений донорства. Поэтому, эти объекты можно продать, подарить или обменять.

Закономерно, что личное неимущественное право и его объект тесно связаны между собой, однако не тождественны. Кроме того, если правовая наука признает, что

неимущественное право и объект хотя и связаны между собой, но не тождественны, то почему не пойти дальше и не признать, что материальное благо связано, однако физически не тождественно своей материальной основе, благодаря которой оно реально существует?

Данная материальная основа присуща не всем личным неимущественным благам. Однако для блага жизни и здоровья она является обязательной. Понятно, что человек осуществляет право на жизнь, пока он наделен благом жизни, что связано с функционированием жизнеобеспечивающих систем его физической оболочки собственного тела. В процессе осуществления донорства любых составных частей организма человека происходит их отделение со специальной и экспериментальной целью. Данные составные элементы благодаря своим свойствам имеют возможность обеспечить сохранение жизни или защиту здоровья другого лица.

Целью донорства является будущая трансплантация биологических объектов донора (в том числе и в случаях переливания крови и использования репродуктивных клеток). Изъятые (отделенные) из организма составные части (ткани, органы, их части, отдельные клетки) в процессе донорства могут быть использованы, как правило, в лечебном процессе в переработанном виде (плазма крови) или в первоначальном состоянии (оплодотворенные репродуктивные клетки).

Поэтому во время донорской операции происходят существенные преобразования: изъятие определенного анатомического материала, который является частью организма донора, то есть, частью материального мира.

Возникает проблема, происходит ли параллельно этому лишение лица определенного блага, в частности, блага здоровья? Поразмыслив, мы пришли к выводу - донор не лишается блага здоровья, это благо не ограничивается. При других условиях это лицо не могло бы быть донором и такая операция вообще не произошла бы. Понятно, что донорство в определенной степени отрицательно влияет на здоровье донора, но в то же время самого блага здоровья человек не лишается.

Такая же ситуация складывается и относительно блага жизни. Донорство невозможно, если известно, что донор в результате этой операции умрет. Например, не допускается операция по пересадке сердца от живого донора, – этот анатомический материал при необходимости можно получить только от донорского организма трупа.

Обеспечение защиты здоровья донора реализуется с помощью специальных мер и условий, связанных с подбором этого лица, его подготовкой к изъятию анатомического материала. Обязательным является также страхование донора, а по возможности и восстановление тех составных частей организма, забор которых и был осуществлен.

В подведение итогов, целесообразно отметить, что правоотношения относительно реализации субъективного личного неимущественного права на донорство возникают по поводу материальных объектов, и могут повлечь за собой возникновение у их участников отдельных имущественных прав. Изъятие биологических объектов человека с целью их возможного последующего использования путем внедрения в организм реципиента возможно только путем передачи от одного субъекта (донора) другому (реципиенту) части материального мира, направленной на защиту жизни и здоровья последнего.

Органы и другие биологические объекты человека являются объектами гражданских правоотношений, использование которых имеет особый правовой режим, в том числе, их использование не должно посягать на такое благо физического лица как жизнь.

Список используемой литературы:

- 1) «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

- 2) «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
- 3) Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.01.2019) // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, N 48, ст. 6724.
- 4) Федеральный закон от 20.07.2012 N 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О донорстве крови и ее компонентов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ, 23.07.2012, N 30, ст. 4176.
- 5) Федеральный закон от 23.06.2016 N 180-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О биомедицинских клеточных продуктах» // Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, N 26 (Часть I), ст. 3849.
- 6) Закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, N 2, ст. 62.
- 7) Приказ Минздрава России от 08.06.2016 N 355н «Об утверждении порядка учета донорских органов и тканей человека, доноров органов и тканей, пациентов (реципиентов), форм медицинской документации и формы статистической отчетности в целях осуществления учета донорских органов и тканей человека, доноров органов и тканей, пациентов (реципиентов) и порядка их заполнения» (вместе с «Порядком заполнения учетной формы N 039/у «Медицинская карта донора органов (тканей)», «Порядком заполнения учетной формы N 039-1/у «Медицинская карта пациента (реципиента)», «Порядком заполнения учетной формы N 008-1/у «Журнал учета изъятий органов (тканей) у доноров в медицинских организациях», «Порядком заполнения учетной формы N 008-2/у «Журнал учета трансплантаций органов (тканей) в медицинских организациях», «Порядком заполнения формы статистической отчетности N 63 «Сведения о донорстве органов и тканей и трансплантации в медицинских организациях») (Зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2016 N 43082) [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202714/
- 8) Красновский Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в Законе Российской Федерации о трансплантации органов и (или) тканей человека // Государство и право. - 1993. - № 12. - С. 69-75.
- 9) Ковалев М.И. Генетика человека и его права: юридические, социальные и медицинские проблемы // Государство и право. - 1994. - №1. - С. 12-22.
- 10) Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: дисс. ... к.ю.н. - Иркутск, 2009. – С. 117.
- 11) Донцов Д.С. Роль гражданско-правовых норм в регулировании общественных отношений по клинической трансплантации: дисс. ... к.ю.н. - Краснодар, 2011. – С. 69.
- 12) Кудашова Т.Г. Признание органов и тканей человека объектами гражданского права: за и против // Известия ОГАУ. - 2012. - №35-1. – С. 268-270.
- 13) Малеина М.Н. Право индивида на телесную (физическую) неприкосновенность // Государство и право. - 1993. - №4. - С. 97.

УДК 343.35

Сасновский Владислав Вадимович,
студент 4 курса ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: sasnovsky@bk.ru

КОРРУПЦИЯ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of fighting corruption in the customs sphere. The author examines the causes of corruption and the main directions of combating corruption in the customs authorities of the Republic of Belarus.

Keywords: corruption, anti-corruption, customs, anti-corruption measures.

Коррупция – это болезнь, которая представляет угрозу для национальной безопасности посредством существенного торможения социально-экономического развития государства. Размер коррупции по всему миру исчисляются триллионами долларов. Большинство стран борются с коррупцией из-за ее негативных последствий, таких как бедность, худший доступ к образованию и здравоохранению, дискредитирует рыночные механизмы конкуренции и борьбы с монополизмом в экономике, возникает неуважение к закону.

При анализе причин и условий, способствующих возникновению и росту коррупции невозможно обойтись без статистики по данному вопросу. Одним из авторитетных источников является рейтинг Transparency International: **The Corruption Perceptions Index**. В 2018 году исследование охватило 180 государств и юрисдикций. Согласно исследованиям этой организации, страной с самым низким уровнем коррупции является Дания, занявшая 1 место в данном рейтинге. В то время как Республика Беларусь по степени распространения коррупции среди государственных служащих и политиков занимает 70 место и разделяет данную позицию с такими государствами, как Ямайка и Соломоновы острова. Российская Федерация занимает 138 место в данном рейтинге [5].

Не стоит доказывать тот факт, что коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами, подрывают доверие народа к государственной власти, препятствуют нормальному функционированию органов государственной власти и управления, подрывают доверие граждан к властным структурам, по этой причине борьба с коррупцией является центральным звеном внутренней политики любого правового государства, в том числе Республики Беларусь [2, с. 39].

Основным нормативно-правовым актом в области борьбы с коррупцией в Беларуси является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией». Согласно ст. 3 закона, субъектами коррупционных правонарушений являются государственные должностные лица; лица, приравненные к государственным должностным лицам; иностранные должностные лица; лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц [4].

Принимая во внимание, что таможенные органы занимают важную роль в пополнении государственного бюджета, а также в обеспечении государственной безопасности, осуществляя контроль перемещаемых через таможенную границу товаров и транспортных средств, появление коррупции в таможенных органах несомненно нанесут серьезный ущерб политической и экономической стабильности в государстве.

Субъектом борьбы с коррупцией выступает Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, на которого возложено обеспечение экономической безопасности и экономических интересов государства.

Работы по противодействию коррупции должны проводиться постоянно, а также должны применяться новые методы воздействия в рамках поощрения антикоррупционного поведения должностных лиц и наказания в случаях нарушений.

Совершая коррупционное преступление, лицо, дающее взятку и лицо, берущее взятку помимо нарушения закона, также подрывают уважение к органам государственной власти в глазах граждан. Понимая, что наиболее быстро и эффективно «решает» вопросы тот, у кого больше денежных средств и полезных знакомств, граждане начинают терять веру в действенность и эффективность государственных органов.

В случае начисления высоких таможенных платежей, участники внешнеэкономической деятельности стараются уменьшить уплачиваемую сумму таможенных платежей путем искажения данных о товаре, таможенной стоимости, весе, количестве товаров и так далее. Пытаются склонить должностное лицо таможенных органов к сотрудничеству, а именно к оказанию содействия путем выплаты денежного вознаграждения. Таким образом решать проблемы с таможней для участников внешнеэкономической деятельности экономически выгодно, но для экономической безопасности государства это серьезная проблема в связи с непоступлением значительной суммы в государственный бюджет [3].

Огромный экономический ущерб, возникающий в результате неправомерных действий таможни, усложняются обширными дискреционными полномочиями, которыми наделены низкооплачиваемые таможенные служащие.

Таможенные органы осуществляют свои функции на территориально разрозненных, удаленных постах, работающих круглосуточно и имеющих относительно небольшую численность таможенных служащих. В данных условиях эффективный контроль за действиями таможенных постов или отдельных служащих становится проблематичным, а скорее даже невозможным. Тем самым проявляется риск распространения коррупционных сетей – известны случаи, когда коррупционная схема охватывала отдел таможенного оформления и контроля целиком.

Служащий таможенных органов, попадающий в коррумпированный отдел, по понятным причинам не может отказаться от участия в противоправных схемах – он подвергается давлению со стороны своего непосредственного начальника и коллектива, и отказ поставит под угрозу его личное благосостояние. Контроль, проводимый за деятельностью удаленных постов через центральные и региональные подразделения оказывается малоэффективным, если не прилагаются систематические усилия для выявления и устранения причин коррупции.

К сожалению, во многих странах прямые контакты между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности являются нерешенной проблемой. Даже современные, весьма сложные процедуры таможенного оформления не полностью исключают прямой контакт при таможенном досмотре товаров. Главный риск, что таможенный досмотр проводится не группой таможенных служащих, а лишь одним – особенно на небольших постах. Такая ситуация создает благоприятную обстановку для взяточничества.

Однако не все факты коррупции на границе связаны с таможенными структурами. Большинство граждан не различает таможенников от пограничников. Кроме того, участники внешнеэкономической деятельности нередко путаются в том, какая структура отвечает за тот или иной этап контроля, особенно, когда возникает необходимость в параллельном согласовании. Поскольку таможня является самым заметным государственным ведомством на границе, ее часто обвиняют в коррупционных действиях, которые в действительности совершают сотрудники других служб. При ввозе в ЕАЭС товаров наземным транспортом помимо таможенного оформления предусматривает участие пограничников, санитарно-эпидемиологического и ветеринарного контроля. В связи с этим любая программа, направленная на упрощение процедур международной торговли и сокращение коррупции,

должна акцентировать внимание на работе не только таможенных органов, но и всех структур в целом и на устранении коррупционных рисков в каждой из них.

Кадровая политика является еще одним важным фактором, который существенно влияет на уровень проявления взяточничества у работников таможни. Многое зависит от того, как требовательно и справедливо ведется подбор кандидатов для приема в ряды таможенников. Работа в таможне является «лакомым кусочком» для взяточника, а именно появляется возможность для вымогательства, порой должности попросту продают заинтересованным лицам, намеревающимся использовать служебное положение для извлечения личной выгоды.

Совсем другая проблема – адекватность заработной платы таможенных служащих. Если заработная плата служащего таможни колеблется у отметки прожиточного минимума, он вряд ли устоит перед соблазном получить взятку, чтобы удовлетворить свои потребности и своей семьи. Разница между заработной платой и потенциальным коррупционным доходом всегда будет значительно отличаться. В связи с этим, важную роль выполняет государственный аппарат, который может быстро и адекватно реагировать на выявленные факты коррупции [1, с. 465].

Таким образом, успех стратегии по борьбе с коррупцией и укреплению чистоты таможенных рядов зависит от доверительных отношений и прозрачности работы таможенных органов с участниками внешнеэкономической деятельности. Участники внешнеэкономической деятельности напрямую должны быть заинтересованы в повышении профессиональной честности таможенных служащих, так как они способны оказать значительную поддержку соответствующим инициативам. Налаживание обратной связи через периодические опросы или регулярные встречи руководителей таможни с представителями частного сектора позволяет контролировать эффективность антикоррупционной стратегии, выявлять тенденции и проблемные участки.

В таможенных органах постоянно имеются предпосылки для коррупции, по этой причине время от времени в антикоррупционные мероприятия следует вносить поправки. Успехи в борьбе с коррупцией зависят от способности соответствующих ведомств строго ограничивать коррупционные возможности, выявляя и систематически ликвидируя факторы риска коррупционных проявлений. Помимо этого, следует разрабатывать соответствующие системы поощрения, снижающие заинтересованность таможенных органов в получении незаконной прибыли. Последовательность усилий правительства по реализации антикоррупционных реформ – неотъемлемое требование, без которого невозможно достичь даже минимальных результатов в борьбе с коррупцией на государственном, ведомственном и индивидуальном уровне.

Библиография:

1. Кампос, Э. Многоликая коррупция : Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / Под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана; Пер. с англ. — М.: Альпина Пабlishерз, 2010. — 551 с.
2. Кийко, Н. В., Терещенко, Т. Г. Антикоррупционная политика и законодательство Республики Беларусь // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. №1. С. 39-45.
3. Муравицкий, А. А. Коррупция в таможенных органах : причины и возможные методы предупреждения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/antikorrupsionnaya-politika-i-zakonodatelstvo-respubliki-belarus/>. — Дата доступа: 11.01.2020.
4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

5. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info/>. – Дата доступа: 11.01.2020.

УДК: 341.1

Логимахова Елизавета Сергеевна
магистрант юридического факультета ГрГУ им. Я. Купалы
г.Гродно, Республика Беларусь
E-mail: lizabelosip@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of labor migration within the framework of the Eurasian Economic Union. Labor migration is one of the most important fields of the economy of any state. Thus, the main provisions of normative legal acts are considered in this area. The specifics of the statute of migrant workers of the EAEU are also disclosed. The main advantages of migrant workers from the EAEU are presented as well.

Keywords: legal regulation, labor migration, the treaty establishing the Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Union.

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее - Договор о ЕАЭС), открывающий новые многосторонние перспективы для сотрудничества его государств-членов, вступил в силу 1 января 2015 года. Евразийский экономический союз представляет собой активно развивающееся интеграционное объединение, одним из направлений сотрудничества которого является построение и развитие общего рынка труда между государствами-участниками данного объединения, в частности, между Республикой Беларусь, Российской Федерацией, Республикой Армения, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой. С 1 января 2015 года, как указано на официальном сайте ЕАЭС, на территориях Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики России функционирует общий рынок труда, а также реализована свобода передвижения рабочей силы [1].

С заключением и вступлением в силу Договора о ЕАЭС граждане государств-членов ЕАЭС имеют возможность практически беспрепятственно осуществлять трудовую деятельность на территории любого из государства-члена ЕАЭС. Процесс формирования общего (единого) рынка, согласно положениям Договора о ЕАЭС, осуществляется на основании четырех свобод, в частности, к ним относятся свобода передвижения товаров, свобода движения услуг, свобода передвижения трудовых ресурсов и свобода движения капитала. Непосредственно сам общий (единый) рынок, его создание и функционирование открывает ряд возможностей для государств-членов ЕАЭС.

Миграция рабочей силы на сегодняшний день является достаточно распространенным мировым явлением, одним из условий нормальной жизнедеятельности общества. Процессы трудовой миграции имеют многонаправленный характер.

На сегодняшний день нет единой дефиниции термина «трудовая миграция». Под миграцией (от лат. «migratio» - переселение), как правило, понимается своеобразная подвижность населения; мобильность, совокупность механических, профессиональных и отраслевых перемещений человека в пространстве [2, с.8].

Многие международные договоры при этом не затрагивают напрямую само понятие «трудовой миграции», а содержат лишь дефиницию «трудоустроенного-мигранта», «трудовой деятельности», «рабочей силы», не определяя при этом в полной мере ни признаков трудовой миграции, ни признаков трудоустроенного-мигранта, ни признаков трудовой

деятельности. В частности, к международным договорам, регулирующим так или иначе сферу трудовой миграции, можно отнести Конвенцию ООН «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей», Европейскую конвенцию № 93 «О правовом статусе трудящихся-мигрантов, Рекомендацию Международной организации труда № 86 «О трудящихся-мигрантах» и некоторые другие международные договоры. Договор о ЕАЭС также не содержит определение термина «трудовая миграция».

Так, согласно положениям Конвенции ООН «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей», под «трудящимся-мигрантом» понимается «лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является» [3]. В другой Рекомендации Международной организацией труда под «работником-мигрантом» понимается «лицо, которое с целью найма на работу мигрирует из одной страны в другую иначе, чем за свой собственный счет; он применяется ко всякому лицу, законно допущенному в качестве работника-мигранта» [4].

В договоре о ЕАЭС трудящийся государства-члена определяется как «лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает». Как видно из данного определения, большее внимание уделяется законности пребывания. Под трудовой деятельностью в праве ЕАЭС понимается «деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемая на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства» [5].

При этом ученые-правоведы, давая определения трудовой миграции в своих учебных пособиях, научных статьях, вкладывают в данный термин различный смысл, однако все же неизменным остается тот факт, что трудовая миграция формируется на стыке отношений непосредственно между трудящимся-мигрантом, то есть, субъектом, и работодателем (нанимателем).

Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что формирование общего рынка труда занимает достаточно длительное время и включает в себя несколько этапов, так как это довольно сложный интеграционный процесс. Так, например, процесс формирования общего рынка труда в странах Европейского Союза занял больше десятилетия, а общий рынок труда стран СНГ до сих пор еще не сформирован. Необходимо также отметить и то, что государства-участники ЕАЭС обладают необходимым и демографическим, и трудовым потенциалом для построения единого рынка, также созданы и иные благоприятные условия для перехода к единому рынку, в частности, к таким условиям можно отнести, например, предоставление социальной защиты и иные.

Правовые основы сотрудничества в сфере трудовой миграции содержатся в разделе XXVI «Трудовая миграция» Договора о ЕАЭС (ст.96-98), положения которого в целом стали базисом для взаимодействия в сфере труда. Данный раздел посвящен сотрудничеству государств-членов в сфере трудовой миграции, трудовой деятельности трудящихся государств-членов, а также их правам и обязанностям.

Так, согласно п.1 ст.96 Договора о ЕАЭС, «государства-члены осуществляют сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах». Согласно п. 2 ст. 96 Договора о ЕАЭС, сотрудничество государств-членов в данной сфере осуществляется путем взаимодействия компетентных государственных органов государств-членов ЕАЭС. Непосредственно конкретные формы сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере трудовой миграции конкретизируются в п.3 ст. 96 Договора о ЕАЭС.

В целом положения Договора о ЕАЭС, как-то: свобода осуществления трудовой деятельности на территориях государств-членов ЕАЭС; предоставление трудящимся государств-членов ЕАЭС национального правового режима при осуществлении ими своих трудовых прав; возможность работать как по трудовому, так и по гражданско-правовому договору на территории государств-членов ЕАЭС; предоставление социального обеспечения, медицинского обслуживания для трудящихся государств-членов; прямое признание документов об образовании; и другие - значительно расширяют сферы возможного трудоустройства трудящихся-мигрантов государств-членов ЕАЭС.

Согласно п. 1 ст. 97 Договора о ЕАЭС, трудовая деятельность, связанная с привлечением граждан государств-членов ЕАЭС, осуществляется работодателями и (или) заказчиками работ (услуг) государства трудоустройства без учета ограничений по защите национального рынка труда, а трудящимся-мигрантам при этом не требуется получения разрешений на осуществление трудовой деятельности на территориях государств-членов ЕАЭС.

Однако, несмотря на то, что Договор о ЕАЭС включает в себя целый ряд положений, обеспечивающих свободу передвижения граждан при осуществлении ими трудовой деятельности и членов их семей внутри государств-членов ЕАЭС, данные положения носят всё же общий характер и нуждаются в более детальной конкретизации. Пробелом в правовом регулировании трудовой миграции в праве ЕАЭС является также практически полное отсутствие норм по вопросу о трудовой миграции граждан третьих стран.

Другими нормативно-правовыми актами, регулирующими сферу трудовой миграции и в целом миграционной политики ЕАЭС, являются Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей (Приложение №30 к Договору о Евразийском экономическом союзе); Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств; Рекомендация Коллегии ЕЭК «О заключении двусторонних международных договоров в сфере миграции между государствами-членами Евразийского экономического союза» от 25 октября 2016 года № 18; и другие.

Кроме того, сферу трудовой миграции регулируют и многочисленные международные соглашения между государствами-членами, в частности, к ним относятся Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о реадмиссии от 11 октября 2012 года; Соглашение между Республикой Казахстан и Республикой Беларусь от 4 октября 2013 года О порядке пребывания граждан Республики Казахстан на территории Республики Беларусь и граждан Республики Беларусь на территории Республики Казахстан; и многие другие.

Данные нормативно-правовые акты посвящены различным вопросам в сфере трудовой миграции и миграционной политике.

Так, например, «Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей» к Договору о ЕАЭС предоставляет возможность оказания бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) трудящимся и членам их семей независимо от наличия медицинского страхового полиса, а также медицинской эвакуации в целях спасения и сохранения здоровья пациента. Нормы данного протокола также предусматривают возмещение затрат медицинской организации на оказание скорой медицинской помощи трудящимся государствам-членам и членам их семей за счет бюджета государства трудоустройства [6].

Согласно ст. 3 Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств, стороны осуществляют взаимодействие по двум основным направлениям: разработка и реализация согласованной политики по противодействию нелегальной трудовой миграции; осуществление согласованных мер в

отношении нелегальных трудящихся-мигрантов, физических и юридических лиц, организующих и/или оказывающих содействие нелегальной трудовой миграции [7].

Кроме того, в рамках ЕАЭС была учреждена Евразийская экономическая комиссия, являющаяся постоянно действующим наднациональным органом ЕАЭС и состоящая из Совета Комиссии и Коллегии Комиссии. Вопросы трудовой миграции в рамках Евразийской экономической комиссии относятся к компетенции Департамента трудовой миграции и социальной защиты.

Отделом трудовой миграции, являющимся одним из органов Департамента трудовой миграции и социальной защиты наряду с отделом трудовых ресурсов и отделом социальной защиты, осуществляется обнаружение и устранение препятствий при свободном передвижении рабочей силы на территории государств-членов ЕАЭС; мониторинг и контроль хода реализации государствами-членами Договора о ЕАЭС и других нормативно-правовых актов в сфере трудовой миграции; мониторинг разработки запланированных двусторонних договоров; организация и проведение заседаний Консультативных комитетов и рабочих групп по вопросам трудовой миграции; также проводятся мероприятия, обеспечивающие информированность трудящихся государств-членов путем публикаций в СМИ, презентаций на международных конференциях и т.д. В сфере трудовой миграции также был учрежден Консультативный комитет по миграционной политике.

Евразийская экономическая комиссия также взаимодействует с различными международными организациями в сфере трудовой миграции, в частности, с Международной организацией по миграции, являющейся ключевым учреждением в сфере трудовой миграции, Международной организацией труда (специализированное учреждение ООН), Всеобщей конфедерацией профсоюзов и другими. Евразийская экономическая комиссия также имеет статус наблюдателя в Совете руководителей миграционных органов государств – членов Содружества Независимых Государств.

Таким образом, Договор о ЕАЭС включает общие положения в сфере трудовой миграции, которые конкретизируются и развиваются в иных нормативно-правовых актах, в том числе и в так называемых специальных актах, принимаемых в рамках ЕАЭС.

Библиография:

1. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-01-2015-1.aspx>. – Дата доступа : 09.01.2019.
2. Балашова Т.Н. Конституционно-правовые проблемы формирования миграционной политики //Монография. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. 291с.
3. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [Электронный ресурс] : [заключена 18.12.1990 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Рекомендация Международной организации труда (МОТ) N 86 «О трудящихся-мигрантах» [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 01.07.1949 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176>.
6. Приложение № 30 к Договору о Евразийском экономическом союзе «Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей» [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176>.
7. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств [Электронный ресурс] : [заключено в г. Санкт-Петербург 19.11.2010 г.]

// Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 339.5

Тицкая Нэлла Ярославовна,
студентка 4 курса ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: tickaya1999@mail.ru

**ПОРЯДОК ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ТОВАРОВ ДЛЯ
ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ, ПОДПАДАЮЩИХ ПОД ДЕЙСТВИЕ КОНВЕНЦИИ
СИТЕС**

Abstract. The article investigates the procedure for the movement by individuals of goods for personal use that are subject to the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES).

Keywords: goods for personal use, CITES, international trade, endangered species, international environmental agreements, the customs authorities

В настоящее время таможенными органами любой страны приходится сталкиваться с решением задач в самых различных сферах жизнедеятельности человека. Не последнее место в сфере таможенной деятельности занимает природоохранный аспект. Каждый день на Земле исчезают десятки видов растений и животных. Один из способов борьбы за сохранение биоразнообразия – это охрана редких и исчезающих видов растений и животных. На особом контроле таможенных органов находится перемещение через таможенную границу растений и животных, находящиеся под угрозой исчезновения.

Незаконный торговый оборот объектов животного и растительного мира, привел к необходимости подписания Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (далее – Конвенция СИТЕС), которая была подписана 3 марта 1973 года в Вашингтоне. На данный момент под текстом Конвенции подписались около 180 государств. Республика Беларусь присоединилась к Конвенции СИТЕС 20 января 1994 года.

Свыше 33 тыс. видов дикой флоры и фауны, торговля которыми должна находиться под контролем таможенных и других правоохранительных органов, разделены в трех приложениях к Конвенции СИТЕС в порядке степени их защиты.

Приложение I Конвенции СИТЕС содержит виды, которые находятся под угрозой исчезновения в результате торговли. Приложение II Конвенции СИТЕС содержит виды, которые необязательно находятся под угрозой исчезновения, но, торговля которыми должна контролироваться во избежание будущей угрозы исчезновения. Приложение III Конвенции СИТЕС содержит виды животных и растений, которые находятся под защитой хотя бы в одном государстве-участнике Конвенции СИТЕС. Любой вид диких животных и растений может быть, как включен в любое из трех приложений, так и исключен или перенесен [1].

Положения данной Конвенции реализуются путем согласованных международных процедур по контролю объектов СИТЕС, включенных в список редких и исчезающих видов флоры и фауны, торговлю которыми необходимо регулировать, в целях минимизации ущерба популяциям. Как правило, такие мероприятия включают в себя выдачу разрешений установленного образца, в соответствии с которыми осуществляются операции экспорта и (или) импорта.

Разрешение на импорт требуется для Приложения I и не требуется для Приложения II (если иное не установлено национальным законодательством). Разрешение на экспорт

требуется для вывоза образцов из Приложений I и II и для экспорта особей из Приложения III. Разрешение на импорт выдается сроком до 1 года и носит разовый характер, а разрешение на экспорт выдается сроком до 6 месяцев (срок может быть сокращен) и также носит разовый характер [1].

Порядок перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) товаров для личного пользования регламентируется, как законодательством ЕАЭС, в частности Таможенным кодексом ЕАЭС и Решением Совета Евразийской экономической комиссии № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования», так и законодательством государств-членов ЕАЭС. В Республике Беларусь таким нормативно-правовым актом является Указ Президента Республики Беларусь от 21.07.2014 г. № 360 «О перемещении через таможенную границу ЕАЭС в Республику Беларусь товаров для личного пользования».

К товарам для личного пользования, перемещаемым через таможенную границу, не применяются меры нетарифного и технического регулирования. Однако, в отношении товаров для личного пользования, перемещаемых через таможенную границу, могут применяться ветеринарные, фитосанитарные и иные виды контроля. Кроме того, в отношении указанных товаров могут применяться запреты и ограничения.

Мировая торговля является одним из факторов того, что некоторые виды растений и животных находятся под угрозой исчезновения. Поэтому ввоз и вывоз таких растений и животных на территорию Республики Беларусь физическими лицами регулируется особыми правилами, устанавливаемыми на национальном и наднациональном уровне.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» ввоз на территорию Республики Беларусь и (или) вывоз диких животных и дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, а также, подпадающим под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры СИТЕС, находящимися под угрозой исчезновения осуществляется в соответствии международно-правовыми актами ЕАЭС, законодательством о таможенном регулировании и законодательством о внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь [2].

В рамках ЕАЭС, принят ряд актов, которые регулируют перемещение рассматриваемых объектов. Так, Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования», утвержден Перечень товаров, в отношении которых установлен разрешительный порядок ввоза на таможенную территорию ЕАЭС и (или) вывоза, данный перечень устанавливает Единый перечень видов дикой фауны и флоры, подпадающие под действие Конвенции СИТЕС, а также перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких живых животных и дикорастущих растений, включенные в красные книги государств - членов ЕАЭС [3].

На национальном уровне перемещение объектов подпадающих под действие Конвенции СИТЕС осуществляется в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.09.2008 г. №1397 «О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через Государственную границу Республики Беларусь». Данное постановление утверждает Положение о порядке и условиях выдачи Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды разрешений на перемещение через Государственную границу Республики Беларусь видов животных и растений, их частей или производных от них (дериватов), подпадающих под действие Конвенции СИТЕС, ограниченных к перемещению через Государственную границу Республики Беларусь по основаниям неэкономического характера [4].

Перемещение физическими лицами для личного пользования товаров, подпадающие под действие Конвенции СИТЕС, допускается при наличии разрешительного документа,

выдаваемого уполномоченным органом Республики Беларусь – Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Для получения разрешения СИТЕС физическое лицо должно подать в Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды заявление и иные необходимые документы. Решение принимается Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды в течение 1 месяца, и такое разрешение выдается бесплатно [4].

Разрешение СИТЕС оформляется в пяти экземплярах на соответствующих бланках в соответствии с Конвенцией СИТЕС. Три экземпляра вручаются физическому лицу для совершения таможенных операций в отношении указанных в них образцов СИТЕС при их прибытии на таможенную территорию ЕАЭС в Республике Беларусь [4].

Случаи незаконного перемещения через таможенные границы диких животных и растений не редки. Несмотря на усилия международного сообщества по сохранению биоразнообразия, в мире стремительно сокращается численность редких видов флоры и фауны.

Таким образом, таможенные органы играют важнейшую роль по пресечению действий, нарушающих Конвенцию СИТЕС, они пресекают незаконный оборот через таможенную границу видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, их частей и дериватов, а также способствуют законной торговле такими товарами. К примеру, в 2017 году благодаря работе сотрудников Гродненской региональной таможни в пассажирском поезде Калининград – Москва были обнаружены два белогорлых варана, которые перемещались контрабандой. Было выяснено, что обнаруженные животные обитают в Африке и находятся под защитой Приложения II Конвенции СИТЕС. Животные были переданы в зоопарк г. Гродно.

Библиография:

1. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] : [заключена в г. Вашингтон, 13 апреля 1973 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml - Дата доступа: 06.12.2019.
2. Об охране окружающей среды [Электронный вариант] : Закон Респ. Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О мерах нетарифного регулирования [Электронный вариант] : Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 21 апреля 2015 г., №30 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через Государственную границу Республики Беларусь [Электронный вариант] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 сентября 2008 г., №1397 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 327.82

Ю.Ю. Сильванский

студент 4 курса Исторического факультета (направления подготовки
«Международные отношения»), ГОУ ВПО

«Донецкий национальный университет»,

г. Донецк

E-mail:mr.miloslavskiy@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА М. ТЭТЧЕР

Abstract. the paper analyzes the impact of the pragmatic and tough policies of the British Prime Minister on the political processes of Great Britain, the author reveals the tasks and principles of conducting domestic and foreign policies Margaret Thatcher. It is revealed how the political maneuvers of politics influenced the domestic and foreign policies of the British state. An analysis of the positive and negative aspects of the policy of M. Thatcher was carried out.

Keywords: international relations, Great Britain, domestic policy, foreign policy, political processes.

История становления Маргарет Тэтчер как премьер – министра Великобритании имеет долгую и сложную историю. Взлеты и падения, успехи и скандалы, но все эти трудности послужили замечательной основой для развития и становления политика.

Через два года после окончания колледжа М. Тэтчер сделала первую заявку на государственную должность. Она баллотировалась в качестве консервативного кандидата на парламентское место в Дартфорде на выборах 1950 года. М. Тэтчер с самого начала знала, что у либерально-Лейбористской партии почти невозможно отвоевать эту должность. Тем не менее, своими речами она заслужила уважение своих коллег по политической партии. Потерпев поражение, М. Тэтчер оставалась неустрашимой, пытаясь снова на следующий год, но снова ее усилия оказались безуспешными. Через два месяца после потери она вышла замуж за Дениса Тэтчера [4].

В 1952 году М. Тэтчер отложила политику на второй план, чтобы изучать право. Позже, она получила квалификацию барристера в 1953 году. Но будущая баронесса не оставалась в стороне от политической арены слишком долго. М. Тэтчер получила место в Палате общин в 1959 году, представляя Финчли [3, с. 173-187].

Явно, будучи на подъеме, М.Тэтчер была назначена парламентским заместителем министра по пенсиям и Национальному страхованию в 1961 году. Когда Лейбористская партия взяла под свой контроль правительство, она стала членом, так называемого теневого кабинета, группы политических лидеров, которые занимали бы посты на уровне Кабинета, если бы их партия была у власти.

Когда консерваторы вернулись к власти в июне 1970 года, М. Тэтчер была назначена госсекретарем по вопросам образования и науки и получила прозвище "Тэтчер, похитительница молока" после отмены всеобщей программы бесплатного школьного молока [2, с. 190]. Ее положение расстраивало не столько из-за плохой прессы вокруг ее действий, сколько из-за того, что она с трудом заставляла премьер-министра Эдварда Хита прислушиваться к ее идеям. Казалось бы, разочарованная будущим женщин в политике, М. Тэтчер была процитирована: "я не думаю, что в моей жизни будет женщина-премьер-министр ", во время телевизионного выступления 1973 года.

Маргарет Тэтчер вскоре доказала, что ошибалась. В то время как консервативная партия потеряла власть в 1974 году, М. Тэтчер стала доминирующей силой в ее политической партии. Она была избрана лидером Консервативной партии в 1975 году. С этой победой М. Тэтчер стала первой женщиной, которая стала лидером оппозиции в Палате

общин. Англия переживала период экономических и политических потрясений, когда правительство было на грани банкротства, занятость росла, а профсоюзы вступали в конфликты. Эта нестабильность помогла вернуть консерваторов к власти в 1979 году. Как лидер партии, М. Тэтчер вошла в историю в мае 1979 года, когда она была назначена первой женщиной-премьер-министром Великобритании. Данное событие перевернуло всю мировую общественность, так как до этого в Великобритании, в одном из самых консервативных государств, произошли изменения в государственном аппарате, в которых впервые за всю историю страны женщина стала премьер – министром [6, с. 413].

Будучи премьер-министром, М. Тэтчер боролась с рецессией в стране, первоначально поднимая процентные ставки для контроля инфляции. Больше всего она была известна тем, что разрушила традиционные отрасли промышленности Великобритании, совершив сокращение кадров в профсоюзных организациях, такие как профсоюз шахтеров, и за массовую приватизацию социального жилья и общественного транспорта. Одним из ее верных союзников был президент США Рональд Рейган, тоже консерватор [8, с. 73-76]. Отношения между американским президентом и британским премьер – министром были весьма значимы для Великобритании, так как Маргарет Тэтчер считала, что ЕЭС не может дать того, чем обладает американское государство.

Тэтчер столкнулась с военным вызовом во время своего первого срока. В апреле 1982 года Аргентина вторглась на Фолклендские острова. Эта британская территория долгое время была источником конфликта между двумя странами, так как острова расположены у побережья Аргентины. Предприняв быстрые действия, М. Тэтчер отправила британские войска на территорию, чтобы отбить острова в так называемой Фолклендской войне. Аргентина сдалась в июне 1982 года.

Во время своего второго срока, с 1983 по 1987 год, М. Тэтчер справилась с рядом конфликтов и кризисов, самым неприятным из которых, возможно, было покушение на нее в 1984 году [7, с. 27]. В заговоре армии Ирландской Республики она должна была погибнуть от бомбы, заложенной на конференции консерваторов в Брайтоне в октябре. Неустрашимая и невредимая, М. Тэтчер настояла на том, чтобы конференция продолжилась, и произнесла речь на следующий день.

Что касается внешней политики, М. Тэтчер встречалась с советским лидером Михаилом Горбачевым в 1984 году. В том же году она подписала соглашение с китайским правительством относительно будущего Гонконга. Публично Маргарет Тэтчер высказалась в поддержку воздушных налетов Рональда Рейгана на Ливию в 1986 году и разрешила американским войскам использовать британские базы для проведения атаки [1, с. 7 – 12].

В целом, за годы присутствия на посту Премьер-министра Великобритании, Маргарет удалось успешно завершить военную операцию на Фолклендских островах, подписала в 1984 году в Пекине объединённую китайско-британскую декларацию, по которой было выражено согласие о передаче суверенитета Гонконга Китаю в 1997 году, а также завершила «холодную войну» с СССР. К своим личным достижениям, Железная Леди относит также распад Советского Союза, что долгое время было «голубой мечтой» М. Тэтчер [5].

В то же время ее популярность продолжала стремительно падать на фоне ее непопулярных реформ и решений, к примеру, на это очень повлияло форсирование сроков присоединения Великобритании к единой европейской валюте, а в частности и из-за разногласий внутри партии. Так же немаловажным является факт инакомыслия Маргарет Тэтчер по отношению политике Великобритании. Зачастую, интересы премьер – министра и правительства имели весьма разные направления и ориентиры. Британская королева хоть и пыталась бороться с упорным норовом баронессы, но последующие решения проблем отнимали много времени и средств.

Все это, в конечном итоге, привело к тому, что в 1990 году, после аудиенции у Королевы, Маргарет все же оставила пост. Своё смещение с должности она посчитала

предательством, из-за чего в 1992 году она и вовсе покинула Палату общин. Для британской баронессы это было весьма серьезным ударом, но глядя на ее политический рейтинг в последние годы ее правления, можно осознать, что отставка являлась вопросом времени. Политика М. Тэтчер более не могла соответствовать нынешним реалиям, а у британского правительства были далеко идущие планы в улучшении отношений с ЕЭС и Европой в целом.

Маргарет Тэтчер имела долгую и весьма сложную политическую карьеру, но несмотря на все трудности, она смогла возвысить Великобританию в пантеон ведущих государств двадцатого столетия, выведя свое государство из тяжелейшего экономического кризиса [1, с. 7 – 12].

Подводя итоги, стоит отметить, что став первой женщиной – премьер – министром Великобритании, Маргарет Тэтчер доказала, что она может вершить политику Британии не хуже любого мужчины. Для многих женщин ее избрание стало едва ли не личной победой в гендерных отношениях. Самоотверженность в политических вопросах, ярый патриотизм, нестигаемая сила воли и на редкость необъятная выдержка – это малый список качеств, которыми обладала Маргарет Тэтчер. Она была голосом Британии, а значит, голосом одного из ведущих государств столетия.

Список литературы

1. Бунькова Л.А. Опыт социального реформирования консервативных правительств Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора в Великобритании. // Вестник Нижневартского государственного университета. – 2008. – №3. – с. 7 – 12.
2. Галкин А.А. Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. // Наука. 1987. – 190 с.
3. Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. - 2007. - №2. - с. 173-187.
4. Маргарет Тэтчер – противоречивый двуликий деятель истории. // ИАЦ. URL: <http://inance.ru/2015/10/margaret-thatcher/> (дата обращения: 09.12.2019)
5. Павлов С.Ю. Маргарет Тэтчер про развал СССР. // Страна. URL: <http://www.contrtv.ru/common/2025> (дата обращения: 09.12.2019)
6. Терновая Л.О. Гендерное измерение международных отношений и внешней политики. // Внешняя политика: вопросы теории и практики. М., 2009 – 413 с.
7. Тьеро Жан Луи. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов [пер. с фр.] 2010г. – 27 с.
8. Файн Б. Может ли быть “Народным капитализм”. // Проблемы мира и социализма. - М.: Правда. 1988. - №2. - с. 73-76.

УДК: 341.1/8

Шатоха Евгений Владимирович

магистрант юридического факультета Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
г. Новосибирск

E-mail: evgenyi.shatoha@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО, КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОТРАСЛИ МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА В РОССИИ

Abstract. this article analyzes the relationship between the sources of international law that determine the quality of medical care and the standards for the functioning of the life support system and healthcare in the world and the regulatory acts of Russian legislation that are part of a general industry area, defined as international medical law.

Keywords: international medical law, human rights, healthcare system, medical services.

Сегодня мир поглощен многочисленными проблемами, зачастую искусственно создаваемыми людьми в различных социальных сферах человеческой деятельности.

Система медицинского обеспечения и здравоохранения включает в себя обширный спектр услуг, где уже много лет, в силу недостаточного социального развития некоторых государств и множественности мнений относительно того, как медицина должна функционировать в принципе, нет единого стандарта в вопросе осознания качественности, доступности и, главное, достаточности оказания таких услуг. Вполне логично, что сложность преобразования в вопросе медицинского обслуживания граждан напрямую связана с общим состоянием социального благополучия, поэтому, во многих государствах, которые пока еще не встали крепко на ноги, эти задачи решаются скорее путем реагирования на обращения и жалобы, нежели посредством сознательного и осмысленного исполнения жизненно важных обязательств перед обществом.

И, тем не менее, часть из выше упомянутых проблем – есть продукт невежества, другая часть – следствие безразличия и халатности, но, ни одна из них не имеет к себе такого внимания как здравоохранение и медицинское обслуживание, и нередко приходится видеть, - к каким последствиям могут привести неверные действия в данном социальном направлении, и какую роль в этом вопросе играет своевременное правовое регулирование.

Стоит отметить, что сфера медицины обладает огромным ресурсом для развития, а отношения, которые складываются в области услуг поддержки здоровья, уже давно находятся во внимании мировой общественности. Ряд международных актов, среди которых Всемирная декларация прав человека, определяющая право человека на должный медицинский уход (ст.25) [2], Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, декларирующая право человека на получение достоверной информации о составе и качестве получаемой медицинской услуги (ст.5) [3], Европейская конвенция о правах человека и биомедицине [4], Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [5], и другие источники, свидетельствующие о масштабности и значимости рассматриваемой социальной области, составляют архитектуру международного медицинского права, и являются определяющими в части формирования курса правового регулирования для всех остальных стран.

В России, где многое изменилось после перехода от плановой экономики и классового подхода к организации свободного понимания, что же такое сфера услуг, стандарты и принципы, продекларированные в вышеуказанных международных актах, также нашли свое логичное отражение. В статье Конституции РФ прямо указано, что каждый гражданин и человек вправе рассчитывать не просто на охрану собственного здоровья и необходимую медицинскую помощь, но и на то, что социальная услуга будет оказана на безвозмездной основе. При этом главным законом определяется, что политика России целиком и полностью направлена на формирование таких условий, в которых, помимо непосредственного формирования инфраструктуры медицинского обеспечения граждан, должны активно развиваться различные федеральные проекты и программы. Реализация таких проектов включает в себя комплекс мер, направленных на создание условий к развитию не только государственной и муниципальной служб медицинского обслуживания, но и протекции в вопросе создания частной системы здравоохранения, которая может вносить разнообразие в указанную сферу и создавать необходимые условия для конкуренции и подъема качества.

Данная позиция дублируется во многих других актах, которые, так или иначе составляют правовую основу функционирования институтов медицинского права в России. Примером тому служит специальный закон «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах - участниках СНГ». [6] Данный нормативный правовой акт, с одной стороны, служит доказательством плотного сотрудничества в указанной сфере между бывшими странами советского государства и их взаимного и

согласованного обращения к тематике исследований в области медицины, с другой стороны, подтверждает роль влияния и необходимости имплементации положений таких международных актов как Международный кодекс медицинской этики Всемирной медицинской ассоциации (ВМА), Хельсинкская декларация ВМА [7], Конвенция о правах человека в биомедицине Совета Европы [8], Международное руководство по проведению биомедицинских исследований с участием человека (CIOMS), Руководство по качественной клинической практике Всемирной организации здравоохранения и рекомендациях ВОЗ комитета по этике, проводящего экспертизу биомедицинских исследований, и других важных источников международного медицинского права, в нормы отечественных источников, затрагивающих сферу исследований в области медицины в современной России.

Другим примером рецепции международных стандартов в определении развития рассматриваемого направления служит Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ [9], коррелирующий положения международных актов и источников российского законодательства в части предоставления человеку права на информацию о медицинской услуге (качество, последствия, угрозы и т.д.).

Таким образом, Россия, проводя курс активного развития направления качественных услуг в сфере медицинского обеспечения и здравоохранения, использует в процессе правового регулирования и формирования внутренней нормативной базы положения международных источников, тем самым распространяя действие стандартов международного медицинского права на внутренние общественные отношения.

Список используемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. 2014. N31. ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10.12.1998.
3. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека: принята 11.11.1997 Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2020).
4. Европейская конвенция о правах человека и биомедицине, принятая в Овьедо 04.04.1997. URL: <http://www.imbp.ru/BioEtika/Principles/Convention.html> (дата обращения: 10.01.2020).
5. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принятая путем аккламации 19.10.2005 на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180r.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).
6. Модельный закон о защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ (Принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005 Постановлением 26-10 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2006. N 37. С. 312 - 326.
7. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта" (Принята в г. Хельсинки в июне 1964 года на 18-ой Генеральной Ассамблее ВМА) (с изм. и доп. от октября 2013 года) // Декларация размещена на сайте Ассоциации организаций по клиническим исследованиям Доступ: <http://acto-russia.org>. (дата обращения: 10.01.2020).
8. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164) (Заклучена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2011. N 48. ст. 6724.

УДК: 341.932.32

Амирян Сусанна Сениковна
магистрант юридического факультета ГрГУ им. Я. Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: amiryan_susanna@mail.ru

**ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС**

Abstract. The article discusses the dispositiveness in the legal regulation of foreign economic activity. It analyzes the principle of autonomy of the will of the parties in the contracts, as well as the features of choosing the applicable law between the subjects of the Eurasian Economic Union in foreign economic activity.

Keywords: Principle of autonomy of will, private international law, Eurasian Economic Union, foreign economic activity, transaction, applicable law.

В результате накопления капитала произошёл переход локальных центров торговли в единый мировой рынок, окончательное формирование которого завершилось на рубеже XIX-XX веков, когда производство и торговля достигли высокого уровня. Развитие международных экономических связей, образование экономических, торговых, таможенных союзов, т.е. углубленная экономическая интеграция не только между некоторыми государствами, а между целыми регионами – основная тенденция современного экономического развития.

С развитием внешнеэкономических связей в законодательствах государств, а также в международно-правовых актах закрепился такой принцип как «автономия воли сторон» (*lex voluntatis*), под которой понимается возможность участников договора самостоятельно осуществлять выбор права, подлежащего применению к содержанию договора [1, с. 192].

Л.А. Лунц указывал, что принцип автономии воли надо понимать как одно из коллизионных начал действующего права данного государства. Автономия воли является не источником коллизионного права, а одной из коллизионных норм или одним из коллизионных институтов права, установленных внутренним правопорядком государства или его международным соглашением [2, с. 212].

Необходимо отметить, что диспозитивный метод, применяемый к международным коммерческим контрактам, зародился давно и постепенно развивался, так как правовое регулирование в области внешнеэкономических деятельности требовало унификации и гармонизации.

Сначала на международном уровне в универсальных соглашениях стали закрепляться нормы международного частного права: коллизионные привязки, в том числе принцип автономии воли сторон, а затем начали внедряться в законодательство многих стран. *Lex voluntatis* содержится в законах о международном частном праве Австрии, Польши, Венгрии, Турции и др., во многих странах данная формула закреплена в соответствующих разделах ГК.

В 1991 г. Институтом международного права было высказано мнение, что автономия воли сторон стала одним из фундаментальных принципов международного частного права.

Идея о возможности сторонами самостоятельно избрать применимое к их сделке право, впервые зародилась и была изложена ещё в середине XVI века известным французским юристом Ш. Дюмуленом [3, с. 207].

В дальнейшем принцип автономии воли сторон стал закрепляться в важных универсальных международных конвенциях, например, Кодексе Бустаманте. В Гагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров (движимых материальных вещей), 1955 года, в частности, в статье 2 сказано, что «Купля-продажа регулируется внутренним правом страны, указанной Договаривающимися сторонами...». В статье 7 Гагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986 года также закреплён данный принцип.

Несмотря на то, что последняя Конвенция в силу не вступила, их разработка сыграла важную роль, поскольку сформулированные в них положения, касающиеся принципа автономии воли сторон, определение применимого права к договору с использованием принципа тесной связи, способствовали сближению позиций различных государств при выработке общих подходов в дальнейшей работе по унификации коллизионных норм на международном уровне, а в последующем были восприняты при реформировании национального законодательства ряда стран [4, с. 193].

С появлением региональных международных организаций, объединяющих значительные группы государств, активное развитие получил процесс унификации коллизионных норм, регулирующих внешнеэкономические сделки [5, с. 66].

В рамках Европейского Союза к таким договорам можно отнести Римскую конвенцию о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 года, где принцип автономии воли закреплён в пункте 1 статьи 3 «Контракт регулируется правом, выбранным сторонами. Выбор должен быть выражен или указан с достаточной определенностью в условиях контракта или в обстоятельствах дела. По своему выбору стороны могут избрать применимое право как ко всему контракту, так и к его части...», в дальнейшем данная норма была имплементирована в регламент ЕС.

Государства-члены Евразийского экономического союза являются участниками важных соглашений о правовой помощи СНГ, в которых закреплён принцип автономии воли: Киевское соглашение от 20 марта 1992 года о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, в котором менее четко сформулирована «автономия воли» сторон, где во главу угла ставится коллизионная привязка «закон места совершения акта», однако стороны вправе предусмотреть иное право, применимое к определению их прав и обязанностей [6]; Минская конвенция от 22 января 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам; Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года.

Выбор применимого права допускается и нормативно-правовыми актами государств-членов ЕАЭС, в частности оно встречается в 1210 ГК Российской Федерации, 1284 ГК Республики Армения, 1112 ГК Республики Казахстан, 1198 ГК Кыргызской Республики.

«Автономия воли» сторон при выборе применимого права в отечественном законодательстве основывается на ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 1124 ГК РБ «Стороны договора могут при заключении договора или в последующем избрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору, если это не противоречит законодательству...», т.е. выбор применимого права осуществляется уже после возникновения спора, однако при передаче его на разрешение суда или арбитражного суда следует помнить о надлежащем оформлении данного условия, также стороны могут выбрать применимое право как для договора в целом, так и для некоторых частей [7];

Если стороны выбирают применимое право уже после заключения договора, то их соглашение о выборе права имеет обратную силу и считается состоявшимся с момента заключения самого договора. Само соглашение сторон в отношении выбора применимого права в плане его внешнего проявления должно быть явно выражено (непосредственно в тексте договора или отдельно) или должно прямо вытекать из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в совокупности. Вопрос о том, какому из этих способов отдать предпочтение, предоставляется контрагентам. Статья 1124 ГК не устанавливает пределов выражения сторонами автономии воли на выбор права конкретных государств в качестве применимого к соответствующим отношениям. Поэтому стороны могут избрать право любой страны для данной цели. Такой подход к пределам автономии воли сторон при выборе применимого права свойственен многим государствам. Однако в некоторых странах пределы автономии воли ограничиваются выбором не любой правовой системы, а только такой, которая имеет связь со сделкой, заключаемой сторонами [8, с. 93].

Избранное сторонами в качестве применимого иностранное право может быть и не применено из-за действия оговорки о публичном порядке, если в этом возникнет необходимость. Никаких исключений в отношении коллизионного принципа автономии воли не устанавливается.

В соответствии со статьей 1210 ГК Российской Федерации принцип автономии воли сторон выступает исходной коллизионной привязкой для регулирования договорных обязательств, включая международную куплю-продажу товаров. Согласно п. 1 ст. 1210 ГК РФ стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела (п. 2 ст. 1210 ГК РФ) [9].

Существуют различные способы достижения сторонами соглашения о выборе применимого права.

Основными из них являются: закрепление соглашения в тексте договора; подписание сторонами отдельного соглашения по вопросу выбора применимого права; ссылка сторон в соглашении на международный акт, содержащий предписание по вопросу выбора применимого права; достижение соглашения путем установления между сторонами практики подчинения своих отношений определенной правовой системе; обмен сторон документами, в т.ч. процессуального характера (исковым заявлением и отзывом (возражениями) на иск и т.п.). На допустимость достижения соглашения о выборе применимого права подобным способом указывалось, в частности, в п. 13 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» и неоднократно подтверждалось практикой международных коммерческих арбитражей [5, с. 66].

Согласно п. 3 ст. 1210 ГК РФ выбор права, подлежащего применению, сделанный после заключения договора, имеет обратную силу и считается действительным, без ущерба для прав третьих лиц и действительности сделки с точки зрения требований к ее форме, с момента заключения договора. Таким образом, последующее соглашение сторон о применимом праве может быть заключено и в суде/арбитраже при рассмотрении спора, но в любом случае до вынесения судом/арбитражем решения по существу спора [5, с. 67].

Существует еще один из аспектов автономии воли сторон, которому законодатель уделяет внимание, – это возможность сторон договора в соответствии с пунктом 4 статьи 1210 ГК РФ выбрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

Гражданский кодекс Республики Армении также содержит норму об «автономии воли», а именно в п.1 ст. 1284 сказано, что договор регулируется правом государства, выбранным соглашением сторон. Также указывается, что выбор применимого права может быть сделан сторонами в любое время, т.е. как при заключении договора, так и в последующем. Стороны могут договориться об изменении применимого к обязательствам права. Указывается, что применимое право можно выбрать как для внешнеторгового контракта в целом, так и для отдельных его частей [10].

Свобода выбора применимого права также содержится в статье 1112 ГК Казахстана. А в статье 1198 ГК Кыргызстана сказано, что договор регулируется правом страны, выбранным соглашением сторон, если иное не предусмотрено законом.

Из вышеуказанных положений следует, что данный принцип хорошо закрепился в законодательных актах государств-членов ЕАЭС, а также в региональных международных соглашениях, участниками которых являются государства-члены ЕАЭС.

Анализ гражданского законодательства позволяет вывести несколько классификаций соглашений о применимом праве. Классификация по способу выражения воли сторон - одна из них. В соответствии с нормами гражданского законодательства стран-участниц ЕАЭС: п. 2 ст. 1210 ГК РФ, ст. 1124 ГК Белоруссии, ч. 2 ст. 1112 ГК Казахстана, помимо прямо выраженной воли сторон подразумевается действительность совокупности обстоятельств дела, которая определенно следует из условий договора [3, с. 209].

Участникам коммерческих отношений международного характера необходимо при заключении контракта или же в процессе дальнейшего исполнения договора совершить выбор относительно применимого права к данному контракту четко и определённо. В противном случае, решение такого вопроса будет возложено на суд, принимая во внимание условия и обстоятельства заключения договора. Гражданские кодексы всех стран-участниц ЕАЭС дают возможность применять оба варианта выражения «автономии воли», т.е. соглашение сторон о выборе надлежащего применению права должно быть ясно выражено либо должно определённым образом следовать из условий договора.

Библиография:

1. Лебедев С. Н. Международное частное право: Учебник. В 3 т. / С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. – М: Статут, 2015. – 764 с.
2. Л. А. Лунц Курс международного частного права. Общая часть / Л. А. Лунц. – М: ЗАО «Юстицинформ», 2005. – 212 с.
3. Пожидаева, В. В. Особенности выбора права, применимого к отношениям между субъектами из стран ЕвразЭС в области внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс] / В. В. Пожидаева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vybora-prava-primenimogo-k-otnosheniyam-mezhdu-subektami-iz-stran-evrazes-v-oblasti-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti> – Дата доступа : 12.01.2020.
4. М. П. Шестакова А. Л. Маковский, И. О. Хлестова Проблемы унификации международного частного права : Монография : – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», – 2012. – 193 с.
5. Аксенов А. Г. Применение принципа автономии воли сторон (lex voluntatis) к договору международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] / А. Г. Аксенов // Вестник ННГУ. – 2018. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-printsipav-tonomii-voli-storon-lex-voluntatis-k-dogovoru-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-ovarov> – Дата доступа : 12.01.2020.
6. Мещанова М. В. принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] / М. В. Мещанова // file:///C:/Users/Home/Desktop/16_мещанова.pdf – Дата доступа : 12.01.2020.

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь 07 дек. 1998 г. №218-3: принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в Кодекс с 04 мая 2019 г. изм. и доп. не вносились. – Минск : Амалфея, 2020 г.
8. Чигир, В. Ф. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь от 07 дек. 1998 г. № 218-3 / В. Ф. Чигир и др. – Минск : Амалфея – 109 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 01 нояб. 2001 г., № 146 -ФЗ : принят Гос. Думой 01 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г. // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».
10. Гражданский кодекс Республики Армения : принят 28 июл. 1998 г. №ЗР-239 URL: Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3634– Дата доступа : 12.01.2020.

УДК 349.41

Ванжа Павел Алексеевич

студент Института экономики и права (филиал) Образовательного учреждения
профсоюзов
высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
г. Севастополь

E-mail: Pavel_Vanzha@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗЪЯТИЕМ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Abstract. This article analyzes the legal regulation of the seizure of land for state and municipal needs. The bases of legal regulation of alienation of land plots are revealed. The importance of determining the state and municipal needs in the seizure of land is highlighted. Interrelation of the bases of withdrawal of the land plots for the state and municipal needs with subjects of reference of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipalities is defined.

Keywords: property, land plot, confiscation, state and municipal needs, legal regulation, alienation.

В последние годы всё более актуальным становятся вопросы, связанные с изъятием земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Данное явление объясняется тем, что прежнее правовое регулирование порядка изъятия земельных участков основывалось на положениях Гражданского и Земельного кодексов Российской Федерации (далее – ЗК РФ), которые содержали значительное количество пробелов в ходе реализации данной процедуры.

Например, перечень оснований для отчуждения земельных участков, указанный в статье 49 ЗК РФ, не является исчерпывающим [10, с.163-166].

В конце 2014 года были внесены изменения в ЗК РФ, благодаря которым было реформировано текущее законодательство в сфере изъятия земельных участков и расположенных на них иных объектов недвижимости для государственных и муниципальных нужд [4].

Нарушение хотя бы одного из требований процедуры изъятия земельного участка для публичных нужд служит основанием для отказа уполномоченному органу власти реализовать своё право на изъятие земельных участков. Рассмотрение такого рода споров должно проводиться в судебном порядке. При этом по-прежнему остается актуальным вопрос об эффективности защиты прав собственников и иных лиц на земельные участки. Известны случаи, когда публичные органы власти нарушали установленный порядок изъятия земельных участков, что послужило основанием обращения в суд.

Так, 3. обратились с иском к администрации муниципального образования Сафакулевского района, Федеральному государственному учреждению «Тюменьрегионводхоз» о возмещении убытков, причиненных изъятием земли.

Суд первой инстанции в удовлетворении искового требования отказал. По мнению суда апелляционной инстанции, при рассмотрении дела судом первой инстанции не был исследован вопрос о том, было ли произведено изъятие земельного участка у истцов, в связи с чем у них могло возникнуть право на возмещение убытков. Судом апелляционной инстанции было установлено, что такое изъятие производилось с нарушением установленной законом процедуры [7].

Важно отметить, что пока собственник земельного участка будет реализовывать права по защите своих законных интересов, пройдет значительный промежуток времени, в течение которого ему необходимо оплачивать свое землепользование. На первый взгляд, усматривается явное нарушение прав собственников фактически изъятых земельных участков, но судебная практика говорит об обратном - удовлетворение публичных интересов стоит на первом месте [7].

Опасность фактического изъятия публичными органами власти земельного участка состоит в следующем: без заключения соглашения об изъятии земельного участка между уполномоченным органом власти и собственником, этот участок не сможет перейти в публичную собственность.

Но у публичного органа власти, по нашему мнению, имеется интерес в отказе заключать такое соглашение в добровольном порядке, так как собственник земельного участка не сможет восстановить свое фактическое владение и пользование участком в первоначальном виде, а также не сможет получить полноценную компенсацию за свои имущественные потери, иными словами снижается выкупная стоимость земельного участка, что ущемляет права и законные интересы собственника.

По мнению кандидата юридических наук Е.Ю. Гаврилиной и аспиранта кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Е.В. Бородинской, отношения, возникающие в связи с изъятием, не следует рассматривать как отношения равных субъектов из-за присутствия властных полномочий при принятии решения [11].

Поскольку в законодательстве, регулирующем вопрос отчуждения земельных участков, отсутствует понятие государственных и муниципальных нужд, большое значение для правоприменительной практики имеет позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) [6]. ВС РФ было предложено под государственными или муниципальными нуждами, в целях которых производится изъятие земельных участков, рассматривать существующие у публично-правовых субъектов потребности, реализация которых имеет целью удовлетворение общественных интересов, однако же реализация данных целей представляется невозможной без проведения процедуры изъятия земельных участков, находящихся в частной собственности. Указанные положения дают возможность утверждать, что изъятие земельных участков невозможно при наличии целей, которые только косвенно направлены на достижение общественных интересов и которые преимущественно направлены на получение выгоды не публично-правовыми субъектами, а частными лицами, т.е. изъятие может быть произведено лишь в исключительных случаях, когда достижение интересов общества невозможно без вмешательства в частные интересы [8].

Процедуре изъятия земельных участков для обозначенных выше нужд посвящена отдельная глава в Земельном кодексе РФ [2]. Это лишний раз подтверждает актуальность рассматриваемого вопроса.

Однако Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [3] уже не содержит подобных норм, что, по нашему мнению, является пробелом действующего законодательства и негативно сказывается на его реализации.

В субъекте РФ - городе федерального значения Севастополе изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд для размещения объектов регионального и местного значения осуществляется уполномоченным исполнительным органом государственной власти, реализующим государственную политику в сфере имущественных и земельных отношений – Департаментом по имущественным и земельным отношениям города Севастополя (далее – Департамент) [5, ч. 2 ст. 3.1].

На практике не всегда возможно разрешение споров, связанных с изъятием земельных участков во внесудебном порядке.

Так, в результате недостижения сторонами (Департаментом по имущественным и земельным отношениям города Севастополя и дачно-строительным кооперативом «Скиф») мирового соглашения, Департамент по имущественным и земельным отношениям города Севастополя обратился в Балаклавский районный суд города Севастополя с иском заявление, в котором просит признать недействительным государственный акт на право собственности на земельный общей площадью 800 кв. м, ранее присвоенный кадастровый номер земельного участка № (указан) признать отсутствующим право собственности ответчика на спорный земельный участок, истребовать его из незаконного владения ответчика в собственность города федерального значения Севастополя, а также исключить из Государственного кадастра недвижимости сведения о границах данного земельного участка.

Иск мотивирован тем, что на основании распоряжения Севастопольской городской государственной администрации «О передаче в собственность гражданам-членам обслуживающего кооператива Дачно-строительный кооператив «Скиф» земельных участков для индивидуального дачного строительства, ответчику в собственность был передан вышеуказанный земельный участок и внесены сведения в государственный кадастр недвижимости как о ранее учтенных объектах недвижимости. Между тем, согласно сведениям из Государственного казенного учреждения «Архив города Севастополя», Севастопольской городской государственной администрацией не издавалось распоряжение «Об утверждении материалов выбора земельного участка и предоставлении согласия обслуживающему кооперативу «Дачно-строительный кооператив «Скиф» на разработку проекта землеустройства по адресу: Севастопольская зона Южного берега Крыма». Таким образом, спорный земельный участок выбыл из государственной собственности, без принятия соответствующего решения уполномоченным органом, без утверждения проекта землеустройства по отводу земельных участков в установленном порядке, что свидетельствует об отсутствии правового основания приобретения ответчиком права собственности на спорный участок [9].

Исходя из того, что имеется насущная необходимость в выработке единой четкой методики изъятия земельных участков, представляется крайне необходимым провести разграничение определений «государственные нужды», «муниципальные нужды», «общественные нужды».

Перечень оснований для отчуждения участков, указанный в законе, не является исчерпывающим, однако решение ВС РФ определило, что невозможно принудительное изъятие с целью получения выгоды другими частными субъектами, деятельность которых лишь опосредованно служит интересам общества [6].

По нашему мнению, необходимо стремиться к тому, чтобы изъятию подлежало как можно меньше земельных участков. Уже на этапе планирования проектов инфраструктуры необходимо рассматривать альтернативные варианты расположения объектов. При резервировании земель также должны рассматриваться иные альтернативные варианты,

поскольку ограничение прав на время резервирования также может ущемлять права собственников и иных лиц, обладающих правами на такие земельные участки.

Таким образом, законодательно не определено, что именно считать государственными и муниципальными нуждами, а что нет. По нашему мнению, внесение понятий и определений, а также конкретизированного перечня оснований в нормативные акты, регулирующие вопросы отчуждения участков, может на практике положительно повлиять на реализацию процедуры изъятия земель. Это крайне важно при активном строительстве и реконструкции объектов государственного и муниципального значения.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://base.garant.ru/10164072/>, (дата обращения: 15.11.2019).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.08.2019). [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://base.garant.ru/12124624/>, (дата обращения: 15.11.2019).
3. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № 44-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://base.garant.ru/70353464/>, (дата обращения: 15.11.2019).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.06.2014 № 171-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://base.garant.ru/70681110/>, (дата обращения: 15.11.2019).
5. Закон города Севастополя от 25 июля 2014 года № 46-ЗС «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории города Севастополя». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://base.garant.ru/23714122/>, (дата обращения: 15.11.2019).
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2015 г. № 309-КГ15-5924 по делу № А07-21632/2013. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71140676/>, (дата обращения: 15.11.2019).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 марта 2014 г. N 82-КГ13-5. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70532824/>
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.04.2016). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/, (дата обращения: 15.11.2019).
9. Решение Балаклавского районного суда города Севастополя № 2-3015/2017 от 25 декабря 2017 г. по делу № 2-3015/2017. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <https://sudact.ru/regular/doc/wGlHEccrXpJ/>, (дата обращения: 15.11.2019).
10. Дибирдеев А. В. Проблема отсутствия законодательного закрепления понятия муниципальных нужд в правовом регулировании изъятия земельных участков // Молодой ученый. — 2019. — №12. — С. 163-166.
11. Гаврилина Е. Ю., Бородкина Е. В. Изъятие земельных участков для публичных нужд: актуальные проблемы и тенденции [электронный ресурс]. - режим доступа. - <http://center-bereg.ru/b201.html>, (дата обращения: 22.12.2019).

УДК: 352/354-1

Григоренко Анастасия Михайловна
магистрант ФГБОУ ВО «БашГУ»,
г. Уфа, Российская Федерация
e-mail:grigorenko.marina2016@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА И ПОДБОРА СПЕЦИАЛИСТОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Abstract. This article describes the municipal service. The features of the selection and selection of personnel for the municipal service are characterized. The main problems of selection and selection of municipal employees are revealed.

Keywords: municipal service, municipal employee, personnel selection, personnel selection, personnel policy.

В современном мире экономического и социального развития общества сохраняется острый дефицит высококвалифицированных специалистов и в сфере муниципального управления, умеющих решать и рассматривать вопросы в сфере своих возможностей по представлению власти для народа. Это показывает повышенное число возможных способов найти главные и эффективные стороны улучшения кадровой политики муниципальных органов власти республики Башкортостан и позволяет достичь больших результатов в подборе работников на муниципальную службу.

По данным Федеральной службы государственной статистики на конец 2018 года численность работников, замещающих должности муниципальных служащих по республике Башкортостан составляла 7422 человека.

От компетентного кадрового состава муниципальных органов власти зависит и качество структуры муниципальной службы, ее главной задачей является предоставление возможности решить вопросы местного значения для создания благоприятности жизни граждан. Нормативно-правовые акты в области муниципальной службы обеспечивают местные органы профессиональными специалистами. Это достигается с помощью проведения открытого конкурса на замещение вакантных должностей муниципальной службы. Именно этот процесс обеспечивает доступность и открытость муниципальной службы для трудоустройства граждан на любой уровень должностной иерархии.

Подбор персонала для государственных и муниципальных служащих – это идентификация, измерение, соотнесение и сопоставление основным требованиям, которые устанавливаются муниципальным органом. Подбор персонала представляет собой отбор подходящих кандидатов на вакантную должность, а также претендентов из кадрового резерва, который был сформирован в процессе подбора [9, с. 99].

В службе управления персоналом крупных организаций существует правило: для работы надо подбирать человека с должной квалификацией для выполнения работы на определенной должности, а не работника, представляющегося наиболее подходящим для повышения по служебной лестнице.

Возможно, выделить два типа подбора персонала на муниципальную службу: Первым видом является отбор при поступлении на государственную гражданскую службу. Вторым видом отбора служит перевод на вакантные должности в процессе прохождения службы.

При первичном отборе, как гражданских, так и муниципальных служащих происходит определение их характеристик с требованиями, которые устанавливаются государством, а также государственными органами. Основным значением на этом этапе выступают социальные и профессиональные навыки человека, также формальные критерии отбора, такие как уровень профессионального образования, стаж службы, опыт работы [6].

Именно выбор комиссии будет основополагающим при назначении на вакантное место. При этом, выбрав определенного человека для трудоустройства, комиссия может включить одного или нескольких кандидатов в кадровый резерв. В последнее время данная процедура является одной из наиболее применяемых. Однако это не означает, что претенденты в кадровом резерве точно получают работу, так как в кадровые резервы конкурсы на замещение вакантных должностей муниципальной службы проводятся намного реже.

В условиях социально-экономического развития нынешнего времени увеличиваются требования к формированию качественного кадрового состава муниципальных служащих, в том числе к процедурам отбора и повышения по служебной лестнице. Наиболее конкурентоспособны и востребованы специалисты с высоким профессиональным уровнем подготовки и способные обеспечить эффективное муниципальное управление. Для реализации этого направления согласно Методическим рекомендациям используется кадровая технология в виде конкурса на замещение вакантной должности муниципальной службы. Конкурс как технология обеспечивает гарантированное Конституцией право граждан РФ на равный доступ к муниципальной службе и соответственно муниципальным служащим право на должностной рост на конкурсной основе.

В настоящий момент главной проблемой в системе муниципальной службы является возрастной состав. Приветствуются целеустремленные, молодые, квалифицированные специалисты. Однако смена поколений должна проводиться наиболее интенсивно, но при этом не оказывать отрицательного влияния на всю муниципальную службу в целом.

Именно от того, насколько эффективно работает муниципальная служба и какие продуманные решения она принимает, зависит будущее всей страны. Поэтому необходимо пересмотреть некоторые моменты имеющегося российского опыта в сфере совершенствования и повышения эффективности деятельности муниципальной службы. Возможно, необходимо перенять и некоторые моменты из зарубежных стран.

Продвижение карьеры работника на муниципальной службе в США проводится только путем оценки его профессиональных заслуг и способностей. Карьера американского работника муниципальной службы зависит от времени прохождения и его собственных услуг. В данной стране существует система автоматического продвижения по карьерной лестнице за выслугу лет и за особые заслуги в работе. В Англии нахождение специалиста на руководящих должностях муниципальной службы не должно превышать 4 лет. Главная особенность системы муниципальной службы в данной стране – жесткость. Работники муниципальной службы не могут перейти из одной группы в другую. Стаж работы в данной стране также является главной составляющей для повышения.

В Канаде главной составляющей для карьерного роста является этичность поведения муниципального служащего. Именно это отличает Канаду от других стран. В Швейцарии специалистам муниципальной службы необходимо сдавать квалификационный экзамен для продвижения по карьерной лестнице.

А теперь, определим проблемы, возникающие в результате подбора государственных и муниципальных служащих: нет отлаженной системы с целью нахождения кандидатов на вакантные места муниципальной службы; нет полных и достоверных требований, предъявляемых к кандидатам; нет выполненных профессиограмм на разные должности муниципальной службы; способы отбора работников, которые применяются на практике, нужно доработать и корректировать; дефицит высококвалифицированных сотрудников, позволяющих эффективно провести подбор персонала.

Во многих случаях при отборе специалистов в муниципальную службу значительное предпочтение отдается тем кандидатам, которые подготовлены более профессионально, и, следовательно, более профессиональны. Значительное число руководителей отдают предпочтение работникам администрации или ее структурных подразделений [12, с. 58].

Это вызвано тем, что персонал администрации квалифицирован на должностях муниципальной службы, в курсе ее специфики. Начальство принимает квалифицированного специалиста на работу, тем самым экономя время на профессиональную адаптацию, и на его обучение. Данный факт, так же, показывает большую степень конфиденциальности муниципальной службы.

С учетом особенности муниципальной службы как части публичной власти, нарушается принцип одинакового доступа граждан к муниципальной службе, не соблюдаются гарантии равенства прав и возможностей граждан и избрание кандидата, наиболее соответствующего установленным профессиональным требованиям, что приводит к низкой эффективности работы муниципальной службы как отдельного института. И как следствие, все чаще можно слышать мнение о необходимости выделения отдельного института муниципальной службы. Кроме того, федеральный закон №25-ФЗ не регламентирует вопрос о том, кто и как должен принимать решение о проведении конкурса, либо замещении вакантной должности вне конкурса [8, с. 121].

Мы видим два способа выхода из текущей ситуации: первый - вопрос касаемый данной должности рассматривается ответственным лицом нанимателя отдельно, второй, муниципальным правовым актом определяются точные должности или перечень должностей, заменяющиеся только на конкурсной базе.

Второй вариант является наиболее эффективным. Так как именно на основании данного подхода можно предотвратить коррупционные действия со стороны должностных лиц муниципальных органов власти и введения единого стандарта при поступлении на муниципальную службу [10, с. 208].

В некоторых органах муниципальной власти были установлены случаи, когда высшее руководство нанимало на работу специалистов, заблаговременно отобранных, под видом кандидата, который одержал победу на конкурсе замещения вакантных должностей. То есть, победители выбираются заранее, а потом проводят конкурс формально, а затем того самого кандидата объявляют победителем. В настоящее время данная проблема стоит еще более остро.

Уровень эффективности системы отбора кадров, как правило, оценивают по показателям, которые повышают результативность работы самого учреждения. Но стоит заметить, что при найме и подборе муниципальных служащих, отделы сталкиваются с проблемой сложного определения степени эффективности труда кандидата [11, с. 189].

Главным результатом работы для гражданских работников и для муниципальных служащих являются управленческие решения, которые имеют последствия для населения. Ведь именно от компетентности и профессионализма специалистов муниципальных служб зависит качество предоставляемых услуг населению.

Таким образом, создание и эффективное функционирование систем отбора и подбора специалистов в муниципальную службу – это сложный и долгий процесс, который требует не только сплоченной работы должностных лиц муниципального органа власти, но и его структурных отделов и самих специалистов муниципальной службы. Для того, чтобы оценить деятельность муниципальных служащих берется во внимание, во-первых, качество предоставляемых услуг населению, во-вторых, качество принимаемых решений на муниципальном уровне, и, в-третьих, насколько эффективны принятые решения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ РФ от 30.12.2008 № 7) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.12.2019г.).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.)

- [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.12.2019г.). Федеральный закон Российской Федерации от 02.03.2007 N 25-ФЗ "О муниципальной службе в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Консультант Плюс справочно-правовая система / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.12.2019г.).
3. Конституция РБ от 24 декабря 1993 г. №BC-22/15[Электронный ресурс] // ГАРАНТ: справочно-правовая система / Режим доступа: / URL: <http://consultant.ru/> // (дата обращения 15.12.2019г.).
 4. Закон Республики Башкортостан от 16.07.2007 N 453-з "О муниципальной службе в Республике Башкортостан" [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: справочно-правовая система / Режим доступа: / URL: <http://base.garant.ru/> // (дата обращения 15.12.2019г.).
 5. Диденко К.А., Чевтаева Н.Г. Проблемы отбора государственных и муниципальных служащих при найме //Студенческий форум: электрон.научн. журн. – 2018. – № 10(31). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/31/35966> (дата обращения: 15.12.2019).
 6. Заборовская С.Р. Реализация кадровой политики в системе государственных органов и органов местного самоуправления // Государственная служба. – 2015. - №2 (94). – С. 67-70.
 7. Заикина О. В. Теоретико-правовые основы отбора кадров на муниципальную службу // Молодой ученый. – 2019. – №8. – С. 120-122.
 8. Зайцева Е.В. Профессиональное развитие муниципальных служащих как фактор успешной деятельности органов местного самоуправления / Е.В. Зайцева, А.С. Воробьева. // Вестник. – 2016. – № 4. – С. 98-103.
 9. Манафова, Н. Ф., Бреусова, Е. А. Особенности отбора персонала на государственную гражданскую службу // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 2. – С. 207-211.
 10. Ноздрачев, А. Ф. Государственная служба: учебник / А. Ф. Ноздрачев. – М.: Статут, 2016. – 217 с.
 11. Юритов, А. В. Отбор кадрового состава государственной гражданской службы / А.В. Юритов, О. Б. Бекасов. // Высшая школа экономики. – 2016. – № 5. – С. 56-60.

УДК 342.73

Жеков Николай

докторант Государственного университета Д. Кантемир

Республика Молдова

e-mail:avokej@-

mail.ru

ОБЩИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Abstract. The content of the right of access to information. The article provides a systematic analysis of the legislation of the Republic of Moldova, governing access to information. The author reveals the contents of the legal regulation in this area. The author considers the main problems of legal regulation of this law.

Keywords: right of access to information; authority; constitution information, legal regulation of information, the right to information, access to information, information accessibility Executive bodies.

Право на доступ к информации является одним из фундаментальных публичных прав в современном государстве, претендующим на правовой и демократический статус. Закрепляя

данное право как основу функционирования и развития информационных отношений, государство, не просто признает за гражданами одно из важнейших прав, не только берет на себя ответственность по защите данной юридической возможности субъектов права, но и обязано всячески содействовать постоянной и повсеместной его реализации.

В этой связи особо актуальной является проблема конституционного закрепления основ содержания данного права.

Под доступом к информации понимается совокупность правомочий на поиск и получение информации. Указанное право может быть реализовано только через исполнение обязанности по ее предоставлению. В данном случае речь идет об обязанности по предоставлению информации государственных органов и органов местного публичного управления.

Право на информацию наделено богатым содержанием, которое включает в себя: право человека быть правильно, четко и в срок информированным о мерах, принятых государственными органами, иметь свободный доступ к источникам научной, технической, социальной, культурной и т.д. информации, иметь возможность получать публичную информацию, обязанность государственных органов создавать материальные и правовые условия для свободного и широкого распространения информации любого вида.

Понятие информации интерпретируется в европейской правовой практике в широком смысле; в частности, Европейский Суд по правам человека принимает во внимание не только голые факты или новости, представляющие общий интерес, а также информацию, подготовленную специально, такую как программы радио и телевидения, музыка, реклама, тексты на коммерческой основе, произведения искусства, в том числе такие, как свобода художественного творчества, выражения позиции в любом процессе [7, с.1].

Основополагающим и системообразующим нормативным актом, раскрывающим содержание права на доступ к информации, является Конституция. В ней содержание данного права раскрывается посредством закрепления положения, в соответствии с которым государственные органы, общественные объединения, политические партии и должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность получения и ознакомления с документами, касающимися его прав и интересов, кроме случаев, предусмотренных законом.

Право на информацию выступает обязательным условием (правом-гарантией) участия гражданина в управлении делами государства, а также условием получения им отдельных социальных благ, что особенно заметно в практике формирования так называемого «сервисного государства», осуществляющего часть своих властных функций и полномочий в форме предоставления публичных услуг. Их получение невозможно без личного обращения к субъекту, предоставляющего услугу. Очевидно, что информированность гражданина (или любого иного лица, получающего публичную услугу) является императивным условием доступа к ней. Таким образом, содержание публичной властной деятельности в современном государстве решающим образом зависит от качества и доступности предоставляемой официальной информации [4, с.1].

В контексте потребностей современного государства право на доступ к официальной информации следует рассматривать как самостоятельное правомочие в содержании субъективного публичного права на информацию, при этом имеются предпосылки обособления его в качестве самостоятельного права. Доступ к информации, затрагивающей деятельность органов государственной власти, дает возможность, помимо обеспечения реализации иных конституционных прав, формировать адекватное представление о состоянии государства. Реализуя это право, осведомленное общество вовлекается в дела государства, что укрепляет действенность и эффективность функционирования органов власти. В конечном счете это обеспечивает легитимность публичной власти.

Конституция Республики Молдова закрепила правовую основу права на доступ к информации как общественного достояния о праве каждого «на доступ к любой информации, касающейся общественных дел» (ч.(1) ст.34), а часть (2) ст. 34 устанавливает обязанность органов государственной власти, в соответствии с их компетенцией, предоставлять корректную информацию, касающуюся общественных дел и по вопросам личного интереса граждан [3, с.3].

Для большей гарантии права на информацию, часть (4) ст.34 Конституции Республики Молдова обязывает и средства массовой информации, государственные или частные средства предоставлять корректную информацию для общественности.

Это положение имеет большое значение для того, чтобы информация определялась точностью, честностью, благоразумием и надежностью. Право на информацию не является абсолютным правом и может содержать определенные ограничения. Часть (3) ст.34 Конституции предусматривает, что право на информацию не должно наносить ущерб защите граждан или национальной безопасности.

Законы, регулирующие открытость правительственных документов и процессов, в наши дни имеют характер обычного явления среди демократических стран. Многие государства приняли законы, обеспечивающие доступ к информации, так как обеспечение доступа к правительственным документам и информации является одним из существенных требований к современному правительству.

Доступ к информации содействует обществу в получении знаний и обсуждению множества проблем, обеспечивает важную защиту против злоупотреблений, плохого управления и коррупции, также он может сослужить хорошую роль для правительств, поскольку будет обеспечивать их открытость и прозрачность в процессе принятия ими решений, может помогать в развитии доверия граждан к деятельности правительства и содействовать в развитии гражданского, демократического общества. Рост прозрачности правительств стал ответом на требования гражданских общественных организаций, средств массовой информации и международных организаций. С целью принятия законов о свободе информации было несколько как внешних, так и внутренних факторов давления на правительства. В большинстве стран группы гражданского общества играли определяющую роль в принятии этих законов.

Существенное влияние на принятие национальных законов о доступе к информации оказало международное регулирование данной области правоотношений, необходимость создания эффективных механизмов борьбы с коррупцией, процесс модернизации, воздействие гражданского общества, конституционность права на доступ к информации,

На своей первой сессии в 1946 г. Генеральная ассамблея ООН приняла Резолюцию 59 (1), декларирующая: «Свобода информации является основополагающим правом человека и пробным камнем для всех других свобод, на которых зиждется Организация Объединенных Наций». Как отмечается в этой Резолюции, свобода информации имеет фундаментальное значение как сама по себе, так и в качестве основы для осуществления всех других прав. Расцвет демократии возможен только в тех обществах, где разрешается свободный поток информации и идей.

Во Всеобщей декларации прав человека говорится, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободу выражения их» (ст.19). В последующих международных актах по вопросу свободы мнения, выражения, убеждений и права на информацию содержится развитие этого базового положения. Так, в ст.19 Международного Пакта о гражданских и политических правах провозглашается, что «Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно

или посредством печати, художественных форм выражения, иными способами по своему выбору» [2, с.18].

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) предусматривает (ст.10), что каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ.

Важность данных международных норм определяется для Молдовы и тем, что, согласно Постановлению Конституционного суда РМ о толковании отдельных положений ст.4 Конституции Республики Молдова, общепризнанные принципы и нормы международного права, ратифицированные международные договоры и договоры, к которым Республика Молдова присоединилась, являются составляющей частью законодательных рамок Республики Молдова и становятся нормами ее внутреннего права. При наличии несоответствий между международными пактами и договорами об основных правах человека и внутренними законами Республики Молдова... правоохранительные органы обязаны руководствоваться международными положениями.

Важность ст.10 ЕКПЧ и ее влияние на улучшение национального законодательства Молдовы о доступе к информации определяется тем, что последняя ратифицировала Конвенцию (Постановление Парламента Республики Молдова от 24 июля 1997 года), а также тем, что ЕКПЧ имеет реальный механизм обеспечения эффективности ее реализации – Европейский суд по правам человека.

Право на доступ к информации содержится также и в различных резолюциях и рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы. В своей Резолюции от 23 января 1973 года консультативное собрание установило, что «свобода выражения включает свободу получать, публиковать и распространять информацию и идеи. Публичные власти, соответственно, обязаны представлять общественному мнению информацию по вопросам, представляющим общественный интерес, в разумных пределах, а средства массовой информации обязаны представлять полную информацию о событиях, происходящих в обществе» [1, с.34].

В 1982 г. государства-участники Совета Европы приняли Декларацию, в которой среди поставленных задач в области свободы выражения указывалось на «следование открытой информационной политике в государственном секторе, включая доступ к информации, в целях повышения возможности граждан свободно обсуждать политические, социальные, экономические и культурные вопросы».

В ноябре 1999 г. Специальный Докладчик ООН по вопросам свободы убеждений и слова, Представитель ОБСЕ по свободе средств массовой информации и Специальный Докладчик Организации Американских государств (ОАГ) по вопросам свободы выражения приняли Совместную декларацию, в которой говорилось; «Свобода выражения характеризуется правом общественности получать доступ к информации и иметь представление о том, что правительства делают от их лица. Без этого права истина будет влачить жаркое существование, а участие населения в управлении государством никогда не станет цельным и значимым».

В 2002 г. Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию о доступе к официальным документам, предусматривающий, что «Государства-участники должны гарантировать право каждого человека на доступ, по его требованию, к официальным документам, находящимся в распоряжении органов государственной власти. Данный принцип следует применять без дискриминации по какому-либо признаку, в том числе по признаку национальной принадлежности».

В сентябре 2003 г. Совет Европы принял решение разработать первое международное соглашение по доступу к информации.

В Рекомендациях Совета Европы подчеркивается, что демократические режимы характеризуются обращением в обществе максимального объема информации, и что информационные права, закрепленные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, должны трактоваться предельно широко, подразумевая свободу поиска информации и, как следствие, обязанность властей обеспечивать доступность информации по вопросам, имеющим общественное значение (с учетом соответствующих ограничений),

Орхуская Конвенция по доступу к информации об окружающей среде была инициирована ООН и подписана многими странами, которые теперь обязаны принять законы по доступу к информации об окружающей среде.

Конституции современных государств нередко содержат специальные положения, регулирующие право доступа к официальной информации. Например, в Германии доведение правовых актов до всеобщего сведения должно отвечать требованиям ст.3 Основного закона Германии, а именно принципу равноправия (неоднозначное получение информации гражданами ведет к неадекватным возможностям с точки зрения отношения граждан к своим правам и их реализации).

В развитых странах законодательное оформление права граждан на информацию существует уже несколько столетий. Во Франции этот институт регламентирован в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и содержит норму (ст.11) о праве каждого гражданина свободно «высказываться, писать и читать». Специальные нормы (ст.14 и 15) закрепляют право граждан следить за расходом собираемых налогов и требовать «отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления». В Швеции в 1776 г. парламентом принят конституционный Акт о свободе печати, который концептуально был востребован Финляндией при принятии в 1951 г. собственного Закона «Об открытости информации, находящейся в распоряжении государственных органов». Впоследствии, в 1966 г., в США был принят Закон «О свободе информации», который эффективно усовершенствовал механизмы доступа к документальной информации в деятельности конкретных органов власти. Либеральные поправки этого закона постоянно совершенствовались в 1974-2008 гг. В настоящее время довольно жестко определены сроки предоставления информации соответствующими органами власти, а суды наделены большими полномочиями в защите прав граждан на свободный доступ к информации с необходимыми ограничениями, затрагивающими национальную безопасность [11, с.4].

В 1970 г. к сообществу стран, законодательно регламентирующих открытость отправления государственной, а в части - и судебной, власти, присоединились Норвегия и Дания, в 1979 г. - Голландия, в 1982 г. - Австралия, в 1983 г. - Канада и Новая Зеландия, в 1986 г. - Греция, в 1987 г. - Австралия.

Верховный Совет Союза ССР 12 июня 1990 г. принял постановление о подготовке и рассмотрении до 1 января 1991 г. проекта Закона о праве граждан на информацию в деятельности органов государственной власти, которое так и не было реализовано на практике.

Активная законотворческая деятельность в области информации повлияла на совершенствование правовых норм действующих законов, а также способствовала принятию новых законов: Закона №982-ХІУ от 11.05.2000 г. «О доступе к информации»; Закона №239-ХУІ от 13.11.2008 г. «О прозрачности процесса принятия решений»; Закона №133 от 08.07.2011 г. «О защите персональных данных»; Закона №305 от 26.12.2012 г. «О повторном использовании информации публичного сектора»;

Указанные законодательные акты наряду с общими программными документами посвященными правам человека (Национальные планы действий в области прав человека) и подзаконными актами, принятыми в развитие положений законов (например, Положение о доступе общественности к экологической информации, утвержденное Постановлением Правительства №1467 от 30.12.2016 г., Положение о процедурах публичных консультаций с

гражданским обществом в процессе принятия решений, утвержденное Постановлением Правительства №967 от 09.08.2016 г. и др.) в настоящее время составляют основы молдавского законодательства регулирующего право на информацию и его защиту.

Создание национального правового регламентирования реализации права на доступ к информации, следует признать безусловно позитивным явлением и процессом, имеющим эффект с многочисленных точек зрения, в первую очередь с позиции восприятия и осознания гражданским обществом, что данное право не является сугубо декларативным и иллюзорным, а реальным, достижимым и реализуемым в обычной повседневной жизнедеятельности.

Вместе с тем, как любому общественному институту, тем более правовому, системе правового регулирования права на информацию, свойственны определенные недостатки требующие корректировок и новаций обеспечивающих дальнейшее позитивное развитие и совершенствование правового механизма гарантирующего реализацию права человека и гражданина по поиск и получение общественно значимой и личной информации.

Существующие проблемные аспекты в рассматриваемой области связаны с недостаточной четкой регламентацией прав и обязанностей поставщиков информации, усложненностью ряда нормативных формулировок используемых в законодательстве, недостаточной разграничением права на доступ с правом на защиту информации, отсутствие корреляции между рядом взаимосвязанных нормативных актов, отсутствие в системе государственной власти органа, регулирующего функционирование информационных потоков, необходимость воссоздания и формирования механизмов, обеспечивающих эффективную обратную связь с населением, отсутствие действенного и качественного механизма юридической ответственности за нарушения права на информацию, не разработанностью правоприменительных механизмов, отсутствие единообразной практики судебной защиты права на доступ к информации и др.

Библиография:

1. Соглашение от 09.10.92 о сотрудничестве в области информации (Tratate internationale 16/190, 1999) Декларация Совета Европы о свободе выражения и информации от 29.04.82 г. (Tratate internationale 1/304, 1998)
2. Конвенция от 04.11.50 о защите прав человека и основных свобод (Tratate internationale 1/341, 1998)
3. Конституция Республики Молдова от 29.07.94 (Мониторул Официал 1 от 12.08.1994)
4. Ф. Драган Наука об информационном праве – концепция и методология (*Revista Nationala de Drept* 10/29, 2017)
5. В. Ожог Политика и стратегия защиты классифицированной информации в условиях стремления Республики Молдова к европейской интеграции (*Закон и жизнь* 6/138, 2013)
6. С. Гришук-Бучка Информация как объект правового регулирования (*Закон и жизнь* 5/51, 2012)
7. К. Молдован Краткие размышления относительно привилегии конфиденциальности журналистских источников информации согласно законодательству некоторых государств и судебной практике Европейского Суда по Правам Человека (*Dreptul* 3/181, 2012)
8. А. Фоков Правосудие: законодательное обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и судов в Российской Федерации (*Российский судья* 3/2, 2009)
9. В. Урекян Конституционное право гражданина на информацию: между провозглашением и реальностью (*Revista Nationala de Drept* 4/78, 2008)
10. О. Мыца, П.Соколан Факторы, влияющие на принятие законодательства о доступе к информации (*Закон и жизнь* 12/32, 2006)
11. А. Боршевский Доступ к публичной информации: история и современность (*Revista Nationala de Drept* 4/64, 2006)

12. В. Пушкаш, С. Кобзьяну. Роль Конституционного суда в осуществлении права на информацию.

УДК: 7.067

Медведева Елизавета Сергеевна

Студентка 2 курса магистратуры Уральского гуманитарного института
Уральского федерального университета
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: elizaveta.medvedeva@mail.ru

МУЗЕЙ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИВЕНТ-МЕРОПРИЯТИЯ

Abstract. The study examined modern event-related events that were held at museums or galleries. The analysis revealed the influence that art has on the concept and event visitors. And also an attempt was made to trace the possibility of further use of art platforms in the conduct of event.

Keywords: Art, museum, gallery, concept, event.

Понятие «событийный маркетинг» пришло в российскую деловую лексику относительно недавно и, не смотря на активное функционирование и исполнение event-мероприятий, часто для объяснения сути этого явления в доступной форме приходится ссылаться на организацию специальных мероприятий, праздников, выставок, презентаций. То есть, подменять описанием формы процесса его содержанием.[5, с. 36]

Это довольно известный инструмент манипулирования мнением и поведением специально приглашенной на событие аудитории. [4, 121 с.]

Event-мероприятия характеризуются торжественностью, интерактивностью, праздничной или развлекательной атмосферой. [4, 52 с.]

В переводе понятие event означает событие, однако включает в себя также смысловые оттенки благоприятного случая, исключительного происшествия, наиболее вероятного желаемого результата, мероприятия, спортивного состязания.

Event-мероприятия могут случаться и без участия специалистов маркетинга. Однако, задача маркетологов превратить рутинное и рядовое событие в маркетинговый инструмент, позволяющий обратить событие на пользу кампании. Часто, так называемые ивенты, специально организуются маркетологами, чтобы максимально способствовать расширению деловых и профессиональных контактов, обмену опытом и новыми технологиями, идеями. [1, с. 89]

В связи с этим все event-мероприятия можно дифференцировать по целям, которые они преследуют. Для нашего дальнейшего исследования мы остановимся на специальных мероприятиях.

Специальные мероприятия – фестивали, вручение премий, мероприятия для прессы, специальные события и т.д. Данные мероприятия помогают создать яркий новостной повод для СМИ, повысить объемы продаж, собрать больше информации о потенциальных потребителях/клиентах. Если касаться сферы B2B и ЛПК в частности, то в эту группу можно отнести такие мероприятия, как праздник, посвященный открытию учебного центра, основанного на оборудовании определенной лесной техники, продвигаемой дилером региона.[2, с. 80]

Успешное мероприятие для современной искушенной публики всегда связано с каким-то очевидным эффектным ходом, будь то нетривиальная концепция, яркое визуальное шоу или занимательные активности.

В основе концепции мероприятия может стать что угодно – от инновационной технологической разработки до оригинальной декорации или музыкальной темы. В связи с этим специалистами разрабатываются особое оформление места проведения события.

Для достижения целей и задач, решения поставленных проблем, в последнее время наблюдается тенденция проводить мероприятия на нестандартных площадках. Площадкой для подобных представлений может служить что угодно: от огромного особняка до целого города. Но зачастую выбор площадки падает на музей или галерею.

В современном обществе наметилась четкая тенденция на развитие логики. Сухое логическое мышление необходимо для усвоения информации, продвижения по карьерной лестнице, получения высокого социального статуса. Часто даже в общении с окружающими люди строят диалог исходя из рационального расчета, а это абсолютно не способствует зарождению искренних отношений. На этом фоне очень недооценивается роль чувств и эмоций. О том, что эмоциональная сфера также нуждается в развитии, многие даже не задумываются. В результате личность получается дисгармоничной. Она твердо стоит на ногах, но внутри чувствует пустоту, делает все правильно, но без души. Именно из-за того, что люди так мало внимания уделяют своим эмоциям, на улице огромное количество прохожих с «пустыми глазами» и грустными лицами. Мы тщательно «задавливаем» собственные переживания, пытаемся быть рассудительными, реагировать адекватно. Если поступать так постоянно, происходит накопление груза неотрагированных переживаний. Они никуда не деваются, а находят выход через болезни (преимущественно психосоматические), постоянную неудовлетворенность, раздражительность и опустошенность. Исправить столь плачевную ситуацию поможет искусство.

Искусство – сфера человеческой жизнедеятельности, которая касается «струн души». Рисуя, музицируя, занимаясь лепкой, написанием стихов и прозы, созданием аппликаций и рукоделием, человек дает выход накопившимся переживаниям, страхам, психическому напряжению. Ученые доказали, что люди, систематически занимающиеся творчеством, более стрессоустойчивые, они лучше усваивают новую информацию, имеют более гибкое мышление, быстрее адаптируются к новым обстоятельствам, находят оптимальные решения в нестандартных ситуациях и замечают прекрасное в повседневных ситуациях, бытовых вещах. Подобный эффект оказывает и пассивное восприятие произведений искусства: прослушивание любимой музыки, просмотр фильмов, чтение книг, восприятие картин. Результаты экспериментов показали, что нейрогенез (формирование новых нейронов) происходит даже во взрослом возрасте. Его интенсивность напрямую зависит от образа жизни. Система образования, рабочая обстановка практически всецело направлены на развитие левого полушария мозга, поэтому нужно самостоятельно развивать полушарие правое, отвечающее за эмоциональную сферу. Для этого важно заниматься творчеством. Многие говорят, что не умеют рисовать, поэтому нет смысла тратить на это время. Но главное не безупречный результат, а сам процесс творения. Поэтому не стоит себя ограничивать, необходимо найти интересную сферу деятельности и творить, «выливая» накопленный багаж эмоций в творчество.

Эффективность мероприятия – главный показатель его успеха и перспектив. Впечатления от мероприятия – неосознанное, но едва ли не самое важное, что уносит с собой любой участник. Участник – главное действующее лицо ивента, тот, ради кого и благодаря кому мероприятие имеет место быть. Поэтому неудивительно, что именно здесь должен быть фокус внимания: в чем конкретно ивент был полезен для его участника? Искусство помогает решить эту задачу и оказывает влияние на ощущения и чувства каждого конкретного его участника.

Культурное наследие вобрало в себя все многообразие ценностей и эпох. А значит, стало одним из важнейших факторов единения. Деятельность современных музеев направлена на инновационные технологии, повышение популяризации образования,

формирование эстетической культуры. Многие музеи продвигают услуги с новыми формами менеджмента, делая ставку на мероприятия в музейных пространствах.

Успех мероприятия сегодня напрямую зависит от того, как и где оно представлено. Наиболее востребованными форматами мероприятий в музее остаются культурно-образовательные, среди которых наиболее распространенными являются фестивали, презентации, творческие встречи, мастер-классы, кинопоказы, литературно-музыкальные вечера, концерты, благотворительные мероприятия и ярмарки.

Проводить мероприятие в музее на фоне исторических экспонатов становится хорошей традицией, но накладывает на организаторов и участников дополнительную ответственность. Можно провести мероприятие с дворцовым колоритом, проникнуться духом прошлых столетий и приобщиться к богатой истории предков, а можно выбрать альтернативный музей с экспозицией современного искусства.

Организовывать мероприятие в классическом музейном пространстве нужно тонко, тут есть свои нюансы. Важно гармонично встроиться в среду музея, не нарушая его целостности, ведь музеи расположены в исторических зданиях и хранят бесценные произведения искусства. Необходимо грамотно сочетать как традиционные, так и современные технологии, учитывая ресурсы музея, чтобы донести идею мероприятия до всех участников.

Проводя мероприятие в музее, можно вовлечь зрителя в диалог, сделать посетителя не созерцателем, а участником происходящего. Можно дискутировать, рисовать, фотографировать, отгадывать шарады и участвовать в квестах — то есть активно взаимодействовать с музеем и его коллекцией. Если же реализуется закрытый формат мероприятия в музее, то подразумевается полное погружение гостей в происходящее. Они попадают в культурное пространство со своим микроклиматом, внутренним укладом и особыми формами воздействия, которое открыто для гостей в диалоге тет-а-тет. Вписываясь в музейную среду, участник мероприятия может почувствовать себя "главным действующим лицом" на перекрестке времен и культур. История как будто оживает у него на глазах, а он становится ее частью.

К преимуществам проведения мероприятия в музее можно отнести высокие показатели посещаемости, повышение качества контакта и степень вовлечённости зрителя, резонанс и широкое освещение в СМИ. Также очень важно то, что значительная часть людей, посетивших мероприятие, демонстрирует высокую лояльность, а музеи в свою очередь привлекают новых посетителей.

Галереи и музеи — центры не только художественные, но и событийные. Интеллектуальная атмосфера этих площадок идеально подходит для деловых мероприятий: презентаций, переговоров, бизнес-тренингов. Бизнес-ивенты в галереях и музеях укрепляют имидж компании, повышают уровень корпоративной культуры. А возможности галерей и музеев для организации мероприятий зачастую не уступают деловым и экспоцентрам. Многие пространства удобно зонированы и оснащены современной мультимедиа-аппаратурой.[3, с. 20]

Выразительная среда музеев и галерей пробуждает эмоции, повышает настроение, делает нас более открытыми и восприимчивыми. Презентации нового продукта гармонично вписываются в популярные картинные галереи. А деловые семинары выглядят вполне уместно в арт-пространстве с авангардными скульптурами.

Презентационные и выставочные мероприятия напрямую влияют на развитие и продвижение музеев. Что касается трендов для площадок ивент-мероприятий, следует отметить, что обычные банкетные залы со сценой уходят в прошлое так же, как традиционные вечеринки и. Корпоративные мероприятия модно проводить на нестандартных площадках - местах, которые раньше даже не ассоциировались с проведением праздника. Под них придумывают оригинальные концепции и идеи. Популярны глобальные концепции, когда идея мероприятия выходит за пределы площадки.

Список использованной литературы:

1. Крейвен Р. И. Организация деловых встреч и мероприятий [текст] / Р.И. Крейвен, Голабовски Л.Д.; пер. с англ. Колосова Е., Фебер М. – Москва: АСТ, Астрель, 2008. – 336 с.
2. Назименко А. Е. Событийный маркетинг. Руководство для заказчиков и исполнителей [текст] / А.Е. Назименко - Москва: Вершина, 2007. – 200 с.
3. Пасмурнов А. Как эффективно подготовить и провести конференцию, семинар, выставку [текст] / Пасмурнов А. - СПб: Питер, 2006. С. 240 с.
4. Хальцбаур У. Event-менеджмент [текст] / Хальцбаур У., Йеттингер Э., Кнаусе Б., Мозер Р., Целлер М.; пер. с англ. Фомина Т. – Москва: Эксмо, 2006. 384 с.
5. Шумович А. В. Великолепные мероприятия. Технологии и практика EventManagement [текст] / А.В. Шумович - Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2007. – 449 с.

УДК: 341.213

Михайловская Татьяна Сергеевна
студентка юридического факультета ГрГУ им. Я. Купалы,
г.Гродно, Республика Беларусь
E-mail: tatyana7558@gmail.com

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО
СОЮЗА**

Abstract. This article explores the institution of EU citizenship, in particular, legal nature as phenomenon have distain the context of globalization processes. It gives a description of the most important features of EU citizenship, methods of its acquisition. The effects of EU citizenship are also projected. In particular, the problems that it entails are highlighted and the advantages of acquiring it are considered.

Keywords: Freedom of movement, multi-level citizenship, naturalization, repatriation, Maastricht Treaty, emancipation.

В реалиях современного мира гражданство ЕС, в частности, его правовая природа является феноменом. С момента принятия Маастрихтского договора, ЕС приобрел такую отличительную особенность, как многоуровневое гражданство (национальное гражданство и дополнительное независимое гражданство). Данное новаторство должно было исполнить 2 функции, во-первых, регламентировать индивидуальные свободы и права человека, деятельность институтов в рамках ЕС, во-вторых, усилить, в особенности, политико-экономическую интеграцию и взаимные контакты граждан ЕС, вне зависимости от национальной принадлежности.

Перед тем как непосредственно дать характеристику института гражданства ЕС, необходимо выявить базис самого гражданства. Действительно ли краеугольным камнем института гражданства ЕС можно считать свободу перемещения?

Первоочередная ценность гражданства заключается в правах на передвижение (мобильность), прилагаемых к паспорту.[1, с. 24]

Кроме того, гражданство ЕС предоставляет ряд преимуществ:

- а) оно производит эмансипацию личности от национального государства;
- б) регулирует вопросы на более высоком уровне (наднациональном).

Далее, нужно детально описать и комплементарные права, которыми наделяет гражданство ЕС:

1. Право на «хорошее управление» (ст. 41 Хартии Европейского союза об основных правах: «Каждое лицо имеет право на рассмотрение своего дела институтами и органами Союза беспристрастно, справедливо и в разумный срок»).

2. Право на дипломатическую и консульскую защиту (ст. 45: «Каждый гражданин Союза на территории третьих стран, где отсутствует представительство того государства, гражданином которого он является, получает защиту со стороны дипломатических и консульских учреждений любого государства-члена на тех же условиях, что и граждане этого государства»).

3. Право на доступ к документам (ст. 42: «Каждый гражданин Союза либо каждое физическое или юридическое лицо, проживающее или имеющее юридический адрес в государстве-члене, имеет право доступа к документам Европейского парламента, Совета и Комиссии»).

4. Право на петиции (ст. 44: «Каждый гражданин или гражданка Союза либо каждое физическое или юридическое лицо, проживающее или имеющее юридический адрес в государстве-члене, имеет право направлять петиции Европейскому парламенту»).

5. Избирательные права (активное и пассивное право в Европейском парламенте, на местном уровне, ст.39-40).

Наряду с этим, необходимо обратить внимание на еще одну привилегию обладания многоуровневого гражданства ЕС: группа не менее одного миллиона граждан, которые являются гражданами значительного числа государств-членов ЕС, обладает правом законодательной инициативы в соответствии с положениями Лиссабонского договора. Реализуется это право с помощью обычной законодательной процедуры, которая определяет порядок и условия, необходимые для такой инициативы граждан.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу: гражданство ЕС является уникальным и существенно отличается от национальных гражданств, при этом охватывает более широкую сферу применения и осуществляет регламентацию в рамках интересов государств-членов Европейского союза.

Также положительными сторонами наличия гражданства ЕС являются: высокий уровень благосостояния почти повсеместно в пределах ЕС, возможность обучаться в учреждениях, считающимися престижными во всем мире, меры по социальному обеспечению более значимы нежели в других странах не членов ЕС (пособие по безработице\инвалидности, пенсия могут не только гарантировать возможность приобрести минимальный набор товаров и, но и обеспечить достойный уровень жизнь, возможность откладывать свои сбережения в наиболее защищенных и надежных банках Европы).

В первую очередь, это обусловлено политикой государств-членов ЕС, поскольку свобода перемещения влечет за собой изменения уровня и качества жизни в стране в целом [2, с. 74]

Во-вторых, если рассматривать гражданство ЕС с правой точки зрения, то оно лимитирует права самых бедных граждан Европы; более того, гражданство ЕС может породить позитивную дискриминацию из-за своей демократической природы.

В-третьих, с 2004 года, стал очевидным, тот факт, что гражданства ЕС не обладает бенефициарным характером для принимающих государств-членов.

Об этом свидетельствует и следующий аспект: граждане ЕС имеют возможность беспрепятственно проживать в течение трех месяцев на территории любого государства-члена ЕС без регистрации, регламентированный Директивой Европейского Парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. «О праве граждан ЕС и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов». Помимо этого, стоит подчеркнуть, что смерть гражданина ЕС или его отъезд с территории принимающего государства-члена не являются преградой для проживания членов его семьи, которые имеют гражданство какого-

либо из государств-членов. Аналогичное право предусмотрено и в случае развода или аннулирования брака.

Еще одним спорным положением является следующее: ослабляет ли гражданство ЕС правовую связь с национальным государством.

В опровержении этого можно привести ст. 3 Договора о создании «Он уважает богатство своего культурного и языкового разнообразия и заботится о сохранении и развитии европейского культурного наследия». Также аргументация содержится и в ст. 4, где сказано. Что союз соблюдает равенство государств-членов перед Договорами, уважает национальную индивидуальность государств-членов, присущую их основополагающим политическим и конституционным структурам, в том числе в области местного и регионального самоуправления.

Гражданство ЕС будучи производным от национального, как правило, предоставляет его обладателю право на равное обращение со стороны других государств-членов при пересечении внутренних границ[3, с. 54]. При этом гражданство ЕС не наделяет его обладателя непосредственно субъективными правами на материальную защиту в частности, на переводы или услуги.[4, с. 25]

Так как гражданство – правовая связь государства и физического лица, обусловленная их взаимными правами и обязанностями, можно заключить следующие: гражданство ЕС, как и любое иное, предполагает исполнения определенных обязанностей от его обладателя. Преждевсего, на граждан распространяются те же обязательства, которые действуют в стране назначения: в особенности, им надлежит платить взносы на социальное обеспечение и налоги.

Очевидно, что такой институт, как гражданство неотъемлемый для структуры конституционной политики ЕС, невозможен без заимствования принципов государств-членов ЕС. Это, во многом касается и процесса приобретения гражданства. Гипотетически, любое физическое лицо, доказавшее свою благонадежность, может претендовать на получение гражданства ЕС.[5, с. 45]

По представлению, австрийского политолога Райнера Баубека, демократический подход, относительно предоставления гражданства, заключается в следующем: создании условий, при которых национальное гражданство будет гораздо более доступным для всех долгосрочных резидентов, которые были его лишены. Естественно большинство не придерживается его взгляда, касательно данной проблематики.

Гражданство ЕС, как правило, предоставляется в порядке либо натурализации (длительное проживание в конкретной стране, приобретение недвижимости, регистрирование бизнеса, трудоустройство, образовательный процесс, брак с гражданином ЕС), либо репатриации (историческая родина и относительно близкое родство с гражданином ЕС).

В заключение хотелось бы добавить, что с учетом динамично развивающейся и изменяющейся картины мира сама концепция гражданства претерпела существенные изменения. Яркий пример данной тенденции - гражданство ЕС, выступающее не только в роли атрибута государственности, но и в качестве конгломерата национальных гражданств.

Библиография:

1. Бирюков М.М. Европейское право до и после Лиссабонского договора: Учебное пособие. / М.М. Бирюков. – М.: Статут, 2013. - 240с.
2. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Учебник. Т. 1 / М.Н. Марченко. - М.: ПРОСПЕКТ, 2011. – 744с.
3. Горниг Г. Право Европейского Союза. / Г. Горниг. - СПб.: Питер, 2005-254с.
4. Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. / М.М. Бирюков. - М.: Научная книга, 2006. – 253с.
5. Топорнин Б.Н. Европейское право: учебник. / Б.Н. Топорнин. - М.: Юрист, 2001. – 456с.

УДК 343.1

Эсенбаев Узайри Ниязбегович

Студент 3 курса Северо-Кавказского института ВГУЮ (РПА Минюста России)

г. Махачкала

E-mail: boxinguzk@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПОНЯТЫХ И НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ДАННОГО ИНСТИТУТА

Abstract: the article examines the institution of witnesses in criminallegal proceedings of the Russian Federation. Identifies problematic aspects in hislegal regulation, use in the conditions of modern realities of life, andalso analyzes the need for its existence as such andthe ability to replace with alternative technical institutes such asphoto and video recording of the course of investigative actions and conducting the institution of independent duty witnesses.

Keywords: institute of witnesses, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, investigative actions, hardware, photo and video recording, on-duty witness.

Как среди ученых-теоретиков, так и практикующих юристов нет единодушия по вопросу крайней необходимости и обоснованности привлечения понятых, а максимальное количество споров вызывает вопрос об упразднении данного института. Прежде чем рассмотреть и проанализировать существующие в научной и практической среде позиций по этому вопросу, нам необходимо обратиться к законодательной формулировке фигуры понятого и выделить основные требования, предъявляемые в уголовном судопроизводстве. Согласно ч.1 ст. 60 УПК РФ «понятой» - не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, которая привлекается дознавателем или же следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и его результатов. Выражаясь простыми словами, он выступает в качестве свидетеля, но свидетелем несовершенного преступления, а следственных действий.

Но, на практике мы видим, что предъявляемые требования так и не соблюдаются органами предварительного следствия и органами дознания в полной мере и конечно же пренебрежительное отношение правоохранителей к институту, влечет за собой нарушение норм, регламентирующих производство следственных действий и ОРМ. Чуть ли не все процессуальные действия начинаются с фразы «пригласите понятых», это и осмотр места преступления или же просто личный обыск гражданина. Законодательство РФ требует, чтобы посторонний, и не причастный к данному делу гражданин внимательно наблюдал за всеми этапами мероприятия, изучил составленный им протокол и в конечном итоге засвидетельствовал, что действия правоохранительных органов полностью соответствуют оформленному им протоколу. Но, к сожалению, на сегодняшний день, появилась тревожная практика - что эта третья, привлекаемая к процессуальным действиям фигура, нередко становится подставной личностью или вымышленным персонажем. Одна из самых часто встречаемых на практике нарушений - это производство оперативных мероприятий в отсутствии понятого, но с последующим его привлечением для оформления документов, подписания протокола и изъятого в ходе следственных действий предметов [1. С. 203-207].

В явной незаконности таких действий сомнений, как правило, возникать не должно, за исключением, когда защитнику не удастся доказать, что при производстве следственных действий, лица указанные в качестве понятых не присутствовали. Для практикующих юристов не секрет – в процессе подготовки оперативно-розыскного мероприятия сотрудники стараются не приглашать незаинтересованных лиц «с улицы», а всегда предпочитают привлекать так называемых «штатных» понятых, которые «кочуют» из одного дела в другое. После чего, в суде, показаниями этих «штатных» понятых обосновывается сам приговор.

Другая часто встречающаяся ситуация - так называемые «заочные понятые» и когда протокол по каким-либо причинам вызывает сомнения в процессе. В этот момент оказывается, что невозможно найти человека, поставившего подпись в документе [2. С. 250-253]. Есть случаи, когда понятого еще можно найти, но он объясняет суду, что подписал документы по просьбе или под принуждением и не принимал участия в следственных действиях на месте происшествия. Термин «штатные свидетели» повсеместно вошел в практику органов дознания, следствия. Почти у каждого следователя есть несколько знакомых или друзей, которые внесены в протоколы следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий в качестве понятых.

Такие понятые готовы выступить в суде и подтвердить «законность и достоверность» записанного в протоколе, даже в том случае, если на самом мероприятии участие не принимали.

Вывести на чистую воду такого рода лица, в судебном заседании сложно, да и практически невозможно, так как на проверочные вопросы судьи или адвоката, понятой может «честно» ответить, что сами события он помнит плохо в силу определенного временного промежутка между следственными действиями и судебным процессом (как правило, проходит от трех до шести месяцев), и суд в данном случае, скорее всего, посчитает подобные показания понятого соответствующими действительности. Другая затрудненность состоит в установлении факта наличия между сотрудниками и гражданином личных взаимоотношений, и даже когда, удастся, судья не всегда принимает данный факт во внимание, мотивируя отсутствием личной заинтересованности такого понятого в исходе дела, ссылаясь на ч. 2 ст. 60 УПК РФ.

К сигналу о присутствии между понятым и сотрудником каких-либо личных или служебных отношений следует отнести - сокрытие сведений о личности данного гражданина в материалах оперативно-розыскных мероприятий. Чаще всего при составлении протоколов и актов при производстве ОРМ оперативные работники могут утаить сведения, относящиеся к понятому, при этом вместо фактического адреса проживания «незаинтересованного лица» указывают адрес своего служебного кабинета [3. С. 33-37]. Такие обстоятельства, по сути, считаются сокрытием данных о личности участника процесса. Что же касается особенности участия понятых в следственных действиях, они, как было изложено выше, установлены в статье 170 УПК РФ. В связи с данными особенностями возникает проблема обеспечения участия понятых. Давайте представим, что происходит осмотр места происшествия: при этом законодатель, обязав, с одной стороны, лицо, производящее расследование, обеспечить участие понятых в следственном действии, тем самым возложил обязанность на понятых в случае вызова следователем участвовать в данном действии. Но в законе не устанавливается ответственность понятых за отказ от участия в тех или иных следственных мероприятиях. И тут, перед дознавателем и следователем возникает проблема, каким то образом убедить не 2-х совершеннолетних граждан, которые не имеют заинтересованности в исходе дела, в необходимости принять участие в следственном действии. На практике, найти таких лиц представляет затрудненность для сотрудников. Кроме того, отбор незаинтересованных лиц, отвечающих предъявляемым требованиям, часто требует значительного времени, что сказывается на своевременности расследования. Поиск свидетелей при проведении следственных действий в сельской местности особенно затруднен. Объясняется это тем, что население здесь значительно ниже, чем в городах с многоквартирными домами. А большинство домохозяйств в Российской Федерации состоит из 1-3 человек. А во время ОРМ участвуют соседи из близко расположенных квартир, соседних домохозяйств. Поэтому среди таких граждан могут быть те, кто интересуется исходом дела.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: во-первых, зачастую поиск свидетелей вызывает трудности и, как следствие, тормозит деятельность дознавателя / следователя и расследование уголовного дела, а во-вторых, быстрое развитие научно и

технического прогресса, позволяет с полнотой фиксировать любые действия органов преследования с использованием технических средств и видеозаписи без участия понятых. Понятые никогда не выступали препятствием для фальсификации сведений, тем более учитывая правовой нигилизм населения. Только видео и звукозапись процесса следственных мероприятий позволит нам документально фиксировать предметы, поведения лиц и некоторые факты, которые очень трудно отразить в протоколе осмотра. Но и фиксация так же может перейти и в проблему фальсификации при современном уровне развития техники.

Для этого законодатель должен принять закон, в котором будет четко регламентирован институт понятых, средства фиксации, и установлена ответственность за фальсификацию видеозаписей, фотографирования и аудиозаписей. Все это должно исследоваться специалистами, экспертами, что позволит нам исключить возможность манипуляции, и подмены доказательств. Ну а в пользу сохранения института понятых приведем следующие доводы: - процессуальные гарантии прав личности и интересов правосудия, при их законном участии обеспечивают именно понятые; - участие понятых в той или иной мере пресекает фальсификацию доказательств; - обеспечение участия понятых усиливает надежность получения доказательств с позиции их достоверности и допустимости.

Да, на сегодняшний день институт понятых дискредитирован самими правоохранительными органами. Но, не смотря на это, данный институт имеет нужду либо в реформировании, либо в упразднении. Не уходя в крайность, можно было бы рассмотреть вопрос о ведении так называемого «института дежурных понятых». Естественно, понятыми должны быть фигуры – независимые, обладающие базовыми знаниями и не «страдающие» правовым нигилизмом. Данный институт может быть образован в форме общественной организации, или иметь аналогию с системой народных заседателей, которые в любое время суток, будут готовы выполнить свой гражданский долг, при этом неотложные действия не будут сорваны.

Библиография:

1. Амахина Е.А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам XIII междунар. науч.-практ. конф. - № 11(13). - М., Изд. «МЦНО», 2017. - С. 203-207.
2. Митрясова А. С. К вопросу о проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве РФ // Молодой ученый. - 2018. - №18. - С. 250-253. - URL <https://moluch.ru/archive/204/49945/> (дата обращения: 15.01.2020).
3. Максименко А. В. Шевцов Р. М. Понятые в уголовном судопроизводстве /А. В. Максименко Р. М. Шевцов // Проблемы правоохранительной деятельности. -2013 г. - № 1. - С. 33–37.
4. Семенов В. А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России/ В. А. Семенов // Общество и право. - 2014 г. - № 2. - С. 170–174.

УДК: 341

Никонова Александра Эдуардовна

Студентка 3 курса юридического факультета им. А. А. Хмырова

Кубанского государственного университета

г. Краснодар, Россия

E-mail: Aleksandra.nikonova.2013@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЕЙ СРЕДИ ДЕТЕЙ

Abstract. This article is devoted to the problem of combating child drug addiction. The particular examines the causes of drug addiction among children, as well as methods and methods of combating it at the international and domestic levels. Statistics are provided on the number of people using such substances, their production and overdose deaths.

Keywords: drugs, fight against drugs, crime, rehabilitation, legalization.

Современное общество подвержено воздействию ряда социальных проблем, к которым можно отнести: преступность, алкоголизм, употребление психотропных и наркотических веществ. Наиболее уязвимой категорией населения являются дети и подростки, они сильнее подвержены мнению со стороны, менее психически устойчивы и интересуются окружающим миром в большей мере по сравнению со взрослым человеком. Серьезную озабоченность во многих странах вызывает детская наркомания, которая наносит ущерб здоровью. Количество наркоманов ежегодно растет, а их средний возраст уменьшается. На заседании Совета безопасности Российской Федерации 28 апреля 2017 года В. В. Путин привел статистические данные: "Общее количество только официально зарегистрированных наркозависимых составляет по нашим статистическим данным порядка 600 тысяч человек. К сожалению, за последние пять лет эта цифра не меняется, при этом число несовершеннолетних наркоманов возросло на 60%". Также глава государства посетовал, что, по неофициальным данным социальных опросов, наркотики употребляют около 7,5 млн человек, из них 2 млн наркоманов делают это регулярно [1]. В мире же это число достигает отметки 35 млн человек. Наиболее высокая распространенность употребления опиоидов преобладает в Европе, Азии, Африке и Северной Америке, а каннабиса - в Северной Америке, Южной Америке и Азии по сравнению с 2009 годом [2]. Наркомания порождает некоторые и другие проблемы: рост преступности, заболевание различными инфекциями, в том числе СПИДом, преждевременная смерть.

Для борьбы с любой проблемой необходимо установить ее источники, причины. Выявление причин необходимо и для устранения такого бича общества, как наркомания. Зачастую наркотики используются детьми и подростками как способ уйти от проблем в школе, семье, с друзьями. Желание узнать что-то новое для себя, поэкспериментировать, понять, каково это быть «под кайфом» также приводит к таким последствиям. Еще одной причиной является такая особенность мозга, как привыкание к вещам, вызывающим радость и наслаждение. Так, попробовав однажды и испытав «кайф», молодые люди пытаются повторить те же ощущения и в конечном итоге становятся зависимыми. К перечню названных причин можно добавить низкую стоимость наркотиков. Сравнивая страны Западной и Центральной Европы по цене на героин за грамм в 2017 году, можно прийти к выводу, что самый доступный он в Греции (24 доллара США), максимальная же его стоимость - в Финляндии (168 долларов США), а средняя его стоимость равняется 55 долларам США. В особой степени этому подвержены дети, чьи родители находятся на верхних ступенях социальной лестницы, поскольку у них увеличены время, свободное от родительского контроля, и размеры средств на «карманные расходы».

26 июня 2019 года в Вене был заслушан Всемирный доклад о наркотиках, опубликованный Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), в котором озвучены неутешительные цифры: предполагаемый объем мирового незаконного производства кокаина достиг рекордного уровня - 1,976 тонн в 2017 году, что на 25 процентов больше, чем в 2016 году. А также кризис передозировки синтетических опиоидов в Северной Америке достиг новых высот: было зарегистрировано более 47 000 случаев смерти от передозировки в США (это на 13% больше, чем в предыдущем году), 4000 случаев смерти в Канаде, что составляет увеличение на 33% с 2016 года. Пятую часть данных показателей составляют дети и подростки в возрасте до 17 лет. Но в то же время мировое количество кокаина, изъятого в 2017 году, выросло на 13 процентов и составило 1,275 тонн - самое большое зарегистрированное количество [2].

Для подготовки ежегодного доклада Экономическим и Социальным Советом ООН готовится вопросник, состоящий из четырех частей: законодательная и институциональная основа; комплексный подход к задаче сокращения спроса на наркотики и их предложения; масштабы, формы и тенденции потребления наркотиков; масштабы, формы и тенденции в области культивирования, изготовления и незаконного оборота наркотиков. Всем странам предлагается определить единого координатора для представления данных о наркотиках. Такой вопросник предназначается для оказания поддержки в создании объединенной информационной системы по наркотикам, оценке распространенности злоупотребления наркотиками, проведении обследований по поводу злоупотребления наркотиками, анализе базовых данных, проведении качественного исследования и целевых оценок; также в нем содержатся указания в отношении этических норм в связи с эпидемиологией злоупотребления наркотиками. На основании собранных данных планируется соответствующая политика в области борьбы с наркоманией, в том числе и детской.

Распространение наркотиков чаще всего осуществляется путем рассылки СМС-сообщений, «закладок», реализации в ночных клубах и тюрьмах. Самым оптимальным вариантом является их продажа в клубах, так как они не находятся под постоянным контролем правоохранительных органов. СМС-сообщения тоже не представляют собой проблему, поскольку они отправляются с незарегистрированных номеров, отследить которые достаточно сложно.

Борьба с наркотиками ведется в усиленном режиме различными способами. Одним из таких способов, являющихся самым действенным, выступает установление ответственности и работа правоохранительных органов. В Российской Федерации предусмотрены следующие виды ответственности: уголовная (ст. 228-230, 231-233 УК РФ), административная (ст. 6.8-6.9.1, 6.13-6.16.1, 20.20, 20.22 КоАП РФ). Российский законодатель предусматривает жесткие санкции за наркотические преступления. В одном из таких составов предусмотрено как один из видов наказания пожизненное лишение свободы. Уголовное законодательство других государств относится к этому вопросу более лояльно. Так, уголовным кодексом Туркменистана в качестве самой жесткой карательной меры выступает лишение свободы на срок от шести до двенадцати лет.

Следующий способ – проведение тестов на наркотики. Они могут выступать как в форме общения со специалистом, прохождения социально-психологического тестирования, так и при помощи скрининга путем исследования биологических маркеров. Такие методы используются в образовательных организациях, но они не являются правомерными, поскольку для проведения скрининга необходимо либо согласие родителей, либо санкция правоохранительных органов, что зачастую игнорируется [5, с. 55]. Относительно молодой технологией профилактики потребления наркотических средств является ежегодное онлайн-тестирование школьников и студентов на возможную склонность к зависимостям. Оно позволяет привлечь внимание не только детей и подростков, но и их законных представителей к проблеме распространения наркотиков, а также оценить и скорректировать

основные направления и формы деятельности профилактической работы в образовательных организациях.

Также ежегодно проводится всероссийская антинаркотическая акция «Сообща, где торгуют смертью», которая направлена на призыв к участию населения в противодействии незаконному обороту наркотиков и профилактике их немедицинского потребления. Так, на территории г. Краснодар в период с 11 по 22 марта 2019 года можно было увидеть плакаты с призывом передать информацию, задать вопросы и высказать предложения по указанным номерам телефонов, помимо этого, информация была размещена на сайте администрации города и края в сети Интернет. Проблемным аспектом данного метода борьбы выступает менталитет российского общества, который основан на принципах семейности и братства. Немногие граждане смогут сообщить о своих близких, друзьях и знакомых как о наркоманах.

Схожим способом является проведение конкурсов, лекций для учащихся, раздача листовок и памяток о вреде наркотических и психотропных веществ, о пользе здорового образа жизни. Этот способ тоже можно отнести к слабо действующим, потому что мероприятия подобного рода организуются в неинтересной для детей и подростков форме и отнимают время.

Результативным способом борьбы с наркоманией служит лечение в реабилитационных центрах, которое проводится в несколько этапов: снятие ломки (от 2 до 7 дней), детоксикация (21 день), реабилитация (от 1 до 6 месяцев), ресоциализация (от 1 до 6 месяцев). Большинство центров помощи наркозависимым в Краснодаре оказывают платные услуги, называя минимальную цену – от 600 рублей за сутки пребывания в стационаре. Исходя из этого, можно понять, что наименьшая стоимость лечения – 13800 рублей. Большая часть семей в связи со своим материальным положением не располагает возможностью прибегнуть к помощи такой организации. Во многих частях мира профилактика и лечение по-прежнему терпят неудачу, и только каждый седьмой человек с расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, получает лечение каждый год [2].

В исправительных учреждениях, в том числе и в воспитательных колониях, употребление наркотиков – острая проблема, так как распространенность таких инфекционных заболеваний, как ВИЧ, гепатит С и активный туберкулез, а также связанных с ними рисков, непропорционально выше среди тюремного населения, чем среди населения в целом. О предоставлении лечебных мер в местах лишения свободы в 2017 году сообщили только 56 стран, тогда как 46 стран сообщили, что в их тюрьмах такой вариант лечения отсутствовал. Программы по использованию одноразовых шприцев и игл гораздо реже доступны в тюрьмах: 11 стран сообщили о том, что они есть как минимум в одной тюрьме, а 83 страны сообщили об их отсутствии [2].

Некоторые государства выбрали легализацию наркотиков в качестве меры борьбы с наркозависимостью. Так, в Португалии вместо борьбы с наркотическими преступлениями государственная власть перешла на борьбу с болезнью: хранение и употребление наркотиков потеряли статус уголовных преступлений, и перешли в разряд административных правонарушений. Средства, которые в прошлом уходили на содержание преступников, осуждённых за связанные с наркотиками преступления, направили на программы лечения. В связи с этими изменениями упал спрос на синтетические вещества, и количество зависимых, обращающихся за лечением, возросло. В соответствии с данными отчёта Европейского центра мониторинга наркотиков и наркозависимости 2016 года, число смертей от передозировки в Португалии оказалось одним из самых низких в Европе: три на один миллион жителей [3].

Хранение наркотиков в небольших количествах для личного использования не считается уголовным преступлением в Чехии, Бельгии, Испании, Австрии, Люксембурге, некоторых федеральных землях Германии, в ряде австралийских штатов, а также в Аргентине, Мексике, Боливии и Чили. В медицинских целях выращивание разрешено в

Канаде, Хорватии и Италии. При этом практически везде открытое употребление в общественных местах считается правонарушением.

Легализация является сомнительным методом, но в то же время желание детей и подростков попробовать недоступное ослабевает.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что борьба с детской наркоманией продолжается, и с каждым годом методов противодействия ей становится все больше. Хочется выразить надежду на то, что в ближайшем будущем дети и подростки будут относиться с большим трепетом к своему здоровью.

Библиография:

1. Путин констатировал рост числа несовершеннолетних наркоманов в РФ на 60% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4220430>
2. World Drug Report 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/wdr2019/>
3. Европейский доклад о наркотиках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/2637/European%20Drug%20Report_Russian_web.pdf
4. Ромашев Ю. С. Международное правоохрнительное право: монография - 3-е изд., доп. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2018.
5. Осипова Р. Г. Наркомания в молодежной среде: причины распространения и возможные методы профилактики // Молодой ученый. - 2011. - №7. Т.2. - С. 53-59.
6. Сороченко М. В. Основы государственной политики в области противодействия наркомании среди несовершеннолетних // Общество: политика, экономика, право. 2018. №5. С. 108-111.

УДК 342.7

Тимофейчик Татьяна Николаева

аспирант кафедры теории и истории права

УО «Белорусский государственный экономический университет», Минск

e-mail: tattyana86@mail.ru

ПРАВО НА ЗАНЯТИЕ СПОРТОМ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ

Abstract. The article discusses approaches to the definition of the concept of the right to sports. Based on the norms of international and national law, an author's definition of the concept of the right to engage in sports can be given.

Keywords: sport, physical education, the right to engage in sports, definition

В современной правовой доктрине не выработано единого определения понятия права на занятие спортом.

Так, российский правовед В.И. Гойман отмечает, что понятие права на занятие физической культурой и спортом подразумевает под собой способ воздействия – установление, юридическая конструкция которого такова, что оно не предполагает точно определенных прав и обязанностей участников правовых отношений – установления имеют всеобщий, универсальный характер, обращены ко всем или ко многим видам субъектов [2, с. 219]. Следует согласиться с указанной точкой зрения, так как исходя из анализа международных и национальных нормативно-правовых актов, зачастую формулировка исследуемого права представлена в общем виде без конкретизации того, что в него входит.

Встречается и противоположная точка зрения. Российский исследователь А.Н. Егоричев, рассматривает право на занятие физической культурой и спортом как полноценный элемент правового статуса личности. А.Н. Егоричев отмечает, что это

подтверждается тем, что четко определяются субъекты при реализации данного права, а также конкретные права и обязанности сторон, а именно: права граждан и обязанности государства, связанные с осуществлением их права на занятие физической культурой и спортом [5, с. 29]. Данная точка зрения отражает понятие права на занятие физической культурой и спортом только с позиции правового статуса личности, и поэтому, на наш взгляд, является не полной.

Российский исследователь Д. Герасимов в своей работе «Понятие и содержание конституционного права на занятие физической культурой и спортом» дает следующее определение: право на занятие физической культурой и спортом в качестве субъективного права есть закрепленная в Конституции РФ и гарантированная конституционными и отраслевыми нормами реальная, постоянная и неотчуждаемая совокупность правомочий любого индивида беспрепятственно поддерживать свое здоровье и реализовывать себя путем занятий физической культурой и любыми видами спорта, требовать от государства, всех юридических и физических лиц соблюдения конституционных обязанностей направленных на обеспечение данного права, а также обращаться за государственной или общественной защитой в случае нарушения ими этих обязанностей [1].

Данная точка зрения, на наш взгляд, является наиболее полной, однако она отражает понятие права на занятие физической культурой и спортом только с позиции национального права.

Отсутствие четкой формулировки понятия права на занятие спортом привело к разному пониманию места указанного права среди других прав человека. При определении места права на занятие спортом в системе прав и свобод человека в доктрине представлены разнообразные мнения: элемент ли это социальных или культурных прав, либо же вообще часть личных прав.

По мнению А.Н. Егорычева, «физическая культура вполне удовлетворяет естественные потребности человека (например, потребность в сохранении жизни, в отдыхе, движении, физическом развитии). Поэтому можно говорить о том, что право на занятие физической культурой является естественно-правовым элементом и вполне может выступать частью правового статуса личности, т.е. иметь закрепление в законодательстве различных стран, а также в международном праве» [5, с. 28]. А.Н. Егорычев относит данное право именно к личным, аргументируя это тем, что «...человек, занимаясь физической культурой и спортом, удовлетворяет свои естественные потребности независимо от наличия социальной или иной среды. Как бесспорно его естественное право на жизнь, так и бесспорно его право на движение, физическое развитие именно потому, что право на занятие физической культурой и спортом обладает свойствами личных прав» [5, с. 28].

С данной точкой зрения согласен и российский правовед Д.А. Герасимов, который отмечает, что «место права на занятие физической культурой и спортом в системе других прав человека обусловлено тем, что оно является личным (неотъемлемым) правом и его следует относить к первому поколению прав человека» [1].

По мнению И.И. Иванова, право на занятие физической культурой и спортом относится к социально-культурной группе. И.И. Иванов отмечает, что «в соответствии с общемировой тенденцией вопросы развития физической культуры и спорта становятся ключевым направлением социальной политики и одной из основных социальных функций государства [7]. Данной точкой зрения придерживается и российский юрист В.И. Журавлев, подчеркивая, что «право на занятие спортом носит социальный характер и его можно отнести к социальным правам» [6, с. 215].

Р.Д. Гребнев отстаивает концепцию понимания конституционного права на спорт как более широкого права, включающего в себя спортивно-досуговый и еще ряд других компонентов.

На наш взгляд, учитывая то, что спорт является социально-культурной деятельностью [12] (что неоднократно подчеркивается международно-правовыми актами в сфере спорта), право на занятие спортом относится к социально-культурным правам.

Как уже отмечалось выше, исходя из анализа международных и национальных нормативно-правовых актов, зачастую формулировка права на занятие спортом представлена без конкретизации того, что входит в его структуру и содержание. В силу чего в правовой науке нет и единого мнения по данному вопросу.

Российский проф. Н.И. Матузов, исследуя теорию субъективных прав и обязанностей граждан, выделяет следующие элементы субъективного права: возможность положительного поведения самого управомоченного, т.е. право на собственные действия; возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного лица, т.е. право на чужие действия; возможность прибегнуть к государственному принуждению в случае неисполнения противостоящей стороной своей обязанности (притязание); возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом [8, с. 84]. Иными словами, субъективное право может выступать как право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование.

Российский исследователь Д. Герасимов, опираясь на данную структуру субъективного права, определяет структуру конституционного права на занятие физической культурой и спортом как закрепленную в Конституции Российской Федерации и гарантированную Российским государством реальную возможность любого индивида выбирать вид и меру занятия физической культурой и спортом, реализовывать свои права на занятие физической культурой и спортом и иметь возможность совершать необходимые действия для защиты своих прав в данной сфере в судебном и административном порядке [1].

Российский ученый А.Н. Егоричев отмечает, что право человека на занятие физической культурой и спортом предполагает права на: а) поощрение и финансирование со стороны государства развития физической культуры и спорта; б) равный доступ к занятиям физической культурой и спортом; в) государственную поддержку спортивных объединений; г) обеспечение населения необходимым количеством спортивных сооружений; д) обеспечение и стимулирование создания учреждений дополнительного образования спортивной направленности [4, с. 10].

Похожую точку зрения можно встретить и у российского исследователя И.И. Иванова, который, исследуя вопросы содержания права на занятие физической культурой и спортом, приходит к выводу, что в содержание указанного права входит обязанность государства обеспечить население необходимым количеством спортивных сооружений; установить порядок доступа к пользованию данными сооружениями, учитывающий возможности различных категорий населения; обеспечить и стимулировать создание учреждений дополнительного образования спортивной направленности; стимулировать проведение спортивных соревнований [7, с. 6].

Указанные точки зрения представляются интересными, однако рассматривают содержание права на занятие физической культурой и спортом только с позиции обязанностей государства, что представляется несколько однобоким.

Российский конституционалист Р.Д. Гребнев подчеркивает, что «...конституционное право на спорт не может рассматриваться как упрощенная декларация о том, что человек имеет право прийти в спортзал или «погонять мяч» во дворе, пойти и записаться при желании в спортивную секцию, заниматься там. Но и сказанное не может исключаться из содержания или следствий указанного права. Конституционное право на спорт – это одно из наиболее дискуссионных конституционных прав, – в силу его комплексности и неявности (опосредованности) закрепления его компонентов и гарантий» [3, с. 23].

Так, в содержание интегрального конституционного права на спорт Р.Д. Гребнев включает следующие компоненты: 1) право на охрану здоровья и право на здоровый образ

жизни; 2) право на благоприятную психологическую среду и на психологическую разрядку, право на психическое здоровье; 3) право на отдых и досуг, на доступ к развлечениям, включая право на выбор формы досуга (в том числе спортивной формы досуга); 4) право на игру и право на состязательность; 5) право на автономию личности; 6) право на межличностные и общественные коммуникации; 7) право на объединение; 8) право на доступ к культуре и на участие в культурной жизни общества; 9) право на воспитание; 10) право на социальную интеграцию и право на солидарность; 11) право на признание, охрану, защиту и реализацию достоинства личности человека; 12) право на личностное развитие; 13) право на мир и безопасность; 14) право на защиту от дискриминации; 15) интегральное право на определенное качество жизни и благополучие [3, с. 16-17].

Однако, не умоляя значимости авторской концепции Р.Д. Гребнева, представляется, что понимание права на занятие спортом в таком ракурсе является расширенным.

Российский правовед В.И. Журавлев в содержание права на занятие физической культурой и спортом включает следующие правомочия: а) свободное распоряжение своими спортивными способностями; б) доступ к спортивным объектам; в) членство в спортивных объединениях; г) собираться для публичного выражения мнения о спортивных объединениях; д) участвовать в зрелищных мероприятиях; е) мигрировать для реализации права на труд в сфере спорта; ж) заниматься профессиональным спортом; з) получать физическое воспитание в образовательных учреждениях; и) оказание медицинской помощи, гарантии неиспользования допинга; к) обеспечение личной и общественной безопасности; л) содействие развития физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья; м) получение квалифицированной юридической помощи; н) передача, распространение соответствующей информации через средства массовой информации любым законным способом; о) передвижение по территории Российской Федерации, выезд за ее пределы для удовлетворения спортивных интересов; п) обращение лично, направление индивидуальных и коллективных обращений в государственные органы и органы местного самоуправления; р) получение помощи от спонсоров; с) государственная защита и доступ к правосудию [6, с. 213].

Таким образом, все выше представленные точки зрения определяют содержание права на занятие спортом лишь с позиции национального (конституционного) права отдельно взятого государства.

Думается, что определение понятия права на занятие спортом невозможно без обращения к международно-правовым актам, регулирующим спортивные правоотношения.

Основным учреждением, занимающимся вопросами спорта в системе ООН является ЮНЕСКО. Международная хартия физического воспитания и спорта, **принятая ЮНЕСКО в 1978 г.**, наполнила право на занятие спортом конкретным содержанием. В ст. 1 прямо закреплено, что «занятие физическим воспитанием и спортом - основное право каждого человека [9, с. 186]».

Далее определяется ряд правомочий, входящих в право на занятие спортом, включая право: развивать физические, интеллектуальные и нравственные способности посредством спорта в рамках системы образования и в других аспектах общественной жизни; в соответствии со спортивными традициями своей страны, участвовать в спорте для улучшения своего состояния и достижения уровня спортивных успехов сообразно своим способностям; спортивные состязания, содержащие зрелищные элементы, должны оставаться, в соответствии с олимпийским идеалом, на службе воспитательного спорта и должны быть свободны от коммерческого влияния, основанного на стремлении к наживе; программы физического воспитания и спорта должны отвечать потребностям отдельных лиц и общества; национальные организации играют первостепенную роль в физическом воспитании и спорте; сбор, хранение и распространение информации и документации о физическом воспитании и спорте, в частности, о результатах исследований и оценок

программ, экспериментов и мероприятий; подготовка работников СМИ может включать в себя аспекты, касающиеся физического воспитания и спорта [9, с. 186-187].

14-15 мая 1992 г. на Родосе министры по спорту государств Европы, собравшись на 7-й конференции, утвердили Спортивную хартию Европы, которая вступила в силу 24 сентября 1992 г. В статье 1 закреплено, что «с целью содействия спорту как важному фактору в развитии человека дать возможность каждому человеку заниматься спортом, в частности:

а) предоставив всей молодежи возможность получения знаний по физическому воспитанию, а также приобретения основных спортивных навыков;

в) обеспечив каждому возможность заниматься спортом и физической активностью в безопасных условиях и на фоне благоприятной окружающей среды;

в сотрудничестве с соответствующими спортивными организациями,

с) гарантировав каждому, проявляющему интерес и обладающему способностями, возможность улучшать свои показатели в спорте и реализовать свой индивидуальный потенциал и/или достичь общепризнанных вершин мастерства» [12].

В национальном законодательстве право на занятие спортом получило правовое закрепление в законе «О физической культуре и спорте», принятом 4 января 2014 г. В п. 1 ст. 4 закреплено «каждый гражданин Республики Беларусь имеет право на занятие физической культурой и спортом» [10]. Однако, в законе не дана дефиниция указанного права.

Итак, на основе норм международного и национального права можно дать определение понятия права на занятие спортом:

Право на занятие спортом есть закрепленная и гарантированная международными и национальными правовыми нормами реальная, постоянная и неотчуждаемая совокупность правомочий любого индивида развивать свои физические, интеллектуальные и нравственные способности посредством занятий спортом, а также возможность участвовать в спортивных состязаниях для достижения спортивных успехов сообразно своим способностям, требовать от всех субъектов международного и национального спортивного права соблюдения обязанностей, направленных на обеспечение данного права, а также обращаться за международной, государственной или общественной защитой в случае нарушения ими этих обязанностей.

Представляется необходимым закрепить указанную дефиницию в ст. 1 закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте».

Библиография:

1. Герасимов, Д. Место и роль права на занятие физической культурой и спортом в системе конституционных прав и свобод человека / Д. Герасимов // Право и жизнь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : // <www.law-n-life.ru/arch/124/124-2.doc>. – Дата доступа : 24.12.2019.
2. Гойман, В.И. Система права. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 462 с.
3. Гребнев, Р.Д. Конституционное право на спорт: монография / предисл. д.ю.н., проф. С.В. Алексеева / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национальное объединение спортивных юристов. – М., 2012. – 117 с.
4. Егоричев, А.Н. Конституционно-правовые основы физкультурной деятельности: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.Н. Егоричев; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 23 с.
5. Егоричев, А.Н. Право на занятие физической культурой как элемент правового статуса личности / А.Н. Егоричев // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 1. – С. 28-29.
6. Журавлев, В.И. Право каждого на занятие физической культурой и спортом в системе конституционных прав человека // В.И. Журавлев // Вестник Саратовской

- государственной юридической академии. – Саратов: ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юр. акад.», 2012. – № 4 (87). – С. 212-215.
7. Иванов, И.И. Роль и значение физической культуры и спорта в становлении гражданского общества, развитии государственности / И.И. Иванов // Спорт: экономика, право, управление. – 2007. – № 1. – С. 2-6.
8. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. – 512 с.
9. Международная хартия физического воспитания и спорта: Совершено г. Париж, 21 ноября 1978 г. // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. – М.: Логос, 1993. – С. 186-190.
10. О физической культуре и спорте: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З (с изм. и доп.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 21.01.2014. – 2/2123; 18.01.2018. – 2/2530.
11. Рожков, П.А. Развитие физической культуры и спорта - приоритетное направление социальной политики государства / П.А. Рожков // Теория и практика физической культуры. – 2002. - № 1. – С. 2-8.
12. Спортивная хартия Европы // Спорт для всех [Электронный ресурс]. – 1996. – № 1-2. – Режим доступа: <http://lib.sportedu.ru/press/sfa/1996N1/p14-17.htm>. – Дата доступа: 25.12.2019.

УДК 323:305 [73+(470+571)]

Хлопкова Александра Викторовна

студентка 3 курса Исторического факультета (направления подготовки
«Международные отношения»), ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В США И РОССИИ

Abstract. The article discusses the main aspects of ensuring gender equality of women in the Russian Federation and the United States of America. The advantages and disadvantages of state systems in the field of ensuring this equality are analyzed. A comprehensive analysis of the gender laws of both countries has been implemented. The areas of women's activity in which they are subjected to discrimination and abuse, as well as the status of women in modern Russia and the USA, are examined.

Keywords: gender equality; gender policy; gender laws; gender discrimination; status of women; Russian Federation; USA.

Гендерное равенство является одним из основных прав граждан и фундаментальной ценностью любого демократического государства. Для достижения этого упомянутое право должно быть не только юридически признанным, но и эффективно реализовываться во всех сферах жизни: политической, экономической, социальной и культурной. В современном мире гендерное неравенство является серьезной проблемой на местном, национальном и глобальном уровнях. Гендерное неравенство не только ухудшает положение отдельных женщин и мужчин, а и тормозит экономический рост и развитие в государстве. Устойчивое развитие в государстве зависит от сокращения дискриминационных действий в отношении женщин.

Стоит отметить, что в исследовании "Женщины, бизнес и закон-2019", которое провел Всемирный банк, США заняли 65-е место. А Россия по уровню гендерного равенства занимает 116-е место в мире. Для оценки были использованы показатели в области оплаты труда, трудоустройства, ведение собственного бизнеса, управление активами, пенсионное

обеспечение, свобода передвижения, а также брак и наличие детей. Такое положение стран во многом связано с эффективной или неэффективной реализацией гендерной политики, которая закрепляется в основных законах и нормативно-правовых актах обоих государств.

Рассматривая гендерную политику Российской Федерации, стоит отметить, что в соответствии с Конституцией (ч. 3 ст. 19) «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». А для определения центральных приоритетов государственной политики в отношении женщин была разработана национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы, целью, которой является содействие реализации принципа равных прав и свобод мужчины и женщины, а также создание равных возможностей для их реализации женщинами в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права [8, с. 104].

Одним из важнейших документов в области национальных механизмов защиты равноправия полов, помимо Конституции РФ и других нормативно-правовых актов, является Уголовный кодекс РФ. Помимо общего регулирования в Уголовном кодексе уделяется внимание вопросам обеспечения собственно гендерного равноправия как нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина, что отмечается в ст. 136 УК РФ. Существенным также является тот факт, что помимо уголовного законодательства обеспечение прав человека осуществляется Кодексом РФ об административных отношениях, который устанавливает ответственность за правонарушения, посягающие на закрепленные в Конституции России права граждан [5, с. 107].

Анализируя гендерную политику США, следует отметить, что одним из наиболее значимых законов, помимо Конституции, ограничивающих дискриминацию в Соединенных Штатах Америки, является раздел VII Закона о гражданских правах 1964 года. В нем запрещается отказ в приеме на работу, увольнении либо иных дискриминационных воздействиях со стороны работодателя в связи с полом, отношением к какой-либо религии, а также национальным происхождением человека. Последующие изменения, которые были внесены в Закон о гражданских правах, способствовали еще большему усилению защитных мер в отношении прав граждан. Например, принятие Закона о равноправии при трудоустройстве 1972 г. и Закона о запрете дискриминации беременных женщин 1978 года. А для того, чтобы повысить эффективность Закона о гражданских правах 1964 г, который ограничивал дискриминационные воздействия в отношении женщин, согласно усовершенствованному Закону о гражданских правах 1991 г. были созданы суды присяжных, а также предусмотрено взыскание штрафных санкций, в случае дискриминации [3, с. 102].

Необходимо подчеркнуть, что особенностью законодательства Соединенных Штатов является то, что оно не охватывает работодателей небольших предприятий, так как к ним антидискриминационные запреты обычно не применяются. В США считается незаконным распространять или публиковать объявления и рекламные материалы, связанные с трудоустройством, в которых содержатся определенные условия работы и косвенно являются дискриминацией по полу, принадлежности к определенной религии или национальности. Объявления такого рода запрещено распространять и в России.

В отличие от Российской Федерации в США согласно главе 14 раздела 29 Свода постановлений федерального правительства, женщинам в США предоставляется защита от сексуальных домогательств на предприятиях. Для женщин, которые пострадали от насилия, по всей территории Соединенных Штатов работают кризисные центры и приюты, где они могут получить необходимую помощь [7, с. 98]. Однако в России подобная защита женщин от сексуального насилия отсутствует. При этом уровень насилия в России очень высокий – не только сексуального насилия, а насилия вообще.

По данным на 2013 год, в России более 36 тыс. женщин подвергались ежедневным насильственным действиям со стороны мужа, при этом лишь 30-40 % из пострадавших женщин обращаются за помощью, а 97% дел, связанных с домашним насилием, не доходит

до суда. Несмотря на то, что вопрос о насилии над женщинами в Российской Федерации остается острым, комплексный закон, программа, стратегия или план действий по профилактике и предотвращении семейного насилия отсутствует. Несформированная и система гражданско-правовых средств защиты, что существенно ограничивает возможности пострадавших на получение своевременной и квалифицированной помощи, а также способность правоохранительных и судебных органов, социальных и медицинских служб действительно реагировать на случаи насилия в семье. Необходимо добавить, что поправка в Уголовный кодекс 2017 года отменила уголовную ответственность за побои и прочие насильственные действия в отношении близких, если акт агрессии не причинил вреда здоровью. Уголовная ответственность сохранилась для тех, кто ранее привлекался за это к административной ответственности. Первое применение силы, в соответствии с законом, стало караться штрафом, арестом на срок до 15 суток или обязательными работами. А новый закон, направленный на профилактику и защиту от домашнего насилия остается лишь в стадии разработки [2, с. 15].

В США вопреки довольно развитому антидискриминационному законодательству, в ряде штатов (Юта, Вермонт, Алабама, Луизиана) до сих пор встречаются случаи дискриминации в отношении женщин. Так, в 1991 г. разница в оплате труда белых мужчин и женщин одинакового возраста и квалификации составляла 37% [6, с. 24]. Что касается России, важно отметить, что трудоустройство женщин, их положение на рабочих местах, условия и оплата труда в среднем оказываются значительно хуже и ниже, чем у мужчин. Несмотря на существенное снижение численности женщин, пострадавших на производстве, безопасные условия труда организованы не на всех предприятиях. С 1992 г. было запрещено использовать труд женщин до 35 лет в растениеводстве, животноводстве, птицеводстве и звероводстве, если в этих отраслях используются ядохимикаты, пестициды и т.д. Однако этот закон зачастую просто нигде не соблюдается. Например, в 2015 году на работах с вредными и опасными условиями труда были заняты 1145 тыс. женщин, а среди лиц, пострадавших на производстве, было более 8 тыс. женщин [9, с. 5].

Проблема безработицы среди женского населения остается важной проблемой в Российской Федерации, в то время как безработица в США практически отсутствует. Следует отметить, что женщины РФ составляют более половины лиц, официально безработных. В 2015 году уровень безработицы среди женщин составил 5,3%, а доля женщин, находящихся в поиске работы через службы занятости, в общем числе безработных женщин составила 30,4%. Также остается острой проблема трудоустройства женщин до 30 лет. А проблема возрастного ценза при трудоустройстве актуальна в первую очередь для женщин старше 40 лет [2, с. 16]. При таких равных условиях, как образование и квалификация, работодатель, как правило, стремится принимать на работу мужчин, так как чаще всего действует устаревший стереотип, что работник-мужчина больше заинтересован в своей карьере, в отличие от женщины, для которой на первом месте стоят семья и дети. Такие дискриминационные действия характерны для России.

Согласно законодательству Российской Федерации женщины имеют равные возможности в получении доступа к государственной службе, а также к участию во внешнеполитической деятельности. Процент женщин среди лиц, занимающих должности государственной гражданской службы в органах государственной власти субъектов Российской Федерации, составляет 42,3%, а доля женщин среди лиц, занимающих должности муниципальной службы, - 78,8% [1, с. 151]. На 1 января 2017 г. доля женщин среди членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации составила 17%, среди депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации - 15,6%. Так, в 2000 году, среди членов Сената США женщин было менее четверти, а в Палате представителей, где представлен каждый штат пропорционально численности населения, женщин всего 19%. Президентом США женщина не становилась ни

разу [4, с. 80]. Однако, число женщин в новом составе Палаты представителей Конгресса США выросло и на данный момент составляет 102 члена. Среди них первые две американки индейского происхождения, эмигрантка из Сомали, эмигрантка палестинского происхождения и 29-летняя пуэрториканка. Возглавляет палату тоже женщина, 78-летняя Нэнси Пелоси. Представительство женщин в национальной политике растет, но это еще далеко не равноправие.

Проблема дискриминации по полу имеет место и в системе образования. Статистика Департамента образования США свидетельствует о том, что за 2006 г. поступило около 670 жалоб относительно дискриминации по признаку пола в учебных заведениях Соединенных Штатов. Вопреки положениям поправок к Закону об образовании 1972 г., которые запрещают дискриминацию на основе пола в рамках любой образовательной программы или вида деятельности, получающих федеральную финансовую помощь. Несмотря на несомненный прогресс в защите прав женщин в сфере высшего образования в США, а также активную роль судебной системы США в этом процессе, тенденция проявлений дискриминации сохраняется, но уже в более скрытых формах [10, с. 31]. В современной России женщины составляют значительную часть высококвалифицированных научных кадров (25 % среди докторов наук и 41% среди кандидатов наук). Однако научный и интеллектуальный потенциал женщин используется не в полной мере. В результате женщины недостаточно интегрируются в рынок труда, связанный с новым технологическим укладом, и не всегда могут участвовать в инновационном развитии страны, что ведет к сохранению разницы в доходах женщин и мужчин.

В XX веке женщины были ограничены в своих правах и в сфере здравоохранения. Аборт стал законным в Нью-Йорке в 1970 году. В большинстве других штатов аборт считался преступлением. Закон о репродуктивном здоровье был неоднократно одобрен законодательным собранием штата, находящимся под контролем демократов, но он так и не был принят сенатом штата, где доминируют республиканцы. В 2013 году республиканцы в 22 штатах ввели в действие 70 различных ограничений на аборт, нанеся мощный удар по праву американских женщин на репродуктивное здоровье [3, с. 109]. Что касается России, стоит отметить, что в результате реализации комплекса мер в области здравоохранения (медико-социальная помощь женщинам, находящимся в трудной жизненной ситуации, доабортное консультирование беременных женщин, повышение уровня репродуктивной культуры населения) в Российской Федерации отмечается положительная тенденция к снижению числа аборт. С 2010 по 2015 год число данных медицинских процедур снизилось с 1186 тыс. абортов до 848 тыс. абортов, а показатель числа абортов на 1 тыс. женщин детородного возраста за этот период уменьшился с 32 до 24 [9, с. 10].

Однако в России, несмотря на принимаемые правительством меры в области здравоохранения, высокими остаются показатели заболеваемости среди женского населения. За последние 10 лет количество женщин, которым поставлен диагноз "бесплодие", сохраняется на уровне 230 - 260 случаев на 100 тыс. женщин в возрасте 18 - 49 лет, в 2015 году такой диагноз был установлен у 94,2 тыс. женщин. Однако необходимо подчеркнуть, что Российская Федерация приложила заметные усилия для достижения низкого показателя среди материнской смертности, что помогло существенно обезопасить и улучшить положение женщин-матерей [5, с. 110].

Еще один фактором неравенства в Соединенных Штатах является дискриминация женщин по расовому признаку. По данным Центра по контролю и профилактике заболеваний, афроамериканские женщины сталкиваются с высоким бременем материнской смертности, младенческой смертности и инфекций, передаваемых половым путем, включая ВИЧ. Кроме того, расизм является основополагающим фактором, определяющим состояние здоровья, поскольку он способствует социальному неравенству (например, нищете), которое

формирует поведение в области здравоохранения, доступ к медицинскому обслуживанию и взаимодействие с медицинскими работниками. Одним из самых пагубных является положение чернокожих женщин на рынке труда. Бюро трудовой статистики США показывает, что процент чернокожих женщин, работающих полный рабочий день на минимальной заработной плате, выше, чем у любой другой расовой группы. Что еще хуже, разрыв в оплате труда еще больше в сфере услуг, где женщины зарабатывают меньше в неделю, чем женщины, работающие полный рабочий день по всем профессиям. Помимо того, что чернокожие женщины чрезмерно представлены на низкооплачиваемом конце спектра, они недопредставлены на самом верху [10, с. 42].

Проанализировав изложенное, стоит отметить, что последние пятьдесят лет социального и экономического прогресса женщин были названы «грандиозной гендерной конвергенцией», «вторым демографическим переходом» и «подъемом женщин» - терминами, указывающими на заметное изменение социальной и экономической роли женщин. Однако в России процесс обострения социально-экономических проблем в обществе в некоторой степени отразился на снижении жизненного уровня и в целом на ухудшении социального положения женщин. В современной реальности социально незащищенными остается большая часть женского населения. Формально, в действующей Конституции РФ провозглашены равные права для мужчин и женщин. Однако на практике мы видим, что дискриминация женщин существует повсеместно. Необходимо подчеркнуть, что в Российской Федерации не предусмотрена систематическая борьба с дискриминацией женщин, что существенно ухудшает их положение в целом. Стоит отметить, что законодательство Соединенных Штатов стремится регулировать области, в которых дискриминация по отношению к женщинам может проявляться. Кроме того, впервые на протяжении многих тысячелетий, женщины стали получать относительную экономическую независимость. Несмотря на то, что дискриминация в отношении женщин является частым явлением, правительство Соединенных Штатов принимает значительные меры для искоренения неравенства между мужчинами и женщинами Америки. А Закон о гражданских правах 1991 г., смог существенно улучшить эффективность гендерной политики в Соединенных Штатах.

Список использованной литературы:

1. Беляева Г.Ф. Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. - №1. – С. 143- 164.
2. Воронина О.А. Политика гендерного равенства России: проблемы и противоречия // Женщина в российском обществе. – 2013. - №3. – С. 12-20.
3. Жамсуев Ц.Б. Зарубежный опыт соблюдения принципа равноправия в законодательном процессе и правоприменительной практике // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. - №2. – С. 102-110.
4. Загидов Т.З. Активизация участия женщин в политических процессах / Т.З. Загидов, А.К. Сковиков // Социология власти. – 2008. - №5. – С. 78-86.
5. Максимов А.А. Особенности правовой защиты равенства прав и свобод мужчин и женщин в Российской Федерации // Вестник международного института экономики и права. – 2014. - №2. – С. 104-113.
6. Мархгейм М.В. Конституционное закрепление принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин: анализ зарубежного опыта / М.В. Мархгейм, С.А. Москаленко // Право и современные государства. – 2013. - №6. – С. 22-27.
7. Назметдинов Р.Р. Защита от дискриминации в Соединенных Штатах Америки. // Вестник Томского государственного университета. Серия: Государство и право. Юридические науки. – 2016. - №2. – С. 97-109.
8. Таева Н.Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской федерации / Н.Е. Таева. – М: Изд-во Проспект, 2016. – 352 с.

9. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. – 2011. - №3. – С. 4-12.
10. Шведова Н.А. Женщины в США: механизм гендерного равенства // Женщина в российском обществе. – 2007. - №4. – С. 31-64.

УДК 343.95

Слончевская Алина Юрьевна,
студентка 4 курса ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: slonchevskaya@mail.ru

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В ОТНОШЕНИИ ОПАСНЫХ ГРУЗОВ

Abstract. The article discusses the main provisions of the Basel Convention on the control of transboundary movement of hazardous wastes and their disposal. The author analyzes the basic norms of the Basel Convention, and also defines the role of customs authorities in relation to control over the transport of dangerous goods.

Keywords: dangerous goods, transboundary movement, hazardous waste, Basel Convention, customs authorities, customs control.

Опасные грузы является особым объектом таможенного регулирования, что связано как с особенностями перемещения данных грузов, так и с необходимостью усиленного контроля в отношении их перемещения. Опасные грузы являются грузами, которые могут нанести вред здоровью человека, в целом окружающей среде что, безусловно, требует с одной стороны быстроты таможенного контроля, ускорения таможенных операций, а с другой внимательного изучения документов на данные грузы, а также проведение экологического и иного контроля.

Разрешительный характер перемещения опасных грузов через таможенную границу ЕАЭС обусловлен актуальностью предотвращения совершения, как различного рода правонарушений, так и соблюдения экологических норм. Это означает, что перемещение опасных грузов через таможенную границу ЕАЭС не может быть бесконтрольным.

К числу опасных относятся следующие виды грузов: взрывоопасные; легковоспламеняющиеся; едкие; ядовитые; инфекционные; окисляющие; радиационные вещества и др.

Таможенное оформление и перевозка опасных грузов требует профессионального подхода:

1. Перевозка таких грузов должна осуществляться с соблюдением установленных требований;

2. Законодательство выдвигает особые требования к транспорту, который осуществляет перевозку таких грузов;

3. Согласование маршрута перевозки должно быть осуществлено с контролирующими органами всех тех стран, через которые проложен маршрут [2].

На фоне растущего осознания важности экологических проблем и активизации экологического движения происходил процесс многосторонних переговоров по выработке эффективного инструмента урегулирования вопросов трансграничного перемещения и последующей ликвидации опасных отходов. Его результатом стало подписание Базельской конвенции 22.03.1989 г., вступившей в силу 05.05.1992 г.

На сегодняшний день Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением является самым всеобъемлющим природоохранным глобальным соглашением по опасным и другим отходам.

Цель Базельской конвенции – установление правовых и процедурных рамок для регулирования поставок через границу опасных отходов, защита жизни и здоровья людей, окружающей среды от неблагоприятных последствий трансграничного перемещения и утилизации опасных отходов путем сокращения трансграничного перемещения опасных и других отходов до минимума, соответствующего экологически приемлемым нормам [1].

Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением устанавливает регулятивную систему для мониторинга и контроля трансграничных перевозок и удаления опасных и других отходов, нацеленную на сокращение трансграничных перевозок таких отходов и сведение к минимуму их количества. Она опирается на следующие ключевые процедуры: необходимость уведомления; процедура получения предварительного письменного разрешения; заключение контракта между экспортером и утилизатором; документирование с уведомлением и документом о перевозке; страхование или финансовая гарантия; экологически приемлемое управление опасными отходами.

В настоящее время таможенные службы находятся в особом положении, позволяющем им выявлять случаи незаконного оборота опасных отходов при пересечении границы.

Документы, сопровождающие партию груза, играют ключевую роль в оказании таможенным органам помощи в определении законности перемещения груза. Сотрудник таможенной службы должен, прежде всего, проверить, предъявлены ли все документы, требуемые национальным законодательством, и правильно ли в них внесена соответствующая информация, следующим шагом является физическая проверка партии груза: отвечает ли маркировка транспортного средства и контейнеров требованиям, установленным транспортным законодательством; совпадают ли номера контейнеров и их тип, с тем, что указано в документе о перевозке, и соответствует ли их объем общему объему, указанному в документе о перевозке; содержимое контейнеров с целью убедиться в том, что в них перевозятся разрешенные вещества.

В случае если все положения Базельской конвенции и национального законодательства соблюдены, партия груза может покинуть страну. Если же эти условия не выполнены, данную партию груза следует задержать и проинформировать соответствующие органы с целью обеспечения ее возвращения обратно [3].

Для перевозки опасных веществ могут использоваться автоцистерны, бочки, баки и контейнеры. При их осмотре сотрудникам таможенных служб следует исходить из того, что в контейнерах могут содержаться опасные вещества. Опасные отходы могут также смешиваться с бумажными отходами, металлоломом или химическими веществами. Продукция, отгружаемая фабриками, как правило, опломбирована. Если пломба нарушена, содержимое должно вызывать подозрение. Сотрудники таможенных служб должны проверять соответствие нанесенных на партии грузов надписей виду перевозимых веществ, а также сведениям, указанным в погрузочном документе и документе о перевозке. Отсутствие надписей является незаконным. Стертые или поврежденные надписи или маркировка могут свидетельствовать о подмене контейнера или манипуляциях с ним [3].

Особую внимательность необходимо проявлять непосредственно во время осуществления таможенного осмотра и таможенного досмотра партий грузов, транспортных средств. При возникновении подозрений в незаконной перевозке опасных отходов необходимо предпринимать четыре основные меры: оценка ситуации; идентификация опасного вещества; оцепление места происшествия; доведение информации о происшествии сотрудникам медицинской службы, службы безопасности и регулирующих органов [4].

В то же время и многолетний опыт Всемирной таможенной организации показывает, что предотвратить таможенные правонарушения можно лишь только путем тесного сотрудничества между таможенными службами государств по всему миру и постоянного обмена информацией между ними. Эффективный обмен информацией в рамках

Международной инициативы «Зелёная таможня», в том числе по практическому осуществлению таможенного контроля в рамках исполнения положений Базельской конвенции, стал возможен благодаря использованию Правоохранительной таможенной сети «CEN» (Customs Enforcement Network).

Данная сеть представляет собой закрытую информационную и коммуникационную систему в виде структурированной базы данных, которая позволяет учитывать, кодифицировать и анализировать огромные массивы информации о таможенных преступлениях. Благодаря этой сети в режиме реального времени происходит обмен правоохранительной информацией о случаях незаконного перемещения контрабанды, осуществляется также передача и прием ориентировки по новым маршрутам ее перемещения и способам сокрытия [5].

Главное в процессе перевозок опасных грузов — соблюдение должностных инструкций всеми участниками процесса. Если хотя бы один отклонится от правил, могут произойти необратимые последствия, начиная с потери груза, нарушения целостности, распространения ядовитых веществ в воздухе.

Таким образом, необходимо соблюдать все правила и регламенты, направленные на обеспечение безопасности перевозок опасных грузов и снижение последствий возможных аварийных ситуаций при их транспортировке.

Библиография:

1. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением // Базельская Конвенция [Электронный ресурс]. - 2019. - Режим доступа: <http://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/text/BaselConventionText-r.pdf> - Дата доступа: 11.12.2019.
2. Базельская конвенция: учебное пособие по незаконному обороту опасных отходов для таможенных и правоохранительных органов // Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - 2020- Режим доступа: http://www.gipkcustoms.by/uploads/userfiles/files/bazel_skaja_konvencija_uchebnoe_posobie_po_nezakonnomu_oborotu_opasnih_othodov.pdf. - Дата доступа: 11.01.2020.
3. Практические аспекты осуществления Базельской конвенции. Национальная правовая база для внедрения конвенции // United Nations Environment Programme (UNEP) [Электронный ресурс]. - 2019 -Режим доступа: <http://www.unep.org/ozonaction/ecanetwork/Portals/138/ECA%202012/Kazakhstan/5%20%5BCompatibility%20Mode%5D.pdf>. - Дата доступа: 11.12.2019.
4. Таможенное оформление опасных грузов [Электронный ресурс]. -2020 - Режим доступа: <http://www.treffe.ru/materials/tamozhennoe-oformlenie-opasnyx-gruzov.html> - Дата доступа: 11.01.2020.
5. Customs Enforcement Network (CEN) - A Global Customs Enforcement System // United Nations Environment Programme (UNEP) [Electronic resource]. - 2003 - Mode of access: <http://www.projectren.org/files/factsheet/CEN.pdf>. - Date of access: 17.12.2019.

УДК 349.6

Ширкевич Елизавета Андреевна,
студентка 3 курса ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: Shirkevich_EA_17@student.grsu.by

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Abstract. The article considers the position of environmental law in the human rights system, the consolidation of environmental human rights in legislative acts of the Republic of Belarus.

Keywords: environmental rights, human rights, international law, environmental problems, legislation of the Republic of Belarus.

Сегодня одной из основных проблем, которая обсуждается как на глобальном, так и на региональном уровнях, является проблема экологическая. Возникает необходимость в сохранении и эффективном использовании природных ресурсов, в создании «экологических условий существования», в связи с чем, международное сообщество стремительно развивает объём понятия и механизмы реализации экологического права, которое признается самостоятельной отраслью права и становится основой регулирования общественных отношений по поводу окружающей среды [9]. Помимо этого, экологическое право занимает важную роль в общей системе прав человека. Этот вопрос заслуживает отдельного внимания и изучения того, как и почему эти две отрасли права связаны, каким образом закреплены в национальной и международно - правовой доктрине.

В конце XX века об экологических правах стали говорить и говорить с позиции расширения толкования уже существующих, закреплённых прав человека: права на жизнь и жизненного уровня, необходимого для поддержания здоровья и благосостояния человека [2]. Это привело к возникновению концепции прав человека «третьего поколения», к которому и относят экологическое право, выражающее право человека на чистую и здоровую окружающую среду [8]. Особенность этих прав заключается в том, что они являются коллективными, их реализация возможна только согласованными усилиями всех акторов: государств, международных и немеждународных организаций, отдельных индивидов.

Таким образом, экологическое право является центральным звеном международно-правового статуса человека. На сегодняшний день нет согласия относительно правовой природы экологического права, его происхождения, и места в системе прав человека [3]. Помимо этого, отсутствие кодификации и упорядоченности норм создают проблемы приведения норм национального законодательства в соответствие с международным правом, ведь даже в международных нормативно – правовых актах сложно отличать нормы экологического права от экологических прав человека.

В системе международно-правовых источников экологического права нет чёткой кодификации, а также более или менее важного международного соглашения. К международным договорам в этой области можно отнести: Конвенцию о биологическом разнообразии 1992 г., Рамочную конвенцию об изменении климата 1992 г., Конвенцию об охране озонового слоя 1985 г., Конвенцию об охране мигрирующих видов диких животных 1970 г., Декларацию Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года, Венскую декларацию и Программу действий 1993 года.

Опыт заключения регионального соглашения можно рассмотреть на примере Европейского Союза (далее – ЕС), который успешно формирует экологическую политику и законодательство. Позиция ЕС по окружающей среде была юридически закреплена в Договоре о Европейском Союзе и заключается в декларировании стремления ЕС к высокой

степени охраны окружающей среды, улучшения ее качества, повышения уровня и качества жизни людей [1]. Это представляет обязанность для государств-участников имплементировать и развивать эти положения в своей политике и экологическом законодательстве.

Реагирование государств на изменение экологической ситуации на национальном уровне свидетельствует о стремлении любого демократического и социального государства создать правовые механизмы охраны атмосферного воздуха, воды, почвы, контроля за ядовитыми веществами, обращения с отходами - всё с целью заботы о жизни и здоровье человека, соблюдения его прав. Примером таких государств и их законов могут послужить Франция и её Закон об охране природы 1976 года, США и Закон о государственной политике в области окружающей среды 1970 года, Швеция и Закон об охране окружающей среды 1969 года и т.п.

Что касается законодательства в сфере экологических прав человека в Республике Беларусь, оно отражает экологические права наравне с естественными правами человека и закрепляет их не только специальными законами, но в первую очередь конституцией. Конституцией закрепляется право каждого человека на благоприятную окружающую среду (ст. 46), право на получение информации о состоянии окружающей среды (ст. 34), право на охрану здоровья, которое обеспечивается мерами по оздоровлению окружающей среды (ст. 45) [4]. Что важно, в Конституции Республики Беларусь, как и в современных конституциях государств мира, вопросы охраны окружающей среды рассматриваются как взаимная обязанность человека и государства.

Из иных национальных правовых актов важно отметить Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», который устанавливает основы охраны окружающей среды, закрепляет права и обязанности граждан в этой сфере [7], Кодекс Республики Беларусь о земле, законы «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», «Об особо охраняемых природных территориях», «Об охране атмосферного воздуха» и др. Также 30 октября 2001 года Республика Беларусь стала участницей Орхусской конвенции 1998 года, целью которой является защита права каждого человека жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния, гарантия права на доступ к информации по вопросам, касающимся окружающей среды [5].

Рассмотрев вышеперечисленные источники, на первый взгляд сложно оценить, какие именно права они закрепляют: права человека в сфере экологических отношений или экологические права человека, а может экологические права, не связанные с правами человека. Экологические права сегодня представляют собой качественно новую группу прав граждан, отличную от прав использования природных ресурсов или охраны окружающей среды. На национальном уровне закрепляются, как естественные права человека на жизнь и благоприятную для жизни окружающую среду, так и экологические функции государства, но достаточно ли этого.

Среди множества источников международного экологического права необходимо различать те, которые закрепляют нормы прав человека, а какие нет. К сожалению, единства и гармонизации источников достичь будет сложно хотя бы из-за культурных особенностей, например, особенностей перевода понятия экологического права на других языках. На английском определение «Environmental Law» – право окружающей среды, что явно не отражает связь с экологическими правами человека, чего нельзя сказать про русский язык [1]. Важно помнить, что защита окружающей среды - это весомая составляющая современной доктрины прав человека, она является необходимым компонентом для многих его прав, а ущерб окружающей среде может повлечь нарушение и подрыв всех прав человека [9]. Мировое сообщество должно ориентироваться на приоритет коллективных, общечеловеческих интересов, стремление сохранить и передать планету Земля следующим

поколением целостной и в облагороженном виде. Права человека заслуживают особого внимания, как со стороны общества, так и со стороны науки.

Библиография:

1. Договор о Европейском Союзе [подписан 7 февраля 1992 года в городе Маастрихт] : [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:ху0026>. – Дата доступа: 07.12.2019.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 217 А в Париже 10 декабря 1948 года] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html>. – Дата доступа: 05.12.2019.
3. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Экологические права в системе международно-признанных прав человека//Государство и право. - М.: Наука, 2010, № 3. - С. 23-32
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.
5. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] : [подписана в г. Орхусе в Дании 25 июня 1998 г.] : [Электронный ресурс]// Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml. – Дата доступа: 08.12.2019.
6. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1997 – 2002 годы// Дело, касающееся проекта Габчикова – Надьмарош (Венгрия против Словакии) [Решение от 25 сентября 1997 год] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. "Габчикова – Режим доступа: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add2.pdf. – Дата доступа: 05.12.2019
7. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ. с изм. и доп. Закон Республики Беларусь от 18 июня 2019 г. № 201-З // Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19201982>. – Дата доступа: 9.12.2019 – М., 2016.
8. Олейник Н.Н., Олейник А.Н. Историческое развитие поколений «Прав человека» // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211).
9. Экологическое право : пособие / С. А. Балащенко [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – 240 с.

УДК 327.81

Сороко Оксана Владимировна,
студентка 4 курса ГрГУ им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: oksana.soroko.99@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Abstract. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the law enforcement activities of the customs authorities of the Republic of Belarus. The author analyzes the sources of legal regulation of law enforcement activities of customs authorities, as well as its content.

Keywords: customs authorities, law enforcement, customs, protection of rights and freedoms, economic security

Одной из функций любого государства является защита прав и свобод личности. В этих целях в государственном аппарате создаются и функционируют правоохранительные органы, а высшие органы государства и соответствующие должностные лица обязаны осуществлять любые доступные меры и действия для осуществления защиты законных прав и интересов различных субъектов.

В соответствии со ст. 354 Таможенного кодекса ЕАЭС, ст. 8 Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании Республики Беларусь» таможенные органы относятся к числу правоохранительных органов.

Правоохранительная деятельность таможенных органов представляет собой такую их деятельность, которая осуществляется на основании закона, в определенных им формах и направлена на защиту экономического суверенитета и экономической безопасности Республики Беларусь, развитие ее внешнеэкономических связей, обеспечение защиты прав граждан, субъектов хозяйствования и иных юридических лиц и соблюдение ими обязанностей в области таможенного дела.

Правоохранительная деятельность таможенных органов в настоящее время приобретает все более широкие масштабы. Благодаря ее защитным функциям, государство может экономически защищаться от своих торговых партнеров либо наоборот укреплять и развивать торговые связи между государствами.

Всем давно известно, что контрабанда, экономические преступления и административные правонарушения в области таможенного дела, являются итогом стремления заинтересованных лиц любыми способами обойти, установленный государством, порядок перемещения товаров через таможенную границу, уходят корнями в далекое прошлое, а арсенал ухищрений и изощренных тайных методов и приемов их применения неисчерпаем и с каждым годом набирает новые обороты.

В современной науке выделяют следующие основные характерные виды нарушений: незаконное перемещение через таможенную границу таких товаров как наркотики, оружие и т.п.; перемещение через таможенную границу одних товаров под видом других; искажение сведений о перемещаемых через таможенную границу товарах: количестве, стоимости, качестве и т.д. Каким бы не был характер совершения нарушений таможенного законодательства, основным мотивом является желание получить значительный доход любым доступным путем: от реализации незаконно перемещенных через таможенную границу товаров до уклонения от уплаты таможенных платежей. Огромное разнообразие нарушений и преступлений против установленного порядка таможенного регулирования и их крайняя общественная опасность, делает борьбу с ними сложной но, несомненно, одной из важнейших задач.

Таможенные органами постоянно стремятся к усовершенствованию таможенного законодательства в правоохранительном блоке. Учитывая тот факт, что таможенные правонарушения и преступления носят международный характер, у каждого государства должны быть заключены международные договора в сфере правоохранительной деятельности. Не является исключением и Республика Беларусь. Основными международными договорами Республики Беларусь в сфере пресечения таможенных правонарушений и борьбы с ними являются: Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киото, 18.05.1973) [1]; Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений (Найроби, 9 июня 1977 года) [2]. Это два наиболее важных международных договора в сфере правоохранительной деятельности.

Киотская конвенция была подписана в рамках Всемирной Торговой Организации и по своей сути является ориентиром в построении механизма таможенного регулирования и унификации таможенного законодательства стран, стремящихся к развитию международной торговли [1].

Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур была подписана в Киото в 1973 году. В 1999 году в Брюсселе Всемирная таможенная организация одобрила новую редакцию конвенции, которая вступила в силу 3 февраля 2006 года, после того как 40 договаривающихся сторон выполнили необходимые процедуры ратификации и присоединения [1].

Миссия Республики Беларусь в Европейском союзе в январе 2011 года представила в секретариат Всемирной таможенной организации подтверждение о присоединении Беларуси к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур. Беларусь стала 72-м государством, присоединившимся к конвенции. Ещё один немаловажный договор в сфере правоохранительной деятельности является Конвенция Найроби, вступившая в силу 21 мая 1980 года, через три месяца после того, как пять государств (Иордания, Малави, Малайзия, Пакистан, Марокко) подписали ее [2].

В 2000 г. Республика Беларусь присоединилась к Найробийской конвенции «Об оказании взаимной помощи по предотвращению, пресечению и расследованию таможенных правонарушений».

Конвенция Найроби по своей правовой природе - это многосторонний международно-правовой договор, назначение которого - создать правовую основу сотрудничества и взаимодействия государств в борьбе с контрабандой и иными таможенными правонарушениями. Также Конвенция устанавливает механизм оказания взаимной помощи иностранными государствами в рамках их международного сотрудничества [2].

После создания Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) модернизация таможенного законодательства в правоохранительном блоке стало общей задачей Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики. Как было отмечено ранее, правоохранительная деятельность Евразийского экономического союза нашла свое отражение в Таможенном кодексе ЕАЭС, а именно в ст. 354 Таможенного кодекса ЕАЭС [3]. Однако помимо Таможенного кодекса ЕАЭС правоохранительная деятельность государств-участников ЕАЭС регламентирована и рядом соглашений:

1. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства ЕАЭС и государств – членов ЕАЭС от 5 июля 2010 года;
2. Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов ЕАЭС по уголовным делам и делам об административных правонарушениях от 5 июля 2010 года;
3. Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов ЕАЭС от 21 мая 2010 года.

У каждого государства налажены торговые пути, которые в основном связаны с перемещением товаров через таможенную границу, не всегда перемещение товаров обходится без нарушения таможенного законодательства. Постоянное совершенствование таможенного законодательства в правоохранительном блоке способствует предотвращению таможенных правонарушений и преступлений.

Нормативно-правовую основу деятельности таможенных органов в качестве правоохранительных органов составляют: Конституция Республики Беларусь, международные договоры Республики Беларусь, Таможенный кодекс ЕАЭС, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», Положение о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь и иные акты законодательства Республики Беларусь.

Так, например, В Конституции Республики Беларусь зафиксированы общеправовые положения, а также нормы, непосредственно касающиеся правового регулирования правоохранительной деятельности и организации деятельности органов, ее осуществляющих, определены важнейшие принципы отношений между правоохранительными подразделениями таможенных органов и гражданами в сфере борьбы с преступностью. Следует отметить, что конституционные нормы непосредственно не регулируют оперативно-розыскную деятельность, но содержат общие положения, имеющие принципиальное, основополагающее значение для ее осуществления.

В соответствии с ТК ЕАЭС, ТК ТС, УК, УПК, КоАП, ПиКоАП, Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», Положением о ГТК таможенные органы Республики Беларусь отнесены к правоохранительным органам и в соответствии с этим они реализуют в своей деятельности целый комплекс правоохранительных функций. В п.1.8 ч.1 ст.12 Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10.01.2014 № 129-З указаны следующие основные функции таможенных органов: борьба с контрабандой и иными преступлениями, производство по делам о которых отнесено к компетенции таможенных органов; борьба с административными правонарушениями, ведение административного процесса по которым отнесено к компетенции таможенных органов; пресечение незаконного оборота через таможенную границу ЕАЭС и (или) Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, оружия, культурных ценностей, радиоактивных веществ, животных и растений, относящихся к видам, подпадающим под действие международных договоров Республики Беларусь и (или) включенным в Красную книгу Республики Беларусь, их частей и дериватов, других товаров; противодействие незаконному обороту объектов интеллектуальной собственности [4].

Отличительной особенностью таможенных органов как правоохранительных органов является то, что не все функции, отнесенные к компетенции таможенных органов, носят явно выраженный правоохранительный характер. Исходя из этого, правоохранительную деятельность таможенных органов можно определить как такую деятельность, которую они, являясь частью единой системы правоохранительных органов республики, на основе закона и в соответствующих формах осуществляют с целью охраны общественных отношений в сфере таможенного дела. Наряду с осуществлением задач в сфере таможенного дела, таможенные органы осуществляют одну из важнейших задач в сфере государственной деятельности по охране и защите национальной безопасности государства. В этой связи содержанием правоохранительной деятельности таможенных органов является охрана урегулированных нормами таможенного, административного, уголовного, конституционного, международного, финансового, гражданского и других отраслей права отношений, возникающих в процессе контактов участников внешнеэкономической деятельности и должностных лиц таможенных органов по поводу перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Библиография:

1. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур [Электронный ресурс]: Совет таможенного сотрудничества (Всемирная торговая организация), 18.05.1973 г. // Таможня. ру. – Режим доступа: http://www.tamognia.ru/doc_base/document.php?id=1571053. – Дата доступа: 25.12.2019.
2. Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений [Электронный ресурс]: Совет таможенного сотрудничества (Всемирная торговая организация), 09.06.1977 г. // Кодекс. Ру. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901103>. – Дата доступа: 25.12.2019.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: приложение к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза,

принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 нояб. 2009 г., № 17: принят Межгосударственным Советом Евразийского экономического сообщества 11 апр. 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2020.

4. О таможенном регулировании Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З: с изм. и доп. Минск: – Дикта, 2017.

УДК 355.48

Хакимов Ёшин Комилович

Соискатель академии ВС РУ г.Ташкент,

Республика Узбекистан

E-mail: k.informatiki@yandex.ru

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВОСТОКА

Abstract. The military and political views of Eastern thinkers, such as Abu Nasr al-Farabi, Ibn Sina, Kaikavus, Yusuf Balasaguni, Mahmud Kashgari, and Zahiriddin Muhammad Babur, which has of great theoretical value for modern science, are studied and analyzed.

Keywords: thinkers of the East, military-political views, spiritual heritage, a state, a war.

На современном этапе развития, когда в глобальном масштабе усиливаются духовные угрозы, деградация нравственности, возникает необходимость в развитии духовного иммунитета, нравственных качеств человека и эффективное использование в этом духовного наследия мыслителей Востока. В Узбекистане продолжают последовательные реформы, связанные с всесторонним и глубоким изучением, а также пропагандой научно-теоретического наследия великих предков, воспитания подрастающего поколения в духе традиций. «Мы должны уделять особое внимание доведению до молодого поколения бесценного наследия наших великих ученых, поэтов и писателей, мыслителей и богословов, подвигов отважных полководцев, укреплению у наших детей патриотизма и национальной гордости» [1].

Актуальность анализа военно-политических взглядов Восточных мыслителей в современных условиях обусловлена отсутствием комплексного системного исследования, а также важной ролью истории военно-политических учений в совершенствовании качества подготовки военных кадров, необходимости повышения политической культуры и военно-политического образования военнослужащих Вооруженных сил Республики Узбекистан.

Мыслители Востока наряду с наукой занимались и решением общественно-политических, в том числе военных проблем. Даже если они и не были непосредственно вершителями власти, то, как правило, находились рядом с таковыми.

Одним из важных направлений в их размышлениях была попытка создания идеального образа, идеального устройства общества. Осмыслением философской сущности войны и мира занимался крупнейший мыслитель того периода, комментатор трудов Платона и Аристотеля, Абу Наср ибн Мухаммед аль Фараби. Его труды оказали влияние на ибн Сину, ибн Баджу, ибн Туфайля, ибн Рушда, а также на философию и науку средневековой Западной Европы, где он был известен под латинизированным именем Alpharabius.

Ряд социально-этических трактатов аль-Фараби посвящен учению об общественной жизни («Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Книга о достижении счастья», «Указание путей счастья», «Гражданская политика», «Книга о войне и мирной жизни», «Книга изучения общества», «О добродетельных нравах»).

Опираясь на политические и этические идеи греческих философов, прежде всего Платона и Аристотеля, и используя социальные идеи древнего Востока, аль-Фараби разработал стройную теорию общественного устройства. Актуальность изучения учений аль-Фараби имеет огромное значение в том, что он предпринимает изложить проект идеального общества (города-государства).

Общества аль-Фараби классифицирует на великое (объединение всех людей, народов, населяющих землю), среднее (общество определенного народа) и малое (объединение людей в отдельные города). Взяв за исходное моральные категории добра, зла, отношения к труду, он делит города-государства на добродетельные, коллективные и невежественные.

В добродетельных городах-государствах общественная жизнь построена на принципах высокой нравственности людей, которые, помогая друг другу, достигают истинного счастья. Он создал свою систему классификации войн, попытался вполне успешно дать характеристику военному сословию (армии), создал собственное учение о войне и общественной жизни [2, с.70].

В «Социально-этическом трактате» аль-Фараби было сделано наиболее удачное определение войны. Он пишет, что войны происходят, либо чтобы отразить врага, вторгшегося в государство извне; либо чтобы приобрести добро, на которое государство имеет право, если оно находится в других руках; либо чтобы принудить людей к тому, что является якобы самым лучшим и самым полезным именно для них, а не для других, если они не знают этого сами и не подчиняются тем, кто знает это и призывает их к этому словами; считается также, что войну следует вести против тех, кто не поддается рабству и служению из числа людей, для которых было бы, по мнению нападающей стороны, самым лучшим и самым полезным, если бы по своему положению в мире они являлись рабами, или против людей (которые не принадлежат к жителям данного государства), а на них государство имеет предписанное право, но они отвергают его.

Здесь подразумевается сразу две цели войны: одна – это приобретение блага для государства, а вторая – необходимость проявить правосудие и справедливость. Это касается ведения войны против тех, кого следует наказать за какое-либо преступление, которое они совершили, с тем, чтобы они не повторяли подобного преступления, и чтобы другие не осмеливались выступать против государства и не поддавались бы соблазну; это также относится и к войне ради приобретения какого-либо блага для жителей данной страны, возвращения им их собственной доли и того, что самое лучшее для них – справедливости, и к отпору врагу с помощью силы. [3, с. 229-231]. Крупнейшим мыслителем раннего центрально азиатского средневековья был продолжатель идей аль-Фараби, уроженец Бухары Абу Али Ибн Сина (Авиценна, ок. 980– 1037).

Среди философских трудов мыслителя центральное место занимает энциклопедическая «Книга исцеления». Им был также написана энциклопедия «Книга справедливости», посвященная проблемам, рассматриваемым нами. В ней философ высказывает наравне с утопическими идеями справедливого общества вполне конкретные мысли о сущности войны, ее последствиях, отношении к ней людей. К сожалению, этот трактат был утрачен еще при жизни автора.

Жестокая бессмысленность войны все время врывалась в планы и расчеты стремящегося к спокойной работе ученого. Своему ученику Абдул-Вахиду Ибн Сина однажды сказал: «Насколько больше мы могли бы сделать, когда б не отрывались от науки для самого худшего, что есть в мире, – для войны...» [4, с. 215]. Безусловно для него война – это разрушительная сила, оттягивающая на себя колоссальные средства мирной жизни. Философ никак не мог примириться с войной, с завоеваниями, никогда не ждал от них ничего доброго. В этом он старался убедить всех правителей, с которыми сталкивался в своей жизни, но тщетно. Унсур аль-Маали (Кайкавус) драгоценный жизненный багаж воплотил в главном труде его судьбы – «Кабус-наме» (1082–83 гг.), который посвятил

своему сыну – Гиляншаху: Выдающийся памятник классической персидской и таджикской художественной прозы, этико-дидактический и педагогический трактат Кайкавуса стал первым известным прозаическим произведением персидской литературы. Собрание поучений, объединенных в сорок четыре главы, повествует о том, как подобает вести себя в разных жизненных ситуациях. Советы, собранные в «Кабус-наме», при всей своей простоте, представляют собой поистине кладезь жемчужин мудрости. Построен труд Кайкавуса как собрание советов, которые отец дает сыну.

В притчах, афоризмах, коротких исторических и житейских рассказах содержатся наставления о том, каким должен быть культурный человек, к чему ему стремиться, чего избегать, как сохранить здоровье, остерегаться врагов, приобретать друзей, выбирать профессию, ухаживать за землей, защищать родину, как управлять собою и государством. Двадцатая глава «Кабус-наме» называется «О том, как воевать». В ней сказано: «...О сын, когда будешь в бою, там нельзя быть медлительным и вялым, и когда будешь посреди боя, не плошай и жизни своей не щади, ибо тот, кому суждено спать в могиле, не сможет спать у себя дома ни под каким видом. В бою, пока можешь сделать шаг вперед, не отступай ни на шаг. Если будешь окружен врагами, боя не прекращай, ибо боем можно прибрать врагов к рукам. Когда они увидят от тебя славные дела, они тебя устроятся. И в это время смерть сделай приятной для своего сердца и не только не страшись, а будь смел, ведь короткий меч в руках смельчака становится длинным. Не плошай в схватке, ибо если только появится у тебя какой-либо страх или вялость, то, будь у тебя тысяча душ, не спасешь и одной, и ничтожнейший человек тебя одолеет и будешь, ты тогда убит или имя твое покроется позором» [5, с.59-60].

Эти труды содержат большое идейное богатство, не утратившее актуальность и в наши дни.

Продолжателем идей аль-Фараби и Ибн Сины является Юсуф Баласагуни, автор знаменитого произведения «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Основная тема данного произведения морально-этическая. Разделяя во многом идеи аль-Фараби о добродетельном государстве, Баласагуни считал, что от нравственной чистоты и возвышенности правителя, от добродетельных взаимоотношений между правителем и подчиненными зависит форма государства. В своей работе философ пытался разработать идеальный портрет правителя. Баласагуни назидательно наставлял своего героя: «И знай: на тебе перед людом три долга. / Исполни их – силой не держаться долго. / Во-первых, блюди чистоту серебра... / Второе – дай людям закон справедливый... / И третье – пути под охраной держи» [6].

Поэма была посвящена правителю Кашгара Богра-хану, который удостоил автора почетным чином хас-хаджиба (личного камергера). «Кутадгу билиг» написана на уйгурском языке караханидского периода. Она получила широкую популярность, ее называли «Этикой правления», «Державными законами», «Украшением знатных», «Советами царям», а иранцы - «Тюркской Шах-наме». С поэмы «Кутадгу билиг» начинается история классической тюркоязычной поэзии. Дидактический трактат Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» охватывает все стороны жизни идеального правителя и его должностных лиц. Поучения сопровождаются сведениями из самых разных областей науки: математики, астрономии, медицины.

В качестве необходимых примеров для подражания приводятся легендарные иранские цари и герои. Но, работая над своим трудом о правильном управлении государством, Юсуф Баласагуни поставил перед собой задачу еще более грандиозную – создать монументальное поэтическое произведение на тюркском языке. Он отразил в поэме свое понимание разумно устроенного и основанного на справедливости государства. «Кутадгу билиг» содержит ряд советов автора поэмы караханидским правителям, не обладавшим достаточным опытом в управлении обширной страной с оседлым населением. По мысли автора, необходимы создание стройной системы управления, особый подбор обученных делу чиновников,

упорядочение системы налогов, которые предлагается взимать в соответствии с размерами богатства и не превышать возможности людей. Юсуф Баласагуни протестует против насилия и произвола феодалов, против разорительных междоусобных войн, защищает идею централизации государства, призывает к развитию торговли, ремесел и науки. В многочисленных главах поэмы описываются необходимые качества придворных и должностных лиц (военачальника, посланника, казначея и др.), указывается, как нужно вести себя с представителями других сословий и профессий (поэтами, землевладельцами, торговцами, звездочетами, врачами и ветеринарами), определяются правила поведения в быту и семье. Достижение идеала возможно, если правитель сочетает в себе четыре основных качества — справедливость, ум, счастье и довольство.

Автор создает утопическую картину богатого, процветающего государства, где нет бедняков, высоко развита культура и повсюду царят спокойствие и мир. Одновременно с восхвалением человеческих добродетелей он выступает и против пороков: лицемерия, лжи, клеветы, зависти, алчности, скупости. Описание тюркских военных обычаев, истории и политической жизни тюрков в XI в. делает другой тюркоязычный философ Махмуд Кашгари. Он обращает внимание на такие нравственные качества как мужественность, преданность, патриотизм (и т.д.), которые важны, по мысли тюркского философа, в жизни общества и укрепления государства.

Знаменитая книга Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-Турк» представляет собой тюркскую энциклопедию в полном смысле этого слова.

Энциклопедическим этот труд назван потому, что содержит в себе информацию по истории, культуре, литературе, поэзии, фольклору, быту, астрономии, географии, религиозным представлениям тюркских племен. В ней также заключены ценные, во многих случаях единичные сведения о племенном составе тюрков, о землях, озёрах и реках, городах и населённых пунктах своего времени.

Словарь также содержит названия различных должностей, блюд, напитков, животных, птиц, месяцев и дней недели, лекарств, астрономические, военные, медицинские, религиозные и другие термины. Захириддин Мухаммад Бабур был не только поэтом, но и профессиональным правителем и военачальником. Тем ценнее его военно-философское наследие. Он, впервые в истории среднеазиатской военной науки использовал тактическое преимущество в обороне против численно преобладающего противника, испытал донныне неизвестную тюркам артиллерию, а в военной политике активно применял союзы и коалиции.

Одним из наиболее удачных опытов описания средневековой войны стала книга Захириддина Мухаммада Бабура (1483–1530) «Бабур-наме». Этот правитель, потомок Тимура известен не только как основатель империи в Северной Индии, но и своими социально философскими и антропологическими идеями. Бабур одним из первых мыслителей Востока рассматривает такой важный момент, как единение командира со своей армией, необходимость полководцу делить нужду с простыми воинами. В этом самопожертвовании он видит причину собственного успеха. «Я подумал, что если мои люди оставались на снегу во время бури, – пишет он, – то как же мог я находиться в удобстве и тепле? Это противоречило бы гуманности и воинской солидарности. Умереть со своими друзьями – вот настоящее счастье» [7].

Духовное наследие, военно-политические идеи мыслителей Востока являются значительным источником развития современной военно-политической теории и практики. Изучение взглядов Восточных мыслителей позволяет в известной степени восстановить прерванную традицию и актуализировать многие их идеи, представляющие большую теоретическую ценность и для современной науки.

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева Олий Мажлису // Народное слово, 29.12.2018.
2. Мухитдинова Ф.А. Государственно-правовые взгляды Абу Насра Фараби и мыслителей востока Научный журнал NovaInfo, №23-1, стр.69-72.
3. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. – Алма-Ата: Наука, 1978.
4. Смирнова-Ракитина В. Авиценна (Абу-Али ибн Сина). – М.: Молодая гвардия, 1958. – (Серия «Жизнь замечательных людей»).
5. Кабус-наме, Кей-Кавус / пер. Е. Бертельса, Издательство восточной литературы, 1958 г, 136 стр.
6. Гадимова Ш. И. У истоков турецкой письменной светской литературы «Диван»: «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни // Молодой ученый. - 2011. - №2. Т.1. - С. 185-190. - URL: <https://moluch.ru/archive/25/2653/> (дата обращения: 09.01.2020).
7. Шевелев Д.Д. Арабо-мусульманская философия о войне и мире // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016024479> (дата обращения: 14.01.2020).

CZU: 341.1/8

BLAȘCU Oleseă,
drd., lector asistent Catedra de Drept, Facultatea de Drept și Administrație Publică
Universitatea de Stat "B.P.Hasdeu" Cahul
blascuolesea@yahoo.com

**ASPECTELE GENERALE ALE RELAȚIILOR REPUBLICII MOLDOVA CU
ROMÂNIA**

Abstract: Externally, the Republic of Moldova has always benefited from Romania's support for its inclusion in international organizations, such as the United Nations, the Council of Europe, the Organization for Security and Cooperation in Europe or the World Trade Organization. Romania is an active supporter of the Republic of Moldova in its efforts to integrate it in the regional organizations and initiatives of Central and South-Eastern Europe, which are seen in Chisinau as potential vehicles for advancing the Republic of Moldova towards European integration.

Key-words: Republic of Moldova, Romania, collaborative relationships

În prezent, România este principalul susținător al integrării Republicii Moldova în Uniunea Europeană. România a fost principalul susținător al ideii că Moldova trebuie să fie considerată în același grup cu Balcanii de Vest în negocierile de aderare la UE, și nu cu spațiul estic, și prin demersurile sale diplomatice a ținut prezentă problema Republicii Moldova pe agenda UE. Deși dorința României de a fi percepută ca principal facilitator al integrării Republicii Moldova în UE a fost primită cu ostilitate de guvernarea comunistă din perioada 2001 – 2009, în prezent – după preluarea mandatului de către guvernul Alianței pentru Integrare Europeană - se produce detensionare a relațiilor[1, p.25].

Relațiile de cooperare dintre Republica Moldova și România și-au început evoluția la 27 august 1991, când Guvernul României a recunoscut independența Republicii Moldova, proclamată în aceeași zi de Parlamendul de la Chișinău. România a fost prima țară care a recunoscut independența Republicii Moldova și primul stat care a stabilit relații diplomatice la nivel de ambasadă cu Guvernul de la Chișinău. Ambasada României a fost prima reprezentanță diplomatică deschisă de un stat partener în capitala Republicii Moldova[1, p.25].

Proclamarea independenței Republicii Moldova a fost salutăată de Guvernul de la București ca reprezentând "proclamarea unui stat românesc independent pe teritoriile anexate cu forța în urma unor înțelegeri secrete stabilite prin Pactul Molotov-Ribbentrop" și, totodată, "un pas decisiv spre înlăturarea pe cale pașnică a consecințelor nefaste ale acestui Pact de Stabilitate – condiții îndreptate împotriva drepturilor și intereselor poporului român"[2].

Pe plan extern, Republica Moldova a beneficiat în permanență de sprijinul României în vederea includerii sale în cadrul organizațiilor internaționale, precum Organizația Națiunilor Unite (ONU), Consiliul Europei, Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa (OSCE) sau Organizația Mondială a Comerțului (OMC). De asemenea, România este un susținător activ al Republicii Moldova în eforturile depuse în vederea integrării sale în organizațiile și inițiativele regionale din Europa Centrală și de Sud-Est, care sunt văzute la Chișinău ca potențiale vehicule pentru avansarea Republicii Moldova pe calea integrării europene. În acest context, România a sprijinit activ țara noastră pentru a fi admisă în cadrul Inițiativei Central Europene (ICE), Pactului de stabilitate pentru Europa de Sud-Est (PSESE), Procesului de Cooperare Politică din Europa de Sud-Est (PCESE) sau al Acordului privind liberul schimb în Europa Centrală (CEFTA). România s-a afirmat și ca un promotor important al aspirațiilor de integrare europeană ale Republicii Moldova. În acest sens, sunt bine cunoscute eforturile României de a sensibiliza statele membre ale UE pentru a le convinge să ofere țării noastre aceeași perspectivă europeană ca și statelor asociate din Balcanii de Vest[3, p.10].

De la recunoașterea independenței Republicii Moldova și până în prezent, relațiile de cooperare dintre Chișinău și București au înregistrat o diversificare și o aprofundare continuă. Până în prezent între Republica Moldova și România au fost semnate 163 tratate bilaterale în diverse domenii de interes reciproc, cum ar fi promovarea și protejarea reciprocă a investițiilor, colaborarea în domeniile transporturilor, turismului, facilitării comerțului, serviciilor vamale, științei, învățământului, culturii și în alte domenii impotante, precum și 13 acorduri ce sunt în proces de negociere[4].

România concepe relația sa cu Republica Moldova pe două coordonate majore:

- afirmarea caracterului special al acestei relații, conferit de comunitatea de limbă, istorie, cultură, tradiții;
- dimensiunea europeană a cooperării bilaterale, având la bază obiectivul strategic al integrării Republicii Moldova în Uniunea Europeană.

România abordează pragmatic relația cu Republica Moldova, pornind de la interesul legitim de a vedea statul vecin intrând pe un făgaș ireversibil al integrării europene și de a asigura o zonă de stabilitate și securitate la frontiera estică a României, care a devenit granița răsăriteană a UE și NATO [2].

Dezvoltarea relațiilor bilateral dintre Republica Moldova și România se fundamentează, în principal, pe două acte:

➤ Declarația privind instituirea unui parteneriat strategic între România și Republica Moldova pentru integrarea europeană a Republicii Moldova [4] (semnată la București, la 27 aprilie 2010). Potrivit acestui document România și-a asumat angajamentul de a sprijini activ pe plan internațional acțiunile Republicii Moldova pentru păstrarea suveranității, unității și integrității sale teritoriale ca unic subiect de drept internațional, în conformitate cu ordinea constituțională din RM și cu principiile și standardele europene și internaționale în materie. De asemenea, prin Declarație au fost stabilite domeniile prioritare de colaborare:

- a) Dimensiunea politică a procesului integrării europene;
- b) Dimensiunea economică a procesului integrării europene;
- c) Dimensiunea culturală a procesului integrării europene.

➤ Planul de acțiune între Guvernul României și Guvernul Republicii Moldova pentru aplicarea Declarației Comune[2] (semnat la Iași, la 3 martie 2012).

Cooperarea în domeniul educației

Cadrul juridic bilateral în materie îl reprezintă [5]:

- Acord privind colaborarea în domeniile științei, învățământului și culturii între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României, semnat la 19.05.1992, la Chișinău.

- Acord între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României privind recunoașterea reciprocă a diplomelor, certificatelor și titlurilor științifice, acordate de instituții de învățământ acreditate în Republica Moldova și România, semnat la 20.06.1998, la București.

- Protocol de amendare a Acordului între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României privind recunoașterea reciprocă a diplomelor, certificatelor și titlurilor științifice, acordate de instituții de învățământ acreditate în Republica Moldova, semnat la 26.08.2010, la Chișinău.

- Protocol de colaborare între Ministerul Educației al Republicii Moldova și Ministerul Educației, Cercetării, Tineretului și Sportului din România pentru anii de învățământ 2012 - 2013; 2013 - 2014; 2014 - 2015, semnat la 17.07.2012, la Chișinău.

- Program de cooperare și asistență între Ministerul Educației al Republicii Moldova și Ministerul Educației Naționale din România, semnat la 21.02.2014, la Chișinău.

România alocă anual Republicii Moldova 5.000 de burse de studiu în învățământul pre-universitar, universitar și post-universitar[6].

La data de 10.01.2015 Guvernul României a aprobat, trei Memorandumuri de cooperare între România și Republica Moldova, documente prin care va fi continuată colaborarea între cele două state în domeniile educației, cercetării științifice și culturii [5].

Primul dintre acestea are în vedere un protocol de colaborare între Ministerul Educației și Cercetării din România și Ministerul Educației din Republica Moldova pentru anii de învățământ 2015-2018. Potrivit acestui document, România va acorda, anual, 950 de locuri de studii în învățământul preuniversitar de stat tinerilor din Republica Moldova, 1175 de locuri în învățământul universitar. Statul român mai asigură un program de perfecționare a cadrelor didactice din învățământul preuniversitar și universitar din Republica Moldova prin acordarea a 300 de luni-bursă stagii de formare. Protocolul mai prevede sprijinul oferit de România pentru dezvoltarea extensiunilor universitare în Republica Moldova astfel: extensiunea Universității 'Al. I. Cuza' din Iași la Universitatea 'Al. Russo' din Bălți și extensiunea Universității 'Dunărea de Jos' din Galați la Universitatea 'B. P. Hașdeu' din Cahul.

La data de 23.10.2008 a fost încheiat un Program de colaborare bilaterală în domeniul cercetării științifice, dezvoltării tehnologice și inovării între Autoritatea Națională pentru Cercetare Științifică din România și AȘM [7].

La momentul actual RM și România beneficiază de finanțare din partea UE prin Programul Operațional Comun România – Republica Moldova 2014-2020 [8] care contribuie la atingerea obiectivului general al Instrumentului European de Vecinătate: evoluția către o regiune de prosperitate și bună vecinătate, realizată prin acțiuni de cooperare transfrontalieră în beneficiul statelor membre și nemembre ale UE care se învecinează. Obiectivul tematic 2 al Programului reprezintă: Sprijin pentru educație, cercetare, dezvoltare tehnologică și inovare, stabilind următoarele priorități:

- Prioritatea 1.1 - Cooperare instituțională în domeniul educațional în vederea creșterii accesului la educație și a calității acesteia

- Prioritatea 1.2 – Promovare și sprijin pentru cercetare și inovare

Cooperarea în domeniul cultural

Principalele instrumente de cooperare bilaterală în domeniul culturii între RM și România sunt [5]:

- Acord de colaborare între Ministerul Culturii al Republicii Moldova și Ministerul Culturii și Patrimoniului Național din România. Semnat - la Chișinău, la 12.04.2011;

- Acord încheiat prin schimb de note între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României privind deschiderea și funcționarea Institutului Cultural Român „Mihai Eminescu”. Semnat - la Chișinău, la 12 octombrie 2011.

Institutul Cultural Român, Ministerul Culturii și Afacerilor Religioase al României și Departamentul pentru relații cu Diaspora al României sunt de asemenea foarte active în susținerea proiectelor culturale din Republica Moldova (parteneriat, proiecte de cercetare, editare de carte și alte publicații culturale, etc). În luna septembrie 2010 a fost deschis la Chișinău Institutul Cultural Român "Mihai Eminescu". Ambasadorul României la Chișinău a calificat acest eveniment drept un instrument al diplomației culturale moderne [10].

De asemenea în cadrul Programul Operațional Comun România – Republica Moldova 2014-2020, în temeiul obiectivului tematic 3 beneficiază de finanțare în Promovarea culturii locale și protejarea patrimoniului istoric [8].

Printre proiectele de mare însemnătate culturală derulate sub egida programului de cooperare transfrontalieră se numără restaurarea conacului Manuc Bei de la Hâncești sau a cetății Soroca. Proiectul de la Soroca a fost implementat între 2013 și 2015 prin colaborarea dintre Primăria Soroca (Republica Moldova), Primăria Municipiului Suceava (România) și Rezervația de Stat de Istorie și Arhitectură – Cetatea Hotin (Ucraina), lucrările de reabilitare ale cetății moldovenești beneficiind de o finanțare europeană de 2 milioane de euro [12].

Alte domenii de cooperare:

➤ Republica Moldova și Romania își consolidează colaborarea bilaterală în domeniul dezvoltării regionale, construcțiilor, inclusiv construcției locuințelor sociale[13], astfel la data de 19.02.2016 în cadrul unei întrevederi la București s-a pus temelia unui proiect pilot comun menit să dezvolte infrastructura rurală în circa 20 de localități din RM.

➤ Ministerul Transporturilor va desfășura un program de cooperare complex cu Ministerul Transporturilor și Infrastructurii Drumurilor din Republica Moldova[14]. Se planifică mai multe proiecte comune cu beneficii reciproce: construirea în perioada următoare podul rutier Iași-Ungheni ca parte a rețelei centrale TEN-T cu finanțare europeană, obținută prin Mecanismul de Conectare a Europei (CEF). Se pregătește și finalizarea documentațiilor tehnice necesare pentru construcția podului nou Galați – Giurgiulești și a podului de la Leca – Falcui, astfel încât construcția lor să poată fi demarată cât mai curând. În privința transportului feroviar, unul dintre proiectele care a fost luat în discuție a fost modernizarea tronsonului de cale ferată Ungheni–Chișinău, dar și construcția unui segment de 10 km de cale ferată largă către gara Nicolina din Iași.

➤ Un proiect de importanță majoră pentru Republica Moldova realizat cu suportul României îl reprezintă proiectul SMURD [12], lansat în 2014 și prin care RM a beneficiat de o autospecială de decontaminare, un elicopter pentru căutare-salvare, prim ajutor și descarcerare, asistență medicală, un laborator mobil pentru cercetare radioactivă și chimică, o autospecială de evacuare a victimelor cu răni multiple și 32 unități echipamente de comunicații radio mobile și portabile. De asemenea, au avut loc exerciții comune de cooperare, cursuri, ateliere, schimburi de experiență și pregătire pentru utilizarea echipamentului. La moment este implementat proiectul SMURD-2 [15]

➤ Gazoductul Iași-Ungheni [16], reprezintă un proiect strategic prin care România a atins "inima" Republicii Moldova. Conducta Iași-Ungheni a fost dată în exploatare pe 27 august 2014, iar importul de gaze din România a fost lansat pe 5 martie 2015. La această etapă, de gaz românesc beneficiază circa 10.000 de consumatori din 19 localități din raionul Ungheni și parțial din Nisporeni.

Există și alte proiecte ambițioase între RM și România care vor aduce avantaje esențiale, în special, pentru Republica Moldova în vederea consolidării unui stat de-a dreptul european.

Relațiile economice dintre Republica Moldova și România

Prin comparație cu relațiile politice și culturale, relațiile economice avansează timid. Părerea expertului Ciprian Ciucu este că starea mediului de afaceri, privatizările programate, parcursul european dovedit de adoptarea aquis – ului european, afinitățile culturale și de limbă, proximitatea geografică, etc. oferă investitorilor români (atât publici cât și privați) suficiente motive pentru a – și orienta atenția către Republica Moldova. Cu toate acestea există o ușoară neîncredere în rândul

oamenilor de afaceri români cu privire la integritatea în afaceri și la capacitatea instituțiilor Republicii Moldova de a le proteja interesele [17].

Până la momentul actual între Republica Moldova și România au fost semnate un șir de Acorduri cu caracter economic, cele mai importante la nivel interguvernamental fiind [18]:

a) Acord între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României privind promovarea și protejarea reciprocă a investițiilor, semnat la București în data de 14.08.1992 și intrat în vigoare la data de 15.06.1997;

b) Convenție între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României pentru evitarea dublei impunerii și prevenirea evaziunii fiscale cu privire la impozitele pe venit și pe capital, semnată la Chișinău în data de 21.02.1995 și intrată în vigoare la data de 10.04.1996;

c) Protocol între Guvernul Republicii Moldova și Guvernul României cu privire la cooperarea economică, industrială și tehnico-științifică, semnat la București în data de 03.07.2012 și intrat în vigoare la data de 04.01.2013.

O contribuție semnificativă în stabilirea legăturilor economice dintre state constituie Comisiile interguvernamentale, care conferă dinamism relațiilor de colaborare și reciprocitate în dialogul economic, social, cultural și schimbului de experiență și practici pozitive dintre Republica Moldova și țările partenere [19]. Astfel, prin Protocolul cu privire la cooperarea economică, industrială și tehnico-științifică a fost creată Comisia pentru cooperare economică și Comisia pentru integrare europeană.

Sesiunea a VIII-a a Comisiei mixte interguvernamentale de colaborare economică între Republica Moldova și România a avut loc în data de 14 octombrie 2015 la București. Pe ordinea de zi au fost următoarele subiecte [19]:

➤ Informarea reciprocă de către cei doi Copreședinți asupra situației economice din cele două state ;

➤ Perspectivele cooperării bilaterale între Republica Moldova și România în următoarele domenii:

1. Comerț (Camerele de Comerț și Industrie din Republica Moldova si Romania)

2. Industrie (Asociația Patronală a Parcurilor Industriale din Republica Moldova (A.P.P.I.M.) și Asociația Parcurilor Industriale, Tehnologice, Științifice și a Incubatoarelor de Afaceri din România (A.P.I.T.S.I.A.R.))

3. Energie (Electro-energetica, Gaze naturale)

4. IMM-uri și mediu de afaceri

5. Agricultură (Sanitar-veterinar și siguranța alimentelor)

6. Vamal

7. Transporturi

8. Dezvoltare regională și infrastructură

9. Protecția mediului

10. Statistica

11. Cercetare științifică și inovare

12. Reglementare tehnică, standardizare, metrologie, acreditare, evaluarea conformității și a securității industriale

13. Protecția consumatorului

14. Turism

➤ Convenirea locului, perioadei de desfășurare a următoarei sesiuni a Comisiei mixte interguvernamentale de colaborare economică între Republica Moldova și România.

România este principalul partener al Republicii Moldova în relațiile economice.

Conform datelor statistice ale Biroului Național de Statistică [20] în anul 2015, nivelul comerțului bilateral a înregistrat valoarea de 1001,5 mil. dolari SUA, din care exportul produselor moldovenești a crescut cu 2,8% față de perioada similară din 2014 și a fost de 446,3 mil. dolari

SUA (poziția I din totalul exporturilor moldovenești), iar importul din România de 555,1 mil. dolari SUA, în diminuare cu 30.9% (poziția I din totalul importurilor moldovenești)[4].

Stocul total al investițiilor românești atrase în Republica Moldova în anul 2015 a constituit circa 288 mil. dolari SUA. Principalele investiții românești au fost realizate în următoarele domenii: activități financiare; comerț cu ridicata și cu amănuntul; industria prelucrătoare; tranzacții imobiliare, închirieri și activități de servicii prestate întreprinderilor. La situația de 01.03.2016 în Republica Moldova funcționează cca. 1600 persoane juridice cu participarea capitalului românesc (mărimea capitalului social al acestora constituie cca. 497 mln lei moldovenești), ocupând locul întâi și o pondere de aproximativ 16% din punct de vedere al numărului de întreprinderi cu capital străin înregistrate[18].

Capacitatea de export scăzută a Republicii Moldova se datorează competitivității reduse a producției și serviciilor economiei naționale datorită ineficienței manageriale, gradului redus de re tehnologizare și modernizare a producției, care generează costuri ridicate ce se reflectă în prețul produselor și serviciilor. O barieră opozabilă creșterii capacității de export o constituie lipsa sistemelor internaționale de standardizare și certificare a calității, care reduce posibilitatea de folosire avantajoasă a preferințelor comerciale acordate de Uniunea Europeană [21].

Relațiile economice între Republica Moldova și România au cunoscut periodic progres și regres, cu toate acestea se înregistrează o tendință de colaborare bazată pe dialog deschis într-o atmosferă prietenoasă.

Perspectivile evoluției relațiilor Republicii Moldova cu România

Indiscutabil, relațiile Republicii Moldova cu România au fost controversate în comparație cu relațiile avute cu alte țări. Traectoria relației dintre Chișinău și București, în cei 21 de ani de existență a celor două state suverane românești, a fost un zig-zag politic – de la explozie emoțională până aproape la ruperea relațiilor. De cele mai multe ori, zig-zag-ul moldo-român a fost influențat de factorul politic [22].

Victor Chirilă, Director de Programe la Asociația pentru Politică Externă a comparat evoluția relațiilor moldo-române cu un topogan american ce provoacă senzații tari oficialilor din cele două capitale și doar ameteți cumplete opiniei publice din ambele state, mai cu seamă în Republica Moldova [23]

Relațiile României cu Republica Moldova au fost încordate începând cu 1994. Majoritatea teritoriului care astăzi formează Republica Moldova a fost parte din România în perioada interbelică și lingviștii, în general, sunt de acord că limba moldovenească este identică cu româna. Semnalele inițiale cum că România și Republica Moldova ar putea să se unească după trecerea ambelor state de la regimul totalitar comunist la democrație s-au stins rapid datorita intervenției rusești care a dus la apariția regiunii autonome Găgăuzia și a republicii nerecunoscute Transnistria, ambele create de Rusia în scopul împiedicării reunificării teritoriului românesc[24].

Perioada anilor 1991-2000 este caracterizată de către Ion Tabîrță drept Etapa „metamorfozelor” relațiilor moldo-române[22]. Această perioadă a cunoscut mai multe schimbări în relațiile între cele două state, periodic îmbunătățindu-se, iar uneori răcindu-se, în dependență de partidele de la guvernare și cursul politic pe care îl urmau. La începutul dezvoltării relațiilor în această perioadă caracteristic era pentru ambele țări o explozie de sentimente de frăție, care ulterior, după 1994 s-au schimbat, fiind influențate de conflictul transnistrian și impunerea moldovenismului ca ideologie oficială. Reîncălzirea relațiilor moldo-române a avut loc după anul 1997 când Republica Moldova a stabilit ca prioritate vectorul European.

Perioada anilor 2001-2009 poate fi asociată cu “o etapă a războiului rece” dintre cele două state vecine. Acest lucru se datorește venirii la guvernare în RM a Partidului Comunist. Relațiile s-au încordat esențial, dialogul politic nu mai avea nici o eficiență, deoarece Partidul Comunist din Republica Moldova a schimbat vectorul de dezvoltare a RM, stabilind următoarele obiective strategice[23]:

- semnarea unui parteneriat strategic cu Federația Rusă;

- intensificarea integrării în spațiul CSI;
- aderarea Republicii Moldova la Uniunea Rusia–Belarus;
- ridicarea statutului limbii ruse.

În 2005 relațiile dintre RM și România s-a pus începutul unui dialog constructiv, urmare a sprijinului acordat de către Președintele Traian Băsescu lui Vladimir Voronin în vederea accederii la al doilea mandat de Președinte al RM. În perioada ce a urmat s-au încheiat mai multe acorduri bilaterale, cu preponderență în domeniul comercial-economic. Totuși, foarte curînd s-a înțeles că această prietenie a fost una iluzorie și a fost condiționată de contextual geopolitic din regiune.

După 2007 relația moldo-română a fost marcată de câteva probleme care au tensionat la maximum raporturile dintre Chișinău și București. Printre acestea pot fi evidențiate: cetățenia română, consulatele, Mitropolia Basarabiei și Convenția privind micul trafic la frontiera moldo-română. Totul a culminat cu situația legată de evenimentele din 6-7 aprilie 2009, în urma cărora România a fost învinuită de guvernarea comunistă de la Chișinău de tentativă de lovitură de stat în Republica Moldova[22].

Vladimir Voronin în data de 8 aprilie 2009 a anunțat expulzarea ambasadorului român la Chișinău, Filip Teodorescu și reintroducerea sistemului de vize pentru cetățenii români. Pe 9 aprilie 2009, Uniunea Europeană a cerut Republicii Moldova normalizarea relațiilor cu România, iar Mihai Ghimpu, președintele interimar al Republicii Moldova, validat în această funcție de către Curtea Constituțională de la Chișinău, a anulat regimul de vize pentru România începând cu data de 18 septembrie 2009 prin decret prezidențial publicat în Monitorul Oficial[24].

Perioada după 2009 – pînă în prezent poate fi considerată ca “o perioadă a normalității” dezvoltării relațiilor moldo-române. Acest lucru s-a simțit prin multitudinea de vizite comune la nivel central, prin acordurile încheiate și proiectele planificate.

Un succes comun, ce merită a fi menționat, în relațiile moldo-române reprezintă Declarația privind instituirea unui parteneriat strategic între România și Republica Moldova pentru integrarea europeană a Republicii Moldova, care urmează a fi implementată prin Planul de acțiune între Guvernul României și Guvernul Republicii Moldova pentru aplicarea Declarației Comune.

Bibliografie:

1. Expert-grup, Societatea Academică Română, România - Republica Moldova Analiza relațiilor economice bilaterale, 2009, http://www.expert-grup.org/old/library_upld/d226.pdf
2. Ministerul Afacerilor Externe al României, Ambasada României în Republica Moldova, <http://chisinau.mae.ro/index.php?lang=ro&id=654>
3. Victor Chirilă, Relațiile Republicii Moldova cu România în Evoluția politicii externe a Republicii Moldova, ed. Cartdidact, Chișinău, 2009
file:///C:/Users/User2015/Downloads/987156_md_studiu_politi.pdf
4. Ministerul Afacerilor Externe și Integrării Europene al RM, Cooperare bilaterală
<http://www.mfa.gov.md/cooperare-bilateral/>
5. Ministerul Educației, Culturii și Cercetării al RM, Lista tratatelor internaționale în domeniul educației. România, <http://www.edu.gov.md/ro/content/tratatele-internationale>
6. Ambasada României la Chișinău, Școlarizare în România,
<http://chisinau.mae.ro/local-news/1086>
7. Academia de Științe a Moldovei, <http://international.asm.md/bilateral/agreements.html>
8. Ministerul Fondurilor Europene, Ro-Md (2014-2020), <http://www.fonduri-ue.ro/ro-md>
9. Ministerul Educației, Culturii și Cercetării al RM, Cooperare Bilaterală,
<http://www.mc.gov.md/ro/advanced-page-type/cooperare-bilateral>
10. Ghenadie Șontu, Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe", 16th edition 2015. Moldova, http://www.culturalpolicies.net/down/moldova_ol_012015.pdf
11. Ministerul Fondurilor Europene, Ro-Md (2014-2020), <http://www.fonduri-ue.ro/ro-md>
12. EuroPunkt, Cooperarea România – Republica Moldova sub egida UE/ Prețul gazelor a scăzut în Moldova după finalizarea gazoductului Iași-Ungheni,

<http://europunkt.ro/2016/04/12/cooperarea-romania-republica-moldova-sub-egida-ue-pretul-gazelor-a-scazut-in-moldova-dupa-finalizarea-gazoductului-iasi-ungheni>

13. Ministerul dezvoltării regionale și construcțiilor al RM, Republica Moldova și Romania își consolidează colaborarea bilaterală în domeniul dezvoltării regionale, construcțiilor, inclusiv construcției locuințelor sociale,
<http://mdrc.gov.md/libview.php?l=ro&id=3230&idc=27&t=/Serviciul-de-presa/Noutati/Republica-Moldova-i-Romania-ii-consolideaza-colaborarea-bilaterala-in-domeniul-dezvoltarii-regionale-construcitiilor-inclusiv-construcției-locuintelor-sociale/>
14. Utilaje și Construcții, Colaborare pe proiecte de infrastructură între România și Republica Moldova, <http://www.uconstruct.ro/informatii-la-zi/colaborare-pe-proiecte-de-infrastructura-intre-romania-si-republica-moldova/>
15. Cotidian Național Timpul, xtinderea proiectului SMURD în Republica Moldova va avea loc cu suportul României, <http://www.timpul.md/articol/extinderea-proiectului-smurd-in-republica-moldova-va-avea-loc-cu-suportul-romaniei-79909.html>
16. Constantin Pescaru, Gazoductul Iasi-Ungheni, in cifre: In ce stadiu se afla cel mai ambitios proiect Romania-R.Moldova, <http://www.ziare.com/economie/gaz/gazoductul-iasi-ungheni-in-cifre-in-ce-stadiu-se-afla-cel-mai-ambitios-proiect-romania-r-moldova-1380415>
17. Ciprian Ciucu, Relațiile economice dintre România și Republica Moldova: investiții, schimburi comerciale și alte lucruri bine de știut, <http://www.crpe.ro/relatiile-economice-dintre-romania-si-republica-moldova-investitii-schimburi-comerciale-si-alte-lucruri-bine-de-stiut/>
18. Ambasada Republicii Moldova în România, Relații comercial-economice, <http://www.romania.mfa.md/trade-economic-relations-rom-ro/>
19. Ministerul Economiei al RM, Cooperare economică internațională, <http://mec.gov.md/ro/content/cooperare-economica-internationala>
20. Biroul Național de Statistică al RM, Comerț exterior, <http://www.statistica.md/category.php?l=ro&idc=336&>
21. Ilian Galben, Evoluția relațiilor comerciale dintre Republica Moldova și România, <http://files.ulim.md:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/590/Galben%20Il..pdf?sequence=1>
22. Ion Tabîrță, Ședința comună a guvernelor Republicii Moldova și României – evoluția relațiilor moldo-române în funcție de factorul politic, file:///C:/Users/User2015/Downloads/Policy%20Statewatch43_ro.pdf
23. Victor Chirilă, Relațiile Republicii Moldova cu România: Quo Vadis?, <http://www.ape.md/libview.php?l=ro&id=242&idc=152>
24. Enciclopedia liberă, Relațiile dintre Republica Moldova și România, https://ro.wikipedia.org/wiki/Rela%C8%9Biile_dintre_Republica_Moldova_%C8%99i_Rom%C3%A2nia

CZU: 343.11

Oxana CIUDIN

Lector Asist. Catedra de Drept, Facultatea de Drept și Administrație Publică
Universitatea de Stat "B.P.Hasdeu" Cahul

OPORTUNITATEA DISPUNERII MĂSURILOR PREVENTIVE ALTERNATIVE ARESTULUI PREVENTIV

Abstract. The main purpose of the criminal proceeding is to establish the criminal offenses, to identify the delinquent and to determine the appropriate penalty. In order to achieve this and to ensure the presence of the defendant at any time it would be necessary, as well as to prevent the endangering the truth, the criminal investigators can use the preventive measures, and in particular: preventive arrest, arrest at home, release under judicial control and release on bail. In the present

piece of work we wanted to show the opportunity of revoking and replacing the preventive arrest with one of the three alternative measures if it can be ascertained that the aim pursued by arrest can be achieved also by applying the other preventive measures.

Keywords: preventive measure, preventive arrest, house arrest, release under judicial control or supervision and bail release, the court and criminal prosecution authorities.

În lucrarea de față ne propunem să realizăm o analiză a procedurii revocării și înlocuirii arestului preventiv cu o altă măsură de constrângere prevăzută de partea generală a Codului de procedură penală[1] a Republicii Moldova, Titlul V, Capitulul II.

Măsurile preventive, fiind măsuri procesuale provizorii, luate în funcție de împrejurări concrete legate de cauza penală, de persoana făptuitorului și a comportamentului acestuia, pot fi înlocuite una cu alta în funcție de schimbarea temeiurilor ce au contribuit la dispunerea măsurii preventive inițiale.

Potrivit alin. (1) al art. 195 din Codul de procedură penală, măsura preventivă poate fi înlocuită cu una mai aspră dacă necesitatea acesteia este confirmată prin probe, sau cu una mai ușoară, dacă prin aplicarea ei se va asigura comportamentul respectiv al bănuitului, învinuitului, inculpatului, în scopul desfășurării normale a procesului penal și al executării sentinței.

Dacă în timpul urmăririi penale s-au administrat probe în legătură cu faptele inculpatului și nu mai există pericolul ca acesta să zădărnicească aflarea adevărului prin influențarea martorilor, inculpatul poate fi eliberat, înlocuindu-se măsura arestării preventive cu aceea a obligării de a nu părăsi localitatea[2, p.147].

Modificarea învinuirii atât în sensul atenuării, cât și în sensul agravării ei, schimbarea stării sănătății sau situației familiale ori încălcarea condițiilor unei măsuri preventive neprivative de libertate luate anterior, ori pronunțarea sentinței de condamnare la pedeapsa închisorii, când inculpatului anterior îi este aplicată o măsură preventivă neprivativă de libertate, sunt temeiuri de înlocuire a măsurilor preventive.

Înlocuirea măsurii preventive poate fi dispusă în faza urmăririi penale, de regulă, la cererea învinuitului, inculpatului ori a apărătorului acestuia sau prin demersul procurorului, iar în faza judecării cauzei și din oficiu de către instanța judecătorească.

Procurorul poate dispune prin ordonanță motivată numai înlocuirea unei măsuri preventive neprivative de libertate cu alta neprivativă de libertate (cu excepția, liberării provizorii sub control judiciar sau pe cauțiune care pot fi dispuse doar de instanța de judecată). Ofițerul de urmărire penală, dacă constată necesitatea înlocuirii unei măsuri preventive, înaintează demers motivat procurorului[3, p.262].

Măsura preventivă sub formă de arest la domiciliu poate fi înlocuită prin arest, dacă necesitatea arestului este confirmată prin probe care arată asupra riscurilor care atrag necesitatea arestării preventive. Măsura preventivă sub formă de arest poate fi înlocuită cu una mai ușoară, dacă au dispărut riscurile menționate, sau, datorită schimbării situației, aceste riscuri pot fi evitate prin aplicarea altor măsuri preventive[4, p.65]. Potrivit alin. (3) al art. 195 din Codul de procedură penală, măsura preventivă sub formă de arestare preventivă, arestarea la domiciliu, liberarea provizorie sub control judiciar și liberarea provizorie pe cauțiune poate fi înlocuită sau revocată de judecătorul de instrucție în timpul urmăririi penale sau după caz, de instanța de judecată, în faza judecării cauzei.

Conform alin. (2) al art. 195 din Codul de procedură penală măsura preventivă se revocă de către organul care a dispus-o în cazul când au dispărut temeiurile pentru aplicarea acesteia.

Revocarea măsurii preventive presupune desființarea tuturor obligațiilor impuse anterior în cadrul unei măsuri (cu excepția, liberării provizorii sub control judiciar sau pe cauțiune, când se poate revini și la starea de arest preventiv).

De regulă, oportunitatea înlocuirii sau revocării măsurii preventive este lăsată la latitudinea procurorului, judecătorului de instrucție sau, după caz instanței de judecată, care

apreciază faptul dispariției temeiurilor pentru menținerea măsurii preventive în continuare. Dar în privința măsurilor privative de libertate revocarea trebuie interpretată mult mai categoric prin prisma dispozițiilor constituționale (alin (6) al art.25 din Constituție care prevede că „eliberarea celui reținut sau arestat este obligatorie dacă motivele reținerii sau arestării au dispărut”)[5]. O soluție similară revocării este anularea măsurii preventive dispusă în urma soluționării recursului de către judecătorul de instrucție sau, după caz, de către instanța de judecată, unde se constată lipsa temeiurilor legale de aplicare a măsurii preventive, precum și faptul dispariției temeiurilor pentru menținerea măsurii în continuare. După consecințele juridice, anularea și revocarea măsurii preventive sunt identice, deosebirea fiind nu prin efecte, dar prin procedura după care se dispune.

Revocarea măsurii preventive se dispune prin încheiere de către judecătorul de instrucție sau, după caz, de instanța judecătorească, care nu sunt susceptibile de a fi atacate[6, p.99].

Instanța de judecată dispune revocarea măsurii preventive prin sentință la soluționarea cauzei în prima instanță, precum și prin decizie la soluționarea apelului potrivit art. 416 din Codul de procedură penală sau recursului pentru care nu este prevăzută calea de atac apelul, conform art. 450 din Codul de procedură penală.

Potrivit alin. (4) al art. 195 Cod de procedură penală, încheierea, dispozitivul sentinței sau decizia de înlocuire ori de revocare a arestării preventive se execută imediat, învinuitul sau inculpatul arestat fiind eliberat din sala ședinței de judecată, iar copiile acestor hotărâri se înmânează imediat apărătorului sau reprezentantului persoanei arestate și administrației locului de deținere pentru a fi executate. Revocarea măsurii preventive nu se poate dispune decât pe o durată nedeterminată, având în acest sens caracter definitiv, deși este posibilă aplicarea din nou, dacă circumstanțe noi descoperite impun necesitatea.

Dacă în cadrul urmăririi penale, judecătorul de instrucție care examinează un demers de aplicare a arestului sau instanța de recurs care verifică legalitatea aplicării arestului au fost sesizate cu o cerere de înlocuire sau revocare a acestei măsuri, această cerere urmează a fi respinsă ca inadmisibilă, deoarece ea poate fi înaintată doar când în privința bănuțului, învinuitului există deja aplicat arestul printr-o hotărâre judecătorească irevocabilă. Încheierea, prin care s-a respins cererea privind înlocuirea sau revocarea măsurii preventive în situația dată, nu este susceptibilă de a fi atacată cu recurs[4, p.65].

În vederea respectării exigențelor art. 5 §4 CEDO, soluționarea cererii de revocare sau de înlocuire a arestului preventiv trebuie să se desfășoare cu maximă celeritate, care se apreciază prin raportare la durata de timp existentă între momentul depunerii cererii și data pronunțării încheierii[7, p. 236].

În continuare ne propunem să realizăm analiza instituției încetării de drept a măsurii arestului preventiv. În timp ce revocarea sau înlocuirea măsurilor preventive este un act procesual a cărui oportunitate o apreciază organele judiciare, încetarea de drept a măsurilor preventive este un obstacol legal împotriva menținerii acestora. Așadar, ori de câte ori legea prevede ca măsura preventivă încetează de drept, textul fiind imperativ, organul judiciar este obligat să dispună desființarea măsurii[8, p. 235].

Aici, găsim oportun, în vederea explicării instituției revocării, indicarea reglementării instituției date în legislația României și anume, conform art.140 al Codului de procedură penală[9] al României, măsurile preventive încetează de drept:

a) la expirarea termenelor prevăzute de lege sau stabilite de organele judiciare ori la expirarea termenului prevăzut în art.160 alin.(1), dacă instanța nu a procedat la verificarea legalității și temeiniciei arestării preventive în acest termen;

b) în caz de scoatere de sub urmărire, de încetare a urmăririi penale sau de încetare a procesului penal ori de achitare.

Măsura arestării preventive încetează de drept și atunci când, înainte de pronunțarea unei hotărâri de condamnare în primă instanță, durata arestării a atins jumătatea maximului pedepsei prevăzute de lege pentru infracțiunea care face obiectul învinuirii, fără a se putea depăși, în cursul

urmăririi penale, maximele prevăzute în art. 159 alin.(13) Cod de procedură penală al României, precum și în alte cazuri anume prevăzute de lege[10, p.161].Încetarea de drept a măsurii arestării preventive poate fi constatată atât de judecătorul de drepturi și libertăți, judecătorul de cameră preliminară sau instanța de judecată, cât și de procurorul care dispune clasarea sau renunțarea la urmărirea penală în chiar cuprinsul ordonanței prin care se dispune această soluție[11, p. 222].

Cazurile de încetare de drept a măsurilor preventive obligă organele competente să dispună desființarea măsurii sau restricțiile impuse prin orice măsură preventivă care își pierde efectul fără decizia expresă de revocare. Potrivit alin. (5) al art. 195 Cod de procedură penală a Republicii Moldova, măsura preventivă *încetează de drept*:

1) la expirarea termenelor prevăzute de lege ori stabilite de organul de urmărire penală (avându-se în vedere de către procuror) sau instanță dacă nu a fost prelungită în conformitate cu legea;

2) în caz de scoatere a persoanei de sub urmărire penală, de încetare a procesului penal sau de achitare a persoanei;

3) în caz de punere în executare a sentinței de condamnare.

Pe lângă situația arătată mai sus, în continuarea alin. (6) al art. 195 Cod de procedură penală, măsura preventivă privativă de libertate încetează de drept și în cazul adoptării sentinței de condamnare cu aplicarea pedepsei neprivative de libertate.

Prin urmare, încetarea de drept pentru temeiul expirării termenelor prevăzute de lege ori stabilite de organele judiciare, intervine numai în cazul măsurilor preventive care se aplică pentru o anumită durată (arestarea preventivă, arestare la domiciliu, obligarea de a nu părăsi localitatea sau țara).

Când organul judiciar dispune luarea măsurii preventive pe un termen mai mic decât termenul maxim prevăzut de lege, și acest termen fixat de organul judiciar s-a scurs, se poate spune că măsura de prevenție a încetat de drept, deoarece a expirat termenul stabilit de organul judiciar. În cazul expirării termenelor prevăzute de lege sau stabilite de organele judiciare administrația locului de reținere sau de deținere este obligată să elibereze imediat persoana reținută sau arestată, alin. (7) al art. 195 Cod de procedură penală.

Avantajele aplicării măsurilor preventive alternative arestului sunt multiple, printre care pot fi indicate următoarele: evitarea cheltuielilor legate de întreținerea arestatului la locul de detenție; evitarea posibilelor cheltuieli legate de plata despăgubirilor ce pot fi solicitate de fostul arestat ca urmare a constatării ulterioare a unor acțiuni nelegitime ale subiecților implicați în activitățile de dispunere a arestului, asigurare a menținerii în stare de arest cât și ulterioara revocare sau anulare a acestei măsuri; evitarea efectelor negative a arestului preventiv asupra învinutului, inculpatului cât și a membrilor familiei acestuia; evitarea posibilelor bănuieli privind utilizarea măsurii date ca mijloc de abuz din partea organelor de urmărire penală; evitarea situației în care pe un dosar penal finalizat cu o sintință de achitare învinutul/inculpatul să fi fost supus arestului preventiv.

Surse bibliografice:

1. Codul de procedură penală a Republicii Moldova, nr. 122-XV din 14.03.2003, Republicat: Monitorul Oficial al R.Moldova nr.248-251/699 din 05.11.2013 Monitorul Oficial al R.Moldova nr.104-110/447 din 07.06.2003
2. Antonio G., Volonciu N. *Practica judiciară penală*, vol IV, Procedură penală, București: Editura Academiei Române, 1993.
3. Dolea Ig. ș.a. *Dreptul procesual penal. Partea generală*, Chișinău: Cartdidact, 2005, p.262.
4. Dolea I., Ursu S. *Arestarea preventivă în Republica Moldova și în țările europene*. Chișinău: Cartier, 2014.
5. Constituția Republicii Moldova, din 29.07.1994, Republicat: Monitorul Oficial al R.Moldova nr.78/140 din 29.03.2016, Monitorul Oficial al R.Moldova nr.1 din 12.08.1994
6. Mateuț G., *Arestarea preventivă. Revocarea măsurii.Temei juridic. Starea sănătății inculpaților*, în *Dreptul*, nr.2, 1996.

7. Bîrsan C. *Convenția europeană a drepturilor omului. Comentariu pe articole*. Ediția 2, București: Editura C.H Beck, 2010.
8. Sima C.ș.a., *Arestarea preventivă*, București: Lumina Lex, 2002,
9. Codul de procedură penală a României, legea 135 din 01.07.2010, Publicat Monitorul Oficial nr. 486 din 15.07.2010
10. Coraș L. *Arestarea preventivă*, București: Editura C.H. Beck, 2006.
11. Udriou M. *Fișe de procedură penală. Noul Cod de procedură penală*, București: Universul Juridic, 2014

CZU: 35.083

Talmaci Anatoli

Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova

E-mail: an.talmach@gmail.com

IMPACTUL INTEGRĂRII EUROPENE ASUPRA CAPACITĂȚII ADMINISTRATIVE ÎN CADRUL PARTENERIATUL ESTIC

Abstract. The issues selected for the research is of paramount importance, given the current processes taking place within the EaP states. Need to study democratization, administrative capacity and prospects of European integration in EaP countries are caused by three factors: relevance of implementation of European integration policy within the EaP; democratization issue and „state capture” in some countries of the EaP; the possibility of reforming public institutions under the influence of European integration on administrative capacity.

Keywords: Eastern Partnership, consolidation, administrative capacity, democratization, european integration, political stability.

Problema integrării europene ca factor de consolidare al statelor în cadrul Parteneriatul Estic este o direcție promițătoare de cercetare în domeniul relațiilor internaționale contemporane. În științe politice este înrădăcinat argumentul că capacitatea administrativă, integrarea europeană sunt condițiile prealabile pentru democrație și democratizare [3, p.23]. Deci, în stadiul actual al cercetării este dificil de determinat caracteristicile influenței integrării europene asupra capacității administrative:

- în primul rând, problemele instituționale ale integrării europene. Pentru unele țări europene ale sistemului post-comunist (Republica Cehă, Ungaria, Polonia) integrarea europeană a fost nu numai un program politic, dar și un proces de a deveni o democrație consolidată [1, p.20];

- în al doilea rând, problema relației dintre capacitatea administrativă și democratizare. UE este o confederație a democrațiilor moderne, în care valorile democratice sunt în centrul politicii europene. Deci, în practică există exemple de țări cu un nivel ridicat de capacitatea administrativă cu sisteme autoritare (Singapore, China);

- în al treilea rând, în practică nu există studii empirice care confirmă relația dintre factorii de integrare europeană și capacitate administrativă.

În stadiul actual statele Parteneriatului Estic se află într-o „zonă gri” a democratizării, dar cu toate acestea, reflexele democratice au devenit evidente. Particularitatea „zona gri” este că acesta conține diferite tipuri de democrație incompletă. T. Carothers evidențiază două sindroame politic distincte, caracteristice „zonei gri”: pluralismul neroditor (*feckless pluralism*) și regimul politicii dominante (*dominant-power politics*) [5].

Pentru a atinge obiectivele studiului este aplicabilă analiza cantitativă a influenței integrării europene asupra capacității administrative. Ia evaluează gradul de implementare a reformelor în mediul instituțional al statului (analiza de corelație și analiza de regresie).

Eastern Partnership Index conține 3 grupe de indicatori [2]:

1. Legătură (Linkage)

Legătură (Linkage)
Dialogul politic (Political dialogue);
Integrarea economică și comercială (Trade and economic integration);
Cooperarea sectorială (Sectoral cooperation);
People-to-people;
Asistență (Assistance).

2. Aproximație (Approximation)

Aproximație (Approximation)
Democrație profundă și durabilă (Deep and sustainable democracy);
Economia de piață și DCFTA (Market economy and DCFTA);
Apropiere sectorială (Sectoral approximation).

3. Administrare (Management)

Administrare (Management)
Aranjamente instituționale pentru integrare europeană (coordonare și implementare) (Institutional arrangements for European integration (coordination and implementation);
Armonizarea legislativă (Legal approximation);
Administrarea asistenței UE (Management of EU assistance);
Formare în domeniul integrării europene (Training in the field of European integration);
Creșterea gradului de conștientizare cu privire la integrarea europeană (Awareness raising on European integration);
Participarea societății civile (Participation of civil society).

Estimările variază de la 0 până la 1, unde 0 înseamnă nici o integrare, iar 1 - eficiență maximă. Cronologia evaluărilor – 2012-2014.

World Government Indicators conține 6 grupe de indicatori [4]:

WGI
Voce și responsabilitate (Voice and Accountability);
Stabilitatea politică și absența violenței (Political Stability and Absence of Violence);
Eficacitate guvernamentală (Government Effectiveness);
Calitatea de reglementare (Regulatory Quality);
Regula legii (Rule of Law);
Controlul corupției (Control of Corruption).

Estimările variază de la -2,5 până la 2,5. Valorile mai mari înseamnă o performanță mai bună a instituțiilor. Estimările sunt traduse în puncte procentuale la 0 la 100. *Cronologia evaluărilor – 1996-2015.*

Analiza de corelație

Analiza de corelație – este o metodă cantitativă de determinare a direcției relației dintre variabilele selectate. În acest studiu, această analiză ne permite să determinăm prezența și direcția relației dintre integrarea europeană și capacitatea administrativă. Pentru a evalua rezistența de relației în teoria corelare a statisticii se aplică Cheddok scala: *slab* – 0,1-0,3; *moderat* – 0,3-0,5; *semnificativ* – 0,5-0,7; *de mare* – 0,7-0,9; *foarte mare (puternic)* – 0,9-1,0.

Relația liniară poate fi directă sau de „feedback”, pozitivă sau negativă (variabilele variază în aceleași sau diferite direcții). Pentru a calcula coeficientul de corelare se utilizează metoda pătrate (*metoda Pearson*), deoarece este necesar să se stabilească rezistența de relației precise între indexul de integrare europeană și capacitatea administrativă.

Statul	Anul	X (Eap Index)	Y (WGI)
Moldova	2012	0,64	0,41
Moldova	2013	0,66	0,41
Moldova	2014	0,7	0,41
Georgia	2012	0,56	0,55
Georgia	2013	0,59	0,58
Georgia	2014	0,67	0,63
Ucraina	2012	0,58	0,30
Ucraina	2013	0,58	0,25
Ucraina	2014	0,58	0,26
Armenia	2012	0,49	0,45
Armenia	2013	0,53	0,46
Armenia	2014	0,53	0,43
Azerbaidjan	2012	0,37	0,22
Azerbaidjan	2013	0,39	0,27
Azerbaidjan	2014	0,38	0,28
Belarus	2012	0,26	0,22
Belarus	2013	0,29	0,23
Belarus	2014	0,29	0,29

Date inițiale: [2].

Astfel, $r(x,y) = 0,635, (0,5-0,7); p > 90\%$.

Acest lucru înseamnă că la probabilitatea de 90% între integrarea europeană și capacitatea administrativă există o relație semnificativă. Cu alte cuvinte, integrarea europeană în cadrul Parteneriatului Estic are o influență pozitivă asupra capacității administrative.

Analiza de regresie 1.

Astfel, *analiza de regresie* va stabili legătura de cauzalitate și alte caracteristici ale acestei corelații.

Rezultatele analizei de regresie 1.

Pe baza rezultatelor obținute de regresie, este posibil să se constate caracteristicile relației de integrarea europeană și capacitatea administrativă:

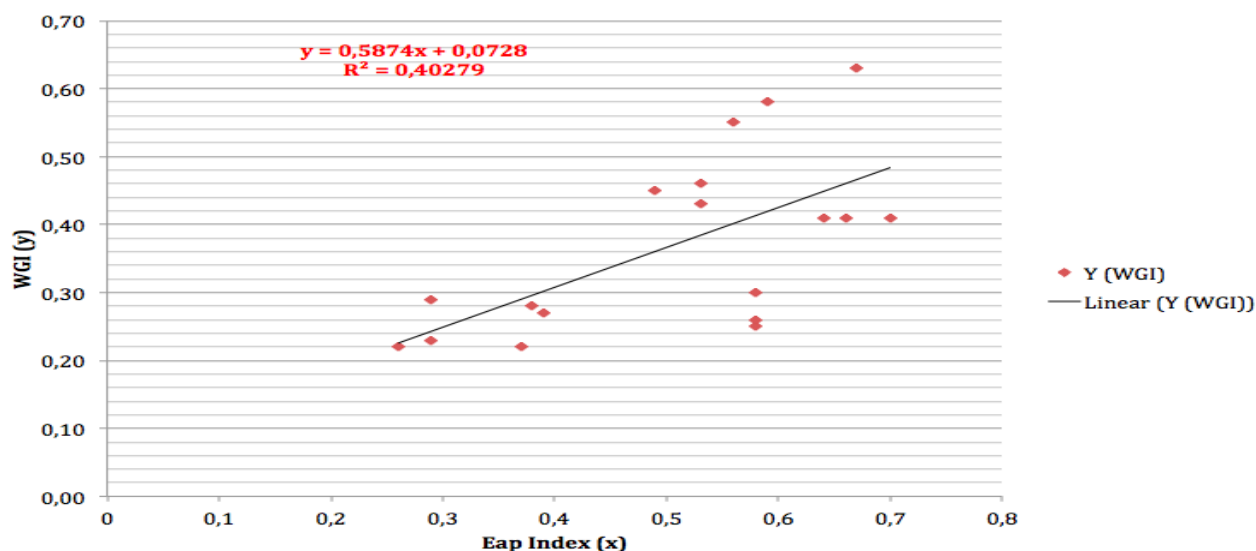
- în primul rând, un coeficient de regresie semnificativ statistic. Acest lucru înseamnă că modificarea integrării europene (x) conduce la o modificare a indexului de capacitatea administrativă (y);

- în al doilea rând, coeficientul $R^2 = 0,4$ înseamnă că 40% din modificările x duc la schimbări în y . Cu alte cuvinte - precizia selecției ecuației de regresie este media;

- în al treilea rând, există o dinamică a influenței pozitive a integrării europene asupra capacității administrative.

Acest lucru înseamnă că Parteneriatul estic, în realizarea programului de vecinătate se concentrează nu numai pe aspectul dezvoltării democratice a țărilor, dar, de asemenea, pe construirea capacității administrative. Acest model explică politicile de combatere a sărăciei, a corupției, de construire a unui concept european de securitate. În același timp, trebuie remarcat faptul că capacitatea administrativă este strâns legată de democratizarea, deoarece acesta este unul dintre principiile declarate ale integrării europene.

Astfel, evaluarea globală a influenței integrării europene asupra capacității administrative rezidă în perspectiva aderării în UE țărilor Parteneriatului estic. Această perspectivă pe termen lung de integrare: construirea modelului european al statului cu o economică dezvoltată și competitivă, un sistem politic deschis și democratic (*good governance*) și o societate civilă reală.

Graficul regresiei 1.

Ecuția $y = 0,5874x + 0,0728$ descrie influența EaPIndexului asupra Indexului WGI.

O caracteristică esențială a rezultatelor de regresie este «paradoxul de împrăștiere». Acest grafic arată că integrarea europeană afectează calitativ capacitatea administrativă în Armenia, Azerbaidjan și Belarus, în calitate de indicii sunt aproape de linia de trend.

Poate că acest lucru se datorează faptului că aceste țări (Armenia, Azerbaidjan) se desfășoară în cooperare cu UE reformele, fără concepția integrării (Linkage – Approximation).

În ceea ce privește cei trei lideri ai Parteneriatului Estic (Moldova, Georgia, Ucraina) este evident faptul că, în plus față de legături mai strânse cu UE, aceste țări trebuie să se concentreze pe reformele instituțiilor publice.

Astfel, există necesitatea de a analiza influența indicatorului „Management” asupra capacității administrative în cadrul Parteneriatului Estic.

Analiza de regresie 2.

Statul	Anul	X (Eap Index) Managament	Y (WGI)
Moldova	2012	0,58	0,41
Moldova	2013	0,59	0,41
Moldova	2014	0,71	0,41
Georgia	2012	0,58	0,55
Georgia	2013	0,58	0,58
Georgia	2014	0,71	0,63
Ucraina	2012	0,52	0,30
Ucraina	2013	0,52	0,25
Ucraina	2014	0,5	0,26
Armenia	2012	0,44	0,45
Armenia	2013	0,51	0,46
Armenia	2014	0,48	0,43
Azerbaidjan	2012	0,34	0,22
Azerbaidjan	2013	0,33	0,27
Azerbaidjan	2014	0,31	0,28
Belarus	2012	0,19	0,22
Belarus	2013	0,24	0,23
Belarus	2014	0,25	0,29

Date inițiale: [2].

În acest tabel, indexul integrării europene luate de indicatorul «Management», care descrie realizările instituționale în procesul de apropiere de UE.

Rezultatele analizei de regresie 2.

Astfel, $r(x,y) = 0,731, (0,7-0,9)$;

$p > 90\%$.

Foarte important că la probabilitatea de 90% între integrarea europeană (*indicator Management*) și capacitatea administrativă există o relație mare. Cu alte cuvinte, administrarea de stat (Management) în cadrul PaE are o influență mare și pozitivă asupra capacității administrative.

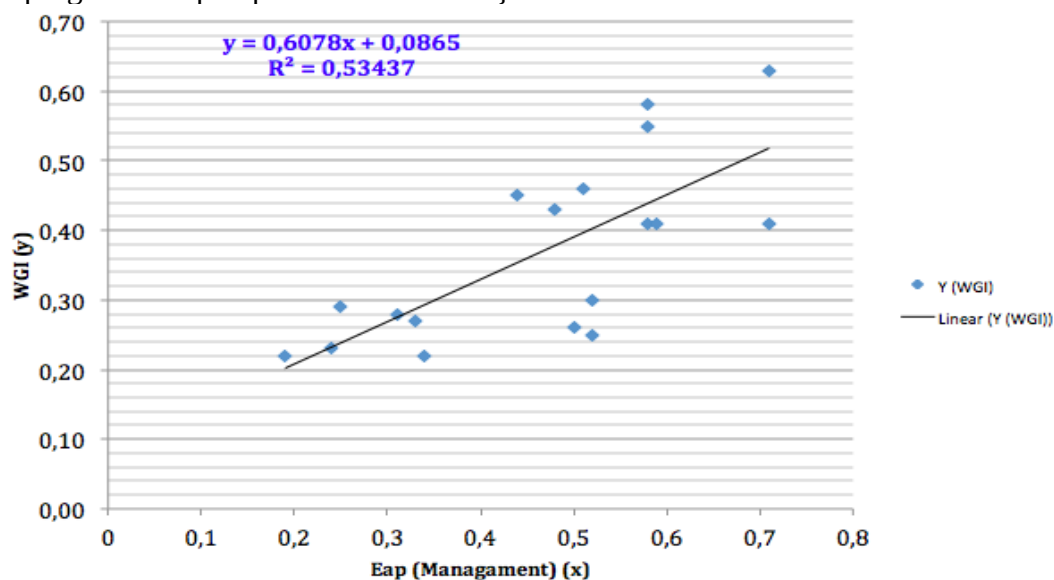
Caracteristicile a doua regresii sunt următoarele tendințe:

- Coeficientul statistic de regresie este mai semnificativ decât în prima analiză de regresie. Acest lucru înseamnă că integrarea europeană în ceea ce privește managementul are o influență mai semnificativă (puternică) asupra capacității administrative;

- Coeficientul de dispersie $R^2 = 0,53$ înseamnă că pentru mai mult de jumătate din analiza de regresie variația performanței x determină o schimbare în variabila independentă y .

Astfel, a doua regresie face posibilă construirea unui model de integrarea serial, la care UE treptat vine.

Integrarea europeană a devenit nu numai un instrument al politicii de vecinătate a UE, dar, de asemenea, un program complet pentru dezvoltarea țărilor Parteneriatului Estic.

Graficul regresiei 2.

Linia de trend în grafic arată că în a doua regresie nu există «paradoxul de împrăștiere». Cu alte cuvinte, parametrul «Management» EaP Indexului, practic, aceeași în toate țările afectează asupra capacității administrative.

Trebuie să remarcăm faptul că strategia de guvernare bună este importantă pentru toate țările din cadrul Parteneriatului Estic, astfel suportul reformelor UE în sistemul judiciar, economia de piață, protecția drepturilor de proprietate și a stabilității financiare este o parte integrată a politicii de parteneriat.

Caracteristicile și tendințele influenței integrării europene asupra capacității administrative în cadrul Parteneriatului Estic:

Tabelul PaE (final)

Index	Tendințele (Moldova, Georgia, Ucraina)	Tendințele (Armenia, Azerbaidjan, Belarus)
EaP Index	1. Integrarea europeană, precum și instituțiile Parteneriatului Estic au o influență <i>semnificativă</i> asupra capacității administrative.	1. Integrarea europeană, precum și instituțiile Parteneriatului Estic au o influență <i>specifică</i> asupra capacității administrative.

	2. Din cauza unor probleme politice: nivelul înalt al corupției (Moldova, Ucraina), precum și lipsa unei politici stabile, relații cu UE în cadrul punerii în aplicare a Acordului de asociere nu sunt îndeplinite în cel mai bun mod.	2. Din cauza lipsei unui dialog permanent cu UE și ignorării unor programe de dezvoltare, există anumite probleme în liberalizarea economică și democratizarea.
	3. Este necesară voința politică pentru punerea în aplicare a reformelor în sistemele economice, financiare și judiciare.	3. Sunt necesare relații mai strânse cu UE pentru punerea în aplicare a întregului pachet de programe a Parteneriatului Estic.
EaP Management Index	1. Managementul în cadrul integrării europene are o influență puternică asupra capacității administrative în toate țările din cadrul Parteneriatului estic. 2. Societatea civilă, practic, în toate țările implică în procesul de actualizare a nevoii de reforme și a unor mecanisme reale pentru punerea în aplicare eficientă a politicilor.	
	3. Sunt necesare mecanismele reale a luptei împotriva corupției, implicarea cetățenilor în procesul de luare a deciziilor, descentralizarea administrativă.	3. Este necesar să se introducă valori democratice: alegeri deschisă și competitive, rotația deschisă a elitei politice, politică stabilă în punerea în aplicare a reformelor.

Bibliografie:

1. Baeck H., Hadenius A. Democracy and state capacity: Explaining a j-shaped relationship Governance: An international journal of policy, administration, and institutions. – Oxford, 2008. – Vol.21, – P 1-24.
2. Index al integrării europene a țărilor din cadrul Parteneriatului estic (EaP Index). URL: <http://www.eap-index.eu/index2> (accesat la 2 decembrie 2019).
3. Lucan Way. Authoritarian state building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave: The cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. World Politics. 2005. Vol. 57. N2.
4. The Worldwide Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (accesat la 2 decembrie 2019).
5. Transformation Index BTI 2016. URL: <https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/> (accesat la 10 decembrie 2019).

CZU:34 ББК 67

Dandeu Veaceslav Nicoale

Lector asistent, Catedra de Drept a Universității de Stat B.P.Hasdeu din Cahul,
Avocat, Cabinetul Avocatului "Dandeu Veaceslav", Mun.Cahul, RM
E-mail: avocatdandesv@yandex.ru

**ACTUALITATEA REGLEMENTĂRIILOR DE LA ART. 313 ALIN. (6) CPP PRIVIND
CONDIȚIILE
CE ACORDĂ DREPTUL DE ÎNAINȚARE A RECURSULUI FAȚĂ DE ÎN
CHEIEREA JUDECĂTORULUI DE INSTRUCȚIE**

Abstract. In the current system of criminal procedural law, the institution of the judicial control over the actions, inactions and acts, the criminal investigation body, the bodies that carry out the special investigation activity, and the prosecutor, the importance that appears so much for the

state accusation, has more and more importance. and law enforcement bodies, as well as practically the only procedural means for the defense of the procedural reaction to the violations, deviations and illegality committed in the procedure of administering the evidence or in the decision-making procedure different from the remission of the case in court with indictment.

Keywords: guarantees, constitution, law, contestation.

În sistemul actual de drept procesual penal, o tot mai multă importanță o are instituția controlului judecătoresc asupra acțiunilor, inacțiunilor și actelor, organului de urmărire penală, organelor ce efectuează activitatea specială de investigații, și a procurorului, importanță care apare atît pentru acuzarea de stat și organele de drept, cît și practic unicul mijloc procesual pentru partea apărării de reacție procesuală față de încălcările, abaterile și ilegalitățile comise în procedura de administrare a probelor sau în procedura decizională diferită de remiterea cauzei în instanță cu rechizitoriu.

Astfel, actualmente, tot mai des în practică intervine întrebarea cu privire la interpretarea și aplicabilitatea prevederilor art.313 alin.(6) Codul de procedură penală.

În acest sens, conform prevederilor art.313 alin.(6) Codul de procedură penală, [3], "Încheierea judecătorului de instrucție este irevocabilă, cu excepția încheierilor privind refuzul în pornirea urmăririi penale, scoaterea persoanei de sub urmărirea penală, încetarea urmăririi penale, clasarea cauzei penale și reluarea urmăririi penale, care pot fi atacate cu recurs la curtea de apel în termen de 15 zile de la data pronunțării".

Pentru o mai bună înțelegere a acestei norme, considerăm oportun a efectua un exercițiu de analiză juridică, identic celui de verificare de corespundere cu normele constituționale.

Respectiv, prevederile art.20 al Constituției RM, "Accesul liber la justiție", [1] statuează, că: „(1) Orice persoană are dreptul la satisfacție efectivă din partea instanțelor judecătorești competente împotriva actelor care violează drepturile, libertățile și interesele sale legitime. (2) Nici o lege nu poate îngreuna accesul la justiție.”

În continuarea garanției stipulate la alin.(2) citat supra, conform art.54 al Constituției RM [1], "Restrângerea exercițiului unor drepturi sau al unor libertăți", „(1) În Republica Moldova nu pot fi adoptate legi care ar suprima sau ar diminua drepturile și libertățile fundamentale ale omului și cetățeanului. (2) Exercițiul drepturilor și libertăților nu poate fi supus altor restrângeri decât celor prevăzute de lege, care corespund normelor unanim recunoscute ale dreptului internațional și sunt necesare în interesele securității naționale, integrității teritoriale, bunăstării economice a țării, ordinii publice, în scopul prevenirii tulburărilor în masă și infracțiunilor, protejării drepturilor, libertăților și demnității altor persoane, împiedicării divulgării informațiilor confidențiale sau garantării autorității și imparțialității justiției. (3) Prevederile alineatului (2) nu admit restrângerea drepturilor proclamate în articolele 20-24. (4) Restrângerea trebuie să fie proporțională cu situația care a determinat-o și nu poate atinge existența dreptului sau a libertății.”

Și în acest șir logic și coerent avem garanția stabilită de art.119 a Constituției RM [1], "Folosirea căilor de atac", care reglementează că: "Împotriva hotărîrilor judecătorești, părțile interesate și organele de stat competente pot exercita căile de atac, în condițiile legii".

În contextul modalității de analiză propus, nu putem a nu cita reglementările relevante ale Convenției Europene pentru Apărarea Drepturilor Omului și a Libertăților Fundamentale, [3] și anume:

- Art.6 "Dreptul la un proces echitabil", conform căruia, "§1 Orice persoană are dreptul la judecarea cauzei sale în mod echitabil, în mod public și în termen rezonabil, de către o instanță independentă și imparțială, instituită de lege, care va hotărî fie asupra încălcării drepturilor și obligațiilor sale cu caracter civil, fie asupra temeiniciei oricărei acuzații în materie penală îndreptate împotriva sa. Hotărârea trebuie să fie pronunțată în mod public, dar accesul în sala de ședință poate fi interzis presei și publicului pe întreaga durată a procesului sau a unei părți a acestuia, în interesul moralității, al ordinii publice ori al securității naționale într-o societate democratică, atunci când

interesele minorilor sau protecția vieții private a părților la proces o impun, sau în măsura considerată absolut necesară de către instanță când, în împrejurări speciale, publicitatea ar fi de natură să aducă atingere intereselor justiției”.

- Protocolul nr.7 art.2 ”Dreptul la două grade de jurisdicție în materie penală”, care prevede, că:

”1. Orice persoană declarată vinovată de o infracțiune de către un tribunal are dreptul să ceară examinarea declarației de vinovăție sau a condamnării de către o jurisdicție superioară. Exercitarea acestui drept, inclusiv motivele pentru care acesta poate fi exercitat, sunt reglementate de lege.

2. Acest drept poate face obiectul unor excepții în cazul infracțiunilor minore, definite prin lege, sau când cel interesat a fost judecat în primă instanță de către cea mai înaltă jurisdicție ori a fost declarat vinovat și condamnat ca urmare a unui recurs împotriva achitării sale”.

În Hotărârea nr. 6 din 19 martie 2019, Curtea Constituțională a RM, [4] a statuat că:

”34. Curtea reține că exigențele statului de drept presupun, inter alia, asigurarea legalității și a certitudinii juridice (Raportul privind preeminența dreptului, adoptat de Comisia de la Veneția la cea de-a 86 sesiune plenară, 2011, § 41). În acest sens, articolul 23 alin. (2) din Constituție impune adoptarea de către legislator a unor legi accesibile și previzibile.

[...] 37. Totodată, pentru ca legea să îndeplinească exigența previzibilității, ea trebuie să precizeze cu suficientă claritate întinderea și modalitățile de exercitare a puterii discreționare a autorităților în domeniul respectiv, ținând cont de scopul legitim urmărit, pentru a-i oferi persoanei o protecție adecvată împotriva arbitrarului (Sissanis v. România, 25 ianuarie 2007, § 66; Seychell v. Malta, 28 august 2018, § 50-52).

38. O putere discreționară care nu este delimitată, chiar dacă face obiectul controlului judiciar din punct de vedere formal, nu trece de testul previzibilității. Aceeași concluzie este valabilă și pentru puterea discreționară nelimitată a instanțelor judecătorești (HCC nr. 28 din 23 noiembrie 2015, § 61).

[...] 40. În particular, textul legislativ trebuie să corespundă principiului coerenței.

41. Astfel, legea trebuie să asigure o legătură logico-juridică între dispozițiile pe care le conține și să evite paralelismele legislative, care generează incertitudine și insecuritate juridică. În procesul de legiferare este interzisă instituirea acelorași reglementări în mai multe articole sau alineate din același act normativ ori în două sau mai multe acte normative (HCC nr. 2 din 30 ianuarie 2018, § 45).

42. Dreptul de acces la un tribunal, garantat de articolul 20 din Constituție și, respectiv, de articolul 6 § 1 din Convenția Europeană a Drepturilor Omului, trebuie să fie practic și efectiv, nu teoretic și iluzoriu. Efectivitatea dreptului în discuție reclamă ca persoanele să aibă posibilitatea clară și concretă de a contesta un act care constituie o ingerință în exercitarea drepturilor sale. Dreptul de acces la un tribunal nu include doar dreptul de a iniția o acțiune în justiție, ci și dreptul la soluționarea cauzei de către un tribunal competent să se pronunțe asupra tuturor aspectelor de fapt și de drept (Parohia Greco-Catolică Lupeni și alții v. România [MC], 29 noiembrie 2016, § 86).

43. Dreptul de acces la un tribunal nu este un drept absolut. Acesta poate fi limitat. Limitările accesului la un tribunal trebuie să fie prevăzute de lege, să urmărească un scop legitim și să fie proporționale, pentru a nu fi afectată însăși esența dreptului. Această afirmație este valabilă și pentru normele de natură procedurală care stabilesc termene în interiorul cărora persoanele ar putea formula o contestație (Marc Brauer v. Germania, 1 septembrie 2016, § 36).”

În Hotărârea nr. 19 din 03 iulie 2018, Curtea Constituțională a RM, [5] a statuat că:

”50. Curtea menționează că dreptul fiecărui om de a-și cunoaște drepturile și îndatoririle, prevăzut de articolul 23 din Constituție, implică adoptarea de către legislator a unor reguli procedurale clare, în care să se prescrie cu precizie condițiile și termenele în care justițiabilii își pot exercita drepturile. De asemenea, articolul 54 din Constituție cere ca restrângerile drepturilor să fie prevăzute de lege. Legea trebuie să respecte standardul calității.

51. În acest sens, Curtea reține că, pentru a corespunde celor trei criterii de calitate (accesibilitatea, previzibilitatea și claritatea), norma de drept trebuie să fie formulată cu suficientă precizie, astfel încât să permită persoanei să decidă asupra conduitei sale și să prevadă, în mod rezonabil, în funcție de circumstanțele cauzei, consecințele acestei conduite. În caz contrar, cu toate că legea conține o normă de drept care aparent descrie conduita persoanei într-o anumită situație, persoana poate pretinde în mod justificat că nu-și cunoaște drepturile și obligațiile. Într-o asemenea interpretare, norma care nu corespunde criteriilor clarității este contrară articolului 23 din Constituție, care statuează obligația statului de a garanta fiecărui om dreptul de a-și cunoaște drepturile.

52. În acest context, Curtea reține că conținutul actului normativ trebuie să-i permită persoanei interesate să prevadă în mod rezonabil conduita pe care trebuie să o adopte, claritatea și previzibilitatea fiind elemente sine qua non ale constituționalității unei norme.”

Conform Hotărârii nr. 32 din 29 noiembrie 2018, Curtea Constituțională a RM, [6] a indicat, că:

”30. Curtea Europeană a reținut că, de vreme ce obiectul esențial al articolului 8 din Convenție este să protejeze persoana împotriva acțiunilor arbitrare ale autorităților publice, acesta implică, de asemenea, obligații pozitive inerente „respectării” efective a vieții private și de familie. Aceste obligații impun adoptarea unor măsuri în sfera relațiilor dintre particulari (Eremia v. Republica Moldova, 28 mai 2013, § 72).

31. Cu privire la respectarea vieții private, Curtea Europeană a menționat, în diferite contexte, că acest concept include integritatea fizică și psihologică a unei persoane. În acest sens, Curtea a precizat în jurisprudența sa că obligațiile pozitive impuse autorităților în baza articolului 8, privit separat sau coroborat cu articolul 3, includ și obligația de a adopta și de a aplica un cadru legal corespunzător care să asigure protecția efectivă împotriva actelor de violență comise de către persoanele fizice (a se vedea Osman v. Regatul Unit, 28 octombrie 2008, §§ 128-130, Đorđević v. Croația, 24 iulie 2012, §§ 141-143; M.G. v. Turcia, 22 martie 2016, §§ 77, 78).

32. Astfel, articolele 3 și 8 din Convenție instituie în sarcina statelor o obligație substanțială pozitivă de a întreprinde măsurile legislative necesare pentru a preveni și a pedepsi actele de violență comise de către indivizi. În acest context, eșecul statului de a-și onora obligațiile substanțiale poate conduce implicit la nerespectarea obligațiilor procedurale pozitive de a investiga efectiv și de a-i pedepsi pe cei vinovați de comiterea unor acte de violență (a se vedea cauza M.C. v. Bulgaria, 4 decembrie 2003, în care Curtea Europeană a combinat chestiunile de substanță cu cele de procedură dată fiind interdependența lor și a reținut că statul reclamat a eșuat să-și onoreze obligația procedurală din cauza unei probleme substanțiale).

33. Curtea Europeană a subliniat că, atunci când o persoană pretinde că a fost victima unor acțiuni contrare articolului 3 din Convenție, această dispoziție implică o obligație pozitivă a statului de a efectua o investigație oficială, iar o asemenea obligație nu poate, în principiu, să se limiteze doar la cazurile de rele tratamente aplicate de către funcționarii de stat (Ceachir v. Republica Moldova, 10 decembrie 2013, § 43). Investigația ar trebui să conducă, în principiu, la stabilirea faptelor cazului, la identificarea și la pedepsirea celor responsabili. De asemenea, investigația trebuie să respecte condițiile independenței, efectivității, promptitudinii și reacției rezonabile și accesibilității victimei sau a reprezentanților săi legali la aceasta (O’Keeffe v. Irlanda [MC], 28 ianuarie 2014, § 172).

[...] 42. De altfel, Curtea a reținut în jurisprudența sa că sistemul de sancționare al statului trebuie să funcționeze de o asemenea manieră încât cei vulnerabili, i.e. victimele actelor de violență, să fie convinși că sistemul judiciar va reacționa împotriva ilegalităților comise față de ei și nu le va tolera sau nu îi va lăsa pe făptuitori nepedepsiți. Dacă nu s-ar putea stabili o pedeapsă din cauza reglementării deficitare a legii, scopul legii contravenționale nu ar fi atins, fapt care ar alimenta scepticismul public la adresa sistemului judiciar (HCC nr. 28 din 22 noiembrie 2018, § 65).”

Iar, conform Hotărârii nr. 11 din 08 mai 2018, Curtea Constituțională a RM, a constatat, [7] că:

”45. În jurisprudența sa anterioară, Curtea a reținut că nu orice tratament diferențiat implică în mod automat o încălcare a articolului 16 din Constituție. Pentru a se stabili încălcarea articolului 16 din Constituție trebuie să se constate faptul că persoanele aflate în situații similare sau comparabile beneficiază de un tratament preferențial și că această diferențiere este una discriminatorie (HCC nr. 27 din 20 decembrie 2011).

46. Totodată, Curtea a menționat că tratamentul diferențiat trebuie să se încadreze în limitele articolului 54 din Constituție (HCC nr. 12 din 1 noiembrie 2012, § 53).

47. Astfel, Curtea a subliniat că diferențierile sunt discriminatorii dacă nu se bazează pe o justificare obiectivă și rezonabilă, adică dacă nu urmăresc un scop legitim sau dacă nu există un raport rezonabil de proporționalitate între mijloacele folosite și scopul urmărit (HCC nr. 12 din 1 noiembrie 2012, § 54).

48. În același context, și Curtea Europeană a subliniat în jurisprudența sa că tratamentul diferențiat echivalează cu discriminare, dacă nu are la bază o justificare obiectivă și rezonabilă, a persoanelor în situații similare. „Lipsa justificării obiective și rezonabile” presupune că diferențierea în cauză nu urmărește un „scop legitim” sau că nu există un „raport rezonabil de proporționalitate între mijloacele folosite și „scopul urmărit” (Sejdić și Finci v. Bosnia și Herțegovina, 22 decembrie 2009, § 42; Stummer v. Austria, 7 iulie 2011, § 87; Khamtokhu și Aksenchik v. Rusia, 24 ianuarie 2017 § 64).”

În Hotărârea nr. 31 din 29 noiembrie 2018, Curtea Constituțională a RM a explicat, [8] că:

”64. Având în vedere aceste aspecte, Curtea reține că restricția absolută stabilită pentru partea vătămată și reprezentantul acesteia în privința accesului la materialele urmăririi penale, până la încheierea acesteia, nu cântărește mai mult decât garanțiile presupuse de articolul 24 alin. (2) din Constituție, cu privire la participarea efectivă a părții vătămate la urmărirea penală.

[...] 71. Curtea menționează că, în cazul în care legislatorul va interveni cu modificări în acest domeniu, este necesar ca acesta să aibă în vedere semnificația standardului „participării efective la anchetă”, așa cum dă de înțeles Curtea Europeană în jurisprudența sa referitoare la articolele 2 și 3 din Convenție, privite sub aspect procedural”.

Astfel, Curtea Constituțională, în practica sa a reiterat, că ”într-o societate democratică atribuția de bază a statului este protecția persoanei. Prin instituirea normelor procesual-penale, statul urmărește scopul de a proteja persoana și societatea de infracțiuni, dar, în același timp, să protejeze persoana și societatea de abuzurile persoanelor investite cu atribuții de cercetare a infracțiunilor, astfel ca orice persoană care a săvârșit o infracțiune să fie pedepsită potrivit vinovăției sale și nici o persoană nevinovată să nu fie trasă la răspundere penală și condamnată”.

Codul de procedură penală (art. 6 pct. 44)) tratează „viciul fundamental” ca o încălcare esențială a drepturilor și libertăților garantate de Convenția pentru Apărarea Drepturilor Omului și a Libertăților Fundamentale, de alte tratate internaționale, de Constituția Republicii Moldova și de alte legi naționale.

Practica judiciară actuală, în situații similare, în cazul în care o plângere a bănuțului/învinuțului față de o ordonanță de recunoaștere în calitate de bănuț/învinuț, este respinsă, se invocă inclusiv motivarea că lipsa dreptului procedural de contestare conform art.313 alin.(6) CPP, nu lipsește în nici un caz, bănuțului/învinuțului de două grade de jurisdicție, deoarece, aceștia își mențin dreptul de a invoca contestația în instanța de fond, în apel și în recurs.

Totodată, în ipoteza admiterii plîngerii și anulării ordonanței de recunoaștere în calitate de învinuț, situația este una total diferită, deoarece, drept efect juridic direct al unei astfel, de încheieri a instanței, prin care ar fi anulată ordonanța de punere sub învinuire, duce la scoaterea învinuțului de sub urmărire penală, și respectiv, partea vătămată este lipsită totalmente de un remediu procesual de contestare, ori, în situația scoaterii de sub urmărire penală, nici nu poate fi vorba despre judecarea cauzei în instanța de fond, apel sau recurs.

Pe cale de consecință, într-o astfel de situație, este demonstrat că principiul securității juridice, dreptul accesului la justiție și dreptul părții vătămate la două grade de jurisdicție, este încălcat, prin nereglementare, adică prin lipsa unui mecanism adecvat, care să fie clar, cu respectarea standardului de calitate a legii, care să instituie legitimitatea scopului urmărit și să urmărească respectarea caracterului proporțional al tratamentului diferențiat, și astfel, bănuitul/invinuitul are garantat dreptul procedural de contestare iar partea vătămată nu.

Situația indicată supra, este consecința, reglementărilor vagi, a prevederilor art.313 alin.(6) CPP, care fiind în sensul indicat supra, neconstituționale, îngădesc dreptul părții vătămate la un proces echitabil, și egal.

Astfel, prevederile art.313 alin.(6) CPP, limitează nejustificat, și reprezintă un tratament preferențial pentru bănuitul/invinuit față de partea vătămată, respectiv în caz de eroare de drept sau de admitere de către instanță a unui viciu fundamental la examinarea cauzei în ordinea art.313 CPP, partea vătămată nu beneficiază în nici un fel de dreptul de a invoca aceste erori și vicii.

În acest context, ținem să menționăm, că nu numai legislația națională, cât, și practica judiciară națională și a CtEDO, este în permanentă evoluție – modificare, în conformitate și în coroborare cu normele juridice existente, și astfel, considerăm oportun a revedea mecanismul de funcționare a controlului judiciar în sensul art.313 alin.(6) CPP, în sensul modernizării acestuia, inclusiv conform ipotezei înaintate.

Bibliografie:

1. Constituția Republicii Moldova, adoptată de Parlamentul Republicii Moldova la 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1994, nr. 1.
2. Convenția europeană pentru apărarea drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, adoptată la Roma la 04.11.1950. În: Tratatate internaționale la care Republica Moldova este parte. Vol. 1. Chișinău: Moldpres, Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1998, p. 341-358.
3. Codul de procedură penală al Republicii Moldova Nr. 122 din 14-03-2003, Publicat : 05-11-2013 în Monitorul Oficial Nr. 248-251 art. 699. Republicată în temeiul art. IV al Legii nr. 252 din 8 noiembrie 2012 – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2012, nr.263-269, art.855.
4. Hotărîrea Curții Constituționale Nr.6 din 19-03-2019 privind excepția de neconstituționalitate a articolului 265 alin. (2) din Codul de procedură penală (contestarea refuzului organului de urmărire penală de a primi plângerea sau denunțul privind comiterea unei infracțiuni), (Sesizarea nr. 8g/2019), Publicat : 05-04-2019 în Monitorul Oficial Nr. 119-131 art. 63.
5. Hotărîrea Curții Constituționale Nr. 19 din 03-07-2018 privind excepția de neconstituționalitate a articolului 178 alin. (3) din Codul de procedură penală (obligația de a nu părăsi țara) (Sesizarea nr. 63g/2018) Publicat : 20-07-2018 în Monitorul Oficial Nr. 267-275 art. 118.
6. Hotărîrea Curții Constituționale Nr.32 din 29-11-2018 privind excepția de neconstituționalitate a articolelor 445 și 461 din Codul contravențional (nulitatea procesului-verbal cu privire la contravenție) (Sesizarea nr. 158g/2018), Publicat : 28-12-2018 în Monitorul Oficial Nr. 513-525 art. 189.
7. Hotărîrea Curții Constituționale Nr. 11 din 08-05-2018 privind excepția de neconstituționalitate a unor prevederi din articolul 233 alineatele (1), (2) și (3) din Codul contravențional (sanționarea conducerii în stare de ebrietate a vehiculelor pentru care nu este necesară deținerea permisului de conducere) (Sesizarea nr. 42g/2018), Publicat : 15-06-2018 în Monitorul Oficial Nr. 195-209 art. 97.
8. Hotărîrea Curții Constituționale Nr. 31 din 29-11-2018 privind excepția de neconstituționalitate a unor prevederi din Codul penal și din Codul de procedură penală (accesul părții vătămate și al reprezentantului acesteia la materialele urmăririi penale), (Sesizarea nr. 113g/2018), Publicat : 28-12-2018 în Monitorul Oficial Nr. 513-525 art. 188.

CZU: 343.157.5

Dandesh Veaceslav Nicoale

Lector asistent, Catedra de Drept a Universității de Stat B.P.Hasdeu din Cahul,
Avocat, Cabinetul Avocatului "Dandesh Veaceslav", Mun.Cahul, RM
E-mail: avocatdandesv @yandex.ru

**ANALIZA JURIDICĂ A SINTAGMEI "COMISE LA JUDECAREA CAUZEI" ÎN
CALITATE DE CONDIȚIE OBLIGATORIE A TEMEIURILOR RECURSULUI ÎN
ANULARE ÎN PROCESUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA**

Abstract. In the current judicial practice, more and more, the participants of the criminal trial, apply the institute of the appeal in annulment, so that, compared to the interpretation of the respective provisions and their applicability, the national courts already have a rich experience. However, in this chapter, some questions remain regarding the meaning of the law, that is, clarity, and consequently and its constitutionality.

Keywords: judgment, cause, appeal, clarity..

În practica judiciară actuală, tot mai des, participanții procesului penal, aplică institutul recursului în anulare, astfel încât, față de interpretarea prevederilor respective și aplicabilitatea acestora, deja instanțele naționale au o bogată experiență.

Cu toate acestea, rămân a fi valabile și actuale, anumite întrebări cu privire la acest institut procesual, și în principal de interpretare a prevederilor legale, iar pe cale de consecință cu privire la claritatea legii și respectiv constituționalitatea acesteia.

Astfel, conform prevederilor art.452 alin.(1) Codul de procedură penală, "Recursul în anulare", este prevăzut, că [3]: "(1) Procurorul General și adjuncții lui, persoanele menționate la art. 401 alin. (1) pct. 2) și 3), precum și, în numele acestor persoane, apărătorul sau reprezentantul lor legal, pot declara la Curtea Supremă de Justiție recurs în anulare împotriva hotărârii judecătorești irevocabile după epuizarea căilor ordinare de atac".

Totodată, conform normei art.453 alin.(1) Codul de procedură penală, "Temeiurile pentru recurs în anulare", este stabilit, că [3]:

"(1) Hotărârile irevocabile pot fi atacate cu recurs în anulare în scopul reparării erorilor de drept comise la judecarea cauzei, în cazul în care un viciu fundamental în cadrul procedurii precedente a afectat hotărârea atacată, inclusiv când Curtea Europeană a Drepturilor Omului [2] informează Guvernul Republicii Moldova despre depunerea cererii".

Cu privire la prevederile art.452-453 CPP, se întrevide că acestea reglementează în mod egal și se completează reciproc la capitolul temeiurilor de declarare a recursului în anulare.

Astfel, considerăm că sintagma de la art.452 alin.(1) CPP, " pot declara la Curtea Supremă de Justiție recurs în anulare împotriva hotărârii judecătorești irevocabile" este în mod coerent preluată în continuare în prevederea art.453 alin.(1) CPP " hotărârile irevocabile pot fi atacate cu recurs în anulare".

Pe cale de consecință, în sensul legii procesual penale, art.6 pct.13) CPP, prin "hotărâre judecătorească se înțelege hotărârea instanței judecătorești adoptată într-o cauză penală: sentință, decizie, încheiere și hotărâre".

Iar, conform prevederilor art.6 pct.16) CPP, prin "instanță de judecată" se înțelege "orice instanță, parte componentă a sistemului judecătoresc al Republicii Moldova, [...] precum și care soluționează plângeri împotriva acțiunilor și actelor organelor de urmărire penală și ale organelor de executare a hotărârilor judecătorești și sancționează efectuarea unor acțiuni procedurale".

Astfel, indubitabil, că în acest sens, legiutorul, a avut în vedere, instituirea și aplicarea institutului procesual al recursului în anulare, pentru ori și ce hotărîre judecătorească adoptată de ori și ce instanță de judecată, adică și față de încheierile judecătorului de instrucție.

Respectiv, în practica judiciară constantă, sintagma de la art.453 alin.(1) CPP, ”la judecarea cauzei”, este interpretată și aplicată de instanță, într-un alt sens, mai restrîns și limitativ, adică doar pentru situațiile de judecare a cauzei în instanța de fond, în apel și în recurs.

Motivarea utilizată la declararea recursurilor în anulare inadmisibile, ține anume de sintagma ”la judecarea cauzei”, care ca adică, chiar în corelare cu prevederile art.455 alin.(2) CPP, impune limita instituită de legiutor, precum că recursul în anulare, intervine numai față de o sentință.

Această abordare a instanțelor în ordinea declarării inadmisibilității recursurilor în anulare, o considerăm neîntemeiată, deoarece este una total diferită față de prevederile și argumentele indicate supra, adică, anume această neclaritate a legii, nu acordă un răspuns clar care sunt limitele de aplicabilitate a prevederilor art.452-453 CPP, și respectiv care este conduita și drepturile garantate părților în proces, implicit părții vătămate.

În acest sens, sintagma ”la judecarea cauzei” o considerăm a fi una neconstituțională, și în anumite ipoteze, îngrădește nejustificat dreptul părții vătămate la un proces echitabil, și acces la justiție, prin dreptul garantat la două grade de jurisdicție în materie penală.

În această ordine de idei, într-o situație presupusă, de admitere a plîngerii părții apărării cu anularea ordonanței de recunoaștere în calitate de învinuit, ca efect al anulării învinuirii și intervenirii scoaterii de sub urmărire penală, nici nu mai poate exista o judecare a cauzei cu privire la aceeași învinuire, și respectiv nici nu poate exista o apreciere a instanței în ordinea ”controlului” judecătoresc, prin prisma examinării cauzei în fond, apel, sau recurs.

Adică, într-o astfel de situație, nu mai poate exista în nici un fel, dublul grad de jurisdicție în materie penală, deoarece Constituția [1], prevederile CPP, și a CEDO, fără excepții instituie ”dreptul de a nu fi urmărit sau judecat de mai multe ori”.

Și din contra, în situația ipotetică, în care instanța ar respinge plîngerea apărării, și ipotetic ar fi urmată de examinarea cauzei în fond, apel și recurs, învinuitul ar fi avut deplin dreptul de aplicare a institutului ”recursului în anulare”, ceea ce reprezintă un tratament diferențiat, anume prin lipsa reglementărilor de rigoare care ar fi adus claritate cu privire la modalitatea de contestare.

Nu în ultimul, rînd, ținem să menționăm, că practica Curții Constituționale, prin Deciziile de declarare a inadmisibilității sesizărilor, des utilizează, formula, că legea are un caracter general, și în scopul asigurării securității raporturilor juridice, se raportează la un număr nelimitat de cauze, adică nu pot fi adoptate legi pentru fiecare situație concretă.

Totuși o astfel, de abordare, la caz ar fi depășită, deoarece, Curtea Europeană a subliniat în jurisprudența sa, că în astfel, de situații, urmează a fi aplicat triplul test al verificării:

- a) Cu privire la respectarea standardului calității legii
- b) Cu privire la legitimitatea scopului urmărit
- c) Cu privire la caracterul proporțional al tratamentului diferențiat.

Pe cale de consecință, considerăm că în cazul art.453 alin.(1) CPP, restricțiile dreptului părții vătămate de a contesta încheierea judecătorului de instrucție prin care de exemplu a fost anulată ordonanța de punere sub învinuire, sunt nejustificate, iar prevederile legale existente, sunt vagi și neclare, și au efect direct îngrădirea dreptului părții vătămate de acces la justiție, și astfel nu respectă, nici standartul de calitate a legii, nici scopul declarat al legii procesual penale, și chiar din contra, în așa mod, cum este actualmente reglementată duce la un tratament diferențiat, în care bănuitul/învinuitului în comparație cu partea vătămată i se asigură un drept efectiv de contestare.

Încă un argument, în susținerea acestei concluzii, vin și interpretările și explicațiile acordate de Curtea Constituțională în Decizia nr.149 din 26 decembrie 2019, și anume:

”19. În Decizia nr. 103 din 6 septembrie 2018, Curtea Constituțională a RM [4] a reținut că sesizarea era nefondată și a declarat-o inadmisibilă. În acest sens, Curtea a notat că teza I a articolului 313 alin. (4) din Cod prevede că plîngerea împotriva acțiunilor și actelor organului de

urmărire penală și ale organului care exercită activitate specială de investigații se examinează de către judecătorul de instrucție în termen de 10 zile, cu participarea procurorului și cu citirea persoanei care a depus plângerea, precum și a persoanelor ale căror drepturi și libertăți pot fi afectate prin admiterea plângerii. La examinarea plângerii în procedura prevăzută de articolul 313 din Cod, judecătorul de instrucție este obligat să citeze persoanele ale căror drepturi și libertăți pot fi afectate prin admiterea plângerii (§ 24). Articolul 20 din Constituție nu impune reglementarea expresă a obligației judecătorului de a se pronunța printr-un act separat în privința cererii de atragere a persoanei interesate în proces. Norma contestată garantează dreptul persoanei de a fi prezentă la examinarea plângerii [și de a da explicații] în procedura prevăzută de articolul 313 din Cod. Curtea a conchis că norma contestată nu contravine articolului 20 din Constituție (§ 25).

20. Astfel, rezultă că în ipoteza în care judecătorul ar examina o plângere împotriva acțiunilor și actelor organului de urmărire penală fără se citeze și să audieze persoanele ale căror drepturi și libertăți ar putea fi afectate prin admiterea plângerii, așa cum urmărește autoarea excepției de neconstituționalitate, se poate pune problema respectării dreptului la un proces echitabil din punctul de vedere al persoanelor ale căror drepturi și libertăți ar putea fi afectate prin admiterea plângerii”.

Respectiv, se întreve, că deși legiutorul într-u respectarea dreptului la un proces echitabil, a instituit obligația instanței de a cita persoanele ale căror drepturi pot fi afectate prin admiterea plângerii, nu a fost asigurat într-un mod efectiv, și respectiv a fost îngrădit și restricționat prin omisiune, dreptul de contestare pentru persoana (la caz partea vătămată) ale căror drepturi și libertăți au fost afectate printr-o încheiere de acest gen, adoptată, prin admiterea de încălcări esențiale ale drepturilor garantate (vicii fundamentale).

Adică, dreptul (părții vătămate) de a participa, a se expune, a prezenta referințe, probe în ordinea art.313 alin.(4) CPP, este garantat, iar dreptul de a contesta încheierea judecătorului de instrucție (ca în cazul ipotetic prezentat - de anulare a învinuirii), nu este instituit, ba din contra este restricționat, ceea ce contravine tuturor normelor și principiilor expuse supra.

Astfel, considerăm neconstituțională, sintagma ”comise la judecarea cauzei” de la art.453 alin.(1) CPP, în măsura în care așa și nu este clar textul și sensul legii procesual penale, și anume la ce categorie de hotărâri a instanțelor de judecată poate fi aplicat ”recursul în anulate”.

BIBLIOGRAFIE:

1. Constituția Republicii Moldova, adoptată de Parlamentul Republicii Moldova la 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1994, nr. 1.
2. Convenția europeană pentru apărarea drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, adoptată la Roma la 04.11.1950. În: Tratatate internaționale la care Republica Moldova este parte. Vol. 1. Chișinău: Moldpres, Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1998, p. 341-358.
3. Codul de procedură penală al Republicii Moldova Nr. 122 din 14-03-2003, Publicat : 05-11-2013 în Monitorul Oficial Nr. 248-251 art. 699. Republicată în temeiul art. IV al Legii nr. 252 din 8 noiembrie 2012 – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2012, nr.263-269, art.855.
4. Decizia Curții Constituționale Nr. 103 din 06-09-2018 de inadmisibilitate a sesizării nr. 121g/2018 privind excepția de neconstituționalitate a unor prevederi de la articolul 287 alin. (4) și a articolului 313 alin. (4) din Codul de procedură penală. Publicat : 25-01-2019 în Monitorul Oficial Nr. 24-28 art. 06.

CZU: 343.114(156.23)

Calendari Dumitru

Procuror-șef al Procuraturii de circumscripție Cahul,
mun.Cahul, RM,
E-mail: c.dumitru@mail.ru

EFECTELE APELULUI PROCURORULUI PE CAUZELE PENALE

Abstract. The appeal is one of the remedies that give litigants the opportunity to correct the mistakes committed by the courts. The appeal of the prosecutor declared against the sentence given in the criminal case produces its effects. The article analyzes the effects of the prosecutor's appeal on criminal cases.

Keywords: appeal; the prosecutor; effects of appeal.

Declararea apelului presupune o continuare a judecării cauzei de către instanță ierarhic superioară. Folosirea acestei căi de atac ordinare produce unele efecte pe care legea procesual penală le precizează. Astfel, din dispozițiile art.408-411 CPP RM [1] rezultă că apelul are următoarele efecte: suspensiv, devolutiv, neagravant și extensiv. Desigur și apelul procurorului declarat împotriva sentinței pronunțate pe cauza penală produce efectele sale. Efectul suspensiv al unei căi de atac constă în aceea că, în cursul termenului de atac și, după aceea, în cursul judecății căii de atac, hotărîrea este împiedicată să rămîină definitivă și executarea ei este suspendată [2, p.113].

Potrivit art.398 CPP RM, în caz de achitare sau de încetare a procesului penal, instanța dispune punerea imediată în libertate a inculpatului arestat, de asemenea, instanța trebuie să procedeze în același mod cînd pronunță liberarea inculpatului de pedeapsă sau de executarea ei, în cazul condamnării la închisoare cu suspendarea condiționată a executării pedepsei, în cazul condamnării la o pedeapsă neprivativă de libertate.

Hotărîrea pronunțată în toate situațiile de mai sus, cu privire la arestarea inculpatului, este executorie (art.395 alin.(1) pct.5) CPP RM), ceea ce înseamnă că apelul declarat de procuror nu are efect suspensiv.

Apelul procurorului produce efect devolutiv nu numai în ceea ce privește aspectele justiției în general, ci și față de toate persoanele ce au fost părți în proces, atît în favoarea, cît și în defavoarea lor [3, p.874].

Merită atenția analiza făcută de către Papadopol V. și Turianu C. cu privire la efectul devolutiv pentru apelul procurorului. „Apelul procurorului devolvează atît latura penală, cît și latura civilă. Întrucît procurorul reprezintă societatea, iar interesul societății este înfăptuirea justiției, care presupune, în fiecare cauză penal în parte, o exactă stabilire a situației de fapt și o corectă aplicare a legii, declarația de apel a procurorului făcută fără rezerve are efecte devolutiv integral, atît *in rem*, cît și *in personam*, ceea ce înseamnă că instanța astfel sesizată are obligația să examineze întreaga cauză, indiferent dacă în urma acestui examen situația părților se va înrăutăți (*reformatio in peius*) sau se va ușura (*reformatio in melius*). Dacă declarația de apel a procurorului are caracter limitat, fiind restrînsă, numai la soluția laturii penale ori civile, sau numai la anumite fapte ori persoane dintre cele la care se referă sentința, efectul devolutiv al apelului este mărginit la aspectele vizate prin apelul declarat. Apelul nu are doar efect devolutiv, ci acesta se completează cu regula *non reformatio in peius* și cu *efectul extensiv* al apelului. De aici rezultă unele consecințe specifice diverselor situații ce se pot ivi.” [4, p.129-130]

Ulterior, autorii analizează cazurile în care apelul procurorului este limitat la o anumită parte a cauzei. Analiza respectivă o putem compara cu prevederile naționale și practica judiciară atît din România, cît și internă.

I. Astfel, cu referire la cazurile în care apelul procurorului este limitat la una sau la unele din persoanele care au calitatea de inculpat în proces, pot fi luate în considerație două ipoteze:

1- „dacă apelul a fost declarat în defavoare, efectul devolutiv al apelului este mărginit la acest sau la acești inculpați, în sensul că situația celorlalți nu mai poate fi adusă în discuție pentru a se obține o agravare a situației lor” [4, p.129-130].

Aici, soluția decurge din dispozițiile art.409 alin.(2) CPP RM care, obligând instanța de apel să examineze cauza prin extindere și cu privire la părțile la care apelul nu se referă, interzice a se crea acestora o situație mai grea.

Practica judiciară românească în materia efectului devolutiv poate fi aplicată pentru jurisprudența națională. Spre ex.: în decizia nr.238/A/2000, în Legis, a Curții de Apel Brașov, Secția penală cererea de apel trebuie să cuprindă în mod obligatoriu numele persoanei față de care s-a declarat apelul, sub sancțiunea neluării în considerare a apelului astfel declarat. În speță, instanța de fond a dispus condamnarea unor inculpați pentru săvârșirea mai multor infracțiuni. În ceea ce privește apelul procurorului, s-a reținut faptul că în declarația de apel au fost arătate numele doar a doi dintre inculpații pe care îi viza apelul, iar în ceea ce îi privește pe ceilalți, s-a folosit sintagma „ș.a.”. În aceste condiții, curtea a reținut că apelul a fost declarat în mod legal numai în ceea ce îi privește pe cei doi inculpați.

În decizia nr.725/1997 a Curții de Apel București, Secția a II-a penală, se menționează că, apelul declarat de către procurorul în defavoarea unuia dintre inculpați este limitat la situația acestui inculpat, și situația celorlalți inculpați nu mai poate fi pusă în discuție pentru a obține o agravare a situației lor. În speță, procurorul s-a referit în apelul declarat în termen numai la situația unuia dintre inculpați, solicitând condamnarea acestuia; după expirarea termenului de apel, procurorul a declarat că extinde apelul cu privire la un coinculpat, cerând majorarea pedepsei aplicate acestuia. Avînd în vedere că extinderea apelului nu se poate face decît în favoare, nu și în defavoare, instanța de apel nu poate proceda la aplicarea unei pedepsei mai grele pentru inculpatul la care s-a referit extinderea [5, p.48-49].

2- „dacă apelul a fost declarat în favoare, instanța de apel poate, dar nu în baza efectului devolutiv, ci a celui extensiv, să examineze și situația inculpaților neapelanți și, dacă este cazul, să le ușureze situația” [4, p.129-130].

II. Cu referire la cazurile în care apelul procurorului vizează numai anumite fapte, soluția privitoare la celelalte fapte imputate inculpatului nefiind supusă criticei, autorii prezintă două ipoteze.

1- dacă apelul în defavoare este limitat la una sau la unele din faptele imputate, autorii citează opinia lui Vl.Dumbravă, instanța de apel nu se poate ocupa de celelalte fapte nici în baza efectului devolutiv, nici în baza celui extensiv, deoarece acesta din urmă se referă numai la persoane, nu și la fapte. Însă, tot aici, autorii consideră opinia lui Gr.Teodoru mai corectă, și anume, „întrucât potrivit normelor procesuale, instanța de apel este obligată ca, în afara temeiurilor și cererilor formulate de apelant, să examineze cauza sub toate aspectele de fapt și de drept și întrucît, pe de altă parte, cererile apelantului pot consta și în limitarea apelului la anumite fapte, instanța de apel, sesizată cu apelul în defavoare al procurorului, are căderea să examineze cauza și în legătură cu faptele ceavizate prin apel, putînd să abrevieze, și în legătură cu ele, situația intimatului” [4, p.130].

2- dacă apelul procurorului este declarat în favoare, instanța de apel poate să examineze cauza și cu privire la faptele la care apelul nu se referă, dar situația inculpatului poate fi numai ușurată, nu și agravată [2, p.124; 4, p.131].

III. Dacă apelul procurorului declarat în favoarea inculpatului privește numai latura penală, instanța de apel nu va putea nici să acorde despăgubiri. Dacă prima instanța a respins acțiunea civilă, nici să majoreze despăgubirile stabilite, căci astfel s-ar încălca principiul neagravării situației în propriul apel, dar va putea să înlăture sau să diminueze despăgubirile stabilite de instanța de prim grad.

IV. Dacă procurorul, printr-un apel declarat în defavoarea inculpatului, critică numai soluția laturii civile, instanța de apel va putea să examineze cauza și sub aspectul laturii penale, putând agrava situația inculpatului, deoarece apelul nefiind declarat în favoare, îndreptățește instanța să examineze cauza sub toate aspectele[6].

Spre exemplu, pe cauza penală examinată de Curtea de Apel Cahul procurorul a declarat apel împotriva sentinței de condamnare în latura civilă, în partea soluției privind neînscasarea de la inculpatul în beneficiul statului a cheltuielilor judiciare. Instanța de apel judecând apelul procurorului a găsit un alt temei pentru casarea parțială a sentinței primei instanțe, în latura penală, cu pronunțarea unei noi hotărâri în temeiul prevederilor art. 60 alin.(1) lit. a) CP [7] și art. 389 alin.(4) pct.3) CPP [8].

V. În situația când apelul procurorului se referă la pedeapsa penală fie să ceară majorarea pedepsei, fie să solicite reducerea ei.

Dacă procurorul a declarat apel *a minima (a minima poena ad majorem)*, cerînd agravarea pedepsei, această nu împiedică instanța de apel să atenueze pedeapsa ori chiar să-l achite pe condamnat[4, p.131].

Dacă procurorul a făcut apel *a maxima (a maxima poena ad mitiorem)*, pentru că pedeapsa este prea grea, cerând reducerea ei, instanța de apel, căreia îi este interzis să agraveze situația intimatului, va putea fie să mențină hotărîrea atacată, fie să o reformeze *in melius*[2, p.124].

Într-un caz, potrivit sentinței instanței de fond inculpatului i-a fost stabilită pedeapsa închisorii cu suspendarea condiționată a executării ei. Procurorul a declarat apel, solicitînd stabilirea unei pedepse mai ușoare, sub formă de amendă. Apărarea nbu a declarat apel. Instanța de apel a respins apelul procurorului, considerînd ca pedeapsa stabilită inculpatului a fost individualizată corect. Instanța de recurs a respins recursul ordinar declarat de către procuror, concluzionînd că prima instanță și cea de apel nu au comis erori de drept, pedeapsa aplicată inculpatului este una corectă, deoarece la stabilirea acesteia au fost respectate exigențele legii [9].

Concluzionînd asupra situațiilor, autorii români [4, p.129-131] au menționat că, apelul procurorului poate fi limitat în ceea ce privește faptele și persoanele, dar atîta vreme cît vizează o anumită faptă reținută în sarcina unui anume inculpat, el repune în discuție tot ceea ce a fost supus judecării primei instanțe, fără nici o altă limitare decît stabilirea adevărului și buna administrare a justiției.

În practica judiciară se aplică regula neagrării situației în propriul apel cu efectele sale. Potrivit principiului neagrării situației în propria cale de atac, stipulat în art.410 și 425 CPP RM, este inadmisibil crearea unei situații mai grave pentru persoana în favoarea căreia a fost declarat apelul și, respectiv, recursul.[10; 11; 12].

Regula neagrării situației se aplică tuturor titularilor dreptului de apel cu excepția procurorului. Aceasta înseamnă dacă procurorul a atacat hotărîrea în defavoarea inculpatului, instanța, avînd dreptul a agrava situația inculpatului, va avea și dreptul de a lua o hotărîre care să atenueze situația acestuia. Însă în cazul când apelul procurorului a fost declarat în favoarea uneia din părți, instanța de apel nu va putea agrava situația ei [13, p.594].

Totodată, potrivit unei decizii Curții Supreme de Justiție, curtea de apel nu era abilitată cu dreptul procesual de a casa sentința și de a-i atenua situația inculpatului în lipsa apelului acestuia, mai ales în prezența apelului procurorului, care solicita agravare a situației. Astfel, sentința a fost atacată cu apel doar de către procuror sub aspectul greșitei recalificări a acțiunilor inculpatului, solicitîndu-se condamnarea conform învinuirii aduse. Inculpatul nu a contestat sentința cu apel, astfel acceptînd *status quo*-ul determinat prin sentință. Judecînd cauza în ordinea procedurii de apel, instanța de apel a admis, însă din alte motive decît cele invocate, apelul procurorului și a pronunțat o hotărîre de achitare a lui C.I. de sub învinuirea adusă, pe motivul existenței circumstanței care în lătură caracterul penal al faptei – legitima apărare, prevăzută de art.36 CP. Însă, procedînd în atare mod, curtea de apel a ignorat prevederile art.410 CPP, care stabilește că instanța de apel, soluționînd cauza, nu poate crea o situație mai gravă pentru persoana care a declarat apel, iar

potrivit aliniatului (2) al aceluiaș articol, dispoziția dată se aplică și în cazul în care apelul a fost declarat de către procuror în favoarea unei părți. Cu alte cuvinte, s-amenționat că, încăleca de atac, hotărîrea poate fi modificată numai în favoarea celui care a exercitat-o. Prin urmare, curtea de apel nu era abilitată cu dreptul procesual de a casa sentința și de a-i atenua situația inculpatului în lipsa apelului a cestuia, mai ales în prezența apelului procurorului, care solicita agravarea situației, motiv pentru care decizia instanței de apel a fost casată [14].

Procurorul nu acționează într-un interes propriu, ci ca reprezentant al societății, al cărei interes este ca orice hotărîre greșită, fie în favoare, fie în defavoarea vreunei părți, să nu dobîndească autoritate de lucru judecat. Din această cauză instanța poate soluționa apelul într-un sens total opus celui dorit de procuror, fără să se poată spune că astfel i s-a înrăutățit situația în propriul apel.

Procurorul poate ataca o hotărîre, de exemplu, pe motivul că pedeapsa este prea ușoară sau că este prea grea, adică în defavoarea sau în favoarea inculpatului. Faptul că procurorul a atacat hotărîrea *a minima* nu înseamnă că rezultatul să fi o *remormatio in pejus*, adică o agravare a situației inculpatului, instanța de apel putînd fie să majoreze pedeapsa sau să agraveze în orice alt sens situația adoptată de prima instanță, fie să mențină hotărîrea, respingînd recursul, fie, în fine, să reducă pedeapsa sau să adopte orice altă situație ușurătoare. Dacă însă atacarea s-a făcut *ad mitiorem*, adică în favoarea inculpatului, o *reformatio in pejus* nu poate avea loc în nici un caz, instanța fiind obligată fie să nu reformeze sentința atacată, fie să o reformeze *in melius*, ușurînd situația condamnatului [4, p.139-140].

Exemplele din practica judiciară respective arată că, părțile în proces au drepturi egale în ce privește administrarea probelor, participarea la cercetarea acestora și formularea cererilor și demersurilor, așa cum prevede art. 315 CPP RM. Însă, obligațiuni sunt diferite, mai multe a vînd procurorul.

Mai mult ca atît, efectele ale apelurilor părților a cuzării și apărării sunt diferite. Potrivit practicii judiciare, însă care nu este uniformă, apelul procurorului, chiar dacă este în defavoarea inculpatului, poate avea efect, inclusive favorabil, sub aspectul reformării sentinței în favoarea inculpatului.

Bibliografie:

1. Codul de procedură penală al Republicii Moldova nr.122-XV din 14.03.2003.Republicatîn: Monitorul Oficial al R.Moldova nr.248-251/699 din 05.11.2013.
2. Paraschiv C.S. Apelul penal. București, Editura Hamangiu, 2019, 264p.
3. Codul de procedură penală. Comentariu aplicativ. Chișinău, Editura „Cartea Juridică”, 2016, 1172p.
4. Papadopol V., Turianu C. Apelul penal. Casa de editură și presă „Șansa” SRL. București, 1994, 293p.
5. Pamfil M.L., Movileanu C., Munteanu C.A. Apelul în procesul penal. Practica judiciară. București, Editura Hamangiu, 2008, 188p.
6. Decizia Curții de Apel Cahul din 18.06.2019, pecauzapenală nr. 05-1a-298-13032018. [Accesat 14.12.2019] Disponibil: https://cach.instante.justice.md/ro/pigd_integration/pdf/f223fffc-8062-4b68-9c52-6056a414b877
7. Codul penal al Republicii Moldova nr.985 din 18.04.2002.Republicatîn: Monitorul Oficial al R.Moldova nr.41-44, din 05.11.2013
8. Decizia Curții de Apel Cahul din 19.09.2019, pecauzapenală nr. 1-18018560-05-1a-16082019. [Accesat 14.12.2019] Disponibil: https://cach.instante.justice.md/ro/pigd_integration/pdf/4cf67775-3c2b-4211-b66e-572102b74bf2
9. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție a RM din 26.06.2019, nr.1ra-756/2019. [Accesat 14.12.2019] Disponibil: http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=13936

10. Decizia Curții de Apel a RM nr.1r-120/1998 din 28.01.1998// Buletinul Curții Supreme de Justiție a RM nr.6/13, 1999.
11. Hotărîrea Plenului Curții Supreme de Justiție a RM din 31.10.2005, nr.4-1re-74/2005.
12. Hotărîrea Plenului Curții Supreme de Justiție a RM din 21.11.2005, nr.4-1re-101/2005.
13. Dolea I., Roman D., Sedlețchi Iu. et.al. Drept procesual penal. Ed. A 3-a. rev. și completată. Chișinău, F.E.-P. „Tipografia Centrală”, 784 p. P.594.
14. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție a RM din 18.05.2010, nr.1ra-510/2010 //Buletinul Curții Supreme de Justiție a RM, nr.10, 2010, pag.15.

УДК: 364-1/-788

Andrei SMOCHINĂ,
Doctror habilitat în drept, profesor Universitatea de Stat din Comrat,
George VLĂESCU,
drd ULIM

EVOLUȚIA ȘI VOCAȚIA UNIVERSALĂ APLICATIVĂ A PRINCIPIULUI PROPORȚIONALITĂȚII ÎN VIAȚA SOCIALĂ

Abstract. Proportionality, a concept emerged as a replica to the multisecular inability of mankind to attain the perfection of one of the noblest ideals, which is equality, had a sinuous evolution. This evolution, nevertheless, at the beginning of the third millennium limited itself to protecting the citizens against the excess power of the state. Or, to study the proportionality through the kaleidoscope of historical, philosophical, literary, political and legal realities emphasize the universal and multifaceted vocation of this principle, a vocation recommending its extension and openness to the future, to a wide and irreversible horizon to which any wise legislature must pay attention with appropriate legislation made to match this seductive and capricious concept.

Keywords: Proportionality, principles, fundamental rights, balance, constitutional, case-law, individual interest, public interest.

Reflecții asupra evoluției conceptuale a proporționalității

În timp ce unii autori leagă „vestigiile” conceptului proporționalității de anumite persoane, cum ar fi primul mare profet al Scripturii¹ sau de anumite precedente, precum cele britanice din sec.XVI-XVII², alții susțin că proporționalitatea a avut o largă aplicare încă din antichitate³.

De ce proporționalitatea? Fiindcă în primul rând aceasta reprezintă modalitatea prin care omul vechi ca și cel modern au înțeles că se poate realiza *binele*. Aristotel spunea că „*Binele este cel spre care tinde totul*”⁴ iar Socrate spune, în *Gorgias*, că „*pe cele bune le vrem*”⁵, de altfel *binele* a devenit și un aforism al filozofiei medievale „*Tot ce căutăm, căutăm fiindcă considerăm bun.*”⁶

Vergiliu, poetul latin cel mai reprezentativ și mai ancorat în realitățile isorice ale Romei, pledează pentru o viață mai demnă, mai echilibrată și mai fericită, îndemnând mulțimea parazitară să-și cultive un ogor în pofida inegalităților epocii augustinene.⁷ Cum însă *binele* diferă în raport de interesele și de gradul de satisfacție al fiecărui individ în parte, dând naștere inevitabil

¹. Este vorba de Moise care ar fi îngăduiut folosirea unor medicamente mai puternice doar în ipoteza în care medicamentele mai ușoare nu ar produce efecte. În acest sens, Aharon Barak (președinte al Curții Supreme a Israelului), *Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations*, Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

². Craig P. Paul, *Proportionality and Judicial Review: A UK Historical Perspective*, in Stefan Vogenauer, ed., *General Principles of Law: European and Comparative Perspectives*, Oxford: Hart Publishing, 2017.

³. Eric Engle, *The History of the General Principle of Proportionality: An overview*, p. 3; Jurgen Schwarze, *European Administrative law*, 1992, pp. 680-702; Nicholas Emiliou, *The principle of proportionality in european administrative law*, 1996; Michael Akehurst, *The Application of General Principles of Law by the Court of Justice of the European Communities*, 1981, BRIT. Y.B. INT'L L. 29, 38-51 (U.K.) ș.a.m.d. ;

⁴. Hare R.M. *Maeștrii spirituali. Platon*, traducere de Matei Pleșu, Ed.Humanitas, București, 1997, p.95.

⁵. *Ibidem*, p.95.

⁶. *Ibidem*, p.95.

⁷. Vergiliu, *Eneida*, tradusă de Eugen Lovinescu și prefătată de Edgar Papu, Ed.Tineretului, p.19.

contrariilor, liderii politici, angajați să obțină cea mai mare satisfacție posibilă a celor guvernați, s-au văzut tot timpul expuși unui veritabil test de proporționalitate prin însăși obligația social-politică de a determina soluțiile care conduc la împăcarea intereselor concurente ale tuturor membrilor cetății.⁸

De altfel, proporționalitate a jucat un rol esențial în toate timpurile și în toate domeniile vieții umane, inclusiv în cele ale artelor, muzicii ș.a.m.d. Spre exemplu, *frumosul* ține de păstrarea anumitor proporții ale păților⁹, Pitagora însuși remarcă faptul că „*intervalele muzicale depind de proporțiile matematice ale lungimii strunelor aflate la aceeași tensiune*”¹⁰ și exemplele pot continua.

Aprofundând analiza juridico-filozofică a proporționalității, observăm că anumite elemente inerente conținutului conceptului – cum ar fi *justa măsură, echilibrul, proporția* sau *ordinea* - se regăsesc, explicit sau implicit, în cuprinsul operelor gânditorilor, artiștilor, oamenilor politici și juriștilor tuturor timpurilor, începând cu antichitatea și până în zilele noastre, iar pe de altă parte, aceleași elemente se află, arc peste timp, într-o indestructibilă legătură semantică și de fond cu noțiunea modernă de *justiție*, sinonimă, la rândul ei, cu cea de *dreptate*, al carei scop este acela de a concretiza idealul de echitate.

Altfel spus, proporționalitatea se înfățișează ca o expresie teoretică a echilibrului contopit în miezul echității și al actului de justiție, ceea ce înseamnă că însăși ideea de justiție conține mărcile proporționalității: măsura, echilibrul, dialogul, compromisul ș.a.m.d. Însă pentru o mai bună înțelegere a unui asemenea concept trebuie să pornim de la termenul *metron* (măsură), un cuvânt-cheie pentru concepția moral-filosofică grecească și, de ce nu, de la observarea finalității lumii grecești care, aducând omul în centrul universului¹¹, conchide că fericirea (*eudaimonia*) ocărmită de binele universal (*To Agathon*) poate fi atinsă prin educație de către *omul de bine* (*dikaioi*), adică de către acel individ în care coexistă activ cele două virtuți umane - înțelepciunea și cumpătarea/echilibrul.¹² Desigur că numai o minte educată în spiritul acestor virtuți poate să-i ofere omului șansa reprezentării corecte a valorilor și a găsirii unor soluții echilibrate, juste iar, poate, cele mai ilustrativ exemplu antic în acest sens este chiar dialectica socratică.

Astfel, în dialogul filozofului cu Polos, discipolul lui Gorgias¹³, reținem existența a 3 stări care guvernează viața omului: economicul (starea materială), sănătatea (starea fizică) și sufletul (dreptatea, moralitatea, înfrânarea), stări cărora, în alți termeni, le corespund câștigul de bani, medicina și justiția, iar în urma demonstrației ilustrului gânditor rezultă că cea mai importantă este justiția, urmată de sănătate și abia în cele din urmă putem vorbi de starea economică.¹⁴ Sigur că acest exemplu reprezintă o mostră de interpretare logică și deductivă, dar totodată și de proporționalitate, fiindcă filozoful compară *ponderea* celor 3 stări, desigur cu o rigoare argumentativă de excepție. Într-un alt exemplu dat de Xenofon, Socrate, care așa cum bine știm, era un om sărac, pios și care aducea divinității sacrificii modeste, spunea că „*Zeilor să le aducem sacrificii după putere*”, deoarece, continua autorul să spună, „*nu se cade ca zeii să se bucure mai puțin de darurile mici ce li se aduc decât cele impunătoare, căci în felul acesta ar însemna ca lor să le placă mai degrabă ofrandele primite de la cei păcătoși decât de la oamenii de treabă*.”¹⁵ Iar ideea de proporționalitate care reiese din ultimul exemplu socratic o regăsim în esență și în nenumarate concepte biblice, inclusiv acolo unde Mântuitorul o laudă pe văduva din Ierusalim

⁸. Binele reprezentând gradul de satisfacție al fiecăruia în cea mai bună măsură care se poate obține. În acest sens, R.M.Hare, *op.cit.*, p.121.

⁹. Burke E., *Despre sublim și frumos*, traducere de A.Teodorescu și A.Bantaș, prefată de D.Grigorescu, Ed.Meridiane, București, 1981, p25.

¹⁰. *Ibidem*.

¹¹. Se consideră că filozoful presocratic Protagoras din Abdera, așezat de Platon în rândul sofistilor, și de la care nu ne-au rămas lucrări, este și autorul aforismului „*Omul este măsura tuturor lucrurilor*”.

¹². Platon, *Gorgias*, traducere de Alexandru Cizek, Ed.Paideia, București, 2003, p.8,9.

¹³. *Ibidem*, p.66,67.

¹⁴. În societatea modernă, preeminența dreptului, care este strâns legată de proporționalitate, reprezintă un imperativ al respectării democrației și Drepturilor Omului.

¹⁵. Xenofon, *Amintiri despre Socrate*, traducere de Grigore Tănăsescu, Ed.Univers, București, 1987, p.17.

pentru cei doi bănuți oferți din sărăcia sa și nu din prisos, așa cum se întâmpla cu ceilalți donatori.¹⁶

Aristotel, spre deosebire de Platon care absolutizează statul și vedea omul ca pe un mijloc în atingerea scopurilor acestuia, reușește să aducă justiția din orizontul generic și filozofic al virtuților umane, în planul social al echilibrelor de interese, al proporționalității,¹⁷ astfel stăgiritul condiționează, în scrierile sale, dreptatea și legile juste de *binele obștesc*, de existența unui raport de egalitate și echilibru între stat și cetățeni, echilibre care nu se pot stabili decât prin îmblânzirea contrastelor de interese. De altminteri, așa cum susținea și Heliade, marii moraliști ai lumii - Isus, Moise, Buda, Confucius, Socrate, Platon ș.a. - au văzut binele tocmai în echilibrul antitezei a două elemente, egoism-altruism („*Nici egoism mai mult, nici abnegație mai multă*”¹⁸), care se temperează reciproc fiindcă scopul acestor elemente contrapuse este acela de „*a restabili echilibrul între cerințele sufletului și ale corpului, spre a deștepta în oameni simțirile afective*”¹⁹. Dată fiind însă această dihotomie naturală a omului alcătuit din *spirit*, care tinde să-și impună datoria abnegațiunii, și *materie*, care tinde să adjudece egotismul, autorul concluzionează că în forul lăuntric al omului se poartă o luptă permanentă în vederea stabilirii echilibrului, luptă al cărei rezultat este „omul moral”²⁰. Readucând, *mutatis mutandis*, un asemenea raționament antitetic în sfera raporturilor dintre drepturile individului și suveran (ca deținător al voinței generale oficializate în legi), proporționalitatea va pune stăpânire și pe concepția lui J.J. Rousseau, care a văzut întinderea puterii statului doar până la limita de hotar ce țârmuiește drepturile naturale ale cetățenilor,²¹ astfel încât aceștia din urmă să se bucure pe deplin de drepturile lor firești, ca urmare a calității lor de oameni²². În plus, în opinia gânditorului, nici voința generală a demosului nu poate aduce atingere drepturilor naturale ale omului,²³ problematică ce va antama chintesența drepturilor fundamentale ale omului modern și a modelului de societate liberală și democratică de mai târziu.

La rândul său, Defoe vede în inegalitățile sociale cauza săraciei și a dezbinărilor sociale²⁴ iar Montesquieu, realizând dificultatea pe care o implică monarhia în privința împărțirii egale a puterii între popor și rege, contemplă la o republică „*unde oamenii vor fi cetățeni egali în drepturi și vor pune cu toții, mai presus de interesele lor personale, pe cele ale colectivității, acea republică în care legile vor fi respectate nu de frică, ci de bunăvoie, fiind considerate de toți membrii societății drept necesare și juste*.”²⁵. Un alt susținător al libertății și solidarității sociale și, totodată, un combatant entuziast al tendințelor egotice de îmbogățire este și ilustrul gânditor german J.W.Goethe a cărui teză, un adevărat brand al libertății umane, se pliază *inter alia* pe apelul societății la intervenția statului în scopul de menține „*echilibrul în lucrurile obligatorii*” și a lăsa fiecăruia „*libertatea în cele facultative*.”²⁶

În domeniul funduar din vremea lui Ludovic al XIV-lea, Fenelon vorbește regelui, cu specifica-i afinitate monarhică, despre un simț al măsurii și al proporțiilor care să țină un echilibru între clasele sociale, afirmând că „*nu trebuie să îngăduiți nici unei familii, din nici o clasă, să stăpânească mai mult decât întinderea de pământ neapărat trebuincioasă pentru a hrăni numărul de persoane din care va fi alcătuită ea. Această regulă fiind de neclintit, nobilii nu vor putea lua pământ de la cei săraci*.”²⁷ În timp ce, în domeniul financiar, Voltaire aduce în discuție neproporționalitatea creatoare de dezechilibre și prejudicii pentru economia Franței, criticând una

¹⁶ Noul Testament, Marcu 12, 41-44; Lc. 21, 1-4.

¹⁷ Aristotel, *Politica*, Ed. Antet, București, 1997, p.98

¹⁸ Rădulescu I. Eliade. Echilibru între antiteze, vol. II, ed. cit., p.207.

¹⁹ *Ibidem*

²⁰ *Ibidem*, p. 207

²¹ Rousseau J.J. *Contractul social* (1962)l, Ed. Antet, București, 1999, p. 23.

²² *Ibidem*, p.23.

²³ *Ibidem*, p.29.

²⁴ Defoe D. *Jurnal din anul ciomei*, traducerea și prefața de Antoaneta Ralian, Ed.Minerva, București, 1980, p.X.

²⁵ Montesquieu, *scrisori persane.caiete*, traducere de Ștefan Popescu, prefațată de Irina Eliade, Ed. Minerva, 1970, p.XXVIII-XXIX.

²⁶ Goethe J.W. *Anii de drumetie ai lui Wilhelm Meister* (vol.I), traducere de Valeria Sadoveanu și prefață de Ion Roman, Ed. Minerva, 1984, București, p.XIX.

²⁷ Fenelon F. *Peripețiile lui Telemah*, (vol.I), traducere de Sanda Mihăescu-Boroianu, prefață de Al.Călinescu, Ed. Minerva, 1979, București, p.XIX.

dintre cele mai nefericite măsuri ale administrației regelui prin care s-au alterat monedele statului ca urmare a valorii nepropoționale care i s-a atribuit *scudului* în raport cu *quart-ul*²⁸, prin compoziții inegale.²⁹

Marele gânditor și om de stat irlandez, E. Burke, reluând încă din tinerețe ideile lui Rousseau din „*Discursul asupra originii inegalității*”³⁰, osândește fără rezerve *degenerarea* produsă în societate din cauza legilor care urmăresc să „*îi protejeze pe cei bogați împotriva celor mulți și săraci, aducând pe lume și fapăturile cele mai dezgustătoare dintre toate, avocații*”³¹, ilustrându-ne astfel o societate agresată de injustiție și de rapacitatea „elitelor”, o societate care se găsește la o distanță temporală considerabilă față de idealul de justiție pe care M. Djuvara, sub influența filozofiei kantiene, îl aprecia la începutul secolului XX ca fiind „*egalitatea rațională a unor persoane libere, limitate în acțiunile lor numai prin drepturi și datorii*”.³²

Conceptualizarea modernă a principiul proporționalității

În literatura de specialitate a existat o opinie potrivit căreia conceptualizarea proporționalității a fost furnizată, într-o formă relativ inteligibilă și apropiată de sensul actual, de către jurisprudența prusacă din sec.XIX, cu prilejul soluționării de către Instanța Supremă³³ a unor spețe de drept administrativ, ocazii cu care s-au pus în discuție măsurile luate de poliție din perspectiva depășirii sau nu a limitelor necesare pentru atingerea anumitor obiective.³⁴ Cu titlu exemplificativ, în anul 1886, Curtea Supremă Administrativă a hotărât că, deși protecția accidentelor e în sarcina poliției, totuși, autoritățile polițienești nu pot obliga un proprietar să demoleze imobilul de la marginea proprietății sale sub motivul producerii accidentelor câtă vreme o asemenea problemă se poate rezolva prin obligarea proprietarului la iluminarea obiectivului pe timpul nopții. Într-un alt caz, aceeași instanță a stabilit că nu se poate dispune închiderea unui întreg magazin de mărfuri doar pentru că s-a comercializat un anumit tip de băutură alcoolică fără licență, câtă vreme celelalte produse expuse vânzării îndeplinesc condițiile legii, astfel că, în opinia instanței, sancțiunea trebuie să privească doar produsul care nu are licență.³⁵ Urmând exemplele instanțelor prusace, principiul a fost preluat la scurtă vreme și în jurisprudența administrativă germană³⁶.

Cu toate acestea, majoritatea autorilor consideră că sensul modern al principiului proporționalității a dobândit contur, abia în perioada postbelică, în dreptul administrativ german, iar în jurisprudența Curții Europene de Justiție a debutat pentru întâia oară în anul 1956³⁷, Curtea privind principiul ca pe o măsură contra exceselor puterii administrative ale autorităților statului. De asemenea, se consideră că cea dintâi formulare a acestui principiu ar fi cea dintr-un caz de speță al Curții Europene de Justiție, din anul 1970, când s-a arătat că „*unei persoane nu trebuie să i se limiteze libertatea de a acționa dincolo de măsura necesară apărării interesului public*”³⁸ pentru ca, ulterior, principiul proporționalității să fie dezvoltat progresiv, ajungând în anul 1990 să fie așezat de către Curte în rândul principiilor generale ce stau la baza Comunității³⁹.

În aceeași hotărâre a Curții se mai arată că „*În virtutea acestui principiu, legalitatea instituirii unei prohibiții asupra desfășurării unei anume activități economice este supusă condiției ca măsurile de prohibiție să fie corespunzătoare și necesare obiectivului public protejat de*

²⁸. Quart-ul a fost o monedă de argint care valora un sfert de scud.

²⁹. Voltaire, Secolul lui Ludovic al XIV-lea (Vol.II), Traducere și note de Alexandru George, Ed.Minerva, București, 1983, p.191.

³⁰. Rousseau J.J., *Discurs asupra originii și fundamentelor inegalității dintre oameni*, traducere S.Antoniu, București, Editura Științifică, 1958.

³¹. Burke E. *op.cit.* p.9, Apud T.W.Copeland, *Edmund Burke*, Londra, 1950, p.31.

³². Djuvara M. *Teoria generală a dreptului. Drept rațional, izvoare și drept pozitiv*, Ed.All Beck, 1999, p.268.

³³. Curtea Supremă Administrativă (Oberverwaltungsgericht), înființată în anul 1875.

³⁴. În acest sens, Jud Mathews, *Proportionality Review in Administrative Law*, (forthcoming in Comparative Administrative Law, second edition, Peter Lindseth, Susan Rose-Ackerman & Blake Emerson, eds.), Northampton: Edward Elgar, 2017, p.5.

³⁵. <http://avocatascui.ro/wp-content/uploads/2018/12/Principiul-proportionalitatii-1-1.pdf>, accesat la 06.10.2019

³⁶. Klaus Stern, „Zur Entstehung und Ableitung des Übermaßverbots,” in Peter Badura and Rupert Scholz, eds., *Wege und Verfahren des Verfassungslebens: Festschrift für Peter 22 Lerche zum*, Munich: C.H.Beck, 1993, p.65, 165–75.

³⁷. În cauza C-8/55 *Federation Charbonniere de Belgique versus High Authority*.

³⁸. A fost formulată de către Avocatul General în cauza C-11/70 *International Handelsgesellschaft versus Einfuhr-und Vorratsstelle Getreide*.

³⁹. În cauza C-331/88, *R v. Minister of Agriculture, Fisheries and Food ex parte Fedesa*.

legislația în speță; acolo unde există posibilitatea de a alege între mai multe măsuri considerate corespunzătoare, trebuie să se apeleze la cea mai puțin oneroasă, iar dezavantajele nu trebuie să fie disproporționate cu scopul urmărit.”.

Urmărindu-se transformarea principiului proporționalității într-un mijloc eficient de cenzură al puterii discreționare, acesta a fost preluat de către numeroase sisteme de drept (internaționale, regionale, naționale), organizații etc., mergându-se până acolo încât să se susțină că face parte din noțiunea de *stat de drept*, chiar și în ipoteza în care nu ar fi prevăzut în mod expres în constituție⁴⁰. Și, în sfârșit, principiul proporționalității a fost preluat de *Convenția europeană pentru apărarea drepturilor omului și a libertăților fundamentale* (CEDO)⁴¹ care, în linii mari, este o transpunere la nivel European a *Declarației Universale a Drepturilor Omului* (DUDO), pentru ca în anul 1999, principiul să fie introdus, alături de cel al solidarității, în cuprinsul TCE⁴², actualmente Tratatul de instituire a Uniunii Europene, care prevede că „În respectarea principiului neutralității, conținutul și forma acțiunilor Uniunii nu vor depăși ceea ce este necesar pentru a atinge obiectivele Tratatelor. Instituțiile Uniunii Europene vor aplica principiul proporționalității așa cum este prevăzut în Protocolul pentru aplicarea principiilor subsidiarității și proporționalității”⁴³.

Transformându-se cu ajutorul jurisprudenței europene într-un important mijloc de evaluare/măsurare a legitimității ingerinței puterii statale în sfera exercitării drepturilor fundamentale, principiul proporționalității se întemeiază pe 3 criterii principale de evaluare care suscită și în prezent vii și controversate dezbateri: cel al *eficacității și adecvării* (alegerea celei mai eficiente sau adecvate măsuri față de scopul legitim urmărit), al *necesității* (alegerea măsurii necesare atingerii scopului, dacă nu sunt alte variante mai favorabile)⁴⁴ și al *echilibrului* (alegerea acelei măsuri care să servească unui echilibru just între interesele implicate și scopurile urmărite), ultimul criteriu reprezentând proporționalitatea în sensul ei restâns.

În literatura juridică s-a mai arătat și faptul că limitarea drepturilor constituționale, principiul proporționalității se aplică și la acele cazuri de restrângere a exercițiului drepturilor și libertăților constituționale și, în opinia altor autori⁴⁵, și la drepturile și libertățile care nu sunt prevăzute de constituție, lucru absolut firesc de vreme ce, spre exemplu, dreptul la un trai decent este conceptualizat ca un drept complex în structura căruia intră și o serie de drepturi care nu sunt fundamentale. În plus, în accepțiunea practicii constituționale restrângerea exercițiului unui drept trebuie să fie *temporară* și să servească exclusiv *interesului public* motiv pentru care în materia folosinței drepturilor pe care statul trebuie să le asigure se face trimitere la dispozițiile art.4 din Pactul internațional cu privire la drepturile economice, sociale și culturale instrument internațional, text potrivit căruia “[...] *statul nu poate supune aceste drepturi decât la limitările stabilite de lege, ... și exclusiv în vederea promovării bunăstării generale într-o societate democratică*”⁴⁶.

Ori literatura mai arată și faptul că *interesul public*, deși este determinat de voința politică dominantă⁴⁷, trebuie să țină seama de necesitățile sociale reale iar echilibrul raportului dintre interesul public și cel privat trebuie ia în calcul aceste necesități aflate într-o permanentă schimbare și nicidecum nu trebuie să se raporteze la un sistem rigid și prestabilit de valori.⁴⁸ Acesta este considerentul pentru care apreciem că necesitățile sociale care intră în alcătuirea interesului public

⁴⁰.Instanța constituțională germană a statuat [BverfGE 9, 137 (Einfuhrgenehmigung/Aprobarea de import)], a „principiul statului de drept impune ca administrația să poată interveni în sfera drepturilor persoanei numai dacă este abilitată în acest sens printr-o lege, abilitarea trebuind să fie suficient determinată și limitată în funcție de conținut,obiect, scop și întindere, așa încât intervențiile să devină cuantificabile și în oarecare măsură previzibil și calculabile pentru cetățean [BverfGE 8, 276 (325)]”.

⁴¹.Încheiată la Roma, la 4 noiembrie 1950 și ratificată de România prin Legea nr.30/1994 iar de Republica Moldova prin **Hotărârea Parlamentului nr.1298/1997**.

⁴².Tratatul de stabilire a Comunității Europene.

⁴³.Art. 5 din Tratatul de instituire a Uniunii Europene, versiunea consolidată din 2010, publicată în Jurnalul Uniunii Europene din 30.03.2010.

⁴⁴.MarschN., V.Tunsmeyer, op.cit.

⁴⁵.Judkins M. *Revizuirea proporționalității în dreptul administrativ (Proportionality Review in Administrative Law)*, Editura Edward Elgar, Pennsylvania, 2017, p.1., <https://ssrn.com/abstract=2836264>, accesat la 12.04.2019.

⁴⁶.Decizia nr.4/1992 a Curții Constituționale a României, publicată în M.O. nr. 182/1992.

⁴⁷.Bălan E. *Instituții de drept administrativ*, Ed.C.H.Beck, București, 2008, p. 21.

⁴⁸.C.-S.Săraru, *Drept administrativ. Probleme fundamentale ale dreptului public*, Ed.C.H.Beck, București, 2016, p.30.

trebuie să aibă o susținere democratică directă, lucru realizabil doar în cadrul unei democrații participative.

Putem, deci, conchide că indiferent că suntem în prezența cazurilor de restrângere a exercițiului drepturilor și libertăților constituționale ori a acelor drepturi și libertăți exceptate de Constituție de la asemenea restrângeri⁴⁹ ori chiar în contextul unor drepturi și libertăți neprevăzute de Legea fundamentală, principiul proporționalității trebuie să reprezinte o garanție pentru „[...] realizarea unui just echilibru între interesele individuale și interesul public.”⁵⁰ iar atunci când mecanismele statelor nu dau rezultate mulțumitoare în privința garantării drepturilor omului, intervine instanța internațională, în temeiul principiului *subsidiarității*. Acesta este și motivul pentru care literatura juridică și jurisprudența așează principiul proporționalității la baza oricărui stat de drept chiar dacă acesta nu este prevăzut în mod expres de constituție⁵¹ iar constituantul moldav nu ezită să stabilească faptul că, în materie de drepturi și libertăți ale omului, prevederile Constituției „[...] se interpretează și se aplică în concordanță cu Declarația Universală a Drepturilor Omului, cu pactele și cu celelalte tratate la care Republica Moldova este parte”⁵² recunoscând, totodată, prioritatea reglementărilor internaționale atunci când se constată neconcordanțe față de dreptul intern⁵³. Iar reglementări asemănătoare se regăsesc și în Constituția României⁵⁴.

Pe de altă parte, *principiul proporționalității* sau al *echilibrului corect* (expresii sinonime în limbajul Curții) reprezintă un instrument care ajută la consolidarea democrației – unicul regim politic recunoscut de Curte - ceea ce înseamnă că deși, uneori, interesele particulare trebuie aliniate celor ale majorității este necesar realizarea unui echilibru care să asigure un tratament adecvat minorității dar și o protecție față de poziția dominantă a majorității.

Concluzii

Din informațiile gânditorilor antici, medievali și premoderni am putut reține că proporționalitatea, deși nu a fost cristalizată conceptual nici în sens filozofic și nici juridic, a ocupat de-a lungul istoriei multiseculare o vastă dimensiune axiologică, străjuind prin noblețea elementele ei componente - *echilibru, cumpătare, justă măsură* etc. – întreaga galaxie de valori a gândirii umane. Pe de altă parte, proporționalitatea a reprezentat și o replică justițiară față de precaritatea vieții majorității sociale, respectiv față de inegalitățile sociale, economice politice și legislative susținute de clasele dominante, regăsind-o, apoi, în programele revoluțiilor politice și culturale care au condus la crearea statelor moderne de astăzi.

Așadar, secolul XX și acest început de mileniu nu sunt altceva decât expresia poiecției temporale a proporționalității însă dintr-o perspectivă teoretică, legislativă și jurisprudențială mult mai elaborată și, din nefericire, cu unele neajunsuri care se degajă din economia lucrării și pe care le vom relata, pe scurt, în cele ce succed.

În primul rând, relevanța unui asemenea principiu, evident pentru statele moderne care au ales calea democrației și a societății liberale, necesită adoptarea unui *cadru procedural* adecvat cel puțin din perspectiva cazurilor de restrângere a exercitării drepturilor omului. O asemenea, cerință este absolut firească din moment ce nici legislația europeană și nici cea a Republicii Moldova, respectiv a României nu dispun de un asemenea cadru procedural, statele mărginindu-se în principiu la câteva

⁴⁹ Este vorba despre dreptul la viață și la integritate fizică și psihică, dreptul fiecărui om de a-și cunoaște drepturile și îndatoririle, neretroactivitatea legii, prezumția nevinovăției, accesul liber la justiție (drepturi proclamate în articolele 20-24 din Constituția Republicii Moldova).

⁵⁰ Andreescu M. *Restrangerea exercitiului unor drepturi si principiul proportionalitatii*, Curierul Judiciar nr.7-8/2011, p.399.

⁵¹ Miculescu P. *Statul de drept*, Ed. Lumina Lex, București, 1998, p. 87-88.

⁵² Constituția Republicii Moldova, art.4.

⁵³ *Ibidem*, art.5.

⁵⁴ În acest sens art.20 din Constituția României prevede: “*Tratatele internaționale privind drepturile omului (1) Dispozițiile constituționale privind drepturile și libertățile cetățenilor vor fi interpretate și aplicate în concordanță cu Declarația Universală a Drepturilor Omului, cu pactele și cu celelalte tratate la care România este parte. (2) Dacă există neconcordanțe între pactele și tratatele privitoare la drepturile fundamentale ale omului, la care România este parte, și legile interne, au prioritate reglementările internaționale, cu excepția cazului în care Constituția sau legile interne conțin dispoziții mai favorabile.*”

dispozitii constituționale⁵⁵ care reproduc prevederile directoare ale *Convenției europene pentru apărarea drepturilor omului și a libertăților fundamentale*.

Pe de altă parte, observăm că nici la nivel internațional și nici la nivel național nu există o listă detaliată a cazurilor de restrângere a exercițiului drepturilor fundamentale, lucru care contravine principiului potrivit caruia excepțiile sunt de strictă interpretare și aplicare (*exceptio est strictissimae interpretationis*) și, totodată, conferă incertitudine unei norme juridice de însemnătate crucială în materia garantării drepturilor și libertăților omului.

Și, din nefericire, proporționalitatea nu a reușit nici până în prezent să acopere sfera relațiilor private, fiind mărginită juridic la ramura dreptului public, în condițiile în care ingerința în exercitarea unui drept poate veni nu doar din partea statului/autorităților publice, ci și a persoanelor particulare.

Chiar și în materia dreptului public, proporționalitatea privește prea puțin latura legislativă, focalizându-se în mod nedrept pe latura dreptului penal (individualizarea pedepselor) și administrativ, vizând cu precădere oportunitatea actului administrativ, respectiv ingerințele administrative ale statului/autorităților publice în sfera drepturilor omului. Această ultimă teză este confirmată de o bogată jurisprudență și doctrină europeană, amintind, aici, și opinia prof. I. Deleanu, care identifică proporționalitatea prin însăși controlul judecătoresc în oportunitate deoarece, spune emeritul autor, că *“acest control prezintă o deosebită importanță și utilitate atunci când actul administrativ individual, deși este legal, nu este totuși <<adecvat>>, <<potrivit>> în circumstanțele concrete și în raport cu interesele urmărite”*⁵⁶, opinie care se întrepătrunde și se completează reciproc cu tezele altor autori de marcă care susțin că principiile proporționalității sunt *„condiții specifice de legalitate, pe considerente de oportunitate”*⁵⁷ și, deci, obligatorii pentru instanțe. Chiar și așa, există și autori care, influențați probabil de septicismul ocurențelor jurisprudențiale, au apreciat că sunt foarte puține situațiile în care judecătorul ar putea obliga executivul sau puterea legislativă să adopte acele soluții specifice prin care să-și îndeplinească obligația de protejare a drepturilor omului, deoarece există multiple modalități de îndeplinire a unor asemenea obligații iar, pe de altă parte, ar interveni limitele impuse de statul de drept.⁵⁸

Putem, deci, susține că proporționalitatea rămâne în continuare o dimensiune juridico-socială aflată într-o ardentă nevoie de schimbare și pe care profesorul I. Muraru a anticipat-o în plan constituțional, în urmă cu două decenii, statuând că viabilitatea și eficiența unei constituții depinde, pe de o parte, de echilibrul pe care-l stabilește între cetățeni și autoritățile publice, între autoritățile publice și *chiar între cetățeni* și, pe de altă parte, de măsura în care normele constituționale reușesc să realizeze *„ca autoritățile publice să fie în serviciul cetățenilor, asigurându-se protecția individului contra atacurilor arbitrare ale statutului împotriva libertății sale.”*⁵⁹

În temeiul celor mai sus prezentate, conchidem asupra faptului că proporționalitatea, întemeiată pe justetea relației dintre *„măsura juridică adoptată, realitatea socială și scopul legitim urmărit”*⁶⁰, are misiunea de a-și lărgi sfera de aplicare, adăugând în sprijinul acestei teze și susținerea savantului Mircea Djuvara în sensul că ideea de proporție trebuie să se regăsească în orice raport juridic⁶¹, precum și tendințele și vocația universală a proporționalității care, în opinia unui remarcabil autor contemporan, nu este doar un instrument juridic sau un principiu al dreptului

⁵⁵. Art.53 din Constituția României și art.54 din Constituția Republicii Moldova statuează faptul că nu se poate aduce nici o atingere sau restrângere drepturilor fundamentale în existențialitatea lor, cu excepția restrângerii exercițiului acestora în anumite condiții: ingerința să fie *prevăzută de lege*, să fie *necesară*/să se impună și să fie *“[...] proporțională cu situația care a determinat-o”*.

⁵⁶. Deleanu I. *Drepturile fundamentale ale părților în procesul civil. Norme naționale, norme convenționale și norme comunitare*, Editura Universul Juridic, București, 2008, p.400.

⁵⁷. Puie O. *Principiul legalității în adoptarea actelor administrative ale autorităților publice*, Revista Dreptul nr.9/2009, p.153.

⁵⁸. N. Marsch, V.Tunsmeyer, *The principle of proportionality in German administrative law in The judge and the proportionate use of discretion: A comparative law study*, Ronledge Research EU Law, edited by Sofia R. Anchordas, Boudewijn de Waardeds, 2016, p.30

⁵⁹. Muraru I. *Protecția constituțională a libertăților de opinie*, Ed. Lumina Lex, București, 1999, p.17.

⁶⁰. Decizia nr.830/13.12.2018 a C.C.R., publicată în M.O.nr.403 din 23 mai 2019.

⁶¹. Djuvara M., *op.cit.*, p.271.

constituțional, ci și un principiu general al dreptului, cu aplicații în diferite ramuri de drept.⁶² Și, nu în ultimul rând, proporționalitatea trebuie să-și definească mijloacele juridice care să-i permită aplicabilitatea pe care o revendică asupra tuturor domeniilor dreptului. De aceea, ne reafirmăm încă o dată convingerea că proporționalitatea, în toată dinamica, complexitatea, frumusețea și cuprinderea sa axiologică, relevă o filozofie mult prea adânc ancorată în trecut, argument care se adaugă celor contemporane, recomandându-i un viitor și un câmp de aplicare juridică mult mai amplu și, desigur, o legislație pe măsură.

СЕКЦИЯ: ФИЛОЛОГИЯ

1. ГАГАУЗСКИЙ ЯЗЫК И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 37.016:811.512.161'243

Canyurt Gulay

MPG-2018 grupadan student,

Gagauz filologiya kafedrası, KDU

Bilim öndercisi **Karanfil Güllü**

doktor, konferențiar

Komrat, RM

E-mail: gulaycanyurt@hotmail.com

TÜRKÇENİN YABANCI DİL OLARAK ÖĞRETİMİNDE TEKNOLOJİ KULLANIMI VE MATERYAL GELİŞTİRME

Abstract: It's necessary to have proficiency in preparing course material. Besides, every teacher has to be aware of the principles of preparing course materials and if its required, has to be capable of preparing his/her own material by means of those. Choosing and using material directly affects success. Thus, Its needed to be careful about choosing material, which material used or when it practiced on.

In this survey, its searched what are the principles of advancing materials and those are questioned in terms of teaching Turkish as a foreign language. Then, its noticed that importance of the materials in process of education and teaching Turkish as foreign language. Its tried to introduce leading materials that will be used in teaching Turkish as a foreign language.

Keywords: Choosing material, teaching Turkish as foreign language, materials in teaching Turkish, Material development.

Giriş

Yabancı Dil Öğretiminde Teknoloji Kullanımı

21. asır ile birlikte teknoloji gündelik hayatımıza daha fazla dokunur olduğu gibi kendine de dokundurur olmuştur. Yıllardır var olan bilgisayarlar küçülerek ve güçlerini arttırarak önce çantalarımıza daha sonra da cebimize girmiştir. İnternet sayesinde dünya kütüphanelerindeki bilgi ile birlikte daha fazla bilgiyi cebimizde taşımakta ve bu bilgilere her an ulaşabilmekteyiz. Eğitimde de kara tahtanın yerini akıllı tahtalar almış bulunmaktadır. O kadar ki bugün bir yere giderken cebimizde akıllı telefonumuz olmadan gidemez olduğumuz gibi akıllı tahtanın olmadığı sınıf da düşünülememektedir. Özellikle dil sınıflarında dört temel becerinin (okuma, dinleme, konuşma, yazma) gelişmesine katkı sağladığı için akıllı tahta bulundurulmaktadır. Bununla birlikte her yeni teknoloji; bilindiği, kendini kullanan birileri olduğu sürece üretim amacına hizmet etmiş olmaktadır. Bu noktada öğretmenlerin değişime açık olmaları ve teknolojik gelişmeleri takip ederek derslerinde uygulamaları önem arz etmektedir. *“Bireyler değişime bilinmeyenden korkma, değişim gerçekleştikten sonra ihtiyaç duyulacak niteliklerden yoksun olma ve güç kaybı gibi nedenlerden dolayı direnç gösterebilirler. Diğer yandan örgütler ve örgüt yönetimleri ise atalet, kıt kaynaklar, değerler/inançlar, normlara uyma ve alternatifleri algılayamama gibi nedenlerden dolayı değişime direnç gösterebilirler”* [1, c.34]. Öğretmenler değişime ve teknolojik imkanları kullanmaya açık

⁶² [Andrescu M., Principiul proporționalității. Contribuții ale doctrinei juridice române, Revista Universul juridic, 30.05.2017, https://www.universuljuridic.ro/principiul-proportionalitatii-contributii-ale-filosofiei-si-doctrinei-juridice/](https://www.universuljuridic.ro/principiul-proportionalitatii-contributii-ale-filosofiei-si-doctrinei-juridice/)

olmalıdır. Dil öğretmenleri dinleme etkinliği yapmak, video oynatmak, yeni kelimeleri göstermek ve yazı yazmak için akıllı tahtayı kullanmaktadır veya kullanılmalıdır. Fakat akıllı tahtaların bunlar dışında kullanılabilecek birçok özelliği vardır. Bununla birlikte akıllı tahtaların, değişik bilişim teknolojilerini sınıf ortamında kullanmamıza imkan sağladığı da göz ardı edilmemelidir.

Eğitimde Teknolojisi

Eğitimde teknoloji kullanımındaki gelişme hızla devam etmekte ve artık bilgisayarlar aracılığıyla sanal gerçeklik sistemleri bile sınıflarımıza girebilecek noktaya gelmektedir.

“Teknoloji özellikle eğitimci rolündeki insanların hedef kitleye uygun, sistemli, gelişmiş eğitim materyalleriyle, kısa süre içerisinde ulaşabilmesini ve gerekli becerileri daha nitelikli şekilde kazandırabilmesine yardımcı bir araçtır. ” [2, s.25-26]

Eğitim teknolojisi; problemlerin analizi ve bu problemlere ilişkin çözümlerin bulguları, uygulamaları, değerlendirmeleri ve yönetimi için gerekli insanları, yordamları, fikirleri, ekipmanları ve organizasyonu içeren insan öğrenmesinin tüm yönlerini kapsayan karmaşık, bütünlüklü bir süreçtir. Eğitim teknolojisi genel olarak öğretim kuramlarının uygulanmasında kullanılan tüm yöntem ve teknikleri kapsamaktadır. Öyleyse eğitim teknolojisi; gelişim, öğrenme, öğretim, yönetim ve teknolojilerin eğitim sorunlarının çözümüne uyarlanmış bir bileşkesidir.

Öğretim Teknolojisi

Çoğu kez eğitim ve öğretim teknolojileri iç içe geçmiş şekilde bir diğerinin yerine kullanılmaktadır. Eğitim teknolojisi neden ile ilgilenirken öğretim teknolojisi nasıl ile ilgilenmektedir. Öğretim teknolojisi davranışlarda ya da diğer öğrenme sonuçlarında bir değişim oluşturulması umuduyla bireylerin çevrelerini ister makineleri yardımcı araç olarak kullanarak isterse hiç bir makine kullanılmadan değiştirme çabasıdır. Öğretim teknolojisi, öğretim sorunlarının çözümü için davranış ve fizik bilimlerinin içeriğinden ve diğer bilgilerden uyarlanan sistemli ve sistematik strateji ve tekniklerin uygulanması olarak da tanımlanabilir.

Öğretimde Teknoloji ve Materyallerin Temel İşlevleri

Öğrenme-öğretme için bir ortamın olması gerekir. Davranış değiştirme süreci olarak kabul edilen eğitimi sağlayabilmek için uygun ortamların oluşturulması önem taşımaktadır. Öğrenme-öğretme işinin gerçekleştiği alana eğitim ortamı denilmektedir. Eğitilecek bireylerin içinde bulundukları koşullara göre eğitim ortamları farklılaşmak zorundadır. Her basamaktaki okullar, okullarda uygulanan programlar ve programlarda yer alan dersler için farklı eğitim ortamı oluşturulması gerekmektedir. Eğer değişik programların uygulandığı, dolayısıyla derslerin verildiği okul, bina derslik ve laboratuvarları ile öğretim teknoloji ve materyalleri yoksa ya da yetersiz ise ve hemen hemen birbirinin aynısı ise bu eğitim ortamının uygun olmadığı kolayca söylenebilir.

Her bir programda yer alan dersler, hatta derslerdeki konular için değişik eğitim ortamlarına gereksinim vardır. Diğer bir deyişle derslik yapısı, öğretmen niteliği ve kullanılması gereken öğretim teknoloji ve materyalleri bakımından farklı eğitsel çevrenin oluşturulması gerekir. Çünkü, öğretim teknoloji ve materyalleri öğrenmenin kalıcı izli olmasını sağlamak bakımından çok önemlidir. Bir öğretme etkinliği ne kadar çok duyu organına hitap ederse öğrenme daha iyi daha kalıcı ve daha izli olmakta, unutmada da daha geç olmaktadır.

Teknoloji ve materyallerle öğretim daha ekonomik hale getirilebilmektedir. Teknoloji ve materyal kullanarak sunulan öğretim ile, öğrencilerin gereksinimlerini belirlemek ve buna göre öğretimi ayarlamak için daha az zaman harcanılmaktadır. Öğretmenlerin ve öğrencilerin zamanlarının daha az harcanması, okullaşmanın hızını ve maliyetini olumlu yönde etkilemektedir. Hızlı ve daha ekonomik okullaşma, öğrencilerin okuldan daha erken ayrılması ve okulda kaldıkları sürede daha çok bilgi öğrenmesi anlamına gelmektedir.

Eğitim uygulamalarında başlıca üç temel gereksinimi karşılamak için öğretim teknolojileri ve materyal kullanımına başvurulmaktadır. Bunlardan birincisi, daha geniş kitlelere eğitim hizmeti götürmektir. İkincisi, var olan eğitim kurumlarındaki öğrenme-öğretme süreçlerini verimli hale getirmek, üçüncüsü ise öğrenme öğretme etkinliklerini bireyselleştirmektir. Öğretim teknoloji ve materyallerinin sağladığı ve sağlayabileceği belirtilen diğer tüm olanaklar, işaret edilen üç temel

gereksinimle doğrudan ya da dolaylı olarak ilgili görünmektedir. Daha da sınırlamak gerekirse, öğretim teknoloji ve materyallerinin en çok, eğitimde kapasite yaratmak ve eğitimin verimliliğini artırmaya yönelik sistemler geliştirmeye yönelik çalışmalarla ilgilendiği söylenebilir.

Öğretim ve Öğrenim Aracı Olarak Teknoloji ve Materyaller

Geleneksel eğitimde teknoloji ve materyaller, özellikle de teknolojilere yönelik materyaller, öğretme ve öğrenme araçlarının özel bir grubu olarak görülmektedir. Öğretme ve öğrenme araçlarının en önemli özellikleri; belirgin bir amaç-araç ilişkisine sahip olması ve materyalin niteliğidir.

Bu anlamda teknoloji ve materyaller öğretim ve öğrenme araçları, öğretim ve öğrenme amaçlarına uyarlanan ders araç ve gereçleridir. Yabancılar Türkçe öğretiminde etkili olarak kullanılabilecek görsel ve işitsel araçlar incelenerek şu şekilde sınıflandırılmıştır:

a- Görsel ve işitsel araçlar

1. Video Filmi
2. Televizyon
3. Bilgisayar
4. İnternet
5. DVD-VCD Oynatıcısı
6. Projeksiyon Cihazı ve Multimedya
7. Diğer İşitsel Araçlar (MP3)

b- Görsel araçlar şu şekilde sınıflandırılmıştır

1. Ders Kitapları
2. Resimler ve Flaş Kartlar
3. Posterler
4. Yazı Tahtaları [3].

Temel Materyal Hazırlama Yaklaşımları

Yöntem, Araç ve Materyallerin Seçimi

Öğretimde bir aracın kullanımı her şeyden önce bir yöntemin, bir aracın ve bir materyalin sistematik bir şekilde seçilmesini gerekli kılar. Bu seçim sürecinin üç aşaması bulunmaktadır:

- Gerçekleştirilmesi planlanan öğrenme etkinliğine uygun bir yöntemin seçilmesi
- Yöntemin uygulanmasına elverişli bir araç biçiminin (format) seçilmesi
- Seçilen araç biçimine uyumlu materyallerin seçilmesi, değiştirilmesi ve tasarımı

Bir materyal tasarlarırken birtakım süreçler yaşanır. Bu süreçler aşağıdaki gibi sıralanabilir:

- Sürecin ilk basamağı bir hedef analizinin yapılmasıdır. Bu aşamada hedefin hangi hedef alanıyla ilgili olduğu sorusunun yanıtı verilir. Hedefin, hedef alanlarından “bilişsel”, “duyuşsal” veya “psikomotor” alanlarından hangisiyle ilgili olduğuna bağlı olarak farklı seçim ve tasarım ilkelerinin uygulanması gerekebilir.

- Hedef kitlenin (öğrenenin) özelliklerinin belirlenmesi basamağında çeşitli durumlara bakılır. Örneğin, bireylerin öğrenmeleri beklenen konuyla ilgili olarak halihazırda sahip oldukları ön öğrenmeler (bilgi ve beceriler) belirlenir. Bu basamakta ayrıca bireylerin bireysel ve sosyal özellikleri (bireylerin yaşı, güdülenme düzeyleri, tutumları, beklentileri vb.), öğrenme stilleri (bilgiyi işleme alışkanlıklarıdır) ve zekâ profilleri de incelenir.

- Sürecin bir sonraki basamağında bir içerik analizi yapılır. İletilmek istenen mesajın türüne göre mesaj farklı biçimlerde tasarlanır.

- İçerik ve aracın bütünleştirilmesi basamağında hedefe, içeriğe ve hedef kitlenin özelliklerine uygun olarak çeşitli formatlar seçilir. Materyal, bu ölçütler göz önünde bulundurularak geliştirilir. Bu aşamadan sonra materyal, öğrenme ortamında kullanılmaya hazır durumdadır. Bu uygulama aşamasından sonra son olarak değerlendirme aşaması gelir.

Materyal Geliştirme, öğretim materyallerinin hazırlanmasından uygulanmasına kadar her aşamada dikkat edilmesi gereken birçok husus vardır. Her materyal, öğretim sürecinin her döneminde kullanılamayacağı gibi her hedef kitle için uygun olmayabilir. Materyal kullanmak için

materyal kullanmak, doğru bir yaklaşım değildir. Kullanılacak materyallerin, amaçlanan davranışları kazandırmaya yardımcı olması gerekir. İster yabancı dil, ister başka bir alan öğretimi için olsun materyal hazırlama ilkeleri ortaktır. Bu ilkeler birçok kaynakta şu şekilde sıralanmaktadır: “Anlamlılık ilkesi, bilinenden başlama ilkesi, çok örnek ilkesi, görelilik ilkesi, seçicilik ilkesi, tamamlama ilkesi, fonun anlamlılığı ilkesi, kapalılık ilkesi, birleştiricilik ilkesi, algıda değişmezlik ilkesi, derinlik ilkesi, yenilik ilkesi, basitlik ilkesi, hedef-davranış ilkesi, öğrenciye uygunluk ilkesi” [4, s.59-61]

Öğretim teknolojisi ve materyal geliştirme birbirine bağlı kavramlardır. Doğru, güncel ve etkin materyal geliştirme için öğretim teknolojisinden yararlanılır. Öğretim materyalleri, öğrenme süreci içerisinde öğretmen tarafından değişik ortamlarda öğrencilere sunulan araçlardır. Öğretim materyalleri geliştirme sürecinin temel bileşenleri; hedef kitle, içerik, öğrenme ortamı ve öğretim yaklaşımıdır. Teknoloji ve materyal kavramlarına eğitimsel açıdan bakıldığında, birçok işlevinin olduğu görülmektedir. Bu işlevlerden başlıcaları; öğretme ve öğrenme araç ve gereçleri olmaları, bilgileri iletmeleri, gerçekliğin sunumunu sağlamaları, iletişim araçları olmaları, nesnelleştirilmiş eğitim sistemleri olmaları ve sembolleştirme araçları olmalarıdır.

Sonuç

Yabancılar Türkçe öğretiminde ne kadar çok farklı duyuya hitap eden materyal kullanılırsa öğrenme, o ölçüde kalıcı izli olacak ve çoklu öğrenme fırsatı öğrenciye sunulmuş olacaktır. Yazılı, görsel, işitsel materyallerin kullanımı dersi daha dikkat çekici hâle getirecek, dersi monotonluktan kurtaracaktır. Bütün bunların yanında bir öğretmenin hangi materyali ne zaman kullanacağını bilmesi, materyal hazırlama ve kullanma konusunda teknik donanımına sahip olması gibi unsurlar materyallerin başarısını etkilemektedir. Bir dil tam anlamıyla öğrenilmek isteniyorsa *okuduğunu ve dinlediğini anlama, konuşma ve yazma* becerilerinin hiçbirini ihmal edilmemeli, bu dört beceriyi de geliştirmeye yönelik materyaller kullanılmalıdır. Öğretmen tarafından sınıf gözlenmeli hangi beceri geriden geliyorsa o beceriyi geliştirmeye yönelik materyallerin kullanımına ağırlık verilmelidir. Bu arada bilgisayar, projeksiyon gibi teknolojik gelişmelere uygun ders materyalleri ile donatılmış sınıflar öğrencilerin daha bir hevesle Türkçe öğrenmelerine olanak sağlar. Unutulmaması gereken bir diğer nokta da yabancılar Türkçe öğreten her öğretmen, aktif bir şekilde bu materyalleri kullanabilmeli ve gerektiğinde kendi materyalini kendisi hazırlayacak kapasiteye sahip olmalıdır.

Türkçenin yabancı dil olarak öğretilmesi ve öğrenilmesinde de materyallerin önemi yadsınmaz; ancak unutmamak gerekir ki bir materyal ne kadar iyi hazırlanmış olursa olsun o materyali uygulayacak olan öğretmen faktörü, çok daha önemlidir. “*Öğretmen, öğrenme-öğretme sürecinin en önemli ögesidir. Öğretmen, öğrenme-öğretme sürecinde giriş etkinliklerini, içerik sunumunu, geri bildirimini, araç-gereç seçimini, yöntem seçimini ve değerlendirmeyi planlayan ve yöneten kişidir.*” [4, s.34] Dolayısıyla materyal seçiminden, materyal uygulama becerisine kadar öğretmenin her türlü tutumu öğretim sürecine yön verir; materyalin etkin kullanımına olanak sağlar. Öğretmenin materyal kullanma becerisinin yanında, sınıfı oluşturan bireylerin hazır bulunuşluluğu; sınıfın bilgi düzeyi, yaşı, ilgi alanları, dil öğrenme becerileri; süre; maddi imkânlar; hedef kitlenin Türkçeyi Türkiye’de yaşarken öğreniyor olup olmadığı gibi birçok husus da materyal seçimini etkileyen etkenlerdir.

Önemli bir diğer husus da materyalin süresinin önceden iyi hesaplanmasıdır. Sınıfta uygulanan materyalin yarım kalması, uygulamanın bir sonraki derse bırakılması öğrencinin aradaki bağı kuramamasına yol açabilir. Görsel, işitsel materyallerde materyalin uzunluğuna dikkat edilmeli, örneğin 20 dakika materyal dinlendiyse, 20 dakika da materyal hakkında hedef kitle konuşturulmalı, soru cevap yöntemiyle öğrencinin derse katılımı sağlanmalıdır.

Sonuç olarak, Türkçenin yabancı dil olarak öğretilmesine yönelik eğitim materyalleri, hedef kitlenin değişik duyularına hitap ederek onlara çoklu öğrenme imkânı sunmalı, öğrencilerin hazır bulunuşluluk düzeylerine uygun seçilmeli, bireysel farklılıkları dikkate almalı, öğrenciyi aktifleştirmeye yönelik, yaşayarak öğrenme ilkesine göre tasarlanmalı, dikkat çekiciliği yanında kolay kullanılabilir ve kolay anlaşılır olmalıdır.

Kaynakça:

1. Taştan, M. (2013). *İlköğretim Okulu Öğretmenleri İçin Kişisel ve Mesleki Değişime Açıklık Ölçeklerinin Geliştirilmesi; Bir Uygulama*, Akademik Bakış Dergisi, Celalaba
2. Kaya Zeki (2006): 25-26. *Öğretim Teknolojileri ve Materyal Geliştirme*, Ankara, Pegem A Yayıncılık
3. Alkan, C. (1998). *Eğitim teknolojisi (Yenilenmiş 6. Baskı)*. Ankara: Anı Yayıncılık.
4. Demirel, Altun vd., 2011: 59-61. *Öğretim teknolojileri ve materyal tasarımı*. Ankara: Pegem Yayınları.
5. Demirel, Altun vd., 2011:34. *Öğretim teknolojileri ve materyal tasarımı*. Ankara: Pegem Yayınları.
6. Yaylacı, H.S ve Yaylacı, F. (2013). *Eğitim teknolojisi dersinde öğretim materyallerinin geliştirilmesi*

УДК 373.312.6:37.016:811.512.165

Kapsomun Mariya

Gagauz filologiya kafedrası,

MPG-18 grupadan student, KDU

RM, Komrat

E-mail: capsamunmaria74@mail.ru

**GAGAUZ DİLİ HEM LİTERATURA UROKLARINDA BAŞLANKI KLASLARDA
KRİTERİAL KANTARLAMAK-NOTALAMAK SİSTEMANIN KULLANILMASI HEM V-
Cİ KLASTA OKUL SONUÇLARIN NOTALAMASININ İLERLETMÄK ASPEKTLERİ**

Annotation: This article reveals the essence of criteria based system of evaluation through descriptors in primary classes in the Gagauz language and literature. It reveals the positive and negative sides of this system of evaluation which was intraduced in 2015, as well as the first results of pupils' transition to the new assessment system. The author points out that pupils who have passed through the system of criteria based evaluation approach their work more objectively. Pupils see their achievements and difficulties, and try to correct mistakes in order to achieve better results. Also, one of the positive sides of the criteria based evaluation is the fact that the pupil knows in advance what is required of him, how he should reveal and show his knowledge and skills.

Keywords : system of evaluation, descriptors, positive side, negative side, results, to the new assessment system.

Bütün bizim fikirlerimiz, umutlarımız, aaramaklarımız hem hepsi düzmeklär kül olêrlar, eer üürenicidä yoksa havez üürenmää. Büünkü günde gagauz dilinda hem literaturada başlankı klaslarda gerçekteşän kantarlamak -notalamak sistemasi deskriptorların yardımınnan sonuçlara etişti. Üörenicilär V-ci klasta seftä nota kabletmää başladılar.

Ne o kriterial kantarlamak- notalamak? O bir kesilmäz hem diferentşal üüretimin kantarlamak – notalamak sistemasi, nezaman üüretim hem kantarlamak – notalamak düzüler kriteriyaların hem deskriptorların yardımınnan

Başlanıldı bu sistema 2015 yılda 1-ci klasta.

Ne o kantarlamak ?

▪ O bir sıkı baalantı üüredicinin hem üörenicinin arasında, angısı verer haber üürediciyâ, angı uurda gerçekteşdi koyulmuş subkompetentiyalar hem gösterer üörenicilerin bilgilerinin, becermeklerin, başarıların uurunu;

▪ O bir proşes, angısı yaraştırêr real sonuçları standartlarlan hem subkompetentiyalarlan;

▪ Üörenicilerin aktiv çalışması üürenmâk proşesinde.

Kriterial kantarlamak- notalamak o, açan üürenicilerin başarıları ölçülerlär deskriptorların yardımınnan, angısı üüretim projesindä uşaan individual başarısını gösterer hem da başarıya görä yardımcı olêr kompetenñiyanın düzülmesinde.

İlk bakışa görä kriterial kantarlamak – o atılmak notalardan, neredä kalkêr soruş «Nasıl kantarlamaa üürenicinin başarılarını yokkan nota». Ama taa derindän baktıynan, biz göreriz ani kantarlamak – notalamak karakteri diişiler iki uurda:

- 1.Kantarlamak – notalamak geçer üüredicidän üüreniciyâ.
- 2.Başarı kantarlamasından, geçer bütündän projesin kantarlamasına.

Bundan çıkêr, ani bu diil üüretim, neredän alınêr notalar. Ama o bir kolaylık taa derindän, taa obyektiv, uzun zamanın içindä, yardımnayıp üüreniciyâ getirmää onu ii başarılara. Neredä kendisi görecek ne olêr hem ne olmêr, da aarayacak çıkış zorluklardan.

İlerdän herbir üüredici bilêrdi, ani üüretmek projesindä, biz üüredicilär vereriz bilgileri, üürenici onnarı kableder hem kaaviler, sonda biz kantarlêriz onun bilgilerini da notalêriz .

Büün kriterial – kantarlamak - notalamak, o açan:

1.Üürenici bilir taa ilktän ne ondan istenecek, nicä o lâazım açıklasın bilgilerini hem becermeklerini.

2.Temanın içindä üürenici kantarlanêr birkaç kerä, neredä görer kendi ilerlemesini hem zorlukları, angıları üstünä o taa lâazım işlesin.

3.Üürenici kendisi kantarlêr işini, sora klas arkadaşları kendi bakışını açıklêrlar, sade bitkidä üüredici söleer sözünü.

4.Taa önemli ki üürenici kabletmeer kötü notaları, angıları keserlär havezini üürenmää ana dilini, ama işider lafları: maşalla, gözâl, biraz taa çalış, sän bütün kuvedini koymadın , angıları havezlendirir onu.

1-ci klasta taa ilk günnerdän başlanılêr sistemni işlemäk, ki kurmaa üürenicidä becermekleri kendi işini, kendibaşına yardımsız başarsın.

Üürenicilär taa 1-çi klasta üürenerlär, üürediciylän birliktä kurmaa kantarlamak kriteriyalarını herbir işä.

Ne o kriteriya?

Kantarlamak – notalamak kriteriyaları – o kurulu önemli kalitelär, onnarı üüretim verimlerinde olur görelim hem onnar, bir sistema gibi, bu türlü tanınacak:

«Kriteriya = üüreniciyi kaliteli üüretmek projesi.

Kantarlamak – notalamak kriteriyalarına taa deniler «Başarı kriteriyaları».

70% kriteriyalar kurulu da veriler Metodologiyada, kalan 30% üüredici lâazım kursun kendisi üürenicilärlän birliktä

Kriteriya kurmasının var kuralları.

1.Üüreniciyâ annaşılan dildä.

2.Yaş uurunı görä.

3. 3 – 4 kriteriya bir işä.

Nicä iş geçer kriterial kantarlamak – notalamak sistemasında.

1.Kriteriyaların söylenmesi (bir kriteriya 1 üürenici)	Sınışın yapması	Kriteriyaların yardımınnan kendi – kendini kantarlêr üürenici
Arkadaşların kantar- laması deskriptorların yardımınnan	Üüredicinin kantarması	

Ne o deskriptor?

Deskriptorlar – kaliteli kantarlamak – notalamak kriteriyaları, angıları üürenicinin kompetenşıya uuruu gösterer hem gerçekleştırer. Bunu esaba alarak, deskriptorlar kolaylık vererlär kaliteli uşaan üüretim uuruu kestirmää (orta, ii, çok, ii).

Kriteriyalar	Deskriptorlar
1.Şiirin adını, hem avtorunu bilerim. 2.Hiç bir dâ sıracı unutmêêrim. 3.Lafları dooru hem annaşılı söyleirim. 4.Demekli okuyerım.	Şiirin adını hem avtorunu dooru söyleer /yakın dooru verer/ adını vermää zorlanêr.

Kriterial notalamak geçer iki uurda.

Formativ

- 1.Uroon süresindä hergünkü iş.
- 2.Verer geeri bakış.
- 3.Yardımnêêr üüreniciyâ kurmaa dooru işini, doldurmaa boşlukları bilgi sistemasında.
- 4.Yardımnêêr üürediciyâ plannamaa işini.
- 5.Son kantarlamaya girmeer

Sumativ

- 1.Temanın, bölümün ya yılın bitkisindä.
- 2.Üürenici görer, ne o biler, ne üürendi
3. Yaper son bakış.

Formativ Kantarlamak			Sumativ kantarlamak
Formativ interaktiv kantarlaması	Formativ nokta kantarlamak	Formativ etaplı kantarlamak	
-Apansızdan -instrumentsiz kanatlı lafların yardımınnan -deskriptorların yardımınnan -gülüş mimika jest kullanıler	-kendi-kendini kantarlamak -biri – birini kantarlamak -üüredicinin kantarlaması -sade 1 işin kantarlaması instrimentlerin yardımınnan -laflan deskriptorlarlan -kalitâ göstermekleri kullanılmêêr	-kantarlamak 2-3 işi -instrumentlerin yardımınnan -laflan -deskriptorlarlan -kalitâ göstermekleri kullanılmêêr	-kantarlamak temanın, bölümün, yılın sonunda -aazdan hem yazılı -lafların yardımınnan kalitâ göstermekleri kullanılêr 2-ci klasta matematika hem rus dilindä

Kaliteli uşaan üüretim uuruu kestirmäk.

Çok ii (3 bal)

İi (2 bal)

Orta (1 bal)

Bu kalitelär 2-ci klasta sumativ kantarlamakta matematika hem rus dili predmetlerindä kullanılêr.

Sumativ yazıların kantarlaması

Temanın sonunda	Yılın sonunda
100% - 81% - çok iş	100% - 81% çok ii
80% - 61% - ii	80% - 56% ii
60% - 40% - orta	55% - 33% orta

Nicä kantarlanêr üürenicilär?

1-ci klas dergisindä yazılı üürenicilerin soy adı hem adı, nışannar açan üürenici yoktu şkolada,üürenilan tema, ev işi.

2.- ci klasta – matematikada hem rus dilindä kontrol işlerin kalitesi gösterili.

Kalan predmetlär kantarlanêrlar diagramada.

Var bölüm gagauz dilinä deyni. Sade üredici kendisi lâazım belli etsin kriteriyaları, angısına görä kantara alındı uşaan becermekleri.

Üredici işleer te bu dokumentlêrlân.

1. Metodologiya kriterial kantarlamak - notalamak deskriptorların yardımınan.

2. Kriterial kantarlamak – notalamak deskriptorların yardımınan.

3. Diagrama ürenicilerin individual başarıları.

4. Klas dergisi.

5. Ürenicinin tabeli.

6. Ürenicinin kendili kartası. (личное дело)

7. Ürenicinin portfoliosu. Ürenicilerin işleri.

8. Ürenicinin tefteri (neredä yannışlıklar belli olêr ,ama dorudulmêêr, nota erinä yazılêr, kanatlı laflar).

Ürenicinin dokumentleri

1. Portfolio ürenmêk başarılarında.

2. Günnük.

3. Papka portfolio.

Renklêr, angıları kullanılêrlar ürenicinin bilgilerin göstermektê.

1. Eşil – çok ii

2. Sarı – ii

3. Kırmızı – orta

Bu renkleri kullanêr ürenici kendi bilgilerini kantarlarkan.

Ürediciyê olmaz kullanmaa renk kantarlarkan ürenicinin bilgilerini çünkü terbiyetmemêê negativ bakışını kırmızı benezê.

Tehnnikalar

1. Fikirli evcêêz

2. Şılakfor

3. Tren vagonnarlan

4. Meyva fidancı

Üredici çalışêr herbir sınışı başka – başka tehnikaylan kantarlamaa.

Ana – bobaya haber.

1. Mektup

2. Dialog bloknotu

3. Pano

4. Kısa yazı

5. Ana – boba topluşu

Taa sık topluş – o anaları – bobaları tanıştırmak eni kantarlamak – notalamak sistemasınan.

Kriterial kantarlamak – notalamak verer kolaylık bulmaa herbir üreniciyê diferensial yaklaşım.

Ürenicilêr ürenêrlêr diil nota için, ama kantarlanêrlar ürenmêk için. Kriterial kantarlamakta yok er ürenicilerin başarısızlına, herbir uşak başarılı.

Kriterial kantarlamak – notalamak gösterer ürenicinin ilerlemesini.

Çıkışêr, ani kantarlamak – notalamak proşesi o diil üretim, neredê sade alındı notalar, ama bir lâazımını proşes, angısı ileri yê dooru verecek kolaylık üreniciyê dooru açıklamaa bilgilerini. Dooru - kriterial kantarlamak – notalamak getirdi çok iş ürediciyê, çok yazı, ama üredici – o bir vergi, o bütündân baaşlêêr kendini ürenicilerê, çünkü ürenicilerin başarıları – o üredicinin başarısı.

Büünkü gündä 5 klasa etiştılär o üürenicilär, angıları başladıydılar gerçekteştirmää bu eni kantarlama - notalama sistemasını. Zorlatmamaa deyni üürenicileri eni basamak uurunda, ilk iki ay onnara notalama aazdan geçti. Sora başlanıldı notalanmaa salt produktlar (test, diktant, modulün sonunda b, r kontrol işi).

Kantarlamanın davaları:

- Göstermää üürenicilerin becermeklerini, ama diil yannışlıklarını;
- İzlemää üürenicilerin individual ilerlemesini;
- Üüretmää üürenicileri kendi-kendilerini kantarlamaa;
- Motivlemää üürenicileri görmää kendi yannışlıklarını hem çözülmäk yolunu üüretmäk proşesinde;

- Kurmaa baalantı üüredicinin, üürenicinin hem anaların-bobaların arasında.

- **Diagnostika kantarlama** belli eder üürenicilerin bilgilerin, becermeklerin, sınaşların, kompetenşiyaların başlankı oluşturmak uurunı. Geçiriler üürenmäk yılın çeketmesindä yada modulün, temanın üürenmesinin ilk uroonda. Üüredicinin var kolayı üüretmäk planına korekşiya yapmaa, angısı uyacak üürenicilerin uuruna hem yardım edecek ileri dooru zorlukları sökmää. Notalar diagnostika kontrol işini yapmak için jurnala koyulmêr.

- **Formativ kantarlama** - üürenicinin üürenmäk/üüretmäk çalışmasını gözletmenin kesilmöz proşesi. Onun neeti – üüretim proşesindä üüredici hem üürenici çalışmasının korekşiya yapması. Verer kolaylık üürediciyâ üürenicilerin neetli üürenmäk ilerletmesini gözletmää hem yardım eder ilkinci etaplarda üüretmäk proşesinä korekşiya yapmaa, üüreniciyâ dâ - sorumnuunu kendi üüretimi için annamaa. Formativ kantarlama - üürenicini kantarlamaı ayırı bir urokta.

- **Sumativ kantarlama** – sonunku kantarlama, gösterer üürenicilerin üüretmäk başarılarını bir belliedili zaman arasında. Kantarlama formalarını hem çalınlarını ayırêr üüredici.

Üüredici	lääzım	bilsin:
Olmaz	zorlatmaa	üürenicileri, angıları istämeer barabar çalışmaa
- Var nicä oturtmaa	ayırı bir tarafa	üüreniciyi, angısı isteer çalışmaa kendibaşına
- grupalarda iş V klasta	30 minuttan zeedä geçmeer,	ama lişey klaslarında olur geçsin bütün urok
- Olmaz	istemää	üürencilerdän sessizlii
- Olmaz cezalamaa	üürencileri,	vermeyeräk onnara izin işlemää grupta

Aslıdan bu sistema ii başarılara getirdi o üzdän, anı üürenicilär kendileri taa ilktän bilerlär ne ondan istenecek, nicä o lääzım açıklasın bilgilerini hem becermeklerini. Görer kendi ilerlemesini hem zorlukları, angıların üstünä o taa lääzım işlesin. Üürenici kantarlayabilir kendi işini, çalışêr taa aktiv pay almaa urokta, ki etiştää ii başarılara.

Bibliografiya:

1. Курачицки Анжела. Методология критериального оценивания через дескрипторы в начальном образовании
2. Курачицки Анжела. Проблемы критериального оценивания через дескрипторы в вопросах и ответах
3. Uzun-Negrescu, Oxana. De la bunätate ... la om : Auxiliar didactic la lb. gägäüzä : pentru cl. a 5-a / Oxana Uzun-Negrescu ; coord.: Tamara Cazacu ; Acad. de Ştiinş a Moldovei, Inst. de Ştiinş ale Educaşiei. – Chişinău : Institutul de Ştiinş ale Educaşiei, 2014 (Tipogr. "Print Caro"). – 82 p. 39 ex.
4. Diagrama de monitorizare a performanşelor individuale ale elevilor: instrument de evaluare criterială prin deskriptori pentru învăşatori: Clasa a 4-a.-Chişinau:Învăşatorul Modern , 2017(Tipograf. Cavaoli).-92p.

УДК 39(=512.165)

Karanfil Güllü

filologiya bilimnerindä doktor,
gagauz filologiya kafedrası, KDU,
Komrat, RM

E-mail: gullukaranfil@hotmail.com

GAGAUZLAR'IN KİMLİĞİNE DAİR BİR İNCELEME

Annotation: In different periods of history the Gagauz people lived under the rule of different countries: until the end of the 18th century in the Ottoman Empire; until 1918 under the authority of the Russian Empire, then until 1944 as a part of the Kingdom of Romania, from 1944 to 1990 as a member of the USSR, and, finally, as a part of Sovereign Moldova. It is obvious that each period left its mark in the development of the Gagauz identity. The geopolitical situation, powerful countries leaders' political views, some historians' conclusions, etc. exacerbated the identity development. All these have mostly influenced the development of the Gagauz language, which was included in the list of endangered languages in 2010. This article also focuses on favourable conditions for identity development as well as on the role of the people contributing to this process.

Keywords: Identity, the Gagauz people, Hamdullah Suphi Tanrıöver, Ceachir (Mihail Çakır)

Gagauz Türkleri çoğunluk olarak Moldova'nın Güneyinde Gagauz Yeri /160.000/ adlanan Özerk bir bölgede ve Ukrayna'da /50.000/, ayrıca Bulgaristan, Yunanistan, Kazakistan, Rusya'nın Karaçay-Çerkesk ve b. bölgelerinde yaşamaktadırlar. Gagauz Türkleri'nin çeşitli yönetimler altında yaşam sürdürmeleri Milli kimlik hissini yıpratmış ve çeşitli soylarda olan tarihçilerin araştırma sonuçları da bu kimlik olayı meselesini etkilemiştir.

Gagauz Türklerinin eski zamanlardaki yaşama bölgelerine göz atacak olursak Karadeniz'in kıyılarını ve yakınlarını göre biliyoruz. Şöyle ki, Edirne, Kırklareli, Burgas, Varna, Balçık, Kavarna, Şabla, Bolgarevo, Tulca, Akkerman, Tuzla, İzmayıl, Kiliya, Bender bölgelerine kadar uzanan bir coğrafya görüyoruz.

Gagauzlar'da var olan yaygın inanca göre, 1261'de Dobruca'da VIII. Mihail Paleolog'un yardımıyla İzzettin Keykavuz'un idaresinde Uzi Eyalet'i olarak adlandırılan ilk Gagauz Türk devleti kurulur. Uzi Eyaletinin varlığı, bölgenin 1417'de Osmanlı Devleti'nin sınırlarına dâhil olmasıyla son bulur. [1].

Gagauzlar Osmanlı zamanında toplu şekilde yaşamış, dilini, dinini ve geleneklerini yaşatmışlar. Bazı yerlerde Türklerle aynı köyde yaşamış, komşuluk etmişler (2, 583-589). Osmanlı Hükümeti 'Gayri Müslim' adlandırdığı Gagauzlar'a bir Türk kavmi olarak özen göstermemiş, ama dinine karışmamıştır da.

Gagauzlar'ın göçü ile ilgili çeşitli fikirler mevcuttur. Bazı kaynaklar Gagauzlar'ın Osmanlı zulmünden kaçtığını söyler, bazı kaynaklar ise bu bölgede Romanya ve Türkiye'ye karşı bir tampon bölge oluşturmak amaçlayan Rusyanın Gagauzları zorlan sürüldüğünü söyler [3. 15], [4, 45].

Birçok kaynak ise Osmanlı-Rus savaşından kaçtıklarını söylemektedir.

Böylece yüzyıllarca Osmanlı devletinde yaşayan Gagauz Türkleri Rus-Türk Savaşından sonra 3'e bölünüyorlar: Basarabya (Moldova, Gagauz Yeri bölgesi) ve Ukrayna'nın bir kısmı), Bulgaristan ve Yunanistan. Bir kısmı da Osmanlı zamanından bu yana Basarabya'da yaşamış (Akkerman, İzmayıl, Kiliya gibi şehirlerde) ve yaşamaktadırlar ve maalesef büyük bir kısmı asimilasyona uğramışlardır.

Gagauzlar'ın kimliğine dair pek çok fikirler mevcut. Şaşırtan olay ise Türkçe konuşan, ama Hristiyan bir halk olmalarıdır. Balkanlarda yaşarken Yunan Kilisesine tabi olmaları, çocukların ana dilinde eğitim alamama olanakları ve göç ettikten sonra da Slav din okullarında, daha sonra da

Romanya'nın terkininde yaşarken Romen dili, daha sonra yine Rus diline tabi tutulmaları ve demir perde ile birlikte geldikleri yerden tamamen kopmaları kimlik meselesini yeterince yıpratmıştır.

Basarabya. Kısa tarihi ve kimlik meselesi

Deliorman bölgesinden göç eden Gagauzlar'ın en büyük kısmı Moldova'nın Batı tarafına, şimdiki Leova'ya yerleştirilmiş ve Balş adlı bir Moldovan boyarın yöneticiliği altında yaşamış, vergi veriyorlarmış. Orada Çadır, Orak, Baurçu köylerini kuruyorlar. Bir müddet sonra sıkıyönetimden, sonsuz vergilerden dolayı Gagauzlar isyan çıkararak, toplu şekilde o toprakları bırakarak Moldova'nın Güney tarafına Bucak bölgesine göç ediyor, Tatarların zorla sürüldüğü sonucunda boşalmış bölgelere Rusya idarecileri tarafından yerleştiriliyorlar. Okuma oranı oldukça düşük olan Gagauzlar tarım ve hayvancılıkla uğraşüyor, dilini ve geleneklerini yaşıyor, Rus askeri tarafından pazar günleri Kiliseye gitmeye alıştırılıyorlardı. Tabi ki yazılı Edebiyat yok, Halk Edebiyatı ağızdan ağıza geçiyor, türküleri o zamanın yaşam sorunlarını, savaş olaylarını anlatıyordu. Kolonist hukuku verilen Gagauzlar'ın bölgesinde Komrat ve Bolgrad'da liseler, Satılık Hacı köyünde öğretmen okulları açılır. 19 yy. sonunda tüm Gagauzlar'ın % 88-i, kadınların ise % 97.8'i okuma yazmaları yoktu [5, 14]. Rusya Çarlığının ırkçı politikası ve ekonomik baskısı sonucunda genç Pavli Atmaca ve Andrey Galasan önderliğinde Komrat'ta ayaklanma düzenlendi. Silahlı Gagauz birlikleri Rusya Çarlığının askerini ve görevlileri etkisiz hale getirerek Komrat Cumhuriyetini ilan ettiler, vergiler lağvedildi, zenginlerin bu devletin tanınması için bazı girişimler yapıldı, ama cumhuriyet ancak bir hafta var oluşunu sürdürebildi. Yüze yakın aktif köylü tutuklandı ve hapis edildi.

1909-1910 yıllarda geçim sıkıntısı sebebiyle bir grup Gagauz Kazakistan'ın Turgay bölgesine göçmüş ve hala orada yaşamaktadırlar.

1918 yılında Gagauz bölgesi Besarabya Romanya arazisi oluyor. Romenler 1918 den 1938 yılına kadar ülkelerindeki azınlıklara iyi muamele etmişler, Gagauzlar da bundan yararlanmışlardır [5, s.46]. Romenler dil politikasını kullanarak zorla Romen dilinde konuşma talebinde bulunmuşlar. Jandarmalar Gagauzlar'a karşı çok sert davrandığını, Romence benimsensin diye dövdükleri hatıralarda kalmış. Hayatta kalma koşulları ne kadar zor olsa da o seneler Gagauzlar'ın kimliğinin oluşmasının altın senelerdir. Osmanlı Devletinden ayrıldıktan 130 yıl sonra Besarabya Gagauzları ilk defa Türkiyeli bir Türk görüyor. Öyle ki, Bükreş'teki Türkiye Büyükelçisi Hamdullah Suphi Tanrıöver, Besarabya bölgesini gezer ve orada Türkçe konuşan Gagauzlar'la buluşuyor. Orayı sık sık ziyaret eder. Bu halk hakkında Atatürk'e anlatır, asimile edilme endişesini aktarır. O yıllarda Hamdullah Suphi 100 yakın Gagauz gencini Türkiye Liselerine yerleştiriyor. Besarabya'nın Sovyetler tarafından işkâl edilmesi sonucunda geri dönemeyen Gagauzlar'a hayatının sonuna kadar babalık ediyor. Büyükelçilik yıllarında Romanya Milli Eğitim Bakanlığı ile konuşuyor ve Gagauzların bölgesinde eğitim dili Romence olan okullarda Türk dili dersini müfredata koyuyor. Türkiye'den her Gagauz köyüne Türk öğretmeni geliyor. [6, 2006]. O derslerin heyecanı hakkında Gagauz yazarı Nikolay Baboglu "Hatıralar" hikâyesinde anlatıyor [7, 2016].

Gagauzlar hakkında duyan Türkiye gazeteci ve yazarları da Gagauzları ziyaret etmiş, onlar hakkında makaleler yazmış, folklor toplamış, yayınlamışlar: 1934-39 yılları arasında yapılan bu ziyaretler, bunca yıl sonra Gagauz bölgesine Güzel Türkçe konuşan medeni Türklerin gelmesi, sıcacık konuşmalar, Türkçe yazılan gazeteler, Türkiye devleti tarafından uzanan yardım eli Gagauzların Milli Kimlik ruhunu çok yükseltmiştir. Bunu biz aşağıdaki hatıralardan görüyoruz: 'Ah, bilerseniz, neler söylemek istiyorum, bizim gözlerimiz geçen yıl açıldı, geçen yıl bize bir Türk, kardeşlerim diye seslendi. O güne kadar biz öksüzduk. Şimdi göğsümüzü kabartarak bütün dünyaya bağırabiliriz: Biz Türk'üz! Biz Türk'üz! Öksüz değiliz. Bizim de anamız var, bizim de babamız var. Anamız Türkiye'dir, babamız Atatürk. Kardeşlerimiz 20 milyon Türk'tür. Yaşasın Atatürk, yaşasın onun dirilttiği büyük Türkiye!' [8, 1936].

Gagauz topraklarını gezen Büyükelçi kimliğini, soy kökünü neredeyse unutmuş olan Gagauzlara Atatürk'ü anlatıyor, Türkiye'yi anlatıyor. İlk seferinde Hamdullah Suphi Tanrıöver bir genç Gagauzla konuşurken şöyle notlar yazmış: Büyükelçi soruyormuş:

“Nece konuşuyorsun?.

- Gagauzca.

- Ben nece konuşuyorum.

- Sen de Gagauzca konuşuyorsun.

- Türkiye’de 14.000 000 adam var. Onlar da bizim gibi konuşuyorlar.

- Türkiye’de bu kadar Gagauzca konuşan adam olduğunu bilmiyordum...

- Oğlum, sen de, ben de, Türkiye’de olanlar da hepimiz Türkçe konuşuyoruz.

- Evet, hakkın var, bizim dilimize Gagauz’ca da derler, Türkçe de derler.

Hamdullah Suphi Tanrıöver devam etmiş: Genç konuştuğu dilin Türkçe olduğunu bilmesine rağmen önce olarak dilini Türkçe değil, Gagauz’ca olarak diyor ve Türkiye Türkleri ile ilgili pek bir şey bilmiyor [6, 2006].

Bu durumun sebebi belli: 130 yıldan fazla bir kopukluk ve Rusya’nın başarıyla götürdüğü anti Türk politikasıdır.

Yazar Yaşar Nabi, Gagauzlar’la konuşurken, ‘sizin Türkiye’ye göçünüzü yapmak istesek... bu konuda ne düşünüyorsunuz’ sorusuna bir Gagauz der:

Hiç sıkılmayın, şimdi burada bir göç borusu çalsak bir hafta içinde on bin adam kaldırmak işten bile değildir. Ve bir defa göç başladı mı siz istesenez bile

arayı kesemezsiniz. Gagauzlar o kadar bir birine bağlıdır. Ve devam ediyor Gagauz adam: “Tanrı isterse, bizi, Gagauzları bahtiyar etsin, hepimiz ana yurdumuza gideriz ve orada kan kardeşlerimizin arsında iyi konuşmayı, okumayı ve yazmayı öğreniriz [8, 1936].

Ertem, Tanrıöver sayesinde Gagauzların Türklüklerinin farkına vardıklarını ve kendisinin onlarla yaptığı konuşmalardan birinde yaşlı bir Gagauzun “Seninle aramızda bir soğan zarı kadar fark var” dediğini anlatıyor [9,1937].

O yıllarda Hamdullah Suphi Mihail Çakır ile görüşmüş, bu görüşmeler Mihail Çakır de çok etkilemiştir. O yıllarda “Besarabiyalı Gagauzların istoriyası” (1934) kitabını yazmış, Gagauzların tarihini araştırmış ve bu kitabında “Gagauzlar lafederlär pak Türkçä, ölä, nicä lafedärmiş eski zamannarda insannar, angıları çekilmiş Türk halkından, Türk soyundan. Gagauzların dili, lafı taa aslı Türkçedir, taa paktır Osmaniya Türkçenin dilindän, zerä Osmaniya çok laf almışlar farsizlerdän hem arablardan.” diyerek, Gagauzların geçmişine dair bilgiler vermiştir.

Çakır Atatürk’e bu kitabı gönderiyor ve Atatürk için da bir kitap yazmak istediğini söylüyor.

M. Çakır “Besarabiyalı Gagauzlar’ın istoriyası” kitabında Gagauzlar arasında “Gagauzlar kimdir?” diye yaptığı bir anket neticesinde şöyle bir sonuca varmıştır: “Gagauzlar diil ne Urum Grek, ne Bulgar, ne de Romın, ne dâ Rus, ne dâ Türk Selçuk, ne dâ Kuman, ama Türk soylu, çekilerlär evelki Türk uzlardan, Türk Oğuzlardan nicä gösterer professor İreçek, Moşkov, akademik Radlov hem dâ profesor Manoff...”[10, s.77].

1907 yılında Kişinev’e misafir gelen Mitropolit Makariy, Gagauzlar’la tanışmak istemiş ve yeni çıkan Gagauzca dua kitabını inceledikten sonra şöyle demiştir: “Gagauz dili pak Türk dili, haliz Türk dili, pek ii benzeer Türk Uygurların dilinä, ani yaşêrlar şindi Aziyanın Altay bayırlarında hem dâ Türklerä, ani yaşêrlar Orhon deresinin suları boyunda... Gagauzlar da Türk senselesidir, lafederlär ölä, nicä Türklär lafedärmişlär bin yıl geeri eski Türkçä” [10, s. 77]. Bu sözler Mihail Çakirin ruhunu yükseltiyor. Çakirin Gagauzça yazdığı kitap, çevirdiği din kitapları ise Gagauzların milli ruhu, kimliğini yükseltiyor.

Bu milli kimlik duygusu Avdarma köyünden Gagauz Vladimir Kasım’ın M. Çakır’ın ünvanına yazdığı bir tebrikte belli oluyor ‘Pek dindarlı hem çok şannı boba ekonom-stavrofor protoiyerey Mihail Mihailoviç...Canabinizdän ileri, Canabinizädak gagauzlarda yoktu hiç bir yazı, hiç bir kiyat Gagauzca, gagauz dilindä...Canabiniz verdiniz bizä Ay Evangeliyeyi gagauz dilindä, angısını biz sesleeriz klisedä hem hem okuyeriz onu evdä dâ. Yalvarêrız Allaha ... çok yıl olasınız Gagauzlara yol yıldızı, olasınız Gagauz senselelerinä fener kulesi. Çok yıl ileri!’

Çeşmeköylü İvan Perçemlinin tebrik mektubunda şöyle yazar: “...Şükür ederiz gagauzların adından paalı kiyat için “Gagauz istoriyası”, angısını siz yazdınız. Şindi gagauzlar bileceklär kendi

istoriyasını, angısı bilinmardı... Bizim halkımız şükür eder: verdiniz üredcilik şafkını gagauzlara, verdiniz bizim halkımıza onun dilindä derin düşünmeklär Bibliya için. Candan can bizä baaşladınız. ... Verersiniz bizä üredicilerä, diil sade örnek, ama kaldırsınız büyük işlerä. ... Siz verdiniz en parlak örnek, angısını vardı nicä versin inanıcı lider kendi uşaklarına [7, s. 102] .

Yukarıda verdiğimiz örnekler 1930-40. yılları arası Gagauzların içinde Hamdullah Suphi Tanrıöver'in ve Mihail Çakır'in, Atatürk'ün sayesinde Gagauzlar'ın kimlik duygusu zirve yaptığını gösteriyor.

Ama 1944-ten itibaren Sovyet sisteminde yaşayan Gagauzlar'ın başından çok olaylar geçti. 46-47 Gagauzlar'ın yarısı açlıktan öldürülüyor, 1948-de Stalin sistemine 'uygun olmayan' Gagauzlar, Altaya, Kazakistan'a, Karaçay-Çerkesk bölgesine sürgün ediliyor, bazıları hala da orada yaşamaktadırlar.

Sovyet sisteminde Türk kelimesi yasak ve aşağılayıcı bir kelime gibi görüldüğü için Türk halklarını özellikle Gagauzlar'ı çok etkilemiştir. Mesela, eğitim dili Rusça olan Gagauz Türkleri 'Tı çto turok?' deymi küçüklüğünden itibaren yabancı değildir. Bu da 'sen aptal mısın, anlamıyor musun' anlamına gelmektedir. Gagauz dilinde konuşmaya yasak getirilmiş, kreşlerde ve okullarda 'Rusça konuş' söyleniyordu. Bu da milli kimlik olayını kötü etkiliyordu.

1959-1961 yıllarında ilköğretim Gagauz diline oldu. Daha sonra ebeveynlerin 'istememesi' nedeni ile Gagauz dili 1986-87 yıla kadar tamamen iptal edildi. Ve bu yıllardan itibaren okullarda seçmeli ders olarak da okutulmağa başlıyor.

Ama zamanla Türkiye ile sıkı ilişkiler bu durumu biraz düzeltti, lakin bu yıl bağımsızlığının 20. yıldönümünü kutlayan Moldova'nın egemenliğinde olan Gagauz Yeri Özerk Bölgesi'nde bugün artık "Türk" kelimesi ancak Türkiye Türkeri'ne atfedilmektedir. Sovyet döneminden kalma Türk kelimesinin verdiği korkunun halen devam etmekte olduğu görülmektedir. Bugün bir Gagauza 'Sen Türk'sün' dediğinizde mutlak bir tepki ile kaşı karşıya kalırsınız. Hayır, ben Türk değilim, ben Gagauz'um der. Bu da Sovyetler zamanında yapılan antitürk propagandasının sonuçlarından birisidir. Ve ikinci sebeplerden biri de 'Türk' kelimesi Rusçada 2 anlam taşır: *Turok* 'Türkiye'de yaşayan türk' ve *Türok* 'Türk kökenli biri'. Hâlbuki Gagauz'a Sen Türk'sün dendiğinde bu kelimenin ancak ilk manası akıllara geliyor.

20 yıl önce 'Türk' kelimesinden böyle bir fobi hissedilmekte idi. Mesela, Gagauz dilinde temiz, Rusça kelime kullanmadan konuşulduğu zaman, "Bu Türkçe lafeder" diyenler çoktur. Sovyetler zamanında bu nefreti aşılacak için Gagauzlar'ın folkloruna bile müdahale edilmiştir, öyle ki, Atanas Manov'da (1938), daha sonra Dionis Tanasoglu'da (1959) ve Nikolay Baboglu'da (1969) yayınladıkları kitaplarda 'Varna türküsü' arasında farklar çok [5, s. 65).

Zannımca, bu fobinin büyük bir kısmı da dinle alakalıdır. Gagauzlar Osmanlı zamanında yüzyıllarla Müslüman halkın içinde yaşadıkları için dini koruma alışkanlığı hala da devam etmektedir. Şu an da Hristiyanlığın çok sıkı koruyucularıdır. Gagauzlar Türklerle yakınlaştıkça dini inançları değişecek diye bir korkunun var olduğunu sezmekteyim. Mesela, kendi gözlemlerimden çıkış ederek, diyebiliriz ki yersiz olarak dini korumaya kalkıyor, dini pankartlar açılıyor, sanki Gagauzlar din kimliğini kaybedecekler gibi bir manzara ortaya çıkıyor. 'Ruslar din kardeşimizdir' sık sık duyabiliriz. Moldova'nlar da aynı dinden insanlardır, ama her yerde Rusça hakim olduğu Gagauzya'da Rus'a daha büyük yakınlık ve sempati duymaktadır Gagauzlar. 1990-lardan sonra Gagauzların milli kimliğin yükselmesinde Süleyman Demirel'in, Turan Yazgan'ın ve diğer Türkiye büyüklerinin az da olsa etkisi olmuştur.

Bulgaristan. Bulgaristan'ın yaptığı anti Türk siyaseti herkese malum, Müslüman Türklerin isim, soy isim değiştirilmesi, Türklerin Türkiye'ye göçü vs. Bulgar bilimcileri, Bulgarlarla aynı dinden olan Gagauz Türkleri, 'Osmanlı zamanında Türkleşmiş Bulgar'sınız' demiş. Gagauz Türkleri de 'Biz dilimizi verdik, dinimizi vermedik'. 'Biz Gagauzuz, ama Bulgarız' deyimleri bilinmektedir.

Bulgaristan'da yaşayan Gagauzların sayısı belli değildir. Herkes Bulgar diye yazılmaktadır. Bu gün Varna, Balçık, Kavarna, Goriçane, Bojanovo, Şabla, Bolgarevo, Kiçevo, Vinisa, General

Kantarjiyevo, bir çoğu yem yeşil ve deniz manzaralı Gagauz köylerinde yaşayan yaşlı nesil yaşı 50-60 yaşından yukarı olanlar Gagauz Türkçesini kullanıyor, 50 yaş altı olan kişiler ise Gagauzça'yı bilmemekteler. Gençler Varna'ya ve ya yurtdışına gidiyorlar. Bu gün Gagauz köylerinde Almanlar, Ruslar ev alıyor yerleşiyorlar.

Bulgar Siyaseti Türk'e karşı nefreti Gagauzlar'a da çok başarıyla aşılammıştır. Basarabya'da önce Rusya, daha sonra ise Sovyetler Birliğinin terkinde yaşarken Rus Türk savaşından sonra Türk'e aynı şekilde nefret aşılanmış ve bunlar Gagauzlar'ın öz bilincine, Milli Kimliğine ciddi tesir etmiştir.

Yunanistan. Edirne ve Kırklareli şehrinde yaşayan Gagauzlar'ın birçoğu Türk-Rum mübadelesi sonucunda Yunanistan topraklarına sürülmüştür. Şimdi sınırın hemen öbür tarafında yerleştirilmiş olan bu göçmenlere Yunanlılar "Türko Sporos" (Türk tohumu) diyorlar. "146, yani onları Rum diye kabul etmemiş, Türkler diye dışlamışlar hep. Tarihçi, yazar Stepan Bulgarın dediğine göre Yunanistan'da 30 Gagauz köyü varmış. Orada da Gagauzlar'ın sayısı belli değildir.

Yunanistan'da yaşayanlara da Türkleşmiş Elenler'siniz denmiş. Celal Bayar, "Bilir misin Hamdullah, Atatürk'ün son yıllarda en büyük üzüntüsü ne idi? " sorusuna burada olmadığı için bilmediğini söyleyen ve anlatmasını isteyen Hamdullah Suphi'ye şunları söyler: "Anadolu'dan binlerce Hristiyan Türkü göndermiş olmasıydı. Paşam yapmayın, yollamayın, bunlar özbeöz Türk'tür, dedim, kendisine kitaplar gösterdim; fakat dinlemedi. Artık bu Yunan meselesi tamamen kapansın, dedi. Şimdi Atina civarında yerleştirilmiş olan bu göçmenlere Yunanlılar "Türko Sporos" (Türk tohumu) diyorlar [11, s. 157-158] , [12, s. 31].

Romanya. Romanya'da yaşayan Gagauz Türkleri Romenlerle karışmış. Ve bu gün Romanya'da belki birkaç yaşlı adam kendinin Gagauz olduğunu biliyor ve az da olsa Gagauzça konuşabiliyorlar. Konuşacak kişiler kalmadığından konuşamıyorlar. Brezilya ya göç eden Gagauzlar'ın pek çoğu Romanya'dan göç etmiştir. Cobadin, Kumpana, Lazu adlı köylerinde Gagauzlar'ın yaşadıkları bilinmektedir. 1944-lerde Sovyet rejiminden kaçan Gagauzlar dillerini konuşsa da Romanya'da dağınık yerlerde yaşadıklarından dolayı evlatlarına dili geçirememişler.

Sonuç.

Dil kimliğin aynasıdır. Dilsiz kimlik olmaz, bir müddet olsa da tez bir zamanda silinir. 2010 yılında UNESCO Gagauz dilini kaybolma tehlikesi altında olan diller listesine almıştır. Gagauz Yerinde ve Ukrayna'da Gagauz dili kreş ve okullarda ders olarak okutulsa da Gagauz çocukları Rusça eğitim alıyor, dışarıda ve resmi yerlerde Rusça konuşuluyor, TV'lerde ve bilgisayar oyunlarında Rusça dinleniyor ve bunlar hepsi çocukların ve gençlerin kimliğini çok ciddi derecede etkiliyor. Daha bir acı olayla da yüz yüzeyiz, Gagauz köylerinde küçük Gagauz çocuklarının birçoğu Gagauz dilinde artık konuşamıyor. Ebeveyniler adeta Rus büyütüyorlar. Bu olay artık çok ciddi bir sinyaldir.

Bulgaristan'da ve Yunanistan'da dil yaşlı nesil arasında yaşıyor, ama 50 yaşından küçük Gagauzlar artık Gagauz dilini bilmiyor ve anlamıyor. Küçük Gagauzlar ise Gagauz Türk soyundan geldiklerini bile bilmiyorlar.

Romanya'da Gagauz Türkleri asimile olmuş. Belki 10- 15 Gagauzça konuşan yaşlı Gagauz kalmıştır.

Romanya'da dil susmuş, Bulgaristan ve Yunanistan'da da en geç 20 yıl sonra kalan dil taşıyıcıları da dünyasını değiştikten sonra dil bitecek. Burada yapılacak pek bir şey kalmadı.

Moldova ve Ukrayna Gagauzları ise durumu kurtarabilirler diye umut ediyorum. Dille ilgili çok ciddi devlet projeleri yapılmazsa 50 yıl sonra Otonom bölgesinin adında var olan halkın adı ve dili - Gagauz Türkçesi burada da susacak.

Kaynaklar:

1. İUSİUMBELİ İrina. <https://orhaajans.com/gagauzlar-ilk-gagauz-turk-devleti-uzi-eyalet/?fbclid=IwAR3Pf9pUz0TLns-TWwQvonZY16tLP6mhn3hpnTSPf0x7lt9lhNmpj-5ALM8>
2. CEBECİ Ahmet, "Osmanlı devletinde Gagauzlar, Türk Kültürü: s. 354 (ekim 1992. S. 583-589).

3. RADOVA Olga. Bucaktaki transtuna Göçmenlerinin ve Gagoğuzların etnik kimliği(18.yüzyılın sonu ve 19. Yüzyılın başı) Avrasya etüdleri, s. 13.: s. 56.
4. ÇAKİR Nikolay ‘Gagoğuzlar ve Çakır senselesi’ Sabaa yıldızı, 1999, s.42-47
5. ARGUNŞAH, M., ARGUNŞAH. H. Gagauz yazıları. Mustafa Argunşah. Tahrif edilen Türk Tarihi ve bir türkü, 2007, Kayseri, s 174.
6. ANZERLİOĞLU Yonca. Bükreş Büükelçisi Hamdullah Subhi Tanrıöver ve Gagauz Türkleri, Bilik, 2006, sayı 39.
7. KARANFİL Güllü. Gagauzların Milli Lideri Mihail Çakır, Gagauzlar için yazılarım, 2016, KARANFİL Güllü. <https://www.turkcenindirilisi.com/turk-dunyasi/dilimizin-durumu-kritik-noktaya-geldi-dr-gullu-karanfil-h96166.html?fbclid=IwAR1-syouzg2g0dI0ASJxaOaBk6v-7tyWgRxjr83Aq06KN7h6hpYVDhHhHA>
8. NAYIR Yaşar Nabi. Balkanlar ve Türklük, Ulus basımevi, Ankara, 1936.
9. ERTEM Sadri, Ankara-Bükreş, İstanbul 1937, s.134-138.
10. ÇAKİR Mihail. Gagauzlar: İstoriya, adetlər, dil hem din: Kişinev, 2007
11. BAYDAR Mustafa, Hamdullah Suphi Tannöver ve Anıları, Menteş Kitabevi, İstanbul, 1968,s. 157-158.
12. Ercan Yavuz. “Sürgündeki Ortodoks Türkler”, Aksiyon, S. 163, 17-23 Aralık 1998, s. 31.

УДК 37.016:811.512.161’243

Kasar Ali,
gagauz filologiya kafedrası,
MPG-18 grupadan student, KDU
Komrat, RM
E-mail: alिकास@gmail.com

YABANCILARA TÜRKÇE ÖĞRETİMİ ve MOLDOVA’DA TÜRKÇE EĞİTİM VEREN RESMİ KURUMLAR

Annotation: The history of foreign language teaching goes back to ancient times. The history of teaching Turkish as a foreign language is as old as the first Turkish communities. Many written works have been prepared in history that teach Turkish to foreigners. Many people have learned Turkish in the Turkish country or abroad. Today there are many institutions that provide training for foreigners in Turkey Turkish. Turkey's many institutions in Moldova, as a result of Turkey-Moldova relations serves Turkish education. We will examine these institutions.

Keywords: Teaching Turkish to foreigners, Türkiye, Moldova, institutions,

GİRİŞ

Yabancılar Türkçe öğretimi alanında açıklamalar yapmadan önce, ana dili ve yabancı dil kavramlarını inceleyelim. Ana dili kavramı, Türk Dil Kurumu Güncel Türkçe Sözlükte, ‘Çocuğun ailesinden ve içinde yaşadığı topluluktan edindiği dil’ olarak açıklanmıştır. Ana dili, (Birinci Dil), bir insanın ilk olarak konuştuğu dildir. Ana dili ilk öğrenilen ve hayatımıza en çok etki eden dildir. Yabancı dil kavramı Türk Dil Kurumu Güncel Sözlükte, ‘Ana dilin dışında olan dillerden her biri.’ Belirli bir ülkedeki veya bölgedeki halkın büyük bir bölümünün ana dili olmayan, okullarda eğitim aracı olmayan, okullarda eğitim aracı olarak kullanılmayan, yönetici- vatandaş ilişkisinde kullanılmayan, medyada geniş bir yer almayan dildir. Başka ülkede yaşayıp başka dilleri konuşan insanlarla iletişime girmek istediğimizde, yabancı basını takip etmek, uluslararası siyaset ya da ticaretle ilgilendiğimizde öğrendiğimiz dil, yabancı dildir. Yabancı dil öğrenmek isteyen bireylerin başvuracağı kişi, kurum ve birtakım imkanları sayacak olursak; okullar, yabancı dil kursları, Türk, Amerikan, Rus kültür dernekleri gibi dernekler, özel dil dersi veren öğretmenler, internet

sitelerindeki dil öğretim videolarını sıralayabiliriz. Moldova’da yabancı dil eğitimi veren kurumlar içerisinde Türkiye Cumhuriyeti’ne bağlı okul, kurs ve diğer Türkiye Türkçesi öğretim kurumlarını inceleyeceğiz.

1.Yabancı Dil Öğretimi

Yabancı dil öğretimini, düzenli ve sistematik bir şekilde görmek için günümüzden 4000 yıl önceye bakabiliriz. Yunan (Grek) şehir devletlerinde (polis) Yunanca (Grekçe) bilmeyenlerin, okuma-yazma ve sözel becerilerini geliştirmek için özel öğretmenlerden ya da kölelerden yardım alındığı biliniyor. Asya Hun İmparatorluğu (MÖ III. - MS I. yy.) ve (Kök)Türk İmparatorluğu (MS VI - VIII. yy.) döneminde Türklerin dilini öğrenip Türk yurdunda dolaşan din adamları görülmüştür. Yabancılar Türkçe öğretiminin tarihini, 11. Asırda bu iş için özel olarak yazılmış eserlerden bazılarını inceleyerek takip edebiliriz. Yabancılar Türkçe öğretimi alanında yazılmış, bilinen ilk eser, Divanı Lügati’t-Türk adlı sözlüktür. Kaşgarlı Mahmut tarafından 1074 yılında yazılmıştır. Bu eser, Türk dilinin ilk sözlüğü sayılmaktadır. Codex Cumanicus, Avrupalıların, Karadeniz’in kuzeyinde yaşayan Kıpçakların (Kumanların) dilini öğretmek için yazdıkları bir eserdir. 14. asırda yazılmıştır. Kitabü-l İdrak Li-lisanü’l- Etrak, 1312 yılında Mısır’da Kahire’de Araplara Kıpçak Türkçesi öğretmek amacıyla yazılmıştır. Araplara Türkçe öğretmek amacıyla 14. ve 15. asırlarda yazılmış Et- Tuhfetü’z- Zekiyye Fi’l-lugati’t-Türkiyye, kitab-ı Bulgati’l Müştak Fi Lügati’t Türk ve’l Kıpçak adlarında birkaç eser daha bulunmaktadır.

Osmanlı Devleti’nin Balkanlarda yaşadığı asırlarda İtalya’da, Almanya’da, Fransa’da Türkçe konuşma kılavuzları yazılmıştır. Venedik Cumhuriyeti doğu dilleri ve özellikle de Türkçe bilen tercümanlar yetiştirmek amacıyla 1551 yılında İstanbul’daki elçiliğinin bünyesinde ilk dil oğlanları (İt. giovani della lingua) okulunu kurmuştur. Venedik Cumhuriyeti’nin İstanbul’daki dil oğlanları okulu örneğini, 1669 yılında Fransa, 1754 yılında Avusturya, 1766 yılında Polonya ve son olarak 1814 yılında İngiltere izlemiştir. 19. Asrın sonu ve 20. Asrın başında özellikle Avrupalıların Türkçe öğretimi alanında birçok eser verdiği görülmüyor.

Türkiye Cumhuriyeti kurulunca hem Türk dili çalışmaları daha fazla yapılmaya başlanmış hem de birkaç üniversite yabancılar Türkçe öğretimi alanında kurumsal olarak hizmet vermeye başlamıştır. Günümüz Türkiye’sinde yurt içinde ve yurt dışında birçok kurum ve kuruluş yabancılar Türkçe öğretimi alanında çalışmalar yapmaktadır.

1984 yılında Ankara Üniversitesinde kurulan TÖMER, daha sonra birçok üniversitede açılacak Türkçe Öğretim Merkezleri’ne öncülük etmiştir. Türkiye genelinde birçok üniversite TÖMER (Türkçe Öğretim Merkezi) DİLMER (Dil Merkezi) ve benzeri kurumlar açmıştır.

2.Yurt Dışında Türkiye Türkçesi Öğretimi

Yurt dışında Türkiye Türkçesi öğreten kurumların başında Yunus Emre Enstitüsü’nü sayabiliriz. Yunus Emre Enstitüsü Türk sanatını ve kültürünü tanıtmak, Türk dilini öğretmek amacıyla 2007’de kurulmuştur. Dünyanın birçok ülkesinde kültür merkezleri açan Yunus Emre Enstitüsü bugün Moldova dahil 58 şubeyle hizmet vermektedir.

Türkiye Cumhuriyeti Millî Eğitim Bakanlığı, birçok ülkeyle ikili anlaşma sağlayarak, Türkiye dışında örgün öğretim yapmak için 12 ülkede 62 eğitim-öğretim kurumu açmıştır. Avrupa’da birçok ülkenin belirli okullarında Türk vatandaşları için ‘Türk Dili ve Kültürü’ dersleri verilmektedir.

Türkiye Maarif Vakfı, 2016 yılında kurulmuştur. Bu vakıf Amerika Birleşik Devletleri, Balkanlar, Afrika, Avusturalya ve bazı Türk devletlerinde eğitim kurumları açmıştır. Amerika Birleşik Devletleri’nde 4 okul ve 72 öğrenci ile 22 öğretmen ile hizmet veren Maarif Vakfı, Balkanlarda, 2 ülke 7 okul, Afrika’da 11 ülke 65 okul ve 5 öğrenci yurdunda 7 bin 730 öğrenci, Asya- Pasifik bölgesinde 3 ülke 9 okulda 884 öğrenci ve 1 öğrenci yurduyla eğitim-öğretim hizmeti veriyor.

Kırgız-Türk Manas Üniversitesi 1995 yılında Türkiye Cumhuriyeti ve Kırgızistan hükümeti tarafından ortaklaşa kurulmuştur.

Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, Türkiye ve Kazakistan Cumhuriyetlerinin uluslararası, özerk statüye sahip, ortak devlet üniversitesidir. 1992 yılında kurulmuştur.

Anadolu Üniversitesi, merkezi Türkiye'nin Eskişehir şehrinde kurulmuştur. Üniversitenin Türkiye'deki fakültelerinin dışında, dünyanın farklı bölgelerinde temsilcilikleri vardır. Teknoloji yardımıyla uzaktan öğretim yapılıp, sınav merkezlerinde sınav uygulamaları yapılmaktadır Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti, Kuzey Amerika, Batı Avrupa, Ortadoğu, Suudi Arabistan, Azerbaycan, Arnavutluk, Bosna-Hersek, Bulgaristan, Kosova, Karadağ, Makedonya, Moldova, Sırbistan Programları bulunmaktadır.

Bu üniversiteler dışında Türkiye'nin iş birliği yaptığı birçok ülkede özel üniversitelerde ve devlet üniversitelerinde Türkoloji, Türk Dili, Türk Dili ve Edebiyatı gibi bölümler açılmıştır. Türkçe dersler verilmeye devam etmektedir.

3. Türkiye'nin Moldova'da Türkçe Eğitim-Öğretim Görevi Yapan Resmî Kurumları

Türkiye Cumhuriyeti, 20. asrın başından beri Gagauzlarla ilişkilerini sıcak tutmaya çalışmaktadır. Gagauzya topraklarının Romanya'ya bağlı olduğu yıllarda Hamdullah Suphi Tanrıöver Bükreş'teki büyükelçilik görevine getirilir. Hamdullah Suphi Gagauzya'yı dolaşır ve Gagauzlarla yakın ilişkiler kurar. İlk olarak yaklaşık 40 Gagauz gencini okutmak için Türkiye'ye gönderir. 26 Gagauz kasaba ve köyüne Türkçe eğitim ve öğretim yapmaları için öğretmen görevlendirir. Bu öğretmenleri Dobruca Türklerinden ve Mecidiye Müslüman Semineri mezunlarından seçer. Türkiye'den getirttiği ders kitaplarının okutulmasını sağlar. Sadece Hamdullah Suphi değil bizzat Atatürk de Gagauzların 'Popaz Buba'sı Mihail Çakır ile mektuplaşır ve dostluk kurar. Gagauzların Türkiye'ye taşınması fikri ortaya atılır, 1939'da patlak veren 2. Dünya savaşı buna engel olur. 2. Dünya Savaşı sonrasında Gagauzlar artık Sovyet Rusya sınırlarında yaşamaktadırlar. 1990'da Gagauzlar Bağımsız bir Devlet kurduklarını açıkladılar. 1994'te O günkü adıyla Moldavya Cumhuriyeti Anayasası'na eklenen 113. madde ile, Gagauzya Moldova Cumhuriyeti içinde 'Özel Yasal Statüsü olan 'Gagauz Yeri' olarak anılmaya başlandı. Türkiye her fırsatta Gagauz Yeri'ne parasal ve duygusal destek sağlamıştır. TİKA (Türk İş Birliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı) başta olmak üzere birçok kurum Gagauzya'da yeni binalar inşa etmiş ve eski binaları düzenleyerek birçok Gagauz kurumuna bina desteği sağlamıştır. Türkiye'den çok sayıda belediye ve kuruluş yol, su şebekesi, park ve bahçe düzenlemesi gibi alanlarda Gagauzya'nın farklı yerlerinde birçok proje yapmıştır. Okul açma ve Komrat Devlet Üniversitesi'nin açılmasına destek olmuş, ders kitabı ve ders kaynaklarının basımını ve dağıtılmasını sağlamıştır. Gagauzca ve Türkiye Türkçesinde Radyo ve televizyon yayınları yapacak olan GRT'ye malzeme ve personel eğitimi desteği sağlamıştır.

Kongaz Süleyman Demirel Moldo-Türk Lisesi, 1999 yılında Süleyman Demirel'in isteğiyle Moldova'nın Gagauz Özerk Bölgesinde kuruldu. Okulda dersler Türkçe, Moldovanca ve Rusça olarak veriliyor. 2019-2020 Eğitim-Öğretim döneminde 10'u Türkiye'den toplam 37 eğitimci, 156 öğrenciye eğitim-öğretim veriyor.

Komrat Devlet Üniversitesi Filoloji Anabilim Dalı Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü, 2018 yılında kuruldu. 2019-2020 ders döneminde 16 öğrenci kabul etti ve şu an bu öğrencilere eğitim veriyor. TİKA'nın desteğiyle üniversitede Türk Dili ve Edebiyatı derslerinde kullanılmak üzere Hamdullah Suphi Tanrıöver'in adının verildiği bir derslik hazırlanmıştır. Türk Dili ve Edebiyatı bölümünde, Filoloji bölümü öğretim üyelerinin yanı sıra Türkiye'deki kurumlar tarafından görevlendirilerek gelen iki öğretim üyesi burada çalışmalarını sürdürmektedir. Bölümde 1 yıl Türkçe hazırlık olmak üzere toplam 4 yıl eğitim verilmektedir. Başarılı olan ve sınıfında ilk 10 öğrenci arasına girenlere YÖK (Türkiye Yükseköğretim Kurumu) tarafından burs (para yardımı) sağlanmaktadır.

Yunus Emre Enstitüsü Komrat Kültür Merkezi, 1993 yılında TİKA (Türk İş Birliği ve Kalkınma Ajansı) tarafından kütüphane ve kültür merkezi olarak kurulmuştur. İçinde Türkiye Türkçesi ve Gagauz Türkçesiyle yazılmış 6000'den fazla kitap bulunmaktadır. 2018 yılında Yunus

Emre Enstitüsü'ne devredilmiştir. Yunus Emre Enstitüsü Komrat Kültür Merkezi 2019 yılında 70 öğrenciye Türkiye Türkçesi dersleri vermiştir. Bunun dışında kültür merkezinde birçok kültürel ve sanatsal etkinlik yapılmaktadır.

Anadolu Üniversitesi büyük, birçok öğrencisi olan köklü bir Türk üniversitesidir. Türkiye'de ve yurtdışında birçok alanda uzaktan eğitim veren Anadolu Üniversitesi Yurtdışı Açıköğretim Programı Moldova'da ilk kez 2019 yılında hizmet vermeye başladı. Uzaktan Öğretim Programı'nın Moldova Temsilciliğini, Kongaz Süleyman Demirel Moldo-Türk Lisesi yürütmektedir.

Kısa adı ULİM olan Universitatea Libera Internaționala din Moldova (Moldova Uluslararası Libera Üniversitesi) Başkent Kişinev'de bulunmaktadır. Üniversite bünyesinde bulunan Türkçe sınıfında 2019 yılında 40 öğrenci Türkçe kurslarına katılmıştır.

Kişinev'deki Universitatea de Stat Din Moldova (Moldova Devlet Üniversitesi) bünyesinde bulunan Türk Kültür Merkezi 2019 yılında 15 öğrenciye Türkiye Türkçesi dersleri vermiştir. Kişinev'deki üniversitelerde verilen Türkiye Türkçesi dersleri Türkiye Tarafından görevlendirilmiş olan öğretim üyesi tarafından verilmektedir.

Moldova ve Türkiye Arasındaki Eğitim-Öğretim ilişkisi bunlarla sınırlı değildir. Her yıl Türkiye'den Moldova'ya, Moldova'dan Türkiye'ye üniversite eğitimi almak için gelen ve giden birçok üniversite öğrencisi bulunmaktadır. Yurt dışından gidip Türkiye'de üniversite eğitimi hakkı kazanabilmek için birkaç yol vardır. YTB (Yurt Dışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı) tarafından yapılan elemelerde başarılı olan öğrenciler hem Türkiye'de istedikleri bölümde okuma hakkı kazanıyor, hem de YTB tarafından verilen finansal destekler ile rahat bir öğrenim hayatı geçiriyor. Bunun dışında, Türkiye'de yabancı uyruklu öğrenci kabul eden her üniversite, kendi belirleyeceği bir tarihte Yabancı Uyruklu Öğrenci Sınavı (YÖS) uygulamaktadır. YÖS'te başarılı olan öğrenciler Türkiye'de üniversite eğitimi alma hakkını kazanırlar.

SONUÇ

Türkiye, dünyanın birçok ülkesinde dil ve kültür aktarımı yapan kurumlar açmıştır. Gagauz halkı ile olan soy birliğinin de olumlu etkisiyle Moldova'da Türkiye Cumhuriyeti'ne resmen bağlı olup, dil, eğitim ve kültür hizmeti vermeyi amaçlayan, yabancılara Türkçe öğretimi yapan birden fazla kurum açılmıştır. Yunus Emre Enstitüsü Komrat Kültür Merkezi, Kongaz Süleyman Demirel Moldo-Türk Lisesi, Komrat Devlet Üniversitesi Filoloji Anabilim Dalına bağlı Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü, Anadolu Üniversitesi Yurtdışı Açık Öğretim Programı, ULİM'deki ve Kişinev Devlet Üniversitesindeki Türkçe Kursları her yıl yüzlerce Moldova vatandaşına ücretsiz olarak hizmet vermektedir.

Bibliyografiya:

1. Biçer, Nurşat. Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi Sayı: 1/4 2012
2. Durmuş, Mustafa. 'Yabancılara Türkçe Öğretimi' Grafiker Yayınları Ankara, 2003
3. Güzel, Abdurrahman. 'İki Dilli Türk Çocuklarına Türkçe Öğretimi' Öncü Kitap yayınları, 2010
4. Kocaman, Ahmet. "Yabancı Dil Öğretiminde Yeni Yönelimler" Türk Dili Dergisi, 47 (1983)
5. Özkan Nevzat. Gagauz Türkçesi Grameri TDK yayınları, Ankara, 1996
6. <https://islamansiklopedisi.org.tr/divanu-lugatit-turk>
<http://ksdmoldovaturklisesi.meb.k12.tr/>
7. <https://kdu.md/ru/struktura-universiteta/fakultety/fakultet-natsionalnoj-kultury/kafedra-gagauzskoj-filologii-i-istorii/kafedra-turetskogo-yazyka-i-literatury>
<https://turkiyeburslari.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda/turkiye-burslari>
8. <http://cci.ulim.md/ulim-anun%C8%9B%C4%83-%C3%AEnscrierea-la-cursurile-gratuite-de-limb%C4%83-turc%C4%83-pentru-anul-academic-2019-2020>
9. <http://www.tdk.gov.tr>
10. <https://islamansiklopedisi.org.tr/divanu-lugatit-turk>
11. http://intl.manas.edu.kg/en/about_manas
12. <https://www.ayu.edu.tr/universitemiz>

13. <https://www.anadolu.edu.tr/acikogretim/yurtdisi-programlari>
14. <http://www.tdk.gov.tr>

УДК 37.016:811.512.165

Kiosä Elena Nikolaevna
Çeşmäküü teoretik lişeyi
I didaktika uurunda Gagauz dili
hem literatura üüredicisi
MPG-18 gr. student, KDU
Komrat, RM
E-mail: kiosyae@mail.ru

ANA DİLİNDÄ HEM LİTERATURADA ÜÜRENİCİLERİN ÇALIŞMASINI AKTİVLEŞTİRMÄK

Annotation: This article discusses the development of the Gagauz language through the effective teaching of the Gagauz language and literature in schools. The characteristic features of understanding by students and the teacher of the importance of learning the native language are analyzed, also the methods used in the lessons and open events devoted to the history, traditions and culture of the Gagauz people are shown. The advantages and disadvantages of the influence of information technology on education are revealed, ways to interest children in studying the Gagauz language are presented, which contributes to the development of creativity, eloquence, curiosity, and the desire to acquire knowledge from their own motives. Based on the study, the author proposes the implementation of practical, constructive, effective and fruitful teaching methods so that students can correctly express their thoughts in the Gagauz language, love their native word, and want to taste the “sweetness” of knowledge on their own. The main purpose of studying and teaching the Gagauz language is to educate citizens to love their language and speak it.

Keywords: Gagauz language and literature, student, teacher, pedagogical technologies, development, creativity, practice, implementation, information technology.

Gagauz dilinin hem literaturasının üüretmäk/üürenmäk proşesinin baş neeti - eğişmää Moldovadaki hem Evropadaki üürenmäk uurlarına, tamannamaa gagauz dilinin standartlarını. Bu dişiplinanın köñepteşyasında isteniler, ki ana dili üürenilsin diil sade orfografiya kurallarını bilmäk için, ama taa çok sözleşmäk için, taa çok sözü kullanmak için. Gagauz dili läázım üürenilsin ölä, ki olsun nicä kullanmaa onu praktika işlerindä, yaşamanın herbir situatıyasında.

Soşial durumu isteer, ki gagauzlar kendi adetlerini, kendi dilini, kendi kulturasını unutmasınlar. Şindiki yaşamayı annamaa hem taa ii yapmaa deyni, läázım ölä üüretmeyi, terbiyetmeyi tamannamaa, ki üürenicilər yaratıcı kişi olsunlar. Bu soşial sınırlamaklarını, bu eni istediklerini tamannamaa deyni, okullular läázım ana dilini derindän üürensinnär hem bilsinnär, neçinki onunnan var nicä sevda duygularını dilimizä hem Vatanımıza terbiyetmää, var nicä uşakların bilgilerini dünnä hem yaşamak için genişletmää hem derinnetmää. Onuştan, olur deyelim, ki ana dilinin hem literaturanın statusu çok üüsek. L. N. Tolstoy nasaatladı üüredicilerä: «İstärsän bilimnän terbiyetmää üüreniciyi -sev kendi zanaatını hem bil onu, da ozaman üürenicilər seveceklär bilimi, da sän onnarı terbiyedeçän».

Praktika gösterer, ani büün, açan insana bilgi kayet läázımnı, artık kabul edilmiş bilgilär eterli diil. Bütün üüredicilik cümnesi kayıl fikirlän, ani läázım üürenicilerdä ana dilinä meraklık terbiyetmää hem isteyiş kendibaşına bilgi kazanmaa. Acınacaa, sonunku yıllarda bän görerim, ani bizim üürenicilerdä literaturaya meraklık aşaaladı, kiyadı onnara diiştiirdi kompyuter, ama

kompyuter aazdan hem yazılı sözü iileştirməz, dilə meraklı terbiətməz. Zamandaş okulcular kendibaşına kiyatlan, programdan dışarı sızıntılarla işləmə yufka becerərlər, onlarda yok isteyiş göz atma kiyadın sayfalarına, yok aktiv davranmaq annamak proqesinə. Bu diil sade benim izlemelerim, onları inandırêrlar liqeydän hem başqa okullardan benim koleğalarım da. Ama sade kendi kuvedinnän kazanılmış fikirlər, annayışlı hem faydalı praktikada kullanılêrlar. Bu da belliledi ayrılmış tamamı. Profesional-izləmək temanın üretilimin daavası- herbir ürenicidä bilgileri praktikada hem yaşamanın herbir situasiyasında becermeklerini oluşturmək, ana dili, literatura, İKT uroklarında annamak çalışmasını aktivləştirmək.

Metodika işimin baş pedagogika önemniini özü- o zorlatmasız ürenmək, angısı temellener başarlarn ulaşmasında, biliş sevinmelerində, gerçektän meraklıta, insannık kendini geliştirmə fikrində, insan olma iç kaynakların öndä gelän rolündä.

Bu fikiri yaşamaya gerçeleştirmə deyni, kullanërim:

-zamandaş tehnologiyaların çalışma erleşmesini (komunikativ üretmenin, izləmək-proekt, oyun hem urok-ustalık tehnologiyarını);

-urokta hoşlu bir atmosfera, acızgannık hem acımaq oluşturmalarını;

-teknikaların, kolaylıkların hojma yaratıcı aaramsını (diagrama Wen, problemalı aaq, piramida, iki bölümnü günnük, yıldız patlatması);

-kendi iş görgümü hem koleğalarımın görgüsünü incelemeyi.

Çalışërim, ki herbir urok olsun bereketli da sayërim bu olacek sade ozaman, açan ürenicidä terbielilecek havez aktiv yaratıcı çalışmaya. Ondan, angı uurda ürenicinin koyulmuş daavaların çözülmesində kendibaşınalı, var nasıl söylemə bilgilerin kaaviilii için.

Ürenmək- annamak çalışmanın aktivləştirmesi olër zamandaş kurikulumun başarlı uygulanmasının ayrılmaz bir payı da geçindiriler ürenmək proqesinə türlü soyda çeşittä işlerin çalıştırılmasınan, angılarından herkezi kendiyesinə ürenicilerin intelektual, logika, duygusal proqeslerini ilerleder, yaratıcı hem annamak alışmalarına, kuvetlerine yardımcı olër.

Birkaç yıl geeri bän meraklandım uşaklarda ürenmək - annamak aktivləştirmesinin hızlandırmasında urokların standart dışı formlarınan da karar verdim bölä dersleri kullanmaya. Özelliklän aldım hesaba A.B.Malüşkininin hem E.Y. Suharevskiyn integrir uroklarında standart dışı tehnologiyaları, angıları teklif ederlər şkolada integrir ürenmesini. Bu tehnologiyalar bellileerlər diil sade üsek uurda sonuçları bilgi hem becermək tarafından, ama gerçek ilerletmək kolaylıklarını da. Integrir uroo ayrılër sıradan uroktan onunan, ani analizin konusu olër çok plannı obyekt , ne için informaşıya var türlü ürenmək distiplinalarında. Bölä urok kurulër distiplina arası baalantıların aktivləştirmesində, angıları ürenicilerin bilgi hem becermək kullanımına dayalı annamak çalışmayı aktivləştirmə deyni, ürenmək sonuçlarını iileştirmə deyni, ki ürenicilər diil sade ürenmək materiyalını, ama dünneinin bütün resimini hesaba alsın hem annasın. Bilgi bütündür, olä dä ürenicilerä laázım görünsün. [10, s.24].

Benim bakışına görä, en uygun integrışıya – Gagauz dili hem gagauz halkın İstoriyası, kulturası hem tradişıyaları uroklarında baalantı. Bitki vakıtlarda gagauzlarda unutulër artık evelki adetlär, da, literaturayı ürenärkän, ürenicilerdä peydalanër türlü soruşlar. (N. Baboglu « Eski adetlär batêrlar» –literaturada hem adetlär İKT uroklarında).

Metodika temaylan işleyärkän, bän kullandım S. A. Pisarevanın, E.V. Ulyanovanın, L.M. Golovinanın araştırmaklarını. S A Pisarevanın işlerinde bana deyni önemli düşünmeklär:

-yaratıcılı seçmək, paaya koymak hem ilerletmək;

-çeşitli yaratıcılık çalışmaya ürenicileri meraklandırmak. E. V. Ulyanovanın çalışmalarında kayet paalı bana deyni –cümnä-aktiv yaratıcı insan terbiətmək.

L. M. Golovinanın işlerinde önemliydi: - herbir uşaan yaratmaq becermeklerini ilerletmək;

-ürenmək proqesimä kendini bulmak hem tanımak.

Annayışlı çalışmaq bütündän kurulêr içyankı biri-birinä baalı, logikayca dizili işlemnerdän. Skatkin M.N. akşent koyêr bölä annamak işlemnerin çeşitlerine:

1. Eni bilgilerin lääzımını annamaya getirän işlemnär: a) öncä yapılmış praktik işleri, angıları açık annadêrlar, ani teoriya tarafından bilgilär azdır; b) ürenilän soruşun teoretik hem praktik paalılına doorudulu işlemnär; c) olayların analizinä hem yaraştırmalarına görä işlemnär.

2. İleri dooru teoriya bütünneştirmelerin gerçektän temelini kurmaa deyni işlemnär;

a) tanınmış işlerin debreştirilmesi; b) eni işlär toplamak.

3. Hazır materialın bütünneştirilmesine görä işlemnär: a) yaraştırmak temelindä ilk bütünneştirmeklär; b) eni bütünneştirmeklär, angıları temellenerlär öncä bütünneştirilmiş işlerdä.

Bu sıra çalışmaklar getirerlär uroon , temanın sonunku bütünneştirmelerinä.

4. Bütünneştirmelerin çeşitli konkret gerçeklilän uydurmasına görä işlemnär:

a) eni razgelişleri, konkret iştä birleşmeyi bulmak; b) biri-birinä karşı duran olayların incelemesinde bütünneştirmenin kullanılması; c) diişik situaşyalarda bütünneştirmenin kullanılması. [9,s.44].

Ürenicilerin aktiv ürenmesi lääzım bakılsın diil nicä çalışmanın kaavilenmesi, ama nicä barabar toplanmış ürediciylän maasuz kolaylıklar konkret ürenmäk hem terbiyetmäk neetlerini tamannamaa deyni. Bellileerlär annamak aktivliin bölä uurlarını:

1. İlk uur - annatmak. Bellilener ürenicinin çalışmasının annamaa, aklında tutmaa hem annatmaa kabledilmiş materialı, becermää kullanmaa onu verilän ornää görä. Ayırılêr bu uur onnan, ani ürenicilerdä bilgilerini derinnetmää deyni meraklanmak yok, «Neçin?» soruş yok.

2. İkinci uur – aaraştırmak. Bellilener ürenicinin çalışmasının annamaa ürenilän materialın derin maanasını, bulmaa baalantı olayların arasında, kullanmaa bilgileri diişik şartlarda.

Uurun paalılı onda, ani ürenici, nekadar kuvedi var, çalışêr çekedilmiş işi başarmaa deyni. Zorlandıynan da brakılmamaa, ama aaramaa çıkış önündä duran kösteklerdän.

3.Üçüncü uur – yaratmalı. Bellilener meraklanmak hem çalışmak diil sade derin dalmaa olaylara hem onnarın baalantılarına, ama bulmaa bu neetä deyni eni kolaylıklar. Uurun özelli – ürenicinin üsek tabeet kaliteleri: kaavilik hem çetinnik neeti tamannamakta, geniş hem gerçekli annamak meraklanmaları. Verili uur oluşturulêr uzlaşmakta- ne ürenici biler, neyâ artık görgüsündä karşı geldi hem eni habirlärlän, eni olaylarlan. Aktivlik, nicä insan çalışmasının kalitesi, sayılêr önemli bir şart hem sonuç ürenmenin herbir prinşipindä. [13, s.63].

Ürenicileri çalıştırmanın kolaylıkları bunnardır: ürenmäk programın içindeli, ürenmäk formaları, kolaylıkları hem çalışmaları. Gagauz dili hem literatūra uroklarında kendi davamı görerim onda, ki aktivleştirmemää hepsini ürenicileri annayışlı çalışmakta, ama onnarın aktivliini, doorudulu öz bilgileri hem çalışmanın kolaylıklarını kazanmaya.

Ürenmenin aktivlenmesi - o öncä ürenicinin hazırlanmış işlemneri, doorudulu konkret problemin annamasına hem çözülmesine. Toplanmış benimnän görgü gösterer, ani küü şkolaların ürenicileri, artistik yaratmalarınnan tanışarkan, kimi zorluklara karşı gelerlär. Şkolanın bibliotekasında yok kolaylık vermää herbir uşaa lääzımını teksti, bizdä yok okumak odası, neredä bizim ürenicilär vardı nasıl kendibaşına bişey programdan dışarı ürensinnär. Olur demää sebep onda, ani merkezdän yırak yaşêêrız, ani ana-bobaların taa çoyu yabancılıkta, hem dâ kontrollamaa kendi uşaklarını herbir ayledä kolaylık yok. Yok kolaylık terbiyetmää haliz annayan okuyucu, angısı duyacak lääzımını nicä klastan dış okumakta, ölä dâ programdan yaratmalarda. Ama şindiki zamanda teksti var nasıl kompüterdä dâ okumaa,o üzerä kendi işimdä savaşıêrım meraklandırmää ürenicileri te onunnan, ne lääzım okusunnar. Bän eminim, ani ustalık, üredicinin üsek intelektual uuru, metodların hem çalışmaları hojma yaratmalı aaraştırması, angıları aktivleştirerlär ürenicilerin çalışmasını, uşakların isteyiş annamaa enilikleri şairlerin hem yazıcıların yaratıcılı için çeker ürediciyi hem üreniciyi izlemäk işinä.

Nesoy lääzım olsun zamandaş üredici, nesoy lääzım olsun ana dilindä literatūra uroo büün? Bu soruşların var özelli. Onnar beni raada brakmêêrlar. Acınacaa, meraklık okumaya gerçektän aşaalêêr, bizim uşaklar az okuyêrlar, okuyarsaydılar da – diil ne lääzım. Büük klaslardakı ürenicilärlän konuşmak gösterdi, ani en sevgili onnarın kiyatları – ilin janrada yaratmalar. Ana dilinda kayet tã az okuyêrlar. Beni,ana dilindä ürediciyi, bu durum çok dalgalandırêr. Sevgili

kinoları – bitkisiz dizilär, angılarına, bakmayarak programın ükünä, vakıt bulêrlar. Ama ana dilindä paasız lafa-vakıt yok. Oldu karışmalık yaşamak paalılıkların kuralların arasında. Yok nasıl kayıl olmayım Ç. Aytmatovun laflarınan, ani «ilin okumayı sevenlerin yaşamakta da dolayankılara davranmaları hep ölä ilin, yalınkat, kaygın». Kıyınık artistik paalılıkların notalamasında diıştirdi benim bakışımı yaratmaların analizinä, ki üüretmää uşakları seçmää gerçektän derin yaratmayı, kabul etmää hakına sevinmeli okunmuştan.

Benim, gagauz literaturasında üüredicinin davası sayılêr olä çalışmakta, neredä hem urokta, hem dä uroon dıışında üüredici hem üürenici - dost. Dostluk onda, ani urok düzüler dialog formasında, üürenicilerin kreativ becermeklerini aktivleştirmektä. Bän eminim, ani ana dilindä literatura uroo – o üüredicinin hem üürenicinin dostlukta çalışması, neredä herkezin sesi läözüm işidilsin hem dä herkezin bakışı kabul edilsin.

Daldırarak kendi üürenicilerimi yaratmalı analizä, yardım ederim onnara artistik tekstlerin dipsizliini hem derinniini görmää, ana dilin «ballı» sesini işitmää, açarak yol yaratmayı kendibaşına annamaya. Sade bölä, birleşmektä, var nasıl şkolada ana literaturayı derin üürenmää. Moral paalılıkların çooyu olur üüreniciyä annaşılmaz kalsınnar, eer yaratmaya analiz yaparkan o duymarsaydı hem geçirmärseydi onnarı kendi üreendän.

Benim üürediciliimin özü – o zorlatmasız üürenmäk, angısı hayırlı başarmaklarda, sevinmeliktä, gerçektän meraklanmakta, haliz insan olmakta temellener. Ki geçirmää bu fikiri yaşamaya, kullanêrım:

- çalışmamı eni pedagogika tehnologiyalarınan zenginnderim (proekt – aaraştırmak tehnologiyasını, oyun tehnologiyasını, urok-ustalık tehnologiyasını);
- urokta hayırlı bir durum, acızgannık, dostluk yayımlanması;
- çalışmamın, kolaylıkların arasız yaratmalı aaraştırılması, angıları üürenicileri meraklandıraceklar, keeflendireceklär (diagrama Wenn, problemalı aac ,yıldız patlaması, insert, refleksiya, fikir şturmu, ne gördüm- ne işittim- ne duydum.
- kendi görgümü zenginnetmäk hem kolegalarımın görgülerini hesaba almak.

Çalışêrım, ki herbir uroom olsun bereketli, faydalı, hem sayêrım, ani bu işi var nasıl tamannansın ozaman, eer terbiyäsäk üürenicilerdä aktivli kreativ çalışmasını.

Bu üzerä, üürenicinin bilgiçliini var nasıl kantarlayalım problemneri kendibasına çözmää becermesinnän.

Annayışlı-üürenmäk çalışmanın aktivlenmesi kaplêêr önemni bir er modernizat kurikulumun oluşturulmasında. Şkola läözüm dönsün soşial problemnerinä, yaşamaya baalı olsun. Zorlanêr insanın zaameti, zanaatın istemekleri diışer. İnsanın çalışmasında eni kurallar isteerlär ondan geniş yaratmak kuvedini. Bu yaratmak kuvedini läözüm uyandırıp –kaavilemää taa uşaklıktan, şkolada, ayledä, zaamettä, zanaat seçmektä.

Annayışlı – üürenmäk çalışmanın aktivlenmesi üürenmäk proşesinde türlü çeşitli işlemnärlän oluşturulêr, angıları (herkezi kendiycesinä) üürenicilerin intelektual, emoşional proşelerini, kreativliini ilerlederlär. Birkaç yıl geeri bän meraklandım olä bir diil adetçä uroon formasınan, problemalı tehnologiyalardan alınma – urok-proekt, urok – ustalık. Butakım uroon formasını açıklarkan, G.K. Selevko yazdırêr onu ölä, nicä « bir original kolaylık çalıştırmaa üürenicileri gruplarda(7-15 kişi), üüredici-ustanın pay almasınan, angısı verer üürenicilerin çalışmasına yaratıcılı » [8, s.28]. Urok-proekt «Aaçlın kurbannarına adlanêr» - 12 klasta, geçärkän N.Baboglunun yaratmasını «Masallı toprak».

Kendi çalışmamda bän savaşıêrım izlemä V.A.Suhomlinskiyin nasaadını – korumaa « bilmäa istemeyi, uşaklık yalınını, havezi». Bu üzerä, benim zaametimin özü – özel formada urokların aaraştırılması. Bük hayırlıklan, üüsek uurda geçer uroklar-izlemeklär: «Trakalı öküz», «Kaurma» (10-cu klas), «Bitki avşam» (11klas) S. Bulgar; uroklar-fikirlemelär: «Dünürçülük» (11 -ci klas) N. Baboglu, «Bobayı dolaşmak» (11-ciklas) D. Kara Çoban, «Demirçu» (9-cu klas) N. Baboglu, «Gel anam evä» (7-ci klas).

Ki gagauz literatura uroo olsun meraklı, çeşitli, içindelikli faydalı, çalışêrım kullanmaa üürenicilerin türlü soyda işlerini: intelektual, moral hem estetik. Başarılı kullanêrım derindän analizi, lingvistika analizini, problemni soruşların çözülmesini, üürenicilärlän epizodun başarmasını, dialog kurmasını, avtorun hem personajın adından mektup yazmasını. Literatura uroo çeşitli olsun deyni, kullanêrım ölä kolaylı nicä bır ecelin şindiki, geçmiş hem gelecek zamanda yaşadını artistik yaratmanın dünnesinnän. Üürenicilerin kişisel hem literatura görgüsünü eşleştirmää deyni, literatura uroklarında problemni soruşlarına derindän analiz olêr. Başarılı kullanêrım uroklarında bölä iş çeşitlerini: istorik, kultur, dil plannaması yorumlarını, üürenicilärlän ilerledilmiş epizodlar, replikalar, dialoglar, angıları olur olsun teksttä, personajın adındam mektup yazması, rol oynunarı. Bir laflan, kurêrım uroklarımı ölä, ki üürenici becersin açıklamaa okuyucu kişisel görgüsünü. Verilmiş sınıslarda Dm. Kara Çobanın yaratmasında «Bobayı dolaşmak» üürenicilerä teklif ederim almaa intervyu :«Sanki karının mutluluu nedäydir?», yaratma yazmaa :«Ah, karı yımışaklı, ah, karı acıması...», literaturada bir kolaylık nicä «Fikir akıntısı» aaraştırmää da kolegalarına annaştırmää. Burada üürenicilerin annamak çalışması aktivleştiriler, iş çeşitleri dä yardım ederlär görmää artistik yaratmalarında ruh, intelektual hem estetik kaynakların ilerlemesini halk, ulusal hem kişisel paalılıklarına dayanarak.

Özellikän benim üürenicilerimin dikatlını çeker teatru oynunarı, angılarını kullanêrım uroklarında nicä annamak çalışmanın aktivleştirmesinin bir kolaylı. Teatru oynunarı hazırlêrlar eni materialı kabletmeyä, üürenicilerimi havezlendirêrlär. Bu teknikaları kullanêrım klastan dış uroklarında. «Ananın önündä diz çökerim» yortuda öndercilär uroo götürêrlär, hazırlanmış prezentaşyaları gösterêrlär. Vladimir Karagañçunun yaratmak yoluna adlanmış klastan dış uroktä «Çok sevdim yaşamayı» pay alan üürenicilerim küüdaşımızın yaşamasını aaraştırdılar hem izledilär, yaratmasından «Saurgun» bir bölümünü rollara görä oynadılar. Butakım iş çeşitleri zenginlederlär uşakların hem literatura, hem dä istoriya tarafından bilgilerini, literatura sözünü oluştürêrlar, ana dilinä hem vatanına seveda duygusunu uyandırêrlar.

Annamaklı meraklanmayı terbiyetmää deyni çok faydalı kullanmaa didaktik oyununu. Oyun logika fikirini, dikatlı hem meraklı ilerleder, üürenilän predmetä üüreniciyi aktivleştirir. Bu iş için, gagauz dili uroklarında oyun elementlerini kullanêrım: « Sadä cümlä. Cümlelerin baş payları» (8-inci klas).

Hakına, ana dilindän kaarä var mı bişey taa tatlı, taa yalpak, taa sıcak. Yok. Ama ne yapalım biz, üüredicilär, ki uşaklarımız sevsinnär, üürensinnär, atılmasınnar ana dilindän. Yaşamamız git-gidä diişer, bu üzerä üüretim kalitesini taa üüsek uura kaldırmaa deyni, onun sisteması eni standartlara görä diiştirildi. Elbetki, öncä enilendi kurikulum, angısına görä herbir predmetin içindeli gerçekleler. Eni kurikuluma görä üüretmäk proşesi kompetenşyalara görä düzüldü .Onun için gagauz dilinin hem literaturasının üürenilmesindä te bu kompetenşyaları olur noktalayalım: serbest hem kolay sözleşmäk, annamak, kullanmaa becermäk, lingvistika kompetenşyaları, kultura hem etiket kompetenşyaları. Bu kompetenşyaları hepsini tamannarsaydık, ozaman üürenicilär kolay bileceklär hem annayceklar başka halkların da istoriyasını, onların çekilmesini, gelmesini, yaraştıraceklar Moldovada yaşayan halkların dillerini, özelliklerini, adetlerini, etiket normalarını, yaraştıraceklar onnarı giimnerini, folklorunu, literatura yaratmalarını kendi halk giimnerinnän, ana dilinin folklorunнан hem literatura yaratmalarınнан. Gumanitar dişiplinaların arasında lişeylerdä, neredä gagauz uşakları üürener, ana dili önemni eri kaplêêr, çünkü üüreniciyi büütmäk, terbiyetmäk, üüretmäk hem becermeklerini kurmak proşesindä ana dilindän paalı yoktur. İşimi kurêrım ölä, ani üürenmektä uşaklar materialın içindelikliini uydutêrlar, yaraştırêrlar, bu üzerä onnar läüzüm durmamayca düşünsünnär, analiz- sintez yaparkan kendi çıkışlarını, düşünmeklerini inandırısınнар, çok cuvabın arasında doorusunu bulsunнар, ayırsınнар. Bir derstä üürenicilerä vererim türlü işlär hem sınıslar: mikrogrupalarda iş, individual hem diferenşial işlär, toplam bütün klaslan geçer. Ana sözünü ilerletmää deyni, annamaklı meraklanmayı terbiyetmää deyni literatura uroklarında dayma kullanêrım tehnologiyayı «Avtorun kreslosu», deyelim, geçärkän 9-cu klasta Mina Kösenin şiirini «Baş yol ».

Zamandaş standartlara görä bän uroklarımda türlü söz oyunnarını kullanêrım, angıları üürenicilerimin büyük dikkatlını çekerlär. Bölä metodologiyanın yardımınan ana dilindä annamak aktivlenmesi, serbest lafetmäk kompetençiyası kurulêr, deyelim, rol oyunu N. Baboglunun yaratmasına görä «Güllerdä yaşlar» 10-cu klasta.

Benimcä, annayışlı – üürenmäk çalışmanın aktivleştirilmesindä tekstlerä analiz yapmak büyük er kaplêêr, neredä dayma kullanêrım tehnologiyaları «İki bölümnü günnük», «Yazı çevredä», «Aara da bul». («Ana dilim-tatlı bal. Gagauz dilin fonetikasi» 10-cu klasta urok).

Sayêrım, gagauz dilinin üürenilmesindä önemniydir üürenicilerin komunikativ sözü ilerlensin. Bu kompetençiya oluşturulêr ozaman, açan diil sade çok hem dooru lafederlär gagauz dilindä, ama düşünerlär dä ana dilindä. Üüretmäk materialınan tanışarkan, üürenicilär taa havezlän herbir işi yapêrlar, düşünerlär, analiz-sintez, cıkış yapêrlar, argumentleerlär, dooru karar başka cuvap variantların arasında bulêrlar. Butakım en büyük, en paalı kompetençiya üürenicilerdä oluşturulêr –yaratmalı düşünmäk, angısı üüretmenin bütün temeliydir.

Üürenicilär ana dilini dooru becersinnär kullanmaa, ana dilindä kendi fikirlerini becersinnär açıklamaa, ana dilindä kendi üüsek duygularını, ürek dalgalanmasını, can sıcaklını söyleyäbilsinnär, herbir adamın sözünä söz bulsunar- buydur ana dilinin-gagauz dilinin en önemli üüretmäk printipi. Sade tradişional metodları büünkü eni tehnologiyalarla birerdä kullanarkan var nasıl ölä meraklandırmaa üürenicileri, ki onnar istesinnär kendibaşına bilgileri aaramaa, becermekleri ilerletmää. Üürenici beensin, sevsin, istesin üürenmää. Öncä sıralanmış kompetençiyalar oluşturulmazlar, eer üüredicinin tabeetindä olmarsaydı en paalı kalitä-sevda.

Bibliografiya:

1. Gid (X-XII) enilenmiş kurikuluma görä.- Kişinau, 2010.
2. Stoletnăyă A., Mavrodi M., Uzun O., Pavlioglu İ., Kılçık E., Sirkeli G., Ggauz dili hem literatura. Kurikulum I-IV klaslara deyni.-Kişinau, 2010.
3. Stoletnăyă A., Bankova İ., Rişilän İ., Çeban N., Gagauz dili hem literatura.
4. Васильев В.В., Анохина Г.М. Современные педагогические технологии. – Воронеж, 2003.
5. Выготский Л.С. - Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. 3-е изд. - М.: Просвещение, 1991
6. Головина Л.М. Активизация познавательной деятельности учащихся. – М.: Проспект, 2003, - 242с.
7. Псарёва С.А. Методика организации учебно-познавательной деятельности учащихся по предмету « Русский язык». – М.: Просвещение - АСТ, 2003. – 320 с.
8. Селевко Г.К. Технология мастерских // Современные образовательные технологии: Учеб. Пособие. – М., 1998.
9. Скаткин М.Н. Проблемы современной дидактики. – М.: Педагогика, 1980. – 268 с.
10. Сухаревская Е.Ю. Интегрированное обучение в школе. Ростов н/Д.: Феникс, 2003.
11. Толстой Л.Н. Общие замечания для учителя. <http://neudoff.net/info/pedagogika/1-n-tolstoj-ob-uchitele/>
12. Ульянова Е.В. Активизация интереса и познавательной деятельности на уроках русского языка через самостоятельные задания поискового и творческого характера // Русский язык в школе.- №5. – 2001.
13. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. – М.: Педагогика, 1982. -278 с.

УДК 378.14.013.42

Mutaf G.N. ,
üretmen, magistr,
Gagauz filologiya kafedrası.
KDU, mun.Komrat, RM
E- mail: galinamutaf@mail.ru

**KDU-da GAGAUZ FİLOLOGİYA KAFEDRASINDA ‘PROMOVAREA ŞI
DEZVOLTAREA EDUCAŢIEI INTERCULTURALE ÎN FORMAREA ÎNİŢIALĂ A
CADRELOR DİDACTİCE’ PROEKTİN GERÇEKLENMESİ**

Annotation: The article provides brief information about the project implementation which is concerned with promotion and development of intercultural education in the initial training of teachers in the Comrat State University. Teachers of the Department of Gagauz Philology participated in the project as well. At the end of the project, curriculums and guides for pedagogical specialities were developed and a number of events also were held.

Keywords: intercultural education, education, project implementation, professional standards, didactic staff.

Komrat Devlet Universitetindän üretmennär (9 kişi) 2018-2020 yıllarda pay aldılar «Promovarea şi dezvoltarea educaţiei interculturale în formarea iniţială a cadrelor didactice» proektä, angısının koordinatörü PRO DİDACTİCA Ürenmāk merkezi. Bu proektä katıldılar KDU-dan kaarä Moldova Devlet Universiteti, A.Ruso adına Belş Devlet Universiteti. KDU-dan sorumlu koordinatörü doktor, konferenşiar Yanioglo M.A. Proektin sponsoru – Moldovada çalışan Şveyţar fondun ‘Copii Pestalozzi’ Merkezi. Fondun koordinatörü - Olga Molozan.

Proektin neetleri – kultura aradaki terbiyetmesindä pedagogika zanaatında ürenän studentlerä deyni kurikulumları hem gidleri hazırlamaa.

İki yılın arasında proektin azaları türlü seminarlarda, treninglerdä, tomlarlık masalarda pay aldılar. Seminar azaları Moldova universitetlerin zaametçileri, proektlerin partnörleri aktual problemlerin çözülmesindä aktif pay aldılar. Bu problemler didaktika kadroların profesyonel hazırlamasında, interkultura terbiyetmesindä gerçeklemlär. Seminarların programasında özel meraklan bakıldı bölä soruşlar: studentlerin kendibaşına individual işlerin tematikası, profesyonel hem anatar kompetenşiyaların kurulması, terbiyetmāk kultura aradaki kompetenşiyaların strukturası, interkultura terbiyetmesinin kaynakları hem araçları.

Bu forumlarda Ruminiyadan hem Moldovadan formatorlar türlü tehnikaları, metodları hem kolaylıkları açıkladılar, praktikada onları gösterdilär, nasaat verdilär. Rekomendaşiyaları proektä katılan üretmennär esaba aldılar, kurikulumların hem gidlerin hazırlamasında kullandılar. Studentlär, başardıynan universiteti, pedagogika uurunda çalışarkan, kabledilmiş bilgileri kultura aradaki terbiyetmesindä becerekli kullanacaklar.

Proektin zamanında KDU-da üretmennär türlü meropriyatıyalar hazırladılar hem geçirdilär:

1. Kasım ayın 18-dä proektä pedagogika zanaatlarında ürenän studentlerä deyni hazırlandı hem geçti seminar ‘Klasdışankı hem okuldışankı terbiyetmāk işi interkultura kontekstindä’. Seminarla pay aldılar I-ci kursta ürenän studentlär. Zanaatlar: 1. ‘Englez hem alman dilleri’. 2. ‘Başlankı klaslarda pedagogika. Okul öncesi pedagogika’. Studentlär açıkladılar üretmāk/terbiyetmāk proşesin özelliklerini türlü devletlerdä. Seminarla kullandı tradişional hem interaktiv didaktika tehnologiyaları. ‘Englez hem alman dilleri’ zanaatında ürenän studentlär aktif pay aldılar seminar hazırlamasında. Sonunda seminara katılannara sertifikat verildi.

Seminarı hazırlayannar: KDU pedagogika kafedrasının üretmenneri: doktor, konferenşiar Yanioglo M.A. (proektin koordinatörü), üretmen, magistr Vlah M.K.

2. Kasım ayın 15 – 22-dän KDU-da geçti esse yarışması «Dünnedä uşakların hakları», angısı baalı 30-cu yıldönümünä OON Konvenşiyanın uşak haklarına. Bu konkursu hazırladı PRODİDAKTİKA üüretmək merkezi Promovarea și dezvoltarea educației interculturale (EIC) în formarea inițială a cadrelor didactice proiectin yardımınan. Esse yazmasında aktiv pay aldılar 1-ci kursta üürenän studentlär: gr.RE-19 (Romin dili hem literatura. Englez dili), gr.AN-19 (Englez dili hem literatura. Alman dili). Onnar esse 3 dildä yazdılar: romın dilindä, gagauz dilindä, rus dilindä. Esse yarışmasında pay alannara sertifikat verildi. Bu konkursu hazırladılar: Yanioglo M.A. doktor, konferenşiar univ., Kuțitaru N.İ. doktor, konferenşiar univ., Mutaf G.N. magistr, lektor univ., Uzun D.F. magistr, lektor univ.

3. Dekabrinin 4-dä KDU-da geçti tombarlak masa ‘Pedagogika kadroların hazırlamasında kultur aradakı terbiyetmək prinşiplerin gerçekenmesi’. Burada pay aldılar didaktika kadroları, KDU kafedralarından üüretmennär. Bu kişilär proiectin iş grupaların azaları, Kurikulum hem Chid avtorları. Tombarlak masanın işinä taa katıldılar gimnaziya hem lişey üüretmenneri, angıların kultur aradakı terbiyetmesindä praktika görgüsü var. Geçtilär diskusiyalar halkların kultura aradakı baalantıları için, kultur aradakı terbiyetmək strategiyaları için. Diskusiyanın çalışmasında türlü profillär vardı: etnik masası, etika masası, kritika masası. Tombarlak masada pay alannar kultur aradakı problemaları kaldırdılar, bakışlarını açıkladılar. Oturuşunda üüretmennär kultur aradakı paalılıkları belli ettilär, bilgilerinnän paylaştılar.

2018-2019 yıllarda bölä meropriyatıyalar geçti:

Kasım ayın 11-dä 2018 y. KDU-da fokus grupasında interkultura terbiyetmək problematikasında hem kultura aradakı komunikaşıya soruşları açıklandı. Forumda pay alannara prorektor doktor konferenşiar Sult G.G. danıştı, fokus grupanın moderatoru doktor habilitat Goraş-Postika V. , PRO DİDAKTİCA merkezin müdür yardımcısı. Diskusiyaya katıldılar millet kultura fakultetin kafedra başları, üüretmək bölümün inspektoru, proiectin azaları.

Fevralin 21-22-dä 2019 y KDU-da ‘Promovarea și dezvoltarea educației interculturale’ proiectindä geçti seminar ‘İnterkultura terbiyetmək’ kurikulumun temel prinşipleri. Bu seminarı hazırladı proiectin koordinatoru PRO DİDAKTİCA merkezi. KDU-dan, Kişinöv Devlet Universitetindän, A.Ruso adına Belş Devlet Universitetindän üüretmennär aktiv pay aldılar aktual problemaların çözmesindä. Didaktika kadroların hazırlaması interkultura terbiyetmək proşesin gerçekenmesindä pek önemniydir. Seminarın formatoru doktor, konferenşiar Kartalyanu Tatyana. Seminarıda üüretim uurunda profesional standartların tematikasında soruşlar açıklandı.

Mardın 14-15-dä 2019 y. Kişinövda seminar ‘İnterkultura kompetenşiyaların strukturası’ geçti. Burada KDU-da üüretmennär pay aldı. Açıklandı problemalar, angıları interkultura terbiyetmesindä profesional kadroların hazırlamasında peydalanêr. Seminar programasını götürdü proiectin koordinatoru Kristina Bujak, ekspert Viorika Goraş-Postika, formator Tatyana Kartalanu.

Aprelin 4-5-dä 2019 y. KDU-in üüretmenneri **«Promovarea și dezvoltarea educației interculturale în formarea inițială a cadrelor didactice»**, proiectin pay alannarı, **«Strategii de formare-dezvoltare-evaluarea a competenşiei interculturale»** seminara katıldılar. Seminarı hazırladı proiectin **Millet koordinatoru PRO DIDACTICA Üüretim merkezi**. Seminar azaları Moldova universitetlerin zaametçileri, proiectlerin partnörları aktual problemaların çözülmesindä aktiv pay aldılar. Bu problemalar didaktika kadroların profesional hazırlamasında, interkultur terbiyetmesindä gerçekenlerlär. Seminarların programasında özel meraklan bakıldı bölä soruşlar: studentlerin kendibaşına individual işlerin tematikası, profesional hem anatar kompetenşiyaların kurulması, terbiyetmək kultur aradakı kompetenşiyaların strukturası, interkultur terbiyetmesinin kaynakları hem araçları.

Aprelin 17-19-da 2019 y. Kişinövda seminar–treening geçti, angısında kurikulumnarın reaktualizaşıya bakıldı. Bu kurikulumnarda interkultura terbiyetmək problemetikasi açıklanêr. Seminarıda pay alannara interkultura kompetenşiyaları gözlettilär.

Mayın 21-dä 2019 y. KDU-da proiectä görä seminar geçti. Seminarıda didaktika kadroları, kurikulumnarı hazırlayan, pay aldılar. Üüretmenär açıkladılar, angı uurda bulunêr kurikulumnarın

hazırlanması, görgülerinnän paylaştılar. Proektin eksperti – professor, doctor habilitat Goraş-Postika Viorika, proektin koordinatörü Bucak Kristina, PRO DİDACTİCA Üörenmāk merkezin azası Skurtu Viktor, Moldovada çalışan ‘Copii Pestalozzi’ Şveyţar fondun koordinatörü - Olga Molozan üüretmennerä konsultaţiya yaptı hem rekomendaţiya verdi.

Oktäbrinin 31-dä 2019 y. Kişinövda PRO DİDACTİCA Üörenmāk merkezindä Seminar geçti. KDU-dan üüretmennär dä, proektin pay alannarı, seminara katıldılar. Seminarın moderatörü Marianna Marin orta üüretimın naşional kurikulumun konşepţiyasını açıkladı, kurikulumnarın ekspert kantarlamasını yaptı. Seminarda kurikulumnarı implementaţiyası geçti. Seminarın formatoru – doktor konferenşiar Olga Kosovan. Ekspertlär üürettilär, nicä kurikulumna temelleneräk, gidleri hazırlamaa.

Dekabrının 9-10-da 2019 y. Komrat Devlet Universitetin üüretmenneri proekttä pay alannar, kultura aradakı terbiyetmesi kurikulumun hem metodologiya gidin avtorları, katıldılar seminar-treninga. Seminarı ilk gündä götürdü Vitaliy Kırhana "Milenium" institutun direktörü, ikinci gündä – Anjela Grama-Tomiţa M. Eminescu adına liţeyin üüredicisi üüsek kategoriyayda.

Seminarın örüyüşündä geçti diskusiyaya, angısında terbiyetmāk formaları hem metodları, onnarın kullanmak speşifikası açıklandı. Trening programasında interaktiv prezentaşiyalar gösterildi hem onnara analiz yapıldı. Üüretmennär, angıları I semestrada modullerä görä, implementaşıya yaptılar, kendi praktika görgüsünnän paylaştılar. Seminarda pay alannar didaktika kompetenşiyaların sınaşmasında eni bilgileri, praktika becermekleri kabul ettilär.

Dekabrının 19-da 2019 y. proektin çalışmasında geçti tombarlak masa, neredä yapıldı çıkışlar çalışmak yılı için. Forumun pay alannarı: KDU-dan üüretmennär, Moldova Devlet Universitetän zaametşilär, A.Ruso adına Belş Pedagogika Universitetindän üüretmennär, Moldova Üüretim, Kultura hem Araştırmak Ministirliindän doktor, konferenşiar Doyna Usaş, Moldova Copii Pestalozzi Merkezin koordinatörü Olga Molozan, kolejlerden üüretmennär, studentlär.

Tombarlak masayı götürennär doktor, konferenşiar Tatyana Kartalanu, doktor, konferenşiar Olga Kosovan proektin çıkışlarına kaliteli analiz yaptılar. Onnar urguladılar, ani universitet üüretmenneri çok zaamet koydular, görgülerinnän paylaştılar genç üüredicilerin kultura aradakı kompetenşiyalarını ilerletmesindä.

Komrat Devlet universitetän üüretmennär Kultura aradakı terbiyetmesindä kurikulum hem Metodologiya gidini hazırladılar. Proektin koordinatörü doktor, konferenşiar Mariya Yanioglo çalışmak zamanında çıkışları yaptı. [3, c.293].Tombarlak masasına katılannar proektin misiyanın faydasını açıkladılar. Önemni, ani bu kurikulumnarın ayırı modulleri hem temaları aprobaşıya geçtilär. Üüretmennär prezentaşıya gösterdilär, örnekleri praktikadan kullanarak.

Gagauz filologiya kafedrasından proekttä pay aldılar üüretmennär Mutaf G.N. hem Uzun D.F. ‘Gagauz dili hem kulturaşı’, ‘Gagauz halkın istoriyası, kulturaşı hem adetleri’ dişiplinalarında kultura aradakı terbiyetmesindä ikişär tema ekledilär: 1. Moldova milletlerin halk zanaatları, 2. Moldovada yaşıyan halkların giimneri – ilk dişiplinada hem 1. Moldova halkların evelki adetleri, millet yortuları, 2. Moldova halkların millet imekleri. ‘Gagauz halkın istoriyası, kulturaşı hem adetleri’ dişiplinasında I semestrada 2019/2020 üürenmāk yılı ZNO-17 grupada (13 student) kurikulum aprobaşıya geçti. ‘Gagauz dili hem kulturaşı’ dişiplinada II semestrada hep bu üürenmāk yılında RE-19, RA-19, AN-19, P-19, NDP-19 grupalarda kurikulum gerçeklenecek.

Bibliografiya:

1. Cucuş C. Educaşıa. Dimensiuni culturale şi interculturale. Iaşı: Polirom, 2000. 283 p.
2. Plugaru L., Pavalache M., Educaşie interculturală, Editura Psihomedica, Sibiu-Braşov, 2007. 120 p.
3. Яниогло М.А. К вопросу о формировании культуры межнациональных отношений студентов. В: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XI Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Москва, РУДН, 2018. с. 291-295.

УДК 378.147:811.512.161'373

Oduperk Tahir
MPG-2018 grupadan student,
Gagauz filologiya kafedrası
Bilim öndercisi **Karanfil Güllü**
doktor, konferențiar, KDU
Komrat mun. RM
e-mail: tahiroduperk@gmail.com

YABANCILARA TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE KELİME ÖĞRETİMİ VE KELİME ÖĞRETİMİNDE KULLANILAN ETKİNLİKLER YÖNTEMLERLE UYGULAMALAR AND THE METHODS USED IN THE WORD TEACHING

Annotation: The purpose of language teaching enables the individuals to communicate properly with the people around them by improving the four fundamental language skills that they have. In order to maintain the communication processes smoothly and adapt themselves to the society, the individuals learning Turkish are required to be equipped with a rich vocabulary in addition to the improvement of these four fundamental language skills. The improvement of the vocabulary of the individuals in regard to the language that they learn enables them both to utilize the language actively and accurately and to enhance their thinking skills. The primary sources for teaching Turkish to foreigners are textbooks. The activities of vocabulary and their qualities in these textbooks have an important impact on the development of the vocabulary of the students. Therefore, the vocabulary in coursebooks ought to be taught via the methods which enable ones to store it in long term memory and retrieve when needed. This study aims to evaluate Turkish coursebooks in the context of vocabulary teaching methods and to propose activities in the light of findings to contribute to the field.

Keywords: Teaching Turkish to foreigners, Word teaching, Methods used in word teaching, Applications used in word teaching.

Giriş

Dil; dünyanın, farklı kültürlerce yapılan sınıflamalar ve değerlerle yorumlanıp ses imgeleriyle kodlanmış şekli olduğundan dil öğrenme de aslında bir kod çözme eylemidir. Her dil dünyadaki nesneleri, olguları, olayları farklı işlevlerle ve değerlerle sınıflandırır ve farklı dil öğeleri (sözcükler) ile adlandırır, kodlar. “Dilin iskeleti dil yapılarından oluşuyorsa, sözcük dağarcığı en önemli organı ve etini temin etmektedir” (Harmer, 1997: 153). Bireyler, dillerinin geliştiği oranda, yani ne kadar çok sözcük bilirlerse, dünyayı o kadar çözümleyebilir, kavram alanlarını genişletip olgular arasındaki ilişkileri çözme ya da farklı ilişkileri görme yetilerini geliştirebilir, kısaca düşünebilirler. Apaydın’ın (2007), Lewis (1981)’tan aktardığı gibi, “Zengin ve dinamik bir sözcük hazinesi kadar kuvvetli bir silah yoktur.” Anlama ve anlatma becerisi sözcük dağarcığı ile doğru orantılı bir ilişki içindedir. Öğrenilen sözcükler boyutunda hayatla hesaplaşılır, başarı kazanılır; ayrıca ağızdan çıkan sözcüklerin niteliği insanların eğitim ve kültürlenme düzeyini ve sosyal statüsünü açığa çıkarır.

Sözvarlığı iki türde olabilmektedir: Etken sözvarlığı ve edilgen sözvarlığı. Bireyin tanıdığı, anlamını bildiği ve iletişimde kullanabildiği, yani anlatma becerisi bağlamında bilişsel süreçler işleterek zihninde yapılandırabildiği sözcüklerin tümü etken sözvarlığını oluştururken edilgen sözvarlığı bireyin tanımını ve anlamını bildiği ancak anlama becerisi bağlamında bilişsel süreçler işlettiği, kendisinin kullanmadığı sözcüklerden oluşmaktadır. Bununla birlikte Sever (2000: 24), “Anlama becerisindeki gelişme, sözcük dağarcığını zenginleştirerek öğrencinin anlatma becerisini de iyi yönde etkilemektedir.” sözleriyle etken ve edilgen sözvarlığı arasındaki ilişkiye de gönderimde bulunmuştur. Özbay ve Melanlıoğlu (2008), Göğüş’ün (1978) “Kelime bilgisi; derinlik

(kelimelerin çeşitli anlamlarını bilmek), genişlik (çeşitli konularda kelimeler bilmek), ağırlık (bir konuda oldukça çok kelime bilmek) olmak üzere üç boyutta tanımlanmaktadır.” sözünden yola çıkarak Özbay’ın (1997) yapılan araştırmalarda kelime bilgisinin derinlik boyutunun ihmal edildiği düşüncesini yinelemektedirler.

Yabancı dil bilmek gelişen ve değişen dünya şartlarında, çeşitli sebeplerle pek çok kişi için bir zorunluluk hâline gelmiştir. Bugün pek çok insan, iyi bir eğitim almak, dil politikasındaki evrensellik, değişik kültürleri tanımak, göçler, ticaret ve turizm gibi sebeplerle yabancı dil öğrenmektedir (Barın, 1992; Akt. Büyükkız ve Hasırcı, 2013). Yabancı dil öğrenmeye artan ilgi sonucunda, farklı kültürlerden gelen toplulukları aynı iş, eğitim ve diğer ortak paylaşım alanlarında bir araya geldiklerinde anlama ve anlaşma seviyesini en üst düzeye çıkarmak amacıyla (Uysal, 2009) *Diller İçin Avrupa Ortak Başvuru Metni* hazırlanmıştır. Metinde, dil düzeyleri belirlenmiş ve her düzey için bireylerin bütün dil becerilerinde elde edecekleri kazanımlar da açıkça belirtilmiştir.

Yabancı dil öğretimiyle ilgili yapılan çalışmalara paralel olarak, dünyada en çok konuşura sahip dillerden biri olan Türkçenin yabancı dil olarak öğretiminde de önemli gelişmeler olmuştur. Türkiye’de ve dünyanın çeşitli yerlerinde Türkçe Öğretim Merkezleri açılmış, öğretime yönelik materyaller hazırlanmıştır. Şüphesiz ki, ders kitapları dil öğretim sürecinin en önemli materyallerinden biridir. Ders kitaplarıyla, öğrencilerin temel dil becerilerini geliştirmeleri, dili hem günlük hayatta hem de akademik ortamlarda kullanabilmeleri amaçlanmaktadır. Bu amacın gerçekleşmesi için, dil becerileri eğitiminin yanında, hedef dile ait söz varlığı ile ilgili bir eğitim de verilmelidir. Bu nedenle Türkçenin yabancı dil olarak öğretimi için hazırlanan ders kitaplarının öğrencilerin yeni sözcükleri etkili bir şekilde öğrenmelerine imkân verecek şekilde düzenlenmiş olması önemlidir.

Türkçenin yabancı dil olarak öğretimi için hazırlanan kitaplar incelendiğinde öğretimin dört temel dil becerisi ve dil bilgisi öğretimi üzerine şekillendiği görülmektedir. Sözcük öğretimi için yapılan çalışmalar bazen dört temel dil becerisi ile ilişkilendirilmiş bazen de sadece sözcük öğretimi üzerine şekillendirilmiştir. Örneğin, öğrencinin dinlediği bir metinde sıfatların hangi kişilerle ilgili olduğunu belirlemesi hem dinlediğini anlamayla hem de sıfatın anlamını öğrenmeyle ilgiliyken, bir tabloda sözcüklerin anlam özelliklerine göre eşleştirilmesi bağımsız bir etkinliktir.

Sözcük Öğretimi Açısından Türkçe

Türkçede sözcük öğretimi söz konusu olduğunda, öncelikle Türkçe sözcüklerin yapısal ve anlamsal özellikleri üzerinde durmak gerekir. Diller, çeşitli özellikleri bakımından gruplara ayrılır. Korkmaz (2007) konuşulan ve yazılan dillerin yapı (morphologie) ve köken (genetic) akrabalığı olmak üzere iki gruba ayrıldığını bildirir. Yapı bakımından yapılan sınıflamaya göre diller, tek heceli, eklemeli ve çekimli diller olmak üzere 3’e ayrılmıştır. Türkçe de yapı bakımından eklemeli diller grubunda yer alır ve sondan eklemeli dillerin en karakteristik örneğidir. “Türkçenin sondan eklemeli bir dil olması;

sözcük kök ve gövdelerinden yeni sözcükler türetme ve sözcükleri sözün bağlamında farklı işlevlere göre çekimleme özelliklerini ortaya çıkarır” (Karadağ, 2013: 39).

Türkçenin Yabancı Dil Olarak Öğretiminde Sözcük Öğretiminin Yeri

Dil öğretiminin temel amacı dört temel dil becerisinin geliştirilerek dilin sözlü ve yazılı olarak etkin kullanımını sağlamaktır. Bu durum yabancı dil öğretimi açısından değerlendirildiğinde, bu becerilerin geliştirilmesi zorlaşmakta ve eğitim-öğretim sürecinin daha dikkatli planlanması gerekmektedir. Çünkü “tamamen yabancı oldukları bir dünyaya adım atan yabancı dil öğrencileri yeni öğrenecekleri dilin farklı dil bilgisi kuralları, sesletimi ve sözcük bilgisiyle uğraşmak zorundadır. Yeni dilin nasıl bir yapıya sahip olduğu, tekil-çoğul ayrımı, zamanların kullanım alanları vb. öğrenilmesi gereken unsurlardan sadece birkaçıdır. Yeni öğrenilen sözcüklerin sesletimi, anlamı ya da anlamları, kullanıldığı bağlamlar ise sözcük öğretimi açısından aşılması gereken sorunlardır” (Apaydın, 2007: 70).

Bu sorunun aşılması için de bilinçli ve planlı bir sözcük öğretim sürecine ihtiyaç vardır.

Türkçeyi yabancı dil olarak öğrenen bireylerin hedef dile ait zengin bir sözcük hazinesine sahip olması, okuduklarını veya dinlediklerini daha iyi anlamalarına; kendilerini sözlü ya da yazılı olarak daha iyi ifade etmelerine imkân tanıyacaktır. Zengin bir sözcük hazinesine sahip olmak, hem günlük hayatta hem de akademik alanda öğrencilerin daha başarılı olmalarını sağlayacaktır. Sözcük hazinesinin zenginliği, sözcük bilgisinin niteliğiyle anlam kazanır. Nation (2005: 48-49) bir sözcüğü öğretirken, sözcükle ilgili nelerin öğretileceğine karar verilmesi gerektiğini belirtir ve bunu “sözcüğün öğrenme yükü” olarak adlandırır.

Türkçenin Yabancı Dil Olarak Öğretiminde Kullanılan Ders Kitaplarının Sözcük Öğretimi Açısından Değerlendirilmesi

Türkçenin sözcük öğretimini etkileyebilecek en belirleyici yapısal özelliği eklemeli dil yapısıdır. Bu yapı Türkçeye sözcük türetme kolaylığı kazandırır. “Eklerin çeşitliliği ve bu çeşitli eklerin değişik görevler yüklenerek yeni sözcükler oluşturabilmeleri, Türkçeyi çok geniş anlatım olanaklarına kavuşturmuş, yeni beliren kavramların karşılanması, yabancı kavramlara karşılıklar bulunmasını kolaylaştırmıştır” (Aksan, 2009:106). Bu özelliğiyle Türkçe sözcükler, sistematik bir yapıya sahiptir. Bu nedenle öğrenci, kelimenin anlamını bilmeseydi bile kökten ya da ekin işlevinden sözcüğün anlamına

kolaylıkla ulaşabilir. Ayrıca eklerin sözcüklere belli bir düzen içinde gelmesi, yabancı için sözcük öğrenmeyi kolaylaştıracak özelliklerden biridir.

Yabancılar Türkçe Öğretiminde Kelime Öğretimi İçin Kullanılan Etkinlikler, Uygulamalar ve Oyunlar

Yabancılar Türkçe öğretiminde kullanılan ders ve çalışma kitaplarındaki etkinlikler:

Kelime Çalışması, Yazma, Okuma, Dinleme-Tekrar Etme, Eşleştirme, Boşluk Doldurma, Yerleştirme, Tamamlama, Sınıflandırma, Sıralama, Kelimelerin Eş /Zıt Anlamlarını Bulma, Tabu, Kelime Listeleri, Sözlük Anlamlarını Bulma, Görseller, Cümle Oluşturma. Kelime kartarı, Ses CD’leri.

Oyunlar, eğitimde yaparak yaşayarak öğrenmenin daha kalıcı olduğu bilinen bir gerçektir. Bu kapsamda oyunlar bireyin dikkatini ve motivasyonunu da canlı tutmaktadır. Türkçe eğitimi sürecinde oyunların kullanımı öğrenci merkezli eğitim anlayışına da uygun bir yaklaşımdır. “Adam Asmaca, Bilen Oturur, Son Harften Kelime Türetme, Kelime Türetme, Eşini Bul, Meslek Bulma, Hadi Anlat Bakalım, Nazlı’nın Kedisi, Baş Harfleri Birleştir, Kelimelerle Beyin Fırtınası, Nesi Var?, Kulaktan Kulağa, Zıddını Söyle, Evet-Hayır, Bingo, Tombala, İsimlere Sıfat Bulma, Alfabe Çorbası, Bak ve Yaz, Bulmacayla Kelime Öğretimi , Yabancılar Türkçe öğretiminde kullanılan oyun örneklerindendir. “ (Gürdal A. , Arslan M. , 2015)

Kullanılan bilgisayar uygulamalarından bazıları,Winmekmak, The Turkish Suffix Dictionary (Türkçe Ekler Sözlüğü), Verbix Verb Conjugator (Fiil Çekimleri Programı)

Türkçe için kullanılan tablet ve telefon uygulamalarından bazıları, Duolingo, Busuu, Learn Turkish Language, Learn Turkish Free vd.

Sonuç

Yabancı dil olarak Türkçe öğretimi başlı başına bir alan olarak kabul edildiği günümüzde, bu alanda yapılacak her türlü çalışma önemli bir boşluğu dolduracaktır. Özellikle son yıllarda Türkçe öğrenmeye olan talebin artmasıyla birlikte çok çeşitli ders materyalleri gerekmektedir. Nitelikli bir yabancı dil öğretimi için farklı yaş grupları ve farklı amaçlar için hazırlanmış ders kitapları hazırlanmalıdır. Hatta bir adım ileriye olarak, farklı dil aileleri için, farklı kültürler için hazırlanmış ayrı ders kitaplarına ihtiyaç duyulmaktadır.

Yabancı dil olarak Türkçe öğretimi bir alan olarak kabul edildiğinde, kelime öğretimini onun önemli bir alt dalı olarak kabul edebiliriz. Dolayısıyla bu alanda hazırlanacak her türlü ders materyalinde kelime öğretimi üzerinde özellikle durulması gerekmektedir. Gerek ders kitabı gerekse de derse yardımcı her türlü materyalde, çalışmanın başında da belirtildiği üzere, kelimelerin tespitinden, öğretilecek kelime sayısına, öğretim stratejilerinden öğretim yöntemlerine kadar birçok hususun ele alınması gerekmektedir. Yabancı dil olarak Türkçe öğretiminde kelime öğretilirken

öncelikle hangi kelime ve hangi seviyede kaç kelime sorularına cevap aranmalıdır. Dolayısıyla bir ders kitabı hazırlanırken kullanılacak kelimeler, kitabın hitap ettiği kitleye uygun olmalı ve öğrencinin ihtiyacını karşılamaya yönelik olmalıdır. Kelimeler seçilirken, günlük hayatta karşılığı olan işlevsellik kelimelere öncelik verilmelidir.

Türkçenin yabancı dil olarak öğretiminde sözcük öğretimi yapılırken dilin sözcük yapısı ve özellikleriyle birlikte öğrencilerin ihtiyaçları, dil seviyeleri göz önüne alınarak bir düzenlemeye gidilmelidir. Kitaplardaki sözcük öğretiminin hangi yöntemlerle ne oranda yer alacağı önemlidir. Bu nedenle yabancılara Türkçe öğretimi kitaplarında yer alan sözcük öğretimi etkinliklerinin incelenmesi ve bulunan eksikliklerin giderilmesi gereklidir.

Bununla birlikte bilgisayar ve internet teknolojilerinin de yer aldığı çağdaş ve modern uygulamaların geliştirilmesine ihtiyaç vardır. Sağlam bir zemine oturtulan çalışmaların öğrenciler üzerinde uzun süre güncelliğini koruyacağı yadsınamaz bir gerçektir.

Kaynakça:

1. Aksan, D. (2009). *Her yönüyle dil ana çizgileriyle dilbilim*. Ankara: TDK Yayınları.
2. Apaydın, D. (2007). *Türkçenin Yabancı Dil Olarak Öğretiminde Sözcük Öğretimi Üzerine Bir Yöntem Denemesi*. Yayımlanmamış yüksek lisans tezi, Ankara Üniversitesi Dilbilim Ana Bilim Dalı, Ankara.
3. Barın, E. (2003). Yabancılara Türkçenin öğretiminde temel söz varlığının önemi. *Türklük Bilimi Araştırmaları*, 13,311-317.
4. Gürdal A. , Arslan M. (2015) Oyun ve Bulmaca Etkinlikleriyle Yabancılara Türkçe Kelime Öğretim Yöntemi
5. Harmer, J. (1997). *The Practice of English Language Teaching*. New Edition. Harlow: London.
6. Korkmaz, Z. (2007). *Türkiye Türkçesi Grameri Şekil Bilgisi*. Ankara: TDK Yayınları.
7. Karadağ, Ö. (2013). *Sözcük Öğretimi*. İstanbul: Kriter Yayınları.
8. Nation, P. (2005). Teaching vocabulary. *The Asian EFL Journal Quarterly*, 7(3), 47-54.
9. Sever, S. (2000). *Türkçe öğretimi ve tam öğrenme*. Ankara: Anı Yayıncılık.
10. Özbay, M. ve Meylanlıoğlu, D. (2008). “Türkçe Eğitiminde Kelime Hazinesinin Önemi”. *Yüzüncü Yıl Üniversitesi, Eğitim Fakültesi Dergisi*. V (1): 30-45.
11. Uysal, B. (2009). *Avrupa dilleri öğretimi ortak çerçeve metni doğrultusunda Türkçe öğretimi programları ve örnek kitapların değerlendirilmesi*.Bolu: Abant İzzet Baysal Üniversitesi, Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi.

УДК 811.512.165’373.45

Uzun Dmitriy Födoroviç
Gagauz filologiya kafedrasından
üüretmen, magistr, KDU,
Komrat, RM
E-mail: uzundm1960@mail.ru

GAGAUZ DİLİN LEKSİKASINDA DEVLET DİLİNDÄN ALINMA LAFLAR

Annotation: Different peoples live in Moldova: Moldavians, Gagauz, Bulgarians, Ukrainians and others. Close contact between peoples contributes to the interconnection of cultures and languages. This article discusses lexical borrowings from the state language into the Gagauz language.

Keywords: culture of peoples, state language, Gagauz language, borrowed vocabulary, synonyms, dialects of the Gagauz language, phonetic features, alternation of consonants, alternation of vowels, adaptation of words, mutual enrichment of cultures.

Moldovada gagauzlar yaşêrlar, annaşıp, kol-kola moldovannarlan, bulgarlarlan, ruslarlan, ukrainnarlan hem başka milletlârlân. Bu halklar türlü milletli aylâ kurêrlar. Elbetki, yaşamak proşesi gösterer, ani gagauzlar kendi sözündä alınma moldovan dilindän lafları kullanêrlar, moldovannar da – türk laflarını.

Lüdmila Aleksandrovna Pokrovskaya kiyadında ‘Современный гагаузский язык’ (курс лекций) yazêr, ani gagauz dilindä moldovan dilindän alınma laflar var: **diveç** ‘вечный’, **kruça** ‘крест’, **manca** ‘соус’, **masa** ‘стол’, **paraliya** ‘шляпа с широкими полями’, **porta** ‘ворота’, **ruha** ‘одежда’, **furkulița** ‘вилка’, **fusta** ‘юбка’.

Gagauzlar devlet dilindän lafları kullanarak, kendi dilindä adoptaşıya yaptılar, kendiyesinä alınma lafları söylemää sınaştılar. Hesap alêrız, ani Komrat – Çadır dialektin leksikasında moldovan dilindän alınma laflar taa çok kullanılêr, Valkaneş dialektindä – taa az. Valkaneştä var laf **maales** ‘особенно’ (mold.d-dä **mai ales**). Örnek: Mariyanın yaratmasını maales beendim.

Avdarmada var nicä işitmää moldovan dilindän alınma lafları: **krastaveț** ‘hıyar’ (mold.d-dä **castravete**), **leçtura** ‘paca’ (mold.d-dä **rêciturê**).

Dizgincedä kullanılêr moldovan dilindän alınma laflar: **rêgêçünä** ‘dua’ (mold.d-dä **rugaciunea**), **liniștă** ‘usluluk, raatlık’ (mold. d-dä **liniște**), **numaydekit** ‘mutlak’ (mold. d-dä **numaidecit**).

Yaşamak proşeleri komşu halklarını birleştire, gagauz dilin leksikasında eni laflar peydalanêr. Deyelim, **averă** ‘наследство’ (mold. d-dä **avere**). Örnek: Bobasından ona büyük averă kalmış. Burada hesap alêrız, ani sonundakı urğusuz **e** geçer **ă** vokala. Bu fonetika özelli başka örneklerdä dâ belli: liniște – liniștă, zestre – zestră.

Abur ‘пар’ (mold. d-dä **abur**). Gagauz dilindä sinonim **buu** kullanılêr. **Amenda** ‘штраф’ (mold. d-dä **amendă**).

Baston ‘трость’ (mold. d-dä **baston**); **bomboni** ‘конфеты’ (mold. d-dä **bomboane**); **biber** ‘перец’ (mold. d-dä **piper**). Bizim bakışımıza görä, bu laf moldovan dilinä türk dilindän geldi. Hesap alêrız, ani sesli konson **b** döner sessiz konsona **p** (**b \ p**). **Bungi** ‘пуговица’ (mold. d-dä **bumb**, **nasture**). Laf **bungi** Komratla kullanılêr. Örnek: İliklä bungi. Gagauz dilindä taa sık sinonimnär **düümä**, **kopça** kullanılêr.

Diveç ‘вечный’ (mold. d-dä **vecie**); **dicaba** ‘напрасно, даром’ (mold. d-dä **degeaba**); **dolap** ‘шкаф’ (mold. d-dä **dulap**). Bizim bakışımıza görä, **dolap** türk lafı.

Farfiri ‘тарелка’ (mold. d-dä **farfurie**); **furkulița** ‘вилка’ (mold. d-dä **furculiță**). Hesap alêrız, ani Kıpçak küüyündä tutnuk konson **f** döner sesli konsona **v** (**f \ v**): **varkulița**. Laf **fusta** \ **fista** ‘юбка’ (mold. d-dä **fustă**) Komrat – Çadır dialektindä kullanılêr. Örnek: Bân eni fusta diktirdim. Valkaneş dialektindä laf **etek** kullanılêr.

Gara ‘вокзал, станция’ (mold. d-dä **gară**); **garafa** ‘графин’ (mold. d-dä **garafa**). Bizim bakışımıza görä, bu laf geldi gagauz dilinä hem moldovan dilinä rus dilindän. **Gırgirița** ‘жучок, поедающий пшеницу’ (mold. d-dä **gırgirița**).

Hırleț ‘штыковая лопата’ (mold. d-dä **hırleț**). Bu laf Komrat – Çadır dialektindä kullanılêr. Örnek: Aulu hırlețlân kazdım. Valkaneş dialektindä laf **bel** kullanılêr. Örnek: Aulu bellân kazdım. **Hirbu** ‘развалюха’ (mold. d-dä **hîrb**).

İzvor ‘родник’ (mold. d-dä **izvor**). Gagauz dilindä sinonim **çöşmä** kullanılêr.

Kör ‘слепой’ (mold. d-dä **chior**). Bizim bakışımıza görä, bu laf moldovan dilinä türk dilindän geldi. **Kumatriya** ‘торжество по случаю крещения ребенка’ (mold. d-dä **cumetrie**); **kotiga** \ **kotika** ‘тележка’ (mold. d-dä **cotigă**). Hesap alêrız, ani Aydarda sesli konson **g** döner tutnuk konsona **k** (**g \ k**): **kotika**. **Kada** ‘бочка с одним дном’ (mold. d-dä **kadă**); **kär** ‘именно’ (mold. d-dä **chiar**); **keptar** ‘безрукавка’ (mold. d-dä **pieptar**); **kırliga** ‘черенок виноградной лозы, крючок’ (mold. d-dä **cîrlie**). Bizim bakışımıza görä, laf **kef** ‘настроение’ (mold. d-dä **chef**) geldi moldovan dilinä türk dilindän.

Leuștăn ‘пахучая трава, приправа к борщу’(mold. d-dă **leuștian**); **marar** ‘укроп’(mold. d-dă **mărar**). Kırçak küüyündä laf **kopar** kullanılır.

Masa ‘стол’(mold. d-dă **masă**); **martur** ‘свидетель’(mold. d-dă **martor**). Örnek: Băn ona martur olmadım. **Magar** ‘осел’(mold. d-dă **magar**). Gagauz dilindä taa sık laf **eşek** kullanılır. Uşaa sırtında taşıyarkan, **çuş magaruş** deerlər. **Mamaliga** ‘мамалыга’(mold. d-dă **mămăligă**). **Mutu** ‘немой’ (mold. d-dă **mut**). Örnek: Mutu rağalar hızlı büüyey. **Moş** ‘дедушка’(mold. d-dă **moş**). Örnek: Mos Kostî, moş Vanî. Çok –Meydan küüyündä laf **moşu** başka maanada kullanılır: **bobasının kardası** ‘дядя по отцу.’

Hişte ‘какие-то’(mold. d-dă **nişte**). Bu laf Komrat –Çadır dialektindä kullanılır. Örnek: Nişte insannar geldi. Nişte rubalar satın aldı. Literatura dilindä laf **nesoysa** kullanılır. **Nevoja** ‘бедность’(mold. d-dă **nevoi**). Komratta söylelr: Bu adam nevoyada yaşêr.

Oblon ‘ставни’(mold. d-dă **oblon**). Örnek: Eski evimizdä pençerelerdä oblon vardı. Oloy ‘растительное масло’(mold. d-dă **oloi**).

Pantofi ‘туфли’(mold. d-dă **pantof**). Bu laf Valkaneş dialektindä kullanılır. **Papşoy** ‘кукуруза’(mold. d-dă **păpuşoi**); **pat** ‘топчан из досок, лежанка’(mold. d-dă **pat**); **pirçel** (mold. d-dă **purcel**). Gagauz dilin dialektlerindä kullanılır: **pirçel**, **potmar**, **motkur**, **şopar**. **Prispa** ‘завалинка’ (mold. d-dă **prispă**); **porta** ‘ворота’(mold. d-dă **poartă**); **pofta** ‘желание’(mold. d-dă **poftă**). Gagauz dilindä bu lafin sinonimi var: **havez**. Burada hesap alêrız, ani sonundakı urgusuz **ă** geçer **a** vokala. Bu fonetika özelli başka örneklerdä dä belli: **furculiță – furkulița, fustă-fusta, gară-gara**.

Rața ‘утка’(mold. d-dă **rața**). Bu laf taa sık Komrat –Çadır dialektindä kullanılır. Valkaneş dialektindä laf **ördek** kullanılır. **Rışnița** ‘ручная мельница’(mold. d-dă **rîșniță**).

Stat ‘государство’(mold. d-dă **stat**). Örnek : Çok yıl Stata işledim. Lüdмила Aleksandrovna Pokrovskaya kiyadında ‘Современный гагаузский язык’ (курс лекций) yazêr, ani XX-ci asirin 90-cı yıllarında gagauz dilinä türk dilindän laflar **devlet, memleket** gelir. **Skrofa** ‘свиноматка’(mold. d-dă **skroafa**). **Şopron** ‘навес’(mold. d-dă **şopron**).

Tavan ‘потолок’(mold. d-dă **tavan**); **taman** ‘как раз, готовый, законченный’(mold. d-dă **taman**). Bizim bakışımıza görä, **tavan** hem **taman** türk lafları. **Täsk** ‘пресс для выжимания винограда’ (mold. d-dă **teasc**). **Țințar** ‘комар’(mold. d-dă **țințar**).

Gagauz dilindä devlet dilindän alınma soy termineri kullanılır: **țați** ‘старшая сестра’(mold. d-dă **țața**); **kumița** ‘кума’(mold. d-dă **cumița**); **kirața** ‘золовка’(mold. d-dă **cirața**); **verișora** ‘двоюродная сестра’(mold. d-dă **verișoara**).

Vatra ‘место очага’(mold. d-dă **vatră**). Örnek: Getir odunnarı vatraya. **Vrana** ‘отверстие в бочке, через которое наливают вино’(mold. d-dă **vrană**).

Hicä hesap aldık, gagauzlar buncak yıl devlet dilindän alınma lafları kullanêrlar, moldovannar da türk laflarını. Bu larlar gagauz dilin leksikasını zenzinներlr, yardım ederlr adlamaa предметleri, olayları, onların kalitelerini yazdırmaa. Bu örneklär göstererlr, ani iki halkın arasında dil, kultura baalıntıları genişlener, kaavileşer.

Bibliografiya:

1. Покровская Л.А. Современный гагаузский язык (курс лекций). Комрат, 1997. С.190.
2. Angheli T. Dicționar roman-gagauz. Chișinău, 2013. P.724.
3. Çebotar P., Dron İ. Gagauzça-rusça-romınca sözlük. Chișinău, 2002. P.740.

УДК 81'373.21(470.43)

Беленов Николай Валерьевич
кандидат пед. наук, доцент СГСПУ,
г. Самара, Россия
E-mail: belenov82@gmail.com

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧУВАШСКОГО СЕЛА ЕНДУРАЙКИНО СЕРГИЕВСКОГО РАЙОНА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Annotation: This article introduces into scientific circulation and analyzes the corpus of geographical names related to the Chuvash village of Enduraykino in the Sergievsky district of the Samara region. The analysis is carried out using data on the ethno-linguistic history of the corresponding ethno-territorial group of the Samara Chuvash. The research is based on the materials of the author's field expeditions

Keywords: toponymy, place-names, Chuvash, Chuvash language, Samara region

Целью настоящей работы является введение в научный оборот топонимической номенклатуры окрестностей чувашского села Ендурайкино Сергиевского района Самарской области и её предварительный анализ.

Под топонимическим пространством того или иного населённого пункта мы понимаем не только топонимическую номенклатуру его окрестностей, но также бытующую в говоре его населения топонимную лексику, принципы географической номинации, топонимические фольклорные предания и т.д.

Для полноценного анализа топонимической номенклатуры, бытующей в отдельном говоре, необходимо владеть информацией об этноязыковом прошлом его носителей, фонетико-морфологических и акцентологических характеристиках данного говора, особенностях его географической терминологии.

Сведения о времени основания села Ендурайкино противоречивы. В.Е. Симаков, со ссылкой на статью священника А. Глинского, указывает, что село возникло в XVIII веке [6, с. 156], как и ряд окрестных чувашских селений, которые были основаны чувашскими переселенцами из Казанской губернии. При этом мордва села Захаркино, а также ряд наших информаторов из Ендурайкино, полагают, что село образовалось как выселок из чувашского села Кармало-Аделяково. Е.А. Ягафова указывает на начало XIX века, как на вероятную дату основания села Ендурайкино [7, с. 63]. Кроме того, можно отметить бытующее в Ендурайкино предание об основании села последователями разинского атамана Фёдора Шелудяка, бежавшими на Сургут после разгрома его отрядов на Самарской Луке. Данное предание является явно анахроничным (отступление отрядов Ф. Шелудяка из-под Симбирска вдоль Самарской Луки имело место летом 1671 года), однако, оно могло бытовать ещё в среде предков ендурайских чувашей, проживавших в иных местах, с последующим переосмыслением на новых территориях расселения.

Учитывая, что время основания села Кармало-Аделяково определено достаточно точно – 1754 год, когда переселившиеся из-за Волги чуваша, совместно с мордвой, выкупили земли по реке Сургут у башкирских тарханов, а первые упоминания села Ендурайкино относятся к началу XIX века, можно полагать, что Ендурайкино появилось в конце XVIII – начале XIX века.

Косвенно на тот факт, что основателями Ендурайкино являлись выходцы из Кармало-Аделяково указывает близкое сходство ендурайкинского и кармало-аделяковского говоров чувашского языка.

Рассмотрим последовательно географические названия, составляющие топонимическую номенклатуру окрестностей села Ендурайкино. В заглавие каждой

словарной статьи нами вынесен тот вариант названия, который бытует в живом чувашском говоре села Ендурайкино, а при этимологизации указанных топонимов нами используются чувашские литературно-письменные формы, если специально не оговаривается иное.

Анаткас Устаревшее название одной из главных улиц села (в настоящее время таковых две). Информаторы переводили нам данное название: *Русский конец*, поскольку на данной улице селились, преимущественно, русские. При этом буквальный перевод названия с чувашского языка на русский иной: *анат* – ‘низ, низовье; низовая часть чего-либо’ + *кассы* – ‘выселок, улица’ = *Низовая улица*. Термин *кассы* в топонимах часто имеет эллиптированную форму *кас* – как и в данном случае. В рассматриваемом топонимическом пространстве название *Анаткас* формирует семантическую пару с названием *Тугас* (смотрите ниже). В ряде случаев название *Анаткас* (*Анаткасси*) может являться ойконимом – сравните, урочище *Анаткасси* на Самарской Луке, место бывшего чувашского посёлка [1, с. 59].

Вязовка Название реки, протекающей через село Ендурайкино, притока реки Сургут. В ендурайкинском говоре чувашского языка река носит название *Сирма*, название Вязовка информаторы считают чуждым. Гидроним *Сирма* восходит к чувашскому географическому термину *сырма*, чаще всего имеющему значение ‘овраг’. При этом в большинстве чувашских говоров Самарского Заволжья, согласно данным наших исследований, он используется в значении ‘небольшая река’. Значение ‘овраг’ за ним также сохраняется в качестве вторичного. Если верно предположение ряда исследователей о наличии данного термина в составе ряда болгарских гидронимов, упомянутых ибн Фадланом в первой четверти X века [3, с. 133], значение ‘река’ для него следует признать первичным.

Ендурайкино Название села, титульный ойконим рассматриваемого топонимического пространства. В его основе, вероятнее всего, лежит личное чувашское имя. В.Е. Симаков полагает, что этим именем было *Яндурай*, которое он также объясняет с чувашского: *яна* – ‘новый’ + *тарай* – ‘шёлковый’ [6, с. 156]. По-видимому, современная форма ойконима – *Ендурайкино* – сформировалась уже в русском употреблении. Стоит отметить, что в эрзя-мордовском говоре соседнего с Ендурайкино села Захаркино ойконим и сейчас имеет форму *Яндурайкино* (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019), что, впрочем, может объясняться тем, что для мордовских языков нехарактерно инициальное «е». более веским аргументом является тот факт, что для формы *Яндурайкино* в капитальном труде В.К. Магницкого можно найти сразу несколько вероятных соответствий, а для формы *Ендурайкино* – ни одного [4].

Кармалка Название, бытующее в ендурайкинском говоре чувашского языка применительно к селу Кармало-Аделяково. Надо отметить, что точно так же данное село называет и мордва-эрзя села Захаркино.

Кйавак сйл Название одного из родников в окрестностях Ендурайкино. С чувашского языка на русский данное название переводится следующим образом: *кйавак* – ‘синий’ + *сйл* – ‘родник, ключ’ = *Синий родник*.

Мазар гасы Со слов информаторов: «Так называется у нас часть улицы, там два дома всего осталось» (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Ендурайкино, 2019). С чувашского языка данное название переводится так: *масар* – ‘кладбище’ + *касси* – ‘улица’ = *Кладбищенская улица*, что отражает её реальное расположение.

Педек када Название небольшого леса в окрестностях села Ендурайкино. Название отражает реальные характеристики объекта: от *пёчэк* – ‘маленький’ + *ката* – ‘роща’.

Пёве Название пруда у жителей Ендурайкино, который раньше располагался в центре села. В настоящее время не существует. Географический термин *пёве* в чувашском языке имеет значение ‘пруд’.

Тарн вар Данное название информаторы объясняли нам так: «Это лес, где река протекает, пруд также назвали» (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Ендурайкино, 2019). Буквальный перевод названия с чувашского языка: *таран* – ‘глубокий’

+ *вар* – ‘овраг, дол’ = *Глубокий овраг*. Семантически данное название не подходит к современной долине реки Вязовки, однако, по-видимому, изначально оно относилось к той её части, которая ныне является прудом. Данное предположение подтверждается тем фактом, что пруд также называется *Тарн вар*.

Тикёт пусы Информаторы переводили нам данное название как *Дётевый овраг*, объясняя его тем, что раньше там гнали дёготь. Лексема *пусы* восходит к чувашскому *пуç* со значением ‘голова’. В топонимии данный термин чаще всего имеет значения ‘начало’ или ‘верховье’, как и в данном случае, где оно означает верховье оврага.

Тугас Название одной из главных улиц Ендурайкино. Информаторы объясняли нам это название как *Чувацкий конец*, поскольку на этой улице селились, преимущественно, чуваша. Буквальный перевод названия с чувашского языка на русский, как и в случае с урбонимом *Анаткас*, иной: *ту* – ‘гора’ + *касси* – ‘улица’ = *Нагорная улица*. Данная улица, действительно, находится на возвышенности относительно улицы, носящей название *Анаткас*.

Уба зирми Один из оврагов в окрестностях села Ендурайкино. Название переводится на русский язык следующим образом: *упа* – ‘медведь’ + *сырма* – ‘овраг’ = *Медвежий овраг*. Во времена основания села в низинных лесах у реки Сургут ещё встречались медведи. Информаторы пояснили нам, что в ендурайкинском говоре лексема *сирма* имеет значение ‘речка’, однако, иногда употребляется и в значении ‘овраг’.

Укся вар Топоним в окрестностях Ендурайкино, приуроченный к примечательному месту, который информаторы описывали так: «Там гора посреди поля». Буквальный перевод названия с чувашского языка: *укса* – ‘деньги’ + *вар* – ‘овраг’ = *Денежный овраг*. Описание объекта информаторами не находит соответствующего мотива для подобной номинации. Однако, имеется ряд примеров с территории региона, где подобные названия обуславливаются формой возвышенностей – например, гора Копейка в Похвистневском районе Самарской области. Возможно, в данном случае при номинации также имели место ассоциации с формой объекта.

Хяртлă гада Название небольшого леса в окрестностях села Ендурайкино. С чувашского языка топоним переводится так: *хярт* – ‘сухой, засохший’ + *лă* – аффикс прилагательного в чувашском языке + *ката* – ‘роща’ = *Сухая (засохшая) роща*. Название отражает состояние данного лесного массива на момент его номинации местным населением.

Хёрлĕ жыран Название склона горы в окрестностях села, где бьёт несколько известных в районе родников. Перевод информаторов: *Красного родника гора* не вполне совпадает с буквальным переводом названия с чувашского языка на русский: *хёрлĕ* – ‘красный’ + *сыран* – ‘берег’ (как правило, обрывистый, крутой берег, в противоположность термину *ен* – ‘низинный, пологий берег’).

Хурась Название леса, расположенного за возвышенностью, у села Ендурайкино. В объяснении информаторов: «Лес за горой». Происхождение названия информаторам неизвестно, на наш взгляд, вероятно отантропонимная этимология. Так, у В.К. Магницкого [4, с. 92] и А.В. Рекеева [5, с. 12] упоминается чувашское мужское языческое имя – *Хурнись*.

Хурт кады Название места бывшего пчельника у села Ендурайкино. Перевод названия с чувашского языка на русский: *хурт* – ‘пчела’ + *ката* – ‘роща’ = *Пчелиная роща*.

Юманлăх Название леса в окрестностях села Ендурайкино. Название переводится с чувашского языка на русский: *юман* – ‘дуб’ + *лăх* – аффикс общности в чувашском языке = *Дубняк, Дубовый лес*. В данном лесу произрастают, преимущественно, дубы.

В заключение отметим, что географические названия топонимического пространства Ендурайкино структурно и фонетически во многом отличаются от соответствующих названий топонимических пространств других чувашских сёл региона. Отметим высокую топогенетичность в ендурайкинском говоре чувашского географического термина *ката* со

значением 'роща' и полным отсутствием в составе географических названий термина *колка*, известного в данном значении в большинстве мордовских, чувашских и татарских говоров Самарского Заволжья [2].

Также обращает на себя внимание практически полное отсутствие отантропонимных названий в данном топонимическом пространстве, за исключением ойконима *Ендурайкино* и, вероятно, дримонима *Хурнись*.

Библиография:

1. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. – Самара, 1996. 192 с.
2. Беленов Н.В. Эволюция названий культовых мест у чувашей Левобережья Самарского Поволжья//Языковые единицы в свете современных научных парадигм. – Уфа, 2018. – СС. 291 – 295
3. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков, 1956. 347 с.
4. Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. – Казань, 1905. 104 с. С. 92
5. Рекеев А.В. Из чувашских преданий и верований. – Казань, 1897. 25 с.
6. Симаков В.Е. Энциклопедия чувашских сёл Самарской области. – Самара, 2008. 408 с.
7. Ягафова Е.А. Самарские чуваш. – Самара, 1998. 368 с.

УДК 821.512.162.09

Мамедов Низами Тагисой

доктор филологических наук, профессор
Бакинского славянского университета,
г. Баку, Азербайджан
E-mail: nizami.mamedov@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА КАРАБАХА И МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭТИБАРА ВЕЛИЕВА

Annotation: The presented material, based on poetic samples created by the poet EtibarVeliyev, analyzes poems dedicated to the homeland, Karabakh, the native land, the father's hearth, as well as the image of the mother, who is central to the work of the talented author. Despite the fact that Etibar is the author of 5 poetry collections, presented to the Azerbaijani reader in different years, this is his first meeting with the Russian-speaking readership. The works of Etibar are relevant not only in the ideological and thematic, but also in the meaningful sense.

Keywords: Karabakh, image, mother, war, Armenians, Khojaly, extermination, bandits, separatists.

Способность говорить – особое счастье. Это – божественная сила, которая движет тобою. Поэтическая Муза – сама делает вдохновенными одних. От них тянется цепь других одержимых божественным вдохновением. Талантливый поэт слагает стихи не благодаря искусству, а будучи в состоянии вдохновения и одержимости. Он подобно корибантам, как жрецы фригийской богини Кибелы, сопровождавшие её восторженными танцами и пением [7] пляшут в исступлении, так и они в исступлении творят эти свои прекрасные песнопения; ими овладевают гармония и ритм. А вакханки, т.е. участвующие в вакханалии [6, с. 98], когда они одержимы, черпают из рек мёд и молоко. А иногда говорят, что поэты летают, как пчёлы, и приносят нам свои песни, собранные у плодоносных источников в

садах и рощах Муз. А может, и они говорят правду: поэт – это существо особое, крылатое и священное. Если у человека есть дар, то он способен творить и пророчествовать.

Именно поэтому поэзия продукт особого вида художественного творчества. В нём рождается нечто потаённо новое, синтезируется взаимодействие земных и неземных стихий. Прав талантливый русский поэт Александр Блок, писавший, что истинный поэт, как бы освобождает звуки из хаоса и приводит их в гармонию, давая им определённую форму. В стихе материализуется и воплощается некая тайна, непостижимость, не передаваемая прозой или иным каким-либо жанром.

Писать эти строки я начал после того как познакомился стихами ленкоранского поэта Этибара Велиева. Я до этого был знаком с его книгами в оригинале. Они производили на меня неизгладимые впечатления. А теперь я получил возможность с определённой частью его творений познакомиться и в переводе Гии Пачхаташвили:

Ведь вкус у правды слишком горький,
Порой не терпим истинного слова,
От горькой правды злимся снова.
...И гнев храня, растим мы злобу.
Злобу для друга,
Гнев для брата.
Но гнев к врагам иной, контрастный.
Нелюди – армяне Карабах уловкой взяли,
И дашнаки Ходжалы
В список геноцидов писали. [2, с. 5].

Из приведённых строк можно почувствовать масштаб Карабахской боли в душе поэта. Ведь произошедшие в Карабахе безумие со стороны армян заставляют Этибара писать об этой важной теме. И огромная несправедливость в том, что мы дали возможность свить гнездо этим дьяволам, а они взамен оккупировали более 20% процентов наших территорий [3, с. 387 – 389]. Для поэта армяне, как наглецы, нелюди, вносившие Ходжалы в список геноцидов. В то же время поэт, разгневавшись, с иронией говорит, что «вместо снарядов, пуль и бомб» мы вышли на базар словесный. И далее пишет о том, что «и гнев, и зло из нас не вышли, апрельское вышло солнце и растопила этот лёд, воспрянул гнев, проснулась злоба, мы врага отбросили и Лелетепе взяли и герои – Мубаризы вписали новую историю в память, которая поведёт нас до счастливой победы».

Этибар Велиев член Азербайджанского писательского и журналистского объединений. Он ещё с юношеских лет начал печатать стихи, опубликовав их в районной газете «Ленкорань». Успех к Этибару сопутствовал один за другим. Поочерёдно выходят книги стихов «Иди на встречу», «Стоит глядеть», «Мои чувства» (Баку, 2016), «Родина, стучащая в моём сердце» (Баку, 2017), «Мир с матерью» (Баку, 2018) и т.д. Заметим, что Этибар Велиев является ответственным секретарём литературно-художественного и научно-публицистического журнала «Факел» («Məşəl»). Обладатель престижных премий «Золотое перо» и «Гасан бек Зардаби», Президентский стипендиат.

Коль у Этибара столько успехов, проследим тематику поэтического творчества Этибара Велиева, и рассмотрим, что является главным объектом художественного воображения поэта.

Заранее отметим, что магистральной темой творчества Этибара Велиева является тема Родины, Карабахской войны, шехидов, павших в боях за сохранение целостности азербайджанской земли. В этом смысле достаточно интересны такие стихотворения поэта, как «Горе моё», «Свобода», «Что мы от мира этого хотим?», «Апрельские сражения», «Место это для меня – Отчизна», «Косынки чёрную не продавайте», «Двинемся в поход на Ходжалы» и др. Надо сказать, что «Ходжалы», «20 Января», «31-е марта» - это самые мрачные темы, звенящие в ушах всех азербайджанцев и всего тюркского мира. 31-е марта

1918 года, осуществив этот невиданный геноцид в истории человечества, армянские дашнакские бандформирования уничтожили азербайджанское население только по признаку того, что они были тюрками, 20 Января 1990 года Российские карательные войска вторглись в Баку и убили сотни ни в чём неповинных людей (Кстати, в 2020 году 30-летняя годовщина этой трагедии). В 1992 году в ночь с 26 на 27 февраля армянские сепаратисты с помощью 366-ой российской мотострелковой дивизии стёрли с лица земли целый азербайджанский город Ходжалы с детьми, женщинами, стариками. Поэтому Карабахская тема не только у Этибара Велиева, но и у других представителей художественного пера вот уже не одно десятилетие является самым ранимым местом. Обратимся к стихотворению «Двинемся в поход на Ходжалы»:

Довольно ныть, от страха дрожать,
По Ходжалы, без Ходжалы.
Ежегодно траур держать
По Ходжалы, без Ходжалы...
Сердце пламя огонь
Не остудили угольки наши
Поход на могилки
Этих чистых, невинных детей.
Не остудили раны наши
Не откликнувшихся на наш зов,
Не признавшие геноцид Ходжалы... [2, с. 8].

Если с одной стороны это стихотворение плач по Ходжалы, то, с другой – это и вызов мировой общественности. Мы уверены, что это стихотворение, безусловно, привлечёт внимание русскоязычных читателей. Читая это стихотворение, невольно погружаешься в океан грусти. В то же время в нём имеется и зримое оптимистическое начало. В нём выражены особый мир, особое состояние души. Жертвами Ходжалинской трагедии стали дети, старики, инвалиды, озверевшие армянские боевики никого не щадили.

В стихотворении «Косынку чёрную не продавайте» читаем:

Поклонись,
Приклонись,
поцелуй руку материнскую.
Скажи, что с Аллахом рядом
Не всем дано место занимать.
Не должна одеваться в чёрное
Одетого в белое шехида мать.
Довольно в чёрное одеваться
Кровь за кровь, время настало.
Для выхода в светлый день
Красного одеяния время настало. [2, с. 3].

Следует отметить, что трагические события, зачинщиками которых были армянские агрессоры, затронули душу каждого человека, в том числе поэтов, писателей, драматургов, публицистов, словом, всех кому дорога жизнь. Каждый из них по-своему изображал эти бесчинства. Этибар Велиев относился к изображению темы армяно-азербайджанской войны с собственного ракурса. Этот ракурс достаточно рельефно представлен в стихотворении «Апрельские сражения»:

Апрельские сражения единство
Народа с Армией – их братство.
Апрельские сражения гордыня
Народа, их любовь к земле и клятва.

...Мы ожидаем боевой приказ
Желая землю всю освободить.
И флаг, что реет над Лелетепе
В Шуше победоносно водрузить. [2, с. 12 – 13].

Заметим, что Апрельские сражения продолжались всего четыре дня. За этот небольшой промежуток времени азербайджанская армия освободила от армянской оккупации самые важные стратегические высоты, в результате чего многие армянские бандиты были взяты в плен. Если не вмешательство руководства России, то азербайджанская армия за неделю дошла бы до исторического азербайджанского города столицы Иреванского ханства Иревана – ныне столицы Армении Ереван. Сильные удары по противнику заставили врасплох армянское сепаратистское командование. Именно здесь за эти четыре дня армянские агрессоры получили по заслугам. И ЭтибарВелиев, будучи зорким поэтом, сумел показать все детали наступления нашей армии.

Вообще скажем, что тема войны на протяжении XX века занимала одно из основных мест в азербайджанской поэзии. Она заинтересовала в своё время таких крупных мастеров поэтического слова, как С.Вургун, С.Рустам, М.Рагим, Р.Рза, О.Сарывелли, А.Джамиль и др. в период Великой Отечественной войны А в 80-ые – 90-ые гг. XX в. их традиции в новых условиях продолжали М.Араз, Х.Р.Улутюрк, Б.Вагабзаде, М.Аслан, Габиль, Дж.Новруз, М.Исмаил, Ф.Садыг, Р.Мамедзаде и др. [4, с. 34 – 129].

Проблемы Карабаха не только в поэзии, но и в публицистике, драматургии занимали доминирующие позиции. БахтиярВагабзаде выступил со стихами «Мне стыдно», «Родина в руках чужака», «И отец, и сын», «Расти ты с чувством мести», «Переселенцы», НабиХазри «Шуша», «Шуша приходит в мои сны», «Вопль Кельбаджара», «Акдере», «Одинокое дерево в Ходжалы», «Кровавая роза века», «Кровавый Январь», МамедаАраза «Встань смирно, Азербайджан», «Родина нас зовёт», «Снег шёл в Мурове», «Сын – солдат», Халил РзаУлутюрк «Лачинцы», «Зовёт нас Карабах, зовёт нас Лачин», «Хотел бы ещё раз увидеть Лачин», «В крови», «Тебя зовёт», «Дни мои в Кельбаджаре», ФамильМехти «Обращение к Аллаху», «Ребёнок-беженец», «Если Карабах не мой», «Беженка моя мать в Баку умерла», «Карабахские инвалиды», ФикретаСадых «Солдату Азербайджана», НусретаКесменли «Ходжалы» и мн.др.[4, с. 40 – 69]. В ряду этих стихов своё подобающее место занимают и карабахские стихи ЭтибараВелиева.

В предисловии одному из поэтических сборников под названием «Поэтический мир патриотических чувств» талантливый азербайджанский поэт Балаяр Садик отмечает, что в нашей современной поэзии наряду с другими Карабахскую боль, патриотические чувства в зеркале художественного слова по-своему оживает ЭтибарВелиев[1, с. 3].

Известно, что поэтическое творчество в определённой степени выступает и как жанр философии. В этом смысле творчество Этибара также имеет определённые успехи. Интересно в этом плане его стихи «Ты сам нам, Преподобный, помоги», «Свободными поэты не бывают», «Не плачьте», «Между двумя друзьями я остался», «Судьбу ты написал куда», «Бойтесь», «Стареют», «Человек» и др. Обратимся к стихотворению «Ты сам нам, Преподобный, помоги»:

Шагает ложь без усталости везде,
Ты сам нам, Преподобный, помоги.
Все наизнанку, мы бежим в беде,
Ты сам нам, Преподобный, помоги.

Нет правды, молвят, правду не ищи,
Соль сыплют мне в рану, боль кипит,
На хлеб насущный дармодед спешит,
Ты сам нам, Преподобный, помоги [2, с. 19].

Или же как в стихотворении «Не плачьте»:

Настанет день, меня не станет,
Всевышний вынесет мне приговор.
На твой звонок последний, может быть,
Мой сын ответит, пряча свою скорбь [2, с. 25].

Размышление о мире у Этибара разворачивается в разных аспектах – особенно в аспекте жизни и смерти. Ведь жизненный путь человека бывает долгим и коротким, счастливым и не очень наполненным положительными событиями. Поэтому какие бы темы не занимали мысли Этибара (судьба Родины, Карабаха, шехидов, матери, любви и др.) он задумывается о смерти. Эти мысли, по мере взросления, с одной стороны, вызывают страх, а с другой, спокойствие. Но они всё равно появляются. В стихотворении «Стареют» читаем:

Взрослеем мы, идёт за годом год
Мир мстит, и никого он не жалеет.
Не только мы стареем на земле,
Мир бранный даже, нехотя, стареет.

... Так что же в мире не стареет,
С годами и земля твердеет.
Стареет во вселенной все –
Лишь смерть – злодейка молодеет [2, с. 31 – 32].

В этом стихотворении поэт рассказывает о том, что жизнь его неумолимо движется вперёд, она меняется и внешне, и внутренне и от прошлого остаётся только чёрная тень. Стареют быстро месяцы, года, горы, скалы, стареет солнце, тучи по нему плачут, луна тьму освещает тоже стареет и стареет во вселенной все, только смерть не стареет. Особенно поэтичны в этом стихотворении следующие строки:

Стареют быстро месяцы, года,
Стареют горы, скалы – вот беда.
У зрелых память тоже иногда
Фальшивит и, увы, затем стареет [2, с. 31].

Они звучат как бы концом более позднего вдумчивого размышления Этибара о жизни. Эти рассуждения отражают смятение его души. Таким тяжёлым душевным состоянием наполнены стихи нашего ленкоранского поэта.

Яркими красками изображён в стихах Этибара Велиева образ матери. Показательны в этом отношении стихи «Откуда ты знала, мама?», «Мать в сны мои приходит», «Во сне», «Я не позабыл тебя» и т.д. Рассмотрим отрывки из стихотворения «Мать в сны мои приходит»:

Я как цветочек расцветаю,
Мать в сны мои приходит.
Меня Вы не будите, отсыпаюсь,
Мать в сны мои приходит.

Поздороваться со мной,
Быть поближе в час ночной,
Колыбель пропеть весной
Мать в сны мои приходит [3, с. 42].

Образ матери издавна присущ азербайджанской литературе и культуре. Эта тема в определённой степени имеет и фольклорную традицию. Характерно, что образ матери является у азербайджанцев, да и у поэта Этибара Велиева национальным культурным символом. Для поэта мать самый дорогой и близкий человек. Он знает, что материнское сердце, как солнце светит всегда и везде, согревая его своим теплом. Она – его лучший друг,

мудрый советчик. Мать – ангел – хранитель. Поэтому он её никогда не забывает, поэтому в его сны приходит, приходит и в пору азана и с просветлением. Все его мысли, думы, чаянья, мечты, все его счастье связаны с матерью.

Привлечённые к анализу, стихотворения показывают, что ленкоранский поэт ЭтибарВелиев, владея соответствующими поэтическими инструментариями художественности, касается в своём творчестве темы, имеющие актуальность в современной азербайджанской поэзии. А что касается русских переводов стихов ЭтибараВелиева, то ещё раз отметим, что их осуществил крупный мастер переводческого дела, знаток особенностей трёх литератур азербайджанской, грузинской и русской ГияПачхаташвили, свободно владеющий секретами названных национальных культур.

Это первая встреча русскоязычных читателей со стихами ленкоранского поэта ЭтибараВелиева. Так пусть полюбит русский читатель поэтические строки азербайджанского автора в переводе грузина ГииПачхаташвили. В добрый путь, Этибар!

Библиография:

1. Balayar Sadiq. Öz söz. Vətənpərvərlik duyğularının poetik dünyası // Vəliyev E. Analı dünyanı. Bakı, "Orxan" NPM, 2018, s. 3 – 9.
2. Велиев Э. Свободными поэты не бывают. Баку, «Orxan», 2020, 50 с.
3. Əbdülhəsənli T. Müasir Azərbaycan poeziyası: mövzu, janr və üslub problemləri (1991 – 2005). Bakı, "Elm", 2008, s. 40 – 69.
4. Грибоедов А.С. записка о переселении армян из Персии а наши области // грибоедов А.С. Горе от ума, письма и записки. Баку, «Маариф», 1989, с. 387 – 389.
5. Mehraliyev E. Mühəribə və ədəbiyyat. Bakı, "Azərnəşr", 2000, 228 s.
6. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стр. М., Русский язык, 1989, 624 с.
7. Корибанты – это... dic.academic.ru

УДК 821.512.145-84.09

Мугтасимова Гульназ Ринатовна
канд.филол.наук, доцент ИФМК КФУ
г. Казань, РФ
E-mail: gulnaz-72@mail.ru

ПАРЕМИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Annotation: The article is devoted to the study of some features of the paramaries of the Tatar people. The analysis of paremias is carried out in order to identify the linguocultural-national specifics of paremias. The author concludes that paremias occupy an important place in the life of a people and allow them to learn more about its culture.

Keywords: Tatar language, paremy, cultural values.

Одним из главных вопросов гуманитарных наук является вопрос о связи языка и культуры. В. фон Гумбольдт подчеркивал, что «материальная и духовная культура воплощаются в языке» [1]. Действительно, люди в соответствии с менталитетом, мировоззрением, художественными традициями выражают свои взгляды к происходящему через национальные языковые средства. Фольклор в условиях социальной действительности отражает многообразные процессы, происходящие в социуме. Глубину содержания и художественную мощь малых афористических жанров широко использовали в творческой деятельности Х. Махмутов, Н. Исанбет, Х. Ярми, В. П. Аникин, В. И. Даль, Ю. Г. Круглов,

М. А. Пермяков, Г. Л. Рыбникова и др. В фольклоре татарского народа значительное место занимают “малые жанры”: пословицы, поговорки, загадки, народные приметы. Татарскому народному творчеству посвятили свои работы Х. Махмутов, Х. Ярми, Н. Исанбет.

Цель нашей статьи – проанализировать отображение духовной культуры в татарских народных пословицах.

Жанр пословиц выбран не случайно. Она является выражением общепринятой мысли, национального опыта. Человек с помощью пословиц узнавал, как следует себя вести в той или иной ситуации. Пословица – самый интересный жанр фольклора, изучаемый многими учеными, но во многом оставшийся необъяснимым и загадочным. Пословицы – это изречения народа, в котором выражаются не мнение отдельных людей, а оценка и ум народа. Они отражают духовный облик народа, стремления и идеалы, суждения о самых разных сторонах жизни. Все, что не принято большинством людей, их мыслями и чувствами, не приживается и отсеивается. Пословицы живут в речи, только в ней они приобретают свой конкретный смысл.

Созданные в веках, переходя от поколения к поколению, пословицы поддерживали уклад народной жизни, крепили духовный и нравственный облик народа. Это как заповеди народа, регламентирующие жизнь каждого простого человека. Это выражение мыслей, к которым пришел народ через вековой опыт. Пословица всегда поучительна, но не всегда назидательна. Однако из каждой следует вывод, который полезно принять к сведению.

Малые жанры татарского фольклора отражают народное мировоззрение, суеверия, пережитки, предубеждения. Действительно, в ряде пословиц и поговорок содержатся приметы прошедших эпох, например: «Болок башы – торак башы». Пословица говорит о том что, деревни издревне располагались около родников. Или: «Ашаган авыз ояла». Эта пословица гласит: если будешь кушать и пить у других людей, то отказывать им в просьбе будет тяжело.

Несмотря на языковые различия, фольклор любого народа остаётся мощным средством воспитания подрастающего поколения, при этом сохраняя эстетическую и нравственную ценность народных традиций.

В паремиях татарского народа широко отражены гуманистические идеалы — любовь к Родине, родной земле, мужество, героизм тех, кто сражался за свободу, национальное достоинство: «Алтын-көмеш яуган жирдән туган-үскән ил артык» «Ил өметен ир аклар, ирнең данын ил саклар»; «Ат дагасыз булмый, батыр ярасыз булмый»; «Батырлык ыргы бәхет»; «Батырның үзе үлсә дә даны үлми»; «Халык бар жирдә батыр бар». Пословицы актуализируют потенциальную энергию народа: «Бөтен халык бердән суласа, буран кубар»; «Күл балыгы белән данлы, ил халыгы белән данлы»; «Халкыңнан баш тарту – Ваатаннан баш тарту»; «Халык иелсә дә сынмый»; «Халык көчә таш яра»; «Халык сөйгәнне хак сөйгән»; «Халыкка хыянәт – Ватанга хыянәт».

В малых жанрах утверждаются нравственные принципы татар: «Акылның кадере әдәп белән»; «Әдәп, әдәпнең төбә – яхшы гадәт»; «Әдәп – иң кыйммәтле мирас»; «Макталган кеше эшен бозар»; «Гөл булса, гөлгә куан, гөле булмаса, бөрәсенә куан»; «Дингез белән тиңмен дип уйласаң, мең алтынлык сүзгәне өч тиенгә дә алмаслар»; «Кабарынма, күркә булырсың».

Поклонение старшим, почтение — неотъемлемая часть этикета татар: «Картларны хөрмәт итсәң, үзгә дә картлык күрерсәң»; «Картны кадерлә, үзгә дә картайгач кадер күрерсәң»; «Карты юк өйнең рәте юк»; «Олыга юл куй!»; «Олылар сүзен тыңламасаң, олыгайганчы игелек күрмәссәң»; «Олыласаң олыны, олыларлар үзгәне» [5].

Мотивы дружбы, товарищества занимают значительное место в пословицах татар и глубоко созвучны паремиям других народов: «Урманда – куш тирәк, дөньяда дус кирәк»; «Дусны шәм яндырып эзлә»; «Бер дус кырык ел сыналыр»; «Этсез куян тотып булмас,

дуссыз гомер итеп булмас»; «Дусың үзеңнән акыллырак булсын»; «Дус акчадан кыйммәт»; «Үзең үлсәң дә, иптәшеңне коткар»; «Дөньяда дус бул, йөк булма».

В сложных жизненных ситуациях люди в первую очередь обращаются к соседям: «Күрше хақы җәңре хақы»; «Үзеңнең кем икәңнең беләсең килсә, күршеңнән сора»; «Күрше күршедән иртә торырга өйрәнә»; «Яхшы күрше җәрти дуслык»; «Көлмә күршеңнән үтә башыңнан»; «Ерак кардәштән тату күрше яхшы».

По пословицам можно составить своеобразный кодекс поведения гостя и кодекс поведения хозяина. Пословицы «Кунак җә хужаның ишәге»; «Кунак атаңнан олы»; «Кунак җә хужаның чәчәге» указывают, что гостю необходимо оказывать почёт. Однако приглашённый должен знать, что «Кунакка сирәк барсаң, кадерең артыр»; «Ишектән кереп, түр минеке димә». Подчёркивается, что нужно быть тактичным с тем, у кого гостишь: «Кунак булсаң, тыйнак бул»; «Кунакка барсаң, ач та барма, тук та барма». Гость должен был помнить, что слишком долгое присутствие может утомить хозяина, а этого нельзя было допустить. Паремии «Кунак беренче көнне җә туган, икенче көнне җә суган, өчене көнне җә эттән туган»; «Кунакның килгән көне җә алтын, икенче көне җә көмеш, өчене көне җә бакыр, дүртенче көне җә кайтыр, кайтмаса, көл-күмергә калыр» подчеркивает, что все хорошо в меру. Если случалось, что кто-то засиживался в гостях, использовались ироничные поговорки, намекающие, что гостям пора и честь знать: «Нигә китмисең, утыр әле»; «Тагын берне яса дияргә, син берне генә эчмәдең ич». Эти пословицы учат гостеприимству, тому, как встретить, оказать почести, проводить гостя, и в то же время тому, как вести себя в гостях, каких правил придерживаться.

В пословицах татар отражена трудовая деятельность человека, отношение к окружающей среде, подытожен опыт, содержатся советы и наставления: «Хезмәт төбе - хезинә»; «Хезмәте каты - жимеше татлы»; «Хезмәте барның хөрмәте бар». В паремиях о труде можно найти приметы прошедших эпох, элементы земледельческого календаря, советы хлебопашцу: «Эшлэгән тегермәннең суы тынмый». Изучая татарские народные пословицы мы пришли к выводу, что в группе пословиц, выражающих положительную оценку трудовой деятельности особый акцент сделан на роль работы в жизнедеятельности человека: «Агачны яфрак бизәсә, кешене хезмәт бизи». В пословицах татарского народа часто предметом порицания становится лень, например: «Эшләмәгән дөнья бозар, эшлэгән тормыш бизәр»; «Эшләмәгән кешедән күкәй салган тавык яхшы».

В пословицах татар дается высокая оценка правдивому слову: «Дөреслек жирдә ятмый»; «Хаклык барыбер жиңә»; «Хаклык өен утка кер, суга төш»; «Хакыйкәт ачы, ялган татлы»; «Хакыйкәт өен жан фида»; «Раслык күзне төртә»; «Йөз явызлыкны бер дөреслек жиңә»; «Хаклык төбе шатлык». Они выражают твердую веру в торжество правды, выступают как высшая форма оценки общественного мнения.

Исследованный материал показывает, что язык татарских пословиц богат и разнообразен. Народ черпает образы из окружающей его действительности, поэтому они глубоко национальны. В них нашли отражение присущие татарскому народу факты истории, отголоски общественных отношений, обычаев, обрядов, особенностей их хозяйственной жизни и правовых норм. Словом, в образном строе пословиц отражается своеобразие материальной и духовной культуры народа на разных этапах исторического развития. В приведенных пословицах концентрированно представлено понимание народом морально-этических норм, формировавшихся на протяжении всей его истории.

Библиография:

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=philosophy&author=gumboldt-v&book=1985&page=5>

2. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. – Казан: Татар.кит.нәшр., Т.1, 1959. – 913 б., Т.2, 1963. – 959 б., Т.3, 1967. - 1013 б.

УДК 821.512.133.09

Муллаходжаева Раъно Ташходжаевна
соискатель Института узбекского языка,
литературы и фольклора АН
г. Ташкент РУ
E-mail: rano-05@list.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДУХА ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ О РОДИНЕ

Annotation: In this article, the theme of the homeland in Uzbek poetry is illustrated by the work of leading poets, who gradually developed in the 20-80's of the 20th century. The specificities and general principles of each period are explored.

Keywords: poetical, thinking, poet, expression, form, principle, theme, idea, tone.

Человеческая жизнь в полном смысле является основной темой литературы, однако, в каждую эпоху становится актуальной та или другая тема, связанная с мечтами и стремлениями человека, его социально-политическим положением и другими аспектами.

Конец XIX и начало XX века ознаменовали начало нового этапа в социально-культурной жизни нашего народа. И этот процесс неуклонно продолжался до 90-х годов XX века. Если можно так сказать, искусство и литература, которые на протяжении более тысячи лет формировались, развивались, достигли успехов вместе с культурой ислама, по требованиям реальности стали искать и нашли соответствующую форму и средства выражения. К тому же, в этот грандиозный период эта ситуация обеспечила обновление художественного мышления. Непрерывно воспетые темы Родины, свободы, независимости, стали еще отчетливо видны в эту эпоху. Требуется особого внимания то, что в поэзии XX века проявляется дух конкретной эпохи, но существует как бы единая внутренняя связь, присущая всем эпохам. В образцах, где воспета тема Родины, выражены где-то открыто, а где-то завуалированно, мечты и стремления освободиться от более чем 120-летних оков колониализма, увидеть свой народ свободным и независимым. Если с этой точки зрения проанализировать и сопоставить стихотворения о Родине ярких представителей этой грандиозной эпохи: Чулпана, Хамида Алимджана, Айбека, Абдуллы Арипова, Рауфа Парфи, Шавката Рахмона, Усмона Азима, Хуршида Даврона, то появится возможность ближе рассмотреть как проявилась последовательность художественного мышления (форма и содержание, мотив и идея) именно в этом общественном направлении.

Хотя в это время и наблюдается последовательность в теме, среди интерпретаций проявляются своеобразные особенности, связанные с актуальностью времени. Мы не можем утверждать, что перед поколением 70-80-х стоят именно те цели, мечты и стремления, которые были намечены жадидами в начале столетия. Если жадиды в начале века, разбудив нацию, повысив всеобщую грамотность народа, поставили цель достичь освобождения страны посредством просвещения и борьбы против ереси и невежества, то в поэзии 20-х были отражены горестные переживания “обманутого поколения”. К 80-м годам идея национальной независимости превратилась в один из основных вопросов литературы.

Художественное выражение этой идеи можно явно увидеть на примере стихотворения Чулпана “Желание успокоиться” и в подражании, написанному Хуршидом Давроном в 1988 году. В стихотворении Чулпана все мечты и стремления превратились в неудовлетворенное желание, и выражение души, не найдя утешения, поддержки, направленно на семантический

уровень – на социальную тему. А это, налагая дополнительное символическое смысловое содержание на изображения в стихотворении, связывает несбывшиеся мечты и неисполненные желания лирического героя не только с возлюбленной, но, возможно, выражает мысль о потерянной воле, свободе, независимости народа.

Стихотворение Хуршида Даврона полностью гармонирует с произведением Чулпана. Эта гармония не ограничивается только единым мотивом, рифмой и идеей. Может быть, в стихотворении Хуршида Даврона и повторяются образы, использованные Чулпаном, но в контексте стихотворения Х.Даврона они приобрели новый смысл. Если у Чулпана путеводная звезда “убегает”, “стыдится и склоняет голову”, “Я вижу ее во сне, Она так прекрасна в моем сне, Прекраснее всех, прекраснее луны...”, так говорит он о своей несбыточной мечте, то у Х.Даврона звезды стали его “сердечными / близкими друзьями”, “утешения свободные звезды”. Образ Чулпана одинокая “голая дорога” превращается у Х.Даврона в “призрачный маяк”, и поэт признается, что он найдет утешение в его исчезновении. На примере сравнения этих отрывков явно видна связь последовательного развития художественного мышления с эпохой, общественной жизнью в узбекской поэзии в течение 66-летнего периода.

В то время как Чулпан изображает Родину и судьбу народа в эпоху, когда окрепшая “красная империя”, оголив свой меч репрессий, принялась как монстр поглощать другие народы, Х.Даврон в художественной форме выражает мечты и стремления поколения, идущего по пути народного освобождения и противостоящего обессиленному красному монстру, который из последних сил еще цепляется когтями, чтобы не отпустить народы, стоящие на рубеже независимости.

К 30-м годам XX века советская власть захватила бразды управления литературой. К литературе был прикреплен шаблон социалистического реализма с подходом партийности и классовости, начались массовые репрессии. Именно в это время (1939 г.) было написано стихотворение Хамида Алимджана “Узбекистан”. Это стихотворение можно назвать одой Родине.

*...Край прекрасный, несравненный,
Цветник, в поэмах воспетый, –
Это мой Узбекистан,
Любим он всеми.
Страна моя прекрасна, как невеста,
И две реки любят ее красой... [1, 273-274]*

Если сопоставить стихи Чулпана и Х.Даврона, то стихотворение “Узбекистан” по смыслу представляет собой второй полюс. Создается впечатление, что как будто проблемы нации, бывшие злободневными в общественной жизни 20-х и 80-х годов, не существовали в 30-50-е годы. Почему поэт с высоким пафосом поет оду своему краю во время пика угнетения? Неужели после 30-х годов полностью были забыты мечты и стремления народа к свободе, независимости? Неужели душевные страдания народа, сердечные раны так быстро зажили?.. По нашему мнению, здесь проявляется феномен контрвыражения. Контрвыражение – это воспевание плача через смех и смеха через плач.

В эту эпоху проявилось однополюсное выражение духовности народа, его настроения и переживаний.

Стихотворение Хамида Алимджана “Узбекистан” близко сердцу современного читателя в качестве поэтического выражения беззаветной любви к Родине. С идейной точки зрения эта близость приводит к одному знаменателю чувства истинного патриотизма в стихотворении поэта со стихами на тему Родины из творчества его предшественников как Чулпан, и представителей следующего поколения как А.Арипов, Р.Парфи, Ш.Рахмон, Х.Даврон, У.Азим. Х.Алимджан был сыном своего времени, типичным представителем своих современников. Как правильно подчеркивает литературовед Наим Каримов: “Поэт в

своих лучших лирических произведениях олицетворяет душевные переживания своего поколения, его богатый и чистый внутренний мир. Лирическим героем в поэзии Хамида Алимджана в большинстве случаев выступает он сам, как его реальный прототип, а так же он привносит с собой биографию поколения, к которой принадлежал поэт” [2, 49].⁶³

Счастье, воспетое этим поколением, имеет глубокий смысл. И мы видим, что в эволюции художественного мышления формы выражения, смысл, мотивация, пафос и интонация могут быть разными, но сохраняется их идейная целостность.

В 60-х годах XX века в стране Советов произошли известные социально-политические изменения. В этот период, названный “потеплением”, были даны частичные свободы в области литературы, искусства. Были оправданы многие деятели, несправедливо репрессированные в 1937 году. Их произведения вышли в свет. Творчество А.Арипова, Э.Вахидова, Р.Парфи, которые вошли в литературу в 60-х годах XX века, созвучно с духом этого “потепления”. После написания Х.Алимджаном (1939 г.) стихотворения “Узбекистан” через 30 лет, в 1969 году вышло стихотворение Абдуллы Арипова “Узбекистан”. Эти два произведения близки не только названием, но и общим духом. В свою очередь, произведение А.Арипова отличается от стихотворения Х.Алимджана тем, что в нем открыто выражено чувство национальной гордости, славы, величие узбекского народа, гордость великими предками и славной историей. Стихотворение А.Арипова “Узбекистан” отличается тем, что оно вобрало в себя все позитивные аспекты, которые присущи самым высоким образцам поэзии шестидесятых годов. Традиции поколения Х.Алимджана сыграли большую роль в становлении его как поэта, а это, в свою очередь, дает возможность проследить процесс развития художественного мышления в узбекской поэзии на основе приоритетных законов.

В творчестве четырех поколений, проявивших себя в литературе в 20-80-е годы, в изображении темы Родины видна связь художественного мышления с существующей общественной реальностью. Если в период поколения Чулпана бывшее государство Советов только набирало силу, возводя различные барьеры на пути стремлений народа к свободе, независимости, и начало показывать свою власть, то в период Х.Алимджана, Айбека этот режим контролировал все сферы и достиг полновластия.

В 60-е годы начался кризис материалистической империи. Но она ещё не потеряла своей силы и власти. И несмотря на это, в глубине души плененных народов, надежда на свободу, спрятанная за завесу “счастья”, начала вырисовываться, опираясь на историю, культурное наследие и другие факторы, вызывающие чувство гордости. В 80-е годы XX века, в частности, в период радикальных изменений, получивших название “перестройка”, на сцену с новой силой выходит идея свободы и национального самосознания.

Значит, при сравнительном изучении произведений поэтов, которые принадлежат четырём поколениям, прослеживается наличие последовательности в периодах: начало и конец советской власти (20-е и 80-е годы – Чулпан и Фитрат; Ш.Рахмон, У.Азим, Х.Даврон и другие), рост мощи и время застоя (30-е и 60-е годы – Айбек, Х.Алимджан, Г.Гулям, М.Шайхзода, Миртемир; Э.Вохидов, А.Арипов, Р.Парфи). Эта последовательность явно видна в теме и способах выражения. Основная разница в том, что каждый поэт в художественной форме выражает реальность своей эпохи в гармонии с судьбой Родины, мечтой народа и со своими идеалами. Если в 20-е годы говорилось об упущенной свободе, о сожалениях и горестях, о безвыходности и безнадежности, то в 80-е годы главной темой стали вопросы достижения свободы и независимости, пробуждения народа и вывода его на путь независимости.

Если в 30-е годы звучали призывы к сохранению достоинства народа посредством прославления Родины и ее описания, то в 60-е годы были призывы осознания национального

достоинства и гордости за Родину на примере великих образов ее славной истории. Заслуживает внимания проявление неразрывной связи художественного мышления и общественной реальности с внутренней гармонией, на основе присущей ей закономерности в образцах узбекской поэзии XX века на общественную тему.

В итоге, опыт и традиции поколений 20-х, 40-х, 60-х годов создали почву для всестороннего творческого расцвета молодых представителей поэзии 80-х, дали возможность и вдохновение для написания возвышенных идейно-художественных произведений.

Библиография:

1. Олимжон Ҳамид. Асарлар, 5 томлик. Тошкент, 1. – Т: Фан, 1970.
2. Каримов Наим. Ҳамид Олимжоннинг поэтик маҳорати. –Тошкент: Фан, 1964.

УДК 821.512.165.09

Никогло Диана Евгеньевна

доктор истории, конференциар
ст. н. с. Института культурного наследия,
г. Кишинев, РМ
nikoglo2004@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ БАЛКАНСКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ В
РОМАНЕ Д. ТАНАСОГЛО «УЗУН КЕРВАН»**

Annotation: Describing the Balkan period in the history of the Gagauz, D. Tanasoglu is trying to highlight the most significant events and stages of adaptation of the ancestors of the Gagauz and the Gagauz themselves in the Balkans. The writer shows how the ancestors of the Gagauz people adopted the new faith, created their own state, contacted with their neighbors, performed customs and rituals. Basically, most of the events of that period are a fiction author. Such myths include the existence of a state in the Gagauz called Uzi, a description of some customs, etc.

Keywords: balkan period, Gagauz, ancestors, customs and rituals, myths.

Балканский период представлен в романе Д. Танасогло как череда событий, которые свидетельствуют о том, как прибывшие на Балканы огузы адаптируются к новым условиям. Они принимают христианство, устанавливая добрососедские отношения с болгарами. Балканы становятся для огузов новой родиной. Неслучайно Д. Танасогло называет данную главу «Балкандайуртлук», что в переводе с гагаузского означает «Родина – Балканы».

Д. Танасоглу показывает преемственность, непрерывность рода огузов и пишет о том, что хакогузы (узы/торки) основали на Балканах свое государство – княжество (бейлик) под названием Узи⁶⁴. Писатель подчеркивает, что константинопольский патриарх уговаривал хакогузов принять христианство. Однако хакогузы продолжали молиться своим богам. Новая вера насаждалась насильно. Одного из героев романа хакогуза Сундубая с супругой привели в церковь и совершили обряды, обратив их в христианство. В конце насильно налили им в рот «ай-комкайы», перекрестили их, заставили целовать кресты и иконы, надели на них белые рубашки, окропили святой водой [3, с. 97].

Д. Танасогло показывает на примере семьи Сундубая, как хакогузы смирились с новыми условиями жизни: *«А с другой стороны, как будто начали подходить обычаи и службы новой веры, некоторые сдавались. Вскоре Сундубай забыл о страхах, усмирился и когда звали начал с супругой ходить в церковь. Детей своих еще не обратил в новую веру,*

⁶⁴ На самом деле это не было государством огузов и тем более гагаузов. Ни в одних исторических источниках это наименование не зафиксировано.

только дома показывал и объяснял некоторые вещи. Попы дали им несколько книжечек с картинками на огузском языке, крестик, иконку и они смотрели на них. Тех, кто ходил в церковь, попы учили читать и писать греческие буквы. Но приходили и болгарские попы. Они в своих селах проводили служение на болгарском языке, учили болгарским буквам» [3, с. 98].

Новая вера постепенно принимается не спонтанно, а осмысленно, с осознанием социально-политической целесообразности.

Огузы обладают собственной военной организацией. У них свой предводитель Арслан, который, посоветовавшись со своими сановниками, решает крестить прежде всего своих воинов: *«Араслан бей думал, что приняв эту веру, будет легче налаживать связи с другими государствами и может византийцы станут на них смотреть по-иному. С другой стороны, это будет полезно для огузов для того, чтобы вели себя лучше и начнут осваивать книги и познавать другие культуры. Решил сначала крестить воинов. Произойдет великий исторический акт: хакогузы примут христианство»!* [3, с. 119-120]

Смена парадигмы отразилась не только в переходе на оседлость и принятии новой веры, но и в изменении имен. Хакогузам, как пишет автор, начали давать болгарские имена, а те, кто этого не желал, оставляли прежние, огузские имена [3, с. 120].

Жизнь предков на новой родине проходит как в борьбе, так и в относительно спокойном ритме. По словам П. Чеботаря, «Д. Танасоглу четко уловил и передал в романе аксиому исторического развития: жизнь есть борьба – за выживание, с враждебными силами, с природной стихией. И на Балканах борьба не прекращалась. Непродолжительные отрезки сравнительного спокойствия сменялись противоречиями и антагонизмами. Лилась кровь. Но народ в самые критические моменты своей истории находил в себе дополнительные силы, консолидировался, и снова караван отправлялся в путь» [4, с. 29].

П. Чеботарь очень точно поясняет метафору долгого каравана: караван движется не только сквозь пространство, но и преодолевает трудности на своем пути, закаляясь и становясь сильнее. В данном случае караван – не только долгий путь, но и поиск себя, т.е. поиск своей идентичности.

Историческая канва в данной главе представлена слабо. Но это вполне объяснимо, т.к. «в распоряжении автора романа была весьма скудная литература. Творческое воображение дорисовало недостающие звенья...» [4, с. 29].

Исходя из содержания романа, можно сказать о том, что сам Д. Танасоглу не отрицает и участия в формировании гагаузов сельджукского компонента, т.е. поддерживает, в том числе и гипотезу о сельджукском происхождении гагаузов.

Суть ее состоит в том, флот сельджуков во главе с султаном Изеттдином Кейкавусом в середине XIII в. бросил якорь на берегу Черного моря между Балчиком и Варной. Именно там была основана так называемая «Огузская держава», которая помогала Византии в борьбе против болгар. К этой гипотезе присоединялись многие ученые: востоковеды П. Виттек и М. Губоглу, Ат. Манов, И. Х Узунчарышлы [2, с. 159-167].

Замысел Д. Танасоглу вполне соответствовал его приверженности к той точке зрения, что в этногенезе гагаузов доминировал огузский компонент. Ему непременно надо было свести в своем повествовании две ветви огузов – западную, хакогузскую, которая перешла Дунай и сельджукскую огузскую, направившуюся в малую Азию. Цель автора – усилить на Балканах огузский компонент, чтобы впоследствии иметь право говорить о том, что этот компонент сыграл решающую роль в этногенезе гагаузов. Поэтому Д. Танасоглу сводит вместе хакогузов и сельджуков, показывая их тесное взаимодействие, сотрудничество. Он пишет, что сельджуки Изеттина Кейкавуса принимали христианство, укрепляли Огузское государство: *«Разместившись в белюках, сельджукские воины потихоньку стали втягиваться в веру, поскольку понимали язык, помогали в работе, и женились даже на местных девушках. Это был план Кайкауза, для того, чтобы держать народ в послушании и потихоньку обратить их в ислам, чтобы смешались с сельджуками. Но выходило*

наоборот, некоторые сельджуки становились христианами, по желанию девушки, языки и обычаи тоже не очень смешивались, потому что сельджуков было меньшинство» [3, с. 139-140].

Неприятие народом (должно быть, гагаузами) власти османов Д. Танасогло объясняет так: *«Народ увидев, что языки схожи, что они тюркского происхождения, послушно принимают приход нового хозяина и их традиции, но прикинув, что из-за другой веры, и особенно султанов, визирей, жадности нашей и бездушность заставят забыть о родстве и положит начало насилию. Гагаузы же не хотят оставаться под гнетом султана, все время восстанут и вместе с другими народами борются против угнетателей. Но их сильно подавляют окружающие воины. Храбрые поднимаются в леса на битву» [3, с. 163-164].*

Миф, который создается в романе, заключается в том, что Д. Танасогло продлевает жизнь Добруджанскому деспотству и в османский период.

В романе обозначено, что Добруджанское деспотство, т.е. Карбонумтерра – явилась административной единицей Османской империи под названием Узиэялет, что не соответствует исторической действительности. И названа эта земля была так потому, что ее основное население составляли огузы. При этом Д. Танасоглу четко дает понять читателям, что это была гагаузская автономия [3, с. 164].

При чтении романа невольно возникает ощущение, что писатель неоднозначно относится к тем изменениям, которые происходят с «караваном» в период его пребывания на Балканах. Кажется, что в душе автора с одной стороны возникает сожаление о том, что в новых условиях утрачивается связь с предками (огузами), с другой – он не может не понимать, что происходящие изменения (принятие христианства и т.п.) были неизбежны, необходимы и носили вполне закономерный характер.

Но в то же время в романе вторая глава пронизана темой борьбы гагаузов с османами, которых они считали своими врагами.

В канву повествования Д. Танасоглу вводит любовную линию. Девушка Лянка и молодой парень по имени Оглан любят друг друга чистой и искренней любовью. Но отец Лянки предпочитает выдать ее замуж за богатого турка-османа, восплававшего страстью к красавице-гагаузке. Девушка подчиняется воле отца, чем очень огорчает своего возлюбленного Оглана. Находясь на корабле своего мужа-османа, она принимает фатальное решение покончить собой и бросается в Дунай. Д. Танасоглу для оживления повествования вкрапляет сюжет известной гагаузской баллады о девушке Лянке, которая бросилась в воды Дуная, чтобы только не стать наложнице турка. Существует также легенда о сорока девушках, бросившихся в Черное море, не желая стать наложницами османов [1, с. 110-112]. В Каварне на берегу моря по сюжету этой легенды был установлен памятник.

На наш взгляд, писатель последовательно представляет и традиционно-бытовую сторону жизни гагаузов и их предков. Примечательно, что Д. Танасоглу в начале второй части повествует о том, как предки гагаузов не желали расставаться со старой верой, как они продолжали отправлять языческие обряды: *«Но Сундубай говорил, что они молятся небу, солнцу, луне и у них сабля на поясе [3, с. 94]... Начали хак-огузы сильнее молиться Тянгри-гекю, Солнцу, месяцу, земле, старые обряды чаще стали проводить, чтобы избавиться от бед!» [3, с. 98].*

Впечатляет вымышленный сюжет о человеческом жертвоприношении, которое совершали огузы в первые годы после переселения на Балканы. Чтобы избежать неприятностей и потерь, следовало принести в жертву человека: *«По поверью шаманов бей должен был принести в жертву своего сына. Сын бей на рассвете простился с землей, с исчезающими звездами, любимым конем; простился с жизнью. Его одели в белую рубашку, дали ему выпить крепкую выпивку и он совсем расслабился, не помнил себя. Люди под руки отвели его в специальное далекое место на вершине горы, зажгли большой костер из ореховых веток и положили в него красивого и послушного как дитя Еймура (сын бей). Он*

сгорел. Люди верили, что душа этой жертвы поднялась вверх к Тенгри-гёк, и он решит принимать или нет эту жертву» [3, с. 112].

Д. Танасогло стремится показать плавный переход к новой вере и новому образу жизни. Примером языческо-христианского синкретизма на ранних этапах перехода к монотеизму (христианству) может служить упоминание писателем свадебного обряда: *«Свадебные обряды проводились как раньше, но мешались и христианские обряды, например венчание в церкви... Конушмак, угощение, танцы, дюдюк, зурна, кавал, гайда, кауш, дайряавалары– больше степные, но многие танцы хакогузы перенимали у византийцев, болгаров, сельджуков и других соседей... Столы накрыты на шкурах животных по кругу, гости сидят на земле согнув под себя ноги. Кушают баранину, а кости через плечо выкидывают собакам»* [3, с. 146].

Важно, что при описании балканского периода в истории гагаузов Д. Танасогло упоминает такой праздник народного календаря как Хедерлез, совпадающий в христианском православном календаре с праздником Святого Георгия (23 апреля/6 мая). Информация об этом празднике довольно скудная. Подробности отсутствуют. Автор по сути описывает эмоции, которые вызывают действия, совершающиеся в этот день: *«Вот и настал день Хедерлез! Большой праздник! Праздник совершеннолетия! Праздник тех, кто защищал родину! С раннего утра гудит Девлет Кыры: все собрались со всех войск, пришли молодые парни, готовые пройти самые сложные испытания. С разрешения бея, специальные слуги горящими палками в руках зажигают большой огонь по обычаю, начинали кричать и праздник начинался! Соревнования менялись один за другим, молодые старались победить, пройти все соревнования и получить звание бея, военное оружие. Разные трудные соревнования проходили на суше, море, в горах, лесах. Люди смотрят с удивлением, кричат, ждут, смеются, радуются...праздник очень хороший и красиво проходит...»*[3, с. 102].

Д. Танасогло придает этому празднику огромное символическое значение, подчеркивая, что в прошлом во время его отправления совершалась инициация юношей – посвящения их в воинов, которые должны были защищать свою родину.

Безусловно, описанные Д. Танасогло обычаи, которые были известны предкам гагаузов еще до переселения их в Буджак, сложно назвать достоверными с точки зрения этнографии. Автор, скорее всего, пытается путем вымысла и почерпнутых им самим из известных ему обрядовых практик, «восстановить» наиболее важные традиции. При этом эти обрядовые практики переносятся на далекое прошлое и дополняются так называемыми языческими элементами кочевой жизни.

Описывая балканский период в истории гагаузов, Д. Танасоглу пытается осветить наиболее значимые события и этапы адаптации предков гагаузов и самих гагаузов на Балканах. Писатель показывает, каким образом предки гагаузов принимали новую веру, создавали свое государство, контактировали с соседями, совершали обычаи и обряды. В основном большая часть событий того периода является вымыслом автора. К какому рода мифам относится наличие государства у гагаузов под названием Узи, описание некоторых обычаев и представление и др.

Библиография:

1. Алексиев А. Легенды за Калиакра. В: Чиракман. Карвуна. Каварна. София, 1982.
2. Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов // Советская этнография, № 3 май-июнь. М.: Наука, 1967, с.159-167.
3. Танасоглу Узун Керван. Кишинев, 1985.
4. Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература /50-80-е гг. 20 в./. Очерки. Кишинев, 1993.

УДК 821.161.1.09:2

Никогло Диана Евгеньевна
доктор истории, конференциар
ст. н. с. Института культурного наследия,
г.Кишинев, РМ
nikoglo2004@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕМАТИКА В ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ КИРИОГЛО

Annotation: Thereligious lyrics of V. Kirioglo possesses thematic diversity and reflects the various stages of the formation of his religious identity. Early poems of the poet written in the spirit of Protestantism, later works testify to the author's interest to Orthodoxy, as one of the important features of the Gagauz ethnic community.

Keywords: religious lyrics, religious identity, Protestantism, Orthodox, Gagauzes

У Валерия Кириогло стихотворений на данную тему гораздо больше, чем у других поэтов гагаузского происхождения. Отличие его религиозной лирики состоит в том, что каждое его поэтическое произведение написано на библейские сюжеты, о чем свидетельствуют их названия: «Гефсимания», «Любовь Христа», «Чаша», «Родился в мире Христос», «Ной», «Возвращение блудного сына», «Фарисеи» и др. Библейским заповедям посвящен целый цикл стихотворений. Озаглавливая их по порядку, автор после названия раскрывает кратко суть каждой из заповедей: «Вторая заповедь. Не создавай себе кумира», «Пятая заповедь. Почитай отца и мать», «Шестая заповедь. Не убий». Другие стихотворения раскрывают силу христианской веры: «Он придет, лишь позови», «Любовь Христа», «Молитва», «Дай мудрости», «Счастье, что обрел веру», «Бог протянет руку» [2].

В стихотворении «Не суди» В. Кириогло, «размышляя над одной из заповедей, «проецирует ее на свое личное поведение и приходит к выводу о том, что ни один смертный не может избежать одного из грехов – осуждения других. Являясь человеком верующим, автор глубоко переживает казнь Иисуса Христа, но сам признается в том, что и он способен на предательство и на осуждение, но в то же самое время надеется на то, что его никто за это осуждать не будет» [4, с. 91-92]:

*Осудив его учеников
За их сон во время скорби Божьей,
Понял: за меня Иисус лил кровь,
Так, пожалуй, спать я и не должен.*

*За предательство, презрев Петра,
размышляя: я бы так не сделал,
Вспомнил, как и сам предал с утра
Ни за что, а просто между делом.*

*Под какой звездой я рожден?
Кончу жизнь Петром или Иудой?
Может быть, не буду осужден,
Если никого судить не будут.*

В ряде стихотворений В. Кириогло описывает в поэтической форме человеческие пороки. По глубокому убеждению автора, один из семи смертных грехов – зависть очень коварна, т.к. способна рядиться в одежды искренности и осторожно менять краски:

*То облик примет вмиг несчастный,
Иль загнанным зверьком кричит,*

*Когда из крепкого запястья
Журавлик счастья улетит.*

*Она плодит одни страдания,
Из мухи делает слона...
Есть у нее одно название –
Зовется завистью она.*

История библейского братоубийства является классическим примером:
*Да, зависть. Словно гордый Каин,
Сгубивший брата своего,
Она желает бал свой править,
Не видя рядом ничего... [3, 95]*

В. Кириогло, являясь, вероятно, почитателем творчества поклонником В. Высоцкого, как и великий бард советской эпохи, не приемлет лицемерие, фальшь, неискренность, злословие. Об этом стихотворение, написанное как подражание Высоцкому:

*Я не люблю, когда, в глаза мне глядя,
С улыбкой за спиной готовят нож.
И в божий храм идут не Бога ради,
А распустить о ком-то злую ложь.*

*Я не люблю за кем-то в разговоре
Побитой собачонкою бежать.
И ненависть читать к себе во взоре,
Когда меня пытаются спасти.*

*Я не люблю, когда завистник рьяно
Святошею пытается предстать.
А кто-то заставляет, словно спьяну,
Сжав кулаки, любить и уважать.*

*Я не люблю, когда в молитве просят
У Господа святого духа дать.
И в то же время ближнего поносят,
На все лады склоняя божью Мать.*

*Я не люблю такой ванильной лести
И в бесхребетных гордость не терплю.
И я скажу вам перед Богом честно:
Я это никогда не полюблю. [1, с. 32]*

В одной из своих работ мы отмечали, что «почти все стихи В. Кириогло на тему веры и Бога в большей степени напоминают проповеди, изложенные в стихотворной форме, и свидетельствуют о принадлежности автора к одному из протестантских течений. По признанию самого автора он долгое время находился в поиске веры, и обрел ее в лоне православной церкви. Об этом свидетельствует содержание его стихов. Если в ранних сборниках, вышедших в свет до 2003 г., почти все стихотворения, посвященные вере и богу действительно похожи на лаконичные проповеди в протестантском духе, то более в поздних сборниках наблюдается иная картина» [4, с. 93-94].

Обратим внимание на то, что в сборнике «Эхо души» у В. Кириогло уже наблюдается изменение в отношении к православию. Свидетельством тому является стихотворение

«Хедерлез», посвященное одному из самых важных праздников гагаузского народного календаря. Известно, что «Хедерлез» совпадает с церковным праздником – Днем Святого Георгия. Вполне возможно, что В. Кириогло в период написания этого стихотворения уже проникся духом православия. Доказательство тому служит положительное восприятие православного святого – Святого Георгия. Напомним, что протестанты (в данном случае речь идет о тех протестантских конфессиях, которые распространены на территории Республики Молдова) не признают никаких изображений святых и у них отсутствует пантеон святых, которые характерны для православия и католичества. Строки из стихотворения красноречиво демонстрируют позитивное отношение к православным святыням:

Этот праздник – надежда на лучшее.

Май ненастье теплом поразил,

Как Георгий Святой или мученик

Копьем знаний дракона сразил.

Очевидно также, что автор еще не совсем отошел от догматов протестантизма. Дракона, которого поражает Святой Георгий, В. Кириогло квалифицирует как символ язычества:

А дракон тот был символ язычества,

Поражающий страхом народ.

Гений тьмы сражен света величеством,

И покрылся зарей небосвод. [3, с. 9]

Отход от протестантизма выразился в терпимом отношении поэта к реинкарнации – индуистско-буддистскому представлению о переселении душ[3, с. 20]:

Когда явлюсь на суд Господний,

И, если мне творец даст слово,

Скажу: «Избавь от преисподней,

Дай на земле родиться снова»

Далее В. Кириогло пишет о том, что, с точки зрения протестантизма и христианства вообще, мысли о реинкарнации считаются неприемлемым. Поэт в шуточной форме, но искренне говорит о своем желании родиться снова:

Индусов вера мне на руку,

Переселенье в тело души

Вот и родиться бы от внуков,

Сменив лишь шкуру, словно уж.

Вот было б здорово, потеха,

Чтоб, как они, шалить не прочь.

На лето к бабушке приехать,

А ей была бы моя дочь.

И, так же, как она ребенком

Не есть и с дому убежать

Чтоб, обзывая поросенком,

Ловила, чтобы искупать. [3, с. 20]

В какой-то степени это стихотворение созвучно со знаменитыми строками В. Высоцкого:

Хорошую религию

Придумали индусы,

Что мы, отдав концы,

Не умираем насовсем.

*Стремилась ввысь душа моя,
Родился вновь с мечтою,
А если жил ты, как свинья,
Останешься свиньей.
Ну и еще:
А, если туп, как дерево,
Родишься баобабом,
И будешь баобабом тыщу лет,
Пока помрешь.*

Последняя строфа стихотворения В. Кириогло – настоящее откровение. Желание человека обрести бессмертие именно путем перерождения слишком сильно, и никакие религиозные каноны не в силах поэт не в силах это желание истребить:

*Пусть даже жил, совсем не зная,
Что на земле рожден я снова,
Я предпочел бы это раю
О, если б дал Господь мне слово! [3, с. 20]*

Религиозная лирика В. Кириогло обладает тематическим разнообразием и отражает различные этапы становления его религиозной идентичности. Ранние стихотворения поэта написаны в духе протестантизма, более поздние произведения свидетельствуют об интересе автора к православию, как к одному из важных этнических признаков гагаузской общности.

Библиография:

1. Кириогло, В. Я не люблю. В ожидании Христа. Комрат, 2001.
2. Кириогло, В.Г. Шипы и Розы. Поэтический сб. Комрат: SAYFA-PRINT, 1998, 118 с.
3. Кириогло В. Эхо души. Комрат, 2004.
4. Никогло Д.Е. Отражение темы религиозной идентичности гагаузов в
5. художественной литературе // Patrimoniul cultural: cercetareşivalorificare:culegere de studii. Chişinău :Garomont Studio, 2018, с. 81-97.

УДК 821.512.145-193.1.09

Сеферова Эсма Энверовна
аспирант кафедры крымскотатарской
литературы и журналистики,
Крымский инженерно-педагогический
университет им. Февзи Якубова
г. Симферополь, Крым, РФ
E-mail: seferova.esma@bk.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ЗАГАДОК, ОСНОВАННЫХ НА ОППОЗИЦИЯХ

Annotation: Aphoristic genres of oral folk art, expressing folk wisdom, are distinguished by artistic expressiveness, stylistic refinement. They contain specific images. Imagery in riddles is created by metaphors, metonymy, and other forms of allegory. The basis of the imagery of riddles is often the antithesis, for example, good-evil, youth-old age, health-disease, life-death, good-bad, summer-winter, nature-man.

Keywords: imagery, metaphor, metonymy, allegory, style, language picture of the world, sound image.

Актуальность исследования. Метафорические, вопросительные загадки привлекают к себе повышенное внимание учёных разных стран. Начало концептуально-аналитическому направлению в изучении афористических жанров крымскотатарского фольклора положено работами В.Филоненко, К.Джаманаклы (Решидова), Р.Музафарова, Дж.Бекирова и др. И всё же, несмотря на сложившуюся фактоистическую базу, один из древнейших массовых жанров крымскотатарского фольклора, в котором наиболее чётко выражена языковая картина мира народа – загадка до сих пор не была достаточно изучена как самостоятельное явление.

Изложение основного материала. Современное изучение афористических жанров фольклора происходит по линии углубления в его лингвокультурологический, философский контексты. Об этом свидетельствует, к примеру, работа М.Х.Бакирова «Татарский фольклор». Так исследователь, отмечая сущностные особенности подхода к изучению загадок, пишет: «В фольклористике загадки принято подразделять на три разновидности: метафорические, вопросительные и арифметические... Метафорические тексты в наследии загадок занимают самое большое место и считаются самыми древними и характерными, традиционными образцами жанра. Поэтому совершенно естественно то, что живший ещё в IV в. до н.э. греческий философ Аристотель называл их «хорошо составленными метафорами» [2, с.111]. Подобное наблюдение встречается и в трудах учёного, фольклориста В.П.Аникина, который также отмечал жанровое своеобразие и поэтические особенности загадок. Исследователь приходит к заключению, что «загадка – это элементарный словесно-поэтический жанр, который содержит в себе чёткий и самостоятельный метафорический образ, заменяющий название какого-либо предмета (явления) путём указания на его происхождение или функцию» [1, с.55]. Крымскотатарские загадки бытуют в трёх видах: загадки-метафоры, загадка-вопрос, загадка-задача. В загадках-метафорах предметы загадывания, названные в отгадках, заменяются другими предметами или явлениями путём уподобления, сравнения их признаков, свойств или функций. Метафора (перенос, замена одного предмета другим) составляет основу этих загадок и часто исчерпывает все поэтическое их содержание: «*Терек устюнде килитли сандыкъ*» («На дереве висит сундук закрытый на замок» (орех) или же «*Бир бузавны айдадым арангъа, Къуйругъы къалды къолумда*» («Погнал я телёнка в сарай, а хвост остался в руке» (черешня). Кроме метафорических образов в загадках часто встречаются олицетворения: «*Козю ёкъ – агълай, Дудагъы ёкъ – куле, Агъызы ёкъ – йырлай, Озю бир ерде турмай*» («Глаз нет, а плачет, Губ нет, а смеётся, Рта нет, а поёт, Само не стоит на месте» (облако). Встречается построение образов и с помощью сравнений: «*Таи киби къатты, Бал киби татлы*» («Твёрдый как камень, сладкий как мёд» (сахар). Отдельные загадки основываются на звуковом образе, построенном с помощью аллитерации: «*Яттым, яталмадым, Турдым, туралмадым, Къулагъымдан бурмагъандже Юкълайлмадым*» («Лёг, не мог лежать, Встал, не мог встать, Не смог уснуть, пока не покрутили за ухо» (ключ) [4, с.99]. В загадках-вопросах вопрос называет какое-либо качество или свойство предмета: «*Таишлар, чукъурдамысыз? Сараргъан мейвамысыз? Дюнъа базаргъа кельген Сиз даа юкълаймысыз?*» («Камни вы в ямке? Или вы пожелтевшие фрукты? Все давно пришли на базар, а вы ещё спите?») (картофель) [4, с.36].

Особенности, характерные крымскотатарским загадкам, являются отражением своеобразия жизни и истории крымскотатарского народа, выражением специфики национального языка. Например, загадка «*Инесиз, йипсиз тизильген боюнджакъ, Табиат тизген, къол узьген*» («Бусы, нанизанные без иголки с ниткой, Природа нанизала, а рука сорвала») означающая *гроздь винограда*, имеет широкое распространение в Алуште, Ялте, Судаке, где культивируются разные сорта винограда. В степном Крыму встречается и вариант загадки, в которой гроздь винограда уподобляется не бусам, а мёду и сахару:

«Чатыр-матыр ятарман, Ерге тамыр атарман, Ким де келип къанса, Балнен шекер татырман» («Буйно разрастаясь, пустил я корни в землю, Кто придёт и попробует меня, того угощу мёдом и сахаром»). По сей день бытует и загадка о кусте, листьях, гроздьях винограда и даже вине: «Эгри-букри бабасы, Яйма къадын анасы. Шекерден татлы кызы бар, Зезрден аджджы огьлу бар» («Отец кривой-корявый, Мама Яйма, Дочь слаще сахара, а сын горький как яд») [4, с.89]. В загадках изображаемые явления природы, животный и растительный мир служат своеобразным средством скрывания действительного её содержания: «Сачакъ астында ятар, Чамурдан юва ясар» («Живёт под навесом, Из глины строит гнездо» (ласточка) или же «Язда салкъынлатыр. Кузьде ашатыр, Кышита сьджакълатыр» («Летом дарит прохладу. Осенью – еду, Зимой – тепло (дерево) [4, с.102]. По утверждению Д.Садовникова, «в загадках, отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку» [3, с.3]. Об этом свидетельствует тематика крымскотатарских загадок: дом, орудия труда, одежда и украшения, окружающий мир, явления природы, человек и части его тела, домашние и дикие животные, насекомые, овощи, фрукты, учебные принадлежности, техника. Крымскотатарские загадки отличаются отточенным поэтическим слогом, ритмичностью, благозвучием. Среди них встречаются даже такие, которые состоят из трёх-четырёх слов: «Ёл янында вай, вай!» («У дороги ой, ой!» (колючка), «Ер тюбюнде бурма къалач» («Под землёй скрученный калач» (змея). В загадках человек познаётся по составным частям (голова, лоб, глаза, нос, зубы, рука, пальцы): «Орьме сепет ичинде Къара къонъуз орьсенълей» («В плетёной корзине Чёрный жук ползает» (глаза) или же «Еди тешикли токъмакъ, Оны бильмеген ахмакъ» (Молот из семи дыр, Кто его не знает, тот глупец (голова) [4, с.164].

Игровой характер третьего вида загадки – загадки-задачи, на наш взгляд, является одним из ключевых понятий и для анализа языковой картины мира народа: «Эки секиз – он алты, Кене секиз эм алты. Бу къач этер? Тапынъыз!» («Две восьмёрки – шестнадцать, Опять восьмёрка да шесть. Сколько это будет? Сосчитайте!» (тридцать). В крымскотатарских загадках довольно часто упоминаются типично крымскотатарские имена Смаил, Мамут, Умер и др.: «Алчачыкъ Мамут Къора къоралай» (Низенький Мамут строит забор (швейная машина); «Бир огьлум бар, ады Смаил, Озю котекке пек мейиль. Аркъасы териден, Къулаклары демирден» (Есть у меня сын по имени Смаил, очень любит биться. Спина из кожи, уши из железа (бубен); «Бабасы Умер оджа, Анасы Яйма къадын, Кызы гузеллерден гузель, Огьлу джыйынларда кезер» («Отец Умер оджа, мама женщина Яйма, дочь-красавица, сын гуляет на свадьбах» (куст, листья, гроздья винограда) [4, с.118]. Обобщая многочисленные научные концепции относительно загадывания и отгадывания, исследователи приходят к заключению, что «загадки – это статистический снимок жизни, её слепок, рисунок» [1]. Подтверждением этого факта являются загадки в содержании которых находят отражение не только предметы, но и сам процесс труда. Так, в загадках «Къатламасы кыркъ къат, Фурунынъа къой кызыарт, Бал-ягъ иле якъыла Гульбе шекер не аджет » («Тесто из сорока слоёв, поджарь в печке, смажь маслом и мёдом, нет надобности в розовом варенье» (пахлава) [4, с.63].

Из такой подачи материала можно сделать **вывод**, что загадка представляет собой своеобразный художественный жанр. По целям и задачам, структуре и исполнению, по отношению к жизни загадки тюркских народов имеют много общего. Отличительными чертами загадок являются метафоричность, иносказательность, парадоксальность, лаконичность и предметность.

Библиография:

1. Аникин В.П.«Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор»/ В.П.Аникин М., 1957, с.55

2. Бакиров М. Татарский фольклор / М.Бакиров. – Казань: Ихлас, 2012.– 400с.
3. Садовников Д.Загадки русского народа / Д.Садовников Спб., 1901.– 238с.
4. Тапмаджалар [Топлагъан, ишлеген ве тертип эткенлер: Ш.Асанов, А.Велиев]; Рессам Трасинова. –Т.:Эдебият ве санъат нешрияты, 1988.– 136б.

УДК 8211. 512.145'38

Сеферова Фера Асановна
доцент кафедры крымскотатарской
литературы и журналистики
Крымский инженерно-педагогический
университет им.Ф.Якубова
г. Симферополь, Крым, РФ
E-mail: fera-sef@ukr.net

МЕТОДЫ РАБОТЫ С ОКСЮМОРОННЫМИ СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ В ВУЗОВСКОЙ АУДИТОРИИ

Annotation: In the nineties of the twentieth century, Crimean Tatar literary science pays great attention to the problems of the complex study of fiction. Not only theoretical and methodological questions are discussed, but also the methodology of complex analysis of the work. Today, a comprehensive analysis of the text helps to understand the structure of the ethical and aesthetic paradigm of the writer and «to reveal in the work of art a dialectical connection of the general - the particular - the particular» For the analysis, we chose the works of Crimean Tatar poets. Crimean Tatar poetry, taken in its historical and aesthetic development, is a kind of microcosm of the national verbal art, in which the laws of the development of the Crimean Tatar literature are reflected, the accompanying factors of it are clear.

Keywords: methodology, oxymoron, artwork, complex analysis.

Понятию «оксюморон» повезло значительно больше, чем определению «синециоза» (стилистическая фигура), в которой объединены противоположности. Его включили в большинство энциклопедий, литературных словарей, в целый ряд пособий по теории литературы. В связи с некоторым разногласием дефиниций, приведём некоторые из них, на наш взгляд, самых интересных с научной точки зрения. В энциклопедическом словаре терминов «Эстетика.Теория литературы» встречаем такое определение: «Оксюморон (от греч. охумогоп– букв. остроумно-глупое) – тесное соседство в синтагме двух знаков или слов с противоречащими значениями, прямое соотнесение и совмещение контрастных, казалось бы несовместимых признаков и явлений» [1,с.281]. В новом «Литературоведческом словаре» оксюморон трактуется как «троп, особенностью которого является объединение контрастных, противоположных по значению слов (антонимов), вследствие чего образуется парадоксальное семантическое соединение» [2,с.149]. Оксюморон используется в разговорно-бытовом («страшно весёлый») в публицистическом стиле («заклятые друзья, вперёд к светлому прошлому»), и даже в научном стиле. Иногда этот термин указывает и на жанр «стихотворение в прозе» или «роман в стихах». По определению Л.И.Тимофеева, оксюморон – сочетание противоположных по смыслу определений, понятий, в результате которого возникает новое смысловое качество [6, с.111]. Чтобы правильно воспринять такие сочетания, студенты должны иметь представление о том, что один из их компонентов обычно подвергается переосмыслению: воспринимается не первичное, а вторичное (переносное) значение, хотя первичное не «отключается» полностью, а сосуществует вместе со вторичным. «Сам процесс восприятия совершается по следующему алгоритму. На

первом шаге является достаточным контекст, позволяющий определить предметно-референционную область сообщения, что в свою очередь позволяет судить о том, какие имена употреблены нормативно, в первичных значениях, а какие ненормативно, во вторичных, переносных. На втором шаге осмысливаются ненормативно употребленные имена,— пишет в своей работе исследователь М.В.Никитин. — При этом совокупное содержание первичного значения такого имени, т.е. относящиеся к нему содержательные интенциональные и импликациональные признаки, очерчивают область семантического поиска... указывают направление этого поиска и вынуждают отобрать из указанной области те содержательные признаки, которые логически вписываются в общую картину и составляют содержание вторичного значения ненормативного имени в данном контексте» [4, с.97]. Отличительной особенностью оксюморонного сочетания является соединение компонентов с ярко выраженными антонимичными признаками. При соединении имен с «несовместимыми» семами антонимичность снимается за счет погашения противоречащих сем, которое происходит в том компоненте, чье первичное не согласуется с заданной ситуацией, так что в новом значении становится допустимым подобное соединение. Важно отметить, что не все противоречивые слова способны соединяться в сочетания, так как «возможность выбора в процессе номинации подчиняется одному из трех условий:

- а) наличие общей семы (синтагмемы) в обоих членах словосочетания;
- б) отсутствие в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена;
- в) погашение в одном из членов сочетания сем, противоречащих семам другого члена, либо перенес из одной семантемы в другую недостающих сем» (В.Г.Гак.)

Как видим, даже из немногих приведённых примеров об оксюморе, где противоречат, дополняют друг друга мысли разных исследователей, можно сложить полное представление об этом вопросе.

Издавна среди художников слова высоко ценилось умение найти интересное, полноценное, и, возможно, единственное слово, неповторимый образ, который западает в душу. А редкий дар через выразительное словосочетание передать своё мировидение, приравнялся к настоящему таланту. Крымскотатарская поэтическая культура, взятая в её историко-эстетическом развитии — своеобразный микрокосм национального словесного искусства, в котором отражаются закономерности развития литературы, обретают ясность сопутствующие факторы её. Отдельные поэтические тексты крымскотатарских авторов демонстрируют обилие оксюморонов. Особенно ярко это прослеживается у Э.Шемьи-заде («къайнакъ денъиз» — кипящее море); Ю.Темиркъая («яньгъызлыкъ шербет» — шербет одиночества), «солгъан эрлик» — трусливое мужество), («сокъур чокъракъ» — слепой источник); Ю.Кандыма «къара кунеш» — чёрное солнце) и т.д.. Работая над такими словосочетаниями, необходимо опираться на контекст. Причем требуется «знание не только непосредственного лексического окружения, а более широкого контекста, раскрывающего ситуацию, в которой реализуется данное сочетание с одной стороны, и того, что называется тематическим контекстом — контекстом всего произведения, с другой» [3, с.97]. Писатели строят контекст таким образом, чтобы у читателя возникла единственно верная расшифровка кода. Авторы снимают многозначность возможных осмыслений отдельного имени и подготавливают правильную и единственную семантизацию имени во вторичном значении. О правильности ассоциаций можно судить по вспомогательным уточняющим словам, которые подтверждают точность выбора. Рассмотрим отрывок из стихотворения Ш.Селима «Сени унутмагъан Ватанынъ олсун» («Твоя Родина тебя не забудет»): «Аякъсыз юргенлер ёкъмы дюнъяда? Бебексиз корьгенлер ёкъмы дюнъяда?... Амма бахтлы олар Ватаны иле — Сени унутмагъан Ватанынъ олсун» (досл.: Разве мало людей, идущих без ног? Разве мало людей, видящих без глаз?... Но счастливы они на Родине — Да будет помнить тебя твоя Родина...) [5, с. 670]. Здесь наиболее трудными для понимания студентов являются

оксюморонные сочетания «аякъсыз юргенлер» («идущие без ног»), «бебексиз корьгенлер» («видящие без глаз (зрачков)»). В сочетании компоненты явно противоречивы, более того, они как бы отталкивают друг друга. Как же удалось соединить такие взаимоисключающие слова? Достигается такое соединение с помощью контекста, описания такой ситуации, в которой снимается противоречие и становится возможным сближение этих лексем. Важную роль при этом играет переосмысление. Каждый компонент в этом сочетании употреблен не в первичном (прямом), а во вторичном (переносном) значении. Причем автор вносит в каждое слово этого сочетания новый оттенок. Под счастьем подразумеваются не привычные представления: блаженство, удачливость, благополучие и т.д. – а нечто новое – умение очаровываться миром, жизнью на Родине. Под «слепотой» подразумеваются эгоизм, расчётливость, неумение быть счастливым и полезным людям, Родине. Важно отметить, что «наиболее существенными для смысла целого текста являются повторяющиеся значения, составляющие его тематическую основу или сетку. Эти значения могут быть выражены повторами слов, повторами сем или повторами тем...» [1, с.7]. Для снятия трудностей при восприятии необычных словосочетаний требуется предварительная подготовительная работа. Предлагаемые задания помогут выработать у студентов-филологов необходимые навыки осмысления оксюморонных сочетаний.

Задание 1.

1. Выберите из следующих сочетаний только те, которые вам кажутся необычными: сувукъ къар – сыджакъ къар (холодный снег – горячий снег); къыскъа анъ – эбедий анъ (короткий миг – вечный миг); тири мевта – тири инсан (живой труп – живой человек); уфакъ балалар – яшлы балалар (маленькие дети – взрослые дети).

2. Попробуйте объяснить, в чем необычность этих сочетаний.

3. Объясните, какие слова в сочетании употреблены в прямом, а какие в переносном значении.

4. Опишите ситуации, в которых эти оксюморонные сочетания становятся допустимыми.

Задание 2.

1. Объясните словосочетания – «ёсун биткен юреклер», «къара кунеш», «атлас кокнинъ яралы коксю», «сокъур чокъракъ», «къарыкъ рузгяр», «серт денъиз», «къайнакъ денъиз».

2. Опишите ситуацию, в которой могли бы быть допустимыми сочетания: «кедерли къуванч», «къануний акъсызлыкъ», «сув бораны», «янгъызлыкъ шербети», «солгъан эрлик», «хавфлы оюн», «мукъаддес ялан», «дюльбер панджалар».

Задание 3.

1. Выпишите несколько оксюморонных сочетаний из стихотворений Э.Шемьи-заде, Ш.Селима, Ш.Аппаза (на выбор).

2. Объясните, опираясь на контекст, их значения.

Выводы. Таким образом, изучение художественной литературы и работа над оксюморонными словосочетаниями важно не только в теоретическом, но и методическом плане. Знание механизма построения текста поэтического произведения позволит улучшить связную речь студентов, как устную, так и письменную.

Библиография:

1. Борев, Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Борев – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 575 с.
2. Літературознавча енциклопедія: У двох томах. Т. 2 / Авт.-уклад. Ю.І Ковалів. – К.: ВЦ «Академія», 2007. – 624с.

- 3.Медникова, Э.М. Значение слова и методы его описания / Э.М.Медникова. – М., «Высшая школа», 1974.– с.3– 197.
- 4.Никитин, М.В. Лексическое значение слова / М.В.Никитин.– М., «Высшая школа», 1983.– 197с.
5. Окрушина сонця.Кунештен бир парча. Антологія кримськотатарської поезії XIII – XX ст.. / упорядники Мирошніченко М., Кандим Ю.– К.: Голов. Спеціаліз. Ред. Літ. Мовами нац.. меншин України, 2003.– 792с.
- 6.Л.И.Тимофеев. Проблемы теории литературы / Тимофеев Л.И. М., Учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1955. – 302с.

УДК 811.512.165'373:392.8

Сорочяну Евдокия Степановна
доктор филологии, доцент МГУ,
ст.н.с. ИКН, РМ г.Кишинев,
E-mail: sevdokia@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАЗВАНИЙ ХЛЕБНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ГАГАУЗСКОЙ ОБРЯДНОСТИ

Annotation: Lexical and semantical peculiarities of bread nomination in the Gagauz traditions. The article considers some specific features of bread nomination and its cultural semantics in Gagauz language. The following Gagauz bread's names: *kolaç*, *pita*, *çörek*, *ekmek*, *kırma* are analyzed. Being used in the terminological phrases these words, adjectives or nouns, point to the shape or ritual function of a bread product, as well as to its correlation with certain subject or ritual person, with the nomination of a rite or a holyday. The metaphor and metonymy are the key methods of nomination in the considered contexts.

Keywords: Gagauz language, ritual lexica, bread nomination, cultural terminology, ethnolinguistics

Названия хлеба и мучных и изделий относятся к культурным пластам лексического фонда языка. В них отражается семантика хлеба, символика обрядовых действий с ним, его ритуальные функции [4, с. 219-225].

Анализ культурной семантики гагаузских названий хлебных изделий позволило выделить несколько ключевых наименований: *kolaç*, *pita*, *çörek*, *ekmek*, *kırma*. Выделенные нами ключевые лексемы, а также терминологические словосочетания, содержащие эти лексемы, несут особую культурную нагрузку и выражают понятия, которые играют организующую роль в структуре обряда. Культурные коннотации значений ключевых лексем не фиксируются словарями, но представлены в огромном пласте народных верований и обрядов. Исследование культурной семантики этих терминов помогает определить механизмы, лежащие в основе их номинации и происходящих семантических процессов, структурировать набор значений и раскрыть его внутреннюю иерархию [5, с. 13].

Терминологические словосочетания с ключевыми словами раскрывают культурную семантику названий, расширяют и обогащают лексический фонд языка. В них родовое понятие конкретизируется множеством определений, представленных в языке двумя видами: атрибутивными и субстантивными (*avşam ekmää*, *malaylı ekmek*, *düün kolaçı*, *eleştirmä kolaç*, *adım çörää*, *ballı pita*, *can pitası* и др.). Атрибутивных словосочетаний не так много, прилагательными обозначены размер, форма, качество теста, вид начинки: *ballı çörek*, *biyaz ekmek*, *opárkalı ekmek*, *büük kolaç*, *tatlı kolaç*, *örülü kolaç*, *kaymaklı/kabaklı kırma* и др. В силу агглютинативности гагаузского языка наиболее частотными названиями являются

субстантивные словосочетания (существительное + существительное), где более сильное ударение несет на себе определяющее существительное (*somun ekmek, malay ekmää, tárla çörää, saçak pitası, kortmaç pitası, päska kolacı, merdiven kolacı, tuz-ekmek kolacı* и др.). В основе таких наименований лежат различные мотивировочные признаки: форма, украшения, величина, способ выпечки, качество теста, предназначение и др. В многочисленных названиях определяющее слово указывает на обрядовую функцию изделия, на его соотнесенность с определенным предметом или с ритуальным лицом, с обозначением обряда или праздника. И в одной, и в другой группе терминов способом наименования является метафорический или метонимический перенос.

Наиболее многозначным и полифункциональным в гагаузской обрядности является культурный термин *kolaç*. Он обозначает обрядовый хлеб круглой формы – калач с отверстием или каравай. Это может быть и плетеный калач с отверстием посередине (выпекаемый на поду и на противне), и большой каравай (плетеный, с различными украшениями из теста), и баранка, бублик, и различные печеные изделия (крендели, «куклы», «восьмерки» и др.). Формы в виде круга (лепешки, калачи, караваи, баранки, пряники), а также плетеные и витые изделия имели в древности сакральное, апотропеическое значение. В связи с охранной символикой замкнутого круга круглые изделия с отверстием посередине имели особое значение.

Рассмотрим для каждого отдельного вида калача мотивировочные признаки, легшие в основу их наименований:

- ◆ название праздника, к которому выпекается калач:
 - *kolada kolacı* (букв. рождественский калач) – калачи, которые готовят для колядующих на Рождество Христово (гаг. *Kolada*);
 - *krêşun kolacı* (букв. рождественский калач) – поминальный калач в виде незавершенной восьмерки, которые пекут к Рождеству (рум. *Crăciun*⁶⁵);
 - *eni yıl kolacı* – букв. новогодний калач;
 - *kırk meçik kolacı* (букв. калач сорока мучеников) – поминальные калачики (чаще в виде восьмерки), выпекаемые и раздаваемые в день сорока мучеников;
 - *yaş kolacı* (букв. калач [одного] года) – родинный обрядовый калач, который готовят на первую годовщину рождения ребенка;
 - *düün kolacı* (букв. свадебный калач) – общее название караваев, выпекаемых для свадьбы;
- ◆ название обряда, в «тексте» которого участвуют караваи (калачи):
 - *söz kolacı, goda kolacı* (букв. калач [в обряде] сватовства): гаг. *söz* – сватовство, *goda* (от болг. *goda, годеж* – сватовство);
 - *steunoz kolacı* – букв. венчальный калач;
 - *proşka kolacı (söletmää kolacı)* – каравай в обряде благословения молодоженов посаженными родителями;
 - *prost olmak kolacı* – калач для благословения молодых родителями (*prost olmak* – букв. получать благословление);
 - *kapudan çekmää kolaç* – калач в обряде введения молодоженов в дом свекрови, букв. тянуть за порог / дверь);
 - *gelini konuklamaa kolaç* – каравай в обряде кормления невесты в доме жениха, букв. угощать невесту);
- ◆ действие обряда:

⁶⁵ Подробнее о гагаузских терминах *Kolada* и *Krêşun* см. в статье Е. С. Сорочану «Наименования церковных праздников и хрононимов в гагаузском народном календаре» [3, с. 115-122].

- *söletmää kolacı* (*söletmää* – букв. заставить говорить, отвечать) – в обряде снятия обета молчания с жениха и невесты;
 - ◆ начало обрядовой песни:
 - *pupalilaysa kolacı* («*pupalilaysa, stanule mayka...*»);
 - *plugumoşi kolacı* («*plug-plugumoşi, doysprezeçe boyle...*»);
 - *hêy-hêy kolacı* (возглас в новогодней пастушеской колядке);
 - *trili* – («*trili-trili, tri vangeli...*»);
 - ◆ персонаж, которому предназначен калач, или обрядовое лицо, которое его дарит:
 - *naşa kolacı* / *kresniţa kolacı* – калач для посаженной матери или полученный от нее (слово *naşa* заимствовано из румынского языка – посаженная мать);
 - *gelin kolacı* (букв. невестин калач) – калач, предназначенный для невесты;
 - *güvää kolaçı* – калач, предназначенный невесте от жениха;
 - *kayınna kolacı* (букв. калач свекрови) – каравай, испеченный свекровью для обряда сватовства;
 - *dever kolacı* – свадебный калач, предназначенный для шафера;
 - ◆ обрядовая функция калача:
 - *kurban kolacı* – калач, раздаваемый в качестве жертвоприношения⁶⁶.
 - *üleşirmä / eleştirmä / ileştirmä kolaç* – основной функцией калача является распределение доли (др.-тюрк. *ülüş*, тур. *üleş* – ‘часть, доля’)⁶⁷;
 - *romana kolacı* – поминальный калач (рум. *română* – поминальные дары);
 - ◆ качество теста, из которого выпекаются калачи:
 - *ekmek kolacı* – калач из хлебного теста;
 - *paska kolacı* – калач из пасхального теста;
 - *tatlı kolaç* – букв. сладкий калач;
 - ◆ способ приготовления:

⁶⁶ Лексема *kurban* арабского происхождения: араб. *qurbān* قربان [#kɾb отглагол.сущ.] – ‘обещанная жертва Богу’ от др.евр. *#kɾb* כָּרַב, употреблявшемся в значении: 1. быть рядом, приблизиться; 2. дарить, дать обет. Впервые данное слово было зафиксировано в турецком языке в Словаре *Mukaddimetü'l-Edeb*, предназначенном для обучения турок арабскому языку [9]. Лексема *kurban* через турецкий язык была заимствована другими балканскими языками: болгарским, сербским, македонским, румынским, арумынским, албанским, греческим и др. [1, с.144]. В гагаузский язык лексема могла попасть как через турецкий, так и через болгарский язык.

⁶⁷ Глагол *üleşirmä* (в диалектах употребляются и формы *eleştirmä*/ *ileştirmä*) в Гагаузско-руско-румынском словаре дан в значении ‘угощать, раздавать угощение (за чье-либо здоровье или поминовение)’ [7, с. 691], однако в народном сознании это угощение (обрядовый калач вместе с едой или сладостями) имеет особый символический смысл. Глубинную семантику обрядовой раздачи калачей помогает раскрыть древнетюркский корень *ülä-* ‘делить, распределять’ и *совм.-побуд.* от него формы *üläştür-* в значении ‘поделить, дать часть’, а также существительное *ülüş*, употреблявшееся в значении ‘часть, доля’ [2, с. 624-625]. В фонетически измененной форме эти древнетюркские слова употребляются в современном турецком языке: *üleş* ‘часть, доля’ и *üleşirmek* ‘раздавать, распределять’ [6, с. 887]. В гагаузском языке и его диалектах нет лексемы *ülüş/ üleş* в значении ‘часть, доля’, но в обрядовом действии *üleşirmä/ eleştirmä/ ileştirmä*, как и в обозначении хлеба (*üleşirmä/ eleştirme/ ileştirmä kolaç*), отражена символика ритуала – распределение доли: приготовленное обрядовое угощение распределяется между присутствующими или раздается по частям родным и близким, соседям в память об умерших родственниках.

- *sinidä kolaç* – калач, испеченный (в отличие от подового хлеба) в форме для выпечки (*sini* – большая круглая металлическая форма для выпечки);
- *sinidä örülü kolaç* – букв. плетеный калач в форме для выпечки;
- *sulu kolac, sulu kolaççık* – букв. калачики на воде, калачики-баранки получили название по обварному тесту, из которого они выпекаются (их сначала обваривали в воде, а затем сажали в печь);
- ◆ размер:
 - *büük kolaç* – букв. большой калач;
 - *küçük kolaç* – букв. маленький калач;
- ◆ форма и украшения калачей:
 - *örülü kolaç* – букв. плетеный калач;
 - *delikli örülü kolaç* – букв. с отверстием плетеный калач;
 - *sekizlik* (букв. восьмерка) – поминальный калачик в форме цифры 8, раздаваемый на день сорока мучеников, а также участникам новогодних обходов с плугом;
 - *merdiven kolacı* – поминальный калач в виде лестницы (*merdiven* – букв. лестница);
 - *kukla* – обрядовый плетеный хлеб антропоморфной формы, в форме цифры 8 (или незавершенной восьмерки), выпекаемый на различные праздники: день сорока мучеников, по субботам великого поста, на праздник дня Св. Лазаря, на Малую Пасху и др.;
 - *güğüşçuk* (букв. голубок) – булочка в форме голубка (*güğüşçuk* – уменьшительно-ласкательная форма лексемы *güğüş*, употребляемой в гагаузском языке в значении ‘голубь, голубка’);
 - *alma kolaç* (букв. похожий на яблоки калач) – каравай, составленный из узелков теста, напоминающих по форме яблочки, которые при раздаче легко отрываются;
 - *varaklı kolaç* (букв. позолоченный сусальным золотом) – свадебный каравай, украшенный цветами, покрытыми позолотой;
- ◆ атрибут, которым сопровождается калач:
 - гостей гагаузы встречают хлебом-солью, отсюда наименование калача – *tuz-ekmek kolaç* (*tuz-ekmek* – букв. хлеб-соль);
 - *süüş taük üstünde kolaç* (букв. каравай с вареной курицей сверху);
 - *kırk kaşık kolaççı* (*kırk kaşık* – букв. сорок ложек) – в день сорока мучеников вместе с обрядовыми калачами раздавали сорок ложек;
- ◆ место, где раздавался обрядовый калач:
 - *mezarlık kolaççı* (букв. кладбищенский калач) – поминальные калачики, раздаваемые на кладбище (*mezarlık*);
 - *yol kolacı* (букв. дорожный калач) – погребальные калачи, раздаваемые по дороге (*yol*) на кладбище;
 - *köşä kolacı* (букв. угловой калач) – погребальные калачи, раздаваемые по дороге на кладбище на перекрестках (*köşä*);
 - *köprü kolacı* (букв. мостовой калач) – погребальные калачи, раздаваемые по дороге на кладбище на мостах (*köprü*);
- ◆ количество раздаваемых калачей:
 - *dokuz kolaç* (букв. девять калачей). В Вулканештах погребальные «дорожные калачи» названы по их количеству. На кладбище несли девять калачей (по народным представлениям, путь в загробный мир лежит через девять мостов), сложив в узелок из головного платка или продев этот платок через калачи, и там их раздавали.
- ◆ предмет, частью которого является калач:

• *aarlık kolacı* – большой каравай, с вареной курицей сверху, который при крещении дарится крестной матери вместе с другими дарами, уложенными в узел (метонимический перенос названия одного явления на другое: *aarlık* – букв. тяжесть, бремя);

• *boşçalık kolacı* – каравай с дарами (свадебными, пасхальными), завернутыми в вышитую салфетку (*boşça*). В некоторых селах название салфетки (*boşça*, *bohça*)⁶⁸ было перенесено на название всего дара (синекдоха).

Лексико-семантические группы наименований хлебных и мучных изделий с ключевыми словами *ekmek*, *çörek*, *pita*, *kurma* являются более узкими.

Лексема *ekmek* выступает гиперонимом по отношению к таким названиям, как *çavdar ekmää* (ржаной хлеб), *booday ekmää* (пшеничный хлеб), *kepek ekmää* (отрубной хлеб), а также определяющим словом в словосочетаниях с определениями белый (*biyaz ekmek*), серый (*esmer ekmek*), черный (*kara ekmek*), круглый (*somun ekmek*) хлеб, мягкий (*kaba ekmek*), сухой (*kuru ekmek*), печёный (*pişmiş ekmek*), недопеченный (*çii ekmek*, *hamurlu ekmek*), хлеб без примесей (*pak ekmek*), хлеб, приготовленный опарным способом (*oparkalı ekmek*), хлеб на дрожжах (*hamurlu ekmek*), пресный хлеб (*hamursuz ekmek*) и др. Лексемой *ekmek* маркируются предметы, использующиеся при приготовлении хлеба и хлебных изделий: *ekmek teknesi* (квашня), *ekmāk kaşı* (специальная деревянная ложка для перемешивания закваски), *ekmek bezi* (кусочек ткани, которым укрывают тесто, а затем им же укрывают и испеченный хлеб), *ekmek sodası* (пищевая сода). Производным от *ekmek* является *ekmekçi* (пекарь, булочник, нахлебник) (основа + аффикс деятеля *-ci*).

Лексемы *ekmek* и *çörek* образуют единичные терминологические словосочетания, обозначающие обрядовый хлеб: *panáya ekmää*, *kurban ekmää*, *paskellä ekmää*, *çoban ekmää*, *düün ekmää*; *ballı çörek*, *diş çörää*, *adım çörää*, *yaş çörää*, *tárta çörää*.

Болгарская лексема *pita* (лепешка) большей частью употребляется в значении 'обрядовый хлеб'. Так, «*pita*» – родовое понятие в словосочетаниях, обозначающих ритуалы (*Küçük pita* и *Büyük pita*) и обрядовый хлеб (*ballı pita*, *panáya pitası*, *can pitası*, *saçak pitası*).

Национальный сырный пирог *kurma* не является сугубо обрядовым блюдом, но без него не обходится ни одна обрядовая трапеза, он выступает символом достатка, благополучия и богатства. В зависимости от начинки бытуют различные виды *кырмы*, соответственно имеются и атрибутивные словосочетания, их называющие: *piinirli*, *kaymaklı*, *kabaklı kurma*.

Анализ терминологических словосочетаний, обозначающих хлеб и мучные изделия, показал, что в их создании участвуют как гагаузские лексемы (*düün ekmää*, *adım çörää*, *kabaklı kurma* и др.), так и разноязычные элементы – *can pitası* (болг.), *kolada kolacı* (болг.), *krêşun kolacı* (рум.), *steunoz kolacı* (греч.), *kurban kolacı* (араб.), *paska kolacı* (греч.) и др. Большинство таких словосочетаний содержит в своем составе иноязычную лексику, но, будучи построенными по законам гагаузской грамматики, представляя собой изафеты, они являются частью гагаузской терминосистемы.

Библиография:

1. Български етимологичен речник. Т. 3. Съст. Р. Бернар, Ст. Илчев, Й.Н. Иванов, Д. Михайлова, В. Анастасов, Г. Риков, О. Младенова, У. Дукова, М. Рачева, Л. Димитрова-Тодорова, Т. Ат. Тодоров. София: БАН, 1986. 806 с.
2. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 676 с.

⁶⁸ Форма *boşça* является фонетическим вариантом лексемы *bohça* < др.-тюрк. *boğ* (узел с вещами) + суффикс *-ça*, который, возможно, указывает на уменьшительно-ласкательный оттенок [8]. Ср.: *bohçalamak* (завязывать в узел).

3. Сорочяну Е. С. Наименования церковных праздников и хрононимов в гагаузском народном календаре / *Revista de etnologie și culturologie. Ch.*, 2008. Vol. 3, p. 115-122.
4. Сорочяну Е. С. Опыт этнолингвистического изучения названий обрядовых хлебов и мучных изделий в традиционной культуре гагаузов / *Идентичность*. Сборник докладов и сообщений Международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло, 14 ноября 2018. Комрат: Научно-исследовательский Центр Гагаузии им. М. В. Маруневич, 2018, с. 219-225.
5. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. Москва: Индрик, 2008. 528 с.
6. ТРС – Турецко-русский словарь. Сост. А. Н. Баскаков и др. Москва: Русский язык, 1977. 996 с.
7. Gagauzça-Rusça-Romınca Sözlük = Гагаузско-руско-румынский словарь = Dicționar găgăuz-rus-român. Hazırlayanlar: Petri Çebotar, Ion Dron. Chișinău: Pontos, 2002. 740 s.
8. <https://www.etimolojiturkce.com/kelime/bohça>
9. <https://www.etimolojiturkce.com/kelime/kurban>

УДК 821.512.165.09

Сырф Виталий Иванович

доктор филологии, преподаватель
кафедры гагаузской филологии, КГУ,
мун.Комрат, РМ

E-mail: vsirf.64@gmail.com

ИСТОРИЯ ГАГАУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Annotation: The article attempts to consider the development of Gagauz imaginative literature from the end of the 19th century to the present. The main source for creating literary works was oral folk poetry reflecting various aspects of the everyday life of the Gagauz people, as well as their historical past. In the last quarter of the 19th century, thanks to the primary education get by the Gagauz in the Russian Empire, the level of their book and written literacy increased, which also contributed to the first attempts of the literary creation (translation and journalistic activities of Archpriest Mihail Chakir, revolutionary poetry of Bessarabian poets).

The literary process received the most powerful impetus for further development after the introduction of the official writing for the Gagauz language in 1957. The themes of works of Gagauz fiction are primarily associated with the history and modern life of the people, with their homeland – the Budzhak Steppe, with their parents' homes, with national traditions, especially with folklore (works of Nikolai and Dionis Tanasoglu, Nikolai Baboglu, Dimitri Kara Çoban, and others). Recently, the range of themes and genres of literary works has expanded significantly, the number of authors has increased, literary associations, magazines, almanacs, anthologies have appeared; however, there is the problem of scientific coverage of the history and theory of literature in the Gagauz language, as well as the literary criticism.

Keywords: Gagauz fiction, oral folk poetry, literacy, official writing for the Gagauz language.

История гагаузской литературы в силу сложившихся исторических обстоятельств насчитывает немногим более века. В своем сообщении попытаемся в виде краткого обзора рассмотреть основные вехи ее зарождения, становления и развития.

Самые ранние сведения о литературе на гагаузском языке относятся к началу XIX в. (Вена, 1810), когда был издан переводной псалтырь [22, с. 3]. В трудах известного ученого и библиографа *П. Д. Драганова* сообщается о переводах на гагаузский язык: молитвенника [34, с. 113], нескольких стихотворений *А. С. Пушкина* [10, с. 688]. К сожалению, собственно тексты всех этих переводов не сохранились, и поэтому говорить о их принадлежности к гагаузской литературе можно лишь с большой долей условности.

На наш взгляд, говорить о зачатках появления первых авторских произведений в исполнении гагаузов можно во второй половине XIX в., когда среди них растет уровень книжной и письменной грамотности (известны имена таких поэтов, как Радов, Арнаут, Хаджиоглу – [4]), а впоследствии и политической активности, что проявилось в революционной лирике начала XX в. (Толи Сибов, Гаврил Буджаклы, Андрей Атмаджа, Георге Балабан).

Выдающийся вклад в дело просвещения гагаузов и в становление определенных литературных традиций внес протоиерей *М. М. Чакир*, опубликовав серию переводов религиозной литературы [см., напр.: 35; 50] и оригинальных сочинений на родном языке [см., напр.: 37; 38]. Благодаря стараниям *М. М. Чакира* в Кишиневе на протяжении примерно 30 лет, начиная с 1907 г., выходила в свет миссионерская религиозная листовка-газета на гагаузском языке «*Хакикатын сеси*» («Голос истины»), в которой протоиерей выступает не только как религиозный деятель, но и как просветитель в ряде очерков и статей. К сожалению, да нашего времени сохранились лишь единицы данного первого периодического издания на гагаузском языке.

Основой для возникновения и развития каждой профессиональной художественной литературы, как известно, служило устное народно-поэтическое творчество. В одних случаях используется какой-либо мотив или сюжет, в других – заимствуются отдельные поэтические приемы, в третьих – лексика и/или фразеология. Не является исключением и гагаузская художественная литература: как показывают многочисленные факты, до появления письменности и авторского творчества фольклор оставался основной формой художественного отражения окружающей гагаузов действительности.

Так, литературоведу и критику *П. А. Чеботарю* принадлежит точная и верная, на наш взгляд, оценка творчества современного литератора *С. С. Булгара* как писателя-сказочника: «Подобно всем гагаузским писателям, *С. Булгар* испытал на себе благотворное влияние фольклора. Разница, однако, в том, как проецировались фольклорные мотивы в том или ином случае. <...> В одних случаях это литературно обработанная сказка, в других автор соединил несколько близких по духу сказочных сюжетов, введя одного сквозного героя. Единый стиль изложения также создает ощущение целостности и гармоничности. В итоге получилось новое, фольклорно-приключенческое повествование» [31, с. 108].

С появлением официальной письменности [см. 28] литературный процесс на гагаузском языке получил мощный импульс для дальнейшего развития.

Полнокроевое развитие гагаузской художественной литературы началось после второго съезда писателей Молдавии (1–5 ноября 1958 г.), на котором были заслушаны обращение председателя правления Союза писателей республики *Е. Н. Букова* к представителям новой литературы: «Гагаузская литература, которая делает первые шаги, уже насчитывает в своих рядах несколько поэтов и прозаиков...» [4] и выступление делегата съезда *Д. Н. Танасоглу*: «Находясь у истоков формирования гагаузской письменной советской литературы, мы должны осознавать свой долг не только перед настоящим, но и перед прошлым – бережно собирать гагаузский фольклор, осваивать художественное богатство его, черпать вдохновение в народном творчестве. Любое начало трудно. Но разве не знаменателен тот факт, что гагаузы начали писать стихи! Поднимаются и прозаики. Думаю, что недалеко то время, когда в ряды молдавских писателей вольются и писатели-гагаузы» [23].

Д. Н. Танасоглу возглавил отряд первых гагаузских литераторов, куда вошли: Н. П. Арабаджи, Н. Г. Танасоглу, Н. И. Бабоглу, Д. Н. Кара Чобан, М. В. Кёся, Г. А. Гайдаржи, К. К. Василиоглу, С. С. Куроглу, И. Н. Чакир, А. А. Тукан, Ф. В. Попаз, В. К. Стефоглу и др.

С 28 апреля 1957 г. по 30 июня 1960 г. при газете «*Молдова социалистэ*» два раза в месяц выходило приложение на гагаузском языке, его редактировали Д. Н. Танасоглу, И. И. Бабоглу, В. К. Стефоглу, Б. П. Тукан. Примерно в это же время странички на гагаузском языке стали печатать и районные газеты – «*Знамя*» (Чадыр-Лунга), «*Ленинское слово*» (Комрат). Выпуск литературных страниц «*Буджак дан ерлери*» в комратской газете продолжался до конца 1970-х гг.

В 1959 г. вышел в свет коллективный фольклорно-литературный сборник «*Буджактан сеслър*» («Буджакские голоса»), подготовленный Д. Н. Танасоглу, в котором, кроме образцов произведений устного народного творчества, были опубликованы первые литературные опыты гагаузских поэтов. Это была первая печатная книга с использованием официального гагаузского алфавита [6].

В 1958–1962 гг. гагаузская художественная литература развивалась с ориентиром на школьную программу: в учебники по родному языку были включены оригинальные произведения гагаузских поэтов и писателей, а также переводы из русской (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов и др.) и молдавской/румынской (М. Эминеску, И. Крянгэ и др.) классической литературы [см., напр.: 25; 27].

В период с 1963 по 1986 гг. художественная литература на гагаузском языке издавалась преимущественно отдельными книгами, в их числе: сборники поэзии [см., напр.: 14; 20], сборники рассказов [см., напр.: 13; 21], а также повесть Н. И. Бабоглу «*Каранфиллър ачтылар енидән*» («Гвоздики расцвели вновь») [3] и роман Д. Н. Танасоглу «*Узун керван*» («Долгий караван») [24].

Великий энтузиаст, знаток, неутомимый собиратель и хранитель духовного наследия народа, замечательный мастер художественного слова Д. Н. Кара Чобан вошел не только в отечественную, но и в мировую литературу своими оригинальными поэтическими, прозаическими и драматургическими произведениями [47]. Вошедшие в них стихи, рассказы и пьесы еще долго будут служить мерилем художественного совершенства, богатства и чистоты родного языка всем представителям гагаузской национальной литературы.

Самое крупное произведение гагаузской художественной литературы – исторический роман Д. Н. Танасоглу «*Узун керван*» – включает в себя три части: «*Узак деделър*» («Далекie предки»), «*Балканда йуртлук*» («На Балканах»), «*Бужак кыры*» («Степь буджакская»). В первой книге романа читатель знакомится с историей самых древних предков гагаузов – кочевых тюркских племен, речь идет о их переселении на Балканы и о взаимоотношениях их с соседними народами, включая население Византии и тюрок-сельджуков. Во второй книге мы узнаем о невыносимой жизни гагаузов под османским игом на Балканском полуострове вплоть до начала XIX века, когда происходило самое массовое переселение гагаузов под подданство России. В третьей книге перед нами разворачиваются события того периода, когда гагаузы окончательно поселились и стали жить в Буджаке.

Литературная критика в эти годы практически отсутствовала, выходили изредка лишь отдельные рецензии и обзоры общего констатирующего или репрезентативного характера [см., напр.: 9; 26].

Появлялись переводы на гагаузский язык с молдавского/румынского, русского языка [17; 18] и из гагаузской художественной литературы [см., напр.: 2; 16] на русский, молдавский/румынский и другие языки.

В 1978 г. при Союзе писателей МССР была создана Комиссия по гагаузской литературе (под председательством С. С. Куроглу с 1979 г.), сыгравшая большую роль в обсуждении рукописей будущих книг и в привлечении в литературу молодых сил, в организации презентаций вышедших из печати новинок гагаузской художественной литературы,

литературных вечеров и читательских конференций. Кроме того, Комиссия по гагаузской литературе оказывала содействие газете «*Литература ши арта*» и районным газетам юга Молдовы в подготовке выпусков страниц на гагаузском языке, где публиковались отдельные произведения гагаузской художественной литературы.

Чуть позднее, в 1987 г., Комиссия по гагаузской литературе была переименована в Секцию гагаузской литературы, которую возглавил *Н. И. Бабоглу*.

В 1970-е – 1990-е гг. в гагаузскую художественную литературу влилась целая волна новых авторов: поэты Ф. И. Мариноглу, В. Г. Филиоглу, П. А. Гагауз-Чеботарь, П. И. Мойсе, О. К. Каранастас-Радова, Л. С. Чимпоеш, С. И. Адиева, А. К. Кочанжи, П. Т. Яланжи, Г. Г. Ташоглу, Т. И. Арнаут, В. М. Бошков, В. Н. Дулоглу, В. И. Каранфил, Д. Д. Новак; прозаики С. С. Булгар, Н. Х. Туфар, М. А. Куйумджу, И. Г. Волонтир, М. М. Дерменжи, Г. И. Генов; драматурги Т. И. Занет, Т. П. Сюрма и др.

В эти же годы республиканские издательства увеличили выпуск произведений гагаузской художественной литературы, в т. ч. лучшие стихи и рассказы молодых писателей, в которых отражается их творческий стиль, эмоционально-экспрессивный заряд и своеобразное видение окружающего мира. Их произведения публиковались как отдельными изданиями [см., напр.: 7; 11], так и в коллективных сборниках [см., напр.: 12; 32]. В то же время продолжали выходить поэтические сборники авторов старшего поколения [см., напр.: 5; 49].

Отметим при этом тот факт, что шестеро гагаузских литераторов стали членами Союза писателей СССР: Д. Н. Танасоглу (1958), Д. Н. Кара Чобан (1964), Н. И. Бабоглу (1970), С. С. Куроглу (1975), М. В. Кёся (1981), Ф. И. Занет (1990), а затем, начиная с 1991 г., и Союза писателей Республики Молдова, который впоследствии пополнили В. Г. Филиоглу (1995), И. Г. Волонтир (1995), С. И. Адиева (2001). Кроме того, в Союз писателей тюркского мира был принят Ф. И. Занет (1992), а в Союз писателей Молдовы «Nistru» вошли К. К. Василиоглу (1998), О. К. Каранастас-Радова (1998), В. Г. Филиоглу (2004).

Тематика произведений гагаузской художественной литературы связана прежде всего с историей и современной жизнью народа, с родиной – Буджакской степью, с родительским домом, с национальными традициями, особенно с фольклором.

В целом, художественная литература способствует развитию гагаузской национальной культуры. Ее последующей эволюции и обогащению служат также переводы произведений классиков мировой литературы на гагаузский язык. Так, в книге авторских стихов П. А. Гагауза-Чеботаря «*Жана йакын*» («Близко к сердцу») гагаузский читатель может найти переводы из поэтического наследия Р. Бернса, А. С. Пушкина, А. А. Фета, В. В. Маяковского, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака, М. Эминеску, Г. Кошбука, Г. Виеру, М. Н. Гафури, К. Б. Мечиева, Р. Г. Гамзатова, Е. А. Евтушенко, О. О. Сулейменова, В. А. Солоухина, Б. Ш. Окуджавы [8].

Наряду с гагаузскими переводами публикуются и переводы произведений гагаузских литераторов на другие языки: на русском языке вышла поэтическая книга С. С. Куроглу «*Родословное древо*» [19], книга стихов Д. Н. Кара Чобана «*Азбука открытый*» [15].

За последние годы круг читателей гагаузской художественной литературы значительно расширился благодаря преподаванию гагаузского языка и литературы в системе народного образования и средствам массовой информации, как печатным, так и электронным.

Творчество гагаузских литераторов находило свое отражение в периодических выпусках на страницах республиканской газеты «*Литература ши арта*» (с января 1986 г. по 1988 г., в редколлегию входили С. С. Куроглу, Н. И. Бабоглу, С. С. Булгар, П. А. Гагауз-Чеботарь) и районных газет: «*Ленинское слово*» (ныне – «*Вести Гагаузии*», Комрат), «*Знамя*» (Чадыр-Лунга), «*Путь к коммунизму*» (впоследствии – «*Панорама*», Вулканешты), «*Свет Октября*» (ныне – «*Свет*», Тараклия), «*Слава*» (Бессарабка), а также в газете «*Ачык гёз*»

(«Третий глаз», Комрат; редактор И.В. Топал) и в бюллетене примэрии и муниципального Совета «*Столица Комрат*» (редакторы А. Х. Харламенко, Л. Н. Томайлы).

В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. появляются газеты на родном языке – «*Ана сôзү*» («Родное слово»), редакторы в разные годы – Ф. И. Занет, В. Я. Романов, Н. И. Бабоглу; «*Halk Birlili*» («Единство народа»), редакторы в разное время – Т. И. Мариноглу, Н. П. Тельпиз; «*Gagauz sesi*» («Гагаузский голос»), редактор П. Т. Яланжи; а также начинают издаваться детский журнал «*Kırlangaç*» («Ласточка»), редактор Т. И. Занет и художественно-литературный журнал «*Gagoğuz*», редактор Л. П. Танасоглу.

Важной вехой в становлении гагаузского литературоведения стало появление в свет очерков П. А. Чеботаря «*Гагаузская художественная литература (50 – 80-гг. XX в.)*» [31]. Книга дает общее представление об идейном и художественном своеобразии творчества наиболее ярких представителей младописьменной гагаузской литературы (Н. Танасоглу, Д. Танасоглу, Н. Бабоглу, Д. Кара Чобан, М. Кёся, Г. Гайдаржи, С. Куроглу). Кроме того, она выявляет истоки развития профессионального творчества литераторов, прослеживает тенденции последующего развития литературного процесса на гагаузском языке.

В 2000 г. в Автономно-территориальном образовании Gagauz Yeri на учредительном съезде был образован Союз писателей Гагаузии (2000). С. С. Булгар стал председателем Союза, в него также вошли Н. И. Бабоглу, С. С. Куроглу, И. В. Топал, К. К. Василиоглу, В. Г. Филиоглу, Т. И. Мариноглу, А. К. Кочанжи, О. К. Каранастас-Радова, М. Мержанка (М. И. Капаклы), Т. И. Арнаут, П. Т. Яланжи, В. И. Тукан. Союз писателей Гагаузии был призван создавать оптимальные условия для свободного развития литературного процесса; способствовать возрождению национального самосознания; поддерживать литературно-культурные связи с профессиональными писателями тюркского и нетюркского мира, однако, как показывают последующие десятилетия, эффективность его деятельности оставляет желать лучшего.

С. С. Булгар является также редактором общественно-политического и историко-литературного журнала «*Sabaa yıldızı*» («Утренняя звезда») и его приложения для детей и юношества «*Güneşçik*» («Солнышко»), где имеют возможность пробовать перо самые молодые авторы гагаузской художественной литературы. Оба журнала выходят из-под печати по несколько номеров в год, начиная с 1996 г.

В 2000 г. в Комратском государственном университете по инициативе поэтессы Т. И. Арнаут была создана секция молодых литераторов «*Filizlär*» («Ростки»), вобравшая в себя такие юные дарования, как М. Кол, И. Карапиря, И. Малачлы, А. Томайлы, Т. Мойсе и др.

В начале XXI вв. процесс развития гагаузской художественной литературы заметно оживился: появляются первые поэтические сборники у многих авторов [см., напр.: 39; 48], отдельными изданиями выходят драматургия [54], рассказы [36], переводы на гагаузский язык с русского [42; 51] и с молдавского/румынского [41] языков, наблюдается приток свежих творческих сил [см. 52], а каждое новое имя – это новый взгляд на мир, на общечеловеческие ценности, на самого себя [см., напр.: 40; 46]. Полное собрание своих сочинений в шести томах издал К. К. Василиоглу [53]. Наконец, стоит отметить и появление компакт-дисков, посвященных гагаузской художественной прозе и поэзии [43; 44]. В последнее время были созданы новые литературные организации – Союз молодых писателей и поэтов Гагаузии (2013), Союз писателей и поэтов Гагаузии (2018), появились новые издания – журнал «*Аупа*» («Зеркало») (2015), коллективные сборники [см., напр.: 33; 52] и антологии [1; 45], а вместе с ними и новые имена (В. Копушу, Е. Мокану, Н. Есир и др.), и новые работы в области гагаузского литературоведения [29; 30].

Таким образом, за минувшие шестьдесят с лишним лет после утверждения в 1957 г. официальной письменности для гагаузского языка опубликовано более ста книг поэзии, прозы и драматургии, гораздо меньше по объему и по количеству появилось литературно-критических и историко-литературных работ. Ряд произведений гагаузских авторов выходил

в переводе на русский, молдавский/румынский, украинский, азербайджанский, татарский, турецкий и другие языки. В то же время немалая часть классических произведений русской, молдавской/румынской и другой художественной литературы переведена и опубликована на гагаузском языке. Из года в год растет число публикаций художественных произведений гагаузских авторов, в связи с чем актуализируется настоятельная потребность не только в осмыслении самого процесса литературного творчества, но и профессионального критического анализа издаваемых поэтических и прозаических сборников.

Библиография:

1. Антология гагаузской поэзии. Сост. И. Дьячук. 2-е изд., доп. Комрат, 2010.
2. Бабоглу Н. И. Гвоздики расцвели вновь: Повесть, рассказы. Перевод с гагауз. В. Измайлова. Кишинев, 1986.
3. Бабоглу Н. И. Каранфилләр ачтылар енидән. Кишинев, 1981.
4. Бабоглу Н. Становление // Советская Молдавия. Кишинев, 1988, 5 ноября.
5. Бабоглу Н. Тарафымын пиетлери = Напевы родного края: Стихлар. Кишинев, 1988.
6. Буджактан сесләр: Литература йазылары. Хазырл. Д. Танасоглу. Кишинев, 1959.
7. Булгар С. Жанавар йортулары: Аннатмаklar. Кишинев, 1990.
8. Гагауз-Чеботарь П. А. Жана йакын: Стихлар. Кишинев, 1989.
9. Гайдаржи Г. На верном пути: Заметки о современной гагаузской литературе // Кодры. Кишинев, 1975. № 7, с. 137-143.
10. Драганов П. Д. Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводов его на 50 языков и наречий мира // Исторический вестник. СПб., 1899. Кн. 5, с. 634-688.
11. Занет Ф. И. Карымжалык: Пеетләр. Кишинев, 1989.
12. Илкйаз түркүсү: Пеетләр хем аннатмаklar. Сост. и предисл. С. Куроглу. Кишинев, 1989.
13. Карачобан Д. Алчак сачак алтынды: Рассказы. Кишинев, 1966.
14. Карачобан Д. Илк лаф. Кишинев, 1963.
15. Кара Чобан Д. Н. Азбука открытий: Стихи. Перевел с гагауз. В. Кузнецов. М., 1989.
16. Кара Чобан Д. Н. Зеленое пламя: Стихи. Перевод с гагауз. В. Кузнецова, В. Измайлова и др. Кишинев, 1972.
17. Крылов И. А. Масаллар. Гагауз дилинә гечирди К. И. Крецу. Кишинев, 1969.
18. Крянгэ И. Биәз Арап: Масаллар. Гагауз дилинә чевирди К. И. Крецу. Кишинэу, 1974.
19. Куроглу С. Родословное древо: Стихи. Поэмы. Перевод с гагауз. Кишинев, 1988.
20. Куруоглу С. Бир куҗак гүнеш: Стихлар. Кишинев, 1969.
21. Куруоглу С. Йоллар: Аннатмалар. Кишинев, 1970.
22. Матфейя гөрә Евангелия. Б. м., 1989.
23. Танасоглу Д. Маря феричире а унуй мик попор // Ниструл. Кишинэу, 1958. № 12, п. 128.
24. Танасоглу Д. Узун керван: Роман. Кишинев, 1985.
25. Танасоглу Н. Ана дили: Окумак киады башланкы школанын 2-жи классы ичин. Кишинев, 1960.
26. Топал И. Гагаузларын литературасы: бакышлар хем дүшүнмекләр. Ориентир – таманнык // Илкйаз түркүсү. Пеетләр, аннатмаklar. Сост. и предисл. С. Куроглу. Кишинев, 1989, с. 211-217, 218-222.
27. Тукан А. Ана дили: Окумак киады хазырлык классы ичин. Кишинев, 1958.
28. Указ Президиума Верховного Совета МССР «О введении письменности для гагаузского языка» от 30 июля 1957 г. // Советская Молдавия. Кишинев, 1957, 31 июля.

29. Чеботарь П. А. Взгляд на современную гагаузскую литературу: новые темы, новые имена // Лукоморье: Археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2012–2013. Вып. 6, с. 90-100.
30. Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов: Очерки. Coord.: S. Bulgar. Chişinău, 2006, p. 499-544.
31. Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература (50-80-е гг. XX в.): Очерки. Кишинев, 1993.
32. Чык, чык, гүнеш! (Взойди, взойди, солнышко!): Сб. стихов, сказок и загадок. Сост. С. С. Курюоглу. Кишинев, 1981.
33. Akar sel gücü. Peet toplumu. Hazırlayan G. Karanfil. Ankara, 2013.
34. Bessarabiana. Сост. П. Д. Драганов. Кишинев, 1911.
35. Bizim Saabimizin İisus Hristosun Ai (aiozlu) Evanghelieasâ, hani Apostol Matfeidean eazâea ghecilmiş. Bu Evangheliei gecirdi gagauz dilinea protoierei M. Ciachir. Chişinău, 1930.
36. Bulgar S. Gagauz ustası: Annatmalar. Kişinöv, 2009.
37. Ciachir M. Besarabialâ Gagauzlarân istorieasâ. Chişinău, 1934.
38. Ciachir M. Dicţionarul gagauzo (tiurco)-român pentru găgăuzii din Basarabia. Chişinău, 1938.
39. Çimpoeş L. Duygu Başçesi. Chişinău, 2001.
40. Ekonomov S. Zavallı üüredici: Avtobiografiyalı annatmalar. Kişinöv, 2003.
41. Eminescu M. Luceafărul. Çoban yıldızı-Çulpan. Gözyaşından duuan Fât-Frumos. Fât-Frumos din lacrimă. Gagauz dilinâ çevirdi T. Angeli. Kişinev, 2009.
42. Eršov P. P. Beygircik-Kamburcuk: (Üç bölümnü şiirli masal). Çevirdi İ. Hadji. Б. м., 1998.
43. Gagauz literaturasınnan tanışmak. CD-albom. II-ci bölüm: Proza. Proektın öndericisi hem redaktor V. Grajdán. Kişinöv, 2007.
44. Gagauz literaturasınnan tanışmak. CD-albom. I-ci bölüm: Şiirlär. Proektın öndericisi hem redaktor V. Grajdán. Kişinöv, 2007.
45. Gagauz şiir antologiyası. Hazırlayan G. Karanfil. Bursa, 2015.
46. Ganeva E. Çiçekli dünya: Şiirlär. Kişinäu, 2002.
47. Kara Çoban D. Seçmä yaratmalar. Ankara, 2004.
48. Karanastas-Radova O. Canın sesi: Peetlär. Kişinev, 2003.
49. Kuroglu S. Yol yıldızı: Peetlär. Chişinău, 2000.
50. Psaltır găgăuzcea-(tiurccea) gagauzlar için hem tiurclear için. Bu Psaltırnı ghecirdi gagauz dilinea M. Ceachir. Chişinău, 1936.
51. Puşkin A. S. Masallar. Rusçadan gagauz dilinâ çevirdi T. Angeli. Kişinev, 2008.
52. Tükenmáz umut kaynaa: şiir toplumu. Genç sairlerin yaradıcılı debüt. Tertipçi: G. Karanfil. Komrat, 2009.
53. Vasilioglu K. Bucak dannarı: (Şiir toplumu). T. 1. Chişinău, 2007; Olimpiada: (Yaratma toplumu). T. 2. Chişinău, 2007; Sofra: (Proza toplumu). T. 3. Chişinău, 2007; Cömert tarafım: (Proza toplumu). T. 4. Chişinău, 2008; Masal dünnesi. T. 5. Chişinău, 2008; T. 6. Kelebek düünü: (Yaratma toplumu küçüklerä deyni). Chişinău, 2008.
54. Zanet T. Dramaturgiya (Yaratma pyesalar hem çevirmelär). Chişinău, 2006.

Таджибаева Озода Тахировна,
кандидат филологических наук,
кафедра истории узбекской литературы и
фольклора, Ташкентский госуниверситет
узбекского языка и литературы
им.Алишера Навои,
г.Ташкент, РУ
E-mail: ozoda@navoiy-uni.uz

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЗБЕКСКИХ И ГАГАУЗСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ

Annotatian: This article provides a comparative analysis of Uzbek and Gagauz folk Proverbs. Similar Proverbs and their variants of both peoples are described. The reason for the origin of Proverbs, their meaning, and their current meaning are explained. The close properties, concepts, worldview, and language properties of both peoples are consecrated.

Keywords: oral folk art, proverb, variant, national identity, synonym, interpretation.

Особо отличается образ жизни, жизненные условия, культурно-бытовая жизнь, национальный менталитет, обычаи, традиции каждого народа. Географическое расположение, природа, религия, мировоззрение народов представляются образцами устного народного творчества, которые созданы ими. Эти плоды творчества определяют облик нации. В жанровых образцах устного народного творчества каждого народа в мире как сказка, повесть, рассказ, загадка, скороговорка отражаются многовековая история, мышление, мечты, идеи народа. Одним из таких жанров являются народные пословицы. Пословицам, которые возвышены до уровня народное изречение великий писатель Абдулла Кадири даёт такую оценку: «Народное изречение – старший сын матери жизни» [5, С. 3].

В течение веков пословицы совершенствуются, находят подтверждение в жизни, и выражают выводы, не отрицающие истину. Несмотря на то, что пословица имеет маленький объём, в одной фразе воплощен очень большой обобщенный смысл, который прошел через жизненный опыт. Не одно слово в ней не мало, не лишне. В пословице не бывает конкретного времени, места и личности. Прочитавшей её человек выделяет из неё себе нужное, размышляет, делает вывод. Поэтому даже в не близких друг другу народах много похожих пословиц. В их сути лежит действия простого человека, а не именно узбека, каракалпака, гагауза, таджика, киргиза.

Исследование устного народного творчества тюркских народов, корни которых сплетаются в одно родословное дерево, даёт возможность изучить несколько вековую историю, передающейся с эпохи в эпоху менталитет, мировоззрение, корни этих народов. Народные изречения, пословицы, которые даны в произведении Махмуда Кашгари «Дивани лугатит тюрк», который путешествовал среди тюркских народов и изучил их культурный образ жизни, и в сегодняшнее время не потеряли свое значение. Некоторые из них широко употребляются именно в своей форме, а некоторые в измененной форме.

Многие пословицы гагаузского народа очень близки к пословицам узбекского народа. Проведены сопоставительные исследования по генезису гагаузских пословиц с пословицами славянских, болгарских, тюркских языков. В узбекском языке, который относится к группе Алтайских языков, существует три диалекта: Карлук (городские говоры), Кипчак (говор, в котором произносится «ж», Огуз (Хорезм)). Гагаузский язык близок к Хорезмскому говору узбекского народа Огуз.

Тематический круг пословиц широк, включает в себя все, которое существует в повседневной жизни: преданность к другу, возвышение труда, отрицание ленивости, беречь

родителей, давать хорошее воспитание ребенку, правдивость и другие. Многие пословицы узбекских и гагаузских народов похожи друг другу. Образы, детали, используемые для выявления определенного смысла тоже одинаковы. В том числе гагаузская народная пословица «Garga garganın gözünü çıkarmaz» («Ворон ворону глаз не выклюет») существует и у узбеков именно в этой форме: «Қарға қарғанинг кўзини чўқимайди» [2, С. 40; 5, С. 484].

Ученые толкуют эти пословицы, опираясь на мнения латинского писателя и лингвиста А.Макроби, который прожил в V веке нашей эры, и даёт объяснение в произведении «Грамматика» ворона, хотя и клюёт других животных, она не трогает мертвую ворону [5, С. 484]. Хотя забыто историческое значение пословицы, она имеет существенное жизненное значение. В ней выражено уважение, любовь между родственниками, друзьями, коллегами. Смысл пословицы предупреждает об ожидаемой отрицательной ситуации, которая может возникнуть. В узбекском народе есть и противоположная форма именно этой пословицы: «Гадонинг душмани гадо бўлади» (Враг нищего нищей). Здесь имеется в виду внутренняя зависть между людьми, которые стремятся с одинаковой целью.

Ведущим свойством пословиц является то, что они охватывают всё: мелочи и большие вопросы повседневной бытовой жизни. В пословице много смыслов: женитьба, воспитание детей, общение с соседями и тд. Например, пословица «Kusursuz yār aarayan yärsiz kalar» («Ищущая возлюбленного без изъяна остается без возлюбленного») именно в такой же форме есть и у узбеков: «Айбсиз ёр қидирган ёрсиз қолар» [2, С. 42; 5, С. 14]. В этом случае говорится о девушках, которые ищут разные недостатки у парней и в результате остаются без возлюбленного. То есть в пословице есть намек: у каждого человека бывают недостатки, идеального человека нет, поэтому соглашайся. Также в узбекском народе о парнях и девушках, которые долгое время выбирали возлюбленного (возлюбленную), и выбрали не подходящего, говорят «Танлаб-танлаб тозига йўлиқибди» (Выбирая, выбирая, нарвалась (нарвался) на худшего). Ещё один вариант пословицы можно встретить в произведении Махмуда Кашгари «Дивани лугатит тюрк»: “Уйланмайман деган йигитга қирқ газ бўз етмайди” (Парню, который говорит, не женюсь, не хватает 40 метров бязи). Эта пословица адресована парням, которые ищут недостатки девушек, и по разным причинам отказываются от женитьбы [3, С. 135].

Пословица гагаузского народа «На хороший земле – хороший хлеб родится» в переносном смысле означает воспитание родителями детей [7]. Пословица с таким значением близка и изречением «Шўр тупроқ ерда сунбул битмайди» (В солёной земле не растёт смолоносница), которые даётся на таджикском языке в произведении Бабура «Бабурнаме» [1, С. 177]. У узбеков существует десятки синонимических вариантов этой пословицы как: “Олманинг тагига олма тушади» (Под яблоню яблоко падает), «Арпа эккан арпа олар, буғдой эккан буғдой олар» (посеяш ячмень собирёш ячмень, посеяш пшеницу соберёш пшеницу), «Не эксанг, шу кўқарур» (Что посеешь, то вырастет), «Тол экиб, олма кутма» (Посадив иву не жди яблока). Некоторым семьям, в которых растут непослушные дети, говорят: «Қуш уясида кўрганини қилади» (птица делает то, что увидит в гнезде). В обеих пословицах есть указание на то, что родители должны быть хорошими образцами, хорошо воспитывать детей, не воспитывая не должны ждать от своих детей хорошего и тд. Близкий вариант к гагаузской народной пословице можно встретить в поэме Алишера Навои «Фархад и Ширин». В произведении Хисрав планирует жениться на Ширин, мечтает о женитьбе на женщине из чистого рода и стать отцом достойного на трон ребенка. В связи с этим в речи поэта даётся пословица «Ки дона сочқоли керак яхши ер» (Для сеяния зерна нужна хорошая земля) [4, С. 260]. В пословицах акцентируется на примерных родителях.

Пословица гагаузского народа «Прежде узнай соседа, потом строй дом» выражает также древний образ жизни, национальные традиции, обычаи узбекского народа [7]. Существуют варианты как: «Ҳовли олма, қўшни ол» (Не бери дом, а бери соседа), «Гилам сотсанг қўшнингга сот, бир четида ўзинг ўтирасан» (Если будешь продавать ковер, продай

соседу на одном углу сам будешь сидеть), «Қўшнинг тинч, сен тинч» (Если сосед твой спокоен, и тебе будет спокойно), которые означают дружбу, мир и согласие между соседями, в махалле. Ещё говорят: «Қўшничилик – минг йилчилик» (соседство – тысячелетие), «Бир болага етти махалла ота-она» (Одному ребенку семь махаллей родители). В сегодняшней день, когда люди постепенно начинают жить в городских условиях эти пословицы означают сущность народа, уничтожает холодные отношения. Пропагандируют мир, согласие. Источники этих пословиц связаны с преданиями пророка.

Гагаузы говорят «Два акробата на одной веревке не устоят» [7]. Смысл данной пословицы встречается в произведении Бабур «Бабурнома». После смерти Хусейна Бойкаро его два сына – Бадиуззамон Мирзо и Музаффар Мирзо вместе руководят государством. Бабур в связи с этим приводит отрывок из произведения «Гулистон» Саъди Шерози: «Дах дарвеш дар гиламе бихусбанд ва ду подшоҳ дар иқлиме нагунжанд» (То есть: десять дарвишей могут лежать на одном ковре, но два падишаха не уместятся на одном краю) [1, С. 165]. Эта пословица ещё сходится с пословицей «Икки қўчқорнинг боши бир қозонда қайнамайди» (В одном котле не варят головы двух баранов).

Есть ещё несколько разных вариантов этой пословицы. Например, когда между братьями возникает ссора, узбеки говорят: Бир қоринга сикқан болалар, битта ҳовлига сифмайди (Дети, поместившиеся в один живот, не помещаются в один двор). Эти перечисленные пословицы указывают на мир, дружбу, пропагандируют согласие, которые день за днем исчезают среди людей.

В общем, устное народное творчество обеих народов имеет своеобразное богатую, древнюю историю. В них воплощен богатый жизненный опыт и мудрость. Каждый образец устного народного творчества служит примером, образцом для поколений. Изучение творчества народов, имеющие общие корни, открывает путь к изучению много вековую историю этих народов.

Библиография:

1. Бобур. Бобурнома. – Тошкент: Юлдузча, 1989. – Б. 368.
2. Виталий С.. Паремнологические параллели в болгарском и гагаузском языках (к проблеме этнокультурных связей). – С. 37-46.
3. Махмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. – Тошкент: Фан, 1960. !-т. –Б. 250.
4. Навоий Алишер. Хамса. –Тошкент: Фан, 1960. – Б. 780.
5. Ҳикматнома. Ўзбек мақолларининг изохли луғати. –Тошкент: Миллий Энциклопедия, 1990. – Б. 527.
6. O'zbek xalq maqollari. Tuzuvchilar: T. Mirzayev, A.Musoqulov, B.Sarimsoqov. – Toshkent: Sharq, 2005. – B. 257.
7. www.ziyo.uz.com.kutubxonasi

УДК: 821.512.133.09

ББК: 808.(5)

Тулаганова Санобар Панжиевна

Доктор филологических наук,

Старший научный сотрудник,

Института Узбекский язык, литературы и фольклор

Академии наук Республики Узбекистан

г. Ташкент, РУ

E-mail: s.tulaganova@mail.ru

Исламова Сабина Дилмуродовна

Студентка 4-курса

Института Востоковедения

г. Ташкент, РУ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОДХОД

Annotion: There are few authors in the world literature who can attract attention of the reader. Especially, gaining of authority in art and literature promotes changes and development of moral thinking of the nation. It can be seen in literature and life of people of Orient and West. The article analyzes the life of the first Uzbek writer Abdullah Kodiri on a biographical basis. The biographical method is interpreted as the main method of studying creativity. For the first time in Uzbek literary criticism, the life of Kadiri was studied by biographical methods. Father Kodirmuhammad plays a special role in the formation of the writer. Grandfather Kodirmuhammad bobo is a living witness of historical events in the novels and played an important role in the artistic expression of reality.

Keywords: biographical method, writer, Uzbek novel, Abdullah Kodiriy, Kadir Muhammad bobo

Исследование биографии писателя в тесной связи с его творчеством позволяет решать многие проблемы. Очень часто мы изучаем, анализируем, обсуждаем произведения различных писателей, оставляя без внимания его личность и жизнь. Личность художника изучалась в мировой литературе как научная проблема, разрабатывались его собственные принципы. Изучение личность художника различными методами: биографическим, психологическим, социальным, герменевтическим, сравнительным и аналитическим методами помогает повысить роль и значимость работы. Биографический метод – это способ восприятия, анализа и оценки художественной литературы, при котором биография и личность писателя становится определяющим моментом творчества. Любое произведение является оригинальным и историческим. Творчество - это явление, объединяющее не только художественные, но и духовные, культурные, философские, исторические и религиозные корни.

В настоящее время усилилось внимание изучению новой узбекской литературы начала XX века, её духовно-культурного развития, многогранной и разнообразной природы, а также истоков социально-политических, литературных и психологических факторов, породивших новую узбекскую прозу. При осмыслении художественного произведения как культурное, историческое, социальное явление, необходимо исследование его автора не только как литературно-эстетическую проблему, но и в разрезе философских, социальных, психологических проблем. В мировом литературоведении проблема творческого лица и художественного героя изучается в непосредственной связи с явлением творческой гармонии. На сегодняшнее время актуальным является изучение истории национальной

литературы, художественного наследия в контексте мирового литературоведения с помощью объективных, передовых научно-методологических методов.

Наследственные особенности творческого лица являются ведущим условием, при этом творческое лицо повторяет на примере себя качественные признаки своих предков, долгое время хранит в себе историческую родословную историю. Доказано, что в самые сложные моменты жизни, при чрезвычайных обстоятельствах проявляют себя генеалогические особенности. Желает того или нет, подсознательно или неосознанно человек наследует наследие предков. Изучение творческого лица в неразрывной связи с наследственными признаками очень полезно для познания характера его природы и характера героя произведения.

Как известно, среди предков великих людей могут быть одаренные люди и даже гении. Амир Темура был признан гениальным человеком в политике, социальной активности. Его предки и потомки в этой отрасли превосходили других. Согласно сведениям исторических источников темуридские царицы обладали большим творческим потенциалом и незаурядным поэтическим талантом. Гениальные люди, оставившие след в истории – Улугбек Мирзо, Бабур Мирзо, Хусайн Мирзо были потомками Амира Темура. С учетом того, что подавляющее большинство из 21 одного темуридского царицы, включенного в антологию Алишера Навои, были авторами диванов, можно смело говорить о роли генетического фактора в творчестве.

К сожалению, определение биографии как “жанра жизнеописания” недостаточно, поскольку за дефиницию мы принимаем буквальный перевод слова. Еще недавно считалась, что биография “дает картину жизни человека, развитие его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи”[10]. Теперь же, согласно “Литературной энциклопедии терминов и понятий”, биография “предполагает художественное или научное осмысление истории жизни личности, нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности человека в его индивидуальном биографическом опыте”[5].

Ибо, как утверждает основатель биографического метода Сент-Бёв: «Решающей субстанцией литературного творчества является конкретная, индивидуальная личность самого творца. Произведение — это «заговорившая личность», а личность - это душевный мир художника, обретший адекватную словесную плоть» [9]. Автор - это тоже живая плоть, в которой чувствуется влияние генов. Писателя понять нелегко, он не раскрывает своих секретов. Юнг считает, что художественное творчество - это духовная деятельность. “Тайна творческого начала, так же как и тайна свободы воли, есть проблема трансцендентная, которую психология может описать, но не разрешить. Равным образом и творческая личность — это загадка, к которой можно, правда, приискивать отгадку при посредстве множества разных способов, но всегда безуспешно [8]. В свое время Ю. Лотман предупреждал, что “смешение этих двух типов книг — биографии автора и анализа им созданных произведений — редко приводит к удаче”[6].

Узбекский писатель Назар Эшанкул пишет о творчестве «Творчество - это чувство величия и понимания силы Господа». [11]. Автор описывает творение как божественное событие, а художник является представителем духовного мира. Проблема личности очень важна как для настоящего и будущего литературы, так и для судьбы нации. Проблема личности художника изучается в восточно-мусульманском мире другом ракурсе. Отличается от взглядов западных ученых.

Человек является как социальным, так и биологическим созданием. По утверждению психологов, ребенок набирает основной запас слов до пяти лет, а на протяжении оставшейся жизни использует этот лексический багаж и дополняет его. Не зря говорят «Yoshlingda olgan ingitoshgayozganing», («Знания, полученные в детстве, прочнее камня»), В силу этого основным в воспитании ребенка считается семейный очаг и окружающая его среда. Няня Пушкина, бабушка Айбека, бабушки Хаида Алимджана и Чингиз Айтматова

сыграли определенную роль в раскрытии таланта будущих поэтов и писателей, восполнении их духовного «багажа», формировании их мировоззрения.

Влияние наследственного фактора на творчестве очень велико. Мы решили исследовать эту проблему на примере жизни и семейной обстановки Абдуллы Кадыри, поскольку несомненно, что за великим феноменом Абдуллы Кадыри скрываются труды близких ему людей. Судьбе было угодно, чтобы в молодые даже по европейским стандартам годы, а точнее в 24 лет, Абдуллы Кадыри создал первый узбекский роман - произведение нового в начале XX века направления в узбекской литературе, которое не могло появиться на пустом месте. Этот процесс имел несколько источников. В источниках написано, что писатель был загадочным и скрытым, очень религиозным человеком. Учитель писателя в источниках не упоминается. До сих пор исследователи обращали внимание на социальные особенности семьи писателя. СоттиХусайин утверждал, что Абдуллы Кадыри был из «мелкой буржуазии», а ИzzатСултан писал, что он - «сын торговца». В книге «Чудо Кадыри» У.Норматов отметил, что писатель был «сыном безызвестного, простого старика Кодир бобо» [5], а в конце книги в статье «Поклон отцу», уделяя особое внимание личности отца писателя, утверждал, что последний был «золотым звеном» в совершенствовании писателя. Подобные взгляды являются первыми набросками биографии писателя. Чтобы не повторять утверждения наших наставников, мы хотим решить вопрос о роли семьи в формировании творческой личности и процессе превращения жизненной правды в художественную действительность на материале произведений Х.Кадыри «Отамданхотира» («Об отце»), А.Кадыри «Диёрибакр», Ш.Кадыри «37-хонадон» («37-й дом»).

Анализ текста в литературоведении может внести ясность в решение многих проблем и раскрыть истинные причины событий или явлений. Вот что пишет Кадыри в 1926 году в судебной речи: «...сначала я не совсем понял — в богатой семье я родился или бедной» [4.84с]. Не сложно понять, что писатель не может признать свою состоятельность или бедность. Не стоит забывать, в каких условиях и при каких требованиях было написано данное признание.

Кадырмухаммад Хаджимуhammad угли был физически крепким, энергичным, грамотным человеком, в молодые годы служил при дворе ханов и беков, спустя годы после захвата Средней Азии Российской империей в 1865 году открывает в Старом городе небольшую бакалейную лавку. По торговым делам ему довелось побывать в далеких странах, например в Карачи [1], до глубокой старости ему приходилось заниматься земледелием и садоводством, чтобы содержать семью. У Кадырмухаммада бобо было трое сыновей, после старшего Рахимберди (1879) один за другим умирают 12 детей. Абдулла Кадыри (1894) родился, когда отцу было около 72-73 лет. Его мать Жосиятбиби говорила, что Абдуллу она получила после того, как похоронила двенадцать детей. Третий сын Кудратилла (1897) родился, когда Кадырмухаммаду было 76-77 лет. Несмотря на то что деньги на жизнь доставались с трудом, отец освобождал детей от работы, если видел их желание учиться. В воспоминаниях Абдулла Кадыри пишет, что его братьев частенько наказывали за пренебрежительное отношение к учебе, тогда как он никогда не получал выговора [4.82с]. Абдулла любил школу, был оченьмышленным, старательным, но молчаливым ребенком, любил одиночество. Естественно, что Абди (так его называл отец) был непосредственным участником бесед отца с его старыми друзьями, которые приходили его навещать и многое рассказывали, вспоминая былое.

Дедушка по материнской линии Азизсуфи служил правителю Ташкента Азизбеку, а состарившись, стал муэздином в местной мечети. Не исключено, что Абдулла частенько был свидетелем бесед между Кадырмухаммадом и Азизбаем. Под влиянием этих бесед писатель постепенно в уме формировал предварительные наброски проекта будущего романа, создавал первые штрихи разбросанных эпизодов.

Кадырмухаммад бобо был хорошим знатоком национальных мотивов и любил рассказывать исторические легенды, предания, любовные, приключенческие рассказы. Все сыновья с интересом слушали эти рассказы, но только Абдулла осмелился объединить эти рассказы единой идеей и вернуть их своему народу в новом виде, превратив в художественное произведение. Сделать это ему позволили его талант и сила рассказчика, унаследованная им от своих предков. «Гений - это владыка, собирающий вокруг себя своих подданных» [3]. Отвага, трудолюбие, требовательность Кодирбобо перешли к его сыну Абдулле. Айбек пишет: «Он (Абдулла Кадыри) был настолько трудолюбивым, что не каждому творческому лицу дается такая способность». Х.Кадыри подтверждает слова Айбека: «...не будет преувеличением, если скажу, что он писал настолько быстро, что его темп можно сравнить с темпом стенографиста» [4,с.84].

Вот что пишет автор об отце в журнале «Инкилоб» («Революция») в 1922 году: «Отец родился в 1242 году по старому летосчислению, в 1823 по новому, в Ташкенте. Жил во времена правления туркестанских ханов Шералихана, Худаярхана, Маллахана и ташкентских беков Мухаммеда Шарифа, Салимсаббека, Азизбека, Нормухаммедакушбеги, Каноат шаха, Маллахана, сопровождал в Кашгар известного Якуббека из Пскента. Таким образом на протяжении сорока лет был свидетелем правления мусульманских ханов, пятидесяти лет — правителей Царской России и вот последних пяти лет — правления трудового народа» [4,110 с].

В детстве отец мой, более века живший при правлении ханов и многое повидавший на своем веку, рассказывал нам интересные и забавные случаи из жизни. Эти воспоминания пробудили во мне интерес к истории. Затем, ознакомившись со многими источниками по истории тех времен, у меня появилось желание создать произведение в жанре западной литературы. Исторические события будто кипели в моей голове, они не давали мне покоя, однако я не мог представить, как можно нанизать все эти истории на одну; нить и изложить все на бумаге:

В один прекрасный день из города в наш сад к отцу приехал один старик. Отцу в то время было около ста, а гость выглядел на 5-10 лет моложе. Отец спросил у гостя: «Сколько у вас детей от жены в Андижане?», из беседы я понял, что это из Ташкента, у него есть семья, дети. Однако в молодые годы торговым делам он уехал в Андижан, долго жил там, женился, обзавелся детьми, состарившись, верится к себе на родину: Эта обыкновенная история гостя будто дала решение моей проблемы и набросала предварительные штрихи моей будущей книги» [4, 123 с].

Этот фрагмент, который помог писателю найти определенную форму его разбросанным мыслям, может многое прояснить в истории создания произведения «Минувшие дни».

По мнению Бахтина, мир эпоса мир “предков и дедов”, “лидеров” и “лучших”. Исполнитель и слушатель эпоса вступая в связь с людьми прошлого, с событиями, произошедшими с ними, рассматривает его как идеал, сравнивает его с современностью, людьми своей эпохи. Ибо, по мнению современного человека его эпоха не совершенна, а будущее – абстрактно. Лишь прошлое совершенно, достойно поисков идеала.[2]

Согласно этой теории, историческую эпоху времени Кадырмухаммада бобо Кадыри помещает в художественную форму на основе единой системы. И в эпосе живёт Алп, создаёт события, а его потомки слагает дастаны об Алпе. Кадыри систематизацию процесса на основе художественных законов выполняет на высоком уровне с точки зрения творческого потенциала.

Чтение множества исторических книг, знание арабского, турецкого, персидского, русского языков, знакомство с исламской философией, изучение различных литературных течений, знание в совершенстве народного языка, неустанный труд, потребность в передаче осмысленных вещей заложили фундамент для создания известного произведения. Появилась

модель авторских идей - роман, учитывающий уровень грамотности народа и его вкус, систематизировавший все события, подчинивший их единой цели.

Основным рассказчиком следующего романа писателя был Кадырмухаммадбобо, он непосредственно участвовал в процессе помолвки Анвара и Раъно и имел дружеские отношения с Анваром. В «Воспоминаниях об отце» писатель пишет: «Я спросил у отца: События в романе «Скорпион из алтаря» на самом деле вам рассказал Кодир бобо, как вы пишете в прологе романа?»[4,120 с].

Потомки ханов и подстрекатели-беки ради трона боролись в междоусобных войнах и проливали столько крови, что в результате царские войска один за другим захватили города Ферганской долины, а ханы не обращали на это внимания; мелкие причины привели к большим потерям. Чувство народного горя, потери независимости Абдулла Кадыри передал своими произведениями.

Не следует забывать, что немаловажную роль в становлении человека занимают наследственные признаки и являются ведущим фактором в познании вселенной. Но в реализации способностей следует отметить не только психогенетические факторы, но и ряд других факторов.

Абдулла Кадыри, бесспорно, изучил приемы повествования западных писателей - Толстого, Достоевского, Чехова, Тагора, Зайдона - и различные литературные течения. Однако мы предполагаем, что среди учителей Кадыри наряду с представителями классического философского наследия - Руми, Физули, следует называть и его отца.

Писатель, предпочитавший писать об «услышанных им вещах, в которые он верил сам», искал особый стиль, способный точно передать народное горе, и нашел прием, соответствующий вкусу и уровню народа. При изучении социального положения семьи писателя и его биографии исследователи часто не обращают внимания на личность его родителей, их цели, мечты, мировоззрение. Изучение личности писателя в тесной связи с его произведениями способствует развитию литературоведения и может привести к обобщающим выводам.

Кадырмухаммад, превратившийся в живую историю, воспитал в сыне любовь и стремление к творчеству. Разумный и рассудительный малыш «Абди», произведения которого способны прославить узбекский народ на весь мир, получил сначала свои знания в народной школе. Такие осведомленные люди как Кадырмухаммад бобо смогли вложить в его душу загадочные коды этой жизни, которые, воплотившись в качестве специальных программ и художественной концепции в его произведениях, смогли раскрыть внутренний мир самого автора. Родители, считающиеся старшими наставниками школы жизни, скрывающиеся за каждым великим феноменом, воспитывают народ подобно преданному делу учителю. В формировании мировоззрения, образа мышления и созидания мира Абдуллы Кадыри его первым учителем был отец, непосредственно влиявший на создание его романов, что и побудило нас обратиться к этой проблеме.

Библиография:

1. Абдуллаев М. Утканларёди. Тошкент, Пресс-Лиз. 2012. – Б.67.
2. Журакулов У. Михаил Бахтин кашфиётлари. Назарий поэтика масалалари. Тошкент. 2015. Ғ.Ғулом нашриёти. – Б.84.
3. Сост., общая редакция Г.К.Косикова. Зарубежная эстетика и теория литературы XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общая редакция Г.К.Косикова. Москва. Изд. МГУ, 1987. – С. 47.
4. Кодирий Х. Отамданхотира. Тошкент, Янги асравлоди. 2005. – Б. 12.
5. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М.Кожевникова, П.А.Николаева // Москва, Советская энциклопедия. 1987. – С.54.
6. Лотман Ю.М. Биография – живое лицо. Новый мир. 1985. № 2. – С.28.

7. Норматов У. Кодириймуъжизаси. Тошкент, Узбекистон. 2010. – Б.11.
8. Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. Москва, Университетская книга. 2000. – С. 114-130
9. Сент-Бёв Ш.О. Литературные портреты. Москва, Художественная литература. 1970. – С.48.
10. Соболевская О.В. Биография / Соболевская О.В. // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под.ред. А.Н.Николюкина. Москва, «Интелвак», 2003. – С.90.
11. Эшонкул Н. Менданменгача. Тошкент, Академнашр. 2014. – Б.206.

УДК [811.161.1:811.512.133]81-115

Хамдамова Мунира Бадриддин кизи
студентка Андижанского госуниверситета
г. Андижан, РУ
E-mail: munira1226@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Annotation: Somatisms have become an integral part of our lives. They occur not only in communication, but also in some language units. In this thesis, there are different views on the origin of somatic phraseologies. It is used in Russian and Uzbek languages.

Keywords: Somatisms, phraseology, Russian, Uzbek, head, hand, eye.

Каждая языковая система имеет свои уникальные составляющие. Фразеологизмы украшают текст стилистическим образом и дополняют речь каждого говорящего эмоциональностью и выразительностью. Большинство фразеологизмов связаны с частями тела, которые называются соматическими фразеологизмами. Чаще всего, в соматических фразеологизмах употребляют наименование тех частей, функции и значение которых очевидны, например, голова, глаза, рот, зубы, руки, ноги и другие [1, стр. 153]. Существование соматизмов в фразеологизмах можно объяснить тем фактом, что люди с древних времен были в нужде в собственных частях тела.

В соматических фразеологизмах не выполняется определенное действие, но для обоих коммуникантов ясно то, что его возникновение и какое определение, значение оно может выражать.

Филиппов утверждает, что «легко понять возникновение фразеологизмов от жестов.» [2, стр. 166]. Использование паралингвистических средств во фразеологии повышает их образность и помогает выразить его более эффективно.

В этом тезисе обсуждается роль частей тела в некоторых из соматических фраз, которые встречаются на русском и узбекском языках.

Тело, наиболее часто используемое в соматических фразеологизмах, - это голова, потому что голова - это главный орган человеческого разума. Вот поэтому в большинстве фразеологизмов, которые встречаются на русском и узбекском языках, больше всего употребляется голова (бош):

Вскружить голову
Биться головой о стенку
Склонять голову
Голова идёт кругом
Хоть голова долой
Ломать голову над чем-то

Бошини айлантириб олмоқ
Бошини деворга урмоқ
Бош эгмоқ
Боши айланмоқ
Боши қиличга борганда ҳам
Бошини қотирмоқ

Пальцы – это душа жестов. Палец зовет, манит, предлагает, возвращает, получает, дает, осуждает, говорит, толкает, наказывает, просит, наблюдает [3, стр. 50-51]. Есть соматические фразеологизмы выражающиеся с помощью руки (кўл), но имеющие разные значения, которые широко используются в языке. Основная причина этого заключается в том, что рука играет важную роль в процессе общения. Кинетические невербальные средства, образующиеся с содействием рук являются важной частью процесса общения и одним из ведущих инструментов, используемых для демонстрации характера и особенностей художественных образов. Рука может использоваться в различных частях процесса выражения: она подтверждает идею, придает дополнительное значение, повышает чувствительность, выражает, интерпретирует и описывает эмоцию [4, стр. 55].

Профессор В. Вундт утверждает, что вначале существовали два языка: язык речи (физические движения языка и губ) и язык жестов (движения рук, головы, тела, мышц лица). Знаки, приказы, угрозы и ободрение выражаются руками и жестами [5, стр. 52]. Невербальные устройства руки могут быть классифицированы по кинематике, которые происходят через пальцы, ладони, запястья и локти, в зависимости от того, какая часть руки выставлена. Это еще более расширяет парадигму соматических глаголов и фразеологизмов. Помогает понять важность их место в языковой системе.

На руках носить
Быть под рукой
Держать в руках
Рукой подать
Руки не доходят
Махнуть рукой

Кўлида олиб юрмоқ
Кўл остида бўлмоқ (ишламоқ)
Кўлга олмоқ
Кўл узатса етмоқ
Кўл бормаиди
Кўл силтамоқ

Лицо включает в себя мимические невербальные средства, в которых выражается разные информационные средства с помощью *глаза (кўз), бровь (қош), нос (бурун), тил (язык), рот (оғиз), зуб (тиш), губы (лаб)*. Жесты, движения тела, и особенно мимические движения, как и другие признаки языка, служат для изложения значений точными и понятными для всех [6, стр. 51].

Особенно глаза считаются самыми много используемыми частями лица. Физиологи обнаружили, что глаза уникальны: в них можно насчитывать более 250 комбинаций осложнений характера, которые не повторяются даже у близнецов [7, стр. 376]. Чарльз Дарвин утверждает, что движения глаз вызывают ассоциации с различными состояниями сердца [8, стр. 32]. С помощью глаз передаются наиболее очевидные и четкие сигналы, поскольку они являются центральными для человеческого организма, а яблоки полностью независимы [9, стр. 94]. Американский философ Р.Эмерсон говорит, что «когда глаза и язык говорят по-разному, самый опытный человек верит в глаза» [7, стр. 372]. Ниже приведены некоторые из соматических фраз, которые встречаются в имитирующих невербальных средствах:

Открыть глаза
Закрывать глаза на что-либо
Глаза на лоб полезли
Найти общий язык
Прикусить язык
Воротить нос
Задирать нос
На носу
Чуять носом
Совать нос

Кўзини (мошдек) очмоқ
Кўз юммоқ
Кўзи ола-кула бўлмоқ
Тил топишмоқ
Тилини тишламоқ
Бурнини жийирмоқ
Бурни кўтарилмоқ
Бурун тагида
(Бурун билан) ҳидини сезмоқ
Бурнини суқмоқ

В некоторых из приведенных примерах можно увидеть разные лексические употребления слов: *хотъ голова долой – боши қиличга борганда ҳам, глаза на лоб полезли – қўзи ола-кула бўлмоқ*. Это означает, что представители каждой нации по-разному выражают свои чувства, и имеют свои индивидуальные восприятия мира.

Распространенным явлением соматических фразеологий в системе разных языков является метафорическая природа соматических лексем в них [10, стр. 106]. Из всех приведенных выше примеров ясно, что паралингвистические агенты находятся на переднем крае соматического фразеологического происхождения. Особенно использование соматических глаголов в фразеологизмах является доказательством нашего мнения.

Библиография:

1. Вакк.Ф. О соматической фразеологии эстонского языка. Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей – Баку, 1968.
2. Филиппов А.В. Звуковой язык и язык жестов // Лингвистический сборник. – Москва, 1975.
3. Станиславский. Р. Искусство пантомимы. – Москва: Искусство, 1962.
4. Саидханов М. Общение и жесты. – Т.: Наука, 2008.
5. Вундт В. Психология народов. – М.: Эксмо, 2002.
6. Балли.Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва, 1955.
7. Крейдлин Е. Невербальная семиотика. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002.
8. Дарвин Ч. О выражении эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 2001.
9. Пиз А. Язык телодвижений. – Москва: Эксмо, 2006.
10. Чайко Т. Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике. Вопросы ономастики. № 8-9. Свердловск, 1974.
11. Фёдоров.А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 2-е издание, однотомное, стереотипное – М.: АСТ: Астрель, 2001 г.
12. Рахматуллаев Ш. Толковый фразеологический словарь узбекского языка. – Т.: Учитель, 1978.

УДК 821.512.154.09-91

Али Ихсан Чевик

Бакинский Государственный Университет
Филологический факультет,
Литература Тюркских Народов
г. Баку, Азербайджан
e-mail: aihsancevik@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЯ ГАСЫМА ТЫНЫСТАНОВА ПО ЭПОСУ «МАНАС»

Abstract: Since the beginning of the twentieth century, as a result of the many intellectuals efforts like Tynystanov has begun the collection and writing the Kyrgyz folklore. In 1922 a scientific conference was established in Turkestan Soviet Union and organized folklore expedition of legends, fairy tales, proverbs, epics and epic studies. Members of the Tashkent Scientific Council and organizers of the “Naryn Expedition” and the representatives of Kyrgyzstan were Erkin Arabayev and Kasym Tynystanov. In the composition of the folklore expedition were K. Miftakhov, S. Soronbayev, I. Abdulrahmanov and others.

Keywords: *Manas, epics, Kasym Tynystanov, folklore*

Введение

Эпос «Манас» как одно из ключевых произведений устно-поэтического творчества киргизского народа занимает важное место в истории развития общетюркской культуры.

Киргизские тюрки, не имеющие книжной письменности до начала XX века, обладают богатейшим устным народным творчеством. «Манас» впервые был представлен научному сообществу киргизско-казахским тюрком Чоканом Велихановым. Эпос частично был собран русским тюркологом Радловым и опубликован в 1985-ом году в пятом томе «Образцов тюркского народного устного творчества». Книга состоит из двенадцати тысяч четырехсот пятидесяти строк. В 1952-ом году под предлогом разжигания национальных и религиозных чувств, якобы вызываемыми эпосом «Манас», коммунистически-большевистский режимом был наложен запрет на его издание. Но впоследствии, учитывая протесты в народе, было разрешено издание эпоса за исключением некоторых его частей.

Исследования Гасыма Тыныстанова по эпосу «Манас»

В промежутке 1927-1937-х годов перу Тыныстанова принадлежало множество научных работ и в 1934-ом году впервые им было предложено перевести «Манас» на русский язык. В 1935-1936-х годах им был осуществлен перевод на русский язык главы эпоса «Чон Казат» (Великая Битва) вместе с Карасаевым, Узакбаем Абдукаримовым, Саманчином Тазабеком.

В 1935-ом году на научной конференции в городе Фрунзе была впервые представлена статья Тыныстанова «Значение эпоса «Манас» для киргизского народа». До конца своей жизни он продолжал деятельность в области языкознания, одновременно играл важную роль в переводе на русский язык эпоса «Манас» вместе со своим ближайшим другом, известным филологом Е. Поливановым [8, с. 13-14].

Основная часть деятельности Гасыма Тыныстанова в качестве переводчика в 1935-1936-х годах связано с переводом эпоса «Манас». По решению Киробкома ВКП(б) (Большевистская Коммунистическая Партия Кыргызстанского Областного Комитета) 1 июня 193-го года Гасым Тыныстанов был отправлен в Москву для перевода и художественного редактирования эпоса «Манас» [5, с. 23].

Приглашенный в Москву в качестве одного из литераторов, Гасым Тыныстанов заявил о завершении работ по переводу на 75%. Кроме этого, нужно было согласовать с переведенной частью эпоса 6500 двустуший или 17 опубликованных страниц. Переведенный раздел из рукописи эпоса под названием «Рассказ Алманбета», состоящий из 71 страницы, хранится в отделе Рукописей НАН Кыргызстана. Гасым Тыныстанов дополнил перевод вариантом С. Каралевой [15, с. 28].

Решением Революционного Комитета ККАО от 20 декабря 1924-го года в отделе Национального Образования Кара-Кыргызской Автономной Области впервые в истории киргизского народа было создано научное учреждение – Академический Центр. Е. Арабаев был избран председателем, а Г. Тыныстанов – заместителем председателя. Руководители Академического Центра Е.Арабаев и Г.Тыныстанов раскритиковали доклад исследователя «Манаса» С.Орозбакова. От него в суровой форме потребовали завершение выступления. По этой причине остался невыясненным вопрос о переводе «Манаса» на киргизском языке, стихи читались в ритме со смешанным узбекским, уменьшена художественная сила эпоса, сокращены главы эпоса «Великая Битва» и «Гибель Манаса». Этот недостаток объясняли преследованиями С. Орозбакова со стороны руководителей Академического Центра в Ташкенте. Многие исследователи обвиняли в этом Гасыма Тыныстанова. Однако эти обвинения беспочвенны, потому что фольклорист С. Орозбаков в последние годы жизни страдал от тяжелой болезни, под воздействием которой у него развивалось даже нарушение памяти [12, с. 73-74]. Это и было основной причиной неполного анализа эпоса, сокращения некоторых частей и спутанности в стихах.

Последние 100 страниц эпоса, отражающего историю киргизского народа, были утеряны или уничтожены. Гасым Тыныстанов и Х. Карасаев хотели восстановить те части, которые были утеряны и написать их заново.

Молодые исследователи наследия Тыныстанова хотят привлечь внимание к трем его сохранившимся стенограммам.

1. «Манас». Доклад на Всесоюзной конференции, организованной для манасоведов Киргизским Обкомом партии 27-28 декабря 1935-го года [2, с. 48-66].

2. «Новый орфографический проект киргизского языка». Доклад, прочтенный на русском языке в мае 1934-го года во Фрунзе [18, с. 24].

3. Доклад на собрании рабочих завода «Красный химик» в конце 1933-го года в Ленинграде [1, с. 108-138].

Заключение

В 1936-ом году в связи с эпосом «Манас» Гасым Тыныстанов был назначен официальным переводчиком и начал переводить основные главы эпоса. Рукопись его перевода «Семетей» хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 2180, оп. 1, ед. хр. 112). Рукопись состоит из 106 страниц с 3015 бейтами и сдан в 1936-ом году. Первым литературным критиком, высоко оценившим этот труд Тыныстанова, стал Садиг Алахан. А М.Мамыров считает Тыныстанова не только автором научных статей и крупным лингвистом, но и фольклористом, ученым-манасоведом, собравшим и систематизировавшим фольклорные образцы.

Библиография:

1. Арх. МНБ, ф. С.У., Уголовное дело №7692: 108-138.
2. Арх. МНБ, ф. С.У., Уголовное дело №7692: 48-66.
3. Айтмамбетов Дуйше. Култура Киргизского Народа Во Второй Половине XIX и Начале XX Века, Фрунзе, Илим, АН Кир. ССР, 1967.
4. Акматов Казат. Кыргыз тили кечее, бүгүн, жана еррең, Тил Илими Институту, Бишкек, 2000.
5. Абдыкаров Т. А., С. Р. Джумалиев. Судьба эпоса «Манас» после Октября: Сб. документов, Бишкек, 1995.
6. Бартольд В. В.. История культурной жизни Туркестана, Полное Собрание Сочинений, Т.II, Ч.II, Издательство АН ССР, Москва, 1963.
7. Бектенов Зияш, Тугуч Сынчы. Ала-Тоо Касым, Бишкек, 1989.
8. Бектенов Зияш, Абдыганы Эркебаев. Тыныстан улуу Касым: Адабий чыгармалар (литературные произведения), Бишкек, Адабият, 1991.
9. Даутов Кадыркул. Адабий сын кантип жаралган?: Монография, Кошуча окуу курагы, Бишкек, 2002.
10. Джаныбеков Ч. Касым Тыныстанов: жизнь и творчество, Бишкек, Бийиктик, 2003.
11. Жолдошева А. Д. Кыргыз Адабиятынын Маселелери, Чынгыз Айтматов Атындагы Тил Жана Адабият Институту, Бишкек, 2012.
12. Жусупов К. Улуу Манасчи Сагынбай / Башкы, Ала-Тоо журналы, 1992.
13. История Киргизской ССР. — Т. 3. - Фрунзе: Кыргызстан, 1986.
14. Салижан Жигитов, Алыкул Осмонов. Кыргыз Адабиятынын Тарыхы, VI том, Бишкек, 2002.
15. Сооронов О. Калыгул, Арстанбек жана. Касым Тыныстановдун кол жазмаларынын илимий сыпаттамасы (атайын фонду — 3), Бишкек, Манас жана керкем маданияттын улуттук борбору, 2001.
16. Станалиев С. Касым Тыныстанов Чагылгандын Көз Жашы Роман, Мамлекеттик тил жана энциклопедия борбору, Бишкек, 2001.
17. Тыныстан уулу Касым. Литературные произведения, Бишкек, Адабият, 1991.
18. Тыныстанов К. Проект новой орфографии киргизского литературного языка. — Фрунзе: Киргосиздат, 1934.
19. Тыныстанов Касым. Тил Сабагы китеби, Ташкент-Фрунзе, 1932.

2. РУМЫНСКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИИ

УДК 811.512.1

Cuțitaru Natalia,
conf.univ.,dr.

Universitatea de Stat din Comrat
Republica Moldova

MINORITATEA GĂGĂUZĂ: MULTICULTURALISM ȘI DIVERSITATE LINGVISTICĂ

Abstract: Multiculturalism and multilingualism are some of the most controversial themes of our time. The existence of several languages on the territory of Moldova is an old, historic phenomenon. One of the ways to regulate and guide interethnic processes in a multinational community is the constructive dialogue in which an important role belongs to the development of bilingualism in the education and polycultural education system.

In UTAG, the romanian language is involved in a way of social communication that takes place under the conditions of bilingualism. The linguistic effects of this bilingual communication system can not be left unattended, especially taking into account the length of the process. In the region, the relations between the official language on the one hand and the regional language on the other hand are not interpreted in terms of competition or antagonism, but in relation to the increase in the number of romanian speakers and not in the perspective of the decrease of the number of speakers of the language gagauz.

Keywords: linguistic diversity, multilingualism, linguistic partnership, intercultural dialogue.

A. Peisajul socio-cultural și diversitatea lingvistică a găgăuzilor

Într-o epocă ce stă sub semnul complexului fenomen al mondializării, promovarea diversității cultural-lingvistice este vitală pentru comunicarea și colaborarea între națiuni. Vom încerca să abordăm acest subiect, străduindu-ne să reflectăm doar câteva din axiomele legate de diversitatea cultural-lingvistică a unei comunități din sudul republicii Moldova, Unitatea Teritorial Autonomă Găgăuzia, o regiune, locuită preponderent de gagauzi, un popor de etnie turcă, vorbitor al unei limbi turcești și apropiat cultural de turci, însă de confesiune creștin-ortodoxă.

Actualmente, găgăuzii (153.000 de locuitori) geografic locuiesc compact în nord-vestul și sud-estul stepei Bugeacului (1.800 km²), iar administrativ în raioanele Comrat și Ceadâr-Lunga, în unele sate din raioanele Basarabeasca, Taraclia și Vulcănești ale Republicii Moldova. Aici trăiesc 165.795 locuitori, din care găgăuzii constituie 134.455 (82,5%), rușii — 11.768 (7,09%), moldovenii — 8.276 (4,99%), bulgarii — 7.880 (4,7%), ucrainenii — 4.674 (2,80%). reprezentanții altor etnii constituie 1.258 persoane (0,76%).

Acest spațiu geografic al Moldovei reprezintă o regiune specifică prin cadru socio-cultural, prin multilingvism și multiculturalism, prin diversitatea arhitecturii folclorice și trăsături etnice specifice. Peisajul cultural al acestui spațiu a fost profund marcat de destinul său istoric. Apariția găgăuzilor pe scena istoriei se dovedește la fel de interesantă precum destinul acestei minorități, puțin numeroase, dar cu implicații puternice în peisajul politic din Basarabia. Ei au fost, de cele mai multe ori, fără să-și da seama, pionii ai repetatelor campanii de rusificare, devenind cu timpul o etnie rusificată, cu o istorie mereu provocatoare. Presiunea sistemului limbii ruse (dominantă) asupra limbii găgăuze (dominate) a fost exercitată din două direcții:

a) din exterior/datorită mediului rusesc, purtătorii limbii minoritare au fost constrânși să devină „bilingvi”, deoarece numai prin însușirea limbii ruse puteau accede la o treaptă superioară în societate;

b) din interior/datorită amestecului, în conștiința vorbitorilor, a două sisteme glotice diferite: cel al limbii materne și cel al limbii ruse.

Criteriile socio-culturale în geografia regională sunt:

- diferența limbilor;
- diferența codurilor culturale;
- diferența strategiilor de utilizare (norme lingvistice, culturale).

Constructul identității social-culturale este considerat a avea un rol central și mediator ca determinant al atitudinilor și comportamentelor lingvistice. În acest context, S.Marcus face o observație magistrală privind sporirea dimensiunii nobile a limbii: „Să înveți să trăiești plăcerea locuirii în ea, dar și plăcerea de a ieși din ea, pentru a trăi în lume și pentru a duce acolo creativitatea de la locul tău, apoi, cu această experiență câștigată, să te întorci îmbogățit, trăind plăcerea revenirii” [4, p. 40].

În autonomia găgăuză sunt declarate trei limbi oficiale : găgăuza, rusa și româna. Studiile recente realizate ne demonstrează că limbile circulante pe teritoriul autonomiei sunt foarte neuniform distribuite în rândul diferitor categorii socio-demografice. Dimensiunea lingvistică în regiune este specifică prin orientarea spre predominanța unei alte limbi decât limba maternă a etniei. Limba de stat nu este utilizată în proporții importante. Deși, pe de altă parte, diversitatea și, în special cunoașterea limbii unui alt popor este o bogăție culturală atât pentru individ cât și pentru întreaga societate. Însușită în mediul ei etnic, limba oferă o mulțime de subtilități, aproape imposibil de interiorizat în afara lui, întrucât „structura psihică particulară a unui popor determină anumite aspecte ale structurii limbii” (Gh. Ivănescu), ceea ce explică de ce „a vorbi o limbă e a adopta cu vremea un suflet” (Iorga).

Pe de altă parte, învățarea simultană a două limbi este nu doar benefică, ci și rațională, deoarece, prin solicitarea intelectului sporită, stimulează creierul în sens pozitiv, favorizând, astfel, și dezvoltarea cognitivă. E lucru constatat și argumentat științific: multilingvismul lărgeste accesul la informație, stimulează activarea și dezvoltarea cerebrală, crește creativitatea și potențialul inventiv, prin comparația și conștientizarea diferențelor dintre infrastructurile subtile ale limbii materne și ale limbii învățate poate iniția alte modalități de organizare a gândirii, de utilizare a structurilor cognitive, în ultimă instanță, amplifică inteligența, capacitatea de procesare a datelor. Specialiștii în domeniu recunosc, de comun acord, că a „jongla” cu două coduri lingvistice nu e un lucru ușor, dar, cu siguranță, nu este un aspect de neglijat. Dimpotrivă, acest demers didactic constituie un bun exercițiu de relativizare și de deschidere, iar vorbitorul experimentează în mod judicios ambele componente.

De altfel, în Strategia referitoare la multilingvism a Uniunii Europene se subliniază faptul că vorbirea mai multor limbi pe lângă limba maternă, precum și înțelegerea altor culturi, întărește legătura dintre diferitele părți ale Europei, precum și faptul că limbile reprezintă calea ce trebuie urmată pentru atingerea integrării sociale și a dialogului intercultural. „Învățarea unei limbi nu înseamnă doar accesarea unui cod de comunicare. Prin învățarea limbilor și printr-o incursiune în punctul de vedere al celorlalți, devenim mai toleranți, mai dispuși să facem compromisuri, mai conșienți de complexitatea societății noastre. Nu aparținem doar unei limbi materne, ci suntem alimentați de o varietate de culturi” [3]. Astfel, politica Comisiei Europene în domeniul multilingvismului își propune trei obiective:

- să încurajeze învățarea limbilor străine și să promoveze diversitatea lingvistică în societate;
- să promoveze o economie multilingvă performantă;
- să ofere cetățenilor acces la legislația, procedurile și informațiile despre Uniunea Europeană în propriile lor limbi.

Mai mult ca atât, prin Cadrul European Comun de Referință pentru Limbi (CECRL), politica lingvistică europeană a ultimilor ani creează premisele ameliorării atitudinii față de culturile și limbile europene (și nu numai), oferă suport instituțional intențiilor și demersurilor de intercunoaștere culturală între componenții tradiționali ai Europei, iar mai nou extinde acest suport spre orice altă cultură, oriunde va fi fiind aceasta amplasată geografic. Tocmai de aceea, multiculturalismul sau „dialogul pluralismelor”[3], după cum este numit în literatura de specialitate,

pledează în favoarea unui spațiu cultural deschis, iar pentru gestionarea contactului dintre mai multe limbi, culturi, identități culturale, inclusiv ale celor minoritare (Emil Cioran spunea că „popoarele mici au întotdeauna orgoliul rănit”), e nevoie de a dezvolta învățământul intercultural al limbilor.

De asemenea, trebuie de subliniat faptul că situația de bilingvism din Republica Moldova este determinată nu doar de vorbitorii nativi ai limbilor română și rusă, adică de moldoveni și de ruși, ci și de reprezentanții altor etnii, în special, ucrainenii, găgăuzii și bulgarii, care în mare parte își abandonează propriile limbi materne și adoptă limba rusă. Limbile minoritare au o pondere comunicativă redusă și reprezintă doar forme de manifestare a culturii spirituale a etniilor. În UTAG limba română este implicată într-o modalitate de comunicare socială care se desfășoară în condițiile bilingvismului. Efectele lingvistice ale acestui sistem de comunicare bilingvă nu pot rămâne fără urmări mai ales ținând cont de durata procesului. În regiune, relațiile dintre limba română, pe de o parte, și limba găgăuză, pe de altă parte, nu sînt interpretate în planul concurenței sau al antagonismului, ci în raport cu creșterea numărului vorbitorilor de limba română și nu în perspectiva micșorării numărului vorbitorilor limbii găgăuze.

B. Identitate și interculturalitate

Dezvoltarea interdependenței oamenilor și culturilor în societatea globală a secolului XXI ne obligă să acordăm mai multă atenție problemelor interculturale. Pentru a putea trăi și funcționa în mediul multicultural de astăzi, oamenii trebuie să fie competenți în comunicarea interculturală. Interculturalitatea este înainte de orice respectul diferențelor. După cum remarcă Michael Byram [2] într-o lucrare consacrată societăților multiculturale și proiectului unei educații interculturale, pluriculturalitatea se referă la capacitatea de a te identifica și a participa în multiple culturi; interculturalitatea vizează capacitatea de a dobândi experiența și a analiza „alteritatea culturală” (fondul cultural al altora) precum și de a utiliza această experiență în scopul reflecțiilor asupra unor teme ce țin, într-un mod sau altul, de propriul mediu cultural. Interculturalitatea implică atitudinea de a fi deschis, interesat, curios și empatic față de cei care aparțin altor culturi – ceea ce constituie o premisă relevantă pentru acțiuni corelate în baza unor scopuri comune, ca și pentru dezvoltarea unei mai bune auto-cunoașteri și auto-înțelegeri.

Identitatea culturală este domeniul în care etnicul apare mai pronunțat, cultura găgăuză fiind cea cu care se identifică marea parte a locuitorilor autonomiei. Actual, are loc procesul de schimbare continuă a stereotipurilor mintale în domeniile culturologiei și a filosofiei limbajului. În legătură cu aceasta, faptele cultural-lingvistice trebuiesc expuse/ reflectate sub aspect diacronic și *pluridimensional* [5]. În educația cultural-lingvistică miza este pusă pe dezvoltarea competențelor policulturale, a deprinderilor de toleranță, corectitudine interculturală. Instituția publică, ca instanță de transmitere a valorilor, se va centra pe pluralitatea culturilor pe care mediul multicultural îl presupune [6]. Acest obiectiv presupune două aspecte: pe de o parte, vizează adaptarea educatului la mediul propriu, al regiunii, culturii sale particulare, cu toate trăsăturile, iar pe de altă parte, acest tip de școală îi propune să asigure adaptarea educatului la mediu în condițiile coexistenței mai multor grupuri, coduri culturale. În consecință, la un nivel superior al comportamentului social, interlingvismul ar putea stimula și facilita apropierea fi rească și necesară între națiuni, cu alte cuvinte dialogul și înțelegerea (în accepțiunea largă a termenilor).

C. Diversitatea ca model educațional

Din ce în ce mai mult, școala devine o mare diversitate culturală, un loc al întâlnirii și al schimbului de modele sau de referințe valorice. Diversitatea culturală nu mai este un prejudiciu, ci o realitate care trebuie fructificată în mediul școlar. Pluralitatea culturală pune nu numai problema apărării diferențelor, ci a dialogului cultural, care recunoaște că fiecare trebuie să contribuie la îmbogățirea experienței umane și că fiecare dintre ele este un efort de universalizare a unei experiențe particulare. A face educație interculturală presupune ca însuși procesul educațional să se realizeze într-un mediu interacțional, prin punerea alături, față în față, a purtătorilor unor expresii culturale diferite. Educația formală, cea care se realizează în cadrul instituțiilor de învățământ, este în primul rând locul în care respectul față de diversitatea etnică din Moldova trebuie să fie vizibil și

încurajat pentru că educația formală este cea sistematică, organizată, legală, reprezentativă pentru spațiul cultural în care trăim.

Educația interculturală are două dimensiuni care se articulează indisolubil una cu cealaltă:

➤ a cunoștințelor ce furnizează tinerilor mijloace conceptuale pentru a percepe realitatea și a interpreta informațiile pe care le primesc, de a le asigura o informare corectă, obiective care să le permită să depășească stereotipurile și prejudecățile, să se situeze și să comunice într-o lume diversă;

➤ a experienței, ce înscrie educația în viață, mobilizează ansamblul personalității individului și potențialul de învățare, el va ști să descopere și să stăpânească sentimentele în cadrul relațiilor sociale-interculturale, să-și respecte aproapele, să coopereze cu semenii săi.

Criteriile de succes în realizarea educației interculturale sunt:

a) asigurarea unei balanțe între diferitele finalități majore ale educației (scopuri culturale, profesionale de calificare, sociale, de dezvoltare profesională);

b) asigurarea de oportunități pentru comunicare și cooperare, chiar între grupuri diferențiate;

c) asigurarea de șanse egale de educație;

d) reflectarea diverselor realități specifice societăților multiculturale prin toate tipurile de curriculum;

e) prezentarea informațiilor din cât mai multe perspective, pentru a stimula conștiința diversității și a unității prin diversitate. Toți tinerii trebuie să învețe să trăiască și să interacționeze pozitiv în această lume diversă [6].

Deci, egalitatea diferențelor trebuie să fie baza educației interculturale. Pentru a acorda oportunități și posibilități egale tuturor culturilor, pentru dezvoltarea fiecărei culturi și identități educația interculturală trebuie să respecte diferențele și să promoveze egalitatea. Acest lucru contribuie la depășirea inegalităților sociale. Didactica contemporană promovează concepte și atitudini educaționale noi, menite să determine forme variate de comunicare, cooperare și colaborare în sprijinul educabililor. În acest context, educația interculturală nu trebuie să se limiteze în mod exclusiv la transmiterea unor conținuturi specifice în cadrul unei discipline particulare, consolidarea abordării sale interdisciplinare este fundamentală; nu poate fi concepută doar pentru mediul școlar, ci și în legătură cu extrașcolarul (familie, grupuri sociale, instituții, comunități, mass-media). Curricula universitară trebuie să răspundă nevoilor de formare ale educabilului, să-i confere achiziții la un nivel suficient integrării, să-l conducă spre formarea competențelor transversale pentru învățarea pe tot parcursul vieții, inclusiv a competențelor sociale, culturale care îi vor permite să comunice asertiv și constructiv în diferite medii, să manifeste toleranță, să valorifice diversitatea, să depășească stereotipii și prejudecățile. Se remarcă și o schimbare a rolului profesorului, care depășește funcția de a comunica modele și programe, acesta trebuind să acorde o mai mare atenție spiritului de inițiativă și creativității, centrarea întregii acțiuni fiind pe educabil.

Inițierea și derularea proiectului *Promovarea și dezvoltarea educației interculturale în formarea inițială a cadrelor didactice*, cu suportul financiar al Fundației Elvețiene pentru Copii „Pestalozzi”, în parteneriat cu alte 3 universități din Moldova, a reprezentat o provocare pentru cadrele universitare de la USC, necesitând multă creativitate în concepere, dinamism în derulare, responsabilitate în monitorizare, flexibilitate în luarea deciziilor.

Consecvenți ideii că o lecție modernă este o lecție activă, în pregătirea lecției, profesorul trebuie să-și pună în joc toate cunoștințele sale și întreaga sa pricepere pentru a recurge la un registru de metode, procedee și tehnici active, propunem unele modele tematice de demersuri pentru studenții de la *Limbi și literaturi*, cu unele sugestii pentru organizarea demersului didactic în cheia cadrului ERRE (Evocare/Realizare a sensului/Reflecție/Extindere).

Modele:

Tema: GEOGRAFIA CULTURALĂ A REGIUNII- SINTEZĂ DE ELEMENTE CULTURALE COMUNE

Obiective:

Studentii vor urma:

- să utilizeze diverse instrumente de analiză în interpretare a fenomenelor de identitate, înrudire spirituală;
- să argumenteze, interpreteze prin opinii personale fenomenele de simbol, cod cultural, șoc cultural, alteritate;
- să descopere și să gestioneze prin micro-cercetări diversele probleme adiacente tematicii unității de curs din surse suplimentare de informație pentru a genera sinteze, analize la subiect;
- înțelegerea codului cultural al societății în care trăiesc.

Unități de conținut:

- Sisteme de valori, tradiții și credințe.
- Cultura română în imaginarul altor etnii.
- Codul cultural și contextul înrudirilor spirituale: contact și transfer cultural.
- Dinamica elementelor culturale și semnificația simbolurilor.
- Ritualul – mijloc de afirmare a identității.
- Obiceiuri și tradiții din civilizația neamului.

Termeni-cheie: cod cultural, tradiție, înrudire spirituală, ritual, simbol identitar, alteritate, transfer cultural.

EVOCARE

Tehnica: Sinergia interculturală

Scop: În ce constă identitatea și ce ne face să fim ceea ce suntem?

1. Se formează grupe din membri ai mai multor culturi.
 2. Membrii grupului își declină în scris, originea națională și propriile specificități de natură culturală.
 3. Se listează presuposițiile culturale cu privire la ceilalți membri, așa cum îi percep ei.
 4. Listele sunt prezentate, puse în discuție, comentate de fiecare.
- Prin discuții, sunt deslușite atuurile fiecărei culturi naționale: coduri, convenții, forme de comportament, tradiții, ritualuri.

Scrierea liberă. Scrierea fără oprire, timp de 3 minute, a ideilor în raport cu afirmația:

"Un popor își găsește identitatea prin unitate de pământ, limbă și conformație spirituală" (Mihai Eminescu). Discuții.

REALIZARE A SENSULUI

Tehnica: *Cubul*

1. Descrie/ Ce valori tradiționale ale altor națiuni și comunități cunoști?
2. Compară/ Compară sistemul de valori care ghidează viața, opțiunile membrilor diverselor etnii.
3. Asociază/ Tezaurul cultural din perspectiva diferențelor cultural-lingvistice.
4. Analizează/ Barierele de ordin cultural, dorința de a se conforma modelelor sociale, „conformism” la ideile vechi, dar și la cele noi?
5. Aplică/ Demonstrează rolul și importanța promovării în educația „cetățeanului lumii”, a cooperării și respectului pentru culturi, obiceiuri și tradiții?
6. Apreciază/ Argumentează Care sunt soluțiile dezvoltării capacităților de toleranță și respect între oameni și culturi de factori diferiți?

(Text, vezi anexa, fișele bibliografice). Dezbateri, discuții.

REFLECȚIE

Tehnica Ce?, De ce?, Când?, Cum?, Unde?, Cine?.

1. Ce tradiții, obiceiuri – ca mijloc de afirmare a identității cunoști?
2. Ce știi despre ”Masa reintegrării” la chinezi?
3. De ce în diferite regiuni ale lumii se păstrează cu acuratețe tradițiile și obiceiurile de Crăciun?

4. De ce trebuie să fim mândri de rădăcinile noastre, de frumoasele obiceiuri și tradiții strămoșești?

5. Cum trebuie să-ți cinstești obiceiurile autohtone ?

6. Cum este Cina ritualică de Ajunul Crăciunului la diferite popoare?

Sesiuni de dezbateri pe echipe. Schimbul de idei și puncte de vedere. CD cu filmulețe video cu aspecte din activități culturale realizate.

EXTINDERE

Proiect de grup: *Prin labirintul culturilor și tradițiilor*. Elaborati (pe platforma de socializare online) invitația de implicare în proiect prin desene, colaje, picturi, lucrări care să surprindă elemente de identitate națională românească, ca expresie a caracterului național, raportate la limbă, cultură, obiceiurile, tradițiile, cutumele naționale specifice.

Anexa 1

Text

”...Pluralismul cultural european este produsul unei istorii lungi și continue care implică acceptabilitatea altuia, toleranța, coexistența plurală, dar cu șansa afirmării pozițiilor proprii. Fiecare țară și-a dezvoltat și prezintă anumite caracteristici culturale, coduri, convenții, puncte de vedere și forme de comportament. În Belgia, accentul se pune pe îndeplinirea datoriei, dar toleranța față de risc este scăzută. Important este să fii descurcăreț; este mai puțin important să fii tolerant sau gânditor. Germania are o toleranță față de risc scăzută, accentul fiind pus pe realizarea de sine, iar conducerea și independența ca obiective în viață. Pentru olandezi, preocuparea este ridicată în ceea ce privește specializările și realizarea sarcinilor de serviciu, fiind mai puțin interesați de realizarea de sine. Au un grad ridicat de toleranță a riscului și preferă să fie mai degrabă reactivi decât activi, cu accent pus pe a fi descurcăreț. Francezii pun mare accent pe logică și rațiune, ținând seama de opiniile individuale. Stilul și energia sunt esențiale pentru succesul organizațional. Este important să fii în aceeași măsură descurcăreț, matur, stabil și om de încredere. Italia are un grad redus de toleranță a riscului și un grad ridicat de evitare a incertitudinii. Italienii sunt receptivi la afecțiune și căldură, dar prezintă totuși un grad ridicat de masculinitate. Sunt competitivi, dar preferă să folosească deciziile de grup și prezintă un grad moderat de distanțare față de putere.”

(Inspirate și prelucrate de pe adresele de internet: www.didactic.ro; www.google.ro)

TEMA: MULTILINGVISMUL ȘI FENOMENELE DE INTERFERENȚĂ

Obiective:

Studentii vor urma:

- să identifice și să descrie conceptele specifice educației multilingvistice;
- să comenteze principalele trăsături distinctive legate de multiculturalitate și multilingvism;
- să înțeleagă și să respecte diferențele lingvistice, diversitatea în situații profesionale multilingve;
- să identifice diferite fenomene de natură socio-culturală, în contextul unei evoluții a comunicării interculturale și multilingvistice;
- să comunice idei, probleme și soluții din domeniul științelor lingvistice;
- să dezvolte competențe de comunicare și relaționare interpersonală și intercomunitară;
- să valorifice principiul abordării interculturale a comunicării, a multilingvismului.

Unități de conținut:

- Opoziția sociolingvistică între „multilingvism” și „plurilingvism”.
- Limbajul în valorificarea diversității cultural-lingvistice: diversitate – minorități – echitate.
- Mediul multicultural și barierele lingvistice în comunicarea multilingvistică
- Mărcile multilingvismului specifice zonei Bugeacului.
- Idiolectul vorbitorului bilingv: bariere lingvistice

Termeni-cheie: *multilingvism, idiolect, bilingualism, diglosie, plurilingvism, anxietatea, etnocentrism, stereotipuri, prejudecăți, mediere lingvistică, cod lingvistic.*

EVOCARE

Tehnica: Discuție frontală:

a. „Este o greșeală să spui că avem un limbaj natural: limbile sunt prin instituție arbitrar și convenție a popoarelor”. (Rabelais)

b. „O persoană care vorbește patru limbi, valorează cât patru oameni”. (Carol Quintul)

Crezi că multilingvismul este o amenințare?

Consideri că fiecare limbă folosită în țara ta este la fel de importantă sau există o diferență? Și de ce?

Din toate limbile pe care le folosești, indiferent dacă acestea sunt la studii sau la domiciliu, ce limbă este pentru tine cea mai importantă? Sau sunt ele la fel de importante? Poți explica de ce?

Cum ai convinge colegii, prietenii de beneficiile multilingvismului?

Comunicări. Discuții.

REALIZARE A SENSULUI:

Tehnica: Studiu de caz

Realizează un studiu de caz care să reflecte următoarea problemă:

a. „Înțelegerea greșită în mediul on-line (rețele de socializare, blogosferă și jurnalism on-line) a latinității limbii române”.

b. Descrie problema, precizați aria din care face parte, actorii implicați, contextul apariției, motivele pentru care o consideri problemă, posibilele riscuri, acțiunile recomandate pentru soluționare.

c. Limba este garantul identității vorbitorului, al identității comunității etnice și statale.

Discuții.

REFLECȚIE:

Tehnica: Cadranale

Cadranul I: Precizează rolul multilingvismului în valorificarea diversității cultural-lingvistice.

Cadranul II: Stabilește manifestările multilingvismului în RM: Identitatea limbii române și politica lingvistică europeană.

Cadranul III: Demonstrează aspecte sociolingvistice ale bilingualismului la etniile din comunitatea ta.

Cadranul IV: Prezintă barierele culturale care impun o anumită structură, tipar în comunicarea multilingvă, în anumite zone geografice.

EXTINDERE

Tehnica: Proiectul de grup: *Limba în valorificarea diversității cultural-lingvistice: diversitate – minorități – echitate.*

Bibliografie:

1. Byram, M., Multicultural Societies, Pluricultural People and the Project of Intercultural Education, Language Policy Division, Strasbourg, Council of Europe, 2009.
2. Chevalier J. Educație interculturală: concept cheie și elemente de metodologie, Timisoara: Institutul Intercultural, 2012.
3. Carta Europeană a limbilor regionale sau minoritare. <http://www.infoeuropa.md/fi les/carta-europeana-a-limbilor-regionale-sau-minoritare.pdf>
4. Marcus S. Limba română – între infern și paradis., București: Spandugino, 2014, 80 p .
5. Nedelcu A. Fundamentele educației interculturale. Diversitate, minorități, echitate, Iasi: Polirom, 2000, 272 p.
6. Popescu, S, „ Comunicarea interculturală: Paradigmă pentru managementul diversității”, p.122 București: 2013.
7. <http://www.scribub.com/sociologie/psihologie/comunicare/COMUNICAREAINTERCULTURALA952142023.Php>

УДК 622.01

Victoria Fonari,
doctor în filologie,
conferențiar universitar,
Universitatea de Stat din Moldova
victoria_fonari@yahoo.com

MITUL ANTIC ÎN FRONTIERELE DE CERCETARE ALE ACAD. SOLOMON MARCUS

Abstract: In this article I set out to capitalize on the research of Academician Solomon Marcus from a thematic selection: the myth related to thinking, myth versus temporality, the myth in the "universal paradigm". We consider it important to capitalize on the myth of the scientist who set out to open borders in research. His studies denote a connection to finding the gaps between the real sciences and the humanities, making inroads into the history of science to dissolve the complicated theories of mathematics and linguistics. The scientist Solomon Marcus used to explain biographical moments in his speeches, in order to explain complicated phenomena, I took into account this way and I combined the biographical with the scientific.

Keywords: mythical thinking, mythical vision, S. Marcus, myth, time, order, chaos, M. Eliade.

Introducere

Academicianul Solomon Marcus și-a propus deschideri de frontiere în cercetare. Studiile sale denotă o conexiune de a găsi tangențele dintre științele reale și cele umanistice, făcând incursiuni în istoria științei pentru a dizolva teoriile complicate care țin de matematică și lingvistică. Preocuparea noastră științifică constituie mitul. Conexiunea dintre mit și discursurile savantului cunoscut în lumea întreagă am realizat-o pentru prima dată în studiul „Viziuni filosofico-poetice asupra timpului interiorizat” ce a fost publicat în cartea „Orientări artistice și stilistice în literatura contemporană” [vezi: 1, p. 185]. Acest dialog cu cartea s-a completat cu unul viu în 2008 la Congresul organizat de Asociația Română de Studii Semiotice „AROSS”, coordonată organizatoric de prof. univ. Doina Cmeciu, în acea perioadă având funcția de decan al Facultății Litere, Universitatea „V. Alecsandri”.

Ultima noastră întâlnire a fost la 31 august 2013, la Salonul de Carte, organizat de Biblioteca Națională, Chișinău. Era la lansarea cărții mele de versuri „Umbra fulgului”. O carte mica după dimensiuni, dar consistentă după poeziile selectate de prof. George Lateș, care era responsabil pentru colecția CartEsențe, Galați: Dunărea de Jos. Eram bucuroasă să-l revăd pe maestrul, nu știam că venise de Ziua Limbii Române pentru că a doua zi trebuia să țină un discurs la Academia de Științe a Moldovei. Ulterior mi-a scris o apreciere a cărții, la care țin mult: „Abia după intoarcerea la București, într-o dimineață în care mi-am regăsit prospețimea, am putut savura minuscula ta carte – minuscula ca format, dar foarte cuprinzătoare ca simțire. Dacă ar fi doar să meditam asupra titlului „Umbra fulgului”, parcă e aici chiar definiția poetică a poeziei. Fulgul (mă gândesc la cel de zapadă) este poezia personificată. Îl vezi cum plutește liber și fericit în văzduh (se pare că nu există doi fulgi identici), ai vrea să te identifici cu el, să fii puritatea lui, dar când se apropie și vrei să-l prinzi în palmă, el nu mai este. A murit, a dispărut sau nici n-a fost? Sau a fost o iluzie, un vis? Iar când Victoria inventează „umbra visului”, aceasta este iluzia ridicată la pătrat, iluzia iluziei, visul din interiorul unui alt vis. Umbra este o existență secundă, ea este a cuiva; dar dacă acest 'cuiva' este doar o amăgire, umbra acesteia este amagirea unei amagiri. Și așa, sintagma de pe coperta minusculei bijuterii pe care ne-o oferă Victoria Fonari sugerează esența poeziei, natura ei inevitabil autoreferențială. Îți mulțumesc pentru fericita întâmplare de a-mi fi ieșit în cale la Târgul de Carte de la Chisinau, la sfârșit de august 2013” [2, p. 123]. Academicianul Solomon

Marcus a fost savantul foarte atent la titluri și respectiv titlurile sale oferă un dialog de cercetare care în copertile cărților pliază noțiunile din științele exacte pe cele din științele umaniste.

Moduri de gândire și gândirea mitică

Acad. Solomon Marcus trata noțiunile complicate printr-un joc empiric care realiza un traseu de la istoria apariției noțiunii sau cadrului descoperirii prin raționament spre înțelegerea emotivă, un fel de actualizare a fenomenul abordat în viața de toate zilele.

Incipient mă refer la studiul său „Moduri de gândire”, unde printre diferențierile metodologice mi-au atras atenția „gândirea prin metafore”, „gândirea triadică în semiotică” și „gândirea transformatoare”. Gândirea prin metafore se referă la chimie, făcând o analogie dintre noțiunea de *valență* cu *echivalența socială*. Metafora este percepută ca model. În teoria literară, metaforă valorifică gândirea individuală a scriitorului, din punct de vedere a structurii aceasta poate coopta anumite modele (mă refer la condiția numelui sau a verbului, în dependență care este imaginea de referință). Pentru că nu vin dintr-un cadru al științelor exacte, m-am întrebat de ce metafora este văzută ca model și are referință anume în chimie? Nu în matematică sau fizică? Răspunsul meu vine dintre o analogie pe care am trasat-o din empirismul meu cultural și imaginativ. Cristalografia este o știință care cercetează apariția, construcția și etapele de evoluție a unui cristal. Este o știință apropiată cel mai mult de chimia anorganică, evident cu toată tendința de a avea tehnologii cu dimensiuni cât mai mici cercetarea cristalelor și-a intensificat extinderea și în alte discipline – fizica, ingineria etc. Dar cristalul este o structură rebelă cu proprietăți parcă fixate, dar concomitent irepetabile. Probail și această construcție realizată din cuvinte care se assemblează diferit în măiestria poetului descompunând și metamorfozând-se din interior primește noi conotații.

La nivel cultural sau din optica transfuziei de la individual spre general, am specifica acest traseu dintre mit și metaforă/simbol. Din optica spiritualității, pare că nu ar trebui omisă nici gândirea energetic-entropică, referindu-se la aceasta, Solomon Marcus o califică „frumoasă obsesie” [3, p. 52]. Gândirea transformatoare este cea care vizează direct perspectivele mitice de a ne coopta în gândirea timpului nostru, astfel rădăcinile rămân prezente, dar nicidecum intacte. Printre numele de referință am selectat următoarea observație: „Există însă o altă cale pe care omul de știință o poate urma: să observe, pe baza experienței și culturii sale personale, care sunt sursele transformărilor radicale prin care a trecut disciplina sa” [3, p. 73]. Fragmentul denotă transferul cum lucrează noțiunea în persoană, dar și savantul are forțe să o modifice după parametrii proprii.

Această considerație poate fi suprapusă și la transformarea mitului care vine din gândirea mitică a lui Mircea Eliade cu privire la relația: mit – sacralitate – ritual: „orice rit, orice mit, orice credință sau figură divină reflectă experiența sacrului, și prin urmare implică noțiunile ființă, semnificație și adevăr” [4, p. VIII].

În viziunea lui Mircea Eliade, gândirea mitică apare și ca o expresie comparativă care trebuie elucidată din cele mai diverse aspecte. Dar ceea ce îi leagă pe acești doi savanți nu e numai momentul biografic despre care relatează Solomon Marcus „În jurul temporalității miturilor”: „Păstrez în casa mea două cărți cu dedicație de la Mircea Eliade de la începutul anilor 80. Aflându-mă la Paris, în casa unor matematicieni care se cunoșteau cu Mircea Eliade, mi-a trimis prin aceștia aceste două cărți, una din ele fiind chiar *Le Mythe de l'éternel retour*. Fusesse prevenit ca voi veni la Paris și că mă voi întâlni cu acei matematicieni. Pot înțelege că nu a vrut să mă pună într-o situație foarte dificilă pentru că se știa bine că atunci când făceam călătorii în străinătate eram urmărit de Securitate. O întâlnire personală cu el m-ar fi putut deranja din acest punct de vedere. Eu eram într-o criză de timp foarte mare, aveam un program drămuț pe câteva zile” [5]. Mitul impune în cercetare metode comparative, în proiecția utilizată de Solomon Marcus de a scoate o formulă aş putea spune că dintre similitudinea acestor personalități marcante constituie perspectiva mirării, de a se apropia de orice prin descoperirea personală și prin stipularea capacităților individuale de a cerceta, de a dezvălui și de a sintetiza.

Pe unda transformărilor în relația de la mit spre simbol, filosoful Alexandru Boboc relevă și aserțiunea inversă de la metaforă la mit, pe care o argumentează cu viziunile culturii universale:

„Este vorba de fenomenul transformării unor metafore în mituri, descris de Vico, apoi de romantici și de Cassirer. Are loc astfel o conlucrare tănuită între capacitatea de a se configura a limbii și acțiunea «gândirii mitice» (în „forma gândirii metaforice”) în contextul unei „povestiri”, a unei relatări în limbaj specific («mitic») a ceea ce nu numai că «s-a petrecut» cândva, ci și a fost ctitorit” [6].

Solomon Marcus preia ideia de opoziție dintre știință și artă care insistă prin raportul obiectiv-subiectiv, rațiune-sensibilitate, relația pe care o constrânge până *incompatibilitate*, dar acest deziderat, prin firul pitagoreic al demonstrațiilor, este răsturnat pentru a conchide: „Dincolo de chipul aparent indiferent al științei se află o inimă caldă, o imensă generozitate, dar pentru a le sesiza este nevoie de un efort intelectual și moral, de o atitudine de aderență, de implicare, de încredere care să înlăture suspiciunea spontană generată de lucrurile neînțelese” [7, p. 226]. Argumentele de conexiune sunt plasate în mai multe lucrări, după cum ar fi „Șocol matematicii”, care, la prima vedere, nu are nicio conexiune cu literatura, dar autorul o face cu atâta rafinament organizându-și raționamentele în conformitate cu regulile comparativiste și care vizează știința dintr-o optică ontologică: „Lumea matematicii este, ca și lumea literaturii, dominată de ficțiune. Este tot atâta convenție la Euclid ca și la Eschil” [8, p. 58]. Din amalgamul de personalități autorul selectează anume pe cele ce valorifică optică ontologică, antichitatea având și o trăsătură de sincretism. În genere percepem în studiile sale una din regulile lui Friedrich Schleiermacher care determină individualitatea cercetătorului fiind în concordanță cu textele pe care le interpretează.

Acad. Solomon Marcus nu are o definiție a gândirii mitice. Totuși din multele sale scrieri întâlnim un omagiu adus mitului: „Faptul că lucrăm cu metafore ne ajută să înțelegem legătura dintre mituri și cultură. Două principale forme ale culturii, literatura și știința, sunt fiice ale miturilor și preiau de la mituri (...) în primul rând funcția de simbolizare. Ea este esențială atât în literatură, cât în matematică. Cei care au trăit perioada mitică a istoriei nu erau conștienți de tot ce vă spun eu acum. Astea sunt lecturi contemporane ale unor vremuri îndepărtate. Exact ca miturile, și literatura și știința se plasează într-un univers de ficțiune. Dar și geometria lui Euclid tot într-un univers de ficțiune se plasează. Punctul, dreapta, cercul, sfera sunt obiecte de ficțiune. Ele nu există ca atare în realitatea aceasta tangibilă, accesibilă senzorial. Principiul holografic fără de care n-ar putea fi concepute nici poezia, nici matematica, nici știința în general, fără capacitatea oamenilor de a descoperi localul care să dea seamă de global și instantaneul care să dea seamă de eternitate, n-ar exista nici literatură, nici știință” [5]. Dacă am selecta cuvintele cheie care determină mitul într-o conexiune cu noțiunea de cultură, am realiza un grafic cu următoarele coordonate: esență, simbol, ficțiune, principiul holografic care pulsează între local și global.

Empirismul, tipic cercetării secolului XXI, apare într-o formă de generalizare, vine din experiența formulelor matematice care trebuie să fie atribuite ca o legitate: „Orice mit, oricât de diferit ar fi el, mizează pe o anumită legătură între antropos și cosmos. Pot să fac o listă foarte lungă de moduri în care știința și literatura au preluat de la mituri ceea ce le este lor esențial. Și paradoxul tot de la mituri l-au preluat. Eliade accentuează mereu că sacrul este esențialmente de natură contradictorie. Este ceva care te îmbrățișează și ceva care te pune la încercare” [5]. Mitul nu acceptă axiome, or, axiomele sunt proprii științelor exacte. Dar există anumite structuri: care sunt în frontierele de permis și nepermis, am putea exemplifica prin punctele cardinale de a fi Erou (în cazul lui Ulise) sau Nimeni (prenume pentru Polifem), Preafrumoasa Elena (demnitatea care trebuie câștigată prin readucerea în Sparta) și jertfa Eufigeniei, care îi subliniază superficialitatea soției lui Menelau, vulturul simbolul puterii (sigla lui Zeus), dar și simbolul dogmei (în cazul pedepsei lui Prometeu). Totuși în percepția mitului ca o esență sacră, pe care o selectează din viziunea lui Mircea Eliade, este o atitudine, în care se evidențiază că orice raport față de noțiune trece printr-o experiență de preferință sau respingere. În cazul lui Solomon Marcus, științei i se atribuie rădăcinile mitice care le stipulau elinii prin cele 9 muze.

Sacralitatea vine ca o atitudine de a se atinge de un sincretism propriu celulei, literei, punctului. Mitul devine un bang cultural care explodează ulterior și se extinde cultural în cele

mai vaste forme, păstrând entitatea începutului, chiar și în momentul când ar putea să simbolizeze contrariul.

Categoriile timpului după Solomon Marcus într-o proiecție a mitului antic

Cercetarea timpului este dominată științific de fizică, totuși într-o prerogativă matematică, lingvistică și filosofică selectăm doar ceea ce ar contribui la un studiu literar. Atenția noastră se referă la cele „trei modalități: reprezentarea clipei, reprezentarea curgerii timpului și atemporalitatea. Dacă în timpul ciclic atrage atenția „eterna reîntoarcere”, în reprezentarea clipei accentul cade pe singular, pe unificat, pe ceea ce nu se mai revine niciodată” [9, p. 167]. Din optica gândirii mitice, și una și alta este acceptabilă. Ciclicul ține de unele reprezentări cum ar fi Persefona, mitul seminței (întoarcerea în primăvară la lumina zilei) sau ordinea determinată de parce/ moire prin toarcere, facerea ghemului și tăierea firului. De clipa unică țin pedepsele care accentuează fapta de a încălca ordinea sau de a concura cu zeii. Această sancțiune nu permite recuperarea timpului anterior. Dar pedeapsa propriu-zisă poate avea un caracter ciclic. De exemplu, mitul lui Prometeu insistă la divizarea destinului titanului până la furtul focului din Olimp și după. Timpul de până la nu poate fi recuperat, este unicitatea clipei – dăruirea focului sacru omenirii, dar pedeapsa – ciugulirea ficatului comportă acel caracter ciclic. Anume caracterul ciclic al pedepsei lui Sisif (ridicare continuă a pietrei și căderea ei) constituie un fundament al viziunii existențialiste a lui A. Camus. Pentru a persevera la viziunea noastră, specificăm că perspectiva clipei ține de rebelitatea regelui din Corint de a nu accepta moartea ca o experiență comună a omului. Șirul argumentelor în acest sens ar putea continua și cu mitul Aracnei, a Dafnei etc.

Correspondența dintre timp și fluviu aparține viziunii filosofice a lui Heraclit *panta rhei*, care a servit drept sursă de inspirația a multor scriitori, exemplificăm prin versurile lui Arcadie Suceveanu: „Nu vreau să știu de nici un fel / de principii fundamentale, strigam, / să mă lase în pace cu acest stupid panta rhei” / și alergam să prin apa în care mă oglindisem o dată / dar apa era alta / mereu și mereu alta alta alta” („Înfruntarea lui Heraclit”).

De la această individualizare în confruntarea timpului este oportun să explicăm aspectul sibiectiv al timpului, de care a fost preocupat și Solomon Marcus. Timpul sibiectiv ține de relația dintre conștient și inconștient, pe care l-a analizat savantul în compartimentul „Atemporalitatea”. În segmentele textului, unde se apropie de această categorie, observăm predilecția sa demonstrativă de a utiliza varii creații fie obiecte de artă, fie de literatură artistică. Indiferent care obiect concret nu ar selecta pentru argumentare, acesta are capacitatea de a fi *citit*. Lectura, în acest sens, constituie interpretarea imaginilor, dialogul care apare la interacțiunea dintre cel care se află în fața unui obiect de artă. „Atemporalitatea a fost identificată pe mai multe căi. Se știe, în primul rând, că dimensiunea temporală este exclusă din viața inconștientă, deci oniricul este atemporal” [9, p. 169].

Noțiunea de atemporalitate se apropie cu viziunea sa de neant pe care o specifică în volumul „Paradigme universale”. În acest context, atemporalitatea intensifică dorința cercetătorului de a se uita în ochii mitului de ce a fost până la apariția lumii. Problemă care a generat și multe discuții filosofice, este evident că în acest cadru savantul își manifestă toate aptitudinile, respectiv în fluviul noțional apare dorința de a distinge raportul dintre haos și ordine. Atemporalitatea vine să imprime tehnici de a se lăsa holografiată în cercetarea scriitorilor care au făcut un cult pentru cuvântul niciodată (nevermore – A. Ed. Poe) sau nicicând, nicăieri – Victor Teleucă [vezi: 10, p. 186-187]. Triada pe care o conferă savantul în interpretarea unui subiect dinamic: timp – spațiu – persoană, poate fi savuros utilizat pentru interpretarea pronumelui negativ *Nimeni*, care trece ca un fir roșu de la Homer până la Borges, cu ramificări poetice în literatura română, cum ar fi anonimul în filosofia lui Blaga sau „gândul fără glas” la Arghezi.

Fenomenul timpului este legat sine qua non de spațiu, totuși în dihotomia cronotopului, autorul disociază timpul, îi studiază fațeta antinomică – atemporalitate, dar o plasează în fața oglinzii – persoanei. Conștientizarea timpului îi este proprie omului. Timpul, văzut precum componentă a unui triptic, primește aceste conotații pe care le estimează din perspectiva mitului – ciclicitatea, unicitatea, prezentul continuu, atemporalitatea. Toate sunt determinate de modul

existențial al ființei, atât de acțiuni reale, care pot fi numărate în timp real, dar și cele trăite, care valorifică timpul interiorizat, un timp al emoțiilor, cel care conturează în clipă eternitatea.

Referințele la M. Eliade în textele lui Solomon Marcus

Similar lucrărilor renaștentiste, în cercetările lui Solomon Marcus, depistăm referințe din foarte multe domenii. Aceste referințe interacționează inclusiv și perspectiva mitică. Deși savantul neagă subiectivitatea în mituri, receptarea lor va diviza timpul în unul obiectiv (ce ține de lectură) și altul subiectiv (timpul reflecțiilor care nu poate fi exact segmentat).

Referințele la Mircea Eliade apar în abordarea timpului și perspectiva centrului sacru: „Nu există timp subiectiv în mituri. Cred că mai este și un alt context cultural la care trebuie să ne raportăm pentru a înțelege mitul eternei reînnoarceri. De la vechii greci există o idee extraordinară. La Eliade predomină această axiomă, că a existat un paradis care s-a pierdut (Paradisul pierdut al lui John Milton). Dar există o altă versiune a unei idei similare și anume că a existat un timp al cunoașterii perfecte. Unii pretind că această cunoaștere perfectă a produs geometria euclidiană. Și că noi am pierdut-o. La Platon există această lume a ideilor pure care e singura lui realitate, așa cum pentru Eliade singura realitate este aceea a sacrului” [5]. Dezideratul lui Solomon Marcus a fost de a se apropia de această cunoaștere. Or, caracterul sincretic, profunzimea, gândirea într-o formă unde știința se conjugă în metafore, l-a determinat să cuprindă inclusiv și categoria timpului mitic. Or, anticii aveau capacitatea determinării concrete, dar și abstracte. Mitul este explicarea concretă a fenomenelor abstracte. Trecerea timpului este la fel explicată concret – Cronos își mănâncă copiii – este condiția pe care au observat-o elinii ceea ce apare trebuie și să dispară.

Respectiv Solomon Marcus observă că și gândirea mitică are similitudini cu cea din vârsta paradisiacă a fiecărui om – copilăria, perioada când timpul nu este perceput segmentar – între ieri – azi – mâine, copilul până la o vârstă are un timp de prezent continuu: „Aceeși atenuare, aceeași tendință spre atemporalitate sau dacă vreți un *prezent continuu* apare, acum știm, încă în trei zone care la prima vedere nu au nicio legătură cu miturile. Copilul foarte mic trăiește într-un prezent continuu, se pare că abia pe la șase ani începe să se lămurească cum e cu ieri-azi-mâine. E apoi atenuarea acestei distincții în lumea cuantică. Acolo unde nu există traiectorii, nu există ecuații de mișcare, iarăși avem un prezent continuu. Dintr-o dată apare acest spectacol extraordinar. Trei lumi, în aparență cele mai dispartate posibil, lumea miturilor, universul cuantic și universul de viață al copilului foarte mic stau toate sub semnul acestei atemporalități” [5]. În această sincronizare este interesantă conexiunea pe care le observă savantul. Lumile pe care le evidențiază și le identifică drept lumi aparte ce le diferențiază de univers: „Aici trebuie operată o distincție ca și la Eliade. Lumea e altceva decât universul. Universul este lumea din momentul în care a căpătat o structurare, o ordine. Când se vorbește de moment inițial, de explozia inițială, de creație, se referă la acest univers ordonat, nu la lume pur și simplu, care e „din veșnicie”. Întâlnim deci infinitul potențial care este la îndemâna chiar a copilului mic, care constată că după orice zi vine o altă zi” [5]. Acest moment primordial are tangențe cu investigațiile pe care le face savantul despre haos vs ordine.

Timpul mitic

În corelația timp și spațiu, timpul mitic este investigat între parametri: haos și ordine. Viziunea respectivă de crearea universului se întâlnește la mai multe popoare. Totuși, după cum cuvântul „haos” este de origine greacă, este firesc să fie o trăsătură a mitologiei care a influențat cel mai mult cultura europeană. În această dihotomie se observă și conexiunea dintre două viziuni antice care au fost continuu într-o conexiune: civilizația greacă și civilizația romană. Haosul își are echivalența sinonimică în neant, în atemporalitate, ordinea este generată ca structură de timp.

Mircea Eliade plasează haosul nu doar ca o ipostază ce a fost la începutul lumii, exegetul religiilor nu o exclude, este oferită o altă optică a haosului, fiind în antinomie cu conștiința sacră: „Conștiința unei lumi reale și semnificative este strâns legată de descoperirea sacrului. Prin experiența sacrului, spiritul uman a sesizat diferența între ceea ce se relevă ca fiind real, puternic, bogat și semnificativ, și ceea ce este lipsit de aceste calități, adică curgerea haotică și periculoasă a lucrurilor, aparițiile și disparițiile lor fortuite și vide de sens” [4, p. VIII].

Dacă Mircea Eliade implică noțiunea de sacru în percerea ordinii, respectiv haosul denotă lipsa conștiinței sacre, atunci Solomon Marcus valorifică haosul printr-o altă coordonată ce ține de materia fizică.

Explicarea acestei dihotomii cercetătorul Solomon Marcus o realizează printr-un paralelism sincretic, stipulând: „semnificații majore ale ordinii și haosului: 1. Ordinea ca structură și haosul ca stare amorfă; 2. Ordinea ca prezență a unei reguli și haosul ca absență a oricărei reguli; 3. Ordinea ca informație și haosul ca entropie; 4. Ordinea ca previzibilitate și haosul ca fenomen aleator; 5. Ordinea ca simplitate (complexitate redusă) și complexitatea ridicată ca haos; 6. Ordinea ca armonie (simetrie) și haosul înșelător antisimetric; 7. Ordinea ca stabilitate și haosul ca instabilitate, așa-numitul haos determinist; acest din urmă aspect este cel avut în vedere de ceea ce azi se numește știința haosului, care este de fapt știința ordinii pe care o ascunde haosul aparent; 8. Ordinea ca absență și haosul ca neant; 9. Ordonat-haotic vs clar-confuz” [11, p. 246]. Aceste nouă precepte în verigile argumentării își schimbă conotațiile, de parcă și-ar asimila particularitățile până când și-ar include opusul. De parcă ar fi o monadă care asemenea unei clepsidre: nivelul nisipului trece dintr-o parte în alta într-o formă similară conținutul se umple ca la polul opus să se micșoreze. Argumente sunt cuvintele ce determină ordinea la început drept „structură” care spre final devine „absență”, iar haosului i se atribuie „stare amorfă” care devine rațional „înșelător asimetric”. Împletirea noțională se află în preceptul 7. Studiul haosului sau, după cum apare în citat în șirul sinonimelor contextuale, a confuzului determină una din regulile hermeneutice de a clarifica ceea ce este opac. Dacă ar fi să parafrăzăm versiunea cercetării date, ar fi haosul să fie transfigurat în ordine sau neînțelesul să devină înțeles. Din punct de vedere al gândirii mitice, per general se pledează pentru ordine, totuși în sfidarea ordinii se resimte o admirație eroică. Cum ar fi furtul focului sau sfidarea morții de către Orfeu, Sisif, Hercule, cunoașterea empirică pentru Odiseu aceea ce este interzis. Respectiv în mit ordinea apare ca o forță supremă, dar totodată comportă și un caracter totalitar. Ciclicitatea sau substituirea reciprocă denotă traversarea anumitor etape de la haos la ordine și de la ordine la haos.

Această strânsă corelație este explicată prin perspectivele mitice: „Identificarea haosului cu vidul se referă, în unele mituri, la perioada care a precedat Creațiunea. Neantul (din latină: ne-nu, ens-entis-ființă) se referă la ceea ce nu mai există, deci ar fi oarecum simetric față de vid. Dar, prin conotațiile sale poetice și filosofice, prin asocierea sa cu filosofia existențialistă, neantul pare mai apropiat de haos decât vidul” [11, p. 255]. Viziunea ontologică trecută prin orizonturile etimologiei ține vectorul științelor moderne.

Traseul este legiferat prin noțiunile impuse de lexicul domeniilor respective, unde observăm cum conlucrează dihotomia într-o monadă. Ceea ce relevă savantul este trecerea spre o altă etapă a cercetării, cea care se apropie de caracterul sincretic al științelor din antichitate, dar fiind pe altă buclă informativă / a cunoașterii: „De aceeași entitate ne putem apropia și din direcția ordinii, a structurii; să ne amintim de importanța semnului zero în lingvistica structurală, a absenței ca pereche a prezenței în logica booleană, în teoria codurilor și în informatică, a mulțimii vide în teoria mulțimilor și a elementului neutru în algebră, a tăcerii în literatură și în filosofie. Nimicul, în comunicarea de fiecare zi, cumulează atât aspectul structurii, cât și pe cel al haosului. Ne aflăm în fața uneia dintre cele mai delicate ipostaze ale ordinii și haosului, în care cei doi termeni opuși cu greu pot fi separați. Am fi tentați să spunem, ca în lingvistica structurală, că opoziția celor doi termeni se neutralizează. Însă identitatea este și ea o formă de opoziție” [11, p. 255].

Respectiv apare o tranzacție dintre intuiție și ordine, dintre raționament și subiectivitate. Și toate acestea adunate într-un algoritm care nu are menirea de a distinge frontierele dintre haos și ordine, dar de a le face să lucreze împreună, să opereze, să contacteze forma cristalină cu cea amorfă. Este o răsturnare de mentalitate în care antinomia nu este percepută pentru diferențiere, dar pentru a stipula verigi de unitate. În aceste verigi de unitate și atemporalitatea creativă nu elimină timpul convențional de date.

Multitudinea percepută ca o particularitate investigațională

Specificul de a generaliza este propriu acestei analize. Acad. Solomon Marcus distinge trăsături comune în diversificarea artei pe scara epocilor, pe care o abordează într-o modalitate de metainterpretare, valorificând „statutul criticii literare”: „Valorile pe care o anumită epocă istorică le impune constituie baza axiomatică a cercetării literare; iar cercetarea literară, după cum lesne se poate constata chiar numai răsfoind revistele de specialitate, nu prea se ocupă de stabilirea valorilor, arătându-se mai degrabă interesată de structura operelor, de personalitatea și viziunea autorilor, de evoluția genurilor, de atâtea și atâtea aspecte categoricale sau istorice ale literaturii. Drept consecință a acestor cercetări, baza axiologică inițială este reconsiderată. Valoarea literară este implicată și vizată indirect, prin intermediul structurilor explicabile” [9, p. 101]. În acest studiu, referința fundamentală rămâne creația artistică: „Literatura este abordată din diferite direcții; dinspre lingvistică, istorie, filosofie, folclor, sociologie, matematică, estetică, semiotică, psihologie, psihanaliză, hermeneutică, informatică ș.a.m.d.” [9, p. 100]. Perspectivile nu sunt doar enumerate, în toate lucrările Solomon Marcus a trăit bucuria de a-și demonstra conceptele prin cele mai diferite noțiuni. Interdisciplinaritatea este o posibilitate de a găsi viziuni globale asupra științei moderne, văzută dintr-un coraport de la particular la general, uneori traseul indică și parcursul de la universal spre local. Or, pe firmamentul mitologiei percepută la nivel umanitar, scrie și despre importanța cunoașterii mitologiei fiecărei culturi în parte. Caracterul general al cercetărilor sale a fost de fiecare dată aplicat pe particular.

Bibliografie:

1. Fonari, Victoria. Viziuni filosofico-poetice asupra timpului interiorizat. În: Orientări artistice și stilistice în literatura contemporană. Coordonator, concepție și întocmire, redactor științific responsabil – prof. univ., dr. hab., m. c. al A.Ș.M. Mihail Dolgan. Vol I. Chișinău: CE USM, 2003.
2. Marcus, Solomon. Fonari, Victoria. În: Scriitori români de azi. Dicționar ilustrat. Coordonator: Liviu Chiscop. Vol. 1. Bacău: „Contexte”, 2019.
3. Marcus, Solomon. Moduri de gândire. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1987.
4. Eliade, Mircea. Istoria credințelor și ideilor religioase. Vol. 1, Chișinău: Universitas, 1992.
5. Marcus, Solomon. Răni deschise 5 (II). Focul și Oglinda. Ed. Spandugino, 2014. On-line: <https://atelier.liternet.ro/articol/16761/Solomon-Marcus/Rani-deschise-5-II.html> (accesat la 19 ianuarie 2019).
6. Boboc, Alexandru. Metaforă și mit în geneza formelor culturii. Citat on-line: <https://tribuna-magazine.com/metafora-si-mit-in-geneza-formelor-culturii/> (accesat la 10 ianuarie 2019).
7. Marcus, Solomon. Controverse în știință și inginerie. București: Editura Tehnică, 1990.
8. Marcus, Solomon. Șocul Matematicii. București: Albatros, 1987.
9. Marcus, Solomon. Invenție și descoperire. București: Cartea românească, 1989.
10. Fonari, Victoria. Proiecții ale mitului în creația lui Victor Teleucă, Leo Butnaru și Arcadie Suceveanu. Chișinău: Foxtrot, 2013.
11. Marcus, Solomon. Paradigme universale. Pitești: Paralela 45, 2005. <https://edoc.site/solomon-marcus-paradigme-universale-2-pdf-free.html> (accesat la 21 ianuarie 2019).

C.Z.U.: 821.135.10

Oxana Mititelu,
conf. univ., dr.
Universitatea de Stat din Comrat

O VIZIUNE COMICO-BURLESCĂ A „ULTIMULUI” COMUNISM

Abstract: The communism of the last years of the USSR was dissolved in the hagiography of ad hoc heroic „autobiographies” with „tank stops” and fights with the militiamen, which culminated with the Marea Adunare Nationala on August 27, 1989, when the Declaration of Sovereignty of the RSSM was proclaimed. The last „event” - the show is commented after almost two decades by Constantin Cheianu in his book *Sex & Perestroika*, published in 2008, which has a somewhat autobiographical subject line, in which sex and not heroism prevail, and a purely essayistic, pamphletical aspect, in which removes all the masks and demolishes all the post-totalitarian myths regarding the anticommunism and the pro-Romanism of the Bessarabian intellectuals. Unlike Constantin Cheianu, whose retrospective gaze has been unfolding for almost two decades, a time of endless "perestroika", Nicolae Esinencu stops in „Vin Chinezii” only at a moment in our recent history – 1987-1988. Writing is a kind of mixture of fictional autobiography, with real characters whose name has been slightly changed, and parable. Mircea V. Ciobanu writes that *Vin chinezii* „is a panorama of society, but an ever-changing panorama, with kaleidoscope rotations and intermittent stops.”

Keywords: communism, perestroika, regime, pamphlet, parable, society panorama.

Comunismul ultimilor ani ai URSS s-a dizolvat în hagiografia unor „autobiografii” eroice ad-hoc cu „oprirea de tancuri” și lupte cu milițienii, care a culminat cu Marea Adunare Națională din 27 august 1989, când a fost proclamată Declarația de suveranitate a RSSM. Ultimul „eveniment”-spectacol este comentat după aproape două decenii de Constantin Cheianu în cartea sa *Sex&Perestroika*, apărută în 2008, astfel: „La tribună, la umbra protectoare a lui Lenin, dominând mulțimea, se aflau frumoșii mincinoși ai neamului, care nu mai oboseau să ne toarne balsam pe suflet, povestind chestii atât de eroice despre noi, cei adunați în piață. Aflăm cu fior că, în ultimii 45 de ani, cât șezuserăm sub ruși, nu făcuserăm altceva decât să ne gândim, sub conducerea din umbră a acestor mincinoși solemni, la alfabetul latin, la democrație, la libertate, chiar dacă în fapt ei proslăviseră partidul, pe Lenin și comunismul. Ce chestie super-faină asta, să vii în piață ca un ins oarecare și să pleci de acolo erou-erou!” Comentariul se află în linia unui trend general al prozei române din Basarabia din acești ani de demitizare a unui „martiraj” aposteriori și a unei rezistențe culturale românești acerbe în fosta RSSM. Romanul lui Iulian Ciocan are o linie de subiect specială cu necazurile ce le are elevul Iulian învățând pe de rost poeziile despre Lenin, Partid, război etc. ale cunoscuților scriitori sovietici moldoveni, care după 1990 au derijat un românism de circumstanță contrastând net cu sovietismul (tot de circumstanță) anterior. Unele aluzii se fac și în textul romanului lui Ștefan Baștovoi. Constantin Cheianu e cel mai virulent autor în această direcție, cartea sa *Sex&Perestroika* având, pe lângă o linie de subiect oarecum autobiografică, în care prevalează sexul și nu eroismul, și un aspect pur eseistic, pamphletar, în care scoate toate măștile și demolează toate miturile posttotalitare privind anticomunismul și proromânismul intelectualilor basarabeni. După ce califică viziunea adoptată de autor drept „o privire sarcastică, grotescă și satirică asupra istoriei recente”, Mircea V. Ciobanu constata într-un articol din *Sud-Est*: „Textul lui C. Cheianu, care poate fi definit cu oarecare dificultate (jurnal sau memorii romanțate? Roman evenimential? Ficțiune pură, inspirată de evenimente recente? Publicistică semi-ficțională? Farsă? Satiră grotescă, rabelaisiană (într-un moment, fundul apetisant și generos al protagonistei acoperă nu numai fața eroului, ci și monumentul lui Lenin, din piață)?), are ca sursă istoria noastră cea mai

recentă, sursă din care s-au mai inspirat Iulian Ciocan, Vasile Ernu, Dumitru Crudu, Anatol Moraru.”[2, p. 15-28]

În analiza de mai departe ne vom opri mai puțin la acest aspect eseistic-publicistic cu caracter vădit de pamflet politic, dat fiind faptul că el se referă cu precădere la anumite slăbiciuni morale ale unui grup social – intelectualitatea de creație și la problemele „ultimului” comunism care ne interesează aici. Același critic, Mircea V. Ciobanu, care imputa scriitorului faptul că „nu numai „criticii” săi, ci și autorul „se amestecă” în viața personajului” comenta într-un mod destul de convingător celălalt aspect, care ține de stricta *literaturitate* a textului: „Într-un fel de gândire rațională paradoxală, înțelegând cât de perfid e monstrul care trebuie nimicit, dar și cât de ridicole sunt eforturile și, în fine, cât fariseism etalează protagoniștii „revoluției” (conducătorii și... profitorii ei), personajul-narator decide să submineze imperiul comunist cu propriu efort și... cu arme la îndemână.

Fiind caracterizat prin obscurantism, prefăcătorie, morală dublă, soldățism și rigiditate, regimul nu putea fi subminat decât prin spargerea interdicțiilor. Simplu: atentând la un organism steril, asexuat prin definiție, personajul își propune să facă sex în toate „templele” și „altarele” pe care acesta le considera sacre, inclusiv, în „sfânta sfintelor”: în clădirea Comitetului Central al Partidului (unic). Este un scop simplu, dar eficient, atât în plan politic, cât și în cel etic, dar și... literar. Este o strategie comportamentală întreagă aici, care devine și o strategie scripturală. Pentru că tocmai simplețea „liniei de subiect”, ori definirea ei clară, transformă o intenție într-un text. Iar ritmul, într-un permanent crescendo, cu acțiuni care închid, într-un fel de mezzo-forte, cercul, încheagă scriitura, care nu mai poate fi interpretată altfel decât ca una literară”[ibidem, p. 15-28]. În această optică ceea ce ar putea să apară o „autobiografie romanțată” se prezintă ca o farsă plină de un umor rablezian a comunismului din ultimii săi ani de existență. Tocmai acest aspect de „moarte” a comunismului într-o viziune comică, ca și „a doua moarte”, cea comică, a zeilor greci din scrierile lui Aristofan despre care vorbea Karl Marx, este cel mai reușit artistic și cel mai captivant la lectură. Aici încrâncenarea autorului eseist este abandonată, lăsând locul unei dexterități narative și unui comic de cea mai înaltă calitate. „Adevărurile” etice grave și dramatice de care se cramponează publicistul sunt înlocuite de scene concrete de un haz irezistibil, printre care autorul intercalează cu nonșalanță întâmplări și fapte din istoria noastră recentă, dar și informații care în anumite momente au făcut deliciul presei internaționale. Totul se amestecă într-o narațiune savuroasă, cu o clară încărcătură ironică și umoristică, dincolo de care transpar eșecurile (finale) ale comunismului, dar cele ale tranziției posttotalitare.

Deși cuvântul „sex” din titlul cărții situat alături de „perestroika” are, după cum a observat Alina Tofan, ceva de „clișeu kitschicos, cu priză la (un anumit) public și, din punct de vedere comercial, cu siguranță vandabil”, nu putem să nu fim de acord cu rezonanțele artistice profunde pe care le descoperă cercetătoarea acestui cuvânt în contextul scrierii lui Cheianu: „Prima vocabulă din titlu (Sex) este de fapt o metonimie – posibil de inspirație orwelliană, dar cu declarate implicații autobiografice – a revoltei individului împotriva (post)totalitarismului, dar și împotriva manipulării și stereotipizării absurde (până la denaturarea sensurilor) a revoltei colective. Remarcabilă este interpretarea – de esență (post-)postmodernistă, dar cu rădăcini în vechea și eterna Antichitate – a erosului ca heros. După toate evidențele, metonimizarea respectivă urmează să amplifice rezonanțele ideatice și afective ale elementului-cheie din titlu (Perestroika), mai întâi, prin asocierea voit paradoxală a celor două cuvinte într-o sintagmă-generic, apoi, în mod decisiv, prin sensul conotativ, indus cu persistență programatică și (mai mult decât) transparent în întreaga construcție narativă” [7, p. 4]. „Disidența” sexuală este un act de manifestare a puterii lăuntrice, dar și o defulare în fața regimului, o expresie a libertății umane, un „viol” la adresa anchilozării comuniste și a închistării politice într-o mentalitate troglodită a minciunii. „Sunt scene orgiastice mai mult decât explicite, zugrăvite cu un fel de entuziasm al defulării”[3, p. 62], remarcă Vitalie Ciobanu. Artistic, punerea în scenă a unor scene orgiastice în paralel cu mecanica decrepită a unor luări de cuvânt ale ștabilor de partid urmărește, evident, efectul comic, accentuează derizoriul comunismului

pe ducă. În limbaj freudist însă sexul „interzis” în clădirile statului semnifică o acțiune de violență, tot așa precum la începuturile comunismului regimul își etala „virilitatea” în limbajul unei corporalități agresive. Vorbind de ziarul *Scânteia*, cercetătoarea Ruxandra Cesereanu constată în studiul „Imaginarul violent al românilor”: „Insistența pe denumirea de „organ al Comitetului Central” trimite la un machism (Doctrină potrivit căreia bărbatul își face simțită superioritatea față de femeie) forțat și insidios care are ca scop corporalizarea agresivă a Scânteii, aceasta acționând ca un „falus” al Partidului. „Falus” care implantează noua ideologie și încearcă să fecundeze astfel patria românească și poporul, chiar dacă printr-un viol. Firește, explicitarea unui ziar de a fi organ al unei formațiuni politice nu este o inovație comunistă (ci ține de tradiția subintitulării unei gazete care se dorește a fi element de propagandă în orice timpuri), dar, o dată cu *Scânteia*, virilizarea gazetei primește sensul unei demonstrații de forță” [1, p. 70], concretizând mai departe: „lăitmotivele din *Scânteia* pedalează, de asemenea, pe ideea de mașinărie falică violatoare: căci P.C.R. „se călește și se întărește” atunci când procedează la arestarea „dușmanilor poporului” [ibidem, p. 71]. Am putea spune că „mașinăria falică” a comunismului a dat faliment, lăsând locul „sexului fără frontiere” al tinerilor de 30 de ani.

Defularea e cu atât mai mare și mai imperioasă cu cât autorul, Constantin Cheianu, după propriile mărturisiri s-a aflat până la anii studenției total acaparat de vraja ideii comuniste cu toate sloganurile ei de echitate socială, dreptate și egalitate între oameni [6]. Atât de tare era el prins de magia utopiei comuniste, încât tatăl său se ferea de propriul fiu, făcându-l însă confident pe un coleg al acestuia căruia să-i spună că Uniunea Sovietică e o țară banditească și o imensă crimă. „Tulburarea și extazul nemaipomenit” pe care i-o provoacă autorului, dar și personajului-narator din *Sex&Perestroika* sunt, deci, mai întâi „o formă de libertate”. Am mai spune o formă de libertate totală, după ce alte forme de libertate pe care le oferea sau le promitea perestroika s-au dovedit neîndestulătoare, fără relevanță. Busculada de la mitingul din 12 martie 1989 l-a dezmeticit asupra unui lucru simplu: „Comunismul moldovenesc nu putea fi învins în piață, acolo era la discreția lui, iată de ce trebuia atras pe terenul nostru.” Or, „terenul propriu” însemna o altă formă de revoltă: „Vouă vă place să vă bateți cu militarii? Foarte bine, eu, vorba lui Lenin, voi merge pe o altă cale. Eu voi eroda regimul din interior, ca o carie. Să fii nemulțumit de tot și de toate, să-ți exprimi mereu și peste tot dezacordul, să sfidezi, să nu te temi să spui adevărul, să critici, să întârzi la serviciu, să înfrunți superiorii, să sabotezi locul de muncă socialist, să faci sex la birou! ...” Cu această decizie începe un lung șir de peripeții erotico-sexuale, care continuă și după declararea Independenței, ca o formulă de dezacord cu persistența acelorași cunoscute practici comuniste și în cadrul unei tranziții fără de sfârșit. Fiece frază a acestuia este dublată sau își găsește replica într-un gest erotic. Efectul comic al procedurii transmite mesajul grav al „Tezelor” în derizoriu și absurd.

„Stimați tovarăși”, zice glasul și înțeleg că e momentul potrivit să las mâna Marcelei să lunece pe membrul meu preocupat să se facă din ce în ce mai atent la cele întâmplate.

„În republică, spune oratorul, se desfășoară o activitate practică pentru realizarea liniei strategice a partidului spre accelerarea dezvoltării social-economice.”

Greu de inventat o linie de start mai bună, chiar dacă Marcela a început accelerarea ceva mai devreme.

„În ultimul timp se pune problema de a conferi limbii moldovenești statutul de limbă de stat. Dar să nu uităm nici o clipă că problema limbii este destul de delicată și complicată.”

Limba perfect moldovenească a Marcelei îi demonstrează glumețului meu din ce în ce mai încurajat că, din contră, problema nu că este complicată, este savuroasă, de-a dreptul, eu aș pune-o imediat să fie „limbă de stat”.

Fraza oratorului „E necesar să dezvoltăm în fel și chip bilingvismul național-rus” mă determină să-mi imaginez că Marcela întruchipează marele popor rus, mai ales că mi s-a lăudat cândva cu niște strămoși în acest sens. În același moment simt inspirația să fac ceea ce nu am mai încercat niciodată, o chestie citită în cărțile de specialitate, apărute în ultimul timp datorită, iarăși, *perestroikăi*.

„A-ha, îmi zic, după ce o aburc nu fără efort pe Marcela peste mine, asta trebuie să fie ceea ce se cheamă poziția „69”!

Încântată de improvizație, Marcela se grăbește să mă ajute să dezvoltăm minute bune, în paralel, un bilingvism de invidiat, cred, pentru toate națiunile conlocuitoare din RSS Moldovenească.

Poate mai mult decât activitatea limbilor noastre m-a umplut de extaz să văd cum popoul Marceli umpluse deasupra nasului meu trei sferturi din biroul nomenclaturist. Iată vedeam cu ochii mei cum bucle fantastice dezlocuiau, așa cum visam, trei sferturi din cei 45 de ani de comunism moldovenesc!

Dar popoul Marceli nu se rezumă la atât. Dilatându-se apoteotic, el dărmă peretele și avansează impetuos în Piața Biruinței, pe care o ocupă în întregime. Lenin ajunge astfel, ca și mine, cu nasul între fesele gigantești.

Privim cu Marcela concentrați, în aceeași direcție și, deși ne zdruncinăm un pic, încercăm, cu toate acestea, să ne focalizăm privirile în același punct de pe perete, pe care străpungându-l, ajungem să întâlnim privirea oratorului.

Acolo e localizată, simțim, bucuria noastră!

Comitetul Central tresare, eu termin.”

Punerea în scenă contrapunctică a unei partide sex sănătos, tineresc cu refrenurile unor clișee obosite din ideologia comunistă are efectul declanșării unei puteri nestăvilite de replică și libertate. Acest libertinaj afișat, această nerușinare ostentativă este un fel de răspuns provocator la zisa „virtute” a codului moral al constructorului comunismului, marcat de duplicitate și dublu standard. Această „virtute” se arată în paginile lui Cheianu foarte bine prin vorbele pe care le perorează omul de la Comitetul Central – niște minciuni sfruntate, falsuri istorice, ipocrizii ideologice. Intercalate cu orgiile sexuale pline de putere și fantezie, victorioase, acestea devin ridicole și neputincioase, autoanihilându-se într-o perspectivă a derizoriului.

Spre deosebire de Constantin Cheianu, a cărui privire retrospectivă se desfășoară într-un timp de aproape două decenii, un timp al unei interminabile „prestroikă”, Nicolae Esinencu se oprește în „Vin chinezii” doar la un moment al istoriei noastre recente – anii 1987-1988. Scrierea e un fel de amestec dintre autobiografie ficțională, cu personaje reale al cărui nume a fost ușor modificat, și parabolă. Mircea V. Ciobanu scrie că *Vin chinezii* „este o panoramă a societății, dar o panoramă etern schimbătoare, cu rotiri de caleidoscop și cu opriri intermitente, scurte, în încercarea de a obține, din toate, un fel de puzzle, dar piesele căruia mereu nu se potrivesc (nici ca imagine, nici ca o coerență, fie și dinamică, a scriiturii). Până la urmă iese o salată, adevărat, apetisantă, un tutti-frutti” [2, p. 15-28]. Apetisantă sau nu, cert e că autorul n-a fost prea migălos la prepararea „salatei” sale, partea parabolică desfășurându-se undeva pe alături (în paralel parcă) și contrastând, ca mesaj și scriitură, cu partea biografică, de „reportaj” sau rememorare grăbită a unei vizite pe care a făcut-o la Moscova după ce a fost ales, la Chișinău, în calitate de secretar al Uniunii Scriitorilor. Un singur exemplu doar. Druță apare în cartea lui Esinencu drept Cruță, dar într-un loc autorul uită de această convenție (facilă, de altfel) și-i spune pământeanului nostru de la Moscova cu numele lui adevărat. Despre incongruența stilistică interioară a scrierii același Mircea V. Ciobanu zice: „Există senzația cinematografică cea mai palpabilă în acest gen de scriitură, dar uneori ai senzația că imaginile sunt din filme diferite, fie și ale aceluiași autor. Penalizabile sunt totuși modalitățile simpliste, cu verdicte de suprafață, de a surprinde realitățile vieții literare și politice. Grotescul nu salvează situația, pentru că nu trece în satiră și totul pare fără concept și fără strategie. Chiar dacă e scris cu talent. Nativ, nicidecum acumulat... ori dezvoltat” [ibidem]. Verdictul general este unul negativ, deși criticul este mereu precaut, îndulcind pilulele amare ale diagnozelor sale negative în pelteaua unor false elogii la general adresate scriitorului. Și alt comentator care și-a dat cu părerea pe marginea scrierii *Vin chinezii*, Dumitru Crudu, după ce remarcă o secvență emoționantă, scrisă cu mult nerv și mult realism, aceea a prezenței și a reacțiilor primului secretar Grosu la premiera piesei sale „Fumuarul” regretă devierea autorului spre alte linii narrative, neconvingătoare după părerea sa:

„Regretul cel mai mare pe care l-am avut citind această secvență emoționantă e că s-a terminat mult prea repede. Părerea mea e că romancierul ar fi trebuit să-i acorde cu mult mai mult spațiu decât i-a alocat poveștii cu oamenii care dispar într-un metrou aflat la cinci sute sau șase sute de metri sub Moscova. Scena cu premiera e cu mult mai interesantă decât faptul că nu știu ce scriitor moldovean nu găsește ieșirea din metrou. Și asta, din cauză că istoria cu metrourul este mult prea sărăcăcioasă în detalii ca să devină o parabolă. Iar dacă nu reușește să se închege sub formă de parabolă, oare ce sens mai poate avea?”[4] Detalii, într-adevăr, sunt puține și insignifiante în *Vin chinezii*, miza principală fiind cea din poezia lui Nicolae Esinencu – spunerea repezită și fără oprire. Romanul, scrie și Mircea V. Ciobanu „plin de nerv, este foarte dinamic, aproape numai dialoguri (spuse în fugă) comentate scurt și condimentate exotic: Moscova, scriitorii moscoviți și basarabeni autoexilați, metrourul, metrourul guvernamental (un spațiu al infernului și o lume a vitezei), o veritabilă Euridice minoră: „mergi înainte și nu întoarce privirea!” Realitate goală și parabolă implicită. Un fel de teamă organică de acest preaplin, de vârtejul care nu sfârșește niciodată, e un fel de (singură) axă unificatoare, culminată cu ipotetica invazie a chinezilor, despre care Esinencu parcă ar fi vrut să ne sugereze ceva, dar parcă i se pare că a ilustrat-o deplin. Nu știu dacă scriitorul își redactează textele scrise, uneori parcă nici pentru el nu contează cine rostește replica. Poate că tocmai scrisul „dintr-o răsuflare” e secretul scriiturii dinamice?” [2, p. 15-28]

În privința genului s-ar mai putea discuta, prea puține semnificativ de „roman” are compunerea lui Esinencu. Dar parabola metrourului moscovit cere un comentariu aparte. Trecerea de la relatarea reportericească a unei sosiri neașteptate la Moscova pentru a fi aprobat în funcție de Marcov, primul-secretar al Uniunii Scriitorilor sovietici la parabola rătăcitului în Metrourul Guvernamental aflat la o adâncime de 500 de km. Nu se leagă nici stilistic, nici prin sensurile pe care le comportă. Face impresia că toată bucata cu restaurantul Uniunii scriitorilor, întâlnirea cu Mutei, Cruță, Marcov ș.a.m.d. sunt doar o motivație pentru trecerea personajului-narator-autor în lumea „cealaltă”, a galeriilor subterane. Este o lume tipică pentru anumite filme hollywoodiene cu alură de *science fiction*, o distopie antitotalitară. Aliona Grati o spune direct: „diegeza lui Nicolae Esinencu caută, incontestabil, să se plieze pe formula romanului politic. Proiecția onirică a metrourului are toate datele unei distopii, constituind o parabolă, ale cărei semnificații dinamitează din interior o religie politică totalitară și expansionistă. Ceea ce s-a vrut reprezentare a cetății ideale, alternativă a fericirii și cale de salvare a unui neam de eternul inamic invizibil, capătă, pe ecranul mental al străinului racolat întâmplător, o imagine distorsionată, înfățișând lumea pe dos. Spațiul închis, dificil, din care nu există ieșire, seamănă mai degrabă cu un lagăr de concentrare, cu un Gulag” [5, p. 221]. Întâmplător, autorul-narator nimerește într-un metrou fără ieșire, cu oameni care trăiesc ca niște roboți: se mișcă mereu în aceeași direcție, execută aceleași gesturi, nu posedă nici cel mai mic semn de moralitate, de omenie, de compasiune. Un fiu încearcă repetat să-și arunce mama din tren, reușind până la urmă, cu unica explicație – să-i ia locul în vagon. O femeie, Olga, aleargă, ca o hăituită, prin această lume a fantomelor, căutând de la cineva un sprijin, dorind cu ardoarea unui om căzut la cea mai neagră anaghie să găsească pe cineva care s-o înțeleagă, care s-o susțină. Situația ei este disperată:

„Olga. Îmi suflă fierbinte în ceafă: Doamne, pe unde dispari? Te caut de secole. De ce fugi? De cine te-ascunzi? Aici n-ai unde te ascunde. Fiecare e singur și fiecare e cu ochiul pe fiecare. Nu mai pot! Cine mă prinde mă întinde! Unul mă lasă și altul mă apucă. Mai ieri, pe neașteptate, m-a apucat un pictor de mână. Mă apucă și mă trage după el. Și eu mă duc. Nu pot opune rezistență. Pe aici degeaba opui rezistență. (...) Cei mai scârboși și plicticoși sunt bătrânii. Unul mă lasă și altul mă apucă. Câteodată te vezi trasă de câte doi bătrâni. Fiecare te trage de mână și în direcția sa. Strigă căci nimeni nu te aude. Plângi pentru că nimeni nu te înțelege Dumnezeu, am să sar de la etaj. Da, într-o bună zi am să sar de la un etaj. Ba nu, am să mă arunc sub tren. Da, cred cred c-o să mă arunc din tren. Sub tren am observat că n-ai cum să te arunci. Dar de sărit se poate. Sar și gata. Doamne, cum te văd, toți te apucă de mână. Și cum te apucă, te trag după ei. Și cum te duc, te

tăvălesc unde apucă. Măcar de-ar vorbi cu tine. Unii nici măcar nu te întreabă cum te cheamă. Dar alții nu te lasă zile în șir, și nici nu-ți vorbesc.”

La o comparație cât de superficială se poate observa o diferență mare între sexul plin de vitalitate, tineresc, tonifiant din cartea lui Constantin Cheianu și acest sex obsesiv, bolnav, mecanic, fără plăcere și fără vreo finalitate oarecare, redus la simpla agresiune animalică. E o agresiune, dacă ținem seama de caracterul parabolic al scrierii lui Esinencu, totalitară, oarbă. Proiectul utopic de salvare a Rusiei de pericolul chinez prin săparea acestor subterane fără ieșire nu are nici o șansă de izbândă, este un proiect al Infernului, cu umbre în loc de oameni. La urmă subteranele se prăbușesc și apare cerul. Numai că acesta nu mai este cerul „de acasă” visat mereu de moldovanul rătăcit în catacombele totalitare ale imperiului. Vin chinezii de care se temeau rușii și în contra cărora au pregătit, ca un plan de defensivă, Metroul Guvernamental. S-a prăbușit un tunel și pe sub pământ în Moscova vin chinezii. O lume totalitară se dărâmă, o altă lume năvălește cu o forță stihială. Ce aduce ea? Parabola rămâne deschisă, sensurile se ascund sub multiplele posibilele interpretări: chinezii sunt și ei comuniști și, să luăm aminte!, ei vin prin galeriile săpate de ruși. Un comunism a netezit calea altui comunism? Este totalitarismul de neînvins? Care e locul „moldoveanului” rătăcit în această lume străină și vrăjmașă firii sale congenitale? Scriitorul Nicolae Esinencu se ferește de un răspuns, lăsând parabola deschisă precum deschisă este, la Constantin Cheianu, perestroika ce nu se mai sfârșește.

Bibliografie:

1. Cesereanu Ruxandra, Imaginarul violent al românilor. București: Humanitas, 2003. 400 p.
2. Ciobanu Mircea V., Romanul din Basarabia, a. D. 2009: „teme” și „strategii narative”. În: Sud-Est, 2010, nr. 2. 15-28 p.
3. Ciobanu Vitalie, Memoriile „fierbinți” ale perestroikăi, În: Viața Românească, 2009, nr. 11-12// <http://www.romaniaculturala.ro/articole.php?categorie=carte&an=2009> (vizitat la 14. 10. 2019).
4. Crudu Dumitru. „E bine sau e rău” că primul secretar „râde în hohote”?// <http://www.timpul.md/articol/cronica-de-carte-e-de-bine-sau-e-de-rau-ca-primulsecretar-rade-in-hohote-21672.html> (vizitat la 16. 09. 2019).
5. Grati Aliona, Prizonierul labirintului străin. În: Esinencu, Nicolae, Spectacolul operei literare, Chișinău: Profesional Service SRL, 2011. 220-224 p.
6. Șimonca Ovidiu, Interviu cu Constantin Cheianu: „Mă simt protejat de acești tineri basarabeni de 18-20 de ani“//<http://romanism.ro/interviu-cu-constantin-cheianu-%E2%80%9Ema-simt-protejat-de-acesti-tineri-basarabeni-de-18-20-deani%E2%80%9C> (vizitat la 09. 12. 2019).
7. Tofan Alina, Autobiografia ca eseu. Constantin Cheianu despre Perestroika la moldoveni. În: Contrafort, 2010, nr.1-2 (181-182)// <http://www.contrafort.md/old/2010/181-182/1786.html> (vizitat la 28. 11. 2019).

УДК 37.016:811.163.2:004

Бойкова Лариса

доктор филологических наук,
доцент КГУ

Славова Майя

магистрантка

факультета национальной культуры КГУ

E-mail: mayya.slavova.83@mail.ru

ИЗПОЛЗВАНЕТО НА ДИГИТАЛНИТЕ РЕСУРСИ И ТЕХНОЛОГИИ В ЧАСОВЕТЕ ПО БЪЛГАРСКИ ЕЗИК И ЛИТЕРАТУРА

Abstract: The article is devoted to innovative technologies in the lessons of the Bulgarian language and literature. The research interest is not in how teachers collect, classify, and present information to students through the network, but in how students themselves work on the network.

Keywords: learning culture, personal learning environment, digital educational resources, content resources, digital educational environment.

В съвременната епоха на бързите промени се налага да се откажем от обичайните идеи за това, което правиш, непрекъснато да се подобряваш в някои нови области. Научният и социалният прогрес бързо, драстично променя условията на труд и съдържанието на човешката дейност. Много се е променило в нашата педагогическа система през последното десетилетие.

При тези условия учителят, ръководителят на учебния процес трябва да се ориентира в широк спектър от иновативни технологии, идеи, направления, да не губи време за откриване на вече известни. Днес е невъзможно да бъдеш педагогически грамотен специалист, без да изучиш целия огромен арсенал от образователни технологии.

В момента много внимание се обръща върху иновационните образователни технологии.

Обектите на иновациите са следните проблеми: как да се повиши мотивацията на учебно-възпитателната дейност; как да се увеличи обема на материала, изучавания на урока; как да се ускори темпото на обучение; как да се премахне загубата на време и т.н.

Въвеждането на по-добре обмислени методи за използване на активни форми на образователния процес, нови технологии за обучение и възпитание са постоянни области на разработване на иновационните идеи.

Основните направления на промените в средата e-learning е нарастващото внимание към самостоятелните действия на ученика. Изследователският интерес не е как учителите събират, класифицират и представят информацията на учениците чрез мрежата, а как самите ученици работят в мрежата – как търсят информация, класифицират статии, споделят знания.

Трябва да играем нови роли, да развиваме нови навици и да усвояваме нови форми и методи на дейността. Тези промени се случват само защото се появяват нови технически средства. От средата, от която хората получават информация: четат новини, слушат радио, гледат телевизия – световната мрежа се превръща в платформа, на базата на която хората комуникират.

Средата на съвременните мрежови услуги позволява създаването на учебни ситуации, в които учениците могат по естествен начин да усвоят необходимите в нашия век компетенции. Съвременните информационни технологии ни позволяват не само да използваме средствата, но и да персонализираме работата на услугите, да ги приспособим към себе си и да ги използваме за свои цели. Личното учебно пространство може да бъде организирано въз основа на редица социални мрежи, които трябва да отговарят на следните изисквания: откритост и постоянна достъпност, полимедийност (ученикът трябва да има

възможност да добави в своето портфолио не само завършени документи, но и други форми на дигитални обекти – снимки, изработени или сглобени видеа), вграждане на цифрови обекти от личното учебно пространство в колективната учебна среда или в следващите учебни проекти. Такива възможности ни дава «Скрач» (Scratch), Google и уики-платформи.

Разпространението на компютърните технологии често се назовава сред главните причините за спадането на интереса на учениците към четенето. И Интернет по-често се възприема като враг на литературното образование. Но днес интернет ресурсите могат да бъдат добра помощ в уроците – както за учителя, така и за учениците. Да не говорим за факта, че съвременният литературен Интернет може да стане истинска храна за душата. Важно е само да се научим да търсим правилно.

В допълнение към техническата умения за използване на системи като Google, [Mail](#), Yandex, важно е разбирането къде трябва да минем, как да зададем въпрос, на кого да зададем този въпрос. В допълнение към търсенето по текст, разбира се, трябва да имаме възможност за търсене и по изображения, по научни статии, на видео материали и трябва да можем да коригираме системата за търсене за себе си.

Тук представяме ви основните интернет ресурси, информацията от които може да се използва в часовете по български език и литература. Електронни библиотеки:

<https://chitanka.info/> (българска класическа литература)

<https://www.slovo.bg> (българската виртуална библиотека)

<https://www.bukvite.bg/-сайт> (нова българска литература)

<http://www.pravoslaviето.com/> (старобългарска литература: биографии, текстове)

<https://audiobookbg.com/> (аудиокниги на български език)

На порталите <https://bgmateriali.com/>; <https://literatura.dokumentite.com/>; <http://www.myschoolbel.info/> освен биографиите и произведенията на българските писатели и поети, можем да открием дидактически и критически материали. А на сайта <https://www.slideshare.net/> ще намерим презентации по български език и литература.

Видеоуроци по български език и литература на разбираем и интересен език са представени на <https://ucha.se/>. Academico – YouTube <https://www.youtube.com > channel> - каналът образователни видео уроци е предназначен за учениците от 1. и 7. клас. Уроците са разделени на теми, съобразени с образователните стандарти.

Класическа българска литература в изпълнение актьора Богдан Дуков можем да чуем на канала <https://www.youtube.com/user/MrMaestromuzika/videos>.

Електронни езикови ресурси на Института за български език „Професор Любомир Андрейчин“ са на сайта <http://ibl.bas.bg/>.

Дигитална образователна среда е отворен набор от информационни системи, предназначени да предоставят различни задачи на образователния процес. Те са представени на <http://dpbel.com/-> Образователна платформа «Добри практики по БЕЛ за ученици и учители». На сайта <https://www.smartest.bg/> можем да създаваме различни видове тестове и задачи, които ще са помощ на учителите по време на подготовката на учениците за изпити.

Сайтът <http://ocenka-bel.com/> ще е много полезен както за учениците, така и за учителите. Тук са представени онлайн игри с образователна цел, забавления изпити и тестове, материали по български език и литература, образователни приложения по българска литература.

В обучението по български език и литература ще са полезни <https://rechnik.chitanka.info/talkoven> – Речко – българският универсален речник в Мрежата, <http://talkoven.onlinerechnik.com/> <http://talkoven.onlinerechnik.com/> - Тълковен Речник на българския език дава лесен достъп до значенията на над 35 000 български думи.

Изучаването на българската литература без познаването на историята е невъзможно. На сайта <https://bulgarianhistory.org/> ще намерим сведения за българска история, култура и литература.

Специализираният портал LiterNet <https://litenet.bg/> е научно методическо списание, издавано от Министерството на образованието и науката. Той включва електронно издателство LiterNet, електронно списание LiterNet, електронно списание БЕЛ, културни новини, книгомрежа.

Използването на съвременни информационни технологии е предпоставка за разработването на по-ефективни подходи за преподаване и усъвършенстване на методите на преподаване, помага на учителя да повиши мотивацията на учениците да учат литература и води до редица положителни последици:

- 1) обогатява учениците със знания в тяхната образно-концептуална цялост и емоционална окраска;
- 2) психологически улеснява процеса на усвояването на материала;
- 3) буди жив интерес към предмета на знанията;
- 4) разширява общите хоризонти;
- 5) повишава производителността на учителите и учениците на урока.

Не по-малко са важни съвременните педагогически технологии и иновациите в процеса на обучение, които позволяват не само да „инвестират“ във всеки ученик определено количество знания, но и, на първо място, създават условия за проявление на познавателна активност на учениците. Информационните технологии, заедно с правилно подбрани (или разработни) технологии за обучение, създават необходимото ниво на качество, променливост, диференциация и индивидуализация на обучението и образованието.

Библиография:

1. Кузнецова, Е. В. Целостность как системообразующий принцип образования в условиях информационного общества // Наука и школа. – 2014. – № 3. – С. 69–74
2. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы. Народное образование, 2003, №2

УДК 821.163.2.09

Делибалтова Мария
доктор, Комратски държавен университет
Дарманчева Светлана
Студент-магистър по специалност
Българска филология
Комратски държавен университет
E-mail: darmancheva75@mail.ru

НАЦИОНАЛНОТО В ОБРАЗА НА БАЙ ГАНЬО

Abstract: Aleko's immortal character is presented as the essence of a watershed and contradictive era, in which many other opposites are presented. Unusually bright and plastic in his individuality, Bai Gagno has no defined and complete physical appearance, he seems to be composed or personalized in some different persons - he has no biography, no portrait, no permanent environment to characterize him. So the personality of Bai Gagno deserves to be viewed and analyzed, having the common features of the Bulgarian nation, both positive and negative.

Key words: Bai Gagno, negative features, disadvantages, positive feature

Алеко Константинов сякаш е сътворил своя герой без особени усилия, с аристократична небрежност, нарекъл го Ганьо по името на някакъв казанлъшки търговец на розово масло, когото срещнал в Чикаго, прибавил му е прозвището Балкански – смело, но

справедливо обобщение, и е написал за него поредица фейлетони. Ликът, който е обрисован в тях, е толкова пътен, толкова разнообразен и верен, че много често сборникът от фейлетони се нарича и от невежи, и от изкушени – роман. Хората до такава степен са обобщили в съзнанието си образа на Ганьо Балкански, че почти са забравили неговото литературно битие. Героят е така сполучлив, толкова истински, действен, жив, че сплотява всичко: и приключенията в Прага, Виена, Швейцария и Русия, и посещението в българския дворец, и тайните на вестникарството, и принципите на безпринципната политика, и тактиката за печелене на изборите.

Но преди всичко в образа на Бай Ганьо са вложени отрицателни черти, недостатъци и пороци. На пръв поглед липсват положителни черти, а това поставя под съмнение неговата цялостност. Като че ли това е по-скоро една гениална сатира, разкриваща по неповторим начин отрицателните качества на българина. С "Бай Ганьо" Алеко не създава съвършено творение, но със съвършенство улучва схващанията на българина за собствената му дебелацина, безчелност, подлост и егоизъм.

Бай Ганьо има голяма слабост да говори за отечество и патриотизъм. Той не пропуска случай, тържество, събрание, без да провъзгласи най-гръмогласно: *"За патриоти, ако питаш, ний сме хасъл патриоти."* Но когато е сред свои хора, съмишленици, той е винаги крайно откровен за своя "патриотизъм", да не би някой погрешно да разбере, че той е искрен патриот, и да го сметне за прост, да го смеси с идеалистите, които не искат нищо за себе си и постоянно "гонят вятъра". *"Трябва и ний да клъвнем по нещо - обича да казва бай Ганьо, – току тъй на сухо патриотизъм – бошлаф!"*

Като се стреми никога да не бъде в опозиция, Бай Ганьо е неизменно, винаги родолюбец. Но за това трябва да му се плаща. Довчерашен привърженик на русофобската Стамболова политика, щом се сменя посоката на вятъра, той веднага е готов да стане русофил, стига *"двесте, сто и петдесет рубли да ми вържете на месец"*.

Като навлиза в същността на байганьовското патриотарство, сатирикът показва и един друг, много характерен случай на най-отвратително користолюбие – превръщането на действителни минали заслуги в рента. В Швейцария Бай Ганьо особено се възхищава от един "обладател на три медала". Този бивш съдебен следовател, награден в Сръбско-българската война, втори път за гражданска заслуга, и трети път – неизвестно защо, започва да се държи така, сякаш всички и за всичко са му длъжни. При това не само българските поданици и власти! Носителят на трите ордена, притежаващ вече и доста парички, решава да завърши висше образование в Швейцария за три месеца – за всеки орден по месец следване, не повече! Бъдещият доктор на науките грубо притиска ректора на швейцарския университет със своите абсурдни претенции. И това най-много допада на Бай Ганьо: *"Ректорът започнал да му дрънка, че за да бъде полезен за себе си и за народа си – нему какво му влязва в работа! – трябвало да изкара редовно цял курс, че и повечко живот в странство ще му бъде за полза – диване! – и много такива бабини деветини."*

По невероятен начин патриотарството на Бай Ганьо и културата му - която драстично се противопоставя на европейската – е показана в "Бай Ганьо в банята". На читателя е и смешно, но и много повече тъжно, като размишлява върху държанието на героя, което напълно отговаря и на неговото мислене. Бай Ганьо е описан с шокиращи подробности: той от толкова време не се е мил, че чорапите са се отбелязали на краката му; страхува се някой да не открадне мускалите му, което говори за нравите там, откъдето идва; надсмива се на германците, че един пирон не са заковали на стената. Същевременно героят демонстрира завидно самочувствие – с всяка своя дума и с всяко свое действие. Той без да се колебае демонстрира своите «умения» за плуване. Държи се така, все едно, че в банята освен него няма други хора. Той не само, че не разбира абсурдността на своето поведение и реалното отношение към самия него, но и демонстрира самодоволство. Трудно може да се забрави това «Булгар! Булгар!», придружено с удряне в гърдите. Поразяват ни думите на автора:

«Горделивият тон... казваше: Кто го, видите ли го, българина! Този е той, такъв е той!» И това *«прости били българите, а!»* За постигане на комичността са противопоставени действителна оправдана гордост на българите от победата при Сливница и комичните действия на Бай Ганьо. Ако до този момент чужденците са чували само за геройството и заслугите на българите, сега те виждат Бай Ганьо *«цял целеничък, от глава до пети, в натура»*. Разказът завършва твърде тъжно с бележката *«впрочем с нечистота не можем зачуди българите...»* Ако се замислим, тук намираме и още една интересна съпоставка: в банята освен Бай Ганьо има и още един българин – Стойчо, от името на който се води разказа. Стойчо е носител на европейската култура, но само толкова. От двамата действияят е Бай Ганьо и той е, който иска да определя отношението към всички българи.

Бай Ганьо е твърде млад – около 30-годишен. За отбелязване е, че и неговата държава е млада. Но той - Ганьо Балкански се държи като патил и препатил човек – на когото всичко е ясно. Той има много от чертите на българите, в много случаи действа и постъпва така, както биха постъпили повечето от сънародниците му: търгува с розово масло, обича да си похапва, ако може, без да плаща, обича люто, знае добре всичките тези неща, които се знаят и правят в България. Къде основателно, къде неоснователно, но винаги има завидно самочувствие.

В изумителните ситуации, в които Бай Ганьо попада при гостуването си у Иречек, блика неподправена българска душевност и разбиране за нещата. Като се започне с прословутото нашенско гостоприемство и с неумението на госта да се държи културно и почтено: *"И почна да сърба; ама сърба българинът, не се шегува, триста псета да се давят, не могат го заглуши."* На фона на аристократичната европейска култура на домакина блесват невъзпитаността и безкултурието на госта: *"Я ми подайте още едно късче хлебец. Вий съвсем без хляб ядете – учудва се бай Ганьо; – на българията дай хляб; ние много хляб ядем; да не се хваля, ама с таквази чорба, пърдон, с таквази супа цял самун хляб изядам. Бас държа."*

В своята статия "Характерни черти на българина", публикувана през 1930 г., видният български писател Константин Петканов разглежда характерологията на българския народ. Тази крайно интересна работа дава повод на немския славист д-р Герхард Геземан, професор по славянска литература в немския университет в Прага и едновременно редактор на голямото списание за славянска култура "SlavisheRundschau", да се включи в разглеждането на тази тема със статията си "Проблематичният българин", където за своите наблюдения и изводи използва образа на Бай Ганьо.

«Алеко-Константиновият "Бай Ганьо" – пише проф. Геземан, – е сатира на "известни български народни типове" и "народностни особености в характера", които Алеко смята лоши и вредни и които трябва да бъдат преодоленни.» Проф. Геземан се пита: вярно ли е, че Бай Ганьо е толкова вреден и отрицателен тип, който трябва да се преодолее? И отговаря: Бай Ганьо е рожба на българския исторически живот; той е "един важен тип на приспособление на славяно-балканските народи под чуждото им иго във всяка форма". Доколкото Бай Ганьо със своя характер е спомогнал, да може българският народ да се нагоди към условията, при които е живял, и да се съхрани като народ, у него има нещо витално и положително. Бай Ганьо е имал, прочее, да разреши една здрава жизнена задача "в биологията на своята среда" и, "като балкански опортюнистичен тип", той сполучливо е разрешил тая своя задача. Бай Ганьо престава да е положителен тип и би заслужавал да бъде осмиван едва тогава, когато стане "паразитен", сиреч, когато се вмъкне и в културни епохи, гдето не му е вече мястото. Алеко Константинов е извършил, продължава проф. Геземан, "една историческа несправедливост" към Бай Ганьо и затуй последният не може да бъде засегнат от Алековите остроумия и възмущения. Проблематиката на Бай Ганьо почва едва тогава, когато, поевропейчен, с мушамата на гърба, той се връща в новата българска културна среда. Ала там, отдето Алеко трябваше да почне, за да проличи неговият герой като един вече отрицателен, респективно паразитен тип, там "Бай Ганьо" свършва!

На твърденията на немския професор, че Бай Ганьо е положителен и жизнеутвърждаващ се тип, че е своеобразна "броня на българския дух", своеобразна защитна реакция на българина, родена от робството, и че като такъв типът на героя не заслужава остро осъждане, на което бил подложен, опонира видният български философ Димитър Михалчев със статията си "Бай Ганьо и характерологията на българина".

Преди всичко нашият философ отхвърля като неработещи термините "биологичен тип", "биологична роля" и "биологична задача" на народностното самосъхранение. Отрицателните качества на героя, ако те в някаква степен са присъщи и на българския народ въобще, не са резултат от някакво биологическо приспособяване, а са "плод на един особен социален живот, на едно приспособление към историческата и географска среда на нашия народ..." - пише Димитър Михалчев. Друга гледна точка на проф. Геземан, с която не се съгласява Димитър Михалчев, е, че немският учен разглежда "като нещо единно това, което е всъщност един комплекс от твърде разнородни по своята преходност характерни черти. Ако втеляването, недоверчивостта, практицизмът, дебелоочието и пр. са закрепнали у българина, понеже са се оказали общественополезни в неговото историческо приспособление, може ли да се поддържа същото и за простотията и некултурността на Бай Ганя?" – пита се нашият изследовател. По-нататък Димитър Михалчев обяснява защо героят не е един цялостен тип с разнородността и многообразието на самия наш обществен живот: "Та не е ли днешният българин вчера селянин, днес гражданин; лани търговец или журналист, тая година министър; доскоро с потури, сега с фрак! Алеко ли е крив, че нашият живот не е така единен и цялостен, както се диктува това от книжните теории?" Димитър Михалчев отхвърля и тезата на Боян Пенев и Георги Константинов, че в "Бай Ганьо" Алеко Константинов е преди всичко моралист, а след това художник: "Ако неговият "Бай Ганьо" действително би имал такава морализаторска задача, той би се оказал една досадна книга, която мъчно може да бъде четена от цял народ с такова удоволствие. Може Алеко да е твърдял за своята книга каквото ще. Но че нейният автор е преди всичко художник – това не може сериозно да се оспорва».

Образът на Бай Ганьо е твърде ярък с богатите си черти. Затова е получил и широка популярност като възплъщение и на социално-историческото, и на човешки-постоянното, ориенталски-българското. Алеко не е забравил, че Бай Ганьо е човек. При това българин. И разпръснатите в отделни разкази на книгата черти получават трайно значение, сякаш писателят и тъжно и весело, "безгрижно" осмива източната природа на "новия човек". Първичен, брутален, здраво тръгнал по пътя на себичния интерес, Бай Ганьо е своеобразен отрицател на културата. Той излиза от народа си, но противостои на всичко онова, което е чисто и безкористно, благородно и обществено самоотвержено у нашия народ. Писателят, напипал жилката на един типичен характер с отрицателни социално-битови и национални черти, отива и по-далече в художественото си прозрение. И Бай Ганьо кристализира като типичен образ на своята историческа среда, на класата си. Героят влиза в живота не само като коректив на трайно-отрицателни черти в националната ни душевност, а и като нов сатиричен образ. Образът на Бай Ганьо разкрива не само социален тип черти, но имайки и типични национални характеристики, е неотделим от българското. Това до голяма степен обяснява и нестихващия интерес към Алековото произведение вече повече от сто години, и съвременното му звучене и днес.

Изводи. В българската литературноисторическа наука са давани различни и противоположни оценки и интерпретации на образа на Бай Ганьо, но все пак всеобщо е мението, че той е отрицателен тип. Вярно е, че той има предимно отрицателни черти, недостатъци и пороци, но не може да се отрече, че у него се наблюдават и някои положителни черти от характерологията на българина.

Бай Ганьо проявява голяма слабост да говори за отечество и патриотизъм. Той се стреми никога да не бъде в опозиция. Има огромно самочувствие. Самодоволен е от себе си

и от своите постъпки. Ясно се забелязва неговото неумение да се държи културно и почтено. Според проф. Герхард Геземан той е положителен и жизнеутвърждаващ се тип. Бай Ганьо е възплъщение и на социално-историческото, и на човешки-постоянното, и на ориенталски-българското. Той е своеобразен отрицателен на културата.

Образът на повествователя е много важен за композиционната структура и за смисловото звучене на произведението. За книгата «Бай Ганьо» е характерна повествователната рамка, а също похвата на нанизването на анекдотични истории.

Облеклото на Бай Ганьо има особена семантична функция – да покаже срещата на двете цивилизации, която не се осъществява в културологичен план.

Разказите на Бай Ганьо за негови по-ранни действия са от сказов тип, т. е. той е не само действащ герой. Но и до известна степен и разказвач.

Книгата «Бай Ганьо» проблематизира родовата идентичност. В речта на героя се появява пародия на българския национален героически мит.

Библиография:

1. Геземан, Г. Проблематичният българин (Към характерологията на славяните). – В: електронно сп. Linternet 01.05.2005, № 5 (66)
2. Гранидски, Иван «Алеко Константинов Бай Ганьо» София 2002 г.
3. Елевтеров, С. «Алеко Константинов избрани творби», София 1978 г.
4. Михалчев, Д. Бай Ганьо и характерологията на българина. – В: електронно сп. Linternet 01.05.2005, № 5 (66)
5. Петканов, К. Бай Ганьо и характерологията на българина. – В: електронно сп. Linternet 01.05.2005, № 5 (66)
6. Речник на литературните термини. София: Наука и изкуство, 1973.

УДК 811.163.2'282(478-21Тараклия)

Делибалтова Мария

доктор, Комратски държавен университет

Стоева Альона,

студент-магистър

специалност „Българска филология”

Комратски държавен университет

e-mail: astoeva@mail.ru

ЖИВИЯТ ЕЗИК В ГРАД ТАРАКЛИЯ

Annotation: The study of using dialectisms, Russianisms and Russian words with Bulgarian morphemes called definite articles in the Bulgarian dialects by the youth in order preserve the dialect and its literary norm. An important aspect is the introduction, features and history of the local speech.

Keywords: language, dialect, bilingual, its errors.

Необходимостта от изследване и разработване на този проблем е продиктувано от реформата на образователната система за изучаването на българския-майчин език и реализацията им в учебната и трудовата дейност, а също така и в различните области на общественно-икономическия живот на нашата страна и не само. Посочената тема е много актуална днес. Важно е учениците да разберат необходимостта на граматическите норми и това, че диалектът може да обогати книжовния език, но едва след като те владеят неговите норми.

Предмет на изследването са диалектизмите, русизмите и руските думи с български морфеми или членувани по български.

Обектът на изследването са учениците от 8. - 10. клас, учащи се в Теоретическия лицей "Олимпий Панов" и хора над 60-годишна възраст.

Основната цел е изследване на ролята на диалектния език в обучението по български език; на начина, по който той се проявява в писмените работи на учениците.

Основните задачи са да се посочат възникналите проблеми и да се набележат пътищата за тяхното решаване; да се предложи методическа помощ на учениците по определени теми от учебния план.

За усвояването на литературния език е необходимо да се установят в практиката някои аспекти:

- запознаване с особеностите на родния диалект;
- побуждане на желанието за овладяване на литературния език;
- коригиране и отстраняване на диалектните особености и русизмите на учениците.

Забележка : Ученическите съчинения ще бъдат анализирани. Темата също е разкрита с помощта на информаторите: Елена Дмитриевна Кайряк (1924), Валентина Георгиевна Дарманчева (1956), Ана Ивановна Антонова (1935), от които е записан материалът за изследването на наречията в говора на гр. Тараклия. Използваните източници са: Ст. Стойков "Българските народни говори" и Нено Неделчев "Бесарабските българи в Тараклия". Статистическите данни от нея маркират проблемите пред настоящата работа.

Работна хипотеза: Прилагането на някои от съвременните форми, средства и методи в определена система в учебно-възпитателния процес и извън класната работа вероятно ще доведе до развиване на умствените способности, подобряване на граматическите норми.

В изследването е приложен комплексен подход към поставените проблеми. При оформянето на работата съм използвала сравнително-исторически метод, а също така методът на наблюдението и интервютата, които са проведени под формата на свободни и целенасочени разговори. Така методите на изследователската работа посочват основните моменти както на самия труд, така и на предхождащата го работа. По този начин се дава цялостен и обективен поглед върху обучението по български език и литература в съществуващата билингвална езикова ситуация у учениците.

Езиците на малцинствените групи в условията на глобализация са в неравностойно положение спрямо държавни и така наречени "модерни" езици. Поради това, в училището, учениците още от началния етап добре владеят освен майчиния си български език (диалект) и руския, а понякога и друг (ако ученикът е от смесено семейство). В последните 20 години в училището като задължителен предмет се изучава държавният език. Родният език (българският) е третият език, който е включен в учебната програма. Обаче, при изучаването на книжовната норма на българския език, на нас се налага да преодоляваме езиковата бариера. Ние възприемаме изучавания в училище български език като "чужд" и се сблъскваме с определени трудности, които стават причина да се предпочитат от тях диалектните думи и изрази в устната и писмената си реч. Затова характерна особеност, присъща на ученическите съчинения и есета, е наличие на диалектизми и русизми в тях.

Езиковата среда на българската общност в Бесарабия (включително и в Тараклийски район) може да се характеризира като билингвална, тоест освен българския говор функционира и руският. Тази особеност е обяснима от гледна точка на историко-културната ситуация на Бесарабския край. Освен българи тук живеят и руснаци, гагаузи, украинци, молдовци и други. Тази етническа пестрота е предпоставка за лексикално взаимопроникване между езиците на съответните народи.

В резултат на историческите събития, последвали преселението на българите в Бесарабия, и особено последователната русификация от втората половина на XX век в този

край, както и на близостта на българския и руския език, в речта на учениците-българи се наблюдава силно влияние на руския език. Това може да се проследи в писмените им работи. За целта са изследвани и анализирани писмените работи на ученици от 8. – 9. клас, учащи се в Теоретическия лицей „Олимпий Панов“. Въз основа на наблюденията могат да се направят следните изводи:

Под влияние на руския език се допускат основно следните грешки:

1. Употреба на **ы** вместо **ъ**.

Н-р: разсыждаваме , пырвия.

2. Употреба на представките рас-, ис-, бес-, въс-, и други вместо раз-, из-, без-, въз-

Н-р: ще раскажа вместо ще разкажа.

3. Употреба на окончание -а вместо -ове за образуване на множествено число при едносрични съществителни от мъжки род.

Н-р: Посетихме много красиви града вместо градове.

4. Формите за множествено число на съществителните имена, завършващи на г, к, х се образуват по руски маниер, без да се спазват законите на палатализацията, характерни за българския книжовен език.

Н-р: празники вместо празници.

В писменните работи на учениците се откриват грешки, възникнали под влияние не само на руския език, но и на диалекта. По-често срещаните грешки са:

1. Честа употреба на якави форми

Н-р: Молдова е известна с голями полета със лозята.

2. Употреба на именителните форми на личните местоимения вместо дателните.

Н-р: Аз ми се нрави това произведение вместо на мене ми харесва.

3. Диалектна форма мие на личното местоимение за 1 лице, мн.число вместо ние.

Н-р: На урока мие учихме интересно произведение.

Това е контаминация между руското **мы** и българското **ние**.

4. Кратката винителна форма на личното местоимение **га** за 3 лице, ед.ч., ж.род вместо

я.

Н-р: Аз **га** попитах вместо аз я попитах.

5. Инверсия на възвратната частица се.

Н-р: Се появиха цветя вместо появиха се цветя.

6. Практически липсва употреба на пълната членна форма при имената от м. р., ед.ч.

Н-р: Стареца отиде до каруцата вместо старецът отиде до каруцата.

Същевременно се наблюдава престараване и се поставя пълен член в думи, изпълняващи ролята на допълнение.

Н-р: Той уже беше във вагонът; еде без да предложи на спътникът си.

7. Особено силна редукция на широката гласна **о**, на мястото на която често пишат **у**.

Н-р: Искат той зам тя да уздравей. Да има много мляку.

8. Липса на веларна **х** в начална позиция.

Н-р: аресвам, удихми, уапа, ора, убоо, ляп и други.

9. Фонетичен облик на футурната частица ЖА.

Н-р: жа са веселим, жа празнуваме други.

Сред тези диалектни вмъквания в литературната българска реч, учениците използват и русизми, които са следствие на дългогодишната русификация в района. Така например, някои ученици пишат ШТ вместо Щ: Той не штя тя да умира.

10. Наблюдават се трудности и при използването на предлозите **във** и **със**.

Н-р: Бай Ганьо се спря с своя спътник до ресторанта. **Във** арманите започват да копаят.

11. Срещат се думи, в които присъства депалатализация, при която меките съгласни преминават в съответните твърди. Това явление е диалектно.

Да вада вода, праа работа у дома, забравам, упръвам рабутата.

12. Употреба на руски думи. Най-често се използват следните руски думи: *сърдце* (или сърдце), *компютер*, *писменна*, *разказ*, *одинок*, *восхитителен*, *слушать*, *жизнь*, *возраст*, *увидих*, *школата*, *задолжение* и други. Прави впечатление, че някои руски думи се побългаряват.

В говора се откроява характерната за тази местност частична пълна редукция, тоест редукция, която не обхваща всички гласни, а само някои от тях (това явление е характерно за някои родопски говори, за централните балкански говори, за повечето мизийски (изцяло за гребенските) и за югоизточните). А също така има и думи без редукция (западните говори, източните около ятовата граница). Тук присъства редукция на *-о* в *-у*, както е в повечето източни говори (мизийски и тракийски), без балканските и в повечето западни говори. Характерно е за местния говор обезвучаване, разместване (метатеза), русизми, н-р. напрау (от рус. правая страна). Има наречия, които функционират успоредно с книжовната форма. Силна палатална л' се изговаря под влиянието на руския език (сравнител'ну, нормал'ну, стиснител'ну). За носителите на говора от гр. Тараклия е характерна руската дума да се редуцира, да се членува по български маниер нарошну, очевидно (ачевидну), обичайно (абъчну) и др. В тукашните български говори има думи, които са появили чрез калкиране (буквално превеждане) от руски, частично превеждане: гату (си) - рус. когда-то, дету (си) - рус. где-то, къкту (си) - рус. както, тоест за време - ку/гату (си): Жа бѣди гату си... Калкира се (превежда се) от руски на български само първата съставка на формата, а втората само се редуцира по български.

Само от населението над 60 г. – 70 г. се употребява „изотгоре“ (той душъл изудгоря), а също и наречията *привечер*, *приживе*, *дяволски* (дяулски), *приятелски* (приятелски), *майсторски* (майстурски), *зле* и др. Облик на наречието *завчера* е *пофчера*. За да се проследи развитието на езика, ще отбележим разлика между възрастното поколение и младежта, напр. *безкрайно щастлив и доволен* (бискрайну шяслиф и даволян), се употребява само от младежта, а от по-възрастното поколение се изговаря *многогу дуволну* и мн др. Има наречия, които не се употребяват от възрастните, но се употребяват от младите хора, т.к. са необходими в съвременния живот *фактически*, *периодически*, *философски*, повсеместно се употребява русизмът *въобще* (рус). Има не голямо румънско влияние напр. при употребата на наречието *бързо* често се употребява румънската дума *нумай декът* (непременно направи или наскору направи)или рум. *айурия* (айурия са мацѣ, тоест дарум са мацѣ).

Степен на владение на книжовния български език според проведените интервюта.

В анкетата взеха участия ученици от 8. и 9. клас. Общият брой на учениците, участвали в интервюто са 51, като от тях българи са -38, гагаузи - 5, руснаци - 2, украинци - 2; молдовци -4.

Освен училището информация (за традиции и обичаи) се събираше от информатори над 60-годишна възраст.

На въпроса: **"Говорите ли български език във вашето семейство?"** анкетиранияте отговарят по следния начин - общо говорят български - 60% от учениците, не говорят - 13% и рядко говорят - 3%.

Интересно е това, че представители на другите националности в семействата си често общуват на български език.

На въпроса: "С кого най-често говорите на български?"

Най-много участници използват българската регионална норма за общуване в семейството с дядо, баба, след това със семейството тоест майка, баща, братя, сестри. Езикът на дядо и баба, това е езикът на общуване с предишното поколение, при което диалектът е запазен. Основният език на общуване с останалите членове на семейството в тези случаи е руският.

Следващият въпрос в анкетата е: **"Говорите ли български език със своите приятели от махалата или от училище?"**

Статистиката сочи, че голям процент от българите 47% общуват на родния си език със свои връстници от махалата. 33% от анкетираните използват рядко български език за общуване, както с хора от махалата си, така и със свои съученици.

„*Харесва ли ви да изучавате книжовния български език?*” Макар и на български език се комуникира само в часовете, а по време на междучасието – не, почти у всичките ученици интересът към езика е засилен. Проявява се българската народност във всеки, дори и в тези, потеклото на които не им е свързан с българското. Има и такива, у които предметът не предизвиква особен интерес, което може би е свързано с това, че професионално не са ориентирани.

Изводи и обобщения

В желанието си свободно да комуникират и да бъдат разбрани, децата предпочитат диалекта пред българския книжовен език. От така представената картина можем да направим извод, че голям брой от грешките, допуснати от учениците в писмените им работи, са направени под влияние на руския език и диалекта. За да се избегне изобилието на диалектизмите в писмената реч на учениците, е необходимо да се правят повече диктовки, съчинения, есета и пр. Анализът на интервюираните е още едно доказателство, че повечето от учениците извън часовете по български език не общуват с учителя-българист, същото отразява и д-р Делибалтова: „Често разговорите се провеждат на руски език. Това е грешка на българиста, точно при създамата се ситуация той длъжен да корегира речта на подрастващото поколение, изучаващо родния си език.“

Резултатите от това проучване показват, че основната част от българското подрастващо население в гр. Тараклия, Молдова, комуникират помежду си на български език. Те го използват както въщи, така и извън пределите на дома. Езикът на общуване на многонационалното население в Бесарабия, а в частност и в гр. Тараклия, си остава руският език. Той се използва в официална обстановка, в размяна на информация при общуването. В резултат от анализа на говора на гр. Тараклия стигаме до извода, че като цялостна система българският език се е запазил такъв, какъвто е бил при заселването на първите българи, дошли от метрополията в Бесарабия. Трябва да отбележим, обаче, че при изследването на говора не се натъкваме на изостанали езикови форми, а на явления, които сочат развитие на българския говор, нещо, което е характерно и за всеки самостоятелен език. На най-силно влияние е подложена лексикалната система на говора. Социално-политическата и професионалната лексика, по обясними причини, е в най-голяма степен "русифицирана".

Говорът на Тараклия не е вече нито мизийски, нито тракийски, нито шопски, нито "чийшийски", а бесарабски тараклийски български говор, който няма свое подобие нито в диаспората, нито в метрополията. Условиата, при които той се формира, нямат аналог и придобитите и утвърдени в него характерни особености не го правят по-малко български, но му придават оригинални и специфични черти. И за това той е смесен по произход, но монолитен като система.

Библиография:

1. Делибалтова, М. Методика на преподаването на българска литература в диалектна среда. Дисертационен труд. 2008
2. Кондов, В. Едно интересно явление в езика на българите от Бесарабия.-В: Български език,София, 1999/2000, кн.2, с.50-55
3. Неделчев, Н. Бесарабските българи в Тараклия, В. Търново, 1998
4. Стоянов, Ст. Граматика на българския книжовен език. С, 1964

УДК 811.163.2:811.135-115

Делибалтова Мария
доктор, Комратски държавен университет
Чебанова Тамара,
студент-магистър
специалност „Българска филология”
Комратски държавен университет
E-mail: tamara-cebanova@mail.ru

БЪЛГАРО-РУМЪНСКО МЕЖДУЕЗИКОВО ВЛИЯНИЕ В ОБЛАСТТА НА ЛЕКСИКАТА

Annotation: Common words in Bulgarian and Romanian (loanwords from Bulgarian into Romanian and Vice versa, common loanwords from foreign languages, some inherited words) make up about 38% of their entire vocabulary. The Romanian language has developed under the strong influence of the Bulgarian language, and therefore it has many Bulgarian words in all areas of vocabulary.

Many people of various origins have long inhabited the Balkan Peninsula. Here arose one of the greatest cultures of antiquity, there were various movements and mixing of people.

Keywords: loanwords, languages, vocabulary, influence, origins, cultures of antiquity, mixing of people.

Тази тема в продължение на около един век привлича вниманието на много езиковеди от различни страни и преди всичко, разбира се, от България и Румъния.

Влиянието, което упражнява българският език върху румънския, е доста продължително и необикновено силно.

Общите думи в българския и румънския език (заемки от български в румънски и обратно, общи заемки от чужди езици, някои наследени думи) съставят около 38% от цялата им лексика. Румънският език се е развил под силното влияние на българския език и затова в него има много български думи във всички области на лексиката.

Много народи от различен произход отдавна са населявали Балканския полуостров. Тук е възникнала една от най-великите култури на древността – културата на елените, тук са ставали различни придвижвания и смесвания на народи.

Интересът към историята, културата и езиците на народите на Балканския полуостров се е пробудил през XVIII в. Във връзка с развитието на националноосвободителното движение на балканските народи се заражда дълбок интерес към историята на родния език. Появяват се народни будители, които в съчиненията за своя народ разказват за неговото величие.

Интензивното изследване на българския език (диалекти, паметници, литературен език) се прави през 90-е години на XIX век. В тази работа вземат участие млади български лингвисти, сред които се открояват имената на Л. Милетич и Б. Цонев. Но все пак нито един от славянските езици не ни представя таково голямо количество неразрешени въпроси, както българският език.

Както е известно, новобългарският език заема особено място сред другите славянски езици. Той рязко се отличава от старобългарския език и от другите славянски езици (аналитичен строеж на склонението, употреба на постпозитивен член, отсъствие на инфинитив).

Една от главните задачи, която стои пред историците на българския език, – това е изследването на народните диалекти през XIV-XV в. Източници за таково изследване се явяват славянските грамоти на влашките господари от XIV-XV-столетия.

Но тук става въпрос дали българският език е бил тук – във Влахия чужд книжовен език, разбираем само от духовенството и болярството, или той се е развивал в родна – славянска среда? И двете мнения са намерили отражение главно в работите на румънските учени, които не допускат мисълта, че славяните са играли значеща роля във формирането на румънския народ, второто мнение се защитава от българските учени.

Тези проблеми поставят най-напред най-главния въпрос за взаимоотношенията на славянските и румънските елементи, за ролята на славянския елемент във формирането на румънския народ и румънския език, за значението на румънските паметници за историята на славянските езици.

Обаче в тази област е направено сравнително малко. Един от най-старите научни трудове по тази тема принадлежи на лингвиста Ф. Милошич «Die Slavischen Elemente im Rumunischen» (Wien, 1862).

Научните работи на изследователя, проф. Л. Милетич внесоха нещо много ценно в науката, въпреки същественните им недостатъци. Професор Б. Цонев в своята «История на българския език № (т. I, 1919; т. II, 1934; т. III, 1937) се ограничава с факти, които са извлечени само от българските паметници. Тази традиция следва и ученикът на Цонев, проф. С. Младенов, който в своята «Geschichte der bulgarischen Sprache» се ограничава само с общи бележки за езика на славянските паметници на Влахия и техните данни почти не ползва.

Влашките грамоти от XIV – XV в. стават обект на сериозно проучване най-вече в трудовете на проф. С. Бернщейн, в които се отбелязва, че изследването на славянското минало във Влахия за румънската наука се явява една от най-главните задачи. Изследванията на мнозинството от румънските учени носят пристрастен характер, те са пълни с вътрешни противоречия всичко това обезценява, например, трудовете на румънския историк Н. Йорга и лингвиста И. Бабулеску и мн. др.

Проф. С. Бернщейн изследва славянските диалекти на Влахия, които принадлежат към българските говори. За това говорят топонимията, личните имена, лексическите славянски елементи в говорите на Влахия и техните фонетични признаци, целият стар бит на влашкото село.

По-нататъшно проучване на славянските говори на Влахия трябва да насочат изследователя към XII-XIII в., от които до нас не са дошли писмени паметници. Но в това време е вървял интензивен процес за усвояване на българската реч на спускащите се от планините на юг власи. Те усвоявали многочисленните елементи на славянската реч от местното население. Всички тези елементи на славянската реч се е подчинявала на новите закони, на законите на румънския език.

1. Славянският език във Влахия

Защо славянският език е станал първият книжовен език във Влахия? Отговорът на този въпрос е лесен, когато става дума за църковния, култовия език. Този език тук е езикът на тази писменост, която заедно с православието е била донесена от България. Най-сложно е да отговорим на този въпрос, когато се обръщаме към деловия, канцеларския език, към езика на грамотите. Появяването на славянските грамоти във Влахия хронологически почти съвпада с появяването на църковната писменост. А това като че ли свидетелства за това, че е канцеларският език е бил заимствуван от България. Обаче анализът на езика на светските паметници на най-древната влашка писменост довежда изследвателя до друг извод. Ако най-древните паметници на църковната влашка писменост са написани на съвременен (за тях) български църковен език само с някакви ортографически особености, то езикът на най-древните грамоти на Влахия рязко се отличава от езика на съвременните (им) грамоти на българските царе. Влашките грамоти свободно предават такива особености на живота славянска реч, които в самата България грамотите не отразяват. Във влашките грамоти срещаме такива форми и думи, които са добре познати само на паметниците на новобългарския език, среднобългарската писменост тях не ги познава.

Във Влахия не е бил направен нито един самостоятелен превод на църковните книги от гръцки, преписвали се само българските.

Но защо тогава в този случай влашките книжовници пишат на славянски език, който винаги се явявал чужд на населението в крайдунавските княжества? Кой са били първите създатели на влашките канцеларии? Тези първи създатели са били местни хора, които са създали самостоятелен влашки тип на славянския канцеларски език.

Мнозина румънски лингвисти и историци охотно говорят за това, че дори в началните векове на държавния живот славянският език е бил изключително език писмен, книжовен, език на духовенството и болярството. Народните маси този език не са го разбирали, той е бил чужд за тях.

Вече отдавна учените са обърнали внимание на това, че значителна част от лексическия състав на румънския език е от славянски произход.

Славянските думи и наставки са много в народната реч, в литературния език, много, въпреки това, че румънските националисти са положили немалко усилия, за да ги изгонят и заменят с образувани от латински корени.

Славянският облик на румънския език е привлякъл вниманието на учените още през XVIII в., когато много малко е бил изследван езикът на румъните, а още по-малко – езикът на славяните от Балканския полуостров.

През 70-те години на XIX столетие е излязъл известният етимологичен речник на А. Чихак, който нагледно е показал цялата неоснователност на претенциите на румънските националисти. Още самият обем на речника е показал, че най-значителният пласт в румънската лексика е славянски.

Славянски елементи ние намираме във всички области от всекидневния живот на селските жители. Значително по-малко ги има в езика на градското просторечие. Съвременният литературен език в Румъния до такава степен е отдалечен от народния език не само в Молдова, но и във Влахия, че често дори се говори за съществуването в Румъния на фактически два езика.

Румънските лингвисти са стремят да докажат, че славянският език в крайдунавските княжества винаги е бил книжовен, език на църквата и администрацията.

Сред славянските думи в румънския език има много думи от книжовен, църковен и административен произход. Много от тези думи са свързани със стария бит, със средновековната администрация, които са изчезнали от съвременния език. Но заедно с тези думи в румънския език има огромно количество славянски думи, свързани с народния бит, облекло, покъщнина, народни вярвания, селскостопански труд, лов, риболовство, със строителна техника. Същите думи със същото значение намираме в съвременния български език.

Изучаването на славянския фонд в лексическия състав на румънския език представлява огромен интерес. Това изучаване може да се окаже основен източник за реконструкция на доисторическата съдба на румънския народ и за историята на етническите взаимоотношения на територията на Влахия, Трансилвания и Молдова.

Пред изследвателите на славянските елементи в румънския език стоят сложни задачи. Преди всичко е необходимо да знаем територията на разпространението на една или друга славянска дума. Не всички думи от славянски произход можем да намерим във Влахия, Трансилвания и в Молдова. Всяка една дума има своя територия на разпространение. Посочването на територията на разпространението на всяка една славянска дума ще даде възможност в края на краищата да изучим ролята на различните славянски етнически елементи във формирането на власите и молдованите. Можем да предположим, че привежданите в речника славянски думи от южен произход се срещат по-скоро във Влахия, а източнославянските думи – в Молдова.

Распространението на славянските думи по цялата територия на Румъния е неравномерно. В някои места те ще се окажат повече, в други – по-малко; в някои те ще бъдат южнославянски думи, в други – източнославянски.

2. Българизми в румънския език

Тъй като славянизмите непрекъснато са «гонени» от румънския език, основната задача, която сме си поставили, е въз основа на един сравнително малък двуезичен речник включващ примерно 18000 румънски лексикални единици, да изследваме наличието и състоянието на българските лексически заемки в съвременния румънски литературен език.

Първата група лексически единици са съществителни имена, подредени по азбучен ред и са с най-различна тематика :

A	B	C
Abuz	<i>babă</i>	<i>caldârâm</i>
actr + <i>iță</i>	<i>baborniță</i>	<i>calic</i>
	<i>bac</i>	<i>candelă</i>
	<i>badea</i>	<i>casier + iță</i>
	<i>baltă</i>	<i>castravete</i>
	<i>baștină</i>	<i>cadelniță</i>
	<i>bestie</i>	
	<i>bezna</i>	
	<i>bici</i>	
	<i>bir</i>	
	<i>bivol</i>	
	<i>bârnă</i>	
	<i>boală</i>	
	<i>bob</i>	
	<i>bogătaș</i>	
	<i>bogdaproste</i>	
	<i>boier</i>	
	<i>bolovan</i>	
	<i>borcan</i>	
	<i>borci</i>	
	<i>braga</i>	
	<i>brazda</i>	
	<i>bufnița</i>	
	<i>buhai</i>	
	<i>biliuc</i>	
	<i>buza</i>	

Запазването на български наставки за ж. р. в румънския език се наблюдава в следните примери : *feldșer + iță*, *casier + iță*, *răsadnița* и наставки за м. р. : *grop + ar*, *gradin + ar*, *gospod + ar* и много други.

Един от тези съществителни имена не са променени, например, *smerenie*, *stog*, другите се отличават фонетично и правописно, те са приспособени към фонетичните особености на румънския език: *solniță*, *silă*, *maică*.

Някои от думи са запазили голямата носовка, например: *dumbrava*, *munca*, *grindă*, *oglinďă* в съвременния български *думбрава*, *мъка*, *греда*, *огледало*. Изменения се наблюдават и в морфемите, срв.: *iubirea* и *любов*, *șutăra* и *кума*, *кумица*, *poveste* и *повест*. Наблюдаваме метатеза в следните примери: в рум. *castravete* – бълг. *краставица*, *cârcima* – *crăsta*. Почти всички съществителните имена – заемки в румънския са запазили своето смислово –

семантично значение.само някои от тях правят изключение, например : *poveste* «*приказка*», в бълг. *повест* – *дълъг разказ*.

Извод

Наистина, българите и румъните имат много общо, защото докато да се образува румънска народност, римските прадеди на румъните постоянно са заимствували от българския народ, нямайки своя напълно оформена национална самобитност.

Българските елементи в румънския език означават понятия и предмети от областта на духовния и материалния живот на народа, стари български местни названия по цяла Румъния.

Според Д. Иванова-Мирчева и Ив. Харалампиев (1999г.), кирило-методиевият книжовен език в продължение на четири века (XIV-XVIII) живее на румънска земя. През тези векове дошлият от България книжовен език се използва и като култов, и като официален, държавен език. Българското книжовно влияние върху румънската лексика действително е твърде чувствително в периода на стария румънски книжовен език (XVI—XVIII век) и преди неговото зараждане (X—XV век), както показват направените досега изследвания. Осезаеми промени настъпват в лексиката на румънския книжовен език, който през втората половина на века са превръща в национален книжовен език. Правят се опити да се заменят с неологизми или унаследени от латински думи заемките от гръцки, турски, български и други славянски езици. Интересен в този смисъл е фактът, че някои писатели и поети заменят при повторно издание на творбите си чуждите думи с латински по произход. Така например в произведенията на писателите К. Негруци и И. Е. Ръдулеску много български книжовни елементи се заменят с латино-романски: *moaște* — *relicvă*, *văzduh* — *aer*, *duh* — *spirit*, *slavă* — *glorie*, *izgonit* — *exilat*, *jărtfă* — *sacrificiu*, *ai slăvit noroadе* — *ai mărīt poroare* и т.н.

Още много е важно това, че основната част на румънските заемки са от българския език. Това, че българският език, българската лексика е изиграла една много важна роля в образуването на румънския език.

Библиография:

1. Алексова, В. Стари български книжовни елементи в лексиката на съвременния румънски книжовен език. – В: сп. «Български език», кн. 3. С., 1993.
2. Алексова, В. Стари български книжовни елементи в лексиката на съвременния румънски книжовен език. – В: Български език, кн. 1. С., 1996.
3. Бернштейн С. Б. Язык валашихских грамот XIV – XV веков // Разыскания в области болгарской диалектологии, Т. I, - М. – Л., 1948.
4. Българи и румъни в историята на Дунавските земи, София, 1927, стр. 115.
5. Георгиев, В. И., Займов Й., и др., Български етимологичен речник, т. II. С., 1979.
6. Гергиев, В., Български етимологичен речник, т. I. С., 1971.
7. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии, 1906, стр. 174.
8. Кондов, В. Българско–румънски езикови връзки през вековете: проблеми на изследването. – В: Българи и гагузи заедно през годините. Материали от 5 и 6 – та международни научни конференции на тема « Функционирането на българския и другите езици и литературив контекста на езиковата ситуация в Р. М.». Комрат, 2007.
9. Милетич, Л. сб. « Добруджа », 1917г. с. 122 – 127
10. Младенов, Ст. Български и румънски. – В: История на българския език. С., 1979.
11. Пасларь, М. Лексико семантична характеристика на общия речников фонд в българския и румънския език.
12. Цонев, Б. Езикови взаимности между българи и румъни. – В: История на българския език, Т. 2. – С.: 1984.

УДК 378.02:37.016

Кажигалиева Гульмира Абзалхановна,
доктор пед. наук, профессор КазНПУ им. Абая,
Шаханова Розалинда Аширбаевна,
доктор пед. наук, профессор КазНПУ им. Абая,
Жумагулова Бакитгуль Сакеновна,
доктор филолог. наук, профессор КазНПУ им. Абая,
Маймакова Алмагуль Дильдиновна,
кандидат филолог. наук, доцент КазНПУ им. Абая,
г. Алматы, Казахстан
E-mail: Kazhigaliyevagu@mail.ru, lindaros@mail.ru,
bakitgul@inbox.ru, amaimakova@mail.ru

**О РАЗВИТИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ
«ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА»,
ПРЕДНАЗНАЧЕННОМ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Abstract: The article is devoted to the formation of functional literacy of future subject teachers studying the Russian language as a non-native. The author, emphasizing the importance of the topic of functional literacy of students, analyzes the content of the term functional literacy and its interpretation by different researchers.

The topic of the formation of functional literacy of future subject teachers in this article is considered on the material of the author's textbook on Russian language intended for students of pedagogical specialties and prepared as a part of a scientific project under the auspices of the Ministry of Science and Education of Kazakhstan. Describing the possibilities of this textbook in the formation of students' functional literacy, the authors give numerous examples of assignments from it that successfully contribute, as shown by teaching practice, the development and improvement of the corresponding skills of students.

Keywords. Russian as a non-native language in a university, functional literacy, functional-communicative principle, study guide, study texts and assignments.

Издание статьи осуществлено в рамках научного проекта AP05130793 «Компетентностно-коммуникативная модель языковой подготовки будущих педагогов-предметников в полилингвальных образовательных условиях Казахстана» (Протокол заседания Национального научного совета РК по приоритетному направлению «Научные основы «Мангілік ел» (образование XXI века, фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук)» №13 от 06 декабря 2018 г.)

Присоединение Казахстана к мировому образовательному процессу, реформы в современном образовании ориентируют образовательную сферу страны на новые результаты, на новые целевые установки и задачи: приоритетность цели – управление и обеспечение качества образования – по сравнению с прежней – контроль и оценка качества образования; и основная задача сегодня: овладение системой учебных действий с изучаемым учебным материалом, то есть способность обучающихся к решению учебно-познавательных и учебно-практических задач, а не овладение обязательным минимумом содержания.

К тому же доминирующий сегодня в области образования компетентностный подход даёт возможность усилить личностную ориентацию его [образования] содержания и сделать его более практико-ориентированным.

Сегодня также расширены и объекты оценки: оцениваются не только предметные, метапредметные результаты, но и функциональная грамотность (ФГ) обучающихся.

Термин «функциональная грамотность» введен ЮНЕСКО в 1957 году.

Под *функциональной грамотностью* понимается «способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней. ... ФГ есть уровень знаний, умений и навыков, обеспечивающий нормальное функционирование личности в системе социальных отношений, который считается минимально необходимым для осуществления жизнедеятельности личности в конкретной культурной среде» [1].

Или же «*функциональная грамотность* есть овладение системой ключевых компетенций, позволяющих эффективно применять усвоенные знания в практической ситуации и успешно их использовать в процессе социальной адаптации» [2, с. 10].

Наше же внимание привлекло определение, данное ФГ А. А. Леонтьевым: «Функционально грамотный человек — это человек, который способен использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [3, с. 35].

Обладающий функциональной грамотностью обучающийся, таким образом, «должен обладать: готовностью успешно взаимодействовать с изменяющимся окружающим миром ...; возможностью решать различные (нестандартные) учебные и жизненные задачи ...; способностью строить социальные отношения ...; совокупностью рефлексивных умений, обеспечивающих оценку своей грамотности, стремление к дальнейшему образованию...» [4, с. 16-17].

Функциональная грамотность, как показывает обзор научной литературы [4; 5 и др.] и наши наблюдения, состоит из *интегративных* (читательская, информационная, коммуникативная, социальная) и *предметных* (языковая, литературная, математическая, естественнонаучная) компонентов, при этом предметные компоненты представляют собой способность решать проблемы, возникающие в окружающей действительности, *средствами предмета*.

Поскольку в нашем случае речь идет о преподавании русского языка как неродного будущим учителям-предметникам, то актуализируются все интегративные компоненты, а также языковой, частично литературный из предметных компонентов.

Посредством чего развиваются указанные компоненты ФГ?

Одним из направлений развития функциональной грамотности обучающихся являются учебники и учебно-методические комплексы (УМК). В качестве одной из составляющих УМК функционируют *учебные пособия*. Учебные пособия, как известно, представляют собой одно из средств обучения, предназначаются для обучающихся и составляют исходную базу для получения ими социально обязательных знаний и навыков. В нашем случае речь идет об учебном пособии как средстве профессионально ориентированного обучения русскому языку как неродному студентов-нефилологов, поэтому его лингвистическое содержание составляет русский язык в специальных целях, а именно - специфика русской научной речи, разделы стилистики, теории текста. Соответственно уже по определению данное пособие дает возможность: работать с терминами-понятиями, включать их в системы культурных кодов (экономика, политика; философия, искусство, наука; образование и др.), отвечать на вопросы: к какой таксономической единице (класс, род, вид, тип) относится понятие в определенном контексте его употребления; к какой культурной системе относится понятие, употребляемое в конкретном контексте; различать понятия, указывать их отличительные собственные характеристики, проявляющиеся в конкретном тексте; знать состав понятия, то есть определять составляющие его элементы (семантические, лингвистические); представлять себе области применимости понятий, утверждений, выводов, то есть понимать, в каких типах текстов они используются и для чего; объяснять причину появления слова, понятия, высказывания в определенном контексте; объяснять

порядок и последовательность рассуждений или описания событий в тексте, то есть знать принципы построения текста.

Помимо этого, указанные выше положения дополняются тем обстоятельством, что данное учебное пособие [6] разработано авторами в рамках республиканского научного проекта в соответствии с основными положениями действующей учебной типовой программы [7] для студентов педагогических специальностей, изучающих русский язык как неродной.

Актуальность идеи научного проекта, в рамках которого разработано настоящее пособие, заключается в формировании новой парадигмы педагогической деятельности будущего учителя-предметника, основанной на реализации инновационных возможностей компетентностно-коммуникативного подхода к языковой подготовке педагогов-предметников в полилингвальных образовательных условиях Казахстана. Данное обстоятельство, а также в целом условия модернизации образовательного пространства высшей школы как среды подготовки нового типа выпускника и соответственно необходимость в новом учебно-методическом обеспечении лингвообразовательного процесса обусловили в свою очередь актуальность и значимость концептуального направления, содержания и структуры настоящего пособия. Социальный заказ в образовательной сфере сегодня требует от нее подготовки специалиста с высоким уровнем сформированности профессионально-коммуникативных навыков, способного использовать данные коммуникативные навыки в различных сферах общения, а этим потенциалом, в первую очередь, обладают лингвистические дисциплины, в том числе и общеобразовательные языковые дисциплины, как-то: «Казахский язык», «Русский язык», «Иностранный язык». Данное пособие разработано на основе общеобразовательного курса русского языка.

Таким образом, отсутствие учебно-методической обеспеченности, учебно-методического комплекса языковых дисциплин, построенных на компетентностно-коммуникативной основе, учитывающей полиязычный характер образования, необходимость реализации идеи функциональной грамотности обучающихся обусловили разработку данного учебного пособия.

Главным принципом структурирования учебного пособия послужил функционально-коммуникативный принцип, а именно за основу были взяты 5 сфер общения: *социально-бытовая, социально-культурная, общественно-политическая, административно-правовая и учебно-профессиональная и профессионально-производственная.*

Учебный материал внутри указанных пяти разделов пособия делится на тематический (сферы общения) и лингвистический (направленность на «коммуникативно-текстовые» языковые темы действующей типовой программы по дисциплине «Русский язык») блоки и ориентирован по уровневой шкале общеевропейской компетенции владения иностранным / неродным языком на C1 - уровень профессионального владения.

Лингвистический блок, структурно находясь внутри тематического блока, вбирает в себя 15 рубрик и по содержанию связан с такими отраслями лингвистической науки, как стилистика и теория текста. Теория текста и стилистика прямо и непосредственно связаны с функционально-коммуникативными характеристиками языка. Этим обусловлен наш подход к отбору языковых тем для функционально-коммуникативного учебного пособия по русскому языку для будущих учителей-предметников.

Функционально-коммуникативная методика в практической части пособия реализуется через текстоцентрический принцип, предполагающий осмысливание учебного текста как коммуникативно-речевого произведения и обеспечивающий благодаря своим дидактическим характеристикам целостность системы языкового обучения и целостность процесса формирования коммуникативной компетенции обучающихся.

Работа с текстом в настоящем пособии построена на системной подаче заданий на 4 вида речевой деятельности (слушание, говорение, чтение, письмо), которые реализуются

через использование активно-творческих методов и приемов, как-то: *групповая работа* (ролевая игра, дискуссии, составление мультимедийных презентаций и т.д.); *работа в парах* (выполнение парной работы и ее взаимооценка); *работа с несплошным текстом, иллюстративным материалом; риторическая разминка; кейс-метод; проектные задания; составление алгоритмов, кластеров, интеллект-карт, диаграмм Венна и др.; работа над ситуативными заданиями, работа над заданиями на рефлекссию; различные коммуникативные тренинги* и др.

Так, в подтверждение вышесказанного можно привести следующие примеры заданий и упражнений из рассматриваемого учебного пособия, направленных, в том числе на развитие функциональной грамотности обучающихся, развитие составляющих ее компонентов [6]:

1) читательская грамотность: небольшое примечание перед представлением конкретных заданий, способствующих формированию читательской грамотности. Работа по формированию читательской грамотности обучающихся предполагает использование различных конкретных стратегий чтения: а) *поискового чтения*, направленного на нахождение специфической информации; б) *просмотрового чтения*, ориентированного на формирование общего представления о содержании текста; в) *ознакомительного чтения*, подразумевающего извлечение основной информации из текста; г) *детализированного чтения*, способствующего извлечению полной информации, а также общей стратегии чтения учебного текста, включающей в себя три основные составляющие: предтекстовую (ориентировочную), текстовую (исполнительную), послетекстовую (обобщающую) [8]. Использование указанных стратегий в регулярной системе, как показывают анализ научно-методической литературы, наши наблюдения и собственная практика преподавания, способствуют успешному формированию определяющих метапредметных и универсальных читательских умений: определять содержание текста по заголовку; определять тему, структуру и абзацы текста; определять основную мысль текста: замысел и позицию автора; выявлять лексические, грамматические и синтаксические особенности текста; решать текстуальные задачи на основе поставленных вопросов по ходу содержания текста; трансформировать, интерпретировать текст; на основе данного прочитанного текста продуцировать собственный текст - а) задание 3, с. 86: *Преобразуйте теоретические сведения, данные под рубрикой «Известно ли вам?», выбрав свой вариант переработки информации: 1) схема; 2) таблица; 3) простой план;* б) задание 9, с.177: *Прочитайте текст, озаглавьте его. По контексту или помощью словаря определите значение новых для вас слов. Укажите свое отношение к прочитанному. Составьте интеллект-карту к данному тексту. На основе подготовленной интеллект-карты выполните пересказ текста;* в) задание 11, с.178: *Ответьте на вопрос: На ваш взгляд, какой из зачинов может стать началом повествовательного текста: а) «Какое великолепное выступление!»; б) «В чем харизматичность этого политического деятеля?»; в) «Удивительный случай произошел с кандидатом в депутаты на встрече с избирателями».* Выбрав зачин повествовательного текста, напишите сочинение на эту тему; г) задание 8, с.237: *Составьте резюме текста «Условия ведения политического диалога» (зад. 5) в 5-ти предложениях, запишите его;* д) задание 3, с.313: • *Сформулируйте вопросы по содержанию текста и задайте их друг другу.* • *Передайте содержание текста: а) максимально сжато (2-3 предложения); б) более развернуто, сохранив основные положения автора (6-10 предложений).* Выполните данное задание письменно. • *Преобразуйте текст в кластер на тему «Основные виды синтаксических норм русского языка»;* е) задание 13, с.318: *Прочитайте тексты и сравните их. Какова основная мысль каждого из них? Совпадают ли точки зрения трех авторов – поэта А. Пушкина, писателя К. Паустовского и лингвиста О. Сиротининой? Обоснуйте свою точку зрения и др.*

2) информационная грамотность: становление информационной грамотности предполагает формирование навыков, которые можно представить в виде следующих

вопросов: *Что я хочу найти? Какую проблему я пытаюсь решить? Какие источники использовать: Интернет, книги или телевидение? Как узнать, насколько надежна данная информация? Как эффективно организовать информацию, полученную из многочисленных источников? Как мне следует действовать, чтобы соблюсти авторские права создателей информации? Как, в какой форме можно представить мою информацию?* и др. Информационная грамотность – это умение пользоваться информационно-библиотечными и мультимедийными ресурсами; работать со справочной литературой: словарями, энциклопедиями и т.д.; умение определять основную и вторичную информацию и др. - а) задание 13, с.58: *Прочитайте текст. Знакома ли вам эта ситуация? Назовите источник;* б) задание 9, с.106-107: *Опираясь на литературу, рекомендованную преподавателем, материалы Интернета, изученное на предыдущих учебных занятиях, подготовьте доклад для выступления на заседании студенческого клуба искусств «Мир творчества». В докладе выразите свое отношение к традициям и появляющимся новациям в национальной культуре.* **Первая группа.** Тема доклада: *«Культура казахского народа: традиции и новации».* **Вторая группа.** Тема доклада: *«Культура русского народа: традиции и новации».* После представления выполненных групповых заданий проведите самооценку проведенной работы; в) задание 12, с.204: *Опираясь на данный алгоритм определения типа речи, подберите тексты, которые представляли бы три типа монологической речи, на общественно-политическую тему, запишите их, устно обоснуйте свой выбор и др.*

3) коммуникативная грамотность – а) задание 1, с. 405: *проанализируйте поведение участников данной речевой ситуации. Каковы причины коммуникативной неудачи продавца меда?* б) задание 8, с.237: *Составьте резюме текста «Условия ведения политического диалога» (зад. 5) в 5-ти предложениях, запишите его;* в) задание 5, с.408: *Для того, чтобы достичь успеха в общении и взаимодействии с другими людьми, Вы должны владеть перцептивными умениями, т.е. уметь «прочитать» партнера по общению, определить его отношение к вам. Попробуйте охарактеризовать представление о вас, сложившееся: а) у преподавателя педагогики, б) старосты группы, с) у близких друзей (подруг), d) у одноклассников, e) тех, кто относится к вам равнодушно;* г) задание 4, с.182: *Все группы выполняют одно задание: подготовьте экскурсию по теме «Общественно-политическая история города Алматы». Определите, о чём/ком, в какой последовательности, на каких точках города акцентируя внимание, можно рассказать слушателям в рамках данной экскурсии. Подготовьте компьютерную презентацию и на ее основе проведите защиту данного проекта. Работа над проектом завершается проведением самооценки;* д) задание 17, с.280: *Разыграйте следующие ситуации. 1. Вы – студент I курса. Вам необходимо обратиться с просьбой: к ректору университета, директору института, заведующему кафедрой, преподавателю. 2. Вы – председатель профсоюзного комитета организации. К вам пришел: незнакомый мужчина / незнакомая женщина, незнакомый молодой человек / незнакомая девушка, руководитель организации, технический работник. Примите их. 3. Вы – работник акимата. Вам необходимо по телефону попросить: • ветерана Великой Отечественной войны принять участие в празднике; • ученого из университета выступить на научно-практической конференции; • преподавателя вуза выступить с лекцией перед работниками акимата; • руководителя предприятия оказать помощь в проведении городского мероприятия;* е) задание 10, с.239: *проведите дискуссию в своей группе, предварительно разработав ее сценарий и письменные заготовки своих выступлений на тему: «Способно ли искусство давать нравственные ориентиры?». В своих выступлениях используйте все три типа речи: описание, повествование, рассуждение. Опирайтесь на инструкцию «Как провести дискуссию» (рубрика «Известно ли вам?») и др.*

4) социальная грамотность – а) задание 8, с.72-73: *Прочитайте статью А.Р. Мухаметзянова «Роль семьи в жизни человека». Выделите ключевые слова текста. Выпишите основную мысль каждого абзаца. Опираясь на них, перескажите текст.*

Акцентируйте внимание на модели воспитания в вашей семье; б) задание 2, с.206: *Опираясь на текст зад. 1, составьте диалог об «основе для хорошей жизни человека», «о жизни людей в мире и согласии». В данном диалоге дайте ответы и на вопросы о том, как воспитывать человека, что делать, чтобы «изжить в человеке нравственное уродство», о своей позиции по отношению к тем проблемам, о которых рассуждает выдающийся казахский деятель и мыслитель Шакарим и о связи рассматриваемых вопросов с общественно-политической тематикой. Далее в парах проведите взаимооценку выполненной работы;* в) задание 12, с.213: *Предполагается, что вас скоро ожидает выступление в студенческом политическом клубе на тему «Красит ли место человека?».* Составьте текст-рассуждение с элементами описания на указанную тему; г) задание 9, с.203: *составьте развёрнутый аргументированный монолог-рассуждение на тему «Молодежь должна иметь возможность представлять свои интересы в органах власти», включающий не менее трёх микротем в пределах общественно-политической и социально-культурной сфер и др.*

5-6) языковая, литературная грамотность – а) задание 11, с.302: **Работа в парах.** Составьте следующие виды документов (на выбор), соблюдая нормы официально-деловой речи: 1) справку с места работы для предъявления в банк; 2) заявление о приеме на работу; 3) объяснительную записку о неявке на работу по уважительной причине; 4) докладную записку (рапорт) об опоздании на работу; б) задание 9, с.212: Заполните таблицу «Глоссарий». Определите по словарю значение слова глоссарий. С двумя общественно-политическими терминами (на выбор) составьте предложения на трёх языках: русском, казахском, английском; в) задание 9, с.372: **Конкурс редакторов. Работа в группах.** Разделитесь на 4 команды. Исправьте ошибки в языке деловых бумаг. **1 команда.** Раскройте скобки, употребив данные в них слова в нужном падеже. **2 команда.** Отредактируйте предложения с однородными членами. **3 команда.** Найдите и исправьте ошибки в употреблении деепричастных оборотов. **4 команда.** Найдите и исправьте ошибки в управлении.

Таким образом, функциональная грамотность, ее составляющие, их становление имеют достаточную представленность в указанном учебном пособии, и, как показывает наша собственная практика преподавания, развитие функциональной грамотности свидетельствует одновременно об эффективном развитии профессионально-коммуникативной компетентности будущего педагога-предметника.

Библиография:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. - 448 с.
2. Особенности формирования функциональной грамотности учащихся основной школы по предметам естественнонаучного цикла. Методическое пособие. – Астана: Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, 2013 – 38 с.
3. Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла / под ред. А. А. Леонтьева. М.: «Баласс», Издательский Дом РАО, 2003. – 368 с.
4. Виноградова Н. Ф., Кочурова Е. Э., Кузнецова М. И. и др. Функциональная грамотность младшего школьника: книга для учителя / под ред. Н. Ф. Виноградовой. - М.: Российский учебник: Вентана-Граф, 2018. - 288 с.
5. Развитие функциональной грамотности обучающихся основной школы: методическое пособие для педагогов / Под общей редакцией Л.Ю. Панариной, И.В. Сорокиной, О.А. Смагиной, Е.А. Зайцевой. – Самара: СИПКРО, 2019. – 68 с.
6. Кажигалиева Г.А., Шаханова Р.А., Жумагулова Б.С., Кадырова Г.Р., Маймакова А.Д. – Функционально-коммуникативный курс русского языка. Учебное пособие для студентов

педагогических специальностей / Под ред Г.А. Кажигалиевой, А.Д. Маймаковой. - Алматы: ИП «Балауса», 2019. – 448 с.

7. Типовая учебная программа общеобразовательной дисциплины «Русский язык» для организаций высшего и (или) послевузовского образования // Типовые учебные программы цикла общеобразовательных дисциплин для организаций высшего и (или) послевузовского образования: Сборник. – Астана, 2018. – С. 133 – 197.
8. Плетяго Т.Ю. Совершенствование читательской компетентности студентов вуза на основе развивающего потенциала межкультурной коммуникации: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Тюмень, 2013. – 25 с.

УДК 378.02:37.016

Кажигалиева Гульмира Абзалхановна,
доктор пед. наук, профессор КазНПУ им. Абая,
Умарова Акмарал Базархановна,
докторант (Phd) 2-го курса КазНПУ им. Абая,
специальность «6D011800 – Русский язык и литература»
г. Алматы, Казахстан
E-mail: Kazhigaliyevagu@mail.ru,
magenta_feels@mail.ru

О ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОМ ИНТЕГРИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПРЕДМЕТНИКОВ В КАЗАХСТАНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Abstract: This article is devoted to the issue of using various technologies and approaches to teaching in the linguistic educational process of a modern pedagogical university, describing their characteristic qualities and features, comparing and comparing related areas in the methodology of teaching native / non-native / foreign languages.

In particular, the authors of this article, differentiating the statuses of the languages studied (native / non-native / foreign), describe the didactic features of two related approaches: integrated language teaching and professionally oriented teaching of the Russian language as non-native / foreign at non-linguistic faculties of the university, while highlighting common, similar signs of these approaches.

The authors of the article also substantiate their choice in favor of subject-language integrated learning.

Keywords. Russian as a non-native language at a university, native, non-native, foreign languages, subject-language integrated teaching, CLIL technology, professionally oriented teaching of the Russian language as non-native / foreign.

Реформы в современном мировом образовании, способствовавшие, в том числе развитию академической мобильности, интегративных процессов в области высшего образования и соответственно «интернационализации казахстанского высшего образования», актуализировали в свою очередь тему новых моделей би- и полилингвального обучения, новых методик и технологий преподавания языков. И в этом отношении наше внимание привлекли дидактические возможности CLIL-технологии, то есть технологии предметно-языкового интегрированного обучения. Аббревиатура CLIL с английского языка так и переводится – «Предметно-Языковое Интегрированное Обучение» и транслирует собой значения, связанные с методикой обучения предметам специальности или их части на изучаемом/изучаемых языке/ах, то есть в этом случае изучаемые языки становятся одновременно и средством постижения мира *специальных знаний и самообразования, межкультурного общения и поликультурного воспитания.*

В оригинальной CLIL-технологии, зародившейся в западных странах, изучаемым языком, как правило, является иностранный язык. Мы же, беря за основу данную технологию, экстраполируем ее на сферу преподавания русского языка как неродного в полиязычных образовательных условиях казахстанского педагогического вуза. Если сравнивать статусы изучаемых языков – *родной, неродной, иностранный*, - важно отметить, что методика обучения будет достаточно специфичной в каждом из трех случаев, соответственно игнорировать статус изучаемого языка никак нельзя. В Казахстане русский язык обладает двумя статусами - *родной / неродной*, - поскольку в стране проживает несколько миллионов русских, функционируют образовательные учреждения всех типов (дошкольные организации, школы, вузы) с русским языком обучения, работают СМИ, издается литература на русском языке, также конституционно русский является «языком межнационального общения».

Итак, русский язык как неродной, если опираться на толкование, данное авторами Нового словаря методических терминов и понятий, это «учебный предмет в национальной средней и высшей школе. Преподавание русского языка как неродного имеет много общего с изучением русского языка как родного. Их объединяет система русского языка как предмета изучения родного (лингвистическая общность), общие дидактические принципы и воспитательная направленность обучения (педагогическая общность), а также идентичность психических процессов у детей и подростков разных национальностей (психологическая общность). Основное назначение русского языка как неродного – формирование умения свободно говорить и писать по-русски. Специфика русского языка как неродного по сравнению с курсом родного языка заключается в следующем. Родным языком все люди в значительной мере овладевают задолго до поступления в школу. Русский язык как системное образование большинство нерусских детей по-настоящему начинает усваивать в стенах школы. Уже в начальной школе нерусские дети попадают в условия учебного двуязычия (билингвизма), когда им параллельно преподаются два языка – родной и русский. Учет отрицательного воздействия родного языка на овладение русским (интерференции) и положительного переноса явлений из родного языка (транспозиции) – особенность курса русского языка в национальной школе. После распада Советского Союза и приобретения бывшими союзными республиками статуса независимых государств в некоторых из них русский язык сохранил статус языка межнационального общения, в других стал рассматриваться как иностранный язык» [1].

А вот *русский язык как иностранный* этот же источник характеризует следующим образом: «Учебный предмет в современных российских и зарубежных школах и вузах. Преподается в более чем в 90 странах. Для подготовки преподавателей русского языка как иностранного образованы специальные факультеты при ряде университетов, созданы подготовительные факультеты для иностранных граждан, курсы русского языка. ... Отличительными особенностями учебного предмета «Русский язык как иностранный» в отличие от курса родного языка считаются: а) в качестве ведущей рассматривается практическая цель обучения; б) изучение языка сводится к овладению новыми способами выражения мыслей; в) учитывается опыт овладения учащимися родным языком; г) язык является одновременно и целью и средством обучения (в частности, средством получения специальности на изучаемом языке); д) в отличие от родного языка, усвоение которого идет неосознанно и интуитивно (по пути «снизу вверх»), усвоение иностранного языка осуществляется осознанно и намеренно (путь «сверху вниз»)» [1].

Таким образом, в используемой нами CLIL-технологии изучаемым языком является русский язык как неродной, вместе с тем в системе заданий и упражнений, мы учитываем полиязычный образовательный контекст, в котором находятся наши обучающиеся, соответственно в определенных учебных ситуациях может использоваться родной (казахский) и/или иностранный (английский) языки, то есть указанные языки могут

использоваться в рамках CLIL-технологии, наряду с русским, если подходят к конкретной ситуации и к цели обучения.

Безусловно, можно провести параллель, и она напрашивается, между предметно-языковым интегрированным обучением и профессионально ориентированным обучением русскому языку как иностранному на неязыковых факультетах вуза. Последнее зародилось и получило серьезное развитие в советской лингводидактике, тому свидетельством многочисленные научно-методические исследования, осуществленные в указанный и постсоветский периоды [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9 и многие др.].

В рамках советского по своему происхождению и развитию направления «Профессионально ориентированное обучение русскому языку как неродному / иностранному на неязыковых факультетах вуза» русский язык является средством профессиональной и общеобразовательной подготовки, и предметом обучения выступает «профессионально ориентированная речь на русском языке. Обучение речевому общению проводится с учетом того, что соответствующие навыки и умения впоследствии будут использоваться студентами в практической сфере» [7, с. 145 - 146]. «Освоение иностранного языка предполагает конструирование в языковом сознании обучаемого индивидуальной языковой системы, включающей несколько компонентов, в том числе: лексикон, грамматикон, прагматикон (Ю.Н. Караулов). Границы между этими составляющими подвижны, а компоненты системы коррелируют друг с другом. Существенно, что изучение иностранного языка не дает студенту непосредственных данных о реальной действительности, «овладение средствами изучаемого языка (его лексикой, грамматикой, фонетической системой) — это лишь одна из сторон изучения иностранного языка. Главное — для чего эти средства будут использоваться» [7, с. 146]. Наконец, в рамках данного направления обучающийся «должен уметь осуществлять речевое общение в устной и письменной формах в рамках общенаучной и узкоспециальной тематики, актуальной для реализации его коммуникативных целей в учебной, учебно-научной и профессиональной сферах общения» [7, с. 147 - 148].

Избранная же нами CLIL-технология имеет две основные цели: изучение предмета посредством неродного / иностранного языка, и неродного / иностранного языка через преподаваемый предмет. То есть CLIL-подход позволяет осуществлять обучение по двум дисциплинам одновременно, хотя при этом основное внимание может уделяться либо языку, либо неязыковому предмету. То есть знание языка становится средством изучения содержания предмета. Иначе идея CLIL-технологии состоит в том, чтобы научить предмету через неродной / иностранный язык или преподавать предмет «с использованием изучаемого языка». Суть CLIL-подхода передают четыре его компонента, так называемые четыре C: 1) Content (содержание); 2) Communication (общение); 3) Cognition (познание); 4) Culture (культура). *Содержание* вбирает в себя отобранный материал по тому предметному (профессионально-специальному) курсу, который идет в паре с изучаемым языком, то есть содержание воплощает собой ответ на вопросы: *Что преподавать, чему обучать? Что нового узнают обучающиеся?* Этот компонент способствует развитию знаний, умений, навыков предметной области. *Общение* связано с развитием коммуникативных умений и навыков студентов: использование изучаемого языка для дачи заданий и организации деятельности на учебных занятиях, работы со специальными / терминологическими словарями, для проверки грамматики (к примеру, использование кратких форм причастий, простых осложненных предложений и т.д.), для организации продуктивной коммуникативно-речевой деятельности (написание эссе, проведение дискуссий и дебатов и др.). То есть компонент *общение* отвечает за выработку у студентов умения пользоваться неродным / иностранным языком при обучении, при этом одновременно изучая как им пользоваться. Компонент *познание* своим содержанием направлен на активизацию когнитивной деятельности обучающихся: отбор и использование заданий, развивающих

мыслительные навыки, необходимые для концентрирования студентов на языке и содержании; отбор и использование заданий, способствующих активной речемыслительной деятельности обучающихся, «провоцирующих» их на размышление; отбор и использование вопросов, к примеру, опережающих/предугадывающих правильные ответы и др. То есть содержание третьей части *познание* связано с развитием познавательных и мыслительных способностей обучающихся. Компонент *культура* специфичен тем, в его рамках студенты ищут ответы на вопросы: *Каков культурный подтекст коммуникативной темы? Как объединить весь подготовленный материал на занятии?* Этот же компонент вбирает в себя и вопрос реализации межпредметных связей, а также самооценки, личных качеств обучающихся, воспитания гражданства и др., то есть важно, чтобы студент ощущал себя неразрывной частью соответствующей культуры и осознавал существование других культур.

Таким образом, сравнение и сопоставление двух смежных направлений в методике языкового обучения: CLIL-подхода и «Профессионально ориентированного обучения русскому языку как неродному / иностранному на неязыковых факультетах вуза» подвели нас к следующим выводам и обобщениям, которые мы представляем ниже:

Общие характеристики профессионально ориентированного обучения русскому языку как неродному / иностранному на неязыковых факультетах вуза и предметно-языкового интегрированного обучения русскому языку как неродному / иностранному (CLIL-технология): предметная (профессионально-специальная) направленность; изучаемый язык - средство повышения профессиональной компетентности и личностно-профессионального развития студентов; практикоориентированность; принцип профессиональной коммуникативной направленности, как основополагающий методический принцип; необходимость разработки предметного глоссария-минимума; использование активных методов обучения; направленность на развитие четырех видов речевой деятельности: слушание, чтение, говорение, письмо; анализ языковых особенностей специального текста; формирование составляющих коммуникативной компетенции, как иллокутивная, предметная, стратегическая, дискурсивная, социокультурная и др.

Отличительные характеристики профессионально ориентированного обучения русскому языку как неродному / иностранному на неязыковых факультетах вуза:

а) **определение:** процесс преподавания неродного / иностранного языка в неязыковом вузе, ориентированный на чтение литературы по специальности, изучение профессиональной лексики и терминологии, и на общение в сфере профессиональной деятельности;

б) **принципы:** помимо общедидактических, проблемно–ориентированного обучения; информационный; доступности и поэтапности формирования умений и навыков; коммуникативности; когнитивности; учета особенностей родного языка обучающихся; индивидуального подхода; межпредметных связей [5, с. 11];

в) **особенности работы с учебным материалом:** лексический и грамматический подходы, как правило, на занятии реализуются в равных пропорциях; систематизация лексико-грамматических знаний; иллюстрации для визуализации прочитанного текста, как правило, не используются, и, как правило, тексты схематически заранее не представляются; в рамках профессионально ориентированного обучения в качестве предметного курса вполне возможен выбор языковой дисциплины (к примеру, если это языковые специальности: «Казахский язык и литература», «Два иностранных языка» и др.), что можно объяснить, на наш взгляд, тем, что в данном направлении организационно отсутствует тесная интеграционная связь между изучаемым языком и конкретным спецпредметом.

Отличительные характеристики предметно-языкового интегрированного обучения русскому языку как неродному / иностранному (CLIL-технология):

а) **определение:** дидактическая методика, которая позволяет сформировать у учащихся лингвистические и коммуникативные компетенции на неродном/иностранном языке в том же

учебном контексте, в котором у них происходит формирование и развитие общеучебных знаний и умений;

б) **принципы**: единства мыслительной и речевой деятельности на неродном / иностранном языке; направленности на овладение конкретными предметными знаниями с помощью изучаемого языка; интеграции неродного / иностранного языка и предметного содержания; принцип четырех «С»; постепенного качественного усложнения содержания; дуальности / триады и др. опоры на родной, неродной, иностранный языки; оптимальности; развития мотивации к способности и готовности использовать неродной / иностранный язык в специальных целях [10];

в) **особенности работы с учебным материалом**: на предметных уроках по CLIL лексический подход важнее грамматического; при работе с текстом важно наличие иллюстраций для визуализации прочитанного, тексты могут быть представлены схематически, что помогает ученикам определить идею текста и представленную в нем информацию; в рамках предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL-технология) в качестве предметного курса не может быть выбрана языковая дисциплина, это обязательно должен быть неязыковой предмет.

Проведенный нами сравнительный обзор показывает, что у сопоставляемых направлений имеется очень много общих, схожих черт, что невольно возникает мысль о том, а стоит ли их дифференцировать. Вместе с тем есть одно обстоятельство, и оно, на наш взгляд, является определяющим в этом случае, это степень взаимосвязанности изучаемого языка и профессионально-специальных дисциплин. Так вот в **профессионально ориентированном обучении** это «овладение языком за короткое время обучения на специфическом языковом материале» [7], то есть речь идет о раздельном освоении языковой дисциплины и предметного курса, связь же проявляется в том, что содержание языковой дисциплины есть материал, отобранный из спецпредметов (и не одного), тогда как в **предметно-языковом интегрированном обучении**, напротив, это тесная интеграция в *одно единство* изучаемого языка и конкретного неязыкового предмета, неслучайно CLIL-подход «рекомендован Европейской комиссией для использования в высших учебных заведениях, так как, во-первых, предоставляет студентам возможность изучать дисциплину и иностранный язык одновременно; во-вторых, для изучения иностранного языка не требуется дополнительных часов в учебном плане, что способствует интенсификации профессиональной подготовки в вузе» [11].

Наш выбор предметно-языкового интегрированного обучения обусловлен еще и тем, что в процессе его использования происходит взаимодействие когнитивных процессов, осуществляющихся при изучении неродного / иностранного языка и дисциплины неязыкового цикла, например, истории (предмет «Всемирная история»), что имеет положительный синергетический эффект, выражающийся в интенсивном развитии мыслительных навыков студента и в повышении мотивации к изучению дисциплины и неродного языка.

Предметно-языковое интегрированное обучение способствует также более глубокому освоению научных понятий, поскольку приобретение термина и его соотнесение с соответствующим научным понятием происходят одновременно [11]. Помимо этого, в основной школе РК планируется в дальнейшем изучать, независимо от языка обучения: а) предметы «Казахский язык и литература» и «История Казахстана» на казахском языке, б) предметы «Русский язык и литература» и «Всемирная история» на русском языке, в) а в старших классах предметы «Естествознание», «Информатика», «Физика», «Химия», «Биология» на английском языке [12, с. 78].

Наконец, хотелось бы процитировать российского исследователя Поленову А.Ю., рассуждающую относительно дидактических возможностей CLIL: формулируя ответ на вопрос *В чем же состоит положительный потенциал интеграции CLIL в учебный процесс*

для российской образовательной практики? она пишет следующее: « Во-первых, освоение предмета при помощи иностранного / [мы бы добавили – неродного] языка формирует многомерный, расширенный спектр знаний и навыков в рамках изучаемого предмета, будущей профессии, деятельности в межкультурном пространстве, а также экстралингвистические знания – принятия решений, работы в команде, критического мышления и др. Во-вторых, сам формат занятий с использованием методики CLIL позволяет уйти от монотонно однообразных занятий по иностранному / [неродному] языку, основанных на чтении, переводе текстов и механическом зазубривании огромного количества лексики. Преподавание профильной дисциплины на иностранном / [неродном] языке создает момент новизны, который выступает мощным мотивирующим фактором для обучаемых, стимулирующим креативное мышление, способность адаптироваться к новой ситуации, готовность к сотрудничеству и языковой коммуникации. Следовательно, именно такая методика будет способствовать развитию самообразования в профессионально-значимом и функционально адаптивном контексте» [13].

Таким образом, предметно-языковое интегрированное обучение является инновационным направлением в лингвометодике, поскольку охватывает достаточно широкий круг образовательных задач, но его функционирование, по сравнению со смежным направлением – профессионально ориентированным обучением – зависит от реализации интегрированного междисциплинарного подхода к процессу обучения.

Библиография:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Анисина Ю. В. Становление и развитие профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному на неязыковых факультетах вузов России / Ю. В. Анисина // Научный диалог. – 2013. – № 9 (21): Психология. Педагогика. – С. 83–91.
3. Клобукова Л. П. Обучение языку специальности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 80 с.
4. Мотина Е. И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. – 176 с.
5. Касаболотова Г.А. Обучение профессионально ориентированному чтению на русском языке студентов бакалавров национальных групп языковых факультетов: автореферат диссертации ... канд. пед. наук. – Бишкек, 2017. – 23 с.
6. Куриленко В.Б. Методология и методика непрерывного профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных медиков: диссертация... докт. пед. наук. – М., 2017. – 561 с.
7. Новикова М.Л. Профессионально ориентированное обучение РКИ как ведущий фактор формирования учебно-профессиональной компетенции: динамика образовательных целей и задач // Вестник РУДН, серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2014. - № 3. – С. 145 – 152.
8. Сарсенова Д. Профессионально-ориентированное обучение лексике студентов физико-математического факультета в практическом курсе русского языка: диссертация... канд. пед. наук. – Алматы, 2005. - 173 с.
9. Ходжиматова Г.М. Научные основы обучения терминологической лексике русского языка в неязыковом вузе: диссертация... канд. пед. наук. – Душанбе: Академия образования Таджикистана, 2011. – 320 с.
10. Зарипова Р.Р. О результатах апробации модели интегрированного предметно-языкового обучения средствами русского и английского языков в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15854> (дата обращения: 05.01.2020).

11. Marsh, D. Profiling European CLIL classrooms: Language open doors [Электронный ресурс] / D. Marsh, A. Maljiers, A. K. Hartiala. –2001. – Режим доступа: www.clilcompendium.com
12. Сырымбетова Л. С., Жумашев Р. М., Ныгметулы Д., Шункеева С. А., Жетписбаева Б. А. Методологические подходы и основные стратегии обучения языкам в Республике Казахстан // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. - 2017. - Том 7. - № 4. – С. 73 - 78.
13. Поленова А.Ю. Интеграция иностранного языка и содержания профессионально ориентированных дисциплин в вузе // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Том 5. - №5 <https://mir-nauki.com/PDF/15PDMN517.pdf>

УДК 821.161.1.09 «18»

Колесник Л.А.,
доктор педагогических наук,
конференциар
КГПУ им. И. Крянгэ, г. Кишинев, РМ
E-mail: bur53stin@mail.ru

**РОЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Л. Н.
ТОЛСТОГО В АСПЕКТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР»)**

Abstract: This article is devoted to the analysis of the work of the great thinker, the Russian classic Leo Tolstoy, in the context of intercultural communication. The article reveals the mutual influence of Leo Tolstoy's creativity with the work of world writers XIX-XX centuries, with the world cinematography. The article presents the facts, quotes, statements which confirm the enormous artistic talent's power of the Russian writer in the cultures dialogue.

Keywords: intercultural communication, thinker, psychology, cinematograph, humanism, screen version of the novel.

Диалог культур как процесс развития, взаимообогащения, взаимопонимания способствует в конечном итоге самосохранению человечества, сохранению его культурного богатства, духовности.

Чтобы оценить важнейшую роль русской литературы XIX века в контексте межкультурной коммуникации, следует обратиться к изучению художественного мира, созданного мастерами слова во всей полноте и сложности взаимодействий.

Л. Н. Толстой – величайший русский мыслитель, создатель творений, которые читают и любят миллионы людей по всему миру. Русский писатель с огромной художественной силой сумел отразить события всемирно-исторического значения, страстно обличал социальное зло, но при этом апеллировал к всемирному духу, проповедовал непротивление злу насилием, пытался преодолеть антагонизм в обществе с помощью доктрины всеобщей любви.

Л. Толстой не только осветил внутренний мир человека с необычайной пронизательностью, глубиной психологизма, непосредственной жизненной конкретностью, но и сумел выявить социальную суть человеческих судеб, характеров, переживаний, взаимоотношений. Изумляя мастерством художественной формы, он ярко изобразил правду жизни, раскрыл глубочайшие проблемы современности. Писатель-философ внес неоценимый вклад в диалог различных культур – от западноевропейской до американской, азиатской и османской.

Огромное влияние Л. Толстой оказал на эволюцию западноевропейского гуманизма, на развитие реалистических традиций в мировой литературе. Во Франции его влияние

сказалось на творчестве Ромена Роллана, Франсуа Мориака, Роже Мартен дю Гар, в США - на творчестве Эрнеста Хемингуэя, Томаса Вулфа, в Англии - Джона Голсуорси, Бернарда Шоу, в Германии - Томаса Манна, Анны Зегерс, в Швеции - Августа Стриндберга, Артура Лундквиста, в Польше - Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, в Китае - Лао Шэ, Японии - Токутоми Рока.

Генрих Манн говорил, что произведения Л. Толстого были для немецкой интеллигенции противовесом против ницшеанства. Для Томаса Манна, Жан Ришара Блока - Л. Толстой являлся образцом большой моральной чистоты и непримиримости к общественному злу. Эстетические взгляды и идеи Л. Толстого отразились в книге Р. Роллана «Народный Театр», в статьях Б. Шоу и Б. Пруса. В книге Ф. Норриса «Ответственность Романиста» автор неоднократно ссылается на Л. Толстого.

Для западноевропейских писателей Л. Толстой является учителем. Он был центром притяжения демократических сил в идейно-литературной борьбе начала XX столетия, объектом повседневных споров. Для более поздних писателей поколения Луи Арагона, Э. Хемингуэя творчество Л. Толстого стало частью культурных богатств, которые усваивались ими еще в юные годы. В наши дни многие зарубежные прозаики, не считающие себя учениками Л. Толстого, в то же время усваивают элементы его творческого опыта, которые стали достоянием мировой литературы. Ги де Мопассан восклицал о Л. Толстом: «Это для нас, молодых, откровение, целый новый мир» [2, с. 157]

Особое внимание писателей разных стран привлекал роман Л. Толстого «Война и мир». Г. Флобер в январе 1880 г. напишет о романе: « Это первоклассная вещь! Какой художник и какой психолог! Два первых тома изумительны... Мне случалось вскрикивать от восторга во время чтения... Да, это сильно, очень сильно!» [5]

Д. Голсуорси назвал роман «Война и мир» «лучшим романом, какой когда-либо написан». [5]

Художники-реалисты XX века особенно высоко оценили правду военных описаний. Э. Хемингуэй признавал, что он учился у Л. Толстого писать о войне «как можно правдивее, честнее, объективнее и скромнее». В книге «Люди на войне» он писал: «Я не знаю никого, кто писал бы о войне лучше Л. Толстого». [6]

Немецкий писатель Л. Франк в книге «Человек добр» назвал создателя «Войны и мира» величайшим борцом за те условия человеческого существования, при которых человек действительно может быть добр. В романе Л. Толстого он увидел страстное участие к страданиям, которые война принесла всем людям.

Другой роман, покоривший Европу, был роман «Анна Каренина», заставивший многих женщин задуматься над собственной судьбой, переосмыслить житейские проблемы. В одной из книг «Мир читает «Анну Каренину»» В. Горная (1979 г.) отмечает, что Л. Толстой связал всех жителей, не только Европы и России, но и жителей всего мира воедино.

В некоторых европейских изданиях Л. Толстому присужден титул «самого великого в истории романиста». Многие издатели переиздают его книги с уверенностью, что они будут проданы, у них есть гарантии. Особенно западноевропейского читателя волнуют семейные проблемы, раскрываемые на страницах произведений Толстого.

В 2009 году News Week опубликовал рейтинг ста лучших романов мира: «Война и мир» заняла 1-е место! 2010 год - 100-летие со дня смерти Л. Толстого - ознаменован бумом спроса на его книги. Новые переводы в США, Германии, на Кубе, в Мексике - книжные ярмарки, посвященные Л. Толстому. Появляются за границей новые фильмы о Л. Толстом - «Последнее воскресенье», «Лев Толстой: живой гений». 2012 год - широко обсуждается в СМИ фильм Джо Райта «Анна Каренина». К произведениям Л. Толстого обращались и обращаются многие советские, российские, зарубежные режиссеры. Выпущено около 160 фильмов по произведениям писателя. Первые экранизации появились еще при его жизни. К концу 1970-х гг. за рубежом было создано не менее 40 экранизаций. Роман «Воскресенье»

впервые вышел на экраны в США еще в 1908 году. Всего существует около 20 экранизаций. «Война и мир» экранизирована в России в 1915 году. (Гардин, Протазанов), в 2007 г.- режиссер Р. Дорнхельм. В 1956-1959 гг.- новая экранизация романа режиссера К. Видора. Наташу Ростову играет знаменитая Одри Хепберн, Пьера Безухова - Генри Фонд, но это была еще далекая от романа версия. Лучшая экранизация - режиссера С. Бондарчука (СССР).

По роману «Анна Каренина» вышло около 30 фильмов. Немецкий фильм 1910 г. был одним из первых, известна последняя экранизация Джо Райт. Этот роман по сей день вызывает огромный интерес кинематографистов. Факты подобного рода доказывают, что диалог культур, ведущий к познанию мира,— это свойство исторического процесса, ведущее к пониманию целостной картины мира.

Библиография:

1. Аннинский Л. Лев Толстой и кинематограф. М.,1980
2. Беляева Н.В. и др. Литература. 10 класс. Методические советы. Книга для учителя. М.,2002.
3. Михайловский Н. Десница и шуйца Льва Толстого. М.,2010
4. Мурашова О. «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды» (Л. Толстой «Война и мир») // Литература в школе-2010-№2-с.15-22
5. www.winstein.org . Иностранные писатели о Толстом.
6. Hemingway-lib.ru. Э. Хемингуэй, предисловие к антологии «Люди на войне».

УДК 81'42

Крылова Наталья Федоровна

кандидат филологических наук, доцент ГУУ
г. Москва, Россия

E-mail: krylova.tasha@mail.ru

Синяева Полина Алексеевна

студентка ГУУ

г. Москва, Россия

E-mail: masa09sin@mail.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА В.О. ПЕЛЕВИНА «GENERATION«П»)**

Annotation: This article discusses such a feature of the language of advertising texts created by the main character of V. Pelevin's postmodern novel as intertextuality. The slogans explicitly or implicitly use lines of famous literary works, stable combinations, and songs that create the cultural code of Russian consciousness. The inclusion of such texts in the advertising of household and daily use items creates a comic effect and emphasizes the absurdity of time and consumer society. A language game based on the lexical, phonetic, word-building or graphic component is another feature of the advertising texts of the novel.

Key words: advertising texts, slogans, intertextuality, language game.

Рекламные тексты в последнее время стали неотъемлемой частью нашей жизни, и поэтому они привлекают внимание многих специалистов: и создателей рекламы, и исследователей, и писателей, которые активно используют рекламные тексты и создают их в своих произведениях.

Масштаб распространения рекламы и значительное воздействие на человека, его сознание, культуру, язык определяет актуальность современных исследований данного вида коммуникации в разных аспектах.

Так как цель рекламы – привлечение внимание потребителя – напрямую зависит от оригинальности заголовка, слогана и основного рекламного текста, копирайтеры используют различные языковые приемы, предлагают интерактивные коммуникативные продукты. По мнению О.Н. Кравченко, реклама «выступает как мастерская эффективных текстов <...>; пополняемая коллекция манипулятивных приемов, психотехник, мнемотехник, интерактивных технологий...»[2, с.90].

Предметное исследование рекламного текста началось не так давно, в последнее десятилетие XX века. В современной науке изучению языка рекламы посвящены многие научные работы. Так, В. М. Лейчик и Е. С. Кара-Мурза предлагают языковые и речевые средства рекламы рассматривать с «со стороны места, которое она занимает <...> в современном обществе с его рыночной экономикой, с потребительской психологией» и «„изнутри“, при котором все эти средства рассматриваются как проявления нового формирующегося, но уже полноценного функционального языка — языка рекламы» [4, 137]. Соболева описывает приемы использования фразеологических единиц в текстах рекламы [7, с.202].

Объектом нашего исследования является постмодернистский роман В.О. Пелевина «Generation «П», главные герой которого попадает в мир рекламы и начинает талантливо сочинять рекламные тексты, став сначала копирайтером, а затем криэйтером. Языковые особенности рекламных текстов, в частности слоганов, мы и рассмотрим в настоящей работе.

По мнению Поповой Е.Ю., все известные стратегии постмодернизма - тотальная ирония, игровое начало, а также настроение «*déjà vu*», основанное на «литературном узнавании, нашли выражение в романе В. Пелевина [6, с.9-19]. Такое «литературное узнавание» проявляется в одной из основных особенностей постмодернистских романов - их интертекстуальности [1, с.88].

Интертексты, используемые В. Пелевиным, составляют культурный код русского сознания. Включение таких текстов в роман приводит к созданию гипертрофированных, откровенно абсурдных текстов [5, с.282].

В рекламных текстах романа в первую очередь обращает на себя внимание свободное обращение автора с фразеологизмами. Так, в результате включения латинского афоризма появился слоган: «*Mediis tempestatibus placidus. Спокоен среди бурь. Лефортровский кондитерский комбинат*». В нашем, таком беспокойном, бушующем мире есть вещи постоянные, стабильные, надежные, например, Лефортровский кондитерский комбинат. Известное латинское выражение, несомненно, не повседневного, обиходного, а интеллектуального, художественного употребления, поднимает рекламируемый товар на нереальную высоту и создает комический эффект, по сути, отрывая реальность от мифа. Еще один пример: «*Diamonds are not forever. Похоронное бюро братьев Дебирсян*». Английская фраза (рус. бриллианты не вечны), используемая для рекламы ритуальных услуг, убеждает потребителя в том, что услуга будет предоставлена на европейском, а значит высочайшем, уровне. Такое странное, причудливое сочетание также свойственно постмодернизму.

Языковая игра, имеющая в основе созвучие с известными русскими фразеологизмами, афоризмами, популярными строками художественных произведений, – активный прием создания слоганов в романе В.О.Пелевина.

В рекламном тексте «*Спрайт не кола для Николы*» используется прием игры слов, основанный на включении названия бренда-конкурента с частицей «не». Имя «Никола» также похоже по звучанию на текст слогана. Кроме того, наблюдается языковая игра, имеющая в основе омографы (кОла и кола), которые отсылают к фразеологизму «Ни кола ни двора». Следующий слоган иллюстрирует языковую игру, включающую членение названия бренда сигарет «Парламент» на две части – «ПАР костей не ЛАМЕНТ» - и звуковой отсыл к фразеологизму «Пар костей не ломит».

«*Деньги пахнут!* Бенжамин. *Новый одеколон от Хуго Босс*». В основе слогана лежит фразеологизм «Деньги не пахнут». Языковая игра включает диаметрально противоположное преобразование фразеологизма. Иногда автор сочетает слоган с советской песней, при этом обязательно широко известной и любимой народом. Например, «*Я в весеннем лесу пил березовый Спрайт*».

В написанных главным героем романа рекламных текстах можно увидеть большое количество строк из произведений русской литературы [1, с. 94]. Использование текстов, относящихся к высокому стилю, при рекламе предметов бытового, повседневного употребления создает комический эффект, подчеркивает абсурдность общества потребления. «Абсурдность, нелепость рекламных текстов, вписанных в не менее странную с точки зрения постмодернистской логики сюжетно-фабульную линию, дает читателю взглянуть и понять всю абсурдность отхода от своего духовного начала в сторону неодушевленных вещей, якобы способных решить все проблемы и сделать обладателя счастливым [3, с.155].

В слогане «*Что день грядущий нам готовит? Парламент. НЕява*» наблюдаем точную цитату А.С. Пушкина и повторение приема, в котором к названию бренда-конкурента добавляется частица «не» (к тому же выделенная графически). Еще несколько слоганов, имеющих в основе строки из литературных произведений: «*И дым Отечества нам сладок и приятен. Парламент*» (строка из «Горе от ума» А.С. Грибоедова); «*Умом Россию не понять, в Россию можно только верить. Смирнофф*» (строка из известного стихотворения Ф.И. Тютчева). Ассоциация с известными историческими событиями и названием песни «Пока не начался джаз» рок-группы «Аквариум» наблюдаем в слогане «*Парламент. Пока не начался джаз*».

Таким образом, В.Пелевин активно использует включение в слоганы фразеологизмов, известных строк произведений художественной литературы, а также языковую игру, чтобы сделать рекламные тексты более выразительными, приятными для восприятия с эстетической точки зрения. Следует сказать, что все литературные включения в рекламных текстах романа В. Пелевина, относятся к классическим, высокохудожественным произведениям русской литературы, что создает диссонанс с рекламируемыми товарами и услугами, подчеркивает абсурдность существующего времени и общества.

Использование прецедентных текстов – активный прием создания и современных рекламных текстов. Например, слоган фирмы «Визин», производящей капли для глаз: «*Ясный взгляд в мгновение ока*». Фразеологизм «В мгновение ока», помимо основного значения – быстро, моментально, включает слово «око», семантически связанным с лексемой «взгляд». В свою очередь, оба слова имеют прямое отношение к предмету рекламы. Наличие крылатого изречения помогает достичь эффекта достоверности. Человек склонен испытывать больше доверия к тому, с чем уже сталкивался, что хорошо знает, соответственно такой слоган повысит лояльность к бренду и приведет к покупке его товара.

Современные рекламные тексты в полной мере используют все выразительные возможности языка: эпитеты, сравнения, гиперболы, олицетворения и т.д. Это является одним из самых эффективных способов воздействия на потребителя, позволяет закрепить в сознании название бренда и быстро воспроизвести его в момент принятия решения о покупке. Приведем несколько примеров современных слоганов, в текстах которых наблюдается использование выразительных возможностей языка. «*Milka – сказочно нежный шоколад*» (эпитет), «*Persil-color – Краски ярче лета!*» (сравнение), «*Stimorol – вкус на грани возможного*» (гипербола), «*Whiskas знает и понимает кошек*» (олицетворение).

Еще одним интересным приемом, который использует В. Пелевин в лице своего героя при создании слоганов, является включение иностранных слов в рекламные тексты. Например, «*Bay! Акапулькопис NOW*». Конечно, прежде всего такое включение передает настроение того времени, гиперболизируется демонстрирует стремление людей подражать западной культуре. Слово «now» (сейчас) в данном тексте не несет никакой содержательной

нагрузки, а используется только для рифмовки с междометием, также заимствованным русским языком.

Следует отметить, что и современная реклама насыщена иностранными словами. Чаще всего создатели рекламных текстов делают это для того, чтобы сделать свой бренд интернациональным и выйти на более широкий рынок. Кроме того, в сознании отечественного потребителя заложена мысль о том, что все иностранное выше по качеству. Приобретая продукт, в слогане или названии которого присутствуют заимствованные слова, потребитель предполагает, что приблизился к элитарной группе общества, использующей товары иностранного производителя, а следовательно, более высокого качества. Пример такого слогана – «*Двигай на вечерGREENку TuborgGreen*». Еще одной причиной использования иностранных слов в рекламных текстах является активное заимствование слов, особенно молодыми людьми. Поэтому некоторые бренды используют данный прием, стремясь быть ближе к своей аудитории и разговаривать с ней на одном языке.

Таким образом, яркой языковой особенностью рекламных текстов в романе В.О. Пелевина «Generation«П» является интертекстуальность, когда в слоганах явно или скрыто используются строки известных литературных произведений, устойчивые сочетания, строки из песен, что, с одной стороны, создает эффект узнавания и делает рекламируемый товар «своим», привычным, безопасным, а с другой – часто передает несоответствие художественного текста и предмета быта. Яркими и запоминающимися такие тексты становятся в результате языковой игры, используемой автором. Такое лоскутное смешение приводит к тому, что рекламный текст практически полностью отрывается от внебрендовой реальности и может полноценно функционировать лишь в том культурном пространстве, где товар повсеместно заменен товарным мифом[5, с.282]. Несомненно, использование всех этих приемов и средств, часто гиперболизированное, доходящее до абсурдности, работает на раскрытие смысла произведения и подчеркивает настроение абсурдности происходящего в то время, в котором развивается действие романа.

Библиография:

1. Кирпичникова А.А. Языковые особенности постмодернистского романа и специфика его перевода (на примере романа В. Пелевина «Generation «П» и его перевода Э. Бромфилда)/Казанский лингвистический журнал: Языкознание и литературоведение. 2018.
2. Кравченко О.Н. Современная русскоязычная реклама как обучающая реальность/ Мир русского слова №3: Языкознание и литературоведение. 2011.
3. Кугаевский А. Художественная интерпретация товарного дискурса в романе Виктора Пелевина «Generation «П»/ Критика и семиотика. Вып.9. Новосибирск. 2006. С.44-157.
4. Лейчик В.М., Кара-Мурза Е.С. Два подхода к языку рекламы/ От слова к делу. Сб. докладов X Конгресс МАПРЯЛ (СПб, 2003). М. 2003.
5. Помялов А.В. Специфика рекламных текстов в романе Виктора Пелевина «Generation «П»/ Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Языкознание и литературоведение. 2008.
6. Попова Е.Ю. Литературные прецедентные феномены как средства экспликации постмодернистских мотивов иллюзорности и абсурдности мира в творчестве В.Пелевина/ Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». М.. №3. С.9-19.
7. Соболева Н.П. Фразеология и прецедентные тексты в рекламе: контекстуальное использование нетрансформированных устойчивых выражений / Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина: Языкознание и литературоведение. 2014.

УДК 81.12

Петраш А.И.
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Национальной академии
Государственной пограничной
службы Украины им. Богдана Хмельницкого
г. Хмельницкий (Украина)
E-mail: sveta_ganaba@ukr.net
Ганаба В.В.
курсантка 422 группы
[факультета иностранных языков и
гуманитарных дисциплин](#)
Национальной академии
Государственной пограничной
службы Украины им. Богдана Хмельницкого
г. Хмельницкий (Украина)
E-mail: sveta_ganaba@ukr.net

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ РОДА В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: Grammar reveals a number of topical issues of modern morphology, modern syntax. It covers the development of the theory of sentences and the theory of development of modern linguistic features. The aim of the article is to study the features of representations of the genus category in the Romanian language. Categories of the genus in the Romanian language belong to nouns. Nouns represent living beings, which they divide by a biological sign: male and female. Nouns that indicate inanimate beings are considered as a grammatical category, which, in addition to the ending, should be correlated with other parts of speech. In the Romanian language there are tokens that have only one form for designating creatures of both genders. Words of this type are usually called general nouns. It is difficult to determine the gender of the other four nouns only by their form, since in addition to the feminine, there are also masculine and middle gender. Therefore, in order to determine the gender of nouns, it is necessary to go beyond the grammatical category of the gender and turn to another grammatical category of nouns - numbers. Practical mastery of the category of gender in the Romanian language will help ensure the mastery of the necessary grammatical knowledge, increase the level of language competencies.

Key words: gender category, Romanian language, grammar, linguistics, category of number.

Грамматика является важной составляющей языка. Грамматические элементы присутствуют в каждом языке. Именно они обеспечивают связь элементов в тех или иных структурах, их соотношение с определенными общепринятыми нормами. Грамматика является ядром языка. Однако в своих глубинах грамматика содержит много невероятного и неожиданного. То, что воспринимается как очевидное на основе ряда формальных характеристик, на семантическом уровне пересматривается и приобретает множество ситуативных и вариативных качеств. Речь идет о том, что различные ситуативные характеристики создают различную функциональную нагрузку и рассматривают грамматические категории в различных языковых стратегиях и тактиках. Грамматика в языковой среде – это и теория предложения, и теория морфологических категорий, и теория функционально-семантического поля. Языковое пространство грамматики раскрывает ряд актуальных вопросов современной морфологии, современного синтаксиса. Оно

предусматривает освещение сложных и неоднозначных вопросов развития теории предложения и теории развития современных языковых особенностей.

Целью статьи является изучение особенностей репрезентаций категории рода в румынском языке.

Румынский язык относят к восточно романской языковой группе. Он получил распространение в Молдове, Румынии, на территории Автономного края Воеводина (Сербия). Разговаривают и изучают этот язык национальные объединения Италии, Испании, Португалии, США, Канады, Израиля, России, Украины и других стран.

Отметим, что исследование особенностей грамматических категорий румынского языка является предметом научного интереса многих исследователей. Так, семантические особенности румынского языка рассматривают в своих работах С. Семчинский, Т. Репина, Б. Нарумов, Н. Шевчук и другие. Лингвистические особенности категорий рода и числа нашли отражение в исследованиях И. Дворецкого, В. Каракулакова, Р. Оленича и других.

Грамматическая категория – род, является свойственным многим различным частям языка. Особенностью этой категории является то, что слова или формы слов делятся за двумя или тремя классами. Это деление в носителей языка соотносится с характеристикой женского или мужского пола или же указывает на его отсутствие. Необходимо отметить, что у некоторых языков категория рода отсутствует. Однако, у многих языков индоевропейской группы, эта категория рассматривается как необходимое условие грамматического построения языка. Еще одной особенностью является количество родов. В грамматических конструкциях многих языков различают два рода (мужской и женский), но и некоторые языки имеют три рода (мужской, женский, средний). Традиция трех родовой системы сложилась в древних индоевропейских языках. Позже она получила распространение в некоторых современных языках, в том числе и румынском. Категория рода связана с именем существительным. В современном языковедении имя существительное – это часть речи, которая указывает на предмет или обозначает какую либо предметность. Значение предметности субстанционально определяется в грамматических формах (категориях) рода, числа, склонения.

Грамматическая категория рода в именах существительных – это категория слова (словообразования). Эта категория классифицирует слова по лексико-грамматическому принципу. Это означает, что имена существительные не изменяются за родами, не образуют новых родовых форм, а делятся (классифицируются) за родами на основе тех или иных распознавательных характеристик. Специфика грамматической категории рода имени существительного состоит в том, что принадлежность слова к той или иной категории рода в большинстве случаев не связана с определенными значениями слова. Принадлежность носит условный характер и определяется, скорее всего, традицией [1].

Связь грамматического рода имени существительного с их лексическими значениями проявляется только в названии живых существ и животных. Личности и животные мужского рода мужского пола, как правило, обозначают именем существительным мужского рода, и существ женского пола обозначают именами существительными женского рода. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что эта связь является условной и характеризуется непоследовательностью. Для обозначения существ мужского пола иногда используют имена женского рода, а существа женского рода обозначают именами среднего рода.

По мнению исследователей, репрезентацию категории рода необходимо связывать с достижениями античной грамматической науки. Именно исследователи тех времен заложили основы современной лингвистики румынского языка. Греческие ученые ввели в науку ряд понятий грамматики, а римские мыслители более детально дали им характеристику.

Именно, грамматическое понятие рода берет свои истоки во времена античности. Речь идет о том, что еще мыслитель Аристотель в своем труде «Поэтика» определяет три рода: мужской, женский, средний (то есть тот, который находится посередине). Эта градация

нашла дальнейшее развитие и применение в языковой среде. Так мыслитель М. Варрон обратил внимание на семантическую и грамматическую близость мужского и женского рода и явное противопоставление им слов среднего рода. При этом, он отмечает невозможность слов предметов естественного состояния относится к среднему роду. Слова, которые относятся к среднему роду необходимо распознавать за качеством слов, которые являются нечто большее, чем природа. В этом случае средний род приобретает характеристик общего рода. Общий и средний род распознаются за качеством слова, больше чем природа. Отличительным является то, что средний род символизирует и не женское, и не мужское, а общий род одновременно и мужское и женское [3, с.30].

Категории рода в румынском языке относятся к именам существительным. Имена существительные отображают живые существа, которые и делят за биологическим признаком: на мужские и женские. Имена существительные, которые указывают на неживые существа, рассматриваются как грамматическая категория, которая, кроме окончания, должно соотноситься с другими частями речи (причастием, именем прилагательным). Так для разделения существ за биологическим признаком румынский язык использует универсальные способы. Первым способом – использование слов, которые прямо указывают на принадлежность к определенному биологическому роду, например: băiat / мальчик; fetiță / девочка; cocoș / петух; găină / курица. Другой способ, связанный с употреблением форм противоположного рода, но определенного биологического вида, например: român / румын; româncă / румынка; lup / волк; lupoaică / волчица и так далее[4].

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в румынском языке есть лексемы, которые имеют только одну форму для обозначения существ обеих родов, например: elefant m, f / слон, câmilă m, f / верблюд и т.д. Слова такого типа принято называть имена существительными общего рода[4].

Интересными являются случаи определения категорий рода имен существительных, которыми определяют профессиональную деятельность людей. В румынском языке для определения рода используют суффиксальный способ образования имен существительных. Иллюстрацией могут быть следующие примеры: autor / автор (мужчина); autoare – автор (женщина); doctor / доктор (мужчина); doctoariță – доктор (женщина) и т.д.

Рассматривая имя существительное в румынском языке с точки зрения его организации и классификации за родами сравним несколько имен существительных: casă дом, basma платок, pom плодовое дерево, drum путь, дорога, codru лес, timbru марка. Первые два имени существительных имеют характерное окончание для имен существительных женского рода. Определить род остальных четырех имен существительных только за их формой является сложным, поскольку кроме женского есть еще и мужской и средний роды. Поэтому, что определить род имен существительных необходимо выйти за рамки грамматической категории рода и обратиться к другой грамматической категории имен существительных – числа. Грамматический характер категории числа позволяет объективно определить существующее противопоставление предметов за количественным признаком - (один, много). Именно это противопоставление составляет основу деления множественности и единичности и это существенно влияет на определение категории рода слова. Категория грамматического рода в румынском языке связана с грамматической категорией числа. Противопоставление единичности и множественности предметов позволяет учитывать четкость морфологических данных в определении имени существительного к тому или иному роду[2].

Но необходимо учитывать, что средний род в румынском языке (не мужской, не женский, но одновременно и тот и другой) принципиально отличается от украинского среднего рода. Особенное значение имеют имена существительные, которые имеют окончание – e. Оно относится к именам существительным трех родов (perete m – стена; carte f – книга; nume n – имя). В этих словах категория рода определяется и

категорией числа[2].

Практическое овладение категорией рода в румынском языке поможет обеспечить овладение необходимыми грамматическими знаниями, повысить уровень языковых компетенций. Организация учебно-познавательной деятельности предусматривает систематическую и целеустремленную работу в овладении румынским языком. Перспективы дальнейших исследований предусматривают поиск системы методов эффективного формирования грамматических компетенций в овладении нового иностранного языка.

Библиография:

1. Загнітко А. Мовний простір граматики: монографія. – Вінниця, Мілан-Лтд, 2018. – 448с.
2. Каракулаков В. В. Роль Марка Теренция Варрона в формировании грамматической терминологии / В. В.
3. Семчинський С. В. Вступ до порівняльно-історичного мовознавства (на матеріалі індоєвропейських мов) : навч. посібник для магістрантів укр. мови, рос. мови та класичної філології / С. В. Семчинський. – К.: ВПЦ “Київський університет”, 2002. – 174 с.
4. Шевчук Н. В. Історичні зміни у формуванні категорії роду та числа румунської мови / Н. В. Шевчук, Л. В. Вікторова // Германістика ХХІ століття: традиційні і новітні аспекти дослідження та викладання : матеріали ІІ Міжнародної наукової конференції – Горлівка: Вид-во ГДПШМ, 2012. – С. 18–23.

3. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111'342.415

Nicanor BABĂRĂ,
dr. hab., prof. univ., USC
Tatiana SANDU,
doctor în filologie, USC
E-mail: s.sandu9@gmail.com

CLASIFICAREA ȘI GRUPAREA DIFTONGILOR LIMBII ENGLEZE

Annotation: The article under discussion deals with the problem of the English diphthongs. It has been a topic of research and discussion by linguists for decades and currently this topic remains still actual. In order to avoid mistakes in pronunciation and spelling of English diphthongs students need a lot of training. The aims of the investigation are to highlight the classification and description of these compound sounds and to improve the quality of learning the English Phonetics, especially that of the English diphthongs system.

Keywords: classification, vowel phoneme, vocalic diphthongs, essential diphthongs, unessential diphthongs, descending diphthongs, ascending diphthongs, untrue diphthongs, unequal diphthongs, front diphthongs, centering diphthongs, back diphthongs, friable diphthongs, unfriable diphthongs, widening diphthongs, narrow diphthongs, expanding diphthongs, syllable diphthongs, unsyllable diphthongs, long diphthongs, short diphthongs, phonetic diphthongs, variable diphthongs, frequent diphthongs, orthographic diphthongs.

Clasificare monoftongilor și diftongilor englezi
(după Olga Dickușina) [4, p. 76]

English Vowel Phonemes			
	Front	Mixed	Back
Monophthongs	i		u
	ɪ		ʊ
	e	ə	ɔ
		ə	ʌ
			ɑ
Diphthongs	ɪə		uə
	eɪ	-	
	ɛə		ou
	aɪ		ɔɪ
	au		ɔə

Clasificarea și gruparea diftongilor limbii engleze

1. **Diftongii vocalici** (vocalic diphthongs, vowel diphthongs; гласные дифтонги, дифтонги вокоиды): |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'oi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə; ɪə, ʊə, ʊi'; 'oi, 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, ɔi', ɛə', ɔə'| – 21;

2. **Diftongii consonantici** (consonants diphthongs, contoids, affricatives; согласные дифтонги, контоиды, дифтонги аффрикаты): |tʃ, dʒ, tr, dr, ts, dʒ, tθ, dθ| – child, judge, try, dry, bats, reads, eight, width [6. p. 26, 73] – 8;

3. **Diftongii semiconsonantici** – **vocalici** (semiconsonantic – vocalic / vowel diphthongs; полусогласные – гласные дифтонги): |ji:, ji, je, jə, ju:, ju, jʌ, jɑ:, jɔ, jɔ:, jə; wi:, wi, we, wə, wu:, wu, wʌ, wɑ:, wɔ, wɔ:, wə:, wə|⁶⁹ – 24;

4. **Diftongii esențiali** (essential diphthongs; существенные дифтонги): |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'oi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə; ɪə, ʊə, ʊi'| – 12;

5. **Diftongii neesențiali** (unessential diphthongs; несущественные дифтонги): |'oi, 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, ɔi', ɛə', ɔə'; ji:, ji, je, jə, ju:, ju, jʌ, jɑ:, jɔ, jɔ:, jə:, jə, wi:, wi, we, wə, wu, wu:, wɔ, wɔ:, wʌ, wɑ:, wə:, wə| – 33;

6. **Diftongii descendenți/căzători/coborîtori** (fall, falling, descending), diphthongs; восходящие дифтонги): |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'oi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə; 'oi, 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə| – 15;

7. **Diftongii ascendenți/suitori, urcători** (rise, rising, ascending) diphthongs; восходящие дифтонги): |ɪə', ʊə', ʊi', ɔi', ɛə', ɔə'; ji:', ji', je', jə', ju:', ju', jʌ', jɑ:', jɔ', jɔ:', jə:', jə'; wi:', wi', we', wə', wu:', wu', wʌ', wɔ', wɔ:', wə:', wə'| – 30;

8. **Diftongii reali, adevărați** (true, real), diphthongs; дифтонги: истинные, правильные): |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'oi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə, tʃ, dʒ| – 11;

9. **Diftongii ireali, neadevărați** (false, untrue) diphthongs; неистинные, неправильные дифтонги): |ɪə', ʊə', ʊi', ɔi', 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, ɔi', ɛə', ɔə'; ji:, ji, je, jə, jɔ:, jɔ, ju:, ju, jʌ, jɑ:, jə:, jə; wi:, wi, we, wə, wɔ:, wɔ, wu:, wu, wʌ, wɑ:, wə:, wə| – 36;

10. **Echidiftongii, diftongii ascaleni, diftongii egali** (full, level) diphthongs; дифтонги равновесные, полные дифтонги): |ei, ou, tʃ, dʒ| – 4;

11. **Diftongii scaleni, inechidiftongii, inegali, neegali** (unequal diphthongs; неравнозначные дифтонги): |'ai, 'au, 'oi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə; ɪə', ʊə', ʊi'; 'oi, 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, ɔi', ɛə', ɔə'; ji:, ji, je, jə, jɔ:, jɔ, ju:, ju, jʌ, jɑ:, jə:, jə; wi:, wi, we, wə, wɔ:, wɔ, wu:, wu, wʌ, wɑ:, wə:, wə| – 43;

⁶⁹Diftongii vocalici – semiconsonantici nu sînt atestați în limba engleză, ei fiind frecvenți în limbile slave, romanice: rusă [oj, aj], în limba română [ji, əi, ui, oi, eu].

12. **Diftongi anteriori frontali** (front diphthongs; передние дифтонги, фронтальные дифтонги): |'ei, 'ai, 'au; 'iə, 'eə, 'ɪə, 'eə, 'ɛə| (după primul component) – 8;
13. **Diftongi centrali** (centering diphthongs, mixt, central, murmur; центральные дифтонги, центрирующие дифтонги): |'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə; 'iə, 'ʊə, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, 'ɛə, 'ɔə| (după al doilea component) – 12;
14. **Diftongi posteriori, parietali** (back diphthongs; непередние дифтонги): |'ou, 'ɔi, 'yi; 'oi, 'ui, 'oə, 'ɔi, 'ɔə| – 8;
15. **Diftongi friabili** (friable diphthongs, распадающийся дифтонги): |'oi, 'ʊə, 'yi, 'ui, 'ɔi, 'iə, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, 'ɛə, 'ɔə| – 12;
16. **Diftongi stabili, constanti, nefriabili** (unfriable diphthongs, нераспадающийся дифтонги) |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'ɔi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə, 'tʃ, 'dʒ| – 11;
17. **Diftongi largi** (după mișcarea limbii) (wide, (widing) diphthongs; дифтонги широкие): |'ai, 'au, 'ɔi; 'oi, 'ɔi; 'yi, 'ui| – 7;
18. **Diftongi reduși** (după mișcarea limbii) (narrow diphthongs, дифтонги не широкие): |'ei, 'ou| – 2;
19. **Diftongi extențiali** (după gradul de deschidere a maxilarelor), (expanding diphthongs, расширяющейся дифтонги): |'iə, 'uə, 'iə, 'ʊə| – 4;
20. **Diftongi inextențiali, restrânși** (după gradul de deschidere a maxilarelor), (unexpanding, narrowing diphthongs, сужающиеся дифтонги): |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'ɔi, 'eə, 'ɔə, 'oi, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, 'ɔi, 'eə, 'ɔə| – 15;
21. **Diftongi silabici** (syllable diphthongs, слогаобразующие дифтонги): |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'ɔi, 'iə, 'ɔə, 'eə, 'uə; 'iə, 'ʊə, 'yi, 'oi, 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə, 'ɔi, 'ɛə, 'ɔə; wi:, wi, we, wæ, wʌ, wa:, wɔ, wɔ:, wu, wu:, wə:, wə; ji:, ji, je, jæ, jʌ, ja:, jɔ, jɔ:, ju, ju:, jə:, jə| – 45;
22. **Diftongi asilabici** (unsellable diphthongs, неслогообразующие дифтонги): |tʃ, dʒ| – 2;
23. **Diftongi lungi** (long diphthongs, долгие дифтонги): |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'ɔi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'u; 'oi, 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə| – 15;
24. **Diftongi de scurtădurată**, (al doilea component), (short diphthongs, краткие дифтонги): |'iə, 'ʊə, 'yi, 'ɔi, 'ɛə, 'ɔə; wi:', wi', we', wæ, wɔ', wɔ:, wʌ, wa:, wu', wu:', wə:', wə':; ji:', ji', je', jæ, jɔ', jɔ:', jʌ, ja:', ju', ju:', jə:', jə| – 30;
25. **Diftongi fonetici** (phonetic diphthongs, фонетические дифтонги). Toți diftongii englezi esențiali: |'ei, 'ou, 'ai, 'au, 'ɔi, 'iə, 'eə, 'ɔə, 'uə (descendenți); 'iə, 'ʊə, 'yi (ascendenți); neesențiali: |'oi, 'ui, 'eə, 'aə, 'aə, 'oə (descendenți); 'ɔi, 'ɛə, 'ɔə (ascendenți); |ji:, ji, je, jæ, jɔ, jɔ:, ju, ju:, jʌ, ja:, jə:, jə; wi:, wi, we, wæ, wɔ, wɔ:, wu, wu:, wʌ, wja:, wə:, wə| – 45. Toți acești diftongi sînt și fonematici/fonologi, or comutați între ei precum și cu monoftongii englezi au statat fonologic, sînt sunete relevante.
26. **Diftongi variabili** (variable diphthongs, переменные дифтонги). Toți diftongii englezi (vocalici - 21, consonantici - vocalici - 24 și consonantici - 2, în total 47) sînt variabili. De exemplu: diftongul |'ei| are 10 variante, variații și varietăți; diftongul |'ou| – 12; diftongul |'eə| – 10; diftongul |'iə| – 11; diftongul |'uə| – 18, varietate accentuată; diftongul |'au| – 8; diftongul |'ɔə| – 7; diftongul |'ai| – 6; diftongul |'ɔə| – 7; diftongul |'ɔi| – 6; variabilitate medie.
27. **Diftongi frecvenți** (frequent diphthongs; частотность дифтонгов, частотные дифтонги). Frecvența diftongilor englezi este nelimitată: ei apar în poziție inițială, medială și finală, doar diftongul |'uə| practic nu apare în poziție inițială. Diftongii englezi pot fi în opoziție liberă cu monoftongii englezi și între ei.
28. **Diftongi ortografici** (orthographic diphthongs, орфографические дифтонги). Diftongii englezi sînt fonetici la nivel fonetic, la nivel fonologic sînt fonematici, la nivel ortografic sînt ortografici. Reprezentarea grafică a lor este variată: accentuată |'ei, 'eə|; medie |ai, ou, iə, uə, ɔə|;

redușă |au, ɔi|. Monografele, digrafele, trigrafele etc. ale diftongilor englezi (a celor esențiali, descendenți) alcătuiesc 107 îmbinări ale literelor alfabetului englez.⁷⁰

Referințe bibliografice:

1. Babără N. On the Phonetic Nature of Romanian and English Diphthongs as Compared with Monophthongs (röntgenocinematography and oscillography study). // Proceedings of the IATEFL – East 98 Conference. Constanța, România, August. 1998. edited by Reghina Dascăl, University of Timișoara. P. 180-187
2. Babără N. On the Phonetic and Phonological Status of English and Romanian Monophthongs and Diphthongs (X-Ray Cinema Study). // Anale științifice ale USM, Seria „Științe filologice”. Chișinău. 1998. P. 103-105
3. Bogdan M. Fonetica limbii engleze. Cluj: Editura Științifică, 1962. 312 p.
4. Dickushina O. I. English Phonetics. Moscow: Prosveshcheniye, 1965. 202 p.
5. Doboș D. A Handbook of English Phonetics and Phonology. Iași: Casa Editorială Demiurg, 2001. 270 p.
6. Gogălniceanu C. The English Phonetics and Phonology. Iași: Editura Fundației „Chemarea”, 1993. 354 p.
7. Jones D. An Outline of English Phonetics. Cambridge: W. Heffer & Sons LTD, 1964. 380 p.
8. Leontyeva S. A Theoretical Course of English Phonetics. Moscow: Manager, 2002. 336 p.
9. Pârlog H. The Sound of Sounds. Timișoara: Hestia Publishing House, 1995. 175 p.
10. Vassilyev V. English Phonetics. A Theoretical Course. Moscow: Higher School Publishing House, 1970. 324 p.
11. Балинская В. И. Орфография современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1967. 328 с.
12. Голубев А. П., Смирнова И. Б. Сравнительная фонетика английского, немецкого и французского языков. Москва: Изд-кий центр “Академия”, 2005. 208 с.
13. Дикушина О. И. Фонетика английского языка. Москва: Просвещение, 1965. 202 с.
14. Нейланд М. А. Сравнительный анализ физикальных свойств дифтонгов современного английского и латышского языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига: ЛГУ им. Петра Стучки, 1965. 31 с.

CZU 811.111'373.743

Felicia BANU
drd, lector USC,
Comrat, Republica Moldova
E-mail: feliciabanu27@gmail.com

**CĂILE ȘI SURSELE DE PROVINIENȚĂ A UNITĂȚILOR FRAZEOLOGICE
CU COMPONENTE ZOONIME ÎN LIMBA ENGLEZĂ**

Annotation: Phraseology is an area of studies whose object of reflection are phraseological units. It studies phraseological phenomena and holds sociocultural aspects that are always present in one specific community. The phraseological units with zoonyms are culturally integrated metaphorical expressions, which denote peculiar aspects of our communication and give a special color to the language speakers' discourse. This article focuses on the main sources from which appear phraseological units with zoonymic component.

Key words: phraseological unit, phraseologism, zoonym, source, etymology

⁷⁰Clasificarea și gruparea diftongilor limbii engleze ne aparține.

Atât pe terenul limbii engleze, cât și pe cel al altor limbi, sfârșitul secolului al XIX-lea și începutul secolului al XX-lea a însemnat o perioadă de intense cercetări în direcția stabilirii surselor și căilor de transmitere a unităților frazeologice, cercetări care continuă și în zilele noastre. Când se vorbește de surse și căi de transmitere a unităților frazeologice, fiecare autor tratează problema din unghiul care servește cel mai bine scopului propus.

Sursele de proveniență ale unităților frazeologice cu componente zoonime în limba engleză contemporană sunt foarte diverse [1, p. 96]. După sursa de proveniență a acestora, unitățile frazeologice pot fi împărțite în două categorii:

1. frazeologisme provenite din creațiile interne ale poporului englez;
2. frazeologisme provenite din alte limbi.

Unitățile frazeologice provenite din alte limbi pot fi clasificate în următoarele subgrupe:

- a. frazeologisme provenite din alte variante ale limbii engleze (americană, australiană, etc);
- b. frazeologisme împrumutate din alte limbi.

Unitățile frazeologice cu componente zoonime provenite din creațiile interne ale poporului englez sunt strâns legate de tradițiile, obiceiurile, cutumele și istoria acestuia. În viziunea cercetătorilor C. Zaharia, A.V. Cunin, E. Gordon această categorie poate fi divizată în două subcategorii: populare și literare [2, p. 158]. Numărul celor populare este incomparabil mai mare decât al celor literare. Cercetătoarea Casia Zaharia menționează că „multe expresii au fost uzuale în limba vorbită cu mult timp înainte de a fi preluate în scrieri. Ca și basmele sau cântecele populare, a căror formă s-a modificat de multe ori prin repetarea lor și unitățile frazeologice au suferit numeroase transformări până să ajungă la forma pe care o cunoaștem noi astăzi”. Aceeași autoare consideră că „instabilitatea limbilor vechi a dus la variabilitatea formelor unuia și aceluiași frazeologism. Traduse, vechile expresii idiomatice grecești și romane există și astăzi, fiind chiar percepute ca aparținând fondului lexical al fiecărei limbi europene” [2, p. 160].

Lingvistul rus A. V. Kunin subliniază că „unitățile frazeologice originale englezești sunt asociate cu tradițiile, obiceiurile și credințele poporului englez, precum și cu realități, tradiții, fapte istorice” [1, p. 243]. De exemplu, unitatea frazeologică „*a black sheep*” (lit. Oaia neagră) este legată de anumite credințe și semnifică „om care se distinge de ceilalți membri ai unui grup / ai unei colectivități printr-o conduită rea, prin antecedente negative, prin fapte antisociale etc”.

Opinia cu privire la apariția acestei unități frazeologice este că în timpurile îndepărtate, uneori, în turmele de oi cu lână albă, apăreau miei cu lână neagră. Deoarece lâna neagră nu putea fi vopsită în culoarea dorită (albă), ea nu era apreciată și, în consecință, păstrarea oilor negre în turme nu era profitabilă. În secolele XVIII - XIX nimeni nu putea explica exact proveniența mieilor negri, astfel că oamenii credeau că sărmănele animale erau marcate de diavol. De cele mai multe ori, această expresie este folosită în adresa unor familii și se referă la membrul familiei care aruncă o umbră asupra reputației familiei. Frazeologismul este parte și a proverbului *There is a black sheep in every flock* (Există o oaie neagră în fiecare turmă), care în română se traduce lit. „în fiecare turmă există oaia neagră” ori ”nu este pădure fără uscături”.

O sursă foarte importantă pentru frazeologia multor limbi este Biblia. Ea ocupă un loc central în cultura orală și scrisă. Traducerea Bibliei în engleză înseamnă pătrunderea unităților frazeologice în limbă pe calea cultă. Fiecare comunitate lingvistică percepe Biblia în funcție de anumite condiții istorice și sociale care țin de specificul național, de rolul pe care îl are creștinismul în afirmarea și dezvoltarea identității naționale [3, p. 24]. Doar varianta canonizată a traducerii textului biblic a putut impune o anumită formă unității frazeologice într-o limbă sau alta. Cu toate că în prezent textul Bibliei este canonizat în forme similare traduse în peste cincizeci de limbi, fiecare cultură a reținut anumite aspecte care au putut favoriza raspândirea unor modele frazeologice corespunzătoare limbii respective.

Din această sursă în limba engleză au provenit următoarele frazeologisme cu componente zoonime „*a leopard cannot change its spots*” (Lupul își schimbă părul, dar năravul - ba!); „*to cast*

pearls before swine” (A arunca mărgăritare înaintea porcilor/ A strica orzul pe găște); „*a wolf in sheep's clothing*” (Lupul în blană de oaie).

Vom menționa aici originea unui alt frazeologism cu component zoonime - *scapegoat* (țap ispășitor) care se utilizează atunci când se face referire la o persoană asupra căreia se aruncă vina pentru greșelile altora. În orice societate a existat o cerere pentru un „dușman” pe care să se dea vina pentru problemele din comunitatea respectivă. Țapul ispășitor este menționat în Biblie doar cu o singură ocazie (Levitic 16), ca parte a ritualului de Ziua anuală a Ispășirii. Ritualul din Ziua Ispășirii implica doi țapi, pentru care arhiereul arunca sorți. Unul dintre ei era sacrificat ca jertfă pentru păcat, iar celălalt ales prin tragere la sorți, ca țap ispășitor, era scos din tabără în viață, după ce arhiereul își punea mâinile peste el și mărturisea asupra acestuia păcatele israeliților (Levitic 16,7-10, 20-22, 26). Așadar, este vorba despre un animal nevinovat, care primește asupra lui păcatele oamenilor.

În Vechiul și Noul Testament sunt menționate, cu frecvență diferită, 93 de alte animale, insecte și creaturi neomenești. În timp ce câinii figurează în mai multe versete biblice, pisica nu este amintită în niciunul.

Un număr mare de unități frazeologice englezești cu utilizarea zoonimelor sunt legate de mitologie, istorie și literatura antică. Frazeologismele originare din mitologia antică sunt destul de diverse. Fiecare unitate frazeologică determină anumite conexiuni asociative, corelate cu imaginile eroilor antichității, ceea ce determină bogăția și expresivitatea lor semantică. Multe dintre aceste unități frazeologice sunt de uz internațional și se regăsesc în numeroase limbi. De exemplu, următoarele frazeologisme provin din mitologia antică: *Man is a wolf to man* (Plautus), *man is a wolf* (Plautus) (Omul este lup pentru om (Plaut)). Expresia asociată cu războiul troian este Trojan Horse (Calul Troian) — un cal troian, pericol ascuns.

Creații interne se înregistrează și la nivelul literaturii care contribuie și ea, chiar dacă în mai mică măsură, la îmbogățirea vocabularului frazeologic. O serie de frazeologisme cu componente zoonime provin din fabulele lui Esop și din alte povești și legende grecești, de exemplu:

kill the goose that laid (lays) the golden eggs (a ucide găscă care face ouă de aur);

cry wolf too often (TJ. *cry wolf*) (a striga Vine lupul!) — a se da o alarmă falsă (din fabula despre baiatul păstor, care se distra pe seama satenilor, strigând “Lupul! Lupul!”);

the lion's share (partea leului);

cherish (nourish or warm) a viper in one's bosom — to warm a snake on his chest (a încălzi un șarpe la sân);

an ass in lion's skin the donkey in the lion's skin (Ca măgarul îmbrăcat în piele de leu);

a fly on the wheel (a fi mai mare daraua decât ocaua) — oamenii care își supraestimează abilitățile (expresie preluată din fabula lui Esop “Musca și boul”);

the mountain has brought forth a mouse (S-a scremut muntele și a născut un șoarece);

a dog in the manger (“Câinele Grădinarului”/ persoana egoistă/ meschină/ cânoasă la inimă).

Unele unități frazeologice cu utilizarea zoonimelor își au originea în lucrările scriitorilor romani, cum ar fi: *a snake in the grass* (E ceva necurat/ neplăcut la mijloc; un dușman ascuns), iar altele sub forma etichetării figurilor istorice cu ajutorul următoarelor zoonime: *the Hog was Richard III*, *the Lion Heart Richard the lion Heart* (“*Richard Inimă-de-Leu*”), *the Swan of Avon* (“*Lebăda de pe Avon*”) — Shakespeare.

Scriitorii, prin imaginația și creativitatea lor, și prin puterea de mânuire a cuvântului, au creat îmbinări de cuvinte care, cu timpul, prin repetiție, au devenit stabile. Pentru spațiul european, secolele XVI-XVII sunt considerate a fi perioada de aur a paremiilor și expresiilor cu sens figurat. William Shakespeare, Ben Jonson și Christopher Marlowe în Anglia, Miguel de Cervantes în Spania, Francois Rabelais în Franța, Martin Luther, Hans Sachs în Germania au preluat și utilizat zeci sute de proverbe în lucrările lor, ceea ce denotă popularitatea acestora în uzul vorbitorilor acelei epoci, epocă nu numai războinică ci și didactică și satirică. [2, p. 124]. Decența iluminismului și clasicismului readuce paremia și expresia idiomătică la cote "normale". Abia în

secolul al XIX-lea acestea vor cunoaște o nouă revigorare în nuvelele și povestirile rurale ale lui Johann Peter Hebel, Otto Ludwig, Theodor Storm ca și ale lui Anton Pann [4, p. 24].

Printre cei mai semnificativi scriitori care au contribuit în mare măsură în dezvoltarea limbii engleze la rangul unei limbi literare am putea numi în primul rând pe Geoffrey Chaucer și John Milton (eg. *Confusion worse confounded, on evil days*), Jonathan Swift (Eg. *All in the days work/All the world and his wife/Quarrel with one's bread and butter*,

Unități frazeologice cu componente zoonime provenite din alte variante ale limbii engleze nu sunt atât de numeroase. Multe unități frazeologice din limba engleză au apărut din diferite variante ale limbii engleze. În continuare, vom prezenta câteva frazeologisme care au venit din varianta americană a limbii engleze. Ele au fost asimilate aproape complet în versiunea britanică astfel încât în dicționarele de etimologie, originea multora dintre ele nu se mai menționează.

Ex. *For the birds, smell a rat, go to the dogs,
take the bull by the horns,
let the cat out of the bag,
straight from the horse mouth etc.*

În continuare, vom prezenta câteva frazeologisme împrumutate din alte limbi.

din italiană: *every dog is a lion at home* – ogni cane è leone a casa sua,

to put a flea in somebody's ear - mettere una pulce nell'orecchio

to be as hungry as a wolf - avere una fame da lupo

din limba germană: *go to the dogs* – vor die Hunde gehen,

let the cat out of the bag – die Katze aus dem Sack lassen

din limba franceză: *I have other cats to whip! /I have other fish to fry!* - J'ai d'autres chats à fouetter!

din limba finlandeză: *to make a bull out of a fly* - tehdä karpäsestä härkänen

to pace around hot porridge like a cat - kiertää kuin kissa kuumaa puuroa

din limba turcă: *A hungry dog will break through a bakery* - Aç it fırın deler

I am hungry like a wolf - Kurt gibi açım

De menționat că sursele apariției și originea frazeologismelor nu pot fi identificate întotdeauna cu exactitate. Pentru un frazeologism se pot invoca două sau chiar trei surse externe.

Bibliografie:

1. Banu Felicia, Căile și sursele apariției unităților frazeologice în limba engleză // Conferința științifică de totalizare a activității de cercetare a cadrelor didactice, Volumul I, 30 aprilie 2009, Cahul, p. 96-105.
2. Casia Zaharia, Expresiile idiomatice în procesul comunicării : abordare contrastivă pe terenul limbilor română și germană, Iași : Ed. Univ. "Alexandru Ioan Cuza", 2004.
3. Кунин А. В., О фразеологической дефиниции // Вопросы английской фразеологии (коммуникативный и фразеологический аспекты) / Сборник научн. трудов. -М., 1987. - Вып. 287. - С. 109-118.
4. Groza L. Momente ale construirii fondului frazeologic al limbii române literare. În: Limbă și Literatură, 1993, vol. 1-2, p. 46-54.

CZU 811.111'25

Alexei CHIRDEACHIN,

conf.univ.dr, USC, Comrat, RM

Nicanor BABIRA,

dr. hab., prof. univ., USC, Comrat, RM

Sofia SULAC,

conf.univ.dr, USC, Comrat, RM

PROBLEME ACTUALE DE FORMARE A COMPETENȚELOR COMUNICATIVE ORALE ÎN CONTEXTUL DIDACTICII TRADUCERII

Annotation: In the current context, teaching and learning of language as a means of communication acquires a special significance. To master a language means to be able to participate in the process of oral and written communication in it and to solve various issues in daily and professional life by means of it. When addressing the concept of communication we mean first of all its oral aspect which confirms the status of pronunciation as being of primary importance in the system of language compartments. In order to be taught consciously, it is necessary to apply a comparative and contrastive analysis of the studied units with their native-language counterparts as a teaching approach. Translation has long been known as ensuring communication between individuals belonging to different linguistic systems. To cope successfully in oral translation, it is necessary to have a proper pronunciation training, in order to be able to understand oral messages even when the speaker's source language pronunciation or technical difficulties do not allow discerning message and the context cannot help. From this perspective, the article addresses the issue of formation and development of communicative competences in the context of translation didactics.

Key words: communicative competence, pronunciation, consciousness principle, comparative and contrastive analysis, translation, translation didactics.

După cum se știe, conform art.11 al Codului educației aprobat în 2014, educația are ca finalitate principală dezvoltarea unui sistem de competențe care include cunoștințe, abilități, atitudini și valori ce permit participarea activă a individului la viața socială și economică, urmărindu-se printre competențe-cheie formarea competențelor de comunicare în limbi străine, dar și cea de a învăța să înveți [3, online]. Pe de altă parte, în prezent se înalță anumite cerințe față de specialiști pentru a fi competitivi pe piața muncii. Potrivit articolului 75 al Codului educației, învățământul superior are drept misiune formarea specialiștilor de înaltă calificare competitivi pe piața națională și internațională a muncii (Ibidem). Printre aceste cerințe un loc deosebit de important îl ocupă cele lingvistice, adică posedarea liberă a limbilor străine, ceea ce presupune anumite modificări de ordin curricular în învățământ preuniversitar, universitar și post-universitar la nivelul formării inițiale și a celei continue. Deci este necesitatea, dar și cerința, ca orice specialist, indiferent de specializarea lui, să cunoască limbi străine.

Cerințele pedagogiei de astăzi presupun direcționarea spre formarea competențelor ca finalități ai procesului didactic. În cazul limbilor străine sunt vizate competențele comunicative aferente limbii în cauză. După cum menționează S.Danail, M.Timuș, Gh.Braniște, problematica formării competențelor comunicative este abordată de către mai mulți autori care o examinează din perspectivă epistemologico-pedagogică și socială. Competența face apel la organizarea unui ansamblu de resurse: cunoștințe, experiențe, scheme, automatisme, capacități, priceperi de diferite tipuri etc. [4, online]. Conform opiniei lui M.-M.Rusu, competența lingvistică se definește prin achizițiile despre formele limbii, despre evoluția acestora, corelând semnificatul cu semnificantul, în contextul semnificării, adică al producerii de sens. Competența de comunicare vizează aplicarea de către o persoană a competenței lingvistice proprii în actul comunicării personale și interactive.

Prin urmare, relația dintre cele două dimensiuni ale termenului de competență, dimensiunea lingvistică și dimensiunea comunicativă, vizează aspectul complementar al lingvisticii cu interacțiunea socială [10, online]. Potrivit lui M.I.Vicol, competența de comunicare didactică reprezintă un ansamblu interconex de cunoștințe, capacități, atitudini, determinate teleologic, didactic, profesional prin care se asigură realizarea eficientă a activității didactice în contextul formal și nonformal [11, online]. Reieșind din cele examinate, observăm că competența este formată în baza anumitor cunoștințe și capacități care constituie premise pentru dezvoltarea celei dintâi. Astfel, deși informația de limbă constituie punctul de plecare a procesului glotodidactic, ea nu este scop în sine, ci prezintă premise pentru formarea și dezvoltarea ulterioară a competențelor comunicative.

Este cunoscut faptul că limba fiind cel mai important mijloc de comunicare interumană se învață pentru comunicare și prin comunicare. A vorbi o limbă înseamnă a putea fi participant al procesului de comunicare orală și scrisă în limba respectivă și a putea rezolva diferite probleme de ordin cotidian și profesional prin intermediul acesteia. Însă, când vorbim de comunicare ne referim în primul rând la aspectul ei oral care este primar celui scris, deoarece omul învață mai întâi a vorbi și apoi a scrie, capacitatea de a însuși să scrie depinzând de cea de a însuși să vorbească. Pe de altă parte, existența fenomenului oamenilor analfabeți, dar și absența propriului scris în multe limbi ale lumii în prezent, confirmă acest fapt, ceea ce impune statutul pronunției ca fiind de o primă importanță în sistemul compartimentelor limbii în plan teoretic și practic. Astfel, noțiunea de comunicare orală vizează în primul rând pronunție, adică fonetică. Pe de o parte, născându-se copilul însușește mai întâi sunetele vorbirii cu ajutorul cărora devine apt în continuare să formuleze cuvinte și expresii. Pe de altă parte, în plan lingvistic fonemul este cea mai mică unitate a limbii care servește drept „material de construcție” și semn de deosebire pentru unități mai complexe.

Conform opiniilor multor cercetători de notorietate în domeniul lingvisticii, psihologiei, pedagogiei, didacticii, predarea-învățarea unei limbi în general, dar și didactica traducerii aferente limbii în cauză trebuie să se bazeze pe principiul de însușire conștientă a materiei studiate (alături de principiile vizual, auditiv, „de la simplu la compus” și „de la cunoscut la necunoscut”), ceea ce implică necesitatea utilizării analizei comparativ-contrastivă în procesul de învățământ. Lingvistica comparativ-contrastivă are ca obiect de studiu diverse aspecte (fonetic, gramatical, lexical, grafic) în cadrul uneia sau mai multor limbi în vederea evidențierii similitudinilor și a deosebirilor fenomenelor limbii date sau ale limbilor comparate. Materialele lingvisticii comparativ-contrastivă au o importanță teoretico-practică sub aspect lingvistico-didactic, postulat susținut de mai mulți cercetători. În acest context acad. S. Berejan menționează că „simpla confruntare de limbi diferite scoate în vileag multe lucruri care rămân neobservate nu numai la examinarea de fapte izolate în interiorul unei limbi, dar chiar și la examinarea sistemică a acestora, neieșind însă din limitele sistemului limbii date. Incomparabil mai multă informație furnizează compararea limbilor în sistem” [1, p.59]. Aceeași opinie a fost susținută anterior de L. V. Sčerba [15, p.44]. R.Lado, la capitolul dat, afirma într-una din lucrările sale: „Comparația lingvistică este fundamentală și într-adevăr inevitabilă dacă vrem să progresăm, iar comparația a două sisteme fonetice, deși plicticoasă, seacă și abstractă, dă rezultate de un mare folos practic” [7, p.3].

Importanța teoretică a lingvisticii comparativ-contrastivă rezidă în faptul că ea contribuie la determinarea tipologică a limbilor, iar în fonetică – la identificarea universalilor fonetice. Ca rezultat, materialele comparativ-contrastivă sunt de un real folos la rezolvarea multor probleme majore: clasificarea limbilor, studierea istoriei lor, cercetarea limbilor mai puțin cunoscute etc. Semnificația practico-didactică a studiilor de comparativistică rezidă în faptul că elucidarea asemănărilor și a deosebirilor a două sau a mai multor limbi este în conformitate cu principiul însușirii conștiente a materialului. „Determinarea specificului limbilor la confruntarea lor sistemică are o importanță de prim rang pentru procesul însușirii conștientizate a limbilor materne și străine și a elaborării unor procedee metodice de predare a acestora,” – menționează acad. Silviu Berejan [1, p.59]. Astfel, la învățarea unei limbi străine o importanță deosebită are principiul însușirii

conștientă, mai ales în cazul celor adulți. La acumularea deprinderilor de vorbire un rol decisiv îl joacă înțelegerea, și nu repetarea; or, înțelegerea conștientă este mai durabilă și eficientă. Imitarea graduală și inițială în procesul pedagogic este unul dintre procedeele suplimentare la învățarea limbilor străine: efectuarea conștientă a oricărei acțiuni contribuie mult mai trainic la automatizarea acesteia decât repetarea ei mecanică. În instituțiile de învățământ superior avem de a face cu oamenii care au atins vârsta când gândirea logică este dezvoltată și ei sunt deprinși să abordeze analitic fenomenele studiate. Adulții învață mai efectiv dacă înțeleg motivarea și fundamentarea procedeelelor și a metodelor de învățare. Tot ce este legat de imitare trebuie să fie tratat ca mijloc suplimentar în munca conștientă și sistematică de asimilare a materialului lingvistic [14, p.11]. Principiul de însușire conștientă la învățarea limbilor străine este examinat în lucrările mai multor specialiști de notorietate în domeniul pedagogiei, didacticii și al psihologiei. Însemnătatea teoretică a lingvisticii comparativ-contrastive, precum și cea practică, îi determină pe lingviști să cerceteze în modul cel mai riguros și minuțios toate compartimentele limbii materne și ale celei țintă (străine). V.A.Artimov susține că principala sarcină lingvistică la studierea sistemului sonor al limbii constă în stabilirea / precizarea și descrierea sistemului fonematic al limbii date, deseori în plan comparativ cu alte limbi (două sau mai multe limbi între ele) [12, p.66] (Артёмов 1969:66). Despre principiul în cauză vorbea concludent încă acad. L.V.Șcerba [15, p. 62-63].

Astfel, pentru învățarea conștientă a unei limbi străine este necesar de a compara faptele limbii materne și ale limbii țintă, plecând de la cea dintâi și luându-se în considerație particularitățile celor două limbi la nivelul fiecărui aspect (în primul rând, al pronunției). Astfel eficacitatea însușirii limbii străine crește considerabil, deoarece apare posibilitatea de a observa trăsăturile comune și distinctive ale ambelor limbi, ceea ce prezintă înseși scopurile lingvistico-teoretice ale analizei comparativ-contrastive. Scopurile metodico-practice ale analizei constau în a depista greșeli tipice comise de către studenții în procesul de însușire a limbii străine în cauză (în primul rând, a pronunției acesteia), a determina procedeele de antrenament și consolidare și a elabora un sistem de exerciții contrastive de consolidare.

Traducerea este cunoscută de multă vreme, întrucât a asigurat comunicarea între indivizi aparținând unor sisteme lingvistice diferite, traducerea scrisă sau orală a cunoscut o diversificare esențială. Astfel, ea acoperă o varietate de aspecte: traducerea scrisă a unui text scris, traducerea orală a unui text scris, traducerea înregistrată pe un suport audio-video a unui document scris, traducerea rezumat, traducerea signaletică, interpretare simultană, interpretare de conferință, interpretare ad-hoc, subtitrare, sincronizare (traducerea și potrivirea jocului actorilor de pe peliculă cu vorbirea lor). Importanța traducerii scrise și a celei orale sau interpretării reiese din faptul că ele sunt prezente în toate ramurile de activitate, în toate domeniile, tehnico-științifice, comerciale, educative, informative, politice etc., precum și cu ocazia reuniunilor la nivel înalt ori mai puțin protocolare [8, online].

Se poate vorbi despre două mari tipuri de traducere orală sau interpretare: 1) Interpretarea simultană constă în interpretarea unui discurs pe măsură ce se desfășoară. Interpretul, aflat în cabină, și beneficiarii discursului interpretat sunt echipați cu căști. Interpretul ascultă discursul vorbitorului în cască și îl traduce imediat, fără întrerupere, în limba țintă (limba spre care se efectuează traducerea). Interpretarea simultană este practică variată (cu pivot sau releu) pentru buna desfășurare și receptare a conferințelor și discursurilor care se adresează unui public numeros, dar și a reuniunilor multilingve. Interpretarea simultană este solicitată de întreprinderi și structuri guvernamentale pentru asigurarea desfășurării calitative a diverse tipuri de activități: congrese, conferințe, seminarii de formare, ședințe de consiliu, de comitet, reuniuni anuale, conferințe de presă; 2) Interpretarea consecutivă care se realizează prin traducerea consecutivă a intervențiilor vorbitorului, segmentate, în funcție de protocol, la fiecare 10 ori 15 minute. Interpretul notează structura discursului vorbitorului și, după încheierea intervenției, oferă traducerea din memorie și pe baza notițelor luate. Interpretarea consecutivă este folosită, în special, cu ocazia reuniunilor, banchetelor oficiale cu caracter festiv [6, online].

Pentru ca traducatorul să poată face față cu succes în cazul ambelor tipuri de traducere orală, el trebuie să aibă o pregătire profesională solidă ce ține de pronunție, să fie în stare să înțeleagă bine mesajul oral chiar și atunci când pronunția vorbitorului în limba sursă sau dificultăți de ordin tehnic nu permit deslușirea mesajului și nici contextul nu poate ajuta.

După cum se știe, procesul de traducere cuprinde două etape: 1. Decodificarea mesajului (înțelegerea sensului cu toate nuanțele lui în limba-sursă); 2. Codificarea mesajului (redarea sensului cu nuanțele lui în limba-țintă, ținându-se cont de particularitățile ei). Pentru a parcurge cele două etape cu succes este necesar de a cunoaște particularități semantico-structurale ale celor două limbi, dar și modul de gândire în ele, precum și aspectul socio-cultural al vieții popoarelor care le vorbesc. Se știe că analiza comparativ-contrastivă a limbilor permite de a descoperi trăsăturile lor care rămân neobservate la analiza descriptivă [13, p.26]. În plan didactic analiza comparativ-contrastivă contribuie la depistarea greșelilor tipice cauzate de interferența limbii materne la învățarea celei străine, dar și la efectuarea traducerii dintr-o limbă în alta, la determinarea motivației lor lingvistice și a căilor de preîntâmpinare și corectare a unor astfel de greșeli.

Ca rezultat al supravegherii procesului didactic, efectuată de noi în ultimii ani, au fost depistate un șir de greșeli tipice ale studenților vorbitori de limba română la îndeplinirea însărcinărilor de traducere în cadrul orelor de limbă engleză. Printre ele cele mai frecvente țin de diferența topicii în limbile engleză și română. De exemplu, *business-related issues* putea fi tradus ca *afacere ce se referă la probleme* în loc de *probleme referitoare la afaceri*. În limba engleză, mai ales în varianta americană a ei, în ultimul timp se observă tendința de a reda relații de cazul posesiv (corespunzând genitivului din română) la nielul noțiunilor inanimate prin inversie, deși există și modalitatea de redare cu ajutorul prepoziției *of* care corespunde prepoziției *de* din română. De asemenea se atestă ocurența greșelilor cauzate de așa-ziși prieteni falși: cuvântul *competition* a fost tradus ca *competiție* în loc de *concurență*, *market* – ca *market* în loc de *piață* etc. În limbile română și engleză, după cum se știe, sunt multe cuvinte care au aceleași forme dar semnificații diferite: *avertisment* (preîntâmpinare, rom.) – *advertisement* (publicitate, eng.), *a realiza* (a efectua, rom.) – *to realize* (a conștientiza, eng.), *a aplica* (a întrebuința, rom.) – *to apply* (a-și depune actele pentru serviciu, studii, eng.) etc.

Pentru a evita și a corecta astfel de greșeli, propunem următoarele sugestii metodico-didactice privind antrenarea abilităților și a deprinderilor de traducere: **Etapa I.** Antrenarea deprinderilor de traducere consecutivă: 1. Însușirea deprinderilor de traducere consecutivă: a) analiza lingvistică minuțioasă (lexicală, gramaticală, fonetică, ortografică) a textului din limba-sursă; b) redarea liberă, dar cât mai clară a conținutului/sensului textului dat în limba-țintă; c) cizelarea conținutului redat ținându-se cont de normele literare ale limbii-țintă. 2. Automatizarea deprinderilor de traducere consecutivă (prin însărcinări cu caracter repetativ bazate pe cele menționate în punctul precedent): a) lucrul asupra textelor pregătite din timp (ca tema pentru acasă); b) lucrul asupra textelor nepregătite din timp (exersarea traducerii spontane). **Etapa II.** Dezvoltarea deprinderilor de traducere simultană (aici menționăm că nu este posibil de a însuși deprinderi de traducere simultană fără a însuși mai întâi cele de traducere consecutivă).

Reieșind din cele expuse, conchidem că analiza comparativ-contrastivă a fonemelor limbii și sunetelor vorbirii sunt de un real folos în domeniul formării inițiale și continue a specialiștilor de limbi străine în general și a traducătorilor în special. Însușirea deprinderilor de traducere se bazează pe principiul „de la simplu la compus”: deprinderile de traducere simultană se bazează pe cele de traducere consecutivă, cele din urmă fiind condiționate de analiza comparativ-contrastivă a limbii-sursă și a celei țintă, care și stă la baza procesului de decodificare și codificare a mesajului.

Bibliografie:

1. Berejan, Silviu. „Studiarea confruntativ-contrastivă a microstructurilor lexicale”. *Revistă de Lingvistică și Știință Literară*, 1991, nr. 4, p.54-60.

2. *Cadrul european comun de referință pentru limbi: învățare, predare, evaluare*. Chișinău: S. n., 2003.
3. *Codul educației al Republicii Moldova*, nr. 152 din 17.07.2014. URL: <http://usmf.md/wp-content/uploads/2013/08/Codul-Educatiei.pdf> (accesat la 6.10.2015).
4. Danail, Sergiu; Timuș, Maria; Braniște, Gheorghe. „Unele aspecte privind posedarea și formarea competențelor limbajului profesional scris la studenții facultăților de educație fizică și sport”. *Știința culturii fizice*, 2010, nr. 6/3. URL: <http://www.usefs.md/PDF/Revista%20SCF/3-2010.pdf> (accesat la 15.11.2014).
5. Grozavu, Parascovia; Chirdeachin, Alexei. „Considerațiuni privind aplicarea analizei comparativ-contrastive în didactica traducerii”. *Traducerea între normă, uz și necesitate*. Materialele Conferinței științifico-practice internaționale, 31 martie 2007. Chișinău: CEP USM, 2008, p. 49-51.
6. Han, Bianca-Oana. *Traducere și globalizarea*. URL: http://www.upm.ro/facultăți_departamente/științe_litere/conferințe/situl_integrare_europeana/Lucrări3/romana/Texte_lib.rom4/56_Han.pdf (accesat la 25 februarie 2014).
7. Lado, Robert. *Linguistics Across Cultures. Applied Linguistics for Language Teachers*. Michigan: The University of Michigan Press, 1964.
8. Lungu Badea, Georgiana. *Traducerea și interpretarea sau cele două fețe ale aceleiași monede: comunicarea prin intermediar*. URL: http://www.litere.uvt.ro/vechi/documente_pdf/aticole/uniterm/uniterm3_2005/lbadea.pdf (accesat la 25 februarie 2014).
9. Organizarea procesului educațional la limba străină în anul de studii 2014-2015. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:KnJxDBeMAPIJ:educ-hincesti.starnet.md/dih/public/files/scris%2520met_limba%2520franceza%25202014.doc+&cd=14&hl=ru&ct=clnk&gl=md (accesat la 6.10.2015).
10. Rusu, Mina-Maria. „Competența de comunicare – perspective de abordare”. *Limba Română*, 2009, nr. 11-12. URL: <http://limbaromana.md/index.php?go=articole&n=797> (accesat la 15.11.2014).
11. Vicol, Marta Iuliana. *Dezvoltarea competențelor comunicative la studenți prin intermediul strategiilor didactice interactive*. Autoreferatul tezei de doctor în pedagogie. Chișinău, 2013.
12. Артёмов, В.А. *Психология обучения иностранным языкам*. Москва: Просвещение, 1969.
13. Бабырэ, Е.Д., Бабырэ, Н.М. «О необходимости сравнительно-сопоставительного и контрастивного исследования языков в научных и практических целях». *Лингвистические исследования научной, художественной и публицистической литературы*. Кишинёв: Штиинца, 1990, с.24-40.
14. Беляев, Б.В. «О применении принципа сознательности в обучении иностранному языку». *Психология в обучении иностранному языку*. Москва: Просвещение, 1967, с.5-17.
15. Щерба, Л.В. *Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики*. Москва: Высшая школа, 1974.

УДК 811.111'373.7'25:811.161.1:811.512.165

Nicolaeva Prascovia Dmitrievna

Master in Germanic Philology,
University Lecturer of Comrat State University,
Comrat, the Republic of Moldova,
Ph.D. Student, ULIM,
Chişinău, the Republic of Moldova
E-mail: nikolaevapr@rambler.ru

**ENGLISH EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT
“HEART” AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN AND GAGAUZIAN**

Annotation: The paper discusses emotive phraseological units of the English language with the component “heart”. The author gives their Russian and Gagauzian translation. The work defines what emotional state emotive phraseological units with the component “heart” represent. Two types of emotional state, positive and negative, are pointed out.

Key words: emotive, phraseological units, component “heart”, emotional state, positive, negative.

*“A loving **heart** is the truest wisdom”
(Charles Dickens)*

Studying the English language is a difficult task and a long process. In fact, this process becomes more difficult when you come across with the word combinations that are hard to understand if you translate them literally. We call them phraseological units (PUs). They are of paramount importance in the English language as they make it vivid and beautiful. “Phraseological units are a totally unique phenomenon in treasury of the language” [4, p.3]. They reflect people’s culture, their way of life, feelings, emotions, etc. “Phraseological units are habitually defined as non-motivated word-groups that cannot be freely made up in speech but are reproduced as ready-made units” [1, p.74].

There is no doubt, the English language has a plenty of phraseological units. Their active role in speech is obvious, as far as they make it colourful and attractive for hearing.

The goals of our research are to select English emotive PUs with the component “heart”, to give their Russian and Gagauzian translation and define what emotional state they represent. As for the subject of our research, we are going to study emotive PUs.

Emotions are important in people’s life. As far as emotions are expressed with the language, they represent a huge linguistic interest for many researchers. “Emotions turn out to be the main forms of emotional state” [2, p.59]. We can distinguish two types of emotional state: positive and negative. Thus, we shall have 1) phraseological units of the positive emotional state and 2) phraseological units of the negative emotional state.

Such positive emotions as joy, happiness, pleasure, love, cheer, compassion, fun, admiration, delight, calmness and others represent positive emotional state. Negative emotional state is represented by such negative emotions as hate, anger, contempt, envy, fear, grief, sadness, mockery, disappointment, discontent, irritation, threat, anxiety, exhaustion, desperation, offence, shame, etc. Having worked with the English phraseological dictionaries, we have found a great amount of emotive PUs with the component “heart” expressing both positive and negative emotional states.

The word “heart” means “the organ in the chest that sends blood around the body, usually on the left in humans” [4]. It is also associated with the emotional state of a person – “the place in a person where the feelings and emotions are thought to be...” [5]. In Russian the word “heart” means “*сердце*”, in Gagauzian – “*ürek*”.

For achieving ours goals we have followed next steps:

1. selecting English emotive PUs with the component “heart” from the phraseological dictionary;

2. translating them into Russian and Gagauzian;

3. defining what emotional state they represent;

4. giving our own example in the context.

Having worked with the phraseological dictionary by Kunin A.V., we have found the following English emotive PUs with the component “heart”.

- *After one's heart* – по душе, по сердцу [3, p. 372]; *üreenä görä*. The emotional state it represents is joy and it is positive. For example: We are going to have a party *after our heart*. (The party will bring joy).

- *be sick at heart* – тяжело на душе [3, p. 372]; *ürääm sızlêêr*. The emotional state it represents is grief and it is negative. For example: Sandra was *sick at heart* because her best friend betrayed her.

- *break one's heart* – убиваться, расстраиваться [3, p. 373]; *ürää daraldı*. The emotional state it represents is desperation and it is negative. For example: This poor boy *is breaking his heart* because he has so much homework to do.

- *break smb.'s heart* – разбить чье-либо сердце [3, p. 373]; *ürää kırmaa*. The emotional state it represents is disappointment and it is negative. For example: Don't *break my heart*! It is not my fault.

- *bring smb.'s heart into his mouth* – душа ушла в пятки [3, p. 373]; *ürää suudu*. The emotional state it represents is fear and it is negative. For example: That strange man *brought Jane's heart into her mouth*.

- *do smb.'s heart good* – радовать сердце [3, p. 373]; *ürää sevindirmää*. The emotional state it represents is delight and it is positive. For example: It *does my heart good* to see how helpful you are.

- *eat one's heart out* – изводить себя [3, p. 373]; *üreeni imää*. The emotional state it represents is exhaustion and it is negative. For example: I know you always *eat your heart out*.

- *harden one's heart* – ожесточиться [3, p. 373]; *taş ürekli olmaa*. The emotional state it represents is indifference and it is negative. For example: It was difficult for him to forgive, but he managed to *harden his heart* and forgave his friend.

- *have a soft corner in one's heart for somebody* – сочувствовать [3, p. 374]; *ürää yanêr*. The emotional state it represents is compassion and it is positive. For example: Susan is very busy these days. Her mother *has a soft corner in her heart for her little girl*.

- *keep a good heart* – не падать духом [3, p. 375]; *üreeni raatlamaa*. The emotional state it represents is cheer and it is positive. For example: My mother asked me *to keep a good heart* and promised me to help with cooking.

- *lie at smb.'s heart* – тяготить душу [3, p. 375]; *üreenä dokunmak*. The emotional state it represents is discontent and it is negative. For example: Pupils' disobedience *lies at my heart*. I cannot help this.

- *lose heart* – падать духом [3, p. 375]; *üreeni kaybetmää*. The emotional state it represents is desperation and it is negative. For example: His business went bad and that is why he *lost heart*.

- *lose one's heart to smb. (smth.)* – воспылать любовью [3, p. 375]; *üreemä yattı*. The emotional state it represents is love and it is positive. For example: He is so attentive. He seems to have *lost his heart to me*.

- *make smb.'s heart bleed* – заставить сердце кровью обливаться [3, p. 375]; *üreeni kanatmaa*. The emotional state it represents is anxiety and it is negative. For example: Children, having no parents, *make my heart bleed*.

- *one's heart goes out to smb.* – испытывать теплое чувство к кому-либо [3, p. 375]; *ürääm koptu onun için*. The emotional state it represents is compassion and it is positive. For example: *My heart went out to Nancy* as she was so naïve.

- *one's heart is broken* – сердце разбито [3, p. 375]; kırık ürek. The emotional state it represents is desperation and it is negative. For example: *My heart is broken* and nothing can help me.

- *put heart in smb.* – подбодрить кого-нибудь [3, p. 376]; üreeni sevindirmää. The emotional state it represents is cheer and it is positive. For example: It *puts heart in me* to work with you.

Summing up, we can say that seventeen emotive phraseological units have been selected from the dictionary by Kunin A.V. They have been translated into Russian and Gagauzian, their emotional state has been defined. Now, we can state that the component 'heart' is the part of emotive phraseological units. Both positive and negative emotions can be expressed by them. According to our analysis, negative emotions prevail (10 out of 17). As for the translation, Russian translation has been given by Kunin A.V and the Gagauzian one has been done by us. It becomes evident that the component 'heart' can be found in all seventeen translated into Gagauzian emotive phraseological units. In Russian translation the 'heart' component can be noticed just in five emotive phraseological units.

Bibliography:

1. Ginzburg R.S. A Course in Modern English Lexicology. – Moscow: Высшая школа, 1979.
2. Gordienko Yulia. Lexical Means of Expressing Emotional State in English. Научный журнал, 2014, № 2, p.59-67.
3. Kunin A.V., English-Russian Phraseological Dictionary. - Moscow, 1984. – 944 p.
4. Котова М.А. Словарь фразеологизмов. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 255 с.
5. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

CZU 81'276.3-053.6:811.112.2:811.111

Elena MILCAN,
Master, Hochschuldozentin
Komrater staatliche Universität
Sofia SULAC,
PhD, Associate Professor
Komrater staatliche Universität,
M. Marunevici Wissenschaftszentrum

PHÄNOMEN VON *DENGLISH* ALS WISSENSCHAFTSTREND

Абстракт: В статье рассматривается формирование современного молодёжного языка *Денглиш*, комбинация немецкого и английского языков.

Ключевые слова: *Денглиш*, влияние, англицизмы, молодёжный язык.

„Wie cool ist das neue Popgirl!“
„Man muss zuerst online sein, um Internet benutzen zu können“.
„Der neue Beautystyle garantiert einen schönen Look!“

Die Sprache ist ein mobiles System. Es verändert und entwickelt sich mit der Entwicklung der Geschichte und des Denkens der Menschen, die die Sprache sprechen. Das Deutsche wurde schon immer von anderen Sprachen beeinflusst, insbesondere von Latein und Griechisch (das Datum, der Genitiv, komponieren); das Auto, der Chor, die Photographie, und heute, im Zeitalter der Globalisierung, steht es wie viele andere Sprachen unter dem Druck des Englischen.

Eines der Merkmale des modernen Deutschen ist die Fülle von Anleihen aus dem Englischen. In der Lexikologie werden diese Anleihen als AngloAmerikanismus bezeichnet, obwohl die meisten Linguisten glauben, dass der Begriff *Anglizismus* angemessener ist, weil er sich

immer noch um Englisch dreht, selbst in seiner amerikanischen Version [3; S.29]. Völlig ungerechtfertigte Behandlung, insbesondere bei jungen Menschen, in der Sprache der modernen Massenmedien, um die englischen Lexikon-Einheiten erlauben es uns, über die Entstehung eines neuen Systems zu sprechen. Die Bildung namens "Denglisch" (eine Kombination aus *Deutsch* und *Englisch*) ist ein Konzept der deutschen Sprache, das der Kritik des übermäßigen Gebrauchs von Anglizismen und imaginären englischen Wörtern und Ausdrücken auf Deutsch oder die Erstellung von künstlichen englischen Wörtern im Inneren dient, wie z.B. "Showmaster", der einen TV Moderator bezeichnet, "Handy" ist ein englischer Begriff, der auf Deutsch verzerrt ist. In Deutschland bedeutet "Handy" "das Mobiltelefon", während im Englischen das Wort "einfach zu bedienen; wendig" bedeutet.

Heute ist Denglisch eine englisch geprägte, leicht zu entwertende Form des Deutschen, die Wörter, Phrasen und grammatikalische Strukturen des Englischen enthält, die bereits im letzten Jahrhundert in Mode kam, die heute weit verbreitet ist.

Der Einfluss des Anglizismus auf die deutsche Sprache geht über das Vokabularniveau hinaus, erstreckt sich auf die Grammatik und verändert die Struktur des deutschen Satzes. So dringt beispielsweise das englische Verb "download" mutig in die deutsche Sprache ein und ändert das deutsche "herunterladen" (*download, download*) in "downloaden". In anderen Fällen wird nur die Wurzel des englischen Wortes genommen: "ausgepowert (von englischer *Power* - *Macht*) - erschöpft, (deutsch *ausgelaugt*).

DENGLISCH und Deutsche Grammatik

Die grammatikalischen Strukturen der deutschen Sprache werden durch die englische ersetzt:

In Englisch, in Deutsch (statt "auf Englisch", "auf Deutsch");

Das macht Sinn (statt: "das hat Sinn");

Etwas erinnern, ich erinnere etwas (statt: sich an etwas erinnern, ich erinnere mich an etwas);

Nicht wirklich (statt: eigentlich nicht); auf Englisch "not really"

In Irak, in Iran (statt: im Irak, im Iran); auf Englisch "in Iraq, Iran".

Die Verwendung eines Apostrophs:

Wikipedia's Gestaltung (*Wikipedia's design*) statt *Wikipedias Gestaltung*.

Wenn das englische Substantiv "Hobby" (Hobby, Lieblingsaktivität, Deutsch "die Freizeitbeschäftigung, das Steckenpferd") in Plural das deutsche Wort "die Freizeitbeschäftigung, das Steckenpferd") in der Plural hat die Form eines Hobbies, aber auf Deutsch heißt es "die Hobbys" [1; S. 98].

Bei dieser Gelegenheit hat der deutsche Sprachwissenschaftler Bastian Zick, Autor einer Buchreihe unter dem Titel "Der Dativ ist der Genitiv sein Tod" - in seinen Artikeln auf Deutsch gesagt: "Ein Freund von mir hat kürzlich behauptet, dass die meisten Wörter wie "Geschichte" im Plural sollten um mit -ies (Geschichten) zu schreiben. Und er hätte Recht, wenn er in London leben würde. Aber wenn du es bist, leben auf deutschem Boden, in einer deutschen Wohnung, wo die Regale mit deutschen Büchern gefüllt sind, ist eine Illusion. Ausleihe aus dem Englischen die Wörter, die mit -y enden, fügen einfach -s zum Plural hinzu: Babys, Hobbys, Ladys, Lobbys, Partys, Ponys, sowie Storys, "y" bleibt erhalten unveränderlich"[4; S.37].

So wird nach Bastian Zeke, die Priorität der englischen Grammatik in der Werbung auf deutschen Straßen, in der Konversationsrede führt zu Missverständnissen und Chaos.

Heute ist ein statistisch gebildeter Deutscher leicht bereit, seine Muttersprache aufzugeben und die englische Sprache zu verwenden, obwohl dies nicht notwendig ist. Viele Deutsche glauben, dass das Hauptargument für den Schutz der englischen Sprache darin besteht, dass sie einfacher und verständlicher zu bedienen sind, insbesondere das Computervokabular. Aber in Wirklichkeit ist der Bereich des Gebrauchs der englischen Sprache nicht ausschließlich auf neue wissenschaftliche Vokabeln und hohe Standards beschränkt Technologie.

All dies hat zur Entstehung einer Art Jargon geführt, der in Deutschland sehr verbreitet ist - Englisch. Das Englisch kam aus einer Mischung von Deutsch + Englisch = Denisch, (einige Linguisten nennen es *Neudeutsch*, *Neues Deutsch* [3; S.95]. In Denglisch kann der Anglo-Amerikanismus bis zu 30% des verwendeten Lexikons haben. Man sollte auch auf den Namen *Denglish* selbst achten, da Deutsch nur noch einen einzigen Buchstaben *D* hat.

Wissenschaftler befürchten, dass sie nach einiger Zeit in Deutschland eine Sprache sprechen werden, die von den heutigen Deutschen nicht verstanden wird. Für die Reinheit der Sprache wurde der Jacob-Grimm-Preis in Deutschland gegen Denglisch vergeben. Erster Preisträger war 2001 der Schriftsteller Rolf Hohlhuth. Es sei darauf hingewiesen, dass der Kampf um die Reinheit der deutschen Sprache bereits zu signifikanten Ergebnissen geführt hat. In Deutschland gibt es jetzt einen klaren Trend zurück zur deutschen Sprache in der Werbebranche, als die großen Werbeagenturen schließlich erkannten, dass die überwiegende Mehrheit der Deutschen ernsthafte Probleme mit dem Verständnis einer so geschickten und ungeschickten Person Englisch (Denglisch) hat.

Der Gewinnmarsch des Anglizismus kann in der Welt der Wirtschaft nicht gestoppt werden. Fast jedes zweite neue Wort wird aus dem Englischen übernommen. Bedeutet das, dass die Deutschen ihre Muttersprache aufgeben? Natürlich nicht. Es sei daran erinnert, dass es bei der Kommunikation im wirtschaftlichen Bereich gemeinsame internationale Begriffe wie "*Meeting*", "*Business*", "*Distributor*" gibt. Es ist eine gute Idee, Folgendes von Anglizismen im wirtschaftlichen Bereich zu verwenden, wenn sie inhaltlich klar abgegrenzt sind und sich in der internationalen Presse begründet haben [2; S.132].

Viele namhafte deutsche Unternehmen haben ihre eigenen Unternehmen auf der ganzen Welt, wo sie aus offensichtlichen wirtschaftlichen Gründen arbeiten, die örtliche Bevölkerung der betroffenen Länder. So ist beispielsweise die Unternehmensgruppe des deutschen Konsumgüterherstellers Henkel mit Sitz in Deutschland ein globales Unternehmen, die mit ihren Mitarbeitern in mehr als 125 Ländern vertreten ist. In seinen Werbeartikeln präsentiert er sich als englische Slogans, wie z.B. "*Henkel - A Brand like a Friend*", was angemessener und passender für Kunden außerhalb Deutschlands verständlich als auf Deutsch ist. In solchen Fällen wäre ihre deutsche Version verwirrend, verwirrend und würde das gesteckte Ziel nicht erreichen.

Es ist jedoch notwendig, zwischen Alltagskommunikation, gesprochener Sprache und Sprachkultur als Kulturgut zu unterscheiden. Wenn jedoch die Verwendung eines Sprachhybrids namens Denglisch nicht eingestellt wird, wird die deutsche Sprache einfach verschwinden und das ist keine Übertreibung.

Jetzt kann man auf Schritt und Tritt in jeder deutschen Stadt englische Wörter finden wie:

Coffe to go (Kaffee zum Mitnehmen), *Germany* (Deutschland, global (weltweit), *Service* (Dienstleistung, Kundendienst), *Office* (Büro, Arbeitszimmer, Dienstzimmer, Amt), *Schuldenaudit* (Schuldenprüfung).

Die Titel vieler amerikanischer Filme, die nicht mehr ins Deutsche übersetzt werden: *Ice Age* wird nicht ins Deutsche übersetzt, bleibt in der Originalsprache. Die Speisekarte der Fast-Food-Unternehmen der Welt bleibt unübersetzt oder wird teilweise übersetzt: *Double Whopper* oder Doppel-Whopper mit leckerem Bacon und Cheddar Cheese.

Auch die Kosmetologie und chemische Industrie verwendet viele englische Einschüsse: *Double Action Waschgel*, *Vitalisierendes Peeling*, *Energy Creme Q10*, *Oil Control Gel Creme*, *Oil Control Waschgel*, *Neutrogena Visibly Clear AntiMitesser Peeling*, *Ariel Sproodles*, *Color Waschmittel* statt '*Farbwaschmittel*' oder '*Waschmittel für Farbiges*'.

Man soll zwischen Anglizismen und Denglisch unterscheiden. Anglizismen sind aus der englischen Sprache entlehnte Wörter, meist Substantive und Substantivverben (*E-Mail*, *Messenger*, *Laptop*, *Workshop*), die oft in ihrer stilistischen Färbung neutral sind. Natürlich ist es harmlos, ein

Handy "Handy" (deutsch: das Handsprechfunkgerät) anzurufen oder mit Freunden online mit dem Wort "Chatten" zu kommunizieren.

Viel schlimmer ist es, wenn Anglizismen durch deutsche Äquivalente ersetzt werden, wie die vielfältigen Formen der neuen denglischen Sprache zeigen. Es werden nicht nur Substantive, sondern auch Verben mit Adjektiven verwendet. Zum Beispiel:

Das ist eine stylische Hose. (Das ist eine modische, schöne Hose).

Mit Jamba können Sie Klingeltöne, Logos und Spiele direk aufs Handy downloaden.

Der Verein Deutsche Sprache e.V. ist in Deutschland tätig. Eine Gesellschaft für deutsche Sprache, die aktiv für die Reinheit der deutschen Sprache gegen das Englische kämpft. Es ist daher zu hoffen, dass die deutsche Sprache im Zeitalter der Globalisierung ihre Individualität nicht verliert und Deutschland seine Nationalsprache bewahren kann. «Jede Sprache ist die Brille, durch die wir die Welt betrachten, und je nach Brille sieht die Welt mal so und mal anders aus».

Hoffentlich wird die deutsche Sprache in diesem Jahrhundert der Globalisierung in der Lage sein, ihre Identität zu bewahren und Deutschland wird in der Lage sein, seine eigene Identität, die Landessprache zu bewahren. Nur die Deutschen selbst können diesen negativen Prozess beenden, in dem sie tägliches und stundenweises Deutsch sprechen, und nur sie selbst die richtige Wahl treffen können, *Denglisch* oder Deutsch auszuwählen.

Bibliographie:

1. Carstensen, Broder „Babys“ oder „Babies“? Zum Plural englischer Wörter im Deutschen // Muttersprache (1982a), S. 200–215
2. Бабаянц, В.А. Англицизмы в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство «Грамота», 2015. – № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. – С. 27-29. – ISSN 1997-2911.
3. Зиммлер Ф. Функциональные и синтаксические особенности спортивных текстов // Языковые единицы в речевой коммуникации. – Л.: Изд-во ун-та, 2014. – С. 93 - 105.
4. Кулькова, М.А. Лексикология современного немецкого языка – Казань, 2014. – 53 с.

УДК 811.111'373

Sciuchina Olga,
conf.univ.dr,
Comrat State University
E-mail: o.shchukina@gmail.com

ENGLISH VOCABULARY AS A COMPLEX, EVOLVING SYSTEM, AND A RESULT OF LINGUISTIC CHANGE

Annotation: Language as any living organism is constantly evolving, enriching itself with various language means. The article draws attention mostly at vocabulary change as a result of linguistic and extralinguistic factors. A well-developed word stock of English is seen as a result of a number of inner and outer processes.

Key words: lexical change, English vocabulary, variation, analogy formation, linguistic factors, extralinguistic factors

Аннотация. Язык как любой живой организм постоянно развивается, обогащаясь различными языковыми средствами. Данная статья касается в основном лексических изменений в результате лингвистических и экстралингвистических факторов. Развитая лексическая система английского языка рассматривается как результат ряда внутренних и внешних процессов.

Ключевые слова: лексические изменения, английская лексика, вариация, формирование аналогий, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы

Language is viewed as a system because it consists of a great number of units, being related to each other, and forming a kind of unity. Besides, any language being a social phenomenon, presents a dynamic system. "There are many factors influencing the rate at which language changes, including the attitudes of the speakers toward borrowing and change. "When most members of a speech community value novelty, for example, their language will change more quickly. When most members of a speech community value stability, then their language will change more slowly" [3].

Any vocabulary of a living language is never stable but is constantly changing, growing and decaying. As any system changes so the speech in that community, which is partly determined by it, also changes. "The important thing to remember about change is that, as long as people are using a language, that language will undergo some change" [3].

The transformations within a language take place on different levels – phonetic, morphemic, lexical, syntactic, etc. – and the first three are the layers that are most susceptible to change, which may be evident even to one certain generation. Syntactic changes are somewhat slower and they are identified mainly with the help of written texts. The most flexible is considered to be the lexical system of language, changing dynamically and constantly along with the development of a particular language society.

Focusing only on the vocabulary, languages constantly renew themselves by discarding unnecessary words, changing the meaning of existing words, by creating or borrowing new lexical items. Lexical changes are considered to be the most visible, for it is when we meet a new word, misunderstanding may appear. A new unknown word as a rule draws attention, makes a person think over or guess its meaning, denotative and connotative. "But, in some areas of vocabulary, particular words closely related to rapid cultural change are subject to equally rapid and therefore noticeable changes within a generation or even within a decade. In the 20th century the vocabulary of science and technology was an outstanding example" [6].

Usually the main principles of language evolvability are listed in the following way:

- economizing of pronunciation efforts - the desire to achieve the goal with minimal effort leads to the reduction of the meaning expression means to certain limits;
- principle of language analogy - assimilation of one language unit to another;
- influence of extralinguistic factors, for example, borrowings.

New words appear as a result of different processes. The changes occurring in the vocabulary are due to linguistic and non-linguistic causes, but in most cases to the combination of both. Words may drop out altogether as a result of the disappearance of the actual objects they denote.

"We can begin by dividing proposed causes of change into two broad categories. On the one hand, there are external sociolinguistic factors — that is, social factors outside the language system. On the other hand, there are internal psycholinguistic ones — that is, linguistic and psychological factors which reside in the structure of the language and the minds of the speakers" [1, pp 144-147].

Internal mechanisms of language change are closely connected, first of all, with the process of variation, secondly, with the sources of language self-development – antinomies.

Language – speech distinctions are essential in the respect of analyzing variations. Since, language, has a social character, and is a stable part of speech activity, speech is characterized by personal, individual features. Speech is considered to represent different versions of language realization. The process of variants' functioning in a language is linguistic variation. Variation might be normative – inside the linguistic norm, and outside the linguistic norm.

"Variation is one of the most immediately obvious facts about meaning. Everyone is aware of how the meaning of identical expressions can differ from one person to another, sometimes significantly" [5, pp 369-422].

Variation is a result of native speakers' speech practice and can characterize linguistic units of all levels. Variation prepares conditions for changes in language system and is seen as a basis for language evolution

Usually semantic and formal types of language variation are identified. Semantic variation is defined as a type of variation on the level of meaning alongside with unchangeable level of expression. It is connected with individual psychological peculiarities of speech, with individual possibilities of using linguistic units in speech. Language variants are characterized by abstract meaning, common for all language users.

Formal variation is variation of expression level, when meaning level is unchangeable. Formal variants can be phonetic, grammatical (changing words and forming new words), and syntactic. There are also lexical variants – semantically identical units, which are variants of one and the same word with insufficient modification of pronunciation form.

Reasons for formal variants are the following: influence of regional and professional dialects; analogy; borrowings. Variations of a language are in constant contact in the process of language evolution.

Analogy is defined as the word-formation process whereby a new word is coined that is either based on a precise actual model word, or obtained after a set of concrete prototype words which share the same formation (i.e. series) or some of their bases/stems (i.e. word family) [2].

Most linguists admit that both linguistic and extralinguistic, external factors influence the process of language evolution. A language changes not only because it has a phenomenon of self-development, but also because the society changes, types and forms of communication change, the consciousness and mental processes of a person change. The main function of a language, communicative, needs the changing world to be depicted in the language.

Among a great number of extralinguistic factors, it is necessary to pay special attention to those, which are essential for linguistic change. Usually great historic event of the nation, speaking a certain language have reflection in that language. For example, everybody knows and uses a great number of French words, appearing in the language as a result of Norman Conquest. The appearance of a great number of new words and the development of new meanings in the words already available in the language may be largely accounted for by the rapid flow of events, the progress of science and technology and emergence of new concepts in different fields of human activity.

Another example is produced in one of the researches; it describes the development of the English language in terms of neologisms which emerged as a result of various military conflicts of the XX and XXI centuries, in which English-speaking countries participated. An analysis is made of how because of the military-political circumstances such conflicts resulted in the emergence of neologisms reflecting certain realities as experienced by English speakers. Such new words and expressions, as *weapons of mass deception*, *regime change*, *cold war*, *total war*, *proxy wars*, *axis of evil*, entered the language in various periods of history as a result of military conflicts [1, pp 144-147].

Another important factor is, influencing language change, is development of technologies, connected with speech practice. A great influence over English vocabulary, for example, was the invention of book printing. The invention made it possible for destitution between oral and written language, for national literal language formation, for the process of adopting linguistic norms.

Linguists assume that external motivation has now taken its place alongside internal motivation in explanations for language change. However, despite its increasing recognition as a trigger for change, contact still seems to be given second place behind internal motivation.

The size of the English vocabulary has some wonderful advantages. Although it may be true that any concept can be expressed in any language, a language can make the process easier or harder by providing or not providing appropriate words. Thanks to the well-developed word stock of English, English speakers have a head start over speakers of other languages in being able to express themselves clearly and concisely. Whether one uses this head start to advantage or not is, of course, up to the individual, but speakers with a good command of vocabulary can say things in

more subtly different (and, hence, often more effective) ways than others can, and this ability is noticed.

“A language such as English, which is the national tongue of numerous countries spread all over the world, must mirror the diversity of its speakers in all aspects of its development. This holds true for the constant appearance of new words. Within the national versions of English – in Britain, or Australia or the USA or wherever the English language is the main communications medium of the culture - there are neologisms which are purely local in origin, but there are also borrowings of the latest inventions in other varieties of English” [1, pp 144 – 147].

Thus, English language can be viewed as a good example of a dynamically evolving language with a highly productive lexical system. New words appear in the media and in everyday communication as a result of a wide range of reasons. The vocabulary turnover in English has been quite remarkable; etymologically, the English we speak now does not look like the offspring of Old English at all. With a growth of migration and social changes in recent years, as well as with the spread of the Internet, we have been witnessing an intensive influx of new words into the English vocabulary.

Bibliography:

1. Aitchison, Jean, Language Change: Progress or Decay? 3rd ed. Cambridge University Press, 2001
2. Mattiello, Elisa.; Analogy in Word-formation: A Study of English Neologisms and Occasionalisms. 2017 Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston.
3. Ottenheimer, Harriet Joseph The Anthropology of Language: An Introduction to Linguistic Anthropology, 2nd ed. Wadsworth, 2009
4. Paterson, Alasdair. New Words, New World Order: the Vocabulary of Global Warfare. Procedia - Social and Behavioral Sciences 154 (2014) 144 –147
5. Riemer, Nick. Semantic variation and change. Cambridge University Press. pp 369-422. <https://www.cambridge.org/core/books/introducing-semantics/semantic-variation-and-change/4FF93733218BED10BDA93666C55D07EF>
6. <https://www.britannica.com/topic/language/Linguistic-change>

SZU 811. 111’ 374

Sciuchina Olga Victor,
profesor universitar, KGU
E-mail: o.shchukina@gmail.com

CARACTERISTICILE PRINCIPALE ALE LEXICOGRAFIEI AMERICANE ÎN PRIMELE ETAPE DE DEZVOLTARE

Annotation: The article deals with aspects of American lexicography historical development; dictionaries, compiled by first American lexicographers - Samuel Johnson and Noah Webster are paid special attention in the article.

Keywords: American lexicography, American dictionaries, school dictionaries, reprinted dictionaries, Americanisms.

Lexicografia americană a început să se dezvolte mai târziu de cât lexicografia engleză. După cum menționează Steger S.A., "o comparație a unui dicționar modern cu dicționarele anterioare și intermediare va arăta că știința lexicografiei a avut o creștere lentă. Nu mai devreme de a treia decadă a secolului al XVIII-lea sa făcut o încercare de a include toate cuvintele din limba engleză "[5, p.1]. Aproximativ atunci, dicționarele engleze au început să apară în America.

Trebuie menționat că dicționarele americane de la sfârșitul secolului al XVIII-lea până în anii treizeci ai secolului al XIX-lea au fost publicate aproape pentru uzul special în școli. Primele ediții

lexicografice erau doar compilații ale dicționarilor explicative din limba engleză din secolul al XVIII-lea.

Noah Webster, fără îndoială, este considerat cel mai cunoscut lexicograf american, dar nu primul lexicograf din America. Înainte de publicarea *Dicționarului său comprehensiv* în 1806, cel puțin patru lexiconi mici, una dintre ele în două ediții, fuseseră compilate și emise de americani.

Gibson M.J. prezintă lista celor patru ediții următoare [2, p. 283].

(a) Johnson, Samuel Jr., Un dicționar școlar ... [n.d.] New Haven. [Copyright 1796; publicație 1798] 24 luni, 12 + 198 pp.

(b) Elliott, John și Johnson, Samuel Jr., Un pronunțat t și accentuat Dicționar ... Suffield [Conn.] MDCCC x11 x 131/2 cm., 16 + 223 pp.

(c) Elliott, John și Johnson, Samuel Jr., Un pronunțat și accentuat Dicționar ... Suffield [Conn.] 1800. [A doua ediție a b.] 11 x 131/2 cm. 32 + 203 pp. (D) Alexander, Caleb, Dicționarul Columbian al limbii engleze ... Boston, 1800. 1312 x 121 / 2cm. 556 pp.

(e) Woodbridge, William, o cheie pentru limba engleză ... Middletown [Conn.] 1801. 12 luni. IV, 348 pp.

Începutul lexicografiei americane este de obicei datată fie în perioada în care dicționarele engleze au apărut reproduce pe teritoriul SUA, fie în perioada în care primele dicționare au început să fie compuse și publicate în SUA. În primul caz, un important eveniment este un dicționar britanic "*Ghidul limbii engleze*", care este compus de William Perry, care a fost retipărit în Massachusetts în anul 1788. Acesta a fost unul dintre dicționarele importate în coloniile americane din Marea Britanie în ultima parte a secolul al XVIII-lea. Este considerat a fi primul dicționar tipărit în Statele Unite.

Dicționarele engleze, scrise de cercetători americani sau editate și publicate în Statele Unite, sunt considerate că sau început cu un *Dicționar școlar compilat* de un profesor de la Connecticut, Samuel Johnson în anul 1798. "Pare ciudat că primul nume din lexicografia americană ar trebui să fie acela de Samuel Johnson, Jr., cu toate acestea, în nici un fel legat de marele lexicograf englez"[5, p. 18]. O carte mică intitulată "*Un Dicționar Școlar*" conținea 4100 de cuvinte cu părți ale discursului și definiții succinte despre etimologie. Pe lângă introducere, se explică simbolurile adaptate pentru a indica vocalul și pronunția vocală.

A. Steger spune că dicționarul "nu prezintă inovații și nici îmbunătățiri ale lucrărilor anterioare în limba engleză. Nu este altceva decât un sinopsis, un compendiu al operelor existente, minus o serie de merite, lipsit de individualitate și urmând calea bătută a lexicografiei". Dar "ca pion al lexicografiei americane, el ar trebui să primească recunoașterea corespunzătoare pentru un dicționar școlar bine conceput și executat cu grijă" [5, p. 23].

"Stimularea șefului lui Johnson, fără îndoială, în realizarea primului său proiect, *Dicționarul școlar* din anul 1798, era cea de necesitate practică. Pedagogia acelei zile a pus mare accent pe ortografia și parsarea, ambele căutări în care dicționarul era privit ca un ajutor indispensabil. Dorința de a găsi un dicționar, de aceea, suficient de mic pentru folosirea de către elevii școlii, și suficient de ieftin pentru a se afla în ghilimele de "învățați" într-un oraș cu puțină avere a fost nevoia "[2, p. 286].

O altă carte "*Un dicționar selectiv și accentuat*" a aceluiași autor cu John Eliott a fost publicată în anul 1800, care a arătat deja unele semne de americanizare. "A inclus americanizme precum *tomahawk* și *wampum*" [1, p. 6]. În acest dicționar, direcția puristă, care sa manifestat atât de viu în Anglia în această perioadă, a fost destul de clar definită. Autorii acestui dicționar au exclus mai multe cuvinte incluse în edițiile anterioare, deoarece consideră că aceste unități lexicale sunt cuvinte vulgare, neliterare. După cum rezultă din numele dicționarului, o mulțime de atenție a fost acordată pronunției.

"Anul 1800 a văzut, de asemenea, apariția *Dicționarului Columbian al limbii engleze* din Caleb Alexander. Această lucrare aproape că a triplat numărul de intrări în lexiconul Johnson-Elliott; a inclus mult mai multe americanizme: *cent, dime, dolar, Yankee*, etc. "[1, p. 6].

Cele mai renumite dicționare americane, totuși, sunt dicționarele lui Noah Webster. Numele Webster, la urma urmei în America, este aproape sinonim cu dicționarul. Noah Webster a fost considerat tatăl lexicografiei americane, o persoană care a apărut dreptul americanilor de a-și crea propriile cuvinte. N. Webster a realizat importanța limbajului pentru dezvoltarea unei națiuni și și-a dedicat energia pentru a da englezilor americani statutul de limbă independentă, distinctă de engleza britanică.

"Noah Webster este cel mai important lexicograf din istoria lexicografiei americane, iar influența sa asupra cursului său ulterior este cu siguranță mai mare decât cea a lui Johnson pe lexicografia engleză" [2, p. 182]. "Webster a ajuns la lexicografia relativă târziu în viață. El a publicat primul său dicționar la vârsta de patruzeci și opt de ani, când durata medie a vieții a fost de aproximativ jumătate față de cea de azi și a avut șaptezeci de ani când a doua sa mare lucrare, *Dicționarul american al limbii engleze*, a fost publicată în anul 1828" [3, p. 183]. În SUA, activitatea lexicografică a fost neîncetată din 1828.

În 1806, șase ani după dicționarul școlii lui Johnson, Webster a publicat primul său dicționar, de dimensiuni reduse (aproximativ 400 de pagini), numit *Dicționar comprehensiv al limbii engleze*. "Primul dicționar al lui Noah Webster, *Un dicționar comprehensiv al limbii engleze* (1806), un dicționar modest, mic, de aproximativ 400 de pagini, a fost primul dicționar de orice importanță produs de un american" [3, p. 217]. Cu toate acestea, Sidney I. Landau dă următoarea evaluare în acest dicționar: "Dicționarul însuși, deși mai mare decât oricare dintre predecesorii săi americani, nu este foarte impresionant, cu definiții foarte scurte și fără etimologii" [3, p. 217].

În 1828, în New York, a apărut faimosul său "*Dicționar american al limbii engleze*" în 2 volume, numit capodoperă de mulți lingviști. Deși se consideră că are multe slăbiciuni evidente, acest dicționar, creând norme englezești americane, a susținut numeroase ediții revizuite și extinse. Dicționarul Webster sa bucurat de o mare popularitate de la primele sale ediții, datorată nu numai exactității și clarității definițiilor, ci și bogăției informațiilor suplimentare de caracter enciclopedic, care deveniseră o tradiție în lexicografia americană.

Activitatea lui Webster este considerată a avea un impact enorm asupra ortografiei americane și a întărit diferența față de cea britanică (de exemplu, ortografia americană a cuvintelor de *culoare*, *vagon*, *centru*, *apărare*, *anvelope*, și corespondența lor britanică, *culoare*, *vagon*, *centru*, *obosi*). Deși considerațiile lui Webster despre originea cuvintelor pot fi uneori puse sub semnul întrebării și sunt considerate a fi principala sa slăbiciune, interpretările lui au fost însă foarte practice și el a făcut observații doar ocazional.

Dicționarul Webster a fost reprodus de zeci de ori, împreună cu dicționarele din SUA, există și alte dicționare de succes, care fac linii de dicționare sau familii.

Dezvoltarea ulterioară a lexicografiei americane a dat o mulțime de lucrări lexicografice, care sunt de interes indiscutabil pentru lingviști, care sunt implicați în istoria vocabularului de formare a limbii engleze americane.

Bibliografie:

1. Benson M. *Lexicographic Description of English*. John Benjamins Publishing Company, 1986. ProQuestEbook Central, <http://ebookcentral.proquest.com/lib/gasouthern/detail.action?docID=752585>.- 12p.
2. Gibson M. J. *America's First Lexicographer: Samuel Johnson Jr., 1757-1836*. American Speech, Vol. 11, No. 4 (Dec., 1936), pp. 283-292.
3. Landau S.I. Johnson's influence on Webster and Worcester in early American lexicography New York City International Journal of Lexicography, Vol. 18 No. 2/2005 Oxford University Press.- 13p.
4. Landau S. Major American dictionaries. / *The Oxford History of English Lexicography*. Oxford University Press, 2009. APA (American Psychological Assoc.) Cowie, A. P. (2009). – 467 p.
5. Steger S.A. *American dictionaries*. Baltimore, J.H. Furst Company, 1913.- 163p.

УДК 81'276:811.111:811.161.1

Ангели Алина Дмитриевна,
магистр, лектор университет КГУ,
докторант ULM,
г. Комрат, РМ
E-mail: mein_mail@inbox.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Annotation: This article discusses the semantic characteristics of slang expressions of the English and Russian languages and their equivalents, since there is a very close relationship between the English language and the Russian language. Nowadays borrowing from the English language into the Russian language has become very relevant, thereby greatly influencing the development of the language as a whole.

Key-words: slang, slang expressions, borrowing, development of the language.

Сленг – это неотъемлемая часть любого языка, это отражение культуры каждого народа. Сленг является «прародителем» изменений, которые происходят в любом языке.

Сленг - это отражение повседневной жизни человека, как части общества, инструмент для взаимодействия с социумом. Это яркий аспект лексики любого языка, характеризующий образ жизни определённых слоев общества, таких как: молодёжь, подростки, специалисты узкой направленности, и т. д.

В этой статье будут рассмотрены семантические характеристики сленговых выражений английского и русского языков их эквивалентов, так как существует тесная взаимосвязь между английским языком и русским языком. На сегодняшний день очень актуальны стали заимствования, которые переходят в русский язык из английского языка, тем самым оказывая огромное влияние на развитие языка в целом.

Современные технологии, социальные сети, доступность интернета позволяют устоявшимся выражениям английского языка «перекочевывать» из английского в русский. Поэтому очень важно установить чёткую взаимосвязь между английским и русским языком в контексте сленговых выражений.

Если мы сможем понять истоки сленговых выражений в русском языке через изучение сленговых выражений английскому языку, то цель этой статьи будет достигнута.

Сленг, пожалуй, самая противоречивая часть нестандартной речи любого языка. Сленг является одним из самых интересных явлений современной лингвистики, исследование которого неустанно продолжается [2, с. 15].

Поразительно, как язык существенно изменяется прямо на глазах нашего поколения. Существует множество мнений ученых на счет хороших и плохих сторон данного явления. В настоящее время лингвистика углубленно изучает проблемы нестандартной речи, исследует ее характерные черты и особенности и в связи с тем, что в современном языке наблюдается широкое распространение сленга [3, с.11].

Сленг своеобразен и неповторим. Он родился и рождается в недрах самого английского языка, в разных социальных сферах и возрастных группах. Это стремление к краткости, выразительности, иногда протест против длинного или приевшегося слова, как желание по-своему окрестить предмет или его свойства. В молодежных же кругах, где особенно распространено сленготворчество, явно выражено стремление обособиться от мира взрослых, «зашифровать» свой язык.

Большую роль в речи молодежи и подростков имеет англоязычный сленг, который помогает молодым людям в самовыражении. Общение на сленге подчинено таким мотивам,

как жажда искренности во взглядах, потребность самоутвердиться, поиск наиболее благоприятных и психологических условий для общения.

Молодежный сленг подобен его носителям – он резкий, громкий, дерзкий. Он – результат своеобразного желания переименовать мир на иной манер. Язык здесь отражает внутреннее устремление молодых быть ярче и сильнее, чем одежда, образ жизни.

По мнению Э. Парtridge существует тринадцать причин употребления сленга:

- Для демонстрации принадлежности к какой-либо социальной группе, классу, следования моде.

- Как проявление чувства юмора.
- Для придания речи большей яркости и образности.
- С целью подчеркнуть свою оригинальность, непохожесть.
- Для того, чтобы стать «своим» в компании.
- Во избежание многословия и клише.
- Для обогащения своего словарного запаса.
- Для придания конкретики абстрактным явлениям.
- Для приуменьшения печали, трагедии.
- С целью удивить.
- Для создания дружеской атмосферы.
- Для развлечения.
- С целью сокрытия предмета общения.

Основными источниками пополнения молодежного сленга в целом, являются сферы занятости подростков. Такие как: неформальные молодежные объединения, школа, вузы, армия, , работа или игры на компьютерах, музыка, спорт, социальные сети [4, с. 163].

Первой причиной столь быстрого появления новых слов в молодежном сленге русского языка является стремительное развитие жизни.

Существуют различные сферы, которые пополняют количество слов, относящихся к англоязычному сленгу:

- Индустрия моды;
- Сфера развлечений;
- Средства массовой информации;
- Косметология;
- Экономика и бизнес;
- Техника;
- Профессии.

Лингвист Л. П. Крысин выделяет несколько наиболее важных причин появления англоязычного сленга в русской речи:

- Появление новых терминов;
- Следование модным тенденциям;
- Красивое звучание. [3, с.16].

Заемствованный сленг сразу активно вступает в систему словоизменения. И сразу активно включается механизм деривации.

Музыка, как и социальные сети, оказывает непосредственное влияние на молодёжь и подростков. Таким образом, из английского языка были заимствованы слова и выражения, которые сегодня являются неотъемлемой частью сленга русского языка.

Так, одним из источников пополнения молодежного сленга являются термины, которые содержатся в названиях различных музыкальных стилей и композиций, такие как *сингл* — *музыкальный релиз, попса, - поп-музыка; трэк - музыкальная композиция; плейлист - список музыкальных композиций и т.д.*

Также, молодёжью и подростками используются следующая лексика:

фейс – лицо, лайкать – поставить «мне нравится» на фотографиях;

Более того, в сленге, используемом в интернете, преобладает достаточное количество англоязычных заимствований:

фейспалм; спам; селфи; пост; скрин; коммент; директ; спам; хейтер; лук и т.д.

Какая-то лексика, заимствованная из английского языка образовала семью однокоренных слов, находящуюся в широком использовании современной молодёжи, такие как:

- «тренд»: трендовый, затрендить, мегатренд, трендовщина,
- «пост»: запостить, постить,
- «коммент»: комментить, откомментить,
- «скрин»: заскриншотить, скринить, заскринить,
- «френд»: зафрендить, зафрендзонить, анфрендить, френдзона.

Наиболее часто в словообразовании русского сленга социальных сетей используется уменьшительно-ласкательные суффиксы: (личка, постик,, аватарка чатик), а также префикс за - и на - (загуглил, забанил, запостил, нафлудила, наспамила, наскринить) [4, с. 163].

Также мы рассмотрим семантические характеристики молодежного сленга в английском языке.

В английском интернет - сленге представлены различные способы конверсии (to dislike — dislike), аффиксации (selfie, to unfriend, nigger, player,), словосложения (facepalm friendzone), являющиеся характерными для английского языка как такового.

Чаще всего в английском интернет - сленге используются такие аффиксы:

- уменьшительно-ласкательный суффикс –ie (smilie, cutie, sweetie);
- отрицательный префикс un- (to unfriend, unnamed).
- суффикс деятеля – er (vlogger, player, hater, vaper,);
- префикс повторного действия re- (to revlog, to repost, to retweet),
- префикс со значением сетевого пространства cyber- (cyberjew, cyberperson, cyberhusband)[1, с. 1693].

Использование аббревиатур также присуще английскому интернет сленгу:

- BTW – by the way (кстати);
- OMG – «Oh my God» («О, Господи!»);
- LOL – laughing out load (громко смеяться)и др.

В английском, как и в русском молодежном интернет-сленге аффиксы могут быть присоединены к словам, в норме не принимающие таких аффиксов. Примеры: to unmute, to unfollow, to unfeel, instagramer, flooder, selfie и др.

Также в интернет-сленгизмах английского языка и русского языков словосложение может происходить между корнями: facepalm, selfiestick.

Исходя из представленных выше примеров, можно сделать вывод, что существует тесная связь между сленговыми выражениями английского и русского языков.

Семантические особенности играют похожую роль в обоих языках. Русский сленг перенимает не только лексику и семантику английского языка, но и способы трансформации сленговых выражений. Русский язык становится гибким, открытым изменениям языком, способным обогащать свои ресурсы и свою лексику при помощи заимствования лексики и сленговых выражений из английского языка.

В свою очередь английский язык имеет огромный потенциал и спектр для изменения, трансформации и обогащения своего словарного запаса путём активного использования морфемных средств.

Библиография:

1. Зенина, Л.А. Словообразовательные модели в социальных диалектах: На примере американского сленга: дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Зенина. - М., 2005.
2. Копыленко М.М. О семантической природе молодежного жаргона // Социолингвистические исследования. - М., 2006.
3. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). - М., 2006.
4. Левикова С. И.: Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия. В сб.: Бытие и язык. Новосибирск, 2004.

УДК УДК 378.147:811.161.1'243

Ахметова Калампыр Кукеевна,
доцент ЕНУ имени Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан
E-mail: kalampyr1947@mail.ru

РАБОТА С МЕДИАТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Annotation: The article discusses the types and forms of working with newspaper text in Russian language classes in speech styles in the classrooms with the Kazakh language of instruction. The work on the text by N.A. Nazarbayev "Seven facets of the Great Steppe" in the study of journalistic style, taking into account all the features and functions of texts in training.

Keywords: Speech styles, topic, genre, structure, introduction, chapters, conclusion, space, time, history.

В обучении русскому языку студентов с казахским языком обучения непреходяща функция текстов как прецедентных единиц готовой речи, равно как устной (фиксированной), так и письменной. Памятуя о триединстве методов обучения (индукции, дедукции и традукции), мы все-таки исходим от общего к частному, поскольку наши студенты имеют определенные знания русского языка. При этом нужно учитывать, что студенты как наиболее активная часть населения – это в будущем потенциальные работники различных сфер жизни общества и государства, поэтому важна не только степень владения языком, но и умение выстраивать языковые коммуникации в различных ситуациях общения на различные темы. Этому непосредственно и учатся в работе с текстами с направленно-познавательным содержанием и, что естественно, трудно оспорить значение образцовой речи. Также мы не должны забывать и о воспитательной функции текстов, в силу чего мы ищем, находим, составляем тексты с учетом их профессиональной направленности. Иногда материал преподносит нам сама действительность. Общее понятие о стилях речи у студентов имеется, но не наработана практика различения и использования в активной коммуникации, поэтому приходится пояснять, что «в любом конкретном стиле видна, прежде всего, внешняя сторона, органически сращенная с содержательно-тематической. И изучать любой стиль необходимо, прежде всего, из внешних, формальных показателей, затем, отталкиваясь от них, идти к содержательным особенностям произведения – именно к особенностям содержания, а не просто к содержанию: к индивидуальным, «направленным», национальным, сословным и другим особенностям. К особенностям содержания относятся, кроме того, и соблюдение предписываемой нормы речевого поведения и эстетика стиля» [1, с. 9-10]. Нужно уметь увидеть эту особенность, проявленную внешне в изучаемом тексте, обратить внимание на речевые нормы и особенную эстетику того или иного стиля. При этом мы исходим из того, что «любой стиль речи целесообразно рассматривать как определенную реализованную модель. Любое речевое произведение имеет типовые стилистические признаки; оно может иметь и индивидуальные стилистические признаки, хотя это не всегда

обязательно. Когда те и другие признаки присутствуют, чаще всего на первом плане, более заметны типовые стилистические признаки, т.е. общие, схожие во многих образцах речи определенного типа» [1, с. 10-11]. Возникает вопрос: Что такое типовые признаки? По мнению ученых, «это социальная стилистическая традиция, основа стилистического построения речи того или иного определенного характера, социальные правила и нормы определенного стилеобразования» [1, с. 11]. С учетом вышеизложенного, в соответствии с требованиями программы, с учетом настоящей действительности и места в нем наших будущих выпускников кафедра теоретической и прикладной лингвистики ЕНУ им. Л.Н. Гумилева и выстраивает программу обучения русскому языку студентов с казахским языком обучения. В настоящей статье мы изложили фрагменты обучения публицистическому стилю речи в привязке к действительности. Так, например, накануне изучения публицистического стиля в «Казахстанской правде» (от 21 ноября 2019 г., с.1-2) своевременно появилась статья Первого Президента РК Н.А. Назарбаева «Семь граней Великой степи» (чем мы не преминули воспользоваться). Мы не только ознакомили студентов с содержанием статьи (эта работа проведена в группах факультета социальных наук и исторического факультета), но еще и провели соответствующую работу по изучению публицистического стиля: тема статьи, жанр, содержание, стиль текста, языковые особенности, структура текста «Семь граней Великой степи». Целью работы над текстом было – ознакомление и обсуждение статьи. Мною был составлен примерный вопросник к главе I «Пространство и время национальной истории»:

1. К какому стилю отнесете эту статью?
2. Это устное или письменное произведение?
3. Какова его основная функция?
4. Назовите структуру статьи.
5. О чем говорится во введении? Зачитайте отдельные фрагменты.
6. Как называется первая глава? О чем говорится в ней?
7. Как называется вторая глава? О чем эта глава? Далее работа по содержанию.
8. Какой вывод дается в заключении? Зачитайте. Запишите в тетрадях.

Если первый и второй вопрос у студентов 1 курса не вызвал затруднений, то несколько затруднились ответить на третий вопрос. Однако, вспомнив учебный курс «Рухани Жанғыру», который ведется сейчас на всех специальностях на языке обучения (на казахском языке у наших студентов), они все-таки определились, что здесь имеет место сообщение социально-культурной информации, оценка исторических событий и фактов, а также призыв к бережному отношению к прошлому и тщательному его изучению. Обращая внимание сразу на начало статьи: «Пространство – мера всех вещей, время – мера всех событий. Когда смыкаются горизонты пространства и времени, начинается национальная история» [1, с. 1] студенты приходят к выводу, что именно в первых предложениях заложена тема текста, которая фиксируется в рабочих тетрадях. Ответ на четвертый вопрос особо не затруднил студентов: определили структуру текста (ведение, основная часть, заключение), правильно выделили части текста, относимые к тому или иному разделу, подчеркнув при этом, что текст состоит из двух глав. Очень содержательным был ответ на пятый вопрос: О чем говорится во введении? Зачитайте отдельные положения вводной части текста. Студенты обратили внимание на обоснование непрерывности исторического развития: расцвет, упадок, возрождение вновь и согласились с посылом автора, что «история Казахстана также должна быть понята с высоты современной науки, а не по ее отдельным фрагментам», обратили внимание на наличие вводных слов (во-первых, во-вторых, в-третьих, наконец и др.), служащих для введения в текст информации, обоснования основного посыла, изложенного выше, чтобы не переписывать весь текст, на заметку выписали ключевые понятия *«этногенез казахской нации, выдающиеся культурные достижения...родились именно на нашей земле»*, следующий пункт записали полностью: *«исторические находки последних*

десятилетий отчетливо подтверждают неразрывную связь наших предков с самыми передовыми технологическими новациями своего времени и позволяют по-новому взглянуть на место Великой степи в глобальной истории» [2; с. 2]. Обратили внимание и на следующее положение текста, что «необходимо осознать и принять свою историю во всей ее многогранности и многомерности....Главное, спокойно и объективно понять нашу роль в глобальной истории, опираясь на строгие научные факты» [2, с. 1] Затем проведена работа по главам текста: Как называется 1 пункт 1 главы? О чем говорится в ней? И так по всем позициям текста. Здесь еще раз напомнили о главах текста и основном содержании, которые вычленили студенты.

Глава I. Пространство и время национальной истории. Из этой главы выписали следующую цитату, что «многое из того, без чего просто немыслима жизнь современного общества было в свое время изобретено в наших краях»[2, с. 1]. Далее записывается тема этой главы: 1. Всадническая культура. В ней отмечается, что «Великая степь подарила миру коневодство и всадническую культуру», затем считывается обоснование этого тезиса в тексте, с введением понятия особый «культурный код» кочевого мира, истоки базовых компонентов современной одежды и т.д. 2. Древняя металлургия Великой степи. Прочитав эту часть текста, фиксируется, что «о развитии металлургии в Великой степи и говорят найденные при раскопках печи для выплавки металла, украшения, предметы быта и оружие ранних эпох», что «свидетельствует о высоком технологическом развитии степных цивилизаций, существовавших на нашей земле в далекой древности»[2, с. 2]. 3. Звериный стиль. Здесь обращается внимание на то, что наши предки жили в полной гармонии с окружающим миром, имели свою письменность и мифологию... Наиболее ярким элементом их наследия является «искусство звериного стиля» Они предпочитали изображения хищников, в основном семейства кошачьих [2, с. 2]. Возник вопрос: Где в современной действительности находим следы звериного стиля? Подсказка: ищите в тексте. Разумеется, находим: символ суверенного Казахстана – снежный барс. Следом возникает позиция 4 «Золотой человек». О «Золотом человеке» студенты читали и слышали ранее, поэтому здесь фиксируется время открытия: «найденный в Казахстане в 1969 году «Золотой человек», именуемый в кругах ученых-искусствоведов «Казахстанским Тутанхамом»...поведал нам о многом.... Оно также открыло богатую мифологию, отражающую силу и эстетику Степной цивилизации.....На одной были обнаружены знаки-следы самой древней письменности, когда-либо найденной в центральной Азии» [2, с. 2]. Позиция 6 текста, весьма актуальная в современности, носит название «Великий шелковый путь» и подчеркивает, что «уникальное географическое расположение Казахстана» - в самом центре Евразийского материка – с древнейших времен способствовало возникновению транзитных «коридоров» между различными странами и цивилизациями [2, с. 2]. Далее чтение вслух этой части текста приводит к вопросу: Какие страны соединял Великий шелковый путь? 2. Какова роль Казахстана в восстановлении Великого шелкового пути? Следующая позиция текста 7 «Казахстан – родина яблок и тюльпанов» возвращает к теме, которая на слуху в последние десятилетия и обращает внимание на то, что «научно доказано, что предгорья Алатау являются «исторической родиной» яблок и тюльпанов [2, с. 2]. Вновь берется на заметку, что именно из Казахстана пошла по миру яблоня Сиверса, а тюльпаны Регеля в первозданном виде до сих пор встречаются в Казахстане, наряду с 35 видами тюльпанов. Итак, у студентов записан конспект I главы. Чтобы еще и еще раз обратить внимание студентов на содержание, дается внеаудиторное задание: 1. Составить вопросы к каждой части текста первой главы, записать их с ожидаемым ответом. 2. Определить стиль текста. 3. Определить жанр текста. Данные задания студенты выполнили по-разному: кто-то отнесся ответственно, безусловно, перечитали текст, составили вопросник с ответом и, не сомневаясь, определили, что это текст публицистического стиля, но кое-кто подчеркнул, что «чистых» стилей в действительности не бывает. С опорой на содержание УМКД по теме

напоминают, что цель публицистического стиля речи – информирование, передача общественно значимой информации с одновременным воздействием на читателя, слушателя, убеждением его в чем-то, внушением ему определенных идей, взглядов, побуждением его к определенным поступкам, действиям. На вопросы: Где здесь информирование, а где воздействие? Ответили, в основном, верно: системно обобщенная информация об истории Степи и побуждение к ее изучению «с высоты современной науки».

Работа по II главе «Модернизация исторического сознания».

Напомним, что содержание этой главы является ключевым не только этой статьи, но как бы органическим дополнением более ранней статьи Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», о чем он, предложив ряд проектов, напоминает в заключении всей статьи. Студентам предлагается законспектировать основные положения в тетрадях. Глава II выносится на СРО: Составить тезисный план и подготовиться к обсуждению.

Итак, что дает обращение к медиатекстам на занятиях русского языка? Во-первых, использование материалов СМИ делает занятие насыщенным, интересным, дает возможность разнообразить формы работы, во-вторых, закрепить навыки изучающего и просмотрового чтения, в-третьих, выработать умения критического мышления, в-четвертых, совершенствует речевые навыки и умения.

Библиография:

1. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили. – М.: Флинта: МПСИ, 2009. –416 с.
2. Н.А. Назарбаев «Семь граней Великой степи»// «Казахстанская правда», 21 ноября 2018 г. 1-2 с.

УДК 821.581.6

Баклицкая Александра Олеговна,
магистрант, г. Ялта, Крым, Россия
E-mail: lafka98@list.ru

Декань Кристина Юрьевна,
магистрант, г. Ялта, Крым, Россия
E-mail: kris1998@list.ru

Чемезова Екатерина Рудольфовна,
канд. филол. наук, доцент,
г. Ялта, Крым, Россия
chemezova4@gmail.com

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАВ РОМАНА

Annotation. This article discusses the compositional features of the chapters of the novel by Chinese author He Jianmin "Tears-gold", where the plot reflects the horrors of social stratification in modern China. The novel shows one of the formal features, which is the coherence and fragmentation of the text. In turn, the genre of non-fiction has a number of features that are associated with the content of the work and literary techniques. Each part of the novel is defined by certain compositional features.

Keywords. composition, novel, non-fiction, Chinese literature, China, modern.

Документальная проза (报告文学 баогао вэньсюэ) стала одним из основных жанров китайской литературы 1980-х гг. – начала 1990-х гг. На первом этапе появления документальной прозы в новейшей китайской литературе важной стала тема осмысления последствий «культурной революции», судьбы китайской интеллигенции.

«Литература шрамов» и литература «дум о прошедшем» в период с 1978 до конца 1980-х гг. стали главными направлениями в литературе Китая. Они показывали поведение людей в

трудных ситуациях, были предприняты попытки понять такие явления, как предательство, трусость, манипулирование одними людьми другими людьми, необратимые патологические изменения в сознании людей, переживших унижение во время «культурной революции».

Интерес к нон-фикшн имеет историко-экономическое обоснование и развивается волнообразно. Кризис и разочарование толкает людей от художественной прозы к документалистике, к осмыслению реальных событий. Нон-фикшн становится попыткой уравнивать, компенсировать беллетризацию современной жизни [1].

Жанр нон-фикшн имеет ряд особенностей, которые связаны с содержанием произведения и литературными приёмами. Документальной прозе характерно отсутствие вымышленных сюжетов и героев, использование художественных и драматических приёмов, а также, как считает Г. Казакова, «рассказ о событиях, пропущенный через личностное мировосприятие автора» [1].

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью рассмотрения композиционных особенностей глав романа китайского автора Хэ Цзяньмина «Слёзы-золото» и неослабевающим интересом к изучению композиционных особенностей в современной китайской литературе.

Целью исследования является рассмотреть композиционные особенности глав романа.

Научная новизна заключается в том, что впервые рассматриваются композиционные особенности глав романа Хэ Цзяньмина «Слёзы – золото». Ранее этот аспект оставался вне интересов литературоведов, которые занимались творчеством Хэ Цзяньмина.

Для создания произведений нон-фикшна автору необходимо соблюдать важные условия: быть экспертом по своей теме, знать досконально излагаемый материал, а также быть кратким. Часто для того, чтобы собрать достоверный материал, писатель проводит научные исследования.

Кроме диалогов, часто образ героя может раскрыть какая-нибудь художественная деталь, это может быть предмет одежды или обихода. Создавая интерьер жилища героя, автор проникает в глубины души человека, олицетворяя его внутреннее «я» с жилищем. «Передо мной сидел сублимый студент, в котором не чувствовалось ни малейшего лоска. Одежда, которая была на нём, казалась велика сверху и мала снизу, как будто на него надели чехол. Обут он был в старые кроссовки. По тому, как он опустил голову, теребил руки, и душевному состоянию с первого взгляда можно было чётко сказать, что он «дитя гор»» [2, с. 50], - вещи человека лучше характеризуют его, чем любые другие слова, сказанные им. Именно через детали нередко и передаются основные характеристики персонажа. С помощью интерьера автор может показать важные изменения, которые произошли с героем за определённый промежуток времени.

В романе китайского автора Хэ Цзяньмина «Слёзы – золото» прослеживается одна из формальных особенностей, которая заключается в связности и раздробленности текста. К примеру, повествование в первой части «Кампус, где проливают слёзы» и во второй «Песнь борьбы за существование» романа свидетельствует о раздробленности и о несвязанных между собой частях, поскольку в каждой из них раскрываются определённые истории героев, которые не связаны между собой. Помимо этого, текст глав, входящих в одну и ту же часть романа, также отличается друг от друга.

В третьей главе «Уезжают на заработки за тридевять земель и просят милостыню, чтобы получить «входной билет» в университет» рассказывается, как студентам необходимо попрошайничать, чтобы заработать небольшую сумму денег для оплаты университета или для жизни в целом: «Я взял у земляков бумагу и перо и так вот описал свои обстоятельства <...> Добрался до одного маленького городка, выбрал перекресток помноголюднее и вступил на стезю попрошайки» [2, с. 59]. Глава пять «Серая папка» в отделе работы со студентами повествует об историях студентов, которые писали заявления на материальную помощь: «Это не обычные черновики или документы, напротив, это просьбы о милостыне и

призывы о помощи, написанные кровью и слезами» [2, с. 102], «В такой ситуации мне остаётся только набраться наглости <...> и обратиться к руководству университета с покорнейшей просьбой: пожалуйста, помогите бедному студенту...» [2, с. 103]. Таким образом, прослеживается раздробленность текстов, которая выражается в описании отличительных друг от друга жизненных ситуаций.

Связность текста прослеживается между историями одной главы, так как они объединены одной темой повествования. Например, глава под названием «Студенткам «хочется плакать» рассказывает об историях девушек-студенток и с какими трудностями они встречаются лицом к лицу во время того, когда нашли работу репетитора. Первая история описывает ситуацию из жизни студентки В., когда она по несчастной воле забеременела от отца сына, которому помогала в учебном процессе. Другую историю рассказала студентка о том, как она терпела издевательства со стороны третьеклассника: «Объясняешь ему, бывало, терпеливо и доброжелательно, так что язык смелешь, спрашиваешь с надеждой: «Понял?» – а он, словно только что проснулся, отвечает вопросом на вопрос: «Что-что? Что вы сейчас сказали?» [2, с. 239], «Когда я от усталости рухнула на стул как подкошенная, раздался звук шагов <...> Мальчик, который радостно грыз манго, опрометью бросился в комнату и сделал вид, что занимается. В тот самый миг, когда родители открыли дверь комнаты, этот гадёныш полуобглоданное манго резко запихнул мне в рот...» [2, с. 241]. Эти ситуации посвящены одной тематике, и с помощью разных героев создается полная картина действительности.

На примере рассказа студента-медика Сяофу разберём композиционную составляющую текста. История учащегося начинается с экспозиции: «Последние годы дела моей семьи шли не очень хорошо, не то чтобы урожай был плох, просто то дедушка попал в аварию, то бабушка заболела. Легко себе представить, что в таких обстоятельствах, учась в Пекине в университете, мне пришлось полагаться только на самого себя» [2, с. 185], «Когда я поехал домой на первые зимние каникулы, то, выйдя из Чжэнчжоуского вокзала, я обомлел. И когда только Чжэнчжоу успел превратиться в «город мытья ног?» [2, с. 185]. Экспозиция является предысторией событий, которые лежат в основе рассказа. Она объясняет читателю, почему герой ведёт себя таким образом.

Завязкой действия является нехватка денег на оплату университета и распространённая работа, которая приносит хороший доход, – мытьё ног. «Меня волновал только вопрос, как заработать денег на оплату обучения» [2, с. 185], «Я понял, что скандал не утихает, принёс дяде таз горячей воды и хорошенечко вымыл ему ноги <...> а потом потихоньку заботливо стал делать и массаж, несколько раз пощипав и погладив» [2, с. 186]. Элемент сюжета – завязка действия служит для того, чтобы показать события, с которых начинаются действия в произведении.

Далее события развиваются так: студент-медик Сяофу находит работу и устраивается на работу в «ногемойное заведение»: «Какое ни возьми «ногемойное заведение» – любое открытое перед тобой двери и пригласит на работу» [2, с. 187], «Братишка, одно твоё слово – и завтра я найду тебе место» [2, с. 187]. Элемент композиции произведения, в котором события совершаются после завязки и предшествуют кульминации, называется «основное действие» или «развитие действий».

Устраиваясь на работу, герой не знал, что его определят в «женское отделение», события в котором послужат для кульминации в рассказе студента Сяофу. Так он рассказывал, что «однажды пришла женщина, на вид ей было около 50 лет. <...> Внезапно эта дама сует мне под нос ногу и экзальтированно вопрошает: нога ароматна или вонюча? Я с трудом подавил гнев и ничего не ответил. Она снова сует ногу мне в нос и спрашивает более визгливым голосом: нога ароматна или вонюча? Я взорвался: «Вонюча». Не успел я закрыть рот, как эта ведьма пнула меня же этой ногой...» [2, с. 189]. Эти действия являются наивысшей точкой напряжения в рассказе. Таким образом, кульминация – острое проявление

конфликта, и она подготавливает развязку действия. Данный конфликт заканчивается тем, что нашего героя увольняют с работы.

Стоит отметить, в произведениях кульминаций может быть несколько. Тому пример ещё одна ситуация, которая случилась с героем Сяофу. Однажды одна из клиенток пригласила его домой, что повлекло за собой череду событий: «Нога у хозяйки действительно была вывихнута и даже немного распухла» [2, с. 190]. Кульминацией является откровенная сцена между студентом и женщиной: «Когда я делал ей массаж, её глаза всё время были закрыты, только раздавались команды: «чуть левее», «чуть правее». А потом: «Повыше. Так, ещё немного повыше». Я выполнял её желания. «Хорошо, как хорошо, Сяофу, ещё, ещё немного повыше» – по-прежнему командовала она, издавая такие стоны, которых раньше мне не доводилось слышать» [2, с. 190]. Это событие закончилось тем, что герой сбежал от женщины и избегал её в дальнейшем.

В эпилоге истории Сяофу он рассказывает о своей жизни, а также как она изменилась после работы: «я приобрёл опыт, но самое важное – заработал денег на следующий учебный год» [2, с. 191], «Сейчас в Чжэнчжоу у меня есть несколько постоянных клиентов, они обычно связываются со мной по телефону, надеются, что я на каникулы вернусь и снова смогу делать массаж» [2, с. 191].

Таким образом, благодаря композиционным элементам, автор выстраивает события так, чтобы читателю было интересно дальше узнавать о жизненных историях героев и сопереживать ему. Именно от построения композиции произведения зависит, какие впечатления произведёт на читателя текст.

Библиография:

1. Казакова, Г.М. Нон-фикшн в современной книжной культуре. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/non-fikshn-v-sovremennoy-knizhnoy-kulture>
2. Цзяньмин, Хэ. Слёзы – золото / Хэ Цзяньмин. – М. : ИВЛ, 2014. – 427 с.

УДК 81'44

Братаева А.А.,

ст. преподаватель иностранных языков и переводческого дела,
Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова,
г. Кокшетау, Казахстан (asyablesk@mail.ru)

Жакупова А.И.,

ст. преподаватель иностранных языков и переводческого дела,
Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова,
магистр лингвистики,
г. Кокшетау, Казахстан (anastasiya@mail.ru)

Эйсмوند Е.А.,

ст. преподаватель иностранных языков и переводческого дела,
Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова,
магистр педагогики,
г. Кокшетау, Казахстан (elena_eismond@mail.ru)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Annotation: This article examines the features of past tense verb forms in the English language, taking into account both species and temporal characteristics of verb forms, and identifies 4 paradigmatic categories: main (Indefinite), long (Continuous), perfect (perfect), perfect-long (Perfect-continuous). In the context of these discharges, six forms are defined that can be attributed

to the plan of the past: the preterit of the main discharge, the past time of the long discharge, the present perfect, the present perfect-long discharge, the past perfect and the past time form of the perfect-long discharge.

Keywords: temporality, species-modern forms, functional aspect, verb forms, past tense

Семантика форм прошедшего времени английского глагола в настоящей работе рассматривается нами в рамках теории функционально-семантического поля темпоральности, представленной А.В. Бондарко [1].

В поле темпоральности входят те элементы, которые содержат сему темпоральности и передают различные временные отношения. Темпоральность – понятие универсальное в том плане, что она присутствует в большинстве языков мира, значение времени наличествует в любом предложении текста, в любом высказывании, поскольку денотатом любого предложения является определенная ситуация, ориентированная во времени и пространстве, и эти ориентиры определенным образом отражаются в языке [2, 12].

Основное грамматическое значение темпоральности в английском предложении передает обязательный член предложения – глагол–сказуемое, который входит в ядро соответствующего функционально-семантического поля. Система глагола по праву считается наиболее сложной грамматической структурой современного английского языка. Несмотря на то внимание, которое уделяется ее изучению, до настоящего времени не решены коренные проблемы наличия или отсутствия в ней грамматической категории вида, не выяснены значения и функции отдельных видовременных форм. До сих пор высказываются противоречивые мнения относительно того, является ли та или иная форма временной, видовой или видовременной. Остается открытым и вопрос о грамматическом значении перфекта настоящего времени и распространенной формы перфекта настоящего времени английского языка.

Как известно, учение о морфологических грамматических категориях английского глагола представляет такую область исследования, которая уже в последнее время неоднократно подвергалась пересмотру и которая все еще требует к себе самого пристального внимания. Ведущей категорией в системе глагола является категория времени. Реальное время – форма существования материи – находится в постоянном движении и непрерывно изменяется. Глагольные формы (tenses) в реальной речи могут отражать реальное время (time), когда точкой отсчета является действительный момент речи. Но глагольные временные формы выражают и условное время, при котором точка отсчета не совпадает с реальным моментом речи. В любом фиксированном тексте, отмечает Иванова И.П. [3, 57], глагольное время носит условный характер. Поэтому в письменном тексте глагольное время всегда условно. Однако соотношение реального времени и условного времени не влияет на функционирование видовременных форм.

В числе различных категорий, которые выделяются в системе глагола, как особой части речи, необходимо назвать и категорию вида. Эти две грамматические категории в различных языках имеют далеко не одинаковое развитие и самый разнообразный морфологический состав. В то же время они тесно между собой связаны, т.к. видовые морфологические показатели одновременно служат и временными показателями, а в семантическом отношении видовые отношения часто наслаиваются на временные значения.

Эти две категории, как, впрочем, и любую другую грамматическую категорию, представляющую собой наиболее крупный лексико-грамматический разряд слов, объединенных как общими семантическими, так и морфолого-синтаксическими признаками, следует рассматривать как две соотнесенные друг с другом типологические величины.

Воронцова Г.Н. [4, 147] пишет по этому поводу: «... категория вида не играет у других частей речи той важной роли, которая ей принадлежит в системе глагола, тем более что здесь

эта роль повышается благодаря неразрывному сплетению категории вида с категорией времени».

Категория вида обычно определяется как лексико-грамматическая категория, которая передает характеристику протекания действия или процесса, обозначенного глаголом. Это такие характеристики, как например: повторяемость, длительность, многократность, мгновенность действия или результативность, завершенность–незавершенность, или, наконец, предельность, то есть, отношение действия к его внутреннему пределу.

В.Д. Аракин [5, 98] отмечает, что в древнеанглийском языке категория вида была представлена двумя видами:

а) несовершенным, представляющим собой основу глагола, обычно не осложненную приставками, например *wugan* – делать, работать; *settan* – ставить, класть;

в) совершенным, образовавшимся с помощью приставок, преимущественно с помощью приставки *ze* – и некоторых других, например *zewugan* – сделать; *zesettan* – поставить, положить.

Но уже в древнеанглийский период можно обнаружить ряд случаев, когда прибавление суффикса *ze* – влекло за собой не образование новой лексической единицы, то есть слова со значением, отличным от значения соответствующего глагола несовершенного вида. Система двух видов в древнеанглийский период оказалась неустойчивой. С одной стороны, видовые приставки постепенно приобрели значение словообразовательных морфем, что сохранилось еще и до настоящего времени, например: *to come* – *to become*; *to lie* – *to belie*, с другой стороны – в течение среднеанглийского периода происходило постепенное отмирание приставок, благодаря чему морфологические средства выражения видов совершенного и несовершенного постепенно утратились. Вместе с ними исчезли и соотносительные пары глаголов, и, таким образом, в среднеанглийский период категория вида была утрачена. На смену исчезнувшей категории вида пришла сложная система временных форм, которая на определенном этапе своего развития, уже в новоанглийский период, дала начало новым видовым характеристикам действия и процесса.

Исходя из понимания вида как грамматической категории, характеризующей действие по признакам его протекания и имеющей закрепленные морфологические показатели, профессор А.И. Смирницкий [6, с.149] выделил в системе грамматических категорий современного английского языка категорию вида, состоящую из двух видов:

а) общего вида, представленного в настоящем времени нулевыми морфемами и (e)s (3л. ед. ч); в прошедшем времени, морфемами – *ed* (-t) или формами с чередованием гласных типа *sit* – *sat*, *speak*–*spoke*; в будущем времени *shall* (will) +V и обозначающего сам факт совершения действия);

б) длительного вида, представленного глаголом *to be* в форме соответствующего времени и формой на – *ing*.

Иную точку зрения на проблему вида в английском языке высказывает профессор И.П.Иванова. Согласно ее точке зрения, грамматическая категория вида обычно определяется как формальная категория, передающая характер протекания действия [3, 68].

Специфика английских видовых форм заключается в том, что видовое значение обязательно сопряжено с указанием на отрезок времени, в котором протекает действие, и соответственно выражено в рамках времени. В английском языке вид можно точнее определить как категорию, передающую характер протекания действия по отношению к моменту, отрезку времени, указанному формой. Поэтому видовые формы названы видовременными формами, чтобы подчеркнуть неразрывную связь вида и времени в английском языке. Нам представляется логичным, что для выявления и описания семантики глагольных форм прошедшего времени английского языка следует рассматривать и видовые характеристики форм прошедшего времени.

Иванова И.П. рассматривает глагольные формы как видовременные формы, принимая в расчет и видовые, и временные характеристики глагольных форм, поэтому мы придерживаемся этой точки зрения и выделяем 4 парадигматических разряда: основной (Indefinite), длительный (Continuous), перфект (perfect), перфектно-длительный (Perfect-continuous). В разрезе этих разрядов можно выделить шесть форм: претерит основного разряда, прошедшее время длительного разряда, перфект настоящего времени, презенс перфектно-длительного разряда, перфект прошедшего времени и форма прошедшего времени перфектно-длительного разряда.

При выделении этих форм как форм, выражающих прошедшие действия, мы исходили из результатов исследований, проведенных Макровой В.С. Так, в частности, она пишет: «В рамках традиционного подхода к функционированию форм времени на парадигматическом уровне, лишь 4 формы считаются возможными для выражения действий плана прошлого: прошедшее неопределенное (Past Indefinite), прошедшее перфектное, прошедшее длительное и прошедшее перфектное длительное; при этом отмечается, что все эти формы «выражают время, в действительности уже истекшее, ушедшее в прошлое. Но в реальном функционировании форм глагола на уровне синтагматики, сема прошлого выявляется и у других форм, в частности, у настоящего перфектного времени, поскольку эта форма указывает на локализацию действия во времени, предшествуя моменту речи, который условно принимается за настоящее, что и доказывает наличие семы прошлого у данной формы» [2, с. 15]. Далее, она указывает на то, что наряду с формой перфектного настоящего времени, сема прошлого обнаруживается на синтагматическом уровне анализа и у настоящего перфектного продолженного времени.

А.И.Смирницкий, при выделении категории временной отнесенности в отдельную, отличную от категории вида и времени, первым обратил внимание на тот факт, что перфектное значение является, так или иначе, значением прошедшего и поэтому перфект настоящего времени (Present Perfect), хотя вспомогательный глагол при нем и имеет форму настоящего времени (have, has), обычно сближается с прошедшим неперфектным (Past Indefinite) и обозначает, как и последняя форма, тот или иной процесс в прошлом. Обе они означают прошедшее (предшествующее) по отношению к настоящему [7, 132].

По определению И.П.Ивановой [3, 78] грамматическая категория времени – это отношение действия к моменту отсчета, которым является, в первую очередь, условный момент речи. В основе ее модели системы Tenses лежит понятие «временного центра». Под «временным центром» понимаются моменты прошлого и будущего, с которыми непосредственно соотнесены действия, выраженные формами прошедшего или будущего времени и через их посредство соотносятся с моментом речи. Л.С.Бархударов считает, что требует уточнения трактовка, что морфема времени обозначает отношение времени действия, выраженного глаголом к моменту речи, причем непрошедшее время обозначает, что действие совпадает по времени с моментом речи, а прошедшее – что действие предшествует моменту речи, т.е. относится к сфере прошлого [8, 112].

Определение семантического содержания морфемы прошедшего времени как «предшествование действия моменту речи» является недостаточным. Это объясняется тем, что форма перфекта непрошедшего времени (Present Perfect) так же обозначает «предшествование действия моменту речи», однако, в плане категории времени эта форма относится все же не к прошедшему, а к непрошедшему. Поэтому, Л.С.Бархударов предлагает уточнение формулировки семантики морфемы прошедшего времени следующим образом: это морфема обозначает, что действие предшествует моменту речи и не соотнесено с ним. В этом как раз и проявляется разница между значениями форм Past Non-Perfect и Present Perfect. Последняя форма, в силу ее перфектного характера, также обозначает предшествование действия, причем той временной точкой, которой данное действие предшествует, оказывается сам момент речи; однако, как нам уже известно, перфектная

форма обозначает также и соотнесенность, связанность действия с тем моментом, которому предшествует действие.

Итак, в основе противопоставления категориальных форм непрошедшего и прошедшего времени лежит признак времени действия относительно момента речи: форма прошедшего времени – маркированная, интенсивная – относит действие к прошлому, т.е. к периоду, предшествующему моменту речи и не связанному с ним, форма непрошедшего времени (немаркированная, экстенсивная) не относит действие в прошлое. И здесь, как мы видим, основной грамматической категории является противопоставление маркированной и интенсивной формы немаркированной и экстенсивной форме.

А.И.Смирницкий, определяя эту категорию как категорию временной отнесенности (таксиса), убедительно показал, что категориальные формы перфекта (предшествования) и неперфекта (непосредственной давности) образуют в соотношении друг с другом особую грамматическую категорию, отличную от категории вида и времени [6, 59]. При сопоставлении категории временной соотнесенности (таксиса) английского глагола с соответствующими категориями или средствами ее выражения в русском, туркменском, молдавском языках, были сделаны выводы о том, что, в целом, английская видовременная система является наиболее грамматизированной и не подвержена существенным изменениям под влиянием тех или иных лексических особенностей данного класса слов [9, 19].

Рассматривая глагольные формы прошедшего времени английского языка, необходимо детально рассмотреть понятие временного центра прошедшего времени. И.П.Иванова утверждает: «Существуют видовременные формы, функцией которых является детализация действия в определенной временной сфере, а не динамическое его развитие. Если выражаемая ими детализация касается действия в прошедшем времени, они соотносятся с точкой отсчета в прошлом; она может быть указана лексически или с помощью другого действия, происходящего в данный момент, но непосредственного соотнесения с моментом речи тогда не наблюдается. Эту точку отсчета мы назовем временным центром прошедшего времени» [10, 112]. До сих пор не установлено, является ли форма перфекта настоящего времени и длительного перфекта настоящего времени (по классификации разрядов Ивановой И.П.) формой настоящего или прошедшего времени и что считать точкой отсчета.

Функциональный аспект изучения видовременных форм глагола, описание их текстообразующих и текстоорганизующих возможностей с учетом сложного взаимодействия между грамматической формой и ее функциональным содержанием представляет собой особый уровень лингвистического анализа, отличающийся от формальной грамматики.

Анализ языкового материала позволяет обнаружить определенную взаимосвязь между коммуникативным заданием высказывания и употреблением в нем глагольных форм прошедшего времени для композиционно-синтаксического оформления высказывания, а так же в случаях «эмфатического» употребления данных форм. Глагольные формы прошедшего времени, несмотря на окказиональную близость контекстуальных значений, могут создавать различный эффект, вследствие неодинаковой стилистической нагрузки. Выбор видовой формы также зависит от функциональной перспективы, которая имеет особенно большое значение в языке художественной литературы. Вот почему важно рассмотрение и описание значения и употребления глагольных форм прошедшего времени.

Библиография:

1. Бондарко А.В. Грамматические категории и контекст. Л.: Наука, 1971. - 112 с.
2. Макрова В.С. Временные отношения плана прошедшего в английском языке. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. М., 1991. - 189 с.
3. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., Высшая школа, 1981. - 281с.

4. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. Москва, Издательство литературы на иностранных языках, 1960. – 398 с.
5. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Ленинград, «Просвещение», 1979. - 259 с.
6. Смирницкий А.И. Перфект и категория временной отнесенности. //ИЯШ, 1955, №2, с.28
7. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. - 318 с.
8. Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. - М: Высшая школа, 1963. - 426 с.
9. Репина В.И. Взаимодействие Present Perfect и Past Indefinite в современном английском языке. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. Ашхабад, 1989. – 28 с.
10. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.

УДК 811.111'373.612.2:34

Герчу Елена Дмитриевна,
преподаватель, магистр,
г. Комрат, РМ
E-mail: lenadeceva@gmail.com

О ТЕОРИИ МЕТАФОРИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Annotation: Modern English legal terminology includes terms that have historically taken root in the language as legislation evolves. But it also includes terminology, which became legal English as a result of the development of new socio-political and socio-economic relations that arose between people in English-speaking countries. Since human thinking is essentially metaphorical, a metaphor is an integral part of legal language and thinking.

Keywords: Metaphor, legal English, theory, cognitive, terminology

Современная английская юридическая терминология включает в себя термины, которые исторически укоренились в языке по мере развития законодательства. Но она также включает в себя терминологию, которая перешла в разряд юридического английского в результате развития новых социально-политических и социально-экономических отношений, возникших между людьми в англоязычных странах.

Когнитивный подход к изучению языка открыл новые перспективы для таких областей исследования, как метонимия и метафора. Широко распространённое мнение о метафоре заключается в том, что это просто фигура речи, которая используется в основном для достижения некоторого художественного или риторического эффекта. Когнитивный подход выходит за рамки словесных проявлений и стилистических соображений и включает ментальный компонент. Он не только включает в себя когнитивную обработку в качестве относительного измерения, но и расширяет саму область применения метафоры до менее поэтических и более обыденных выражений, таких как *fall in love* или *take an examination*.

Наиболее заметными теориями, которые предшествуют введению когнитивно-семантической теории, является Аристотельское видение метафоры как образного выражения, представленное в его работах «Поэтика» и «Риторика», теория сравнения Ричардса и интерактивная теория Блэка.

Согласно определению, данному Аристотелем, метафора обладает следующими характерными чертами:

- 1) метафора функционирует на уровне одного слова;

2) это слово переносится в метафору, что означает, что слово имеет буквальное значение, когда оно используется в прямом смысле, и переносное значение, когда оно используется метафорически;

3) два элемента метафоры связаны через сходство.

И.А. Ричардс предложил идею о том, что новое понятие может возникать в рамках метафорического конструирования в результате сочетания и взаимодействия двух отдельных понятий или представлений об объектах неязыковой реальности. Согласно Ричардсу, метафора является «вездесущим принципом языка, а не обязательным украшением убеждения» [5, с. 45], так как практически невозможно найти предложение без метафор. Даже в сфере точных наук мы не можем обойтись без них. Метафоры присутствуют в политике, психологии, теории языка, этике, социологии, эстетике и т. д. Основные трудности заключаются в использовании метафор и в определении того, как устойчивые на первый взгляд слова меняют своё значение. «(...) Когда мы используем метафору, мы имеем две мысли о разных вещах, действующих вместе и поддерживаемых одним словом или фразой, значение которых является результатом их взаимодействия. [5, с. 46] Это основное утверждение теории Ричардса представляет концептуальную основу для понимания метафоры.

Это предположение недалеко от стандартной когнитивной теории обоснования, которая связывает концептуальные метафоры с нашим опытом и культурой. Таким образом, Лакофф и Джонсон утверждают, что «структура наших пространственных концепций проистекает из нашего постоянного взаимодействия с физической средой» и «каждый опыт имеет место в обширном фоне культурных предпосылок» [3, с. 56-57].

В 1955 году Макс Блэк опубликовал эссе, в котором представлены три различных взгляда на то, как работают метафоры. Первые два подхода, подход замещения и подход сравнения, обеспечивают несколько традиционное изложение метафоры как стилистического приёма. Третий взгляд, интерактивный, радикально отличается: он подчёркивает способ, которым метафора передаёт когнитивный контент через контакт и ассоциацию.

Несмотря на существующие разногласия, все эти теории вносят ощутимый вклад в изучение метафоричности юридической терминологии. Чтобы определить роль метафоры в юридическом языке и мышлении, необходимо напомнить, что когнитивная лингвистика изучает отношения между общепринятой семиотической структурой языка и основными конструктивными операциями, причём сами они связаны с социально-физическим опытом. Когнитивный подход к языку представляет особый интерес для изучения терминологии и фразеологии конкретной области, так как каждый термин в целом может характеризоваться чёткой и точной структурой знания.

«Человеческий закон - это многоцветное творение человеческого разума, то есть человеческого понимания и рассуждения. Основная задача когнитивных наук - эмпирически изучить, как работает ум. Следовательно, когнитивная наука должна дать нам представление о природе правовых концепций и юридических аргументов.» [1, с. 845]

Следует отметить, что юридический язык официально считается точным и скупулёзным. Юридический язык должен преобладать над двусмысленностью в понимании различных юридических правил и понятий. В то же время стоит также заметить, что юридический язык и правовая мысль в целом не могут быть охарактеризованы как стабильная и фиксированная система. Юридическая парадигма восходит к древним временам. Предмет её исследования, человеческое существо и ограничение поведения, оставался неизменным на протяжении многих веков. Тем не менее, общество, человеческие отношения и сам язык развивались. Таким образом, необходимо подчеркнуть изменяющийся, совокупный характер правовых знаний, поскольку юридические науки не отбрасывают ранее полученные знания и сформулированные правила, но объединяют, трансформируют и расширяют знания, унаследованные от предыдущих этапов человеческого развития. Данные

предположения говорят о постоянном развитии и пополнении юридической лексики. Это происходит за счёт новой терминологии, появление которой основано на рациональном мышлении, а также на процессах категоризации и классификации.

Поскольку изменение является основной чертой человеческого опыта, очевидно, что право как важнейший организационный принцип общественной жизни также должно претерпевать изменения. Существует постоянная потребность в новых нормах, регулирующих социальную жизнь людей. Поскольку абстрактные концепции, которые мы используем в нашей повседневной жизни (включая те, которые относятся к сфере права), находятся под сильным влиянием и основаны на нашем повседневном опыте, мы можем сказать, что они подчиняются общим правилам расширения, определяемым когнитивной лингвистикой, и что на них влияют условия для расширения, предложенные концептуальной метафорой, которые позволяют нам расширять уже существующие концепции и применять их к новым связанным случаям. В этом случае концептуальная метафора является мощным средством расширения значения, «которое обеспечивает когнитивную гибкость перед лицом меняющихся ситуаций, даже если они обеспечивают когнитивную мотивацию и ограничение для нашего творческого мышления» [1, с. 852].

Одно из исследований, основанных на анализе метафоры в области права, было предложено Стивеном Уинтером (1988), который предложил альтернативную точку зрения на роль метафоры в юридическом языке, противоречащую ранее принятой трактовке метафоры как простой фигуры речи, добавляющей какое-то переносное значение к иным точным и строгим формулировкам принятия решений и правил. Согласно Уинтеру, правовое обоснование основано на человеческом взаимодействии, которое институционализируется сначала в социальной практике, а затем в культурных и правовых нормах (зима 1988). Как человеческое мышление метафорично, так и закон. Поскольку мы мыслим метафорически, поскольку наши когнитивные системы основаны на нашем воплощённом опыте физической, социальной и культурной среды, закон не выходит за рамки законов человеческого познания. Метафорическое обоснование закона даёт возможность изменений по мере введения новых социальных норм и правил. Как говорит Уинтер: «Фактическое исследование правовых метафор - как они работают, как они появляются, как они становятся значимыми и убедительными для нас, воплощённых, социально расположенных людей, - показывает, что... метафора является одновременно продуктом и воплощением ограничения» [1, с. 847]. Согласно этой точке зрения, нет закона без метафоры.

Следовательно, метафоры не обесценивают значение и силу закона. Метафора является неотъемлемой частью юридического языка и мышления, потому что человеческое мышление по сути метафорично. По сути, концептуальная теория метафоры «гуманизирует» закон, помещая его в социальные институты и обычные мыслительные процессы [2, с. 951].

Библиография:

1. Johnson, Mark . “Mind, Metaphor, Law”, Mercer L. Rev. 2006-2007, p. 58, 845
2. Johnson, Mark. “Law Incarnate”, Brook. L. Rev. 2002, p. 67, 949–953
3. Lakoff, George and Mark Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press. 1980a.
4. Lakoff, George and Mark Johnson. “The Metaphorical Structure of the Human Conceptual System”, *Cognitive Science*. 1980b, 4 (2), pp. 195–208
5. Richards, I.A . *Theory of Metaphor*. In: Artunova, A.D. (ed). Moscow: Progress. 1936, с. 44–68.

УДК 811.112.2+378

Гойнаш Андрей Викторович,
старший преподаватель
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»,
Брест, Беларусь
E- mail: brestdetut.by

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОГО УРОКА СТУДЕНТОМ-ПРАКТИКАНТОМ ИЛИ МОЛОДЫМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Annotation: The article discusses and compares various options for starting the first German lesson by a student-trainee or a young teacher.

Keywords: the German language, MOOCs, first lesson, games

Начиная работу с новой группой учеников, актуальным для студента или молодого преподавателя становится вопрос о том, с чего начать свой первый урок, как заинтересовать и настроить детей и подростков на работу.

Согласно теории по методике преподавания иностранного языка первым этапом урока является его **Начало**, задача которого – ввести обучающихся в атмосферу иноязычного общения. На этом этапе учитель приветствует учеников, задаёт несколько вопросов, тем самым подводя их к названию темы (*которая ещё до начала урока или впоследствии непременно должна быть записана на доске*) и раскрывает цели, которые планирует реализовать в ходе своего урока.

Как правило, на это отводится около 5 минут, однако очень часто в планах-конспектах студентов-практикантов можно увидеть исключительно фразы типа "*Guten Tag! Wie geht es euch? Der wievielte ist heute? Welcher Wochentag ist heute? Unser Thema ist ...*", что вряд ли может считаться достаточным и корректным для подведения учащихся к теме урока в любом классе общеобразовательной школы. Названные вопросы актуальны для начальной ступени обучения, где языковые возможности учеников ещё невелики, и явно недостаточны для средней и старшей ступеней, где вопросы должны пробудить интерес молодых людей, вызвать желание принять участие в ходе урока, позволить догадаться, о чём сегодня пойдёт речь, опираясь при этом на изученный лексический и грамматический материал. Вполне возможно, что после этого учащиеся смогут сами определить тему урока, учителю же останется только дополнить их, подогревая интерес к материалу сообщением о предстоящих видах работы на уроке («Рис. 1»).

№	Этап	Задача этапа	Содержание	Пед-модель	Время	Примечания
	Начало урока: ...	Ввести обучающихся в атмосферу иноязычного общения, сообщить тему и раскрыть цели урока	Ich begrüße euch ganz herzlich in unserem heutigen Unterricht. Bitte nehmt Platz. Wie geht es euch? Gibt es etwas Neues? ... (Alex, und wie steht es mit deiner Olympiade in Mathe? Lea, geht es deinem Hund besser?) Jungs, habt ihr am Samstag den Schulhof in Ordnung gebracht? Gab es viel Müll da? Wohin soll dieser Müll? In einen Container? Welche Farben haben solche Container? Warum? ... Stimmt. Also, wie heißt unser Thema? ... Ja, richtig, heute sprechen wir über Müllentsorgung. Und so ist unser heutiger Plan: Wir sehen uns ein Video zum Thema an (<i>das ist noch eine Folge von Deutschlandlabor mit Nina und David</i>), wir erfahren, wie man damit in Deutschland umgeht, arbeiten mit ein paar Übungen am Computer und besprechen die Situation in Deutschland und bei uns in Belarus. Seid ihr bereit? ... Schön. Aber zuerst üben wir unsere Aussprache und prüfen unsere Hausaufgabe.	...	5	...

«Рис. 1»

Кроме того, если речь идёт о первом уроке, когда учитель ещё не знаком с группой в начале нового учебного года или когда студент имел возможность посетить несколько уроков в ходе пассивной практики, внимание следует уделить ещё одному очень важному моменту: знакомству со своей группой, ученицами и учениками, с которыми студент-практикант или преподаватель будет работать какое-то время: месяц, год или несколько лет.

Разумеется, в этом случае первый этап может несколько затянуться, но это стоит того: данный момент, как правило, определяет всю дальнейшую работу учителя и группы, здесь начинает формироваться авторитет преподавателя в глазах учеников, проявляются стиль его работы, компетентность и т.д. и т.п. Именно поэтому не следует ограничиваться только включением фраз типа *"Меня зовут Елена Павловна. Я ваша новая учительница немецкого языка."* на начальной ступени или *"Mein Name ist Sergej Wladimirowitsch. Ich bin euer neuer Deutschlehrer und unterrichte bei euch Deutsch."* на средней и старшей ступенях, а вложить в свою речь гораздо большее:

- представиться, немного рассказав о себе и о том, что связывает самого преподавателя с иностранным языком и странами изучаемого языка;
- предложить представиться ученицам и ученикам (и поставить перед собой таблички с именами, чтобы быстрее установить контакт с группой);
- поинтересоваться, что ученики знают об изучаемом языке и странах, где говорят на нём (основные страны и их столицы, известные люди, музыкальные коллективы, марки автомобилей, известные товары, родственные языки, ...);
- дополнить их ответы интересными фактами, используя географическую и политическую карты, а также популярные постеры, представляющие, например, Германию в картинках;
- обсудить с учащимися, что можно использовать сегодня (и, возможно, преподаватель использовал сам) для более эффективного изучения иностранного (немецкого) языка в сфере аспектов языка и видов речевой деятельности.

Хорошим примером тому станут материалы, в большей или меньшей степени используемые в изучении немецкого языка или анализируемые в рамках курса методики преподавания немецкого языка студентами факультета иностранных языков УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина» [3]:

✓ **Фонетика:**

- [немецкий алфавит](#) (+ [песенка](#));
- [интерактивные упражнения](#) (с параллельным воспроизведением названий букв и слов вслух);
- популярные [скороговорки](#) и др.

✓ **Лексика:**

3 класс ([с цветовыми подсказками](#)):

- [«Klasse 3: Über mich»](#) («3-й класс: Обо мне»)
- [«Klasse 3: Über meine Familie»](#) («3-й класс: О моей семье»)
- [«Klasse 3: Meine Schule»](#) («3-й класс: Моя школа»)
- [«Klasse 3: Essen und Trinken»](#) («3-й класс: Еда и напитки»)
- [«Klasse 3: Wohnen»](#) («3-й класс: Жильё»)
- [«Klasse 3: Über Tiere»](#) («3-й класс: О животных»)
- [«Klasse 3: Jahreszeiten»](#) («3-й класс: Времена года»)
- [Интерактивный тренинг: «Klasse 3: Wörter von A bis Z»](#)

4 класс ([с цветовыми подсказками](#)):

- [«Klasse 4: Über die Schule»](#) («4-й класс: О школе»)
- [«Klasse 4: Mein Tagesablauf»](#) («4-й класс: Мой распорядок дня»)
- [«Klasse 4: Familie und Freunde»](#) («4-й класс: Семья и друзья»)

- [«Klasse 4: Geburtstag»](#) («4-й класс: День рождения»)
- [«Klasse 4: Über Wohnen»](#) («4-й класс: О жилье»)
- [«Klasse 4: Kleidung»](#) («4-й класс: Одежда»)
- [«Klasse 4: Wochenende»](#) («4-й класс: Выходные»)
- [Интерактивный тренинг: «Klasse 4: Wörter von A bis Z» \(1\)](#)
- [Интерактивный тренинг: «Klasse 4: Wörter von A bis Z» \(2\)](#)

5 класс (2 части):

- [«Klasse 5: Unsere Ferien»](#) (основная лексика);
- [«Klasse 5: Gesund leben»](#) (основная лексика);
- [«Klasse 5: Feste feiern»](#) (основная лексика).
- [«Klasse 5: Land und Stadt»](#) (основная лексика);
- [«Klasse 5: Land und Stadt»](#) (только существительные);
- [«Klasse 5: Reisen»](#) (основная лексика);
- [«Klasse 5: Reisen»](#) (дополнительная лексика);
- [«Klasse 5: Fernsehen»](#).

- [250 пословиц и поговорок](#) на немецком языке;

• иллюстрированный словарь для GoldenDict и ABBYY Lingvo [«Weihnachts-ABC \(De-Ru-De\)»](#) («Рождество: от А до Я») и др.

✓ **Грамматика:**

онлайн-тренинги (уровни A1-B2):

- [Интерактивный тренинг «ОТРИЦАНИЕ в немецком языке»](#),
- [Интерактивный тренинг «КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ»](#),
- [Интерактивный тренинг «ПРЕДЛОГИ в немецком языке»](#),
- [Онлайн тренинги «РОД в немецком языке»](#),
- [Онлайн тренинги «МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО в немецком языке»](#),
- [Интерактивный тренинг «СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ»](#),
- [Онлайн тренинги «185 неправильных глаголов +»](#),
- [Тренинг F5: Основные типы предложений в немецком языке](#).

массовые открытые онлайн-курсы (MOOCs) [1]:

- [Онлайн-курс «Род в немецком языке: от А до Я» \(часть 1: определение по значению\)](#);

- [Онлайн-курс «Управление в немецком языке: 100 самых важных случаев» \(Версия 1.0\)](#);

- [Онлайн-курс «Управление в немецком языке: \(100\) + 100 самых важных случаев»](#);
- [Онлайн-курс «Управление в немецком языке: \(200\) + 100 самых важных случаев»](#);
- [Онлайн-курс «50 самых важных неправильных глаголов» \(Версия 2.0\)](#);
- [Онлайн-курс «50 самых важных неправильных глаголов» \(Версия XXL\)](#);
- [Онлайн-курс «\(50\) + 50 самых важных неправильных глаголов» \(Версия 1.0\)](#);
- [Онлайн-курс «\(100\) + 50 самых важных неправильных глаголов» \(Версия 1.0\)](#);
- [Онлайн-курс «40 последних самых важных неправильных глаголов» \(Версия 1.0\)](#);
- [Онлайн-курс «Централизованное тестирование: крэш-курс»](#).

печатная продукция проекта [2]:

- наглядное пособие [«Основные типы предложений в немецком языке»](#) (на основе статьи [«Какие типы предложений распространены в немецком языке?»](#)),

- наглядное пособие [«\(Алфавитный\) список основных неправильных глаголов»](#) (на основе [алфавитного указателя основных неправильных глаголов](#)),

- наглядное пособие [«Список основных неправильных глаголов по чередованию гласных в корне»](#),

- наглядное пособие «[Управление в немецком языке: von A bis Z](#)»,
- ✓ **Виды речевой деятельности** (*восприятие речи на слух, чтение, говорение и письмо*)
(здесь мы опустим работу с традиционными курсами иностранного языка и назовём только открытые ресурсы интернета и, среди прочего, разработки проекта «Немецкий язык: от А до Я | Deutsch: von A bis Z»):
 - Deutsche Welle (DW): "[Nicos Weg](#)" ([Anfänger - С нуля](#)) (уровни A0-B1);
 - Сериал для начинающих изучать немецкий язык «Das Deutschlandlabor» (уровень A2):
 - + [задания к сериалу «Das Deutschlandlabor» \(серии 01-10\)](#),
 - + [задания к сериалу «Das Deutschlandlabor» \(серии 11-20\)](#),
 - Сериал „[Ticket nach Berlin](#)“ для продолжающих изучать немецкий язык (уровни: B1, B2);
 - Сериал [«Das Bandtagebuch mit EINSHOCH6»](#) для изучающих немецкий язык (уровни: B1, B2);
 - интерактивный канал для детей и молодёжи [ZDFtivi logo!](#);
 - DW [Video-Themen](#) (уровни: B1, B2, C1);
 - новый проект DW: «[Wo es in Deutschland am schönsten ist](#)»;
 - [интерактивный аналог ЦТ и РТ](#) (текстовая часть);
 - написание [писем на немецком языке](#):
 - [шаблоны для написания личных писем](#),
 - [шаблон для написания близкого к официальному письма](#),
 - ✓ **Для досуга:**
 - игры в кости: «[Твоё предложение](#)»;
 - игры в кости: «[Ваше предложение](#)»;
 - игра «[Шифровка](#)»;
 - [121 зашифрованная немецкая пословица и поговорка](#);
 - игра с названиями цветов «[Чей Вы шпион?](#)»;
 - [схемы-пазлы основных типов предложений в немецком языке](#);
 - интерактивный ресурс «[Страноведение немецкоговорящих стран](#)»;
 - онлайн-курс «[Развиваем память и интеллект с помощью немецкого языка](#)»;
 - [«Набор разрезных карточек для тренировки и систематизации неправильных глаголов» \(I\)](#);
 - [игра «UNI-Alias»](#);

Конечно, использование указанных рекомендаций и ресурсов не носит обязательного характера, однако, наверняка, они помогут начинающему преподавателю решить вопрос о том, каким должно быть его первое занятие для того, чтобы стать ярким и запоминающимся и заложить прочный фундамент для всей последующей работы.

Библиография:

1. Массовые открытые онлайн-курсы [Электронный ресурс] / А. В. Гойнаш // Немецкий язык: от А до Я. – Режим доступа: <https://www.all-de.com/projekte/fernstudium/969-usloviya-dostupa-k-massovym-otkrytym-onlayn-kursam.html>. – Дата доступа: 15.01.2020.
2. Печатная продукция проекта [Электронный ресурс] / А. В. Гойнаш // Немецкий язык: от А до Я. – Режим доступа: <https://www.all-de.com/print-shop/>. – Дата доступа: 15.01.2020.
3. Что может предложить проект «Немецкий язык: от А до Я» своим пользователям и клиентам? [Электронный ресурс] / А. В. Гойнаш // Немецкий язык: от А до Я. – Режим доступа: <https://www.all-de.com/service/fragen-antworten/1293-что-может-предложить-проект-немецк-ий-язык-от-а-до-я-своим-пользователям-и-клиентам.html>. – Дата доступа: 15.01.2020.

УДК 378.147:81

Жаркова Татьяна Ивановна,
кандидат педагогических наук, доцент лингводидактики,
доцент кафедры «Философия, история и право»,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Челябинск
E-mail: taniafrance@mail.ru

PROVERBS AND SAYINGS AS A MEANS OF DEVELOPING A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY OF A STUDENT OF A NON-LANGUAGE UNIVERSITY

Annotation: The article presents the definitions of the concepts of “personality”, “secondary linguistic personality”, “proverbs”, “intercultural communication”, given by domestic linguists and methodologists; The importance of using teaching and learning materials using proverbs and sayings to expand the vocabulary and develop linguistic competence of students, the formation of value orientations in teaching a foreign language is revealed, and the role of proverbs of the multinational South Ural region in the implementation of intercultural communication is shown.

Keywords: proverbs and sayings, French, cultural values, linguistic identity, secondary linguistic identity, dialogue of cultures, intercultural communication.

*Les proverbes reflètent comme le miroir
la vie du peuple, son expérience séculaire, sa sagesse et sa mentalité,
ses goûts et ses mœurs, ses coutumes et ses traditions.*

T. Jarkova

В настоящее время в связи с изменением характера международных связей, углублением кросс-культурных отношений нашего государства существенно изменился и статус иностранного языка. Иностранный язык повышает уровень гуманитарного образования, открывает доступ к духовному богатству народа страны изучаемого языка. Г.А. Китайгородская указывает на то, что сегодня очень важно людям разных стран понять друг друга, совместно работать, а это возможно лишь в условиях непосредственного общения и приобщения к жизни, культуре страны изучаемого языка.

Задача преподавателя на современном этапе – воспитать средствами иностранного языка вторичную языковую личность. «Личность – средоточие взаимосвязи культуры и языка, диалектики их развития. Поэтому говорить о личности можно только как о языковой личности, воплощенной в языке» [2, с. 60]. Языковая личность – это личность, выступающая в качестве медиатора культур, обладающего умением представлять свою родную культуру, а также способствовать тому, чтобы партнеры по деловой коммуникации, участники диалога культур не теряли своей национальной самоидентификации. Вторичная языковая личность студента неязыкового вуза – способность студента к межкультурной коммуникации, к успешной реализации диалога культур на высоком профессиональном уровне.

Знание пословиц и поговорок облегчает процесс речевого общения, обогащает коммуникативную компетенцию студентов. Владение иностранным языком как средством межкультурного общения невозможно без знаний фразеологизмов, которые делают речь более образной, эмоциональной и выразительной.

К сожалению, на рынке методической литературы отсутствуют работы по данному вопросу. Для повышения мотивации к обучению иностранного языка, для облегчения процесса овладения фоновыми знаниями культурологического характера и приобщения к культуре французского народа, его истории, обычаям, традициям и нравам мы издали сборник французских пословиц и поговорок «*Proverbe ne peut mentir*» [8].

В фокусе нашего внимания и исследования оказываются пословицы и поговорки, необходимые для расширения и обогащения коммуникативно-речевого репертуара

студентов, и не только, а также с целью избежать «сбоя» в межкультурной коммуникации, в качестве компенсаторного средства. В помощь преподавателям и студентам в освоении пословичного фонда, сокровищницы языка, ценнейшего лингвистического наследия говорящего на нем народа, мы опубликовали статьи «*Proverbes et dictons pour la communication interculturelle*» [17] и «*Jeux à la leçon de français*» [15] в журнале «*La langue française*», «*Chiffres et proverbes*» во французском журнале «*Le français dans le monde*» (Париж) [14], «*Perdre le compte*» [16], «*Exercices ludiques et jeux à la leçon de français*» [10], «Работа с пословицами и поговорками на уроке французского языка» [3], «Отражение национального характера в пословицах и поговорках» [9] в журнале «Иностранные языки в школе».

Французский язык обладает богатым фразеологическим фондом. Фразеология языка – словно «вышивка на национальном костюме» (А.В. Янин). Язык без фразеологических оборотов – все равно, что дисциплинированная вода по сравнению с родниковой (Н.М. Шанский). «Академик В.В. Виноградов к фразеологическим единствам относит пословицы и поговорки, являющиеся сокровищницей народной мудрости и частью национальной культуры. Знание пословиц и поговорок облегчает процесс речевого общения, обогащает коммуникативную компетенцию учащихся. Пословицы являются наиболее доступным и ярким материалом, в котором поэтической форме отражаются быт и нравы, взаимоотношения в обществе, отношение людей к окружающему миру, природе и т.д.» [4, с. 51].

Под пословицами обычно понимают афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме [11, с. 339]. Они имеют форму не словосочетаний, а предложений и свойственны языку художественной литературы и устной речи для достижения экспрессивно-эмоционального эффекта. Пословицы и поговорки очень разнообразны по своему содержанию, охватывают все стороны жизни французского народа.

Взгляд человека на себя как живое существо отражается в пословицах, передающих отношение к своему здоровью, например:

«*Les maladies viennent à cheval et s'en retournent à pied*» – «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками»;

«*Ane paré ne laisse pas de braire*» – «Больному золотая кровать не поможет»;

«*Quand la santé va, tout va*» – «Здоровье – всему голова»;

«*Santé passe richesse*» – «Здоровье дороже богатства»;

«*Netteté nourrit santé*» – «Чистота – залог здоровья»;

«*Diné sobrement, soupé honnetement, dors passablement et tu vivras longtemps*» – «Умеренность – мать здоровья» [13].

Сравнение пословиц и поговорок французского и русского народов способствует лучшему пониманию образа их мыслей, показывает, как много общего имеют наши народы, что, несомненно, способствует их взаимопониманию и сближению. Художественная форма пословиц складывалась веками, другими словами, пословица создавалась взаимными силами звуков и мысли (Ф.И. Буслаев). Благодаря лексико-стилистическим и эвфоническим средствам образования пословицы и поговорки очень легко запоминаются и широко используются как риторический прием, украшающий речь.

Основными лексическими изобразительными средствами считают повторы, выполняющие функцию усиления, и антитезу, сопоставление противоположных понятий, явлений, представлений.

- *Sitôt pris, sitôt pendu.* (Повтор)

Сказано – сделано.

- *A force de mal aller tout ira bien.* (Антитеза)

Перемелется – мука будет.

К эвфоническим средствам относят рифму, аллитерацию и ассонанс. В рифмованных созвучиях выражается степень музыкальной чуткости народа, его безотчетное стремление к полноте и красоте звука (Е.А. Ляцкий). В качестве примеров приведем пословицы, где рифма сохранилась в обоих языках.

«*Avec l' âge on devient sage*» – «Поживешь подольше, узнаешь побольше»;

«*Bouche de miel, coeur de fiel*» – «На языке мед, а на сердце лед»;

«*Qui va à la chasse perd sa place*» – «Кто место свое бросает, тот его теряет».

Аллитерация выражается в повторении одинаковых звуков в начале слов:

а) один согласный и один гласный звук

«*Chose défendue, chose désirée*» – «Запретный плод сладок»;

«*Parole jetée prend sa volée*» – «Слово не воробей: вылетит не поймаешь».

Ассонанс выражается в повторении одного гласного звука в конце слов:

«*Qui langue a à Rome va*» – «Язык до Киева доведет»;

«*A bon chat bon rat*» – «Нашла коса на камень».

Фразеология привлекает своей экспрессивностью, возможностью положительно или отрицательно оценивать явление, образно выражать одобрение или осуждение [4, с. 51]. Студенты должны знать, что визитной карточкой представителей французского лингвосоциума является улыбка. «При встрече и прощании, в общении личном и деловом французы мило улыбаются. По этому поводу у французов есть высказывания, ставшие пословицами: «*Le sourire est un système; les égards sont des prévisions*» (Paul Valéry); «*Le sourire est un devoir social*» (Stéphane Gsell) [7, с. 56].

Выразительные средства способствуют большей яркости, образности французских пословиц и поговорок, являющимися сокровищницей народной мудрости, частью национальной культуры. Сопоставительное изучение пословиц и поговорок представляет богатые возможности для анализа образно-ассоциативных восприятий народов, развивает языковую догадку и чувство языка, обогащает коммуникативную компетенцию студентов.

На уроках широко используем пословицы и поговорки, понимая, что народная мудрость, сочетаясь с эстетическим совершенством выражения, несомненно, оставит глубокий след в душах наших учеников. Пословицы уральского народа усиливает мотивационный компонент регионоведческого материала: «*Небо везде голубое, а дома – оно родное*», «*Своя земля и в горсти мила*», «*С родной (родительской) земли – умри, не сходи*», «*Глуха та птица, которой гнездо свое не мило*», «*Родной куст и зайцу дорог*», «*Урал без народа – горная порода, с народом Урал – стальной арсенал*», «*Где гремит – там рудник, а где зарево – там стальное варево*», «*Камень дышит, а мастер слышит*», «*Горы стали в печах варятся, потому Урал героями славится*» [12, с. 14-25].

Обучаясь за рубежом, выросшие и воспитанные на своей южноуральской земле, студенты, являясь представителями южноуральского этнолингвосоциума, знакомят иностранцев не только с русским языком и русской культурой; нравами, обычаями, традициями, ритуалами русского, но и южноуральского народа (состоящего из 152 национальностей), сохраняя при этом свою самоидентичность. Таким образом, происходит и приобщение, и распространение, и сохранение русской культуры и русского языка на международном уровне. «Язык – это ключ к большому дому» («*La langue, c'est la clef de la grande maison*», Gilles Vigneault, chanteur et compositeur Québécois). Мы бы добавили к этому дому «дом» под названием планета Земля [6, с. 45]. Нельзя не согласиться с высказыванием французского дипломата и писателя Поля Клодель, что для толерантности есть дома: «*La tolérance? Il y a des maisons pour ça!*» (Paul Claudel). Именно дома, несомненно, способны ликвидировать национальную рознь и объединить народы на нашей планете [6, с. 49].

В заключение хочется отметить, что

1) *les proverbes permettent de se faire une idée des croyances populaires et donc de se familiariser avec la civilisation française. Ils parlent de la vie et donnent toutes sortes de recettes*

pour la traverser sans trop de drames... (Пословицы позволяют составить представление о распространенных убеждениях и, следовательно, познакомиться с французской цивилизацией. Они говорят о жизни и дают всевозможные рецепты, чтобы прожить ее без лишних драм...) [14, с. 77];

2) сегодня коммуникация и коммуникация межкультурная, т.е. «совокупность специфических процессов взаимодействия партнеров по общению, принадлежащих к разным культурам и языкам, осознающих тот факт, что каждый из них является «другим», и понимающих некую «чужеродность», «инаковость» своего партнера по общению» [5, 169], играет важнейшую роль в жизни людей;

3) последние годы свидетельствуют о значительном повышении интереса к изучению иностранного языка как инструмента межкультурной коммуникации. Социальный заказ заставляет образовательные услуги расширять сферу услуг по изучению иностранного языка через его культурное пространство [1, с. 448].

Библиография:

1. Жаркова Татьяна. Диалог культур на уроке иностранного языка // Хармония в различията: сборник с доклады от Научната конференция «Хармония в различията / Съставители Жоржета Назърска, Светла Шапкалова. София, 9.12.2016. – София: Издателство «За буквите – О писменехъ», 2016. – 546 с. – С. 444-456.
2. Жаркова Т.И. К вопросу об определении понятия «языковая личность» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010. – С. 59-66.
3. Жаркова Т.И. Работа с пословицами и поговорками на уроке французского языка // Иностр. яз. в shk. – 2005. – № 3. – С. 50-53.
4. Жаркова Т.И. Русские и немецкие пословицы и поговорки в деловом общении // Иностр. яз. в shk. – 2013. – № 11. – С. 51-55.
5. Жаркова Т.И. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку / Т.И. Жаркова, Г.В. Сороковых. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 320 с.
6. Жаркова Т. И. Феномен «Дом» в межкультурной коммуникации сквозь призму французских и русских пословиц и поговорок // Иностр. яз. в shk. – 2016. – № 10. – С. 45-50.
7. Жаркова Т.И. Феномен «Улыбка» в зеркале поговорок и пословиц русского и французского языков // Иностр. яз. в shk. – 2014. – № 1. – С. 53-57.
8. Жаркова Т.И. Proverbe ne peut mentir. Пословица недаром молвится. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. – 120 с.
9. Жаркова Т.И., Синицких О.В. Отражение национального характера в пословицах и поговорках // Иностр. яз. в shk. – 2008. – № 1. – С. 75-78.
10. Жаркова Т. И. Exercices ludiques et jeux à la leçon de français // Иностр. яз. в shk. Методическая мозаика. – 2012. – № 6. – С. 17-19.
11. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. shk., 1996. – 381 с.
12. Уральские пословицы и поговорки. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1978. – 93 с.
13. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes / Maloux M. – Paris: Larousse, 1995. – 628 p.
14. Jarkova T. Chiffres et proverbes // Le français dans le monde. Paris: Clé International, 2005. – no. 239. – P. 77.
15. Jarkova T. Jeux à la leçon de français // La langue française. – 2003. – № 13. – Pp. 8-10.
16. Jarkova T. I. Perdre le compte // Иностр. яз. в shk. Методическая мозаика. 2012. № 11. С. 21-25.

17. Jarkova T. Proverbes et dictons pour la communication interculturelle // La langue française. – 2002. – № 4. – Pp. 14-15.

УДК 791.229.2

Ильина Лариса Евгеньевна,
кандидат пед. н., доцент кафедры романской филологии
и методики преподавания французского языка,
Оренбургский Государственный Университет, Оренбург, Россия
E-mail: nerol2620@mail.ru
Городецкая Татьяна Геннадьевна
Оренбургский Государственный Университет, Оренбург, Россия

ФРАНЦУЗСКОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО КИНО ОБ АЛЖИРСКОЙ ВОЙНЕ

Annotation: This article is devoted to the analysis of the Algerian War representation on the documentary films. The study reveals the problem of intercultural communication at the level of interaction between the States. The conclusion about the reflection of the war perception in the cinematography is based on the accomplished work.

Keywords: French history, Algerian history, documentary films, the Algerian War, La guerre d'Algérie (1954-1962).

Неоднозначное восприятие истории неотделимо от событий, происходящих в прошлом. На протяжении десятилетий статус боевых конфликтов в Алжире (1954-1962 гг.) был под вопросом, и только 18 октября 1999 г. Национальным собранием Франции эти военные действия были признаны войной. До этого момента использовался термин «восстановление общественного порядка» [1].

Алжирская война – это семилетняя кровопролитная борьба народа Алжира и французских колонизаторов, результат которой – военное поражение повстанцев Алжира и политическое признание его независимости Францией, что явилось фундаментом для появления Алжирской Народной Республики. Данный конфликт в военно-политической сфере является одним из важнейших событий во французской истории второй половины XX века, так как он стал причиной падения Четвёртой республики, двух путчей в армии и появления тайной ультранационалистической организации ОАС (Organisation de l'armée secrète), пытавшейся путём террора заставить французское правительство отказаться от признания независимости Алжира, который по действовавшему законодательству был неотъемлемой частью Франции. Некоторые слои французского общества воспринимали это как мятеж и угрозу территориальной целостности страны [2].

Это историческое событие в виду своей важности в судьбе государств освещается во многих сферах деятельности человека. В данной статье мы обратимся к материалам научных исследований (Г.Н. Канинская, В.С. Олишевко, В.Л. Тягуненко) исследованиям истории документального кино (Bertrand Tavernier (род. 1941), Yves Boisset (род 1939) Эммануэль Нобекур (род. 1964)).

Первой французской документальной кинолентой стала «Алжирская война» («La Guerre d'Algérie», 1972), снятая режиссёром Филиппом Монье (Philippe Monnier) и журналистом Ивом Курьером (Yves Courrière). Ив Курьер, начав свою карьеру с военной журналистики и позже заслужив звание великого журналиста, в 1966 году был удостоен премии Альбера Лондра за работу в области освещения алжирского конфликта. Далее он изложил свой опыт в четырёхтомном труде «Алжирская война». Чтобы осветить братоубийственный характер этой войны, Курьер совместно с режиссёром Филиппом Монье

в 1972 году снял одноимённый документальный фильм, высоко отмеченный критиками. Фильм вышел в шестнадцати кинотеатрах Парижа, в том числе на Елисейских Полях.

Этой кинокартиной они сняли запрет говорить о войне в Алжире, хотя эта кинолента и по сей день воспринимается неоднозначно. Монье и Курьер признаны первыми в области рассмотрения военных действий под новым, объективным углом зрения: с долгое время подверженными цензуре свидетельскими показаниями и архивными фотографиями из обоих лагерей. Этот фильм называли «взглядом самой Истории в глаза». Помимо включения подробно описанных и проанализированных исторических фактов, авторы фильма попытались понять людей, которых затронула война: франкоалжирцев, бойцов Туниса и Алжира, других военных и солдат и гражданское население. Курьер не знал своей цели наверняка, но он точно понимал, что хотел быть честным. Журналист был уверен, что многие возможности предотвратить массовые убийства и разгромы были упущены [3].

Другая военная кинолента «Алжирская война» («La Guerre d'Algérie», 1984) имеет то же название, но абсолютно другой формат, а именно документальный сериал, состоящий из пяти серий по пятьдесят пять минут. Английский режиссёр Питер Бэтти (Peter Batty) формирует структуру фильма так, чтобы отображение событий соответствовало историческим фактам. Французское телевидение, в течение долгого времени находящееся в рамках жёсткой цензуры, получало уроки истории с помощью британского культурного Канала 4.

Сериал охватывает все этапы войны, начиная с 1954 года и заканчивая 1962. Комментарии закадрового голоса, сопровождающего всё повествование, сдержанны; в них нет слов поддержки, относящихся к какой-либо из сторон. Бэтти, как и Курьер, подчёркивает все ужасы войны и её политический характер. Режиссёр не имел доступа к секретным архивам или другим значительным историческим источникам, однако он нашёл малоизвестные фотографии, сделанные американскими, английскими и шведскими журналистами. Питер Бэтти также связался с бельгийскими источниками, чтобы получить доступ к полному выступлению Шарля де Голля, французского военного, основателя и первого президента Пятой республики [4].

Со времён военных действий в Алжире до 1984 года было снято уже множество кинолент, посвящённых данной теме, но документальная сага Питера Бэтти рассматривается в качестве одной из новаторских попыток при помощи телевидения рассказать историю, которая до сих пор волнует память французов.

«Близкие враги» («L'Ennemi intime», 2002) – фильм Патрика Ротмана (Patrick Rotman), снятый им в 2002 году для телеканала Франция 3. Повествование о войне ведётся в киноленте посредством чередования показаний ветеранов, вспоминающих о действиях, которые им приходилось совершать в молодости, и военных кадров.

Режиссёр показывает суровую действительность войны, когда молодые люди девятнадцати лет могут раздавить голову противника. Когда бывший партизан, с юных лет являвшийся членом движения Сопротивления, спустя пятнадцать лет может стать военным офицером, берущим людей в заложники. Когда множество бывших членов «Свободной Франции» (патриотическое движение французов за национальную независимость Франции в 1940-1945 годах, которое ставило перед собой цель восстановления независимости Франции от нацистских оккупантов и сотрудничавших с ними вишистских коллаборационистов и примыкало к антигитлеровской коалиции) с оружием в руках боролись в Алжире.

Опираясь на общие теории и глобальный анализ, Патрик Ротман пытался найти ответы на эти вопросы. На протяжении месяцев он собирал свидетельства о людях, которые были подвержены экстремальному насилию (пыткам, казни, нанесению увечий, бомбёжкам).

Эти материалы, в которых отображается жестокость реальности, раскрыли ужасы войны. Вместе они образовали рассказ, как тридцать судеб соединены с историей Алжира.

Данный фильм был встречен двусторонним резонансом со стороны критиков и зрителей, в отзывах которых встречаются упоминания о том, что в «Ближних врагах» показано зло, встречающееся во всех национально-освободительных войнах, когда люди, не рождённые мучителями, убивали, грабили и пытали.

«Здесь топят алжирцев» («Ici on noie les Algériens», 2011) - это французский документальный фильм режиссера Ясмину Ади (Yasmina Adi), выпущенный в 2011 году.

Фильм был снят по случаю пятидесятой годовщины событий, которые произошли 17 октября 1961 в Париже года во время массовых беспорядков. Демонстрация была организована Национального фронта освобождения Алжира (Front de libération nationale, FLN) в ответ на меры, принимаемые префектом полиции Морисом Папоном (Maurice Papon). За два месяца до этого FLN усилила террористическую деятельность во Франции, как ответ на войну Франции против Алжира. Беспорядки были очень жестоко подавлены полицией, число жертв, по оценкам экспертов, составило от 80 до 200 убитых. Трупы алжирцев были найдены плавающими в Сене.

В этом документальном фильме свидетели делятся своими воспоминаниями о тех событиях, авторы фильма смогли обнаружить данные неопубликованных ранее архивов.

Репрезентация Войны за Независимость Алжира в документальном кино имеет широкий спектр. Режиссеры и сценаристы, обращавшиеся к этой теме, выбирали свой угол зрения, отражая в кинолентах свое видение событий. Однако каждый из них опирался на исторические факты, обращался к архивам и другим достоверным источникам. Таким образом, Алжирская война постепенно становится объектом изучения историка. Молодые поколения, те, кому предстоит создавать Новый Алжир и Новую Францию, не несут никакой ответственности за вчерашнее противостояние, и могут внимательно прочесть эти страницы истории. Данное исследование может быть продолжено, интерес представляет исследование государственных и правовых документов, связанных с военными действиями в Алжире, изучение художественной литературы и игрового кино, затрагивающих эти события.

Библиография:

1. PROPOSITION DE LOI relative à la substitution, à l'expression « aux opérations effectuées en Afrique du Nord », de l'expression « à la guerre d'Algérie ou aux combats en Tunisie et au Maroc ».
URL: <http://www.senat.fr/leg/tas99-001.html>
3. Арзаканян, М.Ц. Генерал де Голль на пути к власти / М. Ц. Арзаканян. - М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость / под ред. Тягуненко В. Л. - М.: Наука, 1974.
4. Courrière, Y. La guerre d'Algérie v. 4 Le temps des Léopards / Y. Courrière. - Paris : Fayard, 1969.

УДК 372.881.1

Кигель Тали
специалист по билингвизму,
г. Петах Тиква, Израиль
E-mail: kigelt@gmail.com

ВЫБОР УЧЕБНИКА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВТОРОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ КАК ВИД МЕТАКОГНИЦИИ

Annotation: This paper investigates the process of choosing test book for teaching and learning Hebrew as L2 for Russian speaking educated senior students. With the help of surveys, observations and personal conversations, we have studied the biographical data of 20 senior

students, data on previous experiences in learning languages, satisfaction from use the teacher choosing test book that and satisfaction from use the students choosing test book in SLE, as summarized in five tables. The constructivist teaching method, andragogy and geragogy statements, and the statistics data processing are the methodological basis of this paper. The results indicate that the satisfaction from use the students choosing test book and L2 acquaintance better than from use of the teacher choosing test book. The students choosing test book based on good knowledge of students needs contributes to a modern learning environment that includes audio files, troubles self-testing better characteristics of font size, density, and friendly. The best combination for L2 senior student learning is using modern test books and teacher materials for hearing and speaking.

The main conclusion from these results is for organizing an effective learning process and selecting appropriate tools the teacher must to consider specific educational groups' needs and their opinion. учебника choices of ELL textbooks.

Keywords: senior students; L2; geragogy; test books; opinion.

Введение и обзор литературы Книжные магазины предлагают нам большое количество УМК (учебно-методический комплекс) и учебников для изучения второго языка. В этих условиях выбор УМК для определенной группы студентов является непростой задачей. Исследователи пришли к выводу, что учебники (книги, используемые в учебных целях, особенно школьниками и студентами), несмотря на некоторые недостатки (не всегда актуальны, не учитывают потребности студентов и индивидуальный стиль работы учителя), имеют много преимуществ и являются интегральной частью изучения второго языка.

При выборе и оценке эффективности учебника учитываются многие факторы как содержания, так и формы. При оценке содержания учебника учитываются педагогические факторы (соответствие программе обучения, уровню студенческих компетенций, опыту и мотивации, концептуальная сложность, контекст, актуальность, культурный, гендерный компонент, лексика, синтаксис и пр.). При оценке внешних факторов необходимо учитывать наличие электронной формы учебника, его доступность в плане покупки и цены, а также удобочитаемость (комбинация характеристик текста и читательских качеств - четкость, размер, удобство шрифта, качество печати, организация содержания, индексация, релевантность и красочность иллюстраций) [1].

УМК имеет ряд достоинств и недостатков. У учебников стандартные и проверенные принципы обучения, четкая структура, что позволяет учащимся почувствовать прогресс в обучении, помогает неопытным преподавателям, экономит время подготовки к занятию и освобождает время для преподавания. Учебник позволяет комплексно решать учебные задачи (изложение нового материала, систематизация знаний на этапе повторения пройденного), а также как включает в себя готовые тексты и задания разных уровней сложности, дополнительные учебные материалы (компакт-диски, таблицы, руководства для учителей) для использования в различных учебных ситуациях и условиях. В дополнение к этому, учебник экономически выгоднее по сравнению с другими средствами обучения как для студентов, так и для преподавателя.

С другой стороны, учебник игнорирует индивидуальные различия в стратегиях и стилях обучения учащихся, не всегда актуален для учащихся, а также ограничивает творчество учителей. Вследствие этого, важным представляется призыв известных ученых к проведению новых исследований динамики использования учебников [2].

Методология Методологической основой данной работы является конструктивистская теория, подчёркивающая критическую роль учащегося в построении смысла на основе новой информации и предыдущего опыта [3]. Студентоцентрированное обучение считает студентов активными, ответственными участниками процесса обучения, которые определяют темп обучения и участвуют в оценке обучения, при этом преподаватель играет роль ментора, поддерживающего мотивацию и организующего обучение учащихся. Таким

образом, современное обучение развивает у студентов метакогнитивные способности, или способности к мониторингу знаний, выбору стратегии, планированию и оценке обучения [4].

Работа также опирается на принципы андрагогии, или обучения взрослых [8], а также герагогии, или обучения пожилых людей, поскольку в исследовании участвовали пожилые, по новой возрастной классификации ВОЗ [7], люди. Эти принципы рекомендуют обучение с полезными практическими результатами, значимыми заданиями, разнообразными методами обучения, гибким междисциплинарным подходом, четкой тематической направленностью, теплым позитивным отношением, регулярным и частым закреплением материала в разных контекстах, индивидуальным путем обучения, использованием примеров, дополнительного времени, прошлых знаний и личного жизненного опыта учащихся [9]. В работе использованы такие методы психологического исследования как беседы, анкеты и опросы по шкале Лейкерта для сбора количественных и качественных данных [6].

Ход исследования В исследовании приняли участие контрольная и экспериментальная группы русскоговорящих пенсионеров в возрасте от 62 до 82 лет (всего 20 человек), учившиеся на субсидированном курсе иврита в центре Израиля. Они обладали высокой мотивацией к социально коммуникативному общению в сфере услуг (пассажир, пациент и т. п.), административно-правовой сфере (клиент банка и т. п.), а также в социально-культурной сфере (знакомый, сосед и т. п.) и базовой грамматической и коммуникативной компетенцией A1 [10] на основе предыдущего опыта изучения иврита. Студентам было дано краткое объяснение об общей цели исследования, о добровольности и анонимности участия в нем. Курс вел опытный преподаватель билингв, а исследователь был знаком со студентами и следил за их учебой в течение нескольких месяцев.

Главный вопрос этого исследования состоял в том, как влияет учет мнения студентов при выборе учебника на удовлетворенность от самого учебника и обучения в целом.

Контрольная группа занималась по учебнику, рекомендованному преподавателем, а именно, современный УМК Э. Кадман "Иврит с удовольствием. Без помощи учителя!"(2014) на русском языке, который последовательно объясняет грамматический материал в медленном темпе, включает в себя диски с озвученными текстами, напечатан крупным шрифтом и дает возможность самопроверки.

Экспериментальной группе были представлены для ознакомления учебник "Иврит с удовольствием. Без помощи учителя!"(2014) и учебники (1990) עברית מבראשית и "Иврит. Полный курс" (2018).

עברית מבראשית это учебник на иврите, последовательно излагающий грамматический материал, уделяющий внимание трудным случаям, исключениям, содержащий словарь используемых слов и многократно развивающий разнообразные коммуникативные темы (телефонный разговор, записка, письмо, квартира, соседи, поликлиника, работа, улица, рынок, автобус, поездки, вечеринка, путешествия, банк, чистота, знакомство с Израилем).

Учебник "Иврит. Полный курс", изданный в Москве на русском языке для самостоятельного изучения, дает возможность самопроверки, содержит подробный разбор грамматического материала, 10 тематических словариков, разговорный курс с текстами "Борис и Дорис" на 10 популярных тем с двумя героями (новый репатриант и израильтянка).

После объяснения преподавателем новой темы студенты выполняли упражнения из учебника, составляли предложения с изученными словами в классе и дома.

Экспериментальная группа после обсуждения и голосования выбрала два учебника одновременно: учебник И.И. Лерера "Иврит. Полный курс" на русском языке и вторую часть учебника עברית מבראשית.

Обучение по всем учебникам дополнялось беседами на темы из жизни класса, инсценировками коммуникативных ситуаций на изучаемые темы, аудио и видеоматериалами из интернета в целях социалинговкультурной ориентации студентов, а также официальными документами, бланками и справками для общения в административно-правовой сфере.

Результаты. Перед началом обучения был проведён анкетный опрос с целью сбора биографических данных студентов. Студенты являлись пожилыми людьми (средний возраст - 70.3 года) и обладателями высшего (73%) и среднего образования (23%). Большая часть студентов являлась новыми репатриантами (1-3 года в Израиле) и меньшая часть - старыми репатриантами (15-22 года в Израиле). Подавляющее большинство участников (71%) обладало опытом изучения иврита. Для 100% студентов разговорная компетенция являлась главной целью обучения на данном курсе, а для 65% студентов - единственной целью обучения. Разговор и чтение отметили, как ведущие компетенции 20% студентов, разговор, чтение и письмо - 10 % и все четыре компетенции - 15% опрошенных.

После 3-месячного обучения студенты заполнили анкету с вопросами об удовлетворенности от самого учебника и обучения в целом по шкале Лейкерта. Данные опроса говорят о том, что степень удовлетворённости от учебника и от продвижения в овладении языком в контрольной группе (учебник рекомендован преподавателем), ниже, чем в экспериментальной группе (самостоятельный выбор учебника).

Оценка учебника				
	Название группы	контрольная группа А	экспериментальная группа (учебник на иврите) Б	
	Название учебника	учебник Калман	בראשית	Учебник Лерера
1	Удобный шрифт	70	75	40
2	Удобный дизайн	44	70	90
3	Понятные объяснения	20	40	60
4	Многократные повторы	15	100	30
5	Возможность самопроверки	90	-	90
6	Темп продвижения	88	80	60
7	Возможность самостоятельного продвижения	30	10	50
8	Тексты - содержание, увлекательность	55	60	80
9	Наличие дисков с аудиофайлами	100	-	-
10	Общее впечатление	60	85	75
	Средняя оценка	60.2	77.5	63.8

Контрольная группа отметила следующие недостатки учебника: неудобный графический дизайн при удобном шрифте и качественной бумаге, неувлекательные тексты без лингвокультурной ориентации, недостаток материала для разговорной практики.

Экспериментальная группа выразила более высокую степень удовлетворения учебными материалами, так как сочетание двух учебников позволило использовать преимущества каждого из них, нейтрализуя их недостатки, и предоставило возможность обширной разговорной практики, чтения большого количества коротких и длинных текстов и, при этом, получения объяснений сложного грамматического материала на родном языке. Несмотря на неактуальность молодежной тематики для пожилых студентов, занимательный характер диалогов на живом разговорном языке и постоянные герои, были восприняты как одно из достоинств учебника И. Лерера.

В целом, решение использовать два учебника было неожиданным для преподавателя.

Как следствие, члены экспериментальной группы выше оценили свое продвижение в овладении языком, чем студенты контрольной группы. Неудовлетворены своим продвижением в овладении языком 10% студентов контрольной группы и экспериментальной группы; частично удовлетворены языковым прогрессом соответственно

50% и 30% и полностью удовлетворены языковым прогрессом 40% студентов контрольной группы и 60% студентов экспериментальной группы. Наблюдалась также корреляция между степенью удовлетворения учебником и степенью удовлетворения языковым прогрессом.

Выводы. Возможность выбора учебника образованными пожилыми студентами экспериментальной группы как часть студентоцентрированного характера обучения позволила повысить мотивацию к учебе и эффективность обучения за счет использования знаний и личного жизненного опыта учащихся. Использование метакогниции способствовало формированию группового и индивидуального чувства ответственности за свое обучение, индивидуализации учебного процесса для данной группы и достижения лучших результатов к удовлетворению самих студентов. Выбор двух учебников обратил внимание преподавателя на неизвестные ему ранее особенности восприятия студентов.

Рекомендуется продолжить наблюдение за данной группой в течение дополнительного времени, а также исследовать различные категории студентов, учебники по различным дисциплинам с целью определения границ самостоятельного выбора студентами учебника.

Библиография:

1. UNESCO guidebook on textbook research and textbook revision. 2010.
2. Jack C. Richards, Willy A. Renandya. Methodology in Language Teaching. Cambridge University Press, 2002. PP.422.
3. Hoidn, S. (2017). Student-Centered Learning Environments in Higher Education Classrooms. New York, NY: Palgrave Macmillan.
4. Pagán, Brian (2006). Positive Contributions of Constructivism to Educational Design. Europe's Journal of Psychology. 2 (1).
5. Tobias S., Everson H. T. Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring // College Board Research Report 2002-3, New York, 2002.
6. Ary, D., Jacobs. L. C., & Sorensen C., Introduction to Research in Education (8th ed). California: Wadsworth. 2010.
7. Integrated care for older people (ICOPE) implementation framework: guidance for systems and service. World Health Organization. 2019.
8. Knowles, M. S., Holton, E. F., & Swanson, R. A. The Adult Learner: The
9. John, Martha T. (1988). Geragogy: A theory for teaching the elderly. Binghamton, NY: The Haworth Press.
10. A Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment. — Strasbourg, 1986.
11. Кадман Э. Иврит с удовольствием. Без помощи учителя! -Ш.Зак.- Иерусалим.-2014.- 411 с.
12. גנני נ., שמעוני ר.-עברית מבראשית.-דוד רכגולד ושות'.-חולון.-2002.- חלק א' ו-ב'.
13. Лерер И.И. Иврит. Полный курс. - Москва. - АСТ. - 2018. - 384 с.

УДК 372.881.1

Киреева Зарима Ренатовна,
кандидат пед. наук, доцент,
Башкирский государственный педагогический
университет им.М.Акмуллы,
г. Уфа, Россия,
E-mail: metodika-fr@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ В СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Annotation: The article tells about methodological problems of teaching second foreign language at secondary education institutions. The paper analyzes phenomena of interference which arise under conditions of trilinguism. Comparing phonetic, lexical and grammatical systems of the Russian, English and French languages, the author specifies the sources of interference in teaching French as a second foreign language with the English as the first one. The article gives teachers methodological recommendations with the aim of predicting and avoiding negative impact that linguistic skills in the native and English languages have on forming automatic features in learning French.

Key words: second foreign language, interference, French, methods of teaching.

Обучение второму иностранному языку является одной из самых часто обсуждаемых тем как в российской методической науке, так и в педагогической и общественной практике. Актуальность данной проблемы обусловлена, с одной стороны, преимуществами, которые дает многоязычие личности (вспомним высказывание Л.В.Щербы о том, что изучающий второй иностранный язык способен на большую абстракцию, чем тот, кто изучает иностранный язык впервые [7]), и, с другой стороны, разнообразием и многоплановостью проблем, возникающих в процессе изучения второго иностранного языка в современном образовательном контексте в условиях ограниченного количества часов.

Дело в том, что с 1 сентября 2015 г. второй иностранный язык стал обязательным учебным предметом в средних общеобразовательных организациях Российской Федерации в связи с переходом на обучение по федеральным государственным образовательным стандартам основного общего образования. Возможны различные варианты изучения данного предмета. Согласно последним нормативным документам, количество часов, отводимое на овладение вторым иностранным языком, не может быть менее 68 часов за весь период обучения. Как правило, второй иностранный язык вводится в школе с 5 класса.

Анализ примерных учебных планов и программ свидетельствует о том, что перед учителями вторых иностранных языков стоит задача достижения иноязычной коммуникативной компетенции за ограниченное количество времени [4]. В этой связи возникает необходимость интенсификации учебного труда обучающихся и образовательного процесса, который опирается на психолингвистические особенности овладения вторым иностранным языком [5].

Предметом данной статьи является изучение особенностей методики формирования у учащихся фонетических, лексических, грамматических навыков и техники чтения на французском языке при первом английском и поиск путей интенсификации образовательного процесса по второму иностранному языку.

Формирование произносительных и ритмико-интонационных навыков у школьников, изучающих французский язык после английского, подвержено интерферирующему влиянию уже сформированных фонетических навыков на родном и английском языках. Влияние

артикуляции английского языка на постановку французского произношения связано с распределением артикуляционного напряжения. Во французском языке большую роль играет лабиализация гласных звуков, в нем также больше губных согласных. Таким образом, во французском языке преобладают звуки, образуемые в передней части голосового аппарата. В английском языке, напротив, преобладают гласные звуки заднего ряда. В русском языке – среднего ряда. При изучении французского языка после английского обучаемые произносят передние гласные более глубоко, чем следует. Данная интерференция вызвана артикуляционной привычкой, сформированной речью на английском языке, также как и тенденция к дифтонгизации французских гласных, к редукции безударных гласных. Кроме этого, на начальном этапе изучения французского языка после английского обучающиеся произносят французские [t], [d], [p] с придыханием, т.е. интерференция ведет к появлению в лингвистическом элементе признаков коррелирующего элемента другой системы [6].

Влияние русского языка значительно в плане просодии. Учащиеся ставят ударение на каждом слове, а не внутри ритмической группы, не делают правильного восходящего тона и т.п. Так как становление фонетических механизмов мало зависит от когнитивного опыта человека, а в большей степени от индивидуальных, генетически определенных способностей человека, то основу методики обучения фонетической стороне речи должна составлять тренировка психических механизмов восприятия и фонетического кодирования звуков нового языка [6]. Таким образом, методика формирования фонетических навыков в первом и во втором иностранных языках мало отличается. Для становления произносительного навыка используются упражнения на многократное воспроизведение (повторение) изучаемого звука в стихах, песнях, рифмовках и скороговорках. Для развития ритмико-интонационных навыков важно обеспечить учащимся регулярное аудирование аутентичной речи.

При формировании технических навыков чтения возможен положительный перенос с английского языка, так как и французский, и английский языки используют латинский алфавит. Кроме этого, облегчает обучение чтению совпадение некоторых правил чтения в двух языках [1]:

- 1) буква **e** на конце слова не читается. Напр., little, live (англ.), livre, chemise, amie (фр.);
- 2) буква **c** перед **e, i, y** читается как [s]: civil, bicycle (англ.), milice, citadelle, bicyclette (фр.), в остальных случаях как [k]: cube, cry (англ.), acte, cabine (фр.);
- 3) буквосочетание **ph** читается как [f]: phrase, photo (англ.) – phrase, photo, alphabet (фр.).

Однако перенос не исключает отрицательного уподобления в произношении французских слов. У учащихся срабатывает созданный при изучении первого иностранного языка стереотип: увидев слово, написанное латиницей и графически похожее на английское слово, они его произносят на «английский манер», т.е. происходит прямой перенос произношения английского языка на французский. Как показывает опыт, на начальном этапе сильна интерференция при чтении французских слов с буквосочетаниями:

er: cercle, concert, verbe, terme, traverse (учащиеся произносят [ə:] вместо [ɛ]);

qu: qualité, quitter, question, quatre (ошибочно произносят [kw] вместо [k]).

Кроме того, часто учащиеся делают ошибки при чтении слов с буквой **u**: они произносят вместо французского звука [y] английский [ju]: musique, lune. Для преодоления интерферирующего влияния английского языка рекомендуется использовать специальные упражнения на отработку техники чтения. Данные упражнения могут содержать кратко сформулированное правило и серию слов с буквосочетанием на изучаемое правило. Для того, чтобы учащийся мог при необходимости послушать слова, проверить себя, слова должны быть записаны на аудионоситель.

В методической литературе выделяют несколько видов положительного переноса и интерференции в области лексики и семантики. Собственно лексические перенос и

интерференция имеют место, если лексема уже известного языка обладает сходными фонологическими или орфографическими характеристиками с изучаемым словом нового языка. В качестве источника лексического переноса лидирует английский язык, а на уровне семантики – родной язык учащихся [6].

Результаты ранее проведенных исследований свидетельствуют о том, что на уроках по второму иностранному языку следует проводить целенаправленную работу по распознаванию и анализу словарных совпадений русского и изучаемых иностранных языков. По мнению психологов, более эффективными и отвечающими особенностям возраста подростков оказываются аналитические формы работы, систематизация и сравнение языковых фактов. По подсчетам лингвистов, лексический запас французского языка на 65% латинского происхождения, а слова, пришедшие из английского языка, составляют в нем около 2% лексики; в современном английском языке около 75% всех употребляемых слов по происхождению французские и латинские. Кроме того, в активном словаре русского, английского и французского языков насчитывается около 10% интернациональной лексики. Поэтому можно утверждать, что умение выявлять и анализировать лексические совпадения русского, английского и французского языков облегчает процесс овладения данными языками.

По мнению исследователей, на выбор лексических единиц в речи на втором иностранном языке, т.е. в продуктивных видах речевой деятельности, первый иностранный язык оказывает влияние только в том случае, если имеется формальное сходство (напр., звуковая и графическая форма) слов первого и второго иностранных языков [3].

Таким образом, словарные совпадения можно разделить на две группы: звуковые и графические, которые, в свою очередь, могут быть полными и неполными.

К полным графическим соответствиям можно отнести, напр., следующие лексические единицы во французском и английском языках: *admirable, animal, article, avarice, ballet, bureau, conclusion, condition, courage, danger, dialogue, fatigue, festival, image, important, long, moustache, nature, opinion, page, parents, patience, population, possible, religion, source, village, table, tradition, train, question*. Школьники, изучающие французский язык после английского, легко узнают эти слова при зрительном восприятии графической записи и запоминают правописание слов, но при говорении и при чтении вслух возможна фонетическая интерференция с первого иностранного языка. Поэтому необходимо обращать внимание обучаемых на отличия в произношении предъявляемых слов и обеспечивать их аудирование и воспроизведение на уроке. Следует отметить, что выявление большого количества знакомых слов в новом языке позитивно влияет на мотивацию школьников к его изучению.

Анализ словарного состава английского и французского языков показал наличие значительного количества неполных графических соответствий в двух языках, которые являются источником интерференции на письме:

<i>французский язык</i>	<i>английский язык</i>
<i>texte m</i>	<i>text n</i>
<i>verbe m</i>	<i>verb n</i>
<i>exercice m</i>	<i>exercise n</i>
<i>exemple m</i>	<i>example n</i>
<i>adresse f</i>	<i>address n</i>
<i>leçon f</i>	<i>lesson n</i>
<i>annonce m</i>	<i>announce n</i>
<i>famille f</i>	<i>family n</i>
<i>histoire f</i>	<i>history n</i>
<i>saison f</i>	<i>season n</i>
<i>calme adj.</i>	<i>calm adj.</i>
<i>étrange adj.</i>	<i>strange adj.</i>

répéter v
préparer v
participer v

repeat v
prepare v
participate v

Следует отметить, что имеются также лексические единицы, отличающиеся в двух языках наличием или отсутствием диакритических знаков: collège, éducation, expériment, océan, héritage, président etc.

При работе с неполными совпадениями рекомендуется прибегать к проблемно-поисковой технологии концептуализации знания. Учащимся можно предложить серию слов на первом и втором иностранных языках и попросить сделать таблицу соответствия английских и французских суффиксов и окончаний:

- a) activité/activity, beauty/beauté, société/society, cité/city;
- b) énergie/energy, technologie/ technology, méthodologie/ methodology;
- c) ordinaire/ ordinary, vocabulaire/ vocabulary, salaire/ salary, secondaire/ secondary;
- d) musique/music, répubique/republic, magique/ magic;
- e) forêt/forest, intérêt/interest, hôpital/hospital;
- f) participer/participate, illustrer/illustrate.

Затем предложить им задание вывести орфографию на французском языке следующих английских слов:

- a) difficulty /..., university/..., liberty/..., quality/ ..., mobility/...
- b) pedagogy/..., philology/...
- c) illuminate/..., illustrate/...

Подобные упражнения помогут учащимся самим понять/вывести закономерности в изучаемых языках.

В процессе формирования лексических навыков важно ознакомление обучающихся со словообразовательными механизмами французского языка. Работу по обучению способам словообразования целесообразно проводить на лексическом материале базового учебно-методического комплекта. Эффективными являются также задания на группировку слов по темам, на сочетаемость, нахождение однокоренных слов, антонимов, синонимов и т.п.

Несовпадение объема значений слов во французском и английском языках порождает интерференцию как в рецепции, так и в продукции. Например, в следующих словах не совпадает значение:

французский язык

agenda *f* записная книжка, ежедневник

journée *f* день

casquette *f* фуражка, кепка

caractère *m* характер

car *m* большой автобус

large *adj.* широкий

blessé *v* ранить

rester *v* оставаться

Tu cries ты кричишь

английский язык

agenda, *n* повестка дня, программа

journey *n* путешествие, поездка

casket *n* шкатулка

character *n* герой произведения

car *n* автомашина

large *adj.* большой

bless *v* благословлять

to rest *v* отдыхать

He cries он плачет

Поэтому при введении данных лексических единиц необходимо, чтобы учащиеся осознали семантические различия. На этапе тренировки следует предлагать упражнения на отработку данного аспекта: напр., вставить межъязыковой омоним правильно в предложения, которые построены с учётом значения похожего слова в первом языке.

Продуктивное овладение лексическими навыками, как отмечают исследователи, предполагает «размещение» лексики в долговременной памяти ученика согласно когнитивным закономерностям [6]. На этапе презентации лексических единиц необходимо предъявление новых слов на уровне текста, связанного с ситуацией общения, что позволит понять коммуникативную функцию и сферу употребления новых слов.

Сопоставляя словарный корпус рассматриваемых языков, можно наблюдать употребление некоторых лексических единиц в двух языках с одинаковым значением или в сходных ситуациях, напр. глаголы *to speak* и *to say* в английском языке и *parler* и *dire* во французском языке [1].

Поскольку французский и английский языки относятся к языкам аналитического строя, в то время как русский – к языкам синтетического строя, мы можем предположить, что в плане грамматики английский язык будет источником положительного переноса при овладении морфологией и синтаксисом французского языка. Возможности для положительного переноса представляют общие моменты в грамматиках английского и французского языков, а именно:

- прямой порядок слов в повествовательном предложении;
- образование множественного числа существительных добавлением окончания –s;
- наличие артикля;
- обязательное употребление глагола быть в настоящем времени в составном именном сказуемом;
- наличие большого количества временных форм;
- наличие простых и сложных временных форм;
- согласование времен для выражения одновременности, предшествования или следования в планах настоящего и прошедшего времени;
- сходство в образовании сравнительной и превосходной степени французских и двусложных и многосложных английских прилагательных;
- сходство в употреблении оборотов *il y a* и *there is /are*.

Однако источником интерференции могут быть неполное совпадение условий употребления определенного и неопределенного артиклей в двух языках, более развитая система артиклей во французском языке, также как неполное совпадение употребления *Imparfait/passé composé* # *Past indefinite/ present perfect* и т.д.

Преподавателю необходимо провести анализ подлежащего усвоению языкового материала и выделить явления, которые могут быть объектом переноса или же источником интерферирующего влияния со стороны родного или первого иностранного языков. Например, часто несовпадение управления глаголов в изучаемых языках порождает интерференцию. В качестве примеров можно привести французские глаголы *regarder qn/qch* (смотреть на кого-л., что-л.), *écouter qn* (слушать кого-л.), *attendre qn* (ждать кого-л.), которые требуют употребления после себя прямого дополнения, в то время как их эквиваленты в английском языке *to look at smth*, *to listen to smb*, *to wait for smb* употребляются с косвенным дополнением. И наоборот, французские глаголы *répondre à qn* (отвечать кому-л.), *obéir à qn* (слушаться кого-л.) требуют употребления косвенного дополнения, тогда как их английские эквиваленты *to answer smb*, *to obey smb* – прямого дополнения. Выявив несовпадение управления конкретных глаголов, педагогу на этапе ознакомления с данными глаголами необходимо привлечь внимание обучающихся на этот факт и на этапе тренировки предложить специальные упражнения [1].

Препозиция прилагательного в русском и английском языках также служит источником интерференции при изучении французского как второго иностранного языка на базе английского. А во французском прилагательное, как правило, употребляется в постпозиции.

Употребление порядковых числительных в датах в русском и английском языках является источником интерференции для французского языка, где употребляется количественное числительное (за исключением первого числа).

Результаты ранее проведенных исследований свидетельствуют о том, что необходима специальная активизация элементов, совпадающих с родным языком, но не совпадающих с первым иностранным языком. Так, для русского и французского языков важным признаком атрибутивных словосочетаний является согласование. При изучении французского как

первого иностранного языка специально не тренируется согласование прилагательного с существительным в роде и числе. Но если эта практика переносится на методику обучения французскому на базе английского, результатом будут устойчивые ошибки учащихся вследствие интерферирующего влияния английского языка, где нет согласования прилагательного с существительным [1].

<i>русский</i>	<i>французский</i>	<i>английский</i>
Важная проблема	Un problème important	Important problem
Важный вопрос	Une question importante	Important question
Важные идеи	Des idées importantes	Important ideas
Важные темы	Des sujets importants	Important themes

Реализация сопоставительного подхода при обучении второму иностранному языку предполагает побуждение обучающихся к сравнению языков, выявлению черт сходства и различия между ними для предотвращения интерференции и осуществления положительного переноса. Применение проблемно-поисковой технологии при ознакомлении с грамматическим явлением французского языка формирует у учащихся знание о его форме, значении и функции, которое не нуждается в длительной отработке. Учащиеся, изучающие два и более неродных языка, справляются с большим объемом одновременно вводимого грамматического материала. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что дозировка материала менее важна при обучении второму иностранному языку, чем его регулярная повторяемость. В условиях дефицита часов важными являются грамотная организация самостоятельной работы школьников, их автономность в изучении языка. Обучающимся могут оказать помощь Интернет-порталы и сайты, предлагающие интерактивные задания по французскому языку. В предыдущих публикациях [2] мы анализировали дидактический потенциал Интернет-ресурсов. В настоящей статье мы просто приведем несколько полезных для изучающих французский язык сайтов: <https://resh.edu.ru/>, <http://lexiquefle.free.fr/>, <http://www.tv5monde.com>, <http://irgol.ru>.

Не менее важной для развития личности учащегося и формирования коммуникативной компетенции на втором иностранном языке является целенаправленная работа по поддержанию интереса к новому языку. В этом могут помочь внеурочная деятельность по предмету, участие в конкурсах, организованных Французским институтом в России.

Таким образом, формирование коммуникативной компетенции учащихся во втором иностранном языке может идти более успешно благодаря использованию учителем контрастивно-сопоставительного подхода при объяснении новых грамматических явлений, введении новых лексических единиц, описании социолингвистического и социокультурного контекста речевых действий. Как показал опыт, реализация сопоставительного подхода при обучении французскому как второму иностранному возможна в полной мере, если сам учитель владеет этими двумя иностранными языками.

В рамках реализации разработанной нами дополнительной образовательной программы (курсов повышения квалификации) «Современные технологии преподавания французского языка в качестве второго иностранного в условиях реализации ФГОС в основной общеобразовательной школе» слушатели овладевают проблемно-поисковой технологией ознакомления новым языковым материалом, что позволяет повысить эффективность образовательного процесса.

Библиография:

1. Киреева З.Р. Особенности методики обучения французскому языку как второму иностранному в средних общеобразовательных организациях //З.Р.Киреева //Педагогический журнал Башкортостана. 2016. №4. С.74-81.

2. Киреева З.Р. Информационные и образовательные сайты – в помощь изучающим французский язык [Электронный ресурс] //Просвещение. Иностранные языки. Режим доступа: <http://iyazyki.prosv.ru/2015/01/information-education/>
3. Перестронина И. Л. Формирование языковой компетенции при обучении лексике второго иностранного языка (на примере англо-французских когнатов): автореф. дисс. канд.пед.наук. – М., 2003. 20 с.
4. Селиванова Н.А. Французский язык. Второй иностранный язык. Рабочие программы. Предметная линия «Синяя птица». – М.: Просвещение, 2013. 165с.
5. Щепилова А.В. Обновление содержания основного общего образования: иностранные языки /А.В.Щепилова, Н.А.Спичко, С.Л.Фурманова. – М.: Серия ФГОС: обновление содержания образования, 2017.
6. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб.пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 «Иностр. яз.» - М.: Гуманитар. изд. Центр ВЛАДОС, 2005. 245с.
7. Щерба Л.В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб.пособие для студ.филол.фак. – 3-е изд. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 160с.

УДК 811.135.2:930.25

Киселев Михаил Юрьевич,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра Архива
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kiss_RAN@mail.ru

К ИСТОРИИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА: ОТЧЕТ АЛАВЕРДОВА К.А.

Annotation: The article provides information on the archive fund of the All-Union Central Committee of the new (latinized) alphabet stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences, in which they deposited: report of K. Alaverdov on a business trip to examine the state of the Moldavian literary language and written language, dated 1934, and the minutes of the meeting at the Committee for Work on the Moldavian Language, dated April 17, 1935. The report highlights the issues of the work of the Scientific Committee and the linguistic section of the Moldovan People's Commissariat of Education, the Moldavian Committee in Latinization, and submitted proposals for improving linguistics in the republic. The meeting noted that the Romanian language developed with approximately equal participation of elements from all dialects, primarily the Moldovan dialect, and that there was no fundamental difference between the Romanian language of fiction and the spoken language of the Moldovan masses.

Keywords: Republic of Moldova, history, Moldavian language, Romanian language, Latinization, archive, Russian Academy of Sciences

Архив Российской академии наук (РАН) остается одним из старейших и крупнейших ведомственных архивохранилищ России, в котором сосредоточены документальные комплексы по истории Академии наук и ее учреждений, науки и культуры за XIX-XXI вв., фонды личного происхождения ученых. В документальных коллекциях Архива РАН сохранился архивный фонд Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита при ВЦИК СССР. В фонде отложился отчет Алавердова К.А. о командировке по обследованию состояния молдавского литературного языка и письменности, датированный 1934 г. [1, с. 2-4].

Алавердов К.А. сообщал, что вокруг вопросов молдавского языка, как в прошлом, так и в рассматриваемый период, велась в Автономной Молдавской ССР (АМССР) напряженная борьба. По его мнению, воспользовавшись «притуплением классовой бдительности прежнего областного партийного руководства, классовый враг в прошлом смог проникнуть в руководящие органы» национально-культурного строительства республики, в частности, ведающие вопросами языкового строительства. Он констатировал, что вплоть до начала 1932 г. «группа классово-чуждых элементов, проводила теорию Скрыпкина о «двух языках и двух национальностях, находящихся по эту и другую сторону Днестра (Игнатович [А.Г.], Данилов, Иrimiца [И.], Гординский, Рапча, Мошан, Ефодиев)». Эту группу возглавляли руководитель Научного комитета при Молдавском наркомате просвещения Очинский и председатель Лингвистической секции [Л.А.] Мадан.

В отчете указывалось, что «языковая практика Научного комитета была направлена на то, чтобы молдавский язык в республике по возможности больше отличался от языка бессарабских трудящихся». С этой целью, по мнению Алавердова К.А., «самобытники типа Мадана [Л.А.] с одной стороны старались наводнить молдавский язык своими, искусственно выдуманными словами, а с другой, всячески вытесняли слова, созданные советской социалистической деятельностью и вошедшие уже в интернациональный словарный фонд». В качестве примера он приводил «словотворчество» Научного комитета: в качестве эквивалента слову «перелом» было создано слово, которое означало «поражение». В результате статья Сталина И.В. «Год великого перелома» в переводе на молдавский язык звучало как «Год великого поражения». Слова «пятилетка», «совет», «колхоз» предлагались в переводе на румынский язык.

После разгрома «контрреволюционного Научного комитета» молдавский литературный язык, язык прессы и массовой политической литературы, по мнению Алавердова К.А., недостаточно освободился от их «наследства». Кроме этого, молдавский язык оказался под угрозой другой опасности – «работы румынизаторов, стремящихся наводнить молдавский язык словами из лексикона офранцузенного языка румынской, правящей верхушки». Он считал, что их влияние не преодолено и представляло несомненную опасность, способную сделать молдавский язык непонятным трудящимся по эту и другую сторону Днестра: в язык вводились термины, «взятые из языка румынских салонов и которые непонятными массам, между тем, как в языке этих масс имеются термины, совершенно точно передающие соответствующие понятия». В отчете отмечалось, что значительным препятствием на пути создания литературного языка трудящихся Молдавии являлась «низкая языковая квалификация громадного большинства редакторов и секретарей районных и политотдельческих газет». В одной районной газете был напечатан жирным шрифтом лозунг «Каждый колхозник – корова», вместо «Каждому колхознику – корова». Этот пример – результат не недосмотра со стороны редактора и секретаря, а их безграмотности.

Факты этого рода, как указывалось в отчете, в условиях АМССР приобретали особую остроту потому, что они немедленно «получали отклик по правую сторону Днестра». Указанные выше три обстоятельства в значительной мере определили уровень состояния молдавского языка, который «недостаточно литературен (особенно если иметь в виду язык районной периодической прессы) и недостаточно понятен широким трудящимся массам». Алавердов К.А. констатировал, что как ни различны указанные выше факты, они в конечном итоге приводили к языковому разобщению между трудящимися АМССР и правого берега Днестра и тем самым «к затушевыванию революционного значения существования Молдавской АССР как революционного фактора для трудящихся по ту сторону Днестра» [2, с. 18].

В то же время, в отчете признавался факт того, что «рабочие и колхозники молдавские и румынские (особенно бессарабские) свободно понимали друг друга». Это

обстоятельство являлось исходным при решении вопроса о литературном языке АМССР. В этом вопросе линия областного комитета партии, одобренная ЦК КП (б) Украины и зафиксированная в решениях пленума областного комитета АМССР, сводилась к тому, что нужно создать такой литературный язык, который был бы понятен как рабочим и колхозникам Молдавии, так и рабочим и колхозникам Бессарабии и Румынии. Такой литературный язык «в наших условиях в своем развитии будет идти по пути вбирания с одной стороны слов и терминов, отражающих советскую действительность, а с другой стороны – по пути наиболее рационального использования богатств румынского языка».

Автор отчета констатировал, что с фактической реализацией этой линии в АМССР дело обстоит неудовлетворительно. В республике отсутствовал орган, который специально занимался вопросами языкового строительства. Научный комитет, в составе которого была лингвистическая секция, после разоблачения в 1933 г. руководителей Комитета и секции, «оказавшихся контрреволюционными националистами, фактически не вел сколько-нибудь заметной работы». В августе 1934 г. решением обкома АМССР Научный комитет был реорганизован в Научно-исследовательский институт краеведения. Ознакомление Алавердовым К.А. с институтом показало, что в нем не было не только планов работы, но и руководителя учреждения. В штате института числились: завхоз, бухгалтер, машинистка, сторож, «и не то два, не то три научных работника, которые на свой страх и риск провели довольно большую словарную работу, но она сейчас приостановлена».

Отдельно Алавердов К.А. остановился на состоянии работы по латинизации молдавского языка. Постановлением бюро Молдавского обкома КП (б) Украины от 2 февраля 1932 г. предписывалось перейти в республике до конца года на латинский алфавит; одновременно была осуществлена адаптация норм и правил румынского языка. Тогда же был организован Комитет по латинизации, «который, видимо, решив, что с введением латинского алфавита, его задача уже разрешена, не занимался вопросами языка». В январе 1934 г. на IX пленуме обкома АМССР Комитет по латинизации был распущен, в мае того же года восстановлен, но к моменту обследования (начало ноября) еще не приступал к работе.

В отчете указывалось, что только одна областная газета печаталась на латинском шрифте, все районные газеты и газеты политотделов печатались на русском шрифте. Это объяснялось тем, что латинизированной письменностью владела незначительная часть населения. В качестве примера приведен Сельскохозяйственный коммунистический вуз в Тирасполе: из 70 человек, подвергнутых испытаниям при приеме, ни один не знал латинизированного алфавита. По данным Наркомата просвещения республики по линии ликвидации безграмотности на латинском алфавите ликвидировали неграмотность 38500 человек. В этой связи Алавердов К.А. писал: «Хотя реальность этой цифры вызывает сомнение, но все же работа, несомненно, сдвинулась с мертвой точки, но она прошла мимо Комитета по латинизации». Он сделал вывод, что работа по языковому строительству в АМССР, несмотря на ее большое политическое значение, «не налажена, ей не приданы четкие организационные формы, она не обеспечена планом конкретных мероприятий, способных поднять ее на требуемую высоту и дать достаточно эффективный результат».

Автор отчета предлагал:

1. «Нынешнее партийное руководство АМССР ни на минуту не должно ослаблять внимания к вопросам языкового строительства и органам, которым будет поручено непосредственное проведение этой работы».
2. Создать авторитетный и работоспособный Комитет по латинизации с конкретным планом работы, «охватывающим весь круг языковых вопросов», научной базой которого должен стать лингвистический сектор Научно-исследовательского института краеведения.
3. Назначить директора Научно-исследовательского института краеведения и привлечь необходимые научные кадры в институт. Обкомом представлен в ЦК ВКП (б) список лиц,

проживающих вне АМССР, «которых желательно было бы в порядке партийной мобилизации направить для работы в институт».

4. Организовать работу по учету и оценке тех терминов, которые «проникли в литературный язык с тем, чтобы освободить его от терминов, по тем или иным соображениям неприемлемых».

5. Приступить к составлению терминологических словарей, в первую очередь, общественно-политического, и отраслевых (сельское хозяйство, химия, физика, история, география и т.д.);

6. «Не форсировать перевода районных и политотдельских газет на латинизированный шрифт. Необходимой предпосылкой перевода должно явиться такое развертывание работы по ликвидации неграмотности на латинской письменности, чтобы охватить ею подавляющее большинство населения. Даже при создании этой предпосылки перевод на латинский шрифт должен быть произведен постепенно: часть газетных материалов должна некоторое время печататься на русском шрифте».

7. Провести обследование состояния типографий и заблаговременно обеспечить их соответствующим оборудованием и необходимым количеством латинского шрифта.

8. Организовать переподготовку редакторов районных газет и газет политотделов, «поставив в качестве основной задачи курсов переподготовки овладение культурой языка».

9. Приступить к серьезной проработке основных вопросов строительства молдавского языка (литературный язык, терминология, орфография, грамматика и т.д.) и вынести их на обсуждение языковедческой конференции.

10. Проверить качество «стабильных учебников и провести необходимые улучшения в этом деле до начала 1935/1936 учебного года».

11. Провести учет лингвистических кадров и «добиться переброски хотя бы части их в АМССР».

12. Со стороны Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита обеспечить постоянную материальную, научную и организационную помощь Молдавскому комитету по латинизации.

Среди документов фонда отложился протокол совещания при Всесоюзном Центральном Комитете нового (латинизированного) алфавита по вопросам работы по молдавскому языку, датированного 17 апреля 1935 г. [1, с. 5]. Совещание констатировало, что румынский язык, в частности, язык художественной литературы, развивался приблизительно с равным участием элементов из всех диалектов, в первую очередь, молдавского диалекта, и что между румынским языком художественной литературы и разговорным языком молдавских масс нет принципиального различия. Исходя из этого, совещание считало, что линия дальнейшего развития молдавского языка в МАССР «должна включать в себе все достижения языка румынской художественной литературы, избегая галлицизмов, характерных исключительно для языка правящих классов Румынии, и используя такие термины, которые по своему классовому существу соответствуют духу и практике нашего социалистического строительства и рабочего движения в Румынии в тех случаях, когда нет соответствующих общепринятых и общепонятных эквивалентов в молдавском языке».

В заключение отметим, что в 1937 г. Всесоюзный Центральный Комитет нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР был ликвидирован, как выполнивший свою основную задачу – ликвидацию неграмотности. В процессе латинизации были допущены явные перегибы, заключавшиеся, прежде всего в том, что латинский алфавит был возведен в «абсолют», провозглашен «алфавитом всемирного коммунистического общества», а попытки положить в основу письменности нерусских народов русский алфавит клеймились как контрреволюционные. В мае 1938 г. кампания по латинизации в АМССР была прекращена и молдавскому языку вернули кириллическую графику. Новая норма молдавского языка оставалась при этом достаточно близкой к

румынской. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории языкознания в Республике Молдова и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Библиография:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 676. Оп. 1. Д. 1060.
2. Голуб Н.И. Красная Бессарабия. 1934. № 2.

УДК 81-115:811.161.1:811.111

Куртова Елена Родионовна,
магистр, лектор университет КГУ,
докторант ULM,
г. Комрат, РМ
E-mail: curtova2014@yandex.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЦВЕТ» В ИДИОМАТИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ
КОЛОРАТИВА «БЕЛЫЙ»)**

Annotation: The article is aimed at showing the role of colour idioms in the Russian and English linguistic world pictures. The article presents a comparative analysis of English and Russian colour idioms that gives a possibility to identify a system of values required for the research of cultural differences as well as uniqueness of mentality and outlook of English and Russian people. Special attention is paid to the general and specific features of “white” as a part of the linguistic idiomatic view of the world of English and Russian languages.

Key words: colour idioms, white, world view, linguistic view of the world and linguistic idiomatic view of the world, similar and different national peculiarities.

В последние десятилетия изучение языковых картин мира, прежде всего в сопоставительном аспекте, бесспорно, является одним из важнейших направлений современной лингвистики; это направление тесно связано с когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией. В настоящее время одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики стала проблема отображения в сознании человека целостной картины мира.

Совершенствуя свои знания о мире, человек пытается упорядочить поток информации, которая поступает из окружающего мира, тем самым составляет своё представление о мире, то есть в его сознании возникает определенная «картина мира». Данное понятие исследуется лингвистами с целью выяснить, как язык формирует представления о реальности, и как он находит своё отражение в формировании той самой «картины мира». Ведь именно язык одновременно является и средством выражения, хранения представлений человека об окружающем его мире, и инструментом влияния на видение мира человеком. Это наталкивает на мысль, что представители разных культур, владеющие соответственно разными языками, имеют своеобразное представление об окружающем мире, о ценностях, нормах и менталитете собственной культуры.

А значит, различия в восприятии окружающего мира находят отражение в языковых средствах репрезентации реальности, а именно в устойчивых сочетаниях, которые наиболее ярко и точно отражают дух народа, его национальный менталитет, а также культурно-исторический опыт познания мира, в силу своей экспрессивности и эмоциональности.

Наряду с понятием «картина мира» в когнитивной лингвистике оказалось достаточно востребованным понятие «идиоматическая картина мира». Идиоматическая картина мира

представляет собой «наивную» картину мира, поскольку отражает знания о мире на уровне обыденного сознания. Образы, закрепленные в устойчивых сочетаниях, становятся стереотипами поведения человека, обусловленными национальным мировидением. Можно отметить, что идиоматическая картина мира - наиболее стабильная часть языковой картины мира, поскольку она пополняется в процессе развития общества незначительно, и процесс образования фразеологических единиц достаточно длителен.

Неотъемлемой частью наивной картины мира является цветовая картина мира, существующая в психике рядового носителя языка, она полностью не может отобразить предметы, явления и процессы окружающей среды. Цвета лишь способствуют возникновению ассоциации, базой для которых служили неизменные свойства человека и природы: красный для обозначения крови, зеленый – травы, деревьев, синий – неба.

Интерес лингвистики к категории цвета обусловлен рядом причин: во-первых, понятие цвета связано с многообразием окружающего мира, во-вторых – с мышлением человека, его мировоззрением и восприятием окружающей действительности, отражающейся в языковой картине мира.

Понятие цвета существует в каждой культуре, и, безусловно, цвет является одним из самых мощных факторов влияния на восприятие действительности. Через цвет люди могут передавать свое мировоззрение, восприятие окружающей действительности. В цветовых лексемах отражаются важные социокультурные особенности, накопленные этносом с самых древнейших времен, а также его психосоматические особенности, социально-экономическое и культурно-историческое своеобразие страны и этноса.

Поскольку цвет отображает специфику мироощущения и мировоззрения народа, разные языки имеют свою цветовую гамму, в силу того, что процесс цветовосприятия осуществляется за счёт национально-культурных и индивидуальных особенностей определённого этноса, тем самым вызывая у носителей языка определённые ассоциации.

Таким образом, некоторые культурные явления, являющиеся характерными для одного народа, не могут быть в полной мере поняты представителями другого народа без глубокого осознания всех ассоциативных рядов конкретного цветоименования, входящих в состав идиом, которые наделены метафоричным, образным значением, не всегда спровоцированным основным цветообозначением. Из всего вышесказанного можем заключить, что категория цвета объединяет лексические единицы с ассоциативно и символически насыщенной семантикой, содержащие важную социокультурную информацию и отражающие национальные особенности менталитета народа, говорящего на этом языке.

Считается, что базовыми цветами, раньше всех появившимися в культуре человека, были белый, черный и красный. Белый – это свет, черный – это тьма, а красный – огонь.

В цветовой гамме культурной и идиоматической картины мира, созданной английским и русским языками, белый цвет играют очень важную роль. На основе анализа фразеологических единиц с цветокомпонентом «белый», попробуем выявить особенности цветовосприятия разносистемных языков, отражение в ментальном мире и национальном характере, а также проявления в русской и английской культурах.

Символизм белого цвета наиболее часто рассматривают в его самых положительных аспектах, так как в различных культурах он традиционно воспринимается как символ надежды, добра, чистоты, искренности, невинности, правды, и любви.

Белый цвет характеризуется наибольшей емкостью, богатством особых оттенков, которые охватывают различные сферы жизни. Это можно объяснить тем, что белый цвет имеет способность поглощения всех остальных цветов и оттенков, не зря еще с глубокой древности белый цвет являлся особым цветом [5, с.93].

Следует отметить, что в эпоху древней цивилизации белый цвет всегда считался цветом богов и священников, которые облачались в белые одежды; это позволяет говорить о

том, что белый цвет означает святость, чистоту помыслов, стремление к духовной простоте и стремление к отрешенности от всего мирского.

Белая семантика характеризует христианские праздники. Так, например, фразеологизм «*White Sunday*» означает День Святой Троицы, а русский фразеологизм «*белая изба*» – в значении ‘чистая’ вошел в язык от традиции выбеливать избу, как правило, перед святыми праздниками.

Белый цвет символизирует мир, что и отражается в русских и английских фразеологизмах, таких как: «*white dove*» – белый голубь, «*white flag*» – белый флаг, «*белый свет*» – весь мир, вся земля, «*белые крестьяне*» – люди, свободные от всех податей и повинностей.

На Руси значение белого – это вольность и свобода, неслучайно можно встретить такую характеристику Русской Земле, как «*Белая Русь*», что первоначально означало «вольная, свободная, неподчиненная».

Проведенный анализ фразеологических единиц с цветокомпонентом белый в русском и английском языках позволил установить, что универсальная оценка белого цвета как положительного символа чистоты, невинности и добра характерна для обеих культур.

У многих людей этот цвет ассоциируется с чистотой, нежностью, невинностью, с чем-то неизведанным. Белый цвет – это традиционный цвет свадьбы. Невеста на свадьбе, чаще всего, одета в белое «*white wedding*» – белая свадьба, поскольку белый цвет традиционно символизирует непорочность и невинность новобрачной. По той же причине до сих пор незамужнюю девушку, невесту хоронят в белом платье «*white funeral*» – белые похороны.

Устойчивые выражения с цветообозначением белый/white, относящихся к человеку, в значении ‘чистый’ помогает дать ему положительную оценку с морально-нравственной стороны. Белый как цвет чистых помыслов находит своё отражение в следующих выражениях: «*to be whiter than white*» – *белее белого* – быть добросовестным, моральным и духовно-нравственным человеком, «*white hands*» – невинность, честность, «*white man*» – порядочный человек, «*white knight*» – *белый рыцарь* – в экономическом отношении означает фирму, которая делает компании более выгодное предложение, «*white hope*» – лицо, на которое возлагаются большие надежды, «*white hat*» – герой. Но стоит отметить, что в русском языке фразеологизмы с таким значением белого цвета не встречаются.

Белый – это цвет благородства, великодушия, признак высокого статуса в обществе. Именно поэтому в русском языке существует устойчивое словосочетание «*белая кость*», что означает человека знатного рода и происхождения. Однако в английском языке есть выражение «*white-collar worker*» – офисный работник, выполняющий офисные и административные задачи.

В английской лингвоцветовой картине мира белый цвет свидетельствуют о происхождении человека, либо о его социальном статусе: «*White Rose*» – династия Йорков, «*White coat*» – солдаты австрийской армии, носившие мундиры белого цвета, «*Whitehall*» – правительство Великобритании, «*White Elephant*» – король Сиам, «*White caps*» – влиятельная семья из города Кэрри в Ирландии.

Ассоциативный спектр представлений, вызываемый белым цветом, весьма широк, так как он имеет огромное эмоциональное воздействие на сознание человека. Белый цвет в языковой картине мира англичан и русских часто ассоциируется с добром, счастьем и радостью. Это во многом объясняется влиянием христианской культуры. Это можно подтвердить такими словосочетаниями, как: «*white day*» – счастливый день; «*белая полоса в жизни*» – удачный, благополучный и радостный период в жизни, «*to mark with a white stone*» – отметить какой-либо день, как особо счастливый.

Как в русском, так и в английском можно найти совпадающие сравнения – *белый как снег/молоко; snow/milk white*. *Белые гребни бурунов* в русском языке сравнивают с белыми лошадками «*white horses*». Русская пословица «*Корова чёрна, да молоко у нее бело*» имеет

частичный эквивалент в английском языке с сохранением образности в целом «*A black hen lays a white egg*».

Еще одним явным примером сходства использования белого цвета в исследуемых языках является «*черным по белому написано*», «*black and white written*». Подобные совпадения обусловлены особенностями обыденно-бытовой практики: природными явлениями, родом занятий населения.

Поскольку белый цвет ассоциируется с чем-то неизученным и тайным в культурах английского и русского языков, несомненно, можно провести параллель между ними, так например, «*белое пятно*» означает неизученную или малоизведанную территория, а «*white boy*» означает представителя тайного сообщества.

Также в русской лингвокультуре белый цвет ассоциируется с яркой индивидуальностью, т.е. не похожий на других, чужой. Это реализовано во фразеологизме «*белая ворона*» – человек, который осознанно выбирает свою, отличную от других, индивидуальность.

В некоторых русских фразеологических единицах существует наличие ассоциации белого цвета со светлым временем суток. Наглядным тому примером служат такие фразеологизмы, как «*по белу свету*» – повсюду, везде; «*среди бела дня*» – днем, когда совсем светло, «*ясно как белый день*» – абсолютно ясно. Однако, изучив фразеологические обороты в английском языке, нам не удалось найти фразеологизма с цветокомпонентом *белый* в значении 'светлый'.

Положительные ассоциации, спровоцированные белым цветом, сильны настолько, что в некоторых выражениях он может смягчать негативные явления, так например, колдовство «во благо» и в русском, и в английском называется «*белой магией/white magic*», а зависть, которая не сопровождается злобой – «*white envy/белая зависть*». Одними из ярких примеров являются фразеологизмы «*white lie* – ложь во благо» и «*white war*» – война без кровопролития, значения которых наблюдаются в английской и русской культурах, однако они не отражены в русском языке.

Белый цвет имеет нейтральное значение в английском и русском языках: «*white as milk/ivory/a dove*» – чисто белый, «*white paper*» – белая книга, «*White Pages*» – телефонная книга, «*white coffee*» – кофе с молоком, «*white harvest*» – уборка урожая после заморозков, «*white cash*» – законные наличные деньги, «*белые мухи*» – падающий снег, «*белая олимпиада*» – зимняя олимпиада.

Несмотря на преобладающее количество положительных значений у цветокомпонента *белый* в английской и русской лингвокультурах, есть также и ряд идиоматических выражений, которым присуще негативное значение.

В значении «бледный» белый цвет употребляется в обоих языках, например «*белый как смерть*», «*white as a sheet*», «*white as a ghost*», «*white as snow*», «*to turn white*» – бледность от испуга, побелеть от страха.

Отрицательная оценка присутствует также и во фразеологизмах «*белая горячка*» – припадок временного помешательства с галлюцинациями вследствие пьянства, «*довести до белого каления/to be white-hot*» – привести в состояние полной потери самообладания, «*света белого не видеть*» – быть в подавленном, угнетенном состоянии, «*свету белому не рад/белый свет не мил*» – ничто не радует, все угнетает настолько, что жить не хочется, «*прощаться с белым светом*» – ждать смерти, «*белый билет*» – документ, удостоверяющий физическую непригодность к военной службе.

Отметим, что в некоторых выражениях белый цвет ассоциируется с черным цветом. Так, на вопрос «как дела?» ответом может послужить оборот «*дела как сажа бела*» – хуже некуда. Всем известно, какого цвета сажа, соответственно и дела такого же черного цвета, что и сажа, точнее дела обстоят настолько плохо, насколько невозможно саже стать белой.

В Англии же белый цвет имеет негативное значение: холод, одиночество и тишина, это древнейший цвет траура, отсюда и фразеологизм «white widow» – белая вдова, жена Ричарда Тальбо, носившая белый траур по ушедшему мужу.

В фольклоре русского и английского языков смерть представляется всегда белой, что и отражается в выражениях «в белых тапочках», «white man's grave», «white plague/white death/белая смерть» - смертельное заболевание.

Помимо этого, белый цвет в русских и английских фразеологизмах отражает лицемерие, ложь и трусость, например: «white feather» – трус, «white liver/a white sepulcher» – лицемер, «white witch» – хитрец, «to bleed white» – обобрать до нитки, «hang out the white flag» – сдаваться, опускать руки, «шито белыми нитками» – неискусно скрыты тайные побуждения, «сказка про белого бычка» – грубая ложь.

Белый цвет – это цвет романтики, элегантности и строгости. Именно поэтому в русском языке существуют такие идиоматические выражения как: «принц на белом коне» - идеальный мужчина, «белый танец» - танец, на который дамы приглашают кавалеров.

Как мы видим, налицо тот факт, что белый цвет в идиоматической картине мира русского и английского языков является не только наглядно-чувственным символом, но и понятием, которое выражает основные моральные ценности и нормы поведения. Таким образом, белый цвет является своего рода критерием, ориентируясь на который, люди определяют свое поведение. Исходя из этого белый цвет «можно рассматривать как психологический знак – то есть средство управления человека своими психическими функциями и поведением» [3, с. 162].

Таким образом, понятие белого цвета является необходимой частью русской и английской языковой картины мира. Фразеологизмы, которые содержат в своём составе компонент цвета, отражают национально-культурные особенные черты общественной и духовной жизни народа, его мировосприятие, психологию, а также специфику культурного, исторического, экономического развития, национального фольклора, обрядов и обычаев данного народа.

Цветообозначение «белый» имеет большой ряд переносных значений, как в русской, так и в английской языковой культуре и приобретает дополнительные эстетические и метафорические смыслы.

Для того чтобы безошибочно понять культуру другого народа, необходимо научиться истолковывать значения языка цвета, знать национальные особенности мироощущения цвета и мастерски использовать данные знания в реализации диалога культур.

Библиография:

1. Болотина М.А., Шабашева Е.А. Символика цвета в русском и английском языках // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2011.
2. Веренич Т. М. Черты национального характера во фразеологической картине мира.– М.: 2012.
3. Голубева Е. В. Цветовая палитра в калмыцких фразеологизмах. Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Бел-город : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 520 с.
4. Давлетбаева Д. Н. Картина мира в русской, английской, французской и турецкой фразеологии // Вестник СамГУ. 2010. №5.2010.
5. Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. – Екатеринбург, 2011.
6. Копылова В. Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира. – Е., 2010.

7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.:1999.
8. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: 2001.
10. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2003.
11. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. Петербург, 2006.
12. Cambridge Dictionary of American Idioms. Cambridge University Press, 2003.

УДК 811.14.02

Назина Ольга Дмитриевна,
студентка I курса кафедры РФМПФя ФФ ОГУ,
г. Оренбург
E-mail: k.yuna@list.ru
Ильина Лариса Евгеньевна,
доцент кафедры романской филологии и
методики преподавания французского языка,
кандидат педагогических наук,
Оренбургский государственный университет
nerol2620@mail.ru

МЕДИАЛЬНЫЙ ЗАЛОГ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: In this article analyzes the medial voice of the ancient Greek language, describe its essence, conjugations of verbs in different tenses and moods and examples of usage. The analysis process reveals the difficulties in working with this language category and explains the reasons for its gradual disappearance from the modern Greek language.

Keywords: the medial voice, the ancient Greek language, verbs, conjugation, the present, the past, indicative, imperative, active voice, passive voice.

Набор тех или иных языковых категорий (падежей у существительных, наклонений, времен, лиц, чисел у глаголов) различается в грамматике разных языков. Языковые единицы, которые большинство из нас знает из русского, английского и других языков, далеко не полно отображают данное явление в остальных языках мира.

Возьмем в пример повелительное наклонение: в русском существуют три его формы, в английском – одна, в латинском – две, во французском – три, в греческом – четыре, а в испанском – целых пять. Наличие или отсутствие формы вежливого обращения и отрицательной формы тоже варьируются.

В данной статье будет рассмотрена категория залога.

Залог – категория глагола, которая называет автора действия, показывая связь между субъектом и предикатом.

В древнегреческом языке существовали три залога: активный (действительный), пассивный (страдательный) и медиопассивный (средний). Первые два залога известны большинству, т.к. они существуют в русском и других европейских языках, медиальный же залог характерен только для некоторых языков, в число которых входит и древнегреческий. Этот особый способ спряжения глаголов связывает активное и пассивное значение. Медиопассивный, или медиальный залог архаических языков, – аналог категории состояния. Медиальность как категория подразумевает синкретичность субъектно-объектных отношений. Когда действие возвратно, в древнегреческом языке используется медиальный залог, который похож на русские глагольные формы с возвратным постфиксом «-ся». Этот залог указывает на то, что субъект определенным образом заинтересован в действии, в

которое он включен, что он действует сам (активно) для себя (как адресат этого действия, пассивно), включаясь в это действие лично [3, с. 87]. Здесь страдательная форма глагола имеет активное значение и может быть охарактеризована, во-первых, как возвратная – глагольный признак представлен как исходящий от его носителя и направленный на него же; во-вторых, глагольный признак представляет некий ментальный процесс, и в-третьих, глагольный признак характеризуется отсутствием прямого дополнения. [2, с. 3] Примером в русском языке может служить глагол «играться», который условно можно обозначить как «осуществлять игру для себя».

Объяснением данного языкового явления может послужить художник в ситуации творчества. Он полностью включен в свой акт: живописец активно воздействует на холст, и краска, которую он кладет, возвращается к нему в форме восприятий и ощущений, которые в то же время управляют продолжением осуществляемого им акта. По сути, художник является субъектом и объектом своего акта, влияя на себя через свои действия.

Для того, чтобы понять различия всех трех залогов в древнегреческом языке, следует посмотреть на спряжение глагола διαβάζω – читать.

Infinitivus praesentis activi (инфинитив настоящего времени активного залога) образуется при помощи окончания -ειν: διαβάζειν – читать.

Infinitivus praesentis passivi (инфинитив настоящего времени пассивного залога) и Infinitivus praesentis medii (инфинитив настоящего времени медиального залога) образуются при помощи соединительного гласного -ε- + одинакового окончания -σθαι. Однако перевод глагола будет зависеть от залога: в пассивном διαβάζεσθαι будет переводиться как «быть читаемым», а в медиальном – как «читать для себя».

Praesens indicativi activi (настоящее время действительного залога) образуется от основы настоящего времени с помощью соответствующих окончаний:

sing.	1 -ω	plur.	1 -ο-μεν
	2 -εις		2 -ε-τε
	3 -ει		3 -ουσι(v)

Спряжение глагола διαβάζω:

sing.	1 διαβάζω	я читаю
	2 διαβάχεις	ты читаешь
	3 διαβάχει	он читает
plur.	1 διαβάζομεν	мы читаем
	2 διαβάχετε	вы читаете
	3 διαβάζουσι	он читает

Praesens indicativi passivi (настоящее время пассивного залога) и Praesens indicativi medii (настоящее время медиального залога) образуются при помощи одинаковых окончаний:

sing.	1 -ο-μαι	plur.	1 -ό-μεθα
	2 -ῃ		2 -ε-σθε
	3 -ε-ται		3 -ο-νται

Поэтому формы глаголов всех лиц будут одинаковыми, но переводиться будут в значении от залога:

Спряжение:

sing.	1 διαβάζομαι	меня читают/я читаю для себя
	2 διαβάχῃ	тебя читают/ты читаешь для себя
	3 διαβάχεται	его читают/он читает для себя
plur.	1 διαβαζόμεθα	нас читают/мы читаем для себя
	2 διαβάχεσθε	вас читают/вы читаете для себя
	3 διαβάζονται	их читают/они читают для себя

Imperfectum activi (прошедшее время активного залога) образуется приращением гласной -ἐ- перед основой и окончаниями:

sing.	1 -ο-ν	plur.	1-ο-μεν
2	-ε-ς	2	-ε-τε
3	-ε(ν)	3	-ο-ν

Спряжение глагола:

sing.	1 ἔδιαβάζον	я читал		
2	ἔδιαβάζεις	ты читал		
3	ἔδιαβάζει	он читал	ἔδιαβάζον	они читали
plur.	1 ἔδιαβάζομεν	мы читали		
2	ἔδιαβάζετε	вы читали		
3	ἔδιαβάζον	они читали		

Imperfectum passivi & medii образуется с помощью соединительных гласных и окончаний пассивного залога:

sing.	1 -ό-μην	plur.	1 -ό-μεθα
2	-ου	2	-ε-σθε
3	-ε-το	3	-ο-ντο

Различие в переводе при совпадении окончаний:

sing.	1 ἔδιαβαζόμην	меня читали/я читал для себя
2	ἔδιαβάζου	тебя читали/ты читал для себя
3	ἔδιαβάζετο	его читали/он читал для себя
plur.	1 ἔδιαβαζόμεθα	нас читали/мы читали для себя
2	ἔδιαβάζεσθε	вас читали/вы читали для себя
3	ἔδιαβάζοντο	их читали/они читали для себя

Следует отметить, что в отличие от изучаемых и используемых повсеместно языков, в древнегреческом языке помимо активного залога, повелительное наклонение имело формы и в пассивном, и в медиальном залоге.

διαβάζ-ε – читай (повелительное наклонение действительного залога 2 л. ед. ч.)

διαβάζ-ου – пусть тебя читают (повелительное наклонение страдательного залога 2 л. ед. ч.)

διαβάζ-ου – читай для себя (повелительное наклонение медиального залога 2 л. ед. ч.)

Так как формы глаголов пассивного и медиального залогов в разных временах совпадают, следовательно, их значения можно отличить лишь по контексту, поэтому необходимо привести примеры употребления этих залогов в древнегреческих текстах:

Τὸ τρίτον ἦδη ὑπὸ τῶν Ἀθηναίων πέμπονται τῷ Μινωταύρῳ ἑπτὰ τε νεανίσκοι καὶ ἑπτὰ παρθένοι.

Дословный перевод: Семь девушек и юношей посылаются афинянами минотавру.

Литературный перевод: Уже в третий раз афиняне посылают Минотавру семь юношей и семь девушек.

В этом предложении глагол πέμπονται употреблен в пассивной форме (окончание - ονται – окончание третьего лица множественного числа настоящего времени пассивного залога).

Ἄλλ' οὐκ ἐπαιδεύεσθε, ὧ τέκνα, ἐπὶ τὸ ἀποθνήσκειν, καὶ ἄλλις ἦδη ἐπιεζόμεθα.

Не для себя вы воспитывали детей, но на смерть, и достаточно уже нас угнетали.

Перевод первой части предложения необходимо дополнить словами «не для себя...» для того, чтобы подчеркнуть медиальный залог.

Во второй части – «...καὶ ἄλλις ἦδη ἐπιεζόμεθα – ...но мы угнетаемы были/нас угнетали» – глагол стоит в пассивной форме (окончание -όμεθα – окончание первого лица множественного числа прошедшего времени пассивного залога).

Нужно отдельно сказать о сложности точного перевода на русский язык (о невозможности показать в переводе данное явление) в связи с тем, что «-ся» в русском языке многозначно:

Например, в глаголах «мыть – мыться» «-ся» передает возвратность, «драться, биться, целоваться» – взаимность (т.к. действие не возможно совершать в одиночку), «надеяться» – отложительность (отложительные глаголы имеют пассивную форму, но переводятся активным залогом), «строиться» – пассивность (например, дом не может построить себя сам), «бояться» - медиальность (страх человека направлен на него самого).

Таким образом, медиальный залог в древнегреческом языке отображал явление указания действующего лица на самого себя, которое вышло из употребления в современных языках в связи со слиянием форм медиального и пассивного залогов и упрощением языковых конструкций и категорий. Однако это вполне объяснимо расширением сферы деятельности и окупается увеличением числа лексики.

Библиография:

1. Древнегреческий язык: начальный курс. Часть I / Ф. Вольф, Н. К. Малинаускене [и др.]: изд. 4-е. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. – 232 с. – (Ad usum scholarum. Series Graeca).
2. Ильина, Л. Е.. Возможность употребления глагола в среднем залоге как основной признак категории отложительности / Л. Е. Ильина URL: artlib.osu.ru
3. Бройтман, М. С.. Краткий очерк семантики медиальных конструкций в романских языках / М. С. Бройтман; рец.: к.филол.н. С. Ю. Бочавер (Институт языкознания РАН), к.филол.н. С. А. Архипова (РУДН) // Вестник РУДН: серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2014. - №2. – С. 87-91.

УДК 81'22

Романов Алексей Аркадьевич,

доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой ТГСХА,
г. Тверь (Сахарово), РФ

E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Новоселова Ольга Владимировна,

кандидат филол. наук, доцент, доцент ТГСХА,
г. Тверь (Сахарово), РФ

E-mail: olvnov@mail.ru

МЕНАСИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГА

Annotation: This article discusses menasive statements implemented in the communicative space of dialogue. The authors prove that menasives cause addressee's affective or uncomfortable emotional state but in conditions of social interaction menasives can be used as effective communicative practices.

Keywords: menasive, discourse of threat, communicative space, affect, comfort, discomfort, pragmatics.

Особое место в системе регулятивных средств диалогического взаимодействия [подробнее о регулятиве см.: 3] занимают высказывания со значением *угрозы* (также: высказывания-угрозы или менасивные высказывания), под которыми понимаются естественно-языковые конструкции, объединенные между собой глобальной

коммуникативной целью, чтобы побудить адресата к совершению определенных действий или отказу от них с указанием на возможные санкции по отношению к нему, и способные активизировать типовой фрейм «угроза» в ментальном пространстве носителей языка [1; 4; 5]. Данный прагматический тип высказываний характеризуется обязательным следованием адресата каузируемым угрозой действиям, обусловленным возможностью применения к нему санкций, в случае если он их не выполнит [1]. По этой причине автор высказывания со значением угрозы учитывает возможность совершения указанного действия слушающим, а также отказ от него, что отчетливо прослеживается в условно-следственной или антецедентно-консеквентной природе менасивных высказываний [6]. Например: *If you make trouble, you will simply be arrested and then the newspapers will have it* (Dreiser); *Wait here, I tell you, or you'll regret it all your born days!* (Cronin); *Don't you ever tell about this or I'll have you thrown out of Hollywood* (Scott F).

Функционирование менасивных высказываний в условиях социального взаимодействия участников диалога сопряжено с проявлением аффицированного или дискомфортного эмоционального состояния адресата [5; 6], так как практически любой менасив побуждает адресата совершить определенные действия в интересах автора угрозы под упоминанием возможных негативных последствий. Поэтому вполне очевидно появление менасивного типа высказываний в ситуациях, когда имеется психологическое напряжение в диалогическом взаимодействии или возникает тематическое рассогласование между собеседниками. Например, в следующем диалоге инициатор взаимодействия пытается каузировать собеседника совершить определенные действия с помощью упоминания возможного наказания (менасивные высказывания пронумерованы цифрами):

И. - *What's your name?*

А. - *Tisn't any of your business, maybe.*

И. - ***Well I 'low I'll MAKE it my business*** (1).

А. - *Well why don't you?*

И. - ***If you say much, I will*** (2).

А. - *Much — much — MUCH. There now.*

И. - ***Oh, you think you're mighty smart, DON'T you? I could lick you with one hand tied behind me, if I wanted to*** (3).

А. - *Well why don't you DO it? You SAY you can do it.*

И. - ***Well I WILL, if you fool with me*** (4).

А. - *Oh yes — I've seen whole families in the same fix.*

И. - *Smarty! You think you're SOME, now, DON'T you? Oh, what a hat!*

А. - ***You can lump that hat if you don't like it. I dare you to knock it off — and anybody that'll take a dare will suck eggs*** (5).

И. - *You're a liar!*

А. - *You're another* (Twain)

Условные обозначения. И – инициатор диалога; А – адресат.

Представленный диалогический фрагмент демонстрирует, что адресат угрозы не желает выполнять действия не в своих интересах, а также он не желает продолжать взаимодействие по предложенному инициатором типовому фрейму «угроза». В результате такого взаимодействия адресат менасивных высказываний (1), (2), (3) и (4) становится автором ответного (респонсивного) менасива (5), направленного на противодействие согласованного продвижения партнеров к реализации глобальной коммуникативной цели [подробнее о деструктивном и кооперативном взаимодействии см.: 3; о коммуникативно справедливом взаимодействии см.: 2; 7].

Не вызывает сомнений, что высказывания со значением угрозы вводят собеседника в дискомфортное эмоциональное состояние, например: *As sure as I'm living, I'll break the brat's neck* (Bronte); *But, with the help of Satan, I shall make you swallow the carving-knife*, Nelly

(Bronte)! Кроме того, автор менасива может перейти к непосредственному осуществлению декларируемого им наказания для адресата. Например:

'Can't you, indeed, David?' he said. 'We'll try that.'

He had my head as in a vice, but I twined round him somehow, and stopped him for a moment, entreating him not to beat me (Dickens).

Тем не менее, материал исследования показывает, что автор высказывания-угрозы редко переходит к непосредственной реализации декларированного им наказания, а менасивный тип высказываний не всегда приводит к диалогическому рассогласованию и коммуникативной конфронтации собеседников. В частности, к совершению указанных в угрозе менасивных действий ее автор прибегает лишь в 6 % примеров от общего массива эмпирического материала [4, с. 28]. Важно также обратить внимание на высказывания-угрозы, автор которых в момент их произнесения не имеет возможности совершить менасивное действие, что известно и адресату: *Upon my word, sir, if you were a younger man you would not dare to speak to me in so offensive a fashion* (Doyle); *If I had been in his place — I would have laid you dead on the hearthrug* (Collins). Безусловно, такие высказывания не вводят адресата в состояние дискомфорта, а задействуют только его аффицированные переживания. Такой механизм эмоционального воздействия широко применим, например, в шутливых угрозах, которые практически не выводят собеседника из комфортного состояния.

Высказывания со значением угрозы могут служить средством достижения коммуникативных целей автора в ситуации, когда другие языковые средства не способны это сделать или когда сама ситуация требует прагматического воздействия именно менасивной силы [см. о прагматическом воздействии менасивных высказываний: 6]. Например, высказывание со значением угрозы является уместным в следующем диалогическом фрагменте, так как оно произносится говорящим с более высоким социальным статусом, который обладает правом контролировать поведение собеседника:

И. - *Guard the doors! let no man leave the house. So, Bothwell, how comes this? Did you not hear them sound boot and saddle?*

А. - *He was just going to quarters, sir, he has had a bad fall.*

И. - *In a fray, I suppose? If you neglect duty in this way, your royal blood will hardly protect you.*

А. - *How have I neglected duty?*

И. - *You should have been at quarters, Sergeant Bothwell, you have lost a golden opportunity. Here are news come that the Archbishop of St Andrews has been strangely and foully assassinated by a body of the rebel whigs, who pursued and stopped his carriage on Magus-Muir, near the town of St Andrews, dragged him out, and dispatched him with their swords and daggers* (Scott).

Итак, менасивные высказывания могут выполнять две противоположные функции в процессе диалогического общения: способствовать взаимодействию партнеров или противодействовать ему. На первый взгляд кажется достаточно спорным утверждение о том, что менасивные высказывания могут способствовать взаимодействию партнеров, так как они вводят адресата в состояние дискомфорта и принуждают его совершить какие-либо действия в интересах адресанта. Но, несмотря на когнитивную сложность ситуации «угроза» и прагматическую специфику феномена менасивных конструкций, в условиях социальной интеракции высказывание может использоваться как менасивный регулятив, направленный на стратегическую реализацию коммуникативных целей собеседников.

Библиография:

1. Новоселова О.В. Функционально-семантическая характеристика дискурсивных практик со значением угрозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: ТГСХА, 2013. – 22 с.

2. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 1. – С. 34-47. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
3. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
4. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.
5. Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивное пространство корпорального дискурса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», 2013, № 1, Т. 26 (65). – С. 510-514.
6. Романов А.А., Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство перформативов угрозы // Культура как текст: сборник научных статей. Выпуск X.П. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2014. – С. 18-23.
7. Романов А.А., Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость: прагматический подход // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. науч. тр. Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. – С. 146-151.

УДК 81.42

Степанова Алла Сергеевна,
кандидат филол. наук, доцент ВГУВТ,
г. Нижний Новгород, Россия
E-mail: allastepanova@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭМФАЗЫ В РОМАНАХ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

Annotation: The article investigates the grammatical means of creating emphasis in the novels by Theodore Dreiser. The author concludes that the most productive methods of expressing emphasis in Dreiser's novels are inversion and repetition, by means of which different parts of sentence can be accented. The author also analyzes syntactic parallelism, anaphora, the emphatic verb "do", the emphatic construction "it is ... that", which are less typical for Dreiser's style. The least frequent emphatic model of those considered in the article is an ellipsis.

Keywords: emphasis, grammatical means, novels by Theodore Dreiser, inversion, repetition, syntactic parallelism, ellipsis

Все средства языка обладают эмфатическим потенциалом, однако выразительные возможности грамматических средств уступают экспрессивным ресурсам лексического уровня. Грамматические эмфатические средства, такие как грамматические формы, словосочетания и предложения, сильно ограничены семантикой слов и их сочетаемостью. Тем не менее, грамматические средства эмфатического маркирования отличаются частотностью и разнообразием.

Наиболее распространенным грамматическим средством выражения эмфазы является **инверсия** – отступление от твердого порядка слов в предложении. Принято считать, что инверсия выполняет следующие функции: логическую, грамматическую, структурно-семантическую, эмоциональную, коммуникативную и прагматическую.

В художественном дискурсе, где образность и эмоциональность высказывания являются основной целью автора, инверсия часто встречается там, где необходимо создать напряженность в тексте, сравнить реальный ход событий с тем, что могло бы произойти при

определенных условиях. При этом конкретизация используется для того, чтобы «выдвинуть» определенные концепты, которые связаны с некоторыми свойствами объектов и явлений реальной действительности.

Исследования показывают, что подавляющее большинство примеров эмфазы в произведениях Драйзера связано именно с инверсией. Так, в романе «Дженни Герхардт» можно выделить более сотни случаев инверсии.

Порядок слов служит самостоятельным и универсальным способом выражения наиболее значимого слова. В предикативном выделении слова в функции подлежащего играет роль не начальная или конечная позиция сама по себе, а его смысловая нагрузка, обусловленная контекстом или ситуацией, а также смыслом всего предложения.

Here was the relief for all her woes - food, clothes, rent, coal - all done up in one small package of green and yellow bills [2, с. 178].

Here again was his chance to end this relationship if he wished [2, с. 255].

So came Lillian Semple, who was nothing more to him than the shadow of an ideal [3, с. 44].

Следует отметить, что, по нашим наблюдениям, инверсия подлежащего составляет абсолютное большинство инверсий в произведениях Драйзера.

В случае, когда необходимо предикативно выделить отдельно второстепенный член и сказуемое, производится отграничение второстепенного члена от сказуемого путем вынесения его в препозицию основного состава предложения. В таких структурах простых повествовательных предложений второстепенные члены в передней позиции получают наибольшую степень коммуникативного динамизма. Таким образом, могут выделяться дополнение, прилагательное определение и обстоятельства.

Money she had, it was true; but no friends, no experience, no place to go [2, с. 92]. В данном примере инверсия дополнения поддержана дополнительным акцентом тройного отрицания (*no friends, no experience, no place to go*), а также параллелизмом синтаксической структуры с целью передать печальное положение героини.

As a last resource she turned to housework, although she had hoped to avoid that; and, studying the want columns, she selected four which seemed more promising than the others. To these she decided to apply [2, с. 115].

There would be no additional exchange of visits there that she knew [2, с. 270].

"Surest thing you know," added Clyde [1, с. 173].

Инверсия прилагательного определения, или именной части составного именного сказуемого, т.е. предикатива, – редкий прием в произведениях Т.Драйзера. Более часты случаи инверсии прилагательного определения вместе с инверсией подлежащего.

Long were the days, dreary the prospect [2, с. 111]. Описывая одинокую жизнь Герхардта-старшего на заработках в другом городе, Драйзер с помощью инверсии, параллелизма и эллипсиса в этом предложении делает акцент на эмоциональном состоянии героя. *So convincing were his arguments that one by one the big carriage manufacturing companies fell into line* [2, с. 322].

Инверсия обстоятельства наиболее разнообразна: различают инверсию обстоятельства места, времени, причины, образа действия, степени и меры и др. В произведениях Драйзера такая инверсия представлена достаточно широко.

Out into the snowy night they went, and made their way to the railroad tracks [2, с. 32]. Инверсия обстоятельства места подчеркивает тяжелые условия, в которых детям приходилось выживать, а также служит средством реализации приема звукописи.

Yonder was spread out before him life with its concomitant phases of energy, hope, prosperity, and pleasure, and here he was suddenly struck by a wind of misfortune and blown aside for the time being - his prospects and purposes dissipated [2, с. 244].

Инверсия обстоятельства времени в произведениях Драйзера встречается значительно реже.

Already his eyes had the look that subtle years of thought bring [3, с. 29].

With Jennie he had really been happy, he had truly lived. She was necessary to him; the longer he stayed away from her the more he wanted her [2, с. 222].

Инверсию обстоятельства причины можно видеть в предложении, описывающем жизнь семьи Гриффитс во время процесса над Клайдом: *Besides, because of what the newspapers had said of her coming east to aid her son and the picture that she herself presented in her homely garb, it was assumed by most ministers that she was one of those erratic persons, not a constituent of any definite sect, or schooled theology, who tended by her very appearance to cast contempt on true and pure religion* [1, с. 805].

Because of the new suggestion offered by Nicholson, a new trial was all that he had to look forward to, in which case, and assuming himself to be acquitted thereafter, he could go far, far away... [1, с. 823]

Инверсию обстоятельства образа действия также находим в романах Драйзера: *Here, by the help of four long rows of incandescent lamps, he discerned row after row of porcelain tubs or troughs, lengthwise of the room, and end to end, which reached from one exterior wall to the other* [1, с. 187].

Too vividly it brought the aggressive and determined and even at times revengeful-looking features of Gilbert before him, who, stirred by such a report as this, would not hesitate to pay him out [1, с. 331].

В произведениях Драйзера встречается и относительно редкая инверсия – инверсия предлога.

Cowperwood paid no heed. Out he went through the dark hall and down the stairs. For once the lure of a beautiful, enigmatic, immoral, and promiscuous woman – poison flower though she was – was haunting him [3, с. 243].

She was ready for the end, waiting for the expressman, when the door opened and in walked Lester [2, с. 254]. Инверсия предлога составляет абсолютное меньшинство инверсий у Драйзера.

Повтор является широко распространенным средством создания эмпазы. Повтор как средство предикативного выделения используется для акцентирования подлежащего, сказуемого, препозитивного определения и обстоятельств, например, обстоятельства времени.

Подлежащее или его группа, как правило, в произведениях Драйзера повторяется два-три раза. *Her child, her child, the one transcendent, gripping theme of joy and fear. If she could only do something for it – sometime, somehow!* [2, с. 120] Повтор в данном примере передает волнение, тревогу Дженни о ребенке, в котором смысл ее жизни. Эмоциональное воздействие на читателя усилено здесь восклицанием.

There were rumors, rumors, rumors – of great railway and street-car undertakings, land developments, government revision of the tariff, war between France and Turkey, famine in Russia or Ireland, and so on [3, с. 46]. Повтор и перечисление помогают создать объемную картину биржевого мира.

В структуре простого повествовательного предложения повтор простого глагольного сказуемого в произведениях Драйзера встречается редко, повтор предикативного члена еще реже. Наблюдаются лишь двухкратные и трёхкратные повторы глагольного сказуемого.

He had argued philosophy with her, discussed books, described political and social conditions in other cities – in a word, he had treated her like a sensible human being, and she had hoped and hoped and hoped that he would propose to her [2, с. 307].

Обстоятельство времени довольно часто входит в состав повторов. *The days which followed were ones of dreamy uncertainty to Jennie. She went over in her mind these dramatic events time and time and time and again* [2, с. 87]. Повтор маркирует необычность нового состояния Дженни, ее постоянное мысленное возвращение к тем событиям.

В начальной позиции повторяется, как правило, не более двух обстоятельств времени, причем инверсия сказуемого в таких предложениях наблюдается редко. В конечной позиции более характерен повтор от двух до четырех обстоятельств времени.

Повтор обстоятельства образа действия также встречается в произведениях Драйзера.

Many and many a time, in years past, they had deserted a dance to sit out on a balcony somewhere, and talk while Lester smoked [2, с. 307].

Синтаксический параллелизм является средством выражения эмпазы и употребляется, когда для выделения или подчеркивания какой-либо мысли «необходимо наличие двух и более однотипных синтаксических конструкций, которые обычно называют параллельными конструкциями» [5, с. 158]. В параллельных синтаксических конструкциях повторяется не отдельное слово или член предложения, а повторяется сама мысль, выражаемая различными лексическими элементами и сочетаниями.

Характеризуя Лестера Кейна, Драйзер использует синтаксический параллелизм, чтобы подчеркнуть силу характера и разносторонность, сложность личности: *Born a Catholic, he was no longer a believer in the divine inspiration of Catholicism; raised a member of the social elect, he had ceased to accept the fetish that birth and station presuppose any innate superiority; brought up as the heir to a comfortable fortune and expected to marry in his own sphere, he was by no means sure that he wanted marriage on any terms* [2, с. 139].

Описывая встречу Лестера и Роберта, Т.Драйзер с помощью этого приема эмпатически подчеркивает контраст, противопоставляет двух братьев в их отношении к жизни, делу, людям, любви: *They stood before each other now, Lester pale and rather flaccid, Robert clear, wax-like, well-knit, and shrewd, and one could see the difference time had already made. Robert was the clean, decisive man, Lester the man of doubts. Robert was the spirit of business energy and integrity embodied, Lester the spirit of commercial self-sufficiency, looking at life with an uncertain eye* [2, с. 243].

Писатель часто использует параллелизм не в рамках одного предложения, а параллельные по структуре конструкции в пределах целого абзаца.

There was no sound save that of Gerhardt rocking nervously to and fro in the kitchen. There was no light save that of her own small room-lamp and a gleam from under the kitchen door [2, с. 80]. Описывая, как Дженни тайком уходит из дома, чтобы попросить у сенатора помощи, автор с помощью параллелизма передает ее страх перед отцом, сомнение в правильности своего поступка, страх за брата. Эмпаза подчеркнута также книжным *save* («кроме»).

Повтор и синтаксический параллелизм объединены в явлении **анафоры**, настолько редкой в произведениях Драйзера, что ее частотность можно считать равной проценту или менее. Пример использования анафоры как средства эмпатического выделения найдем в описании размышлений Клайда о Роберте после знакомства с ней.

She was human and gay and tolerant and good-natured. There was decidedly a very liberal measure of play in her. And in spite of the fact that her clothes were poor, the same little round brown hat and blue cloth dress that she had worn on first coming to work here, she was prettier than anyone else. And she never needed to paint her lips and cheeks like the foreign girls, whose faces at times looked like pink-frosted cakes. And how pretty were her arms and neck — plump and gracefully designed! And there was a certain grace and abandon about her as she threw herself into her work as though she really enjoyed it... [1, с. 260] Анафора подчеркивает здесь увлеченность Клайда, в совокупности с союзами *and* в первом предложении создает эффект перечисления, избыточности тех положительных качеств, которыми обладает Роберта.

Парцелляция получает все большее распространение в современном английском языке. С помощью парцелляции может выделяться эллиптическое предложение или даже одно слово. Нередко парцеллированные элементы образуют цепочки, каждый элемент которых отделен точкой или другим знаком. Благодаря приему парцелляции делается особый упор на какой-то элемент предложения, обычно последний.

Парцелляция – довольно редкое явление в прозе Т.Драйзера.

Первое появление Лестера Кейна в романе и реакция на него Дженни, произведенное им впечатление маркируются именно парцелляцией: *Jennie went about her work, but the impression persisted; his name ran in her mind. Lester Kane. And he was from Cincinnati* [2, с. 134].

Эллипсис является распространенным средством маркирования эмфазы.

Эллиптические высказывания характерны для разговорной речи, которой присущи конструкции с «незамещенной» синтаксической позицией. Эллипсис обусловлен свойственной языковой речи ситуативностью и наличием невербальных средств непосредственного речевого общения. Эллиптические высказывания широко используются в ораторской речи, в художественной литературе и публицистике как стилистическая фигура, придающая тексту динамичность и усиливающая его экспрессивность.

В прозе Драйзера эллипсис в основном маркирует разговорный стиль, а также является средством передачи внутреннего монолога персонажей.

В диалоге Лестера Кейна и родных эллипсис подчеркивает незаинтересованность Лестера в развлечениях, которые советует ему сестра.

Louise was going to a party, and the carriage was now announced. "So you are not coming?" she asked, a trifle complainingly.

"Too tired," said Lester lightly. "Make my excuses to Mrs. Knowles."

"Letty Pace asked about you the other night," Louise called back from the door.

"Kind," replied Lester. "I'm greatly obliged" [2, с. 158].

Внутренний монолог Дженни, когда она планирует уйти от Лестера, маркирует эллипсис, поддержанный инверсией сказуемого: *Better go without taking anything, if she were going, was the thought that came to her. It was the only decent thing to do* [2, с. 247].

Одним из самых распространенных средств создания эмфазы является, по терминологии В.Д.Ившина, **синтаксический выделительный оборот *it is/was... that/who, whose, which, whom, when, where, since, before***. При помощи данного оборота говорящий ставит важное слово в любой функции в предложении (подлежащее, дополнение, адвербиальный оборот, предикативное существительное или прилагательное) в наиболее важную начальную позицию.

Предложения, в которых члены предложения предикативно выделяются при помощи данного оборота, отличаются определенной структурой. По форме они сложные, но их нельзя считать таковыми по смыслу и содержанию. В.Д.Ившин называет их «простыми предложениями развернутой структуры» [5, 136]. В произведениях Т.Драйзера можно найти примеры использования данного оборота с ремой в разных синтаксических функциях.

По мнению В.Д. Ившина, ремой в данном обороте может быть подлежащее, что можно проиллюстрировать следующим примером: *It was Doctor Ellwanger who presided, assisted by the mother, who, having brought forth six herself, knew exactly what to do* [2, с. 108]. Эмфаза выделяет доверие к доктору, многолетнему помощнику семьи, которому открыли семейную тайну.

Драйзер использует данную конструкцию при описании воспитания Весты мистером Герхардтом. *When she got old enough to walk he it was who, with a towel fastened securely under her arms, led her patiently around the room until she was able to take a few steps of her own accord. When she actually reached the point where she could walk he was the one who coaxed her to the effort, shyly, grimly, but always lovingly* [2, с. 194]. Этот пример интересен тем, что синтаксический оборот (*he it was who*) совмещен с инверсией и синтаксическим параллелизмом.

В романах Драйзера относительно часто встречается предикативное выделение дополнения.

Мистер Герхардт жалуется Дженни на продавцов секонд-хенда. *It was only to her that he complained, for he could expect no sympathy from Lester* [2, с. 273].

Наиболее распространено у Т.Драйзера использование данного оборота с ремой в функции обстоятельства.

It is in such supreme moments that growth is greatest [2, с. 100]. С помощью этого оборота Драйзер подчеркивает внутренний рост Дженни через страдания.

It was during this illness that the first real contretemps occurred [2, с. 231]. Именно болезнь Лестера привела к печальным последствиям.

С помощью такого оборота может рематически выделяться даже целое предложение. Как правило, он выделяет трагические или драматические моменты жизни персонажей.

It was while Lester was in this mood, drifting, that he received a visit from Samuel E. Ross, a real estate dealer, whose great, wooden signs might be seen everywhere on the windy stretches of prairie about the city [2, с. 318]. Роковая встреча Лестера с агентом по недвижимости передается с помощью этой конструкции.

It was only when the storms set in and the winds of adversity blew and he found himself facing the armed forces of convention that he realized he might be mistaken as to the value of his personality, that his private desires and opinions were as nothing in the face of a public conviction; that he was wrong [2, с. 368]. Лестер глубоко переживает решение уйти от Дженни.

Усилительный глагол do – способ выделения, который присущ только простому глагольному и именному сказуемому и является довольно распространенным, особенно в сложных предложениях, когда необходимо подчеркнуть контрастность различных значений или действий, выраженных глаголами. При этом сказуемое получает весьма сильное отграничение от подлежащего во всех случаях. В этой функции усиления сказуемого глагол *do* (*does, did*) не имеет лексического значения и подобен усилительной частице. Ившин называет такое использование *do* «приглагольной ударяемой частицей», «ее исключительное значение и назначение - выражать предикативное ударение на сказуемом» [5, с. 225].

Первая характеристика главного героя Лестера Кейна дается с помощью этого приема: *I do think he's one of the nicest men I ever knew*" [2, с. 133].

Разговор мистера Герхардта и сенатора о репутации Дженни: «*Well, I care nothing for your people. I love your daughter, and I am here to see her because I do love her. It is my intention to marry her, and if your neighbors have anything to say to that, let them say it*» [2, с. 70]. С помощью эмфазы автор подчеркивает честность намерений сенатора.

Себастьян приехал на похороны отца и размышляет о судьбе Дженни: *Life surely did turn out queer. At one time he thought Jennie was a hopeless failure and no good* [2, с. 346]. Эмфаза подчеркнута наречием *surely*.

Реакция мистера Герхардта на предложение Себастьяна перевезти всю семью в Кливленд: *And Gerhardt did take this view of the situation* [2, с. 111]. Эмфаза маркирует опасения относительно решения отца и надежду на благополучие в новом городе, начало новой жизни.

Гортензия уговаривает Клайда купить ей пальто: "*Oh, isn't that the dearest, sweetest, cutest little thing you ever did see?*" she went on, her histrionic powers growing with her desire for it [1, с. 11]. Этот пример замечателен тем, что эффект эмфатического *do* усилен тремя прилагательными в сравнительной степени.

Этот прием иногда совмещается с инверсией. *And especially did this apply to the mystery which had now surrounded Esta for some time* [1, с. 85].

Грамматические средства создания эмфазы представляют собой наиболее частотную группу. Среди них есть наиболее распространенные (инверсия, повтор), средства с умеренной частотностью (эмфатический глагол *do*, параллелизм) и наименее распространенные (парцелляция). На частотность использования грамматических средств

создания эмфазы оказывают влияние также такие факторы, как стиль, коммуникативная цель высказывания и индивидуальный авторский почерк.

Библиография:

1. Dreiser T. An American Tragedy.- New York: Signet classics, 2010.- 866 p.
2. Драйзер Т. Дженни Герхардт: роман на английском языке. - Москва: Т8, 2014.- 424 с.
3. Драйзер Т. Финансист: роман на английском языке.- М.: Т8, 2014.- 540 с.
4. Зинатуллин В.Ш., Чибисова Е.Ю. Эмфаза в англоязычной литературе: способы выражения и принципы перевода / Филологический науки. Вопросы теории и практики.- 2009.- № 2(4).- с. 129-133
5. Ившин В.Д. Синтаксис речи современного английского языка (Смысловое членение предложения).- Ростов на Дону: Феникс, 2002.- 320 с.